УДК 87.111 **Майборода Р. В.**

ИРОНИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В СКАЗКЕ У. М. ТЕККЕРЕЯ «КОЛЬЦО И РОЗА»

В данной статье рассматриваются особенности английской литературной сказки на примере сказки У. М. Теккерея «Кольцо и роза», где основным является соединение развлекательного и поучительного содержания. Особое внимание уделяется роли иронии для достижения этой цели.

Ключевые слова: английская литературная сказка, развлекательная литература, поучительная литература, маска, ирония.

У статті розглядаються особливості англійської літературної казки на прикладі казки У. М. Теккерея «Обручка та троянда», де головним є поєднання розважливого та повчального змісту. Особлива увага приділяється ролі іронії для досягнення цієї мети.

Ключові слова: англійська літературна казка, розважлива література, повчальна література, маска, іронія.

The article analyzes the peculiarities of the English literary fairy-tale on the basis of W. M. Thackeray's fairy-tale «The Rose and the Ring», where the mail feature is the connection of entertaining and instructive contents. The special attention is paid to the role of irony for the achievement of this purpose.

Key words: the English literary fairy-tale, entertaining contents, instructive contents, mask, irony.

Литературная сказка, возникшая как самостоятельный жанр в других европейских литературах намного раньше (в середине XVIII в. во Франции, в начале XIX в. в Германии), в Англии получает свое развитие только в викторианскую эпоху. Это, конечно, не означает, что до середины XIX столетия в Англии вообще не существовало литературы для детей. По словам английского исследователя Хамфри Карпентера, к началу XIX в. в Англии существовало «…огромное количество детских книг, предназначенных исключительно для развлечения, и огромное количество детских книг, носивших морально-назидательный характер, но и то и другое практически не встречалось под одной обложкой» [6, с. 15]. При этом литература морально-назидательного тона преобладала и была, как правило, достаточно сухой и дидактичной. Ее главной целью было внушить ребенку определенные этические нормы и истины в соответствии с требованиями строгой пуританской морали: к примеру, что добросовестный труд всегда ведет к финансовому благополучию, а праздным и ленивым уготовано гореть в аду. К адресату такого рода литературы – ребенку – авторы обращались со всей серьезностью, видя в нем, прежде всего, будущего взрослого, и тональность этих назидательных поучений была далека от какой бы то ни было легкости и занимательности. Что касается развлекательного чтения, то оно было представлено в основном в виде дешевых изданий народных сказок, баллад и пересказов бродячих авантюрных сюжетов, в свою очередь, полностью лишенных дидактики.

Викторианским романтикам удалось соединить эти два начала – развлекательное и поучительное, сделав процесс детского чтения одновременно приятным и полезным, и ирония, по мнению К. А. Мнацаканян, сыграла в достижении этого синтеза далеко не последнюю роль [4, с. 117].

Подчеркнем, что ирония неизменно присутствует в том или ином виде практически в любой английской сказке и в силу этого составляет один из наиболее постоянных стилеобразующих признаков, присущих жанру в целом [4, с. 117]. Нужно отметить, что ирония, отсутствующая, как правило, в «сказовой» интонации фольклорной сказки, проникает в авторскую сказку почти с самого момента ее появления.

Не случайно большинство произведений этого жанра в английской литературе имеет «двойного адресата», поскольку они, во многом благодаря все той же неизменной иронии, оказываются одинаково интересными и притягательными как для детей, так и для их родителей.

Задача данной статьи – проанализировать иронию как стилеобразующий признак, присущий жанру английской литературной сказки. Объектом исследования становится сказка писателя-викторианца У. М. Теккерея «Кольцо и роза».

Казалось бы, что могло быть враждебнее духу волшебной сказки, чем эпоха викторианства с ее культом позитивного знания, религиозными запретами и моральной чопорностью? Но именно годы царствования королевы Виктории (1837-1901) стали временем возникновения английской литературной сказки, а ее творцом явились те, кого принято называть великими реалистами XIX века – Ч. Диккенс и У. М. Теккерей.

Это обстоятельство наложило на английскую сказку неповторимый отпечаток. Ее фантазийный мир удивительно похож на окружающий читателя мир. Перед ним сказка с героями, легко узнаваемыми в жизни, и таким обилием конкретных деталей, что не поймешь: то ли это повседневность, завладевшая сказкой, то ли сказка, внедрившаяся в повседневность. В этой сказочной стране тоже ездят в дилижансах, на дверях висят дверные молотки в виде забавных фигурок, неугодных сажают в Ньюгетскую тюрьму или Тауэр, а у ваксы, которой чистят сапоги сказочные принцы, привычное название «вакса Уоррена» [3, с. 11]. Слова эти сказаны о сказке У. М. Теккерея «Кольцо и роза».

Раздумывая над судьбой и характером своих героев, У. М. Теккерей часто набрасывал на бумаге их карандашные портреты, из которых рождались его иллюстрации. Сказка о кольце и розе так и появилась на свет – прямо из рисунков. Забавные фигурки, нарисованные У. М. Теккереем для знакомых детей (среди них были и его две дочери – пятнадцатилетняя Энни и тринадцатилетняя Минни), до того увлекли его самого, что ему захотелось придумать про них целую историю. Так, в 1854 г. было написано это произведение, изданное под псевдонимом М.-А. Титмарш.

Так как в центре данного исследования является ирония как неотъемлемый признак авторской сказки, то теперь рассмотрим на конкретных примерах наиболее часто встречающиеся способы выражения авторской иронии на материале данной сказки У. М. Теккерея.

Наиболее часто встречающимся видом иронического высказывания, особенно характерным для стиля сказки писателя-викторианца, является авторский комментарий. Пафос такого комментария может варьироваться от мягкого, лукаво-добродушного юмористического тона до едкого сарказма и язвительной сатиры. При этом автор охотно прибегает к традиционным для английской прозы приемам, скажем, к иронической литоте (understatement). Например, когда принцесса Анжелика лишается чувств, король приказывает полить на ее высочество из чайника, «… и действительно, кипяток скоро привел Анжелику в сознание» [5, с. 132]; или, наоборот, к гиперболе

(overstatement): «… однажды он (принц Обалду) даже танцевал в балете перед своими августейшими родителями и был до того хорош, что от любви к нему умерла его кузина, прелестная дочь повелителя Керсии» [5, с. 111] или «А о Перекориле они и думать забыли, как я про обед, съеденный год назад» [5, с. 95]. Авторский комментарий может иногда приобретать обобщающий и афористический оттенок. Так, к примеру, «Вот как легко нам себя обмануть! Как легко принять желаемое за должное!» [5, с. 95], «Было бы вдоволь утехи, а как расплачивается за это народ, монарха ничуть не заботило» [5, с. 97], «Как бы то ни было, а похвала всегда приятна даме, даже из уст самого что ни на есть уродливого мужчины или мальчика» [5, с. 117].

Так как события сказки разворачиваются в условно-сказочном пространстве, то характерным ироническим приемом становится введение подчеркнуто реалистической бытовой детали. Для У. М. Теккерея характерно частое упоминание в данном условно-сказочном художественном пространстве королевств Пафлагонии и Понтии продукции известных и популярных торговых марок, а также реалий, привычных и знакомых любому англичанину той эпохи: ваксы фирмы Уоррен, цирка Астли, зверинца Уомбуэлла или светлого пива компании «Басс-Чаррингтон». Подчас реальная деталь «вплетается» в перечень сказочных вымышленных образов и перечисляется в одном ряду с ними. Так, например, в списке наград, которых удостаивается придворный живописец, вместе с орденом Тыквы шестого класса и орденом Огурца (достаточно прозрачный намек на английские ордена Подвязки и Чертополоха) упоминается и реально существующая регалия: орден Св. Патрика, что, безусловно, усиливает иронический и пародийный эффект.

Еще одним часто встречающимся приемом является употребление говорящих имен, которые могут заключать в себе, например, ироническую характеристику персонажа: графиня Спускунет, король Заграбастала, принц Обалду, первый министр Развороль, барон Фокус-Покус, граф Окаян Удалой, капитан Атакуй, повар Акулинер. Иногда имена имеют подчеркнуто иностранное (чаще всего итальянское или немецкое) звучание, что особенно характерно для У. М. Теккерея, в чьих сказках силен пародийный элемент: король Храбус XXIV, король Кавальфор, лорды Бартоломео и Убальдо.

Ирония может проявляться и в речевой характеристике персонажей, поскольку диалоги и монологи практически всегда играют в литературной сказке важную функциональную роль и занимают, как правило, довольно значительный объем в тексте произведения. Речь того или иного сказочного героя часто бывает пародийна либо по отношению к определенным литературным штампам, либо по отношению к устойчивым моделям поведения. К примеру, король Храбус время от времени начинает сбиваться в своих монологах на пафосный белый стих, что сразу же отмечается и в ироническом авторском комментарии: «Ну мог бы разве бедный сей малыш, сопливый хныкалка, что был вчера при няньке и грудь просил и клянчил леденца, ну мог ли он короны тяжесть снесть? И мог ли, препоясавшись мечом монарших предков, выйти в поле, чтоб биться с этим мерзким супостатом?! Так его величество продолжал убеждать себя (хотя, разумеется, белый стих еще не довод)…» [5, с. 95].

Достаточно часто используемыми приемами в викторианской сказке являются также иронически-пародийное цитирование или подражание чужой манере. Как отмечает Н. М. Демурова, «в плане иронии сказки Диккенса и Теккерея ориентированы на второсортные образчики мелодраматической и приключенческой литературы, а также в известном смысле на собственные произведения… Ирония здесь прежде всего пародийна и самопародийна» [2, с. 299]. Использование пародируемых текстов и ироническое подражание манере того или иного автора может быть как скрытым (без упоминания цитируемого источника), так и явным: «Обладай я даром Д.-П.-Р. Джеймса, я бы в красках описал душевные терзания Храбуса, его сверкающий взор и раздутые ноздри, а также его халат, носовой платок и туфли. Но поскольку я не обладаю таким талантом, скажу лишь, что Храбус остался наедине с собою» [5, с. 94]. Стоит также отметить, что в данной сказке У. М. Теккерея можно найти скрытые и явные реминисценции и цитаты не только из второсортных литературных образчиков, но и, к примеру, из Шекспира, употребляемые в неизменно ироническом контексте: «Да, нелегко нам преклонить главу, когда она увенчана короной!» [5, с. 95] (цитата из пьесы Шекспира «Генрих IV»), «Разбойник тот – кто женщину обидит…» [5, с. 156] (слегка измененная цитата из пьесы английского драматурга Джона Тобина (1779-1804) «Медовый месяц»).

Таким образом, У. М. Теккерей в своей сказке умело соединил развлекательное и поучительное начало, что делает его произведение интересным и приятным как для детского восприятия, так и для восприятия взрослого человека. Сказка формирует у юного читателя образ положительного героя: доброго, умного, сильного, верного своему слову, а, главное, учит не бояться никаких трудностей, преодолевать их с гордо поднятой головой. Она содержит скрытую, ненавязчивую мораль, нравоучение: нельзя обманывать, быть жадным, предавать друзей. Главное: добро всегда побеждает зло. Близость с реальностью делает происходящие события более знакомыми, понятными для детей. Что касается иронии, то она пронизывает сказку У. М. Теккерея «Кольцо и роза» на лексическом и семантическом уровнях, совершенно не заслоняя морали и нравственно-этической направленности, помогает ребенку воспринять эту мораль в наиболее легкой, доступной и игровой форме, а взрослому читателю открывает простор для разнообразных образно-смысловых и литературно-философских ассоциаций и интерпретаций.

Источники и литература

1. Виппер Ю. Б. Курс лекций по истории зарубежной литературы XVII в. / Под ред. С. С. Игнатова / Ю. Б. Виппер, Р. М.. Самарин. – М.: Изд-во Моск. ун -та, 1954. – 814 с.

2. Демурова Н. М. Алиса в Стране чудес и в Зазеркалье / Н. М. Демурова // Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. – М.: Изд-во «Наука», 1991. – 359 с.

3. Кагарлицкий Ю. Почти как в жизни. Английская сказочная повесть и литературная сказка / Ю. Кагарлицкий.– М.: Изд-во «Правда», 1987. – 592 с.

4. Мнацаканян К. А. Ирония и способы ее выражения в английской литературной сказке викторианской эпохи / К. А. Мнацаканян // Вестник ПСТГУ. III: Филология, 2006.. – Вып. III: 2. – С. 116-122.

5. Теккерей У. М. Кольцо и роза, или история принца Обалду и принца Перекориля / У. М. Теккерей. – М.: Худ. лит-ра, 1978. – Собр. соч. в 12 т. – Т. 12. – С. 92-175.

6. Carpenter H. The Secret Gardens: The Golden Age of Children's Literature / H.Carpenter. – Boston: Houghton Miffin Company, 1985. – P. 15.

УДК 159.942.3+81'221+811.111+81'42 **Максименко Ю. В.**

ПРАГМАТИКА ЕМОЦІЇ ІНТЕРЕСУ: «ФАКТОР НАТОВПУ»

Статья посвящена изучению особенностей выражения эмоции интереса в толпе, причинам их наличия, функциям эмоции и средствам, которые служат для ее передачи, выполненному на материале современного англоязычного художественного дискурса.
Ключевые слова: эмоция интереса, дискурс, невербальные средства.

Стаття присвячена дослідженню особливостей вираження емоції інтересу в натовпі, причинам їх наявності, функціям емоції та засобам, які слугують її передачі, виконаному на матеріалі сучасного англомовного художнього дискурсу.
Ключові слова: емоція інтересу, дискурс, невербальні засоби.

The article studies the peculiarities of expressing the emotion of interest in a crowd, the reasons for their existence, functions of the emotion, and means that are used to communicate it. The study was done on the basis of the modern English fiction.
Key words: the emotion of interest, discourse, nonverbal means.

Емоція інтересу є однією з ключових у житті людини. Зарубіжні психологи присвятили не одне дослідження впливу позитивних емоцій на життєдіяльність людини, у тому числі й інтересу. Зокрема, дослідників цікавлять особливості вияву емоції інтересу [1], фактори, що викликають дану емоцію [6], її вплив на якість та тривалість життя [5] тощо. Загалом, важливість інтересу не викликає жодних сумнівів, проте проведені дослідження не беруть до уваги усіх аспектів функціонування емоції. Увага дослідників сконцентрована на індивідуальних виявах емоції та, наскільки нам відомо, не включає вивчення особливостей її вираження в умовах скупчення великої кількості людей. У лінгвістиці емоція інтересу до сих пір не одержала належного висвітлення.

Ми вважаємо, що дослідження особливостей прояву інтересу в натовпі необхідне для поглиблення нашого знання про природу емоції, адже опрацьований нами ілюстративний матеріал, відібраний із сучасного англомовного художнього дискурсу, вказує на існування суттєвих відмінностей у виявах інтересу в умовах міжособистісного спілкування та в натовпі. Наше дослідження буде виконано в рамках лінгвістики, проте ми вважаємо, що детальне психологічне дослідження могло б уточнити деякі отримані нами данні. Своєю **метою** ми вважаємо виявити особливості вираження емоції інтересу в натовпі на матеріалі англомовного художнього дискурсу. Задля досягнення цієї мети ми ставимо перед собою наступні **завдання**: окреслити причини існування особливостей вираження інтересу в натовпі, виявити засоби його вираження, дослідити функції інтересу в даній ситуації.

Інтерес може виражатись як експліцитно (завдяки використанню відповідних вербальних засобів, які прямо номінують емоцію), так й імпліцитно (описом поведінки зацікавленої людини/ людей). Прикладом експліцитного вираження емоції інтересу може слугувати даний фрагмент дискурсу:

«Death toll?» Hermione whispered, looking alarmed. But her anxiety did not seem to be shared by the majority of students in the Hall; many of them were whispering excitedly to one another, and Harry himself was far more interested in hearing about the tournament than in worrying about deaths that had happened hundreds of years ago [8, с. 187].

Тим не менш, у більшості розглянутих прикладів інтерес натовпу виражається саме імпліцитно, тобто завдяки опису його зовнішніх проявів.

Типовими **невербальними проявами інтересу** вважаються [1, с. 108-114]:

- фіксація погляду на об'єкті інтересу;
- припідняті або злегка зведені брови;
- привідкритий рот або стиснені губи;
- короткочасне пришвидшене серцебиття.

Крім того, до розповсюджених виявів інтересу також відносять:

- припіднята чи нахилена голова;
- вказівний жест на об'єкт інтересу, який може бути виконаний головою чи рукою.

Аналіз ілюстративного матеріалу свідчить про те, що важливість даних проявів інтересу в натовпі змінюється в порівнянні з ситуацією міжособистісного спілкування, на основі якої вони були виділені. Дані вказують, що типовими ситуаціями, в яких можна говорити про наявність інтересу в натовпу, є спортивні та розважальні події, певні інциденти, які передбачають скупчення великої кількості людей в одному місці. Очевидно, що однією з основних причин зменшення ролі вищенаведених проявів інтересу в натовпі є відсутність безпосереднього візуального контакту між партнерами комунікації, велика відстань між ними, що, тим не менш, не зменшує важливості передачі особистісного ставлення від одного комуніканта (натовпу) до іншого (окремої людини або групи).

Таким чином, індивідуальна міміка перестає бути надійним засобом передачі емоцій у таких ситуаціях, оскільки вона важко вловлюється на відстані та в натовпі, тому на перший план виходять інші засоби вираження інтересу: раптова тиша або, навпаки, гул голосів, масове перешіптування, оплески, окремі гучні вигуки тощо, що можна прослідкувати на наступних прикладах.

When Harry walked in there was a sudden hush, and then everybody started talking loudly at once. He slipped into a seat between Ron and Hermione at the Gryffindor table and tried to ignore the fact that people were standing up to look at him [11, с. 304].

There's a moment of silent relish, then applause followed by demands to see it again [4, с. 54].

The crowd parted, whispering excitedly; Lockhart dived forward, seized Harry's arm, and pulled him to the front. The crowd burst into applause [7, с. 60].

У випадку неорганізованого характеру ситуації (інциденти, аварії, пожежі, чиясь нестандартна поведінка тощо), тобто ситуацій, які не створені з розважальною метою, а виникають стихійно, сама присутність людей у певному місці, які спостерігають за даною ситуацією, свідчить про наявність інтересу.

When they arrived in the entrance hall, they found themselves unable to proceed owing to the large crowd of students congregated there, all milling around a large sign that had been erected at the foot of the marble staircase [8, с. 235].

Активні прояви інтересу за подібних обставин вважаються неввічливими, а тому свідомо контролюються людьми, хоча це відбувається не завжди, що можна побачити в наступному прикладі, де дивний зовнішній вигляд викликає у випадкових спостерігачів такі вияви їх інтересу як відкриті роти, тицяння пальцем та гучні вигуки, на відміну від досить стриманих прихованих поглядів та перешіптування, які є більш типовими для подібних ситуацій.

The covert glances and quiet murmurs I usually evoke are nothing compared to the reaction brought on by the sight of my bizarre-looking prep team. The gaping mouths, the finger pointing, the exclamations. «Just ignore them,» I tell my prep team [4, с. 37].

Відвертий вияв інтересу, хоча й вважається втручанням в особисті справи, часто стає дозволеним у натовпі, де подібна поведінка, очевидно, виправдовується своєю масовістю та анонімністю кожної окремої людини в ньому.

«There, look.»

«Where?»

«Next to the tall kid with the red hair.»

«Wearing the glasses?»

«Did you see his face?»

«Did you see his scar?»

Whispers followed Harry from the moment he left his dormitory the next day. People lining up outside classrooms stood on tiptoe to get a look at him, or doubled back to pass him in the corridors again, staring [11, с. 131].

Часто пасивне спостереження під впливом масового скупчення людей переростає в активне бажання наблизитись до об'єкта інтересу, сильного збудження, штовханини.

Everyone had got to their feet, and slowly they crowded around Harry and Ron's table, pressing close to Professor Trelawney's chair to get a good look at Harry's cup [10, с. 107].

Фіксований погляд є надійною ознакою наявності інтересу не лише в ситуаціях міжособистісного спілкування, але й у натовпі, адже він є несвідомою реакцією людини на цікаві події та явища.

[…] he could feel hundreds and hundreds of eyes upon him, as though each were a searchlight. The buzzing grew louder and louder. After what seemed like an hour, he was right in front of Dumbledore, feeling the stares of all the teachers upon him [8, с. 273].

Вказування пальцем на об'єкт інтересу, яке в нормальних умовах обмежується культурними нормами та вважається неввічливим, навпаки, як нам видається, втрачає ці обмеження в натовпі та стає досить розповсюдженим. Можемо висловити припущення, що це пов'язано зі знеособленням людини в натовпі, яке знімає з неї відповідальність за порушення правил етикету.

The people begin to point at us eagerly as they recognize a tribute train rolling into the city. I step away from the window, sickened by their excitement, knowing they can't wait to watch us die. But Peeta holds his ground, actually waving and smiling at the gawking crowd [3, с. 58-59].

Для розважальних заходів характерне поєднання інтересу з іншими емоціями, які відчуває публіка (радість, здивування, жах, співчуття тощо).

The chatter, the bustle, the noise died suddenly as the people in front spotted the hanging cat. Harry, Ron, and Hermione stood alone, in the middle of the corridor, as silence fell among the mass of students pressing forward to see the grisly sight [7, с. 139]. (Інтерес та жах).

I forget the rest of the gym and the victors and how miserable I am and lose myself in the shooting. When I manage to take down five birds in one round, I realize it's so quiet I can hear each one hit the floor. I turn and see the majority of the victors have stopped to watch me. Their faces show everything from envy to hatred to admiration [2, с. 106]. (Інтерес у поєднанні з заздрістю, страхом та захопленням).

Students all around had turned to watch. Some of them had gotten to their feet and were edging nearer to watch. Some looked apprehensive, others entertained [9, с. 646]. (Інтерес, тривога, задоволення).

Виявлення емоції інтересу в натовпі зазвичай виконує в англомовному дискурсі одну або кілька з наступних функцій: розважальну, емотивну, комунікативну, прагматичну, метакомунікативну, пізнавальну. На відміну від ситуацій міжособистісного спілкування, де пізнавальна функція є основною для інтересу, у натовпі першочерговою виявляється розважальна функція, про що свідчить суттєве кількісне переважання фрагментів дискурсу, у яких вона виявляється.

«I don't know.» I eye the procession of chariots. «Maybe we better go ahead and switch ourselves on.» We do, and as we begin to glow, I can see people pointing at us and chattering, and I know that, once again, we'll be the talk of the opening ceremonies [2, с. 97]. (Розважальна функція інтересу полягає в тому, що люди свідомо відвідують подію, яка здатна викликати в них інтерес та розважити їх).

«Frank!» cried several people. «Never!» […]

There was a rush to buy the cook drinks and hear more details.

«Always thought he was odd,» she told the eagerly listening villagers, after her fourth sherry [8, с. 2-3]. (Метакомунікативна функція інтересу, проілюстрована в даному фрагменті, виявляється в тому, що селяни заохочують кухаря поділитись цікавою для всіх інформацією, роблячи йому дрібні послуги).

None of the students were going to bed – they were all talking loudly and excitedly at the foot of the stairs about what they had witnessed [9, с. 722]. (Комунікативна функція інтересу виявляється в тому, що цікава подія стає предметом активного обговорення серед очевидців).

It was true that Harry was the subject of much renewed muttering and pointing in the corridors these days, yet he thought he detected a slight difference in the tone of the whisperers' voices. They sounded curious rather than hostile now, and once or twice he was sure he overheard snatches of conversation that suggested that the speakers were not satisfied with the Prophet's version of how and why ten Death Eaters had managed to break out of Azkaban fortress [9, с. 550]. (Емотивна функція інтересу виражається в виявленні позитивно-зацікавленого емоційного ставлення до людини).

The news about his shouting match with Umbridge seemed to have traveled exceptionally fast even by Hogwarts standards. He heard whispers all around him as he sat eating between Ron and Hermione. The funny thing was that none of the whisperers seemed to mind him overhearing what they were saying about him – on the contrary, it was as though they were hoping he would get angry and start shouting again, so that they could hear his story firsthand [9, с. 250].

(Прагматична функція інтересу в наведеному прикладі полягає в тому, щоб спровокувати хлопця на вибух емоцій масовим нав'язливим інтересом до його особи).

At the mention of the word «champions,» the attentiveness of the listening students seemed to sharpen. Perhaps Dumbledore had noticed their sudden stillness, for he smiled as he said, «The casket, then, if you please, Mr. Filch.» Filch, who had been lurking unnoticed in a far corner of the Hall, now approached Dumbledore carrying a great wooden chest encrusted with jewels. It looked extremely old. A murmur of excited interest rose from the watching students; Dennis Creevey actually stood on his chair to see it properly, but, being so tiny, his head hardly rose above anyone else's [8, с. 254-255]. (Пізнавальна функція інтересу, що є провідною в міжособистісному спілкуванні, відіграє в ситуаціях масового зібрання людей другорядну функцію, поступаючись своїм місцем розважальній. У наведеному фрагменті дискурсу її суть полягає в бажанні дізнатися імена шкільних чемпіонів змагання чаклунів).

Підсумовуючи, можна зробити висновок про наявність особливостей у вираженні емоції інтересу в натовпі в порівнянні з ситуацією міжособистісного спілкування. У натовпі інтерес виражається, окрім типових засобів, до яких належать фіксований погляд, привідкритий рот, вказівний жест, також засобами, які характеризують поведінку людини в натовпі: тишею, перешіптуванням, голосними вигуками, оплесками, штовханиною, спричиненою бажанням наблизитись до об'єкта інтересу тощо. Вираження інтересу в натовпі виконує в дискурсі, передусім, розважальну функцію, хоча також слугує для забезпечення пізнавальної, комунікативної, метакомунікативної, емотивної, прагматичної функцій інтересу, які є більш розповсюдженими в умовах міжособистісного спілкування.

У зв'язку з одержаними нами результатами, перспективним вважаємо дослідження особливостей вираження емоції інтересу в ситуаціях міжособистісного спілкування та в натовпі, виконане в рамках психології. Цікавим, на нашу думку, є окреслення більш повного переліку типових ситуацій, у яких виявляється емоція інтересу та їх детальне дослідження.

Джерела та література

1. Изард Э. К. Психология эмоций / Кэррол Э. Изард. − СПб.: Издательство «Питер», 1999. – 464 с.
2. Collins S. Catching Fire / Suzanne Collins. – NY : Scholastic Press, 2009. – 178 p.
3. Collins S. The Hunger Games / Suzanne Collins. – NY: Scholastic Press, 2008. – 366 p.
4. Collins S. Mockingjay / Suzanne Collins. – NY: Scholastic Press, 2010. – 178 p.
5. Fredrickson B. The Broaden-and-Build Theory of Positive Emotions / Barbara Fredrickson // Phil. Trans. R. Soc. Lond. B. – 2004. – № 359. – P. 1367-1377.
6. Litman J. A. Curiosity and the Pleasures of Learning: Wanting and Liking New Information / J. A. Litman // Cognition and Emotion. − 2005. – № 19 (6). – P. 793 – 814.
7. Rowling J. K. Harry Potter and The Chamber of Secrets / J. K. Rowling. – NY: Scholastic Press, 1999. – 342 p.
8. Rowling J. K. Harry Potter and The Goblet of Fire / J. K. Rowling. – NY: Scholastic Press, 2000. – 734 p.
9. Rowling J. K. Harry Potter and the Order of the Phoenix / J. K. Rowling. – NY: Scholastic Press, 2003. – 870 p.
10. Rowling J.K. Harry Potter and The Prisoner of Azkaban / J. K.Rowling. . – NY: Scholastic Press, 1999. – 436 p.
11. Rowling J. K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone / J. K. Rowling. – NY: Scholastic Press, 1998. – 309 p.

УДК: 81`42

Маслова Ж. Н.

АНАЛИЗ КОГНИТИВНОЙ ОСНОВЫ ТЕКСТА КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье предлагается краткое освещение методики когнитивной основы поэтического текста, разработанной в рамках когнитивной поэтики. Данная методика опирается на идею Л. Талми о разных функциях языковых единиц по отношению к концептуальной системе. Главная мысль методики в том, что основной смысл, логика текста формируется через грамматические элементы, дополнительный смысл – через лексические.

Ключевые слова: поэтический текст, когнитивный анализ, поэтическая картина мира.

У статті пропонується коротке освітлення методики когнітивної основи поетичного тексту, розробленої в рамках когнітивної поетики. Дана методика спирається на ідею Л. Талмі про різні функції мовних одиниць по відношенню до концептуальної системі. Головна думка методики в тому, що основний зміст, логіка тексту формується через граматичні елементи, додатковий сенс – через лексичні.

Ключові слова: поетичний текст, когнітивний аналіз, поетична картина світу.

The article offers an outline of method, where the cognitive base of the poetic text is analysed in the framework of cognitive poetics. This technique relies on the L. Talmy's idea about different functions of language units in relation to the conceptual system. The main idea of method is that the basic meaning, the logic of the text is formed by grammatical elements, an additional meaning – by vocabulary.

Key words: the poetic text, cognitive analysis, poetic picture of the world.

Даже самое небольшое стихотворение представляет собой лирический сюжет, ситуацию, а также определенную конфигурацию знания. Изучение поэтического текста в когнитивном аспекте позволяет рассмотреть репрезентацию структур мышления в языковых структурах. Для этих целей необходимо создание совокупности исследовательских приемов, позволяющих проанализировать принципы и механизмы ментальной обработки и хранения эмоционально-эстетического опыта через текстовые репрезентации.

В настоящее время разработано несколько теорий, формирующих подходы к методикам анализа текста. Это концептуальная теория метафоры, схем-образов [9], теория концептуальной интеграции [8]. В лингвокультурологии это методика концептуального анализа А. Вежбицкой [2], где ядерные компоненты культуры выделяются при помощи методики «ключевых слов»; методика Ю. С. Степанова [6, с. 55], направленная на анализ становления культурного концепта. Помимо методов концептуального, фреймового анализа [5, 7], концептуально-таксономического анализа приобретает актуальность когнитивно-матричный анализ [10, 1], предполагающий одновременное обращение к нескольким концептуальным областям. Предлагаемый анализ когнитивной основы поэтического текста – более системное изучение структуры текста.

Анализ когнитивной основы поэтического текста включает два этапа: сначала определяется структура – конфигурация постоянных грамматических элементов, составляющих основу текста. Затем производится анализ лексики стихотворения, изучаются механизмы создания образов, механизмы репрезентации индивидуально-авторских концептов. При реализации методики анализа ряды стихотворений демонстрируют похожие структурные схемы, в то время как лексическое наполнение отличается большим разнообразием.

В выработке общего алгоритма анализа была использована идея о разных функциях языковых единиц по отношению к концептуальной системе, предложенная Л. Талми. Говоря о концептуальной системе, которая кодируется в языке, Л. Талми выделяет две подсистемы: структурирующую (conceptual structuring system) и наполняющую конкретным содержанием (conceptual content system). Согласно Л. Талми [11, с. 165], в рамках когнитивной семантики происходит следующее разделение: лексическая система языка подвержена изменениям и образует «открытый класс» (open-class). В этот класс входят знаменательные слова. Грамматические и словообразовательные элементы гораздо более постоянны и они образуют «закрытый класс» (close-class). Сюда входят словообразовательные и словоизменительные элементы, предлоги, союзы, частицы, структурные схемы грамматического строя предложения, морфологические модели частей речи, порядок слов. Элементы первого класса наполняют схему уникальным содержанием. Основная функция элементов второго класса – структурирующая.

В структурирующей подсистеме Л. Талми выделяет четыре составляющие: Configurational System, Perspectival System, Attentional System, Force-Dynamics System [11, с. 195-199]. Так как поэтическая картина мира (ПКМ) имеет ту же природу, что и языковая картина мира, соответственно на уровне поэтического текста обнаруживается действие вышеперечисленных закономерностей. Продуктивна мысль Л. Талми о том, что вербализация концептов происходит упорядоченно. Например, основополагающие категории, такие как пространство и время, структурируют мир для человека и задают координаты, в которых происходит действие. Вследствие этого пространственно-временные категории находят выражение в грамматике текста. Существуют также категории и концепты, репрезентируемые преимущественно через лексику. Разделение языковых элементов на две взаимодействующих подсистемы служит основой для создания методики анализа поэтического текста в рамках когнитивной поэтики.

Когнитивная основа стихотворения формируется рядом подструктур или уровней, заполняемых лексикой, этот «каркас» может быть единообразным, но подходящим для разнообразного лексического наполнения. Через когнитивную основу концептуализируются самые существенные, базовые признаки ситуации. Через лексику выражено то, по отношению к чему структурирующий «каркас» в принципе нейтрален. Например, цвет, форма, размер. Эти качества объектов передаются через прилагательные (эпитеты).

Следовательно, при анализе текста осуществляется раздельное исследование лексических и грамматических характеристик текста, при этом когнитивная основа текста формируется на нескольких взаимодополняющих уровнях: *конфигурирующем уровне, уровне перспективы, уровне отношения, уровне силы-движения*. Уровни определяют характер взаимодействия концептуальных областей и концептов поэтической картины мира, а также выявляют особенности конфигурации эмоционально-эстетического знания при его репрезентации в поэтическом тексте.

На основании изучения процессов категоризации были выделены следующие значимые концептуальные области, для ПКМ: *человек, мир артефактов, природа, жанр* [4]. Ведущей когнитивной функцией поэтической картины мира является приведение систем «Я», «МИР» в равновесие, поэтому распределение концептуальных областей будет следующим: концептуальная область *человек* относится к системе «Я», концептуальные области *мир артефактов* и *природа* относятся к системе «МИР». Абстрактные сущности, такие как *любовь, судьба, грех, честь*, включены в концептуальную область *мир артефактов,* так как в сознании человека данные сущности объективированы. Непосредственные эмоции, чувства и переживания, имеющие субъективный характер (*я люблю*) включены в концептуальную область *человек*, так как репрезентируют эмоциональную реакцию на существование в мире. Концептуальная область *жанр* (поэтический) занимает особое место и является как производной от деятельности человека, так и средством репрезентации художественных концептов. Данная область, представляет собой некоторые кристаллизованные закрепленные варианты отношения к миру, сложившиеся в процессе развития творческого сознания.

Так как взаимодействие систем «Я», «МИР» предполагает событийность, а необходимыми элементами события являются место, время и участники ситуации, то уровни, формирующие когнитивную основу поэтического текста, распределяются: *конфигурирующий уровень* структурирует систему «МИР», *уровень перспективы* структурирует систему «Я», *уровень отношения* и *уровень силы-движения* определяют характер взаимодействия между двумя системами, который представлен когнитивными стратегиями: *Жрец, Ремесленник, Фокусник* [3].

В модели поэтического текста «основа + наполнение» структурирующая основа определяется репрезентацией *процессуально-относительных* и *событийных концептов*. Сюда же относится *иконический концепт*, который предполагает различное графическое расположение языковых знаков и пространственное расположение текста. Наполнение зачастую определяется репрезентацией *звукоритмических* и *предметных концептов, концепта-впечатления*.

Конфигурирующий уровень структурирует пространственные, временные характеристики, а также участников ситуации. На данном уровне вычленяются и анализируются концепты *пространства, времени, движения, точки, местоположения, протяженности, разделения*. Анализ на данном уровне дает представление об абсолютных и относительных особенностях пространственно-временных характеристик в данной поэтической модели мира, об объектах, осмысленных через пространственно-временное восприятие.

Уровень перспективы определяет положение репрезентаций авторского «Я», «Я»-координаты относительно других объектов, репрезентированных в тексте. На данном уровне подвергается анализу статус авторского «Я», степень его выраженности и активности, позиция, с которой рассказывается о ситуации, и положение в системе пространственно-временных координат. *Уровень отношения* структурирует и направляет фокус читательского внимания на объекты и детали поэтической ситуации. Языковые репрезентации концептов связаны определенными отношениями, которые моделируются через разнонаправленные силовые векторы. Векторы фиксируют

взаимодействие сил, создающих иерархию элементов поэтического текста. Схема распределения воздействующих сил отражает характер связи между системами «Я», «МИР».

Уровень силы-движения детализирует характер силового воздействия на объекты. Анализ языковых репрезентаций на данном уровне позволяет определить источник, степень и характер направленной силы. Анализ на данном уровне позволяет также выявить некоторые основополагающие представления человека о мире и собственном положении в мире, зафиксированные в поэтической картине мира. Например, признается ли человеком превосходство высших сил или его позиция мыслится независимой. Исследование на уровне силы-движения позволяет выявить не только абсолютные, но и относительные, культурно и национально обусловленные характеристики поэтической картины мира.

Следующий этап когнитивного анализа предполагает изучение художественных (поэтических) концептов, репрезентированных на уровне лексического наполнения текста. Данный анализ проводится с привлечением уровневой и валентной типологии художественных (поэтических) концептов [4]. Анализ на этом этапе направлен на выявление признаков существующего единства и согласованности между уровнями, рассмотренными выше, и лексическими репрезентациями.

В результате исследовательских процедур поэтический текст предстает как система взаимодействующих концептуальных и языковых элементов, выявляются механизмы формирования художественного смысла и концепта-гештальта – концепта, фиксирующего общий смысл поэтического текста. Анализ когнитивной основы поэтического текста позволяет изучать поэзию как объект когнитивной поэтики и дает возможность доступа к ментальным основам поэтического творчества.

В качестве примера рассмотрим стихотворение В. Тушновой «Зеркало»: *«Все приняло в оправе круглой / Нелицемерное стекло: / Ресницы, слепленные вьюгой, / Волос намокшее крыло, / Прозрачное свеченье кожи, Лица изменчивый овал, / Глаза счастливые... / Все то же, что только что ты целовал. / И с жадностью неутомимой, / Признательности не тая, / Любуюсь я твоей любимой... / И странно мне, что это... я».* – В результате взаимодействия всех концептуальных структур в процессе восприятия данного поэтического текста актуализируются концепты *ЖЕНЩИНА, ЛЮБОВЬ*, которые формируют *концепт-впечатление*.

Художественные концепты, репрезентируемые на уровне «наполнения», поддерживаются и структурируются когнитивной основой текста. На *конфигурирующем уровне* и *уровне перспективы* отмечается нахождение внутри объекта: *в оправе*. Время текста зафиксировано во временных формах глаголов, причастии настоящего времени, наречии: *целовал, приняло, любуюсь, тая, только что*. Пространство структурировано относительно конкретной точки, что означает включение «Я»-координаты в пространственно-временную сетку. «Я»-координата репрезентирована местоимением *я: «Любуюсь я твоей любимой... / И странно мне, что это... я».* В данном тексте характеристики пространственной организации модели поэтического мира сведены к минимуму, так как текст представляет собой фокусирование внимания на объекте, находящемся в границах другого объекта. Время лирического события обозначено настоящим, в котором актуализирован результат недавнего прошлого (*только что*). Движения объектов относительно друг друга не зафиксировано, поэтому ситуация рассматривается как статичная, на уровне «наполнения» статичность корреллирует с описанием внешних характеристик объекта.

Участники лирического события обозначены существительными и местоимениями, субстантивированным прилагательным: *стекло, лицо (ресницы, волосы, кожа, глаза, овал), я, ты, любимая*. Авторское «Я» репрезентировано не только местоимениями я, мне, твоей, но и прилагательным *любимой*. Словосочетание *твоя любимая* репрезентирует расподобление «Я»-координаты на субъект и объект. Объект заключен в границы другого объекта, субъект находится вне этих границ. В данном стихотворении используется лирический голос. Позиция авторского «Я» обозначенная, это позиция созерцателя, вербализованная через глаголы в активном залоге, которые не предполагают качественного изменения объекта (*любуюсь*). Отношения авторского «Я» с другими объектами представлены следующими схемами: Я – ОНО (стекло), Я – ОН (ТЫ), Я – Я (ОНА), Я – ОНИ (волосы, ресницы, кожа, глаза, овал). «Я»-координата сосредоточивает силовые векторы, связывающие ее с другими участниками лирического события. Схема Я – ОН (ТЫ) типична для стихотворений любовной тематики. Концепт *ЛЮБОВЬ* актуализируется также за счет концептов ритмико-фонетического уровня – репрезентации звука [л]. Звук [о] усиливает репрезентацию концепта *ЛИЦО,* сочетая в себе и метафорический и метонимический компоненты.

На *уровне отношения* и *уровне силы-движения* репрезентируется различный характер взаимодействия между участниками лирического события: стекло →*все, я* → *ресницы, волосы, кожа, глаза, овал; я* →*любимая; ты* → *ресницы, волосы, кожа, глаза, овал.* Силовое воздействие (*приняло*) не связано с изменением качества объектов. Созерцательная позиция авторского «Я» – через личные местоимения, личные глагольные формы, без активного воздействия на объекты, свидетельствует о том, что доминирует когнитивная стратегия *Жрец.*

На уровне «наполнения» данная стратегия репрезентируется поддерживающими статичность предметными метонимиями и метафорами. Метонимии: *глаза, лица овал, ресницы – девушка; стекло в оправе – зеркало*. Метафоры: *волос намокшее крыло, свеченье кожи*. В тексте представлены логические и метафорические эпитеты: *оправе круглой; нелицемерное стекло; ресницы, слепленные вьюгой; намокшее крыло; глаза счастливые; прозрачное свеченье; жадностью неутомимой; изменчивый овал*. В эпитетах выделяется модусный компонент, выделяющий субъективность авторского «Я». В тексте преобладает корреллирующая со статичностью пространственных характеристик репрезентация предметных концептов, которые принадлежат концептуальным областям *человек, мир артефактов, природа*. Переживание чувства любви репрезентируется через вещественные детали реального мира, очевидны попытки моделирования поэтического мира с опорой на физическую реальность.

В качестве вывода следует сказать, что анализ когнитивной основы текста вскрывает глубинные механизмы организации концептуального и языкового содержания поэтического текста и позволяет исследовать поэтический текст как результат деятельности творческого сознания.

Источники и литература

1. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 25-77.

2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.

3. Маслова Ж. Н. Анализ поэтического текста: три когнитивных стратегии / Ж. Н. Маслова // Проблемы языкового сознания. Серия: Когнитивные исследования языка Вып. VIII. – Тамбов, 2011. – С.72-75
4. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке: Монография / Ж. Н. Маслова. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – 280 с.
5. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
6. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с
7. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.
8. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks / G. Fauconnier, M.Turner // Cognitive Science. – Vol. 2 (2). – 1998. – P. 133-187.
9. Jackendoff R. Semantic Structures / R. Jackendoff. – Cambridge (Mass): The MIT Press, 1991. – 322 p.
10. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Theoretical Prerequisites / R.W. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – Vol. 1. – 516 p.
11. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics / L. Talmy // Concept Structuring System. – Vol. 1-2. – Cambridge, Massachussetts, London, England: The MIT Press, 2000.

УДК 811.111'42

Маслова Т. Б.

ЗАСОБИ ЗВ'ЯЗНОСТІ ТЕКСТУ ТА ДИСКУРСУ

В статье связность и целостность определяются как основные категории текста. С целью четкого разграничения этих понятий автор использует термины «когезия» и «когерентность». Автор анализирует принципы классификации различных видов когезии в современных исследованиях текста и дискурса.
Ключевые слова: текст, дискурс, связность (когезия), целостность (когерентность), виды когезии.

В статті наведено визначення зв'язності та цілісності як основних категорій тексту. Задля чіткого розмежування цих понять запропоновано терміни «когезія» та «когерентність». Проаналізовано принципи класифікації засобів когезії у сучасних дослідженнях тексту та дискурсу.
Ключові слова: текст, дискурс, зв'язність (когезія), цілісність (когеренція), засоби когезії.

Cohesion and coherence are defined as two basic categories of text. The author gives an overview of the classifications of cohesion types suggested in the leading research papers in the fields of text linguistics and discourse studies.
Key words: text, discourse, cohesion, coherence, types of cohesion.

На думку багатьох лінгвістів однією з основних категорій тексту є зв'язність (Н. С. Валгіна, І. Р. Гальперін, К. Я. Кусько, В. А. Кухаренко, Л. М. Мурзін, С. М. Рибачок, О. О. Селіванова, K. Brinker, T. A. van Dijk). Разом з тим проблема визначення типів зв'язності та їх систематизація не має однозначного розв'язання, оскільки текст є не тільки інформаційною та структурною єдністю, але також функціонально завершеним мовним цілим.

Мета даної статті – розмежувати поняття зв'язності (когезії) та цілісності (когеренції) і окреслити основні тенденції до класифікації засобів когезії у сучасних дослідженнях тексту та дискурсу.

Когезія (англ. *cohesion*) – це структурна зв'язність тексту, лінійна внутрішня організація тексту, яка досягається за допомогою різних мовних одиниць. Зокрема, вона охоплює формально граматичні зв'язки, що існують всередині тексту між реченнями, надфразовими єдностями, абзацами.

Когерентність (англ. *coherence*) – смислова зв'язність, цілісність тексту, яка полягає у логіко-семантичній взаємозалежності складових тексту, що розуміється як результат певної комунікативної ситуації, та їх співвіднесеності із знаннями учасників даної комунікації.

Розглядаючи текст як динамічне явище, як мовлення, «занурене в життя», як рух інформаційного потоку між комунікантами, можна вважати, що когерентність – текстово-дискурсивна категорія, яка визначається когезійними властивостями одиниць, актуалізованими у мовленні та обумовленими специфікою мовленнєвого жанру певного дискурсу [7].

Як зазначають науковці, наявність засобів когезії не завжди свідчить про те, що набір речень є зв'язним текстом і часом деякі тексти, які не містять формальних показників зв'язності, є цілком логічними і легко сприймаються реципієнтом (читачем). Проте в більшості випадків саме когезія є основою смислової єдності тексту та дискурсу. На думку О. Москальської «когерентність варто розуміти як цілісність тексту, що полягає у логіко-семантичному, граматичному і стилістичному співвідношенні, а також взаємозалежності речень, що його складають, причому основою когерентності є власне логіко-семантична когезія речень» [5, с. 46].

Звісно, не всі види когезії присутні в кожному тексті. Частотність вживання когезійних засобів та їх різновиди є однією з ознак характерних для внутрішньої організації текстів певного жанру [9, с. 222].

Роль когезії вивчається на стадії інтерпретації тексту, породження дискурсу або перекладу твору. Відповідно, класифікації засобів зв'язності тексту вітчизняних та зарубіжних авторів будуються за різними принципами.

В залежності від типу зв'язку, який досягається між елементами тексту, виділяють такі види зв'язності:

– формально-граматичні (сполучники, займенники, прислівники, артиклі, числівники, дієприкметникові звороти);

– логічні (прислівники та інші лексичні засоби, які відповідають логіко-філософським поняттям послідовності, часу, простору та причинно-наслідкових відношень);

– асоціативні (ретроспекція, конотація, суб'єктна-оцінна модальність та інші особливості структури тексту);

– образні (розгорнута метафора та інші стилістичні прийоми, які вимагають творчого переосмислення зв'язків між явищами);

– композиційно-структурні (порушення послідовності та логічності викладу у вигляді авторського відступу, вставок, часового або просторового опису подій, не пов'язаних з головною темою тексту);

– стилістичні (повторення стилістичних прийомів – таких як метафора, персоніфікація, порівняння, паралелізм, хіазм – з метою особливої організації тексту);

– ритмоутворюючі засоби когезії (анжамбеман, рима та інші явища поетичних творів).

Зауважимо, що формально-граматичні та логічні засоби когезії легко декодуються читачем і переважають у текстах наукового, публіцистичного та ділового характеру [2, с. 78-85].

У дослідженні лексико-граматичних та стилістичних характеристик прозового тексту науковці звертаються до класифікації, згідно з якою існують [6]:

– граматична когезія, представлена такими явищами як кореферентність (використання особових, присвійних, вказівних займенників); субституція (заміна іменників або словосполучень); еліпсис (пропуск іменників всередині номінальної групи, дієслова, частини речення); парцеляція (відокремлення неповних структур від повного речення, з яким вони логічно і функціонально пов'язані);

– лексична когезія, що найчастіше має форму повторів – анафоричного (повторення однакових виразів, слів на початку речення з метою посилення виразності й виділення важливої думки), дистантного (повторення слова чи фрази на початку та в кінці речення), контактного (повторення слів в кінці одного речення та на початку іншого) та лейтмотивного (повторення головної думки тексту);

– логічна когезія, яка реалізується в тексті у вигляді просторових зв'язків (прислівники місця та займенникові прислівники), часових відношень (прислівники часу та іменники із часовим значенням) і метонімії;

– стилістична когезія, яка досягається завдяки паралелізму (паралельні конструкції для об'єднання простих речень у складне), розгорнутим метафорам та порівнянням) [3].

Розглядаючи суто структурно-граматичний та лексичний зв'язок між елементами тексту, англійські лінгвісти М. Холлідей і Р. Хасан виділяють п'ять засобів когезії, які можуть з'єднувати слова та речення. Серед них:

1) Референція (англ. *reference*) лежить в основі заміни назви предмета, властивості або дії певними детермінантами, а саме особовими, присвійними, вказівними займенниками, службовими словами, що входять до складу порівняльних конструкцій (*same, more, less, equally*), артиклем (*the*) тощо. Референція є найпростішим і найпоширенішим видом когезії. Зв'язок між словом яке замінюється і словом, яке його замінює, може бути анафоричним, тобто вказувати на спільний референт дійсності з попереднього контексту, або катафоричним, якщо референт знаходиться в подальшому контексті.

2) Субституція (англ. *substitution*) передбачає заміну цілої групи слів або речень, причому той елемент який замінює належить до іншої частини мови. В англійській мові це такі слова як *one/ ones, do, so, nor/ neither*. Дієслівні групи зазвичай замінюються модальними та допоміжними дієсловами.

3) Еліпсис (англ. *ellipsis*) – це пропуск деяких структурних елементів, які мають домислюватися за контекстом. В англійській мові еліпсис можливий завдяки таким словам й виразам як *any, the first, both, all, each, either, Shall I?;*

4) Кон'юнкція (англ. *conjunction*) означає з'єднання елементів тексту за допомогою сполучників (*and, but, although, or*), коннекторів (*on the other hand, for this reason*) та навіть цілих речень (*I mean (that)…, It follows that…*);

5) Лексична когезія полягає у повторі слова чи словосполучення або вживанні лексичної одиниці, яка входять до спільної тематичної групи (синоніми, антоніми, гіпоніми та гіпероніми, т. д.) [10].

Класифікація когезійних засобів може також спиратися на розмежування внутрішньотекстових зв'язків за різними мовними рівнями:

– семантичному (співвіднесеність тексту із певним фрагментом дійсності);

– граматичному (закономірності узгодження елементів тексту згідно із законами мовної синтагматики);

– та прагматичному (особливості індивідуально-авторського стилю).

В результаті, виокремлюються:

– *логіко-семантичні зв'язки*, побудовані на повторенні інформації в різних фрагментах тексту, в різній кількості та різними лексичними засобами (повний повтор, частковий лексико-семантичний, тематичний, синонімічний, антонімічний, дейктичний повтор), а також універсальні логіко-смислові зв'язки, які виконують функцію співвіднесення окремих елементів тексту (сполучники найрізноманітнішої семантичної природи).

– *граматичні зв'язки*, які функціонують у вигляді повторів граматичних структур, узгодженні словоформ, синтаксичних конструкцій. Прикладами граматичних зв'язків є узгодження часових форм дієслова, вживання дієприкметникових зворотів, синтаксичний паралелізм, неповні синтаксичні конструкції (еліпсис, парцеляція, сегментація).

– *прагматичні зв'язки*, які закладені автором тексту згідно з його творчим задумом і розраховані на читача із певною культурною та літературно-художньою компетенцією, включають в себе асоціативні (образно-метафоричні, культурологічні, соціальні асоціації із іншими текстами, фактами історичного минулого, або подіями уявної дійсності), образні (епітет, метафора, порівняння) та стилістичні зв'язки [1, с. 182-194].

У класифікації, яку запропонувала О. О. Селіванова, зв'язність визначається як текстово-дискурсивна категорія і її різновиди виокремлюються залежно від типу інформації, яка актуалізується свідомістю комунікантів у процесі творення та сприйняття тексту.

Граматична зв'язність є експліцитно вираженою формальними показниками, такими як узгодження роду, числа, відмінка, часу, способу, виду, синтаксичних позицій, займенників тощо.

Семантична зв'язність полягає у вживанні однакових сем в групах сполучуваних слів, що врешті-решт формує тематично об'єднану текстову одиницю.

Ономасіологічна зв'язність є результатом повторення деривaційних компонентів слів, коренів та загального номінативного механізму творення одиниць.

Смислова зв'язність, а саме асоціативна та логічна, ґрунтується на когнітивних механізмах породження та сприйняття.

Образна зв'язність будується на асоціаціях, пов'язаних із зоровими, слуховими та тактильними відчуттями, отриманими з досвіду безпосередніх психічних переживань.

Конотативна зв'язність має семантично-смислову природу і відображає оцінку та емотивність, закладену в інформаційний простір автора тексту і читача.

Структурна або *композиційна зв'язність* існує між елементами композиції, що у загальному вигляді набуває такої форми: 1) експозиція, 2) зав'язка, 3) розвиток подій, 4) спад, 5) розв'язка, 6) епілог.

Референційна зв'язність співвідносить смисл тексту з буттям, з інформацією про навколишній світ та можливими ситуаціями дійсності.

Топікальна зв'язність є поєднанням різних смислових, тематичних ліній, які визначаються автором тексту.

Прагматична зв'язність є обов'язковою для існування дискурсу і охоплює налаштування на певний комунікаційний регістр, гармонізацію свідомості комунікантів задля розуміння та досягнення бажаного впливу.

Всі згадані типи зв'язності підпорядковані єдиній глобальній зв'язності тексту, яка здійснює перехід інтегрованої системи на вищий кодовий рівень – макрознаковий – і забезпечує зв'язок тексту із відповідною комунікативною ситуацією [8, с. 217-222].

Висновок. Текст є упорядкованою системою, в якій все взаємопов'язано і взаємообумовлено. Зв'язність та цілісність тексту є його основними ознаками. Цілісність тексту, яка у сучасній лінгвістиці отримала назву «когерентність», полягає у єдності його теми, включає семантико-прагматичні (в тому числі тематичні й функціональні) аспекти зв'язаності дискурсу і знаходить своє локальне вираження завдяки засобам внутрішньої організації тексту, або когезії [4, с. 33-37]. Когезія є типовою, хоча й не обов'язковою, ознакою зв'язного тексту і утворюється за допомогою низки структурних і лексико-семантичних засобів, які можуть вживатися в найрізноманітніших комбінаціях.

Засоби когезії науковці класифікують за різними ознаками. Загалом, можна виділити лексико-граматичні та стилістичні засоби когезії. Засобами граматичної когезії можуть бути займенники, прислівники, артиклі, числівники, а також певні граматичні явища, такі як еліпсис та парцеляція. Лексичними засобами когезії є повтори, синоніми, антоніми, гіпоніми та гіпероніми, слова одного лексико-граматичного поля тощо. Стилістичними засобами когезії вважаються розгорнуті метафори, персоніфікація, порівняння та паралелізм.

Оскільки когезія, тобто структурна зв'язність елементів тексту, є експліцитною і піддається певному вимірюванню, аналіз особливостей лексико-граматичних та стилістичних засобів когезії в межах тексту може дозволитись дослідити характеристики авторського стилю письменника, особливості певного жанру та дискурсів різного типу.

Джерела та література

1. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
3. Єфименко В. А. Дискурсивна характеристика потоку свідомості в англійській мові: автореферат дис. … канд. філол. наук / В. А. Єфименко. – К., 1997. – 16 с.
4. Кочан І. М. Лінгвістичний аналіз тексту / І. М. Кочан. – 2-ге вид., перероб. і доп. – К.: Знання. 2008. – 432 с.
5. Москальская О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М., 1981. – 183 с.
6. Огуй О. Д. Засоби когезії в романах Е. М. Ремарка: спроба кількісної репрезентації / О. Д. Огуй, Ю. В. Стецишин // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – 2007. – № 32. – С. 109-113.
7. Рибачок С. М. Термінологічна лексика як засіб когезії англомовного економічного тексту: автореф. дис... канд. філол. наук / С. М. Рибачок. – Запоріжжя, 2005. – 20 с.
8. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. – К. – ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с.
9. Стилистика английского языка: Учебник / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. – К.: Вища шк., 1991. – 272 с.
10. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. – Longman Group Ltd., London, 1979. – 374 p.

УДК 811.161.2: 81'373.43: 81'37:655.3.06: 001.4

Медведь М. М.

НЕОЛОГІЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНИХ ЯВИЩ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ВИДАВНИЧО-ПОЛІГРАФІЧНІЙ ТЕРМІНОЛОГІЇ

Статья посвящена исследованию лексико-семантических явлений в образовании неологизмов издательско-полиграфической терминологии современного украинского языка.

Ключевые слова: издательско-полиграфическая терминология, неологизмы, словари, терминосистема.

Стаття присвячена дослідженню лексико-семантичних явищ у творенні неологізмів видавничо-поліграфічної термінології сучасної української мови.

Ключові слова: видавничо-поліграфічна термінологія, неологізми, словники, терміносистема.

The article deals with lexico-semantic phenomena in coining terminologic neologisms of the publishing-poligraphic sphere of the modern Ukrainian language.

Key words: publishing-poligraphic terminology, neologisms, dictionaries, terminologic system.

В українській мові кінець XIX – початок XXI ст. відзначився великою кількістю лексичних і семантичних інновацій. На цей період припадає виникнення багатьох неологізмів, зумовлених насамперед позамовними чинниками, зокрема соціальними і політичними змінами в суспільстві, розвитком науки і техніки. Це викликало великий інтерес лінгвістів (див.: О. Тараненко, Г. Вокальчук І. Самойлова, А. Нелюба, Л. Мацько, К. Городецька, Т. Коць, Ж. Колоїз, О. Стишов, Н. Клименко, Є. Карпіловська, Л. Туровська, Д. Мазурик та ін.).

Актуальність дослідження поповнення видавничо-поліграфічної термінології неологізмами зумовлена відсутністю наукових досліджень входження нових слів згаданої терміносистеми і дає підстави стверджувати, що неологічний аспект розвитку термінології видавничої галузі та поліграфічного виробництва залишається малодослідженим, тому виявлення шляхів та методів поповнення новотворами видавничо-поліграфічної термінології стало основою нашої наукової розвідки.

Мета статті – виявити вплив лексико-семантичних явищ на творення нових слів та дати неологічну характеристику сучасної видавничої та поліграфічної термінології.

За твердженням О. Стишова, поняття неологізмів зводяться до двох формувань: 1) неологізми – це слова або мовні звороти, створені для позначення нового предмета, явища чи вираження нового поняття; 2) неологізми – слова, а також їхні окремі значення, сполучення слів чи вислови, які або з'явились в мові на певному етапі її розвитку і новизна яких усвідомлюється мовцями (загальномовні неологізми), або були вжиті тільки в якомусь тексті, ситуації спілкуванні чи в мові певного автора (стилістичні, або індивідуально-авторські, неологізми–оказіоналізми) [9, с. 75].

Та все ж за основу визначення «неологізм» лінгвісти беруть стилістичний критерій «відчуття новизни», хоча інші дослідники вважають неологізмами слова, не зафіксовані в словниках. О. Реформатський появу в мові нових слів теж вбачав в різних шляхах та за різних обставин: 1) винайдення слів зустрічається надзвичайно рідко, що вкотре підтверджує сталість мови та його словотворчих елементів; 2) творення нових слів відповідно до наявних моделей на базі існуючих в мові слів [7, с. 481]. (переклад наш, – М. Медведь).

За твердженням дослідниці нових слів в українській лексиці, автора словника-довідника «Нове в українській лексиці» Д. Мазурик, постійне оновлення лексичної системи української мови відбувається:

1) за допомогою морфологічних, морфолого-синтаксичних, лексико-синтаксичних способів творення слів (виникають нові слова);

2) внаслідок внутрішньої семантичної розбудови слова на базі метафори та інших переносів найменувань (виникають нові значення);

3) шляхом запозичання нових слів з інших мов (споріднених і неспоріднених);

4) шляхом повернення до активного вжитку слів, що донедавна входили в пасивний пласт лексики [3, с. 8].

Неологізми можуть бути розділені на: лексичні (нові слова); фразеологічні (нові стійкі словосполучення); семантичні (нові лексико-семантичні варіанти слів або нові семантичні варіанти стійких словосполучень). В окрему категорію можна виділити «словотворчі інновації», що матеріально втілюються в нових словотворчих елементах (у «нематеріальному вигляді» вони представлені також новими словотвірними моделями) [1, с. 6].

На думку Ю. Зацного, ознакою входження неологізмів у мову слід вважати їх здатність відтворення поза первісним контекстом, участь у семантичних і словотворчих процесах. Лексикологи вважають: для того, щоб потрапити в словники, неологізми повинні з'явитись у різних друкованих джерелах протягом цілого ряду років [1; с. 7].

О. Пономарів зазначає, що, крім новотворів для називання нових понять, неологізми з'являються й через те, що виникає потреба замінити вже наявну назву точнішою, зрозумілішою, такою, що більше відповідає фонетичним, лексичним, словотвірним та іншим нормам мови. Поряд із лексичними неологізмами з'являється чимало неологізмів семантичних, тобто слів, що здавна існують у мові, набуваючи нових значень [5, с. 78-79].

Творення нових слів активізується в найбільш бурхливі періоди історії, хоч і виникають у мові весь час. Видавнича справа та поліграфічна промисловість належать до тих галузей народного господарства України, які кардинально змінили свої технічні засоби виробництва з метою удосконалення найважливіших технологічних процесів, особливо відчутних протягом останніх трьох десятиріч. Разом із технічним прогресом галузі стрімко поповнилась новими термінами виробничо-технічна лексика видавців та поліграфістів. Це в основному назви знарядь виробництва, їхніх частин, назви трудових процесів, різні ґатунки сировини, професійні вислови тощо.

Початок друкарства сягає літописних часів. Відповідно до історії друкарської справи (кінець XV ст.), її термінологія протягом майже чотирьох століть залишалась сталою лексичною групою, хоча поповнювалась під впливом різних соціальних шарів, носіями різних соціальних ролей. Під друкарською термінологією слід розуміти термінологію ремісничого та мануфактурного періоду книговиробництва кінця XV – першої половини XIX століття. Розгалуження терміносистеми «друкарство» на дві самостійні терміносистеми «поліграфія» та «видавнича справа», ядровим шаром яких залишились традиційні друкарські терміни (з часу винайдення книгодрукування) припадає на кінець XIX – початок XX ст. Друковане слово довгий час залишалось надійним знаряддям невпинного розвитку освіти, науки, культури, всієї людської цивілізації, тому з перспективи всіх наступних досягнень, здобутих людством за допомогою поліграфічного способу поширення і зберігання інформації, особливо чітко вимальовується значення діяльності тих людей, які у неймовірно складних обставинах зробили перші кроки на ниві книгодрукування.

У східнослов'янських народів виникнення друкарства нерозривно пов'язане з іменами визначних першодрукарів Швайпольта Фіоля, Франциска Скорини, Івана Федорова, діяльність якого була особливо важливою для України. Геніальний першодрукар провів на Україні останнє десятиріччя свого життя, з його 12 відомих друкарських праць у цей час вийшли шість, що становить за обсягом понад 70% всієї його друкованої продукції. Федоровські видання поклали міцний фундамент для дальшого безперервного розвитку друкарства на Україні [2, с. 5].

Довгий час в українському мовознавстві не проводились спеціальні системні дослідження української друкарської термінології. Можна говорити лише про окремі епізодичні згадки у працях істориків книги і друкарства (Я. Ісаєвич, Г. Коляда, С. Маслов, І. Огієнко, П. Попов, Ф. Титов), дослідників російської друкарської лексики (М. Виноградова, М. Феллер) та палітурної справи (В. Калугін) [4, с. 5].

Упродовж 80-х рр. XX століття з'явились нові дослідження видавничо-поліграфічної термінології. Про це свідчать напрацювання таких відомих українських фахівців з видавничої, поліграфічної та пакувальної справи, як С. Гунько, О. Гавва, Ю. Жидецький, В. Запоточний, Є. Огар, В. Патрико, М. Тимошик, Б. Дурняк, О. Мельников, Л. Артюшин, В. Бабак, А. Гуржій, Г. Миронюк, Д. Василишин, С. Нечай, С. Ярема, М. Процик, В. Шевченко, В.Ткаченко та ін. Особлива заслуга в дослідженні української друкарської термінології належить Емілії Огар, яка вперше на матеріалі української мови реконструювала та описала прототерміносистему друкарства, вивчила її шляхи формування та функціонування. Результатом лінгвістичних досліджень Є. Огар став «Україно-російський та російсько-український словник-довідник з видавничої справи» (2002 р.). Продовженням дослідження, яке в основному торкнулось історії української видавничої термінології, основних тенденцій її розвитку та функціонування та упорядкування як системного утворення, займалась Марія Процик. І хоча львівська школа друкарських та видавничих термінологічних досліджень була започаткована в кінці XX століття, входження нових слів у терміносистему «видавнича справа та поліграфічна промисловість» нині залишається майже недослідженим тому і стало метою нашого наукового пошуку.

Характеризуючи масив видавничо-поліграфічних термінів зібраної картотеки, основою для якого стали матеріали перекладних та тлумачних термінологічних словників і довідників (наукових, навчальних, науково-популярних), а також періодичних видань із видавничої справи, поліграфії, книгознавства, бібліографознавства, бібліотекознавства, пакувальної справи та розповсюдження друкованої продукції, виявлено значний відсоток новотворів. Для дослідження семантики видавничо-поліграфічних термінів ми використовували один із пріоритетних методів – метод компонентного аналізу, а для з'ясування продуктивності словотворчих моделей – статистичний аналіз. Нами виявлено, що пріоритетом неологічного поповнення термінів та визначень у видавничо–поліграфічній лексиці залишається лексико-семантичний спосіб творення нових слів. Як приклад розглянемо слово ***«складання»***, що повернулось у мовний ужиток видавців та поліграфістів як призабутий український термін. Згаданий термін виник у час появи та розвитку українського друкарства і пройшов випробування кількасотлітньою історією. «… Адже, щоб скласти текст, треба було брати літеру за літерою з каси вкладати в спеціальну коробочку – верстатку, а проміжок між ними заповнювати пробільними елементами, які нижчі від літер. У верстатці складені літери утворюють слова і рядки, а рядки виставлені на легкі металеві підставки гранки… Так працювали Йоганн Гутенберг і Іван Федоров, так було протягом чотирьох віків [8, с. 44-45].

Протягом останніх десятиліть слово ***«складання»*** входить до термінологічних словосполучень: ***«комп'ютерне складання»*** – сучасний метод складання за допомогою настільних видавничих систем, який дозволяє готувати репродуктивний оригінал-макет при одному клавіатурному процесі, уникаючи коректурного обміну між видавництвом і друкарнею***, «графічне складання»*** – розроблення системи побудови і перетворення зображень**.** До речі, саме швидко прогресуючий розвиток поліграфічного процесу відправив у пасивний ужиток терміни ***«ручне складання»*** та ***«механічне складання».***

Динаміку розвитку терміносистем «видавнича справа та поліграфічна промисловість» простежимо на прикладі фіксації слів у фахових словниках. Перший галузевий словник був опублікований в Україні ще в 1969 році, укладачами якого стали В. І. Бова та М. П. Доломіно. «Короткий російсько-український словник поліграфічних і видавничих термінів» тлумачив приблизно 900 термінів, і хоч вихід у світ власне українського словника став вагомою подією для галузі, як зазначає М. Процик, бо, поповнившись значною кількістю номінацій, що позначали нові поняття (їх поява спричинена подальшим поступом видавничої справи і поліграфічної промисловості), творення нових термінів відбувалося таким чином, що український термін фактично повторював російський [6, с. 53].

Найпотужнішим періодом термінотворення у терміносистемі видавничої справи та поліграфії можна впевнено вважати кінець XX – початок XXI століття. Саме на цей період припадає стрімке технічне переоснащення галузей, яке кардинально вплинуло на технологію як видавничих, так і поліграфічних процесів. Розширення терміносистеми підтверджують вихід в світ ряд словників: «Українсько-російського та російсько-українського словника з видавничої справи» Е. І. Огар (2002) – містить тлумачення і переклади понад 3000 термінів, «Норми української науково-технічної мови. Тлумачний словник термінів з видавничої, поліграфічної та пакувальної справи» за колективним авторством П. М. Таланчука, С. Я. Яреми, Ю. М. Коровайченко, С. М. Яреми, В. С. Моргунюка (2006) – містить 4800 термінів і визначень, «Український тлумачний словник видавничо-поліграфічної справи» укладач П. О. Киричок та інші (2011) – містить 4500 термінів та їх визначень.

Найвагомішим чинником, що спричинив ряд змін у термінополях видавничо-поліграфічної терміносистеми, стала комп'ютеризація галузі. Розвиток видавничої справи з використанням цифрових технологій для створення, виготовлення, монтажу більшості друкованих продуктів спричинив кардинальні зміни у технології друку та викликав бурхливе влиття в мову редакційно-видавничих комп'ютерних термінів. Лише виданий у 2006 році «Англо-український тлумачний словник редакційно-видавничої комп'ютерної термінології» (В. Шевченко) нараховує понад 5000 слів, словосполучень і скорочень найпоширеніших термінів, які вживаються у комп'ютерних програмах опрацювання текстової та зображувальної інформації. Особлива заслуга згаданого словника в тому, що його автор, поряд із перекладом, дає коротке тлумачення призначення або функції термінів та команд комп'ютерних програм, які застосовуються у процесі опрацювання авторського оригіналу та перетворення його на друкований твір. Приблизно 80% статей словника – нові терміни, які увійшли у видавничо-поліграфічну галузь як визначення технічних засобів комп'ютеризованих видавничих систем, адже сучасні технологічні процеси виготовлення друкарської продукції характеризуються високим ступенем автоматизації на всіх видавничо-друкарських етапах.

Аналізуючи причини появи нових слів видавничо-поліграфічної галузі, спираючись на поняття семантичної структури слова, зазначимо, що значна частина лексичних неологізмів – це семантичне переосмислення, набуття словом нового значення чи функції. Семантичні модифікації слів демонструють загальні тенденції розвитку сучасної української мови, які забезпечують можливість її збагачення, функціонального удосконалення, закріплюючи інновації як органічні елементи системи мови.

Джерела та література

1. Зацний Ю. А. Інновації у словниковому складі англійської мови початку XXI століття: англо-український словник / Ю. А. Зацний, А. В. Янков. – Вінниця: Нова книга, 2008. – 360 с.

2. Ісаєвич Я. Д. Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні / Ярослав Дмитрович Ісаєвич. – Львів: ВО «Вища школа» при ЛДУ, 1975. – 151 с.

3. Мазурик Д. В. Інноваційні процеси в лексиці сучасної української мови (90-і роки XX ст.) : дис. … канд. філол. наук : 10.02.01 «Українська мова» / Данута Володимирівна Мазурик. – Львів, 2002. – 211 с.

4. Огар Е. І. Українська друкарська термінологія: формування та функціонування: дис. … канд. філол. наук: 10.02.01 «Українська мова» / Емілія Ігорівна Огар. – К., 1996. – 162 с.

5. Пономарів О. Д. Стилістика сучасної української мови : [підручник] / О. Д. Пономарів. – Тернопіль: Навчальна книга – Богдан, 2000. – 248 с.

6. Процик М. Р.Сучасна українська видавнича термінологія: дис. … канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Марія Романівна Процик. – К., 2006. – 254 с.

7. Реформатский А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.

8. Розум О. Ф. Таємниці друкарства / Олег Федорович Розум. – К.: Техніка, 1980. – 143 с.

9. Стишов О. А. Динамічні процеси в лексико-семантичній системі та словотворі української мови кінця XX ст. (на матеріалі мови засобів масової інформації): дис. … докт. філол. наук : 10.02.01 «Українська мова» / Олександр Анатолійович Стишов. – К., 2003. – 539 с.

УДК 81’1=16+81’ 373.2+81’ 373.21 Мелещенкова М. В.

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ АДРЕСАНТА НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСПЕШНОСТИ КОММУНИКАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЯСНИТЕЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ

Проблемы пояснительной номинации рассматриваются в аспекте концептуализации и в конкретных ситуациях общения говорящего и слушающего. Выявляется специфика рассматриваемого феномена, которая базируется на разных основаниях и в связи с этим приобретает различные модификации. Показана необходимость применения более частных критериев классификации повторной номинации. Повтор выполняет прагматическую функцию – эмоционального воздействия на адресата, так как содержит яркий эмоционально-оценочный компонент, способствует приобщению к миру субъекта и пристрастий субъекта речи. Говорящий прибегает к использованию ассоциативно-образных связей для достижения коммуникативного эффекта.
Ключевые слова: концептуализация, ментальность, повторная номинация, эмоционально-оценочный компонент.

Проблеми пояснювальної номінації розглядаються в аспекті концептуалізації і в конкретних ситуаціях спілкування мовця і слухача. Виявляється специфіка аналізованого феномена, яка базується на різних підставах і в зв'язку з цим набуває різні модифікації. Показана необхідність застосування більш приватних критеріїв класифікації повторної номінації. Повтор виконує прагматичну функцію – емоційного впливу на адресата, тому що містить яскравий емоційно-оцінний компонент, сприяє залученню до світу суб'єкта і пристрастей суб'єкта мовлення. Промовець вдається до використання асоціативно-образних зв'язків для досягнення комунікативного ефекту.
Ключові слова: концептуалізація, ментальність, повторна номінація, емоційно-оцінний компонент.

The problems of the explanatory nomination are considered in the aspect of the conceptualization and communication in specific situations of the addressee and addresser. The specificity of this phenomenon, which is based on different grounds, and therefore takes a variety of modifications is revealed. The necessity of using more specific criteria for the classification re-nomination is shown. The repeat serves a pragmatic function – the emotional impact on the recipient, since it contains a vivid emotional and evaluative component contributes to the world attached to the subject and the subject of the speech preferences. The speaker resorts to the use of associative links shaped to achieve communicative effect.
Key words: conceptualization, mentality, re-nomination, emotional and evaluative component.

К началу XXI века в лингвистике широкое распространение получил функционально-коммуникативный подход к исследованию языковых явлений, который характеризуется многоаспектностью, охватом единиц разных уровней языковой системы, построением процесса обучения языку адекватно модели естественного речевого общения. В этом ракурсе одной из важнейших функций, непосредственно отражающих связь языка с человеком и решающих проблемы, обусловленные человеческим фактором, является когнитивная функция, которая осуществляет сложное взаимодействие языка и мышления, рассматриваемое на современном уровне лингвистических знаний в аспекте концептуализации, обобщения ментального опыта человека. Такая функция способствует созданию понятийной, концептуальной картины мира и обусловливает формирование знаний субъекта и накопление общественного опыта.

Когнитивная лингвистика, изучая способы представления различных типов знания в языковых выражениях, опирается на положение когнитивной психологии о различных структурах хранения и обработки знаний в мышлении человека, поэтому в этом аспекте все языковые явления рассматриваются как своеобразные пласты опыта человека, передающие различные типы знаний о действительности. В лингвистике разрабатываются модели, раскрывающие отношение языка к опыту человека и механизмы формирования, хранения и передачи знаний.

Подчеркнем, что при «личностно-деятельностном» подходе (термин Т. Г. Винокур) [1, с. 45] к изучению единиц общения речевая деятельность человека рассматривается в контексте конкретной ситуации. В ситуации общения ставятся проблемы, связанные с целью и результатом речевого действия, влиянием речи на адресата, уместностью высказывания в данных условиях, адекватностью выбора языковых средств для достижения определенного эффекта. Поэтому важными компонентами прагматического анализа компонентов, выражающих то или иное значение, являются и взаимодействия говорящих, находящихся в языковом контакте, и уровень их знаний и мнений, и намерения говорящего, и ситуация, учитывающая место и время, в которой осуществляется речевой акт, и обогащение собственно человеческого содержания разных понятий «множеством оттенков эмоционально-психического характера, в связи с социальными условиями жизни и быта человека» [2, с. 97]. Все эти факторы, связанные с условиями речевой коммуникации, регулируют и даже определяют речевое поведение коммуникантов.

Исследователи единодушны в том, что коммуникация включена в социальное отношение общающихся. Это две неразрывные стороны речевого взаимодействия. Как только человек вступает в контакт с другим человеком, он сразу же оказывается включенным в систему социальных отношений, с этого момента он необходимо должен оформлять свою деятельность по некоторым правилам, реализующим эти социальные отношения. Вот почему речевое взаимодействие – это намеренное целенаправленное речевое воздействие, сориентированное на объект и имеющее целью изменить его поведение. Воздействие на человека представляет собой комплексное влияние на его эмоциональную и рациональную сферу сознания и поведения.

Когнитивный аспект анализа ситуаций связан с общей характеристикой высказывания и с отдельными ее аспектами. В сферу исследования в таком случае будут вовлечены эмоционально-экспрессивный и оценочный элементы как наиболее яркие представители прагматического значения. Действительно, говорящий, оформляя результаты мыслительной работы в виде высказывания и передавая их собеседнику, всегда выражает свое внутреннее состояние, отношение к сообщаемому и к партнеру. Высказывание передает определенное содержание, являющееся сплавом информации и субъективной оценки, и производит заданный прагматический эффект.

Интересно проследить факт использования пояснительных номинаций в конкретных ситуациях общения говорящего и слушающего. Поскольку направленность на адресата играет важную роль в организации высказывания, когда акт высказывания характеризуется подчеркиванием устанавливаемого в речи отношения к партнеру, т. е. говорящий и адресат вовлечены во взаимное действие с точки зрения того, насколько говорящий активно воздействует на ход событий. При семантическом анализе рассматриваемой ситуации следует учитывать то обстоятельство, что большой объем информации, представляющей собой достоверное знание накопленных фактов

реальной действительности, остается в имплицитном виде, т. е. присутствует в сознании коммуникантов, образуя пресуппозицию. В рассматриваемых ситуациях говорящий, давая свою мотивировку относительно существования логических связей, использует ранее достигнутое знание, накопленный жизненный опыт, т. е. ту часть знания, которая входит в область пресуппозиций, а также заключенную в компонентах информацию о реальном событии, подтверждающую достоверность пресуппозиционного знания. Ведь говорящие вступают в общение, обладая различными, но соизмеримыми запасами знаний мира и языка (тезаурусами), системами ценностей и социальных установлений, которые регламентируют их поведение. Часть знаний относится непосредственно к акту общения и представляет собой достоверные и гипотетические суждения о ситуации, участниках, предмете и жанре, мотивах и целях общения. Как отмечает М. В. Никитин, «в совокупности все указанные моменты составляют значимый фон коммуникации, своего рода экологическую среду, в которой реализуется высказывание. Взаимодействие эксплицитного значения высказывания с его значимым фоном развертывается в широком диапазоне: высказывание своим эксплицитным значением либо добавляет нечто к значимому фону, либо вступает с ним в конфликт» [3, с. 44-45].

Таким образом, на основании факта реальной действительности с привлечением «фонда общих знаний», при помощи логической операции опосредованно выводится новое знание, отражающее реальную действительность не прямо, а опосредованно.

В высказываниях с рассматриваемыми нами предикатами выделяются два плана: план действующего субъекта и его действия и план оценивающего субъекта и его оценки. В структуре текста эти два плана определенным образом взаимодействуют. В высказываниях, порожденных человеком, находит отражение не только мир внешний, в котором он живет, но и мир внутренний, чувств. Человек воспринимает реальный мир через призму своего опыта, воспитания, культуры, мироощущений. В этом ракурсе и пояснительная номинация может восприниматься не только как обозначение факта. Прислушавшись к голосу субъекта, мы можем обнаружить за простой номинацией событий жизнь человеческого духа, личность в ее сложности, многогранности, человека думающего, оценивающего, призывающего.

Важнейшая особенность таких пояснительных номинаций как одного из видов коммуникативной деятельности является их целенаправленная ориентация на обеспечение успешности коммуникации путем устранения нарушений при формировании значения и структуры высказываний. Стратегия говорящего сводится к контролю над ситуацией: проверке соответствия реализации коммуникативному замыслу, прогнозирование «концепции» адресата, поэтому для адекватного понимания сообщаемой информации адресатом сам адресант в результате мыслительно-языковой операции старается устранить возможное тождество, неоднозначность, неполноту объекта, что связано с «эгоцентрическим способом мышления». Ведь известно, что говорящий вначале в процессе речи называет наиболее яркие, приходящие на ум в начале, и наиболее известные ему, но не известные адресату признаки объекта. Затем, задумавшись о степени осведомленности адресатом объекта, о возможности его неадекватного восприятия или осмысления, говорящий вынужден достраивать языковую форму до коммуникативно релевантной. Сразу отметим, что в прагматическом плане второе обозначение обязательно несет новую информацию, поэтому необходимость второй экспликации коммуникативно оправдана, по крайней мере, тремя мотивами: сообщаемое в первой части, во-первых, не вполне точно и адекватно, во-вторых, точно и адекватно, но недостаточно ясно или облечено в необычную словесную форму и потому требует толкования; в-третьих, отвлеченно, обобщенно и потому также требует иллюстрирующего, конкретизирующего комментирования. Значение пояснения базируется на разных основаниях и в связи с этим приобретает различные модификации.

В связи с тем, что семантическая структура высказывания многоаспектна и в ней могут быть выделены референциальный, модальный, прагматические аспекты, можно рассмотреть аспектуальную семантику глаголов совершенного вида в контексте выражения разнообразных оттенков смысла наглядно-примерной ситуации как типовой содержательной структуры, обобщающей различные типы образного представления повторяющегося и обычного действия на основании одного из многих актов повторения, дающего представление о других подобных актах [5, с. 48]. Так, например, высказывания с частицей «бывало» воспроизводят события не просто прошлого, а как бы давно минувшего, в котором план прошлого времени настолько отодвинут от настоящего, что в его пределах представляется возможным изображать повторяющиеся действия не только как протекавшие когда-то, но и как развертывающиеся перед мысленным взором говорящего лица. В таких высказываниях используются квалификаторы «мемуарной ориентации» (*бывало, помнится*), которые предполагают адресата, которому говорящий стремится воссоздать яркую картину прошлого, интерпретируя свою оценку: ссылаясь на свойства памяти, которая предстает здесь как источник информации, говорящий как бы предупреждает, что достоверность сообщаемого не может быть гарантирована. Все факты, когда-то наблюдаемые говорящим, восстанавливаются по памяти говорящим: отбор фактов, деталей и одновременно их субъективно-оценочное представление он дает при помощи форм совершенного вида глагола в наглядно-примерном значении. Автору свойственна повышенная степень заинтересованности в воссоздании доходчивости картины, например: «*Так вы знали мою Дуню? – начал он. – Кто же и не знал ее? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили ее, та платочком, та сережками*» (А. Пушкин. Станционный смотритель). Конкретный выбор и использование повторной номинации связывается с самим говорящим, его интенцией, что предполагает непосредственный учет спонтанности момента, а не только тех лингвистических признаков, которые являются по существу «склеротическими отложениями интенционального процесса, знаками, оставленными на пути живой работы интенции» [4, с. 123; 5, с. 38-39; 6, с. 29].

Такое изображение действия связано с «неравнодушной» позицией говорящего к описанной ситуации. Надо отметить, что «субъективное эмоционально-оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания» М. М. Бахтин считал неотъемлемым элементом высказывания. Однако он замечает, что в разных контекстах экспрессивный момент имеет разную степень силы, но он есть повсюду: «абсолютно нейтральных высказываний невозможно» [4, с. 132]. Высказывания, в которых передаются намерения субъекта объяснить свое речевое поведение, представляют собой экспрессивную модель передачи объективного содержания. Здесь позиция говорящего проявляется в виде метатекста, поэтому в высказывании содержатся как бы два яруса: первый ярус – информация о временной соотнесенности событий, второй ярус – рассуждение автора по поводу этих событий. Так, например, в собственно отождествительных высказываниях с союзом «*то есть*» с точки

зрения говорящего необходима интерпретация того или иного факта, явления, определение его значимости, оценка, выявление скрытого содержания. К этому союзу говорящий прибегает в том случае, если он «проясняет» предложенное первоначально наименование путем перевода его в иную систему номинации. Наблюдается отношение «приблизительного равенства», компоненты соотносятся с одним и тем же (общим) денотатом, однако сразу отметим, что такое двойное обозначение не избыточно. Оно всегда функционально оправдано. Выбор такой формы экспликации денотативной ситуации может быть обусловлен еще и тем, что автор, заботясь о более полном и точном восприятии денотативной ситуации, приводит два разных ее изображения, выделяя различные аспекты ее существования и пользуясь при этом методом конкретизации или, наоборот, методом обобщения. Например: «*Дворянство Московской Руси представляло собой «служилый класс», **то есть** состояло из профессиональных слуг государства, главным образом военных»* (Ю. Лотман. Беседы о русской культуре). Как видно из примера, при выборе такой формы отражения ситуации автор стремится, прежде всего, к точности, адекватности, образности создаваемого им вербального изображения. Союз «*то есть*», помогая выражать пояснительные отношения, объединяет собою различные по структуре компоненты, но в смысловом отношении тождественные в пределах данной ситуации, естественно тогда, что одна и та же мысль дублируется или варьируется с коммуникативными целями, чтобы она стала более ясной, точной. Подобное отношение говорящего к обозначаемому свидетельствует об определенной коммуникативной интенции субъекта речи: он оказывает на адресата эмоциональное воздействие, приглашая его к совместным размышлениям, реминисценциям, ассоциациям.

Повтор глагола – это двойная актуализация значения. Повтор может быть продиктован объективными закономерностями регулярного развертывания связной речи, требующей повторения одних и тех же смысловых элементов в целях более полного выявления их семантики: например: «*Лиза **сияла** – **сияло** ее лицо, обычно бледное, унылое, **сияли,** захлебываясь от радости, глаза, **сияла** под голубенькой кофточкой прогнувшаяся грудь – **сияло** все, **сияла** вся, **сияла** вовсю»* (В. Распутин. Живи и помни). Динамический характер значений обусловливает их скопление в особо острых текстовых ситуациях, одновременно используясь как средство выражения авторского отношения к событиям, создания эффекта сопричастности с ними. Широко используются как средство передачи психологических, нравственных признаков, оценок, что связано с их ориентацией на мир познающего субъекта.

Итак, можно констатировать, что художественный текст вообще обладает повышенной семантической насыщенностью, которая создается за счет использования дополнительных каналов информативности, в том числе за счет повторных номинаций. Здесь говорящий использует повторную номинацию тогда, когда автор, стремясь к более полному и яркому отражению денотативной ситуации, прибегает к использованию ассоциативно-образных связей для достижения коммуникативного эффекта. Системное в семантическом и прагматическом отношении описание таких высказываний дает представление о реальном функционировании синтаксических конструкций. Говорящий избирает ту или иную языковую форму, руководствуясь определенной интенцией, ибо он заинтересован в том, чтобы адресат как можно быстрее и точнее опознал его намерение. Ведь речевые интенции проходят этап формирования от системы мотивов до конкретного коммуникативного намерения говорящего.

Источники и литература

1. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 2009. – 172 с.

2. Арварт Н. Н. Концептосфера лексемы душа в русском языке / Н. Н. Арварт // «Русское слово в мировой культуре». Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. – Санкт-Петербург: Политехника, 2003. – С.94-98.

3. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – Санкт-Петербург: Научный центр проблем диалога, 2010. – 760 с.

4. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит-ра, 1986. – 541 с.

5. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале рус. яз. / Рос. Академия наук. Ин-т лингвистических исследований / А. В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

6. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 528 с.

УДК: 811.111’367.335 **Мельник Ю. П.**

ПОЛІЦЕНТРИЧНЕ ПОЛЕ ТАКСИСУ У СТРУКТУРІ МАКРОПОЛЯ ГІПОТАКСИЧНОЇ КОНСТРУКЦІЇ

В статье рассматривается полевой подход, который используется для исследования сложноподчиненного предложения, рассматривается синтаксическое микрополе предложения и анализируется реализация связей центр-периферия полицентрического поля таксиса в макрополе сложноподчиненного предложения.

Ключевые слова: синтаксическое поле, макрополе, ядро, периферия, таксис.

У статті йдеться про польовий підхід, що використовується для дослідження складнопідрядного речення, розглядається синтаксичне макрополе речення та аналізується реалізація відношень центр-периферія поліцентричного поля таксису у макропорі складнопідрядного речення.

Ключові слова: синтаксичне поле, макропіле, ядро, периферія,таксис.

Thearticledealswiththefieldinvestigation method used for studying complex sentence. Syntactic macrofield of a sentence is in the focus of attention as well as the realization of relations «centre-periphery»of polycentric field taxis within the complex sentence.

Key words: syntactic field, macrofield, periphery, taxis.

У сучасній лінгвістиці інтенсивно досліджуються як окремі мовні поля, так і польовий характер мови у цілому. Дослідження, що проводяться показують ефективність польової моделі мовної структури, яка представляє систему мови як безперервну сукупність полів, які трансформуються одне в одне своїми периферійними зонами та мають багаторівневий характер. Польова концепція мови дає змогу вирішити цілу низку питань, які є невирішуваними в рамках традиційної стратифікаційно-рівневої концепції [5, с. 7].

Кожна риса «польового підходу» так чи інакше пов’язана із лінгвістичною традицією. Остання обходилася без самого терміну «поле». Але тут помічалося та розроблялося багато з того, чим займається теорія поля нині.

Якісна специфіка «польового підходу» полягає, перш за все, у концентрації та систематизації низки принципів та прийомів аналізу, які раніше не розглядалися як єдине ціле, а також у тому, що деякі сторони лінгвістичного аналізу акцентуються, експлікуються та деталізуються в контексті сучасних трактовок мовних систем (зокрема, структурно-функціонального) аналізу мовних фактів.

На можливість існування різних типів лексичних об'єднань вчені звернули увагу ще XIX ст. (М. М. Покровський), деякі особливості польової структури лексики були помічені при побудові тезаурусів (П. Роже, Ф. Дорнзайф, Р. Халлінг та В. фон Вартбург). Польовий підхід в основі якого лежить дослідження груп слів, близьких за значенням сягає В. Гумбольдта та Г. Остгофа, останній, щоправда, вживав при описі лексики термін «система», а не «поле». Спершу теоретичне осмислення поняття «поля» в мові вміщували праці Й. Тріра та Г. Іпсена, де воно отримала назву «семантичне поле». Свого розвитку ідеї щодо цього поля набули у працях К. Ройнінга, Е. Найди, О. Духачек, Е. Косеріу, С. Д. Кацнельсона, Л. Вайсбергера та ін. У дослідженнях вказаних авторів поле інтерпретується як парадигматичне явище. Поряд із подібним трактуванням розглядуваного поняття в історії мовознавства існують праці, в яких найрізноманітніші синтаксичні комплекси трактуються як поля або в яких робиться спроба поєднати аналіз парадигматичних та синтагматичних полів. До них відносяться дослідження В. Порціга, С.К. Шаумяна, Н.І. Філічевої та ін. Також останнім часом в науці закріпилася тенденція розглядати поля як міжрівневе явище. Початок такого підходу, однак без використання терміна «поле», було покладено Ф. Брюно та О. Єсперсеном та продовжено в працях М. М. Гухмана, В. Г. Адмоні, А. В. Бондарко, А. А. Хадєєвої-Бикової та ін..

Не дивлячись на велику кількість визначень «поля», зрозуміти який зміст той чи інший автор вкладає у цей термін, досить складно. Найбільш поширеним словосполученням із компонентом «поле» у лінгвістиці є функціонально-семантичні поля, морфемні поля, фонемні поля, словотворчі поля, лексемні поля, семантичні поля, мікро- та макрополя, поле множинності, модальне поле, поле стану, компаративне поле, мікрополе речення, макрополе числа, поле ствердження, поле заперечення, понятійне поле, мікропіле дійсності, поле спонукальності, потенційно-ірреальне мікропіле, граматико-лексичне поле тощо.

Перераховуючи вище різні типи мовних полів вважаємо за необхідне більш детально розглянути категорію таксису у ***синтаксичному полі складнопідрядного речення (далі – СПР) або гіпотаксичної конструкції***, оскільки саме це і є **метою статті**.

При цьому ми відштовхуємося від визначення функціонально-семантичного поля (далі – ФСП), запропонованого А. В. Бондарком, де «ФСП – це угрупування різнорівневих засобів даної мови, яке базується на певній семантичній категорії та взаємодіє на базі спільності їх семантичних функцій. В умовному просторі функцій і засобів встановлюється конфігурація центральних та периферійних компонентів поля, окреслюються зони перетину з іншими полями [6, с. 17].

Виділяються два основні структурні типи ФСП: **моноцентричне** та **поліцентричне**. Моноцентричний тип структури ФСП найчіткіше представлено полями, в центрі яких знаходяться певна граматична категорія, яка концентрує в цілісній системі найбільш спеціалізоване та найбільш регулярне вираження даного кола функцій. Пор. відношення «вид дієслова та аспектуальнвсть», «дієслівний час та темпоральність», «спосіб та об'єктивна модальність», «особа та персональність». Поліцентричними є такі поля, як **таксис,** якісність, кількісність, посесивність, локативність, буттєвість тощо [6, с. 18].

Співвідношення центра та периферії ФСП характеризується сукупністю таких рис:

1) максимальна концентрація специфічних ознак, які характеризують дане угрупування (центр) – розрідженість таких ознак (периферія);

2) зосередженість зв'язків, участь даного явища в максимальній кількості опозицій (центр) – дисперсія сітки зв'язків, їх ослаблення, прояв тієї чи іншої ступені ізольованості (периферія);

3) оптимальна спеціалізація даного мовного засобу чи системи таких засобів для реалізації певних семантичних функцій (центр) – менша ступінь спеціалізації (периферія);

4) регулярність функціонування даного мовного засобу або комплексу засобів (центр) – нерегулярність або менша ступінь регулярності, менша вживаність (периферія) [6, с. 18].

Зазначені вище ознаки повною мірою характеризують основні риси ***центра*** та ***периферії.*** Оскільки будь-яке складне речення будується за принципом центр – головне (матричне речення), а периферія – підрядне речення, то застосування цих теорій дає змогу описати систему СПР комплексно, як ***польову організацію*** і, до того ж, детально описати синкретичні периферійні структури.

Систему СПР представляємо як сукупність взаємодіючих полів, які пересікаються, причому кожне з яких має своє ***ядро*** та ***периферію.*** На периферіях функціонують синкретичні СПР, які контамінують властивості складнопідрядних конструкцій різних ФСП, тобто ***СПР різних типів.*** Визнаючи необхідність багатоаспектного опису СПР та погоджуючись із думкою В. В. Бабайцевої про нечіткість меж між структурними та семантичними рамками синтаксичної одиниці, оскільки така межа розмивається в ступенях узагальнення, абстрагування семантичних характеристик [2, с. 4-7], ми вважаємо, що два підходи до опису синтаксичного ладу СПР («від структури до семантики» та «від семантики до структури») потрібно поєднувати. Виходячи із неоднозначності, різноплановості синтаксичних явищ, при аналізі одних СПР, ми спираємося перш за все на структурний аспект, при аналізі інших – на семантичний, при аналізі третіх – ці принципи об'єднуються.

Під ***синтаксичним полем*** у цій роботі мається на увазі групування синтаксичних моделей на основі близькості їх синтаксичних форм та синтаксичних значень, що ними виражаються і які представляють собою узагальнене відображення відношень об'єктивної реальності. «Можливість об'єднанння певних структурних моделей у синтаксичні поля зумовлена наявністю між ними реальних семантичних та функціональних зв'язків, в яких відображаються зв'язки між відповідними відношеннями об'єктивної реальності. Використання поняття синтаксичного поля у граматиці диктується намаганням штучно (в теорії) «змоделювати» ті зв'язки між синтаксичними структурами, які реально (на практиці) існують у мисленні носіїв мови» [7, с. 55].

Для виділення синтаксичного поля у першу чергу важливо наявність сукупності мовних засобів (синтаксичних одиниць), які мають узагальнені (інваріантні) семантичні та функціональні властивості. Синтаксичні моделі, які зближаються, утворюючи поле, обслуговують загальну ділянку мови [5, с. 23].

Так, макрополе **речення** в цілому може бути розділено на чотири синтаксичні мікрополя: 1) поле простого речення; 2) поле ССР; 3) поле СПР; 4) поле безсполучникового речення. Кожне із цих синтаксичних полів, у свою чергу, може розглядатися як макрополе, яке складається із мікрополів – розрядів цієї одиниці. Поділ на мікрополя членує синтаксичне макрополе ніби по горизонталі. По вертикалі в мікрополях розміщуються їх конституенти.

Питома вага та значимість різних конституентів всередині одного й того ж мікрополя неоднакові, що дає змогу виділити в його структурі **центральну** та **периферійну зони.**

Вивчення взаємодії конституентів у складі синтаксичних мікро- та макрополів має суттєве значення як для виявлення особливостей функціонування речень у синхронному плані, так і для встановлення закономірностей розвитку їх структур.

В синтаксичних мікрополях виділяють конституенти, які представляють собою групу мовленнєвих одиниць, які виникли в результаті конкретної реалізації однієї і тієї ж структурної моделі та об'єднані спільністю властивого їм синтаксичного змісту. Ці конституенти одного й того ж мікропляпов'язані між собою відношеннями синтаксичної синонімії.

У мові існує два типи синтаксичних полів. У ***полі першого типу*** мікрополя (біль частотними є семантичні угрупування всередині макрополя) виділяються на основі варіювання об'єктивного змісту, коли загальне значення поля розпадається на більш частотні «субзначення» завдяки різниці в об'єктивному змісті. Поля, які досліджуються О. Гулигою, В. П. Абрамовим, Н. І.Філічевою та іншими вченими [1, 3, 7], а також **поле складнопідрядного речення відноситься до полів першого типу.** Мікрополя у складі цих полів не є синтаксичними синонімами через те, що при наявності у них загального значення вони різняться частотними значеннями, які відображають певні відмінності в об'єктивній реальності.

Мікрополя в полі другого типу виділяються на основі різних семантичних форм відображення того об'єктивного змісту, яке виступає як єдине типове значення. Компоненти такого поля є синтаксичними синонімами. Вони можуть бути як гомогенними синтаксичними синонімами, так і гетерогенними.

Таким чином, не дивлячись на неправомірність змішування понять поля та синонімії в синтаксисі, не слід протиставляти ці явища, оскільки вони тісно взаємопов'язані одне із одним.

Структура будь-якого мовного поля, в тому числі і синтаксичного базується на протиставленні центра та периферії. Останнє вимагає детального розгляду.

Розгляньмо структуру макрополя атрибутивного СПР (далі – АСПР). Як показує проаналізований матеріал диференційним параметром для характеристики головного та підрядного речень може бути поліпропозиційне поле **таксис,** яке базується на опозиції абсолютного та відносного часового вживання. В АСПР лексичне наповнення головного речення характеризується різноманітною семантикою. Ядерна частина АСПР, яка виражає детермінативні відношення, допускає досить широкий діапазон використання видо-часових форм дієслова. Напр.: (4) ***She was to be brought****, with all her belongings in her brother's car, which he was ferrying over from Sardinia with the girl, for the occasion* – Past Simple [9, p.21]; (5) ***She had then just married his friend Frederick Christopher****, with whom he had been to a school of drama* – Past Perfect [9, p. 23]; (6) *In fact,* ***it is only a country of dramatic history, cradled in the Seven Capital Sins****, that could so full-heartedly produce this popular art-form; the Seven Capital Sins being pride, covetousness, lust, anger, gluttony, envy and sloth* – Present Simple. [9, p. 37].

В підрядних реченнях цього ж семантичного типу спостерігається переважно ***абсолютне*** використання ***видо-часових форм*** (86%). Напр.: (1)*Beyond the garden lay the road* ***where the neat semi-detached houses faced each other like mirror images*** [8, p. 11]; (2)Above the red-tiled roofs, and over the drooping foliage of the trees there rose high into the soft midsummer haze the neo-Gothic tower of St Bride's school where Mor was a housemaster [8, p.11]. Значно рідше (14 %) трапляються форми із відносним значенням, напр.: (3) *The house was littered with the discarded paraphernalia of subjects in* ***which he had hoped to interest her*** [8, p. 16].

Протиставлення центра та периферії є універсальним принципом організації мови. Воно, як відмічає В. М. Живов «так чи інакше відображається у всіх описах мов і може бути перенесено на мовленнєву діяльність у цілому, оскільки тут можна говорити про ієрархічну різницю її типів» [4, с. 24].

Таким чином, максимальне функціональне навантаження – *центр;* – зменшення такого навантаження – *периферія*. Головна частина АСПР, яка виражає детермінативні відношення, допускає вільне використання всіх видо-часових форм дієслова, тоді як підрядна – досить обмежене та залежне. Високе функціональне навантаження як властивість центральних явищ випливає із вказаних вище двох основних рис центра: зосередження специфічних ознак разом із концентрацією зв'язків тягне за собою збільшення функціонального навантаження, дає змогу концентрувати ємкий семантичний потенціал.

У перспективі будуть розглянуті взаємовідношення центру та периферії на прикладі інших структурно-семантичних типів гіпотаксичних структур.

Джерела та література

1. Абрамов В. П. Семантические поля русского языка / В. П. Абрамов [Текст]. – М: Наука, 2003. – 305 с.
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева [Текст]. – М.: Наука, 2000. – 255 с.
3. Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в немецком языке. / Е. В. Гулыга. [Текст]. – М.: Просвещение, 1971. – 206 с.
4. Живов В. М. Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий / В. М. Живов // Вопросы языкознания. – 1973. – № 5. – С. 24-35
5. Зиброва Н. В. Сложноподчиненные предложения в аспекте понятия синтаксического поля / Н. В. Зиброва // Автореф. дис. … канд. … филол. н.: 10.02.01. – Липецк, 2008. – 16 с.
6. Проблемы функциональной грамматики Полевые структуры / Под ред. Я. Э. Ахапкина, А. В. Бондарко. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 472 с.
7. Филичева Н. И. Синтаксические поля: пос. по грамматике немецкого языка / Н. И.Филичева [Текст]. – М.: Высшая школа, 1977. – 213 с.
8. (IM) Murdoch Iris The Sandcastle – London: Vintage Books, 1957. – 318 p.
9. (MS) Spark Muriel The Public Image. – M.: Progress Publishers, 1976. – 292 p.

УДК 81’28+165.744 **Мельник Я. Г.**

АНТИНОМИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ КОНТЕКСТНОЙ СИНЕРГЕТИКИ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА: НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

В статье исследуются вопросы антиномий и противоречий в контексте синергетической природы текста. На материале поэтических произведений рассматриваются особенности антиномий как моделирующих субстанций текстовых образований.
Ключевые слова: антиномии, противоречия, синергетика.

В статті досліджуються питання антиномій та протиріч у контексті синергетичної природи тексту. На матеріалі поетичних творів розглядаються особливості антиномій як моделюючих субстанцій текстових утворень.
Ключові слова: антиномії, протиріччя, синергетика.

The article deals with the problem of autinomy and oppositian concentning synergetic characteristics of the text. The paculiarities of antynomy as modeling substance of text formation have been examined on the basis of poems.
Key words: autinomy, opposition, synergetics.

Лингвистика последних десятилетий радикально отличается от предыдущих периодов своей истории. Для учения о языковом знаке в начале XIX века характерна антропоцентрализация, а также широкий спектр симбиотических образований. Но одним из доминантных направлений является филологизация науки о языке, т.е. сближение с художественной литературой, с художественно-функциональной особенностью языкового знака. Но, сузив поле зрения в эпицентре художественно-функционального поля языкового бытия, можно разглядеть новое направление, которое интенсивно отвоевывает право на существование, – это синергетика текста и основные механизмы организации.

Синергетика текста (художественного в том числе) заслуженно вызывает повышенный интерес современных исследователей, в результате чего мы становимся свидетелями формирования новых тенденций в современной науке о языке. Но такое направление как «моделирование текстового пространства и основные категории диалектики» остается пока на маргинесе вышеупомянутого поля исследований.

В связи с этим целью предложенной статьи является исследование функциональных особенностей антиномий и противоречий как основного механизма и инструментария текстокреативного процесса, что является неотъемлемой особенностью языка вообще, художественной литературы, культурной эпохи в частности. Задачей же выступает проекция проблемы на массив в русской художественной литературе, в частности в русской поэзии.

Текст как элемент человеческого бытия, как часть действительности не может создаваться, функционировать, при этом находясь за пределами законов диалектики, законов мироздания, законов бытия. Одним из таких законов, который был определен еще в античную эпоху, является закон противоречий (антиномий, оппозиций). Он отражает ту часть реального мира, в которой смоделирован основной механизм созидания всего того, что является нашей действительностью – материальной и идеальной. Именно его особенности представляют целостность и неизменное самосозидание и самообновление окружающего мира.

Антиномии – это противоположности и противоречия, которые отрицают друг друга и в то же время могут быть одинаково доказаны. Как латентные, они находят друг на друга и взаимоопределяются. Антиномии и противоречия определяют и обусловливают друг друга. При этом противоречия вытекают из антиномий, эксплицируют, порождают и отражают их основные формы.

Изначально антиномии и противоречия исследовались в философском ключе, и практически только в XIX-XX веках эти категории вышли за пределы классической методологии и сформировали новую научную парадигму, но при этом во многом остаются в формате классических терминологий и понятий.

Антиномии и противоречия представлены не только широким спектром в пространстве философских идей и терминопонятий, что отражает целостность и единство бытия. Они отражаются в значительном наборе оппозиций, разных по форме и содержанию, но отражающих при этом полный набор монад и субстанций, из которых создана и сформулирована научная парадигма более узких гносеологических направлений. При этом противоречие остается логическим продолжением антиномии, одним из вариантов и производной формой. Антиномии же выступают основными, ключевыми формами оппозиций, которые создают условия функционирования значительного конгломерата противоречий в самых простых и сложных формах.

Направив главный вектор поиска в область филологии, мы обнаруживаем целые комплексы разноуровневых, разноструктурных, разнофункциональных оппозиций, которые определяют сущность языкового бытия. Более того, если в центре поиска окажется художественная литература, то тут же очевидной становится система доказательств того, что без антиномий и системы противоречий не существует ни один сегмент художественного текста и художественный текст как системообразующее единство.

Прежде чем перейти к поиску обозначенных категорий в плоскости литературного произведения, целесообразно рассмотреть несколько технологических образований в плоскости языковой.

Так антиномии и противоречия описаны в системе языка и определены на уровне ряда категорий и дефиниций. Скажем, антиномия обозначаемого и обозначения; антиномия нормы и аномалии; антиномия системы и несистемности; языкового ядра и периферии; статики и динамики языковых единиц; реалий действительности и реалий языковых; объективного и субъективного; целостного и отдельного; информационной и экспрессивной функции языковой единицы; языка и речи; кода и текста; оппозиций в пределах одной категории или группы явлений и т. д. В конце концов, поиск ответов на многие вопросы бытия в среде философов, логиков, лингвистов спровоцировал расширение терминопонятийного и категориального инструментариев и создание систематизированной и упорядоченной модели наших знаний об окружающем мире. Но следует заметить: не только или не столько даже о реально существующих феноменах в окружающем мире, сколько о виртуальном или абстрактном формате человеческого бытия. Поэтому функционирование или наличие обозначенных категорий в философии, языковой системе, в системе художественного произведения и т. д. – это абстрагированная и условная, но, тем не менее, реально существующая специфика организации мира.

Доказательством сказанному выше может быть наличие в языке антонимии или синонимии, которые отражают оппозиции разного типа, в литературном произведении (не только в литературном, но и в любом другом тексте, в живой речи) – антитеза, противоречие, конфликт и пр. Таким образом, говоря о существовании, о формировании и функциональных особенностях текстовых единиц, мы должны обратить внимание на неизменность и незыблемость законов и условий, без которых само существование его было бы нереальным. Исходя из этого мы можем говорить о синергетике языковых и текстовых структур, то есть о механизмах и законах организации и самоорганизации текстовых структур, которые вытекают из природы как языковой единицы в отдельности, так и языка как системы (в том числе художественного произведения как одной из форм бытия).

Противоречия являются фундаментом, основанием и первоисточником текста, его синергетической первопричиной. Но в данном контексте необходимо указать еще на то, что в зависимости от многих объективных и субъективных факторов (субъективных чаще) степень открытости, эксплицитности противоречий является тоже разной – в зависимости от принципа, метода, эстетической концепции и стиля каждого из авторов текста. Более того, следует обратить внимание на то, что диапазон противоречий и антиномий, которые являются основным несущим каркасом и в то же время разноструктурной и разноуровневой тканью художественного текста, довольно широк – от фонетических комбинаций до смысловой вариативности на уровне художественного текста как системы. В данном случае есть смысл и возможность говорить отдельно о каждом структурном уровне текстовой иерархии, но мы остановимся на некоторых аспектах лексического, морфологического и синтаксического характера, а также на уровне целостных текстовых подструктур.

Так, в стихотворении А. Блока «Под шум и звон однообразный» в первой строфе находим несколько признаков противоречий и антиномий:

Под шум и звон разнообразный,
Под городскую суету
Я ухожу, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту.

Первая антиномия, ключевая, которая определяет последующую цепь антиномий и противоречий, реализуется в первых двух строках и местоимении «я», которое поляризует, вступает в антагонистические отношения с образом «под шум и звон разнообразный…». То есть внешнему миру с системой его признаков и характеристик противопоставляется субъективный мир поэта и выражается местоимением 1-го лица единственного числа. Но это противоречие и антиномия выстраивают целую линию контрпозиций: «городская суета» и «метель, мрак», «шум и звон однообразный» и «мрак и пустота». Кроме этого, антиномия «я» и «мир» формирует противоречия не бинарного типа, а с более сложной структурой – т. е. есть мир, окружающая действительность – с одной стороны, «городская суета» и «мрак и пустота», между которыми семантически, семиотически, образно находится третья субстанция бытия – это авторское «ego», которое выстраивает триаду отношений: мир, который я покидаю, мир, в который я окунаюсь, и мое «я», которое находится между этими мирами. Эти антиномии реализуются и на лексико-семантическом, и на художественно-образном уровнях.

В стихотворении С. Есенина

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя довелось…

лексема «помню» (т.е. память) выступает связующим звеном поэта с действительностью. Этой действительностью является антиномия времени и пространства. И в данной конструкции алогичным является обращение «любимая», поскольку оно несовместимо с прошедшим временем, т. е. прослеживается темпоральное несоответствие, что в свою очередь тоже является противоречием. Кроме этого, событийность выстраивается в линию фактов, которые конфликтуют с желаемым, – «не радостно и не легко мне покинуть тебя довелось» – т. е. глагол «покинуть» выражает интенцию, которая вступает в конфликтные отношения с миром установок и сценариев, по которым устроена человеческая жизнь.

Противоречия и антиномии формируют текст любого типа. Если обратиться не к интимной или философской лирике, а, скажем, к пейзажной, то антиномии являются не всегда четко выраженными формами, но, тем не менее, их синергетическая функция не менее актуальна. Например, в стихотворении С. Есенина

…Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком.
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком…

лексема (глагол) «отговорила» отражает процессуальность с конечным результатом. Т. е. время, которое определяет процесс с позитивными характеристиками – «березовым, веселым языком», сменяется другими, следующими эпизодами, отдаляясь таким образом во временном пространстве. После этой формы бытия наступает следующий кадр – «печально пролетая…», «не жалеют». Т. е. в конфликт вступают две субстанции, которые сменяют друг друга: «березовый, веселый язык» рощ сменяется «печальным полетом журавлей». Таким образом, одним из обязательных условий существования образа, идеи, текста и, в конце концов, лексико-синтаксических структур является конфликт «человека и времени», «человека и природы», радости бытия и грусти ухода, конечности радости как состояния, ограниченного временными рамками.

Развивая мысль, следуя определенному нарративному принципу, автор исходит к интерпретации своего понимания реальной действительности с окунаниями в образы, эпизоды, сегменты бытия и там находит подтверждения увиденным и осознанным антиномиям. Например:

… Кого жалеть? Ведь каждый в этом мире странник –
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом…

свидетельствует о философском миросозерцании автора, и становятся понятными обобщения, в которых объясняется неизбежность увядания природы и человеческой жизни с широким спектром переживаний и чувств.

Исследуя антиномии и противоречия как главный синергетический механизм, следует обратить внимание на то, что типология противоречий может представлять достаточно сложную конструкцию с простым и открытым рисунком до многоуровневой неправильной синусоидальной кривой, которая реализуется в сюжетной канве поэтического текста. Но в первом и втором случаях противоречия обладают свойством импликации или сюжетной маскировки, как, скажем, в поэтическом тексте А. Ахматовой «Сероглазый король». Противоречия в данном тексте на первый взгляд не имеют качеств антиномий и нанесены автором в форме легких штрихов, мокроакварельных мазков, в которые автор прячет истинные слагаемые сюжета жизни. Но при недостаточно скрупулезном прочтении текста они становятся доступными и понятными читателю. В этом заключается легкость восприятия, доступность и гедонистичность текстового пространства, даже если оно представлено в форме небольшой эскизной зарисовки.

Рассматривая под предложенным углом зрения поэтические тексты других направлений и течений – от футуризма 20-х годов XX века до постмодернизма начала XXI века, везде обнаруживаем функционально-динамические конструкции, в основе которых заложен главный синергетический принцип – антиномии и противоречия не только выстраивают действительность, окружающий мир, мир человека, но и являются неизменным принципом моделирования и построения текстового пространства, текстово-культурных формообразований и культуры вообще.

Говоря о синергетике как о новой эпистемологической парадигме, о новых формах знания о знании, следует обратить особое внимание на понимание сущности текстовых структур, на герменевтическо-синергетическое моделирование бытия, в котором отражаются законы диалектики в их материальных и нематериальных формах воплощения.

Источники и литература

1. Аверьянов А. Н. Системное познание мира: методологические проблемы. Текст / А. Н. Аверьянов. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.
2. Бацевич Ф. С. Духовна синергетика рідної мови. Лінгво-філософські нариси / Ф. С. Бацевич. – К.: Академія, 2009. – 192 с.
3. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем / В. В. Василькова. – СПб.: Лань, 1999. – 480 с.
4. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – М.: Академический проект, 2007. – 495 с.
5. Єрмоленко С. С. Мовне моделювання дійсності і знакова структура мови / С. С. Єрмоленко. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2006. – 384 с.
6. Злотникова Т. С. Человек. Хронотоп. Культура / Т. С. Злотникова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – 332 с.
7. Лесков Л. В. Футуросинергетика : универсальная теория систем / Л. В. Лесков. – М.: Экономика, 2004. – 170 с.
8. Маковский М. М. Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в семантике / М. М. Маковский. – М.: Наука, 1980. – 210 с.
9. Петраков Л. Д. Проблема различия и противоречия. Язык как способ объективации рациональности / Л. Д. Петраков. – Ярославль: Изд-во ООО ЯрМедиа-Групп, 2009. – 216 с.
10. Семенець О. О. Синергетика поетичного слова / О. О. Семенець. – Кіровоград: Імекс ЛТД, 2004. – 338 с.
11. Соломоник А. Семиотика и лингвистика / А. Соломоник. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 352 с.
12. Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю. С. Степанова / [Ю. С. Степанов]. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – 432 с.

УДК 821.161.1 – 1.03 **Микадзе М. Г.**

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГРУЗИНСКИХ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЙ В. МАЯКОВСКОГО

Перевод как акт кросс-культурной коммуникации имеет важнейшее социальное значение. Возможны различные трудности при переводе текста с одного языка на другой. Грузинский перевод, конечно, по-своему оригинален, благодаря своей структуре и некоторым специфическим особенностям. Стихи Владимира Маяковского были переведены на грузинский язык В. Гаприндашвили, Г. Гачечиладзе, Д. Гачечиладзе и др., задавшими высокий уровень в литературе.

Ключевые слова: В.Маяковский, стихи, грузинские переводы, лингвистический анализ.

Переклад як акт крос-культурної комунікації має вирішальне соціальне значення. Можливі різні труднощі при перекладі тексту з однієї мови на іншу. Грузинський переклад, звичайно, по-своєму оригінальний, завдяки своїй структурі і деяким специфічним особливостям. Вірші Володимира Маяковського були переведені на грузинський мову В. Гапріндашвілі, Г. Гачечиладзе, Д. Гачечиладзе та ін., що поставили високий рівень в літературі.

Ключові слова: В.Маяковський, вірші, грузинські переклади, лінгвістичний аналіз.

Translation, as the act of interlinguas and cross-cultural communication, is of greatest social importance. We might face some difficulties while rendering the text from one language into another. Georgian translation, of course, is in its own way is original due to its structure and some specific features. Poems of V. Maiakovsky is the best example of interconnection between the human life and some psychological moments.

Poems of V. Maiakovsky was translated on Georgian language V. Gaprindashvili, G. Gachechiladze, D. Gachechiladze, V. Javakhadze, V. Chelidze, I. Abashidze, V. Pataridze, T. Djangulashvili and it is a good taste in literature. The translator is impossible always to have all the readymade materials, phrases and terms, no matter how rich and well-developed the target language is.

Key words: V. Maiakovsky, Poems, Georgian translations, linguistic analysis.

Поэзия Владимира Маяковского занимает почетное место среди грузинских переводов.Этому способствовало не только то, что В. Маяковский, будучи русской языковой личностью, ощущал себя в иноязычной (грузинской) среде как в родной, но и тот факт, что в селе, где он родился, в течение долгих лет отмечались Дни поэзии Маяковского, в которых участвовала элита советской поэзии.

Современная грузинская литературная критика дала вполне справедливую оценку переводческой деятельности В. Гаприндашвили, Г. Гачечиладзе, И. Абашидзе, В. Джавахадзе, Д. Гачечиладзе, В. Челидзе, М. Патаридзе, В. Лаперашвили, Х. Берулава, Т. Джангулашвили. Наш интерес вызывает один из аспектов их творчества – переводы из поэзии Маяковского в разрезе их языково-стилистических особенностей.

В. Маяковский – один из основоположников и лучших представителей советской литературы XX века, произведения которого, переведенные на многие языки, вовлекли читателей в духовный мир поэта. Природа его стихов многогранна, его психологические переживания глубоки, однако творчеству его свойственно иронически-критическое отношение ко всему, пропущенное через эмоции – все это показывает бессознательный бунт поэта-революционера против существующего мира. Необычайная нежность заключена в слове поэта. Именно этим словом он бросает вызов всему земному шару.

Способности к переводу чрезвычайно специфичны и редки; благодаря им переводчик проникает в глубь произведения, в мысли и чувства чужой для него языковой личности и переносит их в свою национальную среду, пытаясь донести все это до своего читателя (другой языковой личности) – так, чтобы все это имело бы определенную ценность во всех отношениях: художественном, эмоциональном, интеллектуальном и т. п. При этом необходимо по возможности сохранить и перенести в иной художественный и языковой мир стиль писателя или поэта, поскольку каждый художник имеет свой собственный стиль, который и отличает его. В то же время автор для каждого произведения создает отдельную стилистическую систему. Если переводчик не сумеет заметить это, если он не сумеет почувствовать стиль оригинала, он не будет истинным творцом, истинным переводчиком. В особенности это касается переводчиков поэтических произведений, ведь на другой язык надо перенести не только мысль, но и ритм стиха, его ритмику и т. д.

Каким бы богатым и развитым ни был язык инонациональной среды, у переводчика не может быть готового языкового материала (лексического, грамматического и т. п.), и это понятно. Рассмотрим, как используют переводчики творчества В. Маяковского стихотворные формы, подходящие и естественные для грузинского языка:

Уходите, мысли, восвояси.
Обнимись,
души и моря глубь.
Тот,
кто постоянно ясен, –
тот, по-моему,
просто глуп.
(«Домой!»)

«შინისკენ გასწიეთ,
ფიქრებო ჩემო,
სულო,
ზღვის სიღრმეს გადაეკონე,
ის,
ვინც მარადის მარტივად მსჯელობს,
მე ვფიქრობ,
ბრიყვია სწორედ».
(Переводчик Д. Гачечиладзе)

Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.
Пустота....
Летите,
в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной.
(«Сергею Есенину»)

«როგორც იტყვიან,
მიაშურეთ
თქვენ იმ ქვეყანას –
სიცარიელეს...
ვარსკვლავთა შორის
უნდა იქროლოთ.
იქ არ იქნება ავანსები,
და არც ლუდხანა».
(Переводчик Д. Гачечиладзе)

Стержнем грузинского предложения является глагол, без которого почти невозможно выразить мысль на грузинском языке. Это прекрасно понимает переводчик стихотворения «Сергею Есенину» Д. Гачечиладзе, тщательно отбирающий особенно выразительные, экспрессивные глаголы:

«არა, ესენინ,
არ **დაგცინი**,
დაცინვას, მტრობას
როგორ **შეგკადრებ**,
როცა ქელში
მახრჩობს ნაღველი,
ვხედავ –
დადექ და

თქვენივ ჩონჩხით
ავსებულ ტომარს
თქვენ **აქანავებთ**
გაჭრილ ხელის აცახცახებით».
Трезвость.
Нет Есенин,
это насмешка.
В горле
горе комом –
не смешок.
Вижу -
взрезанной рукой помешкав,
собственных
костей
качаете мешок.

Двум глаголам из оригинала соответствует шесть глаголов в грузинском переводе.

«ჰეი, გონს **მოდით**,
რას **ჩადიხართ**,
რად **გინდათ** ხვედრი,
ე მაგ დაწვების
სასიკვდილო
ცარცით მფერავი...
თქვენ ხომ
უცნაურ ისეთ რამეს **გამოაფრენდით**,
რომ ვერ **შეიძლებს**
ქვეყანაზე
იმას ვერავინ».

- Прекратите!
Бросьте!
Вы в своем **уме ли**?
Дать,
чтоб щеки
заливал
смертельный мел?!
Вы ж
такое
загибать **умели**,
что другой на свете не **умел**.

Семи глаголам из оригинала соответствует пять глаголов в грузинском переводе.

Настоящий переводчик вносит в развитие языка перевода большой вклад. Язык – это огромное богатство, сокровище, в котором переводчик ищет такие слова и выражения, которых в языке оригинала может и не быть.

Для В. Маяковского характерно создание окказиональных слов, новых понятий, ввод композитов, что осложняет перевод, поскольку используемый поэтом композит плохо усваивается грузинским языком. Не остается другого пути, композит следует разделить на части, но значение не должно быть утеряно. С этим прекрасно справляется В. Джавахадзе при переводе поэмы «Во весь голос»:

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь в сегодняшнем окаменевшем г...,
наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне.
И, возможно, скажет
ваш ученый,
кроя эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
(Во весь голос. Первое вступление в поэму)

«პატივცემულო
ამხანაგო შთამომავლობავ!
როცა გაქექავთ
გაქვავებულ ნაგავს დღევანდელს
და დღეის დღეზე
წამოიწყებთ გულწრფელ საუბარს,
მეც მომიკითხავთ,
კვალს მოჰყვებით
ალბათ ჩემამდეც,

სწავლული თქვენი,
ამომხსნელი ძველთა რებუსთა,
თავს არ შეგაწყენთ,
რა თქმა უნდა,
ბევრი ჩივილით,
იტყვის, –
ცხოვრობდა,
უმღეროდა ადუღებულს და
აუდუღარი წყალი სძულდა
შავი ჭირივით».
(переводчик В. Джавахадзе)

В. Маяковский – поэт будущего, его стихи, бесспорно, подтверждают это:

Для веселья
планета наша
мало оборудована.
Надо
вырвать
радость
у грядущих дней.
В этой жизни
помереть
не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.
(«Сергею Есенину»)

«სასიხარულოს
ცოტას გვაძლევს
პლანეტა ვრცელი,
უნდა მოვსტაცოთ
სიხარული
მყოფადს ელვიანს.
თავი მოიკლა
ცხოვრებაში
არ არის ძნელი,
ცხოვრება შექმნა, –
გაცილებით
უფრო ძნელია».

Каждый перевод обогащает не только культуру, но и язык. Поэтому в последнее время большое внимание уделяется языково-стилистическому анализу переводной художественной литературы. Данному вопросу посвящено много исследований. Наша работа также служит этой цели. Действительно, грузинские переводы стихов В. Маяковского следует считать удачными.

Источники и литература

1. Блок А. Избранные сочинения / А. Блок, В. В. Маяковский, С. Есенин. – М.: Искусство, 1991. – 342 с.
2. Маяковский В. В. Стихотворения, поэмы / .В. В. Блок. – Тб.: Хеловнеба, 1973. – 250 с.
3. Гачечиладзе Г. Г. Вопросы теории перевода / Г. Г. Гачечиладзе. – Тб.: Ганатлеба, 1959. – 560 с.
4. Панджикидзе Д. П. Язык, читатель, перевод / Д. П. Панджикидзе. – Тб.: Ганатлеба, 2002. – 210 с.

УДК 811.111'373

Mygovych I. V.

EMOTIONS IN LANGUAGE: THEORETICAL FRAMEWORK FOR ANALYSIS

Статья написана в русле когнитивно-эмотивной парадигмы лингвистики и исследует взаимосвязь языка и сознания, обуславливающую наличие понятий языковой и концептуальной картины мира, которые влияют на восприятие и адекватное понимание эмоций. Обращение к этой теме объясняется актуальностью исследования особенностей моделирования эмоций и эмоциональных состояний, посредством которых осуществляется идентификация языковой личности в окружающем пространстве в рамках соответствующего фрагмента концептосферы, тем самым, открывая новые возможности познания специфики восприятия окружающей реальности носителями определенной языковой культуры. Теоретической базой изучения послужили основные положення когнитивной семантики и теории универсальных языковых категорий, к которым относят категорию эмотивности, рассматривающую в качестве объекта исследования человеческие эмоции.

Ключевые слова: лингвистика эмоций, эмотивный концепт, категория эмотивности / экспрессивности, эмотивный дейксис.

Стаття написана в руслі когнітивно-емотивної парадигми лінгвістики та досліджує взаємозв'язок мови та свідомості, що зумовлюють наявність понять мовної та концептуальної картини світу, які впливають на сприйняття та адекватне розуміння емоцій.

Ключові слова: лінгвістика емоцій, емотивний концепт, категорія емотивності / експресивності.

The article is written in accordance with the cognitive-emotive paradigm of linguistics and explores the relationship of language and consciousness that constitutes a language of concepts and conceptual image of the world that affect the perception and the proper understanding of emotions.

Keywords: linguistics of emotion, emotive concept, category of emotivity / expressiveness, emotive deixis.

Since emotions are specific forms of interaction of a human being and environment, they help us to cognate the world and define our place in it. The problem of emotions' investigation is one of the most difficult in modern linguistics, and the search of the development of research in this field is still not sophisticated enough. To create a firm ground for similar research in the future, we decided to narrow the approach towards emotions to ***textual surface of language analysis*** (lexical, semantic, and syntactic), since it is the language, which makes human emotions context-dependent and thus difficult to process only by its visual or phonetic manifestation. The study of this aspect presupposes the analysis of psychological and emotive structure of human cognition and the way it influences language. Thus, the paper is written within modern linguistic paradigm and underlines the necessity of investigation of language and human cognition interconnection, which is unavoidably connected with the notions of language worldview and conceptual worldview, which both greatly influence the perception and adequate cognition of emotions.

The choice of the topic is determined by the general direction of linguistic research investigating the nature of Universal language categories (the category of emotiveness is among them). The object of analysis for the category of emotiveness is human emotion expressed in the process of communication by language units that convey emotive information. *The aim of the paper* is to investigate key emotions of human beings as complex mental units (concepts) on the basis of their lexical, semantic and syntactic analysis. Emotive concepts are viewed as representations of psychological and emotive aspects of language units' functioning, as linguistic and cognitive realizations of *emotive human I* which is viewed as one of the projections of *human language I* and has ethnocultural (national) and sub-cultural (individually personal) levels of explication.

Emotion is an experience which typically involves physiological arousal (the feeling of a change in the body state) and social display (the behavioural act of expressing affect). The figurative language used for describing emotional experiences is known as *emotion talk* and it abounds in metaphorical expressions. The prevalence of linguistic metaphors in emotion language is due to their potential to evoke vivid accounts that tap into actual physical experience, such as the experience of emotion. Given that (according to social constructionists) human emotions «depend upon social concepts» [2, p. 2], many of them being culture-specific, the analysis of emotion vocabulary used by a given community at a given point in time may reveal how the underlying emotion system was structured.

As one can see, there are different dimensions on which emotions can be analyzed, such as psychological, visual, vocal, social, neurobiological, etc. Recent years brought research on emotions into the focus of Computer Science, Artificial Intelligence, and Natural Language Processing [5, p. 13]. Subjectivity and ambiguity of emotions though often becomes a blockade for research in this field. However, nowadays it is considered to be a generally accepted notion that one of the most profound and in-depth studies of emotions can provide an approximately new branch of Linguistics, such as *Emotiology* (linguistics of emotions), which functions in correlation with Neurobiology, Cognitive and Communicative Science [6].

Emotiology usually defines emotion as the form of world reflection in human conscience to denote some mental experience, connotation and feeling [7, p. 55]. Emotions are closely connected with culture [9]. Their role in culture as well as significance of the culture in formation and conceptualization of emotions are massive. The investigation of these relations might reveal both universal and specific features in terms of higher / lower emotional agitation, greater / minor emotional sturdiness, different force or intensity and even profundity of emotion.

Thus, the choice of the topic is determined by the general direction of linguistic research investigating the nature of Universal language categories (category of emotiveness is among them). The object of analysis for the category of emotiveness is human emotion expressed in the process of communication by language units that convey emotive information. In the paper we define emotions as contextual basis of cognition and as one of the forms of reality expression. Emotion reflects not the objects of the real world but their role and place in the life of a human being. This fact explains the growing interest of scholars in emotions, as well as in the means of their verbalization and conceptualization in language. As a lot of European and American linguists note – learning about the world is realized with the help of emotions (V. Avrorin, M. Gizman, F. Daneš, Z. Kovečseš, G. Lakoff, V. Shakhovskij, A. Wierzbicka). However, the absence of the general theory of emotions makes it difficult to investigate their verbalization and conceptualization. Particularly, the category of emotiveness, as well as means of emotive speech coloring demands deeper and more thorough research.

Emotions themselves are unapproachable for direct observation. It is very difficult to transform them into words. It is almost impossible to determine a word that means an emotion. There are two ways of explain it – to point the familiar situation for this person where is the same emotion or to compare two events. Thus, in the written below parts of our work we are going to pay this matter close consideration.

One of the characteristic features of modern linguistic research is subjectivity according to which human factor plays a decisive role in the creation and further development of modern linguistic concepts. Human being is a measure of all things, and therefore the language, which a person operates in the course of one's daily activities, should be studied in close connection with consciousness, culture, ideology, individual and linguistic community, to which a person belongs [8, p. 13]. Postulate about anthropocentrism of modern linguistics has resulted in the interest of linguists to the study of internal emotional individual sphere of a human being as well as to its linguistic representation in the form of emotive utterances.

Emotiveness as a linguistic category, which subject of consideration is emotions, represented by language units that contain emotional information [7, p. 56], has long been attracting attention of linguists. Thus, research in Emotiology became the scope of investigation for many scientists. One of the aims of researchers 1970-1980's was the study of subjective components of the value of linguistic units and the formation and structuring of knowledge about the emotional language code. Thus, early studies of emotiveness took into account only its nominative and functional aspects, analyzing different language levels and means of expressing this category.

A new stage in the study category of emotiveness became the emergence of Cognitive Linguistics that investigates emotional states of an individual as a complex conceptual structure with physiological nature and cognitive component [3, p. 49]. In accordance with the cognitive approach to the study of emotions it has been proved that a person uses linguistic units not only to the allegations of fixing and organizing thoughts, but for expression, stimulation, transmission of emotions [6, p. 7]. As Charles Bally ones noted: «In a language everything is emotional» [4, p. 4].

Despite a long history of investigation of the category of emotiveness in many linguistic researches one can observe terminological incongruities related to the synonymic use of the terms ***emotiveness, emotionality, expressiveness***. Following V. Shakhovskij we differentiate these concepts and argue that emotions as psychological and motivational basis of any

human activity on linguistic level become transformed into emotiveness. Emotiveness is an immanent semantic system of language which allows to express emotion as a fact of mind, reflected in the semantics of linguistic units of social and individual emotions [6, p. 13]. Emotionality is human sensitivity to emotional situations and their emotional (feeling) responses [Ibid.]. Thus, emotionality is a psychological category, and emotiveness is a linguistic one, because emotions may be formed and assigned in speech and in language.

The above mentioned definition includes presence of two permanent components: the world as an object and a human being capable of reflecting this world as a subject. Reflection of the world is realized not mechanically, but selectively: a man reflects only that what he / she needs at some point, or what for some reason interests him / her, and thus connecting the category of emotiveness to the category of assessment: «We feel certain emotions to X, associated with positive, negative or zero-rated» [7, p. 58]. In other words, the emotional attitude is a part of language modality, always inextricably linked to the assessment and understanding of the nature of reality.

The need to distinguish between the notions of emotiveness and expressiveness led to a debate in European linguistics 1980-1990's, which demonstrated that the position of opponents who opposed synonymic use of these concepts were based on the dichotomy of language and speech. Emotiveness as a psycholinguistic category is in one line with the notions of intelligent and strong-willed [7, p. 56]; it is a component of the structure of language and can not be neutralized in context. Thus, we can conclude: emotiveness is manifested in speech, but firstly is a typical characteristic of language (linguistic units).

Expressiveness as an aspect of the semantics of the word has several components that can be qualified as obligatory connotative semes fully or partially realized in speech: intensity score, imagery, emotiveness [1]. Thus, expressiveness as a semasiological category which has pragmatic aspect of operation based on the notion of choice; expressiveness is determined in opposition to the neutral component realized in speech. This understanding of expressiveness as a result of the use of emotional language units in speech explains its synonymy with the concept of intensity.

Note also that many researchers have identified emotional and expressive functions of language. Thus, in the writings of R. Jacobson one can find the statement that the expressive / emotional function (emotive function) is intended to express the attitude of the speaker to the action. However, there is a different point of view that expressive function is associated with the expression of thought – an idea, which was initially produced by V. Avrorin while distinguishing features of language and speech. The researcher distinguishes expressive function of language along with communicative, constructive (the function of forming opinions) and cumulative (accumulation of social experience and knowledge) ones. Emotional function is considered to be one of the speech functions, attributed to such speech functions as signal, nominative, poetic, ethnic and magic. In our opinion, speech nature of the category of emotiveness is beyond doubt as there are different usage levels language tools, which are inherent from emotiveness. This idea supports V. Shakhovskij describing the emotional component of meaning as «such a semantic part, through which linguistic unit realizes its emotional function» [6, p. 21].

Terminological differences can be observed also when emotional function of linguistic units promoting formation of emotional speech act, becomes known as emotional-expressive, as in the quotation: «The leading means of expressing emotions in speech is intonation» [1, p. 32]. We do not accept the statement that emotions can be expressed only «with shouts and (much less) words with emotional and expressive connotation» [1, p. 18]. Otherwise we would call it «narrowing» the scope of emotional function, which is inherent in language tools at different linguistic levels. In addition, the intonation is known as formed by certain syntactic, pragmatic orientation which lies in the ability to express speaker's emotional attitude to the content of expression (exclamatory sentences, rhetorical questions, etc.).

The above mentioned theoretical statements allow to single out the two components of emotiveness as a functional semantic category, the leading feature of which is the expression and transmission of emotions: 1) emotiveness as a pragmatic constant of language and speech related to the subjective attitude of a speaker to an object of evaluation (always expressive); 2) emotiveness as a component of connotative semantics of words, expressions, texts. Components defined ontologically differ from each other: if emotiveness of the first type is always associated with functional-semantic categories and subjective evaluation modality, the emotiveness of the second type has *uzus* character and may be actualized directly or neutralized in the speech context.

According to V. Shakhovsky, linguistic means of expressing the category of emotiveness form the field, in the center of which there are elements of different levels prevailing in the semantics of emotional-evaluative component. Periphery is represented by units that have *potential emotiveness* and by *emotives*, components of which can be neutralized connotations in a context [6, p. 13]. This assumption does not contradict system-centric approach to the analysis of linguistic phenomena, since it provides polysystemic analysis of linguistic material, based on the allocation of functional-semantic fields, among which one can distinguish different levels units, classes and categories, united by common semantic features. The basis for such a unity is a semantic category. Category of emotiveness possesses all the criteria mentioned, as indicated by Shakhovsky: «Emotiveness is a functional and semantic category because it meets all the criteria: common semantic features – expression of emotions; interaction of lexical and grammatical elements (emotiveness has formal expression at all levels of language – phonological, morphological, lexical-semantic, phraseological, syntactic level of structural models); division – center – periphery, etc»[Ibid.].

References

1. Arnold I. V. The English Word / Irina Vladimirovna Arnold. – Moscow: Vyscha shkola, 1986. – 295 p.

2. Kövecseš Z. The Conceptual Structure of Happiness / Zoltán Kövecseš // Happiness: Cognition. Experience Language. Studies across Disciplines in the Humanities and Social sciences. – Helsinki : Helsinki Collegium for Advanced Studies, 2003. – P. 2-13.

3. Langacker R. W. Culture, Cognition, and Grammar / Ronald W. Langacker // Language Contact and Language Conflict. – Amsterdam; Philadelphia: HarperCollins Books, 1994. – P. 25-53.

4. Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics / John Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1975. – 356 p.

5. Nakayama N. A Proposal for Extraction of Emotional Expression / N. Nakayama, K. Eguchi, N. Kando // IEICE Technical Report. – Vol. 104. – No. 416. – 2004. – P. 13-18.

6. Shakhovskij V. Types of Emotive Vocabulary / Vladimir Shahovskiy // Questions of General Linguistics. – 1994. – № 1. – P. 20-25.

7. Shakhovskij V. Deixis in Emotive Speech / V. Shakhovskij, V. Zhura // Questions of General Linguistics. – 2002. – № 5. – P. 38-57.

8. Stepykina T. Theory of Communication: Interdisciplinary Approach / T. Stepykina, I. Mygovych. – Luhansk: Luhansk Taras Shevchenko National University Press, 2012. – P. 13.
9. Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations / Anna Wierzbicka. – New York: Oxford: Oxford University Press, 1992. – 487 p.

УДК 81

Милославский И. Г.

ОТ ГРАММАТИКИ КЛАССИФИЦИРУЮЩЕЙ К ГРАММАТИКЕ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЙ РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

В статье утверждается фундаментальная противопоставленность семантических и сочетаемостных характеристик русских словоформ. На примере русских имен демонстрируется, когда именно сочетаемостные характеристики могут превращаться в семантические и наоборот. Рассматривая категорию глагольного вида как сочетаемостную характеристику глагольной лексемы с различным модифицируемым семантическим содержанием, автор доказывает некорректность сложения вида и иных семантических характеристик предложения и текста. Даются практические рекомендации для случаев неаддитивного сложения семантических элементов в процессе рецептивных речевых действий, а также для соблюдения нормативной сочетаемости в процессе продуктивных речевых действий. Подчеркивается, что главная цель говорящего/пишущего состоит не в соблюдении нормы, а в выражении задуманного содержания. Эта цель может быть достигнута только тогда, когда перечень средств, выражающих определенное содержание, сопровождается правилами сочетаемости этих средств.

Ключевые слова: рецептивные и продуктивные речевые действия, семантика, сочетаемость, падеж, вид.

У статті стверджується фундаментальна противопоставленність семантичних та збіг характеристик російських словоформ. На прикладі російських імен демонструється, коли саме сочетаемостні характеристики можуть перетворюватися в семантичні та навпаки.

Ключові слова: рецептивні та продуктивні мовні дії, семантика, сполучуваність, відмінок, вид.

Author underlines, particularly on the example of case of nouns, the deep differences between semantic and syntactic features of grammatical characteristics of Russian words. He shows, under which circumstances syntactic transfers into semantic and vice versa. Dealing with aspect of verb, author regards it as syntactic characteristic with many different meanings.

Key words: semantic and syntactic features, grammatical characteristics, case of nouns, aspect of verb.

Язык как знаковая система может быть объектом исследования в двух аспектах, от формы к смыслу и от смысла к форме. Русская лингвистическая традиция тяготеет к первому, семасиологическому, подходу. И относительно немногочисленные исследования в обратном, ономасиологическом, направлении были встречены с энтузиазмом. Эти исследования выявили весьма сложную обратимость движения от формы к смыслу в движение от смысла к форме, лишний раз показав тем самым ассиметричный дуализм языкового знака. Проявляющийся в том, что одной единице формы часто соответствует несколько разных смыслов (флексия *-и*, например, как показатель разных падежей существительных, числа – у существительных, кратких прилагательных и глаголов, наклонения – у глаголов), а одному и тому же смыслу соответствуют различные формы (например, обозначение однократности действия через *один раз* или различными аффиксами *толкнуть, сглупить, поцеловать, навестить*) [1].

Однако, как кажется, при сознании необходимости и ономасиологического подхода было как-то забыто его фундаментальное отличие от семасиологического. Я имею в виду проблемы сочетаемости языковых единиц. В семасиологии при обеспечении рецептивных речевых действий (чтение, аудирование) такой проблемы практически нет. Почти всегда в предъявляемых текстах синтагматические языковые правила соблюдены. (Речь не идет о весьма частых случаях, когда анализируемый текст создан или иностранцем, или в целях языковой игры и т.п.). Зато при ономасиологическом подходе проблема сочетаемости является центральной. Для обеспечения продуктивных речевых действий совершенно недостаточно знания набора средств, выражающих некоторый смысл. Говорящему/пишущему необходимы четкие правила, разрешающие или запрещающие соположение каждого из этих средств с другими языковыми единицами. Здесь нельзя ограничиться общими теоретическими, часто очевидными, соображениями о центре и периферии. Совершенно необходимы конкретные ответы, позволяющие, например, создать правильный глагол со значением результативности, зная, что от *читать – прочитать*, от *писать – написать*, от *учить – выучить* (или *научить*), от *решать – решить*. И в каждом случае никак иначе! [2]

Семасиологическая грамматика русского и других европейских языков, выделяя в процессе классификации различные грамматические категории, более или менее явно указывала на их семантическую или сочетаемостную сущность [3]. Приведу примеры. Распределение русских существительных по родам четко определяло ту форму, в которой выступают связанные с этими существительными прилагательные, а также глаголы в форме прошедшего времени: *большой дом был, большая деревня была, большое окно было, большие ворота были* и *к большому дому, к большой деревне, к большому окну, к большим саням*. Сугубо сочетаемостная сущность рода существительного делает эту характеристику практически избыточной для рецептивной грамматики. Это утверждение неверно для существительных общего рода (*невежа, неряха, забияка, соня, староста* и нек. др.). А в именительном падеже для слов, обозначающих профессии и должности (*директор, канцлер, профессор, врач* и нек. др.). В этих двух случаях род связанных слов указывает на пол: *ужасный соня* (мужской пол) – *ужасная соня* (женский пол), *наш врач написал* (пол неизвестен) – *наша врач написала* (женский пол). Итак, в рецептивной грамматике ценны только редкие случаи, когда в конкретных обстоятельствах характеристика, указывающая на род (синтагматика!), приобретает семантическую ценность. В продуктивной грамматике все, что касается сочетаемостной природы совершенно необходимо, поскольку именно эти сведения обеспечивают нормативную (не семантическую!) правильность речи говорящего/пишущего. А случаи семантические должны занять в продуктивной грамматике место, называющее разнообразные средства для обозначения пола. Однако с непременным указанием на сочетаемость каждого из этих средств. Без этих сведений практически воспользоваться соответствующей информацией невозможно.

Другой пример. Краткие и полные формы русских прилагательных также противопоставлены по своим сочетаемостным свойствам: краткие только в функции сказуемого, полные – и в функции сказуемого, и в функции

определения: *Девушка красивая – Девушка красива*, но только *Красивая девушка вошла*. Однако имеются несколько прилагательных, краткие формы которых получают номинативное содержание «в настоящий момент»: *Он зол, весел, болен, здоров – Он злой, веселый, больной, здоровый*. Для рецепции и для продукции эти прилагательные должны быть четко определены. В первом случае ради точного извлечения смысла из формы. В случае продукции как ограниченное определенными прилагательными средство выражения противопоставления «в данный момент» – «обычно». Как известно, это семантическое противопоставление, базисное для английских глаголов, в русском либо относится к знаниям о конкретной ситуации общения, никак не выражаясь формально, либо выражается лексически: *сию минуту, сейчас – обычно, как правило*.

Числовая характеристика существительных в своей основе номинативная, сообщающая о количестве «предметов», 1 и >1. Однако у этой характеристики есть и сочетаемостная составляющая, принципиально такая же, как и у рода существительных. При этом применительно к существительным, чуждым идее счета, сочетаемостная ипостась остается единственной, а номинативная вовсе утрачивается: *лапта – городки, сметана – сливки, одеколон – духи, Памир – Альпы* и др.

В процессе рецепции соответствующая «числовая аномалия» легко преодолевается за счет здравого смысла читателя/слушателя. А при рецепции необходим не только общий список средств выражения количественного представления, снабжаемый рассуждениями о взаимодействии системы и среды. Необходимы строгие правила сочетаемости каждого из средств с соответствующими существительными. Как абсолютно необходимы нормативные правила и формальных преобразований: *два человека – пять человек – много людей* и др. Все эти сочетаемостные нерегулярности не доставляют непреодолимых трудностей догадливому реципиенту, но создают неразрешимые проблемы для говорящего/пишущего. Итак, хамелеонское преобразование семантического в сочетаемостное, а сочетаемостное в семантическое создает трудности и для рецепции, и для продукции. И в рецепции, и в продукции преодоление этих трудностей возможно лишь при точном и ясном определении всех объектов таких преобразований. При принципиальном фундаментальном различении семантического и сочетаемостного аспекта.

Сложности, связанные с осмыслением такой грамматической характеристики как падеж, связаны с тем, что внутри нее практически равноправно представлены обе характеристики, номинативная (*Петя читает книгу сыну громким голосом*) и синтагматическая (*приехать из Москвы к другу*). Здесь можно выделить два типа случаев.

1. При беспредложном употреблении падежная принадлежность существительного определяет субъектно-объектные отношения, являясь, таким образом, семантической. При этом лексические значения часто помогают правильно понять, каковы эти отношения (Ср. *Петя читает книгу* и *Каин убил Авеля*). Невозможность определить падеж приводит к семантической неясности (*болото окружает лес*).
2. При предложном употреблении падежная характеристика 1) снимает омонимию предлогов (*с лошади – с лошадью*), 2) имеет только синтагматическую ценность (после предлогов, требующих одного-единственного падежа), 3) вместе с асемантизированным предлогом приобретает семантическую ценность «объект действия» (*надеяться на отца, смеяться над старостью*).

При рецепции необходимо научиться различать семантически ценные и лишь сочетаемостно ценные употребления предлогов (*сквер перед домом – пресмыкаться перед начальниками*). Для продукции следует особо заучивать глаголы с их нестандартным (не винительный беспредложный!) замещением позиции «объект действия» (*командировать полком, мечтать о славе*).

Те же принципиально процедуры эффективно применимы к категории глагольного вида. Понимание характеристики «совершенный вид» как строго сочетаемостной, а также указывающей на отсутствие в составе парадигмы форм настоящего времени, при весьма неоднозначном семантическом содержании позволяет отчленить вид как характеристику по своей сущности сочетаемостную от семантических характеристик глагольной лексемы. Такой взгляд позволяет в процессе рецепции не складывать литры с километрами (синтагматику с номинативностью), но соединять не всегда по простому чисто аддитивному правилу только семантические характеристики словоформ, а также предложений, текстов. Для продукции же необходимо всегда помнить о тех сочетаемостных ограничениях, которые накладывают на развертывание предложения употребление глагола совершенного вида.

Обращусь к примерам. Если известно, что некий глагол принадлежит к совершенному виду, то это однозначно и неумолимо сообщает только о двух вещах. Во-первых, о том, что этот глагол весьма ограничен в сочетаемости: он не сочетается 1) с фазовыми глаголами (нельзя **начать сделать* или *перестать сказать*); 2) с показателями регулярной повторяемости (нельзя **каждый день, систематически, по вечерам прочитать*); 3) с «отрицательными рекомендациями» (нельзя **не советую, не стоит, разлюбил пойти*). И, во-вторых, что парадигматически глагол этот дефектен: у него нет форм настоящего времени, ни личных, ни причастных. И все! О семантике видовая характеристика однозначно ничего не сообщает. Могу утверждать, что глагол совершенного вида может быть результативным (*написать, прочитать, построить*) или однократным (*сказать, бросить, крикнуть*), а может соединять эти семантические характеристики с другими (запеть – «начало» + «однократность»), *перестроить* («повторно» + «результативность»), *доплатить* («добавочность» + «однократность»).

Если же некий глагол принадлежит к несовершенному виду, то это означает только то, что у него 1) нет ограничений в сочетаемости и 2) в его парадигме нет дефектов, в ней представлены все три времени у личных форм и две – у причастных. А семантические характеристики самого этого глагола могут быть самыми разнообразными, среди них нет только однократности и результативности.

Складывая в процессе рецептивных речевых действий семантику (не сочетаемостные и парадигматические свойства!) глагола, корневую и аффиксальную, со значениями других слов в предложении и высказывании, следует иметь в виду, что такое «сложение» не всегда носит простой аддитивный характер, когда 1 + 1 = 2. Возможны и случаи «зачеркивания», в частности грамматических по форме значений лексическими по форме: *несколько раз повторил, не до конца построил*. И их дублирование: *многократно сиживал, по-новому перестроил, один раз крикнул* и т.п. Кроме того, не следует забывать о знании конкретной ситуации: *Вы погасили свет?* («однократность») – *Вы погасили пожар?* («результативность»), *Вы покупали соль?* («у нас есть соль?») – *Вы покупали квартиру?* («Вы понимаете, какая это долгая и тяжелая процедура?»). Не следует исключать и знаний о жизни вообще: *Петербург*

строили итальянские архитекторы («результативность»), *Сегодня на сцене играл Смоктуновский* («однократность»). Повторю, попытка складывать видовую принадлежность глагола в процессе рецептивных речевых действий с другими, выраженными и формально не выраженными, семантическими характеристиками, представленными в самом глаголе, в предложении и в тексте, очень напоминает сложение литров с километрами. А выделение разнообразных значений того или другого вида на самом деле представляет попытки семантизации предложений, в которых выступают глаголы того или другого вида. С таким же успехом можно было бы пытаться получать смысл предложений и текстов, выделяя в качестве одного из слагаемых род или падеж существительного. Слагаемыми при решении этой главной рецептивной задачи могут быть только семантические элементы различного типа и никак не характеристики, отражающие сочетаемость соответствующих словоформ или устройство парадигм, в которые входят эти словоформы. При таком сложении должен непременно действовать закон однородности единиц, как приведение к общему знаменателю в арифметике или выбор системы единиц в физике.

Хотелось бы напомнить, что в процессе продуктивных речевых действий психически здоровый говорящий/пишущий не может иметь своей целью употребление дательного падежа, краткой формы или совершенного вида. Выбор соответствующей единицы никогда не главная цель, но всегда только средство для того, чтобы выразить задуманное содержание и/или соблюсти языковые (sic!) нормы. В этом смысле употребление говорящим/пишущим глагола совершенного вида существенно ограничивает возможности дальнейшего развертывания предложения вследствие разнообразных сочетаемостных и парадигматических ограничений у таких глаголов, о чем уже говорилось выше. Реальная же цель говорящего/пишущего в том, чтобы либо модифицировать глагольное действие по определенным семантическим параметрам, либо отказаться от семантической модификации.

Итак, создание грамматических представлений, в частности русского языка, обеспечивающих различные виды речевой деятельности, не может не опираться на традиционную классификационную по форме и новую, т.н. функциональную, но также классификационную, но уже по содержанию, грамматику. При этом однако следует всегда различать семантическое и сочетаемостное, а также непременно и для каждого конкретного случая выявлять именно преобразование сочетаемостного в семантическое и наоборот, не останавливаясь на этапе определения грамматической характеристики. Там, где такого семантического содержания нет (или оно неопределенно) мы имеем дело с сочетаемостной характеристикой. Осуществляя рецептивные речевые действия, следует понимать, что эта сочетаемостная характеристика уже реализована в предложении и/или тексте. При продуктивных речевых действиях эту характеристику необходимо учесть для соблюдения языковой нормы. Но к семантической, содержательной стороне дела, той ради которой и существует любой язык, сочетаемостная характеристика не относится. *Хорошая дом* – семантически ясно, но нормативно ужасно, то же самое и в *приехал в Москва* и в *каждый день отправил письма*. *Подъехали сани* – семантически неясно (сколько же саней?), а нормативно безупречно. То же самое *Я читал эту книгу* (до конца или нет?), *Я предупреждал Вас* (один раз или несколько?), *Врач пришел* (мужчина или женщина?).

Источники и литература

1. Милославский И. Г. Краткая практическая грамматика русского языка / И. Г. Милославский. – М.: URSS, 2010. – С. 137-145.

2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа языки русской культуры, 1995. – С. 56-163.

3. Зализняк А. А. Грамматический словарь / А. А. Зализняк. – М.: Русский язык, 1977. – С. 3-10.

УДК 81`42

Минахин Д. В.

ПОДХОДЫ К КОГНИТИВНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ ЭПИТЕТА

В статье предпринимается попытка когнитивной классификации эпитетов. Также статья посвящена обоснованию гипотезы состоящей в том, что эпитет может быть исследован в рамках когнитивной поэтики. С этой точки зрения уместно говорить о генезисе эпитета, о принципиальных отличиях сущности современного эпитета и эпитета на ранних стадиях его развития.

Ключевые слова: эпитет, феномен, метафора, функция, сознание, когнитивный.

У статті робиться спроба когнітивної класифікації епітетів. Також стаття присвячена обгрунтуванню гіпотези полягає в тому, що епітет може бути досліджено в рамках когнітивної поетики. З цієї точки зору доречно говорити про генезис епітета, про принципові відмінності сутності сучасного епітета та епітета на ранніх стадіях його розвитку.

Ключові слова: епітет, феномен, метафора, функція, свідомість, когнітивний.

The article offers the idea of classifying epithets in the cognitive aspect. Also this article is dedicated to the substantiation of the hypothesis which consists in the fact that epithet can be investigated within the framework of cognitive poetics. From this perspective, it is appropriate to talk about the genesis of the epithet, the fundamental differences between the essence of the modern epithet and the epithet in the early stages of its development.

Key words: epithet, phenomenon, metaphor, function, consciousness, cognitive.

В настоящее время активно развивается в рамках когнитивной лингвитиски самостоятельная наусная область – когнитивная поэтика. В рамках когнитивной поэтики необходима разработка совершенно нового понимания и новой трактовки известных составляющих поэтического текста, таких как средства художественной выразительности.

Традиционно тропы являются объектом литературоведческого исследования. Однако их изучение с помощью методов и приемов когнитивного анализа, а также новая интерпретация изученного в литературоведении текстового материала оказываются продуктивными при развитии идей когнитивной поэтики.

Когнитивный подход в исследованиях художественного поэтического текста развивается несколько десятилетий, поэтому с точки зрения когнитивной методологии вполне возможно проанализировать средства художественной выразительности. Эпитет в лингвокогнитивном аспекте представляет собой результат эволюции человеческого сознания и творческого сознания в частности.

С помощью анализа процесса становления эпитета мы можем проследить, как формировались основы обработки репрезентации эмоционально-эстетического опыта [4].

Гипотеза исследования заключается в том, что можно рассмотреть этапы трансформации эпитета в когнитивном аспекте. Древний эпитет был четко мотивирован материальными деталями, которые соотносились с конкретным объектом или представлением о конкретном физическом объекте. Современный эпитет может возникать на основе взаимодействия разных концептов, т. е. он может быть *очевидно немотивированным*, но мотивированным субъективно (автор может видеть связь между явлениями, читатель – нет): *«Фиолетовые руки / На эмалевой стене»* (В. Я. Брюсов).

Опираясь на исследования по древней культуре и литературе (О. М. Фрейденберг, А. Н. Веселовский), можно обратить внимание, что в качестве прообраза современного эпитета появляются немногочисленные, прикрепленные к небольшому кругу существительных слова, которые описывают конкретную и сугубо узкую черту объекта/предмета/явления. Изначально такие *эпитеты* использовались с названиями богов. На этом этапе эпитеты были очень похожи на прозвища, так как репрезентировали в слове материальные детали, которые служили атрибутами объекта. С подобным феноменом мы сталкиваемся в работах О. М. Фрейденберг, где приводится лингвистический анализ имен богов: Зевс благоветер, Гермес рыночный [6, с. 114].

Эпитет служил подготовительным этапом для метафоры. Повторяемость наименований объектов основана на связанности семантики определяющего и определяемого, объекта и его эпитета. Важно отметить, что такой эпитет не имел переносного характера, был четко мотивирован теми деталями, которые принадлежали описываемому объекту.

С анализом исторической ситуации напрямую связана цель исследования – доказать, что на современном этапе развития поэтического искусства используются как мотивированные, так и немотивированные эпитеты. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что ранние механизмы творческого сознания не уходят в прошлое, они работают наряду с более поздними образованиями. При этом, под творческим сознанием понимается высшая форма психического отражения действительности в виде обобщенной и субъективной модели окружающего мира в виде словесных понятий и чувственных образов, эстетически осмысленных, которая опирается на воображение и память. Оно является способностью осуществлять рефлексивные акты осознания и познания чувств, переживаний, эмоций, а также отделять их, объективировать и трансформировать в эстетически значимую форму, пригодную для сознательного освоения, языковой репрезентации [4, с. 113].

В современном понимании эпитет является выразительным средством (тропом), основанным на выделении качества, признака описываемого явления, которое оформляется в виде атрибутивных слов или словосочетаний, характеризующих данное явление с точки зрения индивидуального восприятия этого явления [3, с. 35]. В данном определении закреплено *современное понимание эпитета*, его стилистическая функция и связь с индивидуально-авторским сознанием, в то время как первоначально, если мы сошлемся на работы О. М. Фрейденберг, эпитет не имеел стилистической функции и не был производным авторского индивидуального сознания. Более того, в литературоведческой науке превалирует мнение, что постоянные эпитеты, характерные для фольклора, являются результатом процесса закрепления эпитетов за конкретными определяемыми словами. Согласно А. Н. Веселовскому – это процесс окаменения эпитета [2, с. 26]. Хотя анализ материала, представленного в работах О. М. Фрейденберг, приводит нас к совершенно противоположному выводу, так как постоянные эпитеты изначально сопутствовали определяемым словам, так как были мотивированы ими. Например, *бесплодная болезнь* у Софокла появляется вслед за мифологическими образами «бесплодия» как засухи и смерти, и «болезни» как зловещей женщины, неспособной иметь потомство [6, с. 190].

С нашей точки зрения, решение данного вопроса можно найти при помощи методов анализа когнитивной науки, а также провести исследование когнитивной составляющей эпитета.

Эпитет является достаточно экономичным средством художественнгой выразительности в первую очередь из-за своей простоты, потому что при использовании эпитета не осуществляется полный перенос. Метафора – это скрытое сравнение. В случае с эпитетом объект употребляется в прямом смысле, называется; при этом метафоризируется лишь часть его концептуальных признаков. Например, возьмем слово «голубой», которое в слвосочетании «голубое небо» отражает базовые признаки объекта и упореблено в прямом значении, в словосочетании «голубые сны» это прилагательное метафоризирует зрительные характеристики объекта. Как правило, базовые признаки объекта, присущие ему, – основные, выделяемые всеми носителями языка, закреплены в словарной статье в виде дефиниции. Это так называемое «разделенное знание», информация, которая разделяется всеми носителями языка [1]. Такие признаки обоснованно могут считаться мотивированными в силу своей логичности.

Учитывая, что эпитеты достаточно трудно рассклассифицировать (в настоящее время существует несколько классификаций эпитетов [5]), мы предлагаем уточняющую классификацию в когнитивном аспекте: можно разделить эпитеты на прямые (мотивированные) и переносные (немотивированные).

С одной стороны, эпитет может выражать объективные, осознаваемые всеми качества объекта (мотивированный): *«Как <u>захожий</u> богомолец,/Я смотрю твои поля»* (С. А. Есенин), с другой стороны эпитет может репрезентировать качества субъективные, изначально не присущие объекту, которыми объект наделяется автором (немотивированные): *«Как говорят инцидент исперчен/<u>любовная</u> лодка разбилась о быт»* (В. В. Маяковский). В этом закреплении в языке поэтического текста проявляется субъективное видение мира и миромоделирующая функция языка. Это дает осознание того, что при анализе сложных явлений в поэзии (эмоции, например) по качеству авторских эпитетов, отобранных по определенным критериям можно судить о качестве тех поэтических моделей, которые актуальны в определенную историческую эпоху, в определенной поэтической культуре.

Любое прилагательное в поэтическом тексте – это эпитет, который как объект языка выражает признак или качество. Эпитет классифицируется как прямой или переносный только в сочетании с определяемым словом, конкретным объектом. Получается, что нет эпитетов, которые бывают только прямыми и не бывают переносными, равно как и наоборот.

На основании этого факта можно проследить отсутствие жесткой связи в авторском сознании между объектом и его признаком. Автор постоянно примеряет разные признаки к объектам, в чем проявляется свободное

субъективное видение человеком объектов мира. При этом нужно констатировать историчность этого процесса: творческое сознание развивается в сторону большей гибкости в осмыслении мира, потому что такая свобода в использовании эпитета наблюдалась не всегда.

Источники и литература

1. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 405 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
4. Маслова Ж. Н. Проблема «эволюционности» творческого языкового сознания и поэтического текста. Классический и неклассический поэтический текст / Ж. Н. Маслова // Когнитивная поэтика: современные подходы к исследованию художественного текста: межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. – С. 112-122.
5. Москвин В. П. Эпитет как предмет теоретического осмысления / В. П. Москвин // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – № 4 (14). Декабрь 2011. – С. 1-5. [Электроный ресурс]. – Режим доступа: www.grani.vspu.ru.
6. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М.: Издательство «Наука», 1978. – 606 с.

УДК 81’42

Мироненко Т. П.,
Добровольська Л. С.

ДИСКУРС РИЗИКУ

В статье рассматривается дискурс риска, как объект коммуникативной деятельности человека в когнитивном и социальном процессе. Авторами рассматриваются вербальные и невербальные средства изображения ситуации риска.
Ключевые слова: дискурс риска, ситуация риска, социальные факторы, коммуникация.

У статті розглядається дискурс ризику, як об’єкт комунікативної діяльності людини у когнітивному та соціальному процесі. Висвітлені вербальні та невербальні засоби зображення ризикованої ситуації.
Ключові слова: дискурс ризику, ситуація ризику, соціальні фактори, комунікація.

This article dwells upon the discourse of risk as an object of communicative activity of a person from the point of cognitive and social views. Verbal and non-verbal means of depicting risk situation are described.
Key words: discourse of risk, situation of risk, social factors, communication.

У сучасній лінгвістиці під дискурсом розуміють мовлення у ситуаційному контексті, або ситуації. Остання може тлумачитися як конкретна ситуація спілкування (на її позначення застосовують терміни «комунікативна / мовленнєва ситуація») або як загальна культурна ситуація («суспільна практика», «культурний контекст»). Друге тлумачення притаманне суспільним наукам (філософії, культурології, соціології тощо), а перше є поширеним у мовознавстві.

У лінгвістиці, своєю чергою, дискурс може трактуватися як процес ситуативно зумовленої комунікативної діяльності або її результат (текст) [9, с. 22], але ці підходи до визначення змісту терміна «дискурс» не є взаємовиключними: вони становлять собою різні дослідницькі «проекції» складного та багатовимірного феномену дискурсу [9, с. 22]. Отже, навіть вивчаючи дискурс як процес / діяльність, дослідник фактично має справу з результатом цієї діяльності – текстом, але з цього застиглого «відбитку» мовленнєвої діяльності, що відбувається у когнітивному і соціальному контексті, він має вилучити дані, що є релевантними до процесуального аспекту буття природної мови.

Об’єктом презентованого у статті дослідження є англомовний дискурс ризику, що розуміється як розумово-мовленнєва діяльність носіїв англійської мови у ситуації ризику. Існує ще одне обмеження, що уточнює об’єкт: одним із комунікантів є дитина або підліток. **Предметом** розгляду є вербальні та невербальні засоби, характерні для ситуації ризику. **Метою статті** є систематизація мовних та позамовних засобів дискурсної актуалізації ситуації ризику.

ризик

Ризик присутній в усіх сферах людської діяльності. Поняття ризику трактується західними вченими в широкому розумінні як будь-які небажані для сучасного суспільства явища. При цьому до них відносять здебільшого ті явища, які несуть загрозу життю та здоров’ю людини [5, с. 227].

Ризик має багато значень та представляє собою соціокультурну концепцію в різних галузях суспільства: охорона здоров’я, економіка, педагогіка, медицина тощо.

Ризик не є об’єктивним поняттям, а набуває свого традиційного значення тільки в людському сприйнятті (наївній картині світу) [3, с. 257]. Ситуація ризику визначається як ситуація потенційної небезпеки суб’єкта та характеризується певною обмеженістю в часі, тому існує необхідність вирішувати проблему швидко. Суб’єкт допускає можливість вирішити проблему завдяки власним діям, або за допомогою іншої сили [3, с. 258]

Слова *risk, danger, possibility, chance, harm* визивають у свідомості людини знання про негативні та загрозливі наслідки, які представлені фреймом RISK. Концептуальні знання про небезпеку дають змогу визначити цілі комунікативної ситуації, суб’єкт та наслідки загрози, так наприклад у даному реченні «*social researchers has identified many factors that put children at risk of problems from hyperactivity to dropping out of school to becoming involve in crime*» [СВ], ми виділяємо комунікативну ціль – повідомлення соціальних дослідників про проблеми та загрозливі наслідки дітей; суб’єкта ризикованої ситуації – діти (*children*), які знаходяться в ситуації ризику (*risk problems*); негативні наслідки, а саме проблеми зі школою, підліткова злочинність (*dropping out of school*, *involment in crime*).

дискурс ризику

Спричаючись на аналіз дискурсу російського вченого В. Карасика, який пропонує враховувати такі елементи дискурсу, як його учасники, хронотоп, цілі, цінності, стратегії, жанри, дискусійні формули суттєвим є поділ дискурсу ризику на подані складники: учасники (діти та суспільство), хронотоп (школа, сім'я, коло друзів), ціль (звернення уваги людей на існуючу загрозу), цінності (життя, здоров'я та ін.), жанри – бесіда, діалог [3, с. 209].

Інший іноземний вчений, М. Гелідей моделює дискурсну ситуацію, виокремлюючи у ній «поле» (field), «учасників» (tenor) та «форму» (mode) [10, с. 175-202]. Під «полем» дискурсу дослідник розуміє характер здійснюваної за посередництвом природної мови соціальної взаємодії (наприклад, біологія, медицина, релігія, політика тощо). Оскільки «полем» дискурсу може бути будь-яка сфера людської діяльності, цей перелік має відкритий характер. Можна припустити, що різновидів дискурсу є стільки, скільки є видів діяльності людини, оскільки кожен вид діяльності створює своє «поле» дискурсу з притаманним йому мовним оформленням. Параметр «учасники» співвідносний з ролевою структурою комунікативної взаємодії, тобто стосується статусних, позиційних та реляційних ролей, як постійних, так і тимчасових (наприклад, батько – дитина; лікар – пацієнт тощо). Параметр «форма» співвідносний з особливостями символічної організації здійснюваної за допомогою мови діяльності (усна – письмова; формальна – неформальна; опис – розповідь тощо).

Визначення *дискурсу ризику* за цими параметрами дозволяє вивести такі його критерії: «поле» – ситуація ризику, що характеризується наявністю небезпеки для учасників – обох або одного з них (це може бути діалог у ситуації ризику або розмова про те, що ситуація є ризикованою). «Учасники» – англомовні підлітки (або підліток та дорослий). «Форма» – усна, опосередкована письмовим мовленням. Джерелом матеріалу для вивчення англомовного дискурсу ризику слугує наукова та художня література, представлена науковими Інтернет виданнями, газетними та журнальними статтями, сучасні англомовні художні тексти. Англомовні тексти, які висвітлюють тему ризику, можливо умовно поділити на певні групи. Для нашого дослідження припустимо такі назви як: дескриптивна або описова та репрезентативна або художня групи, відмінною рисою яких є спосіб передачі ситуації ризику.

Описовий тип представляє ризик, як предмет вивчення різноманітних наук (медицина, психологія, педагогіка, економіка та ін.), який розглядається з різних точок зору. Художній тип, напроти, виражає ситуацію ризику з точки зору сприйняття самого читача – кожен аналізує ризиковану ситуацію, спираючись на власний світогляд.

Щодо художнього типу дискурсу ризику, то ми враховуємо погляди російського лінгвіста С. А. Сухих, який виділяє комунікативно-прагматичні зразки мовленнєвої поведінки – типи або сценарії взаємодії, до складу яких входить соціальні норми, ситуативний контекст (місце і час мовленнєвої події), соціальні відносини, рівень формальності [6, с. 45]. Необхідно зазначити, що за данимим О. І. Морозової художній дискурс ризику залежить також від характеру мовленнєвої діяльності – її цільової направленості, мотивів адресанта, зміни в ситуаціях спілкування, перш за все в почуттях та поведінки адресата [4, с. 16]. Отже, при аналізі дискурсу ризику значення також набуває соціальність мови та позамовні соціальні фактори, що проявляється у мовному оформленні соціально-вагомих подій та особливостях адресантно-адресатної конфігурації, коли адресатом виявляється соціум.

Вивчення різноманітних англомовних текстів свідчить про наявність суб'єкта фреймової ситуації ризику та різноманіття дослідження даної проблематики. Оскільки, суб'єктом виступає підліток, який піддається ризикованій ситуації, економічний тип дискурсу є не релевантним для нашого дослідження, де суб'єктом виступає доросла людина.

Приміром, в психології ризик розглядається, як ситуативна характеристика діяльності, що полягає в невизначеності її результату і можливих несприятливих наслідках в разі неуспіху; в медицині – ризик представляє собою вірогідність загрози життю людини спричинені певними чинниками, що шкодять здоров'ю людини (алкоголь, куріння, наркотики, рання вагітність та ін.). Отже, за допомогою вживання лексичних одиниць *risk, risky* описується ризикована ситуація, зображується фреймова модель ризикованої ситуації із суб'єктом, наслідком та чинниками ризику: «*Media violence increases the risk of aggressive behavior in certain children, desensitizes them to violence або*

Acute risk behaviors place a youth in immediate jeopardy of serious bodily injury[СМ]; *easy access to tobacco and alcohol is a risk factor for teen substance abuse* [СМ]»

В художніх текстах ризиковані ситуації зображені з різноманітних сторін: вказуються соціальні причини ризикованої поведінки, наслідки ситуації, поведінка підлітків, висвітлюються учасники комунікації та їх наміри. Зображення ризикованої ситуації здійснюється як вербальними так і невербальними засобами. В романі американської письменниці С. Є. Хінтон «Ізгої» головні герої-підлітки – опиняються в різноманітних ризикованих ситуаціях, які спричені різноманітними соціальними чинниками: сирітство, класова нерівність, проблеми в школі, малолітні правопорушення. Підлітки постійно ризикують своїм життям, іноді розуміючи наслідки своєї поведінки. Наприклад в даному реченні *He'd risk a robbery, he said, if it meant keeping one of the boys from blowing up and robbing a gas station or something* [Hinton 1995, с. 106] постерігається можливість ситуації ризику, що виражена лексичною одиницею *risk* та синтаксичною конструкцією (умовне речення). Вказані умови, за яких мовець міг би стати учасником ситуації ризику *blowing up and robbing a gas station or something*, але розуміючи наслідки даної ситуації, підліток вирішує не ризикувати. Іноді підлітки ризикують своїм життям заради інших людей. В даному прикладі *The article told how Johnny and I had risked our lives saving those little kids, and there was a comment from one of the parents, who said that they would have burned to death if it hadn't been for us* [Hinton 1995, с. 107], ми простежуємо такі елементи ситуації ризику (СР): СУБ'ЄКТ(И) дії (*Johnny and I*), ЦІННИЙ ОБ'ЄКТ (*our lives)*, ДІЯ (*saving those little kids*), МОЖЛИВИЙ НАСЛІДОК / ШКОДА (*would have burned to death*).

Невербальні засоби зображення ризикованої ситуації демонструються за допомогою жестів – *«Need a haircut, greaser?» The medium-sized blond pulled a knife out of his back pocket and flipped the blade open* [Hinton 1995, с. 5]. Рух тіла співрозмовника (*pulled a knife*) має злісний намір та являє собою загрозу для іншого комуніканта.

Підводячи підсумки, важливо наголосити, що дискурс ризику являється процесом комунікативної діяльності людини, тому більш детальніший та глибший аналіз дискурсу ризику надає вивчення англомовних художніх текстів сучасних американських письменників, оскільки розглядаються не тільки вербальні, а також невербальні засоби передачі ризикованої ситуації, що і є основою для подальшого дослідження.

Джерела та література

1. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 2. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 356 с.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. БЭС / [Гл. ред. В. Н. Ярцева]. – [2-е изд.]. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – С. 136-137.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Морозова Е. И. Активация концепта ложь в дискурсе / Е. И. Морозова // Вісник Харківського національного університету. Серія Романо-германська філологія. – 2006. – № 725. – С. 13-16.
5. Ріктор Т. Л. Філософія ризику / Т. Л. Ріктор // Науковий журнал «Вісник ДонДУЕТ». Серія «Гуманітарні науки». – Донецьк: ДонДУЕТ. – № 2 (18). – 2003. – С.226-231.
6. Сухих С. А. Личность в коммуникативном процессе / С. А. Сухих. – Краснодар: Изд-во Южного института менеджмента, 2004. – 143 с.
7. Шевченко І. С. Дискурс як мисленнєво-комунікативна діяльність / І. С. Шевченко, О. І. Морозова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен: (Колект. монографія) / Л. Р. Безугла, Є. В. Бондаренко, П. М. Донець та ін.; Під загальн. ред. І. С. Шевченко. – Харків: Константа, 2005. – С. 21-29.
8. Шевченко І. С. Проблеми типології дискурсу / І. С. Шевченко, О. І. Морозова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен: (Колект. монографія) / Л. Р. Безугла, Є. В. Бондаренко, П. М. Донець та ін.; Під загальн. ред. І. С. Шевченко. – Харків: Константа, 2005. – С. 233-237.
9. Шевченко И. С. Становление когнитивно-коммуникативной парадигмы в лингвистике / И. С. Шевченко // Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна. – 2004. – № 635. – С. 202-205.
10. Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic: the social interpretation of language and meaning / M. A. K. Halliday. – London: Edward Arnold,– 1978.

Джерела ілюстративного матеріалу

1. Hinton S. E. The Outsiders: [a novel] / Susan Eloise Hinton. – N. Y. : Penguin, 1995. — 180 p.
2. CM – Children and the Media [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://books.google.com/books?id=d8Nqzr9CaMIC&printsec=frontcover&dq=children+and+infuence+of+mass+media&source=gbs_similarbooks_s&cad=1#v=onepage&q=risk&f=false.
3. CB – Census Brief [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.census.gov/prod/3/97pubs/cb-9702.pdf.

УДК [81.111 + 316.7]:22

Михайлова Е. В.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО- И УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЙ БИБЛИИ)

Осуществлен анализ особенностей вербализации денежных единиц в текстах англоязычных версий Библии в сравнении с текстами украиноязычных версий в лингвокультурологическом аспекте. Выявлены типы субституций названий монет в современных англоязычных текстах под влиянием экстралингвальных факторов и причины отсутствия похожей тенденции в украиноязычных текстах.

Ключевые слова: денежные единицы, англоязычные и украиноязычные библейские тексты, субституции, экстралингвальные факторы.

Здійснено аналіз особливостей вербалізації грошових одиниць в текстах англомовних версій Біблії у порівнянні з текстами україномовних версій в лінгвокультурологічному аспекті. Виявлено типи субституцій назв монет в сучасних англомовних текстах під впливом екстралінгвальних чинників та причини відсутності схожої тенденції в україномовних текстах.

Ключові слова: грошові одиниці, англомовні та україномовні біблійні тексти, субституції, екстралінгвальні чинники.

The analysis of the money units verbalization peculiarities in the texts of the English Bible Versions in comparison with the texts of the Ukrainian Bible Versions in the linguacultural aspect is carried out. The substitution types of the money names in the modern English texts under the influence of the extralingual factors and the causes of lack of the similar tendency in the Ukrainian texts are maintained.

Key words: money units, English and Ukrainian Bible texts, substitutions, extralingual factors.

Христианство и Библия являются объединяющими и сближающими аспектами народов, исповедующих данный вид религии и изучающих ее главный источник мудрости и нравственного закона. В библейских текстах, хранится информация об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, то есть обо всем том, что составляет содержание культуры. Поскольку в англоязычных версиях Библии содержится вся эта информация не только библейских времен, но и английского общества времен, когда создавались эти версии [3, с. 9], то, можно предположить, что в библейских текстах, переведенных на другие языки, также можно обнаружить сведения о культуре уже этих народов.

В жизни любого современного общества деньги служат одной из основ материального благополучия и экономической независимости нации. Информация об истории возникновения и использования денежных единиц в том или ином государстве, а также денежных отношений, безусловно, позволяет получить достаточное представление о ценностях того или иного социума.

Для лучшего понимания сложившихся ценностей в англоязычном социуме российскими лингвистами Н. Э. Агарковой и М. П. Клименко проводились исследования особенностей номинации денежных единиц на материале американского варианта английского языка [1; 2]. В рамках когнитивного подхода описанием концепта MONEY и его структуры в синхронии и диахронии, а также в аспекте сопоставления его с другими европейскими языками, особенностями его объективации средствами современного английского языка занимались такие ученые, как Н. А. Майоренко, С. Б. Куций, М. Н. Слободян [5].

Анализ современной научной литературы показал, что исследования, особенностей номинации денежных единиц и их сопоставление в различных переводах Библии на европейских языках практически не осуществлялся, что и делает данную работу **актуальной**.

Цель данной работы заключается в выявлении закономерностей субституций названий денежных единиц в библейских текстах англоязычных версий в сопоставлении с украиноязычными под влиянием экстралингвальных факторов. Поставленная цель определила конкретные **задачи** исследования: охарактеризовать денежные единицы

библейских времен; определить виды и особенности субституций названий этих единиц в англоязычных версиях Библии в сравнении с украинскими версиями Библии; выявить экстралингвальные факторы, влияющие на субституции лексики данной тематики.

Объектом исследования выступают тексты англоязычных версий Библии: King James Version (далее – KJV), Today's New International Version (TNIV), а также тексты версий Библии на украинском языке в переводе Огиенко (УБО) и созданная миссионерским обществом версия «Нове життя» (УБНЖ). **Предметом анализа** является характеристика особенностей вербализации денежных единиц в библейских текстах, в зависимости от культурного наследия народов Великобритании и Украины.

При сопоставлении лексем, обозначающих денежные единицы и их суммы, в англоязычных и украиноязычных версиях Библии можно обнаружить определенные расхождения. Интересным представляется определить характер этих расхождений, а также функционирования данных языковых единиц в разных версиях и попытаться найти им соответствующие объяснения.

В библейские времена денежной мерой являлись как вес ценного металла, так и чеканные монеты. Основной ветхозаветной единицей веса был шекель *(shekel)*, что в буквальном переводе с иврита означает – «вес». Полшекеля носили название бека (ивр. – «обломок»), четверть – зуза, а десятая часть – гера. Пятьдесят, иногда шестьдесят шекелей равнялись мане (*mine*), а шестьдесят мане составляли киккар (ивр. – «круглый»; вероятно, в те времена гири имели такую форму), который в Библии носит название талант *(talent)*. В текстах Библии также представлены монеты Палестины (персидские дарики, драхмы, даркмоны), Греции (драхма, динарий, лепта), Римской империи (римский динарий, статир, ассарий, кодрант) [4, с 102-104].

В канонической английской версии KJV используются такие слова, как *money* (Mtth.17:24, 17:27, 22:19), (Mk. 6:8), *penny* (Mtth.20:2, 22:19), *farthing* (Mtth. 5:26, 10:29, 12:42), *mite* (Mk. 12:42). В современной английской версии TNIV все эти слова подверглись субституции. В украинской версии Огиенко используемые слова для обозначения денежных единиц (*грош, шеляга, лепта, динарій*) остаются неизменными в современной версии Библии «Нове Життя».

Слово *money*, используемое в версии KJV, было заменено на лексическую единицу *coin* в современной английской версии TNIV. Слово *money* вводит понятие «деньги», под которым подразумеваются все виды денежных единиц, а слово *coin* обозначает монету. Таким образом, произошла субституция слова и понятия в сторону его сужения («*деньги*» – «*монета*»). В обоих украинских версиях Библии в тексте используется слово *гріш*:

KJV: *Show me the tribute* ***money****.*

TNIV: *Show me* ***the coin*** *used for paying the tax.*

УБО: *Покажіть мені* ***гріш*** *податковий.*

УБНЖ: *Покажіть мені* ***гріш*** *податковий. /*Mtth. 22:19/.

Слово *money* этимологически восходит к имени Римской богини Юнона, которая имела титул Монета, что в переводе с латыни означает «предостерегающая» или «советница». Возле храма Юноны на Капитолии находились мастерские, где чеканили металлические деньги, которые и стали называться монетами. Поэтому, вероятно, создатели версии KJV и использовали слово *money*, поскольку оно ассоциировалось тогда именно с монетами. В свою очередь создатели современной версии TNIV заменяют это слово на лексическую единицу *coin*, чтобы современники смогли понять, что это только металлические деньги, поскольку под словом *money* сейчас подразумеваются, как правила, бумажные купюры.

Тот факт, что Украина долгое время находилась под влиянием разных стран (часть ее входила в состав России, часть – в состав Польши, Австрии, Чехии, Литвы), объясняет выбор украинскими переводчиками слова *гріш* для данного текста. На появление украинского гроша повлияли такие державы, как Россия, Польша, Княжество Литовское. В 1526 году польский грош был отчеканен как реальная монета – грош 375-й пробы весил 2,059 г и имел диаметр 24 мм. В 1535 году отчеканен литовский грош. В России грош был впервые отчеканен в 1654 году и приравнивался к двум копейкам. В XVI-XVII веках грош стал основной разменной монетой [7].

Украинское слово *гріш* имеет два значения: с одной стороны оно обозначает монету, а с другой стороны под этим словом подразумеваются все украинские денежные единицы. Таким образом, поскольку в период развития украинского языка не появилось другого слова, указывающего только бы на металлические деньги, а читатели понимают в каком контексте для библейского текста использовать то или другое значение, то и замены этой лексической единицы в современной версии не произошло.

Рассмотрим следующий пример субституции названия денежной единицы. В текстах ранней английской версии Библии (KJV) используется германское слово *farthing*, являющееся устаревшим в значении «очень малая величина» и обозначающее монету Великобритании достоинством меньше пенни в четыре раза, которая вошла в обиход в XIII веке. В современной версии TNIV эта лексическая единица заменяется также германским по происхождению синонимом *penny.* Пенни – мелкая британская медная монета, по ценности приравненная к американскому центу.

В украинских версиях Библии переводчики используют такую лексическую единицу, как *шеляг*. Шелягами называли серебряные монеты, которые ходили в денежном обращении в украинских землях в разных эпохах. Первые польские и литовские шеляги появились в Украине в связи с денежной реформой короля Стефана Батория в 1759 году. Шеляг приравнивался к 6 динариям и составлял 1/3 польского гроша. Шеляг – украинизированное польско-литовское название мелкой монеты [7].

Таким образом, с сохранением понятия мелкой денежной единицы, в современной английской версии TNIV произошла субституция архаизма стилистически нейтральным синонимом (*farthing – penny*), а в современной украинской версии лексическая единица *шеляг* субституции не подверглась:

KJV: *... till thou hast paid the uttermost* ***farthing****.*

TNIV: *… until you have paid the last* ***penny****.*

УБО: *… поки не віддаси й останнього* ***шеляга****.*

УБНЖ: *... поки не віддаси й останнього* ***шеляга*** / Mtth. 5:26/.

Для обозначения денежных эквивалентов, в различных версиях Библии используются также суммы денежных единиц. К примеру, в канонической версии KJV используются следующие суммы денежных единиц: *a*

hundred pence (Mtth. 18:28), *ten thousand talents* (Mtth.18:24), *ten pounds* (Lk. 19:13), *five talents* (Mtth. 25:15). В современной версии TNIV эти словосочетания заменяются на соответствующие – *a few hundred dollars, ten thousand bags of gold, ten minas, five bags of gold*. В украинских версиях Библии для обозначения сумм денежных единиц служат такие словосочетания, как *сто динаріїв, десять тисяч талантів, десять мін, п'ять талантів.*

Лексическая единица *pence*, используемая в версии KJV, является формой множественного числа слова *penny* и определяет денежную ценность данного количества монет – *a hundred pence*. Данное выражение в версии TNIV подвергается субституции словосочетанием *a few hundred dollars*.

Следовательно, происходит субституция слова *pence*, обозначающего название британской денежной единицы, на слово *dollar*, выражающее современную американскую денежную единицу с увеличением стоимостного значения, поскольку пенни является одной из самых мелких монет, а доллар в сравнении с ним более весомая денежная единица. В данном примере субституция происходит под влиянием такого экстралингвального экономического фактора, как инфляция. В украинских же версиях Библии для обозначения данного словосочетания сохраняется денежная сумма римской эпохи – *сто динаріїв*:

KJV: *...which owed him* ***an hundred pence****.*

TNIV: *...who owed him* ***a few hundred dollars****.*

УБО: *...що був винен йому* ***сто динаріїв****.*

УБНЖ*: ...що був винен йому* ***сто динаріїв***. /Mtth. 18:28/.

Динарий – название римской серебряной монеты времен Республики и первых двух веков Империи, одной из наиболее распространённых монет на территориях, находившихся под властью или влиянием Рима. Динарий стал самой распространенной монетой и получил местные названия, к примеру, в Англии таким названием стало название денежной монеты пенни (подтверждением чего и является вышеуказанный пример).

Динарии в Великом княжестве Литовском чеканились со второй половины XIV в. и имели название «пенязы». Десять пенязов приравнивались к одному литовскому грошу. Литовские динарии (пенязы) были довольно распространены на украинских и белорусских землях в XV, XVI и отчасти в XVII вв. [7]. Таким образом, мы можем проследить две причины использования лексической единицы *динарій* в украинских текстах. С одной стороны переводчики стремились сохранить колорит Римской Империи I века, используя название из римской денежной системы, с другой стороны в этом слове одновременно присутствует и название, которое понятно и украиноязычному социуму (литовский динарий), так как Литва оказывала большое влияние на украинские земли.

Слово *talent*, используемое в версии KJV, заменяется в версии TNIV на словосочетание *bag of gold*. Талант обозначал в Древней Греции единицу массы, которая использовалась в античные времена в Европе, Передней Азии и Северной Африке. Талант был наивысшей весовой единицей в таблице греческих мер (собственно слово τάλαντον означало «весы», затем «груз»). Он также использовался как денежно-расчетная – не монетная – единица в Древней Греции и Древнем Риме. Везде взвешиваемым предметом являлось золото.

Поскольку талант был самой крупной денежной единицей на тот момент, то именно поэтому переводчики современной версии Библии TNIV используют словосочетание *bag of gold* – «мешок золота», чтобы показать весомость таланта в древние времена. В современной английской версии произошла субституция историзма описательным словосочетанием (*talent – bags of gold*), а в украинских версиях Библии название крупной древнегреческой денежной единицы сохранено:

KJV: *And unto one he gave five* ***talents,…***

TNIV: *To one he gave five* ***bags of gold****…*

УБО: І одному він дав *п'ять* ***талантів,****…*

УБНЖ: І одному він дав *п'ять* ***талантів,***…/Mtth. 25:15/.

Таким образом, лингвокультурологический подход к сопоставительному анализу слов, обозначающих названия денежных единиц и их сумм позволяют сделать следующие выводы:

1) в канонической английской версии KJV (начало XVII века) присутствуют названия, как римских монет, так и британских денежных единиц, а в версии TNIV (начало XXI века) они подвергаются субституции преимущественно названиями современных британских и американских денежных единиц или их эквивалентами под влиянием таких экстралингвальных факторов, как развитие экономики и инфляция;

2) в украиноязычных версиях Библии сохраняются названия денежных единиц характерные для древнееврейской, древнегреческой и римской культур, а также тех стран, в состав которых входила Украина в определенные исторические периоды; они не подвергаются субституции поскольку полные переводы Библии на украинский язык появились в прошлом веке и современным читателям понятны все денежные эквиваленты того времени.

Дальнейшее изучение субституций названий денежных единиц в библейских текстах современных версий, созданных на других европейских языках, с целью выявления особенностей характера данного явления представляется нам интересным.

Источники и литература

1. Агаркова Н. Э. Концепт «Деньги» как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка): дис. … канд. филол. наук: спец. 10.02.04. «Германские языки» / Н. Э. Агаркова.. – Иркутск, 2001. – 171 с.

2. Клименко М. П. Лингвокультурологические, когнитивные и переводоведческие аспекты тематической группы «Деньги США»: дис. … канд. филол. наук: спец. 10.02.20. «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / М. П. Клименко. – Москва: МГОУ, 2003. – 190 с.

3. Михайлова Е. В. Язык Нового Завета и время: Англоязычные версии Библии: монография / Е. В. Михайлова. – Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2009. – 188с.

4. Нюстрем Э. Библейский энциклопедический словарь: Пер. со швед. / Э. Нюстрем; под ред. И. С. Свенсона. – СПб.: Библия для всех, 2001. – 523 с.

5. Слободян М. В. Об'єктивація концепту MONEY засобами розмовної англійської мови / М. В. Слободян // Нова Філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2010. – № 37. – С. 64-68.

6. Біблія або Книги Святого Письма Старого і Нового Заповіту. – Київ: Видання місійного товариства «Нове Життя, Кемпус Крусейд Фор Крайст», 1992. – 1396 с.

7. Єнциклопедія українознавства. У 10 томах / Головний редактор Володимир Кубійович. – Париж, Нью-Йорк: Молоде життя, 1954-1989.
8. Украинская Библия Огиенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bibleonline.ru/bible/ukr.
9. New Testament. King James Version. – New York.: American Bible Society, 1945. – 264 p.
10. Today's New International Version (The New Testament). – New York: Zondervan, 2002. – 371 p.

УДК 811.161.1'374.3 **Михайлова И. Д**

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СВЯЗАННОГО КОРНЯ (РАДИКСОИДА) В РУССКОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Представление о радиксоиде в современной лингвистике неоднозначно. Мы предлагаем широкое определение радиксоида как двусторонне или односторонне связанного корня, который ни в одной форме ни одного из однокоренных слов не равен основе. Вокруг таких корней формируются словообразовательные гнезда-ансамбли с центром – связанным корнем. Гнезда со связанными корнями русского происхождения в своем развитии имеют центробежное направление, а гнезда с иноязычными корнями – центростремительное.
Ключевые слова: связанный корень, словообразовательное гнездо-ансамбль

Уявлення про радиксоїд у сучасній лінгвістиці неоднозначне. Ми пропонуємо широке визначення радиксоїда як двосторонньо або однобічно зв'язаного кореня, який у жодній формі будь-якого з однокорінних слів не дорівнює основі. Довкола таких коренів формуються словотвірні гнізда-ансамблі з центром – зв'язаним коренем. Гнізда зі зв'язаними коренями російського походження у своєму розвитку мають відцентровий напрям, а гнізда з іншомовним коренями – доцентровий.
Ключові слова: зв'язаний корінь, словотвірне гніздо-ансамбль.

The concept of «radixoid» in modern linguistics is ambiguous. We offer a broad definition of radixoid as bilateral or unilateral associated root, which is not equal to basis in any form of any cognate word. Structured by nature language microsystems are formed around such roots (radixs). They are so-called derivational nests-ensembles (DN-Ensembles) the nest top (center) of which is an associated root. Nests having related roots of Russian origin in its development go by a centrifugal and nests of non-native roots – the centripetal one.
Key words: associated root, derivational nest-ensemble

Наличие корней, которые употребляются в составе основ только в сочетании со словообразовательными аффиксами, впервые было отмечено Г. П. Павским в работе «Филологические наблюдения над составом русского языка» (1841-1842). Терминологическое же обозначение для них было предложено Г. О. Винокуром: «Такие основы, которые всегда даны только в соединении с теми или иными аффиксами, можно было бы назвать основами связанными» [1, с. 435]. На современном этапе развития языка образовался внушительный список корней, имеющих названную особенность: ср.: *при**ня**ть – от**ня**ть, од**е**ть – разд**е**ть, об**у**ть – раз**у**ть; разл**уч**ить – отл**уч**ить, прив**ык**нуть – отв**ык**нуть, приб**ав**ить – уб**ав**ить, дост**иг**нуть – нас**тиг**нуть, подв**ерг**нуть – низв**ерг**нуть, зам**к**нуть – отом**к**нуть* и ряд других.

Характеризуя этот тип корней, В. В. Лопатин и И. С. Улуханов уточняют: «К связанным морфемам относятся все аффиксы, а также те корни, которые не имеют ни одного свободного морфа» [4, с. 128], при этом связанный морф, по их определению, никогда не совпадает с основой, т. е. встречается всегда в сочетании с другими морфами основы. В качестве примера назван корень *…пас…* в словах *запасти* и *припасти* (имеет сему-объект 'вещь, предмет').

А. Н. Тихонов подобные корни в «Словообразовательном словаре русского языка» [5] не выделяет как самостоятельные, так как дериватолог в качестве начала любого словообразовательного гнезда (СГ) определил исходное слово, а потому приведенные выше пары слов оказались в разных СГ, а, следовательно, считаются неродственными, неоднокоренными, хотя научная интуиция привела автора данного лексикографического издания к решению практически каждую словарную статью с такими, до конца не определенными корнями снабдить ссылкой на сопоставимые статьи.

Первая диссертация, в которой обоснованно собраны все разрозненные СГ с одним связанным корнем *…каз…*, была защищена А. В. Ивановой в 1999 г. [2]. Чуть позже в «Толковом словообразовательном словаре русского языка» И. А. Ширшов представил уже несколько восстановленных СГ со связанными корнями. Но производные с корнем *…пас…* в значении 'сохранять, охранять' (вещь, предмет), обозначенные «Русской грамматикой» как слова со связанным корнем и разделенные А. Н. Тихоновым по разным гнездам, в том числе омонимичные СГ *пасти* (скот), у И. А. Ширшова объединены в общую комплексную единицу – СГ с вершиной *пасти*, являющейся многозначной: 1. Присматривать за пасущимся скотом, охранять его. *П. овец.* 2. *(устар.)*. Беречь кого-что-л., сохранять на случай надобности. *[Репетилов:] Все знает [Удушьев Ипполит Маркелоч]; мы его на черный день пасем.* Грибоедов. Горе от ума [6, с. 618]. Нам представляется уже не актуальной стилистическая помета *устар.*, так как под влиянием уголовного жаргона второе значения данной лексической единицы переместилось из поля устаревшей лексики снова в актуальную, но отмеченную разговорно-просторечной сферой употребления с ярко выраженной отрицательной, негативной коннотацией, которая, на наш взгляд является структурной семой данного глагола. Ср., *Нас пасут, Николай Иванович?* К/ф «Охота на асфальте» (1999 г.).

А. Н. Тихонов представляет 7 СГ, исходное слово которых имеет корень *пас…*: З-83 – СГ с вершиной *запасти* (исходное слово предложено сравнить: *ср.* припасти, пасти II, напасти I, 19 единиц, из них 2 полимотивированные), Н-62 – СГ с вершиной *напасти* I. '*Сделать запасы'*. Напасти II *см.* пасти I. *Ср.* пасти II, запасти, припасти – 4 единицы, 1 из которых полимотивированная; П-180 – СГ *пасти* II '*Припасать' Ср.* запасти, напасти I, припасти и др. (включает всего две единицы – исходное слова и глагол *пасти-сь* II), при этом СГ с исходным словом *пасти* I – самостоятельное гнездо П-179 (47 ед.); П-1207 – СГ *припасти ср.* пасти II, запасти, напасти I (9 единиц, 1 из которых полимотивированная). Отдельно описаны СГ с исходным словом *спасти*, СГ *упасти*.

У И. А. Ширшова в восстановленном СГ *пасти* 68 единиц [6, с. 618–620]. Заметим, что ученый не включил в данное СГ сложные слова и аббревиатуры, то есть А. Н. Тихонов, хоть и в расщепленном виде, но представляет

большее количество дериватов. Говоря о функционировании данного гнезда на современном этапе развития языка, мы бы поменяли местами два значения вершины. На первое место без всяких помет мы бы поставили значение ‘беречь кого-что-л., сохранять’, которое является прямым номинативным, оттенком которого будет стилистически маркированное ‘следить за человеком для собственной выгоды’, вторым, менее частотным, ныне будет значение ‘присматривать за пасущимся скотом, охранять его’. Доказательством такого решения может служить то, что из 67 производных гнезда (по Словарю И. А. Ширшова) однозначными являются 50, многозначными – 17. Последние выработали 40 лексико-семантических вариантов (ЛСВ), при этом по словообразовательным цепочкам наследуется значение, связанное с охраной скота, всего в 34 случаях; значение, имеющее сему-объект ‘человек’ и сему-объект ‘вещь’, – в 31 и 25 случаях соответственно (всего 56 ЛСВ), что подтверждает большую продуктивность значения, поставленного нами на первую позицию.

Статистические выкладки мы можем подтвердить фрагментом толково-словообразовательного словаря, представленного в логике нашего эксперимента, то есть отсылочные мотивационные толкования даны в предложенной нами последовательности. Фрагмент словаря с семой-объектом ‘человек’ или ‘вещь’ (первое значение многозначной вершины) выглядит следующим образом: ЗАПА'С, *-а, м.* [запас(ти) → запас-∅]. 1. То, что запасено. *З. муки.* 2. Неиспользованные залежи ископаемых. *Запасы нефти.* 3. *перен.* Совокупность имеющихся у кого-л. знаний, способностей, чувств. 4. Граждане, состоящие на воинском учете, но не служащие в армии. 5. Излишек ткани за швом; ЗАПАСА'НИЕ, *-я, ср.* [запаса(ть) → запаса-**ниj**-е]. Действие по глаг. запасать; ЗАПАСА'ТЬ, *несов.* [запас(ти) → запас-**а**-ть]. Несов. к запасти; ЗАПАСА'ТЬСЯ, *несов.* [запас(ти)сь → запас-**а**-ться]. Несов. к запастись; ЗАПА'СЕЦ, *-а. м.* [запас → запас-**ец**]. Уменьш. к запас (в 1 знач.); ЗАПА'СЛИВОСТЬ, *-и, ж.* [запаслив(ый) → запаслов-**ость**]. Свойство по прил. запасливый; ЗАПА'СЛИВЫЙ, *-ая, -ое; -лив.* [запас(ти) → запас-**лив**-ый]. Склонный запасать что-л., заготавливать впрок. *З. турист*; ЗАПА'СНИК, *-а, м.* 1. [запас → запас-**ник**]. Хранилище музейных экспонатов, находящихся в запасе (в 1 знач.), не включенных в экспозицию. 2. [запасн(ой) → запасн-**ик**]. Военнообязанный запасного (во 2 знач.) состава; ЗАПАСНО'Й[1], *-ая, -ое* и ЗАПА'СНЫЙ, *-ая, -ое.* [запас → запас-**н**-ой]. 1. Имеющийся в запасе (в 1 знач.). 2. Принадлежащий к запасу (в 4 знач.); ЗАПАСНО'Й[2], *-ого, м.* [запасной, -ая, -ое → запасн**ой**]. Запасной (во 2 знач.) солдат, офицер. ЗАПАСТИ', *сов., что.* [пасти → **за**-пасти]. Сберечь (к пасти в 1 знач.) что-л. на случай необходимости, заготовить впрок; ЗАПАСТИ'СЬ, *сов.* [запасти → запасти-**сь**]. Запасти для себя; НАПАСА'ТЬ, *несов.* [напас(ти) → напас-**а**-ть]. Несов. к напасти; НАПАСА'ТЬСЯ, *несов.* [напас(ти)сь → напас-**а**-ться]. Несов. к напастись (в 1 знач.); НАПАСТИ', *сов., кого (прост.).* [пасти → **на**-пасти]. 1. Пасти (в 1 знач.), заготавливать в большом количестве; НАПАСТИ'СЬ, *сов. (прост.).* 1. [напасти → напасти-**сь**]. Напасти (в 1 знач.) в достаточном количестве; ПА'СТВА, *-ы, ж.* [паст(и) → паст-**в**-а]. 1. Прихожане какой-л. церкви; ПАСТИ'СЬ, *несов.* [пасти → пасти-**сь**]. 1. Специально приберегать что-л., хранить на случай надобности (к пасти в 1 знач.) *(устар.)*; ПА'СТЫРЬ, *-я. м.* [паст(и) → паст-**ырь**]. 1. Священник; ПА'СТЫРСКИЙ, *-ая, -ое.* [пастырь → пастыр-**ск**-ий]. Относящийся к пастырю (в 1 знач.); ПА'СТЫРСТВО, *-а, ср.* [пастырь → пастыр-**ств**-о]. Деятельность пастыря (в 1 знач.); ПРИПАСА'НИЕ, *-я, ср.* [припаса(ть) → припаса-**ниj**-е]. Действие по глаг. припасать; ПРИПАСА'ТЬ, *несов.* [припас(ти) → припас-**а**-ть]. Несов. к припасти; ПРИПАСА'ТЬСЯ, *несов.* [припасать → припасать-**ся**]. Страд. к припасать; ПРИПАСТИ', *сов., что.* [пасти → **при**-пасти]. Сберечь (к пасти в 1 знач.) что-л. или заготовить впрок; ПРИПА'СЫ, *-ов, мн.* [припас(ти) → припас-∅-ы]. То, что припасено. *Съестные п. Охотничьи п.*; СПАС, *-а, м.* [спас(ти) → спас-∅]. 1. Иисус Христос, спасший (в 1 знач.) человечество, искупив его грехи. 2. Церковь в честь спасителя. 3. Название трех церковных праздников в августе и сентябре. *Яблочный с.*; СПАСА'НИЕ, *-я, ср.* [спаса(ть) → спаса-**ниj**-е]. Действие по глаг. спасать (в 1 знач.); СПАСА'ТЕЛЬ, *-я. м.* [спаса(ть) → спаса-**тель**]. Тот, кто спас ает (в 1 знач.), избавляет от гибели, беды; СПАСА'ТЕЛЬНЫЙ, *-ая, -ое.* [спаса(ть) → спаса-**тельн**-ый]. Предназначенный спасать (в 1 знач.); СПАСА'ТЬ, *несов.* [спас(ти) → спас-**а**-ть]. Несов. к спасти; СПАСА'ТЬСЯ, *несов.* [спас(ти)сь → спас-**а**-ться]. Несов. к спастись; СПАСЕ'НИЕ, *-я, ср.* [спас(ти) → спас-**ениj**-е]. 1. Действие по глаг. спасти (в 1 знач.). *С. утопающих.* 2. О том, что (или кто) спасает, избавляет от чего-л. 3. Действие по глаг. спасти, спастись (во 2 знач; СПАСИ'ТЕЛЬ, *-я, м.* [спас(ти) → спас-**итель**]. 1. Тот, кто спас (в 1 знач.) кого-л. от гибели, беды. 2. Иисус Христос, спасший (во 2 знач.) человечество, искупив его грехи; СПАСИ'ТЕЛЬНИЦА, *-ы, ж.* [спаситель → спаситель-**ниц**-а]. Женск. к спаситель (в 1 знач.); СПАСИ'ТЕЛЬНО, *нареч.* [спасительн(ый) → спасительн-**о**]. Признак по прил. спасительный.; СПАСИ'ТЕЛЬНОСТЬ, *-и, ж.* [спасительн(ый) → спасительн-**ость**]. Свойство по прил. спасительный. *С. лекарства*; СПАСИ'ТЕЛЬНЫЙ, *-ая, -ое; -лен.* [спас(ти) → спас-**ительн**-ый]. Способный спасти (в 2 знач.), уберечь, избавить от чего-л.; СПАСТИ', *сов., кого-что.* [пасти → **с**-пасти]. 1. Уберечь (к пасти в 1 знач.), избавить от гибели, уничтожения, опасности, беды. *С. жизнь. С. имущество от огня.* 2. Избавить себя от вечных мук в загробной жизни. *С. свою душу*; СПАСТИ'СЬ, *сов.* [спасти → спасти-**сь**]. Уберечься от чего-л. (к спасти в 1 знач.). 2. Избавиться от вечных мук в загробной жизни (к спасти во 2 знач.); УПАСТИ', *сов., кого (устар.).* [пасти → **у**-спасти]. Уберечь (к пасти во 2 знач.), сохранить.; УПАСТИ'СЬ, *сов. (устар.).* [упасти → упасти-**сь**]. Уберечься, спастись.

Однозначные дериваты, развивающие значение ‘охрана скота’, и ЛСВ полисемантов с семой-объектом ‘скот’: ВЫ'ПАС, *-а, м.* [выпас(ти) → выпас-∅]. 1. Действие по глаг. выпасти (во 2 знач.). 2. Место, где пасут (во 2 знач.) скот; пастбище; ВЫПАСА'ТЬ, *несов.* [выпас(ти) → выпас-**а**-ть]. Несов. к выпасти; ВЫ'ПАСКА, *-и, ж.* [выпас(ти) → выпас-**к**-а]. То же, что выпас; ВЫПАСНО'Й, *-ая, -ое.* [выпас → выпас-**н**-ой]. Предназначенный для выпаса (во 2 знач.); ВЫ'ПАСТИ, *сов., кого.* [пасти → **вы**-пасти]. 1. Выкормить скот, пася (во 2 знач.) его. 2. Долго пася (во 2 знач.) скот на лугу, уничтожить урожай травы; ДОПАСТИ', *сов., кого.* [пасти → **до**-пасти]. Окончить пасти (во 2 знач.); пасти скот до конца, до какого-л. срока; ДОПАСТИ'СЬ, *сов.* [пастись → **до**-пастись]. Пастись до какого-л. срока; НАПАСТИ', *сов., кого (прост.).* [пасти → **на**-пасти]. 2. Пасти (во 2 знач.) скот много, долго; НАПАСТИ'СЬ, *сов. (прост.).* 2. [пастись → **на**-пастись]. Пастись (во 2 знач.) много, вдоволь; ОТПАСТИ', *сов., кого-что.* [пасти → **от**-пасти]. 1. Пасти (во 2 знач.) некоторое время. 2. Кончить пасти (во 2 знач.); ПА'СТБИЩЕ, *-а, ср.* [паст(и) → паст-**бищ**-е]. Место, где пасется (во 2 знач.) скот; ПА'СТБИЩНЫЙ, *-ая, -ле.* [пастбищ(е) → пастбищ-**н**-ый]. Относящийся к пастбищу; ПА'СТВА, *-ы, ж.* [паст(и) → паст-**в**-а]. 2. Действие по глаг. пасти (во 2 знач.); пастьба *(устар.)*;

ПАСТИ'СЬ, *несов.* [пасти → пасти-**сь**]. 2. Быть на подножном корму (к пасти во 2 знач.); ПАСТУ'Х, *-а, м.* [пас(ти) → пас-**тух**]. Тот, кто пасет (во 2 знач.) скот; ПАСТУХО'В, *-а. -о (разг.).* [пастух → пастух-**ов**]. Принадлежащий пастуху; ПАСТУ'ШЕСКИЙ, *-ая, -ое.* [пасту*х* → пасту*ш*-**еск**-ий]. 1. Относящийся к пастуху, принадлежащий ему. 2. Такой, как у пастуха. 3. Идиллически изображающий сцены сельской жизни; ПАСТУ'ШЕСТВО, *-а, ср.* [пасту*х* → пасту*ш*-**еств**-о]. Занятие пастуха; ПАСТУ'ШИЙ, *-ья, -ье.* [пасту*х* → пасту*ш*-**ий**]. Принадлежащий пастуху, относящийся к нему; ПАСТУ'ШКА, *-и, ж.* [пасту*х* → пасту*ш*-**к**-а]. Женск. к пастух (чаще о девушке в идиллическом изображении); ПАСТУШО'К, *-а, м.* [пасту*х* → пасту*ш*-**ок**]. Уменьш.-ласк. к пастух; ПАСТУШО'НОК, *-а, м.* [пасту*х* → пасту*ш*-**онок**]. Подросток, пасущий скот; ПА'СТЫРЬ, *-я. м.* [паст(и) → паст-**ырь**]. 2. То же, что пастух *(устар.)*; ПАСТЬБА', *-ы, ж.* [пас(ти) → пасть-**б**-а]. Действие по глаг. пасти (во 2 знач.); ПОДПА'СОК, *-а, м.* [пас(ти) → **под**-пас-**ок**]. Тот, кто помогает кому-л. пасти (во 2 знач.) скот (обычно подросток); ПОПА'С, *-а, м. (обл.).* [попас(ти) → попас-∅]. Действие по глаг. попасти, а также место этого действия.; ПОПАСТИ', *сов., кого*. [пасти → **по**-пасти]. Пасти (во 2 знач.) некоторое время.; ПОПАСТИ'СЬ, *сов.* [пастись → **по**-пастись]. Пастись (во 2 знач.) некоторое время; ПРОПАСТИ', *сов., кого.* [пасти → **про**-пасти]. Пасти (во 2 знач.) в течение какого-л. времени; ПРОПАСТИ'СЬ, *сов.* [пастись → **про**-пастись]. Пастись (во 2 знач.) в течение какого-л. времени.

На современном этапе радиксоид *...пас…* актуализировался и стал свободным корнем. Некоторую переходность свободного корня *пас–* определяет стилистическая маркированность отдельных употреблений вершинного слова, Мы можем считать данный корень вновь свободным, прошедшим через этап связанности. Это редчайший случай центростремительной истории развития СГ с вершиной – связанным корнем русского происхождения. Последние обычно в своем развитии имеют центробежное направление в сторону периферии СГ, а гнезда с иноязычными корнями – центростремительное.

В русской словообразовательной системе функционирует несколько типов связанных корней, иллюстрирующих разную продуктивность на современном этапе развития русского языка, разную историю естественно структурируемых комплексных единиц словообразования, что определяется степенью связанности корня, которая обусловлена силой семантической позиции в структуре слова, происхождением, характером сочетаемости, фонетическим оформлением. Учитывая все перечисленные факторы, мы выделили 6 групп корней–радиксоидов, понимаемых нами широко как двусторонне или односторонне связанные корни, которые ни в одной форме ни одного из однокоренных слов не равны основе. Вокруг таких корней формируются естественно структурированные микросистемы языка, каждый элемент которых обладает живыми семантическими связями. Это словообразовательные гнезда–ансамбли с центром – связанным корнем.

Первая группа радиксоидов имеет самую сильную степень связанности: *...у…, ...де…, ...каз…, ...бав…, ...вык/выч…, ...мык/мк…, ...верг/верж…, ...лаг/лож…* и подобные. В словах с такими корнями основная функциональная и смысловая нагрузка падает на аффиксы, а значение корня размыто, так как сам корень находится в слабой позиции. Предлагаем выделять подобные корни отточием с обеих сторон. Если такой корень представлен двумя морфами, то оба варианта давать через косую черту (*...вык/выч...*), при этом первым называть морф, более протяженный, включающий как гласные, так и согласные (*...мык/мк...*). При наличии более двух корневых морфов, первым называть морф, соответствующий прикрыто-открытому, а все остальные морфы помещать рядом в круглых скобках через косые черточки: *...ня...*: (*-я-/-н-/-нят-/-им-/-ым-/-ин-/-ним-/-ем-/-емл-/-ем-/-йм-*). Это корни по происхождению являются исконно русскими, чаще всего глагольного первоистока. Причиной связанности является выход из употребления непроизводного глагола со свободным корнем. Такие корни иллюстрируют самую сильную степень связанности, что вызывает неоднозначное толкование морфемной и словообразовательной структуры слов с такими корнями в современной русистике. Так, А. Н. Тихонов глаголы со связанными корнями первого типа развел по разным гнездам, что равнозначно признанию слов с одним связанным корнем, но разными словообразовательными аффиксами (прежде всего префиксами) неоднокоренными, хотя анализ семного состава таких единиц позволяет все-таки вычленять общность значения корней, которые обладали огромным словообразовательным потенциалом и к сегодняшнему дню создали разветвленные, сильноразвернутые микросистемы взаимосвязанных и взаимообусловленных дериватов, объединенных словообразовательными цепочками и парадигмами в единые СГ. Это естественно структурированные микросистемы языка, а потому имеют право и описываться как единые комплексные единицы словообразования. Идею восстановления подобных гнезд озвучил А. И. Моисеев, говоря о необходимости объединять все, что еще может быть объединенным. Изменение точки отсчета (от исходного слова у А. Н. Тихонова к вершине СГ у И. А. Ширшова, которая может быть представлена и исходным непроизводным словом, и связанным корнем, и даже двумя вершинами) позволило убеждение А. И. Моисеева сделать реальностью. Однако СГ со связанными корнями первой группы в своем развитии имеют центробежное направление, постепенно теряя силу связи слов. Такие СГ в системе своего уровня занимают периферийную позицию, образуя некие словообразовательные ансамбли со связанным корнем в качестве доминанты-центра. Словообразовательный ансамбль – совокупность СГ, имеющих в своем составе общие сложные слова, аббревиатуры или связанные корни. Гомогенность парадигмы первой ступени деривации позволяет такую парадигму представить в виде круга первого уровня – ближнего радиуса к связанному корню, от каждой точки которого отходят производные следующих ступеней деривации, часто формируя однотипные словообразовательные цепочки. Это двусторонне связанный корень. Так, например, СГ-ансамбль двусторонне связанного корня *...ня...* объединяет вокруг себя 26 самостоятельных гнезд из Словаря А. Н. Тихонова, позволяя 336 производным осознаваться носителями языка, билингвами и инофонами как родственные.

Ко второму типу связанных корней мы можем отнести правосторонне связанные корни на согласный с незначительным словообразовательным потенциалом, которые, как правило, формируют простые производные основы, но не могут употребляться без словообразовательных аффиксов: *агит… инициатив…, истор…, озор….* Большую часть этой группы составляют давно бытующие в русском языке иноязычные корни, которые так до конца и не адаптировались к русской языковой системе, что знаково отмечено отсутствием единицы исходной непроизводной (*агитировать, агитация, агитатор, агитбригада* и подобные, где часть *агит…* не употребляется без суффикса).

Третью группу составляют односторонне связанные корни – аффиксоиды – части сложных слов, которые сохраняют статус корня, но частотность употребления сделала их семантику более абстрактной, приближающейся по степени обобщенности к префиксам или суффиксам, вследствие чего постепенно смывается исходная семантика: *полу…, само…, …вед, …вод* [3; 6]. Потеря связи с основным корневым словом, выделение из исконно русских гнезд, их сформировавших вследствие изменения значения, позволяет их рассматривать как самостоятельные, но связанные корневые морфемы. На их базе создано огромное количество производных, которые можно представить как словообразовательный ансамбль с доминантой-ядром – аффиксоидом.

Четвертую группу образуют левосторонне связанные корни иноязычного происхождения на согласный, формирующие простые или сложные основы типа *…маркет* (*супермаркет, гипермаркет, минимаркет*), *…крат(ия)* (*демократия, аристократия*, окказ. *мафиократия*). Такие корни и на современном этапе формируют новые производные, то есть они являются знаками развивающихся СГ, которые имеют другое направление развития – центростремительное, то есть движутся от периферии языковой системы к центру, о чем свидетельствуют и бурно развивающиеся терминосистемы. Новый заимствованный элемент может быть представлен в любой графике..

Такое же направление развития имеют и СГ-ансамбли с правосторонне связанными корнями на гласный, формирующие сложные основы, развивающие спонтанно-ассоциативную словообразовательную активность и способные к лексикализации: *нано…, био…, гео…, авиа…, эко…, авто…*. Это пятая группа связанных корней. В. В. Лопатин и И. С. Улуханов им уделяет особое внимание в «Русской грамматике» [2, с. 242–245].

Шестую группу, значимую больше для морфемики, составляют не развивающиеся ныне небольшие объединения родственных слов, корни которых предельно специфичны, гиперсвязаны: это квазикорни – ложные корневые морфемы некогда сложных слов с неясной семантикой, утратившие связь с исторически производящей основой, обладающие скрытой внутренней формой (*лоп... (лопоухий), кур… (курсоный), вяз… (долговязый), колч… (колченогий)* и под.), – и радиксоиды в узком смысле этого слова, выделяемые в словах ***буженина, говядина.*** Это уникальные корни (их еще называют *унирадиксоидами*), оставшиеся после вычета значения узнаваемого суффикса. По классификации И.А. Ширшова, слова, включающие радиксоиды, характеризуются четвертой степенью членимости основ – недостаточной, но поддержанной полной свободной членимостью других основ. Выделенные нами первые пять групп связанных корней характеризуют слова, соотносимые со второй – полной связанной членимостью, формируя членимую структуру слова. Связанный корень (радиксоид в широком смысле слова) корень членимого слова, радиксоид в узком смысле – корень нечленимого слова. Итак, мы предлагаем все шесть групп представленных выше связанных корней называть радиксоидами (в переводе с лат. *radix*– ‘корень’, греч. *-оид* ‘похожий, подобный’). Термин *радиксоид* как однословное наименование с интернациональной корневой морфемой удобнее, чем термин-словосочетание.

Каждый корень нуждается в своей семантизации, что составляет самостоятельную научную проблему, так как слабая позиция затрудняет такую работу. Можно выделять семы, которые станут объединяющими. Значение радиксоида можно определить, лишь выделив из общего толкования значения других корней и всех аффиксов: значение связанного корня *…верг…/…вержс…* ‘насильное движение’, *…лук…/…луч…* ‘нежеланное расстояние, дистанция на некоторое время’, *…лаг…/…ложс…* ‘размещение на горизонтальной поверхности’ и т. д. Семантизация связанных корней – сложная задача.

Источники и литература

1. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М., 1959. – С. 419-438.
2. Иванова А. В. Гнездо с вершиной *-каз-* как системно-структурное образование : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / А. В. Иванова. – М., 1999. – 15, [1] с.
3. Козулина Н. А. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, Е. Н. Шагалова / Отв. ред. Е. А. Левашов. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 288 с.
4. Лопатин В. В. Основные понятия морфемики. Словообразование / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов // Русская грамматика : научные труды / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – Репринтное издание. – М., 2005. – 784, [2] С. – Т. 1. – 123-472.
5. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Ок. 145 000 слов / А. Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 1985. – Т. 1. – 856, [2] с.
6. Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Ок. 37 000 слов русского яз., объединенных в 2000 словообразовательных гнезд: Комплексное описание русской лексики и словообразования / И. А. Ширшов. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 1022, [2] с.

УДК 81’37/’4=161.2

Михайлова О. Г.,
Руденко М. С.

СУБКУЛЬТУРНІ ОСОБЛИВОСТІ МОВНИХ АСОЦІАЦІЙ З АКТУАЛЬНОЮ ПОДІЄЮ (НА ПРИКЛАДІ ЄВРО 2012)

В статье рассматриваются особенности языковых ассоциаций трех оценочных типов (положительные, отрицательные, нейтральные) под углом зрения культурно-национальной (украинской) ментальности и нескольких субкультурных оппозиций (спортивной (болельщик – не болельщик), профессиональной (военные – гражданские) и гендерной) относительно актуального события для украинцев – проведения чемпионата Евро-2012. Материал исследования был собран методом анкетирования респондентов, принадлежащих к указанным субкультурным группам.

Ключевые сова: языковая картина мира, ассоциативный языковой знак, субкультура.

У статті розглядаються особливості мовних асоціацій трьох оціночних типів (позитивні, негативні, нейтральні) під кутом зору культурно-національної (української) ментальності та декількох субкультурних опозицій (спортивної (вболівальник – не вболівальник), професійної (військові-цивільні), та гендерної) щодо актуальної події для українців – проведення чемпіонату Євро-2012. Матеріал дослідження було зібрано методом анкетування респондентів, які належать до вказаних субкультурних груп.

Ключові слова: мовна картина світу, асоціативний мовний знак, субкультура.

The article describes the peculiarities of the language associations of three estimating types (positive, negative and neutral) from the point of cultural and national (Ukrainian) mentality and some subcultural oppositions (sport (fan – not a fan), professional (military – civil) and gender) which are closely connected with the topical event for the Ukrainian – UEFA Euro-2012. The information was collected by the questionnaire of respondents which belong to mentioned subcultural groups.
Key words: language-based world image, associational language sign, subculture.

Однією з нагальних проблем сучасної лінгвістики виступають особливості мовного сприйняття світу представниками різних культурних та субкультурних груп, що мають різні ментальні схеми та особливості в концептуальних та мовних картинах світу. Ці особливості виражаються не тільки через мовну поведінку представників тієї або іншої культури, а й через специфіку мовних уявлень, які пов'язані в свідомості індивіда з явищами та подіями навколишнього світу.

Кінець XX і початок XXI століття ознаменувалися значним посиленням уваги до дослідження мовної картин світу (МКС) як такої, що виступає наслідком і відображенням як культурно-національної ментальності [2; 4; 6; 8], так і субкультурної ментальної специфіки [1; 4; 5; 7].

У цих дослідженнях основна увага приділяється спільним та відмінним рисам МКС, притаманним тим або іншим національним культурам і пов'язаним із специфікою національного світосприйняття. Субкультурні особливості найчастіше привертають увагу психологів і соціологів [5], і нечасто стають предметом дослідження лінгвістів. Якщо ж такі дослідження проводяться, то вони в першу чергу стосуються мовної поведінки та мовленнєвих характеристик представників тієї або іншої субкультури [1], не торкаючись особливостей субкультурних МКС, у той час, як мовні асоціації, що віддзеркалюють свідомість представників тієї або іншої субкультури, є не менш важливими для сучасної лінгвістики. Студії такого напрямку проводилися, зокрема, в галузі гендерної лінгвістики [3] та досліджень галузевої комунікації [7]. Однак проблема виявлення особливостей культурно-національної та субкультурної МКС, пов'язаних з конкретною актуальною подією, до сьогодні не була предметом лінгвістичних досліджень, у той час, як її вивчення є важливим й актуальним для створення повномасштабної картини особливостей мовної свідомості залежно від макрокультурної або субкультурної належності.

Таким чином, **метою** цієї статті є виявлення субкультурних особливостей мовних асоціацій з актуальною подією в суспільстві. Для прикладу було взято проведення чемпіонату з футболу Євро-2012 в Україні. Для реалізації поставленої мети було поставлено такі **завдання**:

– шляхом анкетування виявити мовні асоціації українців, що належать до різних субкультурних груп, з чемпіонатом Євро-2012 в Україні;

– на основі зібраних відомостей виявити загальнонаціональні та субкультурно-специфічні характеристики досліджуваного фрагменту МКС.

В рамках нашого дослідження було опитано 157 осіб. Опитувані повинні були написати в анкеті іменники-характеристики, які асоціюються у них з чемпіонатом Євро-2012, самостійно розподіливши слова-асоціації на три оціночні групи: позитивні, негативні й нейтральні. Всі опитані – громадяни України, тому загальні висновки анкетування можуть свідчити про фрагмент МКС «Євро-2012» у свідомості представників української національної культури. В цілому щодо оцінки чемпіонату учасники анкетування вказали 58% слів на позначення позитивних асоціацій, 30% – на позначення негативних асоціацій і 12% – на позначення нейтральних. Ці цифри свідчать про те, що в цілому в МКС українців Євро-2012 має позитивну конотацію. Позитивні асоціації можна поділити на декілька семантичних груп.

Перша семантична група позитивних асоціацій – *економічний розвиток країни та міста.* Слова, що виражають семантику цієї групи становлять 30% слів на позначення позитивних чинників. До цієї групи входять слова, які позначають позитивні зміни в країні та місті (наприклад, *дороги*, *парки*, *стадіон*, *реконструкція*, *модернізація*, *реформи* тощо); засоби, які призвели до позитивних змін (*капіталовкладення*, *гроші*, *інвестиції*, тощо); позитивні результати цих змін (*імідж країни*, *міжнародні зв'язки*, *співпраця, знання про Україну* тощо).

Друга група позитивних асоціацій пов'язана із сподіваннями на футбольне свято та успішну гру української команди (45% слів позитивної конотації) – *перемога*, *переможець*, *футбол*, *матч*, *стадіон*, *півфінал*, *м'яч*, *гол*, *видовище, свято, святкування, вболівальники, фанати, іноземці* тощо. Слід відмітити, що певні слова цієї групи (*вболівальники, фанати, іноземці*) зустрічаються і серед негативних, а також серед нейтральних асоціацій, що свідчить про неоднозначне ставлення українців до вболівальників, зокрема, іноземних. Також частина слів, що позначають спортивну атрибутику та учасників гри (*футбол, м'яч, стадіон, суддя, сітка, гра* тощо), становлять значну кількість слів, що віднесені опитуваними до нейтральних асоціацій.

Третя група слів, віднесених до позитивних асоціацій, має позитивну емоційну семантику як таку і свідчить про очікування приємних емоцій від події (8% слів) – *радість*, *ейфорія*, *інтерес*, *задоволення*, *гордість*, *щастя* тощо. Слід відмітити, що серед негативних асоціацій було відмічено лише два слова на позначення емоцій – *розчарування* та *невдоволення* – які були вжиті лише по одному разу кожне, у той час, як всі інші лексеми, віднесені до негативних, позначали конкретні явища.

Інші слова, що зазначені серед тих, що позначають позитивні асоціації, належать до семантичної групи *професійна діяльність* і характеризують не українців взагалі, а конкретну субкультуру, про що ми скажемо нижче.

Переважну частину слів, що виражають негативні асоціації опитуваних осіб, становлять лексеми на позначення масових безладь, які зазвичай супроводжують футбольні матчі, окремих проявів таких безладь (*бійка*, *травма, натовп*, *правопорушення*, *заворушення*, *збитки, наркотики, сутичка, розбій, гоп-стоп, перелом, синець, кримінал, крадіжка, хуліганство*), а також наслідків у вигляді неправомірних дій вітчизняних правоохоронців та підприємців (*хабар*, *шахрайство*, *завищені ціни*, *махінації, податки*). До цієї групи належать також слова, що позначають незручності, які доведеться відчути жителям міст, де проводяться матчі: *пробки*, *затори*, *шум*, *сміття*, *бруд* тощо. Ці лексеми склали 64% відсотки слів на позначення негативних асоціацій. Не дивлячись на значну кампанію боротьби з проституцією, розгорнуту в пресі й на телебаченні, цієї проблеми торкнувся тільки один опитуваний. До цієї ж групи слід віднести слова, пов'язані з надмірним вживанням алкоголю. Так майже кожен опитуваний включив до негативних характеристик слова *алкоголь*, *п'яниця*, *випивка, підпалювання в нетверезому*

стані та *п'яні дебоші*, в той час коли до позитивних асоціацій були віднесені слова *сік* та *кока-кола*.

Друга група слів, що пов'язані з негативними асоціаціями, має семантику, пов'язану з поганою грою та програшем, що дає змогу зробити висновок про передбачення частиною опитуваних не дуже вдалої гри української команди. В цілому такі слова становлять 19% слів негативної конотації і включають такі лексичні одиниці, як *програш*, *погана гра*, *несправедливий суддя*, *поразка*, *видалення гравця* тощо.

Тепер розглянемо особливості мовних асоціацій опитаних залежно від їхньої субкультурної належності. Серед анкетованих осіб були виділені такі субкультурні опозиції:

– спортивна: вболівальники – не вболівальники;
– професійна: військові (правоохоронці) – цивільні;
– гендерна: чоловіки – жінки.

Порівнюючи асоціативні мовні реакції на головну спортивну подію року людей, що відносять себе до вболівальників і тих, хто не вболіває за футбол, ми помітили, що серед вболівальників лише один вказав слово *футбол* серед асоціацій нейтральної забарвленості. Всі інші опитувані-вболівальники слова семантичного поля *футбол* віднесли виключно до позитивних асоціацій (в тому числі такі взагалі-то нейтральні лексеми як *м'яч*, *сітка*, *ворота* тощо). Групою опитуваних, які не є футбольними вболівальниками, у 50 (65%) випадках слова́ семантичного поля *футбол* були віднесені до позитивних асоціацій, а у 27 (35%) – до нейтральних. Це свідчить про менш емоційне ставлення до футболу другої групи. Іншою цікавою рисою мовних реакцій цієї субкультурної опозиції є вживання слова *зірки*. Обидві групи вказують на це слово серед позитивних асоціацій майже з однаковою частотністю, але всі вболівальники вживають словосполучення *зірки футболу*, в той час, як всі особи, що не є вболівальниками, вживають просто слово *зірки*. Це вказує на те, що в картині світу вболівальників чемпіонат пов'язаний у першу чергу з можливістю побачити футбольних зірок та насолодитися їхньою грою, а в картині світу тих, хто не вболіває, – з можливістю побачити будь-яких зірок, як спортивних, так і інших (наприклад, зірок естради, які виступатимуть у фан-зонах під час чемпіонату). Цікавим виявився результат порівняння частотності слів позитивної конотації, які позначають надію на перемогу, і слів негативних, що асоціюються з поразкою, в цій субкультурній опозиції. Опитувані, що не відносять себе до вболівальників, в 10 разів частіше за вболівальників згадують про поразку (такі асоціативні реакції виявлені лише в двох із 104 опитуваних вболівальників), але водночас відсоток не вболівальників, які асоціюють Євро-2012 з перемогою, в 35 разів більший, ніж аналогічний відсоток вболівальників. Цікавими також уявляються асоціації, пов'язані із самими вболівальниками. Майже всі вболівальники, які використали слово *вболівальники*, відносять його до позитивних асоціацій. Більшість тих, хто не вболіває, слово *вболівальники* відносять теж до позитивних асоціацій, значна меншість – до негативних. Слід відмітити, що тільки група не вболівальників використовує слово *фанати*, надаючи йому у 25% випадків позитивну конотацію, а у 75% – негативну.

Друга субкультурна опозиція, яку ми досліджували – професійна. Складалася вона з двох груп – військові (правоохоронці) та цивільні. Характерною ознакою мовних асоціацій військових правоохоронців виявилась наявність слів, пов'язаних з їх професійною діяльністю під час чемпіонату. Це були як слова, що позначали вид правоохоронної діяльності (*патруль, ППС, служба, наряд*), так і слова, що належать до професійного лексикону правоохоронців і позначають протиправні дії (*злочин, правопорушення, заворушення*). Слід відзначити, що лексеми, що позначають види діяльності з однаковою частотою зустрічалися і серед позитивних, і серед негативних асоціацій, лексеми, що позначають протиправні дії – тільки серед негативних. Серед слів з позитивною конотацією також було відмічено наявність слів, що позначають почуття, пов'язані з несенням служби (*відповідальність, гордість*).

В процесі аналізу анкет були виявлені також інші особливості, пов'язані з субкультурною професійною належністю респондентів. Більшість опитаних осіб є студентами або курсантами, з чим пов'язана поява в анкетах такої характеристики-асоціації як *прискорене навчання.* Ця характеристика зустрічається тільки в анкетах цивільних студентів, оскільки для курсантів більшості курсів термін навчання не скорочувався. Цікаво, що в 40% випадків, ця асоціація віднесена до позитивних, у 20% – до негативних, і у 40% – до нейтральних, що дозволяє зробити висновок, що скорочення терміну навчання є для студентів скоріше позитивним, ніж негативним моментом. Крім того, всі опитувані студенти та курсанти навчаються за спеціальністю «Переклад», що зумовило появу в анкетах позитивної мовної асоціації, вираженої словами *практика іноземної мови* або *покращання іноземної мови*. Сюди ж можна віднести позитивну мовну асоціацію *іноземці*. Також до професійно зумовлених слід віднести слово *волонтери*, що має виключно позитивну конотацію. Маємо на увазі, що волонтерами під час чемпіонату працюють переважно студенти.

Третя субкультурна опозиція, особливості якої ми ставили за мету виявити, – гендерна. Семантичне наповнення асоціативних реакцій опитаних чоловіків і жінок практично не відрізняються і відповідають загальнонаціональним, описаним на початку нашої статті. Відмінності полягають у кількісних характеристиках, пов'язаних з конотативним навантаженням асоціацій, а також з різноманітністю використаних лексичних засобів. Так, у чоловіків на позначення позитивних асоціацій було використано 62% слів, на позначення негативних асоціацій – 32%, а на позначення нейтральних асоціацій – 6%. У жінок на позначення позитивних асоціацій було використано 50% слів, на позначення негативних асоціацій – 30%, а на позначення нейтральних асоціацій – 20%. Таким чином, ми бачимо, що в чоловічій МКС чемпіонат Євро-2012 є набагато більш позитивно забарвлений, ніж в жіночій. Відмітимо, що негативне ставлення до цієї події у жінок виражене в однаковій мірі з чоловіками, переважають же у жінок нейтральні асоціації. Можливо, це пов'язано з тим, що серед чоловіків набагато більший відсоток футбольних вболівальників (72% серед опитаних чоловіків і 28% серед опитаних жінок), що, однак, ми також вважаємо і гендерною характеристикою. З цим також пов'язаний той виявлений нами факт, що кількість різних слів, використаних чоловіками на позначення своїх асоціацій (у всіх трьох оціночних типах) набагато перевищує кількість слів, використаних жінками. Так, на позначення позитивних асоціацій чоловіками було використано 120 різних слів, а жінками – 49, на позначення негативних асоціацій – відповідно 79 і 31, на позначення нейтральних асоціацій – 35 і 17.

Таким, чином, проведене дослідження показало, що на МКС носія конкретної мови, що виражається в мовних асоціаціях, справляє значний вплив не тільки належність конкретної національно-культурної спільноти, а й належність до певної субкультури, причому найбільше значення має належність до субкультури, тісно пов'язаної з

тематикою досліджуваного фрагменту МКС.

Перспективою дослідження може стати всебічне, цілісне вивчення особливостей мовної свідомості представників певних субкультур.

Джерела та література

1. Бойко Б. Л. Основы теории социально-групповых диалектов: Монография / Б. Л. Бойко. – М.: Военный университет, 2008. – 184 с.
2. Венжинович Н. А. Концептуальна й мовна картини світу як похідні етнічних менталітетів [Електронний ресурс] / Н. А. Венжинович // Лінгвістичні студії: Збірник наукових праць. – Режим доступу: http://litmisto.org.ua/?p=7484 (21.05.2012).
3. Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма. Монография / Е. И. Горошко. – М.: Харьков: ИНЖЕК, 2003. – 440 с.
4. Донец П. Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации / П. Н. Донец. – Харьков: Штрих, 2001. – 386 с.
5. Іванчук І. О. Сучасна культура як важливий чинник формування картини світу та соціалізації особистості / І. О. Іванчук [Електронный ресурс]. – Режим доступу: http://vuzlib.com/content/view/667/94/
6. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. Сб.науч.тр. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3-16.
7. Михайлова О. Г. Проблеми комунікації військової та цивільної субкультур / О. Г. Михайлова // Мовна комунікація в діяльності сил охорони правопорядку. Теоретичні засади галузевої комунікації. Монографія / За ред. Л. М. Пелепейченко. – Харків: АВВ МВС України, 2009. – С. 139-153.
8. Почепцов О. Г. Мовна ментальність: спосіб представлення світу / О. Г. Почепцов // Питання мовознавства. – 1990. – № 6. – С. 110-122.

УДК 81’272

Мозговий В. І.,
Воробйова Л. М.

СПЕЦИФІКА ФОРМУВАННЯ УКРАЇНСЬКОЇ ТОПОНІМНОЇ КУЛЬТУРИ XVI-XVIII СТ. У СКЛАДІ ІНШИХ ТОПОНІМНИХ СИСТЕМ

В статье описываются специфика и этапы становления украинской топонимной культуры XVI-XVIII вв., связанной с формированием национального самоосознания в условиях отсутствия собственного государства и выделением украинских топонимов из-под «власти» других европейских топосистем

Ключевые слова: нация, национальный язык, украинский топонимический фонд.

У статті описуються специфіка й етапи становлення української топонімної культури XVI-XVIII ст., пов’язаної з формуванням національного самоусвідомлення в умовах відсутності власної держави і виділенням українських топонімів з-під «влади» інших європейських топосистем.

Ключові слова: нація, національна мова, український топонімний фонд.

Specifity and stages of formation of Ukrainian toponymic culture XVI-XVIII centuries, are described in the article. The author considers it to be connected with formation of national consciousness and release of Ukrainians toponyms from the «power» of another European toposystems regarding absence of their own state.

Key words: nation, national language, Ukrainian toponymical fund.

Постановка проблеми. XVI-XVIII ст. для формування націй у таких «бездержавних державах», як Україна і таких «нетериторіальних державах», як Росія, були визначальними. Про це писав ще польський історик Казимир Валішевський: «Патріотизмъ… есть чувство весьма сложное и могущее принять самыя разнообразныя формы… Вѣ нѣдрахъ Московіи XVII столѣтія, этой страны безъ рельефа, безъ естественныхъ границъ, безъ этнической индивидуальности, …даже безъ историческихъ традицій… идея отечества не обладала такимъ выборомъ выраженій, чтобы при помощи ихъ ее можно было опрѣделить» [2, с. 346].

Між тим він не помітив, що специфічним вираженням національного патріотизму в умовах тодішньої «Московії», а тим більше в умовах «бездержавної» України стало формування власного топонімного фонду.

Мета статті – визначити мотиви виокремлення української топонімії зі складу інших мовних систем та етапи її формування в умовах відсутності державності в Україні XVI-XVIII ст.

Виклад матеріалу. Специфіка мовної історії східнослов’янських народів періоду аморфності державних новоутворень, яка супроводжувала усвідомлену відбудову власної топонімної системи, якнайкраще свідчила про формування відповідних націй [10, с. 128-132]. Проте перші спроби офіційного відтворення суто української топонімної «власності» принципово відрізнялись від процесів формування російського й, ширше, європейських топонімних фондів (німецького, польського, англійського, французького тощо), що оперували поняттям держави.

Для більшості останніх унормоване вживання національної топонімії було формою їхньої презентації на політичній карті Європи. Ось чому вони вже відшукували, хай і стихійно, норми передачі чужих (іншомовних) топонімів шляхом їхнього «захоплення» і пристосування до своєї мовної системи, включаючи лексичну й семантичну адаптацію [1; 3; 4; 9; 11].

Для України цей процес був абсолютно протилежним. Своє право на національну ідентичність вона виборювала через виокремлення топонімної власності з меж її подальшого мовного «захоплення» іншими державами. Основну причину цього слід відшукувати у специфіці історичного буття України наприкінці XVII – початку XVIII ст. (екстралінгвістичний фактор), яке визначило норми національно-мовної поведінки українців і позначилося на функціонуванні топонімів (лінгвістичний фактор).

Осмислення топонімного фонду як національного в цей період її історії був пов’язаний із пробудженням національної свідомості спільності, що постала на захист своїх прав і вольностей. Українці в XVII ст. вже відчували себе окремим «соціумним тілом». У битвах, які вело Литовське князівство, а пізніше й Річ Посполита, українське військо презентувало себе як самостійне формування. Відтепер Україна бачилась у межах колишнього Галицько-

Волинського князівства із центром у Києві. Русь ототожнювалась ще з Україною, хоча поступово топоетноніми *Русь, русини, руський, Роксоланія, рутенці* вже замінювалися топонімом *Україна* [6, с. 129-130], що мало свої соціально-історичні причини.

Наприкінці XVII ст. досить сильною була позиція національної оборони шляхти двох напрямків: Русі римсько-католицької і Русі православної. Проте в наступних десятиліттях активність першої слабшає, а другої посилюється – остання поєднує свої інтереси з козацтвом і поспільством. Національна самооборона здобуває організаційні форми, що засвідчується збільшенням потуги й авторитету нової військової еліти – козаків: в організації освіти, книгодрукуванні, діяльності братств тощо. Поняття «Русь» і «православна віра» починають ототожнюватися. Прототопонім *Україна* зміцнює свої позиції, хоча паралельно з ним вживаються традиційні форми *Русь* і навіть *Росія* [6, с. 224], які відтепер поширюються на Україну й Білорусію, об'єднаних владою київського митрополита. При цьому слабшає державний патріотизм стосовно Речі Посполитої – Русь усвідомлюється як рівноправне самостійне утворення трьох братніх народів: українців, росіян і білорусів. Водночас посилюється вороже ставлення до «ляхів» і наближених до них вірою чи ідеологією народів, які сприймаються як українські відступники. Саме такий спектр національного самоусвідомлення мала Україна перед початком визвольної війни Богдана Хмельницького, що й підготувало її вибух.

Роздуми українських мислителів про самостійну державу, її природу й керівництво спровокувало було загрозливе зовнішнє становище України, з одного боку, серед татар і турок (більшою мірою), а з іншого, серед московитів (меншою мірою), що зумовило прагнення українців до військової самоорганізації і створення Козацької держави, які реалізовувалися в умовах очевидного процесу деморалізації українських князів та шляхти: «В новой исторической ситуации… факт появления… казачества на степных просторах Украины был адекватным ответом на вызов, брошенный кочевниками. Он был также обусловлен тем, что Степь должна был отстаивать свою свободу собственными силами: Киевской Руси уже не было, а Московская Русь еще не имела возможностей для отстаивания своих интересов на Юго-Востоке. И Степь, не имея государственного образования, выработала своеобразный иммунитет против вторжения во внутреннюю свободу ее обитателей, выпестовав в своей среде абсолютно новое явление – казачество» [8, с. 52].

Натомість саме козаки починають виростати у військову еліту, а козацтво стає новою політичною силою України. Урядові спроби Речі Посполитої вписати його у свою структуру були малоефективними, бо вони мали на меті приборкати козаків, а не загасити спалах ворожнечі між двома політичними силами. Кульмінацією цього тривалого конфлікту стає національно-визвольне повстання Наливайка, а наступні повстання 20-30-х рр. XVII ст. знаменують початок збройної боротьби з організацією політичних, адміністративних і культурних основ Козацької держави, що позначається на стані української мови. Вона з великими зовнішніми перешкодами долає два найважливіших етапи свого розвитку: стихійний – з формуванням в українській еліті національно-мовного самоусвідомлення й активізацією суспільно-політичного руху (XVI – перша половина XVII ст.) і структурно-організаційний, зорієнтований перш за все на російську культуру й мову (кінець XVII-XVIII ст.).

Перший етап проходить в умовах тісних контактів української спільності з Польщею і Литвою, тому цілком закономірно, що в українській мові переважають польські варіанти норм передачі топонімів (як українських, так і «облігативно запозичених» [9, с. 11-17]).

Перебуваючи у стадії абсорбції, українська мова починає відходити від адміністративно запроваджених норм фіксації топонімів у польсько-латинському «виконанні» і стихійно відшукувати власні традиції найменування. Суперечність цього шляху наочно демонструє різновекторність уживання запозиченої та іншомовної топонімії у складі українського топонімного фонду, який при своєму формуванні проходить три стадії освоєння:

1. Відторгнення первинного денотата при його незрозумілості для нового «власника» зі змінами топоніма не тільки на рівні фонетики чи графіки, але й семантики при калькуванні, перекладі чи морфологізації – процесах, зафіксованих в «Документах Богдана Хмельницького» і «Полного географического лексикона, содержащего в себе по азбучному порядку подробное описание царств, областей, городов, епархий, герцогств, графств и маркграфств» [5; 7]: *Кашау – Каша*, *Нашево*; *Стокгольм – Стекольня*; *Адрианополь – Орест, Одрин; Баклія – Балаклія* [5, № 402, с 530]; *Борок – Бірки* [5, № 215, с. 301]; *Браславль – Брацлав* [5, № 103, с. 172]; *Жолведи – Жовідь* [5, № 402, с. 530]; *Конона – Кононоч* [5, № 113, с. 183]; *Котор – Котурка – Котур* (річка) [5, № 131, с. 209]; *Любецькі – Любеч* [5, № 68, с. 128]; *Малютинки – Малютянка* [5, № 84, с. 148]; *Плоскирів – Проскурів* [5, № 239, с. 331].

2. Пошук нових норм їхнього відтворення через максимальне наближення до звучання або графіки в мові-реципієнт за умов існування фонетико-графічних і морфологічних варіантів різномовного походження: польськ. *Walachia* – *Валахія* [5, № 2, с. 29]; латин. *Reipublicae Venetae* – *Венеціанська Республіка* [5, № 102, с. 171]; польськ. *Moldaviae* – *Молдавія* [5, № 116, с. 187]; польск. *Infljanta – Інфлянта* [5, № 415, с. 541]; польськ. *Korona – Польська Корона* [5, № 464, с. 606]; польськ. *Transilvaniae* – *Трансільванія* [5, № 385, с. 508]; нім. *Meissen* – *Мейсенской округъ* [7., ч. 3, с. 52]; нім. *Oldenburg* – *Герцогство Олденбургъ* [7, ч. 1, с. 262].

3. Пристосування географічної назви до нової топонімної культури як з погляду мови (входження до словотвірної та словозмінної систем), так і за позамовними конотаціями. Це стосується більшості топонімів іншомовного походження, які відійшли від первинно іншомовної варіативності і перетворились на українські: *Дніпро* [ДБХ, № 5, с. 36], *Дністер* [5, № 68, с. 128], *Дунай* [5, № 279, с. 381], *Збараж* [5, № 64, с. 121], *Лемберг – Львів* [5, № 36, с. 85], *Бахмач* [5, № 175, с.261] тощо.

На відміну від них іншомовна топонімія, асоціюючись з «чужими» денотатами і конотаціями, входила в українську пропріальну культуру поступово, пройшовши шлях від лексичної або лексико-семантичної переробки (перший ступінь освоєння) до освоєння у мові-приймачі відповідно до фонетико-графічної або граматичної системи (другий ступінь). Вона все більше позбавлялася «розмитості» денотата у бік його чітко усвідомленої іншомовності, що фіксувалося в документах як суміш західноєвропейського або латино-українсько-польського оформлення з адаптацією до форм спільнослов'янської і, далі, української вимови: *« … Magno principi Curlandiae, duci Estoniae, Careliae, Bremae, Verdae, Stetini, Pomeraniae, Cassubiae et Vandaliae, principi Rugiae, domino Ingriaeet Vissmariae nec non comiti palatino Rheni, Bavariae, Juliaci et Montium duci etc…» – «…Великому князеві Курляндії, герцогові Естонії, Карелії, Бреми, Верди, Штеттіну, Померанії, Кашубії, Вандалії, князеві Ругії, володареві Угрії і Вісманії, а також графові-палатинові Рейну, Баварії, Юліяку і герцогові Гір тощо…»* [5, № 325, с. 439]; *«Serenissimo et potentissimo*

principi Ferdinando tertio, divina favente clementia Romanorum imperatori simper augusto ac Germaniae, Hungariae, Bohemiae, Dalmaciae,Graeciae, SclaveniaeBulgariaequeregi, archiduci Austriae, duci Burgundiae, Styriae, Carinthiae, Carniolae et Vittembergae» – «Найяснішому і наймогутнішому князеві Фердінінду III, милостю божому найсвітлішому римському імператору і королю Німеччини, Угорщини, Чехії, Долматії, Кроатії, Словенії і Болгарії, герцогові Австрії, князеві Бургундії, Штирії, Карінтії, Карніоли і Вітембергії» [5, № 443, с. 578].

Другий етап національного самоусвідомлення збігається з початковим етапом формування нації в Росії і рухом Богдана Хмельницького. Саме тоді вперше в свідомості громадян виникають поняття «українська нація», а українська культурна ідентичність стає визнаним і вагомим чинником політичної історії Європи. Прагнення до її збереження й уникнення полонізації й окатоличення поряд зі зрадою кримських татар, поразкою козацького війська під Берестечком, частковою перемогою під Білою Церквою і повним розгромом польського війська у 1652 р. під Батогом закономірно приводить православну Україну до Переяславського договору 1654 р., за яким вона приєднується до Росії. Відтепер уряд Росії відіграє значну роль у відбудові гетьмансько-старшинської моделі управління і становленні суспільно-економічного устрою України. Завдяки цим процесам на її території зростає продуктивність сільськогосподарського виробництва і мануфактурної промисловості, відбуваються процеси спеціалізації і використання найманої робочої сили, поширюються товарно-грошові відносини між Лівобережжям, Слобожанщиною, Правобережжям і Західною Україною. Українство, переживаючи запізнення у розвитку загальнонаціональної культури, економічно й політично осмислюється як самостійний український народ. Формуючись у парадигмі так званої «етнічної нації», воно все активніше починає засвідчувати свої амбітні претензії у мові в нових за змістом національно-правових зазіхань пам'ятках української ділової писемності.

У них топонімна лексика з безмежною варіативністю усного мовлення поступово «вивіряється» із розмовної стихії і переходить до сфери права, закріплюючи в офіційно-діловій документації норми територіальної окресленості національної «власності» з орієнтацією на російську традицію найменування. Останнє кардинально впливає на формування й розвиток української мови і української нації в цілому.

На топонімному фонді це позначається тим, що ономастичні норми відтепер установлювались адміністративно. Головною причиною порушення попередніх норм з їхньою «дезорієнтацію» на латинську й польську мови, стає орієнтація географічних назв, починаючи з другої половини XVII ст., на кириличну основу російської графіки в російсько-українському чи українсько-російському мовному оформленні, що свідчить про зародження власного топонімічного фонду, який, незважаючи на різну графічно-мовну презентацію (латинську, польську, російську), протягом XVII-XVIII ст. стає українським як за змістом вираження національних прагнень, так і за мовною специфікою вживань іншомовної топонімії або «помилково українських» варіантів, що окреслюють у національних конотаціях і свідомості народу територію впливу майбутньої української нації навіть при відсутності офіційних державних кордонів.

При цьому, оскільки адміністративно-офіційні норми для топонімії встановлювались Російською державою, більшу половину якої складали запозичення із німецької, французької, англійської, італійської, польської або грецької мов, іншомовна топонімія потрапляла на територію «бездержавної» України, проходячи через «двошаровий фільтр» з мови-джерела й російської мови, тоді як подібні потрапляння в російську мову відбувались безпосередньо з мови-джерела. Ось чому мотиви і принципи перекладу топонімів при порушення норм їхньої передачі слід відшукувати в російській мові з її первинною орієнтацією на лексичні перетворення, що набували статусу домінуючої прогресії. *«…Орды татарские на Овчих Водах…»* [5, № 260, с. 361]; *«… и те по Глинены забираютца…»; «…поза Днестром с полком итти и на Бряславльский полк оттуді ударить…»; «…аж до самого Шаргорода гнал…»; «…под Фастовім указу от тебе…»* [5, № 273, с. 376]; *«…не только Мстислав и иніе городі, но и Орша и Копыс…»* [5, № 277, с. 379]; *«…меновите Холм, Єдутин, Пралнич, Височани, Красностав, Максаков…»* [5, № 282, с. 389].

Висновки й перспективи подальшого дослідження. Таким чином, до початку XVIII ст. Україна, знаходячись на перетині впливу трьох держав (Литви, Польщі і Росії), формувала нову історію українського народу, яка, у свою чергу, впливала на розвиток української мови. Остання почала торувати шлях до самостійності в умовах взаємовпливу і взаємовідторгнення контактних мов, що призвело до виокремлення українських топонімів з-під «влади» інших і процесу «власного» прийняття іншомовної топонімії. При цьому й перші, і другі на стихійно-народному (усному) і інтуїтивно-усвідомленому (діловому) ґрунті входили в українську пропріальну культуру, перегукуючись зі спорідненою російською топонімною системою, що супроводжувалось появою різних національних конотацій, утратою первинної адресної і інформативної функцій і фіксувалось у вигляді помилок. Про стихійність і хаотичність цього процесу або про його підкорення пануючому впливу іншій мовній системі можна говорити лише умовно. Різні моделі топонімної варіативності були свідченням юридично-правового усвідомлення українською нацією своєї автентичності, яка перейшла на новий етап формування норм для різних типів українського топонімічного фонду. Поява розгалуженої системи українських пам'яток ділового міжнародного звучання – яскраве свідчення цього процесу, який потребує мовного аналізу для окреслення рівня національного самоусвідомлення в різних типах національного топонімного фонду.

Джерела та література

1. Бражник Л. М. Процессы освоения немецких топонимов в русском языке XVIII века: дисс. …канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Російська мова»/ Л. М. Бражник. – Горловка, 2006. – 223 с.

2. Валишевский К. Смутное время. [Репринтное воспр. издания 1911 г.] / К. Валишевский. – Москва: СП «ИКПА», 1989. – 419 с.

3. Воронова И. А. Адаптация английской топонимической лексики в русском языке XVIII века: дисс. …канд. филол. наук: спец. 10.02.15 «Загальне мовознавство» / И. А. Воронова. – Донецк, 1985. – 253 с.

4. Демьянов В. Г. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века / В. Г. Демьянов. – М.: Наука, 1990. – 159 с.

5. Документи Богдана Хмельницького. 1648-1657 / Упоряд. І. Крип'якевич. – К.: Вид-во АН УРСР, 1961. – 739 с.

6. Крип'якевич І. П. Історія України / І. П. Крип'якевич. – Львів: Світ, 1990. – 520 с. – («Пам'ятники Історичної думки України»).

7. Лангер К. Г. Полный географический лексикон, содержащий в себе по азбучному порядку подробное описание царств,

областей, городов, епархий, герцогств, графств и маркграфств / К. Г. Лангер. – СПб., 1791. – Ч. 1-5.
8. Мозговой В. И. Там, где было Дикое поле... Очерки истории Донецкого края / В. И. Мозговой, В. Г. Ляшенко. – Донецк: Фирма «Кардинал», 2001. – 336 с. с илл.
9. Мозговой В. И. Освоение иноязычной топонимии в русском языке XVII в. (на материале «Вестей-Курантов») : дисс. …. канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Російська мова» / В. И. Мозговой. – Донецк, 1981. – 260 с.
10. Мозговой В. И. Форма имени и характер номинации как средство хронологизации топонимов» / В. И. Мозговой // Номинация в ономастике. – Свердловск, 1991. – С.128-132.
11. Пичугина О. А. Процессы освоения топонимических галлицизмов в русском языке XVIII века: дисс. … канд. филол. наук / О. А. Пичугина. – Донецк, 1990. – 260 с.

УДК 811.111:81’ 371

Мойсеєнко С. М.

СПЕЦИФІКА РЕАЛІЗАЦІЇ ПРАГМАТИКИ У АНГЛОМОВНОМУ КОМП’ЮТЕРНОМУ ДИСКУРСІ

В этой статье рассматриваются средства реализации прагматики в англоязычном компьютерном дискурсе с помощью компьютерной лексики и компьютерной информации, ориентированной на адресата. Выбор прагматично маркированной лексики как средства научного общения имеет большое значение для реализации прагматической стратегии коммуникации. Это дало возможность уделить особое внимание прежде всего на те значения слов, которые связаны с передачей научной информации. Фундаментальный анализ компьютерной информации способствует обнаружению прагматически маркированной лексики.
Ключевые слова: прагматика, компьютерный дискурс, маркирование, коммуниканты.

У даній статті розглянуто засоби реалізації прагматики у англомовному комп’ютерному дискурсі за допомогою комп’ютерної лексики та комп’ютерної інформації, спрямованої на адресата. Виділення прагматично маркованої лексики має велике значення в прагматичному плані, тобто як засіб наукового спілкування. Це дало змогу зосередити особливу увагу перш за все на тих значеннях слова, котрі пов’язані з передачею наукової інформації. Грунтовний аналіз комп’ютерної інформації сприяє виявленню прагматичної маркованої лексики.
Ключові слова: прагматика, комп’ютерний дискурс, маркованість, комуніканти.

This article examined the means of implementation of pragmatics in English computer discourse with computer vocabulary and recipient-oriented information. The choice of pragmatic marked vocabulary is of great importance in pragmatic terms, i.e. as a means of scientific communication. It gave possibility to focus special attention primarily on those values of words that are connected with the transfer of scientific information. Fundamental analysis of pragmatic marking of computer information is also carried out.
Key words: pragmatics, computer discourse, marking, communicator.

Проблематика дослідження комп’ютерного дискурсу привертає увагу все більшої кількості науковців-філологів. Досліджуються його структурні, дискурсивні, етикетні, терміноутворюючі аспекти [3; 5; 8; 9], розвиваються когнітивно-прагматичний та лінгвокультурологічний напрямки вивчення комп’ютерної комунікації [4; 6]. Для досліджень комп’ютерного середовища створено відповідні теоретичні та практичні засади. Невирішеними поки що залишаються питання визначення прагматичних особливостей англомовного комп’ютерного дискурсу на рівні слова і словосполучення, коли дослідження переходить в область лексико-фразеологічних взаємозв’язків між словами, а тому вимагає поглибленого аналізу мовного матеріалу.

Актуальність обраної теми визначається необхідністю комплексного аналізу засобів реалізації прагматики комп’ютерної комунікації та зумовлена відсутністю системних досліджень її специфіки.

Об’єктом вивчення слугує мовний матеріал, відібраний з навчальних посібників «English for Information Systems» та «The language of Science», а **предметом** – специфіка реалізації прагматики в комп’ютерному дискурсі.

Прагматика – наука про використання мови в реальних процесах комунікації. Вона забезпечує характер вибору мовних засобів з розрахунком на мотив, цільову установку мовця, а також правильне розуміння висловлювання й оцінювання образного використання мови адресатом.

Прагматика реалізується і відтворюється різними шляхами, різними мовними та позамовними засобами, в тому числі за допомогою комп’ютерної лексики та за допомогою комп’ютерної інформації, спрямованої на адресата.

Виділення прагматично маркованої лексики має велике значення, перш за все, для прагматично зумовлених ситуацій, як засіб наукового спілкування, що реалізується для виконання прагматичних функцій.

В даному випадку **мета статті** – зосередити особливу увагу перш за все на тих значеннях слова, котрі відповідають комунікативному завданню даного регістра і пов’язані з передачею наукової інформації. Іншими словами, в комп’ютерному дискурсі можуть реалізуватися не всі, а лише деякі значення того чи іншого слова у відповідності зі змістом і наміром висловлювання. На цій основі відбувається звуження лексичного і функціонального діапазону слова в тому сенсі, що воно набуває вузько-орієнтованих спеціальних значень. Звуження лексичного діапазону слова необхідне для досягнення максимальної точності і чіткості в процесі передачі комп’ютерної інформації. Чим в більшій мірі дотримано закон знаку, що передбачає відповідність плану змісту і плану вираження, чим менша багатозначність, тим вищий рівень оптимізації комп’ютерного дискурсу, котрий реалізує функції повідомлення та впливу. Проте, слово продовжує залишатися одиницею загальнонародної мови, так як воно може використовуватися і в інших регістрах.

Наука прагне виявити об’єктивну природу предмету, показати, яким він є незалежно від людини, її почуттів, емоцій, бажань. Тому текстоутворюючою ознакою наукових робіт являється логічна послідовність викладу, орієнтація не на емоційно-чуттєве, а перш за все на логічне сприйняття, прагнення до максимальної об’єктивності.

Об’єктивність комп’ютерного дискурсу здійснює певний вплив і на реалізацію поліфункціональних слів. Так, дієприслівникові звороти на *–ing* в даному регістрі вживаються в таких функціях:

1) придієслівний додаток: A hacker is a person who programs enthusiastically (even) obsessively or who enjoys *programming* rather than just *theorizing* about programming.

2) обставина: You can choose ‘Open’ from the file menu *by positioning* the pointer on ‘File’, *dragging* it to the ‘Open’ command and *releasing* the mouse button [11, с. 17].

3) неузгоджене означення:This is the most general method *for synthesizing* an optimized version of the text.

4) релятивно-атрибутивне означення, що заміняє в комп'ютерному дискурсі підрядні означальні речення, які вводяться сполучником *which/who*: Google has launched a news service *providing* articles on various topics. The scientist *investigating* this problem works at our university.

За нашими спостереженнями, для регістру наукового висловлювання основною одиницею мовлення (як письмового, так і усного) являється, скоріше не слово, а словосполучення. В комп'ютерному дискурсі близько 90% словосполучень є стійкими (клішованими або ідіоматичними) утвореннями, котрі входять в мовлення у готовому вигляді. В процесі передачі комп'ютерної інформації адресант, як правило, не займається словотворчістю, він не створює оригінальних словосполучень та індивідуально-авторських зворотів, так як в основі функціонального стилю комп'ютерного повідомлення лежить «нейтральний» пласт лексики, максимально наближений до прийнятої літературної норми. До таких одиниць слід віднести звороти типу: *it would be natural to conclude that …; it should be borne in mind that …; it must be noted that …; it may be difficult to understand that …; it is natural to believe that …; it is important to realize that …* та інші. Проте, це, звичайно, не означає, що комп'ютерне мовлення повністю позбавлене емоційного навантаження та експресивності. Від вдалого поєднання «нейтрального» і «емоційного», «інформативності»і «експресивності» залежать такі прагматичні властивості комп'ютерного дискурсу, як його доступність і переконливість.

Крім того, в комп'ютерному дискурсі є доволі велика кількість власне фразеологічних одиниць, функціонуючих в мовленні як складні еквіваленти слова. Найбільш характерними типами фразеологізмів являються такі:

1) прийменниково-номінативні одиниці: *in principle, in question, in general, in turn, under consideration* та інші;

2) дієслівно-адвербіальні одиниці: *to give up, to make out, to turn to, to set about, to sum up, to call for* та інші;

3) фразеологічні одиниці типу: *to be about, to be able, to be certain, to be worth* та інші;

4) дієслівно-субстантивні одиниці: *to take into account, to give rise, to come into use, to take place, to keep in mind, to take for granted* та інші [2, с. 240-241].

Повторне вживання слова в типовій ситуації мовленнєвого спілкування викликає узуальне закріплення в слові прагматичної інформації. Активне вживання слова сприяє одержанню ним **прагматичної маркованості** в системі мови [1, с. 38], а також і у мовленні. Під **прагматичною маркованістю інформації** мовної одиниці ми розуміємо її прагматичний зміст, який часто реалізується в таких комунікативних ситуаціях, що відповідають потребам суспільства або індивіда для досягнення прагматичної мети. Мовець вибирає з наявного лексикону те слово, яке щонайкраще виражає його думки і почуття і реалізує його намір. В результаті прагматичного використання слова індивідом в нетиповій для нього ситуації воно набуває прагматичної маркованості, обумовленої характером мовця і його наміром.

Розмовляючи або здійснюючи акт письма, адресант взаємодіє з іншим суб'єктом дискурсу, що включений в той самий прагматичний простір. Цим висловлюванням адресант виділяє когось як свого адресата. Він усвідомлює й враховує схожість або відмінність в соціальних і функціональних статусах з адресатом, обираючи нейтральну або ввічливу форму звертання, продиктовану соціальними нормами. Саме адресант поміщає свого співрозмовника на той чи інший щабель соціальної драбини, спираючись на власний статус. Тут діє принцип егоцентризму. Адресат може бути рівним, а може бути вищим (старшим) чи нижчим (молодшим) в соціальній ієрархії (за віком, статтю, позицією в сімейному колі, службовим положенням, класовою приналежністю, роллю у сфері послуг). Оцінки адресанта задаються відповідним етносоціокультурним середовищем.

Оскільки наше дослідження виконується в межах наукової мови, то слід зауважити, що науковий стиль характеризується вживанням, перш за все, імпліцитних засобів вираження авторського «я» й великою кількістю пасивних конструкцій, а це значить, що надається перевага об'єктивній точці зору організації дискурсу.

Імпліцитні засоби вираження авторського «я» [7, с. 38]**:**

1) займенник першої особи множини («ми узагальнене», «авторське ми»), дієслівні форми першої особи множини: *we are coming to realize; we have taken it to be; we are beginning to see; we deal with; we are now speaking.* Ми-наукове використовується як засіб авторизації. Вважається, що це *ми* свідчить про авторську стриманість, свідчення опори на ідеї колег і попередників (ми = я +ви та вони).

2) присвійний займенник, що співвідноситься з *ми*:*Our objective/purpose/aim is to …; For the sake of our analysis…; Let us say.*

3) неозначено-особові речення: *It is argued/ believed /thought/assumed/accepted that…; It seems…;It could be said (that)…;Traditionally/It is widely held.*

4) безособові речення типу «треба підкреслити»: *It should be noted…;It should be borne in mind.*

5) конструкції типу «відомо, що»: *It is known…; Popular belief holds/ According to popular belief…; A classic way/approach…; Historically/ The prevailing view is…;*

6) дейктичне слово (тут), метонімічний вираз із дейктичним словом (в даній статті): *Emphasized here are…;The present paper/ This paper/This study deals with/ is about…; The present paper addresses … from the perspective of…; The paper reveals …; The paper suggests …; The results of the study demonstrate clear signs of.*

Але є й такі тексти в межах комп'ютерного дискурсу, які послідовно побудовані по принципу суб'єктивної точки зору (наприклад, *The question that I pose today is …; The future of technology and education …;I explain it for you to understand…*).

Експліцитні засоби вираження авторського «я»:

1) займенник першої особи однини («я власне»), дієслівні форми першої особи однини: *I discuss below…; I contend/I am sure (of)/I argue…;I begin by/ set the stage by…; By X I mean…;I am an advocate of …; I will try to show…; I predict/ I foresee/ forecast/make a prognosis.*Усне безпосереднє спілкування представляє перед слухачами/читачами мовця/автора *я* як індивідуалізовану особу.

2) займенник першої особи множини («ми», що позначає малу групу, включаючи мовця/автора), дієслівні форми першої особи множини: *We argue…; We are confident …; We present the argument…; We choose (not) …; We wish to …; We take an approach…; We propose/ suggest…; We report that…; We prefer.*

3) присвійні займенники, що співвідносяться з *ми* і *я*: *Our approach…; Our advocacy…; It occurs to me …; In my view/ opinion/ meaning …; From my understanding …; My own view …/To my mind… ; My thesis is* [10, с. 115-116].

Отже, спілкування людей – найважливіше джерело виявлення суб'єктивного чинника в мові, формування прагматичних складників лексичних і граматичних одиниць і категорій. Вони можуть мати за основу і системні потенції, і позасистемні, залежні від конкретної ситуації спілкування особистостей із застосуванням живої природної мови. У комунікації поєднано усі чинники формування суб'єктивності засобів мовного коду: залежних від осіб комунікантів до найрізноманітніших фільтрів міжособистісного контакту.

Джерела та література

1. Азнаурова Э. С. Прагматика художественного слова / Э. С. Азнаурова. – Ташкент: ФАН, 1988. – 121 с.
2. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения. Вопросы методологии / Н. Б. Гвишиани. – М.: Высш. школа., 1986. – 280с.
3. Заборовська С. В.Особливості віртуального дискурсу в просторі Інтернет (на прикладі інтернет-щоденників): автореф. дис. На здобуття ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.02 «Російська мова» / С. В. Заборовська. – Харків, 2006. – 22 с.
4. Компанцева Л. Ф. Інтернет-комунікація: когнітивно-прагматичний та лінгвокультурологічний аспекти: автореф. дис. на здобуття ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.02 «Російська мова» / Л. Ф. Компанцева. – К., 2007. – 36 с.
5. Рябоконь Г. Л. Дискурсивні особливості інтернет-публікацій дебатів британського парламенту: автореф. дис. на здобуття ступеня канд. філол. наук: спец.10.01.08 «Журналістика» / Г. Л. Рябоконь. – Львів, 2005. – 22 с.
6. Славова Л. Л. Комунікативні стратегії та тактики у сучасному мас-медійному політичному дискурсі: зіставний аспект (на матеріалі українських та американських Інтернет-джерел) / Л. Л. Славова // Вісн. Житомир. держ. ун-ту ім. І. Франка. – 2006. – № 27. – С. 116 – 117.
7. Словообразование. Стилистика. Текст: Номинативные средства в текстах разных функциональных стилей / Науч. ред. Г. А. Николаев и др. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1991. – 176 с.
8. Столярова М. О. Етикет у віртуальній англомовній комунікації (на матеріалі чатлайнових сесій): автореф. дис. на здобуття ступеня канд. філол. наук: спец.10.02.04 «Германські мови» / М. О. Столярова. – К., 2005. – 20 с.
9. Стрельбіцька Л. Інтернет як полігон розвитку природної мови / Л. Стрельбіцька // Вісн. Нац. ун-ту «Львів. Політехніка». Пробл. укр. термінології. – 2005. – № 538. – С. 33-38.

Джерела ілюстративного матеріалу

10. Ільченко О. М. The language of Science: Semantics. Pragmatics. Translation. Підручник для студентів вищих навчальних закладів і науковців / О. М. Ільченко. – К.: НВП «Видавництво «Наукова думка» НАН України», 2009. – 288с.
11. English for Information Systems by Steve Hick, Prentice Hall International English Language Teaching, 1991.

УДК 811.161. 2`367

Мойсієнко А. К.

КРЕОЛІЗОВАНІ ТЕКСТИ УКРАЇНСЬКОЇ ПОЕЗІЇ

Статья посвящена описанию креолизованых текстов поэтических произведений украинских авторов, структурно-смысловой, образно-композиционной организации исследуемых текстов. Рассмотрены такие их виды, как силуэтный стих, силуэтно-контурный стих, буквенная поэзографика, шахопоэзия и др.

Ключевые слова: креолизованый текст, визуальная поэзия, шахопоэзия.

Стаття присвячена опису креолізованих текстів поетичних творів українських авторів, структурно-смисловій, образно-композиційній організації досліджуваних текстів. Розглянуто такі їх види, як силуетний вірш, силуетно-контурний вірш, літерна поезографіка, шахопоезія тощо.

Ключові слова: креолізований текст, візуальна поезія, шахопоезія.

The article is devoted to the description of creolized texts of poetic works of Ukrainian authors, structural and notional, figurative and compositional organisation of the studied texts. The focus lies within such types as a silhouette verse, a silhouette-contour verse, literary poetic graphics, chess poetry etc.

Key words: creolized text, visual poetry, chess poetry.

Креолізованим називають текст, структурна організація якого поєднує в собі словесний елемент з невербальним. Таким невербальним компонентом може бути малюнок, цифрове зображення, різні математичні знаки, розділові знаки, нотні знаки, шахова атрибутика тощо.

У багатьох випадках такий невербальний компонент є визначальним у художньому творі. Мовиться про так звану візуальну поезію, традиція якої сягає в сиву давнину. З часу Київської Русі дійшли до нас графічні зображення у вигляді літерних символів (наприклад, у формі хреста), а також орнаментально-побутової знаковості (голуб, кінь, голова ведмедя (?) зі спиралеподібним рогом тощо)[1, с. 117]. Якщо в ряді текстів малюнок мовби прикрашає композицію одноосібно, то, скажімо, напис **[господи] помози мартинови** являє собою своєрідний мистецький симбіоз, де переважна більшість літер оздоблена рослинним орнаментом, а літери **о** в слові **помози** мають вигляд людських облич (перше – в профіль, друге – анфас), частини ж слова **мартинови** об'єднані малюнком людського погруддя (між літер **и** та **н**) [2, с. 50].

Як цілісне мистецьке явище візуальна поезія постає за доби Бароко, постає як явище естетизоване і цілком незвичайне для багатьох тодішніх сучасників. Як зазначав Анатолій Макаров, говорячи про новаторські пошуки одного з духовних провідників тієї епохи Лазаря Барановича, «глибокі думки архієпископа залишалися непрочитаними, вкритими непрозорим шаром складних асоціативно-метафоричних образів, що дихали вже передчуттям поетики XX століття» (ЛУ, 23.09.1993). Те ж можна сказати і про творчість Івана Величковського, внесок якого у розвиток візуального вірша важко переоцінити, який у рукописній збірці «Млеко од овці пастиру належное» (1691) подає зразки зорової поезії на прикладах більш ніж 20 жанрів (фігурний, узгоджений, співвідносний, онограматичний, квадратний, єдиногласний, числовий вірш, вірш-лабіринт, ракові вірші та ін.). XVII-XVIII століття в українській візуалістиці ознаменовані такими визначними постатями, як Степан Беринда, Митрофан Довгалевський, Дмитро Туптало, Григорій Сковорода. Епоха Бароко явила нам не лише численні цікаві зразки зорепоезії, а й перші досить поважні спроби теоретичних обґрунтувань жанру.

Проте, як справедливо зазначає Тетяна Назаренко, «переживши свій розквіт у XVII-XVIII сторіччях, українська візуальна поезія – як і інші жанри барокової поезії – поступилася місцем іншим поетичним формам», що спостерігалося також і в інших європейських літературах, де в «річищі класицизму, романтизму й реалізму плідно розвивались переважно традиційні поетичні жанри» [3, с. 31].

За радянської доби формотворчі пошуки, пошуки в царині поетичної візуалістики (від Семенка і до Саченка) трактувалися не більш як занепадницькими і соціально небезпечними. І лише в останнє десятиріччя XX ст. процеси демократизації, які відбулися в суспільному житті, не могли не позначитися і на культурницькій сфері, зокрема у сфері візуалістики.

В цьому жанрі сьогодні активно працюють уже десятки поетів, ще в 1991 році засновано літературну групу «Геракліт» (Голінні Ентузіасти РАКа ЛІТерального), а 1999 р. – НІМБ ЗОРОСЛОВА (Наукове і мистецьке братство зорослова), у 1997 році творчість українських поезомитців була гідно поцінована на Міжнародній конференції зорової поезії «Eye Rhymes» в Альбертському університеті (Едмонтон, Канада), в 1998 році з'являється перший випуск альманаху «Зрима Рима», в підзаголовку якого значиться: «Літопис творчих подій в українській візуальній поезії та у мистецтві поезографіки».

Сьогодні доробок українських зорословів характеризується багатством тематичним і жанровим, пошуками нових, оригінальних форм вираження у слові, у графіці слова і літери, тексту, в малюнку…

Текстова структура сучасної візуальної поезії представлена такими різновидами, як силуетний вірш, силуетний вірш з елементами-вкрапленнями, контурний вірш, силуетно-контурний вірш, літерна поезографіка, шахопоезія тощо.

Силуетний вірш – це буквений текст у формі малюнка: текст, фігурно окаймлений, вербальна структура якого набуває форм різних реалій. У такій манері виконані зоропоезії Миколи Сарми-Соколовського «Дзвін гетьмана Івана Мазепи», Івана Іова «Хрест», Віктора Мельника «Сонеторт», Неди Нежданої «Пісковий годинник», Василя Трубая «Піраміда розвитку», Любомира Госейка «Ейфелева вежа», Мирослава Короля «Часопростір», Миколи Мірошниченка «Куля земна», «Хіросіма»(переклади, чи переспіви, з азербайджанських поетів Аббаса Абдулли і Фікрета Годжі). До такого виду утворень слід віднести «Різдвяну віршу» Івана Іова з силуетним зображенням ялинки, за стовбур до якої править сама назва твору, «Повішений сонет» Віктора Мельника, де за основу взято заголовний рядок, а чотирнадцять рядків власне сонета мовби підвішені до заголовка і читаються вертикально від верху до низу.

В подібних текстових структурах важливу роль відіграють окремі візуальні елементи-вкраплення, що слугують невід'ємним компонентом твору, органічно доповнюють або відповідно інтонуть певну тему чи образ. Так, у поезії Миколи Мірошниченка «Фенікс-птах із земель рустих», яка являє собою силует птаха, таким вкрапленням у текстову структуру є літера *о*, що виконує водночас і роль відповідних компонентів у словах «посизілого» і «погас», і зображає око птаха на силуетному малюнку.

Не менш цікава і інша з «конкретистських» робіт Миколи Мірошниченка – вірш «Рейнгардт Дьоль». Після трирядкової текстівки («– Ну як же влучити? Ну як же це?! А може, стріла не така? Я цілюсь, мов Телль, у яблуко») окреслено конфігурацію яблука способом багаторазового повторення графеми «яблуко», причому таким чином, що четвертий рядок текстівки («щоб вцілити у червака») вписується останнім своїм словам у сегмент яблука, а перша частина рядка нагадує пущену з лука стрілу, що поціляє «червака» в яблуку. Отож, добре відома графічна побудова – вірш Р. Дьоля (графолексичне зображення яблука – Apfel, Apfel, Apfel...– з єдиним словом *Wurt*, тобто черв'як), у візуальній поетиці М. Мірошниченка отримує своєрідне сюжетне наповнення, з ретроспективним «виходом» на героя давньонімецького епосу; отримує, зрештою, нове образне вирішення.

Такі «силуетні деталі» є домінантними у творі Василя Трубая «Кінець світу» (відбиток черевика на тлі сторінки з текстом 10 Біблійних заповідей), Віктора Женченка «Трагедія» (колючий концтабір ний дріт обвиває літере «Колима»).

Силуетного-образного оформлення можуть набувати візуалії, що складаються як із слів, так і з окремих літер. «Ще не вмерла Україна» – так називається візуальна поезія Миколи Сороки, що є алюзією відомих слів Павла Чубинського, які стали гімном Української держави. Цей заголовний рядок власне й становить суть зоровірша, розсипані літери якого силуетно формують географічну мапу України. Єдино виразно проступає слово «Україна», де літера *ї* мовби переборює ентропію численних *и*, нахилених, перевернутих *ї*, допоки не стає сама собою.

Такою є зоропоезія Яра Балана з аркоподібним заголовком «Капеля ім. Г. Китастого»: під зводами заголовка «розміщено» хор у вигляді кількох рядів букв української абетки, причому, літери подаються в такому оформленні, що окремі їхні елементи нагадують «оселедець», вуса хористів.

Силуетно-контурний тип креалізованих текстів представлений творами Миколи Луговика «На спомин з дня 500-ліття Січі», «Пам'яті Джона Леннона», Миколи Сороки «Сходи влади», «Я вас запрошую на чай», Івана Лучука «Вуха», Миколи Мірошниченка «Око». Словесний матеріал у таких творах своєрідно окаймлює просторову площину, означує контури певного малюнку. Наприклад, візуальний вірш узбецького поета XV ст. Атааллаха Махмуд-і Хусайні Атаї «Страждаю я од горя», що в перекладі Миколи Мірошниченка отримав таку інтерпретацію: «Страждаю я од горя ох чорнобрива зоре бо губи твої кров'ю всього уповнять скоро бо квіт мій у розпуці в розпаді в розорі заулок щастя поруч та площа зась говоре що ж Атаї-сіромо обрид зорі зі вчора?» – вписано в контури п'ятикутної зірки таким чином, що слова п'ять разів перетинаються саме на букві *о*.

Окрему сторінку візуалістики становлять тексти на основі букв-символів. В самій літері вже закладене певне образне начало. І поетові варто тільки грамотно «розпорядитися» інтенцією. Найчастіше тут «експлуатується» літера *я* (Яр Балан, Микола Сорока, Віктор Женченко, Микола Луговик).

На основі антропоморфізованого образу літер Микола Луговик створює ряд портретних ескізів – «Лижниця», «Оксана», «Ольга», «Орфей і Евридика», «Вона». Лише кілька літер у його композиції «Голод» відтворюють графічний образ українця в зашморгу голодомору, де літерою «Г» – шибениця, «О» – голова, «Л» – вуса, «ОД» – тулуб і ноги. Надзвичайно цікаві літерні поезії М. Луговика, адресовані юному читачеві. Автор не просто використовує різні за формою літери, а сміливо, як живописець, змінює їхні форми, звичайно, в допустимих пропорціях, що не нівелює адекватного прочитання. Скажімо, у зоровірші «Качка» літеру «К» вимальовано так, що вона нагадує дзьоб качки із затиснутою травинкою (а якщо підключити трохи фантазії, можна уявити – з рибинкою),

видовжуючи хвостик літери «а», поет створює ілюзію качиного хвоста. Цікавими в подібному сенсі є твори «Лебідка», «Дрізд», «Курка і півень», «Дятел». У останньому літера «Л» відтворює стовбур дерева, а сам птах зображується за допомогою схожості літер до тої чи іншої частини його тіла: загострена та видовжена «Д» – дзьоб, «Я» на довгій ніжці – голова і тулуб. У «Ящірці» дещо деформована літера «К» відтворює хвоста, а в «Пелікані» довгий дзьоб екзотичного птаха постає у вигляді видовженої з випуклістю нижньої частини літери «п».

Симбіоз літери і декоративного малюнка маємо в роботах «Чаша», «Дім», «Міф» таких відомих митців поезографіки, як Тетяна Чуприніна і Володимир Чупринін (Волхв Слововежа), у інтерпретації останнього набули поезографічного образу ряд паліндромних текстів Миколи Мірошниченка, Анатолія Мойсієнка.

Власне малюнок супроводжується вербальним текстом, чи навпаки, текст увиразнюється зображальним компонентом у ряді творів Івана Іова, Віктора Женченка, Мирослава Короля, Назара Гончара… Михайло Стрельбицький публікує дві книги поетичних циклів з промовистою назвою «Під небом Коновалюка», де віршові тексти – своєрідний вербальний коментар до полотен видатного майстра пензля.

Іноді композиція на основі того читого малюнка набуває певних літерних ознак, як це бачимо в поезії Віктора Женченка «Стогін», що нагадує собою літеру *С* і компонується автором з чотирьох козацьких шабель, на лезах яких прописними літерами – «Серед спраглих степів стогне століттями сива слава, скликаючи своїх ситих сонних сучасників». Про цей та інші твори Віктора Женченка згаданий уже поезомитець і критик Волхв Слововежа писав: «Винятковістю схвильованих поезографічних візій Віктора Женченка, що виокремлює ці композиції у бурхливому мистецькому потоці творів сучасних українських майстрів зорової поезії, є потужний семіотичний вокал, досконале соло ініціалів, виразне літероголосся кожного графічного символу абетки»[4, 1999].

Мовно-абетковий матеріал у багатьох випадках знаходить органічне поєднання з елементами інших систем: математики, музики тощо. Вірш-ребус «М. Зеров на Соловках» створений на основі таких графічних елементів, як літера «З» (виступає зображенням північної хижої риби із роззявленою пащекою), літера «В» (у безладному падінні пенсне Зерова), латинська літера «N» (зображення номерного знака, який завше був на одязі в'язня). Зображення сурми з нотами означає в малюнку-ребусі *соло* – шлях до прочитання слова «Соловки». Звичайно, аж ніяк не лірично-інтимне соло, ця художньо-графічна деталь відтворює сувору соловецьку дійсність: виття вовче чи завивання холодної північної хуги. Не меншу роль у цій композиції виконує і біла сторінка. Ще Маларме в знаменитому "Кидку гральної кості" говорив про три основні сторони зорової поезії, і третьою із них названа органічна єдність аркуша і тексту. У Луговиковій композиції літери, які, ніби притискаються одна до одної, імітуючи змучених в'язнів під холодним соловецьким вітром, візуально окреслюються на білому тлі сторінки, символізує заметений снігом простір, кригу північного моря, яку проломлює хижа північна риба, котра ось-ось поглине чи вже поглинула свою жертву.

Знаки на нотному стані становлять сенс «Сонати № 1» Івана Іова, поезії «Без назви» Назара Гончара. Великі нотні фрагменти з Йогана-Себастіана Баха, Людвіга ван Бетховена, Вольфганга-Амадея Моцарта, Сергія Прокоф'єва, Віктора Косенка вводить Захар Гончарук до поеми «Апасіоната» («На концерті Святослава Ріхтера»), диптиха «Біном Ньютона», тим самим надаючи другого дихання віршовим рядкам, домагаючись візуального увиразнення інтонаційно-смислової структури поетичного твору.

З літер, поєднаних з геометрично-математичними знаками, «складається» вірш-жарт Миколи Мірошниченка «У зубного лікаря». А ось так виглядає його поезія «Київ увечері»:

100ЖАРІВ НАМИ100
ГУ100,
ТЛУ100,
ЧИ100,
ПРОМЕНИ100,–
ПРО100РОВО НА100ЯНЕ МІ100.

«Сторінкою з записника» назвав Микола Сорока зображення, що нагадують номери телефонів – п'ятизначний (із знаком питання в дужках – певне, не згадати вже й абонента), шестизначний перекреслений і два семизначні кілька разів перекреслені, і нарешті – останній – номер із одинадцяти цифр, перші три цифри (код) і літери на початку NY вказують на нью-йоркський номер. Динаміка перекреслених і неперекреслених цифр, можливо, віддзеркалює не одну сторінку життєпису ліричного героя. (За аналогічним принципом на лексичному рівні побудована композиція Василя Трубая, що самою назвою – «Одне з п'яти» – вказує на вибір; і ось він, вибір: багато разів перекреслені слова «гроші» і «Влада», двічі – «слава», раз – «кохання», не перекреслене тільки «воля»).

На окрему розмову заслуговує такий вид творчості, як шахопоезія, що синтезує в собі власне поетичне і шахове начала. Причому, шаховий «компонент» представлений тут сферою композиції. Композицію ж – задачну, етюдну творчість – нерідко називають шаховою поезією. І характерно, що з-поміж багатьох видатних представників красного письменства, які самі були палкими прихильниками шахів і які немало зробили для популяризації цієї старовинної гри у художній творчості, чимало таких, що полишили по собі визначний слід і в шаховій композиції, згадаймо хоч би відомі літературні постаті француза Альфреда де Мюссе чи росіянина Володимира Набокова.

Шахопоезія як творчість передбачає насамперед шахово-композиційну основу образно-текстової структури. Хоч динаміка художнього творення може мати і дещо інший характер: імпліцитно виражена поетична ідея закріплюється в шахово-композиційному «оформленні» і відповідно знаходить текстову реалізацію.

Можна говорити про два розроблювані автором різновиди шахопоезії. Спинимося на кожному з них.

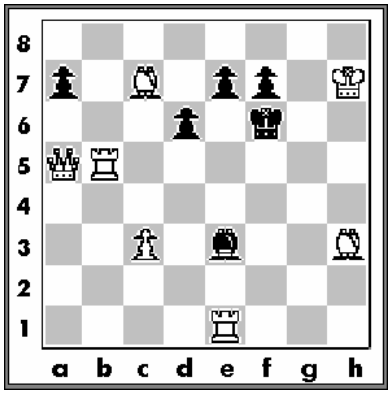
Твори першого виду мають таку структурно-композиційну організацію: текст + задачна (етюдна) діаграма + нотація розв'язку. Віршовий текст являє собою певну образну (конкретно-абстрактну даність) і відбиває відповідні ідейно-тематичні колізії розв'язку шахової композиції; тут же подаються діаграма і нотація цього розв'язку – як невід'ємні атрибути своєрідного опертя для асоціативного виокремлення поетичної ідеї і адекватного сприйняття цілісного твору.

Ось вірш, яким започатковується перший цикл «Шахопоезій» автора.

***

Біг...
Біг...

Біг...
Навмання
І навздогін...
Останній мисливець
Меткий і влучний.
І навздогін...
Хвиля пірнула –
На тому боці
Лебідкою стала.
Лебідка пірнула
З того берега –
До цього берега
Хвилею дістала.
Біг...
Біг...
Біг...

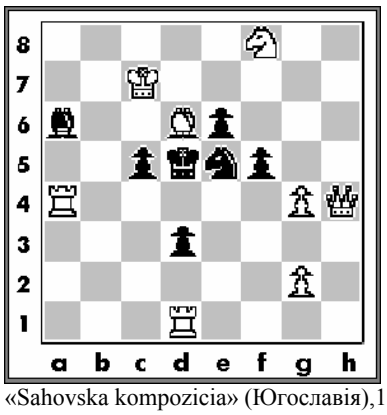
1.Фа6? 1...С~ 2.Tb5-f5x, 1...Cc5!
1.Td5? 1...С~ 2.Td5-f5x, 1...a6!
1.Tg5?– 2.Фf5x, 1...Cc5 2.Tg5-f5x, 1...d5!
1.Th5!– 2.Фf5x, 1...Cc5 2.Th5-f5x, 1...d5 2.Ce5x, 1...e6(e5) 2.Cd8x.
«Idee und Form»(Швейцарія), 1990

Динаміка початкового «Біг... Біг... Біг...» стає конкретизованою сутністю поетики задачі, зображеної на діаграмі, в поєднанні з відповідним розв'язком, який демонструє ідею брістольської теми в шаховій композиції: одна з фігур прокладає шлях для іншої. А оте «навздогін» і «навмання» є особливо промовистим, коли зважити, що в задачі три хибні сліди, а отже, жоден не веде до перемоги. Досягає мети лише хід Th5! – знову «навздогін» – в останній фазі розв'язку. «Останній мисливець, Меткий і влучний». Асоціативні образи хвилі, лебідки, пірнань з одного берега, з другого відбивають динаміку ходу 2.Tf5x: біла тура, матуючи щораз в одній і тій же точці шахівниці, кожного разу сягає її з різних полів – зліва і справа.

Другий різновид шахопоезії так само являє собою текстово-задачне (етюдне) поєднання, в текстову частину якого, котра передує діаграмі, безпосередньо вплітається розв'язок шахової композиції.

***

Правда в тому:
Твої вагання –
Моя несхитність.
1.Te1? 1...K~! 1.Фf6?
1...Kc4! 1.Фg3? 1...f4!
Твоя несхибність –
1.Фe1! –
Моя безвихідь,
Моя нестримність –
1...K~,Kc4.
Твоя всевладність,
Твоя захланність –
2.Фe6, T:d3.
І правда
в тому.

«Sahovska kompozicia» (Югославія),1992

Діалектика вагання, несхитності, несхибності, безвихідності, нестримності, всевладності, захланності, що становить власне композиційну основу твору, «підтримується» діалектикою шахово-композиційних перипетій зі вступними ходами і спростуваннями у спробах, захисними і матуючими атаками.

Якщо перший різновид шахопоезії «працює» на асоціаціях, що вловлюються читачем у полі «вольтової дуги» між віршовим текстом і шаховим «текстом» (потрібно вміти виокремити певні співзвучні образні смисли), то в другому випадку автор полегшує читачеві цю роботу, вплітаючи знаки шахової нотації у власне текст, цим самим вибудовуючи асоціативні ряди на основі локалізованих словесно-шахових образів.

Джерела та література

1. Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI-XIV вв. / С. А. Высоцкий – К.: Наук. думка, 1966.
2. Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам графитти XI-XVII вв.) / С. А. Высоцкий – К.: Наук. думка, 1976.
3. Назаренко Т. Образ слова / Т. Назаренко // Всесвіт.– 1995. – № 1.
4. Слововежа Волхв. Висновки з виставки // Зрима рима. – 1999.

УДК 81’367:81’373.4

Мокляк О. І.

СИНТАКСИЧНІ ЗАСОБИ ІНТЕНСИФІКАЦІЇ ЕМОЦІЙНОСТІ НІЖНИХ ІМЕНУВАНЬ

В статье осуществлен детальный анализ распространителей нежных обращений как синтаксических интенсификаторов эмоциональности указанных номинаций, раскрыта прагматическая направленность многокомпонентных именований в эмоциональном плане.

Ключевые слова: распространители, интенсификаторы, нежные именования.

У статті здійснено детальний аналіз поширювачів ніжних звертань як синтаксичних інтенсифікаторів чуттєвості вказаних номінацій, розкрито прагматичну спрямованість багатокомпонентних іменувань в емоційному плані.

Ключові слова: поширювачі, інтенсифікатори, ніжні іменування.

This article gives the detail analyses of expenders of tender appeals as syntactical intensificators of sensuality, pragmatic direction of multicomponent nominations in emotional aspect.

Key words: expenders, intensificators, tender nominations.

Ґрунтовне вивчення природи ніжних іменувань передбачає розгляд синтаксичних засобів інтенсифікації емоційності вказаних одиниць. Слід зауважити, що зазначена проблема залишається поза увагою лінгвістів. Ніжні номінації згадують лише принагідно в контексті аналізу синтаксичних засобів посилення емоційності звертань взагалі. Здебільшого це розвідки, що базуються на матеріалі іноземних мов. Варто назвати праці Л. Ю. Максимова, В. П. Пронічева, А. Б. Черняєвої (російська мова), Н. Ф. Баландіної (чеська мова), М. К. Ліпатової (французька мова). В україністиці синтаксичні інтенсифікатори емоційності звертань досліджували С. К. Богдан, К. Ф. Шульжук. Ця стаття присвячена розгляду синтаксичних засобів посилення емоційності безпосередньо ніжних номінацій.

Ніжні іменування співрозмовника, які стали **об’єктом** нашої уваги, уже самі по собі є емоційно акцентованими завдяки своєму образному значенню. Однак комуніканти досить часто в ході інтеракції задля успішної реалізації власних інтенцій хочуть посилити вияв емоційності таких знаків, використовуючи задля цього різноманітні засоби синтаксису: 1) лівобічне та правобічне поширення ніжних іменувань; 2) стилістичні фігури (інверсія, повтор, градація, парцеляція); 3) сильну синтаксичну позицію у висловленні. **Предметом** наукової розвідки є поширювачі як інтенсифікатори емоційності ніжних номінацій.

Емоційність вважаємо іманентною ознакою ніжних іменувань, бо такі звертання є «продуктом індивідуальної творчості людей, викликаної більш почуттями, ніж розумом» [1, с. 89]. Одиничні ніжні звертання є емоційно забарвленими, однак поширені – вирізняються більшою чуттєвістю.

М**етою** дослідження є аналіз інтенсифікаторів емоційності багатокомпонентних ніжних іменувань. Мета передбачає розв’язання таких **завдань**: виокремлення мовних засобів посилення емоційності в поширених ніжних звертаннях; з’ясування ролі поширювачів ніжних номінацій у вираженні емоційного ставлення до адресата.

Справедливою щодо ніжних іменувань співрозмовника є думка В. П. Пронічева про звертання взагалі: «Якщо звертання вживається не стільки з метою встановлення контакту з адресатом мовлення, скільки для передачі

суб'єктивного ставлення до нього з боку мовця або оцінної характеристики адресата, то воно **поширюється**» [6, с. 40].

При цьому комуніканти використовують різноманітні інтенсифікатори емоційності (частки, вигуки, прикметники, присвійні займенники та ін.), таким чином «створюють за допомогою різних мовних засобів індивідуально марковане» [1, с. 90] іменування. Подібна тенденція підтвердилася і результатами анонімного анкетування. Реципієнтам було запропоновано завдання такого плану: створити найніжніше іменування з поданих слів: *сонце, сонечко, моє, моє ти, рідне, рідне*сеньке. 96 % опитаних утворили складні номінації (*моє рідне сонечко, сонечко ти моє рідне, моє рідненесеньке сонечко*). Безперечно, чуттєво виразнішими є саме **поширені** ніжні іменування. Л. Ю. Максимов зазначає, що у звертанні «емоційне ставлення до предмета мовлення може бути виражено різними синтаксичними способами», серед низки засобів він виділяє й такі: а) поширення іменника якісно-оцінним прикметником чи займенником *мій*; б) поєднання іменника з вигуком *о* [5, с. 72]. Виокремимо основні синтаксичні поширювачі, які інтенсифікують емоційність ніжних іменувань: прикметник, присвійний займенник, особовий займенник, присвійно-особове сполучення, вигук, частка, компоненти іменного словосполучення, підрядне означальне речення.

1. Прикметник як актуалізатор емоційного значення ніжних номінацій вживається поряд з іменником-метафорою. Виділимо дві групи узгоджених означень:

а) стереотипні: *сизокрилий орел, червона ружа, голуб сизий, ясне сонечко, ясночолий місяць, золота рибка, матусине золотко (– Як же тебе звати, **зірко вечірня**? Павленко Л. О. «Біла лілея»).* Стереотипними є також прикметники *милий, дорогий, рідний, любий, гарний, ніжний (дороге сонечко, ніжна квіточка),* які Н. І. Формановська називає «епітетами ставлення» [7, с. 115]. Така їх специфіка зафіксована й у словниках. Наприклад, у Великому тлумачному словнику сучасної української мови одним із значень слова *милий* є: постійний епітет при дружньому або фамільярному звертанні [3, с. 666]. (*– Спасибі, **лицарю любий**. Наніїв П. І. «Тричі продана»).* Незважаючи на стереотипність поширювачів цієї групи, вони надають ніжному іменуванню емоційної виразності, адже утворені номінації належать до «етноунікальних» (за визначенням С. К. Богдан) чуттєвих образів;

б) нестереотипні: *вечірня пташка, кучерявий красень, золота краплинка, весняна росинка* (*– Добрий день, **маковий цвіт**! Павленко Л. О. «Біла лілея»*). Емоційність у таких ніжних іменуваннях посилюється за рахунок використання оригінальних епітетів, які утворюють свіжі та неповторні звертання.

2. Поширеним супровідником ніжних іменувань виступає присвійний займенник у першій особі однини, зрідка в першій особі множини (*Горпина (мати). Ти угадав! **Моє золото! Надія наша**! Карпенко-Карий І. К. «Розумний і дурень»)*, котрий поєднується з іменником, наприклад, *моя радість, мій раночок, мій дощик* (*– Не бійся… **серденько моє**, – схвильовано погладив її Яша по плечі. Олесь Гончар «Таврія»*), субстантивованим прикметником *мій рідний, моя дорога, мій єдиний, моя кохана* (*– **Люба моя**! Нехай благословить нас чисте блакитне небо на щасливе вінчання. Цюпа І. А. «Грона червоного глоду»*) або ж утворює трикомпонентну структуру з іменником та прикметником *літнє моє сонечко, берізка моя стрункa, мій синьоокий пролісок* (*Дмитрику, **рибочко моя золота**… Не мовчи… Тютюнник Г. М. «Облога»),* для якої є характерною змінювана позиція компонентів. Більшість проаналізованих прикладів ніжних іменувань мають у своєму складі присвійний займенник, оскільки він є виразником теплих, довірливих стосунків, уводить адресата в особисту сферу мовця, зменшує дистанцію між співрозмовниками. Присвійний детермінант «є не лише показником ніжності, симпатії і близькості стосунків, а й інтенсифікатором їх значень» [4, с. 115]. Отже, у присвійного займенника як складника ніжного звертання практично втрачається значення присвійності. Однак зауважимо, що непоширене іменування *мій, моя*, яке використовують зазвичай лише закохані, а вони, як відомо, є до певної міри «власниками», поєднує в собі і вияв близьких, ніжних стосунків, і значення присвійності, іншими словами мовець намагається донести до адресата: «*ти той, котрий належить мені, мій і лише мій*». (***Моя**! На руках я буду носити вас... Головко А. В. «В червоних шумах»*). У структурі поширених ніжних іменувань А. Б. Черняєва наголошує на такому значенні присвійного займенника: «Мій – це означає: той, що відповідає моєму уявленню про щастя, про радість, моєму уявленню про життя, душу, моєму внутрішньому світу» [9, с. 122], тобто мовець ідентифікує себе з адресатом.

Роль присвійного займенника значна в ніжних іменуваннях, основним компонентом яких є іменник чи прикметник з негативною оцінкою: *горе моє, нещастя моє.* Він вносить у значення відтінок поблажливості, співпереживання, адресат номінації такого плану сприймає без образи. (*Чистила б тебе мітла від пустоти, ти, **смутку мій неслухняний**! – витерла мати лице Юркові рукою. – Ну біжи скоро та гони коровину до хати. – Добре, мамо, добре, – хотілося Юркові цілувати мамині руки за те, що жива вона, рідна, і так з нею затишно, як ніде в світі. Козланюк П. С. «Юрко Крук»*). Саме завдяки цьому емоційному забарвленню зараховуємо такі одиниці пейоративного характеру до ніжних іменувань.

3. Індивідуально маркованими, спрямованими на адресата є номінації з особовим займенником *ти / ви* в інтерпозиції щодо всієї структури трикомпонентного звертання. (*– **Куріпко ти польовая**, – промовив він любо та тихо… Панас Мирний «Повія»; – Та вам ціни нема, **золота ви дитино**! Міняйло В. О. «На ясні зорі»*). Мовець немов наголошує: «*тобі призначене це іменування, воно пасує лише тобі*».

4. Чуттєво увиразнюють ніжні іменування присвійно-особові сполучення *мій / моя / моє ти, мій / моя / моє ви, наш/ наша / наше ти, наш / наша / наше ви*. Виокремимо кілька варіантів поєднання сполучення:

а) у класичному поєднанні компонентів (особовий займенник + присвійний займенник + іменник чи субстантивований прикметник) іменування сприймається цілісно, емоційно не виділяється жоден із складників, вони лише гармонійно доповнюють один одного. (*– Ох, **ти моя гарненька**! Травичку вона збирає Зірці. Абрамов Ф. О. «Брати й сестри»).*

б) дещо виразніші за ступенем вияву емоційності ніжні номінації зі сполученням *мій / наш, моя / наша, моє / наше + ти / ви* у препозиції щодо головної структури іменування, це зумовлено інверсією компонентів присвійно-особового сполучення (*Павло. **Моя ти красо, моя ти чарівнице**! (Знов цілує). Кропивницький М. Л. «Замулені джерела»*).

в) вважається сталою і найбільш емоційно сильною постпозиція присвійно-особового сполучення щодо основного компонента іменування (іменника чи субстантивованого прикметника), при цьому особовий займенник обов'язково передує присвійному. *– **Любий ти мій**… Біля тебе я знову народжуюсь, біля тебе знову людиною*

стаю! – ***Щастя ти моє****! Щастя, доки й живу на світі! Олесь Гончар «Собор»; –* ***Милий ви мій****, – сказала вона і сховала обличчя в нього на грудях. Шевчук В. О. «Крик півня на світанку»; – Анфісо!Анфісо Петрівно!* ***Рідненька ти наша****! – залементували звідусюди жінки. Абрамов Ф. О. «Дві зими і три літа».*

Якщо конструкції іменник + особово-присвійне сполучення поширюються прикметником-означенням чи словосполученням, то додаткові одиниці зазвичай займають постпозицію щодо основної структури, увиразнюючи таким чином іменування. *Потім пригорнула ласкаво дочку, як раніше, коли та була малою. Рукою ніжно по косах провела. –* ***Ясочко ти моя чорноока****, втіхо моя! Цюпа І.А. «Вічний вогонь»; – Я ось тебе закручу, закручу, заверчу!* ***Пушинка ти моя з кульбаби придорожньої****! Мацевич А. Ф. «Тойон Хара»*).

Іменування цієї підгрупи є найбільш вживаними, можливо, саме через вдале, сильне в емоційному плані поєднання їх компонентів.

5 Важливу роль у посиленні емоційності відіграють також вигуки. Поєднуючись з ніжними іменуваннями, вони передають різноманітні емоції, почуття, настрої адресанта, розтлумачити які допомагає контекст.

Як зазначає В. К. Харченко, «сигналами наших почуттів є вигуки. Вони не називають, а виражають емоції» [8, с. 71]. У складі ніжних іменувань вживають емоційні вигуки *о, ой, ох, ах*. А. Б. Черняєва наголосила на таких емоціях звертань: 1) сум, жалкування; 2) радість, захват; 3) жартівливе обурення [9, с. 118]. Розширимо цю класифікацію, виокремимо кілька груп емоцій та почуттів, які можуть передавати ніжні іменування з вигуками: 1) любов (– ***О моя мила****! Я все для тебе зроблю! Карпенко-Карий І. К. «Суєта»*); 2) радість (– *Все розсудила, все розставила на свої місця. –* ***Ой люба моя****, розумниця! – Катерина кинулася обнімати й цілувати кмітливу сестру. Степанюк М. І. «Накувала зозуля»*); 3) захват (– ***О, мій герой****!.. змарнів, схуд, а ніби аж помолодшав! Олесь Гончар «Чорний яр»*); 4) співчуття (***О ластівко моя!*** *Ти змучилась, стомилась, ну, почекай хвилину, а там – і відпочинок. Олександр Олесь «Тихого вечора»*); 5) сум (– ***Ох, голубчику-соколику****, і не запитуй. Та хіба ж то в мене життя? Збанацький Ю. О. «Хвилі»*); 6) жалкування (*Стеха.* ***Ох моя пташечко,*** *моя лебідочко! Чи ж я знала, що так станеться? Шевченко Т. Г. «Назар Стодоля»*); 7) тривога (– ***Ой голубонько моя****, та чи він же хоч житиме? Дімаров А. А. «Постріли Уляни Кащук»*); 8) розгубленість (– *Ні, серйозно кажу. Дров нарубати? Води занести? –* ***Ой, голубчики****… Бабуся очам своїм не повірила. Хлопці подалися на її подвір'я. Збанацький Ю. О. «Сеспель»*); 9) схвильованість (– *Ви ще вдома?* ***Ой любко****, кидайте все, бійтеся бога! – сказала вона й не привітавшись. Козланюк П. С. «Юрко Крук*); 10) зніяковіння (***Ох, мої зозуленьки****! По старості літ мені б і не подобало. Шевченко Т. Г. «Назар Стодоля»*).

6. Модальна підсилювальна частка *ж (же)* виконує видільну функцію щодо ніжного іменування, передаючи стан емоційної схвильованості мовця. (– *Здрастуйте, бабусю! – повисли з обох боків онуки. – Здрастуйте!* ***Мої ж ви ріднесенькі****… – І непрохана сльоза покотилася з очей. Цюпа І. А. «Під вітрами часу»).* Сприяє інтенсифікації емоційності ніжних номінацій одночасне вживання підсилювальних часток *та + ж (же)*. Така конструкція звертання може передавати полярні емоції: або радість, захват, або сум, розпач. Скажімо, даний приклад виражає емоцію радості (– *Яким скоро повернеться! – як у дзвіночок ударила Галя. – Уже й отой присуд відмінений! – Та доню!* ***Та дитино ж ти моя золота****! – припала Якимова мати до Галі, аж заходиться – плаче. Дімаров А. А. «Постріли Уляни Кащук»).*

7. Сильний заряд емоційності мають ніжні іменування у вигляді іменних словосполучень, які будуються на несподіваних асоціаціях: *зоря моя з моря, веселочка в хмарах, серденько на ніжках, днинка проти сонця*. Уживання таких звертань надає мовленню не лише емоційності, а й оригінальності, указані вирази виконують естетичну роль, виражають персональне ставлення до адресата. (– *Боронь тебе аллах,* ***усмішко щастя****. Тулуб З. П. «Людолови»; Ти для мене* ***не квітка, а квітковість квітки****, — обціловуючи Юлію, прошепотів Шульга. Загребельний П. А. «Юлія, або запрошення до самовбивства»).*

8. Поетичними, індивідуальними є іменування, ускладнені підрядним означальним реченням (– *Ви – не рабиня, ви – володарка серця мойого,* ***сонце, яке зігріло мою душу…*** *Я ваш раб. Наніїв П. І. «Тричі продана»; Ти –* ***моя росинка кришталю, що від сонця променів згорає****. Дейнека Л. К. «Ти – моя росинка кришталю»*). Вони посилюють емоційне звучання всього висловлення.

Отже, комуніканти, аби посилити емоційний вплив ніжних іменувань на адресата, застосовують низку поширювачів (прикметники, присвійні займенники, особові займенники, присвійно-особові сполучення, вигуки, частки, компоненти іменного словосполучення, підрядні означальні речення), котрі значно увиразнюють номінації, надаючи їм, оригінальності, індивідуальності. Перспективи подальших наукових розвідок вбачаємо в аналізі стилістичних фігур як інтенсифікаторів чуттєвості ніжних звертань.

Джерела і література

1. Баландіна Н. Ф. Функції і значення чеських прагматичних кліше в комунікативному контексті: монографія / Н. Ф. Баландіна. – К.: АСМІ, 2002. – 332 с.
2. Богдан С. К. Мовний етикет українців: традиції і сучасність / С. К. Богдан. – К.: Рідна мова, 1998. – 475 с.
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з доп. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.: Ірпінь : ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.
4. Липатова М. К. Обращение как средство выражения эмоциональной оценки в современном французском языке: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.05 / М. К. Липатова. – Л., 1984. – 180 с.
5. Максимов Л. Ю. Обращение в стихотворной речи / Л. Ю. Максимов // Современный русский язык (синтаксис и морфология): Уч. зап. МГПИ. – М., 1965. – С. 66-88.
6. Проничев В. П. Синтаксис обращения / В. П. Проничев. – Л.: ЛГУ, 1971. – 88 с.
7. Формановская Н. И. Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом и речевом выражении / Н. И. Формановская // Эмоции в языке и речи: Сборник научных статей / Под ред. И. А. Шаронова. – М.: РГГУ, 2005. – С. 106-116.
8. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова / В. К. Харченко // Русский язык в школе. – 1976. – № 3. – С. 66-71.
9. Черняева А. Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / А. Б. Черняева. – С.-Петербург, 2008. – 187 с.
10. Шульжук К. Ф. Звертання в українських народних піснях / К. Ф. Шульжук // Мовознавство. – 1968. – № 6. – С. 69-73.

УДК 37=372.8+372.881.1+378 Морозова И. Г.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ПОМОЩИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННОМ ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Статья посвящена роли художественных текстов в процессе обучения иностранным языкам. Использование литературных произведений в качестве учебного материала способствует формированию не только языковых умений и навыков, но и межкультурной компетенции, дополняющей профессиональную компетенцию выпускников вузов, а также повышает общую культуру чтения, являющейся основой духовного развития личности. Особое внимание уделяется лингвострановедческому и культурно-эстетическому компонентам, повышающим мотивацию и эффективность обучения иностранным языкам.
Ключевые слова: культура чтения, литературно-страноведческий подход, межкультурная концепция обучения, творческий читатель, читательская компетентность.

Стаття присвячена ролі художніх текстів у процесі навчання іноземним мовам. Використання літературних творів як навчального матеріалу сприяє формуванню не лише мовних умінь і навичок, а й міжкультурній компетенції, яка доповнює професійну компетенцію випускників вузів, а також підвищує загальну культуру читання, яка є основою духовного розвитку особистості. Особлива увага приділяється лінгвокраїнознавчому і культурно-естетичному компонентам, які підвищують мотивацію та ефективність навчання іноземним мовам.
Ключові слова: культура читання, літературно-країнознавчий підхід, міжкультурна концепція навчання, творчий читач, читацька компетентність.

The article is devoted to the role of belles-lettres literature in the process of teaching foreign languages. The use of literary writings as a part of an education kit facilitates not only acquisition of language skills, but also helps to build cross-cultural competence, supplementing graduates' professional competence; moreover it improves general reading culture, which is the basis of intellectual development of a person. Special consideration is given to «culture-through-language» and «culture-aesthetic» components that offer an incentive and promote the efficiency of teaching foreign languages.
Key words: reading culture, literature and regional approach, cross-cultural competence in education, creative reader, reading competence.

Современная общемировая тенденция снижения интереса к чтению у населения свидетельствует о системном кризисе читательской культуры, затронувшем многие страны, в том числе Россию. Пренебрежение чтением достигло критического предела, которое, если не принимать меры, приведёт к разрушению ядра национальной культуры. Можно без преувеличения сказать, что от уровня культурной компетентности граждан зависит будущее страны. Чтение представляет собой важнейший способ освоения жизненно значимой информации, без него немыслима интеграция личности в национальную и мировую культуру. Отказ от чтения ведет к культурной деградации общества, к снижению уровня общекультурной и профессиональной компетентности населения, к неспособности понять и принять не только другие культуры, но и незнакомые стороны собственной культуры, что чревато накоплением нерешённых проблем в обществе и социальными конфликтами.

Тенденция угасания интереса к чтению обусловлена глобализацией средств массовой информации и интенсивным развитием индустрии развлечений, которые вытесняют чтение как источник социально значимой информации и как средство рекреации. Создание единого мирового коммуникационного пространства, компьютеризация современного общества – неотъемлемые признаки нашей действительности, и всем нам важно осознать, что в XXI веке информационные технологии нуждаются в гуманитаризации, а гуманитаризация в свою очередь должна поддерживаться информационными технологиями.

Надо отметить, что проблемы, связанные с формированием культуры чтения, не остались незамеченными и всё больше привлекают внимание общественности во всем мире. В разных странах представители культурных, политических, деловых элит предпринимают активные попытки противостоять негативным тенденциям в этой области. Ежегодно ЮНЕСКО в целях содействия чтению, писательскому труду и защите интеллектуальной собственности отмечает 23 апреля Всемирный день книги и авторского права. ООН объявила 2003-2012 гг. десятилетием грамотности [2]. По словам генерального директора ЮНЕСКО Коитиро Мацуура, «книги остаются лучшим средством для посева семян терпимости, а юный ум – плодородной почвой для таких семян, высевать которые следует заблаговременно, если от них ожидают всходов. Будучи окнами в разнообразие культур и мостами между цивилизациями вне времени и пространства, книги представляют собой источник диалога, средство обмена и источник развития» [1].

Во многих странах мира осуществляется государственная и общественная поддержка чтения и книги, реализуются национальные программы и инициативы поддержки детского и семейного чтения. Так, в Германии, где проблема чтения стоит достаточно остро и обсуждается не только специалистами, но и широкой общественностью, политики также не остаются в стороне. По словам бывшего президента ФРГ Йоханнеса Рау, в развитых странах, в том числе Германии, сформировалась так называемая «вторичная неграмотность» – ситуация, когда люди, владея навыками чтения и письма, просто ничего не читают. Это явление не следует рассматривать как частное дело отдельных лиц, т. к. отражает тенденции, имеющие политическое и социальное значение для общества, для его будущего. Люди, которые читают, которые приучены к «многослойности» художественных текстов, умеют извлекать скрытый между строчками смысл и анализировать его, которые способны понять глубину авторской мысли, – это люди, которые знают, что жизнь сложна и не может состоять из простых решений, что иногда к цели приходится идти непрямыми путями. Это люди, которыми трудно манипулировать, т. к. они имеют собственное мнение, критически относятся к себе и другим. Такие люди особенно нужны сегодня – в сложных условиях глобализованного мира, в котором тем не менее важно сохранить культурную идентичность [7].

Проблемы чтения в России имеют специфику, связанную с ее переходным состоянием. Прежние структуры, обеспечивавшие массовую распространенность и престиж чтения в советское время, перестали отвечать изменившимся требованиям, а новые находятся в стадии становления. Соответственно в неудовлетворительном состоянии находится и система популяризации чтения. Несмотря на признание необходимости развития базовых компетенций, в российской системе общего образования уделяется недостаточное внимание формированию

читательской компетентности. Цели в области обучения чтению в значительной степени сужены до технических навыков работы с текстом. Чтение практически не рассматривается как основное средство обучения и развития, а упрощённый подход к анализу художественных произведений препятствует развитию у обучающихся интереса к чтению, в том числе как способу проведения досуга. Тем не менее в России наконец обратили внимание на данную проблему и признали ее исключительную важность. В нашей стране принята Национальная программа поддержки и развития чтения на 2007-2020 годы [4]. Программа ориентирует различные социальные институты на воспитание детей и подростков творческими читателями, способными вбирать в себя интеллектуальный, духовно-нравственный, социальный, эстетический опыт народа, отражённый в произведениях печати. В целях воспитания творческих читателей усилия специалистов должны быть направлены не только на привлечение юного поколения к чтению, но и на решение проблемы повышения качества чтения, оптимизации процесса общения с книгой, на формирование у читателей эстетического восприятия литературных произведений [3].

В данном вопросе было бы плодотворным сотрудничество между странами, обмен опытом. Несомненно, мы можем многое взять на вооружение у наших европейских соседей, многому можем научиться. Но перенимая чужой опыт и используя западные модели формирования культуры чтения, надо не забывать о своих культурных и образовательных традициях, из которых следует взять самое ценное. Результат, на который ориентирована западная модель – функциональная грамотность, т. е. умение пользоваться печатными текстами для бытовых, учебных и производственных нужд, а в более широком смысле – способность человека вступать в отношения с внешней средой и максимально быстро адаптироваться и функционировать в ней. В отличие от элементарной грамотности как способности читать, понимать, составлять короткие тексты и осуществлять простейшие арифметические действия, функциональная грамотность обеспечивает нормальное функционирование личности в системе социальных отношений, в конкретной культурной среде. Этот прагматичный, сугубо деловой результат логично вытекает из западной концепции понимания сущности чтения. На него и нацелена данная модель, которая может быть эффективна в качестве минимума общения с текстом, несущим информацию. Бесспорно, этим минимумом должен овладеть каждый входящий в жизнь человек, иначе он не сможет существовать в цивилизованном обществе. Однако в соответствии с данной концепцией подход к обучению чтению упрощается, а формирование культуры чтения подменяется умением работать с информационными источниками. На формирование нравственных душевных качеств личности, что так важно для русского менталитета, эта модель явно не рассчитана. «Пересадить на русскую почву западную модель с ее информационной однозначностью и технологией текстовой деятельности, означало бы упростить, принизить ту высокую духовность российского чтения, какая традиционно присуща нашей нации» [6].

В отличие от западной культуры чтения, которая опирается на мыслительную деятельность читателя и на тренировку его ума, русская модель «затрагивает не только интеллект читателя, но всю сферу его сознания, включает в работу все органы чувств» [6]. Художественные и нехудожественные тексты, как известно, различаются между собой внутриязыковыми признаками, а именно, особенностями отбора и употребления языковых средств. Нехудожественные тексты представляют систему языка ограниченно, в них преобладает отвлеченная и терминированная лексика, тяготеющая к однозначности. Ведущую роль понимания текста в этом случае вряд ли можно оспаривать. Не вызывает сомнений также необходимость добиваться от читателей «правильного» понимания такого рода текстов, исключающего «разномыслие», вариативность толкования, наличие глубинных смыслов. Однако понимание в восприятии художественной литературы не играет первостепенной роли и не им определяется влияние искусства слова на внутренний мир и поведение читателя. Поэтому, если западную модель рассматривать с позиции гуманитарной, общекультурной, то очевидно, что она не удовлетворяет этим требованиям, поскольку исключает ориентацию чтения на воспитание душевных качеств личности. Данная модель игнорирует природу художественной литературы, которая не сводится к передаче информации. Любой художественный текст представляет собой не только материальный «продукт» творческой деятельности автора, но и источник идей, эмоций, чувств, стимулирующих познавательную деятельность читателя. Необходимость толкования чужого мира в литературном тексте побуждает читателя к активизации элементов и структур собственного мира. Чтение художественной литературы – это творческий и эстетический процесс, служащий общему развитию человека. В литературном произведении мотивы действий персонажей, взаимоотношения между ними, внутренние процессы, оценка событий не выражены автором прямо, а должны быть поняты и интерпретированы читателем. Привести к единому пониманию полноценное художественное произведение невозможно, каждый читатель понимает его по-своему. Это связано с рядом особенностей, присущих художественному тексту, наиболее важными из которых являются: образный строй, обусловливающий необходимость «мышления в образах», активизации и развития воссоздающего воображения; диалогичность, предполагающая активное сотворчество автора и читателя; вариативность толкований смысла литературного текста; присутствие подтекста, глубинного смысла.

К характерным чертам художественного произведения относится также фабульность: наличие таких компонентов сюжета, как экспозиция, завязка, кульминация, развязка, способствует лучшему пониманию развития событий, стимулирует языковую догадку. Читатель, ожидая разрешения конфликта, находится в эмоциональном напряжении, и волнение, связанное с интригой, заставляет его сосредоточить внимание на мотивах поступков героев. При этом толкование содержания текста зависит также от культурных традиций – у представителей различных культур могут быть разные ожидания. Для адекватного восприятия литературного текста необходимо уметь проникать в замысел автора, развивать его мысль, выявлять авторское отношение к персонажам, событиям и, таким образом, выходить за пределы текста, читать «между строк», привлекая свои прежние знания и умения творческого чтения. «Только при чтении как эстетической деятельности возникает эмоциональное сотворчество с писателем (поэтом), рождается интерес к произведению искусства и самому себе – читателю. Появляется желанная, благотворная «зараженность» искусством. Оно становится необходимой связью социальной жизни и духовной культуры человека» [2, с. 50-51].

В межкультурной концепции преподавания иностранных языков чтение художественной литературы имеет особое значение, поскольку именно литературный текст, затрагивая мир чувств человека, оказывает эмоциональное воздействие на читателя благодаря образному изображению действительности, а также благодаря отражению автором своего видения мира, с которым читатель соотносит свою систему ценностей. Обращение к художественной

литературе при обучении иностранному языку – это, несомненно, эффективный способ повысить мотивацию учащихся. Использование литературных текстов, например, в рамках домашнего чтения позволяет не только превратить процесс изучения иностранного языка в увлекательное занятие, но и помогает учащимся познакомиться с современными реалиями страны изучаемого языка. Уроки домашнего чтения бесспорно ценны: во-первых, потому, что учащийся соприкасается с «живым» языком, а не условно-учебным; во-вторых, есть возможность высказать своё мнение и дать оценку произведению, его идейному содержанию и героям. В условиях школьного и вузовского образования пока нет более ценного источника, стимулирующего речевую деятельность, чем аутентичные тексты. Именно во время беседы по прочитанным текстам учащимся легче всего освободиться от жёстких рамок учебного процесса и свободно выражать свои мнения и эмоции. Читая иноязычную литературу, можно не только узнать новые слова и метафоры, описывающие различные душевные переживания, но и научиться более дифференцированному и нюансированному изложению и описанию событий, что в свою очередь обогащает наш мир чувств и развивает способность к сопереживанию.

Особенностью восприятия текстов на иностранном языке является то, что обучаемый вынужден проводить в процессе чтения литературного текста на иностранном языке двойное декодирование: языково-семантическое и языково-эстетическое. Иноязычный текст представляется носителям другой культуры в ином качестве. Он является не только произведением искусства, но и источником лингвострановедческой информации. За языковой сложностью литературного текста нередко стоит сложность понимания образа мыслей другого народа. Сложность увеличивается, если речь идет о произведении, «удаленном» от читателя во времени. В связи с этим возрастает значение знаний исторического, культурологического и страноведческого плана. Именно поэтому бесценным источником знаний и опыта человечества и средством формирования межкультурной компетенции являются художественные тексты, которые отражают иное видение мира, иную культуру на определённом этапе развития, которые передают мысли и чувства современников определённой эпохи и дают читателям возможность почувствовать «дыхание времени».

Понимание литературного текста предполагает не только усвоение поверхностных значений, которые непосредственно следуют из содержащихся в тексте слов и словосочетаний, но и усвоение внутренней, глубокой системы подтекстов и смыслов. Следовательно, для того чтобы проникнуть в замысел автора, читателю необходимо иметь не только сформированные навыки чтения, но и систему определенных фоновых знаний и представлений. Раскрывая, угадывая и интерпретируя имплицитное содержание текста, читатель часто вынужден выходить за пределы прямого значения слов. Этот сложный интеллектуальный процесс обусловлен индивидуальными особенностями восприятия текста читателем, его практическим жизненным опытом, уже сформированными стратегиями и техниками выявления смыслов. Глубина и точность восприятия зависят также от степени владения иноязычным материалом, от умений видеть логические связи между фактами, пользоваться справочной литературой, от индивидуальной скорости чтения и т. п.

Поскольку целью обучения иностранному языку является не только приобретение языковых знаний и формирование языковых умений, но и усвоение информации страноведческого и культурно-эстетического характера, знакомство с ценностями другой культуры, то при определении содержания обучения встаёт вопрос о культурном компоненте, который включает в себя определенные лингвострановедческие знания, а также навыки речевого и неречевого поведения. В связи с этим целесообразно осуществлять отбор текстов для чтения на основе литературно-страноведческого подхода, который позволяет использовать художественные тексты для того, чтобы не только познакомить учащихся с литературой страны изучаемого языка и ее лучшими представителями, но и дать ключ к пониманию другой культуры. Любое художественное произведение имеет культурно-историческую окраску, и среда, в которую погружено действие, может быть понята читателем, если у него есть фоновые знания, без которых чтение не только не принесет пользы, но и превратится в скучное и утомительное занятие. Поэтому важно сориентировать учащихся в месте и времени действия, чтобы у них сложилось представление о культурно-национальной специфике отдельных регионов страны изучаемого языка и об исторических событиях, лежащих в основе произведения. Лучше понять эпоху, на фоне которой развивается действие, часто помогает знакомство с биографией автора.

Художественные произведения при таком подходе могут быть успешно использованы как в качестве учебного материала при работе над собственно языком, так и в качестве общекультурного страноведческого компонента, знакомящего учащихся с лучшими образцами литературы, с историей, а также современными реалиями и атрибутами страны, язык которой они изучают. Таким образом, дополнение учебной программы по иностранным языкам литературными произведениями позволяет изучать язык на более глубоком уровне; усиливает мотивацию изучения языка; эмоционально вовлекает учащихся в процесс чтения, что является необходимым условием для включения механизмов порождения инициативной речи – говорения и письма; помогает выявить и осознать межкультурные различия. Аутентичные литературные тексты стимулируют познавательную деятельность учащихся, вызывая любопытство и интерес к самостоятельному поиску.

Задача преподавателей – побуждать молодёжь к чтению иностранной литературы в ситуации, когда интерес к этому почти отсутствует. Поэтому при отборе содержания из всего многообразия лингвострановедческого материала следует выделять то, что способно содействовать не только обучению общению на иностранном языке, но и приобщению к культуре страны этого языка, например, поэзию и музыкальные произведения в качестве социокультурного компонента. Как известно, эмоциональное восприятие учащимися учебного материала способно повысить эффективность обучения иностранному языку, и запоминаемость материала повышается, если он преподносится в стихотворной форме. Высокая степень экспрессии, эмоциональная окрашенность, образность и богатство стилистических средств – всё это создает благоприятную среду для усвоения языкового материала, способствует развитию памяти учащихся. Поэтому практически ни один учебный курс иностранного языка, особенно на начальном этапе, не обходится без стихов как вспомогательного средства для запоминания лексических единиц и грамматических структур – начиная с рифмовок, считалок и заканчивая отрывками из высокохудожественных произведений иноязычной поэзии. Облачение в музыкальную форму ещё более усиливает эмоциональное воздействие поэтических текстов, повышая мотивацию и усиливая интерес учащихся к изучаемому языку.

В рамках межкультурной коммуникации эффективен продуктивный подход к литературным текстам. Речь идёт о новом направлении лингводидактики, которое опирается на игровые, творческие, ориентированные на конечный продукт методы работы с текстами [8, с. 93]. Эти методы смещают акцент с интерпретации текста на его производство и, таким образом, с текста на учащегося, побуждая его к активной деятельности. Формы могут быть разные – как устные: диалоги и ролевые игры, так и письменные – написание «текста о тексте» в виде писем, газетных заметок, записей в дневнике, сценариев, «фантастических» рассказов и пр.

Признавая целесообразность и эффективность использования художественных текстов в процессе обучения иностранному языку, преподаватели вузов, особенно нелингвистических, в условиях цейтнота часто вынуждены отказываться от данного учебного материала в пользу узкоспециальных текстов, направленных на формирование профессиональной иноязычной компетенции. Даже при наличии достаточного количества учебных часов, а также интереса и желания учащихся читать такие тексты, приходится сталкиваться с серьезной проблемой выбора произведений и отбора текстов или их фрагментов. Ориентироваться на собственный вкус и интересы вряд ли целесообразно, тем более что преподаватели и студенты являются, как правило, представителями разных поколений и имеют различный жизненный опыт. Те книги, на которых «выросли» одни, могут оставить равнодушными других. Значит, надо выработать общие критерии, позволяющие отобрать те тексты, которые наиболее соответствуют уровню учащихся – языковому, культурному – и с помощью которых можно максимально эффективно выполнить поставленные учебной программой цели, а именно – сформировать иноязычные компетенции, которые наряду с профессиональными компетенциями станут основой для будущей успешной деятельности выпускников вузов. Такими критериями могли бы стать актуальность, «вневременность» произведения, апелляция к общечеловеческим ценностям, высокий художественный уровень, образность и в то же время доступность понимания текстов, соотнесённость с интересами и опытом аудитории. Это могут быть произведения как классиков, так и современных авторов. Выбор, конечно, огромен, поэтому данная задача должна решаться коллегиально, методом «проб и ошибок», в процессе анализа и обсуждения опыта использования тех или иных источников. Здесь исключительно важен обмен мнениями между коллегами различных образовательных учреждений.

Если говорить о немецкой литературе, то вряд ли кто из школьников или студентов (если это не предусмотрено программой) возьмёт когда-либо в руки книги «великих немцев» – Гете, Шиллера, Белля и др. Вполне предсказуемо, что включение в программу неязыковых вузов произведений классиков будет, мягко говоря, не понято не только студентами, но и многими преподавателями. Но небольшие фрагменты произведений, крылатые выражения, цитаты, афоризмы могли бы органично вписаться в учебный материал, тем более что они довольно легко запоминаются и могут использоваться учащимися в речи, где это уместно. Опираясь на богатейший языковой материал и включая в учебный процесс образцы высокохудожественного слова, преподаватели иностранного языка выполняют своего рода миссию просвещения – приобщать молодое поколение к бесценному культурному богатству, созданному человечеством. Сегодня любому обществу нужна такая политика в области формирования культуры чтения, которая бы органично сочетала традиционные ценности, без которых теряется национальная самобытность, и ценности других культур, общечеловеческие ценности, без которых вряд ли возможен прогресс в XXI веке.

Источники и литература

1. Всемирный день книги. Окно в разнообразие культур, мост между цивилизациями. Хроника ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/russian/events/literacy/literacy.htm (20.03.2012).
2. Десятилетие грамотности Организации Объединенных Наций: образование для всех. Резолюция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/russian/events/literacy/ (20.03.2012).
3. Иванова Г. А. Современные подходы к воспитанию учащихся творческими читателями / Г. А. Иванова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.biblioforum.ru/index.php?showtopic=1944&st=0&p=2050& (15.03.2012).
4. Национальная программа поддержки и развития чтения. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. Российский книжный союз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mcbs.ru/files/File/nats_programma_podderzhki_chteniya.pdf (20.04.2012).
5. Полозова Т. Д. О власти искусства слова и ценности чтения / Т. Д. Полозова. – М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2010. – 320 с.
6. Тихомирова И. И. Культура чтения: западные и российские традиции / И. И. Тихомирова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pedagogika-cultura.narod.ru/private/Articles/N_2010-2/Tihomirova_10_2.htm (20.04.2012).
7. Rau Johannes. Rede von Bundespräsident Johannes Rau beim Kongress der Internationalen Verleger Union – Berlin 21.06.2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Johannes-Rau/Reden/2004/06/20040621_Rede.html;jsessionid=8672CD16F16BDC0E997110FEE5BC10E5.2_cid242 (20.04.2012).
8. Schewe Manfred Lukas. Literaturvermittlung in der Auslandsgermanistik / Manfred Lukas Schewe // Deutscher Akademischer Austauschdienst DAAD, Germanistiktreffen Deutschland-Großbritannien, Irland 30.09.-3.10.2004. Dokumentation der Tagungsbeiträge. – Köln: Daemisch Mohr, 2005. – S. 93-112.

УДК 802. 0 – 801. 561.3

Морозова И. Б.,
Степаненко О. А.,
Пожарицкая Е. А.

СТРУКТУРНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИАЛОГА: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Настоящая работа посвящена компаративному анализу синтаксической организации литературного англоязычного диалога и диалога газетного интервью. Основное внимание уделено коммуникативному вкладу собеседников и синтаксическим типам предложений, используемых ими. Делается вывод о том, что интервью является особой формой речевого общения, приближающегося к авторскому нарративу.

Ключевые слова: интервью, литературный диалог, вопросительное предложение, декларативное предложение, коммуникативный вклад.

Дана робота присвячена компаративному дослідженню синтаксичної організації англомовного літературного діалогу та діалогу газетного інтерв'ю. Основну увагу приділяється комунікативному внеску співрозмовників та синтаксичним типам речень, якими вони користуються. Робиться висновок, що інтерв'ю являє собою особисту форму мовлення, яка наближається до авторського наративу.
Ключові слова: інтерв'ю, літературний діалог, питальне речення, декларативне речення, комунікативний внесок.

The work is dedicated to comparative analysis of syntactic organization of the literary English dialogue and newspaper interview. The main interest is focused upon the communicative input of the interlocutors and syntactic sentence types used by them. A conclusion is made about the interview as a special type of speech communication approaching the author's narrative.
Key words: interview, literary dialogue, interrogative sentence, declarative sentence, communicative input.

Настоящая работа посвящена проблеме формальной организации текста англоязычного диалога в целом и роли в нем вопросительного предложения.

Традиционно принято считать вопрос и вопросительное предложение (как его частную реализацию в языке) средством восполнения информационного дефицита в процессе речевой коммуникации [1, с. 56].

В своих исследованиях мы уже останавливались на движущей силе вопросительного предложения для разворачивании диалога [3, с. 162]. В то же время, диалогическое общение по своей природе и жанровому своеобразию неоднородно. Известны диалоги типа дружеской беседы, переговоров, допроса и т.д.

В плане фиксированной текстовой репрезентации различают диалоги персонажей в художественном произведении, диалоги в протоколах неофициальных и официальных бесед, диалоги реальных личностей в печатных изданиях. В настоящей работе сопоставляются художественный диалог и диалог в стиле интервью. Общую базу для такого сравнения мы усматриваем в едином функциональном предназначении данных видов диалога как развлекательного и просветительного чтения, а также и в том, что оба вышеуказанных вида диалога имеют единое авторское начало: писателя и журналиста.

В последнее время, несмотря на неослабевающий интерес исследователей к вопросительному предложению, его роль в организации различных видов диалогического общения не получила достаточного освещения в языкознании. Отсюда, актуальность нашей работы вытекает, с одной стороны, из гносеологической важности сущности проблемы вопроса и вопросительного предложения, а с другой, – отсутствием компаративного синтаксического анализа художественного диалога и диалога в стиле интервью в периодических печатных изданиях.

Предметом изучения данной работы является поверхностная структура и функциональная роль в диалоге различных типов вопросительных предложений; объектом – фиксированный текстовый диалог в современном английском языке. В качестве материала исследования в работе рассматривается 25 диалогов, отобранных из художественного текста методом сплошной выборки и 40 газетных интервью (около 3000 речевых образцов). Газетные интервью отбирались из англоязычных периодических изданий: «The Sun», «Look», «Mirror», «Stars Magazine» (2011-2012).

Цель настоящего исследования состоит в установление основных синтактико-семантических различий функционирования вопросительных предложений в художественном диалоге и в газетном интервью.

В процессе работы решаются следующие задачи: установление количественного соотношения различных коммуникативных типов предложений в художественном диалоге и газетном интервью; выявление удельного веса вопросительных предложений в рассматриваемых текстах; уточнение формально-синтаксических и коммуникативных типов вопросительных предложений, характерных для рассматриваемых видов текста.

Рабочей гипотезой настоящего исследования послужила посылка о том, что газетное интервью направленно, прежде всего, на стимулирование речевой деятельности интервьюируемого. Иными словами, реплики-стимулы спрашивающего гипотетически представляют собой пусковой механизм для разворачивания монологической речи интервьюируемого. Отсюда можно сделать предположение, что газетное интервью в достаточной степени представляет собой монолог, в то время как художественный диалог предполагает общение «на равных».

Для проведения компаративного анализа синтаксической организации художественного диалога и диалога печатного интервью рассмотрим каждый из этих типов речи. Г. В. Колшанский, анализируя речевой комплекс, отмечает, что письменная речь во всех своих проявлениях – это, прежде всего повествование [2, с. 107]. При этом художественный диалог не выделяется в какой-то особый тип повествования, а рассматривается как часть авторской речи. Признавая, в целом, авторское начало в любой части художественного текста, позволим себе не согласиться с такой позицией. Очевидно, что в художественном диалоге наиболее ярко представлены живые формы разговорной речи. По словам Н. Ю. Шведовой, с другой стороны, «художественная обработка материалов заключается в том, что писатель берет соответствующие конструкции в их типичной форме, освобождая их от случайного, индивидуального, того, что фиксируется в записях как отступление от обычной нормы» [6, с. 247]. Иными словами, осуществляя выборку речевых образцов диалогической речи персонажей из произведений различных авторов, исследователь получает вполне объективный фактический материал, в основных чертах отражающий специфику разговорной речи данного периода.

В свою очередь, принято считать, что интервью – это жанр публицистики, представляющий собой разговор с политическим, общественным или иным деятелем по актуальным вопросам [4]. Несмотря на большое разнообразие видов, «структурно-композиционные черты интервью остаются достаточно стабильными» [5, с. 150]. В любом газетном интервью (по нашим данным) различают два плана выражения: во-первых, реплики журналиста, нацеленные на стимулирование речи интервьюируемого на интересующую его тему, а, во-вторых, ответы самого интервьюируемого. При этом установлено, что ответные реплики представляют собой «монолог в диалоге», (болем 35%).

Например:

Q: Can you give us some sense of the process of converting Titanic into 3D?

A: The skill of it that every shot in the movie is now a visual effect's shot. It's a94-minute movie, and there are 24 frames per second, and we look at every frame to work out the stereo depth. We took 60 weeks to do the conversion. It's not a technical process; it's a creative one that uses technical tools. We had 450 people working on it, at a cost of $18m. That's more that some movies cost to get made from scratch.

«The Sun» 04 Apr. 2012.

Кроме того, газетное интервью характеризуется преобладанием декларативных конструкций, которые составляют почти 3/4 всего корпуса предложений других типов. Что касается интеррогативных высказываний, то они принадлежат, в основном, журналисту и составляют примерно 1/5 всех реплик в интервью. Такие реплики носят в основном специальный характер, т. е. относятся к называемым «Wh» вопросам. Этот факт мы объясняем тем, что закрытые вопросы ограничиваются лишь субъективной оценкой отвечающего и носят утвердительный или отрицательный характер. Специальные вопросы позволяют собеседнику наиболее полно осветить предмет разговора.

В процессе исследования обнаружено, что, несмотря на одну и ту же форму речевого общения, художественный диалог и диалог – интервью резко отличаются, как в плане своей коммуникативной направленности, так и синтаксической организации. С точки зрения формальной структуры, газетное интервью представляет собой не диалог в чистом виде, а монолог в диалоге, так как коммуникативный вклад говорящих в беседу неравноценен. В этом случае наблюдается явный перевес в сторону интервьюируемого. Журналист нацеливает его на определенные проблемы, которые тот освещает. Например:

Q: Tell us how did you first meet James Cameron?

A: I was a studio executive, and I first met him at an all-hands marketing meeting for True Lies (1994). Jim walked into this meeting, and he wasn't entirely happy that the studio wanted to be involved in the filmmaking more than before. He was introduced to me, and he said, «Jon, I understand that we're going to get to be pretty good friends. Or bitter enemies.

«Look» 2012.

Установлено, что в художественном диалоге стимулирующие и реаги-рующие реплики по своей формально-синтаксической организации отличаются мало. Например:

– «Why didn't you order coffee?

– «I know you prefer tea, my dear.»

– «Why tea? Not today.»

– «All right.» (V. Winsper)

В тексте газетного интервью, однако, наблюдаются явные отличия. Стимулирующие реплики линейно гораздо короче реагирующих (примерно в 1,5 раза). В репликах-реакциях отмечается увеличение удельного веса сложных предложений (25,5% и 45, 5% соответственно), как это имеет место в авторском повествовании. В целом в интервью декларативных предложений на 18% больше чем в художественном диалоге. Это также свидетельствует о нарративной форме газетного интервью.

Можно сделать вывод, что интервью является особой формой речевого общения, приближающейся к нарративу, сюжетная линия в котором создается интеррогативными стимулами журналиста. Художественный диалог, в свою очередь, представляет собой «свободную» форму речевого общения, где тематическое и смысловое единство достигается совместными комму-никативными усилиями обоих собеседников.

Источники и литература

1. Иванова И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М.: Высшая школа, 1981. – 280 с.

2. Колшанский В. Г. Коммуникативная структура и функции языка / В. Г. Колшанский. – М.: Наука, 1981. – 172 с.

3. Морозова І. Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасної англійської мові: монографія / І. Б. Морозова. – Одеса: Друкарський дім, 2009. – 384 с.

4. Советский энциклопедический словарь / А. М. Прохорова [и др.]. – М.: Изд-во Сов. энциклопедия, 1983. – 1209 с.

5. Солганин Г. Я. Лексика газеты. Функциональный аспект / Г. Я. Солганин. – М.: Высш. шк., 1981. – 175 с.

6. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 377 с.

УДК 81-2

Москаленко Л. С.

УКРАИНСКИЙ ВАРИАНТ РУССКОГО ЯЗЫКА: ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена проблеме формирования украинского национального варианта русского языка. В ней рассматриваются фонетические особенности русского языка Украины.

Ключевые слова: украинский национальный вариант русского языка, варьирование языка, вариант, инвариант, фонетический ярус, фонема.

Стаття присвячена проблемі формування українського національного варіанту російської мови. У ній розглядається фонетичні особливості російської мови України.

Ключові слова: український національний варіант російської мови, варіювання мови, варіант, інваріант, фонетичний ярус, фонема.

The article is devoted the problem of forming of the Ukrainian national variant of Russian. It examines the phonetic peculiarities of the Russian language in Ukraine.

Key ords: Ukrainian national versions of Russian, varying of language, variety, invariant, phonetic tier, phoneme.

Русский язык на современном этапе имеет несколько центов развития, которыми являются, прежде всего, бывшие советские республики, а ныне независимые государства. В них формируются варианты русского языка с собственными нормами, собственными языковыми процессами и с равноправным статусом. Одним из таких вариантов является украинский вариант русского языка.

В русистике ведутся споры по поводу того, каким термином называть русский язык, функционирующий в Украине [6; 11 и др.]. По нашему мнению, спор о термине непринципиален. «Важно то, что феномен, который мы этим термином именуем, существует объективно» [9, с. 12]. За данным явлением стоит одна из манифестаций инварианта – русскоязычного мира. Русскоязычный мир представлен множеством вариантов, позициями реализации

которых выступают государства (украинский вариант – Украина). Мы придерживаемся концепции А. Н. Рудякова и используем термин «национальный вариант» [9]. Русский язык Украины, следовательно, является украинским национальным вариантом русского языка.

Одним из параметров формирования варианта является «наличие достаточного количества изменений в русской речи местных русскоязычных общностей» [8, с. 21]. Эти изменения могут касаться одного или нескольких ярусов языка. В русском языке Украины они проявляются на всех ярусах.

Как известно, план выражения языка наиболее подвержен разного рода изменениям. Именно звуковая сторона языка характеризуется чаще всего ярко выраженными специфическими чертами [2, с. 25]. Фонетические изменения русского языка Украины, как отмечает Е. А. Журавлева, можно считать его особенностью, поскольку в большинстве контактирующих языков они ярко не проявляются [4]. Специфические черты украинского национального варианта русского языка на фонетическом ярусе освещены недостаточно.

Исходя из вышесказанного, **целью** статьи является рассмотрение фонетических особенностей русского языка, функционирующего в Украине.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: определить факторы, обусловливающие вариативность русского языка в Украине; описать специфику украинского варианта русского языка в системе гласных и согласных, а также на акцентологическом и интонационном уровнях.

Проблеме фонетических изменений в русском языке Украины уделялось достаточное внимание в советском языкознании. Данные изменения описываются вместе с лексическими и грамматическими в советских работах, посвященных обогащению русского языка и направленных на борьбу с неправильностями [1; 7 и др.]. В 1987 г. под редакцией Л. В. Бондарко и Л. А. Вербицкой вышла монография «Интерференция звуковых систем», в которой рассматриваются особенности звуковой системы русского языка, возникшие при различных типах его взаимодействия с диалектами и другими языками. Один из ее разделов посвящен взаимодействию русского языка с украинским [5].

Не все особенности, выделяемые в названных трудах, актуализируются в современном русском языке Украины. Специфические черты русского языка Украины на современном этапе рассматриваются в статьях С. Дель Гаудио, Е. Я. Титаренко и др. [3; 13 и др.]. Отношение к данным изменениям в украинской лингвистике различно. Некоторые лингвисты считают их «проявлением низкого уровня культуры», «неопрятностью и расхлябанностью» [10, с. 19]. Но, тем не менее, их наличие в языке не оспаривается.

Украинский и русский языки тесно связаны генетически, что отражается в наличии четких фонетических и лексических соответствий. «В украинском языке на фонемном уровне можно найти соответствие всем русским фонемам. Но по фонетическому качеству русские и украинские гласные и согласные не совпадают» [5, с. 85]. В системе фонем русского языка изменений нет, изменения проявляются только в их реализации. При этом звуки, появляющиеся под влиянием украинского, не чужды русскому языку, поскольку имели место быть в прарусском языке.

Украинскому варианту русского языка прежде всего свойственны изменения в системе согласных звуков. Одной из наиболее ярких его черт является реализация фонемы ‹г› в сильной позиции звуками [γ], [γ’], в слабой – [х], [х’]. Русскому языку России характерна манифестация фонемы ‹г› в сильной позиции звуками [г], [г’], в слабой – [к], [к’]. Только в некоторых словах, связанных в прошлом с церковно-религиозным обиходом (*благо, Господь* и др.) и словах, передающих крики животных, – *реγочет, γумкает* и др., в сочетаниях *гд – где, когда* пр., междометиях типа *ага, угу* употребляются звуки [γ], [γ’] в сильной позиции и [х], [х’] в слабой [14, с. 244].

В русском языке Украины происходит параллельное использование данных звуков. Анализ речи коммуникантов показал, что одним из них свойственно употребление только звуков [г], [г’] (в сильной позиции) и [к], [к’] (в слабой) или только [γ], [γ’], [х], [х’], а другим – чередующееся использование и тех, и других звуков.

Таким образом, фонема ‹г› эксплицируется следующими вариантами: [г], [г’], [γ], [γ’] (в сильной позиции), [к], [к’], [х], [х’] (в слабой). При этом место основного варианта занимает [γ], [γ’], [х], [х’].

«Наличие щелевого вместо смычного связано с тем, что русскому [g] соответствует в украинском [h], а сохранение звонкого объясняется дистрибутивными возможностями» [5, с. 99]. Для украинского языка свойственно наличие и фрикативного [γ], и взрывного [г] и их мягких эквивалентов. Однако звук [г] для него не характерен и встречается преимущественно в заимствованных словах, составляющих немногочисленную группу: *ґанок, ґедзкатися, ґелґати, ґатунок, ґвалт, ґудзик, ґуля* и т. д.

На сегодняшний день употребление [γ] вместо [г] распространено повсеместно. Под влиянием преобладающего в украинском языке, а также в южнорусских говорах звука [γ] в русском языке Украины данный звук становится одним из равноправных вариантов фонемы ‹г›: *ль[γ]оты, по[γ]ашение, [γ]огод, не[γ]атив, си[γ]нал, техноло[γ]ия, морфоло[γ]ия, [γ]рыжа, [γ]идрофильный, микрохирур[γ]ический, ко[γ]да, дости[γ]ли, на[γ]рузка, поро[х]*, *рейтин[х], подви[х], дене[х]* и т. д.

Появление фарингального щелевого связано с регулярным соотношением этого согласного с русским [g] в родственных словах и морфемах: рус. *город* – укр. *[horod]*, рус. *говорить* – укр. *[hovoriti]* и т. д.; одинаковое написание русского [g] и украинского [h] поддерживает такую знаковую замену [5, с. 100].

Следующей специфической чертой украинского русского языка является произношение звука [ў] вместо [ф], то есть реализация фонемы ‹в› в ряде позиций губно-губным [ў]. Наиболее часто [ў] произносится после усиливающего лабиализацию звука [о] в позиции перед согласным и в абсолютном конце слова: *академик[оў], Новик[оў], доход[оў], микроб[оў], налог[оў], антибиотик[оў] забаст[оў]ка, подгот[оў]ка, сказа[ў], д[ў]ор* и др. Появление нового варианта фонемы продиктовано влиянием украинского языка и южнорусских говоров.

В основном варианте русского языка согласные звуки [в], [в’] связаны с группой шумных, поскольку замещаются глухими [ф], [ф’] в слабой позиции по глухости/звонкости, например: *кро[в]а* и *кро[ф]*. В русских говорах в слабой позиции по глухости/звонкости представлены и [ф], и [ў].

В украинском языке согласный [в] никогда не оглушается в [ф], он, наоборот, приближается к гласному [у]: *кров* [кроў], *рукав* [рукаў], *лавка* [лаўка]. Звук [ф], как и [г], не характерен для украинского языка, встречается преимущественно в заимствованных словах. Звук [ў], напротив, очень распространен. Он образуется сближением нижней губы с верхней, между которыми остается узенькая щель для прохождения потока воздуха. Губно-губное

произношение этого звука характерно для всех позиций, в которых он может стоять. При артикуляции этого звука тон преобладает над шумом, то есть звук [ў] – сонорный, поэтому он не может переходить в звук [ф] в слабой позиции [учебники укр яз]. Согласные [в], [в’] являются сонантами. «Их сонантность не обращает на себя внимания в позициях начала слова и в интервокальной в середине слова. Однако в конце слова или перед глухим согласным сонант или полугласный вместо ожидаемого глухого ([f] или [f’]) воспринимается как яркий акцент: а[ў]тобус, ло[w]» [5, с. 98].

По данным древнерусских письменных памятников и современных говоров, по крайней мере в XI–XIII вв. восточнославянская языковая область по произношению губного спиранта [в] распалась на две части: весь юго-запад, а также верховья Оки и Дона знали билабиальный [ў], тогда как северо-восток и основной массив северных говоров имели губно-зубной [в] [14, с. 296]. Это доказывает то, что звук [ў] не является посторонним в русском языке. Кроме того, он сохраняется в диалектах.

Фонема ‹в› в украинском варианте русского языка представлена следующими манифестантами: [в], [в’] (в сильной позиции), [ф], [ф’], [ў] (в слабой). При этом фонема [ў] является основным вариантом в слабой позиции.

Две вышеперечисленные особенности системы согласных русского языка Украины являются наиболее распространенными. Остальные значительно уступают по количеству употреблений.

Менее распространенным является для украинского варианта русского языка является выпадение заударного интервокального [j], чаще всего в глаголах третьего лица настоящего времени: *больша[а], засыпа[э]т, патрулиру[э]т, игра[э]т.*

Под воздействием украинского языка фонема ‹ц› в русском языке Украины реализуется не только твердым [ц], но и мягким [ц’]. Украинскому языку характерно наличие и твердого [ц], и мягкого звука [ц’]. Мягкое *ц* [ц’] в украинском русском языке употребляется перед гласными переднего ряда, чаще всего в словах, оканчивающихся на *-ция* (*конферен[ц’]ии, Шве[ц’]ия, изоля[ц’]ия* и др.).

Украинскому варианту русского языка свойственно уподобление русского *щ* [щ’] украинскому звуку *щ* [шч] (*перееосно[шч]ение*). Буква *щ* в украинском языке всегда означает два звука [ш] и [ч]: ***щ**ит* [шчит]. При этом мягкий звук [щ’], характерный русскому языку, отсутствует. В украинском языке все шипящие звуки, в том числе *щ* [шч] твердо произносятся: *ніч, чудо, плащ*. Полумягко могут произноситься только перед *і* и в некоторых словах: *шість, чітко, ніччю, клоччя.* Данная специфика украинской орфоэпии оказывает влияние на реализацию фонемы, а именно появление нового варианта.

В редких случаях из-за влияния украинской лексики в русском языке Украины выявляется отсутствие смягчения звука [*р*] перед *и, е,* а также звуков [*р*], [м] в конце слова (*в п[ры]нципе* – укр. *принцип, п[ры]шлось* – укр. приставка *при-; се*[*м*]); произношение сочетания *[мйа], [пйа]* вместо *[м’а], [п’а]* и т. п. *([мйа]со* – укр. *м*’ясо*)* и т. п.

Системе гласных украинского варианта русского языка свойственно частичное отсутствие редукции, обусловленное взаимодействием русского и украинского языковых миров (*в[о]ды, кузнечик[о]м, ок[о]л[о], сор[о]к, г[о]родской, тр[о]лейбус, п[о]вт[о]рю и т. д.*). Украинскому языку характерно полногласие, нераспространенность явления качественной и количественной редукции гласных звуков в безударной позиции, то есть отсутствие аканья. Поэтому и под ударением, и без него гласный [о] во всех позициях не приближается к [а].

Традиционно считается, что гласные звуки в безударной позиции изменяются, редуцируются качественно и количественно, то есть уменьшается их длительность. С точки зрения артикуляции, это объясняется так: уменьшая свое звучание по времени, безударные звуки не успевают в полной мере сформироваться как звук ударный. Кроме того, на редукцию гласных воздействует то, что эти звуки артикулируются ненапряженно, нечетко [12, с. 13]. Безударный гласный [о] по сравнению с ударным образуется в украинском языке при значительно выше поднятой спинке языка, что приводит к сближению с артикуляцией [у]. Это сближение чувствуется на слух только в позиции перед безударным [у]: *кожух* [12 и др.]. Таким образом, редукционные изменения есть, но на слух они неразличимы.

В русском языке Украины приближение гласного [о] в слабой позиции к [а] более заметно по сравнению с украинским языком, однако звуки имеют большую различительную способность, чем в российском русском.

Для украинского русского языка характерна реализация звуков [чт] звуком [ш] преимущественно в союзах *что, чтобы*: *[шо], [ш]об.* Эта особенность наблюдается не только в разговорной устной речи, но и разговорной письменной: ***Шоб** вы знали: у украинских рабочих европейский уровень зарплат* (http://ibigdan.livejournal.com/9850607.html). Согласно мнению Сальваторе Дель Гаудио, «подобное упрощение иногда обнаруживается также в стандартном украинском языке: «що» > «шо», и является идиосинкразической чертой суржика» [3, с. 162].

Некоторые изменения в русском языке Украины объясняются не только собственно фонетическими признаками, но и близостью звуковой формы родственных слов и морфем, а также графическим обликом, а следовательно, переносом в русский текст отдельных слов и морфем украинского языка (*в[с’и]х, [ju]хать*). В украинском языке, в отличие от русского, есть буква ***ї***, обозначающая два звука *[ju]*. Слова, содержащие эту букву, в украинском варианте русского языка зачастую передаются со звуками *[ju]* вместо *[u]*. Например, *[ju]х* вместо *[u]х* (укр. *їх*), *Укра[ju]на* вместо *Укра[u]на* (укр. *Україна*) и т. п.

Украинскому варианту русского языка характерны изменения на акцентуационном уровне. Это перенос ударения по аналогии с украинским языком, например, *звОнит* вместо *звонИт* (укр. *дзвонить*), *было провЕдено вместо проведенО* (укр. *було провЕдено*), *перЕдана* вместо *пЕреданА* и др.

Чаще всего ударение переносится в глаголах с окончания на основу: *ждАла, звОнит, прИведено, взЯла, нАчала*; с суффикса на корень в кратких страдательных причастиях: *перенЕсен*; с корня на суффикс в отдельных именах прилагательных: *кухОнный;* с корня на окончание в именах существительных: *плюсА, плюсОв, плюсЫ, о средствАх, о дороговизнЕ, об отраслЯх, баранА, крапивА, свеклА* и т. д.

Интонационное оформление русской речи жителей Украины также имеет отличительные признаки. Е. Я. Титаренко выделяет следующие особенности звучащей в украинском и крымском телерадиоэфире речи: а) значительное, не всегда оправданное увеличение темпа произношения слов в речевой цепи; б) нарушение либо полное отсутствие синтагматического членения речевого потока; в) изменение мелодики речи (волнообразное движение тона вместо относительно ровного); г) отсутствие паузирования между синтагмами и в конце предложений и др. [13, с. 533].

В результате исследования могут быть сделаны следующие **выводы**.

Фонетическое своеобразие русского языка Украины охватывает систему согласных и гласных, акцентологический и интонационный уровни. Это дает основания говорить о вариативности русского языка, функционирующего на территории Украины. Такие особенности украинского варианта русского языка, как экспликация фонемы ‹г› вариантами [γ], [γ’] в сильной позиции и [х], [х’] в слабой; фонемы ‹в› вариантом [ў] в слабой позиции; отсутствие редукции, являются достаточно распространенными и могут рассматриваться в качестве релевантных черт украинского национального варианта русского языка. Русский язык таким образом приспосабливается к функционированию в новой среде.

Источники и литература

1. Белодед И. К. Русский язык как источник обогащения языков народов СССР / И. К. Белодед, Г. П. Ижакевич, Т. К. Черторижская. – К.: Рад. школа, 1978. – 182 с.
2. Варианты полинациональных литературных языков. – К.: Наукова думка, 1981. – 280 с.
3. Дель Гаудио С. Уровни интерференции русского языка в Украине / С. Дель Гаудио // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А. Н. Рудяков. – № 1. Т. 2. – Симферополь, 2010. – С. 106-108.
4. Журавлева Е. А. Вариативность лексической системы: русский как полинациональный язык: автореф. дис. на соискание учен. степени докт. филол. наук. : спец. 10.02.01 «русский язык» / Е. А. Журавлева. – Алматы, 2007. – 49 с
5. Интерференция звуковых систем / Отв. ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая. – Л.: Издательство ленинградского университета, 1987. – 280 с.
6. Крючкова Т. Б. Проблема возникновения и функционирования национальных вариантов языка / Т. Б. Крючкова // Георусистика. Вызовы XXI века: Сб. науч. ст. / Под редакцией А. Н. Рудякова. – Симферополь: Антиква, 2011. – С. 114-125.
7. Культура русской речи на Украине. – К.: Наук. думка, 1976. – 355 с.
8. Михальченко Ю. В. Национальный вариант языка как результат его адаптации к этнолингвистическим условиям / Ю. В. Михальченко // Георусистика. Первое приближение: Сб. науч. ст. / Под ред. А. Н. Рудякова. – Симферополь: Антиква, 2010. – С. 21-29.
9. Рудяков А. Н. Георусистика, функциональная лингвистика и… мифы русистики / А. Н. Рудяков // Георусистика. Вызовы XXI века: Сб. науч. ст. / Под редакцией А. Н. Рудякова. – Симферополь: Антиква, 2011. – С. 5-17.
10. Стебунова А. Н. Языковая ситуация востока Украины: день сегодняшний и будущий / А. Н. Стебунова // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгр. исследователей рус. яз.: тр. и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 548-549.
11. Степанов Е.Н. Русский язык в контексте социально-политических процессов современной Украины [Электронный ресурс] / Е. Н. Степанов. – Режим доступа: http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0019.html
12. Сучасна українська мова / За ред. О. Д. Пономарева. – К.: Либідь, 2001.
13. Титаренко Е. Я. Русская речь в Крыму и Украине сегодня // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарное заседание: сборник докладов. В 2-х т. – СПб.: Политехника. 2003. – Т. II – С. 530-535.
14. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков / Ф. П. Филин. – Л.: Наука, 1972. – 656 с.

УДК 81’1=512.141+81’367.627+81’371 **Муратова Р. Т.**

СИМВОЛИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ЧИСЕЛ В БАШКИРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В данной статье рассматривается символическая семантика чисел в составе фразеологических единиц башкирского языка. Анализ характера взаимодействия лексического значения числительного с общим значением фразеологизма позволяет выделить некоторые особенности употребления чисел. Числа в составе фразеологических единиц выступают в основном как десемантизированные числовые обозначения «много – мало” или вовсе не имеют количественного значения, а выражают образность, абстрагированность.

Ключевые слова: числовая символика, башкирский язык, фразеологизмы

У даній статті розглядається символічна семантика чисел у складі фразеологічних одиниць башкирського мови. Аналіз характеру взаємодії лексичного значення числівника із загальним числом фразеологізму дозволяє виділити деякі особливості вживання чисел. Числа у складі фразеологічних одиниць виступають в основному як десемантизированные числові позначення «багато – мало» або зовсім не мають кількісного значення, а висловлюють образність, абстрагованість.

Ключові слова: числова символіка, башкирський мову, фразеологізми

This article aims at a study of symbolic semantics of numbers in phraseological units of the Bashkir language. The analysis of the nature of the interaction of lexical value of numbers with the total value of set phrases allows us to highlight some features in the use of numbers. Numbers in phraseological units mainly act as desemantised numerical designations of «much – litlle» or they do not have any quantitative value at all, and express imagery, abstractness.

Key words: the Bashkir language, numerical symbolism. idioms

Жизнь человека связана с числами. Числа нужны для ведения счета, исчисления. Кроме того, числа еще с древнейших времен являются «гармонией вселенной» (Платон), «началом и сущностью вещей» (Аристотель). Наблюдается гармония чисел в музыке, поэзии, архитектуре и искусстве. В повседневной жизни некоторым числам приписываются таинственные черты и сверхъестественные силы. И люди верят в то, что числа влияют на судьбу человека.

Число, являясь понятием, необходимым в различных областях человеческого знания и опыта, стало объектом исследования философов, культурологов, лингвистов. Рассматривались вопросы символического значения и художественной функции чисел в различных мифопоэтических системах [5; 11], функционирования числительных в произведениях устного народного творчества [4; 8; 15]. В языкознании символические значения чисел затрагиваются в работах, посвященным проблемам лексико-семантического и этимологического анализа чисел [7; 17], семантики чисел в составе фразеологических единиц, ономастической лексики, культурологического анализа в картине мира разных народов [2; 16].

В тюркологической науке рассматривались функции чисел в произведениях устного народного творчества, топонимии, фразеологических единицах, мифологии [3; 6]. В последнее время числа стали объектом внимания в связи с изучением этнокультурной лексики и реконструкцией пратюркской картины мира [9]. В башкирском языкознании ученые обратили внимание на символические значения чисел в связи с изучением топонимов, антропонимов, фразеологизмов, этнолингвистических значений слов [14].

Число обладает особой символикой, наделено сакральной семантикой, мифологическими, культурологическими значениями. По словам С. М. Толстой, «помимо абстрактного, чисто количественного и порядкового значения, число в языке народной культуры наделяется неким дополнительным смыслом, приобретает определенную коннотацию, становится объектом оценки и символизации» [10, с. 43].

Число и счет являлись «сакрализованными средствами», с их помощью «репродуцировалась структура космоса и правила ориентации в нем человека» [11, с. 3-58]. То есть числа помимо значений количества, порядка, счета имеют семантическую нагрузку, связанную с определенной значимостью в культуре, обладают «магическими» свойствами.

По мнению ученых, одной из основ зарождения магических чисел являются древние системы счета. Бывшие предельные числа 3, 4, 5, 7, 10, 12, 40, 60, 100 и другие попали в категорию «магических чисел». Количества, лежащие за пределами крайнего числа, воспринимались человеком как неопределенное «много», что и натолкнуло людей воспринимать эти числа в качестве символа множества.

Также считалось, что некоторые числа могли влиять на природные явления, предвещать хорошие или плохие события в жизни племени, народа или отдельного человека. Существование чисел, выражающих тот или иной цикл, явление в природе, не поддававшихся в то время удовлетворительному объяснению, натолкнуло людей на мысль о сверхъестественной божественной сущности чисел [16, с. 68].

Число вызывает интерес потому, что в нем нашли отражение следы древнейших представлений человека. «Первоначальное понятие величины являлось непосредственным обобщением реально существующих понятий: длины, площади, объема, веса, а на более раннем этапе – количества просто каких-либо предметов» [8, с.3].

Следует различать понятие числа от числительного. Число является философской категорией, которая имеет свои логические, национально-культурные, мифологические особенности. «Число – абстрактное, лишенное особого содержания обозначение какого-либо члена некоторого ряда, в котором этому члену предшествует или следует за ним какой-нибудь другой определенный член; абстрактный индивидуальный признак, отличающий одно множество от другого того же рода» [13, с. 513].

«Числительное – часть речи или класс полнозначных слов, обозначающих число, количество, меру, связанные с понятием счета» [1, с. 582-584]. К тому же следует отметить, что формированию лексического и грамматического разряда имен числительных предшествовало возникновение понятия числа и счета.

Основное номинативное значение числительного – это выражение лишь конкретного количества предметов и только в сочетании со словом, обозначающим количество предметов, конкретизируется их значение. Вместе с тем наши наблюдения показывают, что те же числительные, становясь компонентами фразеологических единиц (далее ФЕ), подвергаются смысловым преобразованиям. В связи с этим ФЕ с копонентами-числительными требуют более глубокого изучения и семантического осмысления. Данная статья ставит целью изучение символической семантики чисел в составе ФЕ башкирского языка, выявление их этнокультурных особенностей. Анализ характера взаимодействия лексического значения числительного с общим значением ФЕ позволяет выделить некоторые особенности компонента-числительного: 1) в ФЕ числа условно обозначают малое или большое количество чего-либо, этим они выполняют преимущественно символическую функцию и обладают рядом стилистических черт – образностью, эмоциональностью; 2) числа употребляются для характеристики явления, предмета или лица; 3) в основу ФЕ заложены сакральные значения чисел.

В башкирском языке в образовании ФЕ особенно активно выступают числа 1, 2, 4, 5, 7, 9, 40, 100, 1000.

Число ***бер*** ‘один’ в башкирском языке проявляет наибольшую активность в образовании ФЕ. Во фразеологических единицах число *бер* ‘один’ обозначает, как правило, не столько первый элемент числового ряда в современном смысле, сколько целостность, единство.

Значение «целостность, совершенство» в башкирской фразеологии выражается сочетанием *бер тиҙән* ‘очень хороший, самый лучший’, *үҙе бер ғүмер* ‘целая жизнь’ [12].

Значение «единство, единомыслие», а также «одно и то же», «одинаковые» прослеживается в ФЕ: *бер табаҡтан ашау* ‘закадычный друг, жить душа в душу’ (*досл.* есть из одной чаши), *бер сыбыҡтан ҡыуылған* ‘одного поля ягоды’ (*досл.* одним прутиком прогнаны), *бер балыҡ башы (сәйнәү)* ‘тянуть одну и ту же песню’ (*досл.* жевать голову одной и той же рыбы), *бер ҡалыпҡа һуғыу* ‘мерить одним мерилом’ (*досл.* подгонять под одну колодку).

В некоторых ФЕ *бер* ‘один’ обозначает наименьшую единицу в исчислении и приобретает значение «мало», а также указывает на «полное отсутствие»: *бер ауыҙ һүҙ әйтмәү* ‘ни слова не вымолвить’. Непомерное «преуменьшение качества, свойства» какого-либо явления выражается в следующих ФЕ: *онотҡанда бер* ‘иногда, изредка’, *ике ҡулға бер эш* ‘мало работы’ (*досл.* одна работа на две руки), *ике аяҡтың береһен баҫмау* ‘ноги не будет’ (*досл.* не ступать ни одной ногой из двух).

Противопоставление чисел *бер* ‘один’ и *ике* ‘два’ может привнести в ФЕ сочетания диаметрально противоположного значения «много» – «очень мало, отсутствие чего-либо” или “одновременность действий»: *ике ятып бер төшөнә инмәү* ‘ни разу не вспомнить’ (*досл.* два раза ложиться и ни разу во сне не видеть), *бер юлы ике кәмәнең ҡойрогон тотоу* ‘убить двух зайцев’ (*досл.* управлять двумя лодками).

Вообще, числа *бер* ‘один’ и *ике* ‘два’ в ФЕ бинарно противопоставляются, символически указывая на принадлежность определяемого понятия к той или иной категории. При этом они дополнительно несут смысловую нагрузку: или положительную, или отрицательную. Если число *бер* ‘один’ в ФЕ указывает на значение «целостности, единство», то число ***ике*** ‘два’ обозначает «непостоянство», «раздвоенность, отсутствие единства», «двойственность разных явлений»: *ике уйлау* ‘сомневаться’ (*досл.* думать два раза), *ике йөҙлө* ‘двуличный,

лицемерный’, *ике йөҙлө бысаҡ* ‘и вашим и нашим’ (*досл.* нож с двумя лезвиями); *ике ут араһында ҡалыу* ‘(остаться) меж двух огней’.

В ФЕ *ике аҙым* ‘в двух шагах, очень близко’, *шул ике арала* ‘тут же, в один миг’ число *ике* ‘два’ передает смысл «малое количество».

Есть и такие ФЕ, где *ике* ‘два’ выражает «сходство, подобие предметов или лиц»: *ике тамсы һыу кеүек* ‘как две капли воды’.

Число ***дүрт*** ‘четыре’ в составе ФЕ, главным образом, отражает представления, связанные с количественно-пространственным освоением мира и вселенной. «Четырехмерное пространственное представление» башкир о мире отразилось в ФЕ *дүрт ягың ҡибла* ‘вступай на все четыре стороны’ (*досл.* все твои четыре стороны – направление на Каабу).

Иногда число *дүрт* ‘четыре’ указывает на излишнее количество органов человека, в таком случае цель числа – подчеркнуть абсурдность происходящего, что ведет к «стилистическому усилению действия, гиперболизации»: *дүрт күҙ менән көтөү* ‘сильно ждать’ (*досл.* ждать четырьмя глазами), *ике күҙе дүрт булыу* ‘сильно удивиться’ (*досл.* два его глаза стали как четыре).

В башкирском языке число ***биш*** ‘пять’ может привнести в ФЕ значение «большое количество» или «преувеличение»: *берҙе биш итеү* ‘преувеличивать’ (*досл.* одно превращать в пять), *бишкә төрләнеү* ‘быстро меняться’ (*досл.* меняться в пять обликов), *биш артыҡ* ‘намного лучше’ (*досл.* в пять раз лучше), *биш былтыр* ‘давным-давно’ (*досл.* пять прошлых лет).

В ФЕ число ***ете*** ‘семь’ в ФЕ объясняется тем, что данное числительное в народных представлениях приобрело некоторое сакральное значение. Использование числа *ете* ‘семь’ в значении предела счета на определенной стадии человечества, употребление в качестве символа гармонии человеческого существа, мистические представления и религиозные поверья народа способствовали его участию в образовании ФЕ.

Представления о «семислойности земли и неба» закрепились в составе ФЕ как *ете ҡат ер аҫтында йылан көйшәгәнен белеү* ‘быть информированным обо всех событиях’ (*досл.* знать, как под семью слоями земли жует змея), *күктең етенсе ҡатында булыу* ‘быть на седьмом небе’ (о состоянии наивысшего душевного подъема).

ФЕ *ете диңгеҙ аръяғында* ‘за семью морями’, *ете тау артында* ‘за семью горами’ обозначают пространство, находящееся на очень «далеком расстоянии».

Традиционная роль числа *ете* ‘семь’ как “эталона и характеристики времени” закрепилась в башкирской фразеологии: *ете төн уртаһында* ‘глубокой ночью’ (*досл.* в середине семи ночей).

Как говорилось выше, по отношению к людям число *ете* ‘семь’ выступает как показатель “тесных родственных уз”. Это значение нашло отражение в ФЕ: *ете атаһына етеү* ‘разобрать по косточкам’ (*досл.* доходить до седьмого (предка) отца). До семи колен мир является родным, а за семизначным пределом он чужой: *ете ят* ‘чужой’ (*досл.* семь раз чужой), *ете атаһын танытыу* ‘поставить на место’ (*досл.* заставить узнать всех своих семь отцов – предков до седьмого колена).

Значения «целостность», «полнота», «множество, разнообразие» несет число *ете* ‘семь’ в ФЕ: *ете беҙ* ‘резкий, едкий’ (*досл.* семь шил; о вещах с резким запахом, вкусом), *ете ҡат тир сығыу* ‘до седьмого пота’, *ете ата балаһы* ‘совершенно разные люди’ (*досл.* дети семи отцов), *ете ҡат тиреһен һыҙырыу* ‘снять семь шкур’, *ете ятып бер төшкә инмәү* ‘ни разу не вспомнить’ (*досл.* семь раз ложиться и ни разу во сне не увидеть).

Числа ***туғыҙ*** ‘девять’, ***ҡырҡ*** ‘сорок’, ***йөҙ*** ‘сто’, ***мең*** ‘тысяча’ в ФЕ, скорее всего, числа-гиперболы, выступающие как показатели «множества, беспредела, несметной силы»: *туғыҙға түкмәстереү* ‘переиначивать, преувеличивать слухи’ (*досл.* менять в девять (обликов), *ҡырҡ ҡорама, ҡырҡ ямау* ‘дырявый, изношенный’ (*досл.* сорок заплаток), *ҡырҡ төрлөгә әйләнеү* ‘быстро меняться’ (*досл.* меняться в сорок обликов), *ҡырҡҡа ярылырҙай булыу* ‘хоть разорвись’ (*досл.* готов разорваться на сорок частей), *йөҙ тапҡыр ҡабатлау* ‘повторять сто раз’, *мең бәлә менән* ‘с большим трудом’ (*досл.* с тысячью бедами), *мең йәшә* ‘живи долго’ (*досл.* живи тысячу лет), *мең рәхмәт* ‘большое спасибо’ (*досл.* тысяча благодарностей).

Таким образом, числа в ФЕ утрачивают значение количества, счета, порядка и приобретают символический смысл. В башкирском языке фразообразовательную активность проявляют числа 1, 2, 4, 5, 7, 9, 40, 100, 1000. Эти числа в составе фразеологических единиц выступают в основном как десемантизированные числовые обозначения много – мало или вовсе не имеют количественного значения, а выражают образность, абстрагированность. ФЕ с числительным компонентом также отражают ранние представления народа о мире, его устройстве, где числам придаются сакральные, символические значения.

Числа, являясь компонентом ФЕ, обретают новое переосмысленное лексическое значение, выполняя переносную функцию и обладая яркой стилистической окраской, эмоциональностью и неповторимой образностью. В связи с этим намечаются перспективы изучения ФЕ с числительным-компонентом с учетом лексико-семантического, этимологического и культурологического характера каждого числа.

Источники и литература

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / В. Н. Ярцева. – М.: Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
2. Быконя В. В. Имя числительное в картине мира селькупов / В. В. Быконя. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 1998. – 261 с.
3. Габышева Л. Л. Функции числительных в мифоэпическом тексте: На материале олонхо / Л. Л. Габышева // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск: Якутский госуниверситет, 1988. – С. 78-92.
4. Иванова З. П. Типични числа въ българстката народна песни / З. П. Иванова. // Известия на семинара по славянска филология при университета въ София, 1921. Кн.4. – С. 513-529.
5. Кириллин В. М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI-XVI века) / В. М. Кириллин. – СПб.: Алетейя, 2000. – 245 с.

6. Молчанова О. Т. Числительные и счетные слова в алтайских топонимах / О. Т. Молчанова // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск: Издательство Томского университета, 1976. – С. 151-155.
7. Поппе Н. Н. Монгольские числительные / Н. Н. Поппе // Языковедные проблемы по числительным. Т. I. – Л.: Институт литератур Запада и Востока при Ленинградском Государственном Университете, 1927. – С. 97-119.
8. Праведников С. П. Имена числительные в фольклорном тексте: лексикологический и лексикографический аспекты / С. П. Правдеников. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 1996. – 120 с.
9. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. – М.: Издательство Наука, 2006. – 908 с.
10. Толстая С. М. Счет и число в народной традиции: семантика, оценка, магия / С. М. Толстая // Семиотика и информатика. Сб.науч. статей. Вып. 37. – М.: ВИНИТИ, 2002. – С. 43-58.
11. Топоров В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах / В. Н. Топоров. // Структура текста. – М.: Изд-во «Наука», 1980. – С.3-58.
12. Ураксин З.Г. Фразеологический словарь башкирского языка / З. Г. Ураксин,. Уфа: Китап, 1996 (на башк. яз.). – 288 с.
13. Философский энциклопедический словарь / Е. Ф. Губский [и др.]. – М.: Инфра-М, 2003. – 576 с.
14. Хадыева Р. Н. Башкирская этнокультура и язык: Опыт воссоздания языковой картины мира / Р. Н. Хадыева. – М.: Наука, 2005. – 248 с.
15. Хроленко А. Т. Числительные в разных жанрах фольклора / А. Т. Хроленко // Научно-практические очерки по русскому языку. Вып. 6. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 1972. – С.72-74.
16. Шичжан Я. Модель числа как фрагмент русской языковой картины мира / Я. Шичжан. – М.: Спутник, 2001. – 96 с.
17. Blazhek V. Numerals – Comparative Etymological Analyses and their Implications / V. Blazhek. – 1999, Masaryk University in Brno. – 340 p.

УДК 81'1=16+81' 373.2+81' 373.21 **Мухин С. В.**

ДИНАМИКА ЗНАЧЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Изменение и развитие семантической структуры фразеологических калек (ФК) является одним из необходимых аспектов натурализации данных единиц в языке-реципиенте. В данной статье рассматриваются ФК французского происхождения в современном английском языке.
Ключевые слова: фразеологическое калькирование, семантика, полисемия.

Зміна та розвиток семантичної структури фразеологічних кальок (ФК) є одним із необхідних аспектів натуралізації даних одиниць в мові-реципієнті. У данній статті розглядаються ФК французького походження в сучасній англійській мові.
Ключові слова: фразеологічне калькування, семантика, полісемія.

The dynamic change of the semantic structure characteristic of phraseological loan-translations is one of the aspects inherent in naturalizaton of the linguistic entities in question. This article is concerned with phraseological loan-translations of French origin in modern English.
Key words: praseological loan-translation, semantics, polysemy.

Изменение и развитие семантической структуры фразеологических калек (ФК) является необходимым аспектом натурализации данных единиц в языке-реципиенте. При рассмотрении семантической структуры ФК существенен вопрос количества словарных значений. Полисемия менее характерна для фразеологии, чем для лексики. С целью семантического анализа рассматриваемых единиц были использованы Французско-русский фразеологический словарь под редакцией В. Г. Гака и Фразеологический словарь французского языка М. Ра. В указанных источниках обнаружено 155 фразеологических этимонов английских калек. Именно это число единиц послужило языковым материалом для сопоставления количества словарных значений.

Из 155 фразеологических этимонов 26 имеют более одного словарного значения (16,8%), остальные 129 − одно словарно зафиксированное значение. Полисемичные ФЕ во французском языке составляют чуть более 12% [2]. Это еще раз подтверждает, что полисемия в меньшей степени характерна для фразеологии, чем для лексики, и данное положение вещей является языковой универсалией. Факторы, препятствующие развитию полисемии фразеологических единиц, универсальны, поскольку они одинаковы даже для неродственных языков [3].

В результате фразеологического калькирования возможны три возможных варианта: а) уменьшение количества словарных значений; б) увеличение количества словарных значений; в) изменение значения заимствуемой единицы. У большинства ФК, претерпевших семантические изменения, уменьшилось количество словарных значений: выявлено 20 словарно зафиксированных случаев, когда английская ФК с одним словарно зафиксированным значением имеет французский фразеологический этимон с двумя и более словарными значениями. Уменьшение количества словарных значений подтверждается имеющимися примерами переводческой практики, когда в английском переводе оригинального французского текста употребление английской ФК соответствующего французского фразеологизма, имеющегося во французском оригинале, невозможно, поскольку у кальки отсутствует одно из значений, присущих этимону. Например, в отличие от английской ФК *point of view* с единственным словарно зафиксированным значением, ее французский этимон имеет два значения *точка зрения*; *вид, пейзаж*:

L'entrée de la grotte était bouchée par un amoncellement de rochers. L'un d'eux formait comme un pic au-dessus du chaos et devait offrir un ***point de vue*** *extraordinaire sur l'île et la mer (M. Tournier).*

La maison était petite, basse, de style italien, au bord de la route qui monte en zigzag à travers les arbres, montrant à chaque détour d'admirables ***points de vue****.*

The house – small, low and in the Italian style – was built beside the road which winds zigzag fashion up through the trees, revealing a succession of charming views at every turn (G. Maupassant).

В данном примере в английском тексте невозможно употребить ФК *point of view*, поскольку она имеет одно словарное значение и, сохраняя одно из значений французского этимона – *точка зрения; мнение*, в результате заимствования не сохранила другое значение, присущее французскому фразеологизму – *вид*. Именно это второе значение реализуется в контексте, и у переводчика не остается другого выхода, кроме передачи значения

французского фразеологизма лексемой *view*. ФК *point of view* может реализовывать контекстуальное значение, отличное от словарно закрепленного, но это значение не совпадает со вторым значением французского этимона. Так, в приводимом ниже примере значение данной ФК – *сторона*.

He had gone straight on working. As soon as he saw what the photograph was, and what it meant, he had covered it up with another sheet of paper. Luckily, when he unrolled it, it had been upside-down from the ***point of view*** *of the telescreen (G. Orwell).*

Ниже приводится еще один пример употребления французского этимона со значением, отсутствующим у соответственной английской ФК:

Tandis qu'il se figurait Rosa tremblant ou boudant dans sa chambre, Rosa ***gagnait du terrain****.*

And whilst the affectionate father was rejoicing at the thought of his daughter weeping in her room Rosa was making the best of her way towards Haarlem (A. Dumas).

Обратный семантический процесс – увеличение количества словарных значений в результате калькировании и дальнейшего функционирования кальки в языке-реципиенте менее распространен. Среди английских ФК французского происхождения выявлено четыре словарно подтвержденных случая подобного явления: *to burn the candle at both ends < brûler la chandelle par deux bouts – прожигать жизнь; не щадить себя на работе* и т.п.; *in the last resort < en dernier ressort – в крайнем случае, как последнее средство; в конечном счете*; *soldier of fortune < soldat de fortune – наемник; бродяга, «вольный стрелок»*; *on the qui vive < sur le qui-vive – начеку, настороже; сгорающий от нетерпения*. ФК *soldier of fortune < soldat de fortune* наряду с увеличением количества значений, полностью изменила их.

Фразеологическая полукалька *on the qui vive < sur le qui-vive* в английском языке развила новое значение – *сгорающий от нетерпения, находящийся в ожидании*:

She looked quite stunning as she walked across the dining room to the table, not at all unlike a girl ***on the qui vive*** *appropriate to a big college weekend (J. D. Salinger).*

Что касается изменения, или модификации, значения при фразеологическом калькировании, то это встречается редко:

to port arms < porter les armes – значение французской единицы – *быть солдатом; нести службу*. Значение английской ФК – *держать оружие в боевой стойке*.

to stew in one's juice < cuir dans son jus – во французском языке словарно зафиксированное значение данной единицы – *вариться в собственном соку*. Значение английской ФК – *расхлебывать кашу, которую сам заварил, столкнуться с неприятными последствиями своих собственных действий или решений*.

to take the pas of smb < prendre le pas sur qn – значение французского фразеологизма – *обогнать кого-л.* (в буквальном смысле); значение английской ФК – *получить преимущество перед кем-л.* Возможность появления в английском языке данной ФК появилась в результате модификации значения также заимствованной лексемы *pas*, которая в современном английском языке, помимо терминологического значения *па в танце*, развила значение *преимущество.*

soldier of fortune < soldat de fortune – значение французского фразеологизма – *офицер, выслужившийся из рядовых*, тогда как английская фразеологическая калька имеет два словарных значения – *наемник* и *бродяга, вольный стрелок*, ни одно из которых не совпадает со значением французского фразеологического этимона.

Как особый случай следует рассматривать ФК *under full sail < à pleines voiles*. Как английский фразеологизм, так и его французский фразеологический этимон имеют два значения, однако совпадает только одно из них – *на всех парусах, полным ходом*, которое реализуется в следующем примере:

He was trying his hand at a ship ***under full sail****, but he didn't make much headway, I thought (H. Melville).*

Второе значение английской ФК – *беспрепятственно*, а второе значение французского фразеологизма – *со всей душой*.

Помимо приведенных фразеологических калек с измененным в результате заимствования значением, определенная модификация значения выявляется у следующих фразеологизмов:

the order of the day < l'ordre du jour – и английская единица, и французская двузначны, однако их значения не совпадают. Значения английского фразеологизма – *что-то обычное, повседневное или модное* и *вопрос, назначенный на определенный день* как выражение, принятое в парламентской практике. Значения французской единицы – *повестка дня, порядок дня* и *резолюция*. У французской единицы может также реализовываться контекстуальное значение *очередной приказ по армии*, как в следующем примере, где речь идет о приказах и обращениях Наполеона к армии, которые издавались в виде регулярных бюллетеней:

Dans son ***ordre du jour****, il a défendu de prendre des prisonniers (du reste il n'y avait personne à prendre!) et il a sommé les Français de vaincre ou de mourir (H. Troyat).*

odor of sanctity < odeur de sainteté – значение английского фразеологизма – *ореол святости*, по словарным данным часто с ироническим оттенком. Французский фразеологический этимон имеет два словарных значения – *благоухание святости, которое, по поверью, исходит от тела или могилы усопшего святого* и *святость*. Значение, близкое второму значению французского этимона, может реализовываться и у английской ФК:

The scene was a Franciscan convent, and of a strict and reformed order, and the Prior a man who afterwards died in the ***odor of sanctity*** *(W. Scott).*

Можно предположить, что определенная модификация значения калькируемой единицы происходит всегда, поскольку у двух соответственных единиц, функционирующих в разных языках, не может быть абсолютного совпадения по множеству параметров: в культурной коннотации, в узусе, в стилистической окраске, по частотности и т. д. Доказательством тому может служить практика перевода, когда переводчик по различным причинам избегает передавать значение одной единицы ее этимологическим соответствием в другом языке.

В качестве примера, подтверждающего данное положение, можно проанализировать случаи употребления ФК *to make love < faire l'amour* и ее этимона. Словарно зафиксированные значения и английской, и французской единицы таковы: 1) ухаживать за кем-л., 2) заниматься любовью. Имеющиеся примеры указывают на то, что при переводе английской единицы в ее первом значении французские переводчики избегают употребления ее этимона, несмотря на наличие одинаковых наборов словарных значений:

«We will invite other grown-ups to come to tea with them, and let them flirt in the garden, or if wet ***make love*** *in the dining-room till nurse comes for them.»*

– Nous inviterons d'autres grandes personnes; elles prendront le thé et on les laissera flirter dans le jardin, ou bien, s'il fait humide, dans la salle à manger, jusqu'à ce que leur nourrice vienne les chercher. (Jerome K. Jerome.)

В приведенном примере, представляющим собой образец детской речи, персонаж в мечтах воображает взрослых в роли детей. ФК to make love реализует первое из упомянутых значений – «ухаживать, флиртовать», что подтверждается выбором французского переводчика, который для передачи значения английской ФК использует глагол *flirter*, избегая ФЕ *faire l'amour*.

Помимо узуального значения, рассматриваемые единицы в речи могут реализовывать контекстуальные значения, что осложняет их семантику и делает более сложным анализ семантических процессов, происходящих при заимствовании способом фразеологического калькирования. В качестве примера можно привести ФЕ *for smb's fair eyes < pour les beaux yeux de qn*. Значение английской ФК и французского этимона одинаково – *ради чьих-л. прекрасных глаз, за красивые глаза, т.е. безвозмездно*. В законченном высказывании данное выражение в английском языке, как и в русском, употребляется в синтаксической функции обстоятельства образа действия. Однако из следующего примера видно, что французский фразеологический этимон употреблен в данном случае в функции обстоятельства причины, что подтверждается английским переводом, и переводчик не использует английскую ФК, поскольку она не имеет такого значения причины:

…il ne douta pas qu'on ne le traitât aussi bien qu'il l'avait été dans le château de M. le baron avant qu'il en eût été chassé ***pour les beaux yeux*** *de mademoiselle Cunégonde.*

…he did not doubt but he should meet with the same treatment from them as he had met in the Baron's castle, before Miss Cunegonde's bright eyes were the cause of his expulsion thence (Voltaire).

Говоря о модификации значения заимствованных единиц, нельзя обойти вниманием такое распространенное во фразеологии явление, как народная этимология. Данный феномен имеет большое количество определений. Сам термин *народная этимология* признается неудачным рядом ученых [4], но по традиции продолжает употребляться. Применительно к лексике народная этимология понимается как переделка фономорфологической структуры непонятного слова, которая сближает его с более привычным словом как фонетически, так и по значению, и позволяет осмыслить его [5]. Данное явление возможно не только в отношении заимствований: народная этимология – это переделка и переосмысление заимствованного (реже родного) слова по образцу близкого по звучанию слова родного языка, установление между ними семантических связей на основе чисто внешнего, случайного звукового совпадения, без учета реальных фактов их происхождения [6].

Данный феномен не ограничивает свое действие рамками лексики. Его влияние прослеживается в таких ФК, как *to curry favor with smb < estriller fauvel – подлизываться, втираться в доверие); boon companion < bon compagnon – собутыльник; веселый и добрый малый;an ass with two panniers < faire le panier à deux anses – мужчина, идущий рука об руку с двумя женщинами.* Из трех приведенных выражений лишь последнее во французском языке является фразеологизмом, однако во всех трех случаях изменение значения и образной основы выражений налицо. Так, выражение *estriller fauvel* во французском языке означает *чистить скребницей рыжую лошадь*. Рыжая лошадь считалась олицетворением хитрости и обмана. В английский язык выражение было первоначально заимствовано в форме *to curry favel*. Под воздействием народной этимологии, а именно того ее типа, суть которого состоит в уподоблении иностранных слов исконным словам заимствующего языка [7], слово *favel* было заменено на *favor*.

Подобный же процесс имел место в случае выражения *boon companion < bon compagnon*. Под влиянием народной этимологии французское слово *bon – славный, хороший* было преобразовано в *boon -выпивка*, что привело к созданию нового образа и к новому значению. Французский этимон данной английской ФЕ, по имеющимся фразеографическим источникам, не является фразеологизмом, и можно с большой долей уверенности предположить, что значение всего словосочетания складывается из значений составляющих его слов, т. е. *bon compagnon* означает *добрый приятель, общительный и хороший товарищ*. В результате калькирования французского словосочетания английская ФК развила новое значение – *собутыльни*к, ставшее основным. Как видно из примеров, английский переводчик не употребляет фразеологическую кальку при переводе французского словосочетания *bon compagnon*.

A moy n'est que honneur et gloire d'estre dict et reputé bon Gaultier et ***bon compaignon****: et en ce nom suis bien venu en toutes bonnes compaignies de Pantagruelistes.*

I truly held it for an honor to be called and reputed a good fellow, a pleasant companion, or Merry-Andrew, for under this name I welcome in all choice companies of Pantagruelists. (F.Rabelais.)

Таким образом, проведенный анализ показывает, что при заимствовании способом фразеологического калькирования могут иметь место различные семантические процессы, в большинстве случаев уменьшение количества словарных значений. Данные процессы являются составляющими натурализации заимствуемых единиц.

Источники и литература

1. Большой англо-русский фразеологический словарь / сост.: А. В. Кунин. – М.: Живой язык, 1998. – 942 с.
2. Введенская Л. А. Этимология / Л. А. Введенская, Н. П. Колесников. – СПб.: Питер, 2004. – 221 с.
3. Гельгардт Р. Р. Народная этимология и культура речи / Р. Р. Гельгардт // Избранные статьи. Языкознание. Фольклористика. – Калинин, 1966. – 126 с.
4. Леонтович О. А. Проблема внутренней формы фразеологических единиц (на материале глагольных фразеологизмов английского языка): дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / О. А. Леонтович. – М., 1986. – 199 с.
5. Назарян А.Г. История развития французской фразеологии / А. Г. Назарян. – М.: Высшая школа, 1981. – 188 с.
6. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / [под ред. В. Г. Гака]. – М.: Русский язык – Медиа, 2005. – 1625 с.
7. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
8. Соколова Г.Г. Фразообразование во французском языке / Г. Г. Соколова. – М.: Высшая школа, 1990. – 142 с.
9. Dumas A. La tulipe noire / A. Dumas. – Paris: Calmann-Lévy, 1892. – 378 p.
10. Jerome K. Jerome. They and I / Jerome K. Jerome. – London: Hutchinson, s.a. – 320 p.
11. Maupassant G. Bel ami / G. Maupassant. – Paris: Ollendorff, 1900. – 444 p.
12. Melville H. Moby Dick / H. Melville. – New York: Carlton House, 1926. – 566 p.

13. New Webster's Dictionary of the English Language. Delhi, 1989.
14. Orwell G. 1984 / G. Orwell. – Harlow (Essex): Longman, 1988. – 329 p.
15. Rabelais F. Gargantua: Œuvres de F.Rabelais / F. Rabelais. – Paris: Charpentier, s.a. – 575 p.
16. Rat M. Dictionnaire des locutions françaises / M. Rat. Paris, 1982. – 453 p.
17. Salinger J. Franny and Zooey / J. Salinger. – London etc.: Heinemann, 1962. – 201 p.
18. Scott W. Quentin Durward / W. Scott. – London: Dent, 1943. – 484 p.
19. Troyat H. Le Moscovite / H. Troyat. – Paris, 1977. – 243 p.
20. Voltaire. Candide. – Paris, 1888. – 192 p.

УДК 811.111'282.4'37 **Наговіцина Х. М.**

КОНЦЕПТ «DREAMTIME» ЯК ОСНОВА ЕМОТИВНОСТІ ПОЕТИЧНОЇ КАРТИНИ СВІТУ АВСТРАЛІЙСЬКОЇ БАЛАДИ

Исследование посвящено актуальному вопросу национально-культурной специфики выражения эмоций. Определяется эмотивная функция культурно-специфических лексических единиц в текстах австралийской поэзии посредством установления смысла культурно-специфического концепта»Dreamtime» и его роли в формировании поэтической картины мира австралийской баллады.

Ключевые слова: эмотивная функция, австрализм, эмоциогенний концепт, концептуальная доминанта, австралийская баллада.

Дослідження висвітлює актуальну лінгвістичну проблему вивчення національно-культурної специфіки вираження емоцій. Визначається емотивна функція австралійських культурно-специфічних лексичних одиниць у текстах австралійської поезії через установлення змісту культурно-специфічного концепту «Dreamtime» та його ролі у формуванні поетичної картини світу австралійської балади кінця XIX – початку XXI століть.

Ключові слова: емотивна функція, австралізм, емоціогенний концепт, концептуальна домінанта, австралійська балада.

In this article the role of culturally specific lexical units and the related emotive concepts in creating the poetic worldview of the Australian literary ballad is studied.

The associations which actualize the inherent emotional potential of Australianisms are grouped around such Australian cultural concept of aboriginal origin as «*Dreamtime».* This concept is viewed as a conceptual dominant of the poetic worldview of the Australian ballad.

Key words: emotive function, Australianism, emotive concept, conceptual dominant, Australian literary ballad.

Предметом особливої уваги вчених сьогодні є питання національно-культурної специфіки вираження емоцій, що надає підстави віднести їх до **актуальних** напрямів сучасних лінгвістичних досліджень [2, с. 4; 5, с. 9]. Висловлюється думка про те, що емоції як компонент культури тісно пов'язані з когніцією та здатністю кожної мови до їхньої вербалізації [1, с. 122]. Отже, **мета** цієї статті полягає у визначенні емотивної функції австралійських культурно-специфічних лексичних одиниць у текстах австралійської поезії через установлення змісту культурно-специфічного концепту «Dreamtime» та його ролі у формуванні поетичної картини світу австралійської балади кінця XIX – початку XXI століть. **Об'єктом** дослідження є австралійські культурно-специфічні лексичні одиниці, що вербалізують релігійно-міфологічні уявлення та виконують емотивну функцію у поетичних творах, а **предметом** – їхні когнітивно-семантичні та комунікативно-прагматичні особливості.

Культурна специфіка мовно-поетичної картини світу створюється основними концептами – своєрідними концептуальними домінантами [4, с. 151], навколо яких організуються інші культурно-специфічні концепти. Дослідження основних концептів можливе шляхом аналізу їх мовних репрезентацій у поетичному тексті: лексем-імен концептів, їх синонімів, словосполучень та фразеологізмів із ними тощо. Особливу увагу ми зосереджуємо на асоціативно-образній складовій концепту, яка часто і є основою виникнення емотивності. Культурно-специфічні концепти можуть бути вербалізовані як емотивно-маркованою, так і емотивно-потенційною лексикою, що виявляє свій емотивний потенціал лише у контексті поетичного твору.

Для визначення емотивного потенціалу австралійських культурно-специфічних одиниць застосовано комплексний підхід, що поєднує у собі елементи лінгвокультурологічних аналітичних процедур із контекстуальним аналізом. Цей підхід зумовлений необхідністю синтезу функціональної та когнітивної парадигми знань, оскільки концептуальний аналіз сприяє розкриттю глибинних емотивних значень австралізмів, а контекстуальний уможливлює ідентифікацію функції, яку вони виконують у контексті поетичних творів.

Численні асоціації, що виникають і актуалізують інгерентний емотивний потенціал австралізмів у текстах поетичних творів, пов'язані з таким австралійським культурним концептом аборигенного походження, як «*Dreamtime»*, який вважаємо концептуальною домінантою мовно-поетичної картини світу австралійської балади.

Унаслідок взаємодії культур відбулося запозичення концептів [3], яке привело, з одного боку, до виникнення самобутньої культури, що поєднала в собі надбання європейської та австралійської цивілізацій, а з іншого – до збагачення словникового запасу не лише запозиченнями з мови аборигенів, а й кальками, які англійською мовою репрезентують основні поняття, вірування, реалії життя аборигенів. Так, наприклад, із культури аборигенів були запозичені такі самобутні австралійські культурні концепти, як «*Dreamtime»* (час створення світу у аборигенній міфології)*, «Corroboree»*(ритуальний танець). Принагідно зауважимо, що такі слова, як «*Dreamtime», «corroborees», «eternal Dreaming»* пов'язані з аборигенними віруваннями, ритуалами та традиціями, яким десятки тисяч років. Виникають також позитивні конотації, пов'язані зі ставленням сучасного суспільства до традицій корінного населення Австралії. Зокрема, для поетеси В.Лідлі «*Dreamtime»*є гордістю Австралії:

The rugged escarpments and ironstone reefs –
a country cocooned in strange myths and beliefs;
the echoes of rumbling volcanoes I heed
to herald the legends which Dreamtime decreed (V. Ledlie, «Pride of Australia» [13])

Зазначимо, що аборигени Австралії до сьогодні зберегли традиції, яким десятки тисяч років. Ці традиції охоплюють міфи, легенди, драму, пісні, обряди і мають надзвичайно багату поезію.

Слово «*Dreamtime»* є синонімом до «*The Dreaming»* і часто вживається як узагальнений термін на позначення вірувань, релігії, міфології та обрядів тубільних австралійських народів. У сучасних наукових дослідженнях релігії та вірувань аборигенів «*The Dreaming*» співвідносять із «часом перед часом», «часом поза часом», «часом створення всіх речей», так ніби «*The Dreaming*» пов'язано з минулим. У священному минулому міфічні істоти блукали по землі, заселювали її, а також створювали «Закон». І хоча аборигенні міфи розказують перш за все про священні події минулого, вони не мають обмежень у часі, оскільки є важливими не тільки для минулого, але й для теперішнього і майбутнього: це початок усього на землі, життя та вплив пращурів, спосіб життя та смерть, джерело сили в житті.

Релігія та міфи аборигенів дають відповіді на такі запитання: У чому сенс життя? Чому люди помирають? Що нас чекає після смерті? Для аборигенів відповіді на ці запитання знаходяться у вимірі, який розміщений за межами повсякденного досвіду людини, проте невід'ємний від нього [7; 9]. Аборигенними мовами назви цього виміру звучать по-різному, в австралійському варіанті англійської мови це поняття представлено такими словами (97 фрагментів текстів): *Dreamtime, eternal Dreamtime, eternal Dreaming, creative period, ancestral time*.

Their ghosts live on, in dreamtime story. Their souls have found a place in glory (D.Scanlon, «*Samaritan Ghosts*» [13]).

Філософське та релігійне світобачення та світовідчуття аборигенів, представлені словом «*Dreamtime*», постають прийнятними і для білого населення: «*Dreamtime*» постає як «місце, що знаходять душі австралійських героїв незалежно від кольору шкіри». Вербалізація цього важливого австралійського лінгвокультурного концепту, запозиченого з мови та культури аборигенів, задає позитивне емотивне тло поетичному твору та найбільш повною мірою виражає емоції автора. Вони можуть бути зрозумілі тільки при знанні та врахуванні екстралінгвальних чинників, пов'язаних із цим концептом.

Поряд із «*Dreamtime*», в австралійських баладах представлені концепти менш загального порядку, що входять в концептосистему, оскільки фіксують міфологічно-релігійні уявлення австралійських аборигенів. Так, англійська мова запозичила з мови аборигенів назву аборигенного ритуального танцю, що супроводжується піснями, – «*corroboree».*

Corroboree…
Corroboree…
Red Fires all night:
Men in the firelight,
Twisting and tuning
Under contorted gums (R. Ingamells, «*Long Ago*» [13]).

Різновидами *corroboree* є такі: *The fire corroboree* – танець вогню, що має на меті магічний вплив на природу; *The narlu corroboree* – танець злого Духа; *The white cockatoo corroboree* – танець білих какаду. Асоціації, що виникають з різними танцями *corroboree*, є основою для реалізації низки емоцій − як позитивних (23 фрагменти текстів) так і негативних (9 фрагментів текстів). У наведеному вище уривку виникають позитивні емоції (захоплення, радість) у зв'язку з асоціаціями першого танцю керобері.

Назва музичного інструмента «*didgeridoo*», важливого в релігії аборигенів, також знайшла своє відображення у мові та культурі білого населення Австралії. Для аборигенних груп північної Австралії діджеріду є невід'ємною частиною церемоніального життя, оскільки інструмент акомпанує співакам і танцюристам під час релігійних ритуалів. Тільки чоловіки можуть грати на діджеріду та співати під час релігійних церемоній, тоді як і чоловіки і жінки танцюють. Деякі наукові джерела засвідчують уживання цього предмета в інших цілях. Зокрема, вважається, що через велику довжину та легку вагу він застосовувався як зброя, а також як засіб спілкування на великих відстанях [6; 8]. Усі ці асоціації з «*didgeridoo*», який є невід'ємною частиною вірувань та ритуалів, і визначають емотивність австралізму. Крім того, цей інструмент виступає як один із тих предметів, що асоціюються з Австралією, є її гордістю та привертають увагу туристів (56 фрагментів текстів):

Didgeridoo – Didgeridoo!
A nursery rhyme and a history too. (F.T.Macartney, «Didgeridoo» [13])

Як репрезентанти емоцій виступають також міфологічні образи (43 фрагменти текстів). Емотивний потенціал міфологічних образів ширший і більш амбівалентний, ніж той, який характерний для символу. Наприклад, в аборигенній міфології зустрічаємо образ Бан'їп (*Bunyip)*. Важливість цього міфологічного образу для культури Австралії підтверджується наявністю географічних назв в честь цього легендарного створіння, як наприклад, річка Бан'їп та місто Бан'їп у південній Вікторії. Бан'їп – це легендарний дух чи створіння аборигенної Австралії, який з'являється в річках, епізодичних водоймищах. Його основна мета – наводити жах пожиранням людей та тварин у околицях. Чудовиська відомі жахливими криками вночі з водоймищ, до яких аборигени нізащо не підійдуть зі страху, що Бан'їп буде підстерігати їх там [7].

Включення культурно-специфічних лексем, що апелюють до стародавньої легенди чи міфу, в сучасний текст створює інтертекстуальний діалог, з одного боку, а з іншого – формує задане легендою емотивне тло. Це спостерігається у творі К. Вокера (K.Walker) «*No more Boomerang*»:

No more boomerang
No more spear;
Now all civilised –
Colour bar and beer.

No more corroboree,
Gay dance and din.
Now we got movies,
And pay to go in…

Автор веде бесіду від імені аборигенного населення, засуджуючи всі ті зміни, що принесло суспільство білих у культуру та життя аборигенів, практично знищивши самобутні традиції.

Bunyip he finish,
Now got instead
White fella Bunyip,

Call him Red [13].

Білу людину оповідач називає «*Bunyip*», тим самим підкреслюючи своє ставлення до поведінки з аборигенами та способу життя білого населення Австралії. Як свідчить аналіз матеріалу поетичних текстів, використання в них образів аборигенних міфів, релігійних вірувань та легенд привносить у поетичний світ австралійської балади фрагменти зовсім іншої картини світу – релігійно-міфологічного світосприйняття аборигенів. Концепти аборигенної релігії та культури генерують емотивний фон переживання сакральних почуттів, захоплення та страху перед всесильністю міфологічних істот, поваги до стародавніх традицій і засудження дій колонізаторів, які цю культуру зруйнували.

Значна кількість топонімів аборигенного походження не тільки фіксує місце, але й передає та зберігає важливу культурну інформацію. Наприклад, *Bullamakanka* – це уявне міфічне віддалене селище десь у провінції (з легенд аборигенів). На основі цього топоніма утворилася ідіома *other side of Bullamakanka* – дуже далеко. *Gulgong* – невелике місто в Новому Південному Уельсі, назва якого перекладається як «глибока криниця». *Kata Tjuta* – утворення з 36 куполоподібних скель, священне місце поклоніння аборигенів. Назва означає «багато голів».

Топонімічна назва «*Uluru*» або інакше «*Ayers Rock*» позначає один із найбільших у світі монолітів з піщаників. Масив *Uluru* – культовий релігійний центр аборигенів асоціюється з проведенням обрядів і церемоній, пов'язаних із *Dreamtime*:

Uluru of the eagles, standing between
Atila, the flat-topped mountain,
And Katatjuta's thirty conglomerate pillars.
<…> a male hunter, with bright woomera, spear and boomerang,
striding scarps where, in the world's dawn, the winds sang
the same chants as now,
intoning awesome Dreamtime corroborees
here, vast Rock,
through your caves and your crowding trees... (R. Ingamell, *«Uluru»* [13]).

Вибір мовних засобів (топонімів: *Atila, Uluru, Katatjuta;* назв аборигенних предметів побуту: *woomera, spear, boomerang;* австралізмів, пов'язаних із релігією: *Dreamtime corroborees, eternal Dreaming*) умотивований захопленням авторів балад релігією та культурою аборигенів, що пропагується сучасною політикою Австралії по відродженню та збереженню самобутньої культури корінного населення.

Здатність австралійських культурно-специфічних одиниць, що позначають культурні концепти, реалізувати емотивну функцію в поетичних творах, пояснюється багатством їхнього змісту й особливою значущістю для австралійської культури. У системі релігійно-духовних цінностей, представлених у мовно-поетичній картині світу австралійської балади, домінантою вважаємо концепт «*Dreamtime*», який інтегрує репрезентації священних предметів (*«Woomera», «Spear», «Boomerang»*) дійств (*«Corroboree»*) міфологічних істот (*«Bunyip»*) тощо. Ця концептосистема створює специфічний емотивний фон переживання сакральних почуттів страху, захоплення, зумовлених релігійно-міфологічною картиною світу аборигенів Австралії, а також почуттів національної свідомості та патріотизму.

Джерела та література

1. Волкова П. С. О взаимотрансляции культур разных форм / П. С. Волкова, В. И. Шаховський // Язык и культура. Материалы четвертой международной конференции. – К., 1996. – С. 122–212.
2. Голубовська І. О. Всесвіт крізь «мовне дзеркало»: універсальне та ідеоетнічне / І. О. Голубовська // Науковий часопис НПУ імені М.П. Драгоманова. – К.: НПУ імені М. П. Драгоманова, 2006. – (Серія № 9. Сучасні тенденції розвитку мов). Випуск 1. – С. 3-7.
3. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 1999. – 33 с.
4. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А. М. Приходько. – Запоріжжя: Премьер, 2008. – 332 с.
5. Шаховский В. И. О лингвистике эмоций / В. И. Шаховский // Язык и эмоции: [сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Шаховский]. – Волгоград: Перемена 1995. – С. 3-15.
6. Ah Chee Ngala P. How to Play the Didjeridoo – and history / P. Ah Chee Ngala, C. Cowell. – Sydney, 1996. – 66 p.
7. Beckett J. Aboriginal Histories, Aboriginal Myths: an Introduction / J. Beckett // Oceania. – 1994. – Vol.65. – P. 97–115
8. Chaloupka G. Journey in Time / G. Chaloupka. – Sydney: Reed Books, 1993. – 292 p.
9. Cowan J. Myths of the dreaming: interpreting Aboriginal legends / J. Cowan. – Roseville (N.S.W): Unity Press, 1994. – 89 p.
10. The Australian National Dictionary: A Dictionary of Australianisms on Historical Principles / [ed. by W. S. Ramson]. – Melbourne: Oxford University Press, 1988. – 841 p.
11. Macquarie Australia's National Dictionary. – NSW: Macquarie University, 2005. – 967 p.
12. Australian Bush Poetry, Verse & Music // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.bushverse.com
13. Poets from Australia // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.australia. Poetryinternationalweb.org

УДК 81'1=16+81'373.21

Назаренко О. И.,
Нестеренко О. Е.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА И ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Статья рассматривает основные подходы к проблематике концепта в различных лингвистических дисциплинах, таких как когнитивистика, собственно лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология и лингвоконцептология, а также проблемы концептуального анализа и необходимость комплексного подхода к изучению концепта.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, концептуальный анализ, ментальная репрезентация знаний, процедура анализа.

Стаття розглядає основні підходи до проблематики концепту в різних лінгвістичних дисциплінах, таких як когнітивістика, власне лінгвістика, психолінгвістика, лінгвокультурологія і лінгвоконцептологія, а також проблеми концептуального аналізу і необхідність комплексного підходу до вивчення концепту.

Ключові слова: концепт, концептуалізація, концептуальній аналіз, ментальна репрезентація знання, процедура аналізу.

The article deals with the basic approaches to concept studies in different linguistic disciplines such as cognitive science, linguistics, psycholinguistics, linguistic culturology and linguistic conceptology and the problems of concept analysis and the necessity of complex approach to the concept studies.

Key words: concept, conceptualisation, concept analysis, mental knowledge representation, the procedure of analysis.

Изучение и описание любого объекта на основе той или иной науки обязательно предполагает исследование его структуры и основных функций, которые определяют направления исследований, основные методы и подходы. То же самое можно сказать и о современной лингвистике, которая включает различные виды исследований, в том числе и когнитивные. Одной из главных задач когнитивной лингвистики является, несомненно, изучение и описание концептуальной базы языка как системы и как способа репрезентации, обработки и систематизации знаний.

Целый ряд современных теорий концептуализации и категоризации, на которых основывается когнитивный подход к языку, дает возможность эффективно объединять как собственно лингвистические, так и экстра-лингвистические знания о мире, а также различные коммуникативные факторы. Данный подход позволяет иначе подойти ко многим языковым явлениям, а именно к категориям, которые трактуются как выражение в языке разных аспектов человеческого опыта и знаний. Механизм формирования языковой компетенции представляется более доступным, так как языковые явления исследуются в речемыслительном процессе. Когнитивный подход также дает возможность новой трактовки проблемы соотношения языка и мышления, которая рассматривается не только как процесс номинации предметов и явлений посредством языковых средств, но и как процесс их отображения в человеческом сознании, то есть как концептуализация.

Одной из исходных установок теории концептуализации является понятие о концепте, как одном из наиболее востребованных и одновременно наиболее размытых когнитивных терминов. Как отмечали З. Д. Попова и И.А. Стернин, «интенсивные исследования, развернувшиеся в области когнитивной лингвистики, демонстрируют большой разнобой в понимании самого термина **концепт**. Употребление этого термина стало очень распространенным, что приводит к многочисленным терминологическим неточностям, противоречиям и теоретическим недоразумениям» [8, с. 3].

Многообразие дефиниций концепта, обусловленное неоднозначностью, семантической многоплановостью и глубиной самого определяемого явления, привело к тому, что некоторые исследователи относят его к «квазиметодологической категории» [9, с. 294]. Однако, на наш взгляд, это не соответствует действительности, поскольку привлечение в сферу лингвистических исследований термина **концепт** позволило открыть новые аспекты значений слов, в частности культурологический, проследить в рамках данного термина динамику развития исходного этимологического значения и объяснить закономерности смысловых особенностей текстов.

Представляется, что в современном языкознании можно выделить несколько основных подходов к пониманию природы концкпта.

Концепт как когнитивное явление – это «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [6, с. 90]. Данный термин необходим когнитивистам для того, чтобы объединить множество разнообразных единиц ментального словаря неким родовым понятием, отвечающим представлениям о тех смыслах, которые задействует человек в процессе мышления и которые отражают содержание результатов всей человеческой деятельности.

Если говорить о психолингвистике, то концепт – это «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [5, с. 39]. Таким образом, основой концепта в психолингвистике становится не столько понятийное содержание, сколько блок знаний, представляющий собой совокупность конкретно-образных единиц в психике человека.

Когда речь идет о сугубо лингвистических трудах, под концептом, вслед за А. Вежбицкой [3], понимается определенный объект из мира «Идеальное», который отражает определенные культурно – обусловленные представления о мире «Действительность». Язык является способом формирования концептов в сознании человека, однако «…языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта, что подтверждается существованием многочисленных синонимов, разных дефиниций, определений и текстовых описаний одного и того же концепта» [2, с. 35]. Но и их не всегда бывает достаточно, так как мир мыслей намного шире языковой системы.

В лингвокультурологии концепт рассматривают как форму воплощения культуры в сознании человека. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру» [10, с. 42].

С точки зрения лингвокультурологии концепт не исчерпывается словарным значением ядерного вербализатора концепта, но значение слова является ядром данного концепта. Лингвокультурологи также полагают, что концепт имеет сложную структуру. Например, Ю. С. Степанов так определяет структуру концепта: «С одной стороны. к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия; а с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания истории, современные ассоциации, оценки и т. д. [10, с. 43].

По мнению ряда ученых, концепт не только осмысливается человеком, но и переживается им. Таким образом, концепт рассматривается лингвокультурологами как некое соединение всех знаний, понятий, представлений, эмоций, ассоциаций человека относительно какого-то явления, которое существует в его сознании и значительно обусловлено его культурными знаниями.

На стыке лингвокультурологии и концептологии возникла новая самостоятельная дисциплина – лингвоконцептология (термин принадлежит С. Г. Воркачеву). одной из задач которой является максимально полное описание концепта. Пытаясь объединить все вышеупомянутые подходы к концепту в лингвистических и других дисциплинах, в его составе выделяют три составляющих: 1. понятийная, отражающая признаковую и дефиниционную структуру концепта 2. образная, фиксирующая когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании 3. значимостная, определяемая местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда входят также этимологические и ассоциативные характеристики этого имени [4, с. 81].

Проанализировав все приведенные выше данные можно сказать, что концепт – это дискретное ментальное образование, которое является базовой единицей мыслительного кода человека, имеет относительно упорядоченную базовую структуру, представляет собой результат познавательной деятельности, несет комплексную энциклопедическую информацию про предмет или явление, которое он отображает, про интерпретацию этой информации общественным сознанием, то есть является элементом концептуальной картины мира, зачастую – формой воплощения культуры в сознании индивида. Такое определение концепта позволяет глубже рассмотреть проблему взаимоотношения языка и мышления и открывает широкие возможности для ее изучения.

Будучи понятием сложным и многоплановым, концепт нуждается в специфических формах и методах когнитивного анализа, которые только формируются в современной науке. Так, исследование концепта может проводиться в двух основных направлениях – от концепта к способам его репрезентации в языке и наоборот – от языковых средств к выявлению тех ментальных структур (в том числе концептов), которые репрезентируются данными средствами [2]. Исследователю важно понять, какой должна быть ментальная репрезентация языкового знания и как это знание «когнитивно» перерабатывается, важно также определить природу механизмов, имеющихся в распоряжении человека в процессе мышления и понимания. В связи с этим отмечается целесообразность выработки единого когнитивного метода анализа концепта (КА), который позволит выяснить, какая структура знания репрезентируется языковой единицей и каково представление носителей языка о стоящем за абстрактным именем идеальном объекте. Когнитивный анализ преследует герменевтическую цель: познание и понимание стоящего за абстрактным именем фрагмента идеальной действительности и самого языкового сознания.

Как считает Р. М. Фрумкина исследователи не пришли к единому мнению о том, каким должен быть набор процедур КА и что следует считать его результатом. В своей работе она систематизирует типы КА в современной лингвистике [11, с. 96].

Объекты когнитивного анализа в работах первого типа (КА 1) – обычно сложные ментальные образования, выражаемые словами типа *знание, верить, сходство* и т. д. В качестве исходного языкового материала берутся контексты из разных сочинений, в том числе философских, привлекается также личный опыт автора, как носителя определенных культурных и философских традиций. Принципиальную роль в работах этой группы играет апелляция к апперцепционному фону. Собственно языковой материал может быть не слишком велик по объему и воспроизводится как иллюстративный, утверждающий автора в его правоте, и не является проверкой и не побуждает автора к постановке новых вопросов. Из таких работ, как утверждает автор, не удается определить собственно метод.

При когнитивном анализе второго типа (КА 2) объекты анализа приблизительно те же, что и в первом случае. Это предикативная лексика, некоторые типы пропозиций, модальные частицы. В качестве исходного материала используются многочисленные и обширные контексты. Авторы апеллируют к языковому чутью читателя и к его научной эрудиции. В целом работы этого типа, по оценке Р. М. Фрумкиной, вполне нормативны для собственно лингвистической традиции, и из них легко выделяются используемые исследовательские приемы.

Метод анализа третьего типа (КА 3) – это интроспекция исследователя, т.е.дробление процесса интерпретации на элементарные интерпретирующие шаги. Ученый, который использует интроспекцию должен анализировать языки, которыми владеет в совершенстве сам, а также как можно полнее использовать данные культурно-антропологического характера [11, с. 9].

Некоторые авторы предлагают основывать методику анализа концепта на анализе средств его репрезентации. При исследовании концепта учитываются словарные дефиниции, фразеологизмы, прецедентные тексты, представляющие народную мудрость (пословицы, поговорки, афоризмы), а также индивидуально-авторское осмысление того или иного концепта [7, с. 117-118].

Некоторые ученые исследуют концепт через сочетаемость имени с предикатами в качестве исходного объекта. Однако Ю. Д. Апресян подвергает такие исследования критике, так как считает, что сочетаемость имени и ее препарирование не есть цель концептуального анализа, а только его условие. Цель же состоит в установлении глубинных подсознательных, ассоциативных связей слов в языковом сознании как индивида, так и коллектива [1].

Важную роль при исследовании концептов играет фреймовый анализ, поскольку каждая языковая структура соотносится, как правило, с одним фреймом. Фреймовый анализ наиболее адекватен для слов с пропозициональным типом значения, предполагающим наличие какой-либо ситуации.

В работах последних лет наблюдается комплексный подход к изучению концепта. Анализ концепта проводится в них на разных уровнях языка в определенной последовательности. Ю. С. Степанов предлагает проводить такой анализ в следующей последовательности [10, с.70] 1) выявление этимона слова, т. е. исследование

дописьменной истории концепта; 2) изучение корневой группы, т.е. группы слов, образованных от данного этимона; 3) анализ основных производных от данного корня в диахронии; 4) исследование употреблений данных слов на синхронном уровне 5) выявление парадигматических связей анализируемого слова-концепта; 6) сопоставление данного слова с аналогичным или близким словом-концептом в других языках.

Мы считаем, что к изучению концепта необходим комплексный подход, и его нужно изучать не только на языковом уровне, но и на уровне сознания и текста. Только такой комплексный подход, с нашей точки зрения, даст возможность понять и детально изучить такой сложный феномен как языковая концептуализация мира.

Источники и литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания / Ю .Д. Апресян // Вопросы языкознания. – М., 1995. – № 1. – С.37-67.

2. Боддырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.

3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. / А. Вежбицкая. – М.: Изд-во Русские словари, 1996. – 416 с.

4. Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. – С. 79-95.

5. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 36-45.

6. Кубрякова Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 90-93.

7. Никитина С. Е. О концептуальном анализе в народной культуре / С. Е. Никитина // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Изд-во Наука, 1991. – С. 117-123.

8. Попова З. Д. Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 35 с.

9. Сорокин Ю. А. Две дискуссионные реплики по поводу когнитивного «бума»: «Концепт – методологическая категория?» / Ю. А. Сорокин // Проблемы вербализации концептов в семантике язика и текста. Материалы международного симпозиума. Часть 1. – Волгоград, 2003. – С. 288-295.

10. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Изд-во Академический проект , 2004. – 992 с.

11. Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? / Р. М. Фрумкина // Язык и наука XX века. – М.: Изд-во ИЯЗ, РАН – РГГУ, 1995. – С. 74-117.

УДК 002.2(47+57) **Науменко В. Г.**

«РОССИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ, РОССИЯ КУЛЬТУРНАЯ В СУДЬБАХ МИРА» И КОНЦЕПЦИЯ НАУЧНОЙ КНИЖНОЙ СЕРИИ

Цель – выявление существенных признаков новой научной книжной серии «Россия историческая, Россия культурная в судьбах мира» на примере «финляндской» книги.

Ключевые слова: Россия, история, культура, книжная серия.

Мета – выявити суттєві ознаки нової наукової книжкової серії «Росія історична, Росія культурна в долі світу» на прикладі «Фінлядської» книги.

Ключові слова: Росія, історія, культура, книжкова серія.

Purpose – to identify the essential features of a new scientific book series «Russian history, Russian culture in the fates of the world», for example, «Finnish» book.

Key words: Russia, history, culture, book series.

Актуальность новой научной серии «Россия историческая, Россия культурная в судьбах мира» – о Великом княжестве Финляндском, Крыме, Кавказе, Великом царстве Польском, остзейских территориях, Белоруссии, Украины и т. д. в истории русской литературы путешествий давних лет - определяется значением творческого освоения отечественного и мирового литературного наследия для развития культуры.

Отбор произведений культуры, научная работа по их изучению, издание их и распространение, безусловно, отражают сегодняшнюю систему ценностей, уровень исторического самосознания, представления о своем культурном прошлом. В отношении к древним и старинным источникам, запечатлевшим исторический, нравственный и эстетический опыт поколений, проявляется забота о настоящем и будущем культуры. Определенно новая научная серия книг должна свидетельствовать о состоянии гуманитарных наук, связанных с разысканием, изучением, оценкой и публикацией произведений литературы и культуры.

Новая серия научных изданий «Россия историческая, Россия культурная в судьбах мира» может быть соединительным звеном между академической, университетской наукой и широкой культурной средой. Она начала жизнь с книги «Здесь, на конце России исполинской…»: Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII – начала XX века» (Ярославль: издательство «Ремдер», 2010. 52, 2 п.л., 159 ил.). Если судить по заключениям, отзывам и рецензиям, появившимся в РФ, Финляндии, Украине в 2010-2012 годах, и результатам 5 конкурсов, в которых участвовала «финляндская» книга в те же годы, то следует отметить, что настоящая книжная серия призвана решать комплекс научных и общественных задач. Она может сослужить верную службу не только специалистам в разных гуманитарных областях, но оказать влияние на формирование культурных интересов заинтересованных читателей.

Подчеркнем, здесь и сейчас рассматривается лишь один из сюжетов многогранной русской литературы путешествий – финляндский. Изучение документального, рукописного и др. материалов о путешествиях русских ученых, писателей, художников в Финляндию в XVIII – начале XX века показывает необходимость комплексного исследования и привлечения всех источников по данной теме. Мы не успевали систематизировать знание о Финляндии в русской литературе путешествий. Наконец это произошло. Хочется, чтобы написанная по научно-исследовательскому проекту РГНФ книга «Здесь, на конце России исполинской…»: Финляндия в творческом

наследии русских путешественников XVIII – начала XX века» имела продолжение в книгах о Крыме, Кавказе, Великом царстве Польском, Белоруссии, Украине, остзейских территориях в наследии русских путешественников минувших веков, – другими словами, чтобы *организованным было исследование Родины* не только в Финляндии, где оно уже много-много лет проводится сознательно.

В разделах «финляндской» книги: 1. Финляндия в сочинениях российских ученых путешественников и 2. Русские писатели-путешественники о Великом княжестве Финляндском читатель найдет описание ранее неизвестных текстов, а также уже известных с учетом существующих в отечественной науке мнений о них. Особо перспективными посчитали в большой теме не только главы о Финляндии и финляндцах в жизни и творчестве русских ученых и писателей с учетом личных взаимоотношений и творческих параллелей между ними, но и изобразительную летопись. Вот почему здесь много видов Финляндии (Ф. М. Матвеева, Е. А. Боратынского, В. П. Лангера, В. Д. Сверчкова, П. П. Гнедича, Н. Н. Каразина, Е. П. Самокиш-Судковской, Н. К. Рериха), портретов работы Доу, Н. Робинсона, Штоля, В. Г. Короленко, титульных листов книг разных ученых и писателей (С. Алопеуса, Н.Я. Озерецковского, В. М. Севергина, Г. А. Сарычева, Я. К. Грота, С. С. Куторги, «Альманаха в память 200-летнего юбилея Императорского Александровского университета», «Переписки Я. К. Грота с П. А. Плетневым», Н. Лызлова, Г. П. Данилевского, В.П. Мельницкого). Для нас они не иллюстрация только, а источник сведений и представлений об ушедшей жизни. Надеемся, что на 159 «финляндских» рисунков, портретов, титульных листов старинных книг, автографов кто-то посмотрит как на «визитную карточку» «удивительной страны».

Комплексное описание феномена финляндских путешествий в истории русской науки, литературы, образования основано на дневниках, воспоминаниях, очерках, статьях, письмах русских путешественников о ВКФ в составе имперской России, а также на документальных свидетельствах, музейных и архивных материалах. Нам многое не представлялось случайным и несущественным потому, что для авторов как известных, так забытых и полузабытых не было ничего случайного и второстепенного в их поездках в Финляндию. Чтобы узнать о ней глазами русских, обратились и к тем, и к другим, в чьем творчестве она обрела живое, почти осязаемое воплощение.

Хронологические рамки, как и спектр жанров словесности, в ходе исследования изменялись. При анализе финляндской темы в русских небеллетристических жанрах XIX века, а также при обращении к традиции финляндского путешествия нельзя было не упомянуть о рубеже XVIII-XIX вв. и о рубеже XIX-XX-го. Интерес к Финляндии в русской литературе путешествий на одном рубеже высок в отечественной науке у профессора-историка А. М. Пашкова, на другом – у доктора филологических наук Е. Г. Сойни (Петрозаводск). Мы выделяем 4 периода интереса к Финляндии в русской литературе путешествий: рубеж XVIII-XIX вв., первую половину XIX столетия, вторую его половину и рубеж XIX-XX вв.

Появление финляндской темы, т. е. возникновение и начало формирования образа Финляндии в русской литературе и сознании русских обычно относят к 1809 году, когда состоялось посещение Финляндии русскими, прибывшими с Александром 1 в Борго на Финляндский сейм. Этим положено начало новым отношениям между Финляндией и Россией, а также зарождению связей между финляндской и русской культурами. Однако самые ранние упоминания и сведения о Финляндии встречаются уже в 1703 году у Архиепископа Афанасия Холмогорского в его «Описании трех путей из России в Швецию, составленном в 1701 году». В конце XVIII – начале XIX ст. их количество увеличивается. В жанровом отношении они разные: «описания», «обозрения», «известия», рапорты С. Алопеуса, Н. Я. Озерецковского, В. М. Севергина, дневные записки (морские журналы) Г. А. Сарычева, краткие исторические заметки в форме писем А. Т. Болотова, отрывки (фрагменты) А. П. Хвостовой. Авторы их пастор, академики ИРА, воинские люди, чиновники, придворные.

Тогда *впервые* возникает картина, основные элементы которой войдут в творимый учеными и писателями образ Финляндии: передано представление о ее горах «отменно изящного мрамора» - рускеальских и других каменных ломках, водах: озерах Ладожском и Сайма, Балтийском море с его Финским заливом, главных реках Кюмени и Воксе, водопаде Гекфорсе, безвестном озерке на гранитной горе, «воде, кажущейся здесь в беспрестанном сражении с самой собой», островках – нет, лабиринте островков и скал, принимаемых князем П. Г. Гагариным за «природный палисад» у берегов Финляндии, Аландских островах и острове Готланде, о крепости Свеаборг, столице Або и городках Борго, Фридрихсгам, Ловиза, Аборфорс, а также о народе, который трудится на гранитных и мраморных ломках, но, по сути, чрезвычайно беден и несчастен, как посчитает А. П. Хвостова, потому, что беден («Камин. 1795 года, Марта месяца, Москва») [13], однако мужественен, храбр и свободолюбив. Если перенестись с рубежа XVIII-XIX вв. в начало XX века, то оригинальность финляндской земли и вод, присущее народу трудолюбие и свободолюбие будут определяться как источник Силы, в сущности, понимаемой с большой буквы уже в начале 1850-х гг. А. П. Милюковым («Очерки Финляндии») и другими русскими путешественниками.

Исследованный материал показал, что во время наполеоновских войн Финляндия выходит из неизвестности. Сочинения русских ученых путешественников по праву называются «драгоценные сии сочинения» (В. М. Севергин). В 1809 г. внимание к Финляндии объясняется русско-шведской войной и вхождением Великого Герцогства в состав Российской империи, потому неудивительно, что литература путешествий оказывается в тесной связи с политикой. В книге «Тринадцать дней, или Финляндия» князя П. Г. Гагарина отчетливо ощутимо переживание Истории как модели собственной судьбы [4]. Автор «Картины Финляндии» К. Н. Батюшков очевидно «болен временем». В сентиментальном дневнике князя Гагарина о путешествии в Новую Финляндию и в «Отрывке из писем Русского офицера» Батюшкова Финляндия представлена как страна варварской стужи и отважного народа. Еще в середине-конце 1820-х гг. будут написаны «Воспоминания о Кульневе (1808)» Д.В. Давыдова и о Финляндском походе М. Леонтьева, а князь Гагарин и Батюшков изобразили, что происходило во время войны в южной и северной Финляндии. Природа ее сказочно прекрасна, несмотря на лесную глушь, лед и невозможность для князя Гагарина «удивляться блистающему белизною лебедю и гибкой его шее, прогуливающемуся в стаях по многочисленным озерам; морской птице, расстилающей снежный свой цвет на ее серо-красноватых утесах». Для Батюшкова Финляндия – источник, несущийся с ревом по засыпанному снегами скелету [1], и на этот образ будут оглядываться поколения поэтов и писателей. *«Сия провинция» загадка души* русского князя, который воочию убедился, что во время Сейма юношество Финляндии находилось на Марсовом поле.

При изучении русских путевых записок первой половины XIX в. можно констатировать, что в них «страна человеков» занимает наиважнейшее место. Мнение о Финляндии практически едино у деятелей науки и культуры: «сия удивительная страна» с людьми до крайности бескорыстными, гостеприимными, свободными, грамотными. Русские путешественники расширили и углубили представление о ВКФ, сформировали понятие сложности и многогранности контактов двух стран, их науки и культуры, включенности в саму атмосферу николаевской эпохи. Колоссальным трудом оплачено научное и литературное наследие профессора Гельсингфорсского университета Я. К. Грота. Он и его преданный друг ректор Санкт-Петербургского университета профессор П. А. Плетнев, Э. Леннрот, Й. Рунеберг, М. А. Кастрен оставили свидетельство высокого интеллекта и духовности человека XIX столетия, для которого счастье его Родины – России и Финляндии – необходимое условие его личного благополучия. Гроту и Плетневу свойственен оптимизм и жажда общения с «милой, благословенной Финляндиею» и достойными восхищения финляндцами, подтверждением чего является единственный в своем роде «Альманах» 1842 г. и их «Переписка». Они сделали все возможное и невозможное, чтобы связи между двумя странами, двумя университетами были крепкими: создали лучшую в мире Русскую университетскую библиотеку: собрали все самое полезное, что создали словесность и наука (собственно Я. К. Грот и П. А. Плетнев тем и удивительны, что делили себя между областями науки и словесности), способствовали «разлитию русского языка» в Александровском университете, где это считалось посягательством на народную самобытность, писали статьи и очерки в «Современник», регулярно знакомили с финским и скандинавским миром русского образованного человека, помогали в их ученых изысканиях всем, кто этого заслуживал, и при этом «держали в уме потомство». Их «Переписка» из 3-х томов – памятник русско-финляндским связям первой половины – середины XIX века, что нашло отражение в конференциях в Пушкинском Доме и Хельсинском университете в нынешнем году – 200-летия Я. К. Грота.

Можно было бы назвать здесь многих русских, кто был тогда в Финляндии по долгу службы: от А. А. Закревского, Н. В. Путяты, А. А. Муханова, В. И. Даля, П. И. Нахимова, Д. Завалишина до М. М. Миансарова, и великое множество путешественников из Санкт-Петербурга и Москвы: от А. Б. Албенского до Ф. В. Булгарина, В. К. Войта, В. П. Мельницкого, А. П. Милюкова. Всякого рода финляндские «подробности» оживляют оставленные ими сочинения: статистические описания, минералогические, геогностические и другие обозрения разных частей ВКФ, записки о Ладоге, Балтийском море, Аландах, Паргасе, Готланде, горах и рудниках юго-западной Финляндии и мраморных ломках Восточной, отрывки из писем и письма о Финляндии и ее природе и культурных достопримечательностях (замках, храмах, «Калевале»), переписку с близкими, друзьями, сослуживцами, воспоминания, фрагменты, дневники, эскизы, очерки экспедиций в Лапландию, путевые заметки и впечатления, главы книг и книги, из которых выделяются «Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году» Ф. В. Булгарина [3] и «Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео. Путевые записки. 1847» Я. К. Грота [5]. Негативных моментов в их наследии нет. Напротив, в книгах и путевых записках в «Северной пчеле» преобладают подчеркнуто положительные оценки всего увиденного не «за границей». Лишь однажды русский гидрограф отличил «что-то дикое в лице единственного обитателя» маленького островка, но в сочетании с духовным обликом труженика-финна это выражение вызовет в нем глубокое сострадание, печаль и размышление о своей жизни. О национальном финском характере В. П. Мельницкий [7] в книге «Шхеры Финского залива» (1852) предложил судить по островному населению.

В русской литературе николаевской эпохи финляндская тема – это отклик на события Александровской эпохи у Давыдова, на появление новой столицы – Гельсингфорса с Университетом у Я. К. Грота, на открытие Иматры, Монрепо, Авасаксы, Гельсингфорса, Свеаборга, Торнео, Пунка-хари, «Калевалы» Э. Леннрота. «След» поездки на Иматру наиболее очевиден в произведениях Н. В. Путяты («Отрывки из писем о Финляндии» в «Московском телеграфе»), О. М. Сомова («Четыре дня в Финляндии. Письма к одному приятелю в Москву»), А. П. Керн («Воспоминания»), М. И. Глинки, В. П. Лангера, А. Е. Грена (пятое из «Писем из Финляндии»), В. Михайлова («Иматра»), С. С. Куторги («Геологический очерк дороги к водопаду Иматры»), В. К. Войта («Путевые заметки по Финляндии»). Водопад – предмет высочайшего эмоционально-психологического переживания писателей, публицистов, поэтов, ученых, художников, музыкантов. «Чудная эта страна Финляндия!», – написал в «Геологическом очерке дороги к водопаду Иматре» профессор Санкт-Петербургского университета С. С. Куторга [6]. Понимая, что Иматра передает энергию *всему*, Куторга спешил на свидание с «Финской красавицей» в любое время года. Итак, Иматра – изумительное зрелище, Вокса – чудо Финляндии, Авасакса – «сотворение мира», Монрепо – «любимое детище Творца». Все говорит, что в литературе о ВКФ первой половины XIX столетия преобладали природно-географические замечательности. Впечатляют они масштабностью контекста, в котором появляются. В нем важное место со второй половины 1830-х гг. отводится пароходу.

Из типов и характеров финляндцев, с которыми мы встретились в многочисленных текстах 1825-1855 гг., запоминаются ямщик «маленькой республики» Антона Дельвига Симон Яковлевич из 1829 года («Четыре дня в Финляндии. Письма к одному приятелю в Москву» Сомова), «путеводитель» по горе Луппио в 1847 году князя Э. М. Голицына, внука графа Андрея Шувалова («Финляндия»), и лоцман Карлушка в «Шхерах Финского залива» В. П. Мельницкого 1840-х гг. Симон Яковлевич с его «Я полюбил вас, господа, мои лошадки побегут, побегут…» [12], белка среди мхов под тенью молодых берез, одинокая береза на обломке скалы посреди водопада заставляют думать о них как о жителях *«заповедной земли», прикрытой мощью России».* Русские воины приобретают репутацию «чудо-богатырей», благодаря книгам, отчетам в «Северной пчеле» Булгарина, воспоминаниям Давыдова. «Моя Италия», - скажет о Финляндии Фаддей Булгарин. *«Ненаглядная Финляндия»* врезается в память русских туристов, приобщает, привязывает к себе, хотя остается не до конца понятой страной.

Но волна подъема финляндско-русских контактов остается позади. В эпоху радикальных перемен о Финляндии почти нет книг. Интерпретация финляндской темы во времена Александра II и Александра III осуществляется в русской литературе по-прежнему в разных жанрах: дневниках Д. И. Менделеева («Дневник 1861 года»), В. П. Безобразова («Дневник. 1885»), В. И. Вернадского, путевых заметках Д. Д. Семенова (1863) и записках Н. В. Варадинова («Поездка в Финляндию», 1861), князя П. А. Кропоткина, В. И. Вернадского («Записная книжка» с записями по экскурсии в Финляндию на месторождение мрамора», 1886), Д. Н. Бухарова («Поездка по Лапландии осенью 1883 года»), В. В. Витковского («Пережитое»), в переписке А. М. Раевской, очерках

Д. И. Мацкевича («Мыза Шапки» 1847), В. М. Сухаро («Природа и люди в Финляндии, или Очерки Гельсингфорса…»), А. В. Елисеева («По Белу-Свету»), в письмах А. К. Ярославцева («Прогулка на Иматру»), П. А. Кропоткина («Письма из Финляндии и Швеции» 1871), Н. М. Богомолова («Письма в редакцию с Всероссийской художественно-промышленной выставки» 1882), воспоминаниях Д. В. Григоровича («»Корабль Ретвизан»), Л. Н. Полонского («Несколько дней в Финляндии» 1872), М. Е. Салтыкова-Щедрина («Мелочи жизни. Введение» 1886), Г. А. Джаншиева («Среди баловней и пасынков природы. Впечатления и мысли туриста» 1890), в публичных лекциях Ф. П. Ландцерта («Об органах речи») и А. В. Елисеева («Борьба Новгорода со шведами и финнами по народным сказаниям» и «Путешествие в Скандинавию и Лапландию»). В них отражены поездки к Иматре, в Монрепо, Рускеалу, по Сайменскому каналу, в Куопио, Торнео. Почти как итог звучат слова академика Безобразова: «Грустно за Россию. Равнодушие хуже всего» («Дневник»). В 1885 г. он назвал Финляндию «чужой страной» [2]. И Салтыков-Щедрин определяет ВКФ как «чужую часть России» («Мелочи жизни. Введение» [11]). Однако это не повлияло на положительное изображение русскими путешественниками качеств финна на пароходе, на железной дороге или в кариолке. Кажется, за всех Л. Н. Полонский написал: «По всей дороге ничто меня так не занимало, как эта порядочность, скажу, джентльменность народа. Финн свободен, свободен искони; он имеет правила, он грамотен» («Несколько дней в Финляндии» [10]). В целом складывалось впечатление неуклонного движения ВКФ вперед в составе России. Финляндец в конце XIX века выглядит «старательным хозяином», а Финляндия – «европейским уголком, в котором царствует порядок».

Любопытны описания Финляндии русскими писателями и учеными, естествоиспытателями и гуманитариями, на последнем рубеже империи. В путевых записках В. Вельского («Финляндские очерки. Из наблюдений туриста»), В. Дедлова-В. Л. Кигна («Вокруг России», «статья» 7), В. А. Мошнина («Год в Финляндии»), С. И. Васюкова («Месяц в Гельсингфорсе»), А. Фирсова («В стране гранита и озер»), Э. Зиновьевой («По Финляндии»), В. В. Шумнова («Финляндские впечатления»), очерках и отчетах Н. М. Чукмалдина («Путевые очерки»), Е. Л. Маркова («По Швеции»), А. И. Куприна («Немножко Финляндии»), Л. Н. Андреева («Шхеры»), Н. К. Рериха («Древнейшие финские храмы»), А. С. Грина («Пешком на революцию»), И. В. Липаева («По Финляндии»), Д. В. Яковлева («Краткий отчет об экскурсии в Северную Финляндию в 1896 году»), дневниках и письмах М. А. Бернова (1898), М.В. Крестовской (1903), С. К. Ивановой (1903), В. Я. Брюсова (1906), М. Горького (1906), Н. К. Рериха (1908), С.Р. Минцлова (1915-1917), П. П. Семенова-Тян-Шанского подтверждается, что туризм лучше дач. Финляндия изумляет по-прежнему камнем, лесом, водами и … звездными дождями. Масса безлюдных островков и урочищ, водопады, сады восхищают путешественников из столиц и других городов России. Русские видят в финляндцах идеалистов, а саму Финляндию похожей на … *человека.* Это в середине X1X века А. П. Милюков мог сказать: «Финляндия похожа на дикий лес, о котором вы слышали одни таинственные сказки, в отличие от Европы, где все известно, как в знакомом саду…» («Очерки Финляндии 1851-1852» [8]). В начале XX века не удивляет заключение Н. К. Рериха и профессора И. В. Липаева: финский народ создан для культуры, как не должно удивлять и другое: рядом с ВКФ Россия неблагополучная страна. Однако у страны нашей, поверим Ф. И. Тютчеву, есть истинный защитник – История.

Итак, веками в русской литературе создавался образ Финляндии: *от* загадки души *через* ненаглядную, но не до конца понятую *до* оставшейся *человеком* на исходе империи. Это притом, что уже в начале 1917 г. «с Териоки начинается заграница», и в последние декабрьские дни Финляндия захлопывает границу перед русскими. А в доме у выборгской дороги С. Р. Минцлов пишет строку: «Человек важен как союзник» («Трапезондская эпопея. Дневник» [9]). Русские донесли до читателя через книги и периодические издания все, что их волновало в Финляндии в разные периоды такой разнообразной жизни. Картины складываются в единую, у которой есть эпиграф из книги русского воина, адъютанта А. В. Суворова в Альпах, министра в европейских странах, ставшего прообразом князя Болконского в «Войне и мире»: «*Разнообразие* есть девиз каждой земли и каждого человека» («Тринадцать дней, или Финляндия»). Все сливается в монолог о Финляндии. Олицетворением России в старинной литературе путешествий в Финляндию остаются береза-красавица на берегу Финского залива, отошедшая от роскошного замка и любующаяся им и собою, белая вишенка на розовом постаменте скалы посреди залива («какой цветущий индивидуализм!»), неизвестно как туда попавшая, и травинки наперечет у нее «под ногами» и, конечно, переводы и образы «Калевалы» бессмертного сегодняшнего юбиляра Элиаса Леннрота, нарисованные русскими художниками на последних рубежах.

Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII – начала XX века предстала в разных ликах: природном, социальном, экономическом, человеческом. Но главное божество – ее природа. Грандиозные панорамы гор, заливов, пашен и пейзажей, последние травинки и снежинки равнозначны для русских: *все Божье творение* и сама Финляндия – *страна из рук Божьих.*

Новая книжная серия «Россия историческая, Россия культурная в судьбах мира» сложное научное издание по замыслу, составу и структуре. Особую трудность для исследования имеют объем и многообразие текстов серии. Это неминуемо проявится в следующей книге, каковой должна быть «Классический полуостров»: Крым в русской литературе путешествий XV – начала XX века», над которой мы сейчас работаем в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ. Важнейшим из современных методов остается исторический подход к литературе.

Источники и литература

1. Батюшков К. Картина Финляндии (Отрывок из писем Русского Офицера) / К. Батюшков. – М., 1810. – С. 387
2. Безобразов В. П. Дневник. 1885-1887 гг. 1885 / В. П. Безобразов // Русская старина. – СПб., 1908. – Т. 133. – С. 159.
3. Булгарин Ф. Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году / Ф. Булгарин. – СПб., 1839.
4. Гагарин П. Г. Тринадцать дней, или Финляндия / П. Г. Гагарин. – М., 1809. – С. 789.
5. Грот Я. К. Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео. Путевые записки / Я. К. Грот. – СПб., 1847.
6. Куторга С. С. Геологический очерк дороги к водопаду Иматры / С. С. Куторга. – СПб., 1851. – С. 97
7. Мельницкий В. П. Шхеры Финского залива / В. П. Мельницкий. – СПб., 1852. – С. 628
8. Милюков А. П. Очерки Финляндии (1851-1852) / А. П. Милюков // Путевые впечатления на севере и юге. – СПб., 1865. – С. 642.

9. Минцлов С. Р. Финляндия. 27.09.1917. Кемере / С. Р. Минцлов // Трапезондская эпопея. Дневник. Киев. Трапезонд. Финляндия. – Берлин, 1925. – С. 315 002.
10. Полонский Л. А. Несколько дней в Финляндии. Из поездки в Гельсингфорс / Л. А. Полонский // Вестник Европы. – СПб., 1872. – № 4. – С. 766.
11. Салтыков-Щедрин М. Е. Мелочи жизни. Введение 1 / М. Е. Салтыков-Щедрин Мелочи жизни: В 2 ч. – СПб., 1887. – Ч. 1. – С. 694
12. Сомов О. М. Четыре дня в Финляндии. Письма к одному приятелю в Москву / О. М. Сомов // Литературная газета. – СПб., 1830. – Т. 1. – № 34. – 15 июня. Письмо 4. – С. 469-670.
13. Хвостова А. А. Отрывки. Камин. 1795 года, Марта месяца / А. А. Хвостов. – М., СПб., 1796. – С. 340.

УДК 81'42: 82-3

Нестеренко К. В.

О РОЛИ КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВЫХ ФОРМ В ФОРМИРОВАНИИ АВТОРСКОЙ ОЦЕНКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье анализируются образцы русской литературы периода конца XIX – начала XX веков. На примерах изображения в них сцен суда показано функционирование в них различных композиционно-речевых форм, благодаря чему, в том числе, эксплицируется авторская оценка.
Ключевые слова: композиционно-речевые формы, сцены суда, авторская оценка.

В статті аналізуються зразки російської літератури періоду кінця XIX – початку XX ст. На прикладах зображення в них сцен суду показане функціонування в них різних композіційно-мовленнєвих форм, завдяки чому, у тому числі, експлікується авторська оцінка.
Ключові слова: композіційно-мовленнєві форми, сцени суду, авторська оцінка.

The examples of trial scenes in the belle-letters of the Russian Literature of the period of the end of the XIXth – the beginning of the XXth centuries are analyzed in this article. With the help of the analysis of the methods of different compositional speech forms functioning (among other creative methods) the author's evaluation can be explicated.
Key words: compositional-speech forms, trial scenes, the author's evaluation.

Как известно, художественный текст представляет собой определенную вербально-оценочную модель действительности и имеет информационно-смысловой и коммуникативный потенциал. Художественный текст (далее – ХТ) это «всегда выражение субъективной реальности посредством языка как физической системы знаков, аккумулирующих социокультурный опыт. Это всегда – сообщение, обеспечивающее виртуальные связи между носителями одной культуры. И это всегда – инструмент воздействия человека на человека» [6, с. 45].

Прежде чем приступить к реализации цели данной статьи, а именно, определению роли композиционно-речевых форм (далее – КРФ) в формировании авторской оценки в художественных текстах, сформулируем несколько посылок, необходимых для проведения исследования.

Во-первых, лингвистика текста вообще, и художественного текста в частности, стала одним из плодотворных и актуальных направлений лингвистических исследований последнего времени. (И. Р. Гальперин, М. Я. Дымарский, К. Э. Штайн, О. И. Москальская, М. Н. Кожина, А. И. Новиков, А. А. Залевская и др.).

Во-вторых, ХТ «как субъективное отражение объективного мира» [2, с. 292], представляя собой информационно-оценочную модель действительности, основывается не просто на использовании языка, а на его художественном познании. В условиях реальной коммуникации при восприятии читателем ХТ как коммуникативной единицы высшего порядка необходимо учитывать как лингвистические, так и экстралингвистические параметры. Содержание текста не заложено в нем самом, а формируется, направляется определенной организацией материала. В процессе восприятия текста читатель переходит от его формы к содержанию и пониманию.

В-третьих, ХТ представляет собой многоаспектное и многофункциональное динамическое образование. «Многоаспектность самого феномена текста диктует многоаспектность его характеристики» [4]. Для описания ХТ как смысловой, идейно-эстетической и коммуникативной целостности необходимо предварительное описание его элементов, т.е. способов организации языкового материала в единое коммуникативное образование.

Одним из таких элементов являются композиционно-речевые формы, подробно описанные в свое время В.В. Виноградовым [5]. Как известно, среди КРФ выделяются описание, повествование и рассуждение. Каждая из этих форм разными способами помогает представить авторскую оценку. Например, в повествовании авторская оценка, как правило, имплицитна и может быть выявлена благодаря способу построения композиции произведения, совмещению различных «точек зрения», акцентированию на определенных фактах или событиях и пр. При описании, которое может быть и статичным (не прерывающем развитие событий) и динамичным, авторская оценка формируется как благодаря прямым авторским характеристикам, выбору соответствующей лексики, так и имплицитно, на основе выбора предмета, ракурса изображения и т. п. Наиболее эксплицитной формой выражения авторской позиции является рассуждение, при котором автор, следуя известной логической схеме, имея определенную посылку, пытается доказать, и аргументированно убедить читателя в своей позиции.

В примерах из художественной литературы, которые мы будем анализировать в данной статье, (в рамках исследования одноименного концепта) [8, 9] изображен суд. Обычно суд играет роковую роль в судьбе героев произведения. Это либо момент сталкивания интересов различных персонажей, либо момент нарастания или разрешения конфликта. В литературе суд – это не место, где устанавливается истина и вершится правосудие, а место, где разыгрываются «драмы», где каждый из персонажей играет свою роль и композиционную, и идейную.

Именно «судебными драмами» названы судебные процессы в рассказе Л. Андреева «Христиане», «драмами», в которых «приятно видеть публику и играть самому».

В рассказе как в специфической жанровой форме основное действие, как правило, происходит в конкретном месте в конкретное время. События фокусируются на одном эпизоде, для выражения авторского замысла

избираются наиболее выразительные средства. В рассказе, как правило, преобладает повествование, которое ведет либо рассказчик, либо один из персонажей. В рассказе «Христиане» повествование чередуется с элементами описания. Действие передано ситуативными статичными глаголами, основная функциональная роль в описании происходящего принадлежит прилагательным и наречиям. Все это помогает усилить эффект монотонности, однообразия, размеренности работы суда, которое вдруг прерывается отказом одной из свидетельниц, проститутки Карауловой, присягнуть на Евангелие. В повествовании появляется диалог между участниками суда и свидетельницами, но этот диалог лишь показывает ситуацию и содержит привычные реплики. Оценку возникшей ситуации можно понять из авторских комментариев, сформулированных таким образом, что они передают оценку всех собравшихся в суде. Например, в описании суда читаем: «Если встречались пасмурные лица, то и это было хорошо: так нужно в жизни и особенно там, где изо дня в день разыгрываются судебные драмы». Оценочное слово «хорошо» скорее передает мнение персонажей, а не самого автора. Еще пример, когда упорно отказывающаяся присягать Караулова не поддается ни на какие уговоры членов суда: «Становилось досадно. Пустяки, бабье вздорное упрямство тормозило все дело, вместо плавного, отчетливого, стройного постукивания судебного аппарата получалась нелепая бестолковщина. И к обычному тайному мужскому презрению к женщине примешивалось чувство обиды: как она ни скромничает, а выходит, как будто она лучше всех, лучше присяжных заседателей и публики». В данном примере авторское описание передает мнение персонажей, (досадно им), но не совпадает с ним. В рассказе нравственная последовательность проститутки оказывается более стойкой, а все лицемерные уловки членов суда, их грязные мыслишки, рассказы других свидетельниц о недостойном поведении им подобных, дают основание автору задать риторический вопрос: «кто судит, они или она?», также вложенный в уста одного из персонажей. Далекий от каких-либо прямых обличений судебной системы, рассказ Л. Андреева все же является таковым, поскольку направляет читателей к соответствующим выводам.

Наиболее сложной формой соотношения различных КРФ является роман, но его основой, как и основой любого текста, является повествование. Эпизоды со сценами суда в романах, которые мы берем для анализа, являются важными, ключевыми для определения идейной концепции всего романа и позиции автора. В сценах суда в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» автор – очевидец и активный участник. Он начинает повествование, желая не упустить ни одной детали происшедшего, поразившего его. С самого начала представляется, что автор будет вести повествование через свою призму: «…я передам лишь то, что меня лично поразило и что я особенно запомнил». Но впоследствии оказывается, что он подключает разные оценочные мнения и точки зрения. Для этого часто используются ссылки на общественное мнение и различные слухи и разговоры, которые вводятся с помощью обобщенной формы глагола «говорили…», «смеялись…», «предполагали…», «спрашивали…» и др. Оценки автора не идут вразрез с имевшимися среди общества: он не выделяет и не противопоставляет себя им. Постепенно повествование разворачивается таким образом, что приводимые позиции, описания, высказывания и оценки отдельных персонажей или вовлеченного в историю Карамазовых общества в целом оказываются равноценными по значимости оценкам самого автора. Персонажи романа говорят сами за себя, сами представляют свою позицию. Это видно, например, из появлений и свидетельств на суде всех персонажей – Ивана, Алеши, Грушеньки, Катерины Ивановны, Ракитина. Такая особенность стиля Достоевского была подмечена еще М. М. Бахтиным, назвавшего романы писателя «полифоническими» [2]. По наблюдениям Е. М. Милетенского, в романе отчетливо выделяются речи повествователя, исповедательные речи действующих лиц, конфликтные сцены, поучения старца Зосимы, «Легенда о Великом инквизиторе» [7, с. 172].

Позиция автора видна в названии глав («Роковая ошибка», «Опасные свидетели», «Внезапная катастрофа» и пр.), такими названиями читатель уже подготавливается к развязке, концу судебного процесса – осуждению Мити.

Рассказ о суде над Митей Карамазовым, слухах, его предваряющих, перемежается с описаниями залы суда, председателя и судейских чиновников. Представляя знаменитого защитника из Москвы Фетюковича и местного прокурора, рассказывая истории обоих, делая ремарки, передавая их речи на суде, автор не делает преимуществ никому. Они оба слишком многословны и патетичны, и это вызывает определенную иронию по отношению к ним. Наиболее многословной и патетичной оказывается речь прокурора, изложение которой в романе занимает около 40 страниц. Речь защитника короче, но также длинна и патетична. Авторские ремарки в продолжение речей прокурора и защитника подкрепляются отрывочными оценочными репликами присутствующих из публики в конце выступлений. Эти реплики переданы в романе в форме частей диалога, точнее, полилога, что создает для читателя эффект многоголосия. Речи прокурора Ипполита Кирилловича и адвоката Фетюковича, естественно, представляют собой рассуждение с посылками, соответствующими их общественной роли, аргументами, предположениями и выводами. Выводы этих людей касаются не только вины и невиновности подсудимого, но и выходят за рамки данного судебного разбирательства, достигая общественно значимых, по их мнению, обобщений. Так, в конце своей речи прокурор назвал суд «святилищем нашего правосудия» и призвал исполнить долг перед правдой и Россией, назвав присяжных ее «защитниками и судьями». Не менее высокопарными выглядят завершающие слова адвоката Фетюковича: «Мне, ничтожному, напоминать вам, что русский суд есть не кара только, но и спасение человека погибшего! Пусть у других народов буква и кара, у нас же дух и смысл, спасение и возрождение погибших!».

Конец судебного заседания автор описывает сам: все были утомлены, и председатель суда «*был очень утомлен*», Фетюкович принимал поздравления, шли обсуждения присутствующих. Обсуждения представлены в форме многочисленных реплик диалога, что показывает их активность обсуждения. Вердикт присяжных «виновен» был неожиданностью на процессе, однако не стал неожиданностью для читателя, подготовленного автором к такой развязке. Во-первых, книга двенадцатая, в которой описан судебный процесс, называется «Судебная ошибка». Во-вторых, в своих ремарках автор с самого начала замечает «*необыкновенную силу обвинения сравнительно со средствами, которые имела защита*», или то, как «*все чувствовали неотразимость обвинения*». Подробно представлены присяжные, среди них четыре чиновника, два купца, шесть крестьян и мещан. Это мелкие, незначительные люди, и их состав вызывает риторические вопросы автора: «*Что могут такие в таком деле?*». «*Неужели такое тонкое, сложное и психологическое дело будет отдано на роковое решение каким-то чиновникам и, наконец, мужикам, и что-де поймет тут какой-нибудь чиновник, тем более мужик?»,* – внутренне отрицает возможность подобного суда автор. Малозначащими для вынесения оправдательного решения оказываются и

экспертизы несколько недалекого доктора Герценштрубе и молодого амбициозного врача Варвинского, чьи образы также иронично описаны в романе.

Заканчивается повествование о суде над Митей не оглашением приговора, а разговорами вокруг вердикта. Снова автор передает восклицания разных людей о предполагаемой дальнейшей судьбе Мити – двадцать лет каторги, его конец. И хотя в описании судебной процедуры звучит авторская ирония, он практически занимает нейтральную позицию по отношению к своему герою.

В романе Л. Толстого «Воскресение» описание суда оказывается в почти так называемой сильной позиции начала повествования. Его ведет «всезнающий» автор-рассказчик, который может описать не только внешние события, но которому доступны также прошлое персонажей, проникновение во внутренний мир своих героев, объяснение мотивации их поступков. Автор оказывается не только всезнающим, но и вездесущим. Композиционно роман сложен – повествование в нем постоянно перемежается с описаниями, представлением героев, переходами в различные пространства, экскурсами в прошлое (история совращения Катюши), внутренней речью персонажей, комментариями самого автора. В судебном процессе принимают участие множество людей, о каждом из которых автор может рассказать многое, используя различные методы. Подробно в форме диалога переданы реплики председателя, ведущего дело, в форме цитаты передан во всех деталях обвинительный акт. При описании судебного слушания автор не только внимательно следит за последовательностью вопросов и ответов, он еще видит и происходящее с другими людьми. В центре его внимания, естественно, Нехлюдов, но заметен и товарищ прокурора своими неуместными глупыми действиями, мотивы которых тут же и объясняются автором. По мере развития сюжета после того, как Нехлюдов вспомнил историю совращения Катюши, изобразительный план повествования смещается, происходящее видится теперь не с внешней стороны, а переходит в плоскость видения его Нехлюдовым, через его внутреннее состояние. Он испытывает чувство, как отмечает автор, схожее на то, какое он испытывал на охоте: «Недобитая птица бьется в ягдташе: и противно, и жалко, и хочется поскорее добить и забыть». А судебное заседание продолжается. Представлена врачебная экспертиза, подробности осмотра тела убитого, протоколов, и пр., собственно, судебное заседание – с нужными фактами дела и с малосодержательным, многословным резюме председателя. На фоне всего этого медленно происходит внутреннее преобразование Нехлюдова, он начинает чувствовать свою ответственность за случившееся, начинается процесс его душевного воскресения.

В проанализированных произведениях художественной литературы авторская оценка происходящему, а именно, сценам суда, выявлена на основании, в том числе, и способам организации художественного материала, в их числе, композиционно-речевым формам. Использование различных КРФ, из совмещение, взаимодействие, дает возможность выстраивать композицию произведения таким образом, что на первый план выступают идейно значимые элементы текста, фокусируются определенные акценты и характеристики, необходимые для адекватного восприятия ХТ читателем.

Как показал анализ, в рассказе Андреева форма повествования с элементами описания на первый взгляд не содержит прямых авторских характеристик, но выбор объектов описания свидетельствует о том, что автор не просто использует оригинальный сюжет, но и помогает читателям делать соответствующие выводы. Романы Толстого и Достоевского, являющиеся вершинными в творчестве признанных русских классиков, построены на комбинации различных КРФ. Степени участия автора в повествовании и высказывания им своего отношения в романах «Воскресение» и «Братья Карамазовы» различны и в силу идейно-эстетических требований и задач, и в силу индивидуально-стилистических особенностей. Авторская оценка в романе Толстого «Воскресение» более эксплицирована. В романе Достоевского «Братья Карамазовы» выраженное авторское отношение орпрелеляется среди оценок других персонажей. Суд видится авторам как учреждение, где главным оказывается человеческий фактор, а никак не торжествует истина и вершится правосудие.

Источники и литература:

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. / М. М. Бахтин. – М.: Сов. Россия, 1979, –318 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Бахтин М. М. Язык в художественной литературе // Собр. соч. в 7 т. – Т. 5. / М. М. Бахтин. – М., 1997.
4. Валгина Н. С. Теория текста. Уч. пособие / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 250 с.
5. Виноградов В. В. Избранные труды. Т. 5. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 320 с.
6. Еремеев Б. А. Проблема собственно психологического исследования текста / Б. А. Еремеев // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Сер. «Психология», 2009. Вып.1. – С. 45-50.
7. Милетенский Е. М. Заметки о творчестве Достоевского / Е. М. Милетенский. – М.: РГГУ, 2001. – 190 с.
8. Нестеренко К. В. Анализ речей как способ характеристики героев и воссоздания фрагмента наивной картины мира «суд» (на примере романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») / К. В. Нестеренко // Русская филология. Вестник ХНПУ им. Г. С. Сковороды № 1-2 (46). – Харьков, 2012. – С. 30-34.
9. Нестеренко К. В. Формирование концепта «Правосудие» романе Л. Н. Толстого «Воскресение» / К. В. Нестеренко // Наукові праці Кам'янець-Подільського держуніверситету, 2008. – Вип. 15. Філологічні науки. Т. 2. – С.134-137.

УДК 821.161.2 – 311.6 Загребельний

Нестеренко Н. П.,
Терещенко В. М.

ФУНКЦІЇ ТЮРКІЗМІВ В ІСТОРИЧНИХ РОМАНАХ ПАВЛА ЗАГРЕБЕЛЬНОГО «РОКСОЛАНА» ТА «Я, БОГДАН»

В статье с точки зрения тематической представленности и стилистической функциональности проанализировано тюркизмы в исторических романах П. Загребельного «Роксолана» и «Я, Богдан». Показано, что писатель широко использует как те тюркизмы, которые стали неотъемлемой частью общего лексического фонда украинского языка, так и те, которые находятся на периферии, воспринимаясь как экзотизмы. Определено, что основной функцией этого пласта лексики в романах П. Загребельного является создание национального и исторического колорита эпохи XVI-XVII ст.

Ключевые слова: П. Загребельный, стиль, тюркизм, функция, исторический роман.

В статті з погляду тематичної представленості й стилістичної функціональності проаналізовано тюркізми в історичних романах П. Загребельного «Роксолана» та «Я, Богдан». Показано, що митець широко використовує як ті тюркізми, що на сьогодні стали невід'ємною частиною загального лексичного фонду української мови, так і ті, що перебувають на периферії, сприймаючись як екзотизми. Визначено, що основною функцією цього шару лексики в романах П. Загребельного є створення національного й історичного колориту епохи XVI-XVII ст.
Ключові слова: П. Загребельний, стиль, тюкрізм, функція, історичний роман.

In the article from the point of view of topic representation and stylistic functionality the turkish-origin words in the historical novels by P. Zagrebelniy «Roksolana» and «I am, Bohdan» are analyzed. It is shown that the writer widely used both those words, which became the integral part of the general lexical fund for Ukrainian language and those, which are located on the periphery as exotic. It is determined, that the basic function of this layer of vocabulary in the novels by P. Zagrebelniy is to represent the national and historical coloring of epoch XVI-XVII centuries.
Key words: P. Zagrebelniy, style, turkish-origin words, function, historical novel.

Однією з яскравих постатей сучасного українського красного письменства є П. Загребельний. Багатогранний доробок митця в контексті літературознавчих і мовознавчих досліджень незмінно пов'язується із образною, ідейно-тематичною й мовною самобутністю й новаторським проривом, що зумовлює необхідність всебічного вивчення особливостей ідіостилю письменника.

Указаний аспект дослідження творчої спадщини митців, у тому числі й П. Загребельного, на сьогодні залишається актуальним, про що свідчить кількість публікацій із цієї проблематики. Зокрема певним особливостям ідіостилю П. Загребельного в аспекті вивчення лексичної специфіки романістики митця приділено увагу в працях В. І. Мінасян (розмовна лексика), С. А. Мартус (антропоніми), Л. В. Волоюг (порівняння), Г. М. Гайдученко (застаріла лексика, метафора), Л. В. Бублейник (терміни), Н. Павликівська (ономастика), З. С. Сікорська, М. П. Зінченко (порівняння), Т. Г. Юрченко (оказіоналізми, антропонімікон). Ці дослідження мозаїчно й водночас рельєфно показують особливості авторського мовного стилю письменника. Поряд із цим проблема запозичень, репрезентованих у творчій спадщині П. Загребельного, до сьогодні ще не здобулася на детальне висвітлення, зокрема недостатнього вивченим є питання функцій тюркізмів у контексті творення ідіостилю митця. Таким чином, наукове висвітлення цього аспекту є актуальним завданням.

У пропонованій студії предметом дослідження є запозичена з тюркських мов (тюркізми) лексика як стилістичний засіб створення національного й історичного колориту та її функції в мові історичних романів П. Загребельного. Об'єктом розвідки стали історичні романи П. Загребельного «Роксолана» та «Я, Богдан», у яких світ турецько-татарського життя XVI-XVII ст. здобувся на особливо виразне й по-справжньому унікальне змалювання. На цьому наголошує В. Брюгген, зауважуючи зокрема про роман «Роксолана», що він «приваблює не стільки екзотичністю обстановки, скільки художньою монолітністю, яка народилася від щасливого поєднання тонкого чуття історизму, вільного переселення авторської уяви в дані часи, сміливого (а водночас обережно-тактовного) поводження з незвичним, барвистим, примхливим багажем історії. П. Загребельний демонструє нову й високу здатність до художнього перевтілення..., збереження й відновлення в художньому слові картин минулого, аромату епохи, складнощів суспільного розвитку й особистого побуту людей» [2, с. 133].

Метою дослідження є визначення тематичної представленості та окреслення функціональної специфіки тюркізмів в історичних романах П. Загребельного «Роксолана» [4] та «Я, Богдан» [5].

Будь-який читач, який звертався до історичних романів П. Загребельного, присвячених міжнаціональним зв'язкам українців, безперечно, був захоплений тим, наскільки митець уміє неакцентовано, але водночас майстерно широко й доцільно уводити у мовний світ своїх творів запозичену лексику. Ця заувага передусім стосується романів «Роксонала» та «Я, Богдан», де панорамно зображено взаємини українського й турецько-татарського світів. Широке вживання письменником тюркських запозичень в цих історичних романах було зумовлене потребою зобразити світ іншої культури, східної. Ота вишукана майстерність і легкість в оперуванні запозиченою лексикою стала результатом важкої й копіткої підготовчої роботи митця. Наприклад, згадуючи історію написання роману «Роксолана», П. Загребельний зазначає, «…перед тим як її написати («Роксолану»), я став мусульманином, вивчив Коран, …два роки «входив» у систему їхнього вірування, їхнього світосприймання, побуту, життя» [3, с. 594]. Саме це в результаті й забезпечило питоме входження в канву творів чималої кількості тюркізмів, що сприяли створенню ефекту «присутності читача» у відповідних хронотопах – Україні й Туреччині в період XVI-XVII ст.

Національний колорит турецько-татарських реалій Османської імперії того часу в романах письменника представлений на фінансово-економічному, суспільно-політичному, культурному, суспільно-побутовому рівнях, що зумовило найбільш широке залучення до канви текстів відповідної топікової лексики.

Аналіз вибірки лексем дає підстави всі тюркізми, використані в історичних романах П. Загребельного, за тематикою [1] поділити на такі лексико-семантичні групи:

1) назви речей домашнього вжитку, побутового оточення: *диван*, *казан*, *чан*, *килим*;
2) назви військових з'єднань, чинів, видів зброї: *орда*, *табір*, *кинджал*, *кайдани*, *аркан*, *чауш*, *сераскир*, *яничар*, *булок*, *ятаган*, *ясир*;
3) назви представників соціальних груп і посад: *суфій*, *кадій*, *ортак*, *капудан-паша*, *бей*, *візир*, *багія*, *євнух*, *дельсіз*, *одаліска*, *чабан*, *султан*, *козак*, *хан*, *дурбаші*, *шейх*, *улем*;
4) назви фінансово-економічних та адміністративних понять: *базар*, *аршин*, *товар*, *тугра*, *акче*, *бакшиш*;
5) назви рослин і плодів: *гульхар*, *гарбуз*, *кавун*, *качан*;
6) назви рослин і птахів: *чайка*, *джейран*, *табун*, *отара*, *баран*;
7) назви будівель і поселень: *шатро*, *юрта*, *сарай*, *гарем*, *караван-сарай*, *Топ-капи*, *Баб-ус-сааде*, *джамія*, *імарет*, *гробниця-тюрбе*;
8) назви одягу, взуття та їх частин: *шапка*, *ковпак*, *халат*, *штани*, *кафтан*, *шпль*, *чартаф*, *тюрбан*, *багатія*, *чамліт*, *яшмак*;
9) назви традиційних національних продуктів і страв: *халва*, *ковбаса*, *бастурма*, *чорба*, *щербет*, *кумис*;
10) назви предметів і явищ природи: *бархан*, *туман*.

З погляду наявності чи відсутності додаткових експресивно-емоційних, оцінних значень у запозичених словах, засвоєності чи непитомості, усі тюркізми можуть бути поділені на запозичення засвоєні мовою (стилістичні можливості цих слів не пов'язуються вже з їх походженням) і власне іншомовні слова (екзотизми, які характеризуються чужорідністю звучання й форми, що зумовлює і деякі їх стилістичні особливості). Окремо стоять різні типи індивідуально-авторських запозичень, що перебувають поза межами лексичного складу мови й відзначаються яскраво виявленим колоритом незвичності, екзотики, локальності [1].

Значна частина запозичених слів-тюркізмів, використаних у романах П. Загребельного, в українській мові лексично засвоєна. Лексично засвоєним вважається таке іншомовне слово, що називає предмет, явище, властиві нашій дійсності, і в значенні якого немає найменшої вказівки на його іншомовне походження. Так лексично цілком засвоєні українською мовою тюркські запозичення *халва*, *отара*, *буланий*, *карий*, *туман*, *буран*, *могорич*, *ковбаса*, *торба*, *барабан*, *кинджал*, *халат*, *шаравари*, *парча*, *шапка*, *диван*, *килим*, *чан*.

В аналізованих історичних романах П. Загребельного вживається ціла низка таких слів-тюркізмів для влучного відтворення дійсності та передачі національного колориту: «*На столику – **халва**, обсипані цукром якісь, мовби в'ялені фрукти, довгошия карафа, низенькі широкі чашки*» [22,с. 83]; «*Збоку за поясом був у нього дорогий **кинджал**, прикрашений слоновою кісткою*» [22, с. 187]; «Султан *Селім не любив сина, не любив і жони своєї Хафси, доньки кримського **хана**, тримав оддаля від себе, байдужий гідностям, любив тільки війну, лови, вірних своїх **яничарів***» [22, с. 131]; «*Багатий* халат *із золотистої **парчі**, гаптовані золотом зелені **шаровари**, білосніжний шовковий **тюрбан**, під товстелезними смоляними бровами виблискують вогнем булькаті очі*» [22, с. 181].

Крім лексично засвоєних іншомовних слів, у романах «Роксолана» та «Я, Богдан» репрезентовані так звані екзотичні слова, або екзотизми, які «позначають назви предметів і явищ неукраїнської дійсності, у їх семантиці відображені поняття з життя інших народів, що характеризують специфічні особливості життя і побуту» [6, с. 27]. На думку О. Пономаріва, екзотизми можна назвати «етнографізмами», які використовують із стилістичною метою при «описі якогось народу чи групи споріднених народів» [7, с. 77].

До екзотизмів в історичних романах П. Загребельного «Роксолана» та «Я, Богдан» належать слова з життя турецького населення, які можна поділити на кілька тематичних груп. Однією з найбільших тематичних груп є назви військових з'єднань, чинів, видів зброї: «*Бунтівник переодягнений дервішем, спробував утікати, але був пійманий його людьми і приведений до султанського **сераскер**а, де його вже ждав меч*» («сераскер» – головнокомандуючий); «*Помагає тільки залізо під подушкою, і сама валіде подарувала Хуррем маленький **ятаган**, …*» («ятаган» – холодна зброя нагадує шаблю чи кинджал з увігнутим лезом) тощо. Широко в романістиці митця представлена також запозичена лексика на позначення фінансово-економічних та адміністративних понять: *тугра*, *акче*.

Серед екзотизмів, уживаних в історичних романах «Роксолана» та «Я, Богдан», виразно подана також тематична група слів на позначення представників сім'ї, різних прошарків суспільства: *валіде* – мати султана; *суфій* – учений; *кадій* – мусульманський суддя; *ортак* – великий землевласник; *байї* – продавці; *дельсізи* – без'язикі слуги султана; *ашик* – народний співець. Наприклад: «*Послідовник однієї з мусульманських сект Мехмед-паша **суфій,** а **суфії** засуджують всі втіхи*».

Неповторного національного колориту роману «Роксолана» надає постійне використання письменником назв одягу, взуття, побутових реалій: *чарчаф*, *тюрбан*, *чамма*, *яшмак*, *чамліт*, *багатія*, *мухаїр*: «*Валіде сиділа на подушках, уся в білих хутрах, обличчя її закривав білий **яшмак,** над яким горіли її величезні, чорні з напівмороку очі*». Використання цієї лексики не випадкове, адже одним із завдань митця було відбиття неповторного «речовинно-тілесного» світобачення представників турецько-татарського світу.

Водночас спостереження показує, що однією з найменш представлених тематичних груп екзотизмів в історичних романах П. Загрельного «Роксолана» та «Я, Богдан» є група слів на позначення назв рослин і тварин, що, очевидно, зумовлене подібністю природно-кліматичних й господарських умов життя українців і османів.

Окреслене вище коло тематичних груп сприяло досягненню П. Загребельним відповідної авторської настанови – створення виразних картин суспільного, державного, культурно-побутового життя турецько-татарського населення у XVI-XVII ст. в контексті його взаємодії з українським світом. Якщо говорити конкретніше, то аналіз дає підстави виокремити такі функції тюркізмів в історичних романах П. Загребельного «Роксолана» та «Я, Богдан»:

1. Створення колориту історичної епохи.
2. Позначення соціально-економічних, соціально-політичних реалій життя Османської імперії.
3. Відбиття специфіки мовлення тюркомовного населення.
4. Створення територіально-географічного колориту текстів.
5. Забезпечення протиставного ефекту «своє-чуже».

Схвальні відгуки як літературознавців, так і мовознавців про мову творів П. Загребельного свідчать про те, що використана письменником запозичена або іншомовна лексика на відбиття реалій відповідної історичної епохи забезпечила виконання всіх названих вище функцій й у результаті сприяла створенню цілісних художньо-історичних полотен, що «дихають історією й життям» для читачів, що звертаються до них, захоплюючись справжньою мовною майстерністю українського письменника.

Насамкінець варто зазначити, що слова-тюркізми займають основне місце серед мовних особливостей роману «Роксолана» й дещо менш значне – серед специфічних ознак роману «Я, Богдан». Українські тюркізми відрізняються тематичною різноманітністю в цих творах П. Загребельний індивідуально підходить до стилістичних функцій запозичень із тюркських мов, які стали лексично засвоєні українською мовою. Особливістю індивідуального стилю письменника є детальне змалювання одягу, взуття, та примітивних видів зброї турецького народу. Слова-екзотизми на позначення загальних назв, на яких акцентовано увагу під час дослідження, уживаються зі стилістичною метою – головним чином для докладної характеристики тюркських народів. Певною мірою екзотизми надають зображуваному середовищу колориту, екзотики, випукло репрезентуючи національну самобутність побуту й звичаїв турків.

Дослідження корпусу тюркізмів у романах П. Загребельного засвідчило, що, крім лексики, митець для відбиття історико-культурної специфіки епохи й створення відповідного колориту широко покористовується специфічними синтаксичними конструкціями, які відбивають просодичні особливості й манеру говоріння

тюркського населення. Цей аспект, як свідчить аналіз наукових джерел, ще не потрапляв до кола зацікавлення дослідників, тож може стати перспективним для більш глибокого й всебічного вивчення ідіостилю П. Загребельного.

Джерела та література

1. Бурячок А. А. Лексика сучасної української мови з погляду її походження / А. А. Бурячок // Сучасна українська літературна мова / За заг. ред. акад. І. К. Білодіда. – К.: Наук. думка, 1973. – 101-151 с.
2. Брюгген В. Настя, Хуррем, Роксолана / В. Брюгген // Дніпро. – 1981. – № 3. – С. 131-135.
3. Загребельний П. Втішання історією. Авторське післяслово / П. Загребельний // Загребельний П. Роксолана / П. Загребельний. – К.: Дніпро, 1988. – С. 593-600.
4. Загребельний П. Роксолана / П. Загребельний. – К.: Дніпро, 1988. – 603 с
5. Загребельний П. Я, Богдан. (Сповідь у славі) / П. Загребельний. – Харків: Фоліо, 2001. – 654 с.
6. Лисиченко Л. Лексико-семантичнй вимір мовної картини світу / Л. А. Лисиченко. – Харків: Вид. група «Основа», 2009. – 191, [1] с.
7. Пономарів О. Стилістика сучасної української мови: підручн. / О. Пономарів. – 3-тє вид. – Тернопіль: Навч. книга – Богдан, 2000. – 248 с.

УДК 811.111 (075. 8)

Николаева А. В.,
Разуваева Т. Н.

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СХОДСТВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема цветообозначения представляет собой широкий спектр для разносторонних лингвистических исследований. Для эксплицитного и имплицитного выражения значения сходства используются 4 структурно-семантических типа цветообозначений. В качестве основных *общелингвистических* методологических концепций, определяющих парадигму исследования, принимаются принципы взаимосвязи языка и мышления, взаимодействия языковой системы и речевой среды, а также функционально-системный подход.

Ключевые слова: цветообозначение, сходство, структурно-семантические типы.

Проблема цветообозначення являє собою широкий спектр для різнобічних лінгвістичних досліджень. Для експліцитного та імпліцитного вираження значення подібності використовуються 4 структурно-семантичних типу цветообозначений. В якості основних загальнолінгвістичних методологічних концепцій, що визначають парадигму дослідження, приймаються принципи взаємозв'язку мови і мислення, взаємодії мовної системи і мовного середовища, а також функціонально-системний підхід.

Ключові слова цветообозначенія, схожість, структурно-семантичнітипи.

The problem of colour naming is the object of diverse linguistic researches. There are 4 structural-semantic types of colour naming linguistic units which can express identity both explicitly and implicitly. The research is done on the basis of the following methodological conceptions of general linguistics: language and mind interrelation, language and speech interrelation, as well as the functional-sematic approach.

Key words: colour naming, identity, structural-semantic types.

В нашем исследовании мы отдаём предпочтение понятию«сходство» и близких к нему понятий «равенство / подобие», которые снимают проблему «предельности», характерной дифференциальной черты понятия «тождество». Отношения равенства, допускающие различную степень сходства, от приближающегося к предельному до минимального, присущи самым разным явлениям объективного мира; следовательно, такие отношения легче проследить как в условиях окружающей действительности, так и в языке.

Сходство – это обязательная предпосылка сравнения и одновременно его результат. Различие не отрицает сходства, оно предполагает его как условие сравнения.

Выражение значения сходства связано не только с морфологическими и синтаксическими языковыми единицами, но и с лексическим уровнем языка. Среди лексических единиц, выражающих значение сходства особый интерес представляютприлагательные цветообозначения, которые являлись самостоятельным объектом исследования в работах современных лингвистов [1; 7; 8; 9]. Однаков фокусе исследователей не находился аспект изучения прилагательных цветообозначения для выражения значения сходства. Лексические единицы выражают ту или иную категорию чаще всего имплицитно, если они не содержат определенных словообразовательных морфем, которые группируют единицы языка по определенным категориям [4, с. 10]. Языковые единицы цветообозначения, согласно результатам проведенного нами структурно-семантического анализа, можно разделить на четыре структурных типа и наряду спростыми (корневыми) прилагательными выделить: 1. прилагательные, образованные при помощи суффиксов и конверсии; 2. прилагательные, образованные при помощи словосложения; 3. словосочетания и фразеологические единицы, содержащие цветообозначения. Группы прилагательных цветообозначения 1. и 2. скорее эксплицитно, чем имплицитно выражают значение сходства, так содержат определенные словообразовательные морфемы. Группа прилагательных цветообозначения 3. относится к синтаксическим языковым средствам и действительно выражает значение сходства имплицитно.

Рассмотрим структурно-семантические типы прилагательных цветообозначения, передающих значение сходства. Материалом исследования послужили примеры, отобранные методом сплошной выборки из электронных корпусов: BritishNationalCorpus (BYU– BNC) [12]и CorpusofContemporaryAmericanEnglish (COCA) [13].

1. Прилагательные, образованные при помощи суффиксов и конверсии.

В английском языке для образования прилагательных, обозначающих цвет, употребляются следующие суффиксы*:* **-y, -ish, -ous, -ed, -an.**

Суффикс -*ish* указывают на слабую, малую степень качества предмета по цвету: *whitish, greenish, blackish, yellowish, reddish, blueish, brownish,* т. е. цвет не белый, не зеленый и т. п. но близок белому, зеленому и т. п. цвету. Например:

Every day me learn me start feel Blacka Some people say me reddish …(City psalms. Zephaniah, Benjamin. Newcastle upon Tyne: Bloodaxe Books Ltd, 1992 @).

Where are the old apples, the conical, uneven apples, obscurely ribbed, ripening to deeper yellow, the crimson-cheeked apples, marbled and washed with clear red, the deep lively green apples, strewed with silvery scales, dark-spotted, speckled like hens, brownish , orange-tinged against the sun (Sky ray lolly. Pitt-Kethley, Fiona. London: SphereBooksLtd, 1992 @).

Суффикс -y считается продуктивным и обозначает обилие чего-нибудь. Однако для образования прилагательных со значением цвета этот суффикс малопродуктивен [7]. При его помощи образуются прилагательные от существительных и имеют значение: похожий, напоминающий своими качествами то вещество, тот предмет, которые обозначены основными по цвету: *milky, snowy, bloody, skyey*.Например:*Thenceforth I was submerged in a sea-poem Infused with milky stars, gulped the profound Viridian where, disconsolate and calm, Rapt faces drifted past of the long drowned (The hunt by night. Mahon, Derek. Oxford: OUP, 1986 @).*

He had on a three-quarter-length crombie with a velvet collar, a dark-blue suit with the faintest of pin-stripes and a snowy linen shirt (My idea of fun. Self, Will. London: Bloomsbury Pub. Ltd, 1993 @).

Суффикс *ed*, будучи наиболее продуктивным, образует прилагательные, обозначающие цвет, от существительных: *orange+ed=oranged, rose+ed+rosed, sand+ed=sanded.* Например: *As they quietened, the sun-colours on the stone yellowed, oranged, reddened (King Cameron. Craig, David. Manchester: CarcanetPress, 1991 @).*

Данный пример, обнаруженный в корпусе BYU-BNC, свидетельствует о том, что при помощи суффикса – ed также происходит образование прилагательных от однокоренных прилагательных цветообозначения.

Такой способ словообразования, как конверсия широко используется для передачи значения сходства или подобия в области цветообозначения: *lemon – «лимонный цвет»; flamingo – «желтовато-красный»;violet – «фиолетовый»; pearl – «бледно-голубой»;chestnut – «каштановый».* Например: *Even in faded jeans and a lemon T-shirt he was still the most imposing, unnerving man Polly had ever met (Bay of rainbows. James, Dana. Richmond, Surrey: Mills&Boon, 1993 @).*

3. Прилагательные, образованные при помощи словосложения.

Уточнение определенного оттенка цвета выражается при помощи сложных прилагательных, частью которых является прилагательное цветообозначения, подчеркивающее тот или иной оттенок цвета.

Вслед за М. Ю. Закурдаевой [5, с. 3], мы считаем, чтосложные адъективные цветообозначения – это языковые единицы, состоящие из двух и более основ, пишущихся через дефис и включающие колоративный элемент**: b o n e - w h i t e** *(светлый, бежевый)*,**s u g a r - w h i t e** *(сахарный, светло-белый),***s i l v e r - w h i t e** *(серебристый с белым оттенком), прилагательное***w h i t e - b l u e** *подчеркивает цвет неба или морской волны.* Словосложение стало играть ведущую роль при обозначении не только случайно встречающихся цветовых оттенков, но и охватывающих множество цветовых нюансов, промежуточных цветов [11, с. 2].

Способ образования сложных прилагательных, обозначающих цвет, реализуется посредством следующих четырех моделей, которые передают значение сходства по цвету:

1) ***N + P II*** *(-coloured): flame-coloured (огненный)*, *bay-coloured (гнедой)*.

2) ***N + Adj***: *honey-brown, grass-green; wood-brown, almond-green, amethyst-purple, bottle-green, forest-green.* Например:*I'm being beaten up by colours – grass-greenviolet scarlet beige BANG rust indigo lime BANG! rose-pink,slate-grey, flame-orange BANG BANG! – and the colours have got my face. I'm being beaten up by a jumbled-up rainbow-coloured ME (Gate-crashing the dream party. Leonard, Alison. London: WalkerBooksLtd, 1990 @).*

В словообразовательной модели N + Adj, передающей значение сходства по цвету, особый интерес представляет субстантивная основа, уточняющая оттенок того или иного цвета. Субстантивные основы включают огромный круг понятий, которые распределяются по следующим семантическим группам [2, с. 6]:

– флора:*; rose-pink; lemon-yell*ow;
– фауна: *mouse-gray; raven-black; salmon-pink;*
– полезныеископаемые: *stone-gray; coal-black; opal-blue; copper-brown*;
– изделия различных производств: *brick-red; porcelain-blue*;
– продукты питания: *milk-white; wine-red;*
– период времени, ассоциирующийся с определенным цветом: *night-black;*
– природные пространства: *sea-green; field-gray*;
– топонимы: *Lincoln-green (ярко-зеленый); orient-blue (ярко-синий с отблеском);*
– антропонимы: *Vandyke-brown (темно-коричневый); baby-blue (нежно-голубой).*

Модель ***N + Adj*** может быть представлена осложненным вариантом: ***N+N + Adj****sea-foam-white (цвета морской пены); iron-oxide-red (цвета ржавчины)*.

3) ***Adj + Adj –*** сочетание двух прилагательных, обозначающих цвет: – *golden-yellow, milky– white, snowy-white, grey-green.* Здесь может возникнуть вопрос, какой из компонентов в таких сложных прилагательных, обозначающих цвет, передает основной тон, а какой оттеночный? Ванглийскомязыкеосновнойтонцветапередаетвторойкомпонент. Например:*The blind man was pointing at him, his milky-white eyes shivering in their sockets and a smile of radiant joy revealing his rotted teeth (A little lower than the angels. McCaughrean, Geraldine. Oxford: OUP, 1987 @).*

Her face was small, white and thin, with a lot of freckles, and she had large grey-green eyes (Anne of Green Gables: Oxford Bookworms edition. Oxford: OUP @).

4. ***Словосочетания и фразеологические единицы, содержащие цветообозначения.***

В английском языке имеются словосочетания, состоящие из двух или более слов, которые пишутся раздельно, но в целом обозначают цвет и передают значение сходства. Рассмотрим несколько подтипов словосочетаний, выражающих цветообозначение.

1) данный структурный тип представляет собой синтаксические конструкции, как правило, состоящие из предложной конструкции: *thecolour + of + (the / Adj) N: thecolouroftheground, thecolourofink, thecolourofwetearth, colorofpinksunset.* Например:*…except the matron's labrador bending by the bicycle sheds to its inch of lipstick the colour of rhubarb (A Martian sends a postcard home.Raine, Craig. Oxford: OUP, 1979 @).*

Подобные конструкции сопровождаются словом *colour*и только опосредованно указывают на характер этого цвета, поэтому в лингвистической литературе подобные словосочетания получили название «опосредованных сложных колоративов, потому что они не называют сам цвет, но указывают на него посредством предмета, имеющего такой цвет, а поэтому человек должен сначала представить себе предмет, и лишь после этого он сможет понять, о каком цвете идет речь [5, с. 5].

В подобных словосочетаниях, о чем свидетельствует М. Ю. Закурдаева, невозможно заменить элементы этих словосочетаний на семантически близкие или однокорневые, при сохранении общего значения. Нельзя вместо*цвет морской волны* сказать *цвет океанской волны,* хотя в океане вода по цвету практически не отличается от морской, тем не менее, это будет уже новое цветообозначение [5, с. 5].

Как отмечают исследователи, «на Западе уже давно избегают давать цвету дорогой помады или машины «непрестижные» названия типа «красный» или«молочно-белый». По возможности используются броские, эмоционально насыщенные слова типа *монастырский шик* (аскетичный белый цвет), *аврора* (ярко-красный), *девичьи грезы* (мягкий бледно-розовый). Такие слова несут дополнительную рекламную функцию. Это и есть упаковка цвета» [2, с. 64]. В английском языке в таких конструкциях не всегда используется слово *цвет* (*colorofpinksunset*, а *pinksunset*), чтобы не делать конструкцию более громоздкой.

2) Сочетание трех прилагательных, обозначающих цвет. Количество таких прилагательных в английском языке очень ограничено: *darkwheyishyellow* [5, с. 5]. Согласно результатам проведенного нами исследования подобных примеров обнаружено не было.

3) Фразеологические единицы (ФЕ), выражающие значение цветообозначения.

Как известно, фразеологический корпус является пластом лексического состава языка, в котором зафиксированы сведения о духовной культуре и менталитете нации. В подобных словесных комплексах закодирована информация об истории, укладе жизни и характере народа. Значительную часть фразеологии составляют фраземы, в состав которых входят цветообозначения [3].

В рамках нашего исследования представляют интерес компаративные ФЕ (КФЕ) цветообозначения, поскольку данные словосочетания передают значение сходства и подобия. Например: *... but for some neighbours, the pink pub is like a red rag to a bull (Jay loves Lucy.Cooper, Fiona. London: Serpent'sTail, 1991 @).*

Данный пример указывает на то, что для соседей паб является не просто неприятным, а раздражающим фактом, который вызывает в них чувство, близкое к ярости.

В современном английском языке КФЕ цветообозначения указывают на сходство того или иного цвета с каким-либо предметом: *redasgrenade; whiteassnow; blacкasraven; whiteaspearl; whiteasmilk;blueassky.* Например: *When he went to look at Anna before going to school her eyes were once more as blue as the sky, and she curled her fingers round his as if she didn't want to let him go (The rich pass by. Pope, Pamela. London: CenturyHutchinson, 1990 @).*

Согласно результатом исследований, проведенных в области ФЕ, выражающих значение цветообозначения [3; 10; 6] красный цвет выделяется на фоне других цветов своей яркостью и красотой, и именно это свойство красного цвета является доминирующим в структуре ФЕ, по сравнению с другими цветами. «Прослеживается четкая тенденция для колоративных компонентов, обладающих достаточно сильным эмоциональным воздействием на человека, – среди таких компонентов особо выделяется красный цвет, в меньшей степени – синий и зеленый – способность вызывать большое количество ассоциаций и как следствие – участие в образовании большого числа ФЕ с различной семантикой» [10, с. 15].

Таким образом, прилагательные цветообозначения передают значение сходства как имплицитно, так и эксплицитно, что зависит от арсенала используемых языковых средств. Изучение проблемы цветообозначения представляется весьма перспективным лингвистическим исследованием, поскольку вовлекает различные современные языковедческие направления: лингвокультурное, функциональное, когнитивное, психолингвистическое.

Источники и литература

1. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в современном русском языке / Н. Б. Бахилина. – М., 1975.– 286 с.
2. Василевич А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте / А. П. Василевич. – М., 1987. – 150 с.
3. Герасименко И. А.Семантика русских цветообозначений: моногр / И. А. Герасименко. – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2010. – 180 с.
4. Джамашева Г. З. Типологическая категория компаративности: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Г. З. Джамашева. – Ташкент, 1989. – 18 с.
5. Закурдаева М. Ю. Об одной группе колоративов в русском языке / М. Ю. Закурдаева // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/natural/vdpu/Movozn/2011_17_1/article/12.pdf, свободный.
6. Ильясова Л. И. Устойчивые сравнения с колоративным компонентом в английском и русском языках: Автореф. дис. …. канд. филол. наук / Л. И. Ильясова. – Казань, 2009. – 20 с.
7. Иматшоева М. Б. Выражение цветообозначения в разносистемных языках на материале шугнано-рушанской группы языков, таджикского и английского языков):Дисс. …. канд. филол. наук / М. Б. Иматшоева. – Душанбе, 2010 – 205 с.
8. Москович В. А. Семантическое поле цветообозначений / В. А. Москович. – М.,1975. – 230 с.
9. Москович В. А. Система цветообозначений в современном английском языке / В. А. Москович // Вопросы языкознания АН. СССР. – М., 1960. – № 6. – С. 82-87.
10. Праченко О. В. Фразеологические единицы с колоративным компонентом в русском, английском, испанском и португальском языках: Дис. ... канд. филол. наук / О. В. Праченко. – Казань, 2004. – 197 с.
11. Солодухо Э. М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии / Э. М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1977 – 215 с.
12. BYU– BNC– BritishNationalCorpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://corpus.byu.edu/bnc/, свободный.
13. COCA – Corpus of Contemporary American English [Электронныйресурс]. – Режим доступа: http://corpus.byu.edu/coca/), свободный.

УДК 81’1=16+81’ 373.2+81’ 373.21 **Нуртазина М. Б.**

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СИГНАЛЫ НАПРАВЛЕННОСТИ НА АДРЕСАТА КАК ЗНАЧИМАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТРОЕНИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Проблемы описания адресованности текста и дискурса рассматриваются в ракурсе функционального и прагматического подходов. Определяется специфика выражения адресата через концепты и лексические единицы в зависимости от изменений общекультурного фона. Выражение адресата обладает определенной эмоциональной коннотацией и той прагматической информацией, которые придают особую сложность для выражения в синтаксической структуре, по-разному проявляясь в различных речевых ситуациях.
Ключевые слова: адресованность, функциональный подход, прагматическое описание, дискурс и текст.

Проблеми опису адресованості тексту і дискурсу розглядаються в ракурсі функціонального та прагматичного підходів. Визначається специфіка вираження адресата через концепти та лексичні одиниці в залежності від змін загальнокультурного фону. Вираз адресата володіє певною емоційною конотацією і тією прагматичною інформацією, які надають особливу складність для вираження в синтаксичній структурі, по-різному виявляючись у різних мовних ситуаціях.
Ключові слова: адресність, функціональний підхід, прагматичний опис, дискурс і текст.

The problem of addressee describing in the text and discourse are considered from the perspective of the functional and pragmatic approach. Specificity of expression through the recipient's concepts and lexical items is based on changes in general cultural background. The recipient has a certain emotional connotation and the pragmatic information which gives particularly difficult to express the syntactic structure, which manifests itself differently in different speech situations.
Key words: addressee, functional approach, pragmatic description, discourse and text.

Наблюдающаяся в настоящее время переориентация языкознания с проблематики языка в действии на проблематику языка в контексте человека, способного порождать и совершать речевые поступки, означает перенос внимания с вопросов структурализации языка, каталогизации его единиц и отношений между ними на вопросы использования языка в различных условиях коммуникации, в тексте. Такая смена приоритетов закономерна, так как она отражает новый этап в развитии науки о языке [1, с. 279; 2, с. 19; 3, с. 34-35], «возвращает человеку статус «меры всех вещей» и ставит его в центр мироздания [4, с. 64]. Но это не исключает обязательной преемственности между новым и предыдущим этапами языкознания, возможности и целесообразности использования накопленных ранее знаний, представлений и фактов в интересах новых теорий и концепций.

Процесс общего антропоцентризма лингвистики не мог не коснуться и всех уровней языковой системы, которые непосредственно связаны с процессом мышления, и с процессом коммуникации, особенно сложных конструкций. Как отмечает М. В. Всеволодова, «русский язык обладает поистине уникальной способностью к синтаксическим трансформациям, основной целью которых является изменение ракурса подачи ситуации» [5, с. 45]. Например: «*Безрадостной любви развязка роковая! Не тихая печать, а смертной муки час…**Пусть** жизнь – лишь злой обман**, но** сердце, умирая, Томится и болит, и на пороге рая Еще горит огнем, что в вечности погас»* (В. Соловьев. Безрадостной любви); *«Почему все устроено так глупо: **можно спасти человека от любой неважной беды** – от болезни, от равнодушия, от смерти, **и только** от настоящей беды – от любви – **ему никто и ничем не может помочь..** Всегда найдется тысяча советчиков, и каждый будет советовать сам себе. Да и потерпевший-то, дурак, сам не хочет, чтобы ему помогали, вот что дико»* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Попытка к бегству).

Широкомасштабное описание функционально-семантических полей, выделение функционально-семантических категорий позволяет расширить сферу функциональных исследований и продолжить ее в коммуникативно-прагматическом направлении. Для нас представляет интерес изучение интегрирования функционального и прагматического подходов в комплексное исследование языка, описание системы языковых средств выражения адресованности высказывания при реализации различных конструкций, составляющих фундамент для репрезентации речевого контакта и выявления прагматического содержания текста и дискурса. В таком случае особое внимание обращается не просто на номинацию тех или языковых средств, а номинацию глобальной, осуществляемой в рамках и условиях конкретной коммуникации.

Реализация в конкретных ситуациях фактора адресата отличается разнообразием своих функциональных значений, определенной эмоциональной коннотацией и той прагматической информацией, которые придают особую сложность их синтаксической структуре, по-разному проявляясь в различных речевых ситуациях. Анализ прагматического содержания текста, дискурса и входящих в них компонентов предполагает учет всех тех отношений, в которые вступают в ходе коммуникативного действия как говорящий, так и слушающий. Ведь, по мысли И.П. Сусова, «любое лингвистическое исследование речевой деятельности, ее аспектов и единиц, в том числе коммуникативных единиц, должно основываться на определенном понимании функции речи, факторов языкового употребления и языкового варьирования, на определенной модели коммуникативного акта, с выделением его составляющих, установлением их типологии и ролей в речедеятельности, процессов и отношений, прямо или опосредованно связывающих названные явления» [6, с. 99]. Вслед за Е. В. Падучевой мы будем относить к лингвистической прагматике научную область, которая рассматривает «языковые элементы, ориентированные на речевое взаимодействие» [1, с. 223]. Применительно к исследованию дискурса суть подобного подхода изложена в работе А. Е. Кибрика, что «обычно лингвист «помещает себя» в текст и, исходя из его элементов и связывающих эти элементы отношений, строит систему обслуживаемых им функций. Напротив (теоретически мыслимая) лингвистическая модель языкового взаимодействия «помещает» лингвиста непосредственно в РА, структура и цели которого должны пролить свет на то, как устроен текст» [7, с. 288]. Можно, к примеру, сравнить также понятие дискурса в работах В. В.Красных, Л. М. Макарова [8, с.23; 9, с. 10] и А. В. Олянич, где дается описание презентационного подхода к дискурсу как лингвосемиотическому и информационному пространству, в который говорящий транспортирует концепты и образы в целях коммуникативного воздействия [15, с. 89].

Такое рассмотрение структуры дискурса позволяет увидеть в нем арену взаимодействия участников речевого акта: говорящего (автора текста), слушателя (адресата текста) и той реальности, которая находит отражение в тексте.

Подлинная сущность текста всегда разворачивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов, по мнению М. М. Бахтина, при этом происходит реконструкция «образа аудитории». Прагмалингвистическое исследование дискурса должно быть ориентировано, как считает М. М. Бахтин, прежде всего, на авторское присутствие, т.е. «субъективное эмоциональное оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания. В разных сферах речевого общения экспрессивный момент имеет разное значение и разную степень силы, но есть он повсюду: абсолютно нейтральное высказывание невозможно» [10, с. 188].

Следующей значимой характеристикой строения дискурса выступает фактор развернутости на слушателя. «Существенным (конститутивным) принципом текста является его обращенность кому-либо, его адресованность. Кому адресовано высказывание, как говорящий (или пишущий) ощущает и представляет себе своих адресатов, какова сила их влияния на высказывание – от этого зависит и композиция и в особенности стиль высказывания» [10, с. 200]. К. Бюлер выдвигает оригинальную семиотическую теорию языка [11, с. 178-195], указывая на то, что знак является полифункциональным феноменом: это символ, это симптом в силу своей зависимости от отправителя и это сигнал в силу своей апелляции к слушателю, чьим внешним поведением или внутренним состоянием он управляет. Как справедливо заявляет голландский исследователь Т. А. ван Дейк, к прагматическому контексту относится фактор адресованности дискурса, так как он определяется стремлением говорящего к адекватному пониманию адресатом речевого произведения, при этом «говорящий может только тогда успешно осуществить намеченный речевой акт, когда он уверен, что прагматический контекст удовлетворяет условиям этого речевого акта» [12, с. 26]. Адресат не только неотъемлемый компонент дискурса (проявление его антропоморфизма), но и та сила, которая формирует его семантические характеристики. Категория адресата свидетельствует и об особенностях того или иного этноса, несет на себе печать той или иной культуры, а этнопсихологические особенности адресованности дискурса, сигнализируемые концептами, заслуживают особого рассмотрения, в частности, лексические единицы, передающие «алфавит человеческих чувствований». Такие тексты несут не вполне одинаковую информацию и свидетельствуют о различиях в умственном, культурном и социальном статусе адресатов. Идентификация и узнавание сигналов адресованности зависят от особенностей восприятия текста и дискурса реальным читателем и носит вероятностный характер

Разумеется, что отражаемая в речи действительность, субъективно-авторское начало, потенциал восприятия как компоненты прагматической структуры текста присутствуют в структуре дискурса только во взаимосвязи. Б. М. Гаспаров рассматривает язык как среду существования человека, с которой происходит его постоянное взаимодействие, поэтому автор пытается нарисовать картину нашей повседневной жизни, следуя за языковым поведением и интуицией говорящих [13, с. 56-59].

В соответствии с современной тенденцией основной единицей коммуникации принято считать текст, рассматриваемый в непосредственной связи с коммуникативно-прагматической функцией, так как «текст представляет собой не просто языковой объект, построенный говорящим и воспринимаемый слушающим, а орудие, посредством которого осуществляется коммуникативное действие, производится воздействие со стороны говорящего на слушающего и организуется их взаимодействие в предметно-практическом или теоретико-познавательной деятельности по отношению к референциальной ситуации» [14, с. 99; см. также: 1; 2].

Применительно к нашему предмету исследования можно выделить два аспекта коммуникативной функции, выполняемой различными синтаксическими конструкциями: 1) передача информации адресату; 2) оказание планируемого воздействия на адресата. Априори отметим, что способность к воздействию на интеллектуально-эмоциональное состояние адресата свойственна многим синтаксическим конструкциям как языковым единицам, а не возникает в процессе коммуникации. Вот почему имеет смысл говорить о коммуникативном компоненте семантики лексических и синтаксических единиц как об их воздействующих потенциях.

Адресованность – это имманентная прагмасемантическая категория. Представление о предполагаемом адресате отражается в адресатно-ориентированной перспективе, в лексических единицах типа «судьба», «удивление», «любовь», «дружба», «гнев» и др., не нейтральных к этнопсихологическим особенностям того или иного социума и определяющих характер прогнозируемой интерпретации, ее глубину. В зависимости от культуры, к которой принадлежит адресат, меняется и представление о «судьбе» и «fate». В английском языке исчезает оттенок тайны, в русском языке он сохраняется. «Fate» непоправима, но не неизбежна. В русском языке со словом «судьба» связан элемент фатализма. Общим по значимости для русской и английской лингвокультур явился такой аспект удивления, как когнитивное напряжение, вербализованный с помощью лексем «изумление», «amazement» и «astonishment». Все они называют удивление высокой степени интенсивности, однако если в русском языковом сознании оно концептуализируется в образе потери рассудка, то для английского языка характерны более активные метафоры лабиринта и громового оглушения. Специфичным для русского человека явилось ощущение неспособности управлять положением дел в мире и зависимости всего происходящего от воли высшей силы, что отражает сакральный характер этимологической основы существительного удивление.

В одном и том же социуме ассоциативные связи слова в дискурсе могут меняться в зависимости от изменений общекультурного фона, что обязательно должен учитывать говорящий. Для успешного протекания коммуникативного акта говорящий должен, по мнению Т. А. ван Дейка, располагать информацией о «семантических стратегиях»: 1) начальном состоянии того мира, в котором он действует; 2) об «объективно» существующем положении вещей в мире; 3) о своих собственных возможностях и желаниях; 4) о желании других лиц; 5) о правилах и нормах, регулирующих предполагаемые действия слушающего в настоящий момент [12, с. 63].

Значение таких построений характеризуется смешением нескольких семантических линий, возникновением их сложной комбинации. К основной семантической линии, выражаемой эксплицитно, присовокупляются дополнительные, выражаемые имплицитно, что и позволяет говорящему наиболее адекватно передать разнообразные специфические смысловые оттенки отношений, что, видимо, можно назвать «модернистской техникой в нарративе», по мнению Т. В. Падучевой [1, с. 279], тем самым оказывая воздействие на адресата.

Таким образом, можно констатировать, что в основу порождения дискурса закладывается программа прогнозируемого восприятия и какие-то параметры предполагаемого адресата. Для осуществления успешной коммуникации эти параметры должны включать как социально-типологические, так и психолого-личностные черты возможного адресата. Это предопределяет глубину интерпретации текста и дискурса.

Источники и литература

1. Текст в системе языка и речи: докл. 7-й международ. науч. конф., 2-5 окт. 1999 г., Москва / Падучева Е. В. О модернистской технике в нарративе с лингвистической точки зрения. – М.: Моск. гос. откр. пед. ун-т, 1999. – С. 279-296.
2. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
3. Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура / сб.статей в честь Н. Д. Арутюновой / [Падучева Е. В., Бондарко А. В., Золотова Г. А. и др.]; [отв. ред. Ю. Д. Апресян]. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 880 с.
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Научные доклады высшей школы, 2001. – № 1. – С. 64-71. – (Серия Филологические науки).
5. Текст в системе языка и речи: докл. 7-й международ.науч. конф., 2-5 окт. 1999 г., Москва / Всеволодова М. В. Текст в свете некоторых синтаксических категорий. – М.: Моск. гос. откр. пед. ун-т, 1999. – С. 41-50.
6. Сусов И. П. Семантика и прагматика предложения / Сусов И.П. – Калинин: КГПИ, 1980. – 120 с.
7. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универс., типовое и специфич. в языке) / А. Е. Кибрик. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 336 с.
8. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
10. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров: собр. соч. в 7 т. / М. М. Бахтин. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5. – С.159-206.
11. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка / пер. с нем. – [вст. ст. Т. В. Булыгиной] / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 2000. – 528 с.
12. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер.с англ. [сб. работ] / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 311 с.
13. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литер. обозрение, 1996. – 352 с.
14. Коммуникативные единицы языка: тез. докл. всесоюз. науч. конф. – Москва / Г. Г. Почепцов Фактор слушателя. – М.: АН СССР, 1984. – С. 99-102.
15. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.

УДК-372.882

Обернихина Г. А.

УРОКИ ПОЭЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ [КОНЦЕПЦИЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ «УРОКИ ПОЭЗИИ: ПОЭТИЧЕСКИЕ ШЕДЕВРЫ РУССКИХ ПОЭТОВ XVIII-XIX ВВ»].

В статье рассматриваются проблемы, связанные с совершенствованием изучения русской поэзии XVIII-XIX вв. Как заинтересовать учащихся поэзией, сохранить ее эмоциональное воздействие? Ответы на эти и другие методические вопросы даны в пособии под ред. Обернихиной Г. А.«Уроки поэзии: Поэтические шедевры русских поэтов XVIII-XIX вв.». – М., 2012.».

Ключевые слова: поэзия, восприятие, комментарий, поэтический словарь, мифологические имена.

У статті розглядаються проблеми, що пов'язані з вдосконаленням вивчення російської поезії XVIII-X1X століть. Як зацікавити учнів поезією, зберегти її емоційний вплив? Відповіді на ці та багато інших методичних питань даються у посібнику під ред. Оберніхіної Г. А. «Уроки поезії: Поетичні шедеври російських поетів XVIII-XIX століть». – М., 2012.

Ключові слова: поезія, сприйняття, коментар, поетичний словник, міфологічні найменування.

Poetry has always been and remains a basis of forming of the language sense, imaginary and sensitive perception of the world. There are some problems shown in this article as following: qualitative improvement of the Russian language and Literature teaching, improvement of learning of the XVIII-XIX century Russian classical poetry, which still keeps its educative and spiritual potential in XXI century. How can we do learning of our poetry more interesting for students and keep its emotional influence? Answers for these questions and many other methodical ones were given in this text-book edited by G.A. Obernikhina «The Poetry Lessons: The Poetry Masterpieces of Russian Poets of XVIII-XIX century». – M., 2012. The basic methodical and didactic principle is making the text the center of the poem learning.

Key words: poetry, perception, comments, poetic dictionary, mythological names.

В «Ригведе» [древнеиндийская книга гимнов] можно прочитать: *«Избавь нас от бед! Да победим мы священными стихами тех, которые не знают святых песен!»*. Уже четыре тысячи лет тому назад люди верили в священную силу поэзии. Поэзия! Такое знакомое и такое таинственное слово. Ученые-литературоведы, поэты и читатели пытаются объяснить суть этого понятия. В. В. Маяковский писал: *«Поэзия – вся! – езда в незнаемое».* Поэзия – *«мышление образами», «искусство внушать чувства и мысли окольным путем помимо прямых значений слов»; «умение располагать слова так, чтобы в них одновременно мерцали, просвечивали одно сквозь другое несколько значений»; «поэзия – высшая форма существования языка».*

Чтобы прочитать стихотворение, понять и оценить его, важно иметь «талант» читателя. Для Анны Ахматовой *«…каждый читатель – как тайна,/ Как в землю закопанный клад».* Каждый поэт мечтает о своем читателе, читателе, который поймет и оценит его творчество. Высокую культуру чтения поэтических произведений необходимо формировать постоянно всей системой работы над стихотворением. Богатейшее наследие русской поэтической школы в программах по литературе представляется очень скромно. Вместе с тем, конец 18 века и 19 век отмечены всплеском поэтических дарований. В школьном курсе о некоторых из них даже не упоминается. «Утрачен» интерес к изучению поэзии в современной школе и со стороны ученых– методистов. Практически в последнее время нет и пособий для учителя, в которых бы учитывалась современная ситуация в школьном образовании: сокращение учебных часов на литературу, снижение уровня читательской и общей культуры в обществе и др. Какие пособия можно порекомендовать учителю. Например, пособие И. З. Белобровцевой «Читаем поэзию вместе», изданное в 1994 году. В книге предлагается новая методика чтения поэзии, найден «ключ» к поэзии для маленьких и больших читателей, которая заставляет их задуматься над тайнами поэзии. Полезным для учителя считаем и пособие Л. В.Тодорова «Поэзия: образы и понятия», изданное в 2010 году, в котором систематизированы и осмыслены важнейшие отличительные особенности поэзии как специфической формы организации художественной речи. Пособие под ред. Обернихиной Г. А. «Уроки поэзии: Поэтические шедевры русских поэтов XVIII-XIX вв. – М., 2012» посвящено русским поэтам конца XVIII-XIX веков. В справочной части книги представлены материалы,

важные для творческого прочтения и восприятия стихотворений; в обзорных темах прослеживаются особенности развития поэзии в конце XVIII-XIX веков. В монографических главах освещаются основные факты биографии и общая характеристика творчества поэта, даются тексты стихотворений, комментарии к ним, система вопросов и заданий для анализа, материалы для выполнения творческих работ. В пособии рассматриваются проблемы, связанные с качественным улучшением преподавания русского языка и литературы, с совершенствованием изучения русской классической поэзии XVIII-X1X вв., которая сохраняет и в XXI веке воспитательный и духовный потенциал. Авторы данного пособия пытаются ответить на вопросы: Какие же проблемы возникают при изучении поэзии? Почему далеко не все дети воспринимают поэзию? С чем это связано?

В первую очередь отметим особенности художественного восприятия поэзии, поскольку это процесс сложный, включающий в себя логическое и эмоциональное начало. Психологи считают, что эмоциональная сторона художественного восприятия – это «вчувствование,», «действенное сопереживание», «личная участливость» [(М. М. Рубинштейн]; отмечают ряд типичных недостатков в восприятии поэзии учащимися и связывают их со сложившимися отрицательным отношением к чтению вообще художественной литературы. Следовательно, для устранения названных недостатков необходима перестройка этого отношения. *Можно предполагать, что путь к ликвидации недостатков лежит через раскрытие эмоциональной выразительности художественного изображения с опорой на имеющиеся у этих учащихся потребности и интересы.*

Достижению целей литературного образования способствует формирование и развитие у школьников следующих компетенций: *ценностно-мировоззренческой, общекультурной, читательской, коммуникативной.* Способов активизации художественного восприятия, развитие названных компетенций довольно много: это выразительное чтение, аналитический анализ текста, работа над словом в художественном тексте, проведение историко– литературных и культурологических комментариев, осуществление межпредметных связей [с историей, музыкой, живописью и др.], проведение виртуальных экскурсий по литературным местам. Важнейшим для полноценного художественного восприятия стихотворения является **«…** выразительное чтение – это первая и основная форма конкретного, наглядного обучения литературе, которая для нас важнее всякой наглядности зрительного порядка», – утверждала М. А. Рыбникова. Первый этап, конечно, выяснение впечатлений от прочитанного стихотворения, затем анализ его по вопросам, выполнение заданий, что помогает глубже проникнуть в идейно-образное содержание, понять авторскую мысль, пробуждает образное видение, активизирует эмоциональную память. Следует развивать и совершенствовать у десятиклассников умение передавать при чтении различные чувства и настроения. *Например, «Прочитайте стихотворение В. Г. Бенидиктова «Желание». Какие чувства, ассоциации возникли? Какие картины и образы вы представили? Какие слова помогли вам так ответить так? Каково общее настроение стихотворения? Отметьте слова, которые дали вам основание так ответить. Каков его эмоциональный строй?»*

Отметим роль литературоведческих знаний в формировании эмоционально-эстетических взглядов школьников. К 10 классу школьникам известны многие понятия [жанры, стихосложение в русской литературе, художественный образ, лирический герой и др.]. Однако имеющиеся знания следует углублять и расширять на новом для учащихся материале. Полезно предлагать задания типа: *«Какие особенности поэтики и композиции вы могли бы отметить? Отметьте признаки романтической поэзии. Какие способы рифмовки использованы в стихотворении? Определите стихотворный размер и охарактеризуйте ритмический рисунок стихотворения».*

Отметим также, что читать художественное произведение и полноценно его воспринимать как произведение искусства, надо хорошо представлять себе время и действие, понимать замысел художника, идеи и особенности того, что он создал. Изучение творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, Ф. И. Тютчева, А. К. Толстого и др. предполагает рассмотрение важных исторических, мировоззренческих, эстетических проблем, связанных с эпохой. Важное значение приобретают бытовые и историко-культурные комментарии к произведениям литературы XVIII-XIX веков. Приведем примеры.

Комментарий к стихотворению *А. С. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» носит комплексный характер. Комментируются исторические и культурные события. Пушкин – лицеист прочитал на экзамене в присутствии Г. Р. Державина. В стихотворении прославлялась победа России в Отечественной войне 1812 года. В оде упоминался Г. Р. Державин, талантливый полководец А. В. Суворов и многие другие.*

«При звуках бранного певца»– «бранный певец» – поэт, который описывает сражения и воспевает героев. В данном случае речь идет о В. А. Жуковском.

«Великая жена» – Екатерина II. «Герой Архипелага» – граф Ф. Г. Орлов, победитель турок в битве в Эгейском море у острова, который в старину назывался Архипелаг.

«Екатерининские орлы» – те, кто отличился на государственном поприще при Екатерине II.

«Минервы Росской храм» – Росская Миневра – Екатерина II, которая была покровительницей наук и искусств. В период ее царствования был проведен ряд успешных военных компаний. За это ее называли Минервой – богиней мудрости и войны. Храм Росской Минервы – Екатерининский дворец в Царском Селе.

«Вот наваринский Ганнибал» – И. А. Ганнибал, принимавший участие в сражении при Наварине и в Чесменском бою.

«Вождь полунощного флага» – граф А. Г. Орлов-Чесменский.

«Воитель поседелый» – М. И. Кутузов, великий русский полководец. «О, скальд России вдохновенный» – В. А. Жуковский, русский поэт, который был в дворянском ополчении в войне 1812 года.

«Перун кагульских берегов» – граф П. А. Румянцев-Задунайский.

Комментарий к стихотворению *П.Вяземского «Еще тройка» культурологический. «Во второй половине XIX в. получил широкое распространение романс «Тройка», муз. П. П. Булахова. Кроме того, на слова стихотворения А. И. Дюбюком написан дуэт и ещё два менее известных романса, муз. П. А. Карасева и А. Катенина».*

Внимание к слову в художественном тексте также важный компонент анализа художественного произведения. Оно вырабатывается постепенно, в результате целенаправленной работы при выполнении различного рода упражнений. Слово в художественном тексте «обрастает» новыми значениями, выражает идейно-эстетическое кредо автора. Важное место занимает наблюдение над изобразительно-выразительными средствами языка [эпитеты, метафоры, сравнения], которые широко используют поэты при описании пейзажа, портрета, при передаче состояния

лирического героя. Этому способствуют задания типа: *«Найдите образные слова и выражения и дайте объяснения им исходя из контекста. Выделите изобразительно-выразительные средства с помощью которых раскрывается идейно –эстетическое содержание стихотворения».*

«Проанализируйте художественный строй стихотворения А. А. Григорьева «Я ее не люблю, не люблю… Выпишите лексические повторы, вопросы и другие речевые фигуры. Какова их роль в раскрытии темы? Выпишите ключевые слова, которые способствуют раскрытию темы».

Семантико-эстетические связи слова в художественном тексте помогают выявить лексические лейтмотивы, определяющие идейно-художественные характеристики основных образов стихотворения**.**

«Какие изобразительные средства использует А. А. Григорьев, передавая настроение, переживания лирического героя?

Отметьте изобразительные средства, которые использует поэт, создавая

образ лирического героя? Что можно сказать о любви лирического героя? Какая лексика, художественные средства, интонации помогли вам сделать такой вывод? Каким вам представляется лирический герой стихотворения».

Работа над словом в художественном тексте [также как и комментарии] даёт возможность погрузить учащихся в культуру той эпохи, в которой происходят события, способствует формированию умения понять замысел художника, идею, почувствовать художественный смысл и особенности того, что он создал.

Обычные предметные слова в стихотворении превращаются в художественную деталь, символическое выражение национальных или индивидуальных черт в характере героев. *Так, в хорошо известном стихотворении Ф. И.Тютчева «Зима не даром злится…» без уточнения значения слов и понятий [засуетилась, нудит, трезвон , хлопочет и др.] может быть разрушена полноценность восприятия художественного текста.*

В поэзии XIX века встречаются этнографизмы, как исконно русские, так и заимствованные [амбар, зипун, бурка и др.], историзмы [адмиральский час, барщина, бригадир и др.], устаревшие слова [басурмане, управа и др.], лексика, обозначающая особенности государственного устройства [уезд, губерния, надворный советник, Сенат и др.], религиозная лексика [Бог, алтарь, ангел, ад и др.], мифологизмы [леший, демон, ведьма и др.], античная лексика [Аврора, Фемида, Пегас и др.]. Современному читателю они не всегда известны. Мы проанализировали мифологические имена, которые используются в творчестве поэтов XIX века, в пособии дается толкование этих понятий в комментариях или в справочном разделе.

Высказанные теоретические предпосылки проиллюстрируем конкретными примерами работы над стихотворением П. А. Вяземского «*Воли не давай рукам»* [1823].

Комментарий: Архонты – правители республики в древних Афинах. «Пусть слепа, да руки зрячи…» – Фемида [греч. мифология], богиня правосудия, изображалась с весами в руках и повязкой на глазах. Это символизировало ее беспристрастность.

«Долгоруков благородный / Смело волю дал рукам». Князь Я. Ф. Долгорукий [1659-1720] разорвал указ Петра I, т. к. был с ним не согласен.

Пегас – [греч. Мифология] – крылатый конь, символ поэтического вдохновения.

Нам представляется важным привлечь учащихся к размышлению над стихотворением, выявить их собственное мнение о прочитанном, задуматься над прочитанным См. вопросы 1-4; часть заданий направлена на понимание теории литературы; задания 3,4, 10 способствуют развитию чувства языка, пониманию идейно–эстетических особенностей стихотворения, авторской позиции. Последнее задание предполагает углубление художественного восприятия стихотворения: «Научитесь выразительно читать стихотворение. Можно наизусть».

1. Какие мысли, чувства, настроения возникли у вас при чтении стихотворения П. А. Вяземского «Воли не давай рукам»? Почему? Свой ответ аргументируйте примерами.

2. Какие картины и образы возникли при чтении стихотворения?

3. Каково общее настроение стихотворения? Каков его эмоциональный строй? Какие художественные особенности стихотворения помогли вам сделать такой вывод?

4. Выделите ключевое слово в стихотворении. Отметьте предложения, в которых употребляется слово «руки». Прокомментируйте каждое предложение.

5.Вспомните особенности жанра «сатира». Отметьте сатирические черты. Против кого и чего направлена сатира Вяземского?

6. Охарактеризуйте лирического героя стихотворения. В своих ответах используйте примеры из стихотворения.

7.Охарактеризуйте композицию стихотворения.

8. В процессе анализа стихотворения у вас могли возникнуть еще вопросы. Попытайтесь ответить самостоятельно или обсудите в классе.

9. Как вы поняли название стихотворения?

10. Выпишите ключевые слова, которые способствуют раскрытию темы.

11. Научитесь выразительно читать стихотворение. Можно наизусть.

В пособии, концепцию которого мы представляли, предпринята попытка помочь школьнику оценить, полюбить поэзию «золотого века», стать ее «талантливым читателем».

Источники и литература

1. Андроников И. А. Рассказы литературоведа [О Пушкине и Лермонтове] / И. А. Андроников. – М.: Детская литература, 1973. – С. 248.

2. Баевский В.С. История русской поэзии 1730-1980. Компендиум / В.С. Баевский. – М.: Новая школа, 1994. – С. 320.

3. Белобровцева И.З. Читаем поэзию вместе / И. З. Белобровцева. – М.: Интерпракс: 1994. – С. 79.

4. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.

5. Обернихина Г. А.Уроки поэзии. Поэтические шедевры русских поэтов конца XVIII – XIX вв. / Г. А. Обернихина, В. А. Обернихин. – М.: Инфра-М, 2012. – С. 462.

6. Обернихина Г. А. Литература 10-11 класс: профильный уровень: программа для общеобразовательных учреждений / Г. А. Обернихина, Т. В. Емельянова, Е. В. Мацыяка и др. – М.: Русское слово, 2011. – С. 79.
7. Обернихина Г. А. Литература. 10 класс: профильный уровень: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. / Г. А. Обернихина, И. А. Биккулова, И. М. Лейфман. – М.: Русское слово, 2010. – С. 430.
8. Русская литература XIX века: Программы элективных курсов / [под ред. Г. А. Обернихиной]. – М.: Русское слово, 2006. – С.125.
9. Русская поэзия 19 века / под ред. Г. А. Обернихина // Профильная школа. – 2011. – № 2 [март-апрель]. – С.18-20.
10. Савченко К. В. Золотой век. Поэты пушкинской поры: программа элективного курса по литературе / К. В. Савченко // Профильная школа. – 2009. – № 1. – С. 22-24.
11. Тодоров Л. В. Поэзия: образы и понятия. Пособие для учителя / Л. В. Тодоров. – М. : Русское слово, 2010. – С. 185.
12. Энциклопедия для детей. Русская литература от былин до классики XIX века. – М.: Аванта+, 2006. – С. 465.
13. Якушин Н. И. Золотой век русской поэзии: поэты пушкинской поры / Н. И. Якушин. – М.: АСТ, 2006. – С. 284.

УДК: 81’42’373.7’246.3 – 115

Овсянников В. В.,
Газда Н. Н.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК В СЛОВАРНОМ МАРКЕРЕ

Центральное место разговорной идиоматики в лингвистических исследованиях статья связывает с парадоксальной ориентацией полевых исследований на тексты, организованные литературной нормой.
Ключевые слова: естественный язык, разговорная идиоматика, сленг, стилистическая дифференциация словаря, перевод.

Центральне місце розмовної ідіоматики у мовознавчої теорії стаття пов’язує з парадоксальною орієнтацією польових досліджень на тексти, упорядковані літературною нормою.
Ключові слова: природна мова, розмовна ідіоматика, сленг, стилістична дифференціація словника, переклад.

The central place of colloquial idiom in linguistic theory the article relates to the paradoxical orientation of field research towards the texts arranged in accordance with the literary norm.
Key words: natural language, colloquial idiom, slang, stylistic differentiation of vocabulary, translation.

В настоящей статье естественный язык рассматривается в связи со словарной маркировкой, отражающей стилистическую дифференциацию английского лексикона. **Основная мысль статьи** состоит в том, что полевым материалом, позволяющим делать прогнозы о тенденциях развития языка, служат авторитетные издания, санкционирующие «естественность» использования языковых единиц.

Естественный – это тот язык, который используют его носители. Иностранцы редко овладевают естественностью настолько, чтобы сойти за носителей языка. Речь здесь идет не столько о соблюдении грамматических правил, сколько о своеобразной концептуализации мира в разных языковых системах. Об этом говорят многие известные писатели и маститые ученые. Ортега-и-Гассет утверждает, например, что четыре пятых своих мыслей, формализованных его родным испанским языком, он не может изложить на французском:

«Remember what happens to you when you have to speak in a foreign language. Very distressing! It is what I am feeling now when I speak in French: the distress of having to quiet four-fifths of what occurs to me, because those four-fifths of my Spanish thoughts can't be said well in French, in spite of the fact that the two languages are so closely related» [15, с. 103].

Один из наиболее интересных трудов, рассматривающих слова, которые делают естественную речь американцев трудно проницаемой сферой коммуникации для иностранцев, называется «Слова-хамелеоны и метаморфозы в современном английском языке» [4]. Отобранные автором единицы отражают разные языковые явления, но все они имеют общий признак: они меняют своё значение так же, как меняет цвет кожи хорошо известное животное южных стран – хамелеон. По своей идеологии и принципам отбора иллюстративного материала данная статья следует знаковой работе Линн Виссон, которая для своих наблюдений над «хамелеонами» избрала «Нью-Йорк Таймс».

В отличие от Линн Виссон, самую заметную динамику в семантике языковых единиц мы связываем с конкретным классом лексики, именуемой **разговорной**. Однако, мы совершенно солидарны с Линн Виссон в том, что именно авторитетные издания дают путевку в жизнь многим выражениям, без которых ныне трудно представить английский язык.

Так, Библия короля Якова стала доступной всем слоям англичан (а позднее американцам и другим носителям английского), потому что ее составители (блестящая команда из 54 ученых) в создании своего труда руководствовались нормами разговорной речи:

«You don't have to be a Christian to hear the power of those words-**simple in vocabulary**, cosmic in scale, stately in their rhythms, deeply emotional in their impact. Most of us might think we have forgotten its words, but **the King James Bible has sewn itself into the fabric of the language**. If a child is ever the apple of her parents' eye, or an idea seems as old as the hills, if we are at death's door or at our wits' end, if we have gone through a baptism of fire or are about to bite the dust, if it seems at times that the blind are leading the blind or we are casting pearls before swine, if you are either buttering someone up or casting the first stone, **the King James Bible, whether we know it or not, is speaking through us**. The haves and have-nots, heads on plates, thieves in the night, scum of the earth, best until last, sackcloth and ashes, streets paved in gold, and the skin of one's teeth: All of them have been transmitted to us by the translators who did their magnificent work 400 years ago» [14 – подчеркнуто нами].

Со времен Шарля Балли в лингвистике четко оформилась мысль, что главным объектом исследований должна быть разговорная речь, отражающая естественный язык и определяющая тенденции его развития [1, с. 38]. Разговорный язык, как более естественный, противопоставляется языку художественной литературы, в которой выдвижению подвергается эстетическая функция, а коммуникативная всего лишь сопутствует ей. Словарь и грамматические правила естественного языка определяются практикой применения и не всегда бывают формально

зафиксированы. Даже по отношению к такому статическому компоненту английского языка, как грамматика, Робин Лакофф заявляет следующее:

«English is, for obvious reasons, the best studied language in the world, and yet we are nowhere near a complete grammar of English, nor in all probability will linguistics produce one in the lifetime of anyone reading these words» [12, с. 2].

Наиболее непосредственно естественный язык связан со словарным маркером «разговорное», имеющим в англоязычной лексикографии такие соответствия, как informal, colloquial, slang. Отношение к последнему, выраженное во втором издании знаменитого БАРСа И. Р. Гальпериным 33 года назад, актуально и сегодня, потому что не прекращаются тупиковые попытки использовать маркер «сленг» вне всякой связи со столь же общими маркерами [2].

Грамматика ближе к полному представлению своих единиц, чем лексика, которая более динамична. Поэтому часто наблюдаются случаи спорной маркировки слов. Так, слово **catwalk** не имеет стилистического маркера «разг.», но на фоне таких синонимов, как raised floor, platform, stage, podium, несомненно, обнаруживает соответствующую стилистическую нагрузку своей образной основой, содержащей метафору.

Высокочастотная лексика наиболее активно подвергается разговорной идиоматизации [5]. Именно эту лексику имеют в виду, когда говорят об опасности изолированного изучения слов. Именно об этой лексике говорит Линн Виссон, когда советует избегать чисто книжных слов:

Пожелание переводчикам «…как можно чаще использовать короткие, но семантически богатые англосаксонские слова: ***make, get, do, place*** вместо ***implement, obtain, receive***, и т. д.» [3, с. 35] – вершина переводческого мастерства или, скорее, недосягаемый идеал.

Отсутствие стилистической нагрузки делает модальность слов ***make, get, do, place*** трудно локализуемой и трудно определяемой. Высокочастотные номинации объектов и событий, а также их модификаторы как бы растворяются в гуще других слов [6]. В отличие от таких единиц, единицы, обозначенные словарным маркером «разг». (разговорное), легко локализуются, но столь же тяготеют к многозначности, как и высокочастотные единицы, лишённые стилистической нагрузки.

Если маркированные участники «естественного языка» всегда находятся в поле зрения лингвистов, то «словами-хаки» часто пренебрегают, хотя именно они являются основным строительным материалом любого регистра [6]. В связи с этим актуальными остаются слова А. И. Смирницкого:

«Лексиколог подробно останавливается на архаизмах, выискивает различные окаменелости, рассказывает о поразительных сдвигах значения отдельных слов, – но о скромных исконных словах данного языка … говорит очень немного» [7, с. 6].

Обратимся к примерам. Предлагаем догадаться вне контекста о значении выделенного глагола в следующем предложении:

*The King James Bible has always **cut** both ways* (National Geographic, December 2012).

Даже с учетом понимания того, что *both ways* подразумевает добро и зло, актуализируемое значение (речь идёт о том, что Библия короля Якова **служила** как добру, так и злу) не приходит «на автопилоте», а является продуктом интерпретации. Причина этого состоит в том, что восприятие всегда идет по пути первого значения лексемы, но кратчайший путь в силу природы высокочастотных единиц, имеющих обыкновение изменять свою семантику до неузнаваемости, часто оказывается ошибочным.

Англоязычный словарь синонимов Language Activator [10] начинает представление разговорной идиоматики с глагола **cut**, который предлагается использовать в ситуации «он режет хлеб». Наблюдения составителей показывают, что иностранцы отдают предпочтение данному глаголу (He **was cutting** bread), в то время как носители английского языка используют глагол более узкой семантики (He **was slicing** bread). Разговорная идиоматика лексемы **cut** может быть, как мы уже убедились, более сложной. Приведем еще примеры на использование данной лексемы. В статье «The Cold Patrol» (National Geographic, January 2012) поражение и победа на конкурсе передаются с помощью одной и той же лексемы **cut** (перевод взят из русской версии журнала):

*He was the final man **cut – он** оказался последним кандидатом, **отсеянным** по результатам конкурса*.

*This time, Jesper **made the cut –** и на этот раз Джеспер **прошел конкурс.***

Из приведенных примеров использования лексемы **cut** можно сделать несколько наблюдений.

1. «Естественность» в словарном примере создается выбором слова более узкой семантики по сравнению с **cut**: **slice**.

2. Пример из американского журнала демонстрирует способность лексемы **cut** расширять свою семантику под влиянием контекстуальной организации вплоть появления антонимического значения. Словарь, кстати, предлагает значение выражения **to make a cut**, соответствующее нашему контексту, только для спортивного регистра с пометой «разг.»: **to make the cut – пройти отборочный тур**. Наряду с этим упоминаются другие значения: **to make a cut at smb**. – **сделать выпад** в чей-л. адрес. The bulldozer made a cut for the railroad tracks. – Бульдозер **прорыл траншею** для железнодорожной колеи (выделено нами). Отдельного внимания в приведенных примерах заслуживает вклад артикля в «естественный» язык.

3. Все примеры демонстрируют в рассматриваемой лексеме «естественность», не всегда отражаемую в словаре маркером «разг.» Такой идиоматики лишен международный английский язык, который без нее – сух и безлик [11].

4. В словарном описании лексемы наблюдается типичная взаимозаменяемость маркеров ***slang*** и ***informal***. Вот, например, как представлено выражение ***cut a deal***: *esp AmE **sl** Maybe we can cut a deal — Может быть, мы сможем договориться*. cut a deal I **informal** come to an arrangement, esp. in business; make a deal II **informal** make an agreement: *He had gone to the board of directors with his new robot design and cut a deal.*

5. Из приведенных примеров следует, что «разговорность» только частично коренится в неповторимой и плохо переводимой идиоматике, которая сосредоточена в единицах языка, характеризующихся словарными маркерами ***разговорное, вульгарное, шутливое, сленг, табу*** и др. Частично «разговорность» сосредоточена в таких качествах речи, как естественность (**naturalness**) и уместность (**appropriateness**). Рассказывая об этих качествах

стиля, Лич и Шорт цитируют королеву Викторию, которая выразила своё отношение к речевому поведению Гладстона репликой, ставшей провербиальной в лингвистике: «He speaks to me as if I were a public meeting [13, с. 53].

Выводы

1. Естественность речи носителей языка и «разговорность» – близкие, но не тождественные понятия. Первое – значительно шире по охвату языковых явлений. «Разговорность» – самый важный словарный маркер в смысле регистрации естественности речи, но этим маркером не исчерпывается естественность, включающая такие вещи, как предпочтительность комбинаторики, аллюзивность, англоязычную картину мира, доминанты англоязычного дискурса и др. Парадокс заключается в том, что лучшим полевым материалом для исследования естественной речи являются не натуралистические диктофонные записи, а качественные издания, в которых «естественность» санкционируется литературной нормой. «Разговорность» в словарном маркере раскрывает соответствующий статус языковых единиц не всегда корректно: примеров, подобных catwalk, много.

2. Недооцененным классом языковых единиц (как в теории, так и в практике) являются высокочастотные лексемы, служащие главным строительным материалом для образования идиом.

3. Приведенные выражения из Библии короля Якова не имеют маркера «разг.», но они обеспечивают «разговорность» в том смысле, что, будучи всегда на слуху, обеспечивают самый естественный, с точки зрения носителей языка, обмен информацией.

4. Только носителям языка присуще интуитивное стремление пробовать слово на прочность в самой разнообразной контекстуальной организации. Люди, для которых английский не является родным, выбирают более «прямой» путь для оформления мысли. В связи с этим обстоятельством международный английский сух и безлик.

Источники и литература

1. Балли Шарль. Французская стилистика (перевод с французского К. А. Долинина) / Шарль Балли. – М.: Иностранная литература, 1961. – 395 с.
2. БАРС – Большой англо-русский словарь: В 2-х т. Ок. 150000слов / Сост. Н. Н. Амосова, Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин и др.; Под общ. рук.И. Р. Гальперина. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1979. Т. 1 A – L. 824 с.
3. Виссон Линн. Синхронный перевод с русского на английский / Линн Виссон. – М.: Р. Валент, 2000. – 272 с.
4. Виссон Линн. Слова-хамелеоны и метаморфозы в современном английском языке / Линн Виссон. – М.: Р. Валент, 2010. – 160 с.
5. Овсянников В. В. Точка зрения переводчика: лекции по университетскому переводоведению. Учебное пособие для студентов переводческих отделений университетов / В. В. Овсянников. – Запорожье: Просвіта, 2010. – 448 с.
6. Овсянников В. В. Модальность и перевод: монография / В. В. Овсянников. – Запорожье: Просвіта, 2011. – 364 с.
7. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницки. – М.: Изд-во лит-ры на ин. языках, 1956. – 260 с.
10. Activator – Longman Language Activator: The World's First Production Dictionary / Activator – London: Longman, 1997. – 1587 p.
11. Crystal David. The future of Englishes / David Crystal // English Today 59, Vol. 15, № 2, 1999, p.10 – 20.
12. Lakoff Robin Tolmach. The Language War / Robin Tolmach Lakoff. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2001. – 322 p.
13. Leech Geoffrey N. and Short, Michael H. Style in Fiction / Leech Geoffrey N. and Short, Michael H. – London and New York: Longman, 1985. – 402 p.
14. Nicolson Adam. The Bible of King James / Adam Nicolson // National Geographic, December 2011. – P. 36 – 61.
15. Ortega y Gasset José. The Misery and the Splendor / José Ortega y Gasset // Theories of Translation: An Anthology of Essays from Dryden to Derrida: Ed. by Rainer Schulte and John Biguenet. – The University of Chicago Press: Chicago and London, 1992. – P. 93-112.

УДК: 821.111М – 2.09

Овсянников В. В.,
Сласная Е. В.

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ ОТРИЦАНИЯ В РОМАНЕ У. С. МОЭМА «ТЕАТР»

В статье рассматриваются стилистические виды отрицания, диапазон которых значительно разнообразнее таких средств, как ирония и риторический вопрос.

Ключевые слова: экспрессивное отрицание, языковая игра, импликация, перевод, ирония, риторический вопрос.

У статті розглядаються стилістичні типи заперечення, діапазон яких значно різноманітніше таких узуальних засобів, як іронія та риторичне питання.

Ключові слова: експресивне заперечення, мовна гра, імплікація, переклад, іронія, риторичне питання.

The article explores stylistic types of negation, the range of which is much richer than that suggested by the rhetorical question and irony.

Key words: expressive negation, language game, implication, translation, irony, rhetorical question.

В настоящей статье рассматриваются те виды отрицания, которые связаны с приращениями смысла, вызванными его контекстуальной организацией. **Основная мысль статьи** состоит в том, что в сфере диалогической речи, имитирующей естественное общение людей, «грамматическое» отрицание – исключение из правил. Правилом является экспрессивное отрицание, которое обогащает сообщение самыми разными стилистическими нюансами. **Актуальность** исследования определяется следующими соображениями:

1. Отрицание является излюбленным полем коммуникативной игры, которая составляет неотъемлемую часть информационного обмена людей [Crystal, 1998]. Языковая игра может служить зеркальным отражением ролевых игр, в которые вовлечены все мы [Берн, 1992].

2. Базисное осознание намерений отправителя сообщения реципиентом регулярно помещается в дихотомию «да – нет» [Овсянников, 2011].

3. Теория фреймов убедительно демонстрирует широкий круг дискуссионных вопросов, связанных с отрицанием, в том числе – с экспрессивным [Филлмор, 1988].

4. С отрицанием связано много мифов, нуждающихся в пересмотре [Cheshire, 1998].

5. Отрицание не всегда укладывается в логическую схему. Это, пожалуй, самая поразительная особенность, проявляющаяся в том, что на месте логически уместного отрицания появляется утверждение и наоборот.

Обратимся к примерам. Французское выражение ***Tu m'étonnes*** означает прямо противоположное буквальному переводу (ты меня удивляешь): ***нашел, чем удивить!*** (ирония). В английском языке предлагается несколько соответствий: *I know, tell me something I don't know,* ***you don't say.*** Последнее соответствие выделено, потому что тоже расходится с логикой: акт говорения как раз состоялся, но отрицается. Типичный контекст:

– L'économie globale ne va pas très bien.

– ***Tu m'étonnes****.*

Выделенная реплика соответствует русскому «***Америку открыл!***»

В английском языке выражения ***I could care less*** и ***I don't care at all*** значат одно и то же: ***мне все равно, мне наплевать***.

Французское выражение ***Fais gaffe!*** в буквальном переводе означает: сделай ошибку! Правильный перевод: ***осторожно, будь внимательным*****!** По-английски: ***Be careful! Watch out*****!**

Традиционный формат исследования экспрессивного отрицания связывает его с особенностями стиля, представленными на примерах наиболее характерных языковых единиц, общим признаком которых является экспрессивное отрицание. Вот, например, как выглядит соответствующий перечень стилистических единиц, характеризующий особенности стиля Ремарка, в диссертации Н. В. Губенко: междометия, лексические единицы различной семантики и эмоциональности, фразеологизмы, выступающие преимущественно в функциях метафоры, сравнения и иронии [Губенко, 2006].

Оригинальность нашего подхода состоит в том, что в поле языковой выборки мы включаем не столько явления индивидуального стиля, сколько единицы, имитирующие живую речь. Прежде чем обратиться к примерам из «Театра», предложим пример живой речи.

Президент Украины Янукович, обращаясь к ветеранам в связи с Днем Победы, 9 мая 2012 года сказал:

«*Вы прошли через ад войны* (пауза) *с фашизмом до конца исполняли свой долг перед родиной*».

Пауза в неправильном месте стала знаком отрицания совершенно ясных намерений, которые демонстрировал президент: он хотел поздравить ветеранов, а вместо этого фактически обвинил их в том, что они «до конца исполняли свой долг» вместе с фашистами.

Роман У. С. Моэма «Театр» относится к большой литературе, но в данной статье нас интересуют только точные наблюдения автора над организацией экспрессивного отрицания в естественной коммуникации. К этим наблюдениям Моэма относятся речевые характеристики персонажей: главная героиня Джулия Ламберт может быть очень вульгарной в своей внутренней речи, еемуж – образец джентльменской галантности, но в качестве актёра абсолютно холоден и неубедителен в любовных сценах, режиссер Джимми Лэнгтон экспансивен, циничен и красноречив и т. д. Другие наблюдения Моэма обнажают несоответствие между организацией сообщения и контекстом его актуализации (событийная ирония). Самое важное для нас – это его интерес к театральной метафоре («Весь мир – театр, а люди в нём актеры»), которая преломляется через языковую игру. Обратимся к примерам.

«*Hulloa!* ***I won't keep you a minute****. I was just signing some letters»* (ch. 1).

Речь идет как раз о том, что Майкл просит свою жену подождать его минутку. Более логично сказать: ***I won't keep you more than a minute*** или ***I will keep you just a minute.*** Поэтому с полным основанием переводчик уклоняется от буквального воспроизведения оригинала (я не задержу тебя ни на минуту):

Это ты? Я тебя не задержу. ***Всего одну минутку****. Только покончу с письмами*.

Прием членения и добавление частицы ***всего*** оказываются достаточными для уточнения модальной нагрузки ***минутки***. Вместе с тем, такая «нелогичность» реплики Майкла вполне вписывается в нормы естественной коммуникации: это всего лишь гипербола, соответствующая речевому портрету Майкла. Назначение этой гиперболы – дать понять Джулии значимость ее появления: она пришла, и все дела откладываются.

Предложение Джулии руки и сердца Майкл оформляет отрицательной конструкцией:

«You **wouldn't like** to come with me, I suppose?» (ch. 6).

В данном случае, как в оригинале, так и в переводе (*Ты, вероятно,* ***не захочешь*** *поехать со мной?*) выражение мысли «от противного» выдает неуверенность, застенчивость или очень слабое желание. Едва ли предложение, оформленное таким образом, может понравиться любящей женщине, о чем Джулия со вздохом и сообщает любимому:

«*Darling, you're wonderful and you're as beautiful as a Greek god, but you're the biggest damned fool I've ever known in my life».*

Однако, именно в этом – весь Майкл: холодный и сдержанный англичанин, а совсем «не итальянский шарманщик»:

«Don't be so silly. I'm just the ordinary normal Englishman. **I'm not an Italian organ-grinder»** (ch. 7).

Отрицание в последнем предложении выступает компонентом антитезы, назначение которой – положительная самооценка, такая же сдержанная и спокойная, как и сам Майкл.

Приглашение «от противного» мотивируется речевой характеристикой персонажей, но часто устраняется в переводах, скорее всего, по соображениям его алогичности. В примерах ниже отрицание устраняется в немецком переводе:

АИТ: *«I suppose you* ***wouldn't come to tea*** *with me one day, would you?»* (ch. 11)

РПТ: *– Вы, наверное,* ***не захотите выпить*** *со мной чашечку чаю как-нибудь на днях?*

НПТ: «***Dürfte ich Sie villeicht einladen****, einmal zu mir zum Tee zu kommen?»*

ФПТ: *– Alors, est-ce que* ***vous ne viendriez pas prendre*** *une tasse de thé avec moi, un de ces jours?*

Узуальным носителем отрицания являются стилистические единицы, обладающие отрицательно-оценочными коннотациями. В примере ниже отрицание, имплицируемое эпитетом ***Rotten***, эксплицируется в немецком и французском переводах:

АИТ: «*I saw your Mercutio last night. What d'you think of it yourself?*»

«***Rotten***». (ch. 2)

РПТ: – *Я видел Вашего Меркуцио вчера. Что вы сами о нем думаете*?

– ***Отвратительный***.

НПТ: «*Ich habe mir gestern abend Ihren Mercutio angesehen. Waren Sie zufrieden mit sich?*

«***Nicht in mindesten***.»

ФПТ: – Je vous ai vu dans Mercutio hier soir. Que pensez-vous de votre interprétation?

– ***Rien de fameux***.

В восьмой главе описывается ссора между Майклом и Джулией, возникшая из-за того, что Джулия усматривает в просьбе Майкла одолжить у Долли деньги готовность использовать ее в качестве пешки. Экспрессивное отрицание в репликах Джулии возникает в виде иронической аллюзии на пьесы Шекспира и Мольера, а также родовой девиз Майкла. Функция импликации здесь – обвинение в потребительском отношении к жене:

«Claudio and Isabella in Measure for Measurer»

«That's a rotten thing to say, Julia. God damn it, I am a gentleman».

«Nemo me impune lacessit».

They drove the rest of the journey in stormy silence.

«Vous l'avez voulu, Georges Dandin».

«What's that?»

«Moliere» (ch. 8).

В языковую игру между «да» и «нет» вовлечены все персонажи. Вот, например, какую иронию позволяет служанка Джулии в ответ на бахвальство хозяйки по поводу своих красивых ног:

АИТ: «*You and your legs*», said Evie.

РПТ: – *Идите вы со своими ногами*, – сказала Эви.

Как оригинал, так и перевод не содержат формального отрицания, но являются имплицитным отрицанием реплики Джулии «*And God knows, I've got better legs than most of them»* (ch. 10).

Выводы

1. В сфере диалогической речи, имитирующей естественное общение людей, «грамматическое» отрицание – исключение из правил. По законам языковой игры, которая является неотъемлемой частью коммуникации людей, правилом является экспрессивное отрицание, которое обогащает сообщение самыми разными стилистическими нюансами.

2. Отрицание не укладывается в логическую схему. Там, где логически должно быть утверждение, появляется отрицание и наоборот.

3. Создание универсальной схемы экспрессивного отрицания – дело отдаленного будущего. В настоящий момент справедливо считается актуальным ограничивать типологию экспрессивного отрицания особенностями регистра, жанра, текста, индивидуального стиля, дискурса.

4. Когнитивное представление экспрессивного отрицания позволяет объяснить многие, но не все случаи. Среди последних наблюдаются такие, где формант отрицания порождает языковую единицу, не образующую антонимические отношения с базисной лексемой и направляющую тем самым вероятностное прогнозирование по ложному пути.

Источники и литература

1. Балли Шарль. Французская стилистика (перевод с французского К. А. Долинина) / Шарль Балли. – М.: Иностранная литература, 1961. – 395 с.

2. Берн Эрик. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / Пер. с англ.; Общ. ред. М. С. Мацковского / Эрик Берн. – СПб.: Лениздат, 1992. – 399 с.

3. Губенко Н. В. Экспрессивность средств выражения утверждения и отрицания в языке подлинника и переводов романов Э. М. Ремарка: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н. В. Губенко – Краснодар, 2006. – 198 с.

4. Овсянников В. В. Модальность и перевод: монография / В. В. Овсянников. – Запорожье: Просвіта, 2011. – 364 с.

5. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: Пер. с англ. / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1988. – С. 52-92.

6. Cheshire Jenny. Myth 14. Double Negatives are Illogical / Jenny Cheshire. // Language Myths. Edited by Laurie Bauer and Peter Trudgill. – London: Penguin Books, 1998. – 189 p. – P. 113-122.

7. Crystal David. Language Play / David Crystal. – Penguin, 1998. – 225 p.

УДК 378. 022: 811

Оконешникова А. В.

РАБОТА ПО МОРФЕМИКЕ И СЛОВООБРАЗОВАНИЮ НА ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Работа по морфемике и словообразованию способствует расширению кругозора студентов, будущих воспитателей и учителей начальных классов, развитию их орфографических навыков и связной речи.

Ключевые слова: состав слова, словообразование, методика обучения составу слова и словообразования.

Стаття з морфеміки та словотворенню сприяє розширенню кругозору студентів, майбутніх вихователів і вчителів початкових класів, розвитку їх орфографічних навичок і зв'язного мовлення.

Ключові слова: склад слова, словотвір, методика навчання складу слова і словотворення.

Work on morphemics and word formation enhances students' horizons, future teachers and primary school teachers to develop their spelling skills, and connected speech.

Key words: the composition of words, word formation, composition, methods of teaching speech and word formation.

Будущие воспитатели изучают курс русского языка и культуры на первом курсе. Будущие учителя начальных классов изучают курс русского языка длительное время, потому что русский язык является государственным, и они

будут обучать младшеклассников русскому языку. Студенты изучают достаточно подробно все разделы русского языка и сдают экзамены по разделам на разных курсах.

Раздел морфемики и словообразования труден для усвоения учащимися и студентами-якутами. О трудности этого раздела написано достаточно полно и много [5; 7].

При ведении курса русского языка и курса русского языка и культуры речи и практикумов по русского языка преподаватели уделяют большое внимание морфемике и словообразованию.

Изучение раздела «Состав слова и словообразование» в вузе, как и в школе, носит практический характер:

– углубляются представления студентов о значимых частях слова и его основе;

– укрепляются навыки правописания слов на основе морфемного и словообразовательного анализов;

– развивается речь студентов – будущих воспитателей и будущих учителей.

На каждом занятии преподаватели устанавливают значение слов, производят морфемный и словообразовательный анализы. Свой эксперимент на отделении начального образования проводит доцент Л. В. Сокорутова (в соответствии с материалами своего пособия по русскому правописанию).

На отделении педагогики начальных классов на занятии практикума по орфографии повторяется правило 1. Правописание гласных в корнях слов:

Если корень слова начинается с **И**, то после **русских** приставок на согласный (кроме **меж-** и **сверх-**) **И** меняется на **Ы** в соответствии с произношением:

Играть – сыграть
История – предыстория
Искусный – безыскусный
Но: **межинститутский, сверхинициативный; дезинформация**

Устанавливается значение слов искусный – безыскусный:

Искусный – 1. Умелый, хорошо знающий свое дело. *Искусный столяр, парикмахер.*2. Требующий большого умения, мастерства; сделанный, выполненный мастерски. *Искусное выполнение. Искусная работа. Искусная вязка* [2, 186].

Слова «Искусный, безыскусный» отвечают на вопрос какой?, обозначают признак предмета – это качественные прилагательные. Проводится морфемный анализ (искус/н/ый – без/искус/н/ый), слово «искусный» предусмотрено для усвоения в средней школе [об этом можно справиться в «Школьном словаре строения слов русского языка» З. А. Потихи, 1999]. Определяется способ образования слов можно определить, какое явление происходит, формообразование или словообразование, доказывается студентами. Возможна работа по составлению словообразовательных цепочек и словообразовательных гнезд.

Пример упражнения. Постройте словообразовательные цепочки, последними звеньями которых являются приведенные ниже слова. В каждом слове выделите словообразовательную морфему и производящую основу.

Образец: *долгий – продолжить – продолжительный – продолжительность – непродолжительность.*

Измерительный, опустошительный [6, 137].

Мы используем в работе «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова.

С проанализированными словами составляются предложения и связные тексты.

Поддержать интерес студентов словообразовательными понятиями могут помочь занимательные материалы, составление связных текстов и сказок по словообразованию на занятиях и во внеаудиторное время.

Задание: Прочитайте стихотворение. Что придает ему шутливый характер? Выпишите слова, которых нет в русском языке. Как они образованы?

Знаем, кто такие кони.
Ну, а кто такие пони?
Я хотел понять –
Не понял.
Если кони спят в конюшне,
Значит, пони спят в понюшне,
Мчатся кони –
Топот конский,
Мчатся пони –
Топот понский…
С пиками наперевес
Грозно скачет конница.
А на пони?
Понница. (С. Иванова) [3, 110].

Итак, формирование понятий по морфемике и словообразованию может проводиться по следующей методической модели: установление значения слов – определение части речи данного слова – наблюдение над составом слова – языковой анализ – определение способов образованиеслов – элементы формообразовательного и словообразовательного анализов – образование слов – употребление их в своей речи.

Таким образом, занятия по морфемике и словообразованию способствуют расширению кругозора студентов, развитию их орфографических навыков и связной речи.

Источники и литература

1. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – 496 с.

2. Лопатин В.В. Малый толковый словарь русского языка: Ок. 35 000 слов. – 2-е изд., стер. / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М.: Рус. яз., 1993. – 704 с. – (Малая б-ка словарей русского языка).

3. Львова С. И. словообразование – занимательно о серьезном: практические задания для учащихся 8–11 классов / С. И. Львова. – М.: Эксмо, 2006. – 240 с.

4. Методика обучения русскому языку в национальной школе. 5-11 классы. – 2-е изд., перераб. и доп. – Якутск: Бичик, 2005. – 381 с.

5. Оконешникова А. В. Сопоставительный анализ образования слов в русском и якутском языках / А. В. Оконешникова // Language and linguistics. Т. 32. 2003. – № 9. – С. 207-210.
6. Сокорутова Л.В. Практикум по русскому языку (для студентов 3 курса по специальности 050708 «Педагогика и методика начального образования» очной формы обучения) / Л. В. Сокорутова. – Якутск, 2012 (рукопись).
7. Теория и практика обучения русскому языку: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / [Е. А. Архипова, Т. М. Воителева, А. Д. Дейкина и др.]; [под ред. Р. Б. Сабаткоева]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 336 с.
8. Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология / Л. Н. Харитонов. – Якутск, 1947.
9. Шекихачева М. Ш. Изучение русского словообразования в кабардинских и черкесских школах (пособие для учителей) / М. Ш. Шекихачева. – Нальчик, 1977. – 250 с.

УДК 811.161.2'367.335 **Олейник Е. В.**

ОСОБЛИВОСТІ ЛЕКСИЧНОЇ СЕМАНТИКИ ОПОРНИХ СЛІВ З'ЯСУВАЛЬНИХ СКЛАДНОПІДРЯДНИХ РЕЧЕНЬ

В статье выделены семантические разновидности глагольной лексики, которая выступает в роли опорного компонента главной части изъяснительных сложноподчиненных предложений: речи; умственной деятельности; волеизъявления, побуждения; чувства и восприятия; психического, эмоционального состояния; надежды, веры; вывода; бытия и существования; заинтересованности, заботы; информации.
Ключевые слова: изъяснительные сложноподчиненные предложения, речь, умственная деятельность, волеизъявление, чувства, восприятие.

У статті виокремлені семантичні різновиди дієслівної лексики, що виступає в ролі опорного компонента головної частини з'ясувальних складнопідрядних речень: мовлення; розумової діяльності; волевиявлення, спонукання; відчуття, сприймання; психічного, емоційного стану; сподівання, віри; узагальнення; буття та виявлення; зацікавлення, піклування; інформації.
Ключові слова: з'ясувальні складнопідрядні речення, мовлення, розумова діяльність, волевиявлення, відчуття, сприймання.

There have been distinguished the semantic varieties of verbal vocabulary which are essential components of the main clause of declarative complex sentences: speech; mental activity; will, motive; feelings and perception; mental and emotional state; hope, faith; conclusion; being and existence; interest, care; information.
Key words: declarative complex sentences, speech, mental activity, will, feelings, perception.

Визначальною особливістю з'ясувальних складнопідрядних речень є те, що наявність підрядної частини в них чітко окреслена семантикою опорного слова.

У мовознавчій науці існує думка, згідно з якою лексико-граматичні властивості опорних слів з'ясувальних конструкцій є основою утворення неоднакових синтаксичних побудов [4, с. 96]. Ще В. В. Виноградов, досліджуючи додаткові та підметові речення, помітив, що в них «механічно поєднані структурно різнорідні види складних речень» [1, с. 428].

Цей висновок обґрунтовано врахуванням таких особливостей з'ясувальних речень: наявність різних засобів зв'язку (асемантичні й семантичні сполучники та сполучні слова, у зв'язку з чим одні сполучники (асемантичні) втрачають свою первинну функцію, а інші (семантичні) є невід'ємним компонентом речення і мають вплив на формування його семантики); наявність прислівного передбачуваного й обов'язкового зв'язку, зумовлена опорними словами головної частини; неоднозначність граматичної семантики (реалізація об'єктних, суб'єктних та синкретичних значень, що передбачають не лише власне з'ясувальні речення). Отже, можна припустити, що визначальна роль у творенні названих конструкцій належить опорним словам, а особливо їх лексичній семантиці.

З'ясувальні речення об'єднуються в один структурно-семантичний тип на основі незаміщеності граматичної позиції в головній частині, обумовленої валентними властивостями опорних слів, що потребують доповнення їх структурно-змістової недостатності.

Здатність мати певну кількість відкритих позицій (валентностей), які повинні заповнювати одиниці відповідної семантичної природи, властива ознаковим словам, до яких належать дієслова, прикметники, предикативні іменники, предикативи, проте основним носієм валентності є дієслово, бо решта ознакових слів набуває валентнісних властивостей у зв'язку з дієсловом [2, с. 269]. Таким чином, дієслова є тим класом слів, які самі собою дають відчуття неповноти висловлення й вимагають його конкретизації.

Оскільки визначальним елементом структури складнопідрядних речень із валентнозумовленою підрядною частиною є опорне предикатне слово, то в такому разі важливою буде диференціація прислівних речень, що грунтується на частиномовній належності опорного слова, його валентному потенціалі й характері семантико-синтаксичних відношень між опорним словом і підрядною частиною.

Н. І. Формановська висунула положення про те, що опорне слово головної частини з'ясувальних речень може належати різним частинам мови: дієслову, особливим формам дієслова дієприслівнику та дієприкметнику, прикметнику, іменнику, слову категорії стану [6, с. 173]. Дослідниця відзначає, що, крім синтаксичних властивостей, опорні слова головної частини мають певну семантику, оскільки при з'ясувальному зв'язку важлива не морфологічна природа контактного слова, а його лексичне значення.

В. А. Бєлошапкова з'ясувальні складнопідрядні речення кваліфікує як речення, структура яких визначається семантичною природою опорного слова [3, с. 701]. Властивості поєднуватися з підрядною частиною, що виступає в ролі об'єктного поширювача й разом з опорним словом становить структурну основу речення, мають слова певних лексичних груп.

Розглянуте дозволяє зробити висновок, що в ролі опорного слова головної частини з'ясувального складнопідрядного речення найуживанішими є дієслова, дієприслівники та дієприкметники, рідше – віддієслівні іменники, прикметники, предикативи.

Отже, мета нашої статті полягає у виокремленні семантичних різновидів дієслівної лексики, що виступає в ролі опорного компонента головної частини з'ясувальних складнопідрядних речень.

Обстежений фактичний матеріал дозволяє виділити в головній частині з'ясувальних конструкцій такі семантичні групи дієслів:

1) мовлення (*говорити, казати, заявляти, зауважувати, передавати* тощо): *Любов Андріївна* ***каже****, що її столична сваха така вже прохана, така прохана* (О. Васильківський); *Тоді свати в один голос* ***сказали****, що вони підуть із нею, проведуть на вокзал, посадять у поїзд* (А. Дімаров); *Після короткого вагання Микола* ***розповів****, що бачив Наталю з кореспондентом* (Ю. Бедзик); ***Говорили****, ніби він одержав призначення в Одесу чи Миколаїв* (В. Петльований);

2) розумової діяльності (*думати, вважати, зазначати, знати, пам'ятати, розуміти* тощо*)*: *Я* ***думав****, що легко віддати життя враз і значно важче віддавати його по хвилині* (І. Багмут); *І Аллан Лоренс* ***зрозумів****, що то був айсберг* (М. Білкун); *Товариш Залужний* ***не вважає****, що він розвалив школу* (Ю. Збанацький); *Нестор* ***пам'ятає****, як увивалась колись молода Перцовичева, подаючи панотцям на стіл торти і легуміни* (Р. Іваничук);

3) волевиявлення, спонукання (*бажати, наполягати, радити, хотіти* тощо): *Керівник одної з інститутських кафедр, професор Холод* ***забажав****, щоб майбутні стипендіати пройшли щось на зразок мандатної комісії перед деканатом* (П. Загребельний); *Вже мріяла і* ***просила****, щоб її відвезли вмирати додому, на рідну землю, на кладовище до батьків* (І. Багряний); *Ти* ***хотів****, щоб у нас були однакові спеціальності* (В. Петльований);

4) відчуття, сприймання (*бачити, спостерігати, уявляти, чути* тощо): *Я* ***чув*** *раніше від Миколи, що ти в Києві нібито* (В. Єніна); ***Бачу****, що в тебе погріб осипається* (Є. Гуцало); *Ось* ***послухайте****, що я вам зараз розповім* (О. Вишня); *Олена Миколаївна краєм ока* ***спостерігала****, як він статечно привітався з батьком, матері не було чомусь* (В. Єніна); *Нателла могла тільки* ***уявити*** *по слідах бурі, що тут робилося* (О. Гончар);

5) психічного, емоційного стану (*боятися, любити, соромитися, радіти, сумувати* тощо): *Народ* ***боїться****, що Турове рудники з'їдять* (О. Васильківський); *Він* ***любить****, щоб коло нього походили, та пошукали ... та поклонились йому* (М. Олійник); *А люди ридали і довго* ***жаліли****, що ні рибалок не вийде вже з нас, ні косариків у лузі, ні плугатарів у полі, ані вже воїнів отечества – царя* (О. Довженко);

6) сподівання, віри (*вірити, сподіватися, чекати* тощо): *І я* ***чекала****, що ти зараз скажеш мені якісь особливі слова* (О. Васильківський); *Лікар замовк,* ***ждав****, що скаже комісар* (Ю. Збанацький); *Треба* ***вірити****, що зітруться сліди повоєнних нестатків* (В. Маняк);

7) узагальнення (*визначати, відзначати, зазначати, стверджувати, підкреслювати, показувати* тощо): *Слід* ***зазначити****, що нормативного вирішення проблеми в нашому правовому полі ще не існує* (Людина і політика. – 2001. – № 1); *Уважно вислухавши коменданта, я* ***відзначив****, що в проекті плану неясно одне: на кого покладається загальне керівництво військами в кожному секторі?* (П. Автомонов);

8) буття та виявлення (*бути, виявляти, статися, траплятися, свідчити* тощо): *І саме тоді* ***виявив*** *у собі, що не став рабом страху* (О. Гончар); ***Буває****, що інколи людина до чогось нездатна* (Ю. Збанацький); *Вже* ***траплялось****, що й з дівчатками десь біля перелазу пристоював* (Ю. Збанацький);

9) зацікавлення, піклування (*дбати, непокоїтися, переживати, пильнувати, турбуватися* тощо): *А найбільше Артеменка* ***непокоїло*** *зараз, чи вдалося їй самій уникнути небезпеки* (О. Гончар); *Толя дуже* ***переживає****, що волосся в нього почало випадати* (Ю. Щербак);

10) інформації (*писати, читати, інформувати, учити* тощо): *Тоді всі польські газети* ***писали****, що з турнівської тюрми на Волині втекло тринадцять політичних в'язнів* (М. Малиновська); *Я тебе* ***навчу****, як продавати хліб* (Р. Іваничук); *Вірний чоловік* ***одписав****, що ти об'явилась у Куруковому* (К. Басенко).

Нерідко в головній частині складнопідрядних речень із з'ясувальною підрядною частиною опорним компонентом виступають дієприслівники. Головна частина таких речень є формально неелементарною, оскільки вона містить у своїй будові два предикати, останній з яких трансформовано в дієприслівник: *Ніна Леонідівна підвелася,* ***помітивши****, що Сергіїв погляд зупинився на тульському самоварові* (В. Гаман); *Дівчина дихала на повні груди,* ***відчуваючи****, як голова її поступово перестає туманіти* (О. Гончар); *Панько Гарехтович також не наполягав,* ***побоюючись****, що після секретаря черга може дійти і до голови* (В. Земляк); *Подався до виходу,* ***чекаючи****, як ніколи досі, що його зупинять* (Ю. Мейгеш). Семантичні розряди опорних дієприслівників аналогічні до виділених семантичних груп дієслів.

Незначну групу становлять складнопідрядні з'ясувальні конструкції з опорними словами психічного, емоційного значення, вираженими прикметниками та дієприкметниками: ***Не винна*** *я, що так склалося, що мушу вас покидати* (Ю. Бедзик); *І дуже* ***вдячний****, що ви не погребували нашим простим солдатським обідом!* (Ю. Дольд-Михайлик); *Він був* ***переконаний****, що той папірець має прямий зв'язок з оцим викликом його, Ірий, до завідуючого* (Ю. Мушкетик); *Недарма Блеквуд був* ***упевнений****, що в Силаєві знайде спільника* (Ю. Усиченко).

Основною умовою, що сприяє реалізації активної валентності прикметників та дієприкметників, є їх функціонування в ролі предикатів. Саме воно відкриває можливість цих слів поширюватися підпорядкованими компонентами, переводячи прикметники «із синтаксичної периферії у сферу активних синтаксичних процесів, наближуючись з цього погляду до дієслова» [5, с. 131].

Досить часто опорними компонентами головної частини складнопідрядного речення з'ясувального типу виступають предикативи, які мають оцінне або емоційне значення: ***Дивно****, що й їсти не хочеться* (В. Петльований); ***Цікаво****, що вони там побачили?* (В. Савченко); ***Ясно****, що він був не сам* (В. Петльований); ***Відомо****, що кожна з основних виборчих систем має свої достоїнства й відповідає певному типові представництва* (Людина і політика. – 2001. – № 1); ***Не випадково****, що й ми одразу попали на той гачок* (В. Гаман); ***Спасибі****, що не забулися, увійшли в моє серце, у подуми і не даєте спокою* (М. Олійник).

У ролі опорного слова в досліджуваних реченнях можуть уживатися віддієслівні іменники (девербативи) та іменники, що мають здатність до керування (*висновок, телеграма, пісня* тощо). Зокрема, це іменники зі значенням повідомлення, сприймання, мислення, волі, почуття тощо: *І вона не могла звикнути* ***до думки,*** *що її тато вже не голова* (В. Земляк); *У Мартинка холонуло в душі від* ***згадки,*** *що він наближається десь до батька* (І. Ле); *Пішла* ***чутка,*** *що в селище нагрянуть есесівці* (С. Маликов); *На підставі аналізу писемних джерел, які відображають ознаки різних рівнів мовної структури, зроблено* ***висновок, що*** *«перехід від старої до нової якості в східнослов'янських мовах відбувався не шляхом повного розриву з попередніми традиціями, а внаслідок часткової перебудови їх систем»* (А. Грищенко).

Отже, реченнєвоструктурувальними компонентами у з'ясувальних складнопідрядних реченнях є опорні слова з активною валентністю, заповнення якої залежними компонентами робить конструкцію цілісною. У ролі опорного слова головної частини складнопідрядного з'ясувального речення найчастіше функціонують дієслова, дієприслівники та дієприкметники, рідше – похідні від них іменники, прикметники, предикативи, що належать до певних семантичних типів лексики (лексеми зі значенням інтелектуальної, психічної, мовленнєвої діяльності, буття та виявлення, волевиявлення тощо).

Джерела та література

1. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60-87.

2. Вихованець І. Р. Теоретична морфологія української мови / І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська. – К.: Університетське видавництво «Пульсари», 2004. – 398 с.

3. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.

4. Студнева А. И. Семантика контактного слова и грамматическое значение изъяснительного предложения / А. И. Студнева // Вопросы структуры предложения : сб. науч. трудов. – Ульяновск, 1983. – С. 95-104.

5. Украинская грамматика : [сост. В. М. Русановский, М. А. Жовтобрюх, Е. Г. Городенская, А. А. Грищенко]. – К.: Наукова думка, 1986. – 360 с.

6. Формановская Н. И. Сложное предложение / Н. И. Формановская // Современный русский язык: Синтаксис / [ред. Д. Э. Розенталь]. – М.: Высшая школа, 1979. – С. 154-224.

УДК 811.161.2+81'234

Олексюк О. М.

РЕКЛАМНІ ПОВІДОМЛЕННЯ В АСПЕКТІ СУГЕСТИВНОГО ДИСКУРСУ

Статья посвящена анализу ключевых слов коммерческой рекламы как маркеров речевого влияния. Выделенные ключевые слова распределены на группы, охарактеризованы некоторые языковые особенности зафиксированных ключевых слов, с помощью технологий нейролингвистического программирования объяснена их сугестогенная природа.

Ключевые слова: коммерческая реклама, ключевые слова, суггестия, нейролингвистическое программирование, влияние, семантика.

Статтю присвячено аналізу ключових слів комерційної реклами як маркерів мовного впливу. Виокремленні ключові слова розподілено на групи, висвітлено низку мовних ознак зафіксованих ключових слів, за допомогою технологій нейролінгвістичного програмування розкрито їхню сугестогенну природу.

Ключові слова: комерційна реклама, ключові слова,сугестія, нейролінгвістичне програмування, вплив, семантика.

This article analyzes the keyword advertising business as markers of verbal influence. Selected keywords grouped, characterized some of the language features documented keywords, using techniques of neurolinguistic programming, explained their suggestive nature.

Key words: commercial advertising, key words, suggestion, neurolinguistic programming, influence, semantic.

Поняття сугестивності рекламного дискурсу сьогодні визнає переважна більшість дослідників (закордонні вчені В. Аренс, К. Бове, Дж. Дайер, А. Дейян, Дж. Джонс, Дж. Кеплес, А. Менегетті, С. Моріарті, Д. Огілві, В. Паккард, К. Ротцол, Ч. Сендидж, У. Уеллс, В. Фрайцбургер; російські лінгвісти М. Кохтєв, О. Лебедєв, О. Леонтьєв, В. Музикант, О. Сичов, Ю. Сорокін, а також вітчизняні науковці Л. Землянова, В. Зірка, Т. Ковалевська, Є. Коваленко, В. Корнєєв, Н. Кутуза, Н. Лисиця, В. Олексенко, Г. Почепцов, В. Різун, В. Самусенко, О. Семенюк та ін.). У роботах цих дослідників здійснено спроби системного аналізу реклами (насамперед – комерційної) як специфічного різновиду комунікації, її загальних семантичних та структурних властивостей (К. Бове, Дж. Дайер, О. Зелінська, М. Кохтєв, Г. Кузнєцова, Дж. Н. Ліч, О. Медведєва, О. Сичов, Г. Почепцов, Д. Розенталь); проаналізовано чинники ефективності рекламного повідомлення (Дж. Джонс, Дж. Кеплес, О. Феофанов).

Актуальність обраної проблематики визначається не лише її загальнотеоретичною вагою, а й змогою пошуку захисних механізмів щодо руйнівного впливу патогенних текстів, які, на думку дослідників (див. праці О. Бондаря, Є. Волкова, Т. Ковалевської, М. Лозинського, Б. Потятиника та ін.), виступають характерною ознакою сучасного комунікативного простору, продукуючи конфліктну взаємодію й порушуючи внутрішню гармонійність особистості й соціуму.

Проаналізувавши великий масив рекламних повідомлень (близько півтори тисячі) та виокремивши основні маркери впливу рекламних слоганів – ключові слова (даді КС), вирішено зробити аналіз отриманого фактичного матеріалу на лексико-семантичному рівні, звернувши увагу саме на які важелі підсвідомості та зацікавленості людини розраховують сугестори – рекламодавці.

Ураховуючи зазначене, зафіксовані КС подалі розподіляємо за такими основними ЛСГ, об'єднаними у два основних блоки: блок I**,** що містить КС, пов'язані з різноманітними характеристиками рекламованого товару; блок II, що містить різноманітні характеристики, які описують адресата рекламованого товару. Зауважимо, що пропонований розподіл є доволі умовним, оскільки у переважній більшості в одному РТ поєднуються маркери, які водночас можуть ілюструвати і певні якості рекламованого товару, і визначати ті переваги, що може отримати покупець від застосування рекламованого товару. Крім того, завдяки процесам метафоричного переосмислення виокремлені КС можуть одночасно належати до різних блоків, відповідно активуючи актуальні для конкретного контексту семи, що коментуємо у наведеному нижче переліку. Також беремо до уваги процеси полісемії, у межах якої те ж саме КС може реалізувати нетотожні значення. Проте запропонований розподіл надає змогу не лише систематизувати й деталізувати спектр зафіксованих КС, а й окреслити актуальні перспективи їхньої семантичної реалізації, з'ясувати активні значеннєві вузли у семантичній структурі аналізованих КС та висвітлити релевантні для таких сугестивних текстів смислові домінанти й напрями їхнього семантичного переосмислення й комунікативної динаміки. КС, які мають активну семантичну реалізацію, виявляють широкий значеннєвий спектр, виділяємо позначкою *, що унаочнить найактивніші лексико-семантичні складники РТ.

Детальніше у статті зупинимося на аналізі лексем, які відносимо до блоку I.

Спираючись на вищенаведене, до блоку І, що містить КС, пов'язані з різнобічними характеристиками рекламованого товару, уналежнюємо:

1) лексеми, що містять цінову характеристику рекламованих товарів (*вигідний, дешевий, доступний, *економний* (про річ), *ціна* та ін.), яка, проте, часто спирається на замовчування інформації, генералізацію та абсолютизацію наведених фактів [4]:

«Мак Доналдс». Ціни так само доступні, тобто «який годиться багатьом, усім» [1, с. 323], насамперед з огляду на матеріальні можливості;

Новий «Феррі» ще економічніший, тобто такий, що «сприяє економії, здійснює її» [1, с. 339];

2) лексеми, що ілюструють їхню практичну цінність (**безпечний, *ефективний/ефект, досконалий, *допомога/допомагати, *захист/захищати, *корисний, легкий, надійний* та ін.):

Офтальмологи рекомендують користуватися найбільш безпечним монітором «ЛДжі Флатрон»; Нова відбілювальна «Аквафреш Вайтенінг Мульті Екшн». Безпечне відбілювання та комплексний захист в одній зубній пасті, де актуалізується значення «який не криє в собі небезпеки або захищає кого-, що-небудь від небезпеки» [1, с. 70];

лікувати «вживати заходів для припинення якого-небудь захворювання» [1, с. 619] *(«Лісобакт» – лікує, як треба!);*

корисний: «Растішка» – корисний і смачний (*корисний* – «який дає, приносить добрі наслідки. // …Те, що дає користь» [1, с. 574];

легко: «Лазолван». Твоє легке дихання; «Оллі легке масло» для легкого життя; Легко готувати, легко мити, легко зберігати. «Ованціо» від «Мулінекс» (*легкий* – «який не являє собою складності, не викликає напруження під час виконання, нескладний. // Який дається без напруження, великої, тяжкої праці, зусиль. // Нічим не ускладнений, без труднощів і клопоту» [1, с. 609], де його синонімом може виступати лексема *простий*);

Реалізація таких КС активує т. зв. дефіцитарні потреби особистості, до яких, за А. Маслоу, належать потреби в їжі, відпочинку, потреба в безпеці [5], а також тяжіння до максимального спрощення життя;

3) лексеми, що ілюструють відповідність усталеним у суспільстві нормативним, стандартним показникам цього товару (**справжній* (про товар), *якість* та ін.), хоч дуже часто в таких випадках подається некоректна аргументація або псевдоаргументація [4], створюючи підґрунтя для маніпулятивних ефектів:

Справжній лише майонез «Чумак»! Майонез без консервантів! Зі справжнім та свіжим смаком. «Чумак» – це так смачно!; «Корона» – смак справжніх почуттів. Виділена лексема має значення «який відповідає певним вимогам, який є досконалістю, взірцем, ідеалом чого-небудь» [1, с. 1376], водночас корелюючи зі значенням «не штучний. Не підроблений» [там само];

«Чернігівське». Абсолютна якість, де КС – «сукупність характеристик продукції або послуг щодо її здатності задовольнити встановлені та передбачені норми» [1, с. 164];

4) лексеми, що ілюструють їхню винятковість серед низки подібних товарів (**єдиний, *новий, неперевершений, неповторний (неповторимий), особливий, *перший* (про річ), *спеціальний, унікальний* та ін., а також квантифікатори *більше, *весь/*всі, подвійний, потрійний,*завжди, *світ* (у значенні «все існуюче») та ін.):

Нова куряча «Галина Бланка». Тепер ще більше курки та більше овочів. Тут КС уживається у найпоширенішому значенні «який недавно виник, з'явився, не існував раніше; недавно зроблений, створений і т. ін. //…Якого раніше не використовували, не застосовували…» [1, с. 789];

«Якобз Монарх». З неповторним аромоксамитом, тобто таким, «який має особливі якості, ознаки, риси; винятковий, надзвичайний» [1, с. 773];

Цей же аспект акцентується і завдяки КС *спеціальний*: *Новий «Шамту Фруктіс Пауер». Розкішний фруктовий аромат і спеціальна Вольюміинг-формула для вражаючої пишноти вашого волосся*, що реалізує значення «який чимось вирізняється з-поміж інших; не такий, як інші; особливий» [1, с. 1364]; і завдяки КС *єдиний* – «один, без інших. // Лише один» [1, с. 361], тобто такий, схожих на який не існує;

5) лексеми, що ілюструють їхню елітарність (*вишуканість/вишуканий, *комфорт, королівський, магія/магічний, *престижний, розкішний, *шедевр* та ін.):

Парфуми «J'adore». Вишуканість і легкість; Магія солодкого полону кави «Еліт»; «Grecotel». Там, де Греція найпрекрасніша. Ласкаво просимо до світу елегантності та комфорту; Ковбаси «Елітні». Королівський смак; «ЛДжі». Легко та престижно; «Нескафе Голд». Тонкий аромат і розкішний смак; Холодильник «Аристон». Істинний шедевр домашньої колекції. Всі наведені приклади об'єднані спільною архісемою «для витончених і вибагливих осіб», пор.: вишуканий – «який характеризується витонченістю, досконалістю, елегантністю. // Який відзначається добірністю; зроблений з тонким смаком» [1, с. 162], комфорт – «найзручніші побутові умови, сукупність побутових вигод; вигоди, затишок» [1, с. 562], королівський – «перен. Найвищої якості; багатий, розкішний» [1, с. 576], престижний – «такий, який високо котирується, має перевагу в очах суспільства, якої-небудь групи людей» [1, с. 1107], розкішний – «який задовольняє найвищі естетичні вимоги, смаки. // Вишуканий, прекрасний» [1, с. 1245], шедевр – «зразковий витвір, що є найвищим досягненням мистецтва, майстерності» [1, с. 1617] тощо;

6) лексеми, що, у певний спосіб перетинаючись із попередньою групою, містять загальнооцінювальні характеристики предметів (**бездоганний, вражаючий, дивовижний, *ідеальний, *лагідний, привабливий, чарівний, шарм*, *чудовий*), які умовно можна об'єднати у розгалужений синонімічний ряд, оцінна амплітуда якого сягатиме найвищого ступеня, а референтна належність матиме практично необмежений спектр, пор.:

«Самсунг». Ідеальна техніка для реального життя (ідеальний – «досконалий, відмінний, чудовий…» [1, с. 488]); *«Elit fort» – шарм справжньої кави* (шарм – «чарівність, привабливість» [1, с.1614]); *Чипси «Естрелла». Привабливий смак* (привабливий – «який викликає захоплення, приваблює до себе своїми якостями, властивостями. //… Який приносить задоволення, насолоду, приємний» [1, с. 1110]); *Шарм кави «Еліт». Світ чарівного аромату* (чарівний – «перен.: надзвичайний, дуже гарний; чудовий» [1, с. 1593]); *Жувальна гумка «Орбіт». Чудовий смак і захист від карієсу* (чудовий – «прекрасний, чудесний» [1, с. 1608]); *Бездоганний вигляд цієї осені від «Ейвон»* (бездоганний – «який відзначається довершеністю форми; чудовий» [1, с. 67]); *В лагідних обіймах «Омса»* (*лагідний* – «приємний для сприймання; нерізкий, м'який, ніжний» [1, с. 603]) тощо.

На відміну ж від попередньої групи, зазначені КС ілюструють не соціальну винятковість потенційного споживача, його належність до вищих верств суспільства, що й мають ілюструвати придбані рекламовані товари, а оцінну характеристику товару, який може задовольнити і витончені, і звичайні смаки пересічних громадян.

Спираючись на кількісні та семантичні характеристики зафіксованих КС, встановлено, що найактивнішою підгрупою цього блоку є КС, що ілюструють практичну цінність рекламованих товарів, їхню винятковість серед інших тотожних та водночас – відповідність усталеним у суспільстві стандартам виготовлення, споживання та ін. таких товарів. Також окреслено коло максимально частотних і семантично потужних КС, які використовуються рекламістами незалежно від референційної групи рекламованих товарів, що засвідчує сенсову обсяжність, багатогранність і впливову потужність цих КС. До них уналежнюємо такі (20 лексем): *допомога/допомагати, ефективний, корисний, захист/захищати, безпечний, справжній, якість, єдиний, новий, перший, весь/всі, завжди, економний, вигідний, комфорт, шедевр, престижний, ідеальний, бездоганний, лагідний.*

Джерела та література:

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод., допов. та CD) /уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – Ірпінь : ВТФ «Перун», 2007. – 1736 с. : іл.

2. Ковалевська А. В. Метамодель лінгвістичної сугестивності політичних рекламних слоганів [текст]: дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: 10.02.01/ А. В. Ковалевська. – Одеса, 2011. – 293 с.

3. Ковалевська Т. Ю. Комунікативні аспекти нейролінгвістичного програмування: монографія / Т. Ю. Ковалевська. – Вид. друге, випр. і доп. – Одеса: Астропринт, 2006. – 324 с.

4. Коваленко Є. Рекламний дискурс: лінгвістичні аспекти вивчення /Є. Коваленко // Лінгвістичні студії: Інститут журналістики КНУ імені Тараса Шевченка, 2009. – С. 314-319.

5. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 479 с.

6. Психология в рекламе /[под ред. П. К. Власова]. – 2-е изд., допол., перераб., исправ. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2007. – 320 с.

7. Серио П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 14-53.

УДК 81

Орешкина М. В.

КОНЦЕПТЫ КУЛЬТУРЫ В СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье анализируются концепты иных культур, которые, проникнув в русскую языковую картину мира в результате взаимодействия языков, создают в ней представления об иных национальных мирах, о жизни, быте, традициях, обычаях, мировоззрении других народов. Рассматривается также их лексикографическое освоение в русских лингвокультурологических словарях.

Ключевые слова: взаимодействие языков, культурные концепты, языковая картина мира, лингвокультурологические словари.

У статті аналізуються концепти інших культур, які, проникнувши в російську мовну картину світу в результаті взаємодії мов, створюють в ній уявлення про інші національні світи, про життя, побут, традиції, звичаї, світогляд інших народів. Розглядається також їх лексикографічне освоєння в російських лінгвокультурологічних словниках.

Ключові слова: взаємодія мов, культурні концепти, мовна картина світу, лінгвокультурологічні словники.

The report elucidates concepts of other cultures which, penetrating into the Russian linguistic picture of the world as a result of languages interaction, create representations of other national worlds, life, existence, traditions, customs, world outlook of other peoples. Their lexicographic exploration in the Russian linguoculturological dictionaries are treated as well.

Key words: languages interaction, cultural concepts, the linguistic picture of the world, linguoculturological dictionaries.

В современном мире в результате процессов глобализации неизмеримо более тесными стали контакты культур и языков народов, не только живущих по соседству, но и в географической удаленности друг от друга. В последние годы многие исследователи занимаются проблемами взаимодействия языка и культуры, отражения в языке контактов между языком и культурой как своего, так и других народов. Эти аспекты указанной проблемы мы рассматриваем на материале заимствований в русский язык концептуальной лексики из других языков, что позволяет осмыслить особенности русской национально-языковой картины в разных аспектах.

В русский лексикон на протяжении веков из разных языков вошло достаточно большое количество иноязычных заимствований, которые закрепились в русском словаре. Когда мы обращаемся к проблеме описания национально-специфических концептов русской языковой картины мира, мы неизбежно сталкиваемся с присутствием инонациональной культуры в этой картине. Это вполне естественно, так как в результате взаимодействия культуры и языка русского народа с культурами и языками других народов, особенно тех, которые на протяжении веков соседствовали с русскими, протекали процессы взаимопроникновения элементов культуры и языка. Примером могут служить контакты русского народа с тюркскими народами, языки и культуры которых при всем их различии и расхождении во многом тесно переплелись.

В каких словарях наиболее ярко отражаются результаты взаимодействия языков и культур контактирующих народов? В этом отношении наибольший интерес для исследователей представляют лингвокультурологические, лингвоконтактологические, лингвострановедческие, словари заимствованной лексики и некоторые другие словари. В настоящее время оформляется также лингвокультурологическая и лингвоконтактологическая лексикография, которая систематизирует результаты взаимосвязи и взаимодействия языков и культур, ценностей культуры (своей и чужой), заложенные в понятиях, названных «концептами культуры», или «культурными концептами».

Описывая типологию современных русских лингвистических словарей, автор Н. А. Лукьянова пишет: «Лингвокультурография – относительно новая отрасль русской «словарной индустрии», активно формируется в настоящее время как результат синтеза филологии и культуры. <…> Объектом описания в ЛКС [лингвокультурологическом словаре. – *М. О.*] являются языковые единицы, <…> выражающие национальные

культурно значимые реалии и репрезентирующие культурные концепты. В них сочетаются лингвистические сведения о ЯЕ [языковой единице. – *М. О.*] с культурной информацией о соответствующих реалиях, фиксируются вербализованные представления, образы, вербально-ассоциативные связи, существующие в сознании носителей русского языка. <…> Современные лингвокультурологические словари охватывают своим описанием различные фрагменты русской языковой картины мира, а также дают представление о языковой модели мира в целом в рамках той концепции, которой следует автор конкретного словаря (словари Ю. С. Степанова и А. Д. Шмелева)» [8, с. 42-43].

Следует отметить, что объем и содержание понятий новых лингвистических дисциплин: лингвокультурологии, лингвоконцептологии, лингвоконтактологии, лингвострановедения и других, связанных с проблемами концептов, языковой картины мира, взаимосвязи языка и культуры, до конца не определены, в научной литературе встречается разное понимание терминов этих наук (см. работы Н. С. Трубецкого, С. А. Аскольдова, А. Вежбицкой, Д. С. Лихачева, Ю. С. Степанова, В. Г. Костомарова, В. М. Верещагина, В. П. Нерознака, В. В. Воробьева, Ю. Л. Воротникова, В. З. Демьянкова и др.).

Одно лишь перечисление терминов, которые используют разные исследователи в своих работах, ярко показывает, как интенсивно идет формирование научного аппарата этих наук: «концепт», «слово-концепт», «концепт культуры», «культурный концепт», «лингвокультурный концепт», «национальный концепт» «национально-культурный концепт», «базовый концепт», «фундаментальный концепт», «национально маркированный концепт», «инокультурный концепт», «метаконцепт», «макроконцепт», «микроконцепт», «концептуализация», «трансконцептуализация», «контактоконцептема», «контактолексема», «константа» [12, с. 76], «универсалия», «примитив», «архилексема», «контактолексема», «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема», «языковая картина мира», «наивная картина мира», «концептосфера» и другие, с помощью которых отражается национальная картина мира во всех ее проявлениях и особенностях, или, по словам акад. Д. С. Лихачева, «концептосфера» [7] национального языка.

При этом большинство авторов подчеркивают, и мы считаем также, что **концепты** – это единицы культурологии и/или лингвокультурологии, имеющие языковое выражение (слово-концепт), содержащие национально-культурный, культурно-исторический, этнокультурный, страноведческий или другой подобный компонент и являющиеся ключевыми для понимания национального менталитета носителей языка. Именно такие концепты называют часто «культурными концептами».

Несмотря на малую разработанность лингвокультурологической лексикографии, в российском языкознании в этой области есть достижения. Об этом следует сказать отдельно. Настоящим прорывом здесь можно назвать фундаментальный проект – многотомный «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» в шести томах [10], осуществленный акад. Н. Ю. Шведовой со своим коллективом, который представляет русскую лексику в систематизированном виде; этот уникальный словарь и в текстах, и в зрительных образах (в виде многочисленных схем) дает нам возможность в полной мере увидеть и ощутить русскую языковую картину мира. В настоящее время вышли четыре тома этого словаря, проект близится к завершению в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, в Отделе под руководством чл.-корр. РАН Ю. Л. Воротникова.

При изучении культурных концептов возникает множество проблем. Из них наше внимание привлекает проблема изучения концептов, составляющих национальную специфику языковой картины мира. Многие исследователи считают, что практическим следствием теоретического изучения культурных концептов должно стать лексикографическое описание концептов национальной культуры, т.е. составление словаря культурных концептов, или так называемого «концептуария» [9, с. 108].

Особое внимание надо обратить на те заимствованные слова, которые репрезентируют концепты «чужой» культуры и которые в совокупности дают представление о национальной картине мира, о менталитете другого народа.

В нашем обзоре представлены различные словари интересующего нас профиля, начиная от традиционного классического толкового лингвокультурологического словаря В. И. Даля до современных, в том числе учебных, словарей.

Для примера и иллюстраций мы брали из этих словарей три базовых концепта – *дом, хлеб, селение*, которые являются основополагающими, фундаментальными в культуре каждого народа и представлены в русском языке целым набором различных лексем, как исконно русских, так и заимствованных. Эти концепты являются важнейшими фрагментами языковой картины мира у любого народа и относятся к универсальным концептам. Несмотря на свою универсальность, они тем не менее в каждом языке приобретают свою специфическую культурную окрашенность и являются выразителями определенной национальной культуры.

Прежде всего надо назвать крупнейший памятник народной культуры – «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863-1866) [4]. Словарь включает, помимо литературной лексики, богатейший лексический материал, связанный с крестьянским бытом, семейным укладом, обрядами, традициями, обычаями, промыслами русского народа и т. п. Этот словарь остался одним из самых популярных востребованных словарей русского языка, он стимулировал развитие многих направлений в лексикографии.

Приведем примеры из Словаря В. И. Даля двух заимствованных слов-концептов *сакля* и *юрта*, входящих в концептуальное поле «дом (жилище)»:

«**Сакля** *ж. квкз.* Хижина, землянка; битая, плетневая или турлучная избушка, хата» [5, т. 4, стб. 10].

«**Юрта,** кочевой шалашъ, балаганъ разнаго рода; названье это дано русскими съ монгольскаго *'юрта*; см. *кибитка, вежа, чумъ* и пр. *Остяцкая юрта*, зимняя, деревянная лачуга, хижина» [5, т. 4, стб. 1551].

Из современных российских лингвокультурологических словарей прежде всего надо назвать крупномасштабное исследование акад. Ю. С. Степанова – «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования» (издание 1997 года и след.) [12]. Предметом этого Словаря являются понятия, или концепты, русской культуры, такие, как «вечность», «страх», «любовь», «вера», «правда», «слово», «душа», а также «огонь», «вода», «хлеб» и др. Концепты русской культуры рассматриваются как часть культуры общеевропейской, взятые прежде всего в момент их ответвления от европейского культурного фонда.

Приведем один из фрагментов русской языковой картины мира, который представлен базовым концептом

«хлеб» и которому акад. Ю. С. Степанов посвятил обстоятельную словарную статью в своем словаре:

«**Хлеб**. – Хлеб, "хлебушко" – в теперешней России все еще, как и в старые времена, основной продукт питания ... Хлеб у русских – больше, чем пропитание, он – с и м в о л п р о п и т а н и я. Вот и сейчас часто говорят, например, *Картошка – наш второй хлеб*. Во Франции, в Испании нищие просят "на чашечку кофе", у нас – "на кусок хлеба"... Но как концепт, «хлеб» надо понимать в его первом значении – "главный пищевой продукт человека, из муки пшеницы или ржи"...» [13, с. 284-285].

В концептосфере любого языка концепт «хлеб» занимает одно из центральных мест. В русском языке семантическое поле с архилексемой «хлеб», располагающейся в ядре семантического поля, состоит как из русских наименований разновидностей хлеба (*ситник*, *калач*, *каравай, пирог, черный, ржаной*, *обдирный, белый, булка, буханка, баранка*, *сдоба*, *плетенка*, *пышка*, *плюшка* и др.), так и из иноязычных терминов, обозначающих хлеб, взятых нами в данной работе из близкого языкового окружения: *лаваш* (из азерб., арм., груз., туркм.)*, чурек* (из азерб., туркм.)*, матнакаш* (из арм.)*, маца, хала* (из др.-евр.), *бублик* (из укр.)*, нон* (из тюрк.)*, мчади* (из арм., груз.)*, сайка* (из эст.)*, жайнан* (из казах.) и др.

Следует обратить внимание на фундаментальный словарь Р. А. Юналеевой «Тюркизмы в русской классике: Словарь с текстовыми иллюстрациями» [14], который впервые в отечественной лексикографии представил обширный свод тюркизмов, их производных и фразеологизмов с тюркским компонентом, образованных на русской почве. Словарь отразил особенности функционирования тюркизмов в русском языке на богатом материале творчества русских писателей-классиков XIX века: А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др.

Приведем пример одной словарной статьи:

«**ЮРТА.** Обычно конусообразное жилище из жердей, крытых шкурами, войлоком и т.п. у кочевых народов. *Атилла имел свою резиденцию в Дакии, где недалеко от Дуная находилось становище из грубых деревянных юрт, среди которых возвышался неуклюжий дворец его*. Г., 7 [Н. В. Гоголь. – *М. О.*]» [14, с. 136].

В России и в странах СНГ появились учебные лингвокультурологические словари и комплексы, отражающие реалии национальной культуры.

В учебной лингвокультурологической лексикографии интересна работа С. К. Бирюковой «Словарь культуроведческой лексики русской классики. По литературным произведениям школьной программы» [2]. В него вошла та этнокультуроведческая лексика, те слова художественного произведения, которые играют значительную роль в познании культуры, быта, религии, психологии разных народов. Это могут быть этнографизмы как исконно русские, так и иноязычные (*сакля, зипун, боливар*), историзмы (*аршин, атаман, мюрид*), устаревшие слова (*басурман, житница*), религиозная лексика (*алтарь, хоругвь*), мифологическая и античная лексика (*ведьма, аврора*).

Из работ последних лет назовем: «Лингвокультурологический учебный комплекс "Беларусь"» под ред. проф. Л. Н. Чумак [1]; «Лингвокультурологический словарь для школьников: Диалог русского и башкирского языков и культур» Р. Г. Давлетбаевой [3]; работа Л.Х. Самситовой «Реалии башкирской культуры: Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка» [11]; лингвокультурологический словарь «Реалии чувашской культуры» Н. С. Карповой [6] и другие подобные словари.

Полезен опыт создания «Лингвокультурологического учебного комплекса "Беларусь"», основой которого является «билингвальный лингвострановедческий словарь национальных реалий Беларуси (около 100 ключевых единиц) <...> Это переводной, белорусско-русский, словарь на материале белорусской традиционной культуры». Как пишут авторы словаря, «именно лингвострановедческий словарь, объединяя в себе черты лингвистического словаря и энциклопедии, выступает как наиболее оптимальная форма экспликации культурного знания …» [1, с. 4].

Приведем образец словарной статьи из словаря «Беларусь», состоящей из двух частей – на белорусском и русском языках в виде параллельных статей.

Слева на странице словаря статья «драники» дается на белорусском языке: «**Дранікі** [dr'aniki]. Бліны з дзёртай сырой бульбы, пякуць вялікімі і маленькімі, як аладкі. Да дранікаў абсмажваюць сала, робяць мачанку з тварагу і смятаны. Дранікі пякуць звычайна на сняданак. Тыя дранікі, што засталіся, складаюць у гаршчок, міску, заліваюць маслам, смятанай і ставяць у печ. У Беларусі дранікі – нацыянальная страва. *Маці ля печкі стараннa дранікі з бульбы пячэ* (М.С. Смагаровіч)».

Справа на странице дается ее перевод на русском языке: «**Драники** [dr'aniki]. Блины из тёртого сырого картофеля, выпекают большими и маленькими, как оладьи. К драникам обжаривают сало, делают мачанку из творога и сметаны. Драники обычно выпекают на завтрак. Те драники, которые остались, складывают в горшок, миску, заливают маслом, сметаной и ставят в печь. В Беларуси драники – национальное блюдо. [* *Мать около печки старательно драники из картошки печет* (М. С. Смагарович)]» [1, с. 24].

Описание национально маркированных концептов русского словаря, включение их в различные словари русского языка и наконец составление специального лингвокультурологического словаря национально-культурных концептов, отражающих как национальную картину мира русского народа, так и национальные картины мира других народов в русском языке, – насущная задача языкознания, которая ждет своего решения и над которой мы также работаем в своих исследованиях.

Источники и литература

1. Беларусь: Лингвокультурологический комплекс: пособие для иностр. студентов / Л. Н. Чумак и др.; [под ред. проф. Л. Н. Чумак]. – Минск: БГУ, 2008. – 111 с.

2. Бирюкова С. К. Словарь культуроведческой лексики русской классики. По литературным произведениям школьной программы / С. К. Бирюкова. - М., 1999. – 284 с.

3. Давлетбаева Р. Г. Лингвокультурологический словарь для школьников: Диалог русского и башкирского языков и культур / Давлетбаева Р. Г.; [под ред. проф. Л. Г. Саяховой]. – Уфа: Китап, 2003. – С. 158-164.

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Т. 1-4. – 1863-1866; 2 изд. Т. 1-4. – 1880-1882.

5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.: Т. 1-4 [Репринт. изд. 1903-1909 гг.] / В. И. Даль; [под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ]. – М.: ТЕРРА, 2000.

6. Карпова Н. С. Реалии чувашской культуры: Лингвокультурологический словарь / Н. С. Карпова [под ред. проф. Л. Г. Саяховой]. – Стерлитамак, 2007. – 76 с.

7. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Раздумья о России. – СПб., 1999.
8. Лукьянова Н. А. Типология русских лингвистических словарей / Н. А. Лукьянова // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – Т. 3. – Вып. 1: Филология. – Новосибирск, 2006.
9. Нерознак В. П. От концепта к слову. К проблеме филологического концептуализма / В. П. Нерознак // Функциональная лингвистика: прагматика текста. – Симферополь, 1997.
10. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: [В 6 т.]. – Т. 1-4 / РАН. ОЛЯ/ОИФН. Ин-т рус. яз.; [под общ. ред. Н. Ю. Шведовой]. – М.: Азбуковник, 1998 – 2007.
11. Самситова Л. Х. Реалии башкирской культуры: Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка / Самситова Л. Х.; [под ред. проф. М. В. Зайнуллина, проф. Л. Г. Саяховой]. – Уфа, 2006. – 176 с.
12. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – 824 с.
13. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, доп. – М., 2001. – 990 с.
14. Юналеева Р. А. Тюркизмы в русской классике: Словарь с текстовыми иллюстрациями / Р. А. Юналеева. – Казань, 2005. – 751 с.

Примечание. Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках проекта № 11-04-00258а «Иноязычные заимствования в русском языке: лингвокультурологический и лексикографический аспекты» (рук. М. В. Орешкина).

УДК 821.161.2–94 (О. Вишня) **Павлик Н. В.**

ЗАСОБИ РЕАЛІЗАЦІЇ ЕМОЦІЙНОСТІ ТА ЕКСПРЕСИВНОЇ ОЦІННОСТІ В ЩОДЕННИКОВИХ ЗАПИСАХ ОСТАПА ВИШНІ

Статья посвящена анализу дневникового текста с лингвостилистических позиций. Рассмотрены наиболее часто употребляемые средства выражения эмоциональности и экспрессивной оценочности на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.
Ключевые слова: дневник (дневниковые записи), экспрессивность, эмоциональность, категория оценки.

У статті здійснена спроба аналізу щоденникового тексту з лінгвостилістичних позицій. Розглядаються найбільш уживані засоби вираження емоційності та експресивної оцінності на лексичному, морфологічному та синтаксичному мовному рівнях.
Ключові слова: щоденник (щоденникові записи), експресивність, емоційність, категорія оцінки.

The analysis of a diary text from linguistic points has been made in the article. There have been studied the most used means of expression of emotiveness and expressive evaluation on lexical, morphological and syntactic levels.
Key words: diary (diary notes), expressiveness, emotiveness, the category of evaluation.

У статті здійснена спроба аналізу щоденникового тексту з лінгвостилістичних позицій. Для опису обрано щоденникові записи «Думи мої, думи мої…» відомого українського письменника Остапа Вишні. Перший запис у щоденнику датований 26 грудня 1948 р., останній зроблений у січні 1955 р. Варто наголосити, що, відбиваючи індивідуально-творчі, суб'єктивні роздуми Остапа Вишні як видатного митця, щоденникові записи разом з тим позначені специфікою громадсько-політичної атмосфери того часу [1, с. 527].

Щоденник визначається як «літературно-побутовий жанр, фіксація побаченої, почутої, внутрішньо пережитої події, яка щойно сталася» [6, с. 745]. Узагалі щоденник належить до форм мемуарної літератури і вважається найменш вивченим жанром документальної прози, про який згадується у наукових студіях здебільшого досить побіжно. Однак, як зауважує О. Галич, інтерес до вивчення документальної літератури завжди зростав у переломні епохи, одну з яких переживає нині наша держава [2, с. 392]. Саме у наш час були вперше опубліковані щоденники відомих українських діячів, що зумовило посилення уваги особливо літературознавців до їх ґрунтовного наукового дослідження.

Спостерігається зацікавлення проблемами жанру щоденника у працях сучасних вітчизняних дослідників, зокрема, щоденник як форму самовираження письменника вивчала Катерина Танчин [9]; жанрово-типологічні особливості щоденника у літературному процесі другої половини XX – початку XXI століть стали об'єктом дослідження Анни Ільків [4]; щоденник Т. Шевченка як творчо-психологічний та жанровий феномен проаналізувала Неля Момот [7]; публіцистичність щоденників українських письменників розглядає Олександр Галич [2] тощо. Найбільш логічно вмотивованим є розуміння щоденника як повноцінного жанру документалістики поряд з такими жанрами, як мемуари, листи, нотатки тощо [9, с. 4]. Серед жанрових ознак щоденників виокремлюється відсутність єдиного сюжету, спільного ідейного задуму, натомість характерним є уривчастість, фрагментарність, необробленість оповіді, стилістична незавершеність фрази тощо [3, с. 334-335].

Метою пропонованого дослідження є з'ясування функціонально-стилістичних особливостей щоденникових записів Остапа Вишні, зокрема параметрів та механізмів створення експресивності індивідуального стилю письменника.

Для обстеженого текстового матеріалу притаманний комплекс мовних ресурсів, що забезпечує комунікативні потреби автора і цілком залежить від його мовленнєвих навичок, ідіостилю взагалі. У щоденникових записах використано широку систему засобів вираження на всіх мовних рівнях – лексичному, синтаксичному, морфологічному. Аналіз функціонально-стилістичного аспекту щоденника Остапа Вишні базується на сукупності кількох компонентів, які зумовлюють: 1) тематичну наповненість; 2) специфічність набору мовних засобів; 3) структуру мислення, що відображає різні типи зв'язності та вибір композиційно-мовленнєвих форм; 4) експресивність та емоційно-оцінну наповненість тексту.

Загальна експресивність тексту уявляється як інтегрований результат реалізації таких його властивостей, як емотивність, оцінка, образність, інтенсивність, стилістична маркованість, структурно-композиційні особливості тощо [11, с. 183]. Учені-лінгвісти розрізняють поняття «емоційність» та «емотивність», визначаючи емоційність як психологічну характеристику комунікантів, а в емотивності вбачають лінгвістичну ознаку тексту, тобто сукупність мовних засобів, здатних викликати у реципієнта відповідні емоції [11, с. 185].

Таким чином, експресія як одна з ознак тексту – це складна стилістична категорія, що включає низку психічних, соціальних та лінгвальних чинників і виявляється як інтенсифікація виразності текстового матеріалу за рахунок посилення образності, емоційності, оцінності, збільшення сили впливу висловлювання, його емоційного навантаження [10, с. 7; 12, с. 24]. Серед експресивних мовних ресурсів у досліджуваному тексті найбільшої уваги потребують лексичні, оскільки слово є провідною одиницею мови, що допомагає схарактеризувати образи, виразити симпатії чи антипатії, передати авторське бачення описуваних подій, осіб, ситуацій, тобто є основою для відповідного сприйняття змісту повідомлення. Експресивність може міститися у значенні окремого слова (така лексема виступає синонімом до нейтральної назви явища або поняття), а може створюватися описово (контекстом) [5, с. 90].

Найбільш поширеним засобом вираження емоційного стану у розглянутих щоденникових записах є ***експресиви***, або емоційно забарвлена лексика, яка слугує для опису почуттів, а також передачі емоційних відтінків в оцінці явищ, подій, людей тощо. Експресиви в обстеженому фактичному матеріалі поділяються на дві групи:

– слова, які містять **позитивну емотивну оцінку**, наприклад: *«Для літератури, по-моєму, треба перш за все* ***чесність****. Потім уже* ***геній****,* ***талант*** *і інші атрибути літератури. Тоді буде література!»* [1, с. 448]; *«А який же наш народ* ***добрий****, який* ***увічливий****, який* ***делікатний****!»* [1, с. 449];

– слова, що виявляють **негативну емотивну оцінку**, наприклад: *«Чому я мушу* ***боліти****,* ***страждати*** *за того, хто прийшов у літературу?... Чому такий* ***біль*** *у мене не тільки за «****провалля****» в літературі, а за особу талановиту, за її поведінку навіть в особистому житті?...»* [1, с. 449]; *«А тепер по секрету: я гордий, я задаюсь, що я переміг, переборов у собі і* ***заздрощі****, і націоналістичну* ***коросту****, і все-все…»* [1, с. 454]; *«Царя* ***не любив****, царату* ***не любив****, –* ***ненавидів****, – це правда!»* [1, с. 473].

Застосування експресивів дає авторові змогу викликати адекватну реакцію, спричинити емоційний ефект, переживання, що відповідають його намірам і змушують вдаватися до вибору тих чи інших мовних одиниць. У щоденникових записах Остапа Вишні зафіксовано експресиви, що містять як позитивну, так і негативну емотивну оцінку, співвідносну з внутрішніми емоціями та переживаннями письменника, пов'язаними переважно з рідним народом, рідною землею, улюбленою літературною діяльністю, тогочасною політичною ситуацією тощо.

У процесі аналізу щоденника Остапа Вишні зафіксовано велику групу лексем, які містять форманти суб'єктивної оцінки, зокрема ***демінутивні та аугментативні утворення***. До афіксів з лексико-граматичним значенням належать зменшено-пестливі суфікси, які вживаються на позначення зменшеності чи здрібнілості, пестливості, ласкавого або фамільярного ставлення до предмета чи особи, та згрубіло-збільшувальні форманти, що передають збільшення чи згрубілість і виражають зневажливе, іронічне або фамільярне ставлення до предмета мовлення. У щоденникових записах письменника демінутиви та аугментативи є важливим засобом вираження емоційно забарвлених значень, стилістичної виразності, образності, позитивної чи негативної оцінки, наприклад: *«Я –* ***маленький чоловічок, мурашка, комашинка*** *в народній величі!»* [1, с. 451]; *«Щоб очі мого народу, коли вони часом печальні та сумом оповиті, – щоб вони хоч* ***отакеньким шматочком*** *радості засвітилися»* [1, с. 452]; *«А ви бачили, як у дитини засвічуються огні-****оченята****? І які в неї робляться* ***щічки****? І як* ***губенятка*** *розтягуються в лукаву посмішку?»* [1, с. 475].

Категорію оцінки витлумачують як «сукупність різнорівневих мовних одиниць, що об'єднані оцінною семантикою і виражають позитивне чи негативне ставлення автора до змісту висловлення» [8, с. 139]. У проаналізованому текстовому матеріалі переважає суб'єктивна емоційна оцінка, що досить часто супроводжується вигуками, емоційно-експресивними частками, позалітературними лексичними елементами тощо, наприклад: *«****Який же ж*** *він* ***могутній*** *– народ наш!»* [1, с. 440]; *«****Розумний, чудесний, чарівний*** *був* ***хлопчик*** *із синіми* ***лукавими очима****.* ***Дотепний, веселий і серйозний****»* [1, с. 465]; *«****От*** *сидить у літературі* ***якийсь будяк*** *N, приміром»* [1, с. 450].

Раціональна оцінка, в основі якої лежать традиційні соціальні стереотипи, репрезентується у щоденникових записах усталеними оцінними формами, наприклад: *«Марк Твен – геніальний гуморист»* [1, с. 446].

Для вираження оцінки у досліджуваному текстовому матеріалі актуалізується цілий комплекс мовних засобів, а саме:

– якісно-оцінні прикметники, рідше прислівники, оцінний ефект яких посилюється шляхом поєднання з експресивно-підсилювальними модальними частками: *«У нас, видимо, ще єсть «****бездушне****», ****холодне таке*** *ставлення до людей…»* [1, с. 445]; *«І буде* ***такий дружній, такий хороший*** *сміх…»* [1, с. 455]; *«Визнаю:* ***радісна*** *мука,* ***приємна*** *мука, та, проте, – мука!»* [1, с. 459];

– емоційні вигуки: *«****Ах! Ах!*** *І описують те, що народ уже усвоїв, що для нього будні… А ми –* ***ах! ах! Ах! Ах!*** *– це для нас, а не для народу»* [1, с. 439]; *«****Ай, мамо моя!****»* [1, с. 438];

– поєднання оцінного слова (іменника, прикметника, дієслова та ін.) з прислівниками міри і ступеня, що вказують на найвищий ступінь вияву ознаки: *«А NN* ***страшно здивовані****!»* [1, с. 439]; *«Полтаву* ***зруйновано страшенно****!»* [1, с. 440]; *«А я от їду барином – і* ***страшенно задоволений****…* ***Радий****…»* [1, с. 467];

– суб'єктивно-модальні синтаксичні конструкції з оцінною семантикою тощо: *«Але як це трудно!»* [1, с. 448]; *«Господи! Збожеволіти можна від суму!»* [1, с. 450] та ін.

Виділені мовні структури вживаються автором для вираження суб'єктивного ставлення до повідомлюваного, емоційних оцінок, реакцій, зумовлених певними ситуативно-комунікативними умовами.

У щоденникових записах окрему групу утворює ***розмовно-просторічна лексика***, що зближує текст з розмовним мовленням. Уживання просторіч є одним із улюблених експресивно-зображальних засобів, використаних Остапом Вишнею також у своїх листах, що допомогло письменнику повніше та яскравіше відобразити складний період свого життя у засланні, на руднику. У щоденнику просторіччя служать засобом для створення:

– фамільярно-розмовного тону: *«Але люблю я Вас за те, що, карбуючи Ваші червінці поетичні, Ви, благословляючи Пушкіна, ні-ні, та й підморгнете своєю ладозькою, безкінечно благородною* ***мужицькою мор-р-рдою*** *(цілую її)»* [1, с. 442]; *«Це, як казала моя баба,* ***нехорошкувато****!»* [1, с. 445];

– негативно-соціальної характеристики осіб чи суспільних явищ, подій: *«І коли в якогось* ***сукиного сина*** *ще залишилося оте* ***мерзенне****: я – українець, а ти –* ***кацап****! –* ***хай він буд тричди проклят****, бо (подумай) у сто крат приємніше мені поцілувати рязанського мужика, ніж бити його по голові»* [1, с. 454]; *«Скільки ще в нас, серед нас,* ***людців****, що для них важить найбільше не те, що він для літератури зробив, а те, що він член Спілки РП»* [1, с. 468];

– іронічно-жартівливого, сатиричного забарвлення: *«І досі сплющуєшся, ніби тебе бариня по голові **трахне**»* [1, с. 461]; *«Він не **тойкає**, не **отойкає**, не **тогокає**…»* [1, с. 463].

У досліджуваному тексті широко представлені засоби експресивного синтаксису. Динамічності й художності у відтворенні роздумів чи почуттів письменника додають ***однорідні ряди емоційних лексем***. Нанизування мовних елементів у певній синтаксичній одиниці, або ампліфікація, посилена повтором, сприяє висвітленню зображуваного в усіх аспектах, створює навіть певну драматичну напруженість у щоденникових записах, наприклад: *«Але – щоб мене тут грім убив! – не знає N духу української мови, **її аромату, її душевно ніжного-ніжного трембітотону, її колискової душі, чебрецевих її пахощів, її тремтіння, її шелестіння, її бриніння**…»* [1, с. 452]; *«Хіба в літературі **нема пустель, нема байраків, чорних бур, суховію**?»* [1, с. 450]; *«Пошли мені, доле, **сили, уміння, талану**, чого хочеш, – тільки щоб я хоч що-небудь зробив таке, щоб народ мій **у своїм титанічнім труді, у своїх печалях, горестях, роздумах, ваганнях**, – щоб народ усміхнувся!»* [1, с. 451-452].

Типовою особливістю аналізованого тексту є вживання ***емоційно-оцінних та окличних речень***, здатних безпосередньо впливати на процес сприймання і розуміння тексту мовним партнером та викликати емоційний ефект. Емоційний ефект, у свою чергу, виражається якісною характеристикою емоцій – позитивна/негативна, добре/погано та їх модальними різновидами: радість, задоволення, вдячність, шана, горе, гнів, осуд, обурення, відчай, зневажливе ставлення тощо: *«І стріха, і «ставок, і млинок, і вишневенький садок» – все це відійшло, все це – колись, та – трясця його матері! – не тикайте цим народові у вічі, він сам знає, куди йому цей садок, цю стріху притулити!»* [1, с. 439] – гнів, обурення; *«А «Енеїда» Котляревського живе, квітне і 150 літ дає свіжий аромат!»* [1, с. 439] – захоплення; *«Спасибі вам за роботу, за щастя, за радість!»* [1, с. 473] – вдячність; *«Не думайте, що я не бачу різниці між лісом і літературою! Бачу!»* [1, с. 450] – обурення; *«Щоб вони посміялися! Весело так, радісно!»* [1, с. 459] – радість, задоволення; *«Неприємна публіка!»* [1, с. 462] – осуд.

Структура та змістове наповнення емоційно-оцінних та окличних синтаксичних одиниць для вираження експресії вимагає від автора задіювання засобів майже всіх мовних рівнів, а саме: експресивів, наприклад: *«Щоб розлігся шахтарський **сміх**, **радісний**, **веселий**, а головне – **творчий**! «* [1, с. 458]; фразеологізмів, наприклад: *«**Ох і кріпкий орішок**!»* [1, с. 457]; *«**Держи хвоста бубликом**!»* [1, с. 471]; емоційно-експресивних, експресивно-підсилювальних часток, вигуків, наприклад: *«**А яких же** прекрасних людей я там бачив!»* [1, с. 460]; *«**Яка радість**, коли згадає тебе теплим словом народ!»* [1, с. 467]; повторів, що служать для увиразнення висловленого почуття, наприклад: *«**І який** я щасливий, **який** гордий, що мав щастя бути з **Вами**, бачити **Вас**, працювати з **Вами**!»* [1, с. 473]; *«Умираючи, кажу вам усім: ніколи не сміявся без любові **до** вас усіх, **до** сонця, **до** вітру, **до** зеленого листу!»* [1, с. 456] та ін.

В обстеженому текстовому матеріалі зафіксовано ***риторичні питальні форми***, які вирізняються своєрідним змістом, метою та емоційно-експресивним забарвленням: *«Як виріс наш народ, як змужнів, як звеселів, – та в кого ж знайдуться сили, хист, талант, щоб задовольнити потребу нашого замічательного народу на культуру, на художнє слово?»* [1, с. 449]; *«А вони народили мене, Остапа Вишню, хіба вони знали, що отой хлопчисько, що його мати била віником, а батько гладив по голівці, буде Остапом Вишнею?»* [1, с. 455]. Застосування риторичних питальних речень дозволяє посилити емоційне враження про душевний стан автора і надати тексту експресивної сили.

Отже, стаття присвячена аналізу щоденникових записів Остапа Вишні з лінгвостилістичних позицій. Серед експресивних мовних ресурсів у досліджуваному тексті письменником найбільше актуалізуються експресиви, демінутивні та аугментативні форми, засоби фразеології, якісно-оцінні іменники й прикметники, емоційні вигуки, частки, засоби експресивного синтаксису тощо. Вживаючи емоційно-експресивну лексику, автор виявляє власне ставлення до висловленої інформації, а також предмета мовлення щодо адекватного сприйняття його комунікативних мотивів.

Джерела та література

1. Вишня Остап. Твори: в 4 т. / Остап Вишня. – К.: Дніпро, 1989. – Т. 4: Усмішки, фейлетони, гуморески, 1951-1956; З неопублікованого: 1934–1943: Чиб'ю; Материалы к истории Ухтинской экспедиции, 1934-й год; З листування. «Думи мої, думи мої» (Щоденникові записи). – 606 с.
2. Галич О. А. Публіцистичність щоденників українських письменників / О. А. Галич // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского: Серия «Филология. Социальная коммуникация». – Т. 21 (60). – 2008. – № 1. – С. 391-395.
3. Галич О. Теорія літератури: Підручник / За наук. ред. О. Галича / О. Галич, В. Назарець, Є. Васильєв. – К.: Либідь, 2008. – 488 с.
4. Ільків А. В. Жанр щоденника в українській літературі другої половини XX – початку XXI століть : автореферат дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.01 «Українська література» / А. В. Ільків. – Івано-Франківськ – 2008. – 20 с.
5. Коваль А. П. Практична стилістика сучасної української мови / А. П. Коваль. – К.: Вища школа, 1978. – 374 с.
6. Літературознавчий словник-довідник / Р. Т. Гром'як, Ю. І. Ковалів [та ін.]. – К.: ВЦ «Академія», 1997. – 752 с.
7. Момот Н. М. Щоденник Т. Шевченка як творчо-психологічний та жанровий феномен : автореферат дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.01 «Українська література» / Н. М. Момот. – Кіровоград, 2006. – 19 с.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
9. Танчин К. Я. Щоденник як форма самовираження письменника: автореферат дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.06 «Теорія літератури» / К. Я. Танчин. – Тернопіль, 2005. – 20 с.
10. Чабаненко В. А. Основи мовної експресії: Монографія / В. А. Чабаненко. – К.: Вища школа, 1984. – 167 с.
11. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1991. – 214 с.
12. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. – 192 с.

УДК 811.111’42 **Павлюк Ю. В.**

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена анализу и описанию идеографических характеристик функционирования англицизмов в современном испаноязычном публицистическом дискурсе. В результате исследования выявлены семь тематических групп, объединяющих отобранные примеры.
Ключевые слова: заимствование, англицизм, публицистический дискурс.

Стаття присвячена аналізу та опису ідеографічних характеристик функціонування англіцизмів у сучасному іспаномовному публіцистичному дискурсі. В результаті дослідження виявлено сім тематичних груп, які об'єднують обрані приклади.
Ключові слова: запозичення, англіцизм, публіцистичний дискурс.

This article focuses on the analysis and description of the ideographic characteristics of the functioning of Anglicisms in modern Hispanic publicistic discourse. The study allowed to identify seven thematic groups combining the selected examples.
Key words: adoptions, anglicism, publicistic discourse.

Вхождение английских слов, выражений и синтаксических конструкций во многие языки мира привлекает сегодня внимание многих ученых. Общепризнанное технологическое, социально-экономическое и военное превосходство США, влияние двух мировых войн, рост международных контактов, рост туризма и, наконец, англосаксонский культурный престиж относятся к причинам такой широкой экспансии английского языка в другие языки. Кроме того, выразительность и экономичность английского языка, массовый туризм, а также влияние средств языка массовой информации обусловили пополнение, в частности, испанской языковой системы значительным количеством англицизмов.

Все эти лингвистические и экстралингвистические аспекты требуют научного анализа и описания в свете антропоцентрической парадигмы, которая ставит в центр изучения человека, его взаимодействие с представителями других культур. Анализ дискурса, в частности публицистического, представляет собой современное русло лингвистики, в котором особое значение приобретает изучение заимствований как проявлений межъязыковых и межкультурных контактов, с одной стороны, и отражения новейших социокультурных тенденций, с другой.

Проблема заимствований неоднократно исследовалась отечественными и зарубежными лингвистами: В. М. Аристова, И. А. Арнольд, Д. С. Лотте, В. С. Виноградов, José Antonio Hernández Guerrero, Emilio García Gómez и др. В частности, В. С. Виноградов занимался изучением проблем неологизмов-заимствований из английского языка [2], однако идеографические характеристики таких лексических единиц, а также степень их ассимиляции и особенности функционирования в современном публицистическом дискурсе еще не были предметом отдельного исследования.

Целью настоящей статьи является выявление и описание характеристик функционирования англицизмов в современном испаноязычном публицистическом дискурсе.

Объект исследования – англоязычные заимствования в современном испаноязычном публицистическом дискурсе.

Предметом работы являются функционально-тематические характеристики таких лексических единиц.

Материалом исследования послужили 200 англоязычных заимствований, отобранных методом сплошной выборки из женских журналов на испанском языке.

Публицистический дискурс как совокупность текстов периодических изданий на определенном языке является наиболее адекватным контекстом исследования лексических единиц, которые отражают результат взаимодействия представителей разных лингвокультурных сообществ.

Для начала обратимся к определению основных понятий. Термин «дискурс» понимаем тип дискурсивной практики, которая протекает в определенной социальной сфере или институциональной области общественных отношений [5, с. 8-11].

В такой трактовке понятие «дискурс» приближается к понятию «функциональный стиль», которое определяется как ситуативно обусловленный стереотипный способ осуществления вербальной коммуникации на основе социально-осознанного выбора особых языковых средств и принципов их интеграции в речи, тексте [3, с. 32].

Опираясь на данное определение стиля, можем утверждать, что если дискурс представляет собой вербализированную речемыслительную деятельность, понимаемую как совокупность процесса и результата и обладающую как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами [6, с. 200], то стиль является одним из способов осуществления этой деятельности, варьирующихся в зависимости от ситуативного контекста (т.е. сферы речекоммуникативной деятельности).

Таким образом представляется возможным говорить о переносе категориальных характеристик публицистического стиля в область дискурса.

Вслед за О. В. Дудоладовой, публицистический дискурс понимаем как институционализированную речемыслительную деятельность, происходящую в рамках печатных средств массовой информации и обладающую двумя планами: лингвистическим и лингвокогнитивным [4].

Публицистический дискурс, в частности женские глянцевые журналы, является одним из основных проводников английской заимствованной лексики в испанский язык. Для статей, пропагандирующих новые модные тенденции в одежде, характерно огромное количество английских слов и выражений, среди которых встречаются как ассимилированные так и неассимилированные английские заимствования. Лингвисты (в частности, Г.В. Степанов) [7] различают среди заимствований неологизмы (neologismos) и так называемые «иностранные», «чужие» слова (extranjerismos). Английские заимствования различаются по степени адаптации в испанском языке. Так, «иностранные» слова характеризуются отсутствием всех видов адаптаций, они не являются элементами испанской лексической системы, поэтому в письменной речи обычно вводятся курсивом или ставятся в кавычки. Неологизмы же характеризуются большей или меньшей степенью ассимиляции, поскольку уже стали элементами лексической

системы испанского языка. При этом, основным показателем усвоения заимствованного слова языком-реципиентом является его способность к словообразованию.

Рассмотрим следующие примеры заимствований, которые демонстрируют отсутствие какой-либо ассимиляции в языке-реципиенте:

1. Y digo tipo porque hace mucho tiempo que la jet – como término creado por Igor Cassini que definía a un grupo de personas adineradas que disfrutaban de la vida viajando – ha desaparecido y ha dado paso a la beautiful people. Un reducto de celebrities más preocupadas por el shopping que por las pistas en sí. (Vogue, январь 2008).

2. Doña Letizia ha vivido por primera vez el arranque de la Cibeles Madrid Fashion Week, una de las grandes citas de la moda en nustro país que desde este viernes 17 de septiembre se celebra en el reciento Ferial Juan Carlos I en la capital. (Diez Minutos, № 3176).

3. La 56 edición de la Mercedes-Benz Fashion Week Madrid comenzará un día antes para el desfile de Jesús del Pozo. (Elle, июнь 2012).

4. Consejos para escoger un look en cada ocasión. Para un día de shopping: Lo perfecto para un día de compras es una tenida cómoda. Además, prefiere ir con jeans (no muy ajustados) pues además de ser cómodos..... (Fashion Export, июнь 2012).

5. ¿Por qué nos gustan las bloggers? Razones nos sobran, porque son guapas, tienen estilo y hacen posible lo imposible. (Elle, июнь 2012).

6. Así pasen los años, temporada tras temporada y no existe otro tono que nos recuerde más la llegada del buen tiempo. Las fashionistas de Trendtation nos enseña. (журнал Elle, июнь 2012).

7. Touch of pink – Alexandra se apunta a la tendencia peplum con un favorecedor vestido con volante a la cintura, que combina con unas preciosas sandalias de color rosa fucsia de la marca Again & Again. ¡Sencilla pero perfecta! (Elle, июнь 2012) .

Проанализированные примеры английских заимствований можно подразделить на семь тематических групп. Наиболее многочисленными являются следующие группы: мода (*fashion, casual*) – 23%, внешний вид (*look, gloss*) – 19%, оценочная лексика (*cool, boom*) – 17,5%. Остальные группы заимствований являются менее распространенными, в частности: спорт (*fitness, freestyle*) – 11,5%, культура (*best-seller, performance*) – 10,5%, жизнь представителей высшего общества (celebrity, jet set) – 10%, интернет (*blog, online*) – 8,5% .

Кроме того, интересной особенностью функционирования англицизмов в современном испаноязычном публицистическом дискурсе является тот факт, что количество употребляемых неассимилированных заимствований значительно превышает количество адаптированных слов. В текстах статей женских глянцевых журналов неассимилированные заимствования сохраняют английскую графику и выделяются курсивом, то есть редакторы дают читательницам понять, что то или иное слово или выражение является элементом другого языка:

8. Tom Ford Beauty desembarca en Madrid. La firma abre su primer espacio de belleza en la capital. (Vogue, июль 2012).

Неассимилированные заимствования выделяются непосредственно в тексте статьи, но вместе с тем очень часто употребляются в заголовках, которые целиком выделяются жирным шрифтом. В этом случае иностранное заимствование уже не имеет никаких знаков отличия на письме. Например, в журнале (Elle, июнь 2012) можно встретить следующие заголовки, выделенные жирным шрифтом:

10. ***Los looks de la semana***

11. ***Street Style: hoteles de ciudad***

12. ***Eugenia Silva: My look book***

13. ***Consejos Beauty***

При этом заимствованные слова, используемые в подзаголовках, часто ставятся в кавычки:

14. «¿quién dijo que el «jean» era el rey del «casual»? ahora cambia su rol con un séquito de lentejuelas, piezas metálicas y escamas doradas (Elle, январь 2008).

15. «transforma tus pesadillas en historias con «happy end»» (Cosmopolitan mini, март 2008).

Наряду с большим количеством «иностранных» слов и выражений в испанских глянцевых журналах, предназначенных для женщин, употребляются и «неологизмы», то есть слова, уже частично или полностью адаптированные в языке – реципиенте (испанском) [7]. По нашим наблюдениям, эти слова и выражения в тексте статей могут выделяться курсивом или не быть маркированными. Причем одно и то же заимствованное из английского языка слово в одном и том же журнале в одной статье выделяется, а в другой нет, т.е. на сегодняшний день статус данных заимствований еще не определен окончательно.

Таким образом, в результате проведенного исследования выделяем следующие тематические группы английских заимствований в современном испаноязычном публицистическом дискурсе (на материале женских журналов): мода, оценочная лексика, внешний вид, спорт, культура, жизнь представителей высшего общества, интернет.

Кроме того, разделяя заимствованные англоязычные единицы на неологизмы и неассимилированные слова, отметим, что в современном испаноязычном публицистическом дискурсе преобладают неассимилированные заимствования, которые выделяются графически.

Перспективу исследования представляет анализ структурно-семантических особенностей англоязычных заимствований в испанском публицистическом дискурсе.

Источники и литература

1. Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке) / В. М. Аристова. – Л.: ЛГУ, 1978. – 150 с.

2. Виноградов В. С. Лексикология испанского языка / В. С. Виноградов. – М.: Высш. шк., 2003. – 244 с.

3. Долинин К. А. Стилистика французского языка / К. А. Долинин. – М.: Просвещение, 1987. – 302 с.

4. Дудоладова О. В. Динаміка мовної репрезентації гендера в англійському публіцистичному дискурсі (друга половина XX ст. – початок XXI ст.) / О. В. Дудоладова: Автореф. дис. … канд. філол. наук. – Х., 2003. – 20с.

5. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

6. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В. В. Красных. – М.: Гнозис; Кучково поле, 2001. – 269 с.
7. Степанов Г. В. Испанский язык в странах Латинской Америки / Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1963.
8. Hernández Guerrero J.A. Las Palabras de Moda / Hernández Guerrero J. A. – 2ª edición muy aumentada, en las Universidades de Murcia y de Cádiz. – Murcia. – 2006.

УДК 82'373.232.1(477.62)''20'' **Падалка Р. М.**

ПРІЗВИЩА СЛОВ'ЯНЩИНИ XX СТОЛІТТЯ

На основе семантической базы фамилий определены изменения в семантических группах фамилий, в частности семантическая и функциональная динамика; структура парадигм отапеллятивных и отыменных фамилий Славянщины XX в.; динамика валентности фамильных основ и особые группы внепарадигматических отапеллятивных фамилий Славянщины XX века. Обстоятельно проанализирована словообразовательная динамика фамильных формантов XX в., динамика семантического и композитного типа образования фамилий XX в. и акцентуационные типы фамилий Славянщины.
Ключевые слова: апелятив, оним, парадигма, фамилия, формант.

На основі семантичної бази прізвищ з'ясовано зміни в семантичних групах прізвищ Слов'янщини, зокрема семантичну та функціональну динаміку; структуру парадигм відапелятивних та відіменних прізвищ XX ст.; динаміку валентності прізвищевих основ та особливі групи позапарадигмальних відапелятивних прізвищ XX ст. Докладно проаналізовано словотвірну динаміку прізвищевих формантів Слов'янщини XX ст., динаміку семантичного й композитного типу творення прізвищ Слов'янщини XX ст. та акцентуаційні типи прізвищ.
Ключові слова: апелятив, онім, парадигма, прізвище, формант.

Changes, based on the semantic basis of surnames, in semantic groups of names in Slavyansk were established. In particular, semantic and functional dynamics, structure of paradigms of denominative surnames and appellative-formed surnames was retraced. The paradigm of surnames generated from place of residence and the dynamics of valent basis of surnames was fond. The groups of surnames lying behind the limits of paradigms were defined. The analysis of main principles of formation of surnames in Slavyansk district, in particular the dynamics of anthropoformants, was done.
Key words: appellative, onim, paradigms, surnames, formants.

Сума всіх власних імен, чи ономастичний простір, що наявний в уявленні людей не лише в теперішньому, але й у минулому. Тому в різних народів у процесі розвитку складалися свої системи імен, зумовлені відмінностями характеру існування, соціального, економічного розвитку, історії, побуту, місця знаходження, а також розходження в будові мов.

На думку Н. Ю. Булави [2-7], дослідження антропонімікону північної Донеччини зумовлене необхідністю докладного аналізу відображення історії, культури, ментальності та інших характерних рис населення цього регіону у прізвищевих феноменах. Сучасний антропонімний матеріал східних областей України залучався до наукового аналізу В. Д. Познанською [8-11], проте всі прізвища такої великої і густозаселеної території практично не могли бути охоплені одним дослідником. Результати нашого дослідження виявляють специфіку цієї території і доповнюють загальну картину антропонімікону Східної України.

Дослідження антропонімної системи півдня Слобідської України, зокрема Слов'янщини, кінця XIX – початку XXI століття дозволяє всебічно вивчити прізвищевий фонд цього району й на основі аналізу відповідного історичного та сучасного матеріалу виявити динаміку розвитку системи іменувань у межах вужчого часового проміжку – одного століття, – зокрема можливої русифікації антропонімікону досліджуваної території. Слобідська Україна нині займає майже всю колишню Харківську губернію: Ізюмський повіт і деякі з повітів Курської і Воронезької губерній. Про місцевість, на якій розташовано місто Слов'янськ, згадується вже в письмових джерелах другої половини XVI ст. [1]. Свідчать вони про маршрути охоронної та слобідської служб, які відігравали значну роль у системі оборони південних прикордонних рубежів. Потік переселенців із Лівобережної та Правобережної України збільшується з середини XVII ст. У 1784 році місто Тор перейменували у Слов'янськ – найстаріше місто Донбасу, із розвиненими соляними промислами. Отже, необхідність більш глибокого вивчення антропонімії однієї з давніх територій півдня Слобідської України (Слов'янщини), недостатня вивченість процесів, що відбувалися в системі найменувань протягом XX століття, а також змога встановлення національного складу району через вивчення динаміки прізвищ його носіїв і визначає актуальність обраної теми.

Об'єкт дослідження – прізвища Слов'янського району Донецької області XX ст.

Предмет дослідження – динаміка деривaційних явищ у прізвищах Слов'янського району Донецької області XX ст., динаміка семантичних груп прізвищ та динаміка прізвищевих парадигм.

Мета дослідження – виявити динаміку прізвищ конкретного локального району – Слов'янського – із погляду синхронно-діахронного підходу. Для досягнення поставленої мети розв'язано такі завдання:

1) виявлено загальні закономірності розвитку прізвищ Слов'янського району Донеччини XX століття;

2) досліджено динаміку походження прізвищ, мотивацію твірних основ, зіставлено відіменну та відапелятивну лексику XX століття в синхронії та діахронії;

3) здійснено словотвірно-структурний аналіз прізвищ XX століття.

Мета та завдання дослідження визначили вибір методів наукового аналізу: описового, статистичного, зіставно-синхронного (під час творення прізвищ і характеру їхнього функціонування в кожному хронологічному зрізі); зіставно-діахронного (у процесі аналізу прізвищ різних хронологічних зрізів).

Методом семантичного поля розподілено 547 прізвищ Слов'янського району першої половини XX ст. на такі семантичні групи: антропонімні (відтопонімні, відіменні) – 25 (4,6%) та відапелятивні – 522 (95,4%). З кінця XIX ст. (11 позицій) до початку XXI ст. (42 позиції) кількість семантичних груп збільшилася на 31 позицію. Нові прізвища об'єднано в 5 семантичних груп з основою від: 1) назв частин різноманітного приладдя (Дротик, Крюков, Шомполов тощо); 2) назв предметів без виразної ознаки (Кусков, Кучугура, Шматов тощо); 3) назв установ (Баштова, Дворцов,

Заводський, Кабацька тощо); 4) назв прикрас (Гривна, Ожерельєв тощо); 5) назв процесуальної ознаки (Балаболка, Шаруда, Шаповал, Шелест тощо).

Активну участь у формувані прізвищевої системи досліджуваного району брали і християнські імена в українській адаптованій формі. Провідна роль належала чоловічим християнським іменам та їхнім дериватам. Роль жіночих особових імен менш помітна, що залежало від екстралінгвальних чинників (традицією називати дитину за батьком й обмеженою роллю жінки в суспільстві в період творення прізвищ).

На початок XXI ст. з'явилися нові прізвища. Серед них і варіанти прізвищ. Лише незначна їхня частина не суперечить фонетичним і морфологічним законам української мови, а отже, не потребує орфографічних виправлень. Окремі з них виявляють порушення як у писемній, так і в усній практиці, на них слід звернути серйозну увагу (Вяль, Д'яченко, Свищь тощо).

Парадигми відіменних прізвищ у кінці XIX ст. сформовані прізвищами з 14-ма іменами в їхній основі. Твірні основи різняться між собою здатністю сполучатися з твірними формантами. Деякі основи сполучаються з одним чи двома-трьома формантами, полівалентні ж основи у прізвищах сполучаються з багатьма формантами. Відапелятивних основ 481/88, відіменних – 66/12 %. Більшість відапелятивних прізвищ (390 з 481-го) не входять у парадигму, бо є результатом однослівної валентності; 90 прізвищ уходять до складу 35 парадигм. Атомарні відіменні прізвища (36 назв) Слов'янщини в 1899 р. не формували прізвищевих парадигм. До словотвірної бази прізвищ у кінці XIX ст. уходили не лише повні, але й усічені форми власних імен з емоційним відтінком у значенні. За кількістю компонентів у парадигмах відапелятивні прізвища Слов'янщини умовно поділяють на міні-парадигми, міді-парадигми, максі-парадигми.

Основи відіменних прізвищ Слов'янщини найчастіше поєднувалися з українськомовним формантом -енк-о – 63% (42 прізвища з 66-ти), друге місце посідав формант -ов/-ев російського походження – 17/25,5%. З іншими формантами основи відіменних прізвищ сполучалися в поодиноких випадках. У відіменних прізвищах зафіксовано один приклад конверсії, у відапелятивних їх зафіксовано 11/19,8%. Ця відмінність зумовлена особливостями творення похідних від власних імен та від апелятивів.

Відіменні, відойконімні, відгідронімні парадигми розрізняють за кількістю компонентів: 1) перший десяток відапелятивних моделей охоплює 501 прізвище, відіменних моделей – 431 прізвище; 2) другий десяток відапелятивних моделей охоплює 478 прізвищ, відіменних – лише 280. До структури основного складу найуживаніших прізвищ увійшли апелятиви: 1) колір, 2) частини тіла людини, 3) природа, 4) домашні тварини, 5) розмір, 6) ознака.

Найпоширеніші прізвища в антропонімії Слов'янського району з апелятивом чорний в основі.

Нині в Слов'янщині функціонує близько 100 різновидів прізвищ з особовим іменем в основі. Онімна лексика безпосередньо, а частіше опосередковано була залучена до творення вторинних назв, якими є прізвища. Це відонімні прізвища, які ми розподіляємо на відіменні, відойконімні, відгідронімні тощо.

Інтенсивне дозаселення Слов'янщини в першій половині XX ст. спричинило появу значної кількості іншомовних прізвищ. Іноземні лексеми є позапарадигмальними, бо вони не входять до наявних парадигм на правах похідних компонентів і самі не утворюють навіть міні парадигм. Прізвища-варваризми прийшли на Слов'янщину ззовні, тому їх немає в метричних книгах кінця XIX ст. Вони узаконені юридично, зафіксовані в паспортах й інших правових документах і є єдиними й обов'язковими у процесі офіційної ідентифікації особи. Це специфіка сьогодення. Екзотизми, русизми, радянізми розбавляють національний колорит в антропонімній Слов'янщини.

Прізвища утворено двома способами – семантичним (неморфологічним) 384 (3,31%) та морфологічним 11211 (96,7%). У другій половині XX ст., починаючи з 1951 року, з'являються односкладні прізвища, утворені нульсуфіксальним способом. У межах прізвищ, утворених морфологічним способом, найбільш продуктивним є суфіксальний. На початок XX ст. простежується тенденція до переваги семантичного способу деривації над морфологічним, а на кінець XX ст. морфологічний спосіб превалює над семантичним.

Під впливом утвердження української мови у всіх сферах суспільного життя та унормування правопису прізвищ виникають окремі акцентуаційні варіанти прізвищ, що вживаються в мовленні як самостійні. Коригування наголосу в антропонімах викликає незадоволення з боку їхніх носіїв, які керуються сімейними традиціями чи переконаннями в милозвучності власного прізвища.

Для антропонімікону Слов'янського району Донеччини характерними є композити в основах українських прізвищ. Усього на середину XX ст. таких прізвищ було 59 різновидів, а вже на початок XXI століття їх збільшилося до 511 (Красновид, Сіробаба, Хватаймуха тощо).

Функціонування паралельних форм прізвищ зумовлене фонетичними закономірностями, властивими сучасній українській мові, історичними чергуваннями, упливом особливостей місцевих говірок, упливом інших мов, переважно російської, та помилковими написаннями, які часто траплялися в метричних книгах.

З другої половини XX ст. починається процес русифікації прізвищевого фонду Слов'янського району Донеччини, коли кількість словотвірних типів на -енко/-єнко зменшується, а на -ов, -ів, -ев/-єв та -ин/-ін – збільшується: із 90 на 1891 номему.

Під упливом утвердження української мови у всіх сферах суспільного життя та унормування правопису прізвищ виникають окремі акцентуаційні варіанти прізвищ, що вживаються в мовленні як самостійні. Коригування наголосу в антропонімах викликає незадоволення з боку їх носіїв, які керуються сімейними традиціями чи переконаннями в милозвучності власного прізвища (Мітла' – Мі'тла, Кова'ль – Ко'валь тощо).

Джерела та література

1. Багалій Д. І. Заселення Південної України (Запоріжжя і Новоросійського краю) і перші початки культурного розвитку / Д. І. Багалій. – Харків, 1920.

2. Булава Н. Ю. Антропонімія північної Донеччини як джерело вивчення етнокультурної специфіки / Н. Ю. Булава // Науковий вісник ВДУ. – Луцьк, 2004. – № 6. – С. 84-88.

3. Булава Н. Ю. Відіменні прізвища з суфіксом -енк-о північної Донеччини / Н. Ю. Булава // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць. – Донецьк, 2003. – Вип. 11, ч. 1. – С. 271-276.

4. Булава Н. Ю. Культурологічний підхід до викладання української мови (в аспекті антропонімічної спадщини) / Н. Ю. Булава // Мова і культура. – К.: Видавничий дім Д. Бураго, 2004. – Вип.7, т. 2. – С. 243-249.

5. Булава Н. Ю. Назви професій як джерело творення прізвищ північної Донеччини / Н. Ю. Булава // Лінгвістика. – Луганськ, 2005. – № 1. – С. 86-94.
6. Булава Н. Ю. Назви рослин і тварин в основах українських прізвищ північної Донеччини / Н. Ю.Булава // Записки з українського мовознавства. – Одеса : Астропринт, 2003. – Вип.12. – С. 223-233.
7. Булава Н. Ю. Сучасні українські прізвища північної Донеччини: автореф. дис. на здобуття ступеня канд. філол. наук: спец.10.02.01 / Н. Ю. Булава; Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова. – Одеса, 2005. – 20 с.
8. Познанська В. Д. Назви професій як джерело творення прізвищ південно-східної Україні / В. Д. Познанська // Лінгвістичні студії / за ред. Загнітка. – Донецьк: Вид-во Донецьк держ.ун-ту, 1996 . – Вип. 2. – С. 232-238.
9. Познанська В. Д. Норми функціонування одночленних антропонімів у східностепових говірках / В. Д. Познанська // Лінгвістичні студії / за ред. Загнітка. – Донецьк: Вид-во Донецьк. держ. ун-ту., 1999. – Вип. 5. – С. 186-187.
10. Познанська В. Д. Складні прізвища в антропонімії Південно-Східної України / В. Д. Познанська // В пространстве филологии : [сб. науч. ст.]. – Донецьк, 2002. – С.290-297.
11. Познанська В. Д. Прізвища з суфіксом -енк-о в антропонімії Донеччини / В. Д. Познанська // Донецький вісник наукового товариства ім. Т. Шевченка / Мова. Література. – 2006. – Т. 11. – С. 47-55.

УДК 81’1=16+81’373.2+81’373.21 **Парамонова С. А.**

РОЛЬ ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ОРГАНИЗАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В статье предпринимается попытка оценить вклад просодической составляющей в синтаксическую, семантическую и информационную структуру высказывания во французском языке.
Ключевые слова: просодия, интонация, ударение, тема, рема.

У статті зроблено спробу оцінити вклад просодичної складової у синтаксичну, семантичну та інформаційну структуру висловлювання у французькій мові.
Ключові слова : просодія, інтонація, наголос, тема, рема.

In the article an attempt is made to evaluate the contribution of prosodic constituent to the syntactic, semantic and information organization of the utterance in French.
Key words**:** prosody, intonation, stress, theme, rheme.

В связи с общим поворотом лингвистических исследований к человеку, его речевой деятельности, наметилась приоритетная тенденция изучения динамики речи, изучение естественного речевого взаимодействия «лицом к лицу» или на расстоянии, когда ситуативные, контекстуальные и фонетические факторы играют важную роль и именно просодия является важным компонентом речетворческой деятельности индивида, удовлетворяющего свои коммуникативные потребности.

Изучение просодии является, по-видимому, той областью знания, которая подверглась наиболее заметным изменениям за последние десять-пятнадцать лет. Как отмечает Альберто Ди Кристо, cette propagation soudaine de l’intérêt pour la *chose prosodique*, pourtant si souvent negligée naguère (au point qu’on a pu la qualifier de «*cendrillon de la communication*»), pourrait passer pour une simple épidemie de *prosodimania* [5, с. 68]. Это объясняется тем, что в последнее время в лингвистике и, в частности, фонетике и фонологии были достигнуты значительные теоретические успехи, которые позволили лучше понять механизм функционирования просодических параметров при выражении различного вида значений в языках мира. Особую актуальность исследование просодии как супрасегментного фонологического явления приобретает в связи с выделением и описанием просодического уровня языка как системного уровня, в признании существования единой для всех единиц языка системы супрасегментных средств, из которых любая речевая единица отбирает весь необходимый ей для максимальной семантической реализации комплекс элементов.

Настоящая статья посвящена описанию функционального аспекта просодии, рассматриваемой в качестве одного из ведущих свойств языка, реализующихся в речи на всех уровнях (от слога до текста: on peut la dire «transfrontalière » [2, с. 187]) и играющих важную роль в коммуникации. Слоговая просодия создаёт слог, коартикулируя гласный и согласный звуки в единый слоговой комплекс, словесная просодия создает слово, фразовая просодия – интонация – создает основную коммуникативную единицу – высказывание. Функции членения на синтагмы, указание на их связи, разную их выделенность, законченность /незаконченность, тема-рематические отношения, предикация, выражение коннотативных значений – все это осуществляется просодией.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ БАЗОЙ исследования послужили работы по интонации спонтанной речи и теории высказывания французских и отечественных ученых: А. Ди Кристо [5], Л. Данон-Буало и М.-А. Морель [6], М. Росси [7], В. Г. Гак [1]. **Методологическую основу** исследования составляет системный подход к исследованию просодического континуума. Системный подход предполагает учет многоуровневых связей просодии с синтаксисом, семантикой и прагматикой. В настоящем исследовании признается, что все аспекты звукового строя языка, (и, в частности, вычленяемые звуковые единицы и их функциональная нагрузка, а также функциональная стратификация основных компонентов просодии, их роль в супрасегментной организации слова, ее тип и функциональные возможности) являются системно мотивированными аналитическим строем французского языка, в котором ведущими являются синтагматические закономерности.

Ввиду единства и целостности языковой системы, взаимодействия в ней плана содержания, плана выражения и функционирования существуют взаимокомпенсаторные отношения между просодией и другими подсистемами языка (лексической, грамматической и прагматической). В рамках подхода, принимающего во внимание взаимокомпенсаторные отношения, существующие в языке, в настоящее время рассматриваются многие лингвистические явления, в том числе соотношение различных уровней высказывания. Сложность рассмотрения просодической составляющей состоит в том, что до настоящего времени не определено, какая из подсистем языка: лексическая, грамматическая или фонетическая – является доминирующей в данном процессе. Это означает, что изучение просодических средств должно проводиться в тесном взаимодействии с анализом семантической, синтаксической и логико-коммуникативных составляющих.

Непосредственной **целью** данной статьи является выяснение характера и значимости связей между просодической и синтаксической, семантической, коммуникативно-прагматической структурами высказывания во французском языке, другими словами, какой вклад вносит просодическая составляющая в каждую из этих структур.

Полифункциональность просодии и разноплановость передаваемых с помощью просодических средств содержательных категорий (коммуникативный тип высказывания и модально-эмоциональные значения, синтагматические связи между речевыми единицами и степень важности речевых единиц и отдельных их элементов) приводят к тому, что супрасегментная система языка оказывается состоящей из разнородных единиц (главные из которых интонация и ударение), связанных с разными функциями, обладающими определенной звуковой спецификой и различным образом взаимодействующих с сегментными средствами языка. В современном языкознании существуют три уровня анализа предложения-высказывания: семантический, коммуникативно-информационный и синтаксический[1, с. 126, 243-246]. На **семантическом** уровне выделяются семантический субъект, действие, объект, характеристики как отражение реальных субстанций, действий и их признаков. Семантический уровень анализа раскрывает содержательный аспект высказывания (показывает, о чем говорится в нем). На **логико-коммуникативном** выделяется логический субъект, или тема, предмет сообщения, и логический предикат, или рема, т. е. то, что сообщается об этом предмете. Коммуникативный уровень раскрывает также информативный аспект высказывания, показывает для чего, с какой целью сообщается данное высказывание. На **синтаксическом** уровне выделяются функциональные члены предложения: подлежащее, сказуемое, дополнения, обстоятельства, он показывает формальную организацию предложения. Интонация оформляет предложение как минимальную единицу общения, как относительно самостоятельную коммуникативную единицу – в отличие от слова и словосочетания. Выполняя функции выражения коммуникативного типа высказывания (побуждение, вопрос, восклицание, повествование) и его смыслового членения, интонация наряду с паузой и синтагматическим ударением расчленяет высказывание на ритмические группы и синтагмы и связывает его части между собой, оформляя высказывание в единое целое. Формальные признаки этих единиц: соотношения по темпу, уровню интенсивности, мелодическому уровню, а также тип разделяющей речевые единицы паузы. Каждое предложение – единый тональный контур, единая мелодическая кривая. С лингвистической точки зрения особый интерес представляет ритм: способы выделения элементарных ритмических единиц, своеобразие их внутренней организации, характер объединения их в более крупные речевые единицы, другими словами, структурность и информативность речевого ритма.

Особенностью французского языка является отсутствие фонетического слова как ритмической составляющей предложения. В качестве минимальной ритмической единицы выступает синтагма, а ее просодической вершиной является конечный слог. Если синтагма выражена одним словом, то синтагменный акцент приходится на его конечный слог. Ритмический фактор и благозвучие играют большую роль во французском языке: все просодические группы должны иметь равное количество слогов: 7+/- 1 [3, с. 37].

Итак, предложение, рассматриваемое со стороны его коммуникативной организации, принято называть высказыванием. В качестве высказывания предложение, во-первых, квалифицируется как отдельная коммуникативная единица в устной речи определенными интонационными сигналами (интонация законченности), а в письменной речи – отделяющими знаками (точка, вопросительный или восклицательный знак); во-вторых, в нем становится возможно актуальное членение – смысловое членение, существенное для данного контекста или ситуации. Актуальное членение предложения соответствует коммуникативному заданию: оно организует предложение для передачи актуальной информации, т. е. того аспекта вещественной информации (связанной с лексическим наполнением и формальной организацией предложения), который составляет суть данной коммуникации и ради сообщения которого данная коммуникация и должна состояться.

Как известно, интонация и ударение играют важную роль в передаче информационной структуры дискурса и осуществлении коммуникативной интенции говорящего, в широком понимании этого термина включающей не только целеустановку высказывания, но и прагматический и социо-культурный аспекты высказывания последнего.

Только категория иллокуции определяет рема-тематическое членение, а не морфологический статус словоформ, образующих предикативную единицу. Категория иллокуции «диктует» рему, а ее актуализация может быть и сегментной и супрасегментной. Так нам представляется очень важным и тот факт, что актуализация ремы зависит не только от коммуникативной цели отправителя информации, но и от реализации в высказывании категории перлокуции. Отмечают сегментные и супрасегментные средства актуализации ремы: усиленное логическое ударение пре-, пост-, и интерпозитивное паузирование, нарушение стандартной аранжировки компонентов, редупликация, использование частиц, эмфатическое ударение, расчлененные конструкции и т.д. Важнейшим интонационным показателем является также местоположение акцентов в предложении. Наличие акцента на слове указывает на его существенную коммуникативную функцию: акцент маркирует категории ремы, новой темы и фокуса противопоставления.

В настоящее время не вызывает споров вывод исследователей о том, что актуальное членение выполняет предопределяющую роль как в коммуникативной, так и в формально-грамматической организации высказывания, и является неотъемлемым аспектом любой синтаксической единицы, имеющей коммуникативное назначение. Поэтому знание закономерностей построения предложения в соответствии с его тема-рематическим членением является одним из необходимых условий, с одной стороны, для продуцирования адекватно релевантного высказывания, и, с другой стороны, для адекватного понимания основного содержания «чужого» высказывания.

Сразу оговоримся, что высказывание не является единицей языковой системы. Информация, которую оно передает, не хранится в памяти носителя языка в готовом виде, а создается в процессе речевого акта. Информация погружена в контекст, в котором она и подвергается истолкованию, экспликации. Одному высказыванию может быть сопоставлено много разных содержаний в зависимости от контекста употребления и интенций говорящего.

«VA mettre tes chaussures » (некоторое понятие о срочности действия в слове va…) Это высказывание не дает ту же информацию что «va METTRE tes chaussures » (она продолжает играть с туфлями), или «va mettre TES chaussures» (когда она играет с туфлями своего брата), или « va mettre tes CHAUSSURES» (а не ролики)!

Перемещение предикативного ударения в структуре предложения создает новое высказывание в словесной оболочке одного и того же формально-грамматического предложения. Вследствие этого в рамках одного

предложения обнаруживается одна потенциально-синтаксическая единица, но несколько коммуникативно/ актуально-синтаксических величин – высказываний. Именно высказывание непосредственно соотносится на этом уровне с суждением и подвергается членению по смыслу, на элементы по важности подачи информации. Актуальное членение предложения соответствует коммуникативному заданию: оно организует предложение для передачи актуальной информации, т. е. того аспекта вещественной информации (связанной с лексическим наполнением и формальной организацией предложения), который составляет суть данной коммуникации и ради сообщения которого данная коммуникация и должна состояться.

Заключение.

Данная работа не претендует на полноту описания, это лишь начальный этап. В дальнейшем мы предполагаем подробно рассмотреть тональные конфигурации (восходящий, нисходящий и их комбинации), связанные с оформлением иллокутивно-модальных типов высказываний и особенно влиянию акцента как основного способа просодического оформления именно коммуникативного членения. Кроме того, настоящая тематика требует типологических исследований, сравнения с другими языками, а также значительно более подробного анализа и более детального освещения взаимоотношений просодии с синтаксическим, семантическим и коммуникативным членением высказывания. Есть и еще один важный аспект проблематики, требующий специального рассмотрения: эмоционально-экспрессивная функция просодии, соотносимая с выражением субъективного отношения говорящего к объектам реального мира в конкретной ситуации общения.

Источники и литература

1. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Школа Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

2. Auchlin A. Structure prosodique, syntaxe, discours: évidences et problèmes/ A. Auchlin, A. Ferrari // Cahiers de linguistique française. –1994. – № 15. – P.187-216.

3. Garde P. Le mot, l'accent, la phrase / P. Garde // Etudes linguistiques slave et générale. – 2006. – 423 p.

4. Delais-Roussarie E. Vers une nouvelle approche de la structure prosodique / E. Delais-Roussarie // Langue française. – 2000. – №°126. – P. 92–112.

5. Di Cristo A. La prosodie au carrefour de la phonétique, de la phonologie et de l'articulation formes-fonctions / A. Di Cristo // Travaux Interdisciplinaires du Laboratoire Parole et Langage. – 2004. – Vol. 23. – P. 67-211.

6. Morel M.-A, Danon-Boileau L. Grammaire de l'intonation l'exemple du français / M.-A. Morel, L. Danon-Boileau. – Paris-Gap: Ophrys. – 1998.– 231 p.

7. Rossi M. L'intonation, le système du français: Description et modélisation / M. Rossi. – P.: Ophrys, 1999. – 237 p.

УДК 821.161.2

Парасін Н. Д.

КОНЦЕПТУАЛЬНА ОБ'ЄКТИВАЦІЯ АУДІАЛЬНОГОПРОТОТИПА В ПОЕЗІЇ Т. ШЕВЧЕНКА

Статья посвящена анализу проекций аудиального прототипа на концептуальную плоскость поэзии Т. Шевченко. Определен слуховой прототип – лексема «тихий», выделена система концептов, в которых реализованы текстовые возможности прототипа.

Ключевые слова: сенсорный прототип, индивидуально-авторский концепт, звук, Т. Шевченко.

Стаття присвячена аналізу проекцій аудіальногопрототипа на концептуальну площину творів Т. Шевченка. Визначено слуховий прототип – лексему «тихий», виявлено систему концептів, у яких реалізовано текстові можливості прототипа.

Ключові слова: сенсорний прототип, індивідуально-авторський концепт, звук, Т. Шевченко.

This article is devoted to analysis of the projection audio prototype toconceptual plane of Shevchenko's poetry. Defined acoustical prototype – «quiet». The system of concepts that implement features of the prototype is detected.

Key words: perceptual prototype, the individually author's concept, sound, Shevchenko.

Сучасна лінгвістика побудована на врахуванні визначальної ролі людського фактора в усіх галузях діяльності, зокрема, в плані сприйняття й інтерпретації світу довкола. У науці про мову міцно закоренився когнітивний підхід, вироблений і зрощений з філософією свідомості, психологією, нейробіологією, психосемантикою,наукою про штучний інтелект тощо, тому уже звично, що лінгвісти говорять про ментальні одиниці та процеси, психічні уявлення, про організацію людського мислення йоперують когнітивними структурами – концепт, сценарій, фрейм, прототип, схема, гештальт та ін.Прототипна теорія класифікації і репрезентації знань, представлена в роботах М. М. Болдирєва, О. В. Бондарка, В. З. Дем'янкова, О. С. Кубрякової, Р. М. Фрумкіної та деяких інших, являє собою теоретичне узагальнення і розвиток ідей зарубіжних прихильників прототипного конструювання світу – Е. Рош, Л. Заде, М. Мінського тощо.

Про те, що українські лінгвісти починають приглядатися до можливостей прототипного використання, свідчать роботи А. Е. Левицького, О. Левченко, Н. В. Слухай та ін. О. Селіванова тлумачить сутність терміна «прототип»у зіставленні з попереднім ученням про природу сприйняття: «На відміну від класичної теорії категоризації.., прототипна семантика розглядає ментальну процедуру категоризації як результат особливостей сприйняття світу, моторної активності, культури, притаманної мові метафоричності, метонімічності й образності» [6, с. 379].

За порівняно незначний для науки час теорія прототипів досягла вагомих результатів у семантиці і зайняла нові горизонти, репрезентуючись в словотворі, граматиці тощо. На рівні тексту прототипний аспект використовується поки що радше як метод вивчення польових або фреймових структур, хоч загалом такі дослідження довели високу значимість і фактичну достовірність аналізованого таким чином матеріалу. Натомість, на нашу думку, саме на рівні дискурсу прототип виявляє свої переваги, даючи змогу поєднати різорівневікогнітивні компоненти тексту як багатопланового ментального утворення. Використання прототипного підходу дасть змогу аплікуватиментальний вияв, об'єктивований певною лексичною групою, на рівень когнітивної реалізації, нашарувати одну когнітивну категорію на іншу і виявити способи і види відповідних рефлексій. Своєчасність такого підходу визначається особливою увагою лінгвістів до ролі мисленнєвоїй пізнавальної діяльності, до формування

мовної свідомості й дослідження способів її відображення в процесі формування мовної картини світу,а також до специфіки сприйняття людиною світу довкола неї.

Проблема сприйняття як одна з базових категорій кодифікації і розвитку знання знаходиться в центрі уваги як філософських, так і когнітивно орієнтованих лінгвістичних дисциплін. Усіх їх поєднує визнання того, що в основі думки, вираженої словом, лежить досвід, даний у відчуттях, або сприйняття.Інформація про сенсорні властивості відтворюваних об'єктів і явищ світу довкола нас зберігається у свідомості людини у площині п'яти перцептивних доменів – «Зору», «Слуху», «Смаку», «Дотику», «Нюху». Слух – одна з основних підсистем каркасу фізичного сприйняття людини, відображених в мовній картині світу, вона займає друге місце за обсягу сприйнятої інформації в ієрархії сенсорних підсистем (доменів) людини, поступаючись за важливістю в процесі людської життєдіяльності тільки зору.

Метою роботи є охарактеризувати результати рефлексій сенсорного аудіальногопрототипа на рівень авторських концептів поезії Т. Шевченка. Поставлена мета передбачає виконання таких завдань: визначити прототипнувербалізаціюаудіальногодомена Т. Шевченка; виявити типові і нетипові прояви формування авторських концептів за допомогою стимульногоаудіального лексичного матеріалу. З огляду на велику кількість репрезентантів процесу звукопозначення предмет дослідження обмежено об'єктивацією перцептивної ознаки.

Аналіз звукової ознаки засвідчує виділення семи 'тихий' як визначальної для світобачення Т. Шевченка. Ядро індивідуально-авторського поля звукової характеристики, на нашу думку, зайняте прикметниками, оскільки саме прикметники здатні найбільш чітко об'єктивувати ознаку. Ад'єктив з коренем «тих-» виділяється на основітрьохкритеріїв: частотивикористання, функціонального навантаження у творах ісемантичноїконкретності. Н. В. Слухай довела прототипністьознаки «тихий» у мові Т. Шевченка на семантичному, формально-граматичному, асоціативному рівнях[6]. Указана сенсорна ознака об'єктивується у великій кількості граматичних і словотвірних варіантів з коренем тих-: «тихий» («тиха», «тихе», «тихі») (49 слововживань), «тихая» («тихеє») (2), «тихенький» (2), «тихо-сумний» (2), «тихо» (66), «тихесенько» (21), «тихенько» (24), «тихо-тихо» (1), «тихенько-тихо» (3), «тихесенько-тихо» (1), спідтиха-тиха (1), «затихати» (1), «затихнути» (2), стихнути (3), стиха (9), спідтиха-тиха (1), «тихолюбець» (1) [4, с. 3072]. Сумарно, налічується 174 лексеми з указаною семою без урахування субститутів, з урахуванням – 300 [3, с. 22].

При аналізі явища у площині дискурсу проявляється дисонанс мови як явища, сформованого насамперед в усній формі й призначеного для безпосереднього спілкування, та написаного тексту як форми відтворювальної, ускладненої наявністю письменника чи автора. Одним із методів визначення прототипної ознаки певної лексеми є аналіз відповідних лексикографічних статей, в яких часто значення однієї лексеми тлумачиться через значення іншої. У СУМі «тихий» тлумачиться за допомогою заперечення значення слова «голосний»: 1. Якийзвучить не сильно, **не голосно**// Якиймайже не утворюєзвуків, не робить шуму. 2. Сповненийтиші, **без голоснихзвуків** [7, т. 10, с. 130-131] і визначаєопозицію «голосний – тихий» з перевагоюпершогокомпонента, оскільки при тлумаченні слова «голосний» значення «тихий» не враховується: Голосний. 1. Який сильно звучить, добречутний, звучний [7, т. 2, с. 116-117]. Отже, зіставлення текстового і лексикографічного матеріалу засвідчує незбіг прототипної реалізації звукової ознаки в загальномовному, зафіксованому у лексикографічній версії, й художньому індивідуально-авторському проявах.

Текстовий аналіз зорієнтовано на виявлення значимості певного лексичного, граматичного чи когнітивного елемента в образній, тематичній, ідейній або концептуальній площинах. Відповідно до визначеного вектора аналізу обрано методику концептуального аналізу, спроектовану й кориговану порівняно з загальноприйнятими концептуальними практиками на виявлення зв'язків, закладених у функціях аудіального авторського прототипа. Концепту як культурно-семіотичному феномену притаманний текстотворчий потенціал, він розглядається як згорнутий текст, а текст розуміється як впорядкована семіотична єдність. Для обраного ракурсу дослідження важливо, що втілення концептів у мові об'єктивується насамперед за допомогою слів з опорою на їх значення, оскільки «тлумачення концептів і концептосфер залягає в семантичному просторі близьких за смислом груп слів – тематичних, семантичних, і в типовому наборі суттєвих семантичних ознак» [1, с. 46]. З огляду на це видається доречним і актуальним простежити, з якими саме контекстуальними партнерами аудіальні прототипи виявляють стандартні синтагматичні зв'язки на рівні підкласів іменників та окремих слів, а також – проаналізувати парадигматичні відношення між прикметниками на позначення характеристики звуку в українській мові.

Наявність стандартних зв'язків між окремими ознаками і класами субстантивів означає наявність закономірностей утворення стійких синтагматичних моделей. При дослідженні лексичної сполучуваності, тобто сполучуваності у моделі «слово + слово», було спостережено, що прикметник «тихий» у творах Т. Шевченка виявляє стандартні зв'язки з конкретними іменниками: «тихий Дунай» (10), «тихий рай» (6), «тихий світ» (5), «тихе слово» (5), «тиха хата» (4),»тихі речі» (3), «тиха людина» (4). Низькою частотою характеризуються сполуки «тихий псалом» (2), «тихе серце « (2), «тиха свекрівонька» (2), «тихе ложе» (2), «тиха хода» (2), «тиха любов» (2). Ознака «тихий» формує серед інших і нетипові сполучення, представлені одиничними варіантами: «тихий став», «тихий гай», «тиха рада», «тихі думи», «тиха ріка», «тихий вітер», «тиха долина», «тиха печаль», «тиха розмова», «тихий дім».

Ад'єктивно-субстантивна реалізація ознаки «тихий» спрямована у сфери п'яти концептів: «Дім», «Слово», «Дунай», «Людина», «Інше».

З 56 слововживань у 14 виявлено поєднання ад'єктива «тихий» з компонентами концепту «Слово». В динаміці Шевченкового особистісного, духовного, мистецького розвитку, в різних його текстах і пов'язаних з ними контекстах – життєвих, літературних, психологічних – «слово» постає поняттям багатозначеннєвим, у різних семантично-естетичних функціях та емоційних аспектах. Шевченкове поетичне слово в усіх жанрових модифікаціях і образно-алегоричних утіленнях – це самодостатня мистецька вартість, кульмінаційний пункт і кінцевий результат художньоготворення [2, с. 279]. У ційфункції слово реалізується в розгалуженійсистемімовленнєвихзасобів, зокрема, в сполученнях прикметника» тихий» з іменниками «слово», «розмова», «річ», «рада», «псалом», які створюють визначальний за аксіологічними та моральнимикритеріями образ, що віддзеркалює справжні глибинні цінності та ідеали Т. Шевченка. Так, часто крізь призму шевченкознавства Кобзар поставав як борець, непримиренний «обличитель», для якого «сокира» булаосновним і найдієвішимзасобомвирішенняусіх проблем. Повністю відкинути цю тезу було б так само неправильно, які вкрай максималізувати її, проте тексти творів поета неодноразово

засвідчують перевагу релігійно-моральних цінностей, вивищення добра, правди, спокою в індивідуальнійаксіограмі. Нерозривнудилемубунтарського начала своєїтворчості та «тихого слова»зауважував сам Т. Шевченко, акцентуючи на протиставленні «проклятих дум» і «тихого слова», «ножів і барвінку та рути»: *Так думипроклятіРвуться душу запалити, Серцерозірвати. Не рвіть, думи, не паліте, Може, верну знову Мою правду безталанну, Моєтихе слово…А на перелозі... Я посіюмоїсльози, Моїщирісльози. Може, зійдуть, і виростутьНожіобоюдні ... Може... може... а меж тими Меж ножами рута І барвінокрозів'ється – І слово забуте, Моє слово тихо-сумне, Богобоязливе, Згадається* [8, 256]. «Тихе слово» було способом виявунайвищоїдовіри, близьких, перевірених часом і нелегкими обставинамижиттястосунківміж людьми*: Бодай те лихо не верталось, Як вигарнесенько і я Із-за решоткивизирали. І, певне, думали, коли На* ***раду тиху****, на розмову, Коли ми зійдемосязнову На сійзубоженійземлі*? [9, с. 11].

Відірванийвідоточення, до якого уже звик, жорстокопокараний солдатчиною, яку поет уже сприймав як інтелігент, щорозумівсюпринизливість становища («старого дурня» [9, с. 61]), духовно скалічений забороною і неможливістютворити, Т. Шевченко як натура мистецька і вразливагостровідчував брак спілкування, нестачуінформації з рідного краю: *А душу треба розважать, Боїй так хочеться, так просить Хоч****слова тихого****; не чуть, І мов у полісніг заносить Неохолонувшийщеткруп* [9, с. 159].

Слово стало невід'ємним атрибутом релігійногозагалом і християнськогозокремасвітогляду, якийузагальнює пропагує загальнолюдськіцінності: *Аж гульк!.. Ідесвятий Петро… І* ***тихим****, добрим, кротким* ***словом*** *Благовістивїм слово нове, Любов, і правду, і добро, Добро найкращеє на світі, То братолюбіє* [9, с. 248-249].

Семантична й аксіологічна значимість ознаки «тихий» увиразнюється близько розташованими на синтагматичній шкалі корелятами: «новий»: *Спаси мене, помолюся І воспою зновуТвої блага чистим серцем, Псалмом* ***тихим, новим*** [8, с. 359]; «незлий»: *І мене в сем'ївеликій, В сем'ївольній, новій, Не забудьте пом'янути****Незлим тихим*** *словом* [8, с. 371]; «невеселі»: *Гуляв би я понадДніпром По веселих селах Та співавбисвоїдуми,* ***Тихі, невеселі*** [9, с. 209]; «добрий», «кроткий»: *І* ***тихим, добрим, кротким*** *словом Благовістивїм слово нове, Любов, і правду, і добро, Добро найкращеє на світі, То братолюбіє* [9, с. 248-249]; «веселий»: *А я, незлобний, воспою, Як процвітутьубогі села, Псалмом і* ***тихим****, і* ***веселим*** *Святую доленьку Твою* [9, с. 311]. У ширшомуконтекстісполука «тихе слово» корелює з образами «безталанноїправди» [9, с. 255], «чистого серця» [9, с. 359], «любові», «правди», «добра», «братолюбія» [9, с. 248-249].

Концепт«Україна»являє собою складну, ієрархічнухудожню систему, представлену різними рівнями від індивідуально-родинного до узагальнено-етнічного. Використання прикметника «тихий» з субстантивами, приналежними до неаудіальноїсфери (17слововживань), зумовлюєспецифікуїхзначень, щопроявляється в ментально-сенсорному характері семантики. Україна представленазрозумілими для кожного компонентами: «хатинитихої і веселої» [9, с. 351]; «гайочку тихого серед поля» [9, с. 322]; «тихого Божого ставу» [9, с. 312]; «тихоїхатиночки» [8, с. 313], «тихоїдолиночки» [8, с. 313], щотрансформуються в ментально-сенсорний тип «тихого раю»:*Ходімо, – каже, – у свій гай, У свій маленький* ***тихий рай****! Ходімдодомоньку, дитино* [9, с. 322]; *Аж покиіменем Христа Прийшликсьондзи і запалили Наш* ***тихий рай*** [9, с. 48]. Образ конкретизуєтьсясинтагматичнодистантними до визначених вище сполук конструктами. Батьківщина – це «світ тихий і милий край» [8, с. 252], «тиха хатиночка в забутомукраї» [8, с. 252], «рай тихий і своя країна» [8, с. 348], «дім тихий і сім'я велика» [8, с. 363], «убога і чужахатина» та «святий і тихий рай» [8, с. 311-312]. Україна в поезії Т. Шевченка показана не тільки і не стільки як етнонім, якийокреслюєтериторію реального краю з сукупністютопонімічних, ландшафтнихозначчи й навіть спільним етносом, Україна для Шевченка – цілийсвіт, частина макрокосму, в якому існують видимі і невидимісубстанції, що й визначаютьсяприйняттяБатьківщини: *Світеясний! Світе тихий! Світевольний, несповитий! За що ж тебе, світе-брате, В своїйдобрій, теплійхаті Оковано, оми рано (Премудрого одурено). Багряницямизакрито І розп'ятіем добито?* [9, с. 350].

Сполуку «тихий Дунай» (10 слововживань) можнавважатиоднієюізпейзажних констант змалюванняУкраїни в поезії Кобзаря. Вонавизначаєстрижневустилістичну рису Дунаю, для опису якого використано щетількиприкметник «бистрий» (2 слововживання). Разом з тим впадає у вічі, що концепт «Вода» у творах Т. Шевченка значно відрізняється від концепту «Дунай». Спільний понятійний пласт завуальовує різноспрямована конотативна складова: якщо Дунай тихий, хоч і бистрий, якщо Дунай сприймається як персоніфікований образ, наділений такими людськими якостями, як здатність до співпереживання, здатність подати пораду, указати таємне, то уся інша вода зовсім не відповідає такому тихому образу. На це вказує одне із високочастотних аудіальних дієслів – лексема «ревти», що найчастіше визначає стан водного простору, номінованого словами «пороги», «хвиля», «Дніпро», «море»: *Степ і степ,* ***ревуть пороги****,І могили – гори* [8, с.125].

Світ Т. Шевченка двоїстий і включає існування потойбіччя, що теж визначається позитивним маркером «тихий»: *Подай же й нам, всещедрий Боже! Отак цвісти, отак рости, Так одружитися і йти, Не сварячись в тяжкій дорозі, На* ***той світ тихий*** *перейти* [9, с. 349].

Концепт «Людина» містить різні понятійні, семантичні, асоціативні складові, проте на рівні прототипноїаудіальноїхарактеристики відтворюються перш за все етнічні норми поведінки, співжиття членів громади, суспільства, що корелюють в авторському акцентуванні з рисами «спокійний», «лагідний»: *А трудяще, А чепурне, та роботяще, Та* ***тихе****. Бач, і сирота, А всім була навдивовижу* [9, с. 236]. Аксіологічно значимими у людському спілкуванні виступають такі ознаки, як розуміння, доброта, співчуття до знедолених, об'єктивованих у поезії Кобзаря субстантивом «тихі» та сполукою «тихе серце»:*Невеликії три літа…Опустошили убоге Моє* ***серце тихе*** [8, с. 369]. Загальне позитивне наповнення лексеми «тихий» здатне в саркастичному контексті різко поміняти полюс і сформувати негативну оцінку явища, зіставну з підступний: *…А той,* ***тихий*** *та тверезий, Богобоязливий, Як кішечка підкрадеться, Вижде нещасливий У тебе час та й запустить Пазурі в печінки…*[9, с. 265].

Безперечно, не усі контексти з аналізованою лексемою можна включити до сфер визначених концептів, проте аналіз засвідчує дію певної системи, оскільки поза указаними темами залишилось порівняно небагато сполук, представлених одиничними прикладами: «тиха ріка» [8, с. 275], «тиха хода» [9, с. 39], «тихая печаль» [9, с. 103-104] та деякі інші.

Виявлення аспектів прототипного моделювання дійсності і відтворення цього процесу в мові поезії проспективно визначає доцільність розширення джерел дослідження, зіставлення прототипного вияву в поетичних творах різних авторів, що дасть змогу виявити особливості вибору перцептивних художніх образів.

Джерела та література

1. Бабенко Л. Г. Филологический аналіз текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: [учеб. для вузов] / Людмила Григорьевна Бабенко. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с. – («Gaudeamus»).
2. Барабаш Ю. Слово / Ю. Барабаш // Теми і мотиви поезії Тараса Шевченка. – К.: Наукова думка, 2008. – С. 279-301.
3. Дядищева-Росовецька Ю. Б. Усталений словесний комплекс «тихий Дунай» в поезії народній і Т. Г. Шевченка / Ю. Б. Дядищева-Росовецька // Мысль, слово и время в пространствекультуры. – К.: КНУ, 1996. – С. 21-23.
4. Конкорданція поетичних творів Тараса Шевченка / [Редакція й упорядкування Олега Ільницького, Юрія Гавриша]. – Т. 4. – CanadianInstituteofUkrainianStudiesPress. – Edmonton – Toronto. – 2001. – 3230 с.
5. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / Олена Олександрівна Селіванова. – Полтава: Довкілля – К., 2006. – 716 с.
6. Слухай Н. В. Вербалізація сенсорних прототипів у поетичній творчості Тараса Шевченка: колір і звук / Н. В. Слухай // Шевченкознавчі студії. Збірник наукових праць. – Вип. 14. – К.: КНУ, 2011. – С. 87-96.
7. Словник української мови : в 11 т. / [ред. колег. І. К. Білодід (голова) та ін.]. – К.: Наукова думка, 1970-1980. – Т. 10: Т–Ф / [ред. А. А. Бурячок, Г. М. Гнатюк]. – К. :Наукова думка, 1979. – 658 с.
8. Шевченко Т. Зібрання творів: у 6 т. / Тарас Шевченко. – К. : Наукова думка, 2003. Т. 1: Поезія 1837-1847. – 784 с.
9. Шевченко Т. Зібрання творів: у 6 т. / Тарас Шевченко. – К.: Наукова думка, 2003. Т. 2 : Поезія 1847-1861. – 2003. – 784 с.

УДК 81`373.4=111:37.022

Пастухова С. Е.,
Сурова Н. А.

КОЛЛОКАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В НАУЧНОЙ РЕЧИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЦЕЛИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Рассматривается понятие коллокации, раскрывается лингвистическая и методическая значимость коллокаций как единиц языка, устанавливается место коллокационной компетенции в структуре коммуникативной компетенции, анализируются основные типы коллокаций в научно-технической речи.

Ключевые слова: словосочетание, коллокация, коллокационная компетенция.

Разглядається поняття коллокації, розкривається лінгвистична та методична важливість колокацій як одиниць мови, визначається місце колокаційної компетенції в структурі комунікативної компетенції, аналізуються головні типи колокацій в науково-техничній мові.

Ключові слова: словосполучення, колокація, колокаціонна компетенція.

The concept of «collocation» is considered. Collocation linguistic and methodic importance as the speech units are demonstrated. Collocation competence place in communicative competence structure is determined.

Key words: word combination, collocation, collocational competence.

Постановка проблемы. В настоящее время цель курса иностранного языка в неязыковых вузах состоит в формировании у студентов коммуникативной компетенции, уровень которой позволяет им активно общаться на иностранном языке, как в повседневной жизни, так и в своей профессиональной деятельности. Анализ специальной литературы показывает, что одной из основных причин, затрудняющих коммуникацию на иностранном языке, является недостаточное знание коллокаций – традиционных, привычных для носителей языка сочетаний слов. За последние годы коллокация приобрела статус значимой единицы лексического состава языка и стала одной из главных единиц описания языкового материала, как в языкознании, так и в лингводидактике.

Важной задачей для изучающих иностранный язык является усвоение большого объема лексики, большая часть которого состоит из так называемых ‘prefabricated chunks of different kinds’, или готовых блоков слоев различных типов, важнейшим из которых являются коллокации. Студенты неязыковых факультетов, обладая определённым лексическим запасом, не знают правил сочетаемости лексических единиц, которых придерживаются носители языка, и поэтому допускают ошибки в письменной и устной речи. Подобного рода ошибки выражаются в неверном выборе синонимов, а также в использовании громоздких синтаксических конструкции для компенсирования незнания коллокаций. Отсюда следует, что приоритетом обучения эффективной коммуникации на иностранном языке является формирование у обучающихся способности сочетать лексические единицы в соответствии с языковыми нормами, которая базируется на знании коллокаций и навыках их употребления в речи. Таким образом, в свете современных требований к знаниям иностранного языка у выпускников неязыковых вузов *актуальным* является разработка методики формирования коллокационной компетенции.

Цель данной статьи состоит в рассмотрении понятия коллокационной компетенции и ее значимости в процессе формирования коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов. В соответствии с данной поставленной целью решаются следующие *задачи*:

- обозначить понятие коллокации;
- раскрыть понятие коллокационной компетенции;
- установить место коллокационной компетенции в структуре коммуникативной компетенции;
- определить типы коллокаций в научно-технической речи.

Анализ последних исследований и публикаций. Лексическая сочетаемость является одним из ключевых понятий в учении о лексико-семантической системе языка. Внимание к изучению данного феномена объясняется тем, что в лингвистике произошел кардинальный поворот к исследованиям в области синтезирующих моделей языка. Углубление в проблему лексической сочетаемости обусловило отказ от системного взгляда на язык. При таком подходе язык не рассматривается как рационально построенный концептуальный объект, либо как слаженный механизм. С точки зрения Б. М. Гаспарова, это гигантский мнемонический конгломерат, не имеющий единого

строения, неопределенный по своим очертаниям, которые находятся в состоянии постоянного движения и изменения. Язык включает в себя бесконечное множество разнородных ‘кусков’ предыдущего опыта имеющих самую разную форму и объем. Но при этом не следует забывать о том, что как и повседневное существование в целом, языковое существование включает в себя структурированные вкрапления, в которых языковой материал преднамеренно выстраивается определенным образом. Следовательно, чтобы достичь коммуникации, необходимо наличие предустановленных правил и сведений, которые всеми участниками общения должны быть усвоены как данность [5, с. 15].

Изучение сочетаемости слов находится в поле зрения многих ученых. В русле проблем комбинаторной семасиологии исследуются вопросы соотношения семантики слова и его сочетаемости (М. В. Влавацкая, В. Г. Гак, А. Гудавичус, О. А. Михайлова, В. В. Морковкин, И. А. Стернин, И. Е. Дементьева, В. Д. Табанакова, И. А. Мельчук). В теории коллокационной комбинаторики отмечен вклад лингвистов ближнего и дальнего зарубежья (С. Г. Тер-Минасова, Е. Г. Борисова, Б. П. Кобрицов, J. Coaday, T. Huckin, J. R. Firth, Ch. Gitsaki, R. Taylor, G. Kjellmer). Проблеме понимания сущности лексического значения посвящены теоретические труды В. В. Виноградова, Л. М. Васильева, В. Г. Гака, В. А. Звягинцева, М. В. Никитина, Л. А. Новикова, А. И. Смирницкого, И. А. Стернина, А. А. Уфимцевой, Дж . Р. Фёрса, С. Дж. Филмора, Д. Льюиса и многих других.

Изучение сочетаемости слов является также актуальным направлением и в лексикографии английского языка. В настоящее время теория лексикографии располагает достаточно большим количеством классификаций и типологий словарей (Л. В. Щерба, В. Г. Гак, Л. П. Ступина, П. Н. Денисов, Н. А. Лукьянова, Л. А. Новикова, В. В. Морковкин, А. Н. Баранов, О. М. Карпова, С. В. Гринева, В. Ф. Роменский и др.). Существует также и несколько определений комбинаторного словаря и словаря сочетаемости. Мнения их авторов сходятся в том, что данный тип словаря относится к разряду учебных и обладает явной методической и лингвистической направленностью (А. Н. Баранов, Н. Г. Брагина, В. В. Морковкин, И. Г. Ольшанский, Н. К. Рябцева, В. Д. Табанакова, Н. А. Сивакова, M. Benson, E. Benson, R. Ilton). Имеющиеся определения способствовали выведению следующей дефиниции: *комбинаторный словарь,* или словарь сочетаемости – это особый тип учебно-нормативного словаря, цель которого – показать пользователю необходимый и корректный в языковом отношении перечень распространителей определенного слова [3, с. 50].

В ракурсе рассмотрения данной проблемы представляют интерес работы по методологии обучения лексической стороне речи (Н. Э. Аносова, Н. С. Балясникова, К. А. Митрофанова, Т. В. Смит, А. Н. Шамов, Л. В. Буренко, О. Г. Мельник, Н. С. Пронина, Ю. Г. Седёлкина, R. Carter, T. Cobb, M. McCarthy, I. S. P. Nation, F. O’Dell, D. Porter, S. Thornbury и др.) Непосредственно вопросам *коллокационной осведомлённости и компетенции* посвящены работы А. А. Багарян, Ю. Г. Седёлкиной, Ф.Г. Аблякимовой, Л.Б. Алексеевой, T. Heikkilä, J. Hill, M. M. Jaén, R. C. W. Lee, B. K. C. Ma, M. Martyńska, M. McCarthy, S. Moras, B. Petrović, P. Priyono, J. C. Richards, N. Schmitt и др.

Изложение основного материала исследования. В настоящее время понятие *«коллокация»* занимает одно из ключевых мест в современной лингвистике. В широком смысле это комбинация двух или более слов, имеющих тенденцию к «co-occurance» или «совместной встречаемости». В основе большинства определений коллокации лежит явление семантико-грамматической взаимообусловленности элементов словосочетания. Коллокации – это устойчивые, повторяющиеся, неидиоматичные словосочетания, например: ask a question, play a role, the fast train, fast food, a quick shower, completed satisfied, lions roar. В противоположность идиомам коллокации обычно образуются в процессе изменения значений слов в результате переосмысления отдельных компонентов сочетания. Основным признаком коллокаций является сохранение лексического значения одним из компонентов при устойчивости словосочетания в целом, а также отсутствие или ослабление значения образности и эмоционально оценочной нагрузки (В. В. Виноградов). Коллокации занимают промежуточное положение в системе языка, оказываясь на границе между фразеологией, в центре внимания которой находятся идиомы, и лексикологией, которая занимается, в основном, свободной сочетаемостью слов.

Объединение слов в коллокации является фундаментальным для всего языкового использования. Слова в языке не произвольны, т. к. их выбор ограничен. Например, глагол *endure* – suffer something unpleasant over a long period – ограничен выбором объектов относительно небольшого количества существительных: agony, conditions, hardship, horror, pain, misery. Коллокация значима в языке еще и потому, что может предсказать распространитель (коллокат) главного слова. Например, существительное *drug* – an illegal substance that changes the body and mind – имеет предсказуемый выбор соотнесенных слов: illegal, illicit, addictive, dangerous, hard, recreational, soft, designer и т. д. [4].

Понятие «коллокационная компетенция» (collocational competence) широко распространено в работах зарубежных методистов (C. W. Lee, J. Hill, P. Priyono, S. Moras, M. Martyńska, T. Heikkilä, M. M. Jaén, B. Petrović, J. C. Richards и др.). Заимствование данного термина отечественными методистами обосновано становлением компетентностного подхода в образовании, в рамках которого происходит обновление терминологического аппарата дидактики и методики обучения иностранному языку, в частности. На основе определения коллокационной компетенции, сформулированного в зарубежной методике, и с учетом отечественной теории речевых навыков и умений, Л. Б. Алексеева предлагает под *коллокационной компетенцией* понимать способность сочетать лексические единицы согласно нормам изучаемого языка, базирующаяся на знании коллокаций и речевых навыках их употребления во всех видах речевой деятельности [1, с. 9].

Существующий в методике термин «коллокационная осведомленность» не является синонимом вышеназванному термину, поскольку обозначает не способность сочетать лексические единицы в речи, а знание их комбинаторных возможностей [2, с. 3].

Коллокационная компетенция является составляющей лексической компетенции, а значит, и языковой компетенции, которая, в свою очередь, входит в состав коммуникативной компетенции, которая включает в себя три базовые компетенции: *языковую, социолингвистическую* и *прагматическую компетенции*. В свою очередь, в состав *языковой компетенции* входят следующие ее типы: *лексическая*, *грамматическая, семантическая, фонологическая, орфографическая и орфоэпическая. Коллокационная* же компетенция, как было уже отмечено, является составляющей лексической компетенции. Поскольку коллокационная компетенция является структурной единицей

коммуникативной компетенции, то ее формирование должно рассматриваться в качестве одной из составляющих цели обучения иностранному языку студентов неязыковых факультетов.

Не менее важным при исследовании коллокационной компетенции является вопрос о её содержательном наполнении. Коллокационная компетенция – это не только знание коллокаций (знаниевый/предметный аспект), но способность их понимания в рецептивных видах речевой деятельности и употребления в продуктивных видах речевой деятельности (навыковый /операциональный аспект). Соответственно этому необходимо, прежде всего определить типы коллокаций согласно структурной, фразеологически-ориентированной и стилистической типологии, научить студентов определять их как в учебном, так и в професионально-ориентированном аутентичном дискурсе, а затем поэтапно отрабатывать навыки и умения их понимания и формировать речевые навыки их употребления. Согласно структурной типологии мы предлагаем выделять связанные лексические коллокации (*temperature falls*) и грамматические коллокации. (*fall into (categories*). Согласно разбиению курса английского языка для неязыковых факультетов на два направления – «Общий (общеупотребительный) английский язык (General English) и «Английский язык для специальных целей» (English for Specific Purposes (ESP)) – студенты овладевают общеупотребительной лексикой, а также лексикой профессионально-ориентированных текстов. Лексику профессионально-ориентированных научно-технических текстов мы подразделяем на два слоя: общетехническую, и терминологическую. Таким образом, по типу коллокаций при совмещении структурной, фразеологически-ориентированной и стилистической типологий мы получаем следующие типы коллокаций, иллюстрированные в приведенной ниже таблице.

Структур. тип. коллокации	**Фразеол.-ориен. тип. коллока-ии**	**Тип коллокации, согласно стилистической типологии**		
		Общеуп. лекс. коллокации	**Научно-техническая лексика коллокации**	
			Общетехн. коллокации	**Терминологич. коллокации**
лексические коллокации	связанные коллокации	*make sure* *school meals* *early summer* *fast food*	*handling mark* *grip the road* *lamp puller* *packing cloth*	*evaporating capacity* *bridge network* *block print* *abrasive cloth*
грамматич. коллокации	связанные коллока-ции	*keep in (mind)* *report on smth.* *to be ineligible for smth.* *to be keyed up*	*setting up* *shut off* *paste over* *press out* *throw into action*	*by air mail* *void of air* *fracture along wrinkle* *art of building* *bed in*

Основными текстовыми источниками установления сочетаемости слов являются учебные тексты, оригинальныt научные, научно-технические и технические тексты, а также корпусы текстов, расположенные в сети Интернет. Методический потенциал корпуса текстов состоит в следующем: 1) корпус текстов позволяет предъявить студенту лексическую единицу во множестве аутентичных контекстов; 2) при выполнении упражнений с использованием корпуса текстов студенты овладевают языковым материалом преимущественно индуктивным способом, что развивает их мышление. Работа студентов с корпусом текстов развивает у них самостоятельность и умение учиться. Корпус текстов позволяет реализовать информативную и корректирующую функции преподавателя в процессе обучения иностранному языку вообще, и нацеленного на формирование коллокационной компетенции, в частности [1, с. 14].

Основными лексикографическими источниками коллокаций являются такие словари: «Комбинаторный словарь английского языка » (M. Benson, E. Benson, R. Ilson. The BBI Combinatory Dictionary of English), «Оксфордский словарь коллокаций для студентов, изучающих английский язык» (Oxford Collocations Dictionary for Students of English), а также переводные словари сочетаемости:»Русско-английский словарь глагольных словосочетаний» (М. Бенсон, Э. Бенсон), «Англо-русский словарь глагольных словосочетаний» под редакцией Э. М. Медниковой и учебный англо-русский словарь сочетаемости и трудностей словоупотребления (С. С. Хидекель, М. Р. Кауль, Е. Л. Гинзбург, Selected English Collocations, The Longman Language Activator. Поскольку представленные словари являются надежным источником комбинаторных возможностей английских слов, необходимо прививать у студентов навыки работы с ними.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. В настоящее время компетентностный подход к подготовке специалистов технического профиля и само понятие коммуникативной компетенции подразумевает интеграцию опыта изучения общения в различных областях научного знания и использование его в образовательных целях для подготовки выпускников, способных воспользоваться этими знаниями в реальных ситуациях профессионально-ориентированного общения. И как показывают лингвистические и методические исследования последних лет коллокационная компетенция, будучи составной частью коммуникативной компетенции, играет важную роль в становлении навыков и умений профессионального иноязычного общения, обучение которого переходит на новый уровень лексической направленности. В связи с этим перспективой исследований в данном направлении является разработка методологии расширения профессионально-ориентированного лексикона обучающихся с привлечением знания и умения оперировать различными типами коллокаций как несвободных, нефразеологических, традиционных сочетаний слов в речи, звучащих правильно, естественно для носителей языка. Формирование коллокационной компетенции должно проводиться в соответствии с принципами лексического подхода к обучению, а также с учетом особенностей содержания коллокационной компетенции.

Источники и литература

1. Алексеева Л. Б. Методика формирования коллокационной компетенции у студентов неязыковых факультетов в процессе обучения английской научной речи: автореф. дис. на соиск. науч. степ. канд. пед. наук: спец. 13.00.02. «Теория и методика обучения и воспитания (иностранный язык, уровень профессионального образования)» / Л. Б. Алексеева. – Санкт-Петербург, 2011. – 21 с.
2. Багарян А. А. Методика расширения коллокационной осведомленности студентов языковых факультетов (английский язык): автореф. дис. на соиск. науч. степ. канд. пед. наук: спец. 13.00.02. «Теория и методика обучения и воспитания (иностранный язык, уровень профессионального образования)» / А. А. Багарян. – Сочи, 2004. – 18 с.
3. Влавацкая М. В. Классификация словарей комбинаторного типа / М. В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. – 183с.
4. Влавацкая М. В. Понятия коллокации и коллигации в диахроническом аспекте / М. В. Влавацкая // Материалы международной научно-практической конференции, 21-28 февраля 2011 г. «Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков». – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// ffl.nspu.net/files/konf/konf-2011-15.pdf.
5. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

УДК 801.7+378

Петрова Г. М.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ И ВИДАХ КЛАССИФИКАЦИЙ ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА

Проблема создания классификаций текстов рассматривается с позиций актуальности и значимости. Подчеркивается, что объединение текстов в типовые группы помогает облегчению их восприятия, установлению правил текстообразования. На основе типологизирующих признаков и целеустановки автор объединяет все классификации в две группы: общие и частные классификации, которые разделяются на комплексные, функциональные и структурные. Подробно описаны все разновидности общих классификаций.

Ключевые слова: классификация, разновидности, типологизирующие признаки, целеустановка.

Проблема створення класифікацій текстів розглядається з позицій актуальності і значущості. Підкреслюється, що об'єднання текстів в типові групи допомагає полегшенню їх сприйняття, встановлення правил текстотворення. На основі типологізації ознак автор об'єднує всі класифікації в дві групи: загальні та приватні, які поділяються на комплексні, функціональні та структурні. Докладно описано всі різновиди загальних класифікацій.

Ключові слова: класифікація, різновиди, типологізуючи ознаки, цільова настанова.

Creation of text classifications is examined from the position of its topicality and relevance. Integration of texts to type groups is helpful for its perception and setting up the rules of text formation. Relying on type attributes and set goal the author groups all classifications to general and particular, which are divided into comprehensive, functional, structural. Every kind of general classifications is described in detail.

Key words: classification, varietis, type attributes, set goal.

На протяжении многих лет проблемой классификации текстов занимались многие крупнейшие отечественные и зарубежные исследователи, рассматривая ее с разных позиций: лингвистических, коммуникативных, когнитивных, функционально-стилистических. Так, А. Леонтьев отмечал, что знание типологических особенностей текстов является «предпосылкой» для их понимания [11, с. 101]. П. Хартман даже предлагал выделить отдельно для исследования и описания лингвистику типологии текста [22, с. 9], определив ее целью разработку системы конечного числа основных типов текста, под которые можно подвести все множество конкретных текстов. Ряд исследователей указывали на методическую значимость выявления и исследования типов текстов в учебных целях, их актуальность для методики преподавания иностранных языков [4]. Г. А. Золотова считала создание классификаций текстов актуальной задачей современной науки о языке, подчеркивая, что в настоящее время особенно важным «представляется не создание интегрального конструкта текста, а дифференциация типов текста, накопление знаний об их лингвистических свойствах и построение на этой основе типологии текстов» [7, с. 319]. Другие известные лингвисты [12, с. 164] утверждали, что исследование стилистических особенностей и характеристик научного стиля речи для того, чтобы быть систематичным, должно опираться на их классификацию.

В последнее двадцатилетие интерес к проблеме создания новых классификаций текстов не уменьшается, а, наоборот, возрастает. Причем это происходит не только в отечественной, но и в зарубежной лингвистике [19]. Предлагаются различные методы создания принципиально новых видов классификаций, вплоть до составления стандартных форм представления – универсальных анкет [20, с. 49]. При этом самыми распространенными являются два основных подхода в исследовании типов текстов [13]. Первый ориентируется на понятие функционального стиля. В этом случае при выделении типов текстов особое значение имеют условия функционирования текстов, направленность на воспроизведение образца.

Второй подход ставит во главу угла понятие коммуникативной задачи, от которой зависит выбор автором типа текста. Несмотря на различие подходов, объединение текстов в типовые группы помогает облегчению их восприятия, осуществления принципа последовательной адаптации, выбору способа представления в соответствии с особенностями каждого типа, установлению правил текстообразования. Разработка методов описания типов текста, выявление закономерностей структуры, определение взаимозависимостей между его составляющими необходимо для построения текстовой модели.

Классификация текстов представляет соотношения между типами текстов, и ее основные задачи – выделение определенных видов текстов и осуществление возможности создания на этой основе базовых моделей. При этом на выделение типов текста влияют три главных фактора: 1) принадлежность к определенному стилю, 2) организация структуры и композиции текста, 3) установленная форма текста.

Эти факторы являются и тремя основными аспектами изучения текста, которые могут рассматриваться в качестве основных типологизирующих признаков, критериев отнесенности текста к определенному типу. Особо подчеркивая «типообразующую функцию композиции» [14, с. 82] научных текстов, ученые предлагали при

разработке классификаций, наряду с семантическимanализом, раскрывающим реляционные межфразовые связи, проводить композиционный анализ, подразумевающий исследование взаимного расположения элементов композиции, а также учет зависимостей между характером информации, типом текста, формой [15, с. 34]. Отметим, что при создании новых классификаций вопрос о выявлении взаимосвязей между типом текста и типом информации является одним из важных.

Рассматривая все многообразие предлагаемых классификаций, мы посчитали возможным объединить их в две большие группы: общие и частные классификации текстов. К общим мы относим те, которые рассматривают тексты независимо от их стилевой принадлежности, к частным – тексты только определенного стиля речи. В свою очередь, общие и частные классификации можно подразделить на комплексные, функциональные и структурные. В основу комплексных мы предлагаем положить сумму типологизирующих признаков, каждый их которых играет важную роль, или их систему; функциональных – функциональную нагрузку и коммуникативное назначение текстов, сферы коммуникации и функционирования текстов, функции языка; структурных – особенности семантико-структурной организации текстов. Рассмотрим каждую из этих групп общих классификаций отдельно.

Комплексная классификация учебных текстов дана в работе Т.С. Кудрявцевой [8]. Исследователь разделяет все классификации на лингвистические, прагматические и методологические. В основе лингвистической лежат собственно лингвистические и экстралингвистические признаки. Прагматическая отражает отношения между участниками коммуникации и относит все тексты к одной из трех групп: 1) информативные, выполняющие десигнативную функцию; 2) оценочные, выполняющие прескриптивную функцию; 3) инструктивные, выполняющие аппрезийную функцию. Методологическая классификация выделяет следующие типы текстов: 1) воспринимаемые, 2) воспроизводимые, 3) интерпретируемые, 4) производимые, 5) перерабатываемые, 6) переводимые.

Вторая подгруппа общих классификаций – функциональные – наиболее многочисленна и разнообразна. Поэтому наш анализ функциональных классификаций направлен от общего к частному: от самого крупного типологического признака – общих функций языка – к частным, отдельным функциям (коммуникативной и прагматической) и далее – к функционированию в текстах отдельных языковых единиц.

Функции языка представляются нам наиболее общим и крупным типологизирующим признаком. На них базируется общая функциональная классификация [18], разделяющая все тексты на три типа: 1) по эмотивно-эмоциональной функции – тексты, ориентированные на форму; 2) по волюнтативной – на обращение; 3) по информативно-познавательной – на содержание. Параметр языка текстов, ориентированных на содержание, – логический. Сюда относятся специальные тексты гуманитарных, естественных и технических наук, отчеты, трактаты, исследовательская, учебная и специальная литература. Поскольку информативно-познавательная функция языка заключается в том, чтобы передать определенное содержание в логической форме, основной задачей текстов данного типа является передача информации. Поэтому при работе с ними главное внимание уделяют ее пониманию, не забывая, разумеется, об особенностях языковой формы: «важна приемлемость формы для выражения данного содержания» [18, с. 212]. Здесь необходимо отметить тот факт, что в отечественной лингвистике уже были попытки построить подобную классификацию. Так, В. В. Виноградов разделял все тексты на основе функций языка на сообщающие, внушающие, драматические [5, с. 21].

Известно, что в основе создания текстов лежат разнообразные целеустановки, которые формируются в процессе коммуникации. В зависимости от коммуникативных способов реализации коммуникативных интенций и коммуникативных целеустановок все тексты традиционно функционально разделяют таким образом: объяснение, рассуждение, повествование и описание [17, с. 93]. Данные функционально-смысловые типы подробно были описаны при создании частных классификаций научных и художественных текстов. Еще в начале 60-х Р. Якобсон обосновал стилевую классификацию текстов на основе их функций и одним из первых предложил свой вариант функциональной классификации, получившей дальнейшее развитие [21]. В отдельных работах мы также можем найти попытки разработать другие подходы к созданию функциональных классификаций. В. В. Лазарев [10], разделяя традиционную точку зрения, заключающуюся в том, что структура и типы текстов зависят от их коммуникативного назначения, предлагает трансформированный вариант функциональной классификации: 1) тексты объяснительно-пояснительные (учебные, научные, журнальные и т. д.); 2) тексты аргументативные: а) объективно-аргументативные, обосновывающие исходные положения в форме доказательства (научные математические, физические); б) субъективно-аргументативные, которые носят убеждающий характер (тексты научных диспутов).

Из зарубежных исследований мы отметили также работу Дж. Накамуры [23], которая построена на использовании статистического метода, при котором типы текстов выделяются на основе функционирования лексических и грамматических конструкций и частотности их встречаемости. Накамура при помощи статистического метода доказывает существование взаимозависимости между данными типами текстов и лингвистическими категориями. Эту взаимозависимость он выражает установленными определенными коэффициентами корреляции.

Общие структурные классификации текстов мы предлагаем разделять на две большие группы: структурно-семантические и системно-структурные. Структурно-семантические создаются на основании семантического анализа текстов. Системно-структурные, в основе которых лежит системный анализ структурных элементов текста, классифицируют тексты по следующим параметрам: 1) по характеру структуры, 2) по характеру системо-образующих свойств, 3) по характеру отношений структуры к объектам, систематизирующих свойств к структуре [6].

Достаточно полные структурно-семантические классификации текстов были разработаны в конце пошлого века. Классификация А. А. Барышникова [3] включает 818 текстонимов и, на наш взгляд, может быть применена при обучении иностранных учащихся русскому языку. Кучереносов В. Е. и Курников Ю. А. [9] предлагают системно-структурную классификацию, заключающуюся в том, что все учебные тексты по специальности следует разделять по количеству представленных в них субъектов на два больших типа: моно– и полисубъектные.

В отдельных работах представлены структурные классификации текстов на основании подхода к их созданию, то есть выделяются упрощенные и трансформированные составителями авторские тексты и созданные авторами в учебных целях [1, с. 140]. При этом исследователи исходят из того, что последние всегда уступают

оригинальным, так как часто содержат искажения или самого авторского текста, или его идейной основы. В свое время идея подобной классификации была высказана еще А. С. Вудом. В начале 80-х годов он писал о том, что основная работа английских лингвистов сфокусирована на двух близких проблемах текста: аутентичности и упрощении и, соответственно, на анализе адаптированных и специально созданных авторами текстов [24].

В заключение отметим, что создание новых классификаций текстов является актуальной задачей современной науки о языке. Несмотря на различие подходов, исследователи признают методическую значимость выявления и изучения типов текстов в учебных целях, их актуальность для методики преподавания иностранных языков, необходимость разработки методов описания типов текстов, определения закономерностей их построения для создания обучающих моделей. Объединение текстов в типовые группы помогает облегчению их восприятия, установлению правил текстообразования.

Источники и литература

1. Бабайлова А. Е. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку: социопсихологические аспекты / А. Е. Бабайлова. – Саратов, 1987. – 152 с.
2. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста / А. Г. Баранов. – Ростов-на-Дону, 1993. – 180 с.
3. Барышников А. А. Классификация текстов в русском языке на основе семантического анализа текстонимов: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук: спец. 10.02.02 «Русский язык» / А. А. Барышников. – М., 1988. – 24 с.
4. Борисова Л. Н. Комплексный подход к овладению умениями рецептивной переработки информации специального учебного текста иностранными студентами: дисс. ... канд. педагог. наук: спец. 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания» / Л. Н. Борисова. – М., 1995. – 211 с.
5. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
6. Дмитревская И. В. Системное описание и упрощающие свойства научного текста / И. В. Дмитревская // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. – М., 1971. – С. 274-277.
7. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 365 с.
8. Кудрявцева Т. С. Учебный текст как объект лингводидактического описания русского языка: функции, типология, принципы оценки: дисс. ... канд. педагог. наук спец. 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания» / Т. С. Кудрявцева. – М., 1985. – 197 с.
9. Кучереносов В. Е. Моделирование учебных текстов по специальности на начальном этапе обучения / В. Е. Кучереносов, Ю. А. Курников // Проблемы подготовки иностранных учащихся-нефилологов и специалистов профессиональному общению на русском языке. – Ташкент, 1989. – С. 153-154.
10. Лазарев В. В. Текстовая лингвистика / В. В. Лазарев // Лингвистика текста. – Пятигорск, 1993. – С. 77-81.
11. Леонтьев А. А. Ориентировочная деятельность при понимании иноязычного текста / А. А. Леонтьев // Русский язык в высшей школе. – М.: МГУ, 1975. – Вып. 10. – С. 96-103.
12. Мальчевская Т. Н. Характер и особенности употребления коннотаций в современной английской литературе / Т. Н. Мальчевская // Язык и стиль научной литературы. – М.: Наука, 1977. – С. 160-175.
13. Марков В. Т. Типология текста и метатекст / В. Т. Марков // Семантика языковых единиц. – М., 1998. – С.305-307.
14. Москальская О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
15. Научно-технический перевод / Отв. ред. Ю. В. Марчук. – М.: Наука, 1987.– 142 с.
16. Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: сб. докл. / Редколл.: И. Ф. Волков [и др.].– М., 1986.-277 с.
17. Одинцов В. В. Лингвистика текста / В. В. Одинцов. – М.: Наука, 1980. – 263 с.
18. Райс К. Классификация текстов и методы перевода / К. Райс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С.202-225.
19. Типология текста в функционально-стилистическом аспекте / Редколл.: О. И. Богословский [и др.]. – Пермь, 1990. – 140 с.
20. Храковский В. С. Анкета для описания условных конструкций / В. С. Храковский // Вопросы языкознания. – М., 1996. – № 6. – С. 49-71.
21. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм «за» и «против». – М., 1975. – С.235-274.
22. Hartmann P. Texte als Linguistishes Object / P. Hartmann// Beitrage zur Textlinguistic. – Munchen, 1971. – S.9-29.
23. Nakamura J. A New Tool for Describing Text Types / J. Nakamura // Text and Technology. – Philadelphia, 1993. – P. 293-309.
24. Wood A.S. An Examination of the Rhetorical Structures of Authentic Chemistry Texts / A. S. Wood // Applied Linguistics.1982. Vol. III. № 2. – P. 121-132.

УДК 378:808.2(073.4)

Пиневич Е. В.

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

В статье рассмотрены проблемы создания системы упражнений, позволяющих повысить качество обучения чтению иностранцев. Представлена типология упражнений по отношению к чтению текста. Предложены способы создания формулировок заданий при обучении чтению научных текстов на русском языке.

Ключевые слова: чтение, система упражнений, задания.

У статті розглянуто проблеми створення системи вправ, що дозволяють підвищити якість навчання читання іноземців. Представлена типологія вправ по відношенню до читання тексту. Запропоновано способи створення формулювань завдань при навчанні читання наукових текстів російською мовою.

Ключові слова: читання, система вправ, завдання.

The author examined the problems of creating a system of exercises that improve the quality of reading instruction of foreigners. The typology of exercises in relation to the reading of the text are considered . The ways of creating jobs for language learning to read academic texts in Russian are proposed.

Key words: reading, a system of exercises, tasks.

Процесс обучения чтению можно рассматривать в трех аспектах, неразрывно связанных друг с другом: чтение как вид речевой деятельности, чтение как средство обучения, чтение как цель обучения. Считаем, что самым важным аспектом является целевая направленность чтения.

Именно цели обучения определяют специфику всех других компонентов системы обучения. «Под целями понимают планируемые результаты деятельности. Связь целей и результатов обучения принципиально важна, так как степень их соответствия (или несоответствия) является показателем эффективности (или неэффективности) обучения» [6, с. 62]. Каждый иностранный учащийся начинает читать текст на русском языке с конкретной целью, которая определяется его бытовыми или профессиональными потребностями. Практики и методисты утверждают, что если при чтении мы не преследуем никакой цели, даже развлекательной, оно не имеет смысла [1, с. 99].

Вслед за Щербой Л. В. в научно-методической литературе принято выделять три цели обучения РКИ на подготовительном факультете: практическую, общеобразовательную, воспитательную. Ведущую роль играет практическая цель, так как иностранные учащиеся нефилологического профиля изучают русский язык для общения, а именно для общения в учебно-профессиональной сфере. В частности, иностранные учащиеся подготовительного факультета инженерного вуза должны научиться читать тексты научного стиля, а также подготовиться к чтению текстов из учебников по специальности.

Изучение теоретического и практического наследия методистов в области преподавания русского языка как иностранного приводит к мысли о том, что вопросы типологии упражнений являлись и до сих пор являются одними из основных вопросов методики, так как от этого зависит конечная цель обучения – успешное овладение русским языком. Более 100 лет исследователи и методисты ищут наиболее оптимальные и целесообразные способы построения и систематизации упражнений.

При существующем в методике преподавания русского языка как иностранного огромном наследии в классификации упражнений, как правило, в основе лежит принцип деления упражнений на две группы: грамматические упражнения (доречевые, тренировочные, подготовительные) и упражнения, направленные на освоение какого-либо вида речевой деятельности (речевые, творческие, коммуникативные). Последним «можно придать грамматическую направленность в методическом плане за счет насыщения текстового материала коммуникативных упражнений нужными формами и конструкциями, но целью упражнения остается коммуникация». Таким образом, происходит «включение полученных знаний и грамматических навыков в целостное речевое умение, которое учащийся может реализовать и в других ситуациях речевого общения» [5, с. 57-58]. Именно такой подход мы предлагаем использовать при обучении чтению иностранных аспирантов и магистрантов на материале текстов фундаментальных наук.

Работа с текстом на уроке в этом случае осуществляется следующим образом. Перед прочтением текста преподаватель акцентирует внимание учащихся на определенном грамматическом явлении (объясняет новый материал или повторяет ранее изученный). Далее преподаватель ведет предтекстовую работу, включая снятие трудностей с грамматического материала, заявленного в теме занятия. Следующим этапом является чтение текста, во время и после прочтения которого преподаватель также обращает внимание на изучаемые грамматические явления. На последующих этапах производится проверка усвоения грамматического материала.

С учетом вышесказанного были созданы учебные материалы по обучению чтению иностранных учащихся. Был отобран ряд аутентичных фрагментов текстов, которые изучаются на первых курсах русскими студентами. Все тексты, связаны с физикой и наследующими ее дисциплинами, а именно: с общей физикой, электротехникой, теоретической механикой, сопротивлением материалов. Критериями отбора текстов стали:

1) ориентация на конкретный адресат;

2) приоритет аутентичных фрагментов текстов;

3) учет языка науки;

4) направленность на изучающий вид чтения;

5) учет определенных грамматических тем, вызывающих наибольшие трудности у учащихся и мало освещенных в других пособиях (в частности, «Причастие», «Деепричастие»);

6) учет наиболее частотных глагольных конструкций и других частотных языковых единиц, встречающихся в текстах учебников по общей физике и наследующих ее наук.

Методический аппарат созданных учебных материалов обеспечивает выполнение упражнений различного характера:

1) нахождение однокоренных слов;

2) синонимические и антонимические замены слов;

3) составление предложений, словосочетаний из разных элементов;

4) трансформация текста;

5) проверка понимания содержания с помощью тестов множественного выбора;

6) восстановление грамматических конструкций, глагольных форм или других единиц в тексте.

Говоря о классификации упражнений невозможно не сказать о типологии упражнений по отношению к чтению текста. Применительно к обучению чтению в методике преподавания русского языка как иностранного принято разделять упражнения на дотекстовые (предтекстовые), притекстовые и послетекстовые, поскольку текст выступает как единица обучения.

Мы придерживаемся именно этой системы упражнений и считаем, что работа с текстом включает в себя три этапа:

1) знакомство с новым лексико-грамматическим материалом и одновременное повторение старого; а также снятие лексико-грамматических трудностей текста, который предложен учащимся для чтения;

2) вероятностное прогнозирование, выделение ключевых слов и выявление основной мысли текста;

3) более подробный анализ текста, включающий понимание каждого абзаца текста, нахождение в тексте грамматических конструкций, способов связей слов в предложении и предложений в тексте.

Главной целью предтекстовых упражнений является направленность на:

- на формирование навыков техники чтения [3];
- на формирование и совершенствование психофизических механизмов (смысловой догадки, или вероятностного прогнозирования; внутреннего проговаривания, увеличения объема зрительного восприятия; объема оперативной памяти) [4].

Одной из задач предтекстовых упражнений является задача «формирования рецептивного словаря

(лексических единиц, которые должны быть опознаны учащимися при чтении) и потенциального словаря» [8, с. 124]. Формирование потенциального словаря связано с упражнениями на развитие смысловой догадки: нахождение эквивалентов слов, определение однокоренных слов, нахождение синонимов, антонимов, способность разделения сложных слов на простые и т.д.

При обучении чтению важную роль играет формулировка задания. Предлагаемые нами задания построены с учетом коммуникативного подхода в методике, поэтому каждое из них представляет собой акт общения. Кроме того, при создании современных учебных материалов, адресованных будущим инженерам, преподаватель РКИ, по мнению Кутузовой Г. И., должен быть знаком со способами выражения суждений, умозаключений, доказательств средствами языка [2]. *Другие методисты также склоняются к тому, что преподаватель-русист должен постепенно вводить общенаучную терминологию* [7]. *Вслед за Левиной Г. М. мы предлагаем использовать формулировки заданий для учащихся подготовительного отделения технического вуза, начинающиеся со слов: докажите, выберите, определите, найдите, сравните, сделайте вывод, создайте и др.*

Работая над семантизацией лексики, мы уделяем большое внимание интернациональной лексике, так как считаем, что она вызывает трудности у учащихся. Мы вводим в предтекстовые задания упражнения, включающие обращение к двуязычному словарю.

Приведем несколько примеров предтектовых заданий, предназначенных для снятия лексических трудностей текста и развития языковой догадки:

Определите, от каких глаголов образуются данные слова.

Прочитайте слова, вспомните их значение. Выберите правильный эквивалент на английском языке.

Подберите к данным словам однокоренные.

Выберите синонимы к данным словам.

Определите, от каких глаголов образуются причастия.

Докажите, что краткое причастие образуется от полного причастия.

Определите пары антонимов.

Создайте пару «существительное – глагол».

Соедините слово и рисунок.

После снятия лексико-грамматических трудностей учащийся переходит к следующей ступени – притекстовым упражнениям.

Притекстовые упражнения – это упражнения, выполняемые учащимися во время чтения. «Задачей притекстовых упражнений является формирование коммуникативной установки на чтение – установление уровня объема извлечения информации и необходимых мыслительных операций, которые… определяют тактику и приемы достижения цели» [8, с. 124]. Как правило, все притекстовые задания однотипны, так как они направляют внимание учащихся на основную информацию текста, помогают выделить главную информацию в тексте. Типичное притекстовое задание связано с вопросом, предваряющим текст. Этот вопрос не должен содержать каких-либо языковых трудностей для учащихся, чтобы не замедлять процесс чтения. После предъявления предтекстового вопроса учащиеся читают текст. Здесь возможны различные варианты: чтение вслух на начальном этапе и чтение про себя на более продвинутом. Но и на начальном этапе полезно чтение про себя, поскольку сняты практически все лексико-грамматические трудности в предыдущих упражнениях и учащиеся должны сосредоточиться на понимании текста, а не на технике чтения. Приведем несколько примеров притекстовых заданий:

Прочитайте текст и ответьте на вопрос: «О каких разделах механики говорится в тексте?»

Прочитайте текст и определите его название. Выберите правильный вариант.

Прочитайте текст, определите основную мысль текста. Выберите правильный вариант ответа.

Прочитайте текст и ответьте на вопрос: «В каком случае сила является скользящим вектором?»

Прочитайте текст и ответьте на вопрос: «Какие виды элементов электротехнических установок рассматриваются в тексте?»

Как только учащиеся выполнили задание правильно, они переходят к послетекстовым упражнениям.

Послетекстовые упражнения направлены на более детальное понимание текста. Они служат для обеспечения контроля содержания прочитанного. Существует несколько способов проверки глубины понимания:

- вопросы по тексту;
- отдельные высказывания, с которыми учащийся должен согласится или не согласится;
- составление плана или анализ предложенного плана;
- расположение пунктов плана в логической последовательности;
- расположение абзацев в логической последовательности.

Приведем некоторые примеры формулировок заданий:

Согласитесь или нет (правильно (+); неправильно (-).

Выберите правильную формулировку аксиомы или теоремы.

Расставьте абзацы в логической последовательности.

Расположите предложения в логической последовательности.

Докажите, что пункты плана расположены в неправильном порядке.

Какие из данных предложений могут быть продолжением текста?

Закончите предложения.

Выберите верные утверждения.

Соедините фрагмент текста и формулу.

Учитывая накопленный научно-методический опыт, мы постарались рассмотреть в данной статье проблему выбора упражнений, вопросы формирования собственной системы упражнений, способы создания формулировок заданий при обучении чтению иностранных учащихся научных текстов на русском языке.

Методика обучения чтению, представленная выше, была апробирована в группах иностранных учащихся, были получены хорошие результаты, повысилась эффективность обучения, заинтересованность учащихся.

Считаем, что наши исследования и разработки могут быть полезны преподавателям иностранного языка, а также преподавателям-предметникам.

Источники и литература

1. Акишина А. А. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного / А. А. Акишина, О. Е. Каган. – М.: Русский язык. Курсы, 2004. – 256 с.
2. Васильева Т. В. Лингводидактическая концепция обучения русскому языку студентов-иностранцев 1 курса со слабой языковой и предметной подготовкой в вузах инженерного профиля. дис. … канд. пед. наук: 13.00.02 / Т. В. Васильева. – М., 2000. – 256 с.
3. Гасанова П. М. Методика обучения чтению (изучающему) как виду речевой деятельности / П. М. Гасанова // Преподавание русского языка студентам и специалистам нефилологического профиля (лингвистика и методика). – Спб., М., 1978. - С. 77-82.
4. Глухов Б. А. Обучение чтению / Б. А. Глухов, М. Д. Зиновьева // Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. – М., 2003. – С.116-125.
5. Иевлева З. Н. Обучение грамматическим средствам общения / З. Н. Иевлева // Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. – М., 2003. – С. 46-63.
6. Капитонова Т. И. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской підготовки / Т. И. Капитонова, Л. В. Московкин. – СПб.: Златоуст, 2006. - 272 с.
7. Левина Г. М. Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу / Г. М. Левина. – М.: Янус-К, 2003. – 204 с.
8. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / [под ред. А. Н. Щукина]. – М., Русский язык, 2003. – 304 с.

УДК 811.111:165.194:81’37 **Плисак Д. В.**

МЕДИЧНИЙ ТЕРМІНОКОНЦЕПТ: ПОНЯТТЯ, СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА

В статье сделана попытка определения понятия медицинского терминоконцепта. Раскрываются особенности анализа его структуры и дефиниционные признаки.
Ключевые слова: медицинский терминоконцепт, дефиниция, понятия, структура.

У статті зроблена спроба окреслення поняття медичного терміноконцепту. Розкриваються особливості аналізу його структури і дефініційні ознаки.
Ключові слова: медичний терміноконцепт, дефініція, поняття, структура.

The article presents an attempt to define the notion of medical termconcept. The author marks the specifics of its structural analysis and gives the definition of the notion.
Key words: medical termconcept, definition, notion, structure.

Сучасна лінгвістика перебуває під активним впливом когнітивістики, що зумовлює суттєві відмінності в описі і трактуванні вже існуючих понять. Зокрема до таких належать термін і термінологічні системи, які піддаються активному аналізу з боку лінгвістів з точки зору їх когнітивної природи і особливостей концептуалізації. Поняття «термін» і «концепт» на даному етапі є одними із найбільш досліджуваних у сучасній лінгвістиці, хоча одностайності у їх розумінні немає.

Психолінгвістичне осмислення поняття концепту засвідчене переважно двома фундаментальними напрямами досліджень – когнітивною лінгвістикою (зокрема когнітивною семантикою) та когнітивною психологією, у лоні яких щодо терміна привертають до себе увагу теорії поетапного формування понять, базового рівня, прототипів, когнітивної граматики, конекціонізму, об’єктивістські теорії значення, (нео)біхевіористичні теорії та наукові ідеї нечітких понять, а також асоціативної природи мислення [3, с. 24]. Не цілком сформованою є і термінологічний апарат опису взаємозв’язку цих явищ. Зокрема при концептуальному аналізі термінів і терміносистем, науковці (О. Южакова, О. О. Маковська та ін.) неодноразово використовують поняття терміноконцепт, проте пояснення цього поняття у їхніх роботах не представлені. Разом з тим логіка появи такого лінгвістичного поняття – зрозуміла і виправдана. Тому **метою** статті є спроба дати визначення поняттю медичний терміноконцепт і розкрити характер його зв’язку із поняттями термін і концепт. Для досягнення мети були поставлені такі **завдання**: 1) проаналізувати дефініції понять терміна і концепту; 2) визначити особливості опису терміноконцепту і його структури; 3) на основі проведеного аналізу дати визначення поняттю терміноконцепт (медичний терміноконцепт).

О. Селіванова у термінологічній енциклопедії «Сучасна лінгвістика» подає таке визначення терміна: «Термін – слово чи сполука, що позначає поняття спеціальної сфери спілкування в науці, виробництві, техніці, мистецтві, у конкретній галузі знань чи людської діяльності. Головними вимогами до терміна є системність; наявність класифікаційної дефініції; прагнення до моносемічності й конкретизації в межах терміносистеми й до прозорості внутрішньої форми; жорстка конвенційність; стилістична нейтральність; залученість до системи понять певної галузі; відповідність нормам мови, що запобігає появі професійних жаргонізмів; точність і короткість; деривaційна здатність; інваріантність як відсутність варіантів і синонімів; висока інформативність» [4, с. 617]. Разом з тим, статус терміна у лінгвістиці залишається невизначеним, оскільки із усіх наявних вимог до терміна, лінгвокогнітивному підходу відповідають дефінітивність, яка у роботах по термінології визначається необхідною умовою утворення і функціонування терміна [5, с. 3] і приналежність до системи понять певної галузі. Усі решта вимог не відповідають сучасним тенденціям у термінології і вважаються ознаками ідеального терміна.

О. Селіванова виокремлює такі основні ознаки концепту: «Концепт – інформаційна структура свідомості, різносубстратна, певним чином організована одиниця пам’яті, яка містить сукупність знань про об’єкт пізнання, вербальних і невербальних, набутих шляхом взаємодії п’яти психічних функцій свідомості й позасвідомого». Вона зазначає, що підґрунтям такої дефініції стало класичне тлумачення концепту О. С. Кубряковою: Концепт – «термін, який слугує поясненню одиниць ментальних чи психічних ресурсів нашої свідомості і тієї інформаційної структури, яка відображає знання і досвід людини; оперативна змістова одиниця памяті, ментального лексикону, концептуальної системи і мови мозку (lingua mentalis), усієї картини світу, відображеній у людській психіці». Ядром концепту є поняття, фіксоване у вигляді пропозиційних структур і позначене певною номінативною одиницею [4, с. 256].

Спільним для концепту і терміна «поняття». Термін служить позначенням наукового поняття. Поява терміна «концепт», у свою чергу була зумовлена потребою нового тлумачення терміна «поняття», яке традиційно розглядалося як абстракція чуттєвих ознак, а згодом розширило свій обсяг до рівня єдності загального, одиничного й особливого, тобто всього обсягу інформації про певний об'єкт або клас об'єктів [4, с. 257]. Зараз проблема розмежування «концепту» і «поняття» є однією із дискусійних проблем сучасної лінгвоконцептології: їх або ототожнюють, або відносять до різних сфер науки, або включають до концепту поняття як ядро його змісту [4, с. 257]. Ми схиляємося до останньої точки зору. У терміна суть позначуваного ним поняття розкривається у дефініції, яка є «мовною формою вираження пізнаного явища» [5, с. 3], тобто фактично вона формує ядро терміноконцепту. Дефініція – це особливий тип тексту, значення і структура знання [5, с. 3]. Зв'язок концепту та значення (повна їхня тотожність «під дахом» одного знака, відношення перетину значення й концепту або активація значення в концептуальній структурі залежно від контексту і ситуації)» вважається ще одним невирішеним питанням сучасної лінвоконцептології [4, с. 257]. Все це вказує на те, що при розкритті поняття терміноконцепту треба виходити із проблеми дефінітивної природи термінологічних одиниць.

Будучи результатом фіксації мовної форми за конкретним поняттям, термін набуває концептуального наповнення з виведенням дефініції, що є основною відмінністю терміна від не термінологічних мовних одиниць. Дефініція формує ядро терміноконцепту. Якщо термін є однозначним, відповідає поставленим до нього вимогам, то ядро є неподільним. Такий термін вважають ідеальним, проте він втрачає цю особливість у функціонуванні. Ідеальний термін формує ядро когнітивної структури, передаючи основне наукове значення вербалізованого терміноконцепту. При впровадженні у використання фахівцями терміни можуть отримувати додаткові термінологічні значення в межах однієї галузі, хоча таке явище вважається недоліком термінологічної системи. Наприклад термін *medicine* має значення: 1**)** a substance or preparation used in treating disease; 2) the science and art dealing with the maintenance of health and the prevention, alleviation, or cure of disease; 3) the branch of medicine concerned with the nonsurgical treatment of disease [Dorland's Medical Dictionary]. Визначити положення цих значень у межах ядра і одне одного можна за принципом першочерговості у переліку дефініцій у фахових словниках, або ж шляхом аналізу етимології терміна. Результат буде незмінним, оскільки дефініції виступають одним із способів вербалізації концепту і розподіляються за етапами концептуалізації, які репрезентують ту чи іншу теорію чи концепцію [5, с. 6]. У цьому випадку ядро терміноконцепту передає різнорівневі значення терміна-вербалізатора. При цьому рух може відбуватися як у бік конкретизації, так і узагальнення. Спільними у цих дефініціях виступає ключова спільна сема. Для терміна *medicine* це 'treatment of disease'.

Внутрішня ядерна будова може координуватися ступенем узагальненості поняття і його місцем у ієрархії термінологічних значень даного терміна у межах конкретної галузі науки. З іншого боку, ці значення можна вважати рівноцінними сегментами однієї ядрової системи, оскільки «активація значення в концептуальній структурі відбувається залежно від контексту і ситуації» [4, с. 257].

Склад ядерних сегментів одного терміноконцепту у різних мовах різний, що пов'язано із особливостями творення національних термінів і ускладнює процес інтернаціоналізації терміносистем. Це можна помітити на прикладі терміна *medicine*, який має латинське походження і може вважатися інтернаціональним. Дещо модифікованим може бути його графічне і фонетичне відтворення в інших мовах, у яких запозичення відбувалося із латинської безпосередньо чи через посередництво інших мов. Проте додаткових термінологічних значень цей термін може і не мати (наприклад термін *медицина* в українській мові). Як зазначають С. Г. Воркачов і Г. В. Кусов, основною ознакою, яка відділяє лінгвістичне розуміння концепту від логічного, є його закріпленість за визначеним способом мовної реалізації [2]. Це ж стосується і терміноконцепту, адже наукове поняття, по-різному вербалізуючись у різних мовах, утворює різні терміноконцепти. Терміноконцепт, як і концепт, має двоїсту природу. Будучи одиницею когніції людини він є одиницею пізнання і знання, а також бере участь в організації як семантики ментальності (термін В. Л. Іващенко) (терміноконцепт – ментальна модель, образ наукової картини світу), так і семантики менталітету (термін В. Л. Іващенко). Це вказує на те, що терміноконцепт, вербалізуючись у дискурсі, може викликати у представника певної соціальної групи чи національності асоціативні зв'язки із нетермінологічними значеннями термінопоняття. За аналогією з концептом, вагомий вплив на ці процеси має і семантика менталітету (термін В. Л. Іващенко), яка є смисловим тлом, на якому вирізняється «смисловий згусток» – концепт (чи терміноконцепт як одиниця етнокультурного знання). Тобто терміноконцепт у проекції на семантику менталітету є організованою у певний спосіб мислення множинністю конкретно зумовлених елементарних смислів (ноем), що їх породжують ті чи інші ментальні образи наукових понять. Це відповідає перегляду традиційного логічного вмісту концепту і його психологізації, яка пояснюється і потребами когнітології, а саме, когнітивної лінгвістики, яка зосередила увагу на співвіднесенні лінгвістичних даних з психологічними. С. Г. Воркачов і Г. В. Кусов стверджують, що «оперування категорією поняття в класичному, «безобразному» уявленні виявилося для когнітивістики недостатнім» [2]. Термінологічні одиниці, які потрапляють у використання нефахівців піддаються активному когнітивно-асоціативному осмисленню, що базується на особистому чи суспільному досвіді. Неповне розуміння, знання і усвідомлення існуючих термінологічних значень призводить до утворення додаткових не термінологічних значень, що є результатом концептуально-метафоричного перенесення. Наприклад, термін *medicine* в процесі функціонування набув значень: something believed to control natural or supernatural powers and to serve as a preventive or remedy; take one's *medicine*: to endure deserved punishment [The American Heritage Dictionary of the English Language]; the best *medicine*: the best way to make you feel better when you are sad; give someone a dose/taste of their own *medicine*: to treat someone as badly as they have treated you; take your *medicine* (like a man): to accept an unpleasant situation or a punishment that you deserve, without complaining [Longman Dictionary of Contemporary English]. Ці додаткові значення мають нетермінологічний характер і формують ближню та дальню периферію терміноконцепту в залежності від рівня зв'язку із основною ядровою дефініцією чи дефініціями терміна. Отже, додаткові нетермінологічні значення передають мислення індивіда і суспільства при сприйнятті даних наукових понять і баченні інших понять через їх призму. Природна мова тут виступає лише засобом, який забезпечує дослідникові доступ до «мови мозку», оскільки, як зазначила А. Вежбицька, «ми можемо добратися до думки тільки через слова (ніхто поки що не винайшов іншого способу)» [1].

Доцільність використання саме поняття терміноконцепту при аналізі когнітивної природи і структури терміна пов'язано саме із дефінітивною природою термінологічних одиниць та проблемою визначення самого поняття термін, що із зміною в підході до його дослідження зіткнулося із проблемою ідеального терміна в межах словникової дефініції і терміна у своєму фактичному використанні. Вище представлена структура медичного терміноконцепту відображає стадії концептуалізації медичного термінопоняття і частково пояснює появу емоційно-експресивного забарвлення терміна, яке виникає з появою периферії і є результатом асоціативного осмислення термінопоняття. Таким чином, медичні терміни – це логічно сконструйовані медичні терміноконцепти, визначення кожного з яких нагадує дефініцію поняття у логіці. У динамічному аспекті термін можна визначити як динамічний конструкт, який зароджується у дискурсі і змінює свій зміст у процесі когніції. Це можна спостерігати у художньому дискурсі, у який активно включається термінологія, зокрема медична. Поняття медичного терміноконцепту сприяє аналізові медичних термінологічних одиниць у художньому дискурсі, зокрема їх сприйняття нефахівцем медичної галузі, у якого знання спеціалізованої частини терміноконцепту є значно обмеженим і актуалізується через загальні знання у даній сфері науки.

Висновки. Вербалізатором медичного терміноконцепту є медичний термін і терміносполука. Терміноконцепт зароджується у процесі пізнавальної наукової діяльності із виведенням дефініції терміна, відображає й узагальнює фаховий досвід людини й інтеріоризовану її свідомістю дійсність, підводячи наукове поняття під певні вироблені суспільством категорії і класи. У процесі мисленнєвої діяльності вербалізований терміноконцепт обертається різними гранями й актуалізує різні ознаки та ділянки, які можуть мати або не мати вербального позначення. За рахунок цього він набуває нових значень, що у свою чергу сприяє його розширенню.

Терміноконцепт об'єднує інформацію про всі ознаки наукового поняття, відображає внутрішню форму терміна, узагальнює, синтезує перцепцію знань про дане наукове явище чи поняття на рівні свідомості індивіда і суспільства, фахівця і нефахівця, це синтез індивідуально-авторського розуміння з традицією фактичного наукового (фахового) і національного вживання, а також загальнолюдською, первісно міфологічною моделлю світу.

Структуру медичного терміноконцепту складають ядро і периферія. Ядро містить спеціалізовану інформацію медичної галузі знань, а периферія показує, що знання у людському мозку конкретної людини, як і знання у структурі мовної картини світу зберігаються не ізольовано, а перебувають у постійній взаємодії, випливаючи і доповнюючи одне одного.

Медичний терміноконцепт – це семантика менталітету того чи іншого етносу в його проекції на окремий фрагмент наукового медичного знання, це «ментально-психологічний комплекс» (термін О. Селіванової) – певним чином організована, різносубстратна одиниця свідомості, яка включає вербальні і невербальні знання про наукове поняття, його оцінку, які корелюють з іншими науковими поняттями, образами, почуттями людини, його колективним несвідомим та усвідомленим, до певної міри сформованим науковим баченням світу.

Перспективи подальших досліджень. Одним із перспективних аспектів є подальше глибоке дослідження особливостей структури терміноконцептів різних галузей знання. Важливим також є питання зв'язку периферії терміноконцепту з емоційно-експресивною природою термінологічних одиниць.

Джерела та література

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы [Электронный ресурс] / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Серия: Литература и язык. – Кубань: Кубанский государственный технологический университет, 2007. – Т. 66, № 2. – С. 13-22. – Режим доступа : http://rudocs.exdat.com/docs/index-156761.html.

2. Воркачев С. Г. Концепт «оскорбление» и его этимологическая память [Электронний ресурс] / С. Г. Воркачев, Г. В. Кусов // Теоретическая и практическая лингвистика. Серия: Язык и социальная среда. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – Вып. 2. – С. 90-102. – Режим доступа http://tpl1999.narod.ru/teoreticheskaya_i_prikladnaya_lingvistika_/vipusk_2_2000/sgvorkachyov_gvkusov_kontsept__oskorblenie_i_ego_etimologicheskaya_pamyat.

3. Іващенко В. Л. Концептуальна репрезентація фрагментів знання в науково-мистецькій картині світу (на матеріалі української мистецькознавчої термінології) : монографія / Вікторія Людвігівна Іваненко. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2006. – 328 с.

4. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.

5. Смирнова Ю. С. Дефиниционное моделирование в терминологическом поле *сенсис*: когнитивно-дискурсивный аспект (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. на соискание учен. степ. канд. филол. наук / Ю. С. Смирнова; ГОУ ВПО «Пермский государственный университет». – Пермь, 2011. – 20 с.

УДК 81'373.611 **Плужникова Т. И.**

СТАТУСНОСТЬ МОРФЕМЫ КАК ЭКСПЛИКАНТА СЕМАНТИКИ СЛОВА

В статье рассматривается проблема статуса структурных частей сложного слова, которые в производных такого типа претерпевают семантические трансформации, в результате чего перестают быть корнем в обычном смысле.

Ключевые слова: композит, корень, аффиксоид, полуаффикс, частотный компонент.

У статті розглядається проблема статуса структурних частин складного слова, які в похідних такого типу зазнають семантичних трансформацій, в наслідок чого перестають бути коренем у звичному розумінні.

Ключевые слова: композит, корінь, аффиксоїд, полуафікс, частотний компонент.

The problem of status of structural parts of a compound word which undergo semantic transformations in such kind of derivatives therefore cease to be root in usual sense is considered in this article.

Keywords: composite, root, affixoid, semi-affix, frequency component.

При систематизации морфем с учетом их роли в слове корневые морфемы противопоставляются служебным по целому ряду параметров, одним из которых является корреляция с определенной частью семантической структуры слова,

эксплицируемой той или иной морфемой. Цель настоящей статьи – определить статус структурных частей слова, которые чаще всего называют аффиксоидами.

Проблема установления статуса деривационных единиц крайне важна как для теории (познание структуры и функции языковой системы), так и для практики (составление словарей, дериватариев). В своё время А. Н. Тихонов писал о том, что «учение о словообразовании не может успешно развиваться, не имея точных определений своих основных объектов», а «центральной единицей словообразовательного уровня языка является морфема» [8, с. 39].

Итак, основным свойством морфемы является наделенность семантикой. Это особенно подчеркивал Бодуэн де Куртенэ: «Против деления речи на предложения, предложений на слова, слов на морфологические единицы немного, пожалуй, можно сказать. Ибо это все более подробное деление опирается постоянно на одну и ту же основу, исходит постоянно из того же самого принципа: здесь везде играет роль значение, элемент морфологически-семасиологический. Но на морфологической единице, или, как я ее назвал, «морфеме», это деление кончается» [1, с. 182]. Все остальные свойства морфемы так или иначе опираются на значение, связаны с ним, вытекают из него.

Э. Сепир полагал, что морфемы выражают три типа значений: вещественное, деривационное и реляционное. Это положение не оспаривается и сегодня, хотя наполнение терминов несколько изменилось. Сепир считал, что вещественное значение, или лексическое, выражается при помощи корня, но может быть выражено префиксом и суффиксом: ***лёт*, *вы*лет**, *лет***чик.** В современной дериватологии носителем лексического значения признается только корень, что и отличает его от остальных морфем.

Деривационное значение, по Сепиру, близко к вещественному, но не равно ему: оно выражает чувства – уменьшительность, ласкательность, пренебрежительность; иначе его называют экспрессивно-эмоциональным. Деривационное значение уточняет вещественное и выражается суффиксами. Очевидно, что сейчас деривационное значение осмысливается как присущее всем аффиксам, кроме флексии, и выделяется не только у модификатов, но и при лексической и синтаксической деривации.

Реляционное значение трактуется так же, как его понимал Сепир: оно является сопутствующим и вещественному, и деривационному значениям. По сути, это грамматическое значение, которое выражается, как правило, флексиями.

Вопрос о статусе словообразовательных формантов, ведущих происхождение от компонентов сложных слов и давших длинные ряды однотипно построенных производных, которые функционально приближаются к типичным аффиксам, поднимался в работах русских лингвистов еще в XIX в. (Н. Крушевский) и более или менее детально обсуждался в середине XX в. (В. В. Виноградов (1947), Н. Д. Андреев (1954), Н. М. Шанский (1959)).

Рассматриваемое явление характерно не только для русского языка, поэтому впервые данные элементы слова систематически начали изучать германисты, в частности, М. Д. Степанова (1948, 1953, 1986), назвавшая их *полуаффиксами*. В русистике, как известно, работу по инвентаризации и описанию структуры и функций этих единиц начал Н. М. Шанский, давший им название *аффиксоиды*. Кроме этих, использовались термины *слова-суффиксы, суффигированные слова* или *словоэлементы, относительно связанные* (*относительно свободные*) *морфемы, опорные компоненты сложных слов*, *субаффиксы, радиксоиды, комбинирующиеся формы, полуслужебные морфемы, морфемы, омонимичные словам* и др.

Принципиальное различие в подходе германистов и русистов к характеристике морфем по роли в слове состоит в степени градации статуса. В принципе выделение структурных элементов слова, занимающих промежуточное положение между корнем и аффиксом, сделало возможным переход от дихотомической градации (корень – аффикс) к трихотомической (корень – аффиксоид – аффикс // корень – полуаффикс – аффикс).

Необходимо отметить, что иногда термины *полуаффикс* и *аффиксоид* используются как синонимы, но узкие специалисты их различают. Так, М. Д. Степанова определяет полуаффиксы как «такие единицы, которые находятся как бы в промежуточном положении: представляя собой словообразовательные средства с определенным лексикокатегориальным содержанием, они в то же время не потеряли ни формальной, ни – в той или иной мере – семантической связи с самостоятельными лексемами» [6, с. 529]. Н. М. Шанский в дефинировании лаконичен: «Аффиксоид – корневая морфема, выступающая в функции аффикса» [9, с. 163]. Со временем В. В. Лопатин, казалось бы, уточнил определение: «Аффиксоид – компонент сложного или сложносокращенного слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способности образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу» [4, с. 26], но при этом никак не обозначил критерии разграничения корня и аффиксоида.

Б. И. Бартков, много сделавший для решения вопроса о морфемах промежуточного статуса, расширил их градацию до тетрахомической шкалы: корень – аффиксоид – полуаффикс – аффикс. При этом аффиксоид и полуаффикс отличаются разной степенью удаленности от статуса корня и приближенности к статусу аффикса [2]. В «Словаре словообразовательных элементов немецкого языка» (1979), исходящем из той же степени градации, термин *аффиксоид* заменен термином *частотный компонент*.

Очевидно, что авторы данной схемы учитывали и качественный (семантический), и количественный (структурный) подходы (прежде всего, серийность), но с явным предпочтением второго: наличие определенного семантического сдвига по сравнению со свободной лексемой констатировалось (М. Д. Степанова), но его механизм не исследовался.

В 2011 г. была защищена диссертация В. Г. Шемет «Семантика і словотвірна структура афіксоїдних дериватів в українській мові», что свидетельствует об актуальности рассматриваемой проблемы. Данное исследование ценно, прежде всего, тем, что обозначило дискуссионные моменты и ещё раз подтвердило необходимость акцентирования исследовательского внимания на семантической составляющей анализируемых структурных единиц, что, к сожалению, не нашло места в указанной диссертации.

В своё время В. Фон Гумбольдт говорил о том, что исторические изменения языка могут затемнять первоначальную этимологическую ясность сложений, вследствие чего корни, изменяясь по законам «не поддающейся исследованию внутренней языковой деятельности, могут переходить в суффиксы» [3, с. 121]. Видимо, спустя более столетия эта «внутренняя языковая деятельность» уже может быть результативно исследована, что позволит сделать результативные выводы.

Поскольку форма морфа в составе композита остается без изменений, логично искать причину изменения его статуса в содержании. К такому заключению пришёл ещё младограмматист Г. Пауль, справедливо отмечавший, что аффиксальное словообразование не могло появиться в языке изначально. Оно появилось, скорее всего, на базе

словосложения (через сращение сочетания слов в слово) при определенных условиях. Такими условиями Пауль считал следующие: 1) утрата соответствующим членом сложного слова связи с первоначально тождественным ему простым словом; 2) сохранение другим компонентом сложного слова связей с этимологически родственным ему словом; 3) наличие у соответствующего члена композита обобщенного значения, свойственного аффиксу («существо», «качество», «действие» и т. п.), которое должно развиться в нем в составе сложного слова из более частного и более конкретного, присущего простому слову /выделено нами – Т. П./; 4) обязательное повторение этого элемента в ряде слов, возникших по аналогии. При известных обстоятельствах аффиксальный элемент может возникать и при сохранении связей с простым словом [5, с. 410-411].

Видимо, в вопросе об аффиксоидах, прежде всего, надо четко разграничить заимствованные корни, функционирующие в русском языке, и исконные корни, приобретающие признаки аффиксов. Анализировать их целесообразно раздельно, чтобы показать отличие и сходство этих структурных частей композитов.

Заимствованные корни типа *авиа-, авто-, теле-, гео-, био-*, *-дром, -трек* и др. в «Грамматике-70» и «Грамматике-80» названы свободными или связанными интернациональными корнями. Особенность этих структурных элементов состоит в том, что они не функционируют в русском языке как самостоятельные слова или корни в простых словах (***теле***ведущий, ***гео***ботаника, ракето***дром***). Их назывная природа, конечно, признается, поэтому в словарях они (только префиксоиды) описываются в отдельных статьях. Их лексическое значение может выявиться в деривационной перифразе к производному слову, например, *геоботаника* – «раздел ботаники, изучающий <…> растительный покров Земли», но они не мотивируются словосочетанием, в котором есть такое слово (в данном случае *Земля*). Это типично для префиксоидов, в то время как главное значение суффиксоидов может и не находить отражения в перифразе, например, *танкодром* – «участок местности, оборудованный для испытания танков». Часть *дром* в греческом языке (drómos) имеет значение «место для бега», но в русском языке значение расширяется до общего «место», и в перифразе это значение эксплицируется любым словом-гипонимом к гипериониму *место* (в нашем примере *участок*). Если учесть, что в реестре русских аффиксов есть такие, которые имеют деривационное значение «место» (например, *-ищ-* (*пожарище*), *-ник-* (*коровник*) и т. д.), то слова со второй частью *дром* начинают восприниматься как производные той же словообразовательной категории, формируя ряды однотипных слов (*велодром, аэродром*, *ролледром*), а сама структурная часть приобретает признаки аффикса и может квалифицироваться именно как аффиксоид.

Итак, важным фактором в выделении аффиксоидов является разрушение формально-семантической соотнесенности сложного слова с его мотивирующим генеративом. Этот процесс становится условием возникновения не только истинных аффиксоидов, но и полуаффиксов, и частотных компонентов слова; он характерен не только для заимствованных, но и для исконных корней.

Определяя критерии выделения аффиксоидов (автором используется только этот термин), В. Г. Шемет называет такие, как деривационный, семантический и формальный [10]. В частности, говоря о семантическом критерии, она указывает на регулярность, то есть повторяемость композитов определенного типа. При этом В. Г. Шемет ссылается на Н. М. Шанского: «все аффиксоиды являются регулярными, так как именно регулярность воспроизведения корневой морфемы в однотипных словах и превратила их в переходную морфему». Но тут не учитывается, что речь идет о повторяемости того или иного корня, который утратил своё лексическое значение и выполняет лишь функцию опорного компонента сложного слова. Например, в слове *скалолаз* часть *-лаз-* – это корень, сохраняющий своё лексическое значение, потому что через него объясняется словообразовательное значение деривата: «тот, кто лазит по скалам»; то же у слова *стенолаз* (лексическое значение «птица, обладающая способностью лазить по отвесным скалам», а словообразовательное «тот, кто лазит по стенам»), но уже в словах *водолаз* и *верхолаз* (по В. М. Немченко, повторяемость даже в двух словах свидетельствует о регулярности форманта) глагол *лазить* уже не используется для объяснения производного слова, например, *верхолаз* – лексическое значение «специалист по работе на большой высоте» – словообразовательное значение «тот, кто что-то делает на верху», и словарь приводит к данному слову синоним *высотник*; *водолаз* – лексическое значение «специалист по подводным работам», словообразовательное – «тот, кто что-то делает под водой». Таким образом, главным семантическим фактором, который позволяет характеризовать такую структурную часть слова, видимо, как полуаффикс, является затемнение его лексического значения и приобретение им значения деривационного, свойственного уже существующим в языке аффиксам, что включает дериват с полуаффиксом в ту же словообразовательную категорию, что и производные, образованные аффиксальным способом.

Итак, утрата корнем лексического значения (или его затемнение) позволяет рассматривать его как аффиксоид (если корень интернациональный) или как полуаффикс (если корень исконный).

Общим между исконными и заимствованными корнями, перешедшими в разряд аффиксоидов или полуаффиксов, является то, что они эксплицируют только архисему из семантической структуры слова, от которого они образованы: в рассмотренных примерах – это ‘действие’.

В. И. Теркулов называет слова, в которых есть не вызывающий сомнения корень и часть, которая утратила своё прямое номинативное значение, квазикомпозитами [7]. Возможно, эту десемантизированную морфему можно было бы называть квазикорнем. Кстати, он к таким дериватам относит и юкстапозиты, например, *звёздоплавание, космоплавание.* Некоторые языковеды (в частности, В. М. Немченко) считают, что слово, входящее в состав юкстапозита, нельзя квалифицировать как морфему, с чем нельзя не согласиться. Такие структурные части деривата явно подпадают под определение частотного компонента сложного слова: термин никоим образом не включает эти многоморфемные части сложного слова в реестр морфем. Механизм образования таких слов тот же, что и у слов, включающих аффиксоиды и полуаффиксы: в слове *мореплавание* часть *плавание* имеет прямое номинативное значение, а в *космоплавание* слово *плавание* реализует значение «перемещение», то есть актуализируется архисема. В этой связи хочется вернуться к диссертации В. Г. Шемет и отметить, что данный критерий не применим к большинству рассматриваемых ею двукорневых слов, например, к дериватам с пространственным значением, в которых автор выделяет префиксоиды: *високо-* (*високогорий*), *місце- (місцезнаходження), (передньозябровий), східно-* (*східноукраїнський*) и др. [10]. В качестве примера из данной диссертации можно привести производные и других тематических групп, в которых реализуется критерий регулярности и частотности употребления корней, но именно корней, то есть структурных частей слова, эксплицирующих лексическое значение.

Очевидно, что рассматриваемая проблема все еще требует дальнейшего осмысления, причем особое внимание необходимо уделить семантической стороне вопроса.

Источники и литература

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. – Т. I. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.
2. Бартков Б. И. Английские суффиксоиды, полусуффиксы и словарь 100 словообразовательных формантов современного английского языка (научный стиль и литературная норма) / Б. И. Бартков // Аффиксоиды, полуаффиксы и аффиксы в научном стиле и литературной норме. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1980. – С. 3-62.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
4. Лопатин В. В. Аффиксоид / В. В. Лопатин // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1979. – С. 26-27.
5. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Издательство иностранной литературы. – 400 с.
6. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка (краткий очерк) / М. Д. Степанова // Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. – М.: Рус. яз, 1979. – С. 519-536.
7. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономасиологическом аспекте: дисс. … д-ра филол. наук: 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Горловка, 2008. – 472 с.
8 Тихонов А. Н. Морфема как значимая часть слова / А. Н. Тихонов // Филологические науки. – № 6. – 1971. – С. 39-52.
9. Шанский Н. М. Аффиксоиды в словообразовательной системе русского языка / Н. М. Шанский // Исследования по современному русскому языку. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – С. 157-171.
10. Шемет В. Г. Семантика і словотвірна структура афіксоїдних дериватів в українській мові : автореферат дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / В. Г. Шемет. – К., 2011. – 19 с.

УДК 81'367.625:37.091.33

Половинко Е. А.,
Щеглова Т. Е.

ОППОЗИЦИИ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается одна из наиболее сложных для усвоения иностранцами лексических и грамматических тем русского и английского языков – глаголы движения. Устанавливаются оппозиции, по которым противопоставлены русские глаголы движения в рамках соответствующего семантического поля, выявляются их соответствия в английском языке, описываются способы подачи данного лексического и грамматического материала на занятиях по русскому и английскому языкам как иностранным.

Ключевые слова: глаголы движения, сопоставительный аспект, языковая картина мира, семантическое поле.

Розглядається одна з найскладніших для засвоєння іноземцями лексичних та граматичних тем російської і англійської мов – дієслова руху. Встановлюються опозиції, за якими протиставлені російські дієслова руху в межах відповідного семантичного поля, визначаються їхні відповідники в англійській мові, описуються способи подання даного лексичного й граматичного матеріалу на заняттях з російської та англійської мов як іноземних.

Ключові слова: дієслова руху, порівняльний аспект, мовна картина світу, семантичне поле.

We considers in the article one of the most difficult for foreigners' learning lexical and grammar topics of Russian and English – verbs of movement. The oppositions are set, where Russian verbs of movement are compared in a given semantic field, their correspondences are revealed in English, the ways of this lexical and grammar material presentation at lessons of Russian and English as foreign languages are described.

Key words: verbs of movement, comparative aspect, language world picture, semantic field.

Глаголы движения в русском и английском языках обозначают жизненно важное понятие антропологической сферы деятельности – движение, которое является основным признаком жизни. К глаголам движения традиционно относят лексемы, обозначающие изменение местоположения субъекта в пространстве относительно какой-либо точки отсчета.

И в русском, и в английском языках глаголы движения представляют собой своеобразный языковой массив, освоение которого неизменно вызывает трудности у иностранцев, изучающих соответствующие языки. Одним из путей эффективного обучения указанным языкам и преодоления трудностей, связанных с интерференцией родного языка при изучении иностранного является, на наш взгляд, рассмотрение данного материала в сопоставительном аспекте и представление его таким образом на занятиях по русскому и / или английскому как иностранному. Функционирование русских глаголов движения входит в круг наиболее сложных лексических и грамматических тем для иностранцев, изучающих русский язык. Изложение фактов изучаемого иностранного языка в сравнении с родным позволяет обратить внимание на основные структурные черты, которые различают русский и родной язык студентов, выделить основные типы сходств и расхождений между языками в плане форм, значений и функционирования языковых категорий.

Как известно, каждый язык имеет свой способ концептуализации мира, создает особую картину мира, в языке зафиксировано специфическое восприятие человеком действительности. Путь от внеязыковой реальности к понятию и далее к словесному выражению, как справедливо отмечает М. М. Степанова, неодинаков у разных народов, что обусловлено различиями в истории и условиях их жизни, спецификой развития их общественного сознания. Соответственно, и языковые картины мира у разных народов различны [2, с. 14]. Одним из специфических, а потому и проблематичных для освоения иностранцами отрезков как русской, так и английской картины мира является глагольная лексика, номинирующая движение.

Анализу глаголов движения в русском и английском языках посвящен целый ряд работ (см. например: Е. В. Рахилина, Е. Е. Голубкова, В. А. Плунгян, Е. Г. Беляевская и др.), однако рассмотрение данного вопроса с точки зрения методики преподавания указанных языков как иностранных не проводилось. Наша работа посвящена исследованию грамматических и семантических особенностей глаголов данного типа в русском и английском языках. Цель исследования – выявить и описать оппозиции, по которым противопоставляются русские и английские глаголы движения. Поставленная цель предполагает решение целого ряда задач, а именно: определить состав семантического поля глаголов движения в русском и английском языках; установить грамматические и

семантические особенности конкретных лексем относительно остальных конституентов поля; представить способы подачи соответствующего материала на занятиях по русскому и английскому как иностранному.

Сегодня под понятием «движение» понимают не просто перемещение одних тел относительно других, но и изменение температуры тела, электромагнитное излучение, с ним связывают любые изменения и течения в обществе и природе. Глаголы движения и в русском, и в английском языках условно можно разбить на блоки по типу действия: глаголы стадии, движения, наличия количества, бытовые глаголы, глаголы чувства, восприятия и мышления, глаголы рабочих операций, общения и др. В свою очередь блоки могут делиться на подблоки: виды движения, движение вверх-вниз, движения в одну сторону и обратно, движение в разных направлениях, движение по кругу, преследование, скорость, движение в воде, цикл движений от начальной до конечной точки.

В рассматриваемое нами семантическое поле мы включили 14 пар русских бесприставочных глаголов движения, представляющих одно- и разнонаправленные действия типа *идти – ходить*, а также все потенциальные приставочные образования – пары глаголов совершенного и несовершенного вида типа *войти – входить*. Соответственно семантическое поле английского языка мы наполним единицами, которые являются семантическими эквивалентами русских лексем.

Следует отметить, что глаголы движения в сравниваемых языках многозначны и обладают широкой семантикой. В своей смысловой структуре они отражают национально-ментальные характеристики процесса движения и имеют свои средства выражения и свою структуру. Выделяются основное номинативное, производно-номинативное, переносное, периферийное, контекстно-обусловленное, а также лексико-семантическое значения.

В русском языке глаголы движения образуют особый пласт лексики. Это обусловлено их грамматической и лексической вариативностью. Прежде всего русские глаголы движения могут быть представлены в парном виде по аспектуальному признаку кратности – некратности действия (*идти-ходить, бежать-бегать, брести-бродить, везти-возить, вести-водить, ехать-ездить, катить-катать, лезть-лазить, лететь-летать, нести-носить, плыть-плавать* и др.), а также в виде форм совершенного и несовершенного вида (*идти – пойти, входить – войти, переходить – перейти* и т. д.). В английском языке данное свойство глаголов эксплицитно не выражено. Кратность и вид выражаются видо-временными формами глагола или модальностью (He *goes to* the cimema every day – он *ходит* в кинотеатр каждый день; he *is going to* the cinema now – он *идет* в кинотеатр сейчас; the plane *flies* to New York every day – самолет *летает* в Ню Йорк каждый день; the plane *is flying* to New York now – самолет летит в Ню Йорк сейчас; I *had to have gone* to school – мне нужно было *пойти* в школу; I *have to go* to school – мне нужно *идти* в школу). На занятиях по русскому как иностранному следует сопровождать русские предложения переводами и на английский язык и акцентировать внимание на том, что одна и та же английская фраза может иметь несколько соответствий в русском языке.

Разнообразие форм русских глаголов совершенного вида достигается благодаря разнообразию префиксов, участвующих в образовании глагольных форм (*ехать – приехать, доехать, уехать, поехать, отъехать, проехать, заехать* и т. д.). В этом состоит, пожалуй, основная трудность запоминания и соотнесения каждого конкретного приставочного глагола с соответствующим действием. Этот лексический массив эффективнее всего подавать в виде мультимедийных презентаций, чтобы закрепить в сознании обучаемых за звуковой и графической формой некоторый визуальный образ. Также для выработки навыков правильного использования в речи приставочных глаголов движения целесообразно использовать небольшие по объему тексты, насыщенные глаголами движения в разных направлениях и работу с такими текстами сопровождать схематическим изображением направлений, в которых производится движение.

Что касается глаголов движения английского языка, то их разнообразие представлено, прежде всего, их лексической вариативностью, а также сочетанием глаголов с предлогами, и фразовыми глаголами, в которых предлоги и передают значения локации, изменение перемещения во времени и пространстве, изменение состояния и действия.

К примеру, русский глагол *ходить* на английский язык может передаваться несколькими вариантами в зависимости от контекста: *to go* – «двигаться в каком-либо направлении, о часах»; *to walk* – «двигаться пешком»; *to attend; to visit, to go to, to go to see* – «*в, на*; направляться куда-либо с какой-либо целью; посещать»; *to follow* – «*за*; следовать»; *to wear* – «*в; с*; носить»; *to run* – «о поездах, автобусах и т. п.»; *to sail* – «о судах и моряках; плавать»; *to lead, to play* – «в играх»; *to tend, to take care (of)* – «*за*; ухаживать»; *to pass, to be in circulation* – «о деньгах»; *to drift, to move* – «о движении волн, облаков, бликов и др.». Изучение лексической сочетаемости каждого конкретного глагола также можно сопровождать схемами, таблицами, привлекать визуальные образы.

Сложность при передаче русских глаголов движения на английский язык связана, прежде всего, с различием в структуре этих языков. Русский язык – язык синтетического склада и для пополнения поля глаголов движения используется ряд приставок. В аналитическом английском языке каждый из полученных префиксальным путем русских глаголов будет передаваться при помощи предлогов в сочетании с глаголом либо с использованием фразовых глаголов, или глаголов других семантических полей. Так, например, направление при поступательном движении выражается глаголами с локативными предлогами типа *away, across, up, down*; предлоги *to* и *toward* указывают на направление движения объекта; *up* употребляется в значении приближения к объекту; *over* указывает на характер движения или промежуток времени, в течение которого происходило действие; *in* – на вхождение или внесение в пределы или внутрь чего-либо, проникновение в какую-либо среду; *off* – на удаление, отделение; *out* обозначает прекращение действия.

Носители английского языка, изучающие русский, должны усвоить тот факт, что в английском языке имеются два вида передачи русских глаголов: лексический и структурный. Приставка *по-*, которая описывает непродолжительное действие (*погулять, поездить, полетать*) в английском языке передается с помощью *for a while, a little* и конструкцией «have + a + отглагольное существительное» (*to have a run*), означающие однократное непродолжительное действие (*искупнуться, поплавать – to have a swim, полетать – do some flying, побегать – to have a run*).

Приставка *про–* обозначает непрерывное действие, занимающее некоторый промежуток времени («от и до») в английском языке передается: а) лексически: *for some time, for a certain time (пробéгать – run about (for a certain time)* и б) структурно: при помощи времен группы Perfect Continuous, если речь идет о продолжающемся действии, и

при этом называется продолжительность уже истекшего периода (*How long have you been doing that? – Сколько времени вы уже это делаете?*).

Приставка *на–* обозначает «накопление результата» действия: *наездить, налетать, находить* (много часов или километров) в английском языке передается при помощи времен группы Perfect (*налетать – have flown* (столько-то часов); *have covered* (столько-то километров).

Приставка *вы–* (*вышел, вылупился, выступила об испарине, сыпи* и т. д.) в английском передается предлогом *out: he is out – он вышел; the chicken is out – цыпленок вылупился; the eruption is out all over him – сыпь выступила у него по всему телу*. Приставки *пере-, вы-, у-*, указывающие на движение через что-либо, передаются в английском языке предлогом *over* (*to jump over – перепрыгнуть, to swim over – переплыть, to boil over – убегать о молоке*). Приставка *у-*, указывающая на удаление передается предлогом *off* (*I must be off – я должен уходить, to run off – убежать*) и т. д.

Помимо этого глаголы движения в русском языке представляют сложность для передачи их на английский язык ввиду того, что формы русских глаголов изменяются в зависимости от времени, отведенного на совершение действия и от частотности его исполнения, выраженного этими глаголами, что, к примеру, в английском языке передается изменением видовременной формы глагола: *Он ходит в школу – He goes to school* (привычное действие, совершаемое ежедневно Present Simple глагола *to go*); *Он сейчас идёт в школу* (действие, совершаемое в данный момент) – *He is going to school now* (форма Present Continuous глагола *to go*); *Он снова пойдет в школу завтра* (предполагает намерение возобновить прерванное привычное действие в будущем) – *He is going to school tomorrow again* (форма Present Continuous глагола *to go* в сочетании с наречием *again*); *Он пойдет туда еще раз* (повтор однократно совершенного действия) – *He will go there once more* (форма Future Simple глагола *to go* в сочетании с наречием *once more*).

Русские глаголы движения бинарны по своей природе, что подтверждается рядом их функционально-семантических особенностей и непосредственно отражается на переводе русских глаголов движения на английский язык. Функционально-семантические особенности русских глаголов движения наблюдаются и у соответствующих им английских, однако для них не характерна столь четкая, как в русском языке, оппозиция:

1) оппозиция однонаправленность / неоднонаправленность движения: *идти* – глагол однонаправленный, *ходить* – неоднонаправленный. В английском языке направленность движения чаще всего убирается (*She goes to the cinema* может быть переведено на русский язык *Она идет в кино* или *Она ходит в кино*);

2) независимость / зависимость движения: глаголы *идти – ходить* обозначают самостоятельное движение предмета, глаголы *вести – водить* обозначают не самостоятельное движение, а движение как результат воздействия другого предмета. Оппозиция независимости / зависимости в семантике глаголов движения также не совпадает в русском и английском языках, поскольку в английском языке очень велика роль каузативных конструкций.

3) кратность / некратность движения: некратный глагол *идти* обозначает действие, совершающееся в один прием; кратный глагол *ходить* обозначает действие, совершающееся не в один прием. Противопоставление кратных и некратных глаголов движения в английском языке не реализуется вовсе – различие в частотности и периодичности действий заложено в видовременную форму английского глагола.

Изучение семантики и особенностей функционирования конкретных глаголов движения в русском языке, закрепление навыков их употребления на практике эффективно при рассмотрении данного вопроса в сопоставительном аспекте, с применением таких приемов, как работа с текстами и диалогами на сюжеты о движении в разных направлениях, показ и создание мультимедийных презентаций, обеспечивающих усвоение материала через визуальный образ, а также сбор и анализ устойчивых выражений, в которых реализуются многочисленные переносные значения русских глаголов движения и пр.

При передаче на английский язык русских глаголов движения стоит постоянно акцентировать внимание учащихся на таких показателях, как частотность и периодичность совершения действия, выраженного данными глаголами, то есть на семантическую составляющую конкретной лексической глагольной единицы.

Источники и литература

1. Брагарник О. С. Перевод глаголов движения с русского языка на английский [Текст] / О. С. Брагарник // Молодой ученый. – 2011. – № 4. Т. 1. – С. 207-209.

2. Степанова М. М. Современные подходы к преподаванию сравнительной типологии иностранного и родного языков // Вопросы методики преподавания в вузе: сборник статей. Выпуск 12 / М. М. Степанова; [под ред. М. А. Акоповой]. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. – С. 141-145.

3. Ярема Е. В. Функционально-семантические особенности глаголов движения (на материале разносистемных языков): автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Е. В. Ярема. – Майкоп, 2008. – 23 с.

УДК 81’27

Польская С. С.

БОНДЫ ИЛИ ОБЛИГАЦИИ? К ВОПРОСУ О ПАРАЛЛЕЛЬНОМ СУЩЕСТВОВАНИИ РУССКОГО И ЗАИМСТВОВАННОГО ТЕРМИНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ БИРЖЕВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Данная статья рассматривает вопрос одновременного использования русским языком двух синонимичных терминов, один из которых является терминологической единицей, заимствованной из английского языка. Автор ставит целью выявить причины подобного «сосуществования», определить возможную стилистическую или семантическую дифференциацию данных единиц, прояснить, как именно они используются в речи. Ключевые слова: термин, заимствованный термин, профессионализм, стилистическая и семантическая дифференциация.

Дана стаття розглядає питання одночасного використання російською мовою двох синонімічних термінів, один з яких є термінологічної одиницею, запозиченої з англійської мови. Автор ставить за мету виявити причини подібного «співіснування», визначити можливу стилістичну або семантичну диференціацію даних одиниць, прояснити, як саме вони використовуються в мові.

Ключові слова: термін, запозичений термін, професіоналізм, стилістична й семантична диференціація.

The article covers the question of two terms simulataneously used in the Russian language, one of them having been borrowed from English. The author aims at specifying the reasons for such 'co-existence', at defining the possible stylistic or semantic differentiation of these speech units, at clarifying how exactly these two terms are used in speech. To achieve these goals, we polled the specialists of stock exchange sphere, used the method of 'inclusive observation' as well as analysed written sources such as scientific and scientific-popular articles related to stock market.
Key words: term, borrowed term, professionalism, stylistic and semantic differentiation.

Русскоязычные терминологии любых областей характеризуются довольно высокой активностью в отношении заимствования терминологических единиц из других языков. Как утверждал А. А. Реформатский, «в каждом языке имеются свои источники терминологии (международная лексика, заимствованная национальная, из профессиональной и жаргонной речи)» [7, с. 147]. Зачастую появление заимствованных терминов полностью оправдано, т. к. в терминосистеме русского языка еще не создан свой термин, обозначающий то или иное понятие. Так в русский язык вошли аутсорсинг, бэквордейшн, брокер, дилер и т. п.

Особый интерес вызывает факт заимствования термина при уже существующем русскоязычном термине. Так в речевой обиход русских специалистов фондовой биржи прочно вошло слово 'бонд' (от английского bond), хотя в русском языке издавна существует термин 'облигация'. Наблюдается еще ряд пар идентичного характера: ливеридж (от англ. *leverage*) – плечо, рычаг; секьюритиз (от англ. *securities*) – ценные бумаги, трежери биллз (от англ. *treasury bills*) – казначейские векселя, даунтренд (от англ. *downtrend*) – тенденция к снижению и т. п.

В чем причина подобного сосуществования двух терминологических единиц в одной терминсистеме?

Появление в терминосистеме единицы **bond** связано скорее всего с тем, что практически вся научая и учебная литература по теории и практике фондового рынка, являлась англоязычной, и, попав в начале 90-х годов в Россию, переводилась на русский язык зачастую в наиболее короткие сроки, без каких-либо консультаций со специалистами данной области (последних, впрочем, почти не существовало). Определенную роль здесь сыграли и журналисты, которые, переводя статьи соответствующей тематики из англоязычной прессы, также будучи ограниченными во времени, предпочитали вместо поиска подходящего русскоязычного эквивалента оставить тот или иной термин без перевода, в своем «иноязычном» виде. Как подчеркивает в этом отношении М. Кронгауз в своей книге «Русский язык на грани нервного срыва 3D», подобное отношение «фактически становится «ленью языка», который практически утрачивает внутренние механизмы перевода…заимствование становится почти единственным способом называния явлений» [1, с. 114-115].

Определенную роль сыграл также фактор особой «любви» к иностранному термину: в большинстве случаев иноязычный термин кажется более значимым, «солидным», более уместным. С некоей натяжкой можно увидеть здесь действие принципа языковой экономии (бонд – односложное слово, облигация – четырехсложное), хотя краткость первого по сравнению со вторым весьма относительна.

Следует также отметить, что русское слово «облигация» является в своем роде архаизмом, который «воскрес» вместе с возобновлением биржевой деятельности в России: ведь практически на 70 лет это слово в значении «ценные бумаги» исчезло из речевого обихода.

Как предполагает Л. П. Крысин, «если в язык начинают проникать слова-параллели к уже имеющимся наименованиям, то в этом случае устранение дублетности идет путем семантической и стилистической дифференциации синонимических пар» [4, с. 27]. Наши наблюдения показали, что определенное стилистическое расслоение здесь имеет место. Проанализированная повседневная речь специалистов фондовой биржи выявила б**о**льшую частотность использования именно слова 'бонд', что может дать нам определенные основания считать эту единицу частью профессионального языка специалистов. Это подтвердил и произведенный среди специалистов опрос. На вопрос «Какое именно из данной пары слов Вы употребляете в повседневной речи – бонд или облигация?», 18 респондентов из 20 ответили, что употребляют слово «бонд». Особенный интерес, на наш взгляд, представляет множественное число данного англоязычного термина: в речи специалистов оно звучит как 'бонд**ы**', с ударением на последнем слоге. Л. П. Крысин пишет в этом отношении следующее: «Обращает на себя внимание чрезвычайная активизация форм множественного числа существительных мужского рода с ударными флексиями.». Здесь же Л. П. Крысин указывает, что данные единицы проникают в литературный речевой обиход из профессиональной среды» [2, с. 65]. Очевидно, что множественное число единицы «бонд» образовано по такому же принципу и бытует именно в профессиональном обиходе. При выходе же этой единицы за пределы своей обычной «среды обитания», что мы подробнее рассмотрим ниже, мы наблюдаем стандартный способ образования множественного числа: ударение уже не ставится на последний слог.

Подобная нестандартная форма множественного числа дает нам еще больше оснований причислять эту единицу к профессиональному жаргону. В. М. Лейчик привлекает наше внимание к тому факту, что «профессионализмы-жаргонизмы …легко выявляются по своим ненормативным грамматическим признакам» [6, с. 78].

Однако помимо стилистической дифференциации рассматриваемая нами пара демонстрирует тенденцию и к определенной семантической дифференциации. Некоторые из опрошенных специалистов (5 человек) указали дополнительно, что используют слово 'бонд', в случае, если речь идет о долгосрочных облигациях, хотя оставшиеся 15 опрошенных не упомянули о данной особенности. Наши обращения к словарям не нашли подтверждения этого предположения: словарь финансовых терминов Barron's Dictionary of Finance & Investment Terms дает следующее определение слова **bond**: *'obligation to pay'* ('обязательство оплаты') [9, с. 187]. Англо-русский экономический словарь дефинирует эту единицу так: **«Bond–** *1. долговое обязательство, долговая расписка. 2. залог, гарантия, бонд. 3. закладная. 4. облигация.»* [10, с. 74]. В то же время ряд информантов (8 человек) дополнительно сообщили, что употребляют слово 'бонд' ('бонды'), подразумевая исключительно «евробонды» (долговые ценные бумаги, выпущенные компанией или государством с целью привлечения заемных средств на внешнем рынке капитала). В то же время в обиходе имеется и термин «еврооблигации»: «Спрос на еврооблигации ВТБ превысил $6 млрд» [13, с. 2]. Как мы видим, в отношении семантического различия между двумя этими единицами единого мнения не существует.

Возвращаясь к стилистической дифференциации, отметим, что анализ специализированной литературы для тех, кто работает на фондовом рынке (журналы «Валютный спекулянт», «Современный трейдинг» и т.п.), показал, что русскоязычные авторы статей, сами являющиеся специалистами фондового рынка, не употребляют слово

‘бонд’/’бонды’ и предпочитают ‘облигацию.’: «Облигация – инструмент с фиксированной доходностью», «Эта облигация обладает доходностью к погашению 13% годовых» [12, с. 64]. Это может служить подтверждением нашего предположения: облигация – официальный термин, бонд – профессиональный жаргон, а вместе они образуют синонимический дублет. Сфера действия первого – это письменная и официальная устная речь, второго – неформальное общение специалистов. Однако нельзя сказать, что данное разделение строго соблюдается, а главное – осознается говорящими. В большинстве случаев дефиниции слова «облигация» дают в скобках рядом и единицу «бонд», указывая в качестве источника идентичное английское слово. «Взаимоотношения» пары ‘облигация – бонд’ обозначаются в каждом отдельном случае по-разному: где-то авторы отмечают, что бонд – это финансовый сленг, где-то – «другое название» слова «облигация», где-то бонд называют синонимом, что безусловно не способствует лучшему пониманию ситуации, сложившейся с данным дублетом.

Интересно, что вне сферы профессионального общения чаще используется именно bond. Это вполне объяснимо: как указывают исследователи, сегодня «наблюдается расширение сфер использования специальной иноязычной терминологии, относящейся к финансам, коммерческом деятельности. [2, с. 143]. Это мнение поддерживает и М. В. Китайгородская: «финансово-экономическая терминология смела границы узкопрофессионального употребления, т. к. разговор на экономические темы стал характерной приметой нашего времени» [5, с. 98]. Однако в непрофессиональной сфере (пресса, передачи на радио и телевидении) мы уже не видим ни стилистического, ни семантического расслоения. Например, в одной и той же статье автор поочередно употребляет слова «бонд» и «облигация» очевидно с единственной целью избегать тавтологий:

«Вчера банки купили **облигации** ВЭБа», «первый выпуск валютных **облигаций** выкупили», «они и купили однолетние **бонды»**, «покупал бонды и Ситибанк», «мы готовы захеджировать риски, заложив эти **бонды** в ЦБ» [13, с. 05].

Или в популярной газете с читателями проводится «биржевой ликбез»: автор статьи под названием «Облигации(бонды) – что это такое?» поясняет: «Бонды (облигации) не так популярны как акции, но они занимают вторую позицию… уже в течение многих лет» [11, с. 17]. Л. П. Крысин подчеркивает, что увеличение частотности использования единиц профессиональной речи в общем языке является характерной чертой нашего времени. [3, с. 65]. А по мнению А. А. Реформатского, при этом «наблюдается такая закономерность: когда слово переходит из более узкого языкового круга (диалекта, жаргона) в более широкий (в литературный язык), значение его расширяется» [7, с. 476]. Если принять на веру утверждения профессионалов фондовой биржи относительно бондов в значении «евробонды» или бондов в значении «долгосрочные облигации», то в общем языке налицо факт подобного расширения значения, когда бонды – это облигации и ничего более.

Резюмируя вышеприведенные факты, сформулируем наши выводы. Подобное существование терминологических дублетов считается явлением негативным, отрицательно влияющим на терминосистему, расшатывающим ее системность. Но на наш взгляд, указанное выше стилистическое расслоение как нельзя лучше иллюстрирует противопоставление «официальный термин – профессиональный жаргонизм», а с учетом возможного прояснения вопроса семантического расслоения, существование единицы «бонд» может служить дальнейшей конкретизации данного понятия. Несомненно, лингвистам и терминологам предстоит еще разобраться в этом вопросе. Сегодня много говорится о «засорении» русского языка иноязычными заимствованиями, особенно иноязычными терминами, высказываются опасения о том, что заимствованная лексика «нагромождается, не успевая адаптироваться…затопляет родной язык, размывая его границы, угрожая его целостности» [8, с. 14]. Впрочем, подобные этапы активного внедрения такой лексики русский язык «переживал» неоднократно, но всегда успешно справлялся с ними.

Источники и литература

1. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М.: Астрель, 2012. – 480 с.

2. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века / Л. П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – № 5. – Сеул, 2000. – С. 63-91

3. Крысин Л. П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка / Л. П. Крысин // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. – М.: Наука, 2003. – 128 с.

4. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое / Л. П. Крысин. – М.: Наука, 2004. – 888 с.

5. Китайгородская М. В. Чужая речь в коммуникативном аспекте / М. В. Китайгородская // Русский язык в его функционировании. – М.: Аргумент, 1993. – С. 165-183

6. Лейчик В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – М.: Наука, 2007. – 256 с.

7. Реформатский А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М.: Аспект-пресс, 2007. – 536 с.

8. Скляревская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы / Г. Н. Скляревская // Исследования по славянским языкам. – № 6. – Сеул, 2001. – С. 177-202

Словари

9. Barron’s Dictionary of Finance & Investment Terms . – New York, 2006.

10. Англо-русский экономический словарь. – М., 1995

Языковой материал:

11. Облигации (бонды) – что это такое? / И. Хватов // «Аргументы и факты». – 2011. – № .2. – С. 16

12. Золотые правила трейдера / В. Келасев // Валютный спекулянт. – 2006. – № 6 (80). – С. 64 -65

13. Облигации ВЭБа – оправдание прогнозов // Ведомости. – 2012. – № 109 (1851). – С. 08

УДК 81’1=16+81’373.2+81’373.21 **Полюжин М. М.**

СООТНОШЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

В статье рассматриваются проблемы соотношения концептуальных и лингвистических репрезентаций, представляющих собой когнитивную базу для изучения соотношения языка и культуры. Исходя из мысли о способности языка влиять на особенности видения мира и его носителей, автор считает, что, овладевая им, индивидуум концептуализирует мир в соответствии с самобытностью его собственного социума. Анализ в статье различных подходов и точек зрения целого ряда лингвистов дал основание для вывода о том, что языковые репрезентации раскрывают те представления о концептах, которые являются результатом действия концептуализации и сложились в той или иной культуре.
Ключевые слова: соотношение, концептуализация, репрезентация, ментальный, изоморфный.

У статті розглядаються проблеми співвідношення концептуальних і лінгвістичних репрезентацій, що є когнітивною базою для вивчення співвідношення мови й культури. Виходячи з думки про здатність мови впливати на особливості бачення світу та його носіїв, автор вважає, що опановуючи нею, індивід концептуалізує світ відповідно до самобутності його власного соціуму. Аналіз у статті різних підходів і точок зору цілої низки лінгвістів дав підставу для висновку про те, що мовні репрезентації розкривають ті уявлення про концепти, які є результатом дії концептуалізації і склалися в тій чи іншій культурі.
Ключові слова: співвідношення, концептуалізація, репрезентація, ментальний, ізоморфний.

The article focuses on the problems of correlation of conceptual and linguistic representations, being a cognitive basis for studying the correlation of a language and culture. Proceeding from the thought about the ability of a language to influence the peculiarities of world perception and its speakers, the author considers that mastering it, an individual conceptualizes the world around according to the originality of its own language community.

The analysis in the article of different approaches and points of view of a number of linguists gave grounds for the conclusion that language representations reveal those ideas about the concepts, which are the results of the conceptualization action and were formed in a certain culture.
Key words: correlation, conceptualization, representation, mental, isomorphic.

Одной из центральных проблем современной когнитивной лингвистики является соотношение концептуальных и лингвистических репрезентаций. Она приобретает методологический характер в связи с тем, что корреляция концептуализации и вербализации наряду с невербальной импликацией представляет собой когнитивную базу для изучения соотношения языка и культуры. Такое соотношение, на наш взгляд, имеет изоморфный характер с широким полем взаимопроникновения. Данная проблема до сих пор не получила однозначного решения, хотя по некоторым положениям, как представляется, уже достигнуто единодушие. Оно, например, реализуется в признании того факта, что человек должен обладать внутренней репрезентацией языкового знания, в противном случае он не мог бы общаться и вообще существовать. Не вызывает возражения и то, что человек приобретает, упорядочивает, хранит и передает информацию об окружающем мире через язык [15, p. 1]. Общепринятым в когнитивной лингвистике является положение о том, что язык кодирует релевантные для носителей языка отличительные черты внеязыковой действительности. Языковое сознание при этом осмысляет и категоризирует существенные признаки, становящиеся основой номинации с учетом социальной, информативной и функционально-стилистической адекватности имени. Именно данный факт привел некоторых исследователей к мысли о синергийной природе номинации [см., напр., 5, с. 70].

Исходя из того, что язык влияет на особенности видения мира его носителей, мы считаем, что, овладевая им, индивидуум стает обладателем и концептуализацией мира, характерной для его культуры. Не подвергается сомнению тот факт, что человек наделен способностью быть носителем концептуального знания. Концептуализация знаний и опыта о каком-либо фрагменте действительности происходит на основе информации, поступающей из всех каналов, которыми обладает человек для познания окружающей действительности.

Понятие знания может также трактоваться как «семантическое содержание ментальных репрезентаций», иногда это понятие употребляется как синонимичное терминам: «информация», «данные», «сведения». Нередко знание понимается как «то, что уже отложилось в сознании и составляет часть памяти», а также «набор сведений, объединенных в определенную упорядоченную систему» [3, с. 28-29].

Чаще всего знание в когнитивной лингвистике рассматривается как структурированный опыт, который «может быть охарактеризован как функция снятия неопределенности в области человеческой деятельности». Кроме того, знание может трактоваться и как структурированный опыт, который «может быть охарактеризован как функция снятия неопределенности в области каузальных связей между различными взаимодействиями организма» [2, с. 21]. При этом под опытом имеется в виду «сохраняющиеся во времени специфические состояния активности нервной системы, вызванные взаимодействиями» [ibid]. Такое понимание опыта и знания дает ответ на вопрос о месте их нахождения и выполняемой роли.

Знания, как известно, принято подразделять на научные, вненаучные и интуитивные. Научное знание может быть аргументировано и доказано исследователем и понятым заинтересованной аудиторией. Вненаучное знание представляет собой невербализуемое представление об объекте интереса. Интуитивное знание предполагает способность человека в некоторых случаях бессознательно, с помощью чувств улавливать истину, угадывать что-нибудь, опираясь на предыдущий опыт, знания и т.п. Обращение к изучению типов знания необходимо для понимания когнитивных процессов, которые в лингвистике последнего времени принято подразделять на «ментальные», «внутренние (по отношению к человеку), ведущие в конечном счете к идеальным образованиям, и на внешние предметы, являющиеся носителями этих идеальных образов» [6, с. 26]. Иными словами, идеальные образования составляют значения слов и концепты, а предметы и явления внешнего мира как носители идеальных образов – звуковую и графическую оболочку слов в естественном языке. Когнитивные процессы постоянно используют имеющиеся знания для производства новых.

Сегодня перед исследователями встает гносеологическая проблема – проследить пути и способы репрезентации разных по своей природе знаний. Согласно распространенной точке зрения, знания структурно организованы в виде фреймов, включающих исчерпывающий объем знаний о предметах или ситуациях,

сложившихся в определенное время в конкретном социуме. Исходя из того, что фрейм как структура данных представляет собой систему концептов, высказывается мнение о том, что если один из концептов фрейма становится доступным, то остальные концепты также автоматически становятся доступными. Помимо этого, фрейм содержит основную и потенциально возможную информацию, связанную с тем или иным концептом, фреймы пересекаются и имеют общие терминалы, «диффузные зоны». Фрейм может иметь свою фокусировку и устанавливать тот ракурс, который необходим для понимания слова, текста, высказывания, а также обладает целым рядом других характеристик [8; 1;, 7].

Основываясь на положении о том, что знания о реальном мире представлены в виде лингвистических репрезентаций, последние должны включать «систематизацию структурного моделирования (на разных уровнях – фонологическом, морфологическом, синтаксическом и текстуальном)». Лингвистическая репрезентация и лингвистическое знание должны также включать характеристику «механизмов», анализирующих и влияющих на это моделирование.

Концептуальные репрезентации представляют собой когнитивные структуры, картографирующие и хранящие экспериенциальные знания (опыт) в сознании или памяти в виде определенных структур. Это концепты, организованные в виде схем и составляющие концептосферы культуры. Лингвистические (вербальные) и невербальные репрезентации представляют концепты через языковые и неязыковые выражения. Как известно, прямого доступа к исследованию концептуализации нет. Такой доступ можно получить через язык, поскольку считается, что лингвистические и другие семиотические типы поведения эксплицитно кодируют и передают концептуальную информацию. Анализ исследований, выполненных в рамках когнитивной лингвистики, позволил выявить несколько точек зрения относительно вопроса о соотношении лингвистических и концептуальных репрезентаций.

Одна из таких точек зрения не делает различия между семантикой и концептуальными репрезентациями. Так, напр., для Р. Джекендоффа «Термины «семантическая структура» и «концептуальная структура» означают один уровень репрезентации» [11, p. 95]. Утверждая о наличии только «одного уровня ментальных репрезентаций, называемого концептуальной структурой, на котором совмещается лингвистическая, сенсорная и моторная информация». Р. Джекендофф выдвигает теорию, согласно которой «семантические структуры могут быть подсистемой (subset) концептуальных структур – просто тех структур, которые оказались выраженными вербально» [ibid., p. 17-18]. В соответствии с этой теорией утверждается, что правила корреспонденции картографируют прямую связь между синтаксической и концептуальной структурами, а правила инференции и прагматики являются картами концептуальных структур, созданных на основе тех же концептуальных структур [ibid]. Эту точку зрения разделяют Р. Лэнэкер [13] и Е. Свистер [16].

Другая группа ученых придерживается прямо противоположного мнения о том, что концептуальные и лингвистические репрезентации просто не могут совпадать [12, p. 138]. Они настаивают на четком разграничении этих двух понятий, утверждая, что концептуальные и лингвистические структуры – единицы разных явлений и уровней. Заслуживает внимания в этой связи и точка зрения психолога-когнитивиста Миллера, который справедливо отмечал: «…то, что сохраняется в памяти, не сохраняется ни в лингвистической форме…ни в пропозициальной форме… Возможно то, что сохраняется, является ментальной репрезентацией самого эпизода – репрезентацией, которая не является лингвистической, но все-таки она адекватна для поддержания лингвистических репрезентаций с или без дейктических терминов в более позднее время» [Цит. по: 14, p. 14].

Третья группа когнитивистов представляет широко распространенное мнение о тесной взаимосвязи лингвистических и концептуальных репрезентаций. Так, напр., исследуя пространственные концепты, их лингвистические и невербальные выражения индейцев, говорящих на языке майя, С. Левинсон пришел к выводу о том, что, с одной стороны, семантические репрезентации не могут быть идентичными концептуальным репрезентациям, но с другой – они не могут далеко находиться от концептуальных репрезентаций особенно тогда, когда речь идет о неординарных свойствах события [14, p. 39].

Существует четвертое достаточно убедительное представление о соотношении лингвистических и концептуальных репрезентаций – они изоморфны, но не идентичны. При этом выдвигаются следующие аргументы:

а) любые различия ограничены тем, что разнообразные процессы протекают с различным вводом, функционируя по-разному;

б) процессы развития ребенка предполагают, что у него генетически заложены способности и к языку, и к концептуализации. Это подтверждается тем, что овладение конкретным языком зависит от лингвистического окружения ребенка, а концептуальное развитие формируется когнитивным окружением, к которым относятся, напр., культурные, социальные и образовательные обстоятельства;

в) лингвистическое и концептуальное развитие – это не просто параллельные, но и тесно переплетены на всех стадиях процессы. Все три аргумента свидетельствуют о наличии соотношения лингвистических и концептуальных репрезентаций в качестве изоморфных [17, p. 84].

Основным, но все еще не решенным вопросом остаются способы конвертирования (картографирования) концептуальных репрезентаций в лингвистические. Споры относительно связующего звена между концептуальными и лингвистическими репрезентациями ведутся до сих пор. Когнитологи предполагают наличие некой промежуточной структуры, особой единицы хранения знаний в голове человека. Эту роль, на их взгляд, чаще всего играют пропозициональные структуры (репрезентации), которые устанавливали связи «между разными когнитивными системами и модальностями (зрением, слухом и т. п.) и языковым выражением» [3, с. 157].

Распространено также представление о наличии когнитивных матриц, эксплицирующих фоновые когнитивные процессы, опирающиеся на семантические операции [9, p. 66]. Понятие когнитивных матриц как совокупностей «когнитивных доменов» было введено еще Р. Ленекером [13], что соответствует понятию «идеализированных когнитивных моделей [4]. Когнитивные матрицы уточняют, как информация преобразуется в концептуальные структуры, определяющие семантически релевантный концепт. Когнитивные матрицы, по мнению Б.Бикеля, «предоставляют мотивацию для лексикализации или грамматикализации операций». На основе связи семантических структур с когнитивными моделями можно заключить, что свойства лингвистических явлений являются естественным отростком нелингвистической когниции, а не немотивированным и условным изобретением.

Согласно точке зрения Р. Фаулера, таким промежуточным звеном являются структуры, организованные вокруг определенных формальных логических отношений типа противопоставления, дополнительности, включения и эквивалентности. Эти структуры хранятся в ментальном лексиконе, являющемся репрезентацией опыта и ценностей, закодированных языком как высокоэффективной формой кодирования [10, p. 54].

Подытоживая вышеизложенное, отметим наличие изоморфности между лингвистическими и концептуальными репрезентациями, имеющими большое пространство пересечения. Важно при этом обратить внимание на тот бесспорный факт, что языковые репрезентации раскрывают те представления о концептах, которые являются результатом действия концептуализации и сложились в той или иной культуре. Механизм связи между концептуальными, лингвистическими и нелингвистическими репрезентациями опосредован восприятием в самом широком смысле, организация которого с помощью схемы способствует трансляции экспериенциальных когниций в концептуальные репрезентации, а последние, в свою очередь, транслируются в лингвистические и нелингвистические.

Предметом дальнейших исследований может быть изучение единиц концептуального анализа на материале разных языков.

Источники и литература

1. Жаботинская С. А. Концептуальная модель частеречных систем: фрейм и скрипт / С. А. Жаботинская // Когнитивный аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. – Рязань, 2000. – С. 15-21.
2. Кравченко А. В. Методологические основания когнитивного анализа значения / А. В. Кравченко // Когнитивный анализ слова. – Иркутск: Изд-во ИТЭА, 2000. – С. 8-13.
3. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панарац, Л. Г. Лузина // М.: МГУ, 1996. – 245 с.
4. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // НЗЛ. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988. – С. 11-51.
5. Скаредова С.В. К синергийной природе номинации в аспекте языкового сознания / С.В. Скаредова // Тезисы докладов международной научной конференции «Язык и культура» – М.: РАН, 14-17 сентября 2001. – С. 68-76.
6. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 24-32.
7. Уланова С. Б. Фрейм как структура репрезентации знаний / С. Б. Уланова // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. – Рязань, 2000. – С. 133-144.
8. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // НЗЛ. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.
9. Bickel B. Spatial Operations in Deixis, Cognition and Culture / B. Bickel // Language and Conceptualization, 1997. – P. 46-83.
10. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press / R. Fowler // London, N.Y.: Routledge, 1991. – 296 p.
11. Jackendoff R. Semantics and Cognition / R. Jackendoff // Cambridge, MA. Etc. MIT Press, 1993. – 283 p.
12. Lang T., Carstensen K., Simmons Y. Modelling Spatial Knowledge on a Linguistic Basis / T. Lang, K. Carstensen, Y. Simmons // Berlin, Heidelberg, etc.: Springer Verlag, 1991. – 138 p.
13. Langacker R.W. Foundation of Cognitive Grammar. – Vol. 1: Theoretical Prerequisites / R.W. Langacker // Stanford, 1987. – 298 p.
14. Levinson S. From Outer to Inner Space: Linguistic Categories and Non-linguistic Thinking / S. Levinson // Language and Conceptualization, 1997. – P. 13-45.
15. Rederson E., Nuyts I. Overview: On the Relationship between Language and Conceptualization / E. Rederson, I. Nuyts // Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 1-12.
16. Sweester E. Role and Individual Interpretations of Change Predicates / E. Sweester // Language and Conceptualization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997 – P. 166-136.
17. Werth P. Remote Worlds: the Conceptual Representation of Linguistic World / P. Werth // Language and Conceptualization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 84-115.

УДК 81’374=161.1

Попова Л. П.

СЕМАСІОЛОГІЧНІ ОСНОВИ СЕМАНТИЧНОЇ ПАРАМЕТРИЗАЦІЇ АБСТРАКТНИХ ІМЕННИКІВ

В статье исследуются семасиологические основы абстрактних существительных. Автор рассматривает группу семасиологических гомогенних параметров, к которой относятся собственно толковый, моно-, полисемичний, транспозиционный и иллюстративный параметры, анализирует толковые словари русского языка на наличие обозначенных семантических параметров.

Ключевые слова: абстрактные существительные, ономасиология, семантическая параметризация, семантический параметр, семасиология.

У статті досліджено семасіологічні основи семантичної параметризації абстрактних іменників. Автор розглядає групу семасіологічних гомогенних параметрів, до якої відносяться власне тлумачний, моно-, полісемічний, транспозиційний та ілюстративний параметри, аналізує тлумачні словники російської мови на наявність визначених семантичних параметрів.

Ключові слова: абстрактні іменники, ономасіологія, семантична параметризація, семантичний параметр, семасіологія.

The semasiological bases of the semantic parameterization of the abstract nouns are analyzed in the article. An author examines group of the semasiological homogeneous parameters, to which belong own explanatory, monosemic, polysemic, transpositional and illustrative parameters. Author analyses the presence of marked semantic parameters in the explanatory dictionaries of Russian language.

Key words: abstract nouns, onomasiology, semantic parametrization, semantic parameter, semasiology.

Актуальність дослідження. Складність лексичної системи, відбиття в її семантиці не тільки зв’язків із позначуваним, але й міжслівних семантичних зв’язків, наявність асиметрії плану вираження й плану змісту робить актуальним параметричне представлення семантики слів у двох аспектах – семасіологічному та ономасіологічному. Семасіологія вивчає значення мовних одиниць, ономасіологія спрямована на предметну і поняттєву сфери, які ці одиниці позначають. Уперше ці підходи були визначені ще в кінці XIX ст. Х. Рейзигом, М. Бреалем та М. М. Покровським. Сучасні наукові тенденції беруть початок у XX ст. у працях таких зарубіжних учених, як Г. Шухардт, Ф. Дорнзайф, а також українських та російських мовознавців – Л. А. Булаховського, В. А. Звегінцева, Д. М. Шмельова, Г. В. Колшанського, Н. Г. Комлєва, Н. Д. Арутюнової, О. С. Кубрякової, М. П. Кочергана,

В. С. Ващенка, Н.Ф. Клименко, Л. О. Новикова, Ю. С. Степанова, Б. О. Плотнікова, Г. А. Уфімцевої, Ф. С. Бацевича, В. Г. Гака та ін.

У зв'язку з тим, що семасіологічний та ономасіологічний підходи досліджують словниковий склад, семантику слова як цілісне явище в різних аспектах, у мовознавстві існують різні підходи до визначення співвідношення семасіології та ономасіології між собою та із загальною семантикою. Більшість учених, як відзначає Ю. М. Караулов, підкреслюють, що ономасіологія підпорядковується семасіології і є базою для неї, оскільки в багатьох випадках тільки на основі аналізу значень слів та форм виявляються ті значення (поняття), які потім стають об'єктом ономасіологічного розгляду. Деякі лінгвісти (Є. Косеріу) вважають, що ономасіологічний аналіз не є дійсно семантичним, тому що він не демонструє зміни семантичної структури слова, його значення [8, с. 289].

Розмежування семасіології й ономасіології як двох підходів до вивчення лексико-семантичної системи мови має важливе методологічне значення не тільки для розкриття природи і принципів організації мовних одиниць залежно від характеру їхнього використання учасниками комунікації, а й для розкриття основних лексичних категорій, які тяжіють у своїй основі то до семасіологічної, то до ономасіологічної організації та відповідної реалізації в мові. Одночасно вони зв'язані між собою і доповнюють одна одну, об'єднуючись у рамках загальної семантики.

Семасіологічний та ономасіологічний підхід до аналізу лексичних одиниць спостерігається і в лексикографії. Тому параметри, які включають семантичний компонент, можна розподілити на семасіологічні та ономасіологічні.

Семасіологія докладно характеризує значення слова та його складників. Її завдання полягає в поданні конкретизованого огляду значеннєвого навантаження лексики, виявлення її функціональних можливостей. [2, с. 3]. У зв'язку з тим, що закони семасіології виявляються не в окремих словах, а в групах, які зв'язані різноманітними відношеннями, семасіологічні параметри можна розподілити на групи гомогенних та гетерогенних.

Метою статті є розгляд групи семасіологічних гомогенних параметрів на матеріалі абстрактних іменників. Вона передбачає вирішення таких **завдань:** визначити групу семасіологічних гомогенних параметрів, розкрити сутність кожного з визначених параметрів. **Об'єктом** дослідження стали тлумачні словники російської мови.

Основний матеріал дослідження. Розвиток семасіологічних гомогенних параметрів зумовлений переважно лінгвістичними факторами. До цієї групи ми відносимо параметри, у яких віддзеркалюється напрям від засобу вираження до значення, яке виражається. Це – власне тлумачний, моно-, полісемічний, транспозиційний, ілюстративний параметри.

Під власно тлумачним параметром розуміється словникова дефініція мовної одиниці, яка, на думку Ю. М. Караулова, є за своїм характером пояснювальним текстом. Специфіка таких текстів у тому, що вони ніби складаються з ключових слів, а це значить, що кожне повнозначне слово в правій частині тлумачного словника може розцінюватися як окремий семантичний компонент. Якщо ця дефініція цілком прирівнюється до одного параметра, то його змістом і буде набір слів, що складають цю дефініцію [4, с. 54].

У статті «К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слова» Г. А. Уфімцева вважає словникові дефініції особливим методичним прийомом опису лексичної семантики [9, с. 134].

Як показує аналіз словникових дефініцій, цей термін об'єднує досить різноманітні способи тлумачення слова, що зумовлено неоднаковими підходами до експлікації семантики. В ідеалі ж дефініції мають задовольняти такі основні принципи: «… 1. При утворенні дефініції першорядне значення мають найбільш суттєві компоненти семантики одиниці. 2. Дефініція складається так, щоб її можна було поставити на місце слова, яке визначається. 3. Відповідність граматичної форми і функції основного елемента дефініції граматичній формі та функції слова, яке визначається. 4. Для визначення простих слів не повинні використовуватися семантично і структурно складніші слова. 5. Дефініція повинна бути більш стислою і не повинна складатися з таких компонентів або їх сполучень, які могли б мати двозначне тлумачення» [6, с. 178].

Тлумачний словник як матеріальна база для багатьох спеціальних філологічних досліджень є найбільш яскравим прикладом демонстрації типології та структурної специфіки словникових дефініцій. Розглянувши варіанти тлумачень значень слів, представлених у цих лексикографічних працях, можна виділити два основних типи дефініцій: логічний та лінгвістичний. До першого відносимо описовий тип, під яким розуміється підведення позначуваного поняття під найближче родове з одночасною вказівкою на його видові, диференційні риси. До лінгвістичного типу як наслідку лінгвістичних операцій аналізу можна віднести граматичні, відсильні, мотиваційні, синонімічні тлумачення.

До найбільш продуктивних дефініцій цього типу відносяться відсильні визначення. Цей тип тлумачення не несе безпосередньої характеристики лексеми, не розкриває прямого її значення, а характеризує через відношення до інших слів, шляхом посилання на інші тлумачення. Аналізуючи словникові дефініції, можна виділити такі типи відсильних визначень: власне відсильні: «*см*» або «*зри*» (аллегоріа… *зри* иносказание [САР, т. 1]); граматичні: «*к*», «*отвлеч. сущ. к* …» (абстрактность… *Отвлеч. сущ. к* абстрактный [тлумачний словник російської мови за ред. Д. М. Ушакова, т. 1]); мотиваційні: «*свойство по знач. прил.*», «*свойство по прил.*», «*состояние*…», «*действие по глаг.*», «*действие по знач. глаг.*» (Безалаберность… *Свойство по знач. прил*. безалаберный [СРЯ, т. 1]).

Останній тип посідає чільне місце в системі відсильних визначень для семантизації віддієслівних та відприкметникових абстрактних іменників, тому що вказує на наявність у похідному слові індивідуального лексичного значення, його джерело й особливу форму функціонування.

Досить розповсюдженим типом словникової дефініції є синонімічний, який має кілька типів: дискретний власне синонімічний ряд (безуміе, безумство ср. отсутствіе, недостатокъ, бѢдность ума; малоуміе, сумасшествіе, помѢшательство; тупость, глупость; сумасбродство, шаль, дурь; неразсудительность, безразсудство [В. І. Даль, т. 1]); повна словотвірна синонімія (в межах слів однієї букви) та еквіваленти до означуваного слова, які описуються за допомогою формули: «То же, что…» (Жеманность… То же, что жеманство [ССРЛЯ, т. 4]; синтагматична синонімія (Сорванец. Большой озорник, отчаянный шалун [СРЯ, т. 3]).

У сучасних лінгвістичних словниках досить широко представлені комбіновані дефініції, які сполучають два-три способи семантичної інтерпретації. Наприклад, відсильно-мотиваційний + синонімічний: Абстрактность… Св-во по знач. прил. абстрактный; отвлеченность (СРЯ, т. 1).

Отже, власне тлумачний параметр поданий у всіх лінгвістичних словниках досить розгалуженою системою формул.

Полісемія є семасіологічним категоріальним відношенням. Семасіологічний підхід допомагає розкрити природу багатозначності, засоби об'єднання значень у змістову структуру слова. Багатозначність – це семантична властивість лексеми мати одночасно кілька значень. «Нижньою межею» (Л. О. Новиков) багатозначності є однозначність. У результаті подальшого використання слова здійснюється розгортання його семантичного потенціалу у вигляді «породження» нових значень.

Концепція багатозначності будується на основі дискретної організації лексичних значень. Вторинна номінація – явище різноманітне, яке, у першу чергу, віддзеркалює важливу властивість пізнання та мислення – узагальнене відтворення дійсності. Структурно-семантична схема багатозначного слова відбивається у поєднанні таких металінгвістичних понять, як «тип полісемії» та «вид перенесення значення».

У праці «Лексическая семантика: Синонимические средства языка» Ю. Д. Апресян відзначає, що в мовознавстві було виділено та вивчено три топологічних типи багатозначності (вперше – на діахронічному матеріалі в праці Дармстетера [1887]): 1. Радіальна полісемія: всі значення слова мотивовані одним і тим же центральним значенням. 2. Ланцюгова полісемія (дуже рідко зустрічається в чистому вигляді): кожне нове значення слова мотивоване іншим – найближчим до нього – значенням, але крайні значення можуть і не мати загальних семантичних компонентів. 3. Радіально-ланцюгова – найпоширеніший тип полісемії, при якій деякі ланки змістової структури пов'язані з основним значенням за радіальним принципом, інші – ланцюговим [1, с. 182].

Отже, полісемія слова значною мірою визначається його основним значенням і складає певну мікросистему, в якій значення взаємозв'язані та взаємозумовлені.

Розрізнення багатозначних та однозначних іменників є істотним у мовознавстві, тому для дослідження важливим є введення моно-, полісемічного параметра. Багатозначність виявляється в тлумачних словниках у вигляді лінійно нумерованої послідовності значень та їхніх відтінків: **власть**… 1. *ед.* Право и возможность распоряжаться кем-чем-н., подчинять своей воле … 2. *ед.* Политическое господство, государственное управление и органы его … 3. *мн.* Облеченные правительственными, административными полномочиями [Ожегов]. Однозначність у словниках не маркується.

Під «транспозицією» в лексиці розуміється використання однієї мовної форми в функції іншої за їхньою подібністю або за наявністю стійких зв'язків між ними. Таким чином, в основі транспозиції лежить семантичне або функціональне співвідношення мовних одиниць. Різниця прямого та переносного значень слів залежить від наявності або відсутності внутрішньої семантичної двоплановості, що складає основу образності переносних значень, кожне з яких є семантично твірним, вторинним. У «Короткому тлумачному словнику лінгвістичних термінів» подається таке визначення: «Переносне значення – одне із значень багатозначного слова, що пов'язане з прямим значенням і виникло внаслідок перенесення назви на інший предмет чи явище за подібністю, суміжністю чи функцією. Переносне значення завжди вторинне, похідне, воно протиставляється прямому. Переносне значення мотивоване прямим значенням» [5, с. 123].

Переносне значення лексичної одиниці фіксує в собі всі ті семантичні відхилення, які можливі в прямому і супроводжують його, звичайно зберігаючи з ним помітний змістовий зв'язок. За допомогою транспозиції розширюються номінативні можливості мови, сполучуваність слів, створюються синоніми для передавання відтінків значення.

Отже, під транспозиційним параметром розуміється поділ лексем на два комплекси значень – пряме та переносне, залежно від характеру співвіднесеності з дійсністю. У словниках він виражається за допомогою позначки *перен.*, яка вказує на лексичні одиниці з переносним значенням: **игра…** 1. … 2. *перен.* О преднамеренном (обычно неблаговидном) ряде действий, поступков и т. п. [ССРЛЯ, т. 5].

Одним із важливих факторів відбиття в словниках об'єктивності та суб'єктивності семантики слів є цитований матеріал, який сприяє повному розкриттю їхнього лексичного значення. Необхідність і важливість мовних прикладів продемонстрована багатьма лінгвістичними дослідженнями. За формою лексикографічні ілюстрації є моделями синтаксичних конструкцій, реальними словосполученнями, реченнями або уривками з тексту, у яких лексема подається в контекстному оточенні; за джерелом – цитати з художньої літератури, періодичних видань тощо та приклади, складені лексикографом або виділені з розмовного мовлення; за змістом – лінгвістичні та екстралінгвістичні.

На думку В. В. Дубічинського, приклади виконують дві основні функції: «1. Уточнюють, виділяють значення реєстрової одиниці. 2. Наводять ілюстративні докази, що доповнюють семантизацію мовної одиниці» [3, с. 36]. Перелік цих функцій можна доповнити: ілюстрації підтверджують наявність слова або значення у мові; демонструють перехід слова з мови в мовлення, набуття ними додаткових відтінків значення, подання відомостей позамовного характеру про предмет чи поняття, підвищують пізнавальну цінність словника [7: 463].

Мовні приклади отримали в дослідженні назву ілюстративного параметра, головною вимогою якого є точність демонстрації семантики лексем. Параметр міститься в кінці словникової статті і зазвичай має формальне вираження у вигляді курсивного шрифту: **интерес…** *С некоторым оживлением и интересом князь Андрей говорил только об устраиваемой им новой усадьбе.* Л. Толстой Война и мир [ССРЛЯ, т. 5].

Проаналізувавши визначені семасіологічні гомогенні параметри на експліцитне та імпліцитне вираження їх у різних тлумачних словниках російської мови, можна зробити висновок, що вони є явно вираженими і мають різноманітні позначки, ремарки або певне місце розташування в словникових статтях.

Перспективою нашого дослідження є розгляд групи ономасіологічних семантичних параметрів на матеріалі лінгвістичних словників різних типів.

Джерела та література

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.

2. Ващенко В. С. Українська семасіологія. Типологія лексичних значень / В. С. Ващенко. – Дніпропетровськ, 1981. – 67 с.

3. Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография / В. В. Дубичинский. – Вена-Харьков, 1998. – 160 с.

4. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов – М.: Наука, 1981. – 366 с.

5. Короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів / за ред. С. Я. Єрмоленко. – К.: Либідь, 2001. – С. 123.
6. Ландау С. Критерии классификации словарей: широта, перспектива, презентация / С. Ландау // Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 178-186.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Ярцева В. Н. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
8. Русский язык: Энциклопедия / Ю. Н. Караулов (гл. ред.); Институт русск. языка им. В. В. Виноградова РАН. – 2-е изд., перераб., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, Издательский дом «Дрофа», 1998. – 703 с.
9. Уфимцева А. А. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слова / А. А. Уфимцева // Слово в грамматике и словаре. – М.: Наука, 1984. – С. 134-137.

УДК 811.161.2:81'373.45 **Попова О. І.**

СЕМАНТИЧНІ ТА СТИЛІСТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ АНГЛІЦИЗМІВ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Статья посвящена определению семантических и стилистических особенностей заимствований с английского языка украинским. Автор попыталась определить причины их появления в современном украинском языке.
Ключевые слова: англицизмы, тематические группы заимствованных слов, лексические заимствования.

У статті з'ясовано семантичні та стилістичні особливості запозичень з англійської мови українською, зроблено спробу визначити причини їх появи.
Ключові слова: англіцизми, тематичні групи запозичених слів, лексичні запозичення.

The article found semantic and stylistic features of borrowings from English into Ukrainian, an attempt to identify the causes of their appearance.
Key words: anglicizes, thematic groups borrowed words, lexical borrowing.

Актуальність дослідження. Словниковий склад сучасної української мови формувався протягом тисячоліть і становить динамічну систему лексичних одиниць, різнопланових за джерелами і часом творення. Це зумовлено пізнанням людиною світу, розвитком матеріальної культури, постійною реакцією на потреби називання предметів, процесів, явищ і ознак тощо. Крім того, мова кожного народу функціонує й розвивається в контексті мов світу, під його впливом. Країни та їх народи перебувають у постійних взаєминах економічного, наукового і культурного характеру.

Кінець XX – початок XXI ст. став часом неймовірного розширення політичних, економічних та культурних зв'язків України з іноземними (у першу чергу – з англомовними) країнами. Це спричинило посилення надходження в українську мову чужомовної лексики. Особливо зросла кількість таких запозичень для найменування нових явищ, наявних в англомовній світовій практиці, які з'явилися в сучасній українській мові у зв'язку з політичними та економічними реформами. Дослідження англіцизмів з семантичного і стилістичного погляду є актуальним, оскільки такі одиниці активно використовуються в українському мовленні.

Мета статті – з'ясувати семантичні та стилістичні особливості запозичень з англійської мови українською, визначити причини їх появи. Досягнення мети передбачає вирішення таких **завдань**: проаналізувати наукову літературу під кутом зору досліджуваної проблеми; виокремити й зробити спробу описати англійські запозичення в сучасній українській мові щодо їх тематичної приналежності та стилістичного використання.

Основний матеріал дослідження. Вивченню проблем іншомовних запозичень присвятили чимало праць вітчизняні та іноземні дослідники (Б. Ажнюк, О. Ахманова, В Виноградов, Ю. Жлуктенко, О. Муромцева, О. Пономарів, І. Огієнко, В. Самійленко, С. Семчинський, Д. Шмельов та інші). Останнім часом вивчення запозичень англіцизмів в українському мовленні активізувалося (Ю. Безрукава, О. Бершов, О. Махньова, А. Наумовець, С. Федорець тощо). Найчастіше воно стосувалося термінологічної лексики. Утім, складні лексико-семантичні процеси, що відбуваються в лексичній системі української мови внаслідок мовних контактів, вимагають докладних досліджень.

Енциклопедія української мови дає таке визначення англіцизму: **англіцизм** – різновид запозичення; слово, його окреме значення, вислів тощо, які запозичені з англійської мови або перекладені з неї чи утворені за її зразком. Англіцизми переважно усвідомлюються мовцями як чужорідний елемент і зберігають ознаки свого походження: фонетичні (*джем, іміджс*), словотвірні (*смокінг, маркетинг*), семантичні (*яструби – політики, прихильники жорстокого агресивного курсу у різних країнах*). Ряд англіцизмів позначають національні (англійські, американські) реалії: *Скотланд-Ярд (англійська реалія), Диснейленд (американська реалія)*, а також предмети і явища в галузі спорту, техніки, економіки, політики. Англіцизм – ідіома чи крилатий вислів – пов'язується у свідомості мовців з англійським джерелом незалежно від способів творення: українське *«скелет у шафі (буфеті)»* (сімейна таємниця) – англійське *«skeletion in the cupboard»*; англійське *«To be or not to be»* – українське *«Бути чи не бути»* [7].

Термін «запозичення» вживають у мовознавчій літературі у двох значеннях. У зв'язку з теорією мовних контактів, взаємодії мовних систем, запозиченням називають один зі шляхів збагачення словникового складу мови (І. Бодуен де Куртене, Л. Блумфільд, Е. Хауген, Л. Булаховський, О. Реформатський). Він позначає також процес входження й адаптації запозиченої лексеми і результат цього процесу – запозичене слово, лексему (І. Обухова). Термін «запозичення» є родовим поняттям стосовно термінів «іншомовне слово» та «засвоєне слово», які перебувають на тому чи іншому ступені адаптації до мови-реципієнта.

Україномовна періодика, радіо, телебачення подають велику кількість англіцизмів для дослідження. Англіцизми також широко представлені в сучасних словниках [3; 4; 5]. Якщо не брати до уваги фахову термінологічну лексику, то англіцизми зустрічаються в найрізноманітніших тематичних групах: економіка, банківська справа, фінанси, кіно, телебачення, музика, розваги, комп'ютерна техніка та технологія, спорт, побутова техніка, сервіс, політика, страви та напої, тварини, медицина, одяг, тканини, канцелярське приладдя, офісна техніка, назви осіб тощо. Численні англійські запозичення, які тематично співвідносяться з економікою, банківською справою і фінансами, зумовлені великими змінами в цих сферах життя і впровадженням ринкової економіки в Україні, а з нею і виникненням потреби в найменуванні нових явищ, які вже мають інтернаціональні (переважно на

ґрунті англійської мови) назви (наприклад, *компанія, аудит, лізинг, ріелтер* тощо).

Сфера культури й розваг (кіно, телебачення, відео тощо) теж піддалася великим змінам і запозичила багато явиш, предметів, понять з цих галузей, дуже розвинутих на Заході (переважно в США). Разом з явищами, предметами та поняттями запозичуються і їхні чужомовні назви (англіцизми) як такі, що переважно не мають еквівалентів в українській мові (наприклад, *блокбастер, хіт-парад, трилер, серіал, ток-шоу, сиквел, римейк, хепі-енд, овертайм, кліп* тощо).

Чимало запозичень належить до тематичної групи «комп'ютерна техніка і технологія». Це можна пояснити запозиченнями реалій у позамовній сфері – у галузі комп'ютерної техніки, інформатики й інформаційних технологій, всесвітньої мережі Інтернет тощо. Запозичення відбувається у зв'язку з відсутністю більшості відповідників в українській мові (*сервер, дискета, сайт, ноутбук, тонер, трафік, Інтернет, чип, онлайн, джойстик, хакер, провайдер, веб-сайт* тощо). Чимало спортивних англіцизмів стали традиційними в українській мові (*баскетбол, волейбол, бокс, ринг, серфінг* тощо). І нині спостерігаємо постійне їх кількісне зростання. Запозичення спричинене розширенням міжнародних, у тому числі й спортивних, зв'язків, знайомств з новими для нашої дійсності спортивними іграми й змаганнями, а також явищами (*віндсерфінг, скайсерфінг, кайтсерфінг, айсбординг, сноубординг, екстрим, сквош, кікбоксінг, степ-аеробіка, софтбол, айсинг, пенітбол, бодибілдинг, драфт, плей-оф* та інші).

Назви побутової техніки, товарів і сервісу також розширили свій склад у мові завдяки англіцизмам. Це є номінативним відбиттям запозичення нових реалій побутової сфери, кількість яких значно збільшилася за рахунок входження у повсякденне життя товарів і послуг з американської (або іншої закордонної) дійсності, що раніше були невідомими в нашому житті або вважалися екзотичними (наприклад: *блендер, грумінг, тримінг, ліпосакція, пейджер, пілінг-крем, секс-шоп, скраб, хендлер, шокер* тощо). Достатньо численною є тематична група політичної лексики (наприклад: *саміт, піар, віп-місця, імідж, іміджмейкер, бодигард, дайджест, рейтинг, спічрайтер, кілер, стингер, джет-сет, екзит-пол, грин-кард* тощо).

Поява іншомовної лексики в українській мові також зумовлена розширенням міжнародних зв'язків і посиленням впливу світових суспільно-політичних процесів на нашу державу. Так, О. Пономарів стверджує, що розвиток семантичної структури запозиченої лексеми у мові, яка її приймає, може супроводжуватися певними змінами (ускладнення та спрощення структури, переінтеграція значень). Зміни в семантичній структурі запозиченої лексеми часто супроводжуються змінами в структурі окремих значень на схематичному рівні – розширення, звуження та перенос значення.

Однією з характерних рис є актуалізація запозичень, що належать до пасивного або спеціального шарів лексики. При цьому може відбуватися втрата:

а) негативної оцінки чи іронічного забарвлення (наприклад, як у лексемі *шоу*);

б) стилістичного позначення щодо «властивостей капіталістичної дійсності» (*брокер, дилер, менеджер* тощо);

в) деяких сем, які пов'язують значення з денотатом, що існує лише в закордонній дійсності *(коледж, офіс*).

Наприклад, при порівнянні значень лексеми «*брокер*» («у капіталістичних країнах посередник під час укладання різних угод, у тому числі й на біржі [2, с. 237] та «посередник під час укладання різних угод на біржі, який спеціалізується з певних товарів чи послуг» [1, с. 246.] виявляється, що сучасне значення (друге з наведених) характеризується відсутністю семи «в капіталістичних країнах». З цим пов'язане й очевидне збільшення частоти використання деяких наявних в українській мові англійських запозичень попередніх періодів (*бізнес, бізнесмен, боулінг, брифінг, брокер, рекет, імпічмент, інвестор, коледж, маркетинг, менеджмент, монітор, моніторинг, прес-реліз, процесор, супермаркет, холдинг, чіпси* та інші).

Про згадану актуалізацію свідчать і новоутворені в українській мові лексичні одиниці, складені на основі, наприклад, запозичення «*бізнес*», що увійшли в сучасне використання: *бізнес-план, бізнес-програма, бізнес-ленч, бізнес-партнер, бізнесвумен, бізнес-клас* тощо. Слід відзначити і переосмислення прямих значень, і появу переносних у деяких запозичень (*бартер, пресинг* тощо), і розширення значення за допомогою семи на позначення явищ української дійсності (*рейтинг, маркетинг, менеджмент, імпічмент* тощо). У деяких випадках за таких змін відбувається наближення до семантичної структури етимона у мові-джерелі.

Розглянемо динаміку семантичної структури лексеми «*менеджер*» з 80-х рр. До кінця XX ст. словник за редакцією О. С. Мельничука наводить таке визначення цього слова: «специфічний соціальний прошарок сучасного капіталістичного суспільства, включає найманих професійних керуючих (директори підприємств, керівники окремих підрозділів) у концернах, трестах, синдикатах тощо» [4]. У словнику пізнішого видання лексема «*менеджер*» визначена як: «1) найманий професійний керівник підприємства; спеціаліст у сфері керування виробництвом; 2) підприємець у професійному спорті, розважальному бізнесі, який організує виступи спортсменів, артистів»[5, с. 630].

В англійській мові слово «*manager*», що є еталоном запозиченої в українську мову лексеми «*менеджер*», означає: 1) той, хто займається управлінням частиною або всією компанією чи іншою організацією; 2) відповідальний за ділові справи співака, актора тощо; 3) відповідальний за тренування й організацію оперативної команди «[1, с. 247]. Як бачимо, в українській мові відбулися певні зміни в семантичній структурі цієї лексеми, що привели до втрати семи «капіталістичне суспільство», а також переструктурування значення – формування полісемантичної структури лексеми, що складається з двох значень, які в основному відбивають семантичну структуру етимона «*manager*» в англійській мові. Отже, відбувається уточнення значення запозичення в напрямку його наближення до вихідного значення етимона в англійській мові.

Більшість новітніх запозичень з англійської мови називають нові явища в різних сферах життя, тобто запозичення номінації відбувається паралельно із появою нового денотата, який ним позначається (*екстрим, шейпінг, бодибілдинг, памперси, секонд-хенд, пейджер, шейкер, блендер, караоке, вінчестер, модем, факс, флеш-диск, спонсор, іміджмейкер* тощо). Запозичується назва лексеми (*пейджер, блендер, файл)* або нове значення наявної лексеми (*кліпси, шунт*), або з'являється омонім (*скотч, вінчестер*). Так, окрім вміщеного у попередніх словниках значення лексеми «*вінчестер*» (назва, за ім'ям винахідника О. Вінчестера, магазинних, а пізніше автоматичних рушниць, що випускалися з середини XIX ст. американською фірмою стрілецької зброї) [2, с. 239], з'явилося омонімічне значення: *вінчестер* – герметизований носій магнітного запису інформації від назви м. Вінчестер в

Англії [1, с. 247].

Переважно запозичення нових англіцизмів у систему української мови відбувається безпосередньо. Так, до сучасної української мови потрапляє 80 відсотків англо-американських слів. Прикладом, коли англійська мова є мовою-джерелом запозичень, можуть бути такі найменування: *андеграунд, грант, дилер, драйвер, інжиніринг, іміджмейкер, трилер, флаєр, шоу-бізнес, шоумен, джойстик, плеєр, кікбоксінг, фітнес, бебі-бум, хотдог, секонд-хенд* тощо.

Трапляються деякі лексеми, у назві яких експліцитно виражені компоненти, пов'язані із власними назвами, покладеними в основу цих комбінацій (*вінчестер* – від назви міста Вінчестер; гамбургер – від назви міста Гамбург; *далматин* – від назви історичної області Югославії Далмації; *ньюфаундленд* – від назви острова Ньюфаундленд). Іншим способом запозичення є використання англійської мови як мови-посередниці. Серед запозичень можна виділити такі структурні типи:

1) слова латинського або грецького походження, запозичені спочатку в англійську, а потім з неї – в українську мову (*асистент*);

2) слова, штучно створені в англійській мові з латинських або грецьких елементів (*телепроект, парамедицина*);

3) слова, створені в англійській мові на основі грецького або латинського елементів та англійської частини (*суперхіт, суперстар, телебос*);

4) слова інших мов, які спочатку були запозичені в англійську, а потім, через її посередництво, перейшли в українську мову (*кетчуп, зомбі*);

5) слова, створені в англійській мові на основі англійського компонента та запозиченого з інших (не грецької та латинської) мов (*айс-ревю, сафарі-парк*).

Висновки і перспективи подальшого розвитку проблеми. Таким чином, в українській мові кінця XX – початку XXI ст. відбуваються закономірні лексико-семантичні процеси, у зв'язку з появою нових англомовних запозичень. У їх семантиці, порівняно зі значенням їх етимонів, здійснюються семантичні зрушення, які складають цілісну картину закономірностей та особливостей процесу формування семантики слів англомовного походження в сучасній українській мові. Цей складний процес потребує подальшої уваги лінгвістів та передбачає глибокий аналіз зазначених вище мовних процесів.

Джерела та література

1. Кислюк Л. П. Нові англійські запозичення і термінологія / Л. П. Кислюк // Українська термінологія. – Львів, 1992. – 354 с.

2. Козир Є. Проблеми унормування чужомовних запозичень / Є. Козир // Українська термінологія і сучасність: зб. наук. Праць. – Вип. IV. – К.: КНЕУ, 2001. – С. 245-247.

3. Мазурик Д. В. Сучасні тенденції в оновленні лексики української літературної мови / Д. В. Мазурик // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. – Вип. 29. – Львів, 2000. – С. 177-182.

4. Словник іншомовних слів. – Вид. 2-е, випр. і доп. [за ред. О. С. Мельничука]. – К.: УРЕ, 1985. – 966 с.

5. Словник іншомовних слів [уклад. С. М. Морозов, Л. М. Шкарапута]. – К.: Наук. думка, 2000. – 680 с.

6. Словник іншомовних слів [уклад. Л. О. Пустовіт та ін.]. – К.: Довіра, 2000. – 1018 с.

7. Українська мова. Енциклопедія. – К.: Енциклопедія, 2000. – 824 с.

УДК 81'44

Потапенко С. И.

ИДЕЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ИНАУГУРАЦИОННЫХ ОБРАЩЕНИЯХ ПРЕЗИДЕНТА ПУТИНА: КОГНИТИВНО-РИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Применение в статье методики когнитивно-риторического анализа позволило установить, что идея ответственности, заявленная в инаугурационных речах В. Путина, реализуется номинативными единицами, обозначающими источник и цель ПРИНУЖДЕНИЯ. В 2000 году источник был представлен историей России, ее президентом и различными слоями населения, а в 2012 – Родиной, а также ассоциирующимися с ней идеями и ценностями.

Ключевые слова: инаугурационное обращение, президент Путин, когнитивно-риторический анализ, ответственность, принуждение.

Задіяна у статті методика когнітивно-риторичного аналізу дозволила встановити, що ідея відповідальності, проголошена в інавгураційних промовах В. Путіна, реалізується номінативними одиницями на позначення джерела й цілі ПРИМУШЕННЯ. У 2000 році джерело було представлене історією Росії, її президентом і різними прошарками населення, а в 2012 році – Батьківщиною, а також асоційованими з нею ідеями й цінностями.

Ключові слова: інавгураційне звернення, президент Путін, когнітивно-риторичний аналіз, відповідальність, примушення.

The cognitive-rhetorical analysis, applied in this article, reveals that the idea of responsibility, proclaimed in V. Putin's inaugurals, is implemented by the nominative units denoting the source and target of COMPULSION. In 2000 the source was represented by history of Russia, its president and different groups of population while in 2012 it included the Fatherland as well as related ideas and values.

Key words: inaugural address, President Putin, cognitive-rhetorical analysis, responsibility, compulsion.

Идея ответственности открывает две инаугурационные речи Владимира Путина: в 2000 (*Я понимаю, что взял на себя огромную* ***ответственность*** [3]) и 2012 годах (*Вступая в должность Президента Российской Федерации, пониманию всю свою* ***ответственность*** *перед Родиной* [4]). Эти два выступления разделяет 12 лет, за которые и Россия, и мир претерпели значительные изменения, что нашло свое отражение в способах воплощения идеи ответственности. С целью выявления текстовых особенностей ее реализации обращаемся к когнитивной риторике – новому направлению, объединяющему идеи классической риторики и когнитивной семантики, что позволяет воссоздать речемыслительные основания успешного воздействия [2, с. 139; 8, с. 445; 10, с. 57].

Согласно античной риторической доктрине текстовое воплощение провозглашаемой идеи проходит пять этапов: отбор аргументов (инвенция), их расположение (диспозиция), вербальная орнаментация (элокуция),

запоминание (мемориа) и воспроизведение (актио) [1, с. 22]. Соответственно, важность провозглашаемой идеи для говорящего проявляется в ее связи с одним из этих этапов. Ее введение на стадии инвенции, т.е. выбора темы, определяет композицию и вербализацию всей речи, а ее включение на этапе элокуции отражено единицами соответствующей семантики лишь в отдельных блоках текста, что свидетельствует о ее декларативном характере.

Дополнение риторической модели текстопостроения когнитивными методиками анализа позволяет воссоздать процедуры вербализации провозглашаемой идеи с помощью структур сенсормоторного происхождения: силовой динамики (force dynamics) [8, с. 445] и образ-схем (image schemas) [10, с. 57]. Силовая динамика отражает отношения между двумя отдельными сущностями, характеризующимися склонностью к движению или спокойствию: Агонистом, то есть фокальной силой, и противопоставленным ему Антагонистом [9, с. 413]. Образ-схемы как гештальтные, т. е. неделимые, структуры воссоздают одновременное взаимодействие нескольких объектов [7, с. 19]. Силовая динамика эксплицирует внутреннее состояние субъектов, проявляющееся в тенденции либо к покою, либо к движению, или, в более общих терминах, к действию либо бездействию [10, с. 413], а образ-схемы воссоздают точку зрения стороннего наблюдателя, соотнося референт с четырьмя координатами: соматическими, перцептивными, локативными и динамическими [2, с. 139-140].

Использование образ-схем и силовой динамики для выявления средств текстового воплощения заявленных авторами идей проходит четыре этапа, совпадающие с риторическими стадиями текстопостроения. Вначале, на основе словарных дефиниций единиц, обозначающих провозглашаемую идею, воссоздаем ее концептуальную структуру, т.е. ее видение автором на этапе инвенции. На второй стадии – диспозиции – членим текст на коммуникативные блоки, учитывающие последовательность воплощения эксплицируемой идеи. На третьем этапе – элокуции – анализируем распределение номинативных единиц, вербализующих идею в тексте в целом и в отдельных композиционных блоках. На четвертом – перформативном – этапе, объединяющем античные стадии мемориа и актио, подытоживаем связь идеи с риторической последовательностью текстопостроения.

На первом этапе анализа с помощью словарных дефиниций осуществляем концептуальную реконструкцию идеи ответственности, провозглашенной в инаугурационных речах Владимира Путина в 2000 и 2012 годах. В определении существительного *ответственность* как обязанности или необходимости давать отчет о своих действиях, поступках и отвечать за их возможные последствия [5, с. 668] семы ‘*обязанность*’ и ‘*необходимость*’ указывают на нахождение субъекта ответственности под воздействием источника силы, а семы ‘*действия*’ и ‘*поступки*’ отражают его склонность к активности. В терминах образ-схем субъект *ответственности* выступает как цель ПРИНУЖДЕНИЯ, а с позиций силовой динамики характеризуется тенденцией к умеренному движению, указанному гиперсемой ‘*давать отчет о своих действиях*’. Иными словами, источник ПРИНУЖДЕНИЯ отличается бóльшей склонностью к движению, чем цель, с которой соотносится субъект ответственности. Последний проявляет связь с двумя составляющими «Я» – «центральной, стремящейся к деятельности, и периферийной, тормозящей эти желания» [9, с. 460]. На синтагматическом уровне связь субъекта ответственности с целью ПРИНУЖДЕНИЯ представлена предлогами «перед», указывающим на препятствие, и «за», фиксирующим объект ответственности. Поэтому в общем плане концептуальное представление *ответственности* связываем с семантикой двух видов: источником ПРИНУЖДЕНИЯ, приводящим субъекта ответственности в движение, и скоростью перемещения источника и цели.

Различные источники ответственности – история и Родина – обуславливают композицию двух речей, рассматриваемую на втором – диспозиционном – этапе анализа.

Ответственность перед историей отражена в основном блоке выступления 2000 года выдвижением в начало абзацев единиц ***история* и *память*,** а также их производных: первый абзац начинается с описания первой в истории России мирной передачи власти (*Сегодня действительно* исторический *день. В самом деле, впервые за всю* ***историю*** *нашего государства, за всю* ***историю*** *России, впервые верховная власть в стране передается самым демократическим, самым простым образом, по воле народа, законно и мирно*), второй – раскрывает пройденный государством исторический путь к свободе: *Путь к свободному обществу не был простом и легким, в нашей* ***истории*** *были и трагические, и светлые страницы*. Взаимодействие памяти и истории структурирует третий абзац, обращенный к собравшимся в Кремле: […] *Здесь в Кремле – сосредоточие нашей национальной* ***памяти.*** *Здесь, в стенах Кремля, веками вершилась* ***история*** *нашей страны, и у нас нет права быть «Иванами, не помнящими родства*.

Ответственность перед Родиной объединяет в выступлении 2012 года два абзаца, посвященные прошлому и будущему, что помогает создать эффект развития общества с помощью единиц ***прошли* и *вступаем*,** активирующих представляющую движение образ-схему ПУТЬ в двух абзацах: во втором (*Мы вместе* ***прошли*** *большой и сложный путь* […]. *Сегодня у нас есть все для движения вперед*) и в третьем (*Мы* ***вступаем*** *в новый этап национального развития* […]).

На третьем – элокутивном – этапе анализа рассматриваем употребление во вступлении, основной части и заключении средств обозначения источника и цели ответственности, соотносимой с образ-схемой ПРИНУЖДЕНИЕ.

Несмотря на апелляцию в двух речах к таким различным понятиям, как история и родина, вступительные абзацы имеют идентичную структуру: в их начало выдвигаются единицы, обозначающие абстрактные идеи, а народ именуется в самую последнюю очередь и представлен как помощник, на которого перекладывается часть ответственности.

Во вступлении к речи 2000 года первым источником ответственности названа история России, где глава государства всегда был и будет человеком, отвечающим за все, происходящее в стране: *Я понимаю, что взял на себя огромную* ***ответственность,*** *и знаю,* ***в России глава государства всегда был и будет человеком, который отвечает за все, что происходит в стране.*** Вторым источником ответственности президент Путин видит своего предшественника, Бориса Ельцина, и его завещание беречь Россию: *Первый Президент России,* ***Борис Николаевич Ельцин,*** *покидая Кремль, сегодня вспомнил об этом, произнес слова, которые многим запомнились. Он сегодня повторил в этом зале:* ***«Берегите Россию».*** *Именно в этом я вижу главную президентскую обязанность*. Третий – последний – источник назван в конце абзаца существительным *сограждане* и местоимением *все*: *Я также рассчитываю найти в этом патриотическом деле помощь* ***сограждан*** *России,* ***всех,*** *кому дорога судьба нашего Отечества*. Существительное *сограждане* идентифицирует население через соотнесение с абстрактным концептом

государства, а существительное *помощь* изображает людей как источник ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ, не столько ограничивающий деятельность президента, сколько поддерживающий ее, т. е. часть ответственности главы государства перекладывается на граждан.

В начале обращения 2012 года первым источником ответственности названа Родина, т.е. страна, где человек родился и гражданином которой он является [6, с. 723]: *Вступая в должность Президента Российской Федерации, пониманию всю свою* ***ответственность перед Родиной.*** Подобно вступлению первого обращения главные источники ответственности включают абстрактные идеи. Они касаются интересов и благополучия государства, а граждане как и прежде остаются на третьем месте: *Ее* ***интересы, безопасность, благополучие граждан*** *страны всегда были и всегда останутся для меня превыше всего. Сделаю все, чтобы оправдать доверие миллионов наших граждан. Считаю смыслом всей своей жизни и своим долгом* ***служение Отечеству,*** *служение нашему* ***народу,*** *поддержка которого вдохновляет и помогает решать самые сложные и трудные задачи*. Как и в первом выступлении, единицы *поддержка* и *помогает* позиционируют народ и как источник, и как цель ответственности: *служение нашему народу****, поддержка*** *которого вдохновляет и* ***помогает*** *решать самые сложные и трудные задачи*.

Смена источника ответственности с истории на Родину проявляется в основных блоках двух речей в употреблении средств обозначения президента и народа, позиционируемых как цель и источник ответственности.

Речь 2000 года характеризуется доминированием местоимения *Я*, указывающего на президента и в сочетании с другими единицами представляющего его не только как цель, но и как источник ответственности. В общей сложности в речи 2000 года местоимение *Я* употреблено десять раз, а в обращении 2012 года – лишь трижды.

Отличия в степени выделенности главы государства как субъекта ответственности заметны уже при сопоставлении начальных высказываний. Если в выступлении 2000 года предикат *понимаю* сочетался с местоимением первого лица, выделяющим президента первичными и сопутствующими средствами (*Я понимаю, что взял на себя огромную ответственность*), то в обращении 2012 года – лишь окончанием глагола, имплицирующим говорящего: *Понимаю всю свою ответственность перед Родиной*. В последнем выступлении местоимение *Я* употреблено дважды при обращении к уходящему президенту Дмитрию Медведеву (*Я вижу в этом большую заслугу Дмитрия Анатольевича Медведева* и *Я желаю ему успехов*) и один раз при экспликации в заключении уверенности в будущем: *Я верю в силу наших общих целей и идеалов.*

Вместе с тем, в выступлении 2012 года с пяти до девяти возрастает количество употреблений местоимения *мы*, объединяющего президента с народом. Кроме частотности, две сопоставляемые речи отличаются объемом семантики местоимения *мы* и его производных. В речи 2000 года оно устанавливает контакт между главой государства и разными группами населения, а в речи 2012 года выполняет инклюзивную функцию объединения всего народа вокруг президента, что обусловлено известными событиями, предшествовавшими выборам. Так, в речи 2000 года при обращении к сторонникам местоимение *мы* представляет их как МНОЖЕСТВО, близкое к МАССЕ, о чем свидетельствуют результаты выборов, а предикат *сможем изменить* объединяет их с президентом как субъектов ответственности: *Вы поверили, что вместе* ***мы сможем изменить*** *нашу жизнь к лучшему*. Местоимение *мы*, обозначающее тех, кто поддержал других кандидатов, отграничивает МНОЖЕСТВО, близкое к ИСЧИСЛЯЕМОСТИ, что обусловлено незначительным количественным составом этой группы. Вместе с тем, пятикратное повторение местоимения *мы* и его производных акцентирует важность этой части населения как будущего источника ответственности: *Убежден, что вы голосовали за* ***наше*** *общее будущее, за* ***наши*** *общие цели, за лучшую жизнь, за процветающую и сильную Россию. У каждого из* ***нас*** *свой опыт, свои взгляды, но* ***мы*** *должны быть вместе,* ***нам*** *многое предстоит сделать сообща*.

В инаугурационной речи 2012 года источник ответственности большей частью представлен народом в целом, а динамика развития общества отражена единицами, активирующими образ-схему ПУТЬ, формализующую движение. В части инаугурационной речи, обращенной в будущее, с источниками ответственности, содействующими преодолению трудностей, соотносятся абстрактные сущности, весьма далекие от насущных потребностей людей: задачи принципиально нового уровня, иного качества и масштаба; ближайшие годы; жизнь будущих поколений; историческая перспектива государства и нации: *Сегодня мы вступаем в новый этап национального развития, нам потребуется решать* ***задачи*** *принципиального иного уровня, иного качества и масштаба.* ***Ближайшие годы*** *будут определяющими для судьбы России на десятилетия вперед. И мы все должны понимать, что* ***жизнь будущих поколений,*** *историческая перспектива государства и нашей нации зависят сегодня именно от нас.*

Заключительные абзацы двух сопоставляемых речей акцентируют различные источники ответственности, которые могут содействовать дальнейшему развитию государства. В заключении речи 2000 года источниками ответственности, которые обуславливают деятельность президента, названы государственные интересы (*Могу заверить вас, что в своих действиях буду руководствоваться исключительно* ***государственными интересами*****) и** единство, обозначенное целым рядом единиц: *Считаю своей святой* ***обязанностью сплотить народ*** *России,* ***собрать граждан*** *вокруг ясных целей и задач, и каждый день и каждую минуту помнить, что у нас* ***одна Родина, один народ,*** *у нас с вами одно общее будущее.*

Финальная часть выступления 2012 года называет более разнообразные источники ответственности – внешние и внутренние. К внешним источникам, кроме единства (*Мы добьемся наших целей, если будем единым****, сплоченным*** *народом, если будем дорожить нашим Отечеством*), причислены демократия (*укреплять российскую демократию, конституционные права и свободы, расширять участие граждан в управлении страной*); традиции (*на нашу тысячелетнюю историю, на те ценности, которые всегда составляли нравственную основу нашей жизни*); нравственность (*если каждый из нас будет жить по совести, с верой и любовью к Родине, к своим близким, заботиться о счастье своих детей и благополучии своих родителей*).

Внутренние источники ответственности обозначены предикатами, представляющими нацию и президента как Агонистов с тенденцией к движению, что позволяет апеллировать к душевному состоянию слушающих и оказывать на них более сильное воздействие. Внутренняя тенденция к движению обозначена предикатами *хотим* и *будем жить* (*Мы хотим и будем жить в демократической стране … Мы хотим и будем жить в успешной России*), *готовы* (*Мы готовы к грядущим испытаниям и грядущим свершениям*), а также единицами, апеллирующим к таким архетипам, как вера и чистые помыслы: *И мы будем работать с* ***верой*** *в душе, с искренними и чистыми* ***помыслами.***

Таким образом, применение когнитивно-риторической методики исследования, предполагающей использование аппарата силовой динамики и образ-схем, позволило установить, что на концептуальному уровне идея ответственности формируется в результате взаимодействия источника и цели ПРИНУЖДЕНИЯ, а ее отражение на всех этапах текстопостроения свидетельствует о ее важность для президента. Отличия между рассмотренными речами главным образом состоят в источниках ответственности. Если в 2000 году к ним отнесены история России, президент и различные слои общества, дифференцированные по степени близости к главе государства, то в 2012 году такими движущими силами названы Родина и ассоциирующиеся с ней идеи и ценности, побуждающие автора и аудиторию к деятельности.

Источники и литература

1. Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики / Н. А. Безменова. – М.: Наука, 1991. – 215 с.
2. Потапенко С. И. Пятьдесят лет спустя: когнитивно-риторический анализ инаугурационного обращения Джона Кеннеди / С. И. Потапенко // Функциональная лингвистика. – Симферополь, 2011. – № 2, Т. 2. – С. 139-142.
3. Путин В. В. Инаугурационная речь 2000 года // http://mn.ru/blog_reference/20120507/317328193.html
4. Путин В. В. Инаугурационная речь 2012 года // http://www.kremlin.ru/transcripts/15224
5. Словарь русского языка / Под. ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1986. – Т. 2. – 736 с.
6. Словарь русского языка / Под. ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1987. – Т. 3. – 750 с.
7. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason / M.Johnson. – Chicago; L.: The Univ. of Chicago press, 1987. – 233 p.
8. Oakley T. Force-dynamic dimensions of rhetorical effect / T. Oakley // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. – B., NY: Mouton de Gruyter, 2005. – P. 444-473.
9. Talmy L. Force dynamics in language and cognition / L.Talmy // Concept Structuring Systems. – Cambridge (Mass.): The MIT Press, 2000. – Vol. I. – P. 409-470.
10. Turner M. Reading Minds: The Study of English in the Age of Cognitive Science / M.Turner. – Princeton: Princeton University Press, 1991. – 236 p.

УДК 811.111 – 342

Присяжнюк О. Я.

ПРОЦЕСС ПИДЖИНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Целью данной статьи является определение особенностей диалекта Pidgin. Актуальность предпринятого исследования обусловлена современной языковой ситуацией в мире, которая постоянно меняется, в результате чего появляются языки или их новые диалектные формы. Автор подчеркивает, что пиджины возникают при контакте между людьми разных национальностей, когда появляется необходимость общения, но нет никакого общего языка, например, в процессе торговых связей. Таким образом, языковое изменение происходит в относительно короткий промежуток времени. Обычно пиджин формируется из компонентов тех нескольких языков, которые находятся во взаимодействии. В ходе исследования автор приходит к выводу, что роль диалекта пиджин очень важна как с социолингвистической, так и с психолингвистической точки зрения, так как на примере пиджин подчеркивается общая динамика языковой системы коммуникативных средств английского языка, используемых людьми в настоящее время.

Ключевые слова: диалект, контакт, инновация, пиджин, лингвистика, вариативность.

Метою даної статті є визначення особливостей діалекту Pidgin. Актуальність проведеного дослідження зумовлена сучасною мовною ситуацією в світі, що постійно змінюється та в результаті чого з'являються мови або їхні нові діалектні форми. Авторка підкреслює, що піджини виникають при контакті між людьми різних національностей, коли з'являється необхідність спілкування, але немає ніякої спільної мови, наприклад, в процесі торговельних зв'язків. Таким чином, мовна зміна відбувається у відносно короткий проміжок часу. Зазвичай піджин формується з компонентів тих кількох мов, які перебувають у взаємодії. У ході дослідження авторка приходить до висновку, що роль діалекту піджив дуже важлива як з соціолінгвістичної, так і з психолінгвістичної точки зору, бо на прикладі піджив підкреслюється загальна динаміка мовної системи комунікативних засобів англійської мови, які використовуються людьми в даний час.

Ключові слова: діалект, контакт, інновація, піджин, лінгвістика, варіативність.

The aim of the given article is to reveal pidgin peculiarities. The topicality of the carried-out research is stipulated by current language situation in the world which yields in new languages or their new dialect forms. The author emphasizes that pidgin and creole languages emerge as a result of contacts between people who do not speak each other's language and there is great need to communicate. Thus, a simple language shift is created in a relatively short time. It is naturally composed of the elements deriving from two or more of the languages that are in contact. It is commonly considered that pidgins can constitute the initial stage for further development into a stable pidgin. In the course of the research, the author draws a conclusion that the role of pidgin is very important both from sociolinguistic and psychological points of view, as it serves as a sample of the English language dynamics of different means of communication used by people nowadays.

Keywords: dialect, contact, innovation, pidgin, linguistics, variety.

Целью данной статьи является определение особенностей диалекта Pidgin. Актуальность предпринятого исследования обусловлена современной языковой ситуацией в мире, которая постоянно меняется, в результате чего появляются языки или их новые диалектные формы, обладающие собственными законами и правилами, подлежащие глубокому изучению, исследованию и систематизации. Эти уникальные языковые новообразования представляют собой своего рода «инновацию», происходящую на глазах истории и подчеркивающую необычную природу человека, врожденную способность к созданию языка. Одним из таких языков является Pidgin English, характеризующийся собственной, весьма уникальной структурой, а также фактическими нормами употребления. Пиджины возникают при контакте между людьми разных национальностей, когда появляется необходимость общения, но нет никакого общего языка, например, в процессе торговых связей или в таких крайних случаях, как колонизация и рабство. Такие языки обычно берут начало из многих языковых источников [1]. И хотя в процессе пиджинизации происходит некоторое упрощение языка, пиджин не является настолько грубым и примитивным языком, как часто о нем думают, и может обладать своей собственной, весьма уникальной структурой. В отличие от креольского, у пиджина нет языкового коллектива, где он является первым языком, но у него есть фактические

нормы употребления. При наличии социальных и политических условий для пиджина возможен путь быстрого развития [2; 12].

Словосочетание «пиджин-инглиш» (Pidgin English) часто употребляют свободно, называя «пиджин-инглишем» различные нестандартные варианты английского или же просто ломаный английский [3, p. 26]. Однако пиджины – это скорее упрощенные формы языков, появляющиеся в таких ситуациях, когда возникает временная необходимость общения между людьми, не владеющими общим языком. Обычно основой таких языков становятся слова из какого-нибудь одного языка, имеющего широкое хождение. Пиджин – это язык с радикально упрощенной грамматикой и сокращенным словарем (до 1500 слов или меньше), который ни для кого из говорящих на нем не является родным. В силу своей упрощенности пиджин способен обслуживать лишь ограниченный класс ситуаций общения [13]. Существует целый ряд возможных источников слова «пиджин». Петер Мюхлхяуслер, один из ведущих специалистов по пиджинам, выделил по крайней мере шесть вероятных толкований этого термина, где наряду с английским источником были приведены слова из португальского, иврита и южно-американских индейских языков [10, p. 42]. Винномон высказал предположение, что все эти слова могли способствовать появлению слова «пиджин» [5]. Чаще всего этимологию слова Pidgin возводят к китайскому произношению английского слова «business» («дело, работа»), но точные изменения звуков, которые бы произошли в этом случае, трудно передать. Если слово «пиджин» действительно возникло на побережье Китая в процессе торговых сделок, которые велись на упрощенном английском языке, то вероятнее всего, оно должно было бы произойти от общеупотребительного выражения «bei chin», что на кантонском диалекте означает «дай денег» или «плати». Первый взрывной согласный оглушается и становится очень похожим на английский звук «р», что говорит в пользу такого толкования [9].

У носителей пиджинов могут быть свои объяснения происхождения их родной речи. В Папуа Новой Гвинее язык ток-писин переводится и как «пиджин», и как «птичий язык». Такое толкование перекликается с народными сказками этой страны, повествующих о том, как птицы принесли людям язык [15, p. 93]. Пиджины тысячелетиями использовались для общения людьми, контакты между которыми были ограничены, но особенно сильное развитие они получили в начале восемнадцатого века, когда началось массовое переселение народов. Главной причиной постоянного перемещения больших групп людей явился расцвет работорговли и менее жестокого наемного труда на тропических плантациях. Люди самого разного происхождения, главным образом, приехавшие из Африки и Азии, были вынуждены жить вместе, и часто в этой многоязыковой обстановке плантации общий язык вырабатывался на основе европейских языков, таких как английский, французский или нидерландский. Первым дошедшим до нас пиджином был язык лингва франка (Lingua Franka), который использовался в Средние века в Восточном Средиземноморье при торговых контактах между европейцами (которых называли тогда франками) и населением Леванта [14, p. 296]. В период европейской экспансии в эпоху географических открытий и колонизации в 16 в. происходило формирование огромного числа пиджинов, в основу которых легли суперстратные языки, или языки метрополий: португальский, испанский, французский, голландский и английский языки.

Существует две точки зрения на причину возникновения Pidgin English. Согласно первой, он возник в Северной Америке в ходе происходивших в начале 17 века контактов между индейцами и белыми поселенцами. Иная версия свидетельствует о том, что, в 17 веке изначально пиджин-инглиш выступал как средство общения европейцев и китайских торговцев в Южных морях, в Западной Африке и в Австралии. А в 19 веке приобрел уже законченную форму на сахарных плантациях северо-западного Квинсленда. Затем наречие быстро распространилось по всему Тихому океану [11]. В начале 19 века китайско-английский и австралийский пиджины почти исчезли; меланезийский пиджин (неомеланезийский язык) до сих пор существует и функционирует. На американском континенте несколько разновидностей ранее существовавшего негритянско-английского пиджина продолжили существование в креолизированной форме; например, язык гулла на побережье Южной Каролины, креольский английский Ямайки и других островов Вест-Индии и тики-таки, или сранан-тонго в Суринаме (Нидерландской Гвиане) [6].

Французский язык лежит в основе пиджинов Луизианы, Гаити, Вест-Индии, Маврикия и Реюньона; испанский – в основе папьяменто (на котором говорят на Кюрасао) и нескольких контактных языков на Филиппинах. Существуют также многочисленные пиджины и креольские языки, в основе которых лежат неевропейские языки, например чинукский жаргон на севере тихоокеанского побережья США и лингва жерал (Lingua Gêral) («общий язык») в Бразилии, в основе которого лежит язык южноамериканских индейцев тупи-гуарани [7]. Образование пиджина зачастую происходит в экстремальной ситуации межэтнических контактов при остром дефиците общего для всех носителей средства языкового общения. Лингвистический результат межэтнических контактов зависит от типологической близости родных языков, вовлеченных в контактную ситуацию людей, а также от целого ряда социальных факторов – социального статуса, численности, половозрастной структуры, образовательного уровня участников ситуации, от продолжительности и интенсивности контактов. При этом суперстратный язык является языком-лексификатором – он дает пиджину всю или почти всю лексику, точнее материал, на базе которого строится лексическая система. В прототипическом случае пиджин возникает как результат взаимодействия двух процессов: сознательного упрощения языка со стороны носителей суперстатного языка (иногда в этом случае говорят о специальном регистре для иностранцев) и неполного усвоения суперстатного языка носителями родных языков. Такая ситуация отражает отношения социального неравенства, в которых находятся участники ситуации [8]. Социальные условия в целом играют огромную роль при образовании пиджинов, и часто именно от них зависит, какие лингвистические черты будет иметь пиджин. Так, если контактирующие группы имеют примерно равный статус, то образовавшийся пиджин может иметь два языка-лексификатора, как это произошло, например, в случае с рессенорским (русско-норвежский пиджин, лексический состав которого сложился на базе норвежского и русского языков, если не считать немногочисленных вкраплений из английского, голландского, нижненемецкого, шведского, саамского). Пиджинов с двумя языками-лексификаторами совсем немного; это, в свою очередь, указывает на то, что в большинстве случаев при образовании пиджинов контактирующие группы находятся в неравных отношениях. Чаще всего при формировании пиджина происходит контакт между тремя и более языками, однако отмечены случаи, когда пиджин возник в результате взаимодействия только двух языков. При этом совсем не обязательно, чтобы среди контактирующих языков был какой-либо европейский язык. Пиджин не для кого не является родным языком. Число носителей может быть различно: от

малой группы людей (например, эскимосский французский пиджин, использовавшийся в восточной части современной Канады в XVIII веке) до сотен тысяч (например, так называемый чинуский жаргон в начале XX века на западном побережье Канады в районе Ванкувера) и даже нескольких миллионов (западно-африканский пиджин-инглиш в Нигерии) [4].

В качестве *диагностических признаков* пиджинов выделяют следующие: 1) взаимная непонятность (неполная понятность) пиджина и того языка (языков), который послужил языком-лексификатором; 2) пиджин должен быть выучен; он не может быть создан путем произвольного упрощения языка его носителем; 3) пиджин не является родным ни для кого из говорящих на нем.

Выделяют и некоторые *структурные черты*, свойственные большинству вариантов Pidgin English: ограниченный словарь и чрезвычайно простая грамматика (отсутствие флективной морфологии, морфологическая невыраженность или факультативная выраженность времени, рода, числа, лица; наличие на поверхностном уровне только двух падежей – немаркированного и маркированного) [6, p. 78]. С точки зрения структуры, Pidgin English похож на все прочие языки, но отличается упрощенной грамматикой и небольшим количеством слов. Он имеют четко определенные фонологические системы, которые можно записывать в научной транскрипции или же в орфографии, применимой к разным языкам. Всегда предпочтительнее записывать пиджин в орфографии, основанной на фонологии, а не подражать орфографии какого-либо европейского языка, чтобы не создавать ложного впечатления, будто пиджин представляет собой искаженную форму того или иного европейского языка. Например, используя фонологически-ориентированную орфографию, а не копируя английское написание слов, выражение со значением «Этот дом – большой» (англ. This house is big) на неомеланезийском языке будут выглядеть как *Disfela haus i-bigfela*, а не *Dis fellow house 'e big fellow* [11, p. 85]. Кроме того, существуют слова, английского происхождения, адаптированные, к примеру, меланезийским пиджином, и утратившие фонетику «языка-хозяина». Это привело к тому, что слова, которые в английском языке имели совершенно различное произношение, в пиджине превратились в омофоны, как это произошло в ток-писине: английский ток-писин: shell («раковина») *sel*/sail («парус») *sel*; cheese («сыр») *sis*/sister («сестра») *sis*; hard («тяжелый») *hat*/hot («горячий») *hat*. Возможная омонимия устраняется путем добавления к словам дополнительных элементов: nail («ноготь») *nil*; knee («колено») *nildaun*; ship («корабль») *sip*; sheep («овца») *sipsip*; cut («резать») *kat, katim*; cat («кошка») *pusi*.

Большинство пиджинов имеют весьма упрощенные грамматические системы. Во многих отношениях они отличаются от того, что традиционно воспринимается как норма: многие привычные категории, такие, как число, род, или определенные и неопределенные артикли, могут отсутствовать, и в то же время могут присутствовать непривычные элементы, например показатели предиката или локативные суффиксы. Поэтому возник миф, будто в пиджинах «нет грамматики». Так, в неомеланезийском языке, например, есть три суффикса: *-fela* – показатель множественного числа у личных местоимений (*mi* «я, мне, меня» /*mifela* «мы, нам, нас»); другой суффикс *-fela*, который присоединяется к прилагательным, но не имеет значения множественного числа (например, *nufela* «новый», *wanfela* «один»); и суффикс *-im*, который присоединяется к глаголам и указывает на то, что в предложении имеется прямой объект или же его наличие подразумевается (например, *bringim* «принеси это», *mi bringim kaikai* «я приношу еду»). У глаголов обычно отсутствуют окончания и суффиксы, но об условиях, обстоятельствах, времени происходящих событий указывают слова, стоящие перед глаголами. Это так называемые видовременные маркеры. Так, прошедшее время, определяется по наличию слова «wen» перед сказуемым в предложении: Dey wen pein hiz skin /They painted his skin. Будущие события, а также те, которые еще не имели место быть характеризуются словами «go», «gon» или «gona»: Yu gon trn in yaw pepa leit?/Are you going to turn in your paper late? О действиях, происходящих в данный момент времени, свидетельствует наличие слова «ste», которое может стоять перед глаголом с ing- окончанием или без него: Da kaet ste it da fish/The cat's eating the fish. Глагол без окончания употребляется лишь в том случае, когда во время разговора собеседнику уже известно, о чем идет речь [5].

Тем не менее, существуют пиджины, имеющие весьма сложную грамматику. В системе местоимений, например, существует целый ряд черт, которых нет в английском языке, но которые очень важны для ток-писина. Во-первых, если в английском языке есть только одна форма местоимения второго лица, ток-писин имеет отдельные формы для второго лица единственного и второго лица множественного числа: *yu,* «you» («ты»); *yupela,* «you» («вы»). Точно так же в ток-писине дополнительно различаются «инклюзивные» и «эксклюзивные» формы местоимения первого лица множественного числа в зависимости от того, включается ли в это местоимение тот, к кому обращена речь, или нет: *yumi* «мы» (включая тебя); *mipela* «мы» (исключая тебя). Третье различие состоит в существовании различных форм множественного числа для обозначения двух и трех лиц: *mitupela* «мы» (двое); *yumitripela* «мы» (трое).

В синтаксисе пиджинов тоже обнаруживается много непривычных конструкций. В неомеланезийском, например, существительное (или любая другая часть речи, за исключением прилагательного), следующее за другим существительным, является определением к этому предшествующему существительному; например, *haus kaikai* значит «дом пищи, столовая», *haus kuk* значит «дом готовки, кухня», а *man nogud* значит «плохой человек» (причем слово *nogud* само по себе является наречием со значением «нежелательно»). В пиджинах и креольских языках имеются также такие типы предложений, которые кажутся нам странными, в частности отождествительное предложение, в котором предикат содержит не глагол, а существительное или прилагательное, которое отождествляется с субъектом; например, в неомеланезийском: *desfela meri i-naisfela* «эта женщина – красивая».

Ряд предложений гавайского пиджина характеризуются наличием «ste» при указании места действия: Da kaet ste in da haus/The cat's in the house; использованием глагола «get» вместо оборотов «there is/ there are»: Get tu mach turis naudeiz/There are too many tourists nowadays; употреблением «haed» вместо «there was/ there were»: Haed dis ol grin haus/There was this old green house [3]. Поскольку словарный состав пиджинов сильно ограничен, отдельные слова часто приобретают гораздо более широкое значение, чем они имеют в языке-источнике. В неомеланезийском языке *sari* значит не только то же, что и английское слово *sorry* («огорченный, сожалеющий, извините»), но также «эмоционально возбужденный», а отсюда, в конечном счете, «рад»; в некоторых частях Новой Гвинеи *sari tumas* «очень рад (вас видеть)» является стандартной формой приветствия [6]. Потребность в расширении словарного состава пиджинов для удовлетворения потребностей тех, для кого они являются родными, часто приводила к

широкомасштабному заимствованию слов из того или иного европейского языка, обычно – из языка колониальных властей того региона, где говорят на данном пиджине.

Пиджин-инглиш	Предположительное значение	Дополнительное значение
gras	трава	волосы, перо
karim	нести	произвести на свет
nek	шея	голос
papa	отец	владелец
tambu	табу	родители мужа или жены
bun	кость	сила
inap	достаточно	способный
lewa	печень	возлюбленный
resis	скачка (и), гонка	соревноваться
laik	похожий	быть приблизительно
planim	растение	хоронить
skru	привинчивать, винт	соединять, колено
sindaun	садиться	образ жизни
sapim	заострять	вырезать

В системе пиджин-инглищ существуют также слова, которые кажутся на первый взгляд простыми, но на самом деле имеют нестандартные и весьма неожиданные значения, это, так называемые, «ложные друзья переводчика». Часто это может привести к полному непониманию. Ниже приведено несколько примеров таких слов, которые помимо своих прямых, очевидных и понятных значений имеют дополнительные нестандартные значения. Эти примеры наглядно показывают, как семантические свойства слов местных языков могут проявляться в пиджин-инглише. В исследованиях по современной лингвистике в настоящее время все чаще отмечается, что перед исследователями языка стоит задача более глубокого и основательного изучения пиджинов, для которого определены следующие принципы: 1) сравнение структурных черт Pidgin English со структурными чертами английского языка; 2) сравнение отдельных вариантов Pidgin English; 3) сравнение Pidgin English, различающихся между собой по исходному генетическому материалу, в целях выявления типологических универсалий, общих для всех языков Pidgin English. Таким образом, несмотря на распространенное пренебрежительное отношение к Pidgin English как к языкам второго сорта, эти языки обладают своими законами и правилами, которые подлежат изучению и систематизации. Возможно, что данные языки еще далеко не скоро будут рассматриваться педагогами и политиками как реальные языки широкого общения, однако, как и любые диалектные формы английского языка, они имеют право на существование и исследование.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что роль диалекта Pidgin очень важна как с социолингвистической, так и с психолингвистической точки зрения, ибо на примере Pidgin подчеркивается общая динамика языковой системы коммуникативных средств английского языка, используемых людьми в настоящее время. А Pidgin English является таким диалектом современного английского языка, с все более пополняющейся лексикой и расширяющимся функциональным диапазоном, для которого при наличии благоприятных социальных и политических условий возможен быстрый путь развития.

Источники и литература

1. Михеева Н. Ф. Особенности диалекта Pidgin / Н. Ф. Михеева // Типология современного английского языка [сб. научных тр]. – М., 2000. – С. 67.
2. Chambers J., Trudgill P. Dialectology / J. Chambers, P. Trudgill. – [2nd ed.]. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 216 p.
3. DeCamp D. The Field of Creole Language Studies / David DeCamp // Latin American Research Review. – Vol. 3. – No. 3. – 1968. – P. 25 – 46.
4. DeGraff M. Against Creole Exceptionalism / Michael DeGraff // Language. – 2003. – 391 – 410.
5. Hall R. Pidgin and Creole Languages / Richard Hall. – London: Cornell University Press, 2006. – 278 p.
6. Holm J. Pidgins and Creoles. Theory and Structure / John A. Holm. – Vol. I. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 105 p.
7. Holm J. An introduction to pidgins and creoles / John A. Holm. – Portugal: University of Coimbra, 2010. – 225 p.
8. Hymes D. Models of the Interaction of Language and Social Life / D. Hymes // [edited by J.Gumperz, D.Hymes] Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication. – New York, 2010. – 256 p.
9. Hymes D. Pidginization and Creolization of Languages / D. Hymes. – London: CUP, 2001. – 158 p.
10. Mühlhäusler P. Pidgin and Creole Linguistics / Peter Mühlhäusler. – Oxford: Blackwell, 1986. – 290 p.
11. Stewart W. Creole languages in the Caribbean / W. Stewart // Study of the role of the second languages in Asia and Africa. – Washington, 2002. – 107 p.
12. Stewart W. An Outline of Linguistic Typology for Describing Multilingualism / W. Stewart // [edited by F.A. Rice] Study of the Role of Second Languages. – Georgetown, 1969. – Pp. 15 – 25.
13. The Field of Creole language studies: Studia Anglica Posnaniensia. – Vol. 1. – № 1 – 2, 1968. – Pp. 30 – 51.
14. Whinnom K. Lingua franca. Historical problems / Keith Whinnom // Pidgin and creole linguistics. – New York, 2009. – Pp. 295 – 310.
15. Whinnom K. Linguistic Hybridization and the ‘Special Case’ of Pidgins and Creoles/ Keith Whinnom // [edited by Dell Hymes] Pidginization and Creolization of Languages. – Cambridge, 2001. – Pp. 91 – 115.

УДК 81-116.2 **Просяник О. П.**

О ПОДХОДАХ К ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ (ПО «НОВОМУ» Ф. ДЕ СОССЮРУ)

В статье представлены четыре подхода к лингвистическому исследованию согласно черновику книги по общей лингвистике под названием «О двойственной сущности языковой деятельности» Ф. де Соссюра.
Ключевые слова: синхрония, диахрония, идиосинхрония, панхрония

У статті представлені чотири підходи до лінгвістичного дослідження за чернеткою книги з загальної лінгвістики під назвою «Про двоїсту сутність мовної діяльності» Ф. де Сосюра.
Ключові слова: синхронія, діахронія, ідіосинхронія, панхронія

The article presents four approaches to the linguistic research according to the draft of the book on general linguistics «On Ambivalent Essence of Linguistic Activity» by F. de Sossure.
Key words: synchrony, diachrony, idiosynchrony, panchronistic approach.

Традиционное представление понимания Фердинандом де Соссюром подходов к лингвистическому исследованию вызывает сегодня много вопросов. Основные положения изданной в 2002 году в Париже книги Соссюра «О двойственной сущности языковой деятельности» позволяют посмотреть на эту проблему глазами самого швейцарского лингвиста, что мы и попытаемся сделать.

Но сначала рассмотрим несколько вариантов понимания подходов к исследованию Соссюром. В универсальной научно-популярной онлайн-энциклопедии «Кругосвет» читаем следующее: «Среди многочисленных теоретических положений *Курса* особенно важно различение диахронической (исторической и сравнительной) и синхронической (дескриптивной) лингвистики. Соссюр доказывает, что диахроническое исследование должно основываться на тщательно выполненных синхронических описаниях. Ученый полагал, что исследование изменений, происходящих в историческом развитии языка, невозможно без внимательного синхронного анализа языка в определенные моменты его эволюции. Сопоставление же двух разных языков возможно лишь на основе предварительного тщательного синхронного анализа каждого из них. Наконец, по Соссюру, лингвистическое исследование только тогда адекватно своему предмету, когда учитывает как диахронический, так и синхронический аспекты языка».

Философская энциклопедия: «Впервые введены (синхрония, диахрония – *О. П.*) основателем структурной лингвистики Ф. де Соссюром, который рассматривал синхронию (С.) в качестве статического аспекта языка, исключающего всякое вмешательство времени, а диахронию (Д.) как эволюцию языка во времени. Для Соссюра С. имеет принципиально системный характер, в силу которого она статична и не обнаруживает тенденции к изменению. В результате внешнего воздействия изменению подвергаются только отдельные элементы, что так или иначе сказывается на всей системе и ведет к ее изменению. При этом рождение новой системы, полагал Соссюр, не детерминируется прежней системой, ее возникновение носит случайный характер. Ввиду этого противопоставление двух понятий – С. и Д. – абсолютно и не допускает компромисса. Попытку объединить в рамках одной дисциплины С. и Д. Соссюр считал фантастическим предприятием. В то же время он рассматривал С. и Д. как дополнительные категории: пренебречь одной из истин «значило бы видеть лишь половину действительности».

Далее, в энциклопедии эпистемологии и философии науки представлен еще один вариант понимания Соссюром данной проблемы: «Различение синхронии и диахронии обнаруживает различение двух подходов к исследованию языка. Один подход состоит в рассмотрении языка как системы совместно (одновременно) существующих элементов. Др. – в изучении отдельных языковых сущностей в их историческом изменении. Сам Соссюр настаивал на том, что наука о языке должна придерживаться синхронического подхода, утверждая, что «язык есть система чистых значимостей, ничем не определяемая, кроме как наличным состоянием входящих в ее состав элементов». (*Соссюр Ф. де.* Курс теоретической лингвистики. – М., 1933. – С. 87.) Поясняя идею синхронического исследования, Соссюр приводил пример шахматной партии. Для понимания текущей позиции требуется лишь анализ взаимного расположения фигур в данный момент. Знание того, как развивалась партия, т. е. как данная позиция сложилась диахронически, не имеет никакого значения. Противопоставление синхронического и диахронического подхода есть частный случай противопоставления структурного и генетического объяснения. Позиция Соссюра сводится в данном случае к тому, что невозможно объяснить явление, описывая его происхождение. Объяснение должно состоять в обнаружении места данного явления в системе».

При внимательном сравнении «Курса общей лингвистики» со всеми имеющимися оригинальными текстами оказалось, что «Курс» зачастую отдаляется от слова Соссюра, тем самым внося путаницу, проистекающую из фиктивного характера канонического текста. См., например, [1; 2; 3]. Путаница возникла из-за смешивания идиосинхронии как моментального состояния языковой системы и синхронии как метода исследования языка. Ш. Балли и А. Сеше предлагают в «Курсе» два подхода – синхронический и диахронический, тогда как в разделе 2-й книги «О двойственной сущности языковой деятельности» при анализе возможных способов лингвистического исследования Соссюр выделяет четыре подхода:

1) синхронный подход, он же системный, грамматический или семиотический (единственно применимый к исследованию системы языка в статике),

2) диахронический подход (для изучения фонетических изменений и процессов, применимый исключительно к фонетике речи, понимаемой как психофизиологический пространственно-временной поток),

3) ретроспективный или анахронический подход, то есть этимологический (наименее научный, но наиболее распространенный, неизбежный в дидактике),

4) исторический подход как для системного сопоставления двух синхронных описаний (допустимый при анализе языковой деятельности как культурно-исторического явления) [4, с. 21-22].

С онтологической точки зрения Соссюр отделял то, что собственно семиотическое = семантическое = грамматическое, т. е. информационное (а значит бытующее панхронически, но проявляющееся в речи как идиосинхронические точки в диахроническом потоке). Язык (langue) идиосинхроничен и панхроничен

одновременно (как идиосинхронична и панхронична одновременно человеческая личность – «я здесь и сейчас» и «я вообще»). А все, что фонетическое (не важно физическое ли или физиологическое) – это диахроническое, т. к. тянется во времени. Значит идиосинхрония – это временной аспект, связывающий язык (панхронию) и речь (диахронию). По отношению к панхронии идиосинхрония – это форма проявления (панхронию нельзя наблюдать, единственный вид, в каком нам даны системные инварианты – это феномены здесь-и-сейчас). С другой стороны, идиосинхрония – это единственная форма бытия диахронии, т. к. мы никогда не наблюдаем изменений или движений, но лишь их проявления здесь-и-сейчас. Что же касается отношений панхронии и диахронии, то панхрония – это единственное, что придает диахронии смысл и значимость. В противном случае это был бы бессмысленный поток сменяющих друг друга разобщенных фактов (причем как во времени – изменений, замен, так и в пространстве – следований, смен). Чтобы в изменяющемся континууме звуков или акустических впечатлений отыскать смысл, надо этот поток расчленить на регулярно повторяющиеся отрезки. А это можно сделать только посредством двух процедур – локализировать в этом континууме какую-то точку здесь и сейчас (= идиосинхронию) + квалифицировать ее как форму какого-то знака (т.е. чего-то, что уже есть в памяти как панхроническая информация) (см. п. 7 книги «О двойственной сущности языковой деятельности»).

Ш. Балли и А. Сеше деформировали соссюровский термин диахрония. У него диахрония – это, прежде всего, протяженность во времени (как звук) или смена друг друга во времени (как звуки в слоге или фонетическом слове или фразе). Соответственно диахроническое исследование – это фонетика звуков речи и фонетическая комбинаторика. Уже исследование фонетических единиц с сигнификативной точки зрения – это морфология, а значит – семиотика, а значит синхронное исследование. Можно сказать, что синхрония в соссюровской теории – это исследование идиосинхронии как проявления панхронии. То же, что традиционно считается диахроническим исследованием, у него называется либо *ретроспекцией* (этимологией. анахроническим исследованием) или *историей*. Соссюр понимал сложность исторического анализа, поскольку при нем надо каким-то образом построить синхронный срез прошлого (а всегда не хватает данных), чтобы его сопоставить с другим синхронным системным срезом.

«В лингвистике не может быть разных точек зрения, которых можно придерживаться по своему усмотрению; есть всего только две обязательные точки зрения, вытекающие из самой природы (синхронического и метахронического) объекта» [1, с. 263]. Если мы не описываем язык в его состоянии (l'etat de langue) здесь и сейчас – синхронически, то описываем его метахронически. Что такое метахронически? Соссюр ясно говорит, что оба эти подхода выводятся из свойств, природы самого языка. Что же это за свойства и что такое язык для Соссюра? «Любой фрагмент, вырванный наугад из живой массы какого-либо языка…: 1. не может обладать единственным, точно определенным способом существования; 2. не может обладать также неограниченным количеством способов существования в зависимости от воли каждого» [1, с. 263]. Из этого следует, что язык для Соссюра психологическая сущность. Психика существует здесь и сейчас (идиосинхронически). А если не здесь и сейчас? То вне реального времени: или в разное время (диахронически), или постоянно (панхронически). Соссюр об этом пишет в своих Записках: «Он (язык) имеет только три способа существования: А) Он есть нечто, существующее в ПАНХРОНИИ, – Б) Он есть нечто, существующее в ИДИОСИНХРОНИИ, – В) Он есть нечто, существующее в ДИАХРОНИИ» [1, с. 263].

Из вышеизложенного следует, что синхронный подход служит для исследования идиосинхронического состояния языка, в то время как метахронический подход служит для исследования иных модусов бытия языка – изменений, которые в нем произошли, или того, что в нем не изменяется. Логичным именно поэтому было бы разводить панхронию и идиосинхронию по принципу статичности и статальности. Здесь особо следует обратить внимание на то, что Соссюр не считал, что язык может существовать без времени, ахронически, и не использовал термин *ахрония*. Термин же *панхрония* он использовал, потому что понимал язык как антропологическую реальную сущность, а не объективную логическую или духовную субстанцию, существующую в себе самой как некий идеальный феномен (по А. Сеше). Панхрония не является бытием вне времени, не равняется ахронии. Это бытие во времени, но не моментальное, а гомеостатичное, стабильное.

Источники и литература

1. Лещак О. В. О концептуально-методологическом характере перевода научного текста и соссюровских терминах *Langue* и *Langage* (заметки на полях перевода книги Ф. де Соссюра «О двойственной сущности языковой деятельности» на польский язык) / О. В. Лещак // Respectus Philologicus, 2010. – № 18 (23). – С. 252-264.

2. Просяник О. П. Проблема единства языковой лексической единицы (в свете теории знака «нового» Ф. де Соссюра) / О. П. Просяник // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. – 2012. – № 1-2 (46). – С. 44-52.

3. Просяник О. П. Проблема значения и значимости в «De l'essence double de langage» Фердинанда де Соссюра / О. П. Просяник // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка: Філологічні науки. – 2010. – Випуск 23. – С. 199-204.

4. Saussure F. de. Ecrits de linguistique générale, établis et édités par Simon Bouquet et Rudolf Engler, avec la collaboration d'Antoinette Weil / F. de Saussure. – Paris: Gallimard, « Bibliothèque des idées », 2002. – 353 p.

УДК 808. 2: 801. 563. 1 **Пчелинцева Е. Э.**

ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД И ИСТОРИЯ РУССКИХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН ДЕЙСТВИЯ

В статье исследуются возможные причины исчезновения ряда отглагольных имен действия в процессе исторического развития русского языка. Есть основания предполагать, что в процессе формирования русского совершенного вида в нем последовательно усиливалась, постепенно занимая доминирующее положение, семантика временной определенности, которая оказалась несовместимой со стабильным во временном плане характером существительных. Побочным следствием этого процесса и стали изменения в системе отглагольных имен.

Ключевые слова: отглагольное имя действия, категория вида.

У статті досліджуються імовірні причини зникнення значної частини віддієслівних іменників дії у процесі історичного розвитку російської мови. Є підстави стверджувати, що у процесі формування російського доконаного виду у ньому послідовно посилювалась, поступово стаючи базовою, семантика часової визначеності, що виявилася несумісною зі стабільним у часі характером іменника. Побічним наслідком цього процесу стали зміни у системі віддієслівних імен.

Ключові слова: віддієслівний іменник дії, категорія виду.

The paper deals with possible causes of disappearance of a large number of nomina actionis in the process of historical development of Russian language. It seems believable that during the formation of Russian perfective aspect the semantic component of temporal definiteness had been consistently increasing, gradually occupying a dominant position. This component, in turn, proved to be incompatible with the stable temporal nature of nouns. The remarkable changes in the system of Russian nominal deverbatives may be seen as a side effect of this process.

Key words: verbal noun of action, category of aspect.

Проблема категории вида и видовой семантики русских отглагольных имен действия в синхроническом и диахроническом аспектах уже более века привлекает интерес исследователей. Девербатив – образование семантически сложное, синкретичное, причудливо совмещающее в себе морфологические признаки имени с типично глагольной семантикой. Возможно, поэтому мнения о категории вида в современных и в древних именах действия полярны: с одной стороны, утверждается, что «категории вида не существует у отглагольных имен и никогда не было» [13, с. 45-53], с другой стороны, высказывается мнение, согласно которому «категория вида присутствует у всех имен действия, независимо от их аффиксальной характеристики» [2, с. 115-122].

В работах, посвященных истории русских отглагольных имен действия, для нашего исследования важны две мысли: во-первых, об архаичности, древности самой языковой формы nomina actionis, ее «естественности» для древнерусского языка [7], во-вторых, о наличии видовой корреляции у русских имен действия XVI-XVIII вв. и ее ослаблении и разрушении в языке XIX века [5]. В целом, если отвлечься от деталей, можно обобщить все высказанные на этот счет мнения следующим образом. В древнерусском языке имя действия было весьма распространенной языковой формой. В течение XIV-XVIII вв., вместе с развитием глагольных видовых форм, появилось множество парных именных образований, отличающихся аспектуальной семантикой, в которых можно усмотреть категорию вида (типа *подвязание – подвязывание*), что выглядит вполне естественным процессом. Затем, в течение последующих двух столетий, из русского языка по какой-то причине исчезло значительное количество отглагольных имен, что обусловило утрату их парности и, соответственно, свело к минимуму «видовую» дифференциацию. Возникает вопрос: почему эти имена действия так стремительно и массово исчезли в русском языке и почему они в гораздо большей степени сохранились в польском, чешском и других западнославянских языках?

Поставленный вопрос, как представляется, дает возможность рассмотреть проблему наличия вида у отглагольных имен под несколько иным, по сравнению с традиционным, углом зрения. Мы предполагаем, что одной из причин распада именных «видовых» пар в русском языке и появления заметных ограничений на образование и употребление отглагольных имен действия стали семантические изменения внутри самой глагольной категории вида.

Согласно новейшим сопоставительным исследованиям семантики и функционирования глагольного вида, грамматическое содержание совершенного вида в западных и восточных славянских языках отнюдь не идентично: в западнославянской подгруппе основным значением совершенного вида является простое понятие целостности, в восточнославянской – значение временной определенности. К такому выводу приходит С. Дики в работе [15]. (Вслед за А. В. Бондарко мы понимаем целостность как представление действия вне членения на фазы, без выражения внутренней динамики его протекания во времени [1, с. 360-367], а временную определенность – как ограниченность действия пределом, акцентирование временной границы проявления действия). Эта же идея высказывается в работах амстердамской аспектологической группы под руководством А. Барентсена: анализ поведения разных групп славянских языков при выражении повторяемости действия указывает на «экспансию» совершенного вида в западнославянских языках по сравнению с восточнославянскими [14]. Это означает, что, несмотря на общую историю формирования этой глагольной категории, семантическое пространство совершенного вида в западнославянских языках шире, чем в восточных. Существен в этом контексте тот факт, что именно в западнославянских языках имена действия имеют практически регулярную соотносительность по виду. Возможно, что целостность не препятствует образованию имен действия, в то время как временная определенность оказывается несовместимой со стабильным во временном плане характером существительных.

Вполне возможно, что в процессе развития категории русского глагольного вида не только происходило формирование средств перфективации и имперфективации, «морфологического механизма средств СВ и НСВ» [4, с. 102], но вместе с тем определенные изменения претерпевало и содержательное наполнение категории, она была (а возможно, и остается) семантически подвижной. В частности, есть основания предполагать, что в процессе формирования русского совершенного вида в нем последовательно усиливалась, постепенно занимая доминирующее положение, семантика временной определенности. Побочным следствием этого процесса и стали изменения в системе отглагольных имен.

Обратимся к фактам истории русских nomina actionis. Наиболее продуктивная словообразовательная модель на –ьје, из которой вследствие переразложения основ возникли суффиксы отглагольных имен –анij-, -енij-, -тij-, – праславянского происхождения, об этом свидетельствует ее наличие во всех славянских языках. Но активность образования nomina actionis в древнерусском языке, по всей видимости, была обусловлена и внешним влиянием. Сложная языковая ситуация в Древней Руси: фактическая диглоссия, сосуществование двух письменных языков обусловила множественность заимствований из старославянского, в котором модель на *-ние* отличалась высокой продуктивностью. Кроме того, активная деятельность древнерусских и южнославянских переводчиков приводила к проникновению в древнерусский язык грецизмов, в том числе – существительных, означающих действия или состояния, например: **икономьство (икономия), проѣлипсисъ, догматъ, ѥпитѣмья (опитѣмья)** и под. В результате действия совокупности этих факторов в древнерусском языке nomina actionis становится распространенной формой выражения значений действия и состояния. По данным А. Г. Мусатенко, в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и в памятниках XI-XIV вв. обнаружено более двух тысяч (!) отглагольных имен [5, с. 29]. Наш анализ параллельной выборки из Материалов для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского [12] и Словаря древнерусского языка [10] (около 350 единиц) свидетельствует о том, что в период XI-XIV вв. имена действия свободно образуются от большинства глаголов, причем их состав существенно отличается от корреспондирующей части современного корпуса девербативов. В частности, заметно большее количество единичных имен действия словообразовательно и семантически соотносится с глаголами СВ или с глаголами так называемого «общего» или «нейтрального» вида: они составляют около трети нашего корпуса (***изглаголание, възитие, възискание*** и под.). Приблизительно 30% девербативов имеют значение непредельного процесса или состояния (***блѣщание, блюдение, весѣлование***), 40% – это парные образования (***жалѣние – пожалѣние, вѣдаание – вѣдание***). В некоторых контекстах такие имена действия аспектуально дифференцируются: префиксальные указывают на свершившийся факт, законченное действие, беспрефиксные выражают значение обычного или повторяющегося действия, реже – актуально длительное действие: ***Всяко грабление, еже пограбить братъ твои у тебе*** [12, Т. 1, с. 574] – ***Людие на с(ы)на его въсташа про зажъжение градьное и за пограбление манастырьское*** [12, Т. 2, с. 1019]. ***Съ велиѥмъ въздохновѣниѥмь оударь ся по главѣ – Грѣховъ своих плакалися съ въздыханиѥмь д(ѥ)нь и нощь*** [12, Т. 1, с. 356].

Большее, по сравнению с современным русским языком, количество имен действия, соотнесенных с глаголами СВ, свидетельствует, на наш взгляд, о более широких и мягких границах семантического пространства формирующейся категории вида в древнерусском языке. Как убедительно доказывает А. А. Караванов, приставочные глаголы в некоторых случаях являются лишь вариантами, семантическими дублетами исходного глагола [3, с. 104]. Такая неопределенность семантических границ позволяла образовывать имя действия почти от любого глагола

В русском языке XVI-XVIII вв. вследствие активного развития категории вида, возникновения множества глагольных видовых пар, появляется множество соотвествующих именных пар типа *вбежание – вбегивание, набеление – набеливание* и т. д. Сплошная выборка имен действия из двух первых томов Словаря Академии Российской [9] дала корпус девербативов объемом более 300 единиц. Процентное распределение имен в зависимости от их аспектуально-семантической характеристики в нашей выборке оказалось следующим: более 60% девербативов имеют парное по «виду» образование типа ***нагруживаніе – нагруженіе***, около 30% составляют единичные имена действия, значение которых составители словаря определяют как «продолжаемое действие» (*изубытчиваніе*), и менее 10% составляют единичные девербативы со значением «окончания действия» или «исполненного действия» (***сбытіе***). Это очень сильно отличается от положения дел в современном русском языке: по нашим подсчетам, сделанным на основании сплошной выборки из БАС [11], в современном русском языке парных имен действия (типа *рассматривание – рассмотрение*) менее 10% (около 400 единиц), при этом их семантическая коррелятивность в большинстве случаев полностью утрачена.

Хотя приведенные данные носят предварительный характер, а подсчеты требуют уточнений, количественные и качественные отличия корпуса девербативов, зафиксированных для конца XVIII – первой половины XIX вв., от современного корпуса, в котором удельный вес парных имен действия уменьшился минимум в 10 раз и в котором почти исчезли единичные имена действия, соотносимые с непарным глаголом совершенного вида (их осталось около 40 единиц, то есть меньше 1%), – очевидны. На этом фоне выводы многих исследователей русского языка XVIII в. о том, что различение видовых оттенков у отглагольных имен существительных было живой категорией, выглядят вполне объяснимыми. Но в контексте нашего исследования важно и другое: сама категория глагольного вида в тот период еще формировалась. В. Б. Силина полагает, что современный облик видовая система русского языка приобрела лишь к началу XIX в. [8, с. 275]. Но как раз в течение XIX в. русские имена действия утрачивают прежнюю меру «глагольности», их регулярная видовая противопоставленность разрушается, у них появляется ряд неглагольных значений. Исчезают сотни имен действия, причем в большинстве случаев соотносительные с глаголами СВ, например: *вскочение, вскопание, вымучение, выброшение, выстреление* и пр. Для понимания причин этого процесса необходимо рассматривать историю имен действия как составляющую сложнейшего процесса становления и развития глагольной категории вида. Важным в этом аспекте представляется наблюдение Ю. С. Маслова, согласно которому с постепенным распространением категории вида семантическое содержание этой категории меняется: значение НСВ становится более широким, а СВ, бывший поначалу фоном, «нейтральным видом», становится, напротив, «положительным, более весомым членом оппозиции… из суффиксальной имперфективации возник несовершенный, а затем – по контрасту с ним, как его противочлен, и совершенный вид» [4, с. 110].

Конечно, вряд ли стоит полностью отвергать общепринятое представление, согласно которому вид в русском языке в основном сформировался уже к XVI в. (см., например, [6]). Однако применительно к этому периоду речь, на наш взгляд, должна идти о сформированности глагольной категории вида в целом, в основных чертах. Это не исключает возможности дальнейших сдвигов внутри категории, а значит – ее внутреннего движения, постепенной модификации. Другими словами, вопрос о сформированности категории вида имеет, скорее, не абсолютный, а относительный характер.

Итак, одной из причин утраты «видовой» дифференциации русскими именами действия могло стать изменение грамматического содержания совершенного вида в русском языке, усиление в нем семы временной определенности, что привело к постепенному ограничению его продуктивности по отношению к именному словопроизводству и, в результате, к утрате «видовой» парности русского отглагольного имени действия.

Источники и литература

1. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики / А. В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 484 с.
2. Иванникова Е. А. К вопросу об аспекте изучения категории вида у отглагольных существительных в русском языке / Е. А. Иванникова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1972. – Т. 31, вып. 2. – С. 113-120.
3. Караванов А. А. К вопросу о характере категории предельности древнерусского глагола / А. А. Караванов // Вопросы языкознания. – М., 1992. – № 6. – С. 103-112.
4. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии / Ю. С. Маслов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – С. 102-110.
5. Мусатенко А. Г. О регулярных и нерегулярных моделях отглагольных существительных на -ние, -тие в языке памятников XI-XVI вв / А. Г. Мусатенко // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Межвузовский сборник. Вып. 1. – Томск, 1976. – С. 29-39.
6. Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века / С. Д. Никифоров. – М.: АН СССР. Ин-т языкознания, 1952. – 344 с.
7. Потебня А. А. Предикативность существительного. Устранение подлежащего / А. А. Потебня. – М.: URSS, 2010. – 144 с.
8. Силина В. Б. История категории глагольного вида / В. Б. Силина // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. – М.: Изд-во АН СССР, 1982. – С. 158-279.
9. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. – СПб., 1789-1794, ч. 1-6 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR.htm (14.04.2012)
10. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. – М., 1988 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2641 (14.04.2012).
11. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / ред. В. И. Чернышева. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965.
12. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1-3. / И. И. Срезневский. – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1893-1907.
13. Хохлачева В. Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени / В. Н. Хохлачева. – М.: Наука, 1969. – 151 с.
14. Barentsen A., Genis R., van Duijkeren-Hrabova M. О сходствах и различиях между русским, польским, чешским и хорватским языками при выборе вида в случаях «ограниченной кратности» / A. Barentsen [и др.] // Тезисы III Конференции Комиссии по Аспектологии Международного Комитета Славистов. – Падуя: Падуанский университет, 2011. – С. 13-14.
15. Dickey S. Parameters of Slavic Aspekts. A cognitive approach / S. Dickey. – Stanford: CSLI Publications, 2000. – P. 234-258.

УДК 81.25.373

Пышная Л. М.

ИЗБЕЖАНИЕ ТРУДНОСТЕЙ ПЕРЕВОДА ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ В НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Данное исследование посвящено распознаванию полисемии и омонимии в научных текстах. Рассматривается ряд способов избежания трудностей перевода. Анализируются причины ошибок и возможности привлечения различных видов контекста, в том числе и экстралингвистического. Предлагается установить в двуязычных словарях однозначные соответствия значения термина для каждой конкретной области знания.

Ключевые слова: полисемия, омонимия, расширение значения, контекст, экстралингвистический контекст.

Дане дослідження присвячене розпізнаванню полісемії та омонімії в наукових текстах. Розглядається ряд методів запопігання труднощів перекладу. Аналізуються причини виникнення помилок і можливості залучення різних видів контексту, у тому числі й екстралінгвістичного. Пропонується встановити в двомовних словниках однозначні відповідності значення терміну для кожної конкретної області знання.

Ключові слова: полісемія, омонімія, розширення значення, контекст, екстралінгвістичний контекст.

This research deals with identification of polysemy and homonymy in scientific texts. There are considered the methods to avoid of such difficulties in translation. The causes of appearance of mistake are analyzed. It is suggested that monosemantic correspondences of the term meaning should be established in bilingual dictionaries for each specific areas of knowledge.

Key words: polysemy, homonymy, extension of meaning, context, extralinguistic context.

Проблема трудностей перевода терминологии, связанных со случаями ее многозначности и омонимичности не является новой. Эти вопросы интенсивно обсуждаются лингвистами и переводчиками на протяжении последних десятилетий. Связано это как с разитием новых областей знаний, так и с образованием терминов от уже существущих слов.

Терминология как источник образования новых языковых единиц – слов и фразеологизмов – получила освещение в работах В. В. Виноградова [1], М. Н. Кожиной [2], В. М. Лейчика [3].

Известно, что одно и то же слово может быть термином различных областей знания и относиться к общей лексике. Обсуждаются вопросы относительно того, когда следует говорить о полисемии, а когда об омонимии. Выработана закономерность того, что в различных областях науки одинаковость звучания и написания термина называется омонимией, а переход слова из общей лексики в специальную – полисемией. Это можно наглядно видеть на примере термина *волна* в гидравлике, радиотехнике и в быту.

Термины противопоставлены общей лексике в том отношении, что они связаны с определенной научной концепцией: в термине отражаются результаты научных исследований и их теоретическое осмысление. Однако термин, как языковое явление, также содержит противоречие.

В.С. Виноградов отмечал, что «одна и та же сила постоянно поддерживает тенденцию к точности и однозначности терминов и постоянно же эту тенденцию разрушает: мышление и процесс освоения мира…

непрерывно рождает изменение границ сложившихся понятий, в особенности в области теории, и создает новые понятия, требующие словесного, терминологического обозначения и выражения» [1, с. 99] .

Некоторые ученые придерживаются мнения, что термин связан не с контекстом, а с терминологическим полем, которое и заменяет собой контекст. За пределами терминологического поля термин теряет свои дефинитивные и системные характеристики [4, с. 29].

Проблемы поля занимают определенное место в теории описания полисемии и омонимии, однако для практики перевода большее значение имеют лингвистический и экстралингвистический контексты.

В современном терминоведении принято различать, во-первых, категориальную многозначность, когда, например, термин *Übersetzung* «перевод» обозначает и процесс и результат, во-вторых, предметную многозначность, когда, к примеру, термин *Holz* обозначает и «лесоматериалы», и «дрова» и т. п. .

Целью данной статьи является изучение многозначных терминов и терминов-омонимов внутри одной и разных областей знаний и в результате этого главной задачей исследования рассматривается избежание трудностей понимания и перевода текста.

Явление многозначности и омонимии терминов вызывает значительные переводческие трудности. Для правильного выбора эквивалента в родном языке необходимо знать основные типы терминов современного языка, с которого делается перевод, и уметь пользоваться контекстом.

При переводе может использоваться разный контекст (фразовый, сверхфразовый, экстралингвистический) в зависимости от того, к какой функциональной группе принадлежит данный термин. При переводе терминов-омонимов, для определения принадлежности к той или иной системе терминов, достаточно использовать фразовый контекст, то есть термин с дополняющим его словом или группой слов. Фразовый контекст позволяет выбрать и необходимое значение многозначного термина в пределах одной терминосистемы. Если фразовый контекст не позволяет однозначно установить значение анализируемого термина, необходимо использовать сверхфразовый контекст – группу предложений, абзац, часть всего текста, а иногда и экстралингвистический контекст – собственные знания переводчика о сущности описываемого явления, почерпнутые из ранее прочитанных и переведенных статей, справочных пособий и т. п.

При переводе немецкоязычных экономических и технических текстов приходится сталкиваться чаще всего с многозначностью термина. В большинстве случаев это термины, которые возникли из уже существовавших наименований явлений в повседневной жизни. Возьмем, к примеру, слово *Leistung*. Оно имеет значение «успех», а также «успеваемость». Однако в экономическом тексте очень часто это слово можно встретить в значении «производительность», «достижение», «выплаты», «выполненная работа», «услуги», а в тексте, связанном с физикой, электроникой или электротехникой – «мощность». Еще сложнее при переводе сложных слов, в состав которых оно входит. Термин *Dienstleistungen (pl)* «услуги» очень часто встречается в текстах по общей экономике. Встречается также и термин *Dienstleistung* «бытовое обслуживание». Чтобы избежать ошибок при переводе следует обратить внимание на число имени существительного. Усложняется перевод термина *Dienstleistung* и тем, что в немецких текстах существует тенденция при повторных неоднократных упоминаниях называть слово не полностью, а только последнюю его часть. Неопытный переводчик может не обратить на это внимание и у него возникнет затруднение, какой вариант перевода выбрать. Однако умение работать над текстом, знание, что не всегда достаточно лишь фразового контекста, поможет избежать этих трудностей.

В немецких экономических текстах очень много терминов, образовавшихся в результате полисемии, а именно от перехода слова из общей лексики в специальную. Слово *Wirtschaft* в значении «хозяйство» в результате расширения получило дополнительное значение в виде термина «экономика». Подобным путем слово *Produktion «продукция»* получило дополнительное значение «производство».

При переводе больше всего трудностей доставляют одинаково (или почти одинаково) звучащие и пишущиеся термины, которые в одних областях знаний образовались в результате полисемии, а в других выступают как омонимы. Возьмем, к примеру, слова *der Steuer «*руль» и *die Steuer* «налог». Первое из них возникло в результате многозначности и может выступать как термином, так и понятием общей лексики, а второе является омонимом и относится к сфере общей экономики. Проблемы могут возникнуть у переводчика текста из области автомобилестроения, где речь может пойти и об устройстве руля, и о налоге на автомобиль с определенной конструкцией. Естественно опытный переводчик сразу обратит внимание на род имени существительного и все проблемы отпадут сами собой.

Правописание слова имеет не меньшую роль. Возьмем, к примеру, слова *der/die Gläubige* «верующий» и *der Gläubiger* «кредитор». Слово *der/die Gläubige,* вне сомнения, образовано в результате расширения значения глагола *glauben* «верить» и его перехода в другую часть речи. Этимология термина *der Gläubiger* несколько затемнена. Хотя можно предположить, что и этот термин образован от того же глагола, но ввиду существования уже слова *der/die Gläubige* получил суффикс *-r*. Здесь для переводчика очень важно обратить внимание на правописание слова.

Оба выше названных примера указывают на один и тот же путь избежания ошибок при переводе – субъективный, т. е. знание лексики и грамматики немецкого языка и внимательность. Как правило, опытные переводчики этими знаниями обладают.

Полные омонимы часто встречаются в разных областях знания. Не всегда они доставляют трудности при переводе, так как в словарях четко определено значение соответствующего слова в различных областях знания. Словарь полностью помогает выбрать нужное слово, если эти омонимы не произошли от глаголов. Примером таких омонимов можно назвать слово *Etikette.* Оно имеет значение и «этикетка», и «этикет», однако области их применения далеки одна от другой и словарь достаточно четко разграничивает понятия.

Несколько сложнее с отглагольными существительными. Возьмем, к примеру, слово *Dichtung.* Оно имеет в литературоведении значение «поэтическое творчество», а в технических науках – «уплотнение», «прокладка», «набивка». Словарь четко разграничивает эти понятия. Однако это слово в технических текстах является многозначным, так как обозначает не только результат, предмет, но и процесс: «уплотнение», «герметизация», «создание непроницаемости». Оба случая часто встречаются в технических текстах. Поэтому сложность при переводе, если и может возникнуть, то не в результате омонимии в разных областях знаний, а ввиду полисемии в той же самой области знания.

Полные омонимы в текстах одной области знания или даже одного жанра, например делового письма, могут также создать трудности при переводе. Возьмем, к примеру, слово *verbindlich.* Это слово имеет два значения: «обязательный» и «любезный». Например: *Unsere Lieferungsbedingungen sind verbindlich.* – «Наши условия поставки являются обязательными». Другой пример: *Danke verbindlichst! – «*С любезнейшей благодарностью!».

Не исключено, что оба омонима могут встретиться в одном и том же деловом письме-подтверждении поставки заказа. Вникнув в контекст и зная существование омонима, ошибку в переводе можно избежать.

Сложнее приходится, если в тексте встречаются многозначные слова или омонимы, но для их понимания одних знаний немецкого языка недостаточно. В данном случае причины могут быть как субъективными, связанными с незнанием предмета перевода, так и объективными – отсутствием данного термина в словарях родного языка, малая изученность области знания в стране и т.п. Иными словами, в таких случаях одного лишь лингвистического контекста будет мало.

До недавних времен в словарях отсутствовали переводы слов с полуаффиксами «*einweg»*- и «*mehrweg»*- со значением «одноразовый» и «многоразовый». Например: *Einwegflasche, Mehrwegflasche*. Однако эти слова не только пополнили общую лексику, но и закрепились как термины в текстах, связанных с экологией, охраной окружающей среды. Более того, как это часто бывает с повторяющейся многократно немецкой терминологией, слово может употребляться не полностью, что и составляет трудности при переводе. Иногда данное явление встречается в заголовке. Например: *«Mehrweg ist Klimaschutz»* – «Использование многоразовой посуды – защита климата».

В компьютерной технике и автомобильной технике может доставить хлопот при переводе слово *Bus,* которое ничего общего не имеет с понятием общей лексики «автобус». Это слово заимствовано из английского и имеет значение «шина», «магистраль», «реле». Не во всех областях знаний на помощь может прийти контекст. В области компьютерной техники понять , о чем идет речь, можно лишь зная специальный предмет, так как оба понятия, и шина, и реле . очень часто встречаются в этой области знания.

Таким образом, можно сделать вывод, что во избежание трудностей при переводе многозначной лексики и омонимов всякий раз необходимо следовать определенным правилам при переводе. Если в одних случаях достаточно словарной статьи и фразового контекста, то в других случаях необходим не только весь текст, но и экстралингвистические познания, поэтому очень важно, чтобы во всех специальных словарях были установлены однозначные соответствия значения термина для каждой конкретной, даже самой узкой области знания.

Источники и литература

1.Виноградов В. В. История русских лингвистических учений / В. В. Виноградов. – М., 2005. – 558 с.

2. Кожина М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1983. – 346 с.

3. Лейчик В. М. Термин и научная теория / В. М.Лейчик // Научный и общественно-политический текст: Лингвистические и лингводидактические аспекты изучения. – М.: Наука, 1991. – С. 12-27.

4. Шеллов С. Д. Терминологические поля и понятийная организация терминологии / С. Д. Шеллов // Начало. – № 8. – 2008. – С. 23-31.

УДК 811.161.2’373.22:165.194

Рогальська-Якубова І. І.

КАРТИНИ СВІТУ ГЕРОЇВ ХУДОЖНЬОГО ТВОРУ (НА МАТЕРІАЛІ РОМАНУ І. БАГРЯНОГО «ТИГРОЛОВИ»)

Статья посвящена анализу картин мира героев художественного произведения. Рассматривается структура, процесс формирования, роль и место ключевого концепта *Дальний Восток* в сознании героев романа И. Багряного «Тигроловы». Картины мира героев сопоставляются с авторской картиной мира, исследуются отличия в структуре концепта *Дальний Восток* в сознании автора и его героев.

Ключевые слова: картина мира, концепт, герой художественного произведения.

Статтю присвячено аналізу картин світу героїв художнього твору. Розглядається структура, процес формування, роль і місце ключового концепту *Далекий Схід* у свідомості героїв роману І. Багряного «Тигролови». Картини світу героїв зіставляються з авторською картиною світу, досліджуються відмінності у структурі концепту *Далекий Схід* у свідомості автора та його героїв.

Ключові слова: картина світу, концепт, герой художнього твору.

The article is intended to present the analysis of the concept *Far East*, which is the key concept in the novel by I. Bagrjany «Tigercatch». Its structure, role and significance in the individual world pictures of personages and the author are being traced.

Key words: world picture, concept, personage of the novel.

У когнітивній науці вже усталилася думка про існування художньої картини світу (КС), представленої у творах мистецтва [7, с. 40]. Художня КС ґрунтується на системі образів, створюваних за допомогою метафоричного переносу. У художній КС виділяється метафоричне поле, співвідносне з художнім образом. На мікроструктурному рівні виокремлюється переносно використана ознака-властивість, на мегаструктурному рівні – художній образ. Саме система художніх образів створює художню КС [3, с. 38]. Художня картина світу – інтегративне утворення, що формується уявою митця.

Дослідники зазначають також, що творення художньої КС не є процесом одностороннім, при якому активний митець формує КС твору, а пасивний реципієнт сприймає. Читач художнього твору виступає співтворцем, привносить своє розуміння твору, обумовлене індивідуальною КС. Прозирнути у світ автора, обійшовши читацький рівень, тобто рівень сприйняття, принципово неможливо [8, с. 4]. До того ж пізнати достеменно КС митця не можна, оскільки на даний момент не існує методів повного всебічного дослідження індивідуальної КС будь-якої людини. Але зазвичай віднаходяться відомості, що побічно свідчать про особливості авторської КС: це біографічна інформація, смаки, уподобання, вчинки, дії митця, поведінка в певних ситуаціях тощо. Дослідникам художньої творчості доводиться керуватися вказаними фактами, намагаючись пізнати КС митця й проінтерпретувати твір мистецтва. Художня КС складається в почуттях, свідомості, ідеальних прагненнях особистості з даних чуттєвого

сприйняття навколишнього світу [6, с. 24]. Це стосується як письменника, так і читача, відмінність лише в тому, що в першому випадку вона первинна по відношенню до мовних засобів, у другому – вторинна, тобто моделюється читачем з власного досвіду в процесі сприйняття мовної форми тексту [8, с. 4]. Тож, художня КС складається з двох шарів: шару творця художнього твору (концептосфера митця) й шару сприймача художнього твору (концептосфера читача) [6, с. 28], цим й обумовлюється аналіз творів.

Відкритим залишається питання про існування картин світу героїв художнього твору. Метою статті є спроба аналізу особливостей КС героїв прозового твору, співвідношення цих картин з авторською, відмінностей у структурі ключового концепту художнього твору в КС героїв роману І. Багряного «Тигролови».

Дослідниця КС героїв художніх творів англійської та російської літератури І. О. Мазірка аналізувала з точки зору психолінгвістики основні життєві установки персонажів. Науковець зазначає, що «МКС героя художнього твору складається з таких концептів: особистісно-психогенетичного (інформація про особистість і життєвий шлях письменника), особистісно-екзистенційного (інформація про життєвий шлях героя), особистісно-катартичного (інформація про конфлікт твору й методи його розв'язання), особистісно-когнітивного (інформація про життєвий досвід героя, його уявлення про життя, інших людей і про спілкування, погляди, світогляд), особистісно-вербально-семантичного (інформація про мовні засоби характеристики героя), особистісно-естетичного (інформація про композицію твору, літературно-художні прийоми, досліджені письменником)» [5, с. 13]. За допомогою запропонованої методики можна аналізувати загальну КС героя як систему цінностей, життєвих установок, поведінкових домінант.

Ми у своїй статті спробуємо визначити лише структуру одного концепту *Далекий Схід* у КС героїв роману І.Багряного «Тигролови». Аналізований концепт не завжди належить до стрижневих об'єктів свідомості персонажів, не в усіх випадках впливає на долю, систему поглядів героїв, але наявний у КС кожного. Безперечним є факт, що концепти КС літературних героїв виступають лише вираженням особистісної концептосфери й КС письменника [5, с. 4], чого немає у свідомості митця, не може бути й у КС персонажів. Як відомо, І. Багряний у 1932 році був заарештований і засуджений на 5 років концтаборів, присуд відбівав у БАМЛАГУ [4, с. 232], тож, з особливостями Далекого Сходу, Сибіру був знайомий. Концепт у свідомості письменника сформувався традиційним шляхом: спочатку відбулося накопичення сенсорних даних, отриманих від органів чуття, за допомогою яких сприймається конкретний образ пізнання; потім на основі сенсорних даних сформувався психічний образ пізнаваного об'єкта; нарешті відбулася категоризація цих психічних образів за допомогою наявних знань, концептів, що функціонують як перцептивні еталони [5, с. 11]. Картини ж світу героїв художнього твору є фрагментами проекції індивідуальної авторської КС, що виступає призмою, «крізь яку відображається реальна чи віртуальна дійсність, перетворюючись у художню КС певного твору» [2, с. 200].

У залежності від того, яку структуру й особливості формування має концепт *Далекий Схід* у свідомості, усіх героїв роману можна поділити на чотири групи. Перша група – в'язні, що їдуть відбувати покарання в таборах ДАЛЬЛАГУ. Для них концепт має вкрай негативне емоційне навантаження. У свідомості в'язнів Далекий Схід асоціюється з таборами, етапами, муками, знущанням, можливою близькою смертю. Більшість з них там не була, можливо, лише чула у в'язниці розповіді про табори Сибіру, тож, концепт не міг сформуватися в результаті контакту з дійсністю, а почав утворюватися лише на ґрунті уяви, що виникла за посередництвом знань, вражень, емоцій інших людей, у свідомості яких концепт вже наявний. Перша зустріч з Далеким Сходом була «підготована» свідомістю: негативні емоції поширитися й на природу, вона почала упереджено сприйматися негативно через психо-емоційний стан страху, зневіри, безперспективності, відрази. Концепт представлений у мовній КС роману номенами, що мають негативну конотацію. Ландшафт характеризується як *нетрі (70 уживань), пустеля, хащі, дике бескиддя* [1, с. 5], *страшна дика пуща* [1, с. 62]. Щодо географічного розташування, то значна віддаленість означена номенами *безвість, край світу, небуття* [1, с. 6], *кінець землі* [1, с. 10], *кінець світу* [1, с. 15], *далекий-далекий краєчок землі* [1, с. 49], майже всі вони мають оцінну конотацію неприйняття, страху, відрази, заперечення. Вербалізуються почуття безнадійності, приреченості в'язнів, що виникло у зв'язку з їх транспортуванням на Далекий Схід: *«[потяг] хоче замчати їх у безвість, щоб не знав ніхто де і куди, – за тридев'ять земель, на край світу, мчить їх у небуття. І ніхто-ніхто їх не визволить, і вже не врятує, і ніхто навіть нічого не знатиме й не почує про них. Ніч. Чорна, безмежна ніч»* [1, с. 6]. Топонім *Сибір* характеризується через епітети *глухий, непроглядний*, асоціюється з ніччю, де тьма реальна зіставляється з тьмою життя, тобто безнадією: *«женуть вони отак божевільним темпом через глуху ніч і крізь ще глухіший Сибір»* [1, с. 7]. Виключно на психологічному сприйнятті, що ґрунтується на фактах-здогадах у свідомості в'язнів побудовано фрагмент концепту, вербалізований у МКС номенами *земля невимовних людських страждань, вимощене кістками гробовище, понура «юдоль розпачу й сліз людських»* [1, с. 22], *проклятий край* [1, с. 35], *страшний край* [1, с. 61], *чужа чужина* [1, с. 62]. У КС в'язнів могли бути наявні знання, отримані комунікативним шляхом, про призначення етапу, кінцевий пункт прибуття – *«до тієї прірви, що десь утворилася і що її від років уже вимощують людськими кістками та душами і не можуть ніяк загатити»* [1, с. 7]. Отже, концепт *Далекий Схід* у КС в'язнів сформований на основі знань, вражень, отриманих від інших вербальним шляхом, збагачений власними емоціями від сенсорних даних, значною мірою обумовлений важким психологічним і соціальним станом героїв.

До другої групи належать герої, що їдуть на Далекий Схід шукати щастя, екзотику, велику зарплату. Це *«інженери і авіатори, ударники і так літуни, партпрацівники і туристи, колгоспні колективізатори й радгоспні бюрократи, раціоналізатори й індустріальні авантюрники, прокурори і розтратники, потенційні злодії… Цивільні і військові… Працівники «революційної законності» і контрабандисти»* [1, с. 14]; *«Шукачі щастя і довгих карбованців»* [1, с. 14-15]. Ця група радянських громадян дізналася про Далекий Схід завдяки масовій агітації, політиці партії, що видавала порційно лише інформацію, вигідну для реалізації задумів вождів держави. Концепт *Далекий Схід* теж почав формуватися у свідомості цих громадян не внаслідок прямих контактів з дійсністю, а опосередковано, через агітаційні промови. До того ж інформація, отримана радянськими людьми, викривлена, спотворена, неповна. Першими фрагментами концепту стали хибні відомості, що й вплинули на ставлення мандрівників до Далекого Сходу. Для них це *невідомий і вимріяний, казковий край; дивне золоте ельдорадо* [1, с. 14], *благословенне, ще незнане, неспізнане, але прекрасне, привабливе; загадкова, екзотична країна; справді казковий світ* [1, с. 15]; *світ пригод і романтики, фантастичних історій і небувалих подій; неймовірно казкова країна;*

дивовижна, найекзотичніша і найфантастичніша країна у світі – російський, чи то пак тепер совєтський Клондайк; інтернаціональне золоте ельдорадо [1, с. 16]; *екзотика; химерна, казкова країна; опоетизований Клондайк і разом едем* [1, с. 18]; *фантастична і дивовижна земля* [1, с. 21]; *фантазія; казка; світ пригод* [1, с. 24]; *благословенна земля* [1, с. 27]; *невідомий, але омріяний край* [1, с. 34]; *благословенний, розпропагований, опоетизований ДВК* [1, с. 160]. Очікування героями зустрічі з Далеким Сходом характеризується піднесеністю, свідомість із захопленням, навіяним раніше партією, сприймає природу, ландшафт, представників різних народностей з їх традиціями, звичаями, предметами побуту. Концепт на етапі першого знайомства з Далеким Сходом містить виключно фантастичну інформацію з яскраво вираженою конотацією захоплення, піднесеного очікування. Але І. Багряний, як і російські та англійські письменники, викриває брехню, блазнювання й обмеженість доктрин різних політичних партій та їх руйнівну роль для концептосфери особистості героїв художніх творів [5]. Реальна дійсність докорінно відрізнялася від очікуваного, мандрівників чекав 50-градусний мороз, хвороби, злидні, важкі умови роботи, безпорадність, розпач, сум за покинутою Батьківщиною. Тобто після зіткнення з реальністю концепт *Далекий Схід* у свідомості прибулих почав змінюватися: інформація, отримана від сенсорного пізнання, витіснила поступово інформацію політичних агітацій, що була подекуди хибною, занадто емоційною. У ядрі концепту зосередилися відомості про фактичний стан справ, інформація, близька до реальності, конотація захоплення зникла, в індивідуальних КС деяких героїв з'явилися негативні враження.

Традиційним шляхом формувався концепт *Далекий Схід* у свідомості мешканців цієї території. Вони мали змогу отримати інформацію про дійсність, природу, умови життя безпосередньо з довкілля. У структурі концепту відсутні яскраво виражені негативні чи позитивні конотації. Люди, що тут живуть, навіть якщо вони переїхали з іншого краю, але вже досить давно, ставляться до Далекого Сходу, як до Батьківщини. Мала соціальна група мешканців тайги сприймає умови життя в лісі як належне. Ядро концепту для них спільне й містить узагальнене поняття про світ, акумулює знання про певний фрагмент дійсності, звісно, має зв'язок з ментальністю й включає ціннісний компонент. В індивідуальних КС периферію структури концепту можуть доповнювати асоціації, образні компоненти, конотації. У свідомості мешканців Далекого Сходу концепт містить нейтральну інформацію про ландшафт: там наявні ліс, гори, сопки, кряжі, долини, ріки, озера, струмки, водоспади, улоговини, паді (долини), становики, солонці (солона земля, утворена після лісових пожеж або штучно створена людиною), гарі (вигорілі нетрі), марі (гірське багно, здатне поглинути людей). Нейтрально сприймається рослинний світ: сосни, смереки, ялини, полярні берези, коркове дерево, кедри, осики, ліщина, колючий горіх, черемха, дуби, виноград, женьшень, клюква, ліани, в'юнок, мох, дзвіночки, саранки (квіти), плакун, кипрей (малі рожі), дикі ромашки, мак, очерет. Фауна представлена тваринами (лось, тигр, гімалайський і полярний ведмідь, барс, шляхетний олень, сніжний горал, єнот, росомаха, козуля, зубр, вепр, куниця, харза, вовк, рись, бурундук, вивірка, ізюбр (неплямистий олень), летяга (летюча білка), горностай, колонок, солонгой), птахами (глухар, сова, тетерок, рябок, сойка, качки-клоктушки), комахами (бджоли, метелики, мошкара, паут (комарі), гнус), видами риби (омулі, сивуч, нерпа, таймень), плазунами (гадюка сіра, полоз, щотимордник – отруйна гадюка). Нейтрально мешканці Далекого Сходу ставляться й до явищ природи, кліматичних особливостей: *влітку 35-градусна спека, сонце вдень пече немилосердно, вранці холодна роса, в ущелинах туман, мокро й напівтемно, ввечері сутінки спускаються швидко* [1, с. 86], *вночі по тайзі не ходять – темно, хоч в око стрель* [1, с. 91], два дні поспіль може йти дощ, подібний до африканської зливи [1, с. 121]. *Осінь золота, але швидка, коротка, у жовтні починається зима, пішли сніги, вдарили морози* [1, с. 138]. Взимку мороз 50 градусів *«і в той же час не було так холодно… То є дивна річ. В інших краях при багато меншому морозі, але при великій вогкості повітря людина відчуває холод значно прикріше. А тут – тихе і сухе, висушене морозом повітря потребувало лише руху»* [1, с. 162]. *Сніг сипав такий, що нічого не видно; вітер крутив віхолу* [1, с. 142]; *сніги глибокі, а стежки непроторені* [1, с. 144].

Четверту групу становить один головний герой – Григорій Многогрішний. Він разом з іншими в'язнями їде на Далекий Схід відбувати 25-річне покарання за український буржуазний націоналізм. У його свідомості спочатку структура й процес формування концепту подібні до ментальних утворень у свідомості інших в'язнів. Але згодом, після ближчого знайомства з природою, особливостями життя людей у ній, свідомість Григорія збагатилася новою фактологічною інформацією. Позитивне ставлення до Далекого Сходу родини Сірків, що стала майже рідною сім'єю для головного героя, вплинуло на появу позитивних конотацій у структурі концепту свідомості Григорія, хоча первісне уявлення не зникло, а продовжувало конфліктно співіснувати з новим. Для героя це *«край – як гарячкова фантазія п'яного, як маячіння божевільного. Витвір космічного жарту, а чи плід космічного катаклізму, а чи то плід всесвітнього гумору. Край парадоксів. Симбіоз субтропічного раю і сибірського пекла»* [1, с. 19]. Можна припустити, що подібне ставлення до Далекого Сходу було й у самого автора І. Багряного. Відомо, що він також утік у 1937 році з таборів БАМЛАГУ, але у 1938 році був повторно заарештований [4, с. 232]. Г. Многогрішному вдалося переховуватися, а потім перейти кордон і знайти своє щастя. У світовій літературі подекуди трапляються випадки, коли письменник, розкриваючи образ соціально-конструктивної особистості, показує не лише дуже подібні до його власних життєві настанови, але й намагається часто в кінці твору покращити ці настанови в героя, здійснити те, про що сам мріяв, але йому не вдалося. Можливо, це допомагає самому письменнику й приносить задоволення читачеві, оскільки поглиблює катартичний ефект твору [5].

Отже, КС героїв художнього твору створює автор, основою стають його знання, почуття, емоції. Чого не було у свідомості автора, не може виникнути в КС персонажів. Але кожен герой представляє відбиток лише фрагмента авторської уяви, до того ж митець може створювати віртуальну дійсність. Крім цього, при інтерпретації художніх творів неможливо уникнути впливу КС реципієнта. Тож, у подальшому перспективним є вивчення загальної КС героїв, а також окремих концептів свідомості персонажів.

Джерела та література

1. Багряний І. П. Тигролови: Роман / І. П. Багряний. – К.: Український письменник, 2000. – 215 с.

2. Белоусова Е. Г. Основные характеристики художественной картины мира, репрезентируемой в произведениях жанра фэнтези / Е. Г. Белоусова // Молодой ученый. – 2011. – № 4. – Т. 1. – С. 200-202 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.moluch.ru/archive/27/3008/.

3. Зеленько А. С. Різновиди моделей світу і місце мови у процесі пізнання (від семи до моделі світу)/ А. С. Зеленько // Studia methodological. – Тернопіль: ТДПУ, 1998. – № 4. – С. 34-38.

4. Історія української літератури ХХ ст. У 2 кн. / За ред. В. Г.Дончика. – К.: Либідь, 1998. – Т. 2. – 456 с.
5. Мазирка И. О. Психолингвистические основы вербальной характеристики личности и языковой картины мира героев художественной литературы: автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / И. О. Мазирка. – М., 2008. – 38 с.
6. Петрова Л. А. Художественная картина мира в русском сатирико-юмористическом нарративе начала ХХ столетия: дисс.на соискание ученой степени доктора филол. наук: спец. 10.02.02 «Русский язык» / Л. А. Петрова. – К., 2008. – 417 с.
7. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.
8. Степанченко И. И. О методологических проблемах анализа текста / И. И. Степанченко // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Ros_fil/2008_3-4/15.html.

УДК 372.8

Романов А. А., Малышева Е. В.

СУГГЕСТИВНАЯ ПРИРОДА ТАКТИЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДИАЛОГЕ

Использование суггестивного механизма общения достаточно активный и широко практикуемый процесс в обыденной коммуникации, в котором эмотивная компетенция говорящего субъекта как когнитивного агента выступает как один из основных параметров, определяющих прагматику его коммуникативного поведения в условиях дискомфортного использования эмотивных вербальных и тактильных стимулов.
Ключевые слова: коммуникация, диалог, суггестия, речевое поведение, невербальное общение.

Використовувати суггестивныи механізм процесу комунікації досить активні і широко практикується в повсякденному спілкуванні, в якому спікера компетенції, як когнітивних теми когнітивної агента, який виступає в якості одного з ключових параметри, що стосуються його прагматизм комунікативної поведінки в умовах дискомфортних використання emotive словесного і тактильні подразники.
Ключові слова: спілкування, розмова, словесні поведінки, пропозиція невербальне спілкування.

Using the suggestive mechanism of communication quite active and widely practiced process in everyday communication, in which the speaker's competence as a cognitive subject's cognitive agent acts as one of the key parameters relating to his pragmatism of communicative behavior under conditions of discomfortable use emotive verbal and tactile stimuli.
Keywords: communication, dialogue, suggestion, verbal behavior, nonverbal communication.

Состояние современной коммуникативной лингвистики характеризуется наличием различных аспектов её исследования. С одной стороны, существует потребность исследовать разнообразие коммуникативных форм комплексного (речевого и неречевого) поведения участников диалогической коммуникации и различных видов отношений, сложившиеся между коммуникантами в процессе реализации в социуме специфики норм и правил «регулятивной деятельности» коммуникативного обмена [17, с. 25]. С другой стороны, появляется необходимость исследовать не только языковую манифестацию процесса коммуникации, функции и прагматическую (иллокутивно-интенциональную) направленность ее форм (конструкций), маркированных определенными семиотическими «показателями коммуникативно – регулятивного процесса» [17, с. 54], но и выявить содержательно-функциональную специфику разновидностей (различных типов) авербального (неречевого, невербального, кинестетического) общения, вплетенных в ходе коммуникативного обмена в «системный архив», по М. Фуко, речевых практик, как в общем контексте исследования коммуникации, так и в ее отдельном проявлении с позиций комплексного подхода к коммуникативным (вербальным и авербальным) действиям.

Обозначенные подходы к анализу названных проблем делают изучение различных аспектов современной коммуникации, как в целом, так и в частности, одной из сложных проблем исследования коммуникативной интеракции в современном социальном обществе. В этом ряду особую значимость приобретают исследования таких единиц коммуникативного взаимодействия, которые способны отражать комплексный характер семиотического (знакового) ряда как языкового, так и неязыкового порядка в диалогической интеракции и которые вплетены друг в друга в процессе реализации определенных коммуникативных целей, намерений и замыслов, т. е. в процессе регулятивной – как диалогоорганизующей, диалогонаправляющей и диалогокоординирующей деятельности участников коммуникативного обмена. К числу названных коммуникативных единиц относятся комплексные единицы жестовых, кинестетических, праксемических и речевых действий, одновременно включенных в контекст типового коммуникативного пространства диалогической интеракции и образующих вербально – авербальные комплексы (сокращенно ВАК).

В этом плане изучение регулятивной специфики таких единиц как прикосновений, включенных в систему диалогического интерактивного общения лицом-к-лицу, представляет значительный интерес для теории речевой и регулятивной деятельности и может занять определенное место в ряду современных исследований по невербальной коммуникации и лингвосемиотике, которые дают возможность выявить некоторые особенности взаимоотношений языка (как вербального компонента общения) и тактильного поведения (как невербального компонента общения) в рамках прагматического контекста диалогической интеракции [см.: 11; 18].

При этом нужно иметь в виду, что процесс взаимодействия тактильных и вербальных единиц в диалогической интеракции протекает под воздействием не только внутренних (психоэмоциональных) факторов, отражающих в себе особенности развития и формирования телесных признаков корпореальности и специфику акта хабитуализации в значении «усвоения и привыкания к чему-то, превращения этого чего-то в составную часть своего облика» [1], но и внешних (социальных), сформированных под воздействием лингвоэкологической среды коммуникативного пространства говорящей личности в структуре эмотивного семиозиса социальной коммуникации. Поэтому и процесс социализации человека как структурной единицы общества происходит под влиянием определенных эмоций (различного уровня и порядка) и формируется в прямой зависимости от выбора семиотических знаков для репрезентации себя в современном социуме, отражает состояние говорящего с точки зрения психического восприятия объектов окружающей действительности и влечет за собой как изменение самого индивидуума, так и его языка, выступающего как способ и средство взаимодействия с партнером по диалогу.

В этой связи становится очевидным, что любое коммуникативное взаимодействие может осуществляться, как минимум, в трех ипостасях (моделях, сферах), где процесс коммуникативной интеракции как целенаправленной связи может в имплицитном виде (без осознания) опираться на понимание коммуникации как (*а*) некоторого энергоинформационного обмена, как (*б*) бессознательного проецирования и как (***в***) внутриличностного процесса. При этом каждая из указанных сфер будет описывать «как бы «сценарий» того ближайшего общения, в процессе которого оно родилось» [2, с. 78-79; см. также: 3]. В частности, квантово-релятивистская модель сферы взаимодействия (б) описывает коммуникативный процесс, направленный на установление «порядка через флуктацию», в котором мир представляет собой голограмму, паттерн, имплицитный порядок [ср.: 13, с. 91-92].

В свою очередь, коммуникативный процесс модели сферы (*в*) трактует уже категорию материи как «стоячую волну по отношению к физическому телу человека», так как его сознание характеризуется полеволновыми качествами, а именно – «неразрывностью» и «нелокальностью» [7].

Примечательно, что сам коммуникативный обмен описывается преимущественно в рамках «дискретного» диалогоорганизующего начала, т. е. как речевая форма естественного взаимодействия. Однако, в качестве основного коммуникативного механизма сферы энергоинформационного обмена, т.е. сферы (***а***), выступает «психическое заражение», в терминологии Б. Д. Парыгина [ср. сходные термины «психический вирус» у Р. Броди и «категориальный или программный регулятив» в [17], которое, однако, не получило еще развернутой интерпретации.

Примечательно, что для более глубокого понимания друг друга, например, психотипами участников коммуникативной интеракции важно не замыкаться на какой-то одной из обозначенных сфер или какой-то одной из конкретных моделей коммуникативного взаимодействия, а целесообразно опираться на комплексный характер всего модельного ряда. В частности, возможно использование модели энергоинформационного подхода, одним из положений которого является представление о том, что процесс понимания партнерами по коммуникативному взаимодействию обусловлен имплицитной настройкой энергетических контуров или степенью соответствия открытости энергетических центров общающихся людей [ср.: 12, с. 108-118]. Важно при этом иметь в виду, что если у партнеров по коммуникативной интеракции обнаруживается такое соответствие, то они понимают не только то, что сообщается, т. е. пропозициональную составляющую высказанного (выражения, высказывания, комплексного коммуникативного акта, дискурсивной практики), но они также осознают их интенциональную и иллокутивную направленность, т. е. «для чего» и «зачем» («с какой целью» и «каким образом») используются данные языковые конструкции с учетом выражения формальных показателей речевых актов с различной иллокутивной функцией, маркируя их соответствующими показателями различного порядка [11; 17; 19; 23], например: *Ну, бывайте здоровы, мои дорогие. – Давыдов обеими руками обнял сунувшуюся к нему Варю и ее мать, решительно повернулся и пошел к двери* [27, с. 491].

Комплексный характер взаимодействия модельного пространства коммуникативной интеракции (*а – б - в*) опирается на механизм общения, «не требующий членораздельной речи» и основанный на «общении жестами, мимикой, нечленораздельными звуками и т. п.», [9, с. 16; см. также: 15; 16; 20; 21; 22], т. е. ***на суггестивный механизм «трансфера», «переноса»***, восходящий, по определению Л. Шертока, «к отношениям, гораздо более архаическим, строго «дуальным», «допредметным», уходящим корнями в животный мир, состояние, в котором коммуникация осуществляется на чисто аффективном уровне, ещё не связанном с образным содержанием [цит. по: 25, с. 210]. Определение «допредметные отношения» здесь надо понимать не в смысле вещизма, а в смысле «до-деятельностные отношения», имея в виду, конечно же, «предметный характер человеческой деятельности» [25, с. 211], когда, находясь под определенным воздействием, человек «как бы отступает к более примитивным формам коммуникации, к чисто «аффективному регистру», соответствующему функциям наиболее архаических структур нервной системы, палеокортекса [25, с. 211; см. также: 20; 21; 22; 26]. Л. Шерток продолжает: «Речь, стало быть, идет о врожденной ***исходной потенциальной способности к установлению отношений***, составляющей некую как бы ***незаполненную матрицу***, в которую в ходе дальнейшего развития будут вписываться все последующие системы отношений» [цит. по: 25, с. 211; ср. схожую систему установления отношений между собеседниками в ситуации перформативной коммуникации в 23]. Было бы справедливым, по мнению Е. В. Кослиловой, «расширить понятие суггестии» (суггестивного общения) и включить в объем этого понятия «невербальное общение близких людей, например, влюбленных (конечно, не во всех случаях), супругов с большим стажем, и особенно – матери и младенца» [9, с. 17], т.е. общение таких участников коммуникации, «кодекс доверия» [17, с. 55-68] которых по отношению друг к другу уже установлен и не подлежит изменению, ибо эффект «понимать друг друга с полуслова» или вообще без слов (ср. диалог без слов Левина и Кити в романе Л. Н. Толстого) – «это типичный эффект действующих суггестивных механизмов». Поэтому «было бы большой ошибкой», считает автор, «рассматривать суггестию как нечто насильственное, как какой-то недобровольный гипноз» [9, с. 17].

Говоря о суггестивной природе коммуникации и ее роли как базового первоэлемента (на уровне первичной ступени) в выстраивании отношений между ее участниками, нельзя не отметить ряд ее особенностей, а именно: *а*) суггестивное общение сочетается с типом мышления, который также может быть назван суггестивным [9, с. 19; см. также: 15; 16], *б)* суггестивное общение помимо иерархических взаимоотношений (суггестор-суггестант) допускает также и товарищеское общение на равных [20; см. также: 15; 16; 21; 22], *в*) вместе с непосредственной суггестией (директивностью, повелением) действует и интердикция или запрещение, по Б.Ф. Поршневу [15; 16], *д*) суггестивное общение обладает важнейшим свойством «интериоризации», понимаемой как «усвоение некоторого материала», включающего в себя «цели деятельности, программы и алгоритмы, а также ценности, представления о морали» без знания о том, что «источник этого материала был внешний» [9, с. 16; см. также: 15; 16; 20], *е*) удерживание суггестии «в себе», присваивая себе общие цели и рассматривая их в качестве своих [9, с. 17] и проявляя тем самым свойство синергии – «соработничество», «сотворчество», что позволяет автономно протекать деятельности без непосредственного принуждения; в результате: автономность деятельности и интериоризация суггестии образуют «две стороны одного явления» [там же]. К особенностям суггестивного общения следует также отнести и то, что «суггестивные механизмы действуют обычно быстро, они удобны и пользуемся мы ими совершенно добровольно» [9, с. 17; ср. также: 15; 16; 20; 21; 22]. К этому нужно добавить, что особенностью суггестивного мышления при суггестивном общении является свойство индивида «не отрывать себя от коллектива»,

когда частные цели коллектива, связанные с индивидом, становятся личными целями индивида, а другие индивиды рассматриваются как «средства для достижения своих целей [9, с. 17]. Кроме того, на данном этапе наблюдается доминирование коллективного мышления, интенсивность которого выше всего у «лидера в общении или ведущего» [17].

Как отмечают исследователи в области коммуникативного взаимодействия, «для современных людей суггестивный тип взаимодействия является достаточно обычным» [9, с. 17; о суггестивной модели общения см. подробнее: 21, с. 41-45, а также: 21; 22], поскольку каждый человек обладает опытом интериоризации коллективной деятельности. Использование суггестивного механизма общения – а это касается как активной суггестии, так и её рецепции – достаточно активный и широко практикуемый процесс в обыденной коммуникации: «нам одинаково удобно и быстро передать свое желание, и когда мы можем это сделать жестом, мы предпочитаем жест слову, и понять желание другого, и мы, соответственно, предпочитаем понимание жестов пониманию слов. Наоборот, общение, в котором совершенно отсутствуют элементы суггестии, обычно кажется нам затруднительным, иногда до такой степени, что мы домысливаем эти отсутствующие механизмы» [9, с. 17; см. также: 11; 18; 20].

В комплексном проявлении суггестивного механизма общения следует обратить внимание на особую роль механизма энергетического резонанса, который создает условия для более эффективной информационной передачи в коммуникативном обмене и, в свою очередь, будет определяться соответствием уровня открытости энергетических центров каждого из коммуникантов, а также отражать формальное и искреннее отношение между собеседниками, формировать их уровень или «кодекс доверия» [17], тем самым, настраивая в дальнейшим на улучшение / ухудшение их самочувствия как следствие формирования психоэмоционального восприятия объектов действительности, например: *Какая ты дрянь, Лерка! – Настя схватила подругу за рукав и развернула к себе лицом. – Какая же ты дрянь, я до сих пор в это не верю! Ты же не такая была! – Ну, знаешь, – без запинки ответила Лера, – ты тоже не была убийцей, когда мы дружили* [10, с. 186].

Таким образом, в этой разновидности коммуникативного взаимодействия можно выделить три состояния открытости центров по отношению друг к другу – *гармонично открытые* (гармоничные), *чрезмерно открытые* и *закрытые* [ср–: 12]. Так, по мнению Антонио Менегетти [12], обобщенный вид взаимодействия таких центров в человеке может служить основанием для построения типологии личности. Одинаковая направленность открытия этих энергетических центров является условием хорошего взаимопонимания. По мнению исследователей, это экзистенциональный уровень эволюции сознания, утверждающий идею биологической ценности жизни, когда *язык* используется *в качестве инструмента в социальном взаимодействии*. В этом плане язык используется коммуникантами как инструмент познания и рефлексии. Из сказанного вытекает, что уровень понимания может определяться близостью типов личности с точки зрения открытости и активности соответствующих энергетических центров. Нельзя не привести в этой связи тонкое замечание Александра Лоуэна: «Живые организмы от неживой природы отличает тот факт, что в организмах этот процесс происходит внутри мембраны, благодаря чему произведенная энергия не теряется в окружающую среду, а используется организмом для выполнения своих жизненных функций. Процесс построения связи с внешним миром является энергетическим процессом» [8, с. 13].

Следовательно, коммуникативное взаимодействие не сводится только к внешним обменам сигналами, а понимание другого не приравнивается только к пониманию его дискурса, так как, по мнению Т. ван Дейка [4], человек всегда делает больше, чем он думает, что делает, когда порождает дискурсы и все вербально-авербальные комплексы в процессе «регулятивной (диалогоорганизующей, диалогонаправляющей, диалогокординирующей) деятельности» [17]. Ср.: *Я сочувствую вам. Очень, – сказала она, пожимая холодную руку Тараса Шульговского, который промок до нитки. Дождь по-прежнему буйствовал, но Тарас все равно побежал вместе с ней к подъезду. – Иначе я буду волноваться, – объяснил он* [5, с. 374]. Сказанное означает, что имплицитная структура коммуникации может сводиться к унисону (взаимной настроенности) или диссонансу (отсутствию таковой). При этом наблюдается следующая закономерность: чем более высокий уровень эволюции сознания коммуниканта, тем в большей степени он способен производить подстройку к другому. Иначе говоря, он способен к более глубокому пониманию другого. Другая сфера скрытой (имплицитной) коммуникации касается механизмов взаимодействия сознательного и бессознательного, особенно это характерно для интерактивных процессов в массовой коммуникации и социальном общении, например: *Я тебе, в гроб твою, посамовольничаю! Я вот вызову зараз свой полк из-под Каргинской, так аж черт вас тут возьмет! Григорий вдруг схватил Кудинова за сыромятный кавказский поясок, шатая, раскачивая, с холодным бешенством зашептал: – Хочешь зараз же открою фронт? Хочешь зараз вон из тебя душу выпущу? Ух, ты!.. – Григорий скрипнул зубами, отпустил тихо улыбавшегося Кудинова. – Чему скалишься? Кудинов поправил пояс, взял Григория под руку: – Пойдем ко мне* [29, с. 237, т. 2].

Как отмечает Е. В. Улыбина, «специфика массового, общественного, группового сознания, в том числе заключается в проявлении наиболее глубоких, древних и общих для всех качеств… близости общественного и мифологического сознания с бессознательным» [26, с. 13-15]. К особенностям языка бессознательного причисляют: невозможность разделять содержание и средства выражения содержания; низкий уровень обобщения, невозможность использовать и выражать абстрактные понятия; отсутствие линейного времени, а наличие циклического времени; отсутствие отрицаний и терпимость к алогизмам. Кстати говоря, проявление обыденного сознания в коммуникации связано с действием механизма проекций, описанного З. Фрейдом, когда наблюдается сильное сопротивление в отношении принятия их собственной тени. Человек сопротивляется собственной тени, тем аспектам, которые ему не нравятся, и потому проецирует их. Поэтому внешняя информация в коммуникации должна расшифровываться, т. е. имплицитная информация исходной теневой формы может быть обнаружена путем перевода внешних симптомов в исходную формулу. Вероятно, такое расхождение между двумя информациями, между «маской» и «тенью», т. е. сознательным и бессознательным является причиной потери психической энергии, а, следовательно, ведет к ухудшению самочувствия коммуникантов и интралингвального аспекта (связаного с культурой речи, стилистикой, риторикой, а также нарушения правильности, ясности, логичности, выразительности речи) коммуникации, например: *Хорунжий вывернул кровью дурной налитые глаза, подскочил к старому постовалу, звонко хлестнул его по щеке. – Руби его, Шустров!.. Я отвечаю!.. Да бей же, в закон твою мать*! [28, с. 77].

Быть может, по этой причине, участники диалогической интеракции не всегда придерживаются в ходе

реализации своих коммуникативных целей и намерений принципов вежливости и тактичности (такта и «внесловесного трения», в понимании В. Н. Волошинова [см.: 2; 3]), а лишь реализуют эмотивную (экспрессивную) функцию языка, которая связана с адресантом и имеет своей целью «прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит. Она связана со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных; поэтому термин «эмотивная» (функция), который ввел и отстаивал А. Марти, представляется более удачным, чем «эмоциональная» [30, с. 198; также: 26].

Как известно, в языке одно и то же содержание даже интонационно или с помощью диалогических средств невербального порядка можно оформить так, чтобы было понятно наше ***одобрение, осуждение, согласие*** и т.д., например: *Лезь сюда, я помогу. Я неловко уселась на подоконник и принялась сползать вперед ногами, Шальнов подхватил меня на руки и через секунду прижал к себе, хотя мог бы обойтись и без этого. – Ты что делаешь? – прошипела я. – Что? – удивился он, все еще не выпуская меня из рук, более того, сжимал в объятиях с увеличивающимся рвением. – Не прикидывайся. Между прочим, ты муж моей сестры* [14, с. 159].

Очевидно, что в рамках подобного диалогического взаимодействия и формулируется «нормативная» база коммуникативного поведения говорящего субъекта, охватывающая общекультурные нормы, групповые нормы, ситуативные нормы и индивидуальные нормы. Также очевидно, что общекультурные нормы коммуникативного поведения характерны для всей лингвокультурной общности социума и в значительной степени отражают принятые правила этикета и нормативного вежливого общения. Ситуативные нормы обнаруживаются в случаях, когда общение определяется конкретной экстралингвистической ситуацией. Индивидуальные нормы коммуникативного поведения отражают индивидуальную культуру и коммуникативный опыт индивида и представляют собой личностное преломление общекультурных и ситуативных коммуникативных норм в языковой личности.

Парадигма коммуникативного поведения также включает в себя социально и коммуникативно значимое бытовое поведение, определяемое как совокупность предметно-бытовых действий людей, получающих в данном обществе, в данной лингвокультурной общности смысловую интерпретацию и тем самым включающихся в общий коммуникативный процесс и влияющих на поведение и общение людей. Одним словом, бытовое поведение рассматривается как своеобразный «язык повседневного поведения» [3]. В основе коммуникативного поведения лежит обыденная реальная дискурсивная практика или «жизненное высказывание», по В.Н. Волошинову [3, с. 189], включенная в коммуникативный процесс как «форму жизненного общения» [3, с. 190]. Поэтому коммуникативное поведение можно рассматривать как следствие и реализацию совокупности социальной, психической, когнитивной, языковой и эмоциональной компетенций языковой личности в конкретных формах жизненного общения (вербального и невербального прядка), например: *Так было: июль знойный, на межах желтопенная ромашка, покос хлебов, Игнашке Бодягину – четырнадцать лет. Косил с отцом и работником. Ударил отец работника за то, что сломал зубец у вил; подошел Игнат к отцу вплотную, сказал, не разжимая зубов: – Сволочь ты, батя... - Я?! – Ты... Ударом кулака сшиб с ног Игната, испорол до крова чересседельной. Вечером, когда вернулись с поля домой, вырезал отец в саду вишневый костыль, обстрогал, – бороду поглаживая, сунул его Игнату в руки; – Поди, сынок, походи по миру, а ума-разума наберешься – назад вертайся, – и ухмыльнулся. Так было* [28, с. 31].

Любопытно, что в лингвистике выделено большое количество параметров языковой личности, детерминирующих ее коммуникативное поведение. Нередко эти параметры объединяются под общим понятием, именуемым как «языковой паспорт». В объем этого понятия включают видородовые признаки («паспортные данные») говорящей личности, такие как пол, возраст, национальность, социальный, ролевой статус, образование, профессия и др. И хотя их связь с экстралингвистической природой языковой личности налицо, тем не менее, они (как «паспорт») играют существенную роль в общении, так как, в первую очередь они через речевую специфику (интонацию, манеру, лексический запас и т. д.) презентируют говорящего субъекта собеседникам по коммуникативному процессу и, тем самым, накладывают отпечаток на уровень отношений между коммуникантами и манеру их речевого поведения, и, что немало важно, они оказывают существенное влияние на языковую, эмотивную, коммуникативную компетенцию каждого из собеседников в целом, а значит, они влияют на саму структуру личности говорящего субъекта, которая, по мнению Ю. Н. Караулова [6, с. 71], «строится по пересекающимся осям: виды речевой деятельности, уровни языка и степень владения соответствующим компонентом данного уровня», например*: Ты где бываешь ночьми, гаденыш? Молчит Алешка. Банка с маслом косилочным в пальцах у него подрагивает. – Где бываешь, говорю?! - В клубе... , – А-а-а... в клубе? А этого ты не пробовал, так твою мать?! Кулак у хозяина весь желтой щетиной порос и тяжел, как гиря. Стукнул Алешку по затылку, а у того в ноги подвернулись, упал грудью на косилочные крылья, из глаз, словно просяная рушка, искры посыпались. – Малость отвыкнешь шляться!.. А нет, так убирайся со двора к чертовой матери, чтоб и духом твоим не воняло тут!* [28, с. 49].

Иначе говоря, *эмотивная / эмоциональная компетенция* говорящего субъекта как когнитивного агента выступает как один из основных параметров, определяющих прагматику его коммуникативного поведения в условиях дискомфортного использования эмотивных вербальных и тактильных стимулов, где «одновременное включение в коммуникацию экстралингвистических средств» в виде тактильных действий раскрывает соотношение элементов комплексного эмотивного семиозиса в процессе коммуникативного обмена и в наибольшей степени отражает специфику характера интерактивного общения, а это означает, что культурная природа эмоциональных реакций» заслуживает особого внимания, потому что она опирается на идею эмоционологии как нормативной системы эмоциональных представлений, существующих в определенной культуре, с которой индивидуальное эмоциональное поведение так или иначе соотносится. Коль скоро человек живет в рамках такой эмоционологической системы, включающей в себя нормы, принципы, правила, эталоны и т. д., то его поведение в процессе реализации жизненных сценариев обусловливается эмоционологическим кодексом, отражающим механизмы предписания трансляций ощущений и чувств в формы поведения, в том числе и языкового поведения. Таким образом, в человеке коммуникативном есть очень сильное и укорененное самоощущение, с которым человек живет, но, в то же время он находится в противоречии с очевидными фактами. К таким очевидным фактам следует, в первую очередь, отнести положение (установку), что *эмоция* – феномен в высшей степени предсказуемый, так как именно она влияет не только на поведение языковой личности в ее вербальных и невербальных аспектах, но и на ее формирование под воздействием окружающей среды.

Источники и литература

1. Бурдье П. Структуры, Habitus, Практики / П. Бурдье // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – С. 16-39.
2. Волошинов В. Н. Фрейдизм. Критический очерк. – М.-Л: ГИЗ, 1927 / В. Н. Волошинов. – Перепечатано и цитируется по: Волошинов В. Н. (М. М. Бахтин). Фрейдизм. Комментарии В. Махлина. – М.: Лабиринт, 1993. – 120 с.
3. Волошинов В. Н. Отчет о работе в ИЛяЗВе аспиранта В. Н. Волошинова за 1927-1928 гг. / В. Н. Волошинов // Valentin Nikolaevič Vološinov. Marxisme et Philosophie du Langage / Éditoral bilingue traduite du russe par Patrick Sériot et Inna Tulkowski-Ageeva. – Limoges: Lambert-Lucas, 2010. – P. 478-517.
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / ван Т. А. Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
5. Донцова Д. А. Скелет из пробирки / Д. А. Донцова. – М.: Эксмо, 2004. – 416 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
7. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Ф. Капра. – К.: София, 2003. – 336 с.
8. Лоуэн А. Депрессия и тело / А. Лоуэн. – М.: Эксмо-Пресс, 2003. – 133 с.
9. Косилова Е. В. От суггестии к сознанию / Е. В. Косилова // Вопросы философии. – 2012. – № 3. – С. 15-26.
10. Малышева А. В. Требуются жертвы / А.В. Малышева. – М.: Центрполиграф, 1999. – 424 с.
11. Малышева Е. В. Тактильная коммуникация в диалоге: Вербально-кинестетический аспект / Е. В. Малышева, А. А. Романов. - Saarbrücken (Germany): Palmarium Academic Publlshing, 2012. – 170 S.
12. Менегетти А. Учебник по мелолистике / А. Менегетти. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2002. – 180 с.
13. Петренко В. Ф. Базовые метафоры как геном (зародыш) будущей теории (на материале психологической науки) / В. Ф. Петренко// Вопросы философии. – 2012. – № 4. – С. 97-98.
14. Полякова Т. В. Барышня и хулиган / Т. В. Полякова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 352 с.
15. Поршнев Б. Ф. Антропогенетические аспекты высшей нервной деятельности и психологии / Б. Ф. Поршнев // Вопросы психологии. – 1968. – № 5. – С. 25-40.
16. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии / Б. Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1974. – 487 с.
17. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А. А. Романов. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.
18. Романов А. А. Прагматика кинестетического семиозиса / А. А. Романов, Е. В. Малышева // Материали за VII Международна научна практична конференция «Найновите постижения на Европейската наука – 2011» 17-25-ти юни 2011. Том 22. Филологични науки. – София: «БялГрад-БГ» ООД, 2011. – С. 77-80.
19. Романов А. А. Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж. Л. Остина до наших дней / А. А. Романов, Л. А. Романова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. – 156 с.
20. Романов А. А. Дискурс как иерархия целевых программ изменения суггестором личностных установок реципиентов (Опыт психотерапевтической коммуникации) / А. А. Романов, Л. А. Романова, Н. Ю. Воеводкин // Динамический дискурс в познавательном и педагогическом процессах. – Липецк: ЛГПИ, 1999. – С. 39-49.
21. Романов А. А. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации / А. А. Романов, И. Ю. Черепанова. – Тверь: Герс, 1998. – 205 с.
22. Романов А. А. Суггестивный дискурс в библиотерапии / А. А. Романов, И. Ю. Черепанова. – М.: Лилия ЛТД, 1999. – 128 с.
23. Романова Л. А. Композитные перформативы в функциональной парадигме языка: Семантический и прагматический аспекты. Автореф. дисс. … докт. филол. Н / Л. А. Романова. – Великий Новгород: НовГУ, 2010. – 47 с.
24. Романов А. А., Ходырев А. А. Управленческая риторика / А. А. Романов, А. А. Ходырев. – М.: Лилия, 2001. – 216 с.
25. Тен В.В. Археология человека. Происхождение тела, разума, языка / В. В. Теф. – СПб.: Атомпроф, 2011. – 720 с.
26. Улыбина Е. В. Психология обыденного сознания / Е. В. Улыбина. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.
27. Шолохов М. А. Поднятая целина / М. А. Шолохов. – М.: Советская Россия, 1977. – 544 с.
28. Шолохов М. А. Донские рассказы / М. А. Шолохов. – М.: Детская литература, 1980. – 221 с.
29. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман в двух томах / М. А. Шолохов. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс. – Т. 1-2, 1998.
30. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». Сб. статей. – М.: Прогресс, 1975. -– С. 193-230.
31. Traindl A. Neuromarketing. Die innovative Visualisierung von Emotionen / A. Traindl. – Amstetten; Wien: Trauner Verlag, 2007. – 115 S.

УДК 373.21

Романова Н. Н.,
Попова И. А.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В РУСЛЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Представлена языковая картина мира как точка пересечения различных областей современного лингвистического знания, объективирована ее роль в культуре, выделены некоторые характеристики русского этноварианта. Анализ и систематизация исследовательских позиций позволяют выявить способы фрагментации языковой картины мира и дальнейшего ее изучения на основе лингвомоделирования.

Ключевые слова: языковая картина мира, экспликация, концептуальная область, лингвомоделирование.

Представлена мовна картина світу як точка пересічення різних областей лінгвістичного знання, об'єктивована її роль у культурі, виділені деякі характеристики її російського етноваріанта. Аналіз і систематизація дослідницьких позицій дозволяють виявити способи фрагментації мовної картини світу і подальшого її вивчення на основі лінгвомоделіровання.

Ключові слова: мовна картина світу, експлікация, концептуальна область, лінгвомоделювання.

Provides language picture of the world as the intersection of the different areas of linguistic knowledge, defined its role in the culture, highlights some of the characteristics of its Russian version. Analysis and systematization of research positions allow you to identify ways to fragmentation of the language picture of the world and its further examination on the basis of modeling.

Key words: language world picture, explication, the conceptual area, the simulation.

Одним из наиболее значимых и продуктивных направлений развития современной лингвистики является анализ отраженного в системе языка мировидения, определяемого как *языковая картина мира*. Изучение природы и содержания данной категории, типов и моделей ее реализации входит в проблемное поле целого ряда исследований

в смежных областях гуманитарного знания, поскольку нацелено на решение важнейших научно-методологических задач, связанных с национально-культурной и ментальной идентификацией этноса, социума, личности.

Интегративный характер рассматриваемого феномена, представляющего синтез объективности и субъективности в массовом и индивидуальном осмыслении действительности, подчеркивается в трактовках лингвистами указанного терминологического сочетания: оно раскрывается как «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [6], как «образ мира, преломленный в сознании человека, то есть мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности» [15, с. 47]. Такие взгляды отражают диахроническое тождество коллективной и индивидуальной картин мира с образом мира, представляя собой разные проявления одного феномена.

Исследование языковой картины мира осуществляется в различных направлениях лингвистического знания. Национальная картина мира как «общая устойчивая, повторяющаяся в картинах мира отдельных представителей народа» [10, с. 5] является предметом изучения в лингвокогнитологии (труды З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Е. С. Кубряковой, В. А. Ильиной, Ж.-А. Нгапут, Л. Б. Никитиной и др.); языковые реалии как набор культурных индикаторов рассматриваются в лингвокультурологии (исследования В. А. Масловой, В. В. Воробьева, С. А. Кошарной и др., в основе которых лежат достижения отечественной мифологической школы 60-70 гг. XIX века – А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни). Как области языкознания, также изучающие язык в его взаимоотношении с культурой и обществом, исследуют картину мира социо- и этнолингвистика (работы О.А. Корнилова, определяющего языковую картину мира как «социально наследуемое, то есть передаваемое из поколения к поколению», явление [9, с. 81], К. А. Перевозниковой, рассматривающей национальную идею как собственно «лингвистическую проблему» в диахроническом аспекте).

Именно языковая картина мира, по мысли И. И. Срезневского, является одной из главной характеристик народа-носителя, поскольку он выражает себя всего полнее и вернее в своем языке. Данный тезис, ставший афористическим, находит более поздние подтверждения в новейшем метаязыке лингвистики, например: «Языковая картина мира отражает реальность через культурную картину мира» [15, с. 46]. Роль языка по отношению к культуре в различных научных трактовках предстаёт как основа, часть, продукт, инструмент, форма, условие существования культуры или метафорически – «ткань культуры», «слепок культурного слоя» (М. Хайдеггер).

Языковая картина мира, этот «новый архетип» (Ю. Л. Воротников), отличается многообразием своих частных проявлений: языковая/физическая, языковая/речевая, языковая картина мира взрослого/дошкольника, а также христианская, паремиологическая, диалектная, профессиональная и пр. В рамках настоящего исследования особую значимость приобретают такие ее виды, как национальная, индивидуальная.

Русская языковая картина мира – область повышенного лингвистического интереса – не раз становилась предметом отдельных исследований. Ю. Д. Апресян, А. Вежбицка, Е. С. Яковлева, А. Зализняк, А. Д. Шмелев, И. Б. Левонтина, О. А. Корнилов, В. Н. Телия и др. в ряду особых характеристик констатируют неявный характер ее функционирования, труднопереводимость или лексико-семантическую безэквивалентность. Так, специфичными для русской культуры, по мнению А. Вежбицкой, являются слова и стоящие за ними концепты *пошлость*, *христосоваться*, *душа*, *истина*, *судьба*, *осуждать*, которые могут «служить прекрасным введением в целую систему установок [4], способных раскрыть «образ жизни и образ мышления» русских. А. Зализняк, А. Д. Шмелев, И.Б. Левонтина дополняют «русский» концептуарий концептами *лень*, *обида*, *небось*, а также эксплицируют такие национально-специфичные черты, как понимание справедливости как чувства, чувствительность до мнительности [6, с. 32–33]. О. М. Казакова относит к последним конкретно-образное восприятие, присущие русским и русскому языку, эмоциональность, иррациональность [7, с. 156].

Названные черты, лежащие в основе русской национальной концептосферы, входят в состав коннотативной зоны языка, которая «содержит информацию об устойчивых в данной национальной традиции ассоциациях, вызываемых в коллективном языковом сознании различными объектами окружающего мира» [9, с. 83]. И хотя в данном случае суждение О. А. Корнилова принадлежит национальной символике, все же оно в полном объеме справедливо и для метафорической составляющей языковой картины мира, поскольку она также базируется на традиционной для языкового коллектива ассоциативности.

Кроме того, данный тезис косвенно подтверждается и следующим наблюдением. Общим местом в объективации черт ментальности стало выражение «загадочная русская душа», где лексема *душа*, обладающая свойством высокой полисемии, имплицитно содержит сему ‘*мир чувств*’ [3, с. 290]. Это обстоятельство также подтверждает направление вектора русской языковой картины мира, указывающего на ее иррациональность, перцептивность, следовательно, и метафоричность. Роль метафоризации в создании языковой картины мира, как она предстает в исследовании В. Н. Телии, состоит в создании и организации «невидимой действительности», запечатлевающей «национально-культурное богатство, которое накапливается языковым коллективом в процессе его исторического развития» [14, с. 173].

Аналитический подход к описанию языковой картины мира неизбежно приводит к ее «фрагментации». Являясь содержательной единицей, она, прежде всего, разделена лексико-семантическими границами. Дифференциация панорамного полотна картины мира производится в исследованиях по концептуальным областям, или доменам, внутри же самого концепта – по группам лексико-семантических единиц разной степени дробности, так как «применительно к лингвистике картина мира в любом случае должна представлять собой тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка» [9, с. 4]. И здесь лингвоконцептология располагает большим опытом систематизации единиц-вербализаторов, выработанным семасиологией.

Тезис о парадигматической организации экспликантов, о разделении лексического массива на микро- и макросистемы реализован во многих исследованиях. По П. А. Леканту, лексико-семантическая организация вбирает в себя омонимическую, синонимическую, антонимическую, тематическую парадигмы и лексико-семантические группы [13, с. 22-33]. П. Н. Денисов дает следующую классификацию лексико-семантического пространства: семантическое поле, лексико-семантическая группа, коммуникативная группа, родо-видовая группа, синонимический ряд, антонимическая пара, словообразовательное гнездо, эпидигматическая группа [5, с. 122]. В

системных связях лексических единиц В. Г. Костомаров и В. И. Максимов, кроме общепризнанных омонимических, синонимических, антонимических и словообразовательных, выделяют паронимические, сочетаемостные, видо-родовые, понятийные, ассоциативные, тематические связи внутри семантического поля и лексико-семантическую группу как его особую разновидность [11, с. 162-167]. У В. И. Кодухова находим: «Группировка слов по их значениям основывается на той или иной связи понятий, которые выражаются словами и выражают связи предметов и явлений действительности. Такие группы слов обычно называют тематическими, поскольку в речи они объединяются ее темой» вне зависимости от частеречной принадлежности [*Цит. по*: 12, с. 411]. При этом противопоставление различных лексических объединений многими авторами признается условным и имеющим искусственный характер. Таким образом, как явствует из приведенных исследовательских позиций, на фоне общепризнанного мнения о наличии в лексическом континууме языка классификационных связей лингвистическая наука не выработала унифицированную точку зрения относительно их терминологической дифференциации, что стимулирует дальнейшие поиски в указанном и близких к нему направлениях.

Как отмечает И. В. Арнольд со ссылкой на литературоведческие позиции, самое важное свойство образа состоит в «отражении мира в процессе практического его созидания», то есть образ есть некоторая модель действительности, восстанавливающая полученную из действительности информацию в новой сущности» [2, с. 58]. Отсюда следует: если сам образ есть модель действительности, то, вероятно, должны быть и лингвистические возможности для его реконструкции, так как лингвистика сама есть часть действительности. Эта мысль, а также положение о языке как системе и иерархии ее связей служат нам отправной точкой для моделирования образа как языковой сущности в ее разноуровневой реализации.

Лингвомоделирование использует различные виды моделей, выбор которых определяется поставленной перед исследователем целью: «распознающие»/«порождающие»; «ортологические»/«функциональные», «аналитические»/«синтетические» и др. Наиболее распространен в лингвоконцептологии метод разделения лексико-семантического массива экспликантов – концепта, домена (концептуальной области) или концептосферы – на конкретные группы разной степени абстрагирования и выявление их системных связей. Данный процесс, как правило, ориентирован на объективацию функциональных моделей, имеющих «декодирующую» силу. На материале языка подобные исследования произведены Н. А. Мишанкиной, А. М. Мухачевой, Л. В. Надеиной и пр.

На материале языка литературного произведения с его многоплановой образно-тропеической системой лингвомоделирование базируется на доминанте структуры как системного языкового принципа: «в построении речевого акта определяющим является его структура, на которую нанизывается словесная форма, и эта структура никогда не может быть произвольным образованием» [8, с. 56]. Являя собой бинарму, репрезентирующую взаимодействие двух понятийных сфер, образ, или троп, обнаруживает языковые свойства, которые при построении модели могут стать релевантными:

- способность языковых единиц к формализации;
- закрепленность структурной позиции: первым, как правило, является субъект (S), по отношению к которому употребим модус фиктивности, затем следует объект (O);
- ограниченный набор структурно-грамматических характеристик при потенциально высокой лексико-семантической воспроизводимости;
- системный (регулярный) характер функционирования моделируемой языковой единицы;
- наличие функциональных вариантов (и их схем), по отношению к которым модель выступает инвариантом.

Успешно решая задачи реконструкции наиболее характерных образов и синтагматических явлений в составе контекста, сопровождающих процесс репрезентации образно-языковой картины мира, моделирование вместе с тем имеет и определенные недостатки: процесс формализации, положенный в его основу, вскрывая регулярное, не затрагивает единичного, уникального, которое тоже представляет собой проявление системы, но уже другого свойства. Указанная проблема может стать предметом дальнейших исследований в рассматриваемой области.

Источники и литература

1. Алешина О. Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях: дис. … д-ра филолог. наук / О. Н. Алешина. – Новосибирск, 2003. – 367 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 383 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2008. – 1536 с.
4. Вежбицка А. Семантические примитивы / А. Вежбицка // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kant.narod.ru/anna_w.htm.
5. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П. Н. Денисов. – М.: Русский язык, 1980. – 253 с.
6. Зализняк А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 554 с.
7. Казакова О. М. Национальный менталитет в языковой картине мира: на примере сопоставления русскоязычной и англоязычной картин мира: дис. ... канд. филос. Наук / О. М. Казакова. – Барнаул, 2007. – 184 с.
8. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – Изд. 2-е, стер. – М.: КомКнига, 2005. – 232 с.
9. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов /О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: «ЧеРо», 2003. – 349 с.
10. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. – 192 с.
11. Современный русский литературный язык / Под ред. В. Г. Костомарова и В. И. Максимова. – М.: Гардарики, 2003. – 784 с.
12. Современный русский литературный язык: Практикум / Под ред. В. И. Максимова. – М.: Гардарики, 2004.
13. Современный русский язык / Под ред. П. А. Леканта. – М.: Высшая школа, 2001. – 462 с.
14. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml.
15. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

УДК 811.161.1 **Романова Т. В.**

ДИНАМИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (по данным словарей и НКРЯ)[1]

В статье приведены примеры, собранные по данным словарей, Национального корпуса русского языка (НКРЯ), наиболее ярко иллюстрирующие объективацию пространства в языковой картине мира. Проанализированные данные лингвистических словарей и энциклопедических источников позволили определить динамику процесса концептуализации и особенности категоризации пространства в русском языковом сознании и осуществить проверку выдвинутых гипотез.
Ключевые слова: концептуализация, категоризация, пространство.

У статті наведено приклади, зібрані з даних словників Національного корпусу російської мови, які яскраво ілюструють об'єктивацію простору в мовній картині світу. Проаналізовані дані лінгвістичних словників та енциклопедичних джерел дозволили визначити динаміку процесу концептуалізації та особливості категоризації простору в російській мовній свідомості та здійснити перевірку висунутих гіпотез.
Ключові слова: концептуалізація, категоризація, простір.

In the article there are examples taken from the National corps of the Russian language dictionaries which illustrate objectification of space in the linguistic picture of the world. The examined data of the linguistic dictionaries and encyclopedic sources let identify the dynamics of the process of conceptualization and peculiarities of categorization of space in the Russian-language mentality and verify formed hypotheses.
Key words: conceptualization, categorization, space.

В статье предлагается рассмотрение концепта ПРОСТРАНСТВО в соответствии с основными положениями теории концептуализации. Исследователи отмечают тенденцию к смещению в объективации пространства от представления к понятию. Если ранее пространство существовало в сознании индивида как некая ментальная картинка, то в настоящее время, вследствие расчлененности образов данного явления, оно скорее осознаётся через совокупность наиболее типичных признаков. Можно сказать, что пространственные представления человека постепенно эволюционировали от наивно-бытового, наглядного, архаического, восприятия пространственных форм и отношений к более умозрительному, абстрактному и научному его объяснению [5].

Таким образом, структурно концепт ПРОСТРАНСТВО можно представить в виде понятия, т.е. совокупности наиболее существенных признаков в отвлечении от второстепенных, а также в виде фрейма. Это подтверждается данными лексикографических источников и Национального корпуса русского языка. В качестве вершинных узлов фрейма ПРОСТРАНСТВО можно выделить такие составляющие, как географическая территория, место расположения чего-либо.

В русской картине мира пространство, в первую очередь, осознаётся как нечто необъятное [7, с. 510-516]. Ю. С. Степанов указывает, что осознание земли (страны) как *широкой* проявляет общее свойство индоевропейских языков – распределение сущностей на два рода и соответственное наименование их двумя разными способами. Первый способ наименования характеризует сущностный подход, когда все концептуальные признаки объектов заключены в их природе, в их мыслительном содержании. Наименование земли как *широкой* извлекается из ее сущностного смысла. Это наблюдается и при выведении концептуальных признаков пространства: до начала XX века слово *пространство* функционирует преимущественно в значениях '*территория родной страны'* и *' небесное, божественное пространство'*. Примеры из НКРЯ:

*Агриппа все оное **пространство** от Дуная до океана в долготу 1200000, а в широту 45 000 шагов к Вистуле от пустынь сарматских положил далее* (В. Н. Татищев. История Российская. Гл. 13-18 (1739-1750).

*Переводчик астраханский Муслюм, будучи в разных языках искусным и многие книги арабские, турецкие и персидские читав, письмом мне о народе сараценах объявил, что за Аральским морем в Загодайской области есть великое **пространство**, золотым песком покрытое, оное называется Саракум* (В. Н. Татищев. История Российская. Гл. 13-18 (1739-1750) [4].

Второй способ наименования основывается на том, что объекты могут совершать разные действия и приобретать тот или иной признак. При этом способе наименования фиксируются концептуальные признаки, соотносящиеся с терминальными узлами фрейма, эти признаки закрепляются данными из нестереотипных ситуаций. В отношении рассматриваемого концепта можно установить, что терминальные узлы преобладают над вершинными. Увеличение этой разницы происходит в связи с членением пространства на различные сферы.

Концепт ПРОСТРАНСТВО представляет собой интегративное, многоаспектное, концептуально-сложное знание.

Категоризация есть процесс объединения концептуально-сходных объектов. В рассматриваемом случае в основе категоризации лежит прототипический подход. Можно предположить, что прототипом пространства в русской языковой картине мира является *поле*. Это предположение связано с осознанием пространства как чего-то огромного, охватывающего большую область. При этом прототипичность *поля* в данном случае может объясняться, во-первых, тем, что оно представляет одну из наиболее типичных реалий для русского человека; во-вторых, таким собственно лингвистическим фактом, что в современном дискурсе понятия «информационное пространство», «экономическое пространство» допускают синонимическую замену слова *пространства* словом *поле*.

В ходе исследования была сделана выборка примеров употребления слова *пространство* из основного корпуса НКРЯ. Объем просмотренного корпуса: 48 978 документов, 14 711 345 предложений, 176 226 551 слово. Для слова *пространство* было найдено 3 251 документ, 7 903 вхождения. Развитие и механизмы смыслообразования лексического репрезентанта концепта ПРОСТРАНСТВО прослеживались в диахронии.

[1] Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (Мероприятия 1.1. «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров). Государственный контракт от 30 ноября 2010г. № 14.740.11.0777.

Информация об употреблении слова *пространство* дается в НКРЯ с XVIII века. Употребление слова объективирует следующие ипостаси пространства: философское понятие, необъятная область, место. Если обратиться к исследованиям языковой картины мира более ранних эпох, то можно найти подтверждение и объяснение такой тенденции. Пространство как категорию бытия пытались изучить и описать еще философы древности. Е. С. Кубрякова считает, что в сознании архаического человека пространство воспринималось как «обобщенное представление о целостном образовании между небом и землей /целостность/, которое наблюдаемо, видимо и осязаемо /имеет чувственную основу/, частью которого себя ощущает сам человек и внутри которого он относительно свободно перемещается или же перемещает подчиненные ему объекты; это расстилающаяся во все стороны протяженность, сквозь которую скользит его взгляд /про-стран-ство/ и которая доступна ему при панорамном охвате в виде поля зрения при ее обозрении и разглядывании» [3, с. 26]. В. Н. Топоровым были выведены специфические характеристики мифопоэтического восприятия пространства. Среди его свойств он указывает следующие:

Неразрывность пространства/времени.

Пространство-время не предшествует вещам, заполняющим его, не существует независимо от них, а конституируется ими.

Кроме пространства, существует еще и не-пространство, Хаос, от которого отделяется и развертывается вовне пространство.

Пространство организуется, собирается, сплачивается различными элементами.

В мифопоэтическом сознании для описания пространства использовался антропоморфный код, своеобразное «очеловечивание» вселенского пространства через его связь с частями человеческого тела [11, с. 232-245].

В дальнейшем менялось понимание пространства и, соответственно, языковая репрезентация концепта. Новое осмысление соотносилось с особенностями той или иной эпохи. Основные концептуальные признаки закреплялись в словарных дефинициях. Анализ Большого энциклопедического словаря, философского словаря, толковых словарей Д. И. Ушакова, С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, Т. Ф. Ефремовой [1; 2; 6; 8; 9] позволяет выделить следующие концептуальные признаки пространства: *философская категория, форма существования материальных объектов, протяжённость, единство прерывности и непрерывности, состояние материи, промежуток, поверхность, земельная площадь.* И наконец, в рамках концептуальных моделей возможно многомерное пространство, не аппликируемое на трёхмерный мир. Словари последних лет, в частности словарь под редакцией Г.Н. Скляревской, фиксируют новые значения и узусы слова *пространство*:

1. Δ Единое экономическое пространство. Δ Постсоветское пространство. Δ Правовое пространство [10, с. 518].

2. Δ Единое таможенное пространство. Δ Единое экономическое пространство. Δ Информационное пространство. Δ Послесоветское пространство. Δ Правовое пространство. Δ Шенгенское пространство (территория стран, связанных между собой Шенгенским соглашением) [10,с. 640].

Подтверждают расширение концептуальных сфер и данные НКРЯ. Например:

Он отметил, что сегодня инструменты логистики должны быть активно призваны в практику модернизации национальной транспортной системы, способствовать ее интеграции в мировое ***транспортное пространство*** (Форум открыл логистический год // «Логистика», 2003.03.24).

Словом, коллектив ДМУ не стоит на месте, осваивая ***новое рыночное пространство*** (Хороший сервис всегда в цене // «Пермский строитель», 2003).

Осознавая ту угрозу, которая в принципе существует, федеральный центр и должен вы-страивать свою политику – политику адаптирования чеченского общества в ***гуманитарное пространство России*** (Что будет после выборов? // «Время МН», 2003).

Но сегодня мы предоставляем слово… их родным, тем, кто тоже оказывается вовлеченным в образовавшееся ***семейное пространство*** *счастья* (Голоса счастливых // «Сельская новь», 2003.12.16).

При этом есть прямой путь внедрения разработок ***в образовательное пространство города****, поскольку столичное образование непосредственно заинтересовано в этих разработках и, главное, имеет действенный программно-целевой механизм их внедрения* (В. В. Рубцов**).**

Хотя могла и не восторжествовать, ибо – так уж сложилось в 90е годы – премии служат у нас не столько знаками отличия, сколько маркерами, размечающими ***литературное пространство*** *на сегменты и наводящими в этих сегментах порядок* (Сергей Чупринин. Нулевые годы: ориентация на местности // «Знамя», 2003).

Мне удалось овладеть спецификой работы с артистами, закрепить полученные связи, и в какой-то момент я почувствовала в себе силы создать ***собственное бизнес-пространство*** (Лейла Фаттахова: «Я верю в судьбу!» // «Мир & Дом. City», 2004.05.15) [4].

Развитие человеческого познания постепенно привело людей от наглядно-чувственного восприятия пространства к более абстрактному и умозрительному его представлению. Появилось обобщающее понятие пространства, представление об его непрерывности/прерывности, абсолютном или относительном характере, конечности/бесконечности, протяжности, трехмерности, размерности, геометрической и топологической разновидности, стали различать геометрическое, физическое, географическое, космическое и т. д. пространства. Таким образом, как указывала Е.С. Кубрякова, «категория пространства претерпела значительные изменения. Общим их направлением явился путь от конкретного ко все более отвлеченным абстракциям, нередко – под влиянием метафорических переносов...» [3, с. 22]. С течением времени термин пространство получил чрезвычайно широкое истолкование и употребляется для обозначения различных сущностей. Даже беглый просмотр компьютерных сайтов с этим ключевым словом показывает, что сейчас говорят о земном, воздушном, звездном, космическом, галактическом, всемирном, реальном и виртуальном, перцептуальном, физическом, дисковом, векторном, фазовом, открытом, закрытом, римановом, эвклидовом, информационном, образовательном, мифологическом, интеллектуальном, интернет-пространстве и т. д. Всего можно насчитать около 90 различных

определений слова *пространство* (см. данные в [5]). Однако в последние годы намечается тенденция и к сужению областей концептуализации пространства, что находит отражение в речевом определении пространства как *своего, собственного*. Приведём примеры.

Жуков стал желанным автором во всех национал-патриотических изданиях, *которые с методичной настойчивостью расширяли* ***свое жизненное пространство»*** (Семен Резник. «Выбранные места из переписки с друзьями». Сюжет второй // «Вестник США», 2003.09.17).

Кто-то, может, меня и слышал, но вмешиваться ***в частное пространство моей фразы*** *не счел возможным* (Кира Сурикова. Толю из Жуковки знаешь? (2003) [4].

Таким образом, вектор концептуализации пространства направлен от представления к понятию. Область концептуализации расширяется: от географического, топографического пространства, с одной стороны, к космическому, с другой – к личному пространству. Появились качественно новые формы пространства, такие как виртуальное, информационное. В условиях глобализации закономерным является формирование в сознании людей единого, глобального пространства.

Источники и литература

1. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. – 2-е изд.

2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный / Т. Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000.

3. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е. С. Кубрякова // Изв. РАН, СЛЯ.- 1997. – Т. 56. – № 3. – С. 22-31.

4. Национальный корпус русского языка // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruscorpora.ru (06.2012).

5. Николова А. Категория пространства, её языковая репрезентация и лингвистическое описание /А. Николова // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russian.slavica.org/article113.html(8.04.2011).

6. Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. – Минск: Изд. В.М.Скакун, 1998.

7. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2001. – Изд. 2-е, испр. и доп. – С.510-516.

8. Толковый словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – М.: Азъ, 1992.

9. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – Т. 3.

10. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н.Скляревской. – СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс»», 1998.

11. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: Семантика и структура. – М., 1993. – С.227-284.

УДК 81'373.612.2

Рябых Е. Б.,
Рябых В. Н.

МОДЕЛИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье отмечается, что один из способов формирования и развития креативного мышления, а также выявления особенностей мировосприятия представителями различных лингвокультур с целью ознакомления с шаблонами и эталонами их креативного мышления, является метафора. Рассматриваются монометафорические и полиметафорические модели в рамках поэтического / прозаического дискурса.

Ключевые слова: креативное мышление, метафора, монометафорические и полиметафорические модели, поэтический / прозаический дискурс.

У статті зазначається, що один із способів формування і розвитку креативного мислення, а також виявлення особливостей світосприйняття представниками різних лінгвокультур з метою ознайомлення із шаблонами та еталонами їх креативного мислення, є метафора. Розглядаються монометафоричні та поліметафоричні моделі в рамках поетичного / прозового дискурсу.

Ключові слова: креативне мислення, метафора, моно метафоричні та полі метафоричні моделі, поетичний / прозовий дискурс.

The article notes that one of the ways of formation and development of creative thinking, and to identify the features of the world perception of the representatives of different linguacultures with the purpose to get acquainted with the patterns and standards of their creative thought, is a metaphor. Considered monometaphorical and polimetaphorical models in the framework of the poetry / prose discourse.

Key words: creative thought, metaphor, monometaphorical and polimetaphorical models, poetry / prose discourse.

Бесспорным на сегодняшний момент является тот факт, что человечеству нужен новый тип мышления – креативный или системно-креативный, активизирующий креативность в процессе решения существующих проблем и поиска новых возможностей [4], на чем базируется, к примеру, положение о целесообразности перехода к «правополушарной экономике», понимаемой как экономика идейной креативности и мыслительной флексибельности [1] и ряд других. Формирование человека креативного типа предполагает освоение им принципиально новой культуры мышления, суть которой заключается в развитии интеллекта человека с помощью нетрадиционных технологий обучения, а также изучения особенностей иной лингвокультуры, так как любые воздействия концептуализируются личностью, а наиболее мощные из них полностью изменяют устоявшуюся мыслительную схему [1; 4]. В подобных технологиях акцент делается не только на организации и переработке знаний, но и на их порождении [4].

Одним из способов формирования и развития креативного мышления, а также выявления особенностей мировосприятия представителями различных лингвокультур с целью ознакомления с шаблонами и эталонами их креативного мышления, является метафора, основа которой – аналогия. Метафора остается достаточно сложным и важным явлением в процессе познания мира. В контексте появления новых парадигм знания она начинает чаще рассматриваться как один из важнейших мыслительных механизмов человека, во многом определяющий его отношение с действительностью.

Гипотеза настоящего исследования заключается в следующем: особенность метафоризации концептов в поэтическом и прозаическом дискурсе (так как данные типы дискурса являются своего рода «трансляторами» креативных подходов к мироосмыслению) отражается в специфике их моделирования, проявляющейся в использовании как монометафорической, так и полиметафорической моделей, в последней из которых нами выделяются коррелятивная и инкорпорирующая модели, что обусловлено особенностью взаимоотношений области-мишени и области-источника. Вышеперечисленные метафорические модели являются «зеркальным отражением» мировосприятия представителями той или иной лингвокультуры, с одной стороны, маркерами тождественного / нетождественного мироосмысления представителями различных лингвокультур, способствующими их лучшему пониманию, с другой, и образцами креативного подхода к мироописанию, пригодными для копирования, т. е. являющимися шаблонными и эталонными, либо стимулирующими флексибельность мыслительной деятельности, с третьей.

Превалирующе при изучении метафоры в лингвистических исследованиях выделяются два подхода: семантический (традиционный), в рамках которого релевантной представляется концепция значения, и когнитивный, базирующийся на доминирующей роли «знания». Общность семантического и когнитивного подходов прослеживается в развитии положения о креативной функции метафоры, проявляющейся в том, что метафора организует и регулирует наше мировосприятие, «высвечивая» и подчеркивая одни черты, «затемняя» при этом другие.

В рамках проводимого исследования метафора интерпретируется нами как вербально-ментальный конструкт, обозначающий некоторый класс сущностей или явлений для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, обусловленный сопоставлением двух сущностей, явлений на основании аналогии или сходства между ними, то есть нахождения их общих признаков.

Изучение метафоры не только как вербального, но скорее как ментального конструкта, приводит к комплексному рассмотрению также концептуальной метафоры, под которой понимается некая абстрактная модель (инвариант), реализующаяся каждый раз заново в результате ее «наполнения» определенными метафори-ческими выражениями (вариантами). Понятия «инвариант» / «вариант» релевантны в связи с тем, что каждое конкретное метафорическое словоупотребление отражает только индивидуальные представления отдельного говорящего, но в результате анализа множества таких словоупотреблений появляется возможность выделить типовые коллективные концептуальные метафоры, отражающие специфику той или иной лингвокультуры. Поскольку концептуальная метафора синтезирует познавательные процессы и языковую компетенцию, эмпирический опыт отдельного индивидуума и целого лингвокультурного сообщества, а также его культурное наследие, то в силу этого метафора интерпретируется нами как когнитивное и лингвокультурное образование, «сплав» ментальных, вербальных и культурных характеристик (индивида и сообщества).

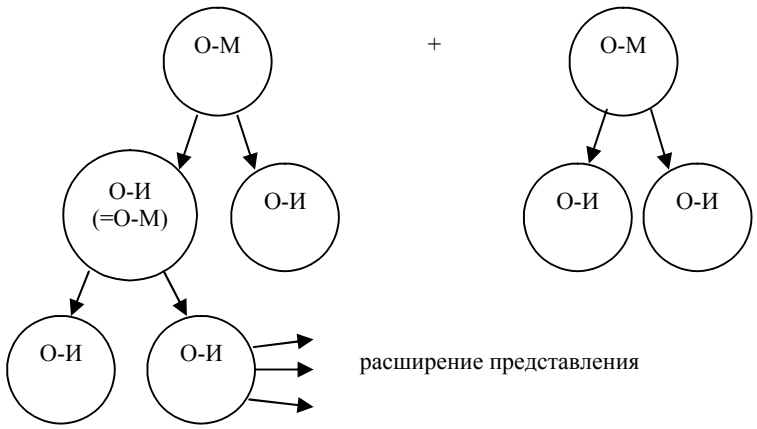
Поэтический / прозаический дискурс – это поэтический / прозаический текст, «погруженный в культуру», порождение (и, соответственно, восприятие) которого происходит с участием различных экстралингвистических факторов. Мы разделяем в нашей работе мнение исследователей о том, что в поэтическом / прозаическом дискурсе реализуются различные или совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии одной и той же концептуальной метафоры, так как часто открываются либо новые характеристики метафорического осмысления концепта, либо «новые проекции» конвенциональных характеристик. Это указывает на необходимость учитывать два взаимодополняющих фактора: «концептуальную гибкость» и экспериенциальную основу (традицию). В рамках поэтического / прозаического дискурса распространенной является также взаимная сочетаемость (комбинаторика) метафорических моделей (схем связи между понятийными областями). Основная отличительная особенность поэтического дискурса от прозаического заключается в том, что первый представляет собой «сгусток» метафорической мыслительной креативности и флексибельности.

Отметим, что под метафорической моделью, вслед за А. П. Чудиновым, нами понимается существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными областями, которую можно представить определенной формулой: X – это Y [3, с. 64]. При этом «отношения между компонентами формулы понимаются не как прямое отождествление, а как подобие: «X подобен Y» [там же].

Полиметафорические модели подразделяются нами на коррелятивную (от позднелат. *correlatio* – соотношение, взаимозависимость) и инкорпорирующую (от позднелат. *incorporation* – включение в свой состав) метафорические модели, ибо концептуальные метафоры носителей конкретной лингвокультуры часто взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, образуя сложные системы. Под коррелятивной метафорической моделью нами понимается наличествующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя или более группами непосредственно соотносящихся между собой понятийных областей и представляющих собой связанный метафорический образ, то есть (X – это Y) + (X1 – это Y1)… + (Xn – это Yn).

Инкорпорирующая модель трактуется нами как существующая и/или складывающаяся в сознании представителей той или иной лингвокультуры сложная схема связи между понятийными областями, репрезентируемая формулой: X – это Y + Y1… + Yn. Таким образом, создается либо целостный объемный образ, либо происходит расширение представления о нем за счет привлечения нескольких различных областей-источников для его более полной характеристики в рамках отдельно рассматриваемого текста.

Инкорпорирующая модель может быть включена в состав коррелятивной [2]. В таком случае схему в развернутом виде можно представить следующим образом:

Итак, один из способов формирования и развития креативного мышления, а также выявления особенностей мировосприятия представителями различных лингвокультур с целью ознакомления с шаблонами и эталонами их креативного мышления, является метафора. В статье нами были частично продемонстрированы особенности функционирования метафоры в рамках поэтического / прозаического дискурса, порождение (и, соответственно, восприятие) которого происходит с участием различных экстралингвистических факторов. Еще раз подчеркнем, что основная отличительная особенность поэтического дискурса от прозаического заключается в том, что первый представляет собой «сгусток» метафорической мыслительной креативности и флексибельности.

Источники и литература

1. Рябых В. Н., Рябых Е. Б. Интегративный подход к международному сотрудничеству как один из путей ускоренного инновационного развития / В. Н. Рябых, Е. Б. Рябых // Креативная экономика. – 2012. – № 5. – С. 55-58

2. Рябых Е. Б. Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дисс. … канд. филол. наук / Е. Б. Рябых. – Тамбов, 2006. – 24 с.

3. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. – 238 с.

4. Шевырев А. В. Формирование и развитие системно-креативного мышления – базовая стратегия образования в XXI веке / А. В. Шевырев, М. Н. Романчук // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://spkurdyumov.narod.ru/shevirev.htm (10.06.2012 г.)

УДК 378:37.032

Савченко А. Л.

АКТУАЛЬНІСТЬ НАБУТТЯ НАВИЧОК КОМУНІКАТИВНОСТІ ДЛЯ УСПІШНОЇ ПРОФЕСІЙНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ ІНЖЕНЕРІВ

В статье акцентируется внимание на очень важной черте современного специалиста – коммуникативности. Утверждается, что без развития коммуникативних навыков нельзя достичь личного и карьерного успеха.

Ключевые слова: коммуникабельность, профессиональная коммуникация, коммуникативные умения.

У статті акцентується увага на найважливішій рисі сучасного фахівця – комунікативності. Стверджується, що без розвитку комунікативних навичок неможливо досягнути особистого і кар`єрного успіху.

Ключові слова: комунікабельність, професійна комунікація, комунікативні вміння.

In article the attention is focused on very important feature of the modern specialist – skills to communicate. Affirms, that without development skills of communications cannot be achieved personal and career success.

Key words: skill to communicate, professional communications, communicative abilities.

Активізація процесів розвитку промислових підприємств в Україні, оптимізація системи вищої і середньої професійної освіти, демократизація і гуманізація навчально-виховної системи в нашому суспільстві вимагають розв`язання низки нових задач підготовки наукових, інженерно-педагогічних і професійно-технічних кадрів [1]. Адже повноцінний розвиток особистості багато в чому визначається вмінням адекватно і динамічно контактувати з навколишнім світом, із собою та іншими людьми. Основний вид такого контакту – комунікація, вона дозволяє кожному індивіду найбільшою мірою усвідомити себе як особистість, що здатна до продуктивного професійного самовизначення.

Для сучасного фахівця комунікація є потребою, комунікативність – запорукою успіху.

Аналіз науково-методичної та спеціальної літератури свідчить, що дослідженню значимості комунікативності у професійній діяльності фахівців присвячено значну кількість робіт. Наприклад, у публікації Н. В. Волошиної подано різні підходи до визначення комунікативних здібностей особистості для подальшого детального розгляду їх у майбутніх спеціалістів різноманітних галузей практичної діяльності. Наголошується на тому, що комунікативні здібності включають: 1) ситуативну адаптивність на основі високорозвиненої рефлексії та синтезивності; 2) вільне володіння вербальними і невербальними засобами соціальної поведінки [3, с. 234-235]. О. О. Цибина акцентує увагу на комунікативному розвитку особистості як процесу формування вміння ставити і розв`язувати різні за характером і природі комунікативні задачі під час спілкування. Автор розмежовує такі компоненти розвитку особистості: 1) когнітивний; 2) мотиваційний; 3) інтерактивний [8, с. 268-269]. І. Г. Малкіна-Пих виділяє такі інтегративні комунікативні вміння: вміння орієнтуватись в ситуації спілкування і використовувати різні засоби спілкування; вміння керувати своєю поведінкою; вміння слухати і розуміти співбесідника [5].

Проте, на нашу думку, усе ще недостатньо висвітлюється проблема актуальності набуття навичок комунікативності майбутніми спеціалістами різних галузей промисловості.

Метою нашої статті є акцентування уваги на найважливішій рисі сучасного фахівця – комунікативності.

У тлумачному словнику української мови можна натрапити на такі пояснення слів «комунікативність» та «комунікабельність»:

Комунікативність – здатність до спілкування, контактів; зв`язок; спілкування; контакти між ким-, чим-небудь; комунікабельність [2, с. 562].

Комунікабельність – 1) здатність бути комунікабельним, товариськість, контактність; 2) зв`язок, спілкування між ким-, чим-небудь [2, с. 562]. У подальшому ці слова нами будуть використовуватися як синоніми.

Якщо ввести у пошуковій системі Інтернет термін «комунікативність», результати пошуку виявляться одноманітними. Це слово є домінуючим в анкетах з працевлаштування. Сьогодні будь-яка людина вважає, що ця якість є запорукою особистого успіху і фінансового добробуту.

Комунікативні якості – це вміння слухати і розуміти людей, впливати на них, встановлювати з ними ділові або особисті контакти. Передумови розвитку таких якостей закладено у темпераменті, особливості якого людина отримує у спадщину від своїх батьків. Якщо батьки, наприклад, обмежують коло спілкування дитини або розв`язують усі її проблеми з однолітками самостійно, за своїм розсудом, неможна сподіватися на те, що ця дитина в майбутньому виросте комунікабельною людиною. Уже у підлітковому віці юнаки та дівчата починають розуміти, що

вміння спілкуватися, слухати, грамотно і ненав`язливо висловлювати свою думку – необхідні складові для встановлення добрих особистих і ділових відносин з оточуючими людьми.

Без розвитку комунікативних навичок неможливо досягнути особистого і кар`єрного успіху. Комунікативні риси характеру виявляються в наступних вміннях і навичках:

1) в умінні правильно сприймати і оцінювати людей, а саме: індивідуальні характерологічні особливості, цілі, мотиви, наміри, стани;

2) в умінні правильно оцінювати життєві ситуації і діяти у зв`язку з ними;

3) в умінні обирати такий стиль, засоби, прийоми спілкування, які б з мінімальними зусиллями приводили до бажаної мети спілкування;

4) в умінні співчувати оточуючим людям;

4) у пластичності мислення, котре допомагає у виборі ефективних засобів переконання і здійснення впливу на співрозмовника.

Дійсно, останнім часом поняття «спілкування», «комунікативна компетентність», «комунікативні вміння», «комунікабельність» є основними вимогами роботодавців до претендентів на вакансії. Людей, які володіють навичками правильно і ефективно вибудовувати комунікації, із задоволенням приймають до своїх колективів керівники, тому що для комунікабельних людей характерними є гнучкість у контактах, здатність і вміння не розгублюватися під час спілкування в різноманітних ситуаціях, вони легко пристосовуються до нових умов, вміють успішно проводити переговори, прагнуть до ініціативності й лідерству в колективі.

До поняття «комунікабельність» належать такі складові, як уміння швидко встановлювати контакт з незнайомими людьми; спілкування, яке викликає бажання підтримувати розмову; уміння переконувати; уміння публічно виступати; потреба у спілкуванні; добре поставлене мовлення; аргументація своєї думки і вміння відстоювати свої інтереси; пошук компромісу; навички прийняття рішень; орієнтація у проблемній ситуації.

Комунікація у психології розуміється як процес встановлення й підтримки цілеспрямованого, прямого або опосередкованого тими чи іншими засобами контакту між людьми, так чи інакше пов`язаних один з одним у психологічному відношенні [4, с. 63].

Нині в практичній психології немає браку в конкретних методиках та методичних прийомах для розвитку у спеціалістів, які працюють у команді, конкретних умінь і навичок спілкування, взаємодії. Незаперечним є те, що комунікативна підготовка фахівців за сучасних умов вимагає не простого збільшення психологічних знань або накопичення комунікативних умінь, а серйозної переорієнтації особистості. Саме тому сучасний етап становлення й розвитку спеціаліста як першочергове висуває завдання створення соціально-психологічної теорії професійного спілкування й на цій основі – оптимізацію технологій і методик комунікативної підготовки інженера.

Розв’язання названих вище проблем можливе шляхом актуалізації оцінювально-регулятивних процесів, духовного, комунікативного потенціалу учасників професійної взаємодії.

Недостатня увага підготовки студентів технічних вишів до розвитку навичок комунікативності під час навчання спричиняє низку проблем, які виникають у взаєминах із суб`єктами професійної взаємодії. Особливо гостро ці проблеми відчуваються молодими спеціалістами на початку професійної діяльності. Маючи глибокі професійні знання, вони часто виявляються не здатними до налагодження продуктивних професійних взаємин. Низький рівень комунікативної підготовки, нездатність організувати фахове спілкування, відсутність певних умінь і навичок професійної комунікації знижують можливість успішного працевлаштування молодого фахівця.

Комунікабельність інженера належить до сфери його професійно-важливих якостей. Навчально-виховна робота в технічному вищому навчальному закладі повинна забезпечувати не тільки засвоєння науково-методичної інформації, але й також забезпечувати розвиток комунікабельності професіонала.

Професійне спілкування – це спеціально організований на наукових засадах, керований процес обміну повідомленнями, організації взаєморозуміння, досягнення оптимальної взаємодії, взаємопізнання в різних видах діяльності учасників професійно спрямованої комунікації. Професійне спілкування є важливим для здійснення будь-якого виду діяльності, пов`язаної з взаємодією людей [6].

До умов успішності професійного спілкування інженера належать комунікативні вміння, які є важливим елементом його професійно-кваліфікаційної характеристики. Під комунікативними вміннями І. Г. Малкіна-Пих розуміє «якості особистості та готовність до свідомого успішного здійснення комунікативної діяльності (спілкування) в єдності трьох її боків (комунікація, інтеракція, перцепція)» [5, с. 69]. Комунікативний бік спілкування пов`язаний з обміном інформації, збагаченням знаннями, тобто вміннями, які спрямовані на вирішення інформаційно-змістових аспектів спілкування; інтеракційний полягає в організації взаємодії та включає в себе вміння обрати оптимальну стратегію і тактику спілкування, саморегуляцію; перцептивний забезпечує формування образу іншої людини та сприйняття людей один одним.

Говорячи про професійні особливості мовленнєвого спілкування, Т. І. Ханецька зазначає, що потрібно дотримуватися мовних норм, мати великий обсяг лексичного запасу, бути здатним до вироблення і формулювання великої кількості думок [7].

Усне професійне мовлення – і міжперсональне, і публічне – повинно відповідати певним вимогам, найголовнішими серед яких є такі:

1) чіткість, недвозначність формулювання думки;

2) логічність, смислова точність, звідси – небагатослівність мовлення;

3) відповідність між змістом мовлення, ситуацією мовлення і використаними мовними засобами;

4) уживання усталених словосполучень; прямий порядок слів у реченнях;

5) різноманітність мовних засобів, багатство лексики в активному словнику фахівця;

6) самобутність, нешаблонність в оцінках, порівняннях, у побудові висловлювань;

7) переконливість мовлення;

8) милозвучність мовлення;

9) виразність дикції; відповідність між темпом мовлення, силою голосу, з одного боку, і ситуацією мовлення – з іншого.

Комунікативність інженера – це здібність до цілеспрямованої самоорганізації поведінки і спілкування у виробничих групах, що сприяє творчому виконанню своєї професійної діяльності на підставі соціально-правових, моральних і етичних настанов.

Комунікабельність сучасного інженера формується під впливом багатьох чинників, серед яких переважають професійно-особистісні (сукупність професійних і особистісних якостей, яка утворюється внаслідок трансформації професійно важливих знань, вимог і вмінь в особистісно значущі для інженера та виявляється у більш ефективній професійній діяльності).

Компонентами професійної комунікативності інженера є: стійка потреба в систематичній різноманітній комунікації з колегами у професійній сфері; взаємодія загальнолюдських і професійних елементів комунікативності; емоційне задоволення на всіх етапах процесу комунікації; наявність здібностей до здійснення комунікації; прагнення до набуття комунікативних навичок і вмінь.

У процесі комунікації виявляються такі найважливіші показники загальнокультурного рівня фахівця, як обсяг і зміст професійного і морального досвіду, інтелектуальність, критичність, сприятливість до нового, креативність, акмеологічність.

Комунікативність професіонала проявляється в притаманних йому формах і засобах спілкування і взаємодії з людьми, без чого неможливе продуктивне виробниче і соціальне життя інженера.

Отже, сформованість таких комунікативних якостей забезпечує ефективність професійної діяльності:

1) рівень ціннісного ставлення до професійної комунікації, який характеризується відображенням у свідомості особистості позитивної значущості комунікативних знань, уявлень, переконань, емоцій, ціннісних орієнтацій, дій людини, що забезпечується осмисленням здобутого в комунікативній діяльності особистісного досвіду;

2) комунікативна спрямованість, яка визначає комунікативну діяльність, перспективу цілеспрямованого розвитку комунікативної діяльності;

3) психологічна підготовленість, яка передбачає наявність у фахівця певних властивостей, що сприяють ефективній праці в колективі;

4) доброзичливість, інтерес до роботи, без чого неможливі успіхи у професійній діяльності, задоволення від роботи;

5) толерантність, тобто терпимість до інших, розуміння, що всі люди індивідуальні та неповторні, що кожен має право на власну точку зору;

6) емпатійність – вміння тактовно виразити своє ставлення до колеги, здатність порозумітися з ним. Основним механізмом емпатії є усвідомлена чи неусвідомлена ідентифікація з іншим;

7) рефлексивність (лат. reflexio – відображення), яка передбачає активне й відсторонене спостереження за своєю діяльністю, готовність до її перегляду, до різноманітних реакцій у взаємодії з колегами. Важливим при цьому є вміння звільнятися від власних амбіцій, бачити оточуючих, прислухатися й придивлятися до них, сприймати й аналізувати отриману від них вербальну і невербальну інформацію;

8) прозорість, тобто ясність, виявляється вона у відмові від «дистанції» з колегами, довірливому спілкуванні з ними, готовності до їхніх запитань, спільних розмірковувань, що сприяє подоланню невизначеності у взаєминах, установленню тісніших контактів;

9) інтелігентність, яка передбачає високий розумовий розвиток особистості, вміння адекватно оцінити ситуацію, логічно мислити, знаходити розв`язання будь-якої проблеми, уникати грубощів, зневажливого ставлення до співрозмовника; раціональний вибір комунікативних засобів впливу; уміння говорити, готовність слухати і чути тощо;

10) конгруентність – діяльність «тут і тепер», сприйняття усього спонтанного в комунікативній ситуації;

11) товариськість: інтерес до людей; здатність розуміти почуття колег, їхню позицію у взаємодії з іншими людьми; комунікабельність і контактність; потреба у контактах, легкість вступу в контакт, емоційно-позитивний тон спілкування; схильність до дружньої поведінки у комунікативних ситуаціях, встановлення приязних стосунків; уміння не розгублюватися, прагнути до ініціативи у спілкуванні, не залишатися в тіні, брати на себе роль лідера у групі. Суттєвими при цьому є уміння слухати, влучно висловлюватися, підтримувати розмову і змінити тему, познайомитися, знайти правильну форму звертання;

12) колективізм – коригувати внутрішньоколективні, міжколективні й міжособистісні відносини, конфлікти;

13) контактність – здатність вступати у психологічний контакт, формувати довірливі відносини в зоні взаємодії, володіння навичками й уміннями спілкування і саморегуляції.

Джерела та література

1. Бочарова С. П. Психологічна культура інженера-педагога як фактор ефективності його професійної підготовки / С. П. Бочарова // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://teenbloog.org.ua/

2. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.

3. Волошина Н. В. Комунікативні здібності як елемент розвитку майбутніх спеціалістів різних галузей практичної діяльності / Н. В. Волошина // Соціальні комунікації сучасного світу: [наук.-теор. збірник] / Гол. ред. О. М. Холод. – Кривий Ріг: Видавництво Криворізького навчального центру Одеської національної юридичної академії, 2009. – С. 234-236.

4. Леонтьев А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл, 1997. – 365 с.

5. Малкина-Пых И. Г. Справочник практического психолога / И. Г. Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2008. – 848 с.

6. Сагайдак С. П. Професійне спілкування як складова успішності майбутнього психолога / С. П. Сагайдак // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://teenbloog.org.ua/

7. Ханецька Т. І. Психологічні особливості культури мовленнєвого спілкування в діяльності практичного психолога / Т. І. Ханецька // Науковий часопис / Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. Серія 12. Психологічні науки: зб. наук. пр. – К.: НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2005. – Вип. 4(28). – С. 131-136.

8. Цыбина Е. А. Компоненты коммуникативного развития студентов старших курсов / Е. А. Цыбина // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А. Н. Рудяков. – Том № 2. – Симферополь, 2011. – С. 268-270.

УДК 801.83(7/8) **Сазанович Л. В.**

ВИЗНАЧЕННЯ УСТАЛЕНИХ ФУНКЦІЙ ЗАВ'ЯЗКИ ТА ПЕРЕДМОВИ У ЦІЛІСНІЙ СТРУКТУРІ СЮЖЕТУ АМЕРИКАНСЬКОЇ АНГЛОМОВНОЇ ФОЛЬКЛОРНОЇ БАЛАДИ

В статье рассматривается проблема сюжетной стереотипизации в фольклоре. Методом формального анализа текста определяется базовая схема сюжета американской англоязычной фольклорной баллады. Анализируются функции вступительной части сюжета в общей структуре текста баллады: во вступительной части баллады озвучивается причина конфликта, и герой получает знак, стимулирующий его активность.
Ключевые слова: стереотипизация, сюжет, американская англоязычная фольклорная баллада, экспозиция, завязка.

У статті розглядається проблема сюжетної стереотипізації у фольклорі. Методом формального аналізу тексту визначається базова схема сюжету американської англомовної фольклорної балади. Аналізуються функції вступної частини сюжету в цілісній структурі тексту балади: озвучується причина конфлікту, герой отримує знак, що стимулює його активність.
Ключові слова: стереотипізація, сюжет, американська англомовна фольклорна балада, експозиція, зав'язка.

The paper highlights on the problem of plot stereotypification in folklore. The method of formal analysis of the text allows determining the basic scheme of English-American folk ballads plot. The plot functions of the introductory parts are studied regarding the overall structure of the ballad text: the conflict is announced and the hero gets some sign stimulating his or her activity.
Key words: stereotyping, the plot, the U.S. English-language folk ballad, exposition, exposition.

В статті висвітлюється результати фрагменту комплексного дослідження текстової моделі американської англомовної фольклорної балади, одним із етапів якого є визначення усталених елементів сюжету та їх функцій у цілісній структурі тексту ААФБ. Відтак, предметом цієї статті є аналіз сюжету ААФБ, об'єктом – функції вступної частини ААФБ. Розглянемо поняття «сюжет» та основні підходи до його вивчення.

На сьогодні існує велика кількість літературознавчих та фольклористичних студій, присвячених теорії сюжету, кожна з яких визначає сюжет на свій розсуд [1-5]. Оскільки нас цікавить не теорія сюжету загалом, а лише сюжет баладний, тому ми не будемо детально розглядати різні тлумачення сюжету, а зосередимося лише на тих моментах, які дадуть змогу описати баладу як сюжет, а баладний сюжет як модель.

З того часу як у XVII ст. Н. Буало та П. Корнель запропонували термін «сюжет» (від. фрнц. *subject* – предмет), його тлумачення постійно змінювалося. Вирізняються щонайменше два підходи до його визначення: правильне за етимологією розуміння сюжету як предмета, провідної предметної сторони твору (позиція О. Веселовського) та сюжету як розповіді про події, систему подій, перебіг дії та послідовність її розвитку, ланцюг подій (Ю. Тинянов, В. Жирмунський, В. Шкловський, Б. Ейхенбаум та ін.)

Поняття сюжет як літературознавча категорія є складовою дихотомії, де на іншому боці вагів знаходиться поняття «фабула» (від лат. *fabula* – байка, історія, *італ*. *fabulari* – розповідати, оповідати). Я. Зунделович наголошує на «допоміжному» характері сюжету як системи настанов, щодо втілення дії. При цьому фабула розглядається як сам процес дії, ефекти, що виникають після застосування сили. І далі: «сюжет – це канва, фабула – візерунок» [2, с. 899].

Зазначимо, що у фольклористиці також відчувається вплив літературознавчих тенденцій, під впливом яких паралельно використовуються обидва поняття. За цього підходу композиційна модель аналізується за допомогою таких термінів, як зав'язка, розвиток події, кульмінація та розв'язка, додаткові елементи.

Водночас досить поширеним у фольклористиці є ставлення до сюжету як до схеми, моделі, що, в свою чергу, стосується питання визначення одиниць сюжету, якими вважають тему, мотив, функцію. На думку О. Веселовського, «сюжети – це складні схеми, в образності яких узагальнилися певні акти людського життя та психіки, що перемежовуються у формах повсякденної діяльності» [1, с. 62]. Мотив, за О. Веселовським, – це також схема, тільки одночленна: «під мотивом я розумію найпростішу оповідальну одиницю, художній відгук на різні запити первинного розуму чи повсякденного спостереження» [1, с. 363]. Тобто, за О. Веселовським, сюжет як складна схема складається з мотивів (окремих тем).

У цьому контексті визначення сюжету О. Веселовським перегукується з тлумаченням композиції фольклорного твору В. Проппа, обґрунтованого у «Морфології чарівної казки», де вчений чітко розмежовує поняття «композиція» та «сюжет», спираючись на результати аналізу схематичного каркасу численних чарівних казок. Композиція, за В. Проппом, є фактором стабільним, а сюжет – змінним. Саме композиція визначається тут як послідовність функцій і стверджується, що множинність сюжетів ґрунтується на одній і тій самій композиції. Сюжет же розглядається як сукупність подій і дій, що розгортаються в руслі конкретної розповіді [4, с. 87-88].

З метою визначення змісту поняття «сюжет» у фольклористиці звернемося до ідей Б. Путілова, який пропонує відмовитися від «літературознавчої інерції», мотивуючи це тим, що, «фольклористиці не потрібні два поняття: сюжет у його місткому значенні покриває план змісту (зовнішнього та внутрішнього, поверхневого та глибинного) і план вираження (система будови, мотивування, структурні особливості). Вивчення фольклорного сюжету передбачає аналіз сукупності всіх елементів, виявлення семантичних, структурних зв'язків, стосунків між персонажами, визначення прихованих планів» [5, с. 185]. Отже, спираючись на зазначену концепцію російського фольклориста, «сюжет» ми розуміємо як певну художню конструкцію і водночас матеріальне вираження процесів, які відбуваються у колективній свідомості.

Перейдемо до аналізу сюжету ААФБ, спираючись на класифікацію американського фольклориста Р. де Ренвіка. Згідно з цією класифікацією вирізняється чотири типи балад: 1) середньовічні балади, тобто «Балади Чайльда» (БЧ); 2) вуличні балади, «летучі листки» або вуличні Балади на Листівках (БЛ); 3) Блюзові Балади (ББ); 4) Сентиментальні Балади (СБ) [7, с. 57-60].

У процесі застосування елементів методу кількісних підрахунків, було з'ясовано, що каркас балади складають: *експозиція* + *зав'язка* + *розвиток ситуації* + *кульмінація*, такі ж елементи як, *розв'язка* та *післямова* є менш регулярними. Результати аналізу, на підставі якого зроблені висновки, відображені у *таблиці.*

Визначення постійних елементів сюжету ААФБ

Елемент сюжету	Тип ААФБ				Кількість випадків	Частка, %
	БЧ	БЛ	ББ	СБ		
Експозиція	4	14	4	14	36	60
Зав'язка	11	15	13	15	54	90
Розвиток ситуації	15	15	15	15	60	100
Кульмінація	12	15	15	15	57	95
Розв'язка	4	12	5	6	25	42
Післямова	4	11	4	5	24	40
Усього	–	–	–	–	60	100

Функціональний аналіз елементів сюжету дає можливість з'ясувати місце кожного з них в моделі стереотипізованої організації тексту ААФБ.

ЕКСПОЗИЦІЮ як частину фольклорного сюжету, що вводить зав'язку, іноді розглядають як факультативний елемент, але, як свідчать дані кількісного аналізу (*див. таб.*), в ААФБ ця частина є у 60% пісень, тобто, це одна з головних частин балади. Саме тут уяві слухача пропонується більш-менш статична картина та починає розгортатися пружина баладного сюжету.

Досить часто експозиція ААФБ – це окрема стисла історія, відірвана у часі та просторі від основної події, але саме тут визначається тема пісні, як, наприклад, у БЧ «Earl Brand», тема якої – вірність коханню. У пісні йдеться про трагічну долю графа Бренда, який передчасно вмирає внаслідок хвороби; в основній частині передається туга нареченої за втраченим коханим, дівчина також невдовзі гине, але вже від суму. Необхідно зазначити, що тема балади в експозиції лише окреслена, слухач може лише здогадуватися, про що йтиметься далі [9, с. 9].

У баладах більш пізнього походження, особливо у сентиментальних, експозиція ще виразніше виокремлюється, виконуючи функцію своєрідного анонсу, де в стислому вигляді, але вже відкрито повідомляється майбутня тема, і слухачеві пропонується приєднатися до співака й розділити з ним сумні спогади.

Проілюструємо цю тезу фрагментом СБ «*The Ballad of the Waterfall*»: «*Come, all you that have been in love, / And sympathize with me, / For I have loved the fairest girl / That ever you did see*» – «*Підходьте усі, хто колись кохав, / То співчувайте мені, / Бо я покохав прекраснішу з дівчат, / Яку вам доводилося бачити*» [8, с. 307].

Якщо у попередньому випадку, в пісні «*Earl Brand*», слухач лише спостерігає за об'єктивним розвитком трагічної події (сніг, дощ, хвороба, смерть), то у баладі «*The Ballad of the Waterfall*» герой особисто запрошує поспівчувати йому.

Таким чином, прослухавши баладну прелюдію, слухач зазвичай набуває фонових знань про майбутню подію чи баладну інтригу (де, коли, який, хто) й починає здогадуватися про тему основної частини пісні, але ідея та ідейний пафос тут ще не визначені.

ЗАВ'ЯЗКА або ЗАЧИН зазвичай визначається як епізод (або цикл епізодів), з якого починається власне подія [2, с. 53]. Зав'язка традиційно належить до обов'язкових елементів сюжету, функцію якої визначають через поняття «зсув», «зіткнення» [6].

Наприклад, у БЛ «*Midnight Murder of the Meeks Family*» після змалювання загальних умов, знайомства з однією зі сторін, що конфліктує, та окреслення теми балади як «долі постраждалого від вбивства рідних» *(«About one mile from Birmingtown / At the foot of Jenkins Hill / To place that awful murder / Of Taylor, George and Bill» – «Десь з милю від Бермінгтауна / Під горою Дженкінз, / Щоб приховати страшне вбивство / Яке скоїли Тейлор, Джордж та Білл»)* з'являється друга сторона конфлікту. Це – позитивна героїня маленька Неллі Зей, з появою якої конфлікт остаточно кристалізується і загострюється: «*But the hands of providence came / To little Nellie Zay / ... / A safe excape she made / She came from out'a straw made grave / ... / And told this awful story / That leads to country shame» – «Але Провидіння зійшло / На маленьку Неллі Зей / .../ Вона благополучно втекла / Вона вибралася із солом'яної могили /.../ Та розповіла цю жахливу істрію / Що соромить увесь край*» [11, с. 40]. Зі свідчень дівчинки стає зрозумілим, що заради ідеалів справедливості вбивці батьків дівчинки мають бути обов'язково покарані.

Важливо зауважити, що епізод або цикл епізодів, з яких складається зав'язка, вирізняється із загальної сюжетної канви, по-перше, своєю закінченістю, а по-друге, високим рівнем деталізації.

Проілюструємо цю тезу на прикладі розгорнутої зав'язки БЧ «*Johnie Scot*», де докладно розповідається, яким був лист (великий, широкий), слухач починає здогадуватися, що лист сумний (сльози потекли після першого ж рядка) а також визначаються конфліктні сторони: Джоні Скот та Король Едвард, окреслюється майбутній шлях героя – із Шотландії до Старої Англії, і навіть називається конкретна кількість солдат у військо героя – п'ятсот чоловік. Важливо зазначити, що у цій частині сюжету спостерігаються зміни якості художніх деталей, описові деталі поступаються місцем деталям-вчинкам і деталям мовленнєвого портрета: Джоні Скот приймає виклик короля Едварда [10, с. 125].

У БЛ «*Sherman Cyclone*», фрагментарна експозиція (велике торнадо, місце Шерман, 15 травня, зруйновано півмісця) поступається місцем обємній та динамічній зав'язці:

«*The people, gay and happy in their cozy little rooms, / They little thought so shortly they'd be forced to their doom. / Alas, their days were ended, their lives were snatched away; Beneath the sod they're sleeping till the final judgment day*» – «*Люди, веселі та щасливі у своїх затишних маленьких кімнатках, / Навіть і не думали, що так швидко знайдуть вони свій кінець. / На жаль, їхні дні закінчилися, їхнє життя вкрадене; Під землею вони сплять до дня страшного суду*» [12, с. 31]. Конфлікт людини з природою зображується рельєфно: люди щасливі та веселі → мертві люди, затишні оселі → земляні могили; поведінка людей характеризується через їхні мовчазні вчинки.

Самостійність зав'язки та високий рівень деталізації зберігається й у Баладах на Листівках та Блюзових Баладах.

Так, в експозиції ББ «*Twinkle, Twinkle, Little Star*» на поширену у блюзових баладах тему кримінальних конфліктів зображується лише фізичний стан героя, шерифа Брейді: *«… He was drunk and out of sight, / Had n't been sober in many a night» – «…Він був п'яний та нічого не розумів, / Він не був тверезим вже багато ночей»,* а в зав'язці

слухач одразу потрапляє у коловорот конфлікту між барменом та шерифом*: «Mr. Duncan was a heap big squaw; / … / Gonna kill himself a very heavy-set coon» – «Мр. Данкан був женоподібним чоловіком з крутими стегнами; /.../ Збирався вбити цього дуже великого негра*» [13, с. 113].

Таким чином, експозиція та зав'язка відносяться до базових елементів сюжету американської англомовної фольклорної балади: 60% балад розпочинаються з експозиції та у 90% балад представлена зав'язка. У вступній частині балади, до яких відносяться експозиція та зав'язка, максимально повно змальовуються просторові й темпоральні деталі події, презентується герой шляхом визначення його імені чи статусу і починає закручуватися пружина сюжету. В експозиції предметні деталі передають найбільш загальне, характерне для зображуваного героя, а у зав'язці завдяки психологічним штрихам вже можна відчути внутрішній стан героя. Це особливо актуально в Баладах Чайльда та деяких ранніх баладах на листівках, де превалює об'єктивне зображення дійсності і де герої ще не висловлюють свої почуття відверто, від першої особи, і висновки слухач робить сам: герой плаче, отже, він схвильований та пригнічений.

Джерела та література

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Всеселовский; [ред., вступ. ст. и прим. В. М. Жирмунского]. – Ленинград: Изд-во «Худож. лит.», 1940. – 648с.
2. Зунделович Я. Сюжет / Я. Зунделович // [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т. / под ред. Н. Бродского [и др.]. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – С. 899-900. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-8991.htm.
3. Калачева С. В. Методика анализа сюжета и композиции литературного произведения / С. В. Калачева. – Москва: МГУ, 1973. – 95 с.
4. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. – 2-е изд. – М.: Наука, 1969. – 168 с.
5. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов ; отв. ред. С. Мыльников ; РАН, МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). – Санкт-Петербург: Наука, 1994. – 238 с.
6. Рыбникова М. А. По вопросам композиции / М. А. Рыбникова.– М.: Т-во В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых, 1924. – 111 с.
7. Renwick R. de.V. Ballad / Roger de V. Renwick // American Folklore : An Encyclopedia / [ed. by Jan Harold Brunvand]. – New-York & London: Garland Publishers, 1996. – P. 57-61.
8. The Ballad of the Waterfall // Folk Songs from the Southern Highlands / [coll. and ed. by M. Henry]. – New-York: J.J. Augustin Publisher, 1938.– P. 307.
9. Earl Brand // English Folk Songs from the Southern Appalachians / [coll. by O. Campbell and C. Sharp]. – New-York; London: G.P. Putnam's Sons, 1917. – P. 9.
10. Johnie Scot // English Folk Songs from the Southern Appalachians / [coll. by O. Campbell and C. Sharp]. – New-York; London: G.P. Putnam's Sons, 1917. – P. 125.
11. Midnight Murder of the Meeks Family // American Balladry from British Broadsides: a Guide for Students and Collectors of Traditional Song / [ed. by G. Laws]. – Philadelphia: American Folklore Society, 1957. – P. 40.
12. Sherman Cyclone // American Balladry from British Broadsides: a Guide for Students and Collectors of Traditional Song / [ed. by G. Laws]. – Philadelphia: American Folklore Society, 1957. – P. 31.
13. Twinkle, Twinkle, Little Star // On The Trail of Negro Folk-Songs / [ed. by D. Scarborough]. – Hatboro: Folklore Associates Inc., 1963. – P.113.

УДК 82-1

Самакаева Д. Р.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СТАТУС И ФУНКЦИИ

В данной статье рассматривается понятие политического дискурса – сложного явления, в реализации которого участвует целый ряд лингвистических и экстралингвистических факторов. Функции политического дискурса рассматриваются с точки зрения основной задачи политической коммуникации – воздействия на адресата, что и обуславливает выбор языковых средств, а также речевых стратегий и тактик.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая коммуникация.

У даній статті розглядається поняття політичного дискурсу – складного явища, в реалізації якого бере участь ціла низка лінгвістичних і екстралінгвістічних факторів. Функції політичного дискурсу розглядаються з точки зору основного завдання політичної комунікації – впливу на адресата, що й обумовлює вибір мовних засобів, а також мовних стратегій і тактики.

Ключові слова: політичний дискурс, політична комунікація.

The article gives the explanation of political discourse viewed as a complex phenomenon influenced by a number of linguistic and extralinguistic factors. The functions of political discourse are analyzed from the point of view of the main aim of any political communication that is influence on an addressee and the choice of language means, speech strategies and tactics is determined by this goal.

Key words: political discourse, political communication.

В наши дни политика играет огромную роль в развитии любого государства и мира в целом. Для политической коммуникации чрезвычайно важен выбор языковых средств, который зачастую обусловлен особенностями политического дискурса. Чтобы дать определение понятию политического дискурса, необходимо рассмотреть особенности дискурса в целом. Очевидно, что не существует четкого и общепризнанного определения «дискурса», которое смогло бы охватить все случаи употребления этого термина, и возможно, именно этим можно объяснить его популярность и широкое использование в научной литературе последнего десятилетия: связанные нетривиальными отношениями различные понимания удачно удовлетворяют различные понятийные потребности, при этом традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле и даже языке модифицируются наиболее удачным образом.

Понятие дискурса ученые рассматривают с нескольких сторон: во-первых, под дискурсом понимают любое конкретное высказывание, во-вторых, в рамках теории высказывания или прагматики, воздействие высказывания на получателя и его внесение в ситуацию общения (что подразумевает наличие субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания), и, наконец, обозначение системы ограничений, которые

накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции. Согласно определению, данному Н. Д. Арутюновой, дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [1].

Так как политический дискурс является частной разновидностью дискурса, в современной лингвистической литературе нет единого определения этого многопланового явления, однако необходимо привести две основные точки зрения. Во-первых, в широком смысле под политическим дискурсом подразумеваются любые речевые образования, содержание которых относятся к сфере политики, а также действия, направленные на распределение власти в стране или между странами. Другой точки зрения в вопросе определения политического дискурса придерживается, в частности, голландский лингвист Т. ван Дейк [3]. Согласно его определению, политический дискурс – это «класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой». К таким жанрам относятся: правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков. Т. Ван Дейк ограничивает политический дискурс профессиональными рамками – деятельностью политиков. По словам ученого, дискурс является политическим, когда он сопровождает политический акт в политической обстановке [3].

Политический дискурс следует считать сложным явлением, так как в его реализации участвует целый ряд элементов, например, язык, рассматриваемый с точки зрения его актуального употребления, а также целый ряд экстралингвистических факторов, которые оказывают воздействие на процесс общения. Изучение политического текста и его элементов в дискурсе – это прежде всего исследование степени воздействия на данный текст и на его восприятие адресатом разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических, национальных и иных факторов. Многие ученые считают, что «текст» – это понятие собственно лингвистическое (высшая единица синтаксиса), а термин «дискурс» имеет социолингвистический характер, так как власть, являющаяся основным концептом политического дискурса, тесно связана с категорией статуса. Предполагается, что в политической коммуникации принимают участие люди с высоким уровнем образования и, вследствие этого, с высоким социальным статусом. Необходимо отметить, что одной из характеристик речи образованной части населения можно считать использование сложных синтаксических структур и специфической лексики, что является проявлением социального давления на окружающих. Таким образом происходит осуществление власти.

В качестве основной цели текстов политического дискурса многими исследователями отмечается их предназначенность для воздействия на адресата. Политическая коммуникация ориентирована на манипуляцию, которая является особым видом психологического воздействия. Данное воздействие проявляется в наличии установки на скрытое внедрение в психику адресата целей, желаний и намерений, которые изначально сам слушающий не имел. Вследствие того, что в политическом дискурсе выступающие нередко имеют о своей аудитории лишь статистическую информацию, лично обе стороны коммуникации не знакомы, вследствие этого может возникать недопонимание со стороны адресата. Поэтому выступающему необходимо использовать такие языковые средства, тактики и стратегии речевого воздействия, которые могли бы свести это недопонимание к минимуму и сделать общение более успешным. Для политика важно умение выбрать правильные средства для достижения своей цели, он должен правильно воздействовать на те понятия, которые есть в сознании человека.

Содержание политической коммуникации определяется одной основной целью – борьбой за власть. Однако зачастую политиков интересует не сколько борьба за власть и ее получение, сколько ее сохранение и осуществление властных полномочий.

Политический дискурс обеспечивает формирование, функционирование и передачу политической информации. Политический язык является средством формирования социальных и политических идеалов, ценностей и норм, фиксации политических идей и практики власти, контакта между ней и гражданами.

Необходимо выделить следующие основные функции политического дискурса:

1) Суггестивную функцию политического дискурса можно выделить, так как политическая коммуникация относится к тому виду коммуникации, при котором воздействие является важнейшей целью, для ее достижения политики выражают свои истинные намерения завуалированно;

2) Экспрессивная функция подчеркивает субъективное отношение говорящего к обозначаемым предметам и явлениям действительности. Речь политика основана на том видении мира, которое ему присуще, и оно находит свое отражение в выборе того или иного способа воздействия;

3) Информативная функция характеризуется беспристрастным сообщением о разного рода событиях. Зачастую в речи политиков эта функция играет не столь важную роль, как представлялось бы необходимым, так как, в силу направленности политического дискурса на борьбу за власть, информация представляется адресантом в том виде, который способствовал бы достижению коммуникативных целей, в частности, воздействия на адресата;

4) Ритуальность политического дискурса реализуется в магической функции, что способствует созданию дистанции между народом и правительством, чтобы внушить патриотические чувства к Родине и уважение к своему правительству.

Политический дискурс как разновидность персуазивного (убеждающего) дискурса отмечен манипулятивной спецификой, которая выражается в оказании речевого воздействия на адресата с целью внести когнитивные изменения в его картину мира, которые повлекут за собой регуляцию диспозиций и деятельности адресата в пользу адресанта. В этом проявляется установка политика на убеждение и побуждение слушающего к действию. Таким образом, говорящий пытается убедить адресата в правильности той картины мира, которая была им нарисована, чтобы манипулятивное воздействие было успешным. Речевое воздействие осуществляется посредством коммуникативных стратегий и тактик, суть которых заключается в операции над знаниями адресата, над его ценностными категориями, эмоциями, волей. Речевое воздействие не сможет быть успешным, если говорящий не будет принимать во внимание национально-культурные особенности, которые характерны для адресата. Язык политики, являясь самостоятельной знаковой системой, подчиняется общим законам организации речи. Так, стиль политической пропаганды может быть и высоким, и средним, и низким, в зависимости от целевой установки автора и ориентации на конкретный сегмент аудитории. Лексические особенности отражают остроту полемики и уровень политической ангажированности и культуры как автора пропагандистских текстов, так и его аудитории.

Само содержание политической речи предопределяет использование в ней специальной группы слов (а также фразеологизмов, составных наименований) – политической лексики *(парламент, депутат, глава администрации, голосование, избиратель, мэр, оппозиция, указ* и т. п.). Следует различать политическую лексику и политологическую терминологию. Политологическая терминология, как указывает А. П. Чудинов, как и всякая терминология, в полной мере известна только специалистам, она не относится к общеупотребительному словарному фонду и используется только в научных и иных специальных текстах, ориентированных на специалистов по политологии [5]. Политическая лексика – это тематическое объединение общеупотребительных слов, которые должны быть понятны всем (абсолютному большинству граждан).

Политическая лексика постоянно обогащается за счет политологической терминологии: например, еще недавно в нашей стране такие слова и выражения, как *консенсус, субъект Федерации, харизматический лидер, импичмент, монетизация льгот* были понятны только специалистам. Сейчас эти обозначения стали общеизвестными, т. е. произошла деспециализация термина, превращение его в общеупотребительную единицу русской лексико-фразеологической системы. Процесс пополнения политической лексики идет постоянно: новые явления в жизни страны закономерно требуют появления неологизмов.

А. П. Чудинов подчеркивает, что границы между политической лексикой и политологической терминологией, между политическими неологизмами и политическими архаизмами достаточно условны: носители языка не всегда могут выделить тот момент, когда то или иное слово переходит в разряд общеупотребительных или, наоборот, перестает широко употребляться, становясь архаизмом.

Политический дискурс во всех своих разнообразных проявлениях, с одной стороны, мобильно реагирует на изменения, происходящие в обществе, отражая его актуальные проблемы, с другой стороны, является транслятором традиций и ценностей того или иного национально-лингвокультурного сообщества. В современном мире политический дискурс обслуживает разные коммуникативные ситуации.

Подводя итоги, необходимо отметить, что понимание дискурса в современной лингвистике близко по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения. Политический дискурс, в частности, обеспечивает формирование, функционирование и передачу политической информации. Дискурс является политическим, когда он сопровождает политический акт в политической обстановке. Причем, для достижения целей политической коммуникации необходимым условием является знание определенных языковых приемов, а также особенностей аудитории, на которое направлено воздействие.

Источники и литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь // Гл. ред. В. Н. Ярцева – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 136.

2. Будаев Э. В. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П.Чудинов. – Екатеринбург, 2006.

3. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация / Т. ван Дейк. – М., 1989. – 331с.

4. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/demyankov-02.htm.

5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М.: Флинта, Наука, 2008. – 256 с.

Примечание. Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта РГНФ № 12-04-00273 «Языковая политика и функциональное развитие языков народов России» (рук. д. ф. н. А. Н. Биткеева).

УДК 811.582.1+81'342.73 **Самарина И. В.**

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА КАБЯО (СЕВЕРНЫЙ ВЬЕТНАМ)[1]

В статье рассматриваются проблемы выявления тональной системы языка кабяо на основе сопоставления с классами исторических тонов тай-кадайских языков. Используемые в статье данные по языку кабяо во Вьетнаме представляют собой полевые материалы, собранные автором в провинции Хазянг в 2009 г. Описываются фонетические характеристики тонов в кабяо, такие как регистр, высота, контур и фонация. Обсуждаются некоторые вопросы сходства и различия двух идиомов кабяо (Вьетнам и Китай).

Ключевые слова: кадайские языки, кабяо, тоны, типология.

У статті розглядаються проблеми виявлення тональної системи мови кабяо на основі зіставлення з класами історичних тонів тай-кадайськіх мов. Використовувані в статті дані по мові кабяо у В'єтнамі являють собою польові матеріали, зібрані автором в провінції Хазянг в 2009 р. Описуються фонетичні характеристики тонів в кабяо, такі як регістр, висота, контур і фонація. Обговорюються деякі питання подібності та відмінності двох ідіомів кабяо (В'єтнам і Китай).

Ключові слова: кадайські мови, кабяо, тони, типологія.

The paper deals with the problem of the tonal system detection in Qabiao language according to the proto-tonal classes of the Tai-Kadai languages. The Qabiao language data under discussion are the field materials of the author (Ha Giang province, Vietnam, 2009). The phonethic features of tones in Qabiao such as register, pitch, countour, and phonation are described. Some similarities and differencies of the two Qabiao varieties (in Vietnam and China) are discussed.

Keywords: Tai-Kadai languages, Qabiao, tone, typology.

На языке кабяо (англ. *Qabiao*) говорит небольшая этническая группа, проживающая на севере Вьетнама и юге Китая. Кабяо [qa^{0} bi̯au^{33}] – это самоназвание. Кроме того, известны другие названия этой группы: пупео (вьетн. *Pu Péo*), пубяо (кит. 布標*Bùbiāo*), лакуа [5], пенти-лоло (т. е. ʻместные лоло’). Во Вьетнаме официальным наименованием кабяо является *пупео* [8]. По переписи населения 1999 г. их насчитывалось 705 чел., 2009 г. – 687 чел. Они проживают компактно в уездах Донгван (в основном в общине Фола), Йенминь и Меовак провинции Хазянг (580 чел.; 84,4% всех пупео Вьетнама). В местах компактного проживания кабяо сохранность этнического языка достаточно хорошая, но монолингв практически нет [3]. В Китае носители языка кабяо включаются в состав тибето-бирманского народа и

(лоло). Они расселены лишь в нескольких деревнях уезда Малипо Вэньшань-Мяо-Чжуанского АО провинции Юньнань в непосредственной близости от кабяо Вьетнама. Численность этнической группы – 300-400 чел., при этом этническим языком владеют лишь представители старшего поколения [6].

Язык кабяо (пупео) во Вьетнаме обследовался российскими и вьетнамскими учеными в 1981 г. [9] и 2009 г. в рамках проекта РГНФ – ВАОН «Кадайские языки Вьетнама: материалы по сопоставительной лексикографии» (рук. И. В. Самарина). В данной статье используются в основном материалы экспедиции 2009 г. Сопоставление наших материалов с данными В. Остапирата [11] позволяет сделать вывод о достаточной близости этих идиомов кабяо.

Кабяо принадлежит кадайской группе (или группе кра) тай-кадайской семьи языков [2], [4, 75-78, 80-83], [12, с. 653-654]. Большинство идиомов тай-кадайской семьи языков являются моносиллабичными, исключения в них могут составлять заимствования. Для каждого слога тон, инициаль (начальнослоговой согласный или консонантный кластер) и вокаль облигаторны, терминаль (конечнослоговой согласный) – факультативна. В то же время в некоторых тай-кадайских языках, в том числе и в кабяо, сохранились так называемые слабые слоги, или пресиллабы, которые не употребляются самостоятельно и за которыми обязательно следует сильный слог, например: *qə–* в *qəlʰa:ŋ*^{42} ʻсолнечный свет’, *tə–* в *təkuɤn*^{42} ʻвпереди’. В этом случае в языке помимо моносиллабов функционируют и полутораслоги (sesquisyllabic units) [1].

Фонологической особенностью тай-кадайских идиомов является возможность разного статуса в системе (сегментный элемент/супрасегментный элемент) таких признаков, как глоттализация и аспирация. Так, например, гортанная смычка *ʔ* может быть либо терминалью *-ʔ*, либо являться глоттализованным завершением реализации тона. Аспирация может в одних случаях являться различительным признаком для инициалей: *p-/pʰ-*, *t-/tʰ-*, *k-/kʰ-* – ср. кабяо *pa:i̯*^{45} ʻвязкий’ и *pʰa:i̯*^{42} ʻраспутывать’, т.е. сегментным элементом, а в других случаях выступать как супрасегментный элемент, сопровождающий реализацию тона: *miɤ*^{33h} [mʰiɤ^{33}] ʻязык’ (*анат.*).

Все современные тай-кадайские языки тональные. Тоны в них являются рефлексами тональной пра-системы. Задачей нашей работы было установление соответствий между элементами тай-кадайской тональной прасистемы и современными тонами в языке кабяо по методике, предложенной У. Гедни [7].

Тональная прасистема включает трехчленную оппозицию для незакрытых слогов, т.е. открытых слогов – слогов с отсутствием терминали, полуоткрытых слогов – слогов, оканчивавшихся на глайды, и полузакрытых слогов – слогов, оканчивавшихся на носовые, и характеризуется отсутствием противопоставления по тонам для закрытых слогов, т.е. слогов, оканчивавшихся на взрывные (*-p*, *-t*, *-k*, *-ʔ)* [7], [10], [11]. Категории тонов в незакрытых слогах обычно обозначаются, соответственно, как A, B и C. Для категории тонов в закрытых слогах используется обозначение D. Все эти четыре категории тонов могли подвергаться дальнейшим фонетическим изменениям в зависимости от качества инициали слога. Всего выделяется четыре класса инициалей: а) фрикативные глухие (*s-*, *f-*, *x-*, *h-*) и взрывные глухие придыхательные (*pʰ-*, *tʰ-*, *kʰ-*); б) взрывные глухие непридыхательные (*p-*, *t-*, *k-*); в) глоттальные – глоттальная, или гортанная, смычка (*ʔ-*) и преглоттализованные (*ʔb-*, *ʔd-*, *ʔj-*); г) звонкие. Первые три категории инициалей образуют серию 1, четвертая категория – серию 2. В связи с этим употребительны такие обозначения пратонов как A1, A2. B1, B2, C1, C2, D1, D2. Тоны категории D подвергались дальнейшим изменениям в зависимости от долготы/краткости вокали. Таким образом, тональные системы современных тай-кадайских идиомов потенциально могли бы быть 20-членными (см. табл. 1), но в действительности они обычно включают от пяти до семи тонов [10, 2]. Наибольшее тональное разнообразие наблюдается в открытых слогах. В закрытых слогах обычно встречается два или три тона.

Таблица 1

Диагностическая таблица определения тонов У. Гедни

Инициаль			Тон				
			A	B	C	D	
						Ds (краткая вокаль)	Dl (долгая вокаль)
1	а)	Фрикативные глухие и взрывные глухие придыхательные	1	5	9	13	17
	б)	Взрывные глухие непридыхательные	2	6	10	14	18
	в)	Глоттальная смычка и преглоттализованные	3	7	11	15	19
2	г)	Звонкие	4	8	12	16	20

У. Гедни составил список диагностических слов для каждой из 20 клеток табл. 1 [7]. Используя этот список, а также материалы В. Остапирата [11, 220-245], мы подобрали соответствия по нашим полевым материалам. Отцифрованные аудиозаписи лексических единиц были проанализированы нами с помощью редактора Speech Analyzer с целью уточнения их супрасегментных характеристик. В результате было установлено наличие в кабяо четырех различных тональных контуров: нисходящего /42/, ровного /33/, ломаного /312/ (или /31/) и восходящего /45/[2]. Однако помимо мелодического контура, важными характеристиками тонов являются также наличие/отсутствие глоттального завершения слога (ˀ), сжатогортанности (◌̰), расслабленности или придыхательности (◌̤). Нами было подтверждено наличие двух серий тонов в кабяо, как указано в работах В. Остапирата [11, 66-67] и Дж. Эдмондсона [12, 662-663]: первая серия для слогов с историческими взрывными глухими непридыхательными и звонкими, а вторая серия для слогов с взрывными глухими непридыхательными и преглоттализованными.

Таблица 2

Распределение тонов в языке кабяо

Серия	Тип инициали	Категория			
		A	B	C	D
Данные И. В. Самариной					
1	глухие непридыхательные и глоттализованные	42	312̰ / 31̰	33ˀ	33
2	звонкие и придыхательные	33̤	32̤4	45	45
Данные В. Остапирата [11, 66–67]					

1	глухие непридыхательные и глоттализованные	42	213	33ʔ	33
2	звонкие и придыхательные	33ʰ	213ʰ	45	45
Данные Дж. Эдмондсона [12, 662–663]					
1	глухие непридыхательные и глоттализованные	42	423	33ʔ	33
2	звонкие и придыхательные	33	214	35	25

Таким образом, все исследователи выделяют четыре типа контура. Расхождения в цифровых записях могут объясняться тем, что исследовались разные идиомы (И. В. Самарина и Дж. Эдмондсон описывали язык кабяо во Вьетнаме, но в разные годы, а В. Остапират – язык кабяо в Китае) и от разных информантов. Ниже приводятся описания тонов языка кабяо.

1. Тон-рефлекс A1 (< открытые слоги с историческими глухими непридыхательными или преглоттализованными инициалями). Тон среднего регистра (42), нисходящий, характеризуется нейтральной фонацией. Примеры: *ʔdaŋ*^{42} ʻлоб’; *te*^{42} ʻглаз’; *suɤŋ*^{42} ʻзуб’; *ʔnaṵ*^{42} ʻпупок’; *ʔbɔŋ*^{42} кожа; *tiɤ*^{42} ʻумереть’; *ziɤ*^{42} ʻлекарство’; *qalʰaːŋ*^{42} ʻсолнечный свет’; *taːn*^{42} ʻлуна’; *pɤi̯*^{42} ʻогонь’; *qʰan*^{42} ʻдорога’; *təkuɤn*^{42} ʻвпереди’; *qaːi̯*^{42} ʻбуйвол’; *m̥u*^{42} ʻсвинья’; *m̥a*^{42} ʻсобака’; *qaṵ*^{42} ʻрог’ (*оленя*); *qai̯*^{42} ʻпетух’, ʻкурица’; *kanɤn*^{42} ʻвошь платяная’; *tɛjaːŋ*^{42} ʻкорень’; *qasaːn*^{42} ʻобрушенный рис’; *qa*^{42} ʻимпература’ (*вид травы*); *qɐɲ*^{42} ʻимбирь’; *pe*^{312ʔ} *siɤ*^{42} ʻмуж’; *tɛaṵ*^{42} ʻстолб’, ʻколонна’; *n̥i̯n*^{42} ʻдом’; *ɾaŋ*^{42} ʻрешето’ (*с крупными ячейками*); *kɤn*^{42} ʻесть’; *łe*^{42} ʻечь’; *ʔan*^{42} ʻиметь[ся]’; *saːṵ*^{42} ʻсмеяться’; *suɤn*^{42} ʻобучать’, ʻучить’; *laŋ*^{42} ʻкукарекать’; *ŋaːi̯*^{42} ʻлюбить’, ʻнравиться’; *lam*^{42} ʻчёрный’; *qʰɛn*^{42} ʻтяжёлый’ (*о весе*); *mu*^{312ʰ} *qaːṵ*^{42} ʻвонючий’; *ʔai̯*^{42} ʻхороший’; *kaṵ*^{42} ʻя’; *ɛe*^{42} ʻдва’; *ʈaṵ*^{42} ʻтри’; *pe*^{42} ʻчетыре’; *lʰam*^{42} ~ *nʰam*^{42} ʻшесть’.

2. Тон-рефлекс A2 (< открытые слоги с историческими звонкими или придыхательными инициалями). Тон среднего регистра (33), ровный. По контуру совпадает с тонами-рефлексами серий C1 и D1, однако в отличие от них характеризуется придыхательной фонацией. Примеры: *qʰăi̯*^{33} ʻдалеко’; *təmiɤ*^{33} ʻмедведь’; *ŋɯɤ*^{33} ʻзмея’; *ʔjɤṵ*^{33} *pjau*^{33} ʻрыба’; *qaraːi̯*^{33} ʻпчела’; *niɤŋ*^{33} ʻпобег’ (*бамбука*); *təŋɯɤ*^{33} ʻкунжут’; *mɤn*^{33} ʻклубнеплод’ (*батат*, *маро*…); *qaziɤ*^{33} ʻребенок’; *ne*^{33} ʻрисовое поле’ (*заливное*); *nin*^{33} ʻжир’, ʻсало’; *qaɲu*^{33} ʻсоль’; *nɤ*^{33} *ŋun*^{33} ʻдуша’; *təne*^{33} ʻтолстый’ (*не тонкий*); *mjaŋ*^{33} ʻсветлый’ (*о свете*); *qʰaːŋ*^{33} ʻвысокий’; *mi*^{33} ʻты’; [*pɔŋ*^{45}] *tɤṵ*^{33} мы (*инклюз.*); *ma*^{33} ʻпять’; *ɾɯ*^{33} ʻвосемь’.

3. Тон-рефлекс B1 (< полуоткрытые слоги с историческими глухими непридыхательными или преглоттализованными инициалями). Тон низкого регистра (312̰), ломаный, нисходяще-восходящий. В отличие от тона-рефлекса серии B2 сопровождается сжатогортанностью. Имеется вариант реализации этого тона как нисходящего (31̰): *ⁿɾʰo*$^{31̰}$ *qɤṵ*$^{31̰}$ ʻколено’. Примеры: *ⁿɾʰo*$^{312̰}$ ʻголова’; *taṵ*$^{312̰}$ ʻслюна’; *ŋhaṵ*$^{312̰}$ ʻгной’; *ʈăṵ*$^{312̰}$ ʻзола в печке’; *huɤm*^{31ʔ} *qaseɾi̯*^{31ʔ} ʻчеснок’; *pe*$^{312̰}$ ʻотец’; *laṵ*$^{312̰}$ ʻпалочки’ (*для еды*); *tɤṵ*$^{312̰}$ ʻполучать’; *ʔaṵ*$^{312̰}$ ʻспать’; *lɤn*$^{312̰}$ ʻмелкий’; *ʔuɤŋ*$^{312̰}$ ʻтёплый’; *qaṵ*$^{312̰}$ ʻстарый’ (*неновый*); *ʔaːn*$^{312̰}$ ʻседло’; *se*$^{312̰}$ *tʰăi̯*$^{312̰}$ ʻпахать’; *hṵan*$^{312̰}$ ʻволосы’ (*на теле*).

4. Тон-рефлекс B2 (< полуоткрытые слоги с историческими звонкими или придыхательными инициалями). Тон низкого регистра (32̤4), ломаный, нисходяще-восходящий. В отличие от ломаного тона-рефлекса серии B1 характеризуется придыхательной фонацией. Примеры: *mjau*$^{32̤4}$ ʻлицо’; [*ʔɛ*^{33ʔ}] *lɤ*$^{32̤4}$ ʻуголь’; *mu*$^{32̤4}$ ʻпахнуть’; *mjeŋ*$^{32̤4}$ ʻлевый’.

5. Тон-рефлекс серии C1 (< полузакрытые слоги с историческими глухими непридыхательными или преглоттализованными инициалями). Тон среднего регистра (33), ровный, завершается гортанной смычкой. По контуру совпадает с тонами-рефлексами серий D1 и A2. Примеры: *pəqaːŋ*^{33ʔ} ʻподбородок’; *qataŋ*^{33ʔ} ʻнос’; *qa*^{33ʔ} ʻкровь’; *ʔɔŋ33*^{ʔ} ʻвода’; [*tuɤn*^{45}] *băŋ*^{33ʔ} ʻниз’; *ʔɾʰe*^{33ʔ} ʻлошадь’; *kja*^{33ʔ} ʻрассада’ (*риса*); [*qaziɤ*^{33} *lɤ*^{33}] *buoŋ*^{33ʔ} ʻсирота’; *ʔjɤṵ*^{33ʔ} ʻмясо’; *tăp*^{33ʔ} ʻсажать’; *ham*^{33ʔ} ʻпить’.

6. Тон-рефлекс серии C2 (< полузакрытые слоги с историческими звонкими или придыхательными инициалями). Тон высокого регистра (45), восходящий, с нейтральной фонацией. Совпадает с тоном-рефлексом серии D2. Примеры: *ʰmum*^{45} ʻборода’; *qaraɾi̯*^{45} ʻболеть’ (*о частях тела*); *qaɲan*^{45} ʻглухой’; *qalaːŋ*^{45} ʻястреб’, ʻкоршун’; *ŋɯɤn*^{45} ʻколючка’, ʻшип’; *maːi̯*^{45} ʻмать’; *zaṵ*^{45} ʻзять’ (*муж дочери*); *mi*^{45} ʻрис’ (*варёный*); *zam*^{45} ʻкусать’, ʻжалить’; *pe*^{45} ʻносить на спине’; *ʔljem*^{45} ʻлизать’; *sɯ*^{45} ʻпокупать’; *ɲin*^{45} ʻжёлтый’; *təɯa*^{45} ʻтонкий’ (*размер*); *ko*^{45} ʻсерп’.

7. Тон-рефлекс серии D1 (< закрытые слоги с историческими глухими непридыхательными или преглоттализованными инициалями). Тон среднего регистра (33), ровный, с нейтральной фонацией. Примеры: *ʔuɤt*^{33} ʻземля’, ʻпочва’; *ⁿɾʰɔk*^{33} ʻобезьяна’; *qasʌt*^{33} ʻхвост’; *qamʰat*^{33} ʻблоха’ (у собаки); *ʔaːp*^{33} ʻовощи’; *tɒk*^{33} ʻпадать лицом вниз’; *ljap*^{33} ~ *djap*^{33} ʻзабывать’; *tʌt*^{33} ʻиспускать газы’; *lʰaːk*^{33} ʻглубокий’; *tec*^{33} ʻнаполненный’, ʻполный’; *pɤt*^{33} ʻдесять’; *kɯɤp*^{33} ʻпядь’; *haːn*^{33} ʻгусь’.

8. Тон-рефлекс серии D2 (< закрытые слоги с историческими звонкими или придыхательными инициалями). Тон высокого регистра (45), восходящий, с нейтральной фонацией, совпадает с тоном-рефлексом серии C2. Примеры: *nuk*^{45} (IS) ʻптица’; *ᵐbjat*^{45} ʻкислый’; *ŋɤ̆t*^{45} ʻиголка’; *qamuɤk*^{45} ʻоблако’; *təlĭp*^{45} ʻмолния’; *mjak*^{45} ʻплод’; *vak*^{33} *qaljăk*^{45} ʻворовать’, ʻкрасть’; *zjak*^{45} ʻплакать’; *năp*^{45} ʻжмуриться’, ʻзакрывать’ (*глаза*); *răk45* ʻмокрый’.

Таким образом, нами были определены соответствия между тонами современного языка кабяо и тай-кадайскими пра-тонами. Было установлено, что в языке функционируют две системы тонов – одна для слогов с историческими глухими непридыхательными и преглоттализованными инициалями, другая для слогов со звонкими и глухими придыхательными инициалями.

Отметим тот важный факт, что в языке кабяо активно идет процесс моносиллабизации. В материалах по языку кабяо 1981 г. было зафиксировано достаточно много слов с пресиллабами [9], однако к 2009 г., т.е. менее чем за 30 лет, их количество значительно сократилось. В. Остапират в своих материалах не приводит лексических единиц с пресиллабами, что означает, что в китайском идиоме кабяо они, скорее всего, уже отсутствуют.

Примечания

1. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты РГНФ – ВАОН № 09-04-00546а/V «Кадайские языки Вьетнама: материалы по сопоставительной лексикографии» и № 11-24-09001а/Vie «Тональные системы кадайских языков Вьетнама в синхроническом и диахроническом аспектах»).

2. Можно представить диапазон человеческого голоса в виде шкалы, где самый низкий уровень голоса говорящего будет на уровне 1, а самый высокий – на уровне 5. В случае неломаного контура тон обозначается двумя цифрами, указывая,

соответственно, на начальную и конечную точки тонального контура, в случае ломаного контура тон обозначается тремя цифрами для указания и на промежуточную точку.

Источники и литература

1. Самарина И. В. Процессы моносиллабизации в языках материковой Юго-Восточной Азии / И. В. Самарина // Вопросы филологии. – № 1. – 2007. – С. 41-49.
2. Самарина И. В. Этнолингвистический портрет кадайских языков во Вьетнаме / И. В. Самарина // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Юго-Восточной Азии: история и современность. Сб. статей / Отв. ред. Н. Н. Бектимирова. – М.: Ключ-С, 2011. – С. 234-258. (Губеровские чтения. Вып. 2.)
3. Самарина И. В. Этноязыковая ситуация на севере Вьетнама: по результатам полевых исследований / И. В. Самарина // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21-24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения / Отв. ред. В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. – М., 2010. – С. 323-332.
4. Языки гэлао: Материалы к сопоставительному словарю кадайских языков / И. В. Самарина, О. М. Мазо, Нгуен Ван Лой, Нгуен Хыу Хоань и др. / Отв. ред. И. В. Самарина. – М.: Academia, 2011. – 944 с.
5. Benedict P. K. Thai, Kadai and Indonesian: A new alignment in South-Eastern Asia // American Anthropologist. 44. – 1942. – P. 576-601.
6. Ethnologue: Languages of the World / M. P. Lewis (ed.). 16th ed. Dallas, Tex.: SIL International, 2009. [Электронный ресурс] – Online version: http://www.ethnologue.com/ (01.06.2012).
7. Gedney W. J. A checklist for determining tones in Tai dialects // Studies in Linguistics in Honor of George L. Trager / S. M. Estellie (ed.). – Mouton: The Hague, 1972. – P. 423-438.
8. Hoàng Tuệ, Hoàng Văn Ma, Nguyễn Văn Tài. Các dân tộc thiểu số ở Việt Nam và c hính sách ngôn ngữ (Малочисленные народы Вьетнама и языковая политика). – Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học Xã hội, 1984.
9. Hoàng Văn Ma, Vũ Bá Hùng. Tiếng Pu Peo (Язык пупео). – Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học Xã hội, 1992. – 187 p.
10. Hudak T. J. William J. Gedney's Comparative Tai Source Book / Hudak T. J. William J. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2008. – 219 p. (Oceanic linguistics special publication. No. 34.)
11. Ostapirat W. Proto-Kra / W. Ostapirat // LTBA. 23.1. – Berkley, California, 2000. – 251 p.
12. The Tai-Kadai languages / A. V. N. Diller, J. A. Edmondson, Yongxian Luo (eds.). – London; New York, Routledge, 2008. – 683 p.

УДК 811.112.2'42:82-6](045)

Сарміна Г. Л.

СТРУКТУРНІ ОСОБЛИВОСТІ НІМЕЦЬКОМОВНИХ ШАНТАЖНИХ ЛИСТІВ

Статья посвящена исследованию структурных особенностей немецкоязычных шантажных писем. На основе структурного анализа выделены, описаны и охарактеризированы основные компоненты внешнего оформления шантажного письма и определены типичные конструкции.

Ключевые слова: шантажное письмо, деловое письмо, структурные характеристики, криминальная коммуникация, речевое преступление.

Стаття присвячена дослідженню структурних особливостей німецькомовних шантажних листів. На основі структурного аналізу виділені, описані та охарактеризовані основні компоненти зовнішнього оформлення шантажного листа та визначені типові конструкції.

Ключові слова: шантажний лист, діловий лист, структурні характеристики, кримінальна комунікація, мовний злочин.

The article is devoted to the investigation of the structural peculiarities of the German blackmail letters. On the basis of structural analysis the main components of external appearance were marked, described and characterized. The typical constructions were determined.

Key words: blackmail letter, business letter, structural peculiarities, criminal communication, language crime.

У німецькомовному середовищі невпинно зростає зацікавленість суспільства до шантажу як соціального явища, яке активізувалося протягом останніх десятиріч. Залучення шантажу до комунікативних процесів зумовлює лінгвістичні дослідження у сфері кримінальної комунікації. Вивченню цього феномену присвятили свої праці представники судової лінгвістики В. Хен, С. Шаль, Е. Фоббе, Х. Кніффка, Д. Гіббон, Д. Оллсон, У. Енгель, К. Бріньов, В. Третьякова, М. Голєв,О. Галяшина та інші.

Об'єктом дослідження слугують структурні особливості шантажних листів. **Предметом** виступають структурні характеристики таких листів. **Матеріалом** для дослідження є корпус текстів, що складається з 1134 німецькомовних шантажних листів.

Актуальність дослідження зумовлюється розвитком правничої лінгвістики та її підгалузі – судової лінгвістики, одним із завдань якої є дослідження й типологізація кримінальних текстів.

Загальна проблема полягає у відсутності комплексного дослідження типу тексту «шантажний лист», що передбачає вирішення таких **завдань**:

– визначити типові структурні особливості німецькомовних шантажних листів;
– описати й охарактеризувати основні компоненти зовнішнього оформлення шантажних листів;
– провести порівняльний аналіз структури ділового листа та шантажного листа;
– визначити їх спільні та відмінні риси;
– окреслити перспективи подальших досліджень.

Багато злочинів вимагають комунікації між злочинцем та жертвою, у першу чергу це стосується так званих «мовних злочинів». О. С. Кара-Мурза надає цьому поняттю таку дефініцію: «Мовні злочини – це правопорушення, які полягають в тому, що здійснюються вони за допомогою вербальної поведінки, шляхом використання продуктів мовної діяльності, тобто текстів» [1, с. 48]. До мовних злочинів відносяться дифамація, наклеп, образа, мовний екстремізм, загроза насильницьких діянь та вбивства [1, с. 48]. Для досягнення своєї мети злочинці користуються мовними посланнями, які в переважній більшості подаються в письмовій формі та характеризуються монологічністю й анонімністю. Такі мовні послання найчастіше представлені у формі листа, оскільки листування відноситься до давнього виду письмової комунікації, під час якого учасники комунікації позбавлені особистого контакту. Лист – це

«витвір мовленнєвотворчого процесу, закріплений у певній семантико-значеннєвій структурі й об'єктивований у вигляді письмового звернення автора до конкретного одиничного реципієнта, який пов'язаний з ним перцептивною спільністю соціального середовища, контактів, суспільними нормами поведінки» [2, с. 7].

Шантажні листи в науковій літературі не виділяються в окремий тип тексту, оскільки представлені в якості текстової функції, що користується вже існуючою формою, а саме формою ділового листа або видом його особливої форми – відомчого листа. Коливання між цими типами текстів або переплетіння різних текстових зразків є визначальною ознакою типу тексту «шантажний лист» [7, с. 78]. П. Артманн стверджує, що «типовий автор листа намагається представити процес шантажу як вид справи (бізнесу) для того, щоб морально виправдати свою власну позицію. Цей процес відбивається в ілокутивній структурі, у розкритті теми, та мовному оформленні тексту» [3, с. 185]. Отже, за своєю сутністю шантажні листи відносяться до ділових листів, саме тому варто, в першу чергу, розглянути структуру ділового листа, яка встановлена Німецьким інститутом стандартизації і підлягає нормі DIN 5008 [5]. Ця норма регулює змістовну та формальну побудову ділового листа. Обов'язковими є такі дані:

– дані про адресанта; – дата; – дані про адресата; – тема; – звертання; – текст листа; – прощання; – підпис; – адендум; – примітка щодо отримувача копії.

Відповідно до характеристик ділового листа, наданих Г. Брізе-Нойманн, розташування даних на папері є суворо регламентованим. Наприклад, інформація про адресанта та адресата має бути розташована зверху ліворуч у вигляді блоку або по всій довжині листа. Далі йде тема, вихідний номер, інформація про попередню кореспонденцію. Г. Брізе-Нойманн підкреслює, що від написання слова «тема» сучасний лист відмовляється. Дані про дату та місце є, як правило, праворуч вгорі, проте суворих правил щодо їх розташування немає. Після звертання та власне тексту листа, слідують форма прощання та підпис [4, с. 13]. К. Ермерт підкреслює, що дані про місце та дату, звертання до адресата листа, текст листа, форма привітання та підпис є необхідними для сприйняття листа як єдиного цілого. Вчений дає уявлення про ідеальний тип листа, проте не виключає існування граничних типів [6, с. 50]. Не всі зразки листів обов'язково мають містити всі ці ознаки.

Незважаючи на структурну подібність до ділового листа, ми можемо виділити цілу низку власних структурних особливостей зовнішнього оформлення шантажного листа, а саме:

1. Дані про адресанта такого листа, як правило, несправжніми, неповними, що є конститутивною ознакою. Часто це назва уявної організації або групи, фіктивне ім'я приватної персони, іронічні позначення. Наприклад: *Terror-Gruppe, U.CO, Internationale Protect Organisation, die GmBH. Bund für gerechte Geltverteilung, Pet Trust Team.*

2. Дані про адресата, як правило, зазначені, оскільки для злочинця є важливим, щоб лист дістався до правильного адресата, до того ж бажано уникання розголошення інформації листа третім особам. Саме тому дані про адресата подаються в звичайній, загальноприйнятій формі. Якщо шантажний лист адресований фірмі або установі, то шантажист обирає дуже узагальнені позначення, наприклад: *an die Geschäftsleitung, an die Geschäftsführung, an den Filialleiter, Bundesministerium, an die Bank.* Можливе подання неповних даних, наприклад, відсутній поштовий індекс або номер будинку. Враховуючи обставину, що в процесі шантажних дій, які спрямовані на організації або установи, майже жоден лист не містить прямого особистого звертання до певного співробітника або представника організації, не можна вважати інформацію про адресата поданою у повному обсязі.

3. У більшості випадків у шантажному листі зазначена тема, оскільки злочинець має намір наблизитися до форми ділового листа. Це можна проілюструвати на таких прикладах: *Betreff: Persönlich; Betreff: E-Mail; Betreff: Dringend persönlich! Eilt!; Betreff: Frau X; Betreff: Ankündigung eines Giftanschlages; Betreff: Sehr wichtig! Eilt!; Betreff: Erpressung; Betreff: Rechnung-Ihre Beteiligung an Irak-Hilfe;* Згідно нових правил укладання ділових листів слово «Betreff» може не вживатися, такі приклади є частими в шантажному листі: *Entführung; Geldübergabe; Blausäureanschlag; Forderungen gegen Ihre Mutter-Frau; Vertrauliche Mitteilung; Angebot; Finanzierung; Forderung; Strafaktion; Unbezahlte Rechnung; Lösegeldforderung.*

4. Дані про дату містяться частіше, аніж дані про місце. Інформація про дату має відношення до ультиматуму злочинця та наміру впорядкувати процес злочину в рамках точного часового виміру. Інформація про місце може стати кроком до викриття злочинця, проте її наявність у кримінальних листах не виключається.

5. Відповідно до критерію ввічливості, ми виділяємо три типи форми звертання: формальні звертання, звертання до близької особи та принизливі форми звертання. Для першої групи характерними є такі приклади: *Sehr geehrte Damen und Herren; Herr Minister; Sehr geehrter Herr Dr. X; Sehr geehrter Empfänger dieses Schreibens; Sehr verehrter Herr Dr. X.* Другу групу складають звертання, які могли б бути характерними для офіційного листування, проте скоріш вказують на звертання до близької особи: Hallo, *Liber X, Hallo Alter Mann; Hallo liebe Mitbürger liebe Mitbürgerin; Hallo EDV-Experte; Hallo Freunde; Guten Tag Herr; Hallo Leute; Tag.* До третьої групи відносяться звертання, які принижують реципієнта: *Heil Volksgenossen und Volksgenossinen, Heil Hitler, Hallo Sie kleiner Steuerbetrüger; Hallo Sie kleiner Steuerhinterzieher; Arschloche; Du schwule Sau; Sehr verehrte Beamtenarschlöcher.*

6. На відміну від ділового листа, в шантажному поруч або замість теми зустрічаються заголовки: *Achtung; Dies ist ein Erpressungsbrief; Dies ist eine Drohung; Eilmeldung; Streng Vertraulich; Lebensgefahr; Forderung; Erpresserbrief; Sehr wichtig; Angebot; Warnung; Entführung; Ankündigung eines Giftanschlages; Rechnung; Vorlesen!; Strafaktion!; Treuhand-Schreiben.* Якщо шантажні дії передбачають серію листів, то в наступних листах типовими є такі заголовки*: Dritter Versuch!; 2.Ankündigung; Geldübergabe; weitere Anweisungen von E.W.; Folgender Sachverhalt; 2.E-Mail.*

7. Відповідно до ступеню дистанційності нами виділено дві форми прощання, які поділяються на формальні й приватні. Форма прощання описує вид та якість відносин між адресантом та адресатом, ступінь їх взаємної довіри, а також дружній або дистанційний характер їх відносин. Відсутність форми прощання є ознакою великої дистанційності, яка часто спостерігається в листах з офіційним статусом. Серед формальних форм типовими є: *Mit freundlichen Grüßen; Wir verbleiben mit freundlichen Grüßen; Auf gute Zusammenarbeit; Wir melden uns und verbleiben mit den besten Wünschen; Hochachtungsvoll; Vielen Dank für Ihre Zusammenarbeit; Mit vorzüglicher Hochachtung.* До приватних форм прощання належать: *Bis bald; Es grüßt HANNIPAL; Lieben Gruss Euer Helfer; Shönen Tag noch; Viele Grüße; Wir verbleiben ohne Grüße an die Frau Gemahlin und die Tochter; Bis dann euer engster Freund; Bis demnächst; Bis Mittwoch.*

8. Укладачі шантажних листів не залишають підпису або підписуються несправжнім ім'ям, найчастіше вживаючи для цього криптоніми, що є специфічною рисою такого тексту, оскільки злочинці не хочуть надати жодного натяку на власну ідентичність. Використовуючи криптоніми, вони частково виражають свої наміри та унеможливлюють власну ідентифікацію. Наприклад: *Die Mafia, Goldadler, Hr. Lustig, der Hexer, Goofy, ErPresser, Anonym, Euer Feind, die fantastischen 4, Bananarol, Mafia Boss und Partner.*

9. На відміну від ділового листа, для шантажного характерною є наявність постскриптуму. Таким чином злочинець має намір підкреслити серйозність ситуації: *Macht ihr einen Fehler wird sich der Preis verdoppeln und wir haben sehr viel Zeit; Keine Polizei!; Denken Sie an die beiden, sie sind noch so jung; Wir haben nichts zu verlieren. Aber Sie?; Ich kann viel größeren Schaden anrichten; Nehmt mich ernst; Ich hoffe Sie verstehen meine Worte!; Wir überwachen diesen Bereich und Sie; !!! solange sie kooperieren wird niemanden was passieren!!!; Keine Presse.* Крім того шантажист може додавати інформацію, про яку забув написати в тексті листа: *PS Das Übliche (Keine Polizei, Scheine nicht registriert, keine Farbbomben…; P.S. Die restlichen 2000g werde ich, verteilt auf 10 Portionen zur Sicherung des Geländes der Übergabe bzw. Eigensicherung nutzen; PS. Wir sind nicht so naiv wie die Schreibfehler und hoffen für Sie, dass die Infos zum Termin im Internet stehen; PS Der Brief wurde von einem Boten aus irgendeinem Ort Deutschlands an Sie gesendet. Also verschwenden Sie keine unnötige Zeit für irgendwelche Nachforschungen.*

10. Наявність невербальних знаків є спільною рисою як ділових, так і шантажних листів. Символи організацій або груп, перенесені на папір, виконують функцію, подібну до тієї, яку мають логотипи фірми на бланках. Іноді шантажисти надають детальні замальовки схеми місцевості, в якій планується передача грошей.

Згідно з вищенаведеною типологією можна стверджувати, що для кримінального листа не існує стандартної форми оформлення (зовнішнього вигляду), тому укладачі таких листів орієнтуються на правила, відповідно до яких зазвичай укладаються листи інших видів. Діловий лист, який укладається згідно норми DIN 5008, виступає для них орієнтиром. Особливістю шантажного листа є те, що укладач вибірково звертається до формальних ознак ділового листа. Жоден злочинний лист не містить усіх елементів, встановлених стандартом DIN 5008, проте кожен із них містить один або декілька елементів. Подібність до ділового листа виражається також у змісті, який описує процес шантажу як бізнес. Проте однією з відмінностей між цими типами листів є те, що шантажні листи виявляють чималу кількість порушень норм в орфографії, пунктуації та стилістиці. У шантажних листах містяться усі типи помилок – описки, неправильне керування дієслів, вибір лексики тощо. Основними причинами порушення норм правопису та застосування особливостей, які зустрічаються в шантажних листах, є такі: – укладач дійсно має недостатню мовну компетенцію для укладання текстів; – укладач припускається помилок внаслідок того, що знаходиться в стресовій ситуації, під впливом наркотичних або алкогольних засобів; – укладач навмисно припускається помилок для того, щоб справити неправильне враження щодо рівня його освіти; – укладач свідомо застосовує особливості, щоб справити хибне враження щодо його стилістичних мовних ознак [3, с. 40].

Багато досвідчених емітентів можуть не знати діючих зразків норми DIN, укладати листи згідно з власним уявленням про ці форми та створювати текстові зразки за власними структурами. Вони, як правило, орієнтуються на основні складові листа, які мають містити інформацію про дату та місце, звертання, власне текст, привітання та підпис [7, с. 78].

Класичним перебігом письмового шантажу є серія листів, яка розподіляється на первинний лист та наступні. Надсилання єдиного шантажного листа є рідкою та вважається винятком. Згідно статистичних даних Федеральної поліції Німеччини шантаж частіше реалізується як серія листів, а не як один єдиний лист. Феноменологія шантажу полягає в тому, що типові зразки формулювань не з'являються одразу в одному тексті, а поступово подаються в кожному наступному листі. Спочатку створюється лист, який містить вимогу, примусові міри, потім слідує лист з умовами передачі грошей. Перший лист або наступні листи не можуть представити шантаж у цілому, оскільки емітент може у будь-який момент припинити шантажні дії, скористатися іншим засобом комунікації або змінити комунікативну форму.

П. Артман стверджує, що більшість кримінальних листів не є написаними від руки, власним почерком не тільки тому, що надрукований лист має більш серйозний вигляд, особливо тоді, коли мова йде про серйозну справу, а й з метою приховання своєї ідентичності. Проте образи, ненормативна лексика протиставлені цій серйозності. Якщо шантажний лист не має характеристик ділового листа, він завжди має форму приватного листа, до якого не висуваються вимоги певного текстового типу. Продуцент тексту має можливість виразити персональне відношення до читача і варіювати ступінь дистанційності або довіри. Стилістичні варіації проявляються у звертаннях на «Ви» або на «ти», у формальному чи неформальному звертанні та прощанні, вживанні особистих, розмовних, образливих, ненормативних формулювань [9, с. 328].

На підставі проведеного нами аналізу ми виділили цілу низку типових ознак шантажного листа. Серед основних структурних ознак такого листа є відсутність автентичних даних про адресанта, неповнозначні дані про адресата. Укладач, як правило, зазначає тему, вказує дату, проте уникає позначення місця. Можливими є різні форми та зразки звертань та прощання. Типовими є застосування криптонімів у кінці листа або відсутність будь-якого підпису. Чимала кількість листів містить постскриптум і невербальні знаки. Шантажний лист виявляє розмаїття відхилень від орфографії, пунктуації, стилістики. Отже структура шантажного листа вказує на певну подібність із діловим листом, проте їх структура не є ідентичною.

Дослідження вербального підґрунтя соціальних явищ та правових феноменів ініціює виникнення нових напрямів у лінгвістиці, юриспруденції, психології, а також у сферах, що знаходяться на перетині наук. Аналіз структурних особливостей шантажного листа є важливим елементом комплексного дослідження, проте необхідними є подальші розробки змістовної форми таких текстів, що і зумовлює **перспективи подальших досліджень.**

Джерела та література

1. Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики / Е. С. Кара-Мурза // Политическая лингвистика. – 2009. – № 1 (27). – С. 47-71.

2. Комарова С. И. Функционирование перифразы в эпистолярном стиле вт. п. XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Днепропетр. гос. ун-т. – Днепропетровск, 1990. – 17 с.

3. Artmann P. Tätertexte: Eine linguistische Analyse der Textsorten Erpresserbrief und Drohbrief.– Würzburg: Julius-Maximilians-Universität, 1996.– 231 s.

4. Briese-Neumann G. Geschäftliche Briefe. – Niederhausen: Falken, 1996. – 152 s.
5. DIN 5008. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.din-5008-richtlinien.de
6. Ermert K. Briefsorten: Untersuchung zu Theorie und Empirie der Textklassifikation.– Tübingen: Niemeyer, 1979. – 226 s.
7.Fobbe S. Forensische Linguistik.Eine Einführung.– Tübingen: Narr Verlag, 2011.– 28 s.
8. Mackensen L. Gutes Deutsch in Schrift und Rede. – München: Orbis Verlag, 1993. – 415 s.
9. Schall S. Anonyme inkriminierte Schreiben – Das Verbergen der Identität eines Autors/ S. Schall // Pappert S., Schröter M., Fix U. (Hrsg.): Verschlüsseln, Verbergen, Verdecken in öffentlicher und institutioneller Kommunikation.– Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2008. – S. 315-349.

УДК 81:001:82

Сахарова О. В.

КОМУНІКАТИВНІ МОДЕЛІ ДРАМАТУРГІЧНОГО ДИСКУРСУ

В статье определяются коммуникативные уровни драматургического дискурса, анализируется соотношение этих уровней в пьесе А. Ирванца «Прямой эфир», представляется характеристика жанровых особенностей речи персонажей драматического произведения.

Ключевые слова: драматургический дискурс, речевые жанры, языковая личность.

У статті визначаються комунікативні рівні драматургічного дискурсу, аналізується співвідношення цих рівнів у п'єсі О. Ірванця «Прямий ефір»; подається характеристика жанрових особливостей мовлення персонажів драматичного твору.

Ключові слова: драматургічний дискурс, мовленнєві жанри, мовна особистість.

In the article communicative levels of dramaturgical discourse are determined, correlation of these levels is analyzed within the framework of «On Air» play by O. Irvanets; characteristics of genre peculiarities of the dramatic piece personages' speech is presented.

Key words: dramaturgical discourse, speech genres, language personality.

Прагнення наукового осмислення процесів вербальної комунікації пов'язане як з історією класичного мовознавства, так і з сучасними розвідками в галузі функціональної лінгвістики, психолінгвістики, соціолінгвістики. В різних ракурсах дослідники повертаються переважно до відомої комунікативної моделі Р. Якобсона, де враховуються як ролі самих комунікантів, так і структура комунікативного акту.

Контекст
Повідомлення
Адресант ----------— Адресат
Контакт
Код

Подальші теорії розвивали значущість соціально-психологічного чинника при взаємодії адресанта та адресата, їхнього ставлення до змісту повідомлення, залежність вербальної інтеракції від комунікативної ситуації та характеру контакту між співрозмовниками тощо [1; 6].

Структурування комунікативних процесів залежно від різновиду дискурсу та жанрової організації мовлення значно розширили уявлення феномен вербальної інтеракції, виходячи переважно із соціальної потреби [1; 2; 3; 5; 7].

Драматургічний дискурс має неоднозначне тлумачення в науковій літературі. Йдеться передусім про тексти драматургії, які, згідно з концепцією М. М. Бахтіна, належать до вторинних жанрів. Тлумачення лексеми містить такі семи: «1. Драматичне мистецтво. // Характерні риси стилю, прийоми творчості в драматичному мистецтві якого-небудь письменника, напрямку, школи. 2. *збірн*. Сукупність драматичних творів письменника, напрямку, народу, епохи. 3. Теорія побудови драматичного твору» [8, с. 608]. Проте драматургія є не лише видом літератури, творчістю письменника, не лише способом побудови твору, але й певним змістом життєвих подій. У численних інтерпретаціях дискурсу особливе місце посідає концепція американського соціолога Ірвінга Гофмана, який запропонував так званий драматургічний підхід до аналізу дискурсу. Науковець відзначає подібність повсякденного спілкування, повсякденної поведінки з театральною дією. Як зауважує В. І. Карасик, понятєвий апарат драматургічної теорії соціальної взаємодії включає категоріальний апарат для виміру особистості як учасника соціальної взаємодії: 1) благо – бажані об'єкт або стан; 2) зазіхання – право на володіння, контроль, використання та розпорядження благом; 3) претендент – особа, що пред'являє право на благо; 4) перешкода – дії, засоби або джерела, що загрожують зазіханню; 5) контр-претендент – особа, від імені якої надходить погроза зазіханням на певне благо; 6) агенти – індивіди, що розігрують ролі претендента чи контр-претендента по відношенню до зазіхання; 7) фіксовані, ситуативні та егоцентричні території індивідуума (наприклад, квартира, лава, на якій сидить людина, гаманець в її кишені); 8) ритуальні умовні дії, що підтримують та виправляють зусилля індивіда, спрямовані на досягнення блага; 9) знаки зв'язності – приналежність індивідуума до певних колективів як члена відповідних груп та зв'язок з іншими індивідуумами через соціальні відношення [5, с. 235].

Вдаваність комунікативних ситуацій є досить умовною, бо істинність відтворення людських переживань, стосунків, дій може бути більш переконливою, аніж в реальності, в якій можливі фальшиві інтеракції. Дивним чином людство називає всю нещирість театральністю, але саме через таку театральність і виходять на глибинні онтологічні сутності буття.

Окрім відтворення подій, що втілюються в актах вербальної інтеракції, драматургічний дискурс являє собою багатовимірний комунікативний процес між автором і читачем, режисером, акторами та глядачами. Патрік Паві зазначає, що про «сценічний дискурс можна говорити як у сенсі спектаклю, так і у сенсі п'єси, призначеної для інсценізації» [9, с. 106].

Метою статті є аналіз жанрово-комунікативної моделі драматургічного дискурсу.

З поставленої мети випливають такі завдання: визначити комунікативні рівні драматургічного дискурсу; проаналізувати співвідношення цих рівнів на матеріалі п'єси О. Ірванця «Прямий ефір»; схарактеризувати жанрові особливості мовлення персонажів драматичного твору.

Драматичний текст може розглядатися з різних позицій. З одного боку, він є художнім завершеним твором, де виявляється цілісність і зв'язність, де ситуації спілкування підпорядковані художній, екзистенційній ідеї. З іншого боку, події, описані в драматичному творі, відтворюють реальні (або символічні) дії вербальної інтеракції між людьми, що практично ідентифікується з безпосередньою комунікацією.

У сценах, актах, діях художній задум передається через певні комунікативні ситуації, які відбуваються у контексті конкретних мовленнєвих жанрів. Визначення певного жанру обумовлене, на думку Т. В. Шмельової, такими чинниками: комунікативна мета, концепції автора та адресата, подійний зміст, комунікативне минуле та майбутнє, мовне втілення [12].

Драматичний текст представляє кілька рівнів концепцій автора та адресата: автора драматичного твору, тобто загальний художній задум, авторів вистави, які є і комунікативними „виконавці» первинного задуму, і творці власної художньої думки. Концепції адресата тексту можуть бути спрямовані на отримання різної художньої інформації та скеровані різною метою: просто читач або режисер / актор / постановник. Інший тип адресата – це глядач вистави. Специфікою цього процесу комунікації є типова емоційна реакція людини у формі оплесків

Характер розгортання жанрово-комунікативної моделі драматичної дії складається із системи заданих соціальних жанрів, які по-різному трансформуються персонажами – мовними особистостями. Наприклад, домінуючий мовленнєвий жанр осуду, представлений у п'єсі Я. Стельмаха «Драма в учительській» містить особистісні жанри переконання, заклику, протесту [11]. Домінуючий жанр презентації у п'єсі Ю. Щербака «Відкриття» реалізуються через численні інформативні та імперативні (прохання, настанова, переконання, наказ) жанри [10].

У невеличкій п'єсі О. Ірванця «Прямий ефір» представлена радіопередача, в якій беруть участь представники різних соціальних груп та професій. Змістом ефіру є обговорення соціальної проблеми, мультиплюндизму. З контексту можна зрозуміти, що це певна пародія на фемінізм або на .

Ведучі на початку п'єси здійснюють традиційні мовленнєві акти та жанри, що належать до професійного етикету:

ВЕДУЧА. Добрий вечір!

ВЕДУЧИЙ. Сьогодні, як і щотижня, ми знову в прямому ефірі, і знову говоримо з вами про важливе, про актуальне, про наболіле...

ВЕДУЧА. Та сьогодні наша передача – особлива. Тому, що ми говоритимемо... про мультиплюндизм. Так-так, як це й було вчора анонсовано, темою нашої сьогоднішньої розмови стане це непросте й неоднозначне явище, оцінку якому, кожен зі свого боку, і мусять дати всі учасники нашої сьогоднішньої зустрічі.

Повторюваність слів та фраз віддзеркалюють постійність, періодичність дії, протиставленням чого виступає тема розмови.

Інформаційно-етикетна преамбула до аналізу громадської думки, представлення учасників розмови робить можливим презентацію різних типів мовних особистостей, що обирають для обговорення свій жанрово-комунікативний репертуар.

Розглянемо деякі з персонажів:

Представлення вчительки здійснюється через непослідовне мовлення:

ВЧИТЕЛЬКА. Я одразу мушу сказати, що я говоритиму те, що я думаю. І тому, можливо, комусь у студії або серед глядачів це може не сподобатися. Я хвилююся... перш ніж прийти на цю передачу, я довго собі думала. І вирішила – скажу все, як є. У теперішні часи... от ми, наприклад, наше покоління, ми зростали в зовсім інший час. Було так тяжко. Але ми дуже хотіли вчитися. І ось тепер, коли дивишся на сьогоднішню молодь... я нічого не хочу сказати, є серед молодих і старанні, ретельні, сумирні, але... от, наприклад, вихованки нашого спецінтернату...

Початкова категоричність підтримується конфронтацією з аудиторією (*можливо, комусь у студії або серед глядачів це може не сподобатися*), з часом (*наше покоління, ми зростали в зовсім інший час*), з реальністю. Змалювання ідеалу дівчини (*є серед молодих і старанні, ретельні, сумирні*) протиставляється незакінченому осуду сьогодення (*коли дивишся на сьогоднішню молодь...*). Динаміка дійства повертає глядачів / читачів до реальності обговорення через репліку ведучого:

ВЕДУЧИЙ. Пані Катерино, якщо можна, ближче до теми. Сьогодні ми говоримо про мульти...

ВЧИТЕЛЬКА. Зараз-зараз, я скажу й про це. Але дайте мені закінчити. От учора на педраді в нашій школі вчительки, коли довідалися, що я запрошена сьогодні на телебачення, просили мене передовсім наголосити на малій, катастрофічно малій, просто жебрацькій платні наших педагогів. Ви розумієте, працівники освітянської ниви сьогодні поставлені в такі умови, що... вони просто...

Комунікативна ситуація, що наближається до театру абсурду, знову змальовує образ вчительки – недалекої жінки, що здатна говорити лише про зрозумілі для неї речі у найпоширенішому жанрі бідкання через апеляцію до інших осіб, громадської думки, в даному разі – колег. У подальших репліках знову постає нездатність людини розуміти питання та відповідати на нього, говорити шаблонними фразами на стандартні теми.

Постать професора, політолога представлена в іншому ракурсі. Він говорить по суті питання, обґрунтовано, представляючи всебічний аналіз явища, з певним дидактизмом: *До всякого явища у житті суспільства слід підходити виважено. <...> Мультиплюндизм – це складне слово, перша його частина від латинського «мульти», що означає «багато», «безліч», а друга – від кореня «плюндус», ну, це, я гадаю, перекладу не потребує... Про мультиплюндизм за кордоном вже чимало написано, ось і нещодавно теж вийшов з друку там, у них, збірник цілого колективу авторів (бере до рук якусь книгу, читає титул). «Малтіпландізм е-е... фромзеєстердей ту зетуморров». Тобто, перекладається ця назва, як... «Мультиплюндизм не має майбутнього».*

Протиставляючи погляди, науковець уживає особовий займенник у множині, знімаючи таким чином категоричність власних суджень:

Ну, тут ми, можливо, не всі такого погляду дотримуємося. Наш дослідний інститут вже отримав для своїх спецфондів одного примірника цієї книги, саме зараз фахівці її вивчають, можливо, ми навіть щось перекладемо і видамо тут, у нас, який-небудь скорочений варіант для обмеженого користування. Отож, як це усі ми сьогодні прекрасно розуміємо, мультиплюндизм існує і в нашому суспільстві, звичайно, на рівні обмеженому, локальному. Але існує.

Науковець створює потаємні коди дискурсу, що об’єднують учасників комунікативного дійства:

Я навіть відкрию невеличку таємницю: як мені стало відомо, нещодавно питання про мультиплюндизм навіть розглядалося на закритому засіданні спеціальної комісії сенату. Отже, як бачимо, навіть на рівні, так би мовити, державному існує увага до цієї проблеми. Ну, а що стосується мультиплюндизму, так би мовити, в побуті, ось стосовно переглянутого нами матеріалу, то моє особисте до цього ставлення таке -можливо, і це має право на існування, коли при цьому не входити у суперечності з інтересами інших людей, не заторкувати їх, розумієте! Тобто, тема ця дуже делікатна, і я наголошую, що це моя особиста думка... бо коли таке явище переростає свої рамки, вихо-дить за них, – отут вже, очевидно, держава має право втрутитися, і навіть зобов'язана це зробити. Це що стосується мого погляду на ці речі. Ви мене зрозуміли, я сподіваюся...

Наступний персонаж є Начальник Виховного відділу Генерального штабу генерал-адмірал Момотко.

ГЕНЕРАЛ. Армія, як ви всі повинні зрозуміти, це зовсім не громадянська, не цивільна установа. Вона живе за своїми законами, строгими законами, я сказав би, і тому в армії нема і не може буть місця тому, що не передбачено її статутом, наказами й розпорядженнями вищестоящого керівництва.

Мовець одразу окреслює межі свого дискурсу, де панує чітка ієрархія, що визначає можливість/ неможливість існування будь-яких тем, проблем, думок.

От і цей ваш, як ви тут кажете, мультиплюндизм. Я не виключаю, може, хтось з новобранців іще вспів нахвататися цього на гражданці, але вже в армії... хотів би я побачить, наприклад, після п`яти годин стройової підготовки, або після маршового кидка у повній викладці – який може буть мультиплюндизм? Хоча з іншого боку, якщо наш виховний відділ отримає необхідні вказівки й розпорядження, тобто якщо керівництво нашої держави вважатиме, скажемо, за доцільне... але поки що, я наголошую, поки що в нашій армії цього нема, бо воно нам непотрібне і суперечить самому духові наших доблесних збройних сил. От ми тільки що продивилися оці кадри, оці, зняті прихованою камерою! А ви уявіть собі, якщо раптом таке на бойовому чергуванні? У танку, чи в окопах? Чи на підводному човні? Ну, можете собі таке уявити? Ні! Ото ж бо й воно!..

Обмеження ситуацій, в яких вербалізує свої міркування генерал, породжує нові суперечливі сентенції, коли, з одного боку, *воно нам непотрібне і суперечить самому духові <…> збройних сил,* а з іншого, *якщо наш виховний відділ отримає необхідні вказівки й розпорядження, тобто якщо керівництво нашої держави вважатиме, скажемо, за доцільне... <…>*

Опускаючи розв’язку п’єси, де прямий ефір зривається зміною ідеологічного становища та ставлення до мультиплюндизму, коли комунікативна ситуація наповнюється низкою несподіваних поворотів, зауважимо, що структура твору та майбутньої вистави являє собою гіпержанр. На тлі цього гіпержанру, що може символізувати також існування будь-якої ідеології в суспільстві, розгортається характер його трансформації у свідомості мовних особистостей. Безперечно, тут цікаво було б розглянути і проблему комунікативної сугестії в процесі мовленнєвого спілкування через ЗМІ, проте трансформація ідеологічних засад через певні соціальні групи та їх конкретних представників породжує систему індивідуальних мовленнєвих жанрів.

Драма особистості зосереджена в кожному персонажі драматургічного дискурсу та реалізується через презентацію його мовної особистості. Недолугість учительки відтворюється у мовленнєвих жанрах бідкання, осуду, рефлексій. Навряд чи тут йдеться про певну соціальну групу, скоріше – про певний соціально-психологічний феномен. Розв’язка п’єси, коли серед представників протилежної ідеології опиняється донька вчительки, лише доповнює характеристику її особистості. Інші персонажі також окреслюють певні соціально-психологічні типи через мовлення, виявляючи професійну специфіку дискурсу. Так, науковець прагне до багатовимірного висвітлення питання, апелює до етимології слова, до аналізу розкриття явища в різних джерелах. Навряд чи такий підхід адекватний для невеличкого інтерв’ю, проте жанр повчання, інформування виявляється домінуючим для його постаті. Надзвичайно рельєфною представлена також мовна особистість генерала.

Отже, гіпержанр драматургічного дійства виступає інваріантом, в якому реалізуються особистісні жанри персонажів.

Джерела та література

1. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики: Підручник / Ф. С. Бацевич. – К.: Видавничий центр «Академія», 2004. – 344с.
2. Бацевич Ф. С. Вступ до лінгвістичної генології: Навчальний посібник / Ф. С. Бацевич. – К.: Видавничий центр «Академія», 2006. – 248 с.
3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
4. Іранець О. Прямий ефір: П'єса на одну дію з роллю для режисера / О. Ірванець. // http://www.dramaturg.org.ua
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
5. Кашкин В. Введение в теорию коммуникации: Учебное пособие / В. Кашкин. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
7. Новий тлумачний словник української мови у трьох томах. Т. 1 – К.: Видавництво «Аконіт», 2001.– 928 с.
8. Паві П. Словник театру / П. Паві. – Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2006. – 640 с.
9. Сахарова О. В. Осуд: мовленнєвия жанр чи вияв мовної особистості / О. В. Сахарова // Актуальні проблеми менталінгвістики. – Черкаси: АНТ, 2009. – С.156-158
10. Сахарова О. В. Особливості презентації мовної особистості в драматургічному дискурсі (на матеріалі п’єси Ю. Щербака «Відкриття») / О. В. Сахарова // Психолінгвістика: [зб. наук. праць ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет ім. Г. Сковороди»]. – Переяслав-Хмельницький, 2011. – Вип.8. – С.152-160.
11. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация – М.: Лабиринт, 2007. – С. 81-89.

УДК (ББК) 811.161.1’42:070 **Сереброва С. Б.**

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭПТОНИМОВ, ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ПАРЕМИЙ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ГАЗЕТЫ: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

В статье рассматривается вопрос об изменениях в использовании единиц, несущих культурный код нации, в дискурсе региональных СМИ Донбасса.
Ключевые слова: эптонимы, фразеологизмы, паремии, прецедентные феномены.

У статті розглядається питання про зміни в використанні одиниць, що несуть в собі культурний код нації, в дискурсі регіональних ЗМІ Донбасу.
Ключові слова: ептоніми, фразеологізми, паремії, прецедентні феномени.

The article discusses the changes in the use of units that carry cultural code of the nation, in the discourse of regional media Donbass.
Key words: winged expressions, idioms, old testament, precedent phenomena.

> «Ученье – свет, а неученых – тьма»;
> «Учиться, учиться и учиться – три вещи несовместные» [1, с. 346].
> «Должно быть, обязанность всякого, кто любит людей, – учить смеяться над истиной, *учить смеяться саму истину*, так как единственная твердая истина – что надо освобождаться от нездоровой страсти к истине» [2, с. 618].

Культура – неотъемлемая часть самоидентификации любого народа. Непосредственным средством реализации культуры, воплощенной в сознании, является использование эптонимов, фразеологизмов, паремий, характерных для культуры конкретной языковой общности. Несмотря на то, что практически в каждой культуре существуют похожие языковые реакции, есть и большие отличия, не понимая которых, невозможно адекватно трактовать то или иное выражение.

Язык газеты – один из самых демократичных и динамично развивающихся в современном обществе. Он стремительно теряет свою стилистическую принадлежность, вбирая в себя все богатство и разнообразие русского языка.

Наблюдая за тем, какие именно языковые культурные знаки используются в современной печатной прессе, можно сделать однозначный вывод (базирующийся на изучении более 3000 единиц), что это в основном эптонимы, фразеологизмы, паремии, находящиеся в ядре национального когнитивного сознания. Например: «*Сколько можно веками* ***наступать на одни и те же грабли****? Знаем только одно, что хотим хорошо жить»* [«МК Донбасс», № 11 8.2-14.2 2012], *«Просмотр фильма многим дончанам* ***откроет глаза*** *на то, чем и как живет избираемая ими власть, говоря словами классики «****страшно далеки они от народа»*** [«Комментарии» №15, 15.04 2011], «Виктор Андреевич, впрочем, тоже оказался ***не лыком шит***» [«МК-Донбасс», № 40, 23-30.05.08], «***Бабка надвое сказала***… *Именно этой поговоркой можно охарактеризовать прогнозы даже авторитетных экономистов»* [«Комсомольская правда в Украине», № 248, 07-13.11.08].

Редко используются исследуемые единицы, находящиеся на периферии культурного сознания. Употребляются они в статьях известных авторов и только в небольшом количестве украинских изданий, к которым можно отнести «Зеркало недели», «Комментарии», «Фокус», «2000» и др. Например: В качестве ПИ (прецедентного имени) часто используется фамилия или имя главного героя в основном из произведений классической русской или советской литературы, очень редко можно встретить ссылки на героев украинской литературы, что свидетельствует об общеизвестности первых. Например: *«Я не случайно эпиграфом к материалу взяла цитату из «****Собачьего сердца****», ибо наше кризисное время чем-то похоже на то смутное, описанное великим* ***Булгаковым****, и* ***разруха в головах*** *та же, и* ***Шариковы*** *среди нас не такая уж редкость»* [«Город», № 40, 16.11.07]. В данном случае автор упоминает и автора, и название произведения, и известную фразу-цитату, и фамилию главного героя, употребленную в качестве имени нарицательного. Хочется обратить внимание, что то, каких авторов цитируют в современной региональной прессе, тоже говорит о многом. М. Булгаков, В. Маяковский, М. Горький, И. Бабель, И. Ильф и Е. Петров – все они писали в послереволюционное время, видимо, очень созвучное нынешнему состоянию Украины. Нестабильность, частая смена правительства, бесконечные перевыборы – все это рождает определенные аналогии и обращение именно к этим авторам и их литературным персонажам.

Большая часть используемых в современной украинской газете эптонимов, фразеологизмов, паремий не несут в себе явно выраженного культурного заряда, (являясь сами по себе, несомненно, продуктами культуры). Это скорее штампы сознания, моментальная языковая реакция. Например: «Если современные ученые не знают, что будет, то самое время ***гадать на кофейной гуще*** древних предсказаний» [«Комсомольская правда в Украине», № 248, 07-13.11.08], «Но надо признать, что первыми задергались именно те, ***кому на Руси жить*** было ***хорошо***» [«Комсомольская правда в Украине», № 248, 07-13.11.08].

Модный современный языковой прием: искажение, модификация, трансформирование исходных выражений, привёл к появлению нового продукта – так называемых антипословиц, антипоговорок, антипаремий. Произошло уникальное языковое явление: выражения, воплощающие в себе душу народа, превращаются в нечто противоположное, неожиданное, часто приобретающее извращенный издевательский смысл.

Варьирование семантики прецедентных знаков, основанное на совмещении глубинного значения прецедентного высказывания и его образной основы может быть реализовано в современном дискурсе СМИ с помощью разных приемов.

Прием буквализации является наиболее частотным и востребованным в современных региональных печатных СМИ Донбасса. Он заключается в использовании прямого, а не переносного значения слова или словосочетания, результатом которого является получение комического, иронического или фактуального значения. Приведем примеры: «***Не думай о секундах свысока***…» (о посекундной оплате телефонной связи) [«Громадська правда», № 1, январь 2008]; «***Чей туфля? Мое****… Донецкий модельер «зашифровал» Ющенко, Тимошенко и Януковича в обуви*» [«Город», № 33, 28.09.07]; «***Сапог НАТО*** *на Донецкой земле*». В Донецке появилась новая политическая коллекция обуви и аксессуаров [«Салон», № 23, 25.03.08]; «***Полеты во сне и наяву***, *или реализация мечты*» (о работе авиаклубов) [«Донецкий кряж», № 26, 2006].

Это довольно востребованный прием в современной журналистике, который позволяет увидеть знакомую цитату в новом свете, обновить ее и в то же время соотнести с непосредственной темой материала, что и продемонстрировано авторами в вышеприведенных примерах.

Конечно, варьирование семантики происходит в любом трансформированном ПФ, поэтому выделение его в качестве отдельного звена классификации условно, но мы хотим показать особые случаи использования чужого слова, когда семантика ПФ меняется при минимальном вмешательстве автора в структурный, лексический, грамматический, синтаксический состав ПФ. *Прием буквализации* – яркое этому подтверждение. Это пример языковой игры, которая широко используется в дискурсе современной региональной и городской прессы. На основе такой языковой игры широко используются различные тропеические фигуры: каламбур, сравнение, метафора, аллегория и т.д. *«Если, к примеру, пирамиду, купленную у них, поставить в нужнике – поглотителе положительной энергии, то через смывной бачок уйдет все плохое. Невольно вспоминается крылатое выражение «**деньги не пахнут**»* [«Город», № 2, 18.01.08]; *«Однако, симпатичная ведущая, **разводящая тучи руками** на экране телевизора, – лишь вершина айсберга: подготовить точный прогноз – это целая наука»* [«Донецкие новости», А. Юрченко, № 10, 19.03.08]; «*Так что пусть и не «**бриллиантовая рука**» у лидера ПР, но дорогого стоит»* [«Остров», М. Буревестник, № 13, 26.03.08].

Прецедентные имена также могут быть использованы в буквальном значении: «*Похоже, не только по количеству пунктов в ультиматуме оппозиции Раиса Богатырева назвала этот документ «**17 мгновений весны***» [«Остров», № 12, 21.03. 07]; «*Стоит также напомнить Заслуженному врачу, что выражение **кесарю кесарево** к практикующим акушерам имеет отношение только в случаях, связанных с **кесаревым сечением***» [«Остров», № 12, 21.03.07]. Интересно в данном примере обыграны средствами каламбура два фразеологизма.

В статьях на политические темы *прием буквализации* используется журналистами для создания *иронического подтекста*. Например: «*Можно было бы предположить, что Виктор Андреевич по устремлениям славянской своей души **долго запрягает**, но **едет быстро.** Но он – не едет! И даже не запрягает, он предпочитает учить, как это нужно делать, других»* [«Остров», № 41, 14.11.07].

Но особенно ярко данное изобразительное средство реализуется в анекдотах, печатаемых в региональной прессе. Нужно отметить, что в таких газетах, как «Остров», «Итоги недели», «Город», они чаще посвящены злободневным политическим событиям, хотя не обязательно только им. В них особенно четко прослеживается игра на прецедентности. Например: «*Указом Президента створено Нацраду з питань дошкільного виховання. Главою Нацради призначено Тарасика Ющенка. «**Його руки нічого не крали**. Хіба тільки цукерки», – прокоментував призначення Президент»* [«Остров», № 47-48, 26.12.07]; «*Предвыборный слоган Шварценеггера: «**За мной не заржавеет!**»* [«Остров», № 38, 24.10.07].

Графическое выделение части слова и обыгрывание его с минимальными фонетическими изменениями также могут быть средством создания нового смысла. Например: «***БРАУНовское движение***» (о гонщике по фамилии Браун) [«15 минут», № 148, 13.11.07].

Использование прецедентного феномена в другом значении с иным вариантом восприятия также востребованный прием в современном дискурсе СМИ. Например, актуализация прецедентного имени придает выражению не рациональную, но эмоциональную оценку. «*Забалакать то можно, однако ж, шановни, за кино деньги нужно заплатить, и немалые. Какая ж **Му-Му** станет выкладывать свои кровные за это безобразие?»* [«Город», В. Рышков, № 2, 18.01.08].

Минимальное изменение знакомого выражения, цитаты также способствует изменению семантики знакомого культурного феномена. Например: «***Остапа*** – «не понесло» [«Донецкие новости», № 19, 15-21.05.08], «Не ***красный день календаря***» [«Донецкий кряж», № 42, 10-16.11.06]. В вышеприведенных примерах известные цитаты даны с отрицательной частицей «не», вследствие чего выражение приобретает антонимичное значение, что коренным образом изменяет его семантику.

«***Презумпция виновности***» [«Остров», № 38, 24.10.07], «***Союз рушимый***» [«Остров», № 7, 13.02.08], «***Трое одного ждут***» [«Жизнь», № 181, 11.12.07]. В этих примерах наоборот отсутствует частица «не», опять же семантика известного смысла приобретает противоположное значение.

«***Хлеба* или *зрелищ***?» [«Вечерний Донецк», № 115, 04.08.07]. Известное выражение трансформировано минимальными средствами: заменой союза «и» на «или», в результате чего теряется первичное значение.

«***Здесь русский дух, здесь* г*рустью пахнет***. Кризис моментально сделал нас пессимистами» [«МК – Донбасс», № 20, 13-20.03.09]. Пушкинская цитата изменена прибавлением двух звуков (фонетическое созвучие – Русью-грустью), что кардинально меняет смысл известной фразы. Использован стилистический прием *каламбура*.

Инверсия также используемый прием актуализации излагаемой журналистом темы. Например: «***Из греков в варяги***» [«Остров», № 43, 28.11.07], «***Стулья – утром, деньги – вечером***» (о том, что чемпионат Европы 2012 года пройдет в Украине, о проблемах, связанных с подготовкой) [«Жизнь», № 188, 21.12.07].

Фонетическая замена дает неожиданный стилистический эффект, основанный на изменении знакомой цитаты. Например: «***Шутки Рад***ы» [«Салон», № 12, 15.02.08], «Российский ***фолк тебе товарищ***» (направление в музыке) [«МК» в Украине, № 6, 23-30.01.08].

*Использование омонимов***:** *прием двойной актуализации*

«***Из Грязи – в князи***. Максим Галкин выделил Алле Пугачевой спальню в своем особняке в поселке Грязь» [«Город», № 4, 1.02.08].

Примеров двойной актуализации в региональной прессе Донбасса немного, но там, где журналисты находят и обыгрывают соответствующий ПФ, получается интересный заголовок, актуализирующий читательский интерес.

Уточнение:

«***Жить как собака*** – в роскоши» [«Итоги недели», № 38, 19-25.09.07]; «*Пить* ***или не*** *пить?» –* ***вот в чем вопрос***» [«Итоги недели», № 31, 06.-12.08.08].

Использование знаков препинания в заголовках также отражается на содержании прецедентного феномена. Например: *«****Дурной пример заразителен****?» [«Остров», № 41, 14.11.07]; «****Если мы гуляем так****!?»* [«Громадська правда», № 20, 31.08. 07]; «***Самый гуманный суд в мире***?» [«Салон», № 73, 21.09. 07].

*Замена одного слова в ПФ иноязычным***:**

«***А судьи*** ху?» [«Громадська правда», А. Колчак, № 1, январь 2008].

Исходя из собранного и проанализированного нами материала, изменение семантики наблюдается в трансформированных ПФ в тех случаях, когда:

1. Используется прием буквализации (наиболее частотный способ изменения).
2. Графическое выделение части слова, акцентируется внимание читателей на необходимом структурном компоненте слова.
3. Употребление ПФ в другом значении, с иным вариантом восприятия.
4. Минимальная лексическая, фонетическая, грамматическая трансформация ПФ также меняет семантику известного выражения.
5. Использование омонимов или прием двойной актуализации также влияет на содержание исходного феномена.
6. Употребление знаков препинания, не свойственных канонической форме высказывания является средством привлечения читательского внимания.
7. Замена одного слова в крылатом выражении словом из другого языка (в русской орфографии) также оказывает влияние на семантику.

Все вышеперечисленные приемы в изменении семантики трансформированных ПФ используются журналистами региональной прессы Донбасса. Поиск новых форм и средств выражения характерны в основном для коммерческих изданий.

Стремление к иронии, самоиронии, поток негативной информации, использование жаргонной, просторечной, табуированной лексики привело к тому, что эптонимы, фразеологизмы, паремии в их исконном поучительном нравственном смысле потеряли значение. Идет борьба за яркую неожиданную образность, реализующуюся в изменении единиц, несущих в себе языковой «код культуры». Теряя исходную нравственную составляющую в новом трансформированном виде прецедентный знак тем не менее сохраняет свой потенциал в сознании читателя, как выражение, вызывающее определенную реакцию и, как правило, несущее определенную нравственную сентенцию.

Создание анпословиц, антифразеологизмов, антиэптонимов в языке современной украинской газеты является модным востребованным приемом, позволяюшим журналисту использовать не только нравственный подтекст используемого выражения, но и решать другие журналистские задачи: привлечение внимания читателей (реализуется чаще всего в заголовках), создание иронического подтекста.

Все это позволяет разнообразить языковые средства, используя речевые единицы, несущие культурный код данной языковой общности.

Источники и литература

1. Вальтер Х. Антипословицы русского народа / Х.Вальтер, Г. И. Мокиенко. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2006. – 576 с.
2. Умберто Эко Имя розы / Умберто Эко / Пер. с итал. Е. А. Костюкович. – СПб.: Симпозиум, 2009. – 540 с.
3. Кассина Т. А. Русские антипословицы как отражение философской платформы посмодернизма / Т. А. Кассина // Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство. Випуск 17, том 3. – Дніпропетровськ: видавництво Дніпропетровського національного університету. – 2011. – № 11. – С. 166-167.

УДК 81’367.627:811.111(054) **Симонова К. Н.**

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ЗАГОЛОВКАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ

Заголовок в газете кратко информирует читателя о содержании газетного материала, о характере и степени важности событий. В газете заголовок занимает самую сильную, акцентируемую позицию, выполняя следующие языковые функции: информативную, рекламно–экспрессивную, графически–выделительную, текстообразующую, прагматическую. Числительные, указывающие на отвлеченные числа, используются в заголовках англоязычных газет как для выражения точной, беспристрастной информации, так в целях привлечения внимания читателя, а также для возбуждения положительных или отрицательных эмоций.

Ключевые слова: газета, заголовок, числительное, прагматическая функция.

Заголовок у газеті коротко інформує читачів про зміст газетного матеріалу, про характер і ступінь важливості подій. У газеті заголовок займає найсильнішу, акцентируемую позицію, виконуючи наступні мовні функції: інформативну, рекламно-експресивну, графічно-видільну, текстообразующую, прагматичну. Числівники, що вказують на абстрактні числа, використовуються в заголовках англомовних газет як для вираження точною, неупередженої інформації, так із метою залучення уваги читача, а також для порушення позитивних чи негативних емоцій.

Ключові слова: газета, заголовок, числівник, прагматична функція.

Newspaper headlines briefly inform the reader about the content of the newspaper, the nature and the importance of the events. A newspaper headline takes the most powerful position, performing the following language functions: informative, advertising and expressive, graphic, cohesive, pragmatic. Numerals, indicating abstract numbers, are used in headlines to express accurate, unbiased information, as well as to attract readers’ attention and to arouse positive or negative emotions.

Key words: newspaper, headline, numeral, pragmatic function.

Многообразие функций и та роль, которую играет современная публицистика в жизни социума, определяют непреходящий интерес к данному феномену и одновременно обусловливают потребность дальнейшего изучения особенностей функционирования газетных текстов. Актуальность исследования связана с устойчивым интересом современных лингвистов к изучению особенностей употребления числительных в заголовках газетно-публицистических текстов.

В газетной статье заголовок занимает самую сильную, акцентируемую позицию. Это то, на что читатель сразу обращает внимание. Являясь составной частью газеты, заголовок выполняет следующие языковые функции: информативную (передает информацию о тексте); рекламно-экспрессивную (ставит целью заинтересовать читателя, заставить его прочесть материал); графически-выделительную (позволяет отделить один текст от другого, выделить текст от окружающего контекста и в то же время «связать» всю полосу в единое целое); текстообразующую; прагматическую (оказывает воздействие на интеллект и эмоции адресата – получателя информации). В современном газетном заголовке прагматическая функция является важнейшей. Прагматическая направленность газетного заголовка мотивирована его ролью посредника между читателем и автором текста.

Заголовок следует рассматривать как самостоятельный газетный жанр. В рамках этого жанра создаются короткие тексты, очень удобные для восприятия в силу своей краткости и образности; заголовки набираются более крупным шрифтом, нежели прочие тексты, и в силу этой своей особенности, несомненно, привлекают к себе непроизвольное внимание аудитории [1].

Функция заголовков (как относительно самостоятельных субтекстов) состоит в том, чтобы охватить в сжатой форме основное содержание последующего текста, чтобы тем самым направить внимание читателя в сторону предстоящего сообщения [4]. В заголовке воздействие на читателя может достигаться использованием как экспрессивных, так и нейтральных языковых средств. В ходе подачи заглавия, в котором присутствует информативная функция, происходит не только сообщение каких-либо сведений, фактов, но и преследуется достижение некоторой цели, например, цели убеждения читателя в достоверности передаваемой информации и газетном заголовке [2, с. 7; 3, с. 129].

Использование числительных в заголовках газетных статей широко распространено как в американской, так и в британской прессе. Числительные указывают на отвлеченные числа, количество предметов и порядок их при счете, и в силу этого выражают точную, беспристрастную информацию. В то же время числительные, используемые в публицистике, часто вызывают всплеск эмоций, выступая при этом в своем обычном (неметафорическом) значении. Будучи небезразличным к статистическим данным, читатель проявляет большой интерес к таким фактам, как увеличение или уменьшение налогов, показатели борьбы с преступностью, данные расследований террористических актов и т. п. В этих случаях числительное, не утрачивая своей информативной функции, оказывается важнейшим средством усиления экспрессивности речи.

Заголовки такого рода привлекают внимание читателя своей неопределенностью или двусмысленностью, что, в свою очередь, побуждает к дальнейшему прочтению всей статьи. Например:

*«**Three** seasons of motherhood»* (USA Today, Tuesday 6, March 2012).

Данная газетная статья не сообщает о том, что у материнства есть какие-либо три периода, а о том, что беременность женщины длится в течение девяти месяцев, что составляет три времени года. Таким образом, мы получаем двусмысленный заголовок, который читатели могут понимать по-разному и именно поэтому можно полагать, что данная газетная статья будет иметь успех.

Следует отметить, что числительные могут быть представлены в заголовках как в виде словесного, так и цифрового обозначения числа. Например:

*«U.S. Report Faults **Two** Sides in Deadly Pakistan Strike»* (The New York Times, Saturday 16, March 2012).

*«Jobless Rate Falls to **8.3%,** Altering Face of Campaign»* (The New York Times, Wednesday 4, April 2012).

Автор сам решает, какую форму представления числительного выбрать и что окажет большее влияние на аудиторию – слово или цифра. При этом заголовок с цифровым выражением способен не только моментально сообщить информацию, но и маркировать ее. Например:

*«Lord Harris steps down as Carpetright chief after **25** years*» (The Guardian, Friday 27, April 2012).

*«Elvis art has left the building – for a cool $**37**m»* (The New York Times).

Цифры в заголовках выступают в роли условного количественного показателя насыщенности или простоты усвоения материала. Иными словами, цифры – это мера, позволяющая человеку априори оценить, какое количество пользы он вынесет из прочтения того или иного текста, и насколько легко для него будет восприниматься предлагаемая информация. Чем цифра больше – тем насыщеннее материал, и это завлекает объемом, а меньше – значит проще и практичнее, и завлекает легкостью и прозрачностью [5].

Количественное соотношение употребления числительных и цифр зависит от тематической направленности статьи. Так, например, наивысшая частотность наблюдается среди финансовых и спортивных статей, которые требуют наиболее точной и наглядной передачи информации. Менее распространено употребление числительных (особенно передача их в цифровом формате) в названиях развлекательных и художественных статей.

Виды заголовков с использованием цифр можно объединить в две большие группы: информативные и косвенные.

Информативные заголовки – это заголовки прямого действия.

*«JPMorgan Chase zapped by $**2**B trading loss»* (USA Today, Friday 6, April 2012).

*«**32**% of young white women do indoor tanning»* (USA Today, Monday 9, April 2012).

*«NHS spends $**50**m on sleeping pills»* (The Guardian, Monday 26, March 2012).

*«More than **1** in **10** babies worldwide born prematurely»* (USA Today, Wednesday 15, March 2012).

Такие заголовки могут включать в себя различную информацию о тех или иных фактах новостной ленты. Если они недостаточно увлекательны, читатель не станет углубляться в текст последующей статьи.

Косвенные заголовки характеризуются более низкой избирательностью и информативностью, но могут быть не менее эффективными. Это – заголовки-провокации, интриги, двусмысленности; главная их задача — заинтриговать, завлечь читателя. Такой заголовок не сработает, если не сможет заинтересовать потребителя, вызвать его любопытство. Рассмотрим следующий пример:

*«The Grid at **200**: Lines That Shaped Manhattan»* (The New York Times, Friday 23, March 2012).

Данный газетный заголовок, действительно, способен привлечь внимание читателей, так как не сразу можно догадаться, о чем идет речь и только после прочтения статьи, становится понятно, что числительное «200» обозначает временной отрезок протяженностью 200 лет.

Другой заголовок*»Japan Says Decommissioning Damaged Reactors Could Take **40**»* (The Guardian, Wednesday 1, March 2012) способен вызвать интерес читательской аудитории благодаря возникшим трудностям, связанным с пониманием цифрового обозначения. Только ознакомившись с самим текстом статьи, читатель понимает, что под цифрой 40 автор подразумевает 40 лет: *«TOKYO — Decommissioning the wrecked reactors at the Fukushima Daiichi nuclear plant will take **40** years and require the use of robots to remove melted fuel that appears to be stuck to the bottom of the reactors' containment vessels, the Japanese government said on Wednesday.»* (The Guardian, Sunday 8, April 2012).

Следовательно, существуют заголовки, которые интерпретируются только после прочтения текста статьи. Схема понимания такого заголовка следующая: «понимание с обращением к тексту статьи».

Следующий пример также иллюстрирует возможность привлечения внимания аудитории завуалированным заголовком:

*«Army Charges **8** in Wake of Death of a Fellow G.I.»* (The New York Times, Friday 20, April 2012).

Статья повествует о том, что восемь солдат были объявлены причастными к смерти своего сослуживца Дэнни Чена: *«On Wednesday, the American military announced that the Army had charged **eight** soldiers in Private Chen's battalion in connection with the death»* (The New York Times, Monday 12, March 2012).

Также посредством использования только цифрового обозначения количества солдат (главный член *soldiers* отсутствует), мы можем наблюдать негативное отношение автора к данной ситуации. Такая авторская позиция, косвенно формирует аналогичное мнение у читателя. Авторский посыл заставляет читателя задуматься над такими, вроде бы и незначительными событиями, но если у кого-либо произойдет такое несчастье, то эта проблема станет проблемой вселенского масштаба: *«The accused soldiers, all members of a unit based in Fort Wainwright, Alaska, included an officer and **seven** enlisted soldiers, the military said in a statement. Lawyers for the **eight** could not be reached for comment on the Army's charges»* (The New York Times, Thursday 15, March 2012).

Таким образом, цифровое обозначение числительного обладает большей экспрессивной силой, чем словесное, и поэтому чаще используется авторами газетных статей и заголовков.

Наряду с количественными числительными в газетных заголовках широко распространено использование порядковых числительных. Например:

*«Iran Trumpets Nuclear Ability at a **Second** Location»* (The New York Times, Saturday 10, March 2012).

***«Third** person arrested in killing of Marine's wife»* (USA Today, Thursday 23, March 2012).

*«Egypt's **first** ever presidential debate»* (The Guardian, Friday 23, March 2012).

Примечательно, что для усиления воздействия сообщения о том или ином событии или происшествии, автор нередко прибегает к существительным, омонимичным числительным, типа *hundreds, thousands, millions, billions.* Это придает заголовку особую форму и воспринимается читателем, как событие большого масштаба. Например:

*«**Thousands** of Libyans Struggle With Recovery of Property Confiscated by Qaddafi»* (The New York Times, Sunday 6, May 2012).

*«**Tens of Thousands** Protest Austerity in **80** Spanish Cities»* (The New York Times, Friday 13, April 2012).

Как мы видим, свежее информационное сообщение, выраженное числительным, немедленно и без усилий ставится автором в один логический ряд с другими сообщениями, внесенными в информационное пространство заголовка. Наряду с этим автором дается оценка информационному сообщению, что, в свою очередь, обеспечивает его восприятие аудиторией не только в том или ином логическом ряду, но и с тем или иным эмоциональным отношением. Иными словами, заголовок способен смоделировать убеждения аудитории по поводу описываемого события, сформировать установку читателей**.**

Таким образом, заголовок в англоязычном газетном тексте имеет особый прагматический потенциал, обусловленный их функциональной особенностью воздействия на аудиторию.

Источники и литература

1. Гуревич С. М. Газета вчера, сегодня, завтра / С. М. Гуревич. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 288 с.

2. Кубанова А. З. Газетный заголовок современной газетной прессы / А. З. Кубанова // Русский язык и литература. – 2004. – № 6. – С. 7-10.

3. Лютая А. А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика: Дис. … канд. филол. наук / А. А. Лютая. – Волгоград, 2008. – 164 с.

4. Смирнова Е. А. Функции газетного заголовка (на примере англо-американской прессы) / Е. А. Смирнова. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2009/153-smi-mediakultura/7343-funktsii-gazetnogo-zagolo.html (10.06.12).

5. Терентьева Л. В. Лексико-грамматическая и жанрово-стилистическая системность в оформлении газетных оценочных заглавий: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Л. В. Терентьева. – Куйбышев, 1990. – 21 с.

УДК 81.111 (37+42)

Скидан О. Г.,
Монарцик Н. С.

ЛІНГВОКОГНІТИВНІ МЕХАНІЗМИ ФОРМУВАННЯ ТИЛІСТИЧНИХ ТРОПІВ І ФІГУР

Данная статья посвящена изучению лингвокогнитивных механизмов формирования различных стилистических тропов и фигур, а именно лингвокогнитивных операций картирования (аналогового, субститутивного, контрастивного, наративного), сопровождающихся когнитивными процедурами (наложение, замещение, пересечение, столкновение, отклонение).
Ключевые слова: лингвокогнитивные операции и процедуры, картирование, концептуальный троп.

Стаття присвячена вивченню лінгвокогнітивних механізмів формування різних стилістичних тропів і фігур, а саме лінгвокогнітивних операцій мапування (аналогового, субститутивного, контрастивного, наративного), які супроводжуються когнітивними процедурами (накладання, заміщення, перехрещення, зштошхування, відхилення).
Ключові слова: лінгвокогнітивні операції і процедури, мапування, концептуальний троп.

This article focuses on the investigation of the linguistic and cognitive mechanisms of different stylistic tropes and figures formation. The author examined mapping (analogue, substitution, contrastive, narrative), which is accompanied with cognitive procedures (overlapping, substitution, crossing, clashing, deviation).
Key words: linguistic and cognitive procedures, mapping, conceptual trope.

За останні десятиліття в українському мовознавстві міцно закріпила свої позиції когнітивістика, спрямована на вивчення характеру взаємодії між думкою і її вираженням у мові. Стрімко розвивається нова галузь – когнітивна поетика, мета аналізу якої розкрити ті когнітивні процеси, на основі яких відбувається продукування, сприйняття та інтерпретація тексту, пояснити, яким чином читач досягає глибокого розуміння змісту і смислу художнього тексту. Характерною рисою когнітивної поетики є відхід від традиційного погляду на тропи як на суто мовне явище. У межах цього підходу тропи розглядаються як спосіб вивчення когніції.

Механізми створення поетичних тропів і фігур завжди були у центрі уваги. Однак, методологічний апарат, що дав змогу розкрити глибинні механізми формування тропів і фігур, було запропоновано тільки сучасною когнітивною парадигмою. У когнітивній парадигмі стилістичні тропи та фігури визначають як текстові утворення, що інкорпорують три іпостасі: *передконцептуальну (архетипну), концептуальну* та *вербальну* [1, с. 189].

Передконцептуальна сторона є матрицею, підґрунтям образного засобу, його архетипом, який активується автоматично позасвідомими когнітивними операціями [8, с. 12; 1, с. 26-28], що уможливлюються наявністю емоціогенних передзнань, викликаних емоційним досвідом людини, який зберігається у колективному позасвідомому [1, с. 190].

Концептуальним підґрунтям кожного поетичного тропу та фігури є певна концептуальна схема, а саме концептуальна метафора, концептуальна метонімія чи концептуальний оксиморон.

Вербалізація чи втілення концептуальної структури у словесній тканині художнього тексту здійснюється за допомогою різних лінгвокогнітивних операції мапування та процедур, домінування яких у формуванні того чи іншого засобу зумовлює конфігурацію його концептуально-семантичного простору.

Термін «мапування» вживався в радянській лінгвістиці у значенні «семантичного позначення» (рос. разметки) мовної картини світу [3, с. 175], в компонентному аналізі лексичних одиниць мапування тлумачилося як «семантичне накладення» компонентів значення одних мовних одиниць на інші [4, с. 31]. У праці Дж. Лакоффа і М.Джонсона «Метафори, якими ми живемо» мапування розглядається як «концептуальне накладення» (conceptual mapping), за допомогою якого окреслюється коло концептуальних метафор: орієнтаційні, онтологічні, структурні, конструюючі тощо.

Скористаємось яскравим прикладом професора Л. І. Бєлєхової, яка розкриває поняття «мапування» через метафору за допомогою міфологічних образів. Якщо порівняти стилістичні тропи та фігури зі словесним плетивом, узорчатою ковдрою, витканою автором, то сам письменник є Арахною, міфологічною богинею прядіння. Перш ніж виплести килим, Арахна вигадує його дизайн, підготовлює канву для узору, підбирає потрібні інструменти та матеріал для прядіння (голки, човник, нитки). Усе це зберігається в неї у скриньці (ментальному, чи внутрішньому лексиконі). Дизайн корелює з передконцептуальною стороною стилістичного засобу, канва – це його концептуальна іпостась. Узор на канві – це мапа, на якій схематично позначені обриси предмета (концепти, образ-схеми), котрий у реальності (словесній тканині тексту) отримує матеріальне втілення у вигляді килима – стилістичного тропа чи фігури. Накладання узору на канву є мапуванням, або проекуванням дизайну. Операція накладання, проекування, складається з ряду дій – когнітивних процедур: відшукування та вибору необхідного матеріалу й інструментів для втілення замислу, виконання роботи – прядіння (арахна), що дорівнює одяганню концептів у словесні одежі [1, с. 217-218].

Різні види мапування розглядаються як лінгвокогнітивні операції, здійснення яких пов’язано з видами поетичного мислення та лінгвістичною компетенцією. Для розкриття механізмів дії таких операцій виокремлюють *аналогове* мапування, в основі якого лежить аналогове поетичне мислення, *субститутивне*, яке базується на асоціативному поетичному мисленні, *контрастивне*, зумовлене парадоксальним поетичним мисленням, *наративне*, підґрунтям котрого слугують параболічне й есеїстичне поетичне мислення [1, с. 218].

Аналогове мапування розглядається як ***накладання*** концептуальних складників царини джерела на концептуальні складники царини цілі, у процесі чого «висвітлюються» ті ознаки осмислюваного явища, що з погляду носіїв мови є істотними для його розуміння. Аналогове мапування передбачає перенесення ознак сутностей (*атрибутивне* мапування), відношень між ними (*релятивне* мапування) чи ситуацій, що ними описуються (*ситуативне* мапування). Наприклад, у словесному поетичному образі «*train of ages*» простежується атрибутивне аналогове мапування. Це означає, що ознака руху, властива слову train (потяг), мапується на концепт життя, представлений номінативною одиницею ages (віки).

Виокремлення різних видів мапувань допомагає визначенню когнітивних обмежень, які сприяють виявленню особливостей формування образних засобів у різних літературно-стильових напрямах та характеристики когнітивного стилю того чи іншого письменника. Виявлення концептуальних схем на основі аналогового мапування

веде до прототипового прочитання тексту, до розуміння авторського задуму, оскільки і автор, і читач використовують одні й ті самі когнітивні процеси аналогового осмислення світу та мають спільні знання про нього [6, с. 116-117].

У процесі художнього осмислення світу, хоча «художня свідомість не є чимось протилежним повсякденній, а базується на тих самих когнітивних процесах, які використовуються, однак, з іншими цілями – цілями художнього самовираження й естетичного впливу» [2, с. 19], базові концептуальні метафори можуть зазнавати зміни, в основі яких лежать когнітивні механізми поетичного переосмислення. Ці механізми, розроблені Дж. Лакоффом і М. Тернером [9, с. 67-72] та проілюстровані О. П. Воробйовою прикладами фрагментів з оповідання Вірджинії Вульф «The Mark on the Wall» («Відмітина на стіні») [2, с. 18-22], є такими: розширення (*extension*), нарощування (*elaboration*), поєднання (*combination*), перегляд (*questioning*). У процесі конструювання поетично переосмислених (так званих оказіональних чи ідіотипних) метафор, що формують образно-асоціативний шар ключових художніх концептів, застосовуються прийоми звуження (*restriction*), покращення (*amelioration*) і погіршення (*degradation*) базових концептуальних метафор.

У поетичних засобах, що містять метонімію, простежується інший порівняно з метафорою характер мапування, який називається **субститутивним**. Він базується на асоціативному поетичному мисленні, суть якого полягає в проекуванні мисленнєвих зв'язків імплікаційного характеру на семантичне варіювання мовних одиниць. Субститутивне мапування – це операція ідентифікації імплікативних зв'язків між варіантами референтів концепту царини та проекування їх на іншу сутність цієї ж царини словесного поетичного образу шляхом лінгвокогнітивної процедури ***заміщення***. Остання полягає у відшукуванні серед спектру референційних значень концепту таких, що можуть заміщати одне одного. Так, наприклад, концепт ЛЮДИНА містить низку референційних значень, які втілені у словах, що позначають різні частини її тіла, або фізичні та інтелектуальні характеристики, притаманні їй як homo sapiens [1, с. 229].

Контрастивне мапування, підґрунтям якого є парадоксальне мислення, супроводжує формування контрастивних стилістичних засобів. Цей тип мапування здійснюється лише за умови дотримання певних когнітивних обмежень (англ. cognitive constraints), специфіка яких виокремлюється з правил контрастивного мапування [10, с. 33-41].

Першим правилом контрастивного мапування вважається наявність в складових, які проекуються, схожих онтологічних властивостей [7, с. 75-89]. Згідно з *другим правилом* контрастивного мапування проекуванню підлягають такі ознаки складових, що знаходяться на периферії їх семантичного поля та є гіперонімами або антонімами порівняно з центральними, прототиповими ознаками цих складових [10, с. 64-65]. *Третє правило* стосується напряму мапування: прямим називається проекування позитивних ознак складових на негативні [7, с. 78]. Проекування негативних ознак складових на позитивні, гіпоніма на антонім вважається непрямим або реверсивним. Залежно від характеру складників, що проекуються (мапуються), засвідчено *атрибутивне, релятивне, ситуативне* та *наративне контрастивне мапування,* що супроводжується різними когнітивними процедурами (***накладання, зшитовхування, перехрещення, відхилення***)

Наративне мапування вважається проекуванням сюжету, мотиву чи ідеї художнього твору, історичної чи повсякденної події на новий твір чи зміст поетичного образу шляхом їх переосмислення в результаті параболічного художнього мислення, що стає можливим завдяки здібності людини до наративної уяви [1, с. 304]. Наприклад: «*She stared at him in a «Et-tu-Brutus» look*» (Snyder). Параболічне осмислення передбачає переосмислення предмета, явища, ситуації, цінностей в термінах онтологічно невідповідних семантиці вихідних сутностей [там само], в результаті чого відбувається когнітивний дисонанс, кодування подвійного смислу.

В наступному фрагменті текстова реалізація концепту ТВОРЧА ОСОБИСТІСТЬ відбувається через параболічне осмислення характеристик художника Чарльза Стрікленда:

There was something monumental in his ungainliness. I don't know how to express precisely the impression Strickland made upon me. It was not exactly spirituality that was obvious, there was in his face an outrageous sensuality; though it sounds nonsense, it seemed as though his sensuality were curiously spiritual. There was in him something primitive. He seemed to partake of those obscure forces of nature, the satyr and the faun (Maugham).

У наведеному фрагменті немає лексичних маркерів об'єктивації складників концепту ТВОРЧА ОСОБИСТІСТЬ, однак, широкий контекст твору дозволяє зрозуміти, що йдеться саме про творчий потенціал людини. У створенні персонажного образу Стрікленда до його заняття живописом переважає нейтральна лексика, наприклад: *He was broad and heavy, with large hands and feet, and he wore his evening clothes clumsily. He was a man of forty, not good-looking, and yet not ugly, for his features were rather good*. Після того, як проявився його творчий потенціал, персонажний образ творчої особистості художника формується за допомогою образа-параболи, тобто творчий потенціал людини переосмислюється через опис її зовнішності. Образ творчої особистості формується через антитетичне поєднання несумісних характеристик (велич vs. незграбність, чуттєвість vs. натхненність), що створює гротескний ефект. Доповнює образ активація архетипу ТРІКСТЕР (лексичними маркерами є номінативні одиниці *satyr, faun*), серед численних концептуальних імплікацій якого найголовнішою є подвійність та амбівалентність. В персонажному образі простежуються типові для ТРІКСТЕРА риси. ТРІКСТЕР – це й людина, і тварина (*satyr and the faun*), і божественна істота (*spiritual*), який властиві несвідомі пориви (*I've got to paint, – he repeated.…I tell you I've got to paint. I can't help myself. When a man falls into the water it doesn't matter how he swims, well or badly; he's got to get out or else he'll drown,* фізичні пристрасті (*outrageous sensuality*). Своїми безрозсудними витівками ТРІКСТЕР здатний поламати закоренілі існуючі звичаї, однак, у той самий час він є величезним джерелом творчої енергії. Концептуальний оксиморон, що лежить у підґрунті текстового втілення концепту ТВОРЧА ОСОБИСТІСТЬ – НИЗИННЕ vs. ПІДНЕСЕНЕ.

Отже, стилістичні засоби виступають текстовими конструктами, що інтегрують у собі передконцептуальну, концептуальну й вербальну іпостасі. Концептуальним підґрунтям кожного поетичного тропу та фігури є певна концептуальна схема, а саме концептуальна метафора, концептуальна метонімія чи концептуальний оксиморон. Концептуальність тропу – це характеристика, яка припускає його розуміння як мисленнєвої, а не мовної операції, як способу осмислення однієї сутності крізь призму іншої. В основі метафоричного мислення – аналогове осмислення людиною картини світу, метонімічного – асоціативне, контрастивне або парадоксальне мислення є підґрунтям

оксиморону. Що стосується стилістичних тропів, то кожний з них може мати в своїй концептуальній структурі той чи інший або навіть два й більше концептуальних тропи. Поетичне мислення втілюється в стилістичних засобах завдяки лінгвокогнітивній операції мапування, під яким розуміють концептуальне проекування та семантичне накладення структур знань про властивості й ознаки об'єктів і явищ навколишньої дійсності, що опредметнені у номінативних одиницях стилістичних тропів і фігур. Залежно від видів поетичного мислення та концептуальних тропів, які є когнітивною базою стилістичних засобів, виокремлюються різні види мапування: аналогове (атрибутивне, релятивне й ситуативне), субститутивне, контрастивне й наративне. Мапування супроводжується різними когнітивними процедурами (наприклад, накладання, зштовхування, перехрещення, відхилення). Вивчення лінгвокогнітивних механізмів формування тропів та фігур слугує поясненню специфіки їх формування та інтерпретації.

Джерела та література

1. Бєлєхова Л. І. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект: дис. … доктора філол. наук: 10.02.04 / Л. І. Бєлєхова. – К., 2002. – 476 с.

2. Воробьева О. П. Вирджиния Вульф в аспекте языковой личности: когнитивный этюд / О. П. Воробьева // Языки и транснациональные проблемы: Мат-лы I междунар. науч. конф. Т. II. – М.: Тамбов: изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. – С. 50-55.

3. Телия В. Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов / В. Н. Телия // Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой / Под ред. Апресян Ю. Д. – М., 2004. – С. 674-684.

4. Уфимцева Н. В. Семантика слова / Н. В. Уфимцева // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 5-80.

5. Fauconnier J. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / J. Fauconnier. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 190 p.

6. Freeman M. Metaphor and metonymy as conceptual mappings / M. Freeman // 6-th International Cognitive Linguistics Conference, Sweden, 10-16 July, 1999. – Stockholm: Stockholm University Press. – 1999. – P. 58-59.

7. Gibbs R. When pairing is such a sweet sorrow: The comprehension and appreciation of oxymora / R. Gibbs, L.R. Kearney // Journal of Psycholinguistic Research. – 1994. – № 23. – P. 75-89.

8. Lakoff G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. – N. Y.: Basic Books, 1999. – 624 p.

9. Lakoff G. More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1989. – 230 p.

10. Shen Y. Cognitive constraints on poetic figures / Y. Shen // Cognitive Linguistics. – 1997. – № 8-1. – P. 33-71.

УДК 81'1=811.111'374+81'373.234 **Скиданова К. Ю.**

МІСЦЕ ЕТНОФОБІЗМІВ У НАЦІОНАЛЬНО-МОВНІЙ КАРТИНІ СВІТУ АМЕРИКАНЦІВ

В статье рассматриваются определение и эволюция взглядов на понятия «картина мира» и «этнические стереотипы», а также теория номинации как способ вербализации этнических стереотипов в этнофобизмах. Представлена теоретико-методологическая база для дальнейшего структурно-мотивационного анализа американских этнофобизмов.

Ключевые слова: картина мира, этнический стереотип, этнофобизм, теория номинации.

У статті розглянуто визначення та еволюція поглядів на поняття «картина світу» та «етнічні стереотипи», а також теорія номінації як спосіб вербалізації етнічних стереотипів в етнофобізмах. Представлена теоретико-методологічна база для подальшого структурно-мотиваційного аналізу американських етнофобізмів.

Ключові слова: картина світу, етнічний стереотип, етнофобізм, теорія номінації.

The author examined the definition and evolution of views at the notions «mapping of the world» (linguistic, conceptual, national linguistic and ethnic) and «ethnic stereotypes» as its components. The author also described the nomination theory as a way of ethnic stereotypes' verbalization in ethnophobisms.

Key words: mapping of the world, ethnic stereotype, ethnophobism, nomination theory.

На сучасному етапі розвитку лінгвістичної науки зростає інтерес дослідників до питань зв'язку лінгвальних та культурних явищ, які знаходяться у сфері етнолінгвістичних та лінгвокультурологічних напрямків сучасних наукових парадигм мовних досліджень. В останні десятиліття з'являються чисельні розвідки, спрямовані на дослідження етноцентричності, етномовного бачення та мовної картини світу (А. Д. Бєлова, О. Л. Бєссонова, І. О. Голубовська, О. О. Корнилов, В. В. Красних, В. М. Манакін, А. М. Приходько, Р. Пьєтро, В. М. Телія, С. Г. Тер-Мінасова, В. М. Шаклеїн та ін.).

Проте сьогодні в мовознавстві недостатньо висвітлено корелятивні зв'язки між картиною світу, етнічними стереотипами, засобами їх вербалізації та теорією номінації.

Тобто мета цієї статті – встановити зв'язки між картиною світу (КС), етнічними стереотипами, етнофобізмами та теорією номінації. Поставлена мета передбачає вирішення наступних завдань: короткий опис еволюції поглядів на поняття «картини світу» та її варіантів, вибір «робочих» дефініцій цих термінологічних сполук, загальна характеристика понять «етнічний стереотип» та «етнофобізм», а також представлення номінативного акту з позицій пізнавальної діяльності людини.

Очевидно, що національні культури, навіть споріднені, ніколи не збігаються повністю, оскільки кожна складається з національно-специфічних та інтернаціональних елементів. КС, яку визначають як цілісний глобальний образ світу, що є результатом всієї духовної активності людини, у представників різних культур також не збігається [10, с. 257].

Останнім часом все більше дослідників пов'язують вирішення різних питань мовного значення і функціонування мови з вивченням особливостей представлення знань у мові і, отже, з когнітивною діяльністю людини. У зв'язку з цим у лінгвістичний термінологічний апарат увійшли такі поняття, як «концептуальна картина світу», «мовна картина світу», «мовне бачення світу», «наївна модель світу», які грунтуються на ідеях В. фон Гумбольдта та його послідовників-неогумбольдтіанців Л. Вітгенштейна, Л. Вайсгербера, Й. Тріра, Б. Уорфа про

мову як особливе світобачення. В. фон Гумбольдт постулював, що «різні мови – це зовсім не різні позначення однієї й тієї самої речі, а різні бачення її» [4, с. 375].

Провідні лінгвісти сучасності (Ю. Д. Апресян, А. Вежбицька, Ю. М. Караулов, Г. В. Колшанський, В. М. Манакін, О. Г. Почепцов, W. Chafe, W. Croff, G. Lakoff та ін.) постулюють, що в системі мови, у всіх її складових (у нашому випадку етнічних стереотипів, вербалізованих АЕ) відображається те, як людина бачить оточуючу її дійсність і своє місце в ній.

Мовна картина світу (МКС) не може бути досліджена без розгляду людського чиннику у мові. Поняття КС відноситься до числа фундаментальних понять, що виражають специфіку людини та її буття, її взаємовідносини зі світом, найважливіші умови її існування у світі. Мова безпосередньо бере участь у процесах, пов'язаних з КС. По-перше, у її надрах формується МКС, один з найбільш глибинних прошарків КС людини. По-друге, сама мова експліцитно виражає інші КС людини, які за допомогою спеціальної лексики входять до мови, привносячи до неї риси людини, її культури [2, с. 6]. В останні десятиліття питання антропологічної лінгвістики знову повернули в коло актуальних, що виявляється, зокрема, в посиленні уваги до поняття КС.

О. С. Кубрякова подає наступне, найпоширеніше, визначення поняття МКС: «Мовна картина світу – це особливе утворення, що постійне бере участь у пізнанні світу і задає зразки інтерпретації сприйнятого. Це своєрідна сітка, яка накладається на наше сприйняття крізь призму мови» [6, с. 47]. У свою чергу, В. М. Манакін зауважує, що таке розуміння не є чимось новим, зважаючи на відому гіпотезу лінгвістичної відносності Сепіра-Уорфа, і навіть містить ту саму метафору про мову як «сітку», що накладається на свідомість [7, с. 30]. Продовжуючи, дослідник підкреслює, що «незаперечним щодо мовної репрезентації (картування) світу є тільки те, що: 1) у мові фіксується результат пізнання, як і в слові завершується формування думки (О. О. Потебня), тож ніякого істотного впливу на пізнання в такому розумінні мова не здійснює; 2) мова кодує пізнавальну діяльність наявними в ній засобами, які можуть бути відмінними в різних мовах, проте не стільки, щоб змінювати зміст пізнавальної діяльності [7, с. 30].

Варто вкотре наголосити, що носієм певної МКС є людина як представник певного соціуму та етнічної спільноти, де існує ціла низка уявлень про оточуючий світ, про себе та інші спільноти. Саме з цим пов'язана пізнавальна діяльність людини, на якому сфокусований когнітивний аспект мови.

Оскільки МКС створюється в ході номінативної діяльності, характер співвідношення концептуальної та мовної систем найкраще вивчати, досліджуючи саме цю діяльність та встановлюючи в процесі такого аналізу і напрямок номінативної діяльності на позначення цілком визначених фрагментів світу. Але в свідомості людини об'єктивне середовище не має дзеркального відображення. Звідси, ми не визнаємо недоліками невідповідність МКС ККС, бо МКС не замінює собою ККС.

Концептуальну систему, у свою чергу, слід розуміти як етнокультурну репрезентацію концептуальної форми думки представника тієї або іншої лінгвокультурної спільноти [10, с. 258]. До цієї системи входять загальні та фонові знання індивіда, його соціокультурне середовище, увесь ціннісний досвід лінгвокультурної спільноти, до якої він належить. Отже, за упорядкування змістовного аспекту думок відповідає саме концептуальна система.

Взаємодія колективної мовної свідомості, реального світу і мови як засобу репрезентації знання про світ призводить до формування особливого феномену – НМКС. За висловом В. І. Постовалової, КС не є стенограмою знання про світ, вона – «вікно» у світ, а саме картина, тобто інтерпретація, акт світорозуміння, вона залежить від призми, крізь яку відбувається світобачення» [8, с. 55].

У рамках цього дослідження нас не цікавить ні ККС, яку ми розуміємо як мисленнєву царину, пов'язану зі сферою абстрактного, як сукупність всіх ідей, понять і знань про навколишній світ та принципи його організації, і звичайно ж, не МКС, якою ми припускаємо відображення цього світу буденною свідомістю, яка є лише абстракцією. Не може бути загального універсального знання про світ. У кожного народу як носія мови є своя унікальна МКС – НМКС.

Узагальнюючи всі наявні підходи до визначення цього поняття без заглиблення в їх детальний розгляд приймемо як «робоче» визначення І. О. Голубовської: «НМКС є виражене етносом засобами певної мови світовідчуття і світорозуміння, вербалізована інтерпретація мовним соціумом навколишнього світу і себе самого в цьому світі» [3, с. 29].

Серед факторів, які визначають онтологію НМКС, слід назвати фрагмент реального світу, даний етносові в безпосередньо-чуттєвому сприйнятті, а також колективна етнічна свідомість, яка зберігає досвід попередніх поколінь і відбиває реальний світ у поступовому процесі пізнання. Тобто, матеріалізуючись у мові, національно-специфічні відчуття породжують особливу для кожної мови (і навіть її національного варіанту) субстанцію, яку у сучасній антропоцентричній лінгвістиці називають НМКС.

Отже, можна стверджувати, що кожна природна мова має свій унікальний, специфічний спосіб сприйняття та організації навколишнього світу. Всі присутні в ній знання складають особливу систему поглядів, своєрідну колективну філософію, яка є обов'язковою для всіх носіїв мови.

На думку Ю. А. Рилова, термін «етнічна картина світу» ширший, ніж мовна, оскільки охоплює два взаємопов'язаних компоненти – стереотипні поведінки і мовні картини світу [9, с. 80]. При визначенні ЕКС слід брати до уваги здатність мовних засобів, у першу чергу, номінативних, експлікувати інформацію про світ з етнічної точки зору, а також традиції, звичаї, вірування, забобони, етнічні стереотипи. Одними з цих номінативних одиниць є етнофобізми.

На відміну від мовної, ЕКС містить основні не обговорювані і неусвідомлювані здогадки та припущення, які спрямовують поведінку представників певної лінгвокультурної спільноти в певне русло та структурують їхню лінгвальну поведінку. Безперечно, що ЕКС має як вербальний, так і невербальний план вираження. Вона містить етнічні стереотипи, настанови, уявлення про себе як про етнос та інші етноси, можливі асоціації та міфи, пов'язані з конкретними етносами, фонові знання і культурні концепти, які фіксуються і в ментальному, і в мовному полі етносу.

Невід'ємним компонентом ККС, ЕКС, МКС та НМКС є етнічний стереотип. Наше дослідження виконується на лексико-семантичному рівні, тому нас цікавить вербалізація етнічних стереотипів американців у вигляді лексичних одиниць, а саме етнофобізмів.

В основі стереотипу знаходиться психологічний феномен настанови сприйняття, який включає попередній досвід людини та культурно-історичний досвід соціуму. Проте варто зауважити, що етнічні стереотипи детерміновані дією переважно етнокультурних та соціально-історичних чинників, а не особистим досвідом.

Фактично, етнічний стереотип є певним груповим уявленням, що склалося на основі суспільної думки однієї етнічної групи про найяскравіші характеристики іншої етнічної групи. Або ще точніше, етнічний стереотип – це емоційно забарвлений, максимально схематизований, примітизований образ представника конкретної етнічної групи.

Перейдемо до розгляду обумовленості етнічних номінацій (у нашому випадку – етнофобізмів) етнічними стереотипами. Кожна з номінацій інших етнічних груп є ланкою, одиницею процесу ідентифікації, під час якого відбувається приписування певних якостей та характеристик представникам інших етносів. Маючи яскраво виражений суб'єктивний характер, оскільки керуючись опозицією «свій – чужий», представники різних лінгвокультурних спільнот частіше надають власному етносові позитивну оцінку, а іншим – нейтральну або негативну. Таким чином, при автостереотипізації (самоідентифікації) людина схильна до використання гіпермеліоративних характеристик та виключення з потенціального «переліку» мовних одиниць гіперпейоративних номінацій. У процесі гетеростереотипізації (ідентифікації) залучаються вже гіперпейоративні характеристики та зменшується кількість меліоративних одиниць [10, с. 261].

Так, наприклад, лінгвокультурні особливості АЕ на позначення етнічних груп США в американському варіанті англійської мови потребують вивчення, оскільки розповсюджені у Сполучених Штатах етнічні стереотипи визначають творення, мотивування, семантику та специфіку функціонування досліджуваних лексичних одиниць.

Неофіційні етнонімічні назви етнічних спільнот американців фактично представлені АЕ – інвективними лексичними одиницями, спрямованими на приниження та грубу образу референта. Очевидно, що вживання АЕ (наприклад, *froggy* 'жаб'ячий', *Chinky* 'китайоза, вузькоокий' (від Chinese 'китаєць' та chink 'щілина' – посилання на вузький розріз очей), *yellow* 'жовтий', *ricer* 'рисоїд', *spaghetti* 'спагетті', *dago* 'дего, латинос' (від власного імені Diego, поширеного серед латиноамериканського населення США), *sauerckraut* 'кисла капуста', *spinach* 'шпинат', *bagel bender* 'той, хто не знає міри у споживанні бубликів', *bean bandit* 'квасолевий бандит', *greaseball* 'м'яч, змащений смалцем', *burrito* 'бурріто', *cheap labor* 'дешева робоча сила'тощо) суперечить постульованому американським суспільством принципу «політичної коректності», є проявом ксенофобії та расизму у міжетнічній комунікативній поведінці.

У сучасних роботах ономасіологічного напрямку прослідковується тенденція відбити власне когнітивні, пізнавальні моменти номінативної діяльності людини й особливості створюваних у цих процесах структур свідомості, що об'єктивується в актах номінації [6, с. 42]. У зв'язку з цим Г. В. Колшанський стверджує, що сутність номінації полягає в тому, що мовний знак репрезентує деяку абстракцію як результат пізнавальної діяльності людини, як відображення реальних предметів і явищ у свідомості останньої [5, с. 12]. Отже, акт номінації у сучасних лінгвістичних розвідках трактується не просто як особливий розумовомовленнєвий акт, що теж, безумовно, дуже важливо, але й як акт пізнавальний та фіксуючий те, що було досягнуто, у формі мовного знака.

Формування знаків номінації пов'язано з процесами перетворення семіотичних структур двох типів: довербальних і мовних [1, с. 72]. Вчені виділяють два довербальних етапи створення номінативних одиниць: мотиваційний та смислоутворюючий. Суть першого полягає у тому, що «думка породжується не від іншої думки, а виникає у сфері наших спонукань, де необхідно шукати первісний стимул для думки. Таким стимулом є мотив – те, заради чого нам необхідно спілкування» [1, с. 73]. Другий етап полягає в тому, що в ньому задум розгортається у певну смислову структуру, яка є «семантичним записом особистісних смислів – інформаційним утворенням, не закріпленим в певних словах та розрахованим на задуманий вплив» [1, с. 73].

Сучасні лінгвістичні дослідження стверджують, що природа мовної одиниці визначається складною та рухливою сукупністю багатьох чинників, які можна звести до онтологічних (екстралінгвістичних), зумовлених об'єктивною природою реальності, що відображається в думці та мові; концептуальних, зумовлених закономірностями відображення об'єктивного світу людською свідомістю; мовних (лінгвістичних), зумовлених власними закономірностями, що діють у людській мові.

Таким чином, АЕ є результатом вербалізації етнічних стереотипів американців, найчисельнішими з яких у НМКС США є іспаномовні етноси, афроамериканці, китайці, індіанці, євреї, італійці та ін. Саме етнічні стереотипи визначають «чужих» та «своїх» у сучасному американському суспільстві. У свою чергу, структурно-мотиваційний та лінгвокультурологічний підходи дозволяють здійснити аналіз особливостей творення, мотивування та функціонування АЕ, відстежити процес вербалізації етнічних стереотипів в НМКС американців.

Отже, перспективою дослідження може стати детальний опис структурно-мотиваційних та лінгвокультурологічних характеристик АЕ.

Джерела та література

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М., 2002. – 394 с.
2. Белая Е. И. Идиоматика и наивная картина мира / Е. И. Белая // Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. М. П. Одинцова. – Омск: Издание ОмГУ, 2000. – С. 6-9.
3. Голубовська І. О. Етнічні особливості мовних картин світу: Монографія / І. О. Голубовска. – К.: Логос, 2004. – 284 с.
4. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Наука, 1984. – 397 с.
5. Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте / Г. В. Колшанский // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 5-81.
6. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М.: Изд-во ИЯ РАН, 1997. – 331 с.
7. Манакін В. М. Мова і загальна симетрія універсаму / В. М. Манакін // Мовознавство: Науково-теоретичний журнал. – 2011. – № 3. – С. 26-40.
8. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 8-69.
9. Рылов Ю. А. О семантических доминантах в языковой картине мира. На материале итальянского и русского языков / Ю. А. Рылов // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия Гуманитарные науки. – 2003. – № 1. – С. 80-94.
10. Юнацька А. Б. Мовне відображення картини світу: стереотипізація мовлення (на матеріалі англійської мови) / А. Б. Юнацька // Нова філологія / за ред. Манакіна В. М. – Запоріжжя: ЗНУ, 2009. – № 35 – С. 257-262.

УДК 811.111'367.634 **Склярова Н. Г.**

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОНЯТИЙНЫХ КАТЕГОРИЙ АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ И МОДАЛЬНОСТИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье на материале английского языка с использованием дистрибутивного и контекстологического методов исследования союзов альтернативной семантики рассматривается актуализация взаимодействия понятийных категорий альтернативности и модальности. Выделенные сопряженные категориальные ситуации отражают многообразие и многоаспектность находящихся в альтернативных отношениях ситуаций реальной действительности.
Ключевые слова: взаимодействие, понятийная категория, категориальная ситуация, альтернативность, модальность

У статті на матеріалі англійської мови з використанням дистрибутивного і контекстологічного методів дослідження сполучень альтернативної семантики розглядається актуалізація взаємодії понятійних категорій альтернативності и модальності. Виділені сурядні категоріальні ситуації відображають різноманіття і багатоаспектність ситуацій реальної дійсності, що перебувають у альтернативних відносинах.
Ключові слова: взаємодія, понятійна категорія, категоріальна ситуація, альтернативність, модальность.

In the article fundamental conceptual categories of alternativeness and modality are described in their interaction the realization of which in the English language is shown through the distributional and contextual analysis of the conjunction, expressing the meaning of alternativeness. Such conceptual categories interaction reveals the variety of alternative situations existing in reality.
Key words: interaction, conceptual category, situation of conceptual categories interaction, alternativeness, modality.

Изучение взаимодействия понятийных категорий путем установления случаев совместного функционирования в высказывании средств плана их выражения помогает глубже постичь специфику каждой понятийной категории, а также объективные связи между фундаментальными свойствами реального мира, составляющими их содержательную основу. Взаимодействие понятийных категорий осуществляется в сопряженных категориальных ситуациях, под которыми понимаются типовые содержательные структуры, представляющие собой один из аспектов передаваемой высказыванием общей денотативной ситуации и соотнесенные с различными формальными средствами [1, с. 21].

В предыдущих публикациях нами был обоснован понятийно-категориальный статус альтернативности, определено ее место в системе понятийных категорий [2], охарактеризованы план ее содержания и план выражения в английском, немецком и русском языках [3], установлен круг понятийных категорий и их субкатегориальных вариантов, взаимодействующих с альтернативностью в сопряженных категориальных ситуациях, актуализируемых через варьирование сочиненных компонентов конструкций с союзами альтернативной семантики [4; 5], подробно рассмотрено взаимодействие альтернативности с понятийными категориями темпоральности [6], квантитативности [7], компаративности [8] и его актуализация средствами английского языка.

В данной статье, выполненной на материале английского языка, мы подробно остановимся на синтагматическом взаимодействии понятийных категорий альтернативности и модальности. В соответствии с поставленной целью в круг задач настоящей работы входят, во-первых, систематизация категориальных ситуаций, образуемых в результате совместного функционирования в речи средств альтернативной и модальной семантики; во-вторых, выявление конкретных субкатегориальных вариантов модальности, участвующих в подобном взаимодействии; в-третьих, описание тех разновидностей альтернативных отношений, которые реализуются в результате модальной модификации альтернативности.

План выражения понятийной категории альтернативности составляют разноуровневые единицы языка, среди которых выделяются союзные средства, оформляющие синтаксические связи между словами и предложениями и передающие объективно существующие альтернативные отношения между явлениями и ситуациями реальной действительности, обозначаемыми этими словами и предложениями. При реализации союзных единиц альтернативной семантики в определенном контекстуальном окружении понятийная категория альтернативности подвергается семантическому варьированию. Оно проявляется в возникновении различных видов альтернативных отношений, представляющих собой субкатегориальные варианты альтернативности и составляющих план ее содержания.

План содержания понятийной категории модальности заключается в отражении объективного отношения высказывания к действительности и субъективной квалификации сообщаемого [9, с. 303]. Различные способы модификации и интеграции указанных инвариантных значений, возможные в результате их семантической интерпретации языковыми средствами, позволяют выделить субкатегориальные варианты действительной и недействительной модальности, причем последняя, в свою очередь, включает потенциальную, ирреальную, императивную и предположительную модальность. Соответственно, разноуровневые единицы языка, репрезентирующие модальность во всех ее смысловых вариантах, образуют план выражения исследуемой понятийной категории.

Анализ случаев совместного функционирования в высказывании союзов альтернативной семантики – ведущих средств плана выражения альтернативности и модальных показателей позволяет выделить сопряженные категориальные ситуации модальной альтернативности, альтернативного уточнения и альтернативной мотивации. Перечисленные категориальные ситуации являются результатом синтагматического взаимодействия понятийных категорий альтернативности и модальности.

В категориальных ситуациях модальной альтернативности в конструкциях альтернативной семантики позицию сочиненных компонентов могут занимать грамматические формы изъявительного наклонения, являющиеся средствами выражения *действительности*, которые противопоставляются формам сослагательного наклонения – средствам выражения *ирреальности* (1), конструкциям с модальными глаголами и их эквивалентами – средствам выражения *необходимости* (2), *предположения* (3) и *императивности* (4), а также глаголам со значением интенциональности, возможности и т.п. – средствам выражения *потенциальности* (5): *(1) It would appear that we had a miscarriage of justice here. Or we would have had, if we had gone any further (D. Steel). (2) That's all she knows or needs to (I. Le Carre). (3) We know the killer's got a strange body odor, or at least it seems likely he does (P. Cornwell). (4)*

…maybe a reporter has been getting into your data base, or has been getting someone else to get into it for him (P. Cornwell). (5) She wanted to make it easy for him, she wanted to help him along with the illusion that nothing bad had happened to her or was going to happen (M. Atwood).

Вместе с тем в альтернативных отношениях могут находиться единицы плана выражения одного субкатегориального варианта модальности, например *императивности* (6), *необходимости* (7): *(6) Take it or wait for him (J. Cheever). (7) I had to call him. Or maybe I shouldn't (P. Cornwell).* В примерах (6) и (7) актуализируются альтернативные отношения, неосложненные дополнительными значениями. Противопоставляемые события либо «исключают друг друга самим фактом своего существования» [10, с. 70], либо только соотносятся как несовместимые, хотя, в принципе, непротиворечивы и могли бы быть совмещены.

Примеры (1) – (5) демонстрируют актуализацию субкатегориального варианта альтернативности – отношений альтернативного уточнения, поэтому одноименную категориальную ситуацию можно рассматривать как разновидность категориальной ситуации модальной альтернативности. Она имеет место тогда, когда второй сочиненный компонент, вводимый союзом альтернативной семантики, вносит поправку в отображаемую денотативную ситуацию, поскольку информация, передаваемая первым компонентом конструкции, либо не вполне точна и адекватна, либо имеет отвлеченный, обобщенный характер и потому также требует иллюстрирующего, конкретизирующего комментирования [10, с. 82]. Взаимоисключение противопоставляемых компонентов проявляется в том, что сообщаемое во втором компоненте исключает из плана *более* адекватного отражения то, что обозначается первым. Одновременно сообщаемое в первом компоненте исключает из плана *менее* адекватного отражения то, что обозначается вторым [11, с. 67].

Характер и область уточнения определяются лексико-грамматическим наполнением сочиненных компонентов, то есть специфическими особенностями уточняемого и уточняющего членов конструкции, взаимодействие которых с союзом альтернативной семантики способствует образованию категориальной ситуации альтернативного уточнения. Так, при функционировании средств плана выражения понятийной категории модальности в качестве сочиненных компонентов альтернативной конструкции наблюдается модальное уточнение. Оно включает уточнение соответствия сообщаемого действительности по линии реальности/ирреальности при помощи соответствующих грамматических форм глагола-сказуемого (8), а также по линии реальности/возможности (необходимости, желательности) при помощи соответствующих модальных глаголов и глаголов с модальным значением (9), (10): *(8) «You didn't approve of paying such a sum, naturally?» «Of course I didn't – or wouldn't have if I'd known anything about it.» (Modern English Short Stories). (9) He is not my husband, damn him, of course, but when you've lived with someone for ten years and he pays the rent and keeps you, he is your husband, isn't he? Or ought to be (Modern English Short Stories). (10) Life goes on. Or at least it's supposed to (P. Cornwell).*

При взаимодействии альтернативности и модальности актуализируется еще один субкатегориальный вариант альтернативности, а именно отношения альтернативной мотивации. Одноименная категориальная ситуация является такой разновидностью категориальной ситуации модальной альтернативности, при которой события соотносятся как несовместимые, однако в данном случае вторая альтернатива, указывая на предполагаемые последствия неисполнения первой, мотивирует ее реализацию [12, с. 14]. В высказываниях альтернативной мотивации редуцировано условие, непосредственно соединяющее первое событие со вторым [13, с. 85]. Но несмотря на то, что отдельные компоненты содержания не находят специального выражения с помощью формальных языковых средств, высказывание остается автосемантичным и информационно достаточным, поскольку вербализованные единицы как бы вбирают в себя семантику невербализованных [14, с. 4].

Роль понятийной категории модальности в рассматриваемых категориальных ситуациях состоит в определенном наполнении обоих сочиненных компонентов, обусловливающем мотивируемую функцию первого и мотивирующую функцию второго.

В высказываниях, направленных в будущее, в мотивируемой части выражается прямое или косвенное побуждение совершить некоторое действие, а в мотивирующей части излагаются возможные последствия, которые будут иметь место в случае, если данное действие не осуществится. В английском языке для передачи побуждения, которое может иметь форму приказания, требования, просьбы, совета, распоряжения, инструкции, запрещения используются различные модальные средства. К ним относятся формы повелительного наклонения – средства выражения императивной директивной модальности; средства выражения потенциальности, а именно: модальные глаголы *can* в отрицательной форме, *should*, *must*, эквивалент модального глагола *have* (*got*) *to*, конструкция *to be going to*, которые, передавая значения возможности, необходимости, интенциональности, в той или иной степени побуждают адресата речи выполнить действие, передаваемое неличной формой глагола; формы сослагательного наклонения – средства выражения ирреальной модальности; глаголы повелительной семантики – средства выражения директивной императивной модальности, передающие волеизъявление говорящего относительно реализации того, о чем сообщается неличной формой глагола; слова других частей речи, указывающие на желательность, целесообразность осуществления некоторого действия, обозначаемого неличной формой глагола, которые являются средствами плана выражения соответствующих субкатегориальных вариантов модальности. Для передачи возможных последствий неосуществления этой ситуации используются следующие средства: формы будущего времени – ведущие средства плана выражения потенциальной модальности; формы настоящего времени – средства выражения действительной модальности, обозначающие, однако, будущие действия; формы сослагательного наклонения – средства выражения ирреальной модальности; модальные глаголы со значениями возможности, предположения – средства выражения потенциальной и предположительной модальности; конструкция *to be going to* – средство выражения потенциальной модальности, передающая значение намерения: *(11) Now pick yourself up and get to work on those nets or I'll send you after him (I. Higgins). (12) We should get started as quickly as possible or we might lose the boat (S. Sheldon). (13) «I'm not allowed to tell» «But you're going to, aren't you?» Karen said: «Or you wouldn't be here» (L. Elmore).*

В высказываниях, направленных в прошлое или настоящее, в мотивированной части сообщается о некотором событии или явлении, которое либо уже осуществилось, либо имеет место в настоящее время. В мотивирующей части необходимость или реальность реализации данного события или явления обосновывается указанием на предполагаемые последствия, которые могли бы произойти в случае его неосуществления. Для описания ситуации в

прошлом или настоящем используются средства выражения действительной модальности. Здесь также встречаются модальные глаголы, являющиеся средством выражения предположительной модальности. Они выражают оценку говорящим достоверности некоторой ситуации, передаваемой инфинитивом в перфектной форме. Для описания предполагаемых последствий неосуществления данной ситуации употребляются формы сослагательного наклонения – средства выражения ирреальной модальности. Они указывают на то, что данная альтернатива является аннулированной, утратившей или ослабившей свою значимость [15, с. 188]: *(14) The arrows were not actually released or the majority of the audience would have been slain (L. Irvine). (15) He must have been in love with you. Or he wouldn't have minded it so much (A. Christie).*

Еще один случай взаимодействия понятийных категорий альтернативности и модальности проявляется в том, что единицы предположительной семантики, будучи не сочиненными компонентами альтернативной конструкции, а другими членами предложения, окрашивают предлагаемые говорящим альтернативные версии оттенком гипотетической достоверности. К числу таких средств в современном английском языке принадлежат: модальные слова: *probably, perhaps, possibly, maybe*; модальные глаголы *can*, *may*, *must*, *should*, *ought*, а также эквивалент модального глагола *have to*; слова других частей речи, в частности имена существительные и прилагательные, однокоренные с перечисленными выше модальными словами: *(16) He might equally be a local reporter, or a solicitor's clerk on his first day and desperate to get it right (M. Meek). (17) Perhaps Connie had asked Mark to meet me, or he had volunteered (P. Cornwell).*

Таким образом, взаимодействие альтернативности и модальности в сопряженных категориальных ситуациях, актуализируемых при совместном функционировании в высказывании средств плана их выражения, отражает многообразие и многоаспектность находящихся в альтернативных отношениях ситуаций реальной действительности.

Источники и литература

1. Бондарко А. В. Категориальные ситуации / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1983. – № 2. – С. 20–32.
2. Склярова Н. Г. Альтернативность в свете учения о понятийных и семантических категориях / Н. Г. Склярова // Научная мысль Кавказа. Приложение. – Ростов н/Д, 2004. – № 4. (58) – С. 154-157.
3. Склярова Н. Г. Универсальный статус языковой альтернативности / Н. Г. Склярова // International Scientific Publications. Language, Individual and Society. 2007. – Bourgas: Info Invest, 2007. – С. 71-98.
4. Склярова Н. Г. Взаимодействие альтернативности с другими понятийными категориями и его реализация в языке / Н. Г. Склярова // Культура народов причерноморья. – 2009. – № 168. – Т. 2. – С. 249-251.
5. Склярова Н. Г. Взаємодія функціонально-семантичного поля альтернативності з іншими польовими утвореннями (на матеріалі англійскої мові) / Н. Г. Склярова // Вісник національної академії наук України. – 2009. – № 9. – С. 55-63.
6. Склярова Н. Г. Взаимодействие понятийных категорий альтернативности и темпоральности и его реализация в английском языке / Н. Г. Склярова // Функциональная лингвистика: Материалы II междунар. лингвистич. конгресса – 2010. – № 1. – Т. 2. – С. 236-238.
7. Склярова Н. Г. Взаимодействие понятийных категорий альтернативности и квантитативности и его реализация в английском языке / Н. Г. Склярова // Функциональная лингвистика: Материалы III междунар. лингвистич. конгресса – 2011. – № 1. – Т. 2. – С. 193-196.
8. Склярова Н. Г. Взаимодействие понятийных категорий альтернативности и компаративности и его реализация в английском языке / Н. Г. Склярова // Лингвистика: традиции и современность: Материалы 2-й междунар. научн. конф. – Ростов н/Д: Изд-во ПИ ЮФУ, 2011. – С. 112-114.
9. Ляпон М. В. Модальность / М. В. Ляпон // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 303-304.
10. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения: К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон.– М: Наука, 1986.–200 с.
11. Холодов Н. Н. Сложносочиненные предложения с разделительными союзами / Н. Н. Холодов // Русский язык в школе. – 1975. – № 4. – С. 65–70.
12. Белошапкова В. А. Предложения альтернативной мотивации в современном русском языке / В. А. Белошапкова // Исследования по современному русскому языку. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1970. – С. 13-23.
13. Госсман К. Г. Функционально-семантическое поле дизъюнкции (на материале полипредикативных конструкций современного немецкого языка): дис. … канд. филол. наук / К. Г. Госсман. – Л., 1985. – 159 с.
14. Колосова Т. А. О сигналах неразвернутости некоторых имплицитных сложных предложений / Т. А. Колосова // Синтаксис предложения. – Калинин: Изд-во Калининск. ун-та, 1983. – С. 3-11.
15. Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке / И. Н. Кручинина. – М.: Наука, 1988. – 212 с.

УДК 801.7+378

Скорикова Т. П.,
Орлов Е. А.

ЧТО ПРОИСХОДИТ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ СЕГОДНЯ?

Активные тенденции, наблюдаемые в современном русском языке наших дней в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике, рассматриваются на фоне широкого лингвокультурного контекста. Иллюстративным материалом служат примеры из современной прессы, живой разговорной, в том числе молодежной, речи, языка СМИ.

Ключевые слова: язык масс-медиа, заимствования, молодежный жаргон, узус.

Активні тенденції, спостережувані в сучасній російській мові наших днів у фонетиці, морфології, синтаксисі, лексиці, розглядаються на тлі широкого лінгвокультурного контексту. Ілюстративним матеріалом служать приклади з сучасної преси, живої розмовної, у тому числі молодіжної, мови, мови ЗМІ.

Ключові слова: мова мас-медіа, запозичення, молодіжний жаргон, узус.

The active trends observed in modern Russian of our days in phonetics, morphology, syntax, lexical system are considered within wide linguacultural context. The article is based on the latest Russian language materials: modern press, colloquial patterns, typical young people's vocabulary.

Key words: mass-media language, young people's slang, usus.

В русском языке на наших глазах происходят активные изменения, которые вызываются, с одной стороны, внутриязыковыми закономерностями, а с другой стороны, отражают социально-экономические преобразования в жизни общества. Происходит быстрая смена общественных пристрастий и предпочтений в употреблении языковых средств, формируются новые языковые вкусы.

Интенсивное развитие русского языка, происходящее на фоне глобализации и роста информационных технологий, протекает по нескольким направлениям:

1) размывание четких очертаний функциональных стилей;
2) расшатывание литературной нормы;
3) внедрение новой научной терминологии в современную публицистику;
4) экспансия просторечия в сфере публицистики;
5) широкое распространение жаргона в языке газеты;
6) формирование общего жаргона как унифицированного языка города;
7) появление новой функциональной разновидности русского языка – интернет-общения и др.

Изменения, происходящие в языке, наблюдаются на всех его уровнях: фонетическом, грамматическом, лексическом. Проследить пути вторжения новых элементов в систему литературного языка, изучить вопрос о причинах, протекании и механизме языковых изменений – актуальные задачи современной русистики. Проведение подобного исследования даст возможность обратиться к методическим рекомендациям содержания обучения.

Вскрыть механизмы языковых преобразований важно для понимания системности литературного языка, однако этот исследовательский аспект пока еще недостаточно разработан, хотя, конечно, происходящие в русском языке изменения привлекают пристальное внимание языковедов (Е. А. Земской, В. Г. Костомарова, О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой, М. Я. Гловинской, Е. А. Брызгуновой и др.). Выделим основные процессы, характеризующие современное состояние языка и речи.

В современном **произношении** наблюдается непрямое диалектное влияние, при котором отсутствует связь между фонетическими особенностями говорящего и его географическим происхождением. Это усиление аканья, превышающее московское (аналог – в рязанских говорах), а также усиление иканья за счет смягчения заднеязычных согласных перед слогом с мягкими согласными. Примеры: [к’и]питализм, с моими коллегами ([к’ил'эг’им’и]) (аналог в среднерусских говорах). Такое произношение заразительно. Это своего рода (по словам Е. А. Брызгуновой) «фонетические вирусы», напоминающие «заражение» речи говорящих словами-паразитами, получившими распространение в последнее время (*как бы, типа, однозначно, без проблем* и некоторых других).

90-е годы XX века отмечены снижением стиля в области произношения (наблюдается нечеткость артикуляции, «смазанная» дикция, компрессия слов в потоке речи), увеличивается неразборчивость и торопливость речи, часто можно услышать копирование английских приемов интонирования фразы, а именно, нехарактерное для русского языка повышение голоса в конце утвердительных предложений (например, в речи телеведущих). Распространение прямого эфира в сфере СМИ вызвало проникновение диалекта и просторечия в транслируемую речь, повысился темп, появилась торопливость и увеличилось количество ошибок и оговорок.

В области **морфологии** все более заметны черты аналитизма. Общее укрепление несклоняемости в морфологической системе несомненно. Это несклоняемые существительные, аналитические прилагательные, сложные числительные, которые используются по образцу именительной формы во всех падежах (*более триста человек*). Особое место занимают колебания в употреблении падежных флексий в разных грамматических контекстах (например, в сочетаниях с числительными: *сто грамм/ сто граммов*). Начиная с 70-х годов XX века лингвисты стали фиксировать ненормативное употребление падежей в речи образованных людей (Ср.: *на моих уроков, в других языков* и др.). В подобных употреблениях значение флексий передается предлогом. В подавляющем большинстве случаев обозначенные ненормативные употребления падежей не замечаются говорящими и слушающими и начинают проникать в письменную речь (ср.:*... в городах и поселков)*.

Как тенденцию в морфологии следует отметить увеличение количества сложносокращенных слов и названий, распространение случаев двоякого родового наименования, увеличение количества существительных общего рода (типа *женщина-бизнесмен)*. Продолжает сохраняться тенденция к замене глаголов и прилагательных существительными (субстантивация); у глаголов образуются видовые пары от заимствованных слов (типа *профинансировать)*. Получают все большее распространение личные имена при уменьшении частоты использования отчеств (эта тенденция активно бытует и в СМИ – на телевидении, радио). В современном словообразовании заметна также экспансия иноязычных слов, которые нередко переносятся в русский язык напрямую в иностранной графике (происходит усиление варваризмов). Наблюдаются изменения в традиционных способах переноса слов, вызванных компьютерным набором.

В **синтаксисе** как тенденцию в построении предложения можно отметить грамматическую несогласованность, недостаточное использование синтаксических средств; возрастает грамматическая разорванность как антиконструктивный принцип.

Наблюдаемые в последнее время тенденции, особенно заметные **в лексике** как наиболее подвижном пласте языка, обусловлены преимущественно социокультурными изменениями, происходящими в обществе. Это разнообразные процессы, связанные с появлением новых слов, неосемантизация, движение слов из актива в пассив, из пассива в актив.

Характерной особенностью современной лингвокультурной ситуации является преобладание неформальных кодов и, в частности, так называемой ненормативной лексики. Получают распространение – прежде всего через СМИ – арготизмы, элементы блатного языка, в устной речи участилась брань. Заметно существенное упрощение языка при общении в интернете, где преобладают разговорные и стилистически сниженные формы языка. В речь хлынули слова и выражения из различных арго (в первую очередь, уголовного и молодежного), до основания размывая литературный стандарт. Процесс варваризации охватил все стили, особенно масс-медиа, которые в советский период вещали на публицистическом стиле в его официозной реализации. Годы перестройки ознаменовались отказом от казенного официоза, а звучащие СМИ – появлением прямого эфира, что привело к передаче в них не читаемой, а говоримой, в том числе спонтанной речи. По словам О. Б. Сиротининой, «как реакция на прежний официоз был открыт доступ в СМИ не только разговорной лексике, но и жаргонной (*силком,*

обалденный, беспредел, наезд, балдеж), а потом и предпочтение литературным словам любых нелитературных слов, в том числе просторечных и диалектных (*намедни, шибко, сиганула, надысь, посередь*, и т. д.)» [3, с.76].

Несомненными лидерами в языковой либерализации стали освободившиеся от цензуры СМИ, которые активно подхватывают речевые новшества и изобретают свои собственные. Карнавал вербальной свободы, развернувшийся на страницах прессы, расшатывает языковую норму: в язык вливаются нецензурные слова и выражения, люди жонглируют словами, впитывая иностранную лексику и экспериментируя над своей собственной.

Посттоталитарная печать и электронные СМИ, свободные от тесных идеологических рамок, не свободны, однако от рынка и действующих рыночных механизмов. Чтобы расширить круг своей аудитории, современные СМИ вынуждены разрабатывать собственные (в том числе чисто языковые) стратегии привлечения читательского (а значит и потребительского) интереса. К одной из таких стратегий относится активная в настоящее время тенденция окказионального словотворчества, т.е. так называемая языковая игра с читателями, слушателями или зрителями. Часто эффектом подобной стратегии является имплицитное внушение определенных мыслей, оценок или ассоциаций, т. е. скрытое воздействие на адресата сообщения.

Как стилистический ресурс языка масс-медиа словотворчество является той чертой естественного стиля, который создает атмосферу языкового доверия между читателем и пишущим. Подобное манипулирование» языком строится на необычном использовании языковых средств, имеющих сильный стилистический эффект и удивляющих носителя языка своей свежестью и нестандартностью.

Именно такие языковые средства, привлекающие внимание любым способом: лексическими новообразованиями, ошибками, игрой слов, каламбурами, юмором, нецензурной лексикой – сейчас особенно востребованы в СМИ. См., например, в заголовках статей (типа *«Фаст-суд по-русски», «Хиппи New Year», «Ученье – свет, если денег – тьма»)*

В язык современной рекламы также очень часто вторгается ненормативная лексика, в том числе модные жаргонные словечки, американизмы, появляются элементы языковой игры, которая нередко становится фамильярно-грубоватой, навязчивой, агрессивной («*Мы обуем всю страну!», «Оттянись со вкусом», «Не дай себе засохнуть!», «Она тебе не откажет...Офисная техника», «Бери от жизни все!», Добавь драйву своему интернету!* – (АиФ, 2009, № 11). Повторение одних и тех же слов стало раздражать. Явная бессмыслица «слоганов» превратилась в объект насмешек, анекдотов и антирекламы.

Упавший железный занавес впустил в язык невероятное количество иностранных слов, особенно американизмов. Активизировавшиеся пласты лексики и семантические процессы в современном русском языке объясняются эстралингвистическими факторами и изменение языкового стандарта. «Языковая мода, – отмечает О. А. Лаптева, – оказалась прямо связанной с усреднением изменяющегося речевого стандарта, с его ориентацией на язык средств массовой информации, а не на художественные тексты, как это было еще недавно» [1, с. 34].

Чтобы слово ушло из языка, оно должно сначала исчезнуть из активного употребления. И, наоборот, чтобы заимствованное слово или жаргонизм вошли в литературный язык, они должны сначала расширить частоту своего употребления, охватить самые широкие круги говорящих. Многие из новых слов становятся модными. К примеру, в последнее время в язык и вошли такие иноязычные неологизмы, как *гламур, гламурный, пиар, пиарщик, блокбастер, контент, мерчендайзер, вау, винтаж, промоушн, вип, креатив, педалировать, месседж, респект, электорат, энтертейнмент, драйв.* Показательно, что эти новомодные англицизмы, наводняющие эфир, вызывают у некоторых носителей русского языка активное неприятие и раздражение, о чем свидетельствуют данные социологического опроса в Интернете (см. список наиболее «отвратительных» неологизмов).

Мода на слово ведет к его агрессивности, которая подавляет и изгоняет слово-конкурент. Например, слово *шокировать* быстро утрачивает сему «неприятно» в сочетании с семой «поразить», само слово *поразить* уступает место *шокировать,* которое становится его полным синонимом. В развертывающейся в узусе конкуренции вариантов побеждает более агрессивный: агрессия варианта проявляется в его синтагматике, т. е. он захватывает область сочетаемости конкурента, формируя все новые и новые словосочетания – контексты употребления агрессивного слова. Так, слово *проблематично,* способное к более широкой сочетаемости с глаголами, пошло в наступление на *сложно*. Получилось: *проблематично сказать (ожидать), достаточно проблематично обзавестись* (собственным театром), а также *звучит проблематично, вы пишете проблематично* и мн. др.

30-40 лет тому назад норма была стабильна и изменениями столь бурно, как сейчас, не затрагивалась. Сейчас же развитие социума вызывает изменение в языке на всех его уровнях – сначала в лексике, затем в фонетике и грамматике. Проявляются и складываются эти изменения в употреблении языка – **узусе.** Возникают массовые ошибки относительно кодифицированной нормы, и в этом процессе активно участвуют современные СМИ.

Процессы демократизации и раскрепощения речевых разновидностей, формирование особых видов коммуникации (электронных), «газетные сдвиги» и появление нового общего сленга, как отмечает Д. Лесневска, требует кропотливой работы лингвистов по установлению нормативности новых языковых явлений [2, с. 20]. Наша русистика остро нуждается в сборе репрезентативного корпуса материала для лингвистического описания, которое было бы способно показать преобразующие систему языка процессы, осуществляемые на всех его уровнях, соотношение в нем общелитературной нормы и нового узуса. Рамки строгой нормы становятся узкими для новых условий узуса при стремительном расширении активных тенденций в современном русском языке.

Источники и литература

1. Лаптева О. А. Живые процессы в русском языке / О. А. Лаптева // Мир русского слова. – 2002. – № 3. – С. 32-36.

2. Лесневска Д. Проблемы функционирования русского языка / Д. Лесневска // Русский язык за рубежом. – 2007. – № 6. – С. 18-20.

3. Сиротинина О. Б. Язык СМИ: языковой эталон и речевая реальность / О. Б. Сиротинина // Мир русского слова. – 2004. – № 2. – С. 75-78.

УДК 81’42 **Скоромолова Ю. В.**

СПОСОБЫ ФОРМАНТИЗАЦИИ КОМПОНЕНТОВ СИТУАТИВНОЙ СИНТАГМЕМЫ НА ЭТАПЕ ЯЗЫКОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТЕМЫ СИТУАТИВОСТИ

Рассматриваются аспекты языковой объективации категории ситуативности на этапе экспликации семантических признаков посредством языковых формантов. Приводятся основные классы ситуативных лингвем в зависимости от приоритетного семантического признака в составе ситуативной синтагмемы, а также способы грамматикализации концептемы ситуативности. Исследование базируется на теории морфотемного анализа.
Ключевые слова: концепт, семантические категории, ситуативная синтагмема.

Розглядаються аспекти мовного об'єктивування категорії ситуативності на етапі експлікації семантичних ознак за допомогою мовних формантів. Наводяться основні класи ситуативних лингвем залежно від пріоритетної семантичної ознаки у складі ситуативної синтагмемы, а також способи граматикалізації концептеми ситуативності. Дослідження базується на теорії морфотемного аналізу.
Ключові слова: концепт, семантичні категорії, ситуативна синтагмема.

The author examines some aspects of objectifying the situational category, namely the process of explicating semantic notions with the help of language means. Basic classes of situation names are listed in this article depending on the main semantic notions as part of situational syntagmeme, together with grammatical ways of explicating the «situation» concept. The research is based on the theory of the morphothemic analysis.
Key words: concept, semantic categories, situational syntagmeme.

Переход исторически сложившейся, понятийной категории в языковую категорию – это уровень оязыковления мыслительных понятий, уровень воплощения понятий в виде значений в языковых формах и категориях. Здесь язык выступает как относительно сформировавшаяся на данный момент времени лингвистическая система, основной функцией которой является явное или скрытое воплощение референциальной и реляционной реальной и гипотетической действительности, представленной в виде понятийных образов в концептуальном сознании [4, с. 120]. В теории морфотемного анализа, разработанного Фефиловым Александром Ивановичем, данный уровень был назван уровнем языковой объективации [4; 5 и др.].

Языковая объективация мыслительных понятий происходит поэтапно. На первом – этапе семантизации – концептема (элементы мыслительного понятия или комплекс мыслительных понятий) получает языковой семантический статус и трансформируется в синтагмему, организующую признаки этого понятия в глубинную линейную синтагмообразную структуру. Как было выявлено в ходе исследования, в концептему ситуативности входят понятия события, явления, факта, состояния, действия, процесса, поступка, а также в зависимости от субъективного прочтения – актанты свойства и качества, однако наиболее частотным актуализированным актантом выступает актант действия.

На втором уровне объективации – формантизации, происходит экстериоризация интериоризированных компонентов мыслительных понятий через лексикализацию и грамматикализацию синтагмемы. Синтагмема акустемизируется, т. е. закрепляется за соответствующим звуковым образом, в результате чего образуется двустороннее акустемно-синтагмемное единство, которое, пользуясь терминологией морфотемного анализа, можно определить как морфотему языковой единицы. [5, с. 50-57]

Таким образом, переход мыслительного содержания в языковое можно представить в виде поэтапного процесса: сначала мыслительные понятия получают статус семантических признаков, затем эксплицируются в большей или меньшей степени посредством языковых формантов разных уровней.

В процессе лексикализации языковая единица с компонентом ситуативности в значении приобретает свой лексемный или номинативный статус, проходя через следующие этапы:

1. **Категориально-семантический (КСП)**, базовый уровень лексикализации, на котором формантизируется синтагмемный компонент, выдвигающийся в исходную позицию и получающий семантический приоритет. Категориально-семантический признак является основным каналом, по которому обьективируются синтагмемные признаки концептемы ситуативности. Именно категориально-семантическому признаку принадлежит роль организующего начала, который определяет ситуативный статус слова. В концепции морфотемного анализа различают следующие категориальные признаки: 1) реляциональность (РЕЛ) и ее функциональные разновидности – акциональность (Акц), трансмотивность (Транс), экзистенциальность (Экз), локутивность (Локут), ментальность (Мент), 2) субстанциальность (СУБ) и ее типы – субъектность (Субъ), объектность (Объ), меротивность (Мер) и др., 3) квалитативность (КВАЛ), 4) темпоральность (ТЕМП), 5) локальность (ЛОК), 6) квантитативность (КВАН). В ходе анализа были выявлены следующие классы ситуативных лингвем в зависимости от приоритетных признаков обьективируемых через категориально-семантический признак:

1. Класс акциональных лингвем:

1.1. акциональные лингвемы – **КСП_РЕЛ_Акц** – ср. *возня, гром, запах, любовь, радость, ситуация, судьба, танец, удар, факт;*

1.2. акционально-квалитативные лингвемы – **КСП_РЕЛ_Акц-КВАЛ** – ср. *катастрофа, метель, мороз, музыка, огонь, роман, смерть, трюк;*

1.3. акционально-локальные – **КСП_РЕЛ_Акц-ЛОК** – ср. обстановка*, положение, разлука*;

1.4. акционально-темпоральные лингвемы – **КСП_РЕЛ_Акц-ТЕМП** – ср. *история*;

2. Класс экзистенциальных лингвем:

2.1. экзистенциальные лингвемы – **КСП_РЕЛ_Экз** – ср. *жизнь, событие*;

3. Класс локутивных лингвем:

3.1. локутивные лингвемы – **КСП_РЕЛ_Локут** – ср. *крик, рев, слово*;

3.2. Локутивно-квалитативные лингвемы – **КСП_РЕЛ_Локут-КВАЛ** – ср. *голос*;

4. Класс трансмотивных лингвем:

4.1. трансмотивные лингвемы – **КСП_РЕЛ_Транс** – ср. *движение, прогулка*;

4.2. трансмотивно-локальные лингвемы – **КСП_РЕЛ_Транс-ЛОК** – ср. *затор, путь*;

5. Класс ментальных лингвем:

5.1. ментальные лингвемы **– КСП_РЕЛ_Мент** – ср. *вера, мечта, решение;*

6. Класс квалитативных лингвем:

6.1. квалитативно-реляциональные лингвемы – **КСП_КВАЛ-РЕЛ** – ср. *глупость, нежность, свет, темнота, чудо;*

7. Класс дейктических лингвем – **КСП_СУБ-РЕЛ** – ср. *это, все, что-нибудь*.

2. **Номинационно-семантический (НСП)** уровень, на котором формантизируется признак, закрепленный за корнем базового имени. Номинационно-семантический признак сливается с номинативной оболочкой форманта, но, как правило, не полностью дублирует соответствующий синтагмемный компонент, являясь вторичным по отношению к категориально-семантическому признаку.

Следующие примеры иллюстрируют влияние номинационно-семантических признаков на формирование ситуативных лингвем.

НСП_РЕЛ_Акц *«делать»* → КСП_РЕЛ_Акц *«дело»,*
«тормозить» → КСП_РЕЛ_Акц-ЛОК *«затор»*;
НСП_РЕЛ_Локут *«рассказывать»* → КСП_РЕЛ_Локут «*рассказ»,*
«отвечать» → КСП_КВАЛ-РЕЛ *«ответственность»*,
НСП_РЕЛ_Транс *«двигаться»* → КСП_РЕЛ_Акц *«движение»,*
«двигаться» → КСП_КВАЛ-РЕЛ *«неподвижность»*;
НСП_РЕЛ_Мент *«мечта»* → КСП_РЕЛ_Мент *«мечтать»;*
НСП_КВАЛ *«легкий»* → КСП_РЕЛ_Акц-КВАЛ *«облегчение»,*
«сильный» → КСП_КВАЛ_РЕЛ *«сила»;*
НСП_ТЕМП *«вечер»* → КСП_РЕЛ_Акц *«вечеринка»*;
НСП_КВАН *«один»* → КСП_КВАЛ-РЕЛ *«одиночество».*

3. **Детерминативно-семантический (ДСП)** уровень, на котором формантизируется некий сопряженный признак, представляющий собой дискретное имя в контактной или дистантной позиции к основной номинативной единице и выступающий в роли определения, дополнения или обстоятельства. Данный признак фиксирует какую-то логико-категориальную разновидность объективируемого понятия.

Детерминативно-семантический признак проявляется в ситуативных лингвемах, представляющих из себя сложное слово, ср.:

работоспособность = «работать» **ДСП_РЕЛ_Акц** + «способность» НСП_КВАЛ КСП_КВАЛ-РЕЛ
головокружение = «голова» **ДСП_СУБ_Мер** + «кружение» НСП_РЕЛ_Акц-КВАЛ КСП_РЕЛ_Акц,
благоразумие = «благо» **ДСП_КВАЛ** + «разумие» НСП_РЕЛ_Мент КСП_КВАЛ-РЕЛ,
одинообразность = «одно» **ДСП_КВАН** + «образность» НСП_КВАЛ КСП_КВАЛ-РЕЛ.

4. **Ассоциативно-семантический (АСП)** уровень, на котором формантизируются компоненты, закрепленные за целостным наименованием имплицитно. На ассоциативно-семантическом уровне может проявляться любой имплицитный логико-семантический признак, однако присутствие или отсутствие ассоциативно-семантического форманта не влияет на формирование ситуативной лингвемы. Ср.:

стыд – НСП_Акц-КВАЛ «стыдиться» КСП_Акц «стыд» + **АСП_РЕЛ_Акц** «стыдиться своего поступка, поведения»,

мороз – КСП_Акц-КВАЛ «погода с неким качественным признаком» + **АСП_ТЕМП** «зимняя погода»,

роман – КСП_Акц-КВАЛ «любовные отношения» + **АСП_СУБ_Субъ** «отношения между мужчиной и женщиной»,

прогулка – НСП_Транс-КВАЛ «прогуливаться» КСП_Транс «прогулка» + **АСП_ЛОК** «хождение на открытом воздухе»,

попытка – НСП_Акц «пытаться» КСП_Акц «попытка» + **АСП_КВАН_Синг** «однократное действие».

5. **Словообразовательный (СЛП)** уровень, на котором семантическую значимость имеет словообразовательный элемент или словообразовательная структура. К словообразовательным формантам в современном словообразовании относят словообразовательные аффиксы, которые чаще всего являются многозначными и заключают в себе значение более абстрактного порядка, чем значение корневого форманта. «Семантическая неопределенность аффикса снимается в сочетании аффикса с корнем» [5, с. 63], в результате чего логико-семантические показатели получают выход на уровне словообразовательного интралингвистического признака базового имени.

Например, ситуативное значение некоторых имен устанавливается с учетом частеречного значения некоторых аффиксов, которое обьективируется на уровне категорально-семантического признака:

-ение, -ание, яние (значение процессуальности, действия): *движение*, *сомнение*, *поведение*, *страдание*, *упоминание;*

-а, -ка (значение реализации действия): *судьба*, *работа*, *вера*, *улыбка*;

-ия (значение реализации действия и проявления признаков): *ситуация, сенсация;*

-е, -ие (значение существования чего-либо или наличия качества): *счастье*, *событие*, *отсутствие*, *следствие*;

-ость, -ность (значение наличия *качественного признака): глупость, воздушность, мгновенность, ответственность*;

-та (значение наличия качественного признака): *быстрота*, *теплота*;

-ь (значение реализации действия на фоне качественного признака): *любовь*, *жизнь, болезнь, связь.*

В некоторых случаях суффиксы, эксплицирующие признаки процессуальности или проявления качества, поддерживаются приставками, которые добавляют дополнительное к базовому имени значение, ср.:

без– (значение отсутствия качества, действия): *бездействие*, *безмолвие*;

не– (значение негативного качества или его отсутствия): *некрасивость*, *несчастье*.

В процессе грамматикализации происходит наслоение на номинативную, лексически семантизированную форму грамматических признаков, что представляет собой заключительный этап семантической тематизации объективируемых понятий (фрагментов мысли). Эксплицированный ситуативный компонент обнаруживается в следующих группах языковых единиц:

1) в именах существительных комплексной семантики с синтагмемными компонентами событийности, процессуальности, явления, действия и проч. – ср. *история, катастрофа, музыка, обстоятельство, огонь, путь, сенсация, ситуация, событие, смерть, судьба, трюк, факт, и др*. Ср. ***Судьба*** *нас чудом спасла,....* [3, с. 213]; *Получалась настоящая* ***сенсация,****...* [1, с. 65]; *Последняя* ***катастрофа*** *случилась, когда он надевал башмаки: порвалась тесемка* [3, с. 253]. В подобных именах понятие ситуативности приобретает закрепленную форму и адекватно распознается участниками коммуникации.

2) в субстантивированных синтагмемах, причем как в субстантивированных глаголах – ср. *взрыв, вопрос, выполнение, гром, движение, дело, жизнь, звук, крик, мысль, отъезд, открытие, работа, разговор, толчок, удар, шаг, шум, Ср. Нет, эта* ***мысль*** *не бросилась мне первой в голову. [2, с. 258];* ***Смех,*** *наконец, вырвался. [3, с. 280];* так и в субстантивированных прилагательных – ср. *благоразумие, быстрота, воздушность, дружелюбность, нежность, ответственность, однообразность, принудительность, сила, теплота, и др.* Ср. *Отчасти эта* ***вялость*** *происходила от безделья.* [3, с. 40];

3) в указательных и неопределенных местоимениях – ср. *это, все это, что-то, что-нибудь, и др. Ср.* ***Этого*** *совершенно достаточно.* [2, с. 183]; ***Что-нибудь*** *задержало,...* [3, с. 192].

Морфологизация ситуативной синтагмемы происходит в основном как субстантивизация разнообразных логико-семантических понятий. Самостоятельно категория ситуативности объективируется лишь в небольшом количестве абстрактных слов комплексной семантики.

Источники и литература

1. Акунин Б. Левиафан / Б. Акунин. – Екатеринбург, 2006. – 304 с.
2. Куприн А. И. Избранное: Рассказы. Очерки. Роман «Колесо времени» / А. И. Куприн. – Мн.: Высш. школа, 1981. – 302 с.
3. Набоков В. В. Собрание сочинений в четырех томах. Том 1 / В. В. Набоков. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – 415 с.
4. Фефилов А. И. Методологические основы транслятологии / А. И. Фефилов. – Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2003. – 243 с.
5. Фефилов А. И. Морфотемный анализ единиц языка и речи / А. И. Фефилов. – Ульяновск: Изд-во УлГУ, 1997. – 246 с.

УДК 81’373

Слива Т. В.

ПОЗИЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЧЛЕНОВ АСГ «ВЕЧЕР»

Статья посвящена описанию состава и структуры ассоциативно-семантической группы с кауземой *вечер.* Исследование проведено с применением описательного, структурного и функционального методов.

Ключевые слова: ассоциативно-семантическая группа, каузема, рефлексема.

Статтю присвячено опису складу та структури асоціативно-семантичної групи з кауземою *вечер.* Дослідження проведене із застосуванням описового, структурного та функціонального методів.

Ключові слова: асоціативно-семантична група, каузема, рефлексема.

The composition and structure of associative-semantic group with kauzema *вечер* are investigated in the article. Descriptive, structural, and functional methods were used.

Key words: associative-semantic group, kauzema, reflexema.

Изучение языковой картины мира является одним из актуальных направлений в современном языкознании. Одним из путей ее исследования является системный семантический анализ лексики, который позволяет воссоздать систему представлений об окружающем мире, отраженную в языке. Изучению языковой картины мира посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных лингвистов – Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Е. Вежбицкой, Анны А. Зализняк, Е. С. Кубряковой, Е. В. Рахилиной, А. Д. Шмелева, Е. С. Яковлевой и др.

Цель нашего исследования – определить особенности семных взаимодействий членов ассоциативно-семантической группы (АСГ) со словом-вершиной *вечер* (в его темпоральном значении). Члены АСГ (рефлексемы) объединяются вокруг слова-стимула (кауземы) и содержат в качестве ядерных семы, представленные на периферии семантической структуры последней. При этом ядерные семы кауземы в смысловой структуре рефлексем выступают как периферийные [2]. Исходя из этого, наша задача – выявить особенности взаимодействия рефлексем с кауземой, определить элементы значений, наличие которых позволяет включить соответствующие лексемы в состав парадигмы и отнести их той или иной денотативной зоне.

Традиционно слово *вечер* употребляется для определения временного отрезка с 17-18 часов, независимо от реального момента захода солнца. Данное слово является многозначным. Наряду с прямым, собственно темпоральным, значением «1. Часть суток от окончания дня до наступления ночи» [1, с. 123], в толковых словарях представлены значения «2. *чего* и с *опр*. Вечернее общественное собрание, посвященное чему-либо; вечернее представление. 3. (*с опр.*) Встреча друзей, знакомых, близких в вечернее время для общения, развлечения, празднования чего-либо (обычно с угощением)» [там же].

Дефиниционный анализ $ЛСВ_1$ позволяет вычленить в семантической структуре слова *вечер* денотативные признаки ‘часть суток’, ‘после дня’, ‘перед ночью’. Кроме того, пример из «Евгения Онегина», приведенный в БАС-2 (*– Куда? Уж эти мне поэты! – Прощай, Онегин, мне пора. – Я не держу тебя; но где ты свои проводишь вечера?* /Пушкин/ [3, с. 165]), позволяет выделить в семеме прагматический компонент ‘время досуга’. Именно этот семантический признак оказался мотивационно активным на эпидигматическом уровне и обусловил появление $ЛСВ_2$ и $ЛСВ_3$.

В результате компонентного и ремотивационного анализа в семантической структуре слова *вечер* также выделяются квалитативно-темпоральные (‘менее светлая, чем день, часть суток’, ‘более светлая, чем ночь, часть

суток', 'тепла меньше, чем днем', 'тепла больше, чем ночью') и квалитативно-предметные ('состояние природы', 'состояние человека') признаки [4].

Данные ассоциативных словарей свидетельствуют, что с вечером чаще всего ассоциируется другая промежуточная часть суток – утро. В контексте слова *вечер* и *утро* (либо их синтаксические дериваты) могут противопоставляться либо сопоставляться: *Если Булгакова не было видно* ***утром*** *на Невском проспекте, а* ***вечером*** *в балете, то все знали, что он посажен на гауптвахту великим князем* /Панаева/, ***Утро вечера*** *мудренее* /Нар. тв./. Однако чаще всего они используются совместно как словосочетание *с утра до вечера*, которое имеет значение 'целый день': *На другой день после объяснения с сестрой я* ***с утра до вечера*** *работал у Ажониных* /Чехов/. Кроме того, данное словосочетание может выражать значение 'постоянно', 'непрерывно': *Жил Александр Герцович, Еврейский музыкант, – Он Шуберта наверчивал, Как чистый бриллиант. И всласть,* ***с утра до вечера****, Заученную вхруст, Одну сонату вечную Играл он наизусть* /Мандельштам/, *Нездоровы, брат, бывают только дураки да развратники, а ты меня знаешь:* ***с утра до вечера*** *занят, воздержан, ну и здоров* /Л. Толстой/. Словосочетание *с вечера до утра* по аналогии имеет значение 'ночью': *Я* ***с утра до вечера*** *нехитра, доверчива, а* ***с вечера до утра*** *– недоверчива, хитра* /Аронов/.

Лексемы *вечер* и *утро* образуют контрарную оппозицию и противопоставляются названиям основных частей суток – *день* и *ночь*. Периферийные семы 'день' и 'ночь' эксплицированы в словарной дефиниции кауземы (см. определение выше). В нашем сознании зафиксировано, что вечер следует после дня, перед ночью*: После светлого летнего* ***дня*** *наступил ясный и тихий* ***вечер*** /Тургенев/, *Спокойно* ***вечер переходит в ночь*** /Виноградова/. Отметим, что финитное значение чаще всего реализуется с помощью производного от слова *вечер* глагола *вечереть*: *Но* ***день*** *багряный* ***вечерел*** /Пушкин/, *Уж поздно.* ***Вечереет*** *день* /Тютчев/, *Долгий летний* ***день*** *медленно, словно нехотя,* ***вечерел*** /Рыленков/. Вечер также воспринимается как итог *дня* (в значении «*промежуток времени (в пределах календарных суток), характеризуемый чем-л.*» [1, с. 251]), его завершение, пора подведения итогов. Вспомним пословицу: ***Вечер*** *покажет, каков был* ***день***.

Если утро в нашем сознании ассоциируется с началом – это начало дня, начало жизни или какого-либо периода (*Улыбкой ясною природа Сквозь сон встречает* ***утро года*** /Пушкин/), то вечер – это конец, завершение: *Вот и* ***вечер жизни*** /Кедрин/, *Цветная осень –* ***вечер года*** *– Мне улыбается светло* /Маршак/.

Несмотря на то, что в толковых словарях части суток характеризуются лишь на основе темпоральных признаков, не менее важными для их определения являются квалитативно-темпоральные значения, которые, по сути, характеризуют непосредственно сам период времени, обозначенный соответствующей лексемой. Для слова *вечер* таковыми являются 'степень освещенности' и 'температура воздуха'.

Вечер и ночь традиционно считаются темной частью суток, поэтому чаще всего с вечером ассоциируются лексемы, содержащие в своей семантической структуре сему 'темный' ('темно') – *темнота, тьма, мрак, полумрак* и др.: *Вчера* ***вечером****, под покровом* ***темноты****, она переправилась на лодке через Дунай* /Акунин/, *Под свинец, наползающий к* ***вечеру*** ***мраком****, будет много еще мне отпущено в жизни грехов* /Блок/, *Помню – долгий зимний* ***вечер****,* ***Полумрак*** *и тишина* /Бунин/. Данные лексемы образуют отдельную денотативную зону, хотя некоторые из них (*темнота, мрак* и др.) являются полиассоциативными, поскольку также входят в состав АСГ с кауземой *ночь: Пришли и стали* ***тени ночи*** *На страже у моих дверей! Помедли,* ***ночь****! Густою* ***тьмою*** *Покрой волшебный мир любви!* /Полонский/.

К этой же денотативной зоне следует отнести и слово *сумерки,* характеризующее напрямую вечернюю часть суток, но имеющее больший семантический объем, нежели перечисленные выше рефлексемы: «1. Полумрак перед заходом солнца и наступлением ночи, а также перед восходом солнца» [1, с. 1289]. Ассоциативно-семантическая связь рефлексемы с кауземой подтверждается многочисленными примерами: *А там и дружный смех, и песни* ***вечерком****, <…> И дева* ***в сумерки*** *выходит на крыльцо* /Пушкин/, *Печален долгий* ***вечер*** *в октябре! Любил я осень позднюю в России. Любил лесок багряный на горе, Простор полей и* ***сумерки*** *глухие* /Бунин/.

В «Историко-этимологическом словаре русского языка» П. Я. Черных слово *вечер* определяется как «часть суток, предшествующая ночи» и как «время заката солнца» [5, с. 148]. Очевидна значимость в семантике слова *вечер* семы 'закат', которая, видимо, должна быть эксплицирована в словарных дефинициях, тем более что при определении, например, лексемы *утро* БТС фиксирует подобный квалитативный признак: «1. Часть суток от окончания ночи до наступления дня; время восхода солнца» [1, с. 1407].

Данные ассоциативных экспериментов убедительно свидетельствуют об ассоциативной связи лексем *вечер* и *закат.* А текстоцентрический и ремотивационный анализы позволяют выделить сему 'закат' на периферии семантической структуры кауземы, поскольку *закат* происходит именно в вечернее время: *Так двигался он до* ***вечера****. Когда солнце, заходившее где-то за спиной Алексея, бросило холодное пламя* ***заката*** *на верхушки сосен и в лесу стали сгущаться серые сумерки* /Полевой/, *Уже* ***вечереет****. Солнце перед самым* ***закатом*** *вышло из-за серых туч, покрывающих небо* /Салтыков-Щедрин/.

К этой же денотативной зоне, учитывая время появления, можно отнести и слово *заря* («1. Яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца… || Время появления такого освещения» [1, с. 343]. Поскольку в русском слове *заря* актуален именно признак 'свет', оно может употребляться для обозначения света в любое «пограничное» время суток При этом в языке поэзии довольно часто встречается слово *заря* и в отношении вечера: *Что за* ***вечер****! А ручей Так и рвется. Как* ***зарей****-то соловей раздается!* /Фет/; *Наступил ясный и тихий* ***вечер****:* ***заря*** *пылала* /Тургенев/, *Это читает* ***вечер*** *красную книгу* ***зари*** /Щипачев/.

Уменьшение степени освещенности является одним из основных квалитативных признаков вечера, то есть «по-настоящему» вечер наступает только с заходом солнца: *За спором не заметили, как* ***село солнце*** *красное, как* ***вечер наступил*** /Некрасов/. Отсутствие света либо недостаточное его количество вызывает необходимость искусственного освещения. Поэтому в АСГ с кауземой *вечер* представлен ряд слов с ядерной семой 'свет', которые включены в состав парадигмы на основе антонимических отношений: «вечером темно, поэтому требуется искусственное освещение». Они могут быть отнесены к двум денотативным зонам. Первую образует лексема *огонь* («3. Свет от осветительных приборов» [1, с. 698]): ***Вечером*** *я ложусь на подоконник и смотрю на* ***огни*** *домов и темные силуэты башен* /Цветаева/. Вторую – названия осветительных приборов (*свеча, фонарь, лампа, лампада* и т. п.): *Проходит день, и* ***вечер****, наступая, Зажег везде* ***лампады*** *и* ***свечи*** /Пушкин/, *Зажигались* ***фонари****, тепло освещались окна магазинов, чернели фигуры идущих по тротуарам,* ***вечер*** *синел, как синька, в городе становилось*

сладко, уютно /Бунин/, *Лесной прохладой полон* ***вечер****, Затихла в озере вода. Зажгите на веранде* ***свечи****, Как покойно здесь, господа»* /Розенбаум/, *Зимний* ***вечер лампу*** *жжет, день от ночи стережет* /Бродский/, *Сейчас* ***вечер****, я зажгла* ***свечу*** *и вот пишу вам* /Каверин/.

В вечернее и ночное время на небе становятся видны звезды и Луна. Мы включаем рефлексемы *звезда* и *луна* в состав анализируемой АСГ, поскольку на периферии их семантической структуры представлен семантический признак ’период видимости на небосклоне’, который может быть реализован в том числе и семой ’вечер’: ***Вечер*** *был тихий и темный, с большими спокойными* ***звездами*** *на небе и в спящей воде залива* /Л. Толстой/, *Росистый* ***вечер*** *дышал упоительной прохладой.* ***Луна*** *подымалась из-за темных вершин* /Лермонтов/.

Посредством сем ’менее теплый, чем день’ / ’более теплый, чем ночь’ в состав АСГ входит лексема *прохлада* – «Умеренный холод, приятная свежесть воздуха» [1, с. 1037]: *Росистый* ***вечер*** *дышал упоительной* ***прохладой*** /Лермонтов/, *Тогда узнав, что день назад отозван И* ***вечер*** *машет паспортом посла,* ***Прохлада*** *распускается, как розан, И отдых пахнет маслом ремесла* /Пастернак/.

Температурой воздуха во многом обусловлены и другие метеорологические показатели, например, вид осадков. Так, в утреннее и вечернее время вследствие более низкой, чем днем температуры воздуха, появляется *роса* – «Водяные капли, осаждающиеся из влажного воздуха на поверхность растений, почвы и различных предметов при их охлаждении в вечерние, ночные и ранние утренние часы» [1, с. 1127]. Эксплицированная в дефиниции сема ’вечер’ позволяет включить лексему *роса* в состав АСГ. Ее семантическая связь с кауземой подтверждается следующими примерами: *Вот уж* ***вечер****.* ***Роса*** *блестит на крапиве* /Есенин/, *Когда* ***росой*** *обрызганный душистой, Румяным* ***вечером*** *иль утра в час златой, Из-под куста мне ландыш серебристый приветливо кивает головой* /Лермонтов/, *Он [Нехлюдов], острекав руки крапивой и омочив их уже павшей* ***под вечер росой****, упал, но тотчас же, смеясь над собой, справился и выбежал на чистое место* /Л. Толстой/.

Любой отрезок времени предполагает «заполненность» его теми или иными событиями. Для вечера такими событиями являются вечерний прием пищи – *ужин* («1. Вечерняя еда, последний приём пищи перед ночным сном» [1, с. 1377]), *вечеря* (*Устар.* Вечерний приём пищи; ужин [1, с. 123]), а также *вече́рня* – «Одна из церковных служб у православных христиан, совершаемая вечером [3, с. 166]: *Наверно,* ***вечер****. Скоро* ***ужин*** /Пастернак/, *Уже козаки окончили свою* ***вечерю****,* ***вечер*** *давно потухнул* /Гоголь/, *Но каждое утро – Литургия с огромным – в сотни голосов – хором, а каждый* ***вечер*** *–* ***вечерня****, и все время, несмотря на отель и на суету, чувство Церкви* /Из газеты/.

К этой же денотативной зоне следует отнести $ЛСВ_2$ и $ЛСВ_3$ лексемы *вечер* (см. определение выше), $ЛСВ_3$ лексемы *ужин* («3. Вечерний приём гостей с угощением» [1, с. 1377], *бал* – «Большой праздничный вечер с танцами» [1, с. 56] и др.: ***Ввечеру****, когда после* ***ужина*** *стали расходиться, Анатоль поцеловал руку княжны* /Л. Толстой/, *Лермонтов уже не стремился являться на* ***балах****, а проводил* ***вечера*** *у Карамзиных, где обыкновенно теперь видел Наталью Николаевну Пушкину, которую здесь все привечали, хотя она мало принимала участия в разговорах на литературные темы* /Киле/. Периферийная сема ’вечер’ как репрезентант признака ’время проведения’ не только представлена в семантической структуре всех этих рефлексем, но и эксплицирована в их дефинициях.

Отдельные денотативные зоны образуют лексемы *вечерка* – «1. *Разг.* О газете, выходящей в конце дня, вечером, и имеющей в своем названии слово «вечерний»» (***Вечером****, когда я шел в Дом пионеров, у газетных киосков стояли длинные очереди за «****Вечеркой****»* /Баруздин/) [3, с. 165] и *вечерник* – «*Разг.* Учащийся вечернего отделения учебного заведения» [3, с. 166] (*Днем это дневная школа,* ***вечером*** *в нескольких классах занимаются* ***вечерники*** /Семин/).

Квалитативно-предметный признак ‘состояние природы’ в лексеме *вечер* может быть реализован антонимичными семами ‘период покоя’ и ‘период активности’. Вечер является периодом ослабления жизнедеятельности для большинства представителей растительного и животного мира. Однако среди представителей флоры и фауны есть такие, для которых вечер является периодом активизации жизнедеятельности. Обозначающие их лексемы образуют отдельную денотативную зону. Ядерную позицию в пределах данной зоны занимает лексема *вечерница* – «1. Растение сем. крестоцветных, цветки которого вечером приятно пахнут» [там же]. В данном слове сема ‘вечер’ эксплицирована не только в дефиниции, но и в корне.

Таким образом, рефлексемы слова *вечер* образуют одиннадцать денотативных зон, соотносясь с кауземой посредством семантических признаков ‘часть суток’, ‘степень освещенности’, ‘температурный режим’, ‘состояние природы’, ‘деятельность человека’ и др. Несмотря на то, что рассматриваемая нами семема, согласно словарной дефиниции, имеет темпоральное значение, большинство рефлексем связаны с ней посредством квалитативно-темпоральных признаков. Несколько реже в качестве интегральных выступают квалитативно-предметные признаки.

Перспективу исследования составляет описание АСГ с кауземами *ночь* и *день,* обозначающими основные части суток.

Источники и литература

1. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов [и др.] – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.

2. Слива Т. В. Ассоциативно-семантическая группа как форма парадигматической организации лексики (на материале названий сезонов в русском языке) / Т. В. Слива. – К., 2011. – 272 с.

3. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / К. С. Горбачевич [и др.]. – М.: Рус. яз., 1991. – Т. 2: В. – 1991. – 960 с.

4. Яременко Т. Г. Русский глагол с эксплицированным компонентом времени: деривационная история и перспектива: дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Русский язык» / Т. Г. Яременко. – К., 2010. – 220 с.

5. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка / П. Я. Черных. – М.: Рус. яз., 1994. – Т. 1: а – пантомима. 1994. – 623 с.

УДК 81'373 **Соколов В. В.**

БІОТЕХНОЛОГІЇ У МЕДИЦИНІ ЯК ФАКТОР ПОПОВНЕННЯ ІННОВАЦІЙНОГО ФОНДУ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ СФЕРИ МЕДИЦИНИ Й ОХОРОНИ ЗДОРОВ'Я

В статье рассматриваются изменения в лексико-фразеологическом депозитарии современного английского языка, связанные с развитием биотехнологий в медицине. Выделены основные лексико-семантические группы, влияющие на такие изменения. Рассмотрены новые направления в медицинской науке, связанные с биотехнологиями, новыми лекарственными средствами и изобретениями.
Ключевые слова: биотехнологии, медицина, английский язык, неологизм.

В статті розглядаються зміни у лексико-фразеологічному депозитарії сучасної англійської мови, пов'язані з розвитком біотехнологій у медицині. Виділено головні лексико-семантичні групи, що впливають на такі зміни. Розглянуто нові напрями у медичній науці, пов'язані з біотехнологіями, новими лікарськими засобами і винаходами.
Ключові слова: біотехнології, медицина, англійська мова, неологізм.

The article presents the analysis of changes in the lexical and phraseological depositary of the English language, related to the development of biotechnology in medicine. The author identifies key lexical-semantic group which influence such changes. New trends in medicine, related to biotechnology, new medicinal products and innovations are reviewed.
Key words: biotechnology, medicine, English language, neologism.

Сучасна англійська мова сфери медицини і охорони здоров'я продовжує привертати увагу дослідників завдяки численним змінам, що супроводжують цю сферу у XXI столітті і впливають на розвиток лексико-фразеологічного фонду англійської мови [1; 2; 3]. Автором цієї статті вже опубліковані висновки власних наукових досліджень щодо окремих соціофункціональних факторів впливу на англійську мову змін у позамовному медичному середовищі. Ця публікація є продовженням нашого дослідження медичних новотворів сучасної англійської мови у аспекті впливу біотехнологій на розвиток сучасної англійської мови.

Метою дослідження є встановлення взаємовідношення розвитку медичних біотехнологій із новими мовними одиницями, що відбивають такі зміни. Виходячи з поставленої мети, вважаємо за потрібне окреслити наступні *завдання* в рамках цієї статті: ідентифікувати головні екстралінгвальні чинники впливу на зміни у тій частині лексико-фразеологічного депозитарію англійської мови, що стосується розвитку біотехнологій, виявити причинно-наслідкові зв'язки таких змін і встановити функціональні особливості мовної адаптації нових біотехнологічних явищ.

Одним з новітніх факторів, що впливають на збагачення сучасної англійської мови новими одиницями, є прогрес у розвитку біотехнологій і, зокрема, у тій її частині що безпосередньо стосується медицини й охорони здоров'я. З кінця 70-х років виникла ціла біотехнологічна індустрія (*biotech industry*) [4]. Компанії розробники нових діагностичних приладів і ліків об'єднуються в кластери на кшталт Силіконової долини (*Medicon Valley* у Європі). Власні назви найбільших компаній біотехнологічного сектору стають частиною мови і вживаються поряд з іншими новотворами: *Amgen, Biogen Idec, Cephalon, CSL, Genentech, Genzyme, Gilead Sciences, MedImmune, Serono, UCB* і т. д.:

Valeant launched its failed hostile bid for ***Cephalon*** *in late March after being rebuffed by the target's board and management* (The Globe and Mail, 24 May, 2011).

З'являються нові напрямки медичних розробок у сфері біотехнологій: *pharmacogenomics* «фармакогеноміка, наука, яка досліджує особливості впливу ліків на «генетичні варіанти» людей»; *epigenomics* «епігеноміка, наука, яка досліджує можливості зміни ДНК і відповідні наслідки»; *proteomics* «протеоміка, наука, що вивчає форми, функції і взаємодію протеїнів у біологічному середовищі»; *genetic testing* «генетичне тестування»; *gene therapy, genetic therapy* «гемотерапія»; *genetic engineering, gene transplantation, genetic enhancement* «напрямки генної інженерії»; *therapeutic cloning, reproductive cloning* – різновиди клонування. Вчені говорять про молекулярну діагностику (*molecular diagnostics*) як засіб дослідження причини хвороби:

The diagnosis of PRV is now made based on the 2008 World Health Organization (WHO) criteria, which integrate ***molecular diagnostics*** *into evaluation and screening* (Journal of the Academy of Physician Assistants, 30 May, 2011).

З'являються нові терміни на позначення напрямів застосування біотехнологічних розробок. Так, з 80-х років XX століття на позначення використання комп'ютерних технологій у аналізі і організації біологічних даних у швидкий спосіб з'являється термін *bioinformatics* [7]. Головні напрями розвитку біотехнології отримують вербальну репрезентацію за допомогою кольорової компоненти: ***blue*** *biotechnology* «застосування біотехнологій у воді», ***green*** *biotechnology* «застосування біотехнологій у сільському господарстві», ***red*** *biotechnology* «застосування біотехнологій у медицині», ***white*** *biotechnology* «застосування біотехнологій у промисловості». Принцип використання кольорової компоненти є асоціативним і відповідає сучасному стану картинування дійсності. У цьому випадку простежується активність механізму концептуальної метонімії за принципом COLOR FOR OBJECT.

Поява фармакогеноміки та її розвиток дали можливість казати про виникнення цільового підходу до створення фармацевтичних препаратів. Ліки, які будуть застосовувати специфічні протеїни, ензими і РНК-молекули, пов'язані з конкретним захворюванням, для більш вдалого їх лікування, отримали мовну номінацію *tailor-made drugs* [5]. Прикметник *tailor-made* із значенням «спеціалізований, персоніфікований» прийняв участь у створенні інших фразеологізмів у сфері медичної біотехнології – *tailor-made treatment, tailor treatment, tailor-made diagnosis*. Такий підхід до лікування дозволив вести мову про якісно нову, персоналізовану медицину (*personalized medicine*):

A growing trend in health care, ***personalized medicine*** *focuses on delivering treatment and care that is customized to an individual's needs* (The Globe and Mail, 03 June, 2011).

Словосполука *Human Genome Project (HGP)* виступила номінацією одного з найамбіційніших завдань біотехнологічної науки – проекту міністерства енергетики США з розшифрування геноми людини, що тривав з 1990 до 2003 року. Іншим біотехнологічним проривом стало клонування людини (*human cloning*). Розрізняють репродуктивне клонування (*reproductive cloning, organism cloning*) або клонування людини та терапевтичне клонування (*therapeutic cloning, research cloning*) із метою створення стовбурових клітин (*stem cell*) [6]. Різновидом

клонування є клонування «вручну» (*handmade cloning*) – технологія, згідно якої замість екстракції ядра з клітини з подальшою його заміною використовується порожня клітина, що не має ядра.

Завдяки розвитку біотехнологій можливими стали нові терапії і медичні послуги: *antisense therapy, antisense technology* «використання технології «вимикання» дефектного гену за допомогою синтезу нуклеїнової кислоти», *genetic counseling, genetic screening* «консультація майбутніх батьків з приводу можливих ризиків виникнення генетичних хвороб у дитині», *genetic surgery* «лікування пошкоджених генів», *genography* «геногрaфія, дослідження історії генетичних хвороб у родині», *tissue engineering* «штучне створення шкіри та інших живих тканин шляхом генної інженерії», *molecular fingerprinting* «техніка «молекулярних відбитків», діагностичні аналізи і тести для виявлення захворювань».

Новотвори *polymerase chain reaction (PCR)* «полімеразна ланцюгова реакція» та *DNA chips* «ДНК-мікрочіпи» вербалізують нові складні технології, що використовуються в молекулярній біології для створення та використання нових діагностичних засобів [9]. Завдяки прогресу у молекулярній біології стало можливим створення терапевтичних антитіл з малих молекул (*small molecule conjugates*), що дозволяє таким лікам швидко проникати у хворі клітини.

Фармацевтичні засоби, створені за допомогою біотехнологій, отримали мовні номінації *biopharmaceuticals, bio-technological drugs* або *bio-similar drugs*. Одним з методів створення біофармацевтичних засобів є використання трансгенних (*transgenic*) організмів, тобто рослин і тварин, які змінюють таким чином, щоб вони змогли виробляти ліки (*biomanufacturing, biopharming, pharming, pharmaceuticals, plant-made pharmaceuticals*) [8, с. 202]. Перші такі ліки (*ATryn*) були створені у 2006 року.

Про значну роль протеїнів у біотехнологічних дослідженнях свідчить активність лексеми *protein* у новотворах англійської мови сфери медицини й охорони здоров'я: *therapeutic protein, disease-specific protein, DSPs, metabolic protein, proteomics*. Завдяки своїм діагностичним властивостям протеїни називають біомаркерами (*biomarkers*) і розподіляють на наступні типи: *screening markers, prognostic markers, stratification markers, efficacy markers* [Jain 2010]. Як вважається, аналіз за допомогою біомаркерів (*biomarker analysis*) дозволить швидше діагностувати ракові хвороби і інші комплексні хвороби, на кшталт ревматоїдного артриту. Серед неологізмів англійської мови сфери медицини й охорони здоров'я присутні наступні номінації лікувальних протеїнів: *Chugai, colony stimulating factor, continuous erythropoietin receptor activator (CERA), Epogen, Erythropoietin (EPO), NeoRecormon, Pegasys, rhEPO (recombinant human erythropoetin)*:

Merck said Tuesday it's reached a deal with Roche Holding AG to promote Victrelis pills as part of a new triple combination therapy, with Roche's injected hepatitis C drug ***Pegasys*** *and ribavirin pills* (Business Week, 20 May, 2011).

Англійську мову також поповнили номінації біофармацевтичних засобів: тромболітичних агентів (*activase, alteplase, Rapilysin, tissue plasmogen activator, TPA, PLAT, recombinant tissue plasmogen activator, rtPA*); гормонів (*synthetic human insulin, protropin, Nutropin, Epogen, somatrem, gonadotropin*); інтерферонів (*interferon -α, -β, -γ; Interleukin-2; roferon-A, Actimmune*); терапевтичних ензимів (*therapeutic enzymes*) (*Pulmozyme, dornase alfa*). Велика кількість неологізмів номінують терапевтичні антитіла (*therapeutic antibodies*) – широкий клас ліків, що їх було отримано шляхом біотехнологічної розвідки [Dimitrov 2009]. Цей клас ще називають *bispecific monoclonal antibodies*. Ми зафіксували близька 200 найменувань таких ліків – *abciximab (ReoPro), adalimubab (Humira), alemtuzumab (Campath), rituximab (MabThera/Rituxan)* і т. д. Вони всі утворюються за допомогою акронімічного афіксоїду *-mab* (від ***m****onoclonal* ***a****nti****b****ody*).

Monoclonal antibodies *– these are designed to block a specific target on the outside of cancer cells… Examples include* ***pertuzumab (Omnitarg), alemtuzumab (Campath-1H), panitumumab (Vectibix), bevacizumab, cetuximab (Erbitux), rituximab (Rituxan)****, and* ***trastuzumab*** (Medical News Today, 03 June, 2011).

Біотехнології уможливили створення штучно модифікованого антитіла з певними властивостями ензиму – *abzyme* (від ***a****nti****b****ody+en****zyme***), штучних генів (*artificial genes*), білків (*chemokine, cytokine*), генетично модифікованих ліків (*Hivid, Granocyte*), генетичних тестів (*PCR-based diagnostic test, Amplicor, AmpliChip CYP 450*), комбінації тканини людини і синтетичної тканини (*bioartificial tissue*), біочорнила (*bio-ink*) і біопаперу (*bio-paper*) для «друкування» живих тканин на спеціальному принтері, генетично модифікованих рослин (*transgenic plants, golden rice*) і тварин (*immunocow*), що містять більше корисних для людини вітамінів і підвищують її імунітет.

Зазвичай, в номінаціях біотехнологічних винаходів, що мають медичне застосування, міститься

– назва органу (*artificial lymph nodes* «штучні лімфатичні вузли»; *absorbable heart stent* «стент, що власноруч розчиняється у артерії після виконання терапевтичної функції»; *muscle stimulator* «прилад, що за допомогою електричних стимулів підтримує роботу м'язів під час накладання гіпсу»; *nerve regenerator* «наногель, що регенерує нервову тканину»; *gastrointestinal liner (Endobarrier)* «спеціальна речовина, що покриває перші сімдесят сантиметрів кишечнику і гальмує абсорбцію калорій»; *liver scanner (Fibroscan)* «прилад, що дозволяє досліджувати окремі параметри печінки за допомогою ультразвуку»; *rocket-powered arm* «протез, який працює на водні, що дозволяє досягти нормального функціонування кінцівки на протязі вісімнадцяти годин»;

– хвороби, або того що її викликає (*decay-fighting microbes* «біологічна речовина (торгівельна марка *SMaRT*), що вбиває бактерії, які знищують зуби»; *asthma sensor* «прилад, що за допомогою вмонтованої вуглецевої нанотрубки дозволить розпізнавати наближення приступу астми»; *cancer spit test* «прилад, що аналізує слину на вміст клітин раку ротової порожнини».

В інших випадках номінація біотехнологічного винаходу містить його функціональну спрямованість: *biological pacemaker* «біологічний стимулятор серцевої діяльності, спеціальні стовбурові клітини, що генетично програмують на стимуляцію серцевої діяльності й вводять до серцевого м'язу»; *speech restorer* «прилад, що аналізує сигнали, які поступають від мозку людини до голосових зв'язок, і відтворює ці слова на комп'ютері або стільниковому телефоні»; *smart pill* «пігулка, що містить сенсори які передають інформацію щодо засвоєння медичного препарату людиною»; *portable dialysis* «процедура очищення крові за допомогою портативної штучної нирки»; *walking stimulator* «бігова доріжка, що використовує віртуальну реальність для стимулювання більш швидкого одужання після інсульту».

Таким чином, вже на сучасному етапі біологічні технології у медицині є важливим макросоціальним чинником, що впливає на виникнення новотворів англійської мови сфери медицини й охорони здоров'я і

специфічною мірою відбиває зсуви у способах картинування світу англо-американської дійсності. Зважаючи на потужний потенціал розвинення цієї медичної галузі ми прогнозуємо що в майбутньому вона може бути активним джерелом генерації медичних інновацій англійської мови.

Подальші перспективи дослідження бачимо в деталізації змін у англійській мові, пов'язаних з розвитком біомедицини.

Джерела та література

1. Зацний Ю. Соціолінгвальні і лінгвокогнітивні аспекти неологізації англійської мови сфери медицини і охорони здоров'я / Ю. Зацний, В. Соколов // Нова Філологія. – 2010. – № 37. – С. 170-178.

2. Зацний Ю. А. Сучасний англомовний світ і збагачення словникового складу / Ю. А. Зацний – Львів: ПАІС, 2007. – 228 с.

3. Янков А. В. Нова лексика і фразеологія англійської мови сфери медицини і охорони здоров'я (лінгвальні та соціолінгвальні параметри) / А. В. Янков // Нова філологія. – 2009. – № 33. – С. 228-239.

4. Bergeron P. Biotech industry : a global, economic, and financing overview / P. Bergeron, P. Chan. – Hoboken: John Wiley & Sons, 2004. – 362 p.

5. Have H. T. The SAGE handbook of health care ethics / H. T. Have, R. Chadwick, E. M. Meslin. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2011. – 480 p.

6. Levine A. D. Cloning / Aaron D. Levine. – New York: The Rosen Publishing Group, 2009. – 196 p.

7. Mount D. W. Bioinformatics : sequence and genome analysis / D. W. Mount. – New York: CSHL Press, 2004. – 692 p.

8. Murphy D. J. Plant breeding and biotechnology: societal context and the future of agriculture / D. J. Murphy. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 423 p.

9. Shaoguang L. DNA microarray technology and data analysis in cancer research / L. Shaoguang, L. Dongguang. – Hackensack: World Scientific, 2008. – 118 p.

УДК 811.111'42

Сомова М. В.

КОНЦЕПТ «ОФИЦЕР» КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ В.С. ПИКУЛЯ

В статье рассматривается текст художественного произведения как многомерное языковое пространство, в котором воплощается психология автора и реализуется через ключевые концепты индивидуально-лингвистическая картина мира. Объект исследования – исторические романы В.С. Пикуля, недостаточно изученные в аспекте когнитивной лингвистики, что определяет новизну работы, а предметом исследования является концепт «офицер» как один из ключевых концептов в творчестве писателя. В работе используется функционально-семантический метод исследования.

Ключевые слова: индивидуально-лингвистическая картина мира, контекст, концепт, концептосфера.

В статті розглядаться текст художнього твору як багатовимірний мовний простір, в якому втілюється психологія автора і реалізується через ключові концепти індивідуально-лінгвістична картина світу. Об'єкт дослідження – історичні романи В.С. Пікуля, недостатньо вивчені в аспекте когнітівной лінгвістики, що означує новизну роботи, а предметом дослідження є концепт «офіцер» як один з ключових концептів в творчості письменника. В роботі використовується функціонально-семантичний метод дослідження.

Ключові слова: індивідуально-лінгвістична картина світу, контекст, концепт, концептосфера.

The article considers the text a literary work as a many-dimensional linguistic space which personifies the author's psychology as well as materializes the individual linguistic picture of the world through some key concepts.

The object of the research is historical novels by V.S. Pikul which have not yet studied well enough in terms of the cognitive linguistic. This is what defines the novelty of the article. The subject of the study is the concept of 'an officer' as one of the key concepts in the works of the author. The article applies a functional-semantic method of study.

The key words: individual linguistic picture of the world, context, concept, conceptoshere.

Человек, живя в мире и взаимодействуя с ним, складывает свое представление о нем, формируя некую модель, которая в философско-лингвистической литературе именуется картиной мира. Картина мира – целостный, глобальный образ, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с окружающей действительностью. Это одно из фундаментальных понятий, описывающих человеческое бытие.

Картина мира, которую можно назвать знанием о мире, лежит в основе общественного и индивидуального сознания. Поскольку язык служит основным способом формирования и существования знаний человека о мире, то именно в языке запечатлевается и воплощается совокупность этих знаний, представляющих собой то, что в современной лингвистике закрепилось как «языковая картина мира». Язык же – материал и, по определению А. М. Горького, суть «первоэлемент» и художественной литературы. Таким образом, художественный текст, главной особенностью которого является замысел, – это «мир, «изобретённый» автором» [2].

Текст художественного произведения является многомерным языковым пространством, где «воплощается психология автора, реализуется в литературной форме замысел-идея и, наконец, получает своё реальное выражение уникальное явление человеческого сознания – язык, который через свои системно-функциональные, семантико-семиологические, стилевые и иные организации эксплицирует национальную, этническую и индивидуально-лингвистическую концептуальные картины мира» [2].

В этом контексте необходимо понятие «концепт», который является единицей описания картины мира – ментальной единицей, содержащей языковые и культурные знания, представления, оценки. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека [4]. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом. Концепт, по мнению Д.С. Лихачева, появляется в сознании как отклик на языковой опыт в целом [4], «возникает в процессе построения информации об объектах и их свойствах < … >, способствуют обработке субъективного опыта путём подведения информации под определённые выработанные обществом категории и классы», добавляет Е. С. Кубрякова [3]. Таким образом, концепт многомерен. Развивая идею его многомерности, С. Г. Воркачев выделяет три составляющие: понятийную, значимую и образную, причём именно последняя является ключевой при

оценке концепта как понятия духовной ценности с этнокультурной спецификой [1]. То есть концепты мыслятся и переживаются, являясь предметом эмоций, симпатий и антипатий [6], но индивидуального, авторски-неповторимого концепта создать нельзя, он обязательно должен быть воспринят какой-либо аудиторией, найти в ней родственный отклик. Такой аудиторией являются читатели, и литературная коммуникация, то есть в первую очередь художественные тексты, – наиболее гармоничный способ общения, способный через текст создать подлинное братство людей.

У каждого читателя есть «свой» автор, которому он отдаёт предпочтение, читает и перечитывает. Феномен читательской симпатии объясняется тем, ч т о и к а к создаёт писатель, насколько ключевые концепты его мировидения соответствуют мировосприятию читателя, ведь, по определению Д. С. Лихачева, концепт – это «свернутый» текст. То, насколько правильно «разворачивает» этот текст читатель, определяет симпатию к тому или иному автору.

Интерес к родной истории у читательской аудитории всегда был велик, но лишь немногие авторы удовлетворяли его. К ним с полным правом можно отнести В. С. Пикуля, произведения которого по жанру являются хрониками, что предполагает, с одной стороны, панорамный охват описываемых событий, а с другой, – фрагментарность повествования, когда событие или история персонажа словно выхвачены кинокамерой. В одном из интервью писатель говорит, что «история – это инструмент острорежущий» и поэтому исторический романист «силой обстоятельств невольно вовлечен в борьбу», то есть писатель не может быть равнодушен к описываемому, он всегда выносит свой приговор.

Исследование языка художественной литературы само по себе всегда остается актуальной лингвистической проблемой. Ее рассмотрение в аспекте когнитивной лингвистики с использованием концептуального подхода к анализу определяет **актуальность** данного исследования.

История России есть история войн. Профессиональный военный – главное действующее лицо и самой истории, и исторических хроник В.С. Пикуля о России XIX – начала XX веков, когда слово «офицер» было синонимом человека чести, долга, верности, на которого смотрели с надеждой и уважением.

Целью нашего исследование является концепт «офицер» в художественном пространстве В. С. Пикуля. Языковой материал текстов романов, на базе которого проводится работа, позволяет выявить структуру и место данного концепта в индивидуально-лингвистической картине мира писателя и совокупность его потенций, которую Д. С. Лихачев определяет как концептосферу.

Само понятие «офицер» появилось на русской почве в Петровскую эпоху вместе с преобразованиями царя-реформатора. Слово это, латинское по происхождению, обозначало первоначально «государственный чиновник», в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля трактуется как «общее званье военного, морского, гражданского чиновника, считая от унтер-офицерского до генеральского чина < … >, но обычно офицер говорят о военном».

У В.С. Пикуля главным героем романов почти всегда является офицер, образ этот ключевой, образ-концепт, создающий вокруг себя концептосферу. Традиционно с этим образом связаны понятия чести и достоинства, верности долгу и присяге, любви к Отечеству и стремлению защитить его даже ценой своей жизни. Офицер начинается с чести и знания. Отсюда стремление попасть в Академию Генерального Штаба: «***Офицер, делающий карьеру за счет обретения знаний, должен высоко нести эти знания***. *Если он* ***заглянул в шпаргалку****, значит, он* ***бесчестен****, а* ***без чести нет офицера****! < ... > В любое время дня и ночи, даже не сверяясь со справочниками, русский генштабист мог дать точную справку: какова пропускная способность дорог Швейцарии, каковы баллистические данные французской или немецкой пули, сколько потребно лошадей, чтобы перетащить артиллерию через горные перевалы Испании… < ... > Порядки в Академии были суровы: если надобной книги не было в переводе на русский язык, офицер всё равно обязан её знать, ибо в библиотеке Академии имелись все военные труды на иностранных языках, и потому никакие отговорки в оправдание не принимались…»* («Честь имею»). Здесь отчетливо видно, что концепт «офицер» включает в свою концептосферу концепты «знание» и «честь».

Концепты «честь» и «долг» включаются в концептосферу концепта «офицер» и в следующем тексте: *«тишайший до войны мичман Щепотьев»* не желает *«жертвовать собой, своим здоровьем и своим будущим»* ради спасения Отечества. Это вызывает гнев всех офицеров: *«****Вскормленный на деньги народа, вы не стыдились получать казённое жалованье*** *< ... >, а вот* ***бить врагов вам вдруг почему-то стало неудобно…совесть не позволяет****. < ... >* ***Не будь войны, вы бы спокойно продолжали делать карьеру****…»* («Крейсера»).

Офицер обязан отлично владеть оружием: *«…после войны с бурами англичане на весь мир расхвастались своей меткостью. Тогда слово снайпер вошло в обиход русского языка. Так вот у нас* ***в лейб-гвардии стрелковом батальоне все поголовно были отличными снайперами****»* («Богатство»). Концепт «оружие» здесь передан лексемой «снайпер», которая входит в концептосферу анализируемого концепта.

Профессионал может и должен в одиночку справиться с более сильным противником или с несколькими: *«– Как же вы,* ***старый человек****, справились с тремя здоровыми преступными бугаями? Ипостасьев сказал, что когда-то* ***не страшился в одиночку принять бой с целым взводом противника, но и сейчас у него ещё хватит сил и умения, чтобы расправиться с тремя****»* («Богатство»).

Офицеров готовят для войны, их долг – защищать Родину. Именно на войне офицер может сделать карьеру, но лишь тот достоин этого высокого звания, кто делает её честно в бою, а не в тылу, используя для того свои знания и опыт: *Не скрою, что я тоже* ***мечтал сделать карьеру****, и* ***не вижу в этом ничего постыдного для себя****. Если чиновник служит ради жалованья,* ***военный человек служит ради чести****, и плох тот офицер, который не желает стать генералом…* («Честь имею»). Но офицер обязан сам делать карьеру, не прибегая к протекции, не прячась в тылу во время боевых действий. Обойденный наградой офицер вдвойне чувствует свою обиду, когда однокашник, не участвовавший в боевых действиях, получает награды незаслуженно: «*Почему всем* ***честным людям на войне всегда очень плохо*** *и почему* ***подлецам*** *на войне всегда* ***хорошо****?!»* («Крейсера»).

В русском менталитете концепты «офицер» и «Россия» имеют множество потенций, связывающих их. В контекстах они, как правило, дополняют один другого: *«Он [мичман] был ещё жив…< ... > Панафидин упрямо смотрел в сторону рейда, с которого однажды ушли крейсера, но обратно они не вернулись. Остался лишь один, и* ***он узнал своего флагмана: – «Россия», – прошептали губы, мертвея****. В кармане его мундира нашли выписку из*

*какой-то книги: «**Россия безразлична к жизни человека и к течению времени.** Она **безмолвна.** Она **вечна.** Она **несокрушима…**»* («Крейсера»).

Понятие присяги включает в себя и верность данному слову, что также входит в концепт «офицер»: раз обещали пилоты, что будут *«летать во славу божию на страх врагам советской власти»*, то слово обязаны сдержать, а нет, так *«Ваньку [юнкера Постельникова, пилота-предателя] никто не собьет, кроме меня [капитана Кузякина]… **Я его выучил – я его и угроблю**. Носом в землю. Пик! – и все…»* («Из тупика»). Нарушивший данное слово или клятву не имеет права называться офицером!

Чтобы быть изгнанным из офицерского братства, следует *«**неумеренно пить** < … > **в обществе игроков и дурных женщин**, **манкировать службою**, являясь в свой батальон не в лучшем виде, **городить чепуху и пошлости** < … > **задолжать даже официанту в ресторане**…»* («Честь имею»). Все вышеперечисленное исключается из концепта «офицер».

Интерес представляет тот факт, что в концептосферу исследуемого концепта не входит понятие «дуэль». По мнению автора, на дуэли отнюдь не всегда побеждают честные люди, а значит и спор разрешать с её помощью нелепо: *«При всем моем уважении к вам лично я отказываюсь секундировать вас, ибо **являюсь убеждённым противником дуэлей**, **в которых торжествует не доказательство истины, а лишь случайный каприз выстрела**»* («Крейсера»). Только далёкий от ужасов войны, никогда не видевший смерть в лицо считает *«поединок – делом чести»*, а для боевых офицеров это всего лишь фарс, где *«миллиметр решает жизнь человеческую»* («Крейсера»).

По-настоящему храбрый офицер не станет стрелять в противника на дуэли, но найдёт способ показать своё благородство: выстрелит вверх, или в сторону, или промажет. А выстрел противника встретить с усмешкой или досадой: *«Просто я отказался драться на дуэли. Вернее, я не отказался встать к барьеру, но предупредил противника, что сам **стрелять в него я не буду**…»* («Баязет»).

Тема неправильности дуэли, ее аморальности и анахронизма звучит в двух романах В. С. Пикуля, причём в обоих случаях герои, прошедший ад Цусимы и Баязета, полные надежд на новую жизнь, гибнут на поединке под пулями негодяев и трусов! Писатель подчёркивает, что дуэли, вышедшие в Европе из моды, *«в монархической России были искусственно возрождены, закреплённые **в быту офицерского сословия** особым указом от 18 мая 1894 года. Русское **законодательство продолжало считать дуэли преступлением**, но **было вынуждено оправдывать офицеров**, тем более что отказавшиеся от поединка удалялись в отставку без прошения…»* («Крейсера»).

Концептосфера концепта «офицер» охватывает и концепт «русский воин»: *«– А какова же была причина дуэли? < … > – Просто **я дал пощечину офицеру моего полка, человеку титулованной фамилии**. – Он вас очень оскорбил? – Нет. Совсем нет. – Так что же тогда? – **Он ударил солдата, который был георгиевским кавалером. А солдатам** < … > **кресты дают за пролитую кровь, а не за умение подслужиться**!..»* («Баязет»). Причем автор не делает различия между матросом и солдатом: для истинного офицера они все герои, спасавшие Русь, знаменитые чудо-богатыри.

Концепт «офицер» включает в себя и такое понятие, как «презрение к смерти»: *«…мимо «Суворова» прокатило остов корабля, уже не имевшего ни мачт, ни труб, он шел с сильным креном, его правый борт раскалился докрасна, будто противень, дым из кочегарок вырывался не из труб, а прямо из палубы, будто там, внутри корабля, работали огнедышащие вулканы. А вся носовая часть была вскрыта, словно жалкая консервная банка. Но он все-таки шел. Он все-таки стрелял! < … > Но не это **поразило Коковцева – другое**! **На мостике броненосца, в очень спокойных позах, как дачники на веранде, стояли, облокотясь о поручни, офицеры и мирно беседовали, а вокруг них все рушилось, все погибало в пламени. – Гвардия**, – произнес Коковцев. – Помогай им бог…»* («Три возраста Окини-сан»).

В концепт «офицер» обязательно входит понятие «уважение к женщине»: матери, сестре, возлюбленной…пусть даже гражданке враждующего государства: *«Броненосец» приблизился и оказался обычным пассажирским пароходом <…> По променад-деку гуляли нарядные японки под зонтиками, из кругляшей иллюминаторов высовывались головенки японской детворы. <…> Иессен досмотрел эту идиллию до конца: – **С женщинами и детьми русский флот не воюет**… Крейсера прощально взвыли сиренами и стали отходить от парохода, никак не нарушая его пассажирского расписания. При этом **японские женщины слали воздушные поцелуи**, **а русские моряки махали японкам руками, желая доброго пути**…»* («Крейсера»).

Таким образом, проанализировав концепт «офицер» в индивидуально-лингвистической картине мира В. С. Пикуля, мы пришли к выводу, что этот концепт – один из ключевых в художественном пространстве писателя (в общей сложности встречается в текстах более 900 раз), его концептосферу составляют такие концепты, как «честь», «долг», «знание», «Россия», «русский воин», «оружие». Близки концепту «офицер» понятия «присяга», «презрение к смерти», «уважение к женщине», «патриот». В концептосферу концепта «офицер» у В. С. Пикуля не входит концепт «дуэль».

Проведенный анализ концепта «офицер» открывает перспективы в изучении концептов и концептосфер в индивидуально-лингвистической картине мира В. С. Пикуля, чье творчество с этой точки зрения не подвергалось исследованию.

Источники и литература

1. Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение / С. Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 17, выпуск 2. – Краснодар, 2003. – 284 с.

2. Диброва Е. И. Психофилологическая параметризация тектса / Е. И. Диброва // Художественный текст: Структура. Содержание. Смысл: избранные работы. – Т. 1. – М.: ТВТ Дивизион, 2008. – 429 с.

3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М., 1996. – 234 с.

4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. Антология. – М., 1997. – 325 с.

5. Пикуль В. С. Избранные романы / В. С. Пикуль. – М.: Современник, 1993. – 546 с.

6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – 186 с.

УДК 811.111’38:070 **Станко Д. В.**

ЕМОЦІЙНІСТЬ ПОЛІТИЧНОГО ДИСКУРСУ СУЧАСНОЇ АНГЛОМОВНОЇ ПРЕСИ

В статье рассматривается эмоциональность как один из приемов коммуникативного влияния. Исследование языковых средств выражения эмоциональности проводится на материале современной англоязычной прессы с учетом ключевых задач когнитивной лингвистики.
Ключевые слова: образы, эмоции, ритм, тональность.

У статті розглядається емоційність у політичному дискурсі як один із прийомів комунікативного впливу. Дослідження мовних засобів вираження емоційності проводиться на матеріалі сучасної англомовної преси з урахуванням ключових завдань когнітивної лінгвістики.
Ключові слова: образи, емоції, ритм, тональність.

The article deals with emotionality as one of the methods of communicative influence. The research of linguistic means of emotionality expression is done on the basis of modern English press taking into account key tasks of cognitive linguistics.
Key words: images, emotions, rhythm, tonality.

Сучасні вітчизняні та зарубіжні лінгвістичні праці спрямовані на висвітлення взаємозв’язку понять мова – культура – етнос. Мовознавців цікавить людина у внутрішніх і зовнішніх проявах, тобто її характер, психіка, свідомість, поведінка, діяльність тощо. І оскільки мова є одним з важливих способів прояву емоційно-вольових та когнітивних процесів, то встановлення закономірностей вибору засобів вираження емоцій мовцем набуває особливого значення у дискурсивних дослідженнях. Ю. Габермас, Т. ван Дейк, М. Фуко та М. Гайдегер як автори класичних праць висвітлюють ключові проблеми дискурсу. Екстралінгвістичні характеристики, а також механізми та технології впливу політика на адресата з метою маніпулювання його свідомістю, адже політичний дискурс є найвпливовішим явищем у сучасній політичній комунікації, знаходять своє відображення в працях Дж. Сейдела, М. Гейса, Є. Шейгала, Г. Почепцова, В. Павлуцької, А. Чудінова та інших.

Актуальність дослідження полягає у необхідності вивчення форм презентації емоцій у політичному тексті з урахуванням мовних технологій впливу на адресата.

Метою статті є виявлення мовних засобів вираження емоційності у політичних текстах сучасної англомовної преси та інтерпретація отриманих результатів з позицій прагматики. Мета дослідження конкретизується у наступних завданнях:

– простежити особливості репрезентації емоційності у політичному дискурсі;

– встановити прагматичні фактори, які впливають на вибір засобів експресії емоцій.

Вербальні прояви емоційності у політичному дискурсі постають **об’єктом дослідження**. **Предметом аналізу** є мовні засоби вираження емоцій. Ілюстративним матеріалом слугують виступи, промови політиків і/або тексти інтерв’ю на політичну тематику у сучасній англомовній пресі.

Апелюючи до емоцій та естетичних почуттів адресата політики можуть маніпулювати думкою як особи, так і народу. Переконання відбувається через «емоційне зараження», що реалізується у політичному дискурсі за допомогою певних комунікативних прийомів, тобто практичних способів здійснення конкретного наміру мовця.

Для реалізації комунікативного впливу широко використовуються стилістичні прийоми, які спрямовані на створення яскравих образів у свідомості реципієнтів. Ці образи емоційно забарвлені та мають сильний сугестивний вплив,що ґрунтується на асоціації між образом і релевантною для нього потребою або мотивованою настановою [9, с. 10].

Як один із ефективних стилістичних прийомів, який використовується у політичних текстах, постає метафора. ЇЇ здатність репрезентуватися у свідомості реципієнта, реалізуючи функцію емоційно-образного впливу, відзначають Дж. Лакофф, М. Джонсон, Т. Белт, А. Баранов, Ю. Караулов, І. Кобозева, Е. Опаріна та інші [6, с. 236; 3; 8; 11; 1]. Як правило, метафора викликаючи яскраві образи та символи, що є усталеними у соціумі, відіграє роль подразника уваги, наприклад, *But Stop the War vice-chairman Chris Ninham said that Ms May was «massively muddying the wates» by attempting to link the anti-war movement with terrorism (The Morning Star. 07/06/2011), "You keep putting words into my mouth, Mr. Jay," he said mid-day though when he seemed annoyed by repeated questions about whether he influenced Blair (The Hollywood Reporter. 25/04/2012).*

Дослідники НЛП, розглядаючи метафору як ефективний засіб впливу, вказують на її здатність розгортатися також в історіях-метафорах або розповідях-алегоріях [13, с. 24]. У процесах рефреймінгу вони рекомендують використовувати метафори-алегорії двох видів. Перший базується на ізоморфізмі проблемної ситуації та метафори. Цю техніку нерідко вживають для реалізації впливу у політичних текстах та актуалізують у формі промов. Сюжет, який передається мовцем та лежить на поверхні, трансформується за допомогою низки натяків і глибинних асоціацій, активізуючи підсвідомість, та вказує на існування прихованого підтексту, який передає основний смисл. У людини, яка осягнула цей смисл у результаті роздумів, з підсвідомості випливають підготовлені образи, які створюють відчуття особистого долучення до вирішення порушених у тексті проблем.

Другий тип метафор-алегорій базується на формуванні прихованої інструкції дій. Обов’язковий елемент у цьому випадку – наочність. Наприклад, у висловлюванні *Mr Chavez, who returned from Cuba on May 11 after a round of cancer treatment, denied rumours of worsening health, calling such speculation "psychological warfare" waged by his adversaries. "We're just warming up our engines," he said, vowing to win the vote in a "knockout." (The Morning Star. 12/06/2012)* адресант відхиляє будь-яку загрозу своєму здоров’ю та політичному іміджу, що слугує закликом жити – боротися – перемагати. Побудовані за таким зразком репліки реципієнт сприймає як інструкцію до зміни власних поглядів на життя, вони викликають повагу і довіру до політика.

У процесі аналізу досліджуваного матеріалу виявлено, що у сучасному політичному дискурсі широко використовуються такі стилістичні фігури, як порівняння: *"They would be happy to stage some kind of provocation to prove that the people are just a herd of animals and the animals are always out of control," he said (The Morning Star. 12/06/2012)*, епітети: *The new strategy amounted to "intellectual McCarthyism" and would actually generate the sense of*

persecution the government was trying to prevent and the overall project was still "missing the point (The Morning Star. 07/06/2011), гіпербола: *Around 50,000 Russian citizens flooded Moscow's boulevards today in the first mass protest against President Vladimir Putin since his inauguration (The Morning Star. 12/06/2012),* інверсія: *... Not only is he an unbelievable actor, but he is one of those rare individuals who is at ease with everybody. He seems to occupy a constant state of grace and uses his extraordinary talents on behalf of something truly important» (The Hollywood Reporter. 10/05/2012)* тощо. Завдяки своїй високій емотивно-експресивній зарядженості, образності вони є ефективними засобами маніпулювання свідомістю адресата.

Відзначимо також можливість впливу на реципієнта за допомогою особливостей розташування мовних одиниць у тексті, його ритмічною організацією.

Ще О. Потебня, досліджуючи кореляції між свідомим формуванням звукового образу та схожим процесом, що відбувається на несвідомому рівні, в обох площинах убачав керівну роль людської душі, яка спонукає до відповідності між звуковим вираженням та емоційним станом [10, с. 100].

Використання повторів у політичному дискурсі є цілком природнім, оскільки «завдяки своєму великому емоційно-експресивному потенціалу фігури повтору виступають засобом акцентування уваги слухача, психологізації, смислового та емоційного посилення, ритмічної організованості промови» [2, с. 6]. Використання повторів є ефективним засобом впливу на свідомість, оскільки одна й та ж інформація поступово перестає усвідомлюватися і починає впливати на підсвідомість. Це сприяє асоціативному закріпленню певної інформації в потрібному емоційному контексті. Далі закріплення починає діяти у зворотному напрямку, тобто знову на свідомість. Схема такого впливу має наступний вигляд: інформація – свідомість – підсвідомість – свідомість [5, с. 16].

Повтори наповнюються асоціаціями й набувають особливої психологічної та символічної глибини [7, с. 197], що створює міцну основу для сприйняття навіювання. Це пояснює велику кількість саме лексичних повторів, що застосовуються у політичному дискурсі, серед яких частотою вживання значно вирізняється анафора, як-от: «The Washington Post *can find out what Mitt Romney was doing 50 years ago in high school but they still can't be bothered to find Barack Obama's transcripts at Columbia and Harvard?» Limbaugh asked his estimated 15 million listeners. «They can't find real girlfriends? They have to go with this compressed composite? They're not interested in finding, did Obama pull off any pranks in high school? Where did Obama go to high school?» (The Hollywood Reporter. 10/05/2012).*

Зберігаючи свою однотипність, повтори здатні впливати на людину поза її свідомістю. Згідно з концепціями нейролінгвістичного програмування, персервація є важливим механізмом проникнення у підсвідомість, який має здатність виключати сферу свідомості, переводячи адресата в сферу трансу [4, с. 248].

У висловлюванні *Rick Perry: There are coming to Texas because they know there's still a land of freedom in America, freedom from over-taxation, freedom from over-litigation and freedom from over-regulation, and it's called Texas. We need to do the same things for America. (Applause) (The Washington Post. 12/09/2011)* контактні ритмічні повтори маркують семантично важливі частини повідомлення (ставиться акцент на важливій для кожного американця свободі), оскільки за їхнього використання виникає контраст ритмічно організованих та неритмізованих ділянок політичного тексту, в результаті чого посилюється емоційне забарвлення та лексичне значення ритмічно виділених слів.

За допомогою дистанційного повтору створюються ритмізовані фрагменти, побудовані за принципом симетрії, які постають виразниками інтенсивності емоційних станів, наприклад, жалю: *"The other side has got a different view," Obama continued. "Their attitude is, you're on your own. If you're a kid born in a poor neighborhood in L.A., tough luck; you're on your own. If you're a senior citizen who because of bad luck got laid off or your company ended up dissolving without your pension being vested, tough luck; you didn't plan well enough…» (The Hollywood Reporter. 10/05/2012).*

Синтаксичний паралелізм доповнює лексичні прийоми ритмізації. Так у висловлюванні … *That's not the America I believe in. That's not the America you believe in (The Hollywood Reporter. 10/05/2012)* повторення однотипних синтаксичних моделей посилюється анафорою, що приглушує їх семантичну значущість та викликає у реципієнта асоціації ідеальної держави.

Простежуючи особливості репрезентації емоційності у політичному дискурсі відзначимо прийом досягнення величної тональності, яка відображає емоційне відношення мовця до змісту викладу та до адресата. За допомогою вдало підібраної лексики у політичних текстах утверджується образ політика вартого поваги та довіри, як-от: *«Obviously, yesterday we made some news," Obama told the crowd to a big applause. "But the truth is, it was a logical extension of what America is supposed to be. It grew directly out of this difference in visions. Are we a country that includes everybody and gives everybody a shot and treats everybody fairly and is that going to make us stronger? Are we welcoming to immigrants? Are we welcoming to people who aren't like us? Does that make us stronger? I believe it does. So that's what's at stake» (The Hollywood Reporter. 10/05/2012).*

Отже, емоційна насиченість політичного дискурсу створює передумови успішної комунікації, що досягається використанням експресивних прийомів посилення образності, ритмічності та підвищення тональності. У результаті аналізу сучасної англомовної преси виявлено, що ритмізовані повтори та влучно підібрані метафори набувають функції базової ознаки уособлення емоцій.

Джерела та література

1. Баранов А. Ю. Очерк когнитивной теории метафоры / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов // Русская политическая метафора : материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – С. 184-193.

2. Бекетова О. В. Фігури повтору як лінгвостилістичні засоби аргументації / О. В. Бекетова // Взаємодія одиниць різних рівнів германських та романських мов: Вісник КДЛУ, 1997. – Вип. 3. – С. 3-7.

3. Белт А. Политическое убеждение путем метафорического моделирования / А. Белт // Политическая лингвистика. Вып. 2(22). – Екатеринбург, 2007. – С. 18-25.

4. Волошина В. В. Загальна психологія: Практикум: Навч. посібн. / В. В. Волошина, Л. В. Долинська, С. О. Ставицька, О. В. Темрук. – К.: Каравела, 2005. – 280 с.

5. Германов В. Г. Вплив ЗМІ на підсвідомість: дис. канд. філол. наук: 10.01.08 / В. Г. Германов; КНУ ім. Т. Шевченка. – К., 2003. – 174 с.

6. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 132-149.
7. Кохтев Н. Н. Основы ораторской речи / Н. Н. Кохтев. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 240 с.
8. Опарина Е. А. Исследование метафоры в последней трети XX века / Е. А. Опарина // Лингвистические исследования в конце XX века: Сборник обзоров. – М.: ИНИОН, 2000. – С. 152-169.
9. Петровский А. В. Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.
10. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
11. Селиванова Е. А. Принцип дискурсоцентризма и стратегические программы украинской телерекламы / Под ред. проф. Г. Н. Манаенко // Язык. Текст. Дискурс: Межвузовский научный альманах. – Выпуск 6. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2008. – С. 128-134.
12. Lakoff G., Johnsen M. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnsen. – London: The University of Chicago Press, 2003. – 310 p.
13. Lewley J. Metaphors in Mind / James Lewley, Penny Tompkins. – London: The Developing Company Press, 2000. – p. 316.
14. The Hollywood reporter. Clooney, Entertainment Industry VIPs Fete Obama at Record-Breaking Fundraiser. Стаття // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.hollywoodreporter.com/news/barack-obama-george-clooney-fundraiser-robert-downey-jr-323198.
15. The Hollywood reporter. News Corp. CEO Rupert Murdoch Discusses Political Influence, Media Regulation, Twitter Comments. Стаття // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.hollywoodreporter.com/news/rupert-murdoch-news-corp-ceo-chairman-uk-media-ethics-leveson-316383
16. The Hollywood reporter. Rush Limbaugh Slams Washington Post's Mitt Romney Bullying Story. Стаття // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.hollywoodreporter.com/news/rush-limbaugh-slams-washington-posts-323086
17. The Morning Star. Anti-Putin protesters rally in Moscow. Стаття [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.morningstaronline.co.uk/index.php/news/content/view/full/120108
18. The Morning Star. Chavez promises 'knockout' election victory. Стаття [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.morningstaronline.co.uk/index.php/news/content/view/full/120104
19. The Morning Star. Home Secretary criticised over anti-terror plan. Стаття [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.morningstaronline.co.uk/index.php/content/view/full/105594
20. The Morning Star. 'Safety should be an election issue'. Стаття [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.morningstaronline.co.uk/index.php/news/content/view/full/120130
21. The Washington Post. Republican primary debate. Дебати [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.washingtonpost.com/wp-srv/politics/2012-presidential-debates/republican-primary-debate-september-12-2011/

УДК 81’27:811.111

Стеванович Р. И.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ «ПРОДУКТОВ» МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В данной статье описываются способы классификации продуктов мыслительной деятельности в английском языке. Подчеркивается метафорический способ описания с помощью естественного языка. Показано, как практический опыт человека воплощается в языке при описании ментальной сферы.
Ключевые слова: классификация, продукты мыслительной деятельности, естественный язык, ментальная сфера.

У даній статті описуються способи класифікації продуктів мисленнєвої діяльності в англійській мові. Робиться акцент на метафоричному способі опису за допомогою природної мови. Показано, як практичний досвід людини втілюється у мові при описі ментальної сфери.
Ключові слова: класифікація, продукти мисленнєвої діяльності, природна мова, ментальна сфера.

The given article presents different ways of classification of mental products in English. The metaphorical way of description prevails. It is emphasized that common-sense language is successfully used to describe mental concepts. It is found out that life experience of people is a good instrument in describing mental products.
Key words: mental concept, product, metaphorical way, life experience to describe.

Понятие категоризации является одним из фундаментальных понятий человеческой деятельности и одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики. «Под категоризацией понимается осмысление объектов и явлений действительности в рамках категорий – обобщенных понятий» [3, с. 27]. Категоризация окружающего мира производится уже в процессе его зрительного восприятия. «Для того, чтобы понимать мир и осмысленным образом в нём действовать, нам необходимо осмысленным образом категоризовать вещи и жизненные ситуации, с которыми мы сталкиваемся [4, с. 40]. Как пишет Н. К. Рябцева: «Категоризация – важнейшая интеллектуальная операция, которую человек выполняет постоянно во всех видах деятельности, причём он подсознательно категоризует все, с чем сталкивается» [5, с. 28].

«В более широком смысле слова категоризация – это не только причисление единицы к своему множеству, это гораздо более сложный процесс формирования и выделения самих категорий» [3, с. 307]. Методом лингвистических исследований выступает концептуальный анализ. Категоризация на концептуальном уровне заключается в интерпретации сложного через простое, ненаблюдаемого через наблюдаемое.

В языке проявляется доконцептуальный (базовый) уровень категоризации и логико-понятийный (научный, теоретический), которые взаимосвязаны.

Доконцептуальный уровень познания и производимая на нём базовая категоризация упрощает восприятие мира.

Концептуальный анализ представляет собой «семантический анализ лексики, грамматики и прагматики языка. Его главным орудием выступает значение, которое позволяет выявить, выделить, сравнивать и описывать языковые явления, а также восстанавливать целостные образы – концепты и стоящие за ними представления, позволяет установить, как человек воспринимает окружающий мир и мир внутренний, в том числе и свою ментальную сферу» [6, с. 64]. Смысл концептуального анализа – реконструкция знаний о мире, складывающаяся в языковую картину мира. «Языковая картина мира не только семиотична, но и концептуальна, она воплощается не только в ориентирующих знаках, сколько в представлениях, которые не описывают, а представляют,

интерпретируют мир» [6, с. 76]. Концептуальный анализ языка позволяет проследить, как неявный практический опыт человека воплощается не только в его действиях, но и в языке.

Ментальная сфера человека – область абстракции, составляющие этой области – явления метафорические. Ш. Балли писал: «Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других» [2, с. 221]. Эту особенность отмечают многие исследователи. Н. Д. Арутюнова справедливо отмечает, что «без метафоры не существовало бы лексики невидимых миров» [1, с. 9]. Донаучными наивными практическими представлениями пронизано наше восприятие и осмысление ненаблюдаемых абстрактных сущностей. Абстрактные и сложные явления получают неявное метафорическое определение. Донаучный приём описывать идеальные сущности «физическим» языком задаёт лексическую и грамматическую сочетаемость и является продуктивным средством познания и описания ментальной сферы человека. «Главная сложность в изучении человека – ненаблюдаемость его внутреннего мира, души и мыслей, то, что человек думает, нельзя увидеть. Большинство мыслительных операций проходят на подсознательном уровне» [6, с. 11]. Знания о мире не столько фиксируются, сколько оцениваются, не столько классифицируются, сколько категоризуются, не идеализируются, а психологизируются.

В данной статье описывается, как «продукты» мыслительной деятельности, такие как: *idea* – «идея», *theory* – «теория», *result* – «результат», *discovery* – «открытие», *breakthrough* – «научное достижение», *proof* – «доказательство», *hypothesis* – «гипотеза», *solution* – «решение», *product* – «продукт», находят отражение в языке. Ментальные образования категоризуются как идеальные сущности, которые не поддаются наблюдению. Они описываются простым, доступным языком на основе эмпирического опыта. Сквозь научный текст проступают «перцептивные», механические (динамические), биологические образы науки. Они воплощаются в выражениях, показывающих, что мыслительные операции, их объекты, продукты и результаты уподобляются физическим сущностям и явлениям – восприятию, движению, механическим действиям, естественному природному и биологическому развитию: *to see a solution* – «видеть решение», *to build a theory* – «построить теорию», *to generate a solution* – «создать решение», *fruitful theory* – «плодотворная теория», *to reconstruct a hypothesis* – «перестроить гипотезу».

Для познавательных и мыслительных операций в языке существует мало названий, этим объясняется синонимический ряд: «рассматривать» – *to observe*, «описывать» – *to describe*, «видеть» – *to see*, «изучать» – *to scrutinize*, «исследовать» – *to explore.*

Механическая (динамическая) метафора воплощается в ряде представлений о науке как активной деятельности. Познание уподобляется активной деятельности и движению к цели, которое сопряжено с трудностями. Исходная точка – гипотеза, а конечная цель – прийти к выводу, к решению. Язык рассматривает работу мысли как поступательное движение к цели, движение к истине: *to come to a solution* – «идти, прийти к решению», *to obtain, to reach a solution* – «достичь решения», *to jump to a conclusion* – «внезапно прийти к выводу», *to advance toward a solution* – «продвигаться вперёд к решению», *to reach, obtain a goal* – «достичь цели», *to reach a conclusion* – «прийти к выводу», *to find proof* – «найти доказательство», *to chase ideas in a confused wheel* – «преследовать идеи в беспорядочном круге», *to reveal a solution* – «обнаружить решение».

В рамках динамической метафоры, движения к цели наблюдаются препятствия, человек, ищущий решения, сталкивается с трудностями, теряется в догадках, не понимает, не осознает истины: *to loose sight of the problem* – «потерять из виду проблему», *a misleading solution* – «неправильное решение», *wrong proof* – «ошибочное доказательство».

В этой ситуации идея решения предстает как тусклая, туманная, неясная, например: *dim, vague, false idea* – «ошибочная идея».

В процессе мыслительной деятельности наблюдается и обратное поступательное движение: истина (решение) идет к человеку: *solution appears* – «решение появляется», *idea comes like a foreign guest* – «идея приходит как чужестранец», *idea advances* – «идея продвигается вперёд», *a new idea occurred* – «пришла новая идея», *ideas rose* – «идеи поднялись».

Поступательное движение новых идей в мыслительной деятельности концептуализируется как поезд, цепь, например: *a train of ideas* – «поезд идей», *a chain of ideas* – «цепь идей». Новые идеи, решения текут потоком: *ideas flow* – «идеи текут», *stream of ideas* – «поток идей», *streamy nature of solutions* – «поток решений»; понятие множества психологизируется: *a crowd of ideas* – «толпа идей», *a world of ideas* – «мир идей», *sea of ideas* – «море идей».

Для концептуализации прихода к решению задачи важной оказывается идея света, которая лежит в основе ментальных значений слов, обозначающих появление света в мраке поисков решения и характеризует стадию творческого процесса – «инсайт» (озарение): *to see the light* – «видеть свет», *to shed light on* – «пролить свет», *to see the problem in a new light* – «увидеть проблему в новом свете», *to see the daylight* – «увидеть дневной свет», *flash of light* – «проблеск света», *flash of lightning* – «проблеск молнии».

Всякая метафора в научных текстах свидетельствует о затруднениях ученых при попытке описания научного феномена, например: *wild idea, absurd idea, crazy idea* – «дикая идея», *wild hypothesis* – «дикая гипотеза», которые не обозначают безумие автора новой идеи или гипотезы, а свидетельствуют о нетрадиционности мышления.

Продукты мыслительной деятельности в английском языке уподобляются мелкому предмету, который можно схватить, держать в руках, отбросить: *to take idea* – «взять идею», *to handle, manipulate an idea* – «держать идею», «манипулировать идеей», *to capture idea* – «схватить идею», *to grasp concept* – «уловить понятие», *to drop a solution* – «отбросить решения», *to give an idea* – «подать идею».

Ценным для англоязычной культуры является языковое знание о том, что продукты мыслительной деятельности ассоциируются с военными действиями: *to attack a problem* – «атаковать проблему», *to struggle with an idea* – «бороться с идеей», *front of solutions* – «фронт решений», *strategy of a solution* – «стратегия решения», *to advance a theory* – «выдвинуть теорию». Факты английского языка свидетельствуют о том, что продукты мыслительной деятельности уподобляются строительству здания: *to build a theory* – «построить теорию», *to construct a hypothesis* – «сконструировать гипотезу», *to frame a discovery* – «оформить открытие», *to build a proof* – «построить доказательство». Американский математик Д. Полия сравнивает решение проблемы со строительством здания: *«Solving a problem is similar to building a house. We must collect the right material, but collecting the material is not*

enough, a heap of stones is not a house. To construct the house is the solution, we must put together the parts and organize them to a purposeful whole» [10, с. 66]. Продукты мыслительной деятельности уподобляются растительному миру и приобретают выражаемые связанными значениями свойства: *fruitful hypothesis* – «плодотворная гипотеза», *idea is blossoming* – «идея цветёт», *conclusion is fading* – «вывод увядает». «Очеловечивание» любого явления или предмета глагольными средствами определяет глагольную выраженность метафор антропоморфной направленности: *to encounter a problem* – «встретить проблему», *to scrutinize an idea* – «изучать идею», *to foresee the solution* – «предвидеть решение», *to discover a pass to solution* – «открыть путь к решению проблемы», *to isolate a problem* – «изолировать проблему», *to view a problem* – «рассматривать проблему», *to develop an idea* – «обосновать идею», *ideas pop up* – «идеи возникают», *to suggest a hypothesis* – «предложить гипотезу».

При концептуализации продуктов мыслительной деятельности наблюдается их отождествление с насекомыми (паук, муравей). Например, *ant theory* – «муравьиная теория». *The ant theory of discovery considers only one of the forces that gives birth to scientific knowledge* [8, с. 6]. – «Муравьиная теория открытия рассматривает только одну область получения знаний».

Spider theory of discovery – «пауковая теория открытия». *Discovery here would be viewed as a purely creative constructionist process in which the human mind itself generates what it found* [8, с. 6]. – «Пауковая теория открытия рассматривается как конструктивный процесс, где человеческий мозг генерирует то, что уже изобретено».

В ментальной сфере признаки божества ассоциируются с приходом к открытию: *a gift of God* – «дар Бога», *by the favor of the God* – «по воле Бога», *It's God who gives the blessing to bright ideas* – «Только Бог благословляет на яркие идеи».

При категоризации продуктов мыслительной деятельности наблюдается явление эстетики, хотя это и считается парадоксом для описания ненаблюдаемых явлений, но эстетика в ментальной сфере объясняется художественной экспрессивностью и эмоциональностью носителя языка, его эстетическим отношением к действительности. Элементы эстетики характерны для описания решения математических проблем: *elegant proof* – «элегантное доказательство», *a beautiful equation* – «красивое уравнение». *«Beautiful! – people say when they hear a good idea»* [9, с. 83]. – «Красиво! – говорят люди, когда слышат о хорошей идее», *to get beauty into one's equations* – «вложить красоту в уравнения», *attractive hypothesis* – «привлекательная гипотеза», *perfect unity* – «совершенная комбинация элементов».

Носители английского языка находят существенным в языковой категоризации ментальных продуктов стабильность формы, телесность и тяжесть: *hard solution* – «тяжелое решение», *weighty problem* – «весомая проблема». Продукты мыслительной деятельности категоризуются по типу предмета, находящегося в собственности, который можно разделить, расчленить: *to divide problems into parts* – «разделить проблемы на части», *to share ideas* – «разделить идеи», *half a problem* – «половина проблемы», *half a solution* – «половина решения».

В ментальной сфере наблюдается большое количество двух, трех и более компонентов в словосочетаниях: best discovered solution – «лучшее предложенное решение», high quality solution – «решение высокого качества», successfully better solution – «намного успешнее решение», a completely-out-of-the-blue insight – «инсайт, пришедший с неба». Н. К. Рябцева называет такие комплексы – «эмоционально оценочные фигуры» [5, с. 40]. Эти «издержки» научного изложения объясняются стремлением автора к максимальной экспрессивности, желанием изложить все сразу, а не «по порядку» [6, с. 14].

Усилительные компоненты: *highly, extra, supra, truly, effective* добавляются к прилагательным с целью подчеркнуть высокую степень качества продукта мыслительной деятельности: *effective solution* – «эффективное решение», *effective discovery* – «эффективное открытие», *highly creative idea* – «высоко творческая идея», *supra individual hypothesis* –«ярко индивидуальная гипотеза», *truly productive result* – «действительно продуктивный результат». Минимальные размеры в ментальной сфере опредмечиваются как «зерно» – *grain*, «кусочек» – *bit*, «капля» – *drop*. Например, *a grain of discovery* – «зернышко открытия», *a bit of product* – «кусочек продукта», *a drop of idea* – «капля идеи».

В ментальной сфере наблюдается игра слов, что связано с эмоциональной выразительностью высказывания: *Breakthrough must break through* [7, с. 11]. – «Открытия в науке должны пробивать все насквозь».

При сравнении лексической сочетаемости русского и английского языков следует отметить параллелизм между ними: *thought wheels* – «мысли кружатся», *idea orig*inates – «идея зародилась», *low, high opinion* – «низкое, высокое мнение». Но в отдельных случаях между соответствующими русскими и английскими выражениями нет однозначного и прямого соответствия. Это объясняется неполным совпадением стоящих за ними «исходных» физических образов: *to advance hypothesis* – «выдвинуть» – vs. «предложить», *to supply arguments* – «поставить» – vs. «предъявить», *to light a problem* – «пролить свет» – vs. «прояснить проблему».

Таким образом, структурирование продуктов мыслительной деятельности обыденным языком показывает, как практические знания о практическом мире, окружающей действительности, используются для осмысления и описания «теоретического» ментального мира. Язык становится воплощением практического опыта человека. Следует отметить, что «наивные» представления далеко не примитивны и во многих случаях, как было показано в данной статье, не менее сложны и интересны, чем научные. Также выявлено, что лексическая сочетаемость национально специфична.

Источники и литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафоры и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С.5-32.

2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М., 1961. – 247 с.

3. Кубрякова Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянских культур, 2004. – 545 с.

4. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С.12-52.

5. Рябцева Н. К. Теоретическое и лексикографическое описане научного изложения. Научный доклад на соискание ученой степени доктора наук / Н. К. Рябцева. – М., 1996. – 112 с.

6. Рябцева Н. К. Язые и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М.: Академия, 2005. – 625 с.

7. Axelwd C.D. Stidies in intellectual breakthrough / C. D. Axelwd. – USA, 1979. – 93 p.

8. Blackwell R.I. Discovery in the physical science / R. I. Blackwell. – London, 1969. – 240 p.
9. Goldberg Ph. The intuitive edge / Ph.Goldberg. – Los-Angeles, 1983. – 240 p.
10. Polya G. How to solve it / G. Polya. – № 9, 1957. – 253 p.

УДК 81'276.3+811.111+811.112.2+811.161.2+811.161.1 **Столярчук О. В.**

МОЛОДІЖНИЙ СЛЕНГ ТА ЛІТЕРАТУРНА НОРМА (НА ПРИКЛАДАХ З АНГЛІЙСЬКОЇ, НІМЕЦЬКОЇ, УКРАЇНСЬКОЇ ТА РОСІЙСЬКОЇ МОВ)

В работе рассматриваются понятия молодежного сленга, нормы в широком и узком смыслах и продуктивные процессы, происходящие в сфере взаимоотношений молодёжного социолекта и английского, немецкого, украинского и русского литературных языков. Определяется способность молодежного сленга изменять литературную норму и описывается вхождение молодёжных сленгизмов в разговорный, а затем и в литературный языки.
Ключевые слова: молодежный сленг, социолект, литературная норма.

В роботі розглядаються поняття молодіжного сленгу, норми у широкому та вузькому сенсах та продуктивні процеси, які відбуваються в сфері взаємовідносин молодіжного соціолекту та англійської, німецької, української та російської літературних мов. Визначається здатність молодіжного сленгу змінювати літературну норму та описується входження молодіжних сленгізмів у розмовну, а потім і у літературну мови.
Ключові слова: молодіжний сленг, соціолект, літературна норма.

This paper considers the concept of youth slang, literary norm and productive processes in the sphere of relations between youth sociolects and Standard literary English, German, Ukrainian and Russian. Here is described the ability of youth slang to change the literary norm and introduction of slang words into the literary language.
Keywords: youth slang, sociolect, literary norm.

Досить цікаво прослідкувати розвиток та зміну ставлення до молодіжної мови у суспільстві. Навіть лінгвісти та науковці, що займаються дослідженням молодіжного сленгу, стали зазначити, що він може бути не тільки негативним явищем, що засмічує мову, а навпаки функціонувати на користь її розвитку. Подібна зміна ставлення може бути зумовлено признанням того факту, що мова постійно змінюється. Нові покоління привносять щось своє у структуру та лексикон загальнонаціональної мови, тому те, що спершу здавалось засмічувало її, згодом приживається та стає її невід'ємною часткою. Тому вивчення молодіжного лексикону є **актуальним**. У цій статті акцентується увага на рухомій структурі мови та можливості переходу сленгових слів із розряду сленгізмів до загальновживаних. В дослідженні розглядається взаємодія англійського, німецького, українського та російського молодіжного сленгу та літературної норми вищезазначених мов. **Метою** цієї роботи є визначення впливу англійського, німецького, українського та російського молодіжного сленгу на відповідні літературні мови. **Завданнями** роботи є розглянути поняття «літературна норма», встановити та порівняти основні характеристики і особливості зміни літературної норми та входження молодіжних сленгізмів до відповідних літературних мов. Об'єктом дослідження є сленгові слова та вирази у мовах, що порівнюються. Предмет дослідження – особливості взаємодії літературної норми та сленгових одиниць в англійській, німецькій, українській й російських мовах.

Сленг – нелітературна додаткова лексична система, яка представляє паралельну експресивно-оцінну, найчастіше стилістично знижену синонімію позначень загальновідомих понять і належить певній соціальній субкультурі; різновид соціолекту – соціально маркованої лексики певної суспільної групи у межах національної мови [7, с. 560]. Молодіжний сленг є рядом слів і виразів, що є властивими для молодих людей і часто ними вживаними, але які не сприймаються старшим поколінням як загальновживані або літературні [4, с. 169].

Мовна система знаходиться у постійному використанні, тому можна стверджувати, що вона є продуктом колективних зусиль тих, хто нею спілкується, так мова створюється і видозмінюється. Нове в мовному досвіді, що не вписується в рамки мовної системи, але тим не менш, використовується носіями мови та доцільно функціонує в ній, веде до перебудови у самій системі, а кожен наступний стан мовної системи служить загальними основами для порівняння при подальшій модифікації та зміні мовного досвіду. Таким чином, мова в процесі мовного функціонування розвивається, змінюється, і на кожному етапі цього розвитку мовна система обов'язково містить в собі елементи, які ще не завершили процес зміни та становлення. Тому різні коливання або варіанти відходження від літературної норми неминучі у будь-якій мові [9, с. 47].

Термін «норма» лінгвісти використовують у широкому і вузькому сенсах.

У широкому сенсі під нормою мають на увазі такі засоби і способи, які стихійно, спонтанно формувалися впродовж багатьох віків і які зазвичай відрізняють один різновид мови від інших. Таким чином різні види соціолектів, жаргон або арго є теж «нормативними» з певної точки зору. Сталі способи використання мовних засобів існують в кожному жаргоні або соціолекті, і носії кожного з них з легкістю відрізнять чуже від свого, звичного і тому для них нормального [3]. З цієї точки зору нормативність молодіжного сленгу фіксує у певних межах (хоч і досить розмитих) лексикон молодіжної мови та контролює входження до нього нових слів та виразів. Так само, можна зазначити, що нормативність молодіжного сленгу у широкому сенсі надає можливості ідентифікації мовця. Тому завдяки використанню сленгу, молодь завжди може визначити, до якого кола або соціальної групи належить та чи інша людина. Так, наприклад, якщо молодий хлопець використовує специфічні слова та вирази з армійського жаргону, можна зробити висновок, що він щойно закінчив службу. Нормативність молодіжного сленгу може мати не лише функцію визначення до якої групи належить людина та її соціальне походження, а також проявити селективний характер. Група молодих людей може відвернутись, не прийняти або виключити з свого кола спілкування людину, яка вживає слова іншого жаргону або соціолекту.

У вузькому сенсі норма – це результат кодифікації мови. Кодифікація спирається на традицію існування мови в цьому суспільстві, на якісь неписані, але загальноприйняті способи використання мовних засобів. Кодифікація – це цілеспрямоване впорядкування всього, що стосується мови і її застосування. Результати кодифікуючої діяльності відбиваються в нормативних словниках і граматиках. Норма як результат кодифікації нерозривно пов'язана з

поняттям літературної мови, яка інакше і називається нормованою. Територіальний діалект, міське просторіччя, соціальні і професійні жаргони, а також молодіжний сленг не піддаються кодифікації [3]. Це легко довести, бо молодіжна мова – це відкрита підсистема, в яку проникають запозичення з інших жаргонів, тому деякі лінгвісти зазначають, що сленгу характерна деяка розмитість меж. Важко уявити, що хтось буде свідомо слідити і контролювати, щоб лексика інших соціолектів не проникла до молодіжної мови. Як приклад можна навести сленгізми, які увійшли до молодіжного сленгу з інших жаргонів або сленгів: **англ**.: *angel dust, bammer* (сленг гетто для поганої марихуани) ‘наркотики’ – сленг наркоманів [15]; **нім**.: *der Knasti* ‘зек’, *knasten* ‘запроторити’, ‘посадити’, *der Hefenbruder* ‘шушера’, ‘дрібний злодій’ – кримінальний жаргон [12]; **укр**.: *гера, герасим, герич* ‘героїн’ [8]; **рос**.: *давить на массу* ‘спати’, *шуршать* ‘працювати’ – жаргон «зеків» [2].

Саме тому до таких підсистем мови як соціолект (сленг як його різновид), діалект, жаргон поняття норми в тільки що розглянутому вузькому сенсі не може бути застосовне. Літературна норма як результат не лише традицій, але і кодифікацій є набором досить жорстких правил і заборон, сприяючих єдності і стабільності літературної мови. Той факт, що можливі варіанти використання мовних засобів повинні бути загальноприйнятими та існувати лише в межах норми, тільки на перший погляд здається суворим та таким, що суперечить однозначності нормативних установок. Насправді, норма по самій своїй суті пов'язана з поняттям відбору, селекції. У своєму розвитку літературна мова черпає засоби з інших різновидів національної мови – з діалектів, просторіччя, жаргонів, а також молодіжного сленгу – але робить це надзвичайно обережно. Ця селективна і, одночасно, охоронна функція норми, її консерватизм – безперечне благо для літературної мови, оскільки вона служить сполучною ланкою між культурами різних поколінь і різних соціальних верств суспільства.

Але все ж нові та нові слова та вирази проникають в мову. Тому слід зазначити, що в процесі оновлення норми певне значення має поширеність, частота того або іншого нововведення в мовній практиці. Хоча роль цього чинника не можна перебільшувати. Тут потрібно зробити одну істотну обмовку: важливо, в якому середовищі з'являється те або інше нововведення, що суперечить традиційній нормі. Наприклад, важко уявити, що деякі слова, які зараз сприймаються, як літературні, колись були сленгізмами або жаргонізмами: **англ**.: *clueless* ‘неосвічений’ у 1862 мало значення ‘бездоріжній’ від *clue* + *-less*. Значення ‘неінформований, необізнаний’ воно набуло у 1943, як наслідок входження і використання цього слова у слензі ВПС Великобританії з 1930-х. Зі сленгу ВПС *clueless* проникає у студентський сленг, де починає активно використовуватись з 1985. Саме цей перехід до молодіжної мови зіграв найважливішу роль у поширенні цього сленгізму та його входження до літературної мови, бо збільшення кількості людей, які вживають це слово, та відкритість молодіжної мови сприяло розвитку цього слова [13]; **нім**.: *Party* – ‘вечірка’, слово було запозичене німецькою молоддю з англійської мови, але згодом вже не вбачається як молодіжний сленг, тому що стало загальновживаним. *Schnee* – ‘наркотик, кокаїн або героїн’ запозичене молодіжним сленгом (відкритим соціолектом) зі сленгу наркоманів (порівняно закритої підсистемою), завдяки активному використанню та поширенню цього сленгізму молоддю тепер закріплене у словнику як розмовне [14]; **укр**.: *вечірка, дискотека, ді-джей* виникли та отримали широке розповсюдження серед молоді. Але покоління оновлюються, тому становлячись дорослими, вчорашня молодь привносить до розмовної мови слова та вирази, які вони використовували за для свого спілкування і які вважили сленгізмами [6]*;* **рос**.: *дикий* увійшло до літературної мови у значенні ‘незвичний’ або ‘дивний’ за своєю суттю. Це значення може бути співвіднесено й з переносним значенням слова *дикий*, яке відзначив ще В. І. Даль, ‘дивний’, ‘надзвичайний’. А ось слово *дичь* в XX столітті отримало значення ‘нісенітниця’ й увійшло до розмовної мови як ‘безглуздість’, ‘дурниця’, ‘нісенітниця’ [10].

Прикладом зміни стилістичних норм є входження в літературну мову діалектних і просторічних слів, наприклад, *забіяка, скиглій, підоснова, свистопляска, галас*. Як пише професор Ю. А. Бельчиков, «для російської літературної мови характерна інтенсивна взаємодія з просторіччям (постійне поповнення головним чином лексики і фразеології, виразних, синонімічних засобів). Відома частина запозичень з народно-розмовної мови органічно включається до лексико-фразеологічного складу літературної мови, в його стилістичну структуру, стаючи надбанням не лише розмовної, але і книжкової мови» [1, с. 104-105].

Дуже великий вплив має молодіжний сленг на сучасну мову, стираючи грань між сленгом та розмовною мовою, бо усі нові сучасні сленгізми досить швидко стають загальновживаними:

рос.: *клёвый, крутой, классный* – ‘добрий, гарний’, найвищий ступень оцінки чогось або когось; *меседж* ‘повідомлення’, *чат* або *форум* також закріпились у розмовній мові та стали загальновживаними, хоча декілька років тому зустрічались лише у комп’ютерному, молодіжному або Інтернет слензі [8].

Багато філологів вже ставлять питання, чи стане сленг нормою. Так з’явилось повідомлення, що до словників російської мови увійдуть такі поняття як: *блогер* – людина, яка веде інтернет-щоденник; *зафрендить* – вступити в особливий вигляд соціальних стосунків в інтернеті; *забанить* – заблокувати, встановити заборону на повідомлення певної людини; *контент* – наповнення або вміст якого-небудь інформаційного ресурсу (текст, графіка, музика і ін.); *оффтоп* – будь-яке мережеве повідомлення, що виходить за рамки заздалегідь встановленої теми спілкування [5].

Подібні нововведення існують і в інших мовах. Можливо, навіть з більшою силою процес входження сленгізмів до розмовної мови та зміна стилістичних норм відбувається в англійській мові, насамперед в американському варіанті англійської мови, бо бурхливий розвиток технологій та Інтернету робить усі сленгізмі, які виникають на позначення чогось нового, загальновживаними. А далі ці слова запозичуються молоддю інших країн та поступово входять не лише до Інтернет та молодіжного сленгу, а й до розмовної мови: **англ**.: *Twitter* – соціальна он-лайн мережа [15]; **нім**.: *blog* – персональний журнал розміщений он-лайн [14]; **укр**.: *чат* – спілкування он-лайн [2]; **рос**.: *чатиться* – спілкуватися за допомогою Інтернет-чату в режимі реального часу [5].

Вище зазначені приклади знаходяться у процесі переходу. Можливо, через якийсь період вони увійдуть до літературної мови незважаючи на протести та негативне ставлення філологів, які хочуть зберегти чистоту мови.

Кожне нове покоління спирається на вже існуючі тексти, стійкі мовні звороти, способи оформлення думки. З мови цих текстів воно вибирає найбільш відповідні слова і мовні звороти, бере зі створеного попередніми поколіннями щось актуальне для себе, привносячи у свою чергу щось своє, щоб виразити нові ідеї, уявлення, революційне бачення світу. Природно, що нові покоління відмовляються від того, що здається архаїчним, не співзвучним новій манері формулювання думки, передачі своїх почуттів , відношення до людей і подій. Іноді вони повертаються до архаїчних форм, надаючи їм новому змісту, новим ракурсам осмислення [1, с. 106].

Слід зазначити, що у кожну історичну епоху норма була, є і завжди буде складним явищем, яке існує в досить непростих умовах. Про це писав В. І. Чернишев ще в 1909 р.: «У мові всякої певної епохи для її сучасників є багато чого незрозумілого, того, що складається, але не склалося, вимирає, але ще не вимерлого, такого, що входить знову, але що не затверджується» [11, с. 41].

Отже, будь-яка мова – це дзеркало своєї епохи, тоді як молодіжний сленг – це найсвіжіший відбиток сучасності, який неминуче впливає на мовну систему.

До перспектив дослідження належить вивчення зміни лексичного складу молодіжного сленгу різноструктурних мов у діахронічному та синхронічному зрізі та інші.

Джерела та література

1. Бельчиков Ю. А. Стилістика і культура мовлення / Ю. А. Бєльчиков. – М.: Вид-во УРАО, 2002. – 160 с.
2. Кондратюк Т. М. Словник сучасного українського сленгу / Упор. Т. М. Кондратюк. – Харків: Фоліо, 2006. – 350 с.
3. Крысин Л. Русская литературная норма и ее кодификация / Л. Крысин // Русский язык в научном освещении. – Вып. 2 (14). – М., 2007. – С. 5-17.
4. Левикова С. И. Молодежный сленг как своеобразный способ вербализации бытия / С. И. Левикова // Бытие и язык. – Новосибирск, 2004. – С. 167-173.
5. Маркелова Е. Интернет-сленг станет нормой : В словари русского языка хотят ввести слова «бан», «чат», «френд» и «блог» / Е. Маркелова // Труд. – Вып. 194. – М., 2010. – 18 окт. – С. 4.
6. Розум.org.ua [Електронний ресурс]/ – Режим доступу: http://www.rozum.org.ua/.
7. Селіванова О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. Селіванова. – Полтава: Довкілля – К., 2006. – 716 с.
8. Словарь молодежного сленга [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://teenslang.su/content/ &slang=all
9. Соколова В. В. Культура речи и культура общения / В. В. Соколова. – М.: Просвещение, 1995 –192 с.
10. Толковый словарь В. Даля ON-LINE [Електронний ресурс] / [В. И.Даль]. – Режим доступу:http://vidahl.agava.ru/.
11. Чернышев В. И. Чистота и правильность русской речи: в 2 т. / В. И. Чернышев – М.: СПб.,1970. – Т. 1: Избранные труды. – 264 с.
12. Ehmann H. Affengeil: ein Lexikon der Jugendsprache / H. Ehmann. – München: C. H. Beck, 1996. – 252 s.
13. Online Etymology Dictionary [Електронний ресурс] / [Douglas Harper] – Режим доступу: http://www.etymonline.com/index.php.
14. Quickdict.de [Електронний ресурс] – Режим доступу: http://www.quickdict.de.
15. The Online Slang Dictionary (American and English slang) [Електронний ресурс] / [Walter Rader] – Режим доступу: http://onlineslangdictionary.com/.

УДК 811. 111’ 372'373. 612. 2'233

Стулина Е. В.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА МАСКУЛИННОСТЬ

Социально-культурная составляющая – это содержание концепта «маскулинность», которое остается недостаточно исследованным. Эффективным средством изучения такого содержания является анализ концепта как знания, которое формируется в определенной социально-культурной ситуации и фиксируется в определенных дискурсах при помощью определенных языковых средств. Наиболее перспективным в исследованиях такого рода представляется использование метода семантико-когнитивного анализа.

Ключевые слова: концепт, «культурные смыслы», маскулинность, культурно-специфические признаки.

Соціально-культурна складова – це той зміст маскулінність, який остається недостатньо вивченим. Ефективним засобом його вивчення є аналіз змісту концепту як знання, яке формується в певних соціально-культурних умовах і фіксується в певних дискурсах за допомогою певних мовних одиниць. Найбільш перспективним для вивчення соціально-культурного змісту концепту є метод семантико-когнітивного аналізу.

Ключові слова: концепт, «культурні смисли», маскулінність, культурно-специфічні ознаки.

The social-cultural component is the content of the concept «Masculinity», which is not discovered enough. The effectively mean of study for its content, is the researching the social-cultural situation and fixing it in the discourses with the help of particular language means. The most perspective method for its research is the semantics-cognitive method. This method assumes the analyze of the languages items and theirs further cognitive interpretation, which lets to reveal the mechanisms of the creation of social-cultural sides in the concept.

Key words: concept, cultural senses, masculinity, specific cultural attributes.

Настоящее исследование основывается на принципах современной лингвокультурологии, в рамках которой анализируется содержание концепта как единицы коллективного сознания, имеющей языковое выражение и отмеченной этнокультурной спецификой. Являясь лингвоментальным образованием, концепт «маскулинность» вмещает «культурные смыслы», связанные с оценкой роли мужчин в современной жизни Франции. Анализ семантики и механизмов появления подобных «культурных смыслов», которые находят свое выражение в современном французском языке, выступает как основная задача настоящего исследования.

Автор книги «Distinguons masculisme et masculinisme» профессор антропологии Нью-Йоркского университета Ф. Брукс считает наиболее важной проблемой антропологии и гендерной лингвистики доказательство того, что не существует ни «естественной маскулинности», ни «естественной феминности». Они являются образованием культуры» (une ***fabrication culturelle***.) [4].

В последнее время исследования процессов конструирования национального субъекта как гендерно-маркированного и «маскулинизованого» является новой областью гуманитарно-философского знания в философской антропологии, социологии, этнологии и т. д.

Французская гендерная лингвистика занимает не последнее место в западных научных поисках. Так, весьма интересны наблюдения французских исследовательниц (в общем все они женщины) в области феминизации французского языка как средства борьбы за права женщины во Франции [5; 7; 9]. Немногочисленные исследования отечественных лингвистов концепта «маскулинность» на материале французского языка приводят к выводу о том,

что он выступает в культурном пространстве французского общества несколько идеоэтничним или вариантом универсального концепта «маскулинность» [1, с. 12].

В статье концепт рассматривается как динамическое явление, так как его содержание, а также его взаимодействие с другими концептами зависят от изменений в культуре и, соответственно, массовом сознании [2, с. 13].

Цель данной статьи состоит в анализе содержания концепта «маскулинность» через поиск его культурно-специфические признаков и интерпретации выделенных признаки в контексте современных социально-исторических условий.

Задача статьи заключается в анализе семантических признаков языковых элементов, содержащих характеристику мужчины как социокультурной личности и в формировании содержания концепта маскулинности. путем конструирования семантических признаков.

Мы исходим из тезиса о содержательном наполнении концепта «маскулинность» как определенной этнокультурной, социально-исторической характеристики конкретного общества, в чем и заключается *актуальность* данного исследования. Изменения социально-политического порядка влияют на эволюцию природных категорий, одной из которых, безусловно, есть пгендер. Имея целью исследование «культурных смыслов» в содержании концепта «маскулинность» во французском языке, мы, тем самым, пытаемся изучить изменения в традиционных социальных практиках и закрепление этих изменений в языке, что составляет, несомненно, *научную новизну* данного исследования.

Французская культура имеет свою собственную концептуализацию мужских характеристик: le charisme masculin, le comportement masculin actuel, masculiniser un look trop féminin, masculin sain, ça fait homo, renouer avec la masculinité, retrouver sa masculinité, trouver des modèles masculins sains Процесс глобализации, ускорения всех видов обмена между государствами и между отдельными людьми, мультикультурализм во всех сферах жизнедеятельности европейского общества, сопровождающиеся доступом к информации в реальном времени наделили общество интеркультуральным характером. В этом контексте «*gentilhomme français»* уступил место «gentleman», что привело к довольно частому употреблению в дискурсе словосочетание «*Le gentleman français».*

Анализ новых «культурных смыслов» концепта «маскулинность» целесообразнее проводить на языковом и дискурсивном уровнях одновременно. Интегративное изучение единиц языка и речи соответствует современной парадигме языкознания, с одной стороны, и, с другой стороны, концептология, изучающая этно-психо-лингво-культурную надстройку естественных языков, не может существовать изолировано от дискурсологии, изучающей социо-лингво-культурную среду общения [3, с. 125].

В статье используются примеры из текстов, посвященных анализу принципов феминистского движения. Концепт «маскулинность» репрезентуется определенными языковыми единицами, потенциально предназначенными для его вербализации в языке: *la masculinité, un mâle masculin, un mâle masculin, le mâle macho, le coté macho d'un homme.* Есть все основания полагать, что данный подбор языковых единиц в тексте выступает как ситуативно упорядоченный по принципу логической целесообразности без жесткой иерархической регламентации [3, с. 125] и на этой основе включается в систему более высокого порядка – концептосферу современного феминисткого французского общества

Активное наступление феминистского мировоззрения способствовало появлению новых «культурних смыслов» в содержании концепта «маскулинность» : *De nombreuses femmes dominantes aiment dominer un soumis masculin et elles aiment contrôler un mâle masculin*. *Ce que n'aiment pas la plupart des femmes dominantes est le mâle macho, pas un mâle masculin*. *Les femmes dominantes aiment faire disparaître le coté macho d'un homme ainsi que son égo, pas nécessairement sa masculinité;*. *Une majorité de soumis sont encore assez masculins* [9].

Совокупность значений языковых единиц образует семантическое пространство текста. Коммуникативно релевантная часть концепта «маскулинность» вербализуется через сочетание основных номинаций (*la masculinité, un mâle masculin, le mâle macho, le coté macho d'un homme)* с глаголами-действиями *dominer un soumis masculin, contrôler un mâle masculin, faire disparaître le coté macho d'un homme* и глаголами-отношениями *ne pas aimer le mâle macho, aimer un mâle masculin* Исследование семантики языковых единиц, вербализующих концепт, – это путь к описанию вербализованной части концепта. Поэтому, сделав семантический анализ слов-репрезентантов концепта «маскулинность», присутствующих в тексте, и глаголов, с которыми эти слова сочетаются, получаем возможность сконструировать некий «культурный смысл», добавляемый концепту в современных условиях феминистского движения. Так, слова-репрезентанты актуализируют преимущественно власть над женщиной и сексуальную сторону маскулинности: *le mâle macho (adjectif masculin singulier)- familièrement homme qui fait valoir sa supériorité de male; le mâle masculin – individu de sexe masculin, familièrement homme fort, viril* [6]. Слова-репрезентаты выступают прямыми дополнениями глаголов, в состав которых входит сема: *exercer un pouvoir, contrôler un sentiment, maîtriser ses pulsions, vérifier, soumettre au contrôle, surveiller* [6]. Конструкция нового добавляемого «смысла» к концепту «маскулинность», следовательно, будет включать такие семы, как «*maîtriser ses pulsions, vérifier, soumettre au contrôle, surveiller + homme qui fait valoir sa supériorité de mâle*» . Безусловно, логика концептуализации задается авторской установкой – феминистскими принципами. Отсюда, использование особого словосочетания или приемов организации подачи информации.

В некоторой степени желания общества умело отображаються в рекламе. Реклама творит имидж современного мужчины, главные черты которого является воплощенными в самом популярном дискурсе – рекламном – и зафиксированы в языке. Тенденции современной рекламной деятельности по имиджу мужчины в французиком обществе имеют четкий ориентир: «les publicités pour hommes sont «le récit imagé d'agréables escapades *loin de la famille* et *de la maison.* Le désir de *fuir les responsabilités* et *la quête de liberté, le beau corps musclé* font donc partie des caractéristiques associées à *l'homme viril* dans la publicité» [8]. Главные герои рекламы, а также и общества: *les centurions romains, les pirates, les guerriers des temps anciens et même les cowboys, les nouveaux guerriers (personnages militaires ou sportifs)*. Реклама выступает массовым дискурсом и наиболее наблюдается публикой, что может привести к мысли об образе (внешнем и внутреннем), который воспитывается у современных мужчин: *loin de la famille, de la maison* (подальше от семи и дома), *le beau corps musclé* (красивое тело), *fuir les responsabilités* (избежать ответственности), *la quête de liberté* поиск свободы. Заметно изменилось отношение мужчин к косметическим средствам ухода: *Au XXIème siècle, l'esthétique prend une place de plus en plus importante dans notre société, et l'homme*

se retrouve curieusement au cœur de cette tendance. Les grands noms de la cosmétique misent maintenant aussi sur les hommes. Tout comme les femmes, les hommes ne veulent pas avoir l'air de vieillir. C'est pourquoi les marques créent de plus en plus des produits pour les aider à «rester jeunes» [8].

Лингвокогнитивный уровень конструирования современного маскулинного типажа представлен рядом «культурных смыслов», вербализованых в рекламном дискурсе: *Les grands noms de la cosmétique misent maintenant aussi sur les hommes; les hommes ne veulent pas avoir l'air de vieillir; l'homme se retrouve curieusement au cœur de cette tendance, des produits pour les aider à «rester jeunes».* Конструирование содержания концепта «маскулинность» основывается на словосочетаниях, полученных в результате интерпретации смысла текста, характеризующего рекламу: *«l'homme + s'intéresser à la cosmétique + ne pas vouloir avoir l'air de vieillir + rester jeune*

Изменение института семьи в западной Европе, появление новых типов семьи, а особенно усиление феминистского движения несколько изменило взгляды французской семьи на роль отца, мужа. Рост независимости и самостоятельности женщины разрешил ей быть более критичной к своему мужу. Не меняя общей тенденции относительно роли мужчины в обществе и понятийного содержания концепта «маскулинность» («masculinité»), некоторые лексико-семантические языковые (зафиксированы в словаре) и речевые образования добавляют все же «новые культурные смыслы» в содержание данного концепта. Например, *un époux brumeux, un époux brûlé, un époux uniquement industriel, bruler un exotique epoux, bruler un brumeux époux.* Интересно, что такое словосочетание как *l'époux brumeux* не имеет мужского рода в словаре, где зафиксировано его употребление как нормативное только в женском роде *épouse brumeuse*. Исходя из семантики данного выражения, *l'époux brumeux* это тот *dont les sentiments changent souvent; peu fidèle en amour: Un époux volage. Синонимы: inconstant, infidèle;. capricieux, changeant, fantasque, frivole, instable, légе* [6]. Дискурсивное употребление выражения *bruler un brumeux époux* значит *laisser tomber son compagnon qui est jamais content.* Новое значение возникает, а значит, и появляются «новые культурные смыслы» в результате смены грамматической категории рода.

Выражение *un époux brûlé*, которое не зафиксировано в словаре, а само прилагательное имеет фамильярное значение в переносном употреблении (*fam. Se dit d'une personne dont l'activité clandestine ou illicite a été découverte: Il est brûlé auprès des entreprises de la région (= il a été démasqué*). *Cerveau brûlé ou tête brûlée, personne prête à prendre tous les risques possibles* [6] в сочетании с *un époux* в дискурсе приобретает значение : *très peu intéressant, peu exotique, qui fait partie du quotidien.* Ежедневные практики и наблюдения общества фиксируются в словах в виде адгерентных (стереотипных сем – термин Ф. Растье), которые, зачастую, не получают фиксации в словаре.

Все более возрастающие желания женщины привлечь мужчину к делам дома, разделить обязанности на двоих повлияло на появление выражения *un époux uniquement industriel,* что означает *l'homme qui fait sa part de travail à la maison.* В данном случае наблюдается расширение значения прилагательного *industrie* в определенном узком контексте.

Итак, практика семейных отношений несколько меняет свои принципы, о чем свидетельствует появление новых смыслов относительно роли мужчины в семье. На языковом уровне эти смыслы возникают и фиксируются через смену рода языковой единицы (*l'époux brumeux*), употребление которой ранее характеризовало только женщину, через появление адгерентных сем или расширение семантики слов.

Концептуальное пространство маскулинности формируется следующими социальными тенденциями: разрастанием феминистского движения, с одной стороны, формированием нового социально-культурного стереотипа мужчины через рекламу в контексте глобализации и мультикультурализма, с другой стороны. Тенденции, которые по своей сути влияют на изменения содержания концепта, выступают как причины появления «новых культурных смыслов». Последние, в свою очередь, имеют четкую языковую фиксацию, основывающуюся на определенных семантко-грамматических процессах: смена рода языковой единицы, появление новых адгерентных сем в значении слова, расширение семантики слова.

Источники и литература

1. Белова Т. М. Гендерная метафора как отражение культурного концепта «маскулинность» во французском языке : автореф. дис. На присвоение звания кандидата филол. наук: спец. 10.02.05 «Романские языки» / Т. М. Белова. – Кемерово, 2007. – 20 с.
2. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики концептов в лингвокультурной концептологии / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов. Под. ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 13-15.
3. Приходько А. Н. Концепт в дискурсах VS концепты в дискурсе /А. Н. Приходько // Дискурс, концепт, жанр: коллект. Монография / Отв.ред М. Ю Опешков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. – С. 125-139
4. Brooks François. Comment définir la masculinité? Construction sociale des rôles sexués (Lettre ouverte) / François Brooks // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philo5.com/Feminisme-Masculisme/110403Detournement
5. Bouchard Pierrette. La stratégie masculiniste, une offensive contre le féminisme [archive] / Pierrette Bouchard // [Электронный ресурс]. – Режим доступу: http://community.artofmanliness.com/xn/detail/2357106 (2005).
6. Dictionnaire français en ligne gratuit Le dictionnaire gratuit de 95 000 mots français avec définitions, synonymes, conjugaison et/ou traduction en ligne // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ledictionnaire.com/
7. Goetelen John La femme est-elle vraiment l'avenir de l'homme ? / John Goetelen. – Marco Pietteur, 2006. – 237 c.
8. Les marques de cosmétiques à la conquête des hommes [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://beautedelapub.canalblog.com/tag/hommes (16 avril 2010)
9. Niedzwiecki Patricia La différenciation sexuelle et les comportements verbaux et non verbaux féminins et masculins: *Thèse.* / Patricia Niedzwiecki // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://mylady.forumpro.fr/t917-masculinite-et-soumission] (*Paris, 1998*).

УДК: 811.112.2’42’27’372 **Стуліна М. В.**

ЛІНГВОКОГНІТИВНІ ОСОБЛИВОСТІ ПОСТМОДЕРНІСТСЬКОГО ДИСКУРСУ

Переход общества к новым системам коммуникации, другим видам философского мышления приводит к смене многих параметров гуманитарного комплекса: культурологии, социологии, лингвистики и пр. В статье очерчиваются основные концептуальные изменения в текстах современного постклассического характера (постмодернистских текстах). Выделяются наиболее яркие лингвокультурные типажи.
Ключевые слова: постмодернизм, дискурс, концепт, лингвокультурный типаж.

Перехід людства до нових систем комунікації, інших типів філософського мислення призводить до зміни багатьох параметрів гуманітарного комплексу: культурології, соціології, лінгвістики тощо. В статі окреслюються основні концептуальні зміни в техстах сучасного постласичного характеру (постмодерністських текстах). Виділяються найяскравіші лінгвокультурні типажі.
Ключові слова: постмодернізм, дискурс, концепт, лінгвокультурний типаж.

Transition to the new systems of communication, other types of philosophical thinking leads to changing of many parameters of the humanitarian complex: cultural studies, humanities, sociology, linguistics, etc. This article outlines the major conceptual changes in the modern postclassical texts (postmodern texts). The most striking linguistic cultural models are under the discussion.
Keywords: postmodernism, discourse, concept, lingvokognitiv type.

Об'єктом цієї роботи є постмодерністський дискурс в текстовому просторі художньої комунікації, *предметом* – концептуальні конфігурації постмодерністського дискурсу. Об'єкт і предмет визначають *мету* дослідження – пошук головних концептів і лінгвокультурних типажів постмодерністського дискурсу (ПмД). Відповідно, виникають такі *завдання*: визначення постмодернізму як сучасного типу культури і художньої комунікації, когнітивне моделювання концептосереди ПмД, опис основних лингвокультурных типажів ПмД.

Постмодернізм є видатним і в той же час неоднозначним соціокультурним феноменом сучасності. Оскільки він виникає як рефлексія на допостмодернистскую культуру, досить гостро стоїть питання правомірності його розуміння як окремої ідейної течії, а не як штучно створеної маргінальної культури.

Появі постмодернізму передувала духовна криза західного суспільства, розчарування в існуючих цінностях, сумнів в пізнавальних можливостях людини, відчуття, що «усі слова вже сказан» [4, с. 221]. Ці передумови мали свої наслідки: глобальні соціокультурні трансформації, заперечення метаоповідань, поява таких феноменів, як «смерть суб'єкта», «децентрація», «амбивалентнисть» і т. і. Ці явища сформували нову модель бачення світу – керований хаос, втілений в ідеї ризоми. Поєднуючи системність Космосу і асистемність Хаосу, ризоматична модель допускає можливість рівноправного існування Хаосу і Порядку т. з. «Хаосмосу» [5, с. 30]. У різних лингвокультурах виникають різні метафоричні образи нового світу: лабіринт, бібліотека, сад стежок, що розходяться, ризома, гіпертекст та ін., які обкреслюють у своїй суті ознаки ПмД.

Дискурс постмодернізму є цінним не лише з естетичної і ідеологічної точки зору, унікальний також його лінгвістичний потенціал. ПмД – лингвосоциокультурный феномен, словесно-художня іпостась якого конституюється комплексом текстів, грунтованих на відмові від логоцентричного світосприйняття. Епоха, на початку якої було слово, закінчилася, почалася епоха, в основі якої лежить текст, і яка сама є – текст, побудований за принципом нелінійності, неструктурованості, децентрованості, здатний до саморозвитку і існування поза законами авторського диктату.

Лінгвокультурний простір ПмД заповнений набором одиниць, що формують своєрідну концептосереду, яка відрізняється тими ж основними характеристиками, що й уся культура постмодернізму в цілому: вона динамічна, рефлективна, ризоморфна і гипердискурсивна. Незважаючи на свою постійну рухливість і ризоматичность, в ПмД досить легко виділити інформаційні атрактори, ментально значущі одиниці дискурсу [3, с. 239]. Незважаючи на наднаціональний характер самого постмодернізму, загальний дискурс дробиться на певні національні «під дискурси». Концептосереда ПмД конституюється мегаконцептом ПОСТМОДЕРНІЗМ, якому підпорядковуються гіперконцепти СМЕРТЬ СУБ’ЄКТА, СМЕРТЬ БОГА, ДЕЦЕНТРАЦІЯ. На рівні гіпоконцептів виникає національне дроблення концептів, яке посилюється до найменшої одиниці, – катаконцепту. Гіпоконцепти, наприклад, в німецькому в ПмД представлені у вигляді трьох лінгвокультурних діад: «ФЕМІННІСТЬ і МАСКУЛІННІСТЬ», «ГЕНІАЛЬНІСТЬ і МАРГІНАЛЬНІСТЬ», «ДУХОВНІСТЬ і ТІЛЕСНІСТЬ».

На найнижчому рівні ієрархії розташовуються катаконцепты – ментальні одиниці, які, власне, і виступають інгерентними репрезентантами лінгвокультурного простору дискурсу: FRAU, MANN, GENIE, MACHT, TEUFEL, SEELE, GENUß, WUNSCH, ZWANG; англ.: BODY, SPIRIT, STAR, POWER та ін. Об'єктивуючись в дискурсі, міняючи свою аксиологичну полюсність, метафоризуясь і поетизуясь, ці концепти стають основними носіями постмодерністської ідеології. Істотне художнє навантаження несуть і лингвокультурні типажі – ментальні утворення, в яких ознаки гіпер-, гіпо- і катаконцептов виявляються контамінованими.

Дискурс постмодернізму тяжіє до розв'язування сталих образів, тому бинаризм «чоловік – жінка» поступово перетворюється на андрогинизированного індивіда (типаж ЧОЛОВІК-АНДРОГІН). Він виражає відмову від фалоцентричной моделі суспільства за допомогою символічної «кастрації» чоловіка на користь хаотичних структур, тобто жіночності. Як результат в ПмД відбувається дефрагментація чоловічої сексуальності - сепарація гендерної ідентичності, фемінізація маскулинности (англ.: *touching, sensitive man, gentle boy, cosmetics for men, beauty injections for men, sweet boy, candy, metrosexual, toyboy*; нім.: *Übersexual*).

Таким чином стать звільняється від своєї природності, втрачає в системі знаку свою бінарність і проявляється в різноманітності нових моделей – гомосексуальність, транссексуальность, транвестизм і т. д. Андрогинизация відбувається переважно за рахунок чоловічої статі як покарання за фалоцентризм – соціокультурну домінанту, яка довгий час існувала в суспільстві.

Символічно влада і вплив переходять від маскулинного суб'єкта до раніше завжди пасивного феминного об'єкта (лінгвокультурний типаж МАТИ-ТИРАН). Жінка стає суб'єктом символічного домінування, але при цьому її репрезентація також іронічна (нім.: *Inquisitor, Erschießungskommando, alte Kröte, Braunbär, Gefängnisarzt,*

Gefängniswärter, Aufseher, Kuh, kahlköpfige Hündin, Lump, Luder, verletzte Muttertier, Sau, Tonne, dicke Henne, Mama, Mutti). Спроба заміщення тотальної маскулинности всепроникною феминностью в ПмД – це прагнення виробити нефаллоцентрические способи мислення.

У ПмД активно профілюється ідея «смерті Бога», яка фіксує кризу цінностей, відмову від ідеї зовнішньої примусової каузальності, характерної для лінійного типу розуміння детермінізму [1, с. 277]. Перестає існувати розділення на праведне і грішне, справедливість і несправедливість, добро і зло, на чому грунтуються і взаємодіють домени ГЕНІАЛЬНІСТЬ і МАРГІНАЛЬНІСТЬ.

При цьому ідея геніальності ставиться під сумнів, що породжує типовий для постмодернізму колаж сенсу і нісенітниці, втілений в лингвокультурному типажі БОЖЕВІЛЬНИЙ ГЕНІЙ. Геніальність репрезентується в негативному руслі (нім.: *Teufelzeichen, Ehrgeiz, übermenschlich, dämonisch; англ.: the evil genius, the fallen angel, the doctor Evil*). У своїх дискурсивних іпостасях концепт GENIE утілюється як щось негативне, нелюдське, потворне (нім.: *Genie = Scheusal, Zeck, Monster, Bastard, ein Kind des Teufels, Hexenmeister, Finstermann, Tier, Spinne, Gnom, Gestalt, Mörder, Verbrecher*). Як правило, геніальність в ПмД наділяється негативними характеристиками на відміну від допостмодерністської картини світу (нім.: *ekelhaft, fürchterlich, töten, ermorden, besessen, erobern, Gewalt, Finstermann, begrenzen beherrschen*).

Специфічне тоталітарне мислення другої половини XX ст. – це шизофренічний феномен, який проявляється за допомогою двомислення (double – thinking), коли людина говорить або думає одне, а має на увазі зовсім інше: амбівалентність і неоднозначність є основною ознакою геніальності в другій половині XX ст. У ПмД через неможливість виділення якої-небудь домінанти уваги переміщається з видатного на випадкове і незначне, що актуалізується в гипоконцепте МАРГІНАЛЬНІСТЬ, який найяскравіше в постмодерністській лингвокультурі виражається катаконцептом MITTELMÄßIGKEIT/ ПОСЕРЕДНІСТЬ/ AVARAGE. Постмодерністський дискурс тяжіє до усредненности, незначності, повсякденності, утілюючи ідею смерті суб'єкта, смерті Бога, тобто усуненню будь-якої домінанти.

Особистість помирає, ідеал розчиняється в натовпі, сірості, її характеристики також зводяться до незначних (нім.: *grau (trivial), gewöhnlich (alltäglich), üblich (allgemein), durchschnittlich (durch keine Besonderheit auffallend);* англ.: *Quotidian*. На перше місце виходять нічим не примітні, маргінальні індивіди (англ.: *JetSetter, downshifting, trash, freak, addict, prostitute, prisoner, hipster, skinhead, pickupper, fasion girls*). Одним з представників маргінальної культури є звичайна, нічим не примітна людина, користувач.

Через неможливість єдиного пояснення постмодерністського світу, таке поняття як істина або правда в ньому відсутні, а на їх місце приходить процес перманентного руху в безкрайньому інформаційному просторі у пошуках «чогось». Ідея пошуку заради процесу, а не результату відображена в лингвокультурном типажі НОМАД. Не випадково для номінації пошуку інформації в Інтернеті в ПмД використовується запозичення з англійської мови (to surf) та дієслово surfen (= wellenreiten 'кататися на хвилях') у німецькій. В інтернеті, метафорою якого є океан, серфер – користувач мережі – «ловить хвилі», тобто згустки інформації, які зустрілися йому на безкрайніх просторах.

Зміщення уваги з чоловічого на жіноче, з геніального на маргінальне, провокує в ПмД появу гіперконцепту ДЕЦЕНТРАЦІЯ, який вміщує в себе ознаки і смерті суб'єкта, і смерті Бога. Основне навантаження «зміщення» або децентрации в постмодернізмі доводиться на катаконцепти GEIST/ ДУХ/ SPIRIT і KÖRPER/ ТІЛО/ BODY. Змістовні характеристики душі виділяються в її аттрибутивних якостях (нім.: *dunkel, vernebelt, verworren, falsch, niedergeschlagen; рос.: душа олицетворяет грусть и мрак, живой труп – мертвая душа, душа – не фикция*). Тіло ж виступає як альтернатива Свідомості (Духу) і стає основною характеристикою особистості, обходячи духовність (нім.: *körperlich, körperähnlich*; рос.: *тело без органов, телесность, тело текста, тело мысли, тело документа, тело функции*; англ.: *pornography, body politics, bio-medical politics of body, body and sexuality, body message, body art*). Ці ознаки роблять тілесність гротескною – в ПмД виділяються непропорційно деякі частини тіла: жіночі і чоловічі статеві органи, органи аудіовізуального сприйняття (особливість масової культури).

Гротескні образи концентрують увагу на взаємозв'язку з іншими тілами і на динаміці їх розвитку (статевий акт, вагітність, пологи, старість, смерть, омолодження, впровадження імплантів та ін.). Ідея такого тіла, яке можна змінити, переробити, відтворити, воскресити, клонувати наслідує ідею деконструкції реальності, яка відроджується в ідеї деконструкции тіла, що призводить до десуб'єктивації індивіда (рос.: *пересадка органов, импланты, биостимуляция, подтяжка, инъекци красоты, липосакция, ринопластика, блефаропластика*; англ.: *face surgery, anaplasty, tattoo, botox injection, transsexual ma ін.*) Тіло людини модифікується і символічно ділиться на частини, які існують незалежно від волі або свідомості людини, через що втрачається онтологічне «Я», тобто суб'єкт.

Культ тілесності, поставлений в ПмД в ранг найвищої мети, полягає в нівеляції і іронічному переосмисленні таких людських цінностей як любов, радість, пізнання, мислення та ін. При цьому постмодерністська концептуалізація ТІЛЕСНОСТІ відбувається шляхом зведення його репрезентантів в ранг антиконцептів і проголошення їх справжніми цінностями.

На тлі тілесності і фіміністичного відторгнення чоловіка, жінка не бажає більше перейматися проблемами духовності і виконувати патріархально нав'язану їй роль об'єкту – матері, дружини, коханки [2, с. 91]. Через це вона жертвує своєю сексуальністю і репродуктивною функцією (лінгвокультурний типаж ФРИГІДНА ЖІНКА) – основним маркером для відтворення цього типажу є одиниці нім.: *kalt, Kälte, gefroren, kinderlos, zugänglich; англ. frigid, fridge* – але замість цього дістає можливість щось сказати, втілити себе у своєму дискурсі [6, с. 18]. Так, одним з вагомих досягнень постмодернізму стає поява жіночого дискурсу, в якому жінка не просто виражає точку зору, не нав'язану суб'єктом-чоловіком, а вибудовує свій власний дискурсивний світ. Такий дискурс передбачає специфічну організацію постмодерністських текстів, сформованих за принципом нелінійності, спонтанності, ризоматичності.

В результаті постійних «інтелектуальних атак» з боку агентів і клієнтів дискурсу концепт збагачується новими властивостями, ознаками і рисами тим самим розширюючи і поглиблюючи свою структуру. Проте дискурсивна практика має і зворотну сторону медалі: вона може приглушати, нейтралізувати і навіть нівелювати окремі ознаки концепту, а в деяких випадках і деканонизировть сам концепт як лингвокультурную цінність.

Однією з визначальних рис концептуального простору постмодерністського дискурсу є його аксиологічна амбівалентність: значна кількість концептів з позитивним знаком оцінки наділяється негативними змістами. Такими переполюсуваннями нерідко, наприклад в німецькій постмодерністській лінгвокультурі, характеризуються концепти

FRAU, MUTTER, KIND, GENIE та ін., які перетворюються на «анти концепти» і виступають своєрідними симулякрами. З іншого боку, значна кількість негативних одиниць німецької етнокультури (MÖRDER, DROGE, SÜNDE, VERBRECHEN та ін.) отримує в дискурсі позитивну енергетику і навіть героїзуються. Є тут і шар концептів (DUMMHEIT, ZUGÄNGLICHKEIT, OPFER та ін.), які в традиційній лінгвокультурі мають негативно-оцінний субстрат, а в ПмД існують як нейтральні.

На фоні переполюсування знаків оцінки з позитивного на негативний, з негативного на позитивний або нейтральний дуже помітною стає ще одна риса аксіології ПмД – практично повна відсутність в ньому концептів «високого духу» – на кшталт телеономів ЩАСТЯ, ЛЮБОВ, ВІРНІСТЬ, ДРУЖБА, РАДІСТЬ. Переоцінка цивілізаційних і національно специфічних цінностей аж до їх повної анігіляції є сталою практикою аналізованого дискурсу, а синкретизм чоловічого і жіночого, видатного і маргінального, духовного і тілесно бездуховного – його нормальним станом. Це відбувається із-за повного неприйняття постмодернізмом метанарративних кліше, що претендують на універсальність і домінування в культурі.

Відповідно до ідеології ПмД конфігурація його концептів обумовлюється алгоритмом «ризома – лабіринт – гіпертекст», який є результатом постмодерністської спрямованості на ігрове освоєння Хаосу, інструментом пізнання котрого, і в той же час об'єктом вивчення, стає текст. Утримуючи величезні шари інформації, тексти взаємодіють між собою і утворюють интертекстуальные зв'язки. Нескінченна різноманітність текстів існує в гіпертекстовому просторі, що дає можливість переходити від одного з них до іншого будь-яким нелінійним способом.

Перспектива дослідження полягає в необхідності вивчення когнітивної специфіки постмодернізму в різних його етноспецифічних проявах. Проте значний дослідницький потенціал криється і в самому ПмД, оскільки такі його аспекти, як лінгвосемотичний, лінгвокультурний, лінгвосинергетичний все ще залишаються на периферії наукових досліджень.

Джерела та література

1. Джеймісон Ф. Постмодернізм, або логіка культури пізнього капіталізму / Фредерік Джеймісон; пер. з англ. П. Дениско. – К.: Курс, 2008. – 502 с.

2. Жеребкина И. Прочти мое желание. Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм / И. Жеребкина – М.: Идея Пресс, 2000. – 256 с.

3. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики: (Монографія) / А. М. Приходько. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 332 с.

4. Руднев В. П. Словарь культуры XX в. / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.

5. Deleuze G., Guattari F. Rhizome. – Berlin: Merve, 1977. – 63 s.

6. Kristéva J. Le langage, cet inconnu / J. Kristéva. – Paris: du Seul, 1981. – 334 p.

УДК 811.161.1'42

Сырова О. В.

ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ НА ЗАНЯТИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье исследуется использование вторичных текстов преподавателями и иностранными студентами на занятии русского языка как иностранного. Описаны приемы адаптации первичного (научного) текста в учебно-педагогической ситуации. Представлены три классификации вторичных текстов-упражнений учащихся по различным основаниям. Даны приемы интенсификации обучения иностранцев с позиции вторичности.

Ключевые слова: вторичный текст, первичный текст, адаптация.

У статті досліджується використання вторинних текстів викладачами та іноземними студентами на занятті російської мови як іноземної. Описані прийоми адаптації первинного (наукового) тексту в навчально-педагогічної ситуації. Побудовано три класифікації вторинних текстів-вправ учнів по різних підставах. Дано засоби інтенсифікації навчання іноземців з позиції вторинності.

Ключові слова: вторинний текст, первинний текст, адаптація.

The article deals with the use of second texts by teachers and foreign students during the Russian language lesson as foreign. It also describes the ways of primary (scientific) texts' adaptation in educational situation. We construct three classifications of secondary texts of students' exercises for various reasons. Given the means to intensify training of foreigners from the position of secondariness.

Key words: second texts, primary text, adaptation.

Преподавание русского языка как иностранного на территории Украины переживает достаточно сложный момент. В современной украинской науке происходят процессы, характерные для всего европейского культурного пространства. По справедливому замечанию Т. А. Снегуровой, в практике обучении иностранным языкам начинает активно применяться методика межкультурного обучения, декларирующая преодоление ксенофобии и существующих стереотипов, воспитание толерантности в отношении представителей других культур [7].

Существует острая необходимость поддержать и развить мотивацию учащихся к изучению русского языка во внеязыковой среде: в этом вопросе все большую роль начинают играть национально ориентированные социокультурный, культуроведческий подходы к обучению. Данные подходы призваны помогать сформировать и развить у иностранных учащихся интерес и желание к познанию русской культуры, русского национального характера в диалоге с родной культурой в процессе изучения ими русского языка, то есть при формировании у них языковой и речевой компетенций. При этом роль преподавателя заключается в том, чтобы в процессе обучения языку научить учащихся видеть, фиксировать, а в дальнейшем и самостоятельно извлекать культуроведческую информацию изучаемого ими языкового и речевого материала. Таким образом, культуроведческий подход ориентирует преподавателя на передачу информации (русской культуры), на диалог культур, то есть на получение им сведений о родной культуре учащихся и на передачу кода усвоения информации и обмена информацией (языка и речи). Чтобы заинтересовать иноязычного студента, обучение должно идти не от языка к культуре, а наоборот – от культуры к языку.

Исходя из этого мы считаем особенно важной проблему обучения иностранных учащихся на территории Украины, где на данный момент сложилась особая билингвальная языковая ситуация. Знание литературного русского языка, полученное иностранным студентом в стенах университета, приходит в диссонанс с тем, что он слышит вне его стен (суржик, коллоквиализмы, мат и т. д.).

На начальном этапе обучения русскому языку существуют определенные трудности. Человек, воспитанный в условиях одной лингвокультуры, не только монокультурен, но и лингвоцентричен. Он считает, что все языки похожи на его родной язык. Студент-иностранец не подозревает, что окружающий мир может быть описан иначе, чем это делает его родной язык. Он заметит мелкие отличия, такие, как иное написание букв или произношение звуков, но проигнорирует принципиальные отличия в языковой картине мира потому, что не допускает мысли об их существовании.

Языковое сознание характеризует как лингвокультурную общность в целом, так и каждого его отдельного представителя. Когда субъект только приступает к изучению иностранного языка, простейшие речевые модели и грамматические правила еще не вступают в противоречие с имеющейся у него на тот момент картиной мира. А первые осмысления и обобщения иноязычного языкового материала происходят по законам его родного языка. Наконец, наступает момент, когда эти обобщения, созданные по правилам родного языка, вступают в противоречие с практикой изучаемого языка, Обучающийся пытается строить высказывания на иностранном языке в соответствии со своими представлениями о нем и постоянно делает ошибки. Формируется ложное представление о языке как плохо упорядоченной системе знаков для прямого обозначения вещей, не имеющих с этим знаком никакой содержательной, осмысленной связи [5].

Еще одной трудностью обучения иностранного студента является то, что программным требованием к уровню овладения иностранными студентами русским языком (в частности, на подготовительном уровне) является их готовность к участию в реальном учебно-профессиональном общении, то есть умение понимать тексты учебников и лекций по специальным дисциплинам, а также умение воспроизводить и интерпретировать содержание данных текстов и прослушанных лекций. По мнению Н. Ю. Козыревой, перед преподавателями русского языка как иностранного стоит задача представить научный стиль в учебных целях так, как он функционирует в реальной жизни, и в то же время упростить, методически организовать его языковые единицы таким образом, чтобы обеспечить их практическое использование в коммуникативных целях. Отбор материала, его предъявление и расположение, согласованные с целями обучения, предопределяют положительные результаты учебного процесса [4]. Роль русиста видится в необходимости «наводить мосты» между учебно-познавательной и будущей деятельностью студентов, связанной с их специальностью, поскольку овладение русским языком в русле чисто учебных практических задач минуя профессионально-познавательную сторону, снижает эффективность обучения.

Все вышеизложенное привело нас к мысли о том, что в преподавании русского языка как иностранного *актуальным* является изучение вторичных текстов. Часто преподаватели РКИ игнорируют проверку конспектов лекций, семинарских занятий, домашнего задания, рефератов и т. д. А по нашему мнению, именно они являются индикатором уровня знаний студента и показателем его «вовлечения» в русскую лингвокультуру. Недостаточной, на наш взгляд, исследована проблема вторичности в дискурсе преподавателя русского языка как иностранного.

Итак, что же такое вторичность…? Вторичным мы видим любое речевое произведение, опирающееся на определенный прототип. Так, М. В. Вербицкая использует понятие «вторичный текст» для обозначения «совокупности жанров, построенных на воспроизведении существенных черт стиля писателя, литературного течения» [1]. Рассматривая пародии, стилизации и перифразы, она выделяет в качестве определяющего признака вторичных текстов их имитационный характер. Л. В. Полубиченко вводит в круг изучения вторичных текстов переводы и дайджест-адаптации (дигесты), что позволяет ей прийти к выводу о возможности более широкого толкования вышеуказанного термина. По мнению ученого, объем понятия «вторичные тексты» значительно шире такого явления, как «имитационные тексты». Л. В. Полубиченко определяет как вторичный любой текст, имеющий определенный прототип, т. е. первичный текст, знание которого необходимо для подлинного филологического понимания данного вторичного его воплощения [6].

Построенный на основе тесных эксплицитно выраженных интертекстуальных связей с прототипом, учебный (вторичный) текст представляет собой своего рода модель, которая в той или иной степени отражает первичный текст, поскольку в учебном дискурсе воспроизводятся наиболее типичные стороны первичного текста и отбрасываются менее характерные. Некий инвариант первичного текста может быть выделен во всех его вторичных воплощениях. Нужно отметить, что вторичным может быть как дискурс учителя (на основе научных и методических источников), так и дискурс иноязычного студента, являющийся пересказом текста учебника или речи преподавателя.

В психолингвистике учебно-научные тексты рассматриваются как двухкомпонентная структура: лекторский и студенческий дискурсы. Первый реализуется в лекторском варианте учебно-научного текста (первичный текст, *лекция*), второй – в студенческих учебно-научных текстах (*конспект лекции)*. Последние представляют собой «речевые произведения иноязычных студентов как скорректированное результирующее отображение-воспроизведение первичного лекторского дискурса» [3]. Учебный дискурс В. Д. Калинина понимает как «процесс перехода языковых характеристик лекторского дискурса в ходе смыслового восприятия субъекта дискурса (реципиента/студента) в речевой процессуальности в языковые характеристики студенческого дискурса» [там же]. Этот процесс происходит в учебной коммуникации в ходе уяснения-освоения / усвоения-присвоения содержания языковой системности лекторского дискурса в собственно авторский вариант студенческой речи. Каждый из компонентов структуры учебного дискурса включает три составляющие: 1) экстралингвистическую (собственно информационную ситуацию); 2) психологическую (коннотативные характеристики акта «учебной коммуникации»); 3) лингвистическую составляющую (учебно-научные тексты с комплексом системных языковых характеристик). Ко вторичным учебно-научным текстам можно отнести также *курсовые и дипломные работы, рефераты* и т. п. Важным свойством подобных учебно-научных вторичных текстов В.Е . Чернявская считает присущую им информационную компрессию, которая вытекает из того факта, что вторичный текст представляет собой модель интегральную, в отличие от детально-первичного текста.

В теории информации ко вторичным текстам относят рефераты, аннотации, наборы ключевых слов, заголовки, оглавления, предисловия, введения, выводы, т. е. документы, созданные в результате аналитико-

синтетической обработки (свёртывания) некоторого базового научно-технического текста, который определяется наличием в нем «научных знаний в развитии», т. е. процессом получения этих знаний.

Преподаватель выступает в роли переводчика с языка науки на язык обыденного сознания учащегося.

В роли первичного текста для преподавателя выступают, во-первых, научные произведения; во-вторых, методические разработки; в-третьих, речевые произведения из других сфер общения, выступающие как дидактический материал к учебному занятию. Кроме того, первичными для педагога могут стать результаты речемыслительной деятельности иностранного студента – курсовые и дипломные работы, рефераты, сочинения, изложения, диктанты, устные ответы и пр., на основе которых тот может судить об индивидуальном тезаурусе учащегося, оценивать, изменять его и создавать собственный вторичный текст-рецензию.

Первичные тексты в процессе подготовки преподавателя к занятию подвергаются адаптации. Под адаптацией понимается приспособление некоторого исходного текста, делающее его доступным аудитории («вторичному адресату»), на которую данный текст не был первоначально рассчитан [8].

В основе адаптации лежит процесс популяризации знания, включающий ряд процедур обработки текстов, нацеленных на облегчение их восприятия и понимания реципиентами. Этот процесс сопровождается смысловым переходом из одной реальности (как правило, теоретической) в другую (реальность обыденного сознания). Для этого преподаватель РКИ должен найти способ снизить уровень абстрактности в научном тексте до минимума и дать возможность иностранному студенту представить учебный материал в образной ассоциативной форме, т. е. в той форме мышления, которая является для него обыденной.

Приемы адаптации первичного (например, научного) текста в учебно-педагогической ситуации обусловлены функциональными особенностями учебно-педагогической ситуации: коммуникативной целью преподавателя (разъяснить учебный материал так, чтобы он был воспринят), возрастными особенностями иностранных учащихся (природой восприятия и мышления), а также индивидуально-творческой природой самого преподавателя.

Для активации и систематизации языковой информации и контроля за ее усвоением, необходимы эффективные методические приемы и формы работы преподавателя, а также учебная литература, на базе которой проводится обучение языку специальности. При обучении иностранца научному стилю чрезвычайно важно учитывать такие факторы, как соотношение подлежащих формированию видов речевой деятельности, последовательность подключения коммуникативных сфер общения, что достигается лишь кропотливой, тщательной подготовкой учебных материалов. Для этого нужно выделить профессиональные темы, вычленить речевые компоненты ситуации и речевые действия, её реализующие, отобрать и сгруппировать нужных для достижения поставленных целей языковой материал.

Для интенсификации обучения иностранцев (в частности, слушание и конспектирование лекций) Н. Ю. Козырева предлагает такие задания [там же]:

1. Разделить текст сообщения на смысловые группы.
2. Дать заголовки частям текста.
3. Выделить основную информацию.
4. Сократить текст.
5. Сделать лексический, смысловой перифраз.

Учащимися, в частности, предлагается обратить внимание на возможное сокращение слов, например: *то есть – т.е., так далее – т.д*. Так, студенты, прослушав предложенный текст, учатся выделять в нем и записывать основную информацию, используя сокращения. Теоретический материал при этом излагается с максимально возможным учетом знаний студентами лексики грамматики русского языка на текущем этапе обучения.

Мы считаем, что практически все, что говорят и пишут иностранные студенты на учебном занятии, является вторичным текстом. Это производные тексты с разной степенью деривационности, различающиеся по форме, содержанию и функции.

Можно построить три классификации вторичных текстов-упражнений учащихся по различным основаниям [2]. *Классификация на уровне формы* подводит к необходимости выделения графического и звукового облика текстов, в основе которых лежат две сферы (устная и письменная) существования языка: например, устный пересказ письменного текста. *Классификация на уровне содержания* выстраивается по наличию/отсутствию новых содержательных компонентов: например, подробное изложение текста-источника или диктант с изменением текста (с заменой лексического или грамматического компонента). *Классификация на уровне жанра* связана с родо-жанровыми трансформациями текстов: например, сочинение-сказка на лингвистическую тему, которая базируется на первичном тексте научного стиля (например, теоретическом материале учебника).

Итак, цель обучения русскому языку как иностранному предполагает владение иноязычным студентом (помимо сугубо языковых аспектов) стратегиями и тактиками живого речевого поведения в русскоговорящем обществе. В то же время в процессе овладения иноязычной (в нашем случае русской) речевой деятельностью обучаемые нередко испытывают коммуникативные неудачи. Поэтому исследование феномена вторичности как *индикатора* процесса обучения РКИ представляется нам весьма перспективным.

Источники и литература

1. Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): автореф. дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук: 10.02. 19 – теория языка / М. В. Вербицкая. – М., 2000 – 18 с.

2. Голев Н. Д. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html

3. Калинина В. Д. Учебный дискурс в речевой процессуальности учебной коммуникации (психолингвистическая модель): автореф. дисс. канд. псих. наук: 19.00.01– Общая психология, история психологии / В. Д. Калинина. – Ульяновск, 2002. – 19 с.

4. Козырева Н. Ю. Формирование профессиональной компетенции студентов-иностранцев подготовительного отделения / Н. Ю. Козырева, Е. В. Шкурко // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Таврический национальный университет им. Вернадского. Межвузовский центр «Крым». Научный журнал. – № 137. – Том 2. – С. 228-230.

5. Ляшко Т. Н. К вопросу о новых методах преподавания языка в иностранной аудитории в культурологическом аспекте / Т. Н. Ляшко, Е. В. Ивахно // Мова і культура. (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009. – Вип. 12. – Т.V (130). – С. 218-229.

6. Полубиченко Л. В. Филологическая топология в английской классической поэзии. Спецкурс / Л. В. Полубиченко. – М.: Слово, 1988. – 305 с.
7. Снегурова Т. А. Проблема межкультурного непонимания при обучении иностранніх студентов / Т. А. Снегурова // Мова і культура (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009. – Вип. 12. – Т.V (130). – С. 227-239.
8. Хухуни Г. Т. Межкультурная адаптация художественного текста / Г. Т. Хухуни. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 234 с.

УДК 811.133.1 **Тарасюк І. В.**

НОМІНАЦІЯ ЖЕСТІВ-ПОСМІШОК У СУЧАСНІЙ ФРАНЦУЗЬКІЙ МОВІ

В статье анализируются номинации жестов-улыбок в современном французском языке. Языковая типология жестов-улыбок, разработанная с учетом реализации в значении номинативных единиц обобщенных смысловых инвариантов, выявила важность эмоциональной и социальной функций этих жестов во французской языковой картине мира.
Ключевые слова: номинативная единица, жест-улыбка, семантический инвариант.

У статті аналізуються засоби позначення жестів-посмішок у сучасній французькій мові. Мовна типологія жестів-посмішок, укладена з урахуванням реалізації у значенні номінативних одиниць узагальнених змістових інваріантів, продемонструвала важливість емоційної та соціальної функцій цих жестів у французькій мовній картині світу.
Ключові слова: номінативна одиниця, жест-посмішка, семантичний інваріант

The article is dedicated to the research of nominations of gestures-smiles in modern French. The language typology of the gestures-smiles, developed taking into account realization in value of nominative units of generalized semantic invariants, revealed importance of emotional and social functions of these gestures in the French language picture of the world.
Keywords: nominative unit, gesture-smile, semantic invariant.

Позначення мовними знаками невербальних компонентів комунікації відбувається в акті номінації як розумово-мовленнєвому процесі, де мовець відбирає вже готові позначення або створює нові, необхідні для реалізації його задуму та індивідуальних завдань [5, с. 63]. Необхідність назвати те, що, здається, не потребує мовного означування, може пояснюватись комунікативною маркованістю цих знаків.

Невербальні компоненти комунікації розуміються нами як засоби несловесної комунікації в мовленнєвому акті (в термінах І. Н. Горєлова [1, с. 25]), які можуть «реалізувати мовні функції, виступати в якості означаючих тих денотатів, які в даному контексті не потребують обов`язкового вербального позначення» [1, с. 81]. Співвідношення невербальних кодів з природною мовою в ситуації комунікативної взаємодії досліджуються невербальною семіотикою, основні завдання якої були сформульовані Г. Є. Крейдліним [3]. Він доводить, що взаємодія мови тіла та мови слів у комунікативному акті пояснюється схожістю глибинних процесів, що лежать у основі невербальної та вербальної діяльності людини.

Всі невербальні засоби, як правило, розподіляють на три великі групи: мова тіла (жести, міміка, положення тіла), паралінгвістичні засоби (інтонація, тональний рівень голосу тощо), одяг та прикраси (зачіска, косметика т. і.) [2]. Посмішки утворюють «клас семантично різнорідних жестів», використання яких носить культурно обумовлений характер [4, с. 68].

Посмішки, як невербальні знаки, представляють певні жестові комплекси, які включають фізичну складову (посмішки виникають внаслідок рухів відповідних м`язів обличчя – губ, очей, брів тощо); інформативну складову (як знаки-індекси, посмішки сигналізують про почуття, емоції, оцінку тощо); прагматичну складову (посмішки допомагають встановлювати контакт, зворотний зв`язок між комунікантами, полегшують їх соціальну орієнтацію); експресивну складову (посмішки передають позитивні та негативні емоції). Можна допустити, що у способах мовної репрезентації жестів-посмішок частково відтворюються ці параметри. Отже, досліджуючи номінації жестів-посмішок у французькій мові, ми сподіваємось отримати уявлення про фрагмент жестової системи цієї мови, яка підпорядковується загальним правилам структурації своїх мовних даних і проливає світло на певні особливості взаємодії французьких мовців з номінативними одиницями, що позначають посмішки.

Зосереджуючи увагу переважно на засобах вербалізації жестів-посмішок, ми ставимо *на меті* проаналізувати основні змісти, які були виокремлені «наївною кінесикою» та знайшли свою об`єктивацію у відповідних номінативних одиницях французької мови.

Об’єктом дослідження є мовні та мовленнєві одиниці різних рівнів, за допомогою яких позначаються жести-посмішки та передається інформація про них у французькій мові. Обравши предметом дослідження номінативний аспект мовних та мовленнєвих одиниць, що позначають жести-посмішки у французькій мові, ми звернемо увагу на дві функції таких одиниць: когнітивну (репрезентувати відповідні концептуальні уявлення про посмішки) та комунікативну (задовольняти потреби мовців у комунікації).

У французькій мові основними засобами позначення жесту-посмішки є дієслово «sourire» і утворений внаслідок непрямої деривації відповідний іменник «le sourire». Значення «sourire» та «le sourire», зафіксовані у словниковій дефініції, несуть узагальнене уявлення про характер даного жесту, який зміг утворити свій фрагмент у мовній картині світу французів. Наприклад: *Sourire, verbe* – [Le sujet désigne une pers.] Prendre une expression légèrement rieuse, en esquissant un mouvement particulier des lèvres et des yeux.

Sourire, substant. masc. – Expression discrètement rieuse du visage qui se traduit par un léger mouvement des lèvres (relèvement des commissures) et des yeux, laissant apparaître des sentiments divers, notamment de joie, de satisfaction, de sympathie [7].

І дієслово «sourire», і іменник «le sourire» 1) представляють посмішку як вираз обличчя того, хто стримано сміється, 2) вказують на те, що специфічність виразу обличчя пов`язана з легким рухом губ (трохи підняті куточки) та очей; 3) пов`язують специфічність виразу усміхненого обличчя з різними відчуттями, зокрема радістю, задоволенням, симпатією. Наприклад, «Mais en vous regardant vous éloigner, je me suis dit: c`est trop bête, voilà une femme que je croise dans la rue, *je lui souris, elle me sourit*, nous nous frôlons et nous allons nous perdre...C`est trop bête,

non vraiment, c`est même absurde» [6, p. 9] – номінація жесту-посмішки дієсловом sourire у даному контексті сигналізує про доброзичливе ставлення комунікантів один до одного, викликане симпатією.

Отже, базовий рівень концепту «посмішка», який задається дефініцією слів-репрезентантів даного концепту у французькій мові, містить інформацію про фізичну та емоційну складові невербального жесту-посмішки. Тобто специфічність та самостійність невербального жесту-посмішки у свідомості французів пов`язана з особливим способом передачі емоційних категорій, в першу чергу позитивних. Про первинність саме позитивного емоційного аспекту у значенні жесту-посмішки стверджувала А. Вежбицька, коли писала, що посмішка означає «я відчуваю дещо приємне» [4, с. 77]. Проте, як показує аналіз мовного матеріалу посмішка не завжди сигналізує про позитивні емоції.

Проаналізувавши значення номінативних одиниць, що позначають жести-посмішки у французькій мові, можна констатувати у їх семантиці наявність узагальнених змістів, яким можна надати статус семантичних інваріантів жестів-посмішок. Семантичні інваріанти жестів-посмішок розглядаються нами як сукупності певних змістів, які реалізуються у декількох типах відповідних жестів. Кожен тип жесту-посмішки може об'єктивуватись цілою низкою номінативних одиниць у французькій мові

Перший семантичний інваріант, «je sens/éprouve quelque chose d`agréable» («я відчуваю дещо приємне»), відтворюється у відповідному тлумаченні: «Le sourire, spontané, indique un sentiment réel de joie, de satisfaction, de sympathie, de reconnaissance» [7]. Важливою ознакою посмішок, що об`єднуються у цей клас, є спонтанність мімічної реакції, спровокованої реальним відчуттям радості, задоволення, симпатії, вдячності.

Інваріант «je sens/éprouve quelque chose d`agréable» включає: 1) добру посмішку – sourire avec bonté, un bon sourire, sourire avec l'attitude bonasse; 2) ніжну посмішку – un sourire câlin, sourire affectueusement, un sourire tendre, sourire avec une sorte de tendresse, sourire avec douceur; 3) щиру посмішку – sourire avec confiance, un sourire sans malice, un sourire ingénu; 4) задоволену посмішку – sourire d'un air content, sourire avec un air de satisfaction, sourire d'aise, sourire de plaisir, sourire agréablement; 5) радісну, щасливу посмішку – un sourire béat, un sourire épanoui, un sourire heureux, sourire de bonheur, sourire d'un air (d'une façon, d'une manière) exquis(e), gai(e); 6) горду посмішку – un sourire fier; 7) безпричинну посмішку – sourire aux anges, sourire pour un rien, sourire pour soi-même, sourire niaisement.

Другий семантичний інваріант «je sens/éprouve quelque chose de désagréable» («я відчуваю дещо неприємне») вказує на незадоволення, невдоволення будь-чим неприємним: «Le sourire indique une insatisfaction» [7]. Він включає наступні види посмішок: 1) сумна посмішка – sourire tristement, un sourire triste, un sourire de tristesse, sourire amèrement, sourire avec amertume, un sourire amer, sourire avec langueur, sourire douloureusement, un sourire douloureux, sourire avec angoisse, un sourire d'angoisse, un sourire de gravité, un sourire grave, un sourire mélancolique, un sourire de mélancolie, un pauvre sourire; 2) розчарована посмішка – avec un sourire désabusé, un sourire déçu; 3) посмішка відчаю – un sourire désespéré; 4) покірна посмішка – un sourire résigné, un sourire contrit; 5) зла посмішка – un mauvais sourire, sourire avec méchanceté, un sourire acéré, un sourire aigu, un sourire aigre-doux, un sourire blême, un sourire cruel, un sourire effrayant, un sourire hideux, un sourire horrible, un affreux sourire.

Перші два інваріанти об`єднують посмішки, для яких домінуючим є емоційний аспект. Розчленований характер номінативних засобів, а це переважно одиниці малого синтаксису, свідчить про те, що жест-посмішка репрезентується у французькій мові у його зв`язках і відношеннях. Сполучення іменника sourire з прикметниками, що позначають емоційні ознаки за шкалою +/-, дозволяє зробити припущення про притаманну жесту-посмішці градуальність у вираженні позитивних та негативних емоцій. Відсутність у більшості номінацій вказівки на фізичні параметри конкретних жестів-посмішок не виключає, на нашу думку, наявність досить чітких уявлень у свідомості французів про те, чим «добра посмішка» відрізняється від «задоволеної посмішки».

Для двох наступних інваріантів ключовою є соціальна складова (спрямованість на інший суб`єкт). Третій семантичний інваріант «je suis bien disposé à l`égard de toi/vous» («я добре до тебе/вас ставлюсь») охоплює такі жести-посмішки, які свідчать про симпатію, доброзичливість, зацікавленість по відношенню до співрозмовника: «Témoigner de la sympathie, de l'affection, de l'intérêt à quelqu'un en lui montrant un visage souriant» [7].

Він включає: 1) дружню посмішку – sourire d'un air (d'une façon, d'une manière) amical(e), complice, engageant(e), entendu(e), un sourire de la communion muette; 2) поблажливу посмішку – sourire d'un air (d'une façon, d'une manière) indulgent(e), un sourire indulgent; 3) посмішку жалю – sourire avec pitié, 4) привітну посмішку – un sourire avenant, adresser un aimable sourire, sourire aimablement, un sourire complaisant, sourire avec complaisance, sourire gentiment, essquisser un aimable sourire, un sourire affable, un sourire bienveillant; 5) розчулену, зворушливу посмішку – un sourire affectueux, un sourire attendri; 6) ввічливу посмішку – un sourire poli, sourire poliment, un sourire diplomatique, un sourire engageant, un sourire obligatoire, un sourire stéréotypé; un sourire de bureau, un sourire de commande, un sourire de métier.

Четвертий семантичний інваріант «je suis mal disposé à l`égard de toi/vous» («я погано до тебе/вас ставлюсь») вказує на недружнє ставлення та антипатію до співрозмовника: «Le sourire indique des sentiments d'inimitié ou d'antipathie» [7]. Він включає: 1) презирливу, зневажливу посмішку – sourire avec mépris, un sourire méprisant, un sourire de mépris, un sourire satisfait, un sourire de dédain, un sourire dédaigneux, un sourire hautain, un sourire triomphant, un sourire de fatuité, un sourire d'orgueil, sourire d'un air fat; 2) хитру посмішку – un sourire malin, malicieux, un sourire spirituel, sourire malicieusement; 3) глузливу посмішку – un sourire moqueur, sourire d'un air (d'un sourire) narquois, sourire d'un air amusé, sourire avec ostentation; 4) посмішку докору – sourire avec (d')un air de reproche, un sourire de reproche; 5) неввічливу посмішку – un sourire insolent, sourire avec insolence, un sourire insultant, 6) недовірливу посмішку – sourire d'un air incrédule; 7) іронічну, цинічну посмішку – un sourire ironique, sourire cyniquement, le sourire cynique, se permettre un petit sourire ironique, un sourire sardonique, sourire dans sa barbe.

П'ятий інваріант «je sens/j`éprouve quelque chose de désagréable mais j`essaie de le cacher» («я відчуваю дещо неприємне, але я намагаюсь це приховати») сформувався на периферії другого та четвертого інваріантів і включає переважно нещирі, удавані посмішки: «Le sourire est affecté ou contraint, cache une autre réalité» [7]. Можна виокремити наступні типи посмішок: 1) вимушена посмішка – sourire d'un air contraint, arborer un sourire figé, s'efforcer de sourire, un sourire suffisant, un sourire forcé, s'efforcer courageusement de sourire, avoir un sourire blanc, afficher un sourire imperturbable, le sourire fixe; 2) ніякова посмішка – un sourire embarrassé, avec embarras;

3) фальшива, лицемірна посмішка – un sourire faux, hypocrite; 4) відсторонена посмішка – sourire d'un air lointain, rendre un sourire distrait, sourire d'un air énigmatique, un sourire ambigu.

Інваріанти три, чотири і п`ять об`єднують посмішки, для котрих головним є соціальний аспект (спрямованість на іншого). Для посмішок, виокремлених в межах кожного з цих інваріантів, важливою ознакою є демонстрація позитивного або негативного ставлення по відношенню до співрозмовника. Запропонована типологія посмішок побудована суто на мовних критеріях і не може вважатись остаточною без співставлення її з типологією невербальних жестів.

Отже, аналіз номінацій жестів-посмішок у французькій мові показав, що дані жести розуміються французами як конвенційні знаки, одна частина яких передає інформацію про емоційний стан комунікантів, інша – про ставлення комунікантів один до одного. Типологія посмішок, укладена з урахуванням узагальнених змістових інваріантів («je sens/éprouve quelque chose d`agréable»/ «je sens/éprouve quelque chose de désagréable», «je suis bien disposé à l`égard de toi/vous»/ «je suis mal disposé à l`égard de toi/vous»/ «je sens/j`éprouve quelque chose de désagréable mais j`essaie de le cacher») свідчить, що в значенні номінативних одиниць реалізується один з виокремлених аспектів. Подальше дослідження може бути спрямоване на уточнення типології жестів-посмішок з урахуванням контекстних чинників, що впливають на функціонування номінацій посмішок у комунікативному акті, а також на співставлення мовної типології жестів-посмішок з типологією невербальних жестів-посмішок.

Джерела та література

1. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации [Текст] / И. Н. Горелов. – М.: Наука, 1980. – 104 с.

2. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. / В. Б. Кашкин. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.

3. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика / Г. Е. Крейдлин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.librarybsu.org/neverbalnaia-semiotika/neverbalnaia-semiotika_1.html (10.06.2012).

4. Крейдлин Г. Е. Улыбка как жест и слово / Г. Е. Крейдлин, Е. А.Чувилина // Вопросы языкознания. – М., 2001. – № 1. – С. 66-93.

5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

6. Gavalda A. Je voudrais que quelqu`un m`attende quelque part. / A. Gavalda. – Paris : J`ai lu, 2001. – 160 p.

7. Trésor de la Langue Française informatisé / Conception et réalisation informatiques: Jacques Dendien [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cnrtl.fr/definition/sourire (10.06.2012).

УДК 372.881.1

Тарев Б. В.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КУРСЕ «BUSINESS ENGLISH»

В статье речь идет о роли лексических заимствований в подязыке экономики, об усилении тенденций ассимиляции в русском языке терминов, призванных обозначить инновационные тенденции в сфере экономической жизни разных стран. Впервые на основе применения методов контекстного, валентностного анализа, а также контент-анализа определяются наиболее продуктивные терминологические единицы и на этой основе предлагаются продуктивные стратегии работы с экономическими терминами-заимствованиями в процессе преподавания курса «Business English» студентам экономического вуза.

Ключевые слова: лексические заимствования, заимствования в сфере экономической терминологии, методы и приемы обучения английской экономической терминологии.

У статті йдеться про роль лексичних запозичень в підмові економіки, про посилення тенденцій асиміляції в російській мові термінів, закликаних позначити інноваційні тенденції у сфері економічного життя різних країн. Уперше на основі застосування методів контекстного, валентностного аналізу, а також контент-аналізу визначаються найбільш продуктивні термінологічні одиниці і на цій основі пропонуються продуктивні стратегії роботи з економічними термінами-запозиченнями в процесі викладання курсу "Business English" студентам економічного вузу.

Ключові слова: лексичні запозичення, запозичення у сфері економічної термінології, методи і прийоми навчання англійської економічної термінології.

The article focuses on the role of lexical borrowing in business language, strengthening of assimilation tendencies in Russian terminological system aimed at identification of innovative trends in the economic life of various countries. For the first time through the application of methods of context, valence analysis as well as content analysis the author defines the most productive terminological units. On this basis we develop productive strategies for operation with business borrowing in the process of teaching Course of «Business English» to the students of business schools.

Keywords: lexical borrowings, borrowings in business terminology, methods and techniques of teaching Business English terminology.

Трансформация языковой системы, изменчивость всех уровней языка, как известно, есть явление закономерное. Особенно явно такие изменения проявляют себя в настоящий момент в эпоху информатизации, технологизации всех стороны жизнеобеспечения государства и общества. В контексте межцивилизационного обмена (взаимодействия) модификация языковой системы еще более усиливается, становится культурно обусловленной, и именно это позволяет представителям разных социумов понимать друг друга, как в бытовом, так и профессиональном деловом общении.

Упомянутые изменения проходят, безусловно, с различной степенью интенсивности. Известен «консерватизм» фонетической и грамматической систем, он предопределяет более медленные процессы развития, «сдержанное» отношение к нововведениям. Вполне очевидно, что подобный «консерватизм» определяется, прежде всего, относительно установившимся характером данных систем: и грамматика, и фонетика с некоторым трудом воспринимают и ассимилируют любые изменения, в том числе изменения, которые являются результатом языковых контактов.

Лексическая система, в свою очередь, является более гибкой, она в большей степени подвержена различного рода изменениям. Одним из путей пополнения лексической системы является заимствование слов из других языков. Интересно в связи с этим рассмотреть в данной публикации два значимых вопроса. Во-первых, необходимо сконцентрировать внимание на сущности пополняющих тезаурус лексических заимствований, определить движущие силы этих процессов, необратимость этого «движения» лексической системы. Во-вторых, следует определить, какую роль такого рода континуальные процессы должны играть при обучении иностранному языку будущих специалистов в области экономики (имеется в виду учебный курс «Business English» для подготовки экономистов-бакалавров по профилю «Мировая экономика»).

Лексические заимствования являются одним из путей обогащения того или иного языка, при этом она не приводят к утрате им своей специфики и самобытности. Развитие языка продолжает осуществляться по свойственным ему внутренним законам даже в том случае, когда он включает в свой словарный состав довольно значительное количество иноязычных слов, как это было, например, с английским языком после норманского завоевания [1].

Процессу заимствования как языковой проблеме посвящены работы многих российских и зарубежных лингвистов (Л. В. Щерба, А. А, Потебня, А. А. Реформатский, В. В. Виноградов, Ю. С. Сорокин, Л. П. Крысин, В. Г. Костомаров, И. А. Стернин, Ф. де Соссюр, М. Фасмер, Р. Конрад и др.). В своих работах они доказали, что судьба заимствованных слов может быть различной: одни из них прочно укрепляются в заимствующем языке и остаются в нем как неотъемлемая часть общеупотребительной лексики; другие сохраняются на положении слов специального значения; третьи, переставая служить целям общения, постепенно выходят из употребления и затем совершенно исчезают.

Вхождение иноязычного слова в лексическую систему заимствующего языка является длительным и сложным процессом. Вследствие различных причин ассимиляция может не стать полной и окончательной, и заимствуемое слово сохраняет какие-то признаки, свойственные ему в языке-источнике. Однако эти «остаточные» явления нельзя представлять себе как некую механическую незаконченность «обработки» слова в заимствующем языке: единица, обладающая «признаком иноязычности», должна быть поддержана достаточным количеством других слов с аналогичным признаком или же определенной языковой практикой в прошлом или настоящем. Такие группы слов образуют периферийные системы, которые стремятся или адаптироваться и раствориться в основной системе, или же войти в нее, вызвав частичную ее перестройку.

Анализ причин заимствования лексических единиц позволяет разделить их (эти причины) на два вида: экстралингвистические и собственно лингвистические. К *экстралингвистическим причинам* можно отнести: 1) культурное влияние одного народа на другой; 2) наличие устных или письменных контактов стран с различными языками; 3) повышение интереса к изучению того или иного языка; 4) авторитетность языка-источника (что иногда приводит к заимствованию многими языками из одного языка и появлению интернационализмов); 5) исторически обусловленное увлечение определенных социальных слоев культурой чужой страны; 6) условия языковой культуры социальных слоев, принимающих новое слово.

К собственно *лингвистическим причинам* можно отнести: 1) отсутствие в родном языке эквивалентного слова для нового предмета или понятия; 2) тенденцию к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота; 3) стремление к повышению и сохранению коммуникативной четкости лексических единиц, которое выражается в устранении полисемии или омонимии в заимствующем языке; 4) потребность в детализации соответствующего значения, разграничении некоторых его смысловых оттенков путем прикрепления их к разным словам; 5) тенденция к экспрессивности, ведущая к появлению иноязычных стилистических синонимов; 6) отсутствие в родном языке возможности образования производных от имеющегося в данном языке однотипных исконного слова; 7) накопление в заимствующем языке однотипных слов, у которых намечается вычленение одного из подобных элементов; таким образом, заимствуются морфемы и словообразовательные элементы.

В узких рамках данной статьи внимание концентрируется исключительно на заимствовании терминологической лексики финансово-экономической деятельности (английский язык). Интерес к такого рода заимствованиям вполне очевиден и закономерен. Интеграция в мировое сообщество, «открытость» современного российского общества способствуют своеобразному взрыву лексических (особенно терминологических – в сфере бизнеса и финансов) заимствований, прежде всего из английского языка как одного из мировых языков, обслуживающих достижения современной цивилизации.

Как доказано современными учеными [2], подавляющая часть заимствований относится к специальной лексике, которая сегодня занимает ключевые позиции в языковых процессах. Львиная доля в лексиконе специальной лексики принадлежит терминам.

Проблема целесообразности заимствования иноязычных и использования интернациональных терминов всегда находилась в поле внимания терминологов, которые активно занимаются анализом причин и путей проникновения иноязычных слов в терминосистему принимающего языка (О. С. Ахманова, Н. Д. Арутюнова, К. Я. Авербух, В. А .Ицкович, Л. К. Латышев, Д. С. Лотте, В. М. Лейчик, Ж. Марузо, Г. А. Пасечник, А. А. Реформатский, Г. М. Стрелковский, Н. К. Сухов, А. В. Суперанская, А. П. Флоренский и др.). Как правило, пополнение терминологии производится, прежде всего, для уничтожения обнаруженных при ее проверке лакун, а также лакун, получившихся в результате отбраковки наличных терминов и спецификации омонимов. Создание нового термина необходимо при отсутствии в лексической системе принимающего языка слова, имеющегося в иностранной терминологии, а также при установлении производственной реальности данного явления и необходимости выражения его языковыми средствами. Иной раз заимствуются целые терминологические пласты (блоки), если в языке-источнике та или иная система разработана полнее и лучше. При этом критерии оценки того или иного иноязычного термина усматриваются не столько в его происхождении, а в соответствии требованиям системности, краткости, словообразовательной продуктивности и, в первую очередь, требованию ассимилироваться в принимающем языке.

Итак, рассмотрев некоторые основные тенденции в области проникновения в принимающий язык иноязычной лексики на материале финансово-экономической терминологии, можно сделать некоторые обобщения. Прежде всего, необходимо еще раз подтвердить тот постулат, что заимствование терминов – это абсолютная

неизбежность, с которой необходимо мириться. Как бы ни ратовали отдельные ученые за «чистоту» языка, как бы ни требовали искоренения из русского языка англицизмов, им приходится мириться с объективно происходящими процессами пополнения терминологических систем. Более того, следует рассматривать терминологические заимствования как продуктивный путь обогащения терминосистемы любого языка. При этом следует осознавать, что любая терминология развивается в соответствии с общими законами языка и подчиняется его требованиям унификации и адаптивности. Заимствование экономических терминов также подчиняется данным требованиям.

Данные закономерности развития языковых систем, как и любые другие аналогичные процессы, не может не отразиться на лингводидактических стратегиях – наиболее эффективных путях организации иноязычного профессионального образования, в частности, на процессе обучения иностранному языку студентов-будущих экономистов, профессионалов в области финансово-кредитной деятельности.

Общепризнано, что терминологическая лексика является неизменным составляющим компонентов содержания обучения ИЯ. Ее состав характеризуется определенной программой количественной стабильностью (3000 терминов из 6000 лексических единиц, предусмотренных программой для усвоения студентами неязыкового вуза [3]), а вот в качественном смысле она требует к себе иного отношения. Процессы, способствующие развитию терминосистемы, не могут не отразиться на составе отбираемых терминологических единиц. Следовательно, необходим периодический пересмотр отобранных для обучения терминов, пополнение этого объема за счет новых (заимствованных) единиц, статус которых в терминосистеме языка научно доказан и нормативно (а не узуально) утвержден. Это пополнение не может не обусловить необходимость изъятия из терминологического минимума (в целях компенсации) некоего объема единиц, менее значимых, либо устаревших.

Таким образом, теория терминологических заимствований, прежде всего, сказывается на принятии адекватных решений в области формирования списка терминов, необходимых для усвоения студентами. В качестве примера, взятого из практики преподавания курса «Business English», приведем следующие факты. В силу изменения экономических процессов в терминологическое поле подъязыка экономики следует включить актуальные термины, обозначающие инновационные тенденции в сфере экономики [4]:

- ***dotcoms*** *(для обозначения компаний, работающих в Сети);*
- ***glocalization*** *(создание товаров и услуг для глобализированного рынка с учетом особенностей национальной культуры);*
- ***globophobia*** *(отрицательное отношение к глобализации);*
- ***customization*** *(индивидуализация товара или услуги, производящихся в больших количествах);*
- ***brandstorming*** *(или «выработка новой стратегии в отношении торговой марки», или «конкурс на лучшее название для новой торговой марки);*
- ***know-how*** *(технология, ноу-хау);*
- ***face-time*** *(время на личное общение с руководством, подчиненными или клиентами в противоположность общению по телефону, электронной почте и пр.);*
- ***just-in-time*** *(система поставок «точно в срок»);*
- ***downsizing*** или ***rightsizing*** *(оптимизация структуры управления путем сокращения управленческих звеньев);*
- ***CEO*** *(Chief Executive Officer – исполнительный директор компании);*
- ***coopetition*** *(cooperation+competition – отношения компаний, характеризующиеся сотрудничеством и конкуренцией);*
- ***webinar*** *(web+seminar – семинар, проводимый через Интернет);*
- ***to google*** *– искать информацию в Сети.*

Другой методический аспект, который подвержен влиянию с позиции рассматриваемых в статье оснований, связан непосредственно с процессом презентации и семантизации заимствованных терминологических единиц. Этот процесс, как представляется, имеет глубокий культурологический, вернее межкультурный потенциал. Использование информации о возникновении термина, о его этимологии в языке-источнике (например, французском для английского; английском для русского и т. д.) позволяет реализовать «скрещивание» фрагментов профессиональных культур. Студент на примере осознает большую/меньшую развитость, уровень прогрессивности той или иной сферы свой специализации в разных странах. Это особенно важно для специалистов в области мировой экономики. Происходит проникновение в профессиональную картину мира другой страны, понимание мировых интеграционных процессов, происходящих в экономике и финансовой деятельности. Формируется профессиональная кросс-культурная ментальность, столь значимая в современном контексте межкультурной коммуникации.

В качестве иллюстрации и подтверждения высказанного теоретического посыла ниже приводится пример работы с терминами по теме «New Business», предлагаемыми студентам в ходе преподавания курса «Business English» [5, с. 103].

Complete the tips with the words and expressions in the box.

account/invoice, deadline, debt recovery, delivery notes, payment terms, recipient, reminder letter, withholding payment

Tips for chasing payment

– Define a structured approach to ..... and stick to it with every customer. Be reasonable, firm and consistent.

– Quote any relevant ..... reference numbers in correspondence and on the phone.

– Be specific and stick to the point – quote dates and any relevant agreements, such as ..... and credit limits.

– Include/attach copies (not originals) of any relevant documents, such as ....., purchase orders and invoices.

– Be clear about what you want the ..... to do.

– Set a ..... by which time you want the matter to be resolved and stick to it.

– Be persistent – write a ..... or follow-up on the phone if you don't get a reply to you first letter or e-mail.

– If the client is ..... due to a problem with your goods or services, try to rectify the situation as soon as possible.

Как видно из данного задания, студентам предлагается сделать выбор того или иного термина для употребления его в подходящем контексте. Использование методов контекстуального, дистрибутивного и валентностного анализа показывает, что данные термины входят в состав подязыка экономики. В русском языке в качестве заимствований закреплены *аккаунт, инвойс, дэдлайн, реципиент*, некоторые из которых входят в норму (*инвойс, реципиент*), а некоторые – в узус профессиональной лексики (*аккаунт, дэдлайн*). Контент-анализ речи экономистов показывает, что имеется также определенная тенденция к употреблению в русском языке термина *ремайндер.*

Выполнение задания, безусловно, способствует осмыслению студентами специфики экономической реальности зарубежья, что обеспечивает их проникновение в профессиональную концептосферу, постижение экономических реалий, которые, проникнув в экономическую русскоязычную картину мира, требуют определенной номинации, прежде всего оформленной посредством различных способов заимствования (устных и письменных).

Помимо глобальных изменений в подструктуре сознания личности специалиста реализуются и более мелкие, но не менее значимые для овладения иностранным языком процессы, имеющие скорее прагматическую ценность. Благодаря пониманию существа явления заимствования, причин, приводящих к необратимости этого процесса, знание основных закономерностей и прогнозирование наиболее вероятных путей интеграции новых иноязычных терминов в лексическую систему принимающего языка позволит студенту лучше усвоить (осознать, переработать, запечатлеть в памяти) заимствованные термины. А это первый шаг на пути их активного использования, свободного оперирования ими в процессе профессиональной коммуникации, в ходе реализации международного сотрудничества.

Для иллюстрации реализации таких потенциальных возможностей теории терминологического заимствования мы приводим примеры упражнений, которые могут быть использованы при предъявлении, и первичной активизации новых терминологических единиц.

– *Pay attention to the underlined words within the given text. Think of their origin. What language are they borrowed from?*

– *Compare the words in columns and match them. Think about their similarity and identity.*

– *Explain the reasons for penetration into the Russian language of the following terms: «leasing», «franchising», «tolling». Use your knowledge of special disciplines.*

– *Imagine the possible ways of borrowing into the Russian language of the following terms «merchant bank», «annuity», «ultimate downfall».*

Данные примеры демонстрируют жизнеспособность и прагматическую важность подобных заданий. Как видится, может быть создана целостная система (серия) упражнений, нацеленных на обучение студентов пониманию, интерпретации, верному толкованию терминологических заимствований и оперированию ими.

Помимо указанных видов деятельности, уместность которых доказана практикой преподавания курса «Business English», необходимо остановиться еще на одном аспекте лингводидактического характера, обусловливающем особую актуальность методически оправданных стратегий работы с иноязычными заимствованными терминами.

Популярность бизнес-лексики, заимствованной из английского языка, хорошо известна. Её востребованность растет день ото дня. Более того, оперирование («жонглирование») такими терминами становится своего рода признаком «касты избранных» – тех профессионалов, которые в силу специфики своей деятельности максимально погружены в контекст интенсивных межкультурных экономических контактов. При этом пользование такими терминами-заимствованиями не всегда оправдано, поскольку в русском языке могут иметься полные терминологические эквиваленты. В качестве примеров можно привести неоправданное употребление аббревиатур *ATM – automated teller machine – банкомат, L/C – letter of credit – аккредитив, Ltd. – limited – ограниченная ответственность, IPO – initial public offering – первичное размещение капитала, ROI – return on investment – прибыль на вложенный капитал;* таких экономических заимствований, как *account – аккаунт – счет; clearing – клиринг, урегулирование (счетов, платежей), factoring – факторинг, выкуп задолженности.*

Чрезмерное увлечение оперированием таких терминов опасно. Неслучайно сегодня ставят вопрос о том, что лексические заимствования последних лет сказываются негативно на состоянии русскоязычной речевой культуры. Многие из них, отражая особенности чужой культуры, способствуют размыванию исконных русских ценностей, преобразуют структурную основу русской ментальности [6].

В связи с этим можно сделать важный для процесса обучения экономическим терминологическим заимствованиям вывод. Необходимо в ходе иноязычной подготовки студентов-нефилологов формировать у них «чувство языка (скорее, подъязыка) экономики». У них следует развивать способность выявления, оценки экономических заимствований, принятия решений в области соответствия / неполного соответствия / несоответствия явлений экономической действительности в контактирующих профессиональных картинах мира, определения абсолютной необходимости / отсутствия такой необходимости в использовании заимствований.

Такому филологическому «просвещению» студентов могут способствовать следующие виды заданий:

1.Find the terms that are not presented in the Russian language. What is their meaning? How to render them into Russian?

2.Find the terms that fully correlate with their Russian equivalents. Prove their similarity.

3.Give the translation of the following sentences:…

4.Is it correct to use the following loan-words in the given sentences: …

Тем самым, по итогам наших рассуждений мы можем сделать вывод о том, что в процессе обучения студентов иноязычной терминологии необходимо акцентировать их внимание на путях и способах терминологических заимствований. Это интересный (занимательный, мотивирующий) прием работы, имеющий смысл как в частном (методическом) смысле, так и в широком (лингводидактическом) аспекте. Использование такого приема, безусловно, обеспечивает глубокое осознание процесса постижения иного языка и иной культуры, повышение мотивации к профессии и к сфере межкультурных иноязычных контактов, опосредованных английским языков как инструментом взаимодействия в бизнес среде.

Источники и литература

1. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации) / М. Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 128 с.
2. Аммар Хуссейн Садик. Лексические заимствования как средство обогащения и развития литературного языка в социолингвистическом освещении: Автореферат дис. … кандидата филологических наук: 10.02.01 / Аммар Хуссейн Садик. – Елец, 2005. – 23 с.
3. Концепция преподавания английского языка в Государственном университете – Высшей школе экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – http://www.hse.ru/docs/22510736.html.
4. Раицкая Л. К. Основные тенденции в образовании неологизмов в современном экономическом тексте / Л. К. Раицкая // Филологические науки в МГИМО: сборник науч. трудов. № 25 (40) / МГИМО(У) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – С. 95-103.
5. Dubicka M. O'Keeffe M. Market Leader (Advanced Busibess English Course Book) / M. Dubicka. – Pearson Education Limited, 2006. – 176 p.
6. Колесов В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.

УДК 372.881.1

Тарева Е. Г.

СТРАТЕГИИ СБЛИЖЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТА И ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье изложены основания для реализации на практике личностно ориентированного подхода к обучению иноязычному общению. Впервые ставится проблема сближения образовательных ценностей субъектов процесса подготовки – студента и преподавателя – через последовательное совмещение их аксиологических доминант. На основе применения гипотетико-дедуктивного метода, а также метода синтезирования теоретического и эмпирического материала предлагаются варианты внедрения личностно ориентированных стратегий обучения иностранному языку.

Ключевые слова: личностно ориентированный подход, иноязычное образование, образовательные ценности, варианты сближения образовательных ценностей.

У статті викладені основи для реалізації на практиці особово-орієнтованого підходу до навчання іншомовному спілкуванню. Уперше ставиться проблема зближення освітніх цінностей суб'єктів процесу підготовки – студента і викладача – через послідовне поєднання їх аксиологічних домінант. На основі застосування гіпотетико-дедуктивного методу, а також методу синтезування теоретичного і емпіричного матеріалу пропонуються варіанти впровадження особово орієнтованих стратегій навчання іноземній мові.

Ключові слова: особово-орієнтований підхід, іншомовна освіта, освітні цінності, варіанти зближення освітніх цінностей.

The article describes the practicalities of student-centered approach to teaching foreign language. The author represents the first attempt to converge educational values of a student and a teacher – through a combination of successive axiological dominants. Various options of introducing learner-oriented strategies for foreign language teaching being based on hypothetical-deductive method and the method of synthesis of theoretical and empirical data are offered.

Key words: learner-centered approach, foreign language teaching, educational values, strategies of educational values convergence.

Современная система иноязычного образования реализуется и развивается под «знамёнами» личностно-ориентированного подхода к обучению. Появление (еще в 70-х годах XX века) и триумфальное шествие этого подхода по всему миру ознаменовало собой новую эру в развитии теории обучения иностранным языкам как науки. На сегодняшний день исследованы (и продолжают интенсивно изучаться) различные аспекты этого подхода: его сущностные характеристики, закономерности обучения иноязычному обучению, роль и статус участников образовательного процесса. Имеется и ряд учебников и учебных пособий, предназначенных для школы и вуза, которые стремятся максимально реализовать основные положения этого подхода.

Торжество личностно-ориентированной парадигмы достигло своего апогея с принятием в Российской Федерации Федеральных государственных образовательных стандартов (2009-2010 гг.), призванных модернизировать процесс обучения в общеобразовательной и высшей школе. Именно в этих документах общепризнанным стал компетентностный подход к результатам образования, который утвердил приоритет формирования и развития личностных новообразований как целей обучения и воспитания, определил новые стратегии реализации этих целей.

Несмотря на достижение вполне ощутимых результатов в теории обучения иностранным языкам, в нормативно задаваемых образовательных стратегиях, приходится констатировать, что до сих пор личностно-ориентированный подход изучается и описывается в большей степени с позиций его теоретического осмысления. На практике преподаватели, осознавая значимость данного подхода (сказывается влияние основных положений нормативных документов, многочисленные научные дискуссии, содержательно видоизменившаяся профессиональная подготовка и переподготовка учителей), испытывают вполне объяснимые затруднения при реализации его основных положений.

Такое положение дел обусловлено тем, что до сих пор не созданы удобные для применения, воспроизводимые и эффективные технологии личностно-ориентированного обучения иноязычному общению. К тому же, не произошли, к сожалению, изменения в умах субъектов образовательного процесса: и преподаватель, и обучающийся не осознают в должной мере специфику их роли, особенности их функций и, в целом, деятельности. Кстати, второе из высказанных положений является определяющим, первичным по отношению к первому: хорошо известно, что успешность того или иного процесса зависит в первую очередь от личностных доминант, от системы ценностей человека. Этот аксиологический (ценностный) ракурс рассмотрения личностно-ориентированного подхода недооценивается сегодня, хотя значимость этого ракурса вполне очевидна.

В данной статье ставится проблема поиска путей совмещения образовательных ценностных приоритетов у участников лингвообразовательного процесса: обучающихся и преподавателей, совмещения, способного изменить приоритеты в процессе преподавания иностранных языков, не в теории, а на практике усилить, значительно преумножив, его личностно-ориентированный характер.

Когда наивным (неискушенным) слушателям говорят о личностно– ориентированном подходе к обучению

иноязычному общению, они невольно задаются вопросом, о деятельности какой личности ведется речь: о личности преподавателя или обучающегося? Вопрос вполне закономерен при учете равноправного присутствия в образовательном процессе двух взаимодействующих субъектов. Ответ на этот вопрос идеологов подхода однозначен: речь должна идти о личности обучающегося.

Как пишут исследователи, «в центре обучения находится обучающийся как субъект учебной деятельности, а система обучения предполагает максимальный учет индивидуально-психологических, возрастных и национальных особенностей личности обучаемого, а также его интересов» [1, с. 100]. Как указывает И. А. Зимняя, «личностно-деятельностный подход в своем личностном компоненте предполагает, что в центре обучения находится сам обучающийся – его мотивы, цели, неповторимый психологический склад, т.е. ученик, студент как личность» [2, с. 100]. Мнение ученых сводится к одному – традиционный подход со свойственной ему жесткой заданностью содержания обучения, «навязыванием» методов, приемов, средств обучения уступает место подходу, приветствующему свободу мнения, самовыражения, выбора учебной и, в целом, образовательной позиции.

Нельзя не согласиться с этими положениями личностно-ориентированного подхода. Настала пора, когда обучающемуся придается особое значение, на него возлагается особая ответственность за результаты его учебного труда, за достижение должного уровня обученности иноязычному общению. Тем не менее, при более глубоком осознании сущности и назначения данного подхода проявляется определенная категоричность суждений ученых. Акцентирование значимости обучающегося приводит к некоторому забвению роли и функций преподавателя.

Возникает определенного рода противоречие между яркостью проявлений личности обучающегося и несколько приглушенной в «лучах его славы» деятельностью преподавателя. Последний же чаще всего склонен не уступать своего лидерства в учебном процессе. Он, осознавая в уме важность роли ученика, на практике демонстрирует традиционализм при организации и реализации своих педагогических интенций. Такая позиция педагога вполне ясна: именно он несет основную ответственность за результаты не только своей педагогической, но и его (учащегося) учебной деятельности.

Сказанное, как видится, и приводит к тому, что личностно-ориентированный подход к обучению иноязычному общению остается по-прежнему на бумаге (в нормативных документах, научных исследованиях ученых), а не в классе / аудитории на уроках / занятиях по иностранному языку.

Выявленное противоречие, безусловно, нуждается в анализе и устранении, и решение этого вопроса зависит в первую очередь от изменения системы ценностей современного преподавателя иностранного языка, смещения акцентов в его понимании своей роли, функций и назначения при обучении иноязычному общению. Необходимо, тем самым, решить, по сути, идеологический вопрос, касающийся системы взглядов преподавателя на профессию, его педагогического мировоззрения.

В современных условиях, являясь приверженцем личностно-ориентированного подхода, преподаватель должен отказаться от прежней позиции полной «центрации» процесса обучения на его собственной личности. Эта позиция означает, что преподаватель абсолютно уверен в своей правоте в отношении выбора содержания, приемов и средств не только преподавания, но и учения и считает себя вправе навязывать свои решения обучающимся.

В то же время и полная (100%-ная) «центрация» на личности обучающегося не всегда выполнима и достижима. В этом случае преподаватель должен быть убежден в том, что студенты способны самостоятельно, творчески и эффективно, без помощи извне решать различного рода учебные задачи, применяя собственные стратегии учения, присущие индивидуальному стилю их учебного труда. К сожалению, сложно надеяться на то, что к настоящему моменту а) сами обучающиеся готовы к такой автономной учебной деятельности, б) имеются благоприятные для этого образовательные условия и в) к такого рода взаимодействию готов сам преподаватель.

В связи со сказанным представляется целесообразным выявить и описать ряд промежуточных позиций (вариантов) между следующими крайними состояниями: (1) «центрация на преподавателе» и (2) «центрация на студенте»; первая является устаревшей, косной, вторая – требуемой, прогрессивной. Иными словами необходимо «построить мостик» между вчерашним и завтрашним днем в практике преподавания иностранного языка.

Вполне очевидно, что выбор и реализация того или иного варианта должны полностью определяться условиями учебной ситуации, наличествующими в конкретном образовательном контексте.

Первый из возможных *вариантов* предполагает, что преподаватель координирует свои педагогические действия с действиями обучающихся, *управляя* их деятельностью. Как мы видим, степень проявления свободы учебных действий студентов ещё крайне слабо выражена. Основная роль принадлежит все еще преподавателю. Однако определенные изменения по сравнению с вариантом «центрация на преподавателе» очевидны: устанавливается определенный тип взаимодействия между субъектами. Преподаватель учитывает индивидуальные особенности студентов и на основании этого предопределяет путь формирования и развития у каждого из них иноязычной коммуникативной компетенции. Как показывает практика, именно такой вариант организации процесса обучения на сегодняшний момент проявляет себя как преобладающий.

Второй вариант отличается от предыдущего тем, что преподаватель на сей раз *предлагает* (*советует / рекомендует*) обучающимся различные способы овладения иноязычным общением. Отличие данного варианта от предыдущего, казалось бы, невелико. Однако это не так. И дело даже не в модальности установок: "управляет" / «советует». При такой организации процесса обучения педагог принимает решение совместно с учащимися. Устанавливаются отношения «разделенной ответственности» (термин Е. Н. Солововой [3]), когда субъекты на паритетных началах участвуют в процессе обучения, определяя его эффективность и отвечая за его результаты.

Третий вариант, промежуточный между двумя крайними состояниями, заключается в том, преподаватель *помогает* ученикам в выработке ими самими индивидуальных способов овладения иноязычным общением. Субъектная позиция обучающегося по весомости её роли и возможностей начинает преобладать. Ученик выбирает приемлемый именно для него и только для него способ учебной деятельности и сам определяет степень его эффективности. Преподаватель выступает при этом в роли помощника, советчика, фасилитатора.

Как можно заключить, переход от «центрации» на преподавателе к «центрации» на обучающемся есть сложный, многоэтапный процесс, а процессе его реализации вероятны множественные варианты взаимоотношений двух субъектов учебного процесса. Для большей наглядности вышесказанное представлено на схеме.

Варианты взаимоотношений субъектов учебного процесса

центрация на преподавателе ←				→ *центрация на обучающемся*
преподаватель *навязывает* свои решения учащимся	преподаватель *управляет* учебной деятельностью учащихся	преподаватель *предлагает* учащимся различные способы учебной деятельности	преподаватель *помогает* учащимся в выборе индивидуаль-ного способа учебной деятельности	преподаватель *дает возможность* учащимся пользоваться индивидуальными способами учебной деятельности, индивидуальным стилем учебного труда
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)

Из всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что реализация на практике идеи истинной центрации процесса обучения на личности обучающегося объективно не может быть а) всеобщей и б) быстротечной. Образовательные условия диктуют необходимость постепенной, плавной и гармоничной трансформации типа взаимодействия двух субъектов. При этом допустимы перечисленные варианты личностно-ориентированной организации процесса обучения. Реализация *всех* таких вариантов не является обязательной, поскольку в учебной ситуации может преобладать каждый из них. Поэтому процесс "движения" в сторону "центрации" на обучающемся может быть как максимально продолжительным (1 → 2 → 3 → 4 → 5), так и сокращенным по длительности (например, 2 → 3 → 4 → 5; 3 → 4→ 5 или даже 4 → 5).

Практический вывод из вышесказанного заключается в том, что преподаватель иностранного языка, стремясь реализовать на практике идеологию личностно-ориентированного подхода, должен, с одной стороны, суметь выявить актуальное состояние учащихся в области их готовности к продуктивному взаимодействию. С другой стороны, преподаватель сам должен быть готов к смене своих педагогических приемов и тактик, подстраивая их под выявленный тип взаимодействия. Наконец, педагог должен стремиться к ориентации всего учебного процесса на личности студента. Это должно внести определенные коррективы в систему ценностных ориентаций преподавателя, повлиять на смену его профессиональных приоритетов и, в конечном итоге, обеспечить практическое внедрение личностно-деятельностного подхода к обучению иноязычному общению.

Источники и литература

1. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика / А. Н. Щукин. – М.: Филоматис, 2004. – 416 с.
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология / И. А. Зимняя. – Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1997. – 480 с.
3. Соловова Е. Н. Методическая подготовка и переподготовка учителя иностранного языка: интегративно-рефлексивный подход / Е. Н. Соловова. – М.: ГЛОССА-ПРЕСС, 2004. – 336 с.

УДК 81’33:811

Тарнопольский О. Б.,
Кожушко С. П.

ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНО-РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СФЕРЕ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ: БАЗОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В работе впервые обобщены и проанализированы пять основных положений, призванных помочь конкретизации цели обучения иноязычно-речевой коммуникативной компетенции в области делового общения.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, профессиональная направленность, конкретизация цели, компонентный состав, коммуникативная достаточность.

В роботі вперше узагальнено та проаналізовано п’ять основних положень, що призвані допомогти у конкретизації цілей навчання іншомовної мовленнєвої комунікативної компетенції в галузі ділового спілкування.

Ключові слова: комунікативна компетенція, професійна направленість, конкретизація цілі, компонентний склад, комунікативна достатність.

The work generalizes and analyses the main concepts, which are designed to specify the goals of foreign language communicative competence teaching in the sphere of business communication.

Key words: communicative competence, professional orientation, specification of goals, component structure, communicative sufficiency.

Понятие коммуникативной компетенции возникло в ходе развития теории речевого акта [8] – мельчайшей и базовой единицы коммуникации, которая реализуется, подчиняясь не только правилам и нормам языка, но и правилам и нормам общения, обусловленным, в свою очередь, социокультурными нормами общества. Утвердилось данное понятие после выхода работы D. Hymes, который выдвинул положение о том, что производство речевых актов, порождение социально нормативных речевых высказываний невозможно без наличия у говорящего коммуникативной компетенции, которая, помимо языковых правил, включает владение: реализуемостью высказываний, их уместностью в контексте или ситуации и встречаемостью [6].

Понимание роли коммуникативной компетенции как основного регулятора человеческого общения привело к своеобразной «революции» в преподавании иностранных языков. Ее повсеместное принятие в качестве главной цели обучения языкам заставило кардинально пересмотреть традиционные подходы. Это выразилось не только во внедрении коммуникативного метода (обучение языку как средству общения в общении и через общение) в разных его модификациях как основного, ведущего и практически единственно приемлемого в самых разных условиях и ситуациях практического преподавания и учения. Очень важным стало понимание того факта, что обучение

языковым нормам общения далеко недостаточно. Гораздо существеннее, чтобы учащиеся овладели социокультурными нормами, которым лингвистические нормы подчинены. Сейчас уже мало кто сомневается в том, что учить надо не языку (его системе), а общению на нем и для этого требуется, чтобы учащиеся овладели иноязычно-речевой коммуникативной компетенцией.

Однако выдвижение иноязычно-речевой коммуникативной компетенции в качестве цели обучения дает все-таки слишком обобщенную формулировку этой цели. Нет конкретного ответа на вопросы: какой уровень владения требуется достичь в том или ином случае, должно ли владение охватывать все виды речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение, письмо) или только отдельные из них, в каких сферах может и должна развертываться коммуникация после окончания курса и т.д.

Помочь конкретизировать цель обучения иноязычно-речевой коммуникативной компетенции в области делового общения могут ряд положений, выдвинутых авторами в ходе теоретической и практической разработки данного понятия и смежных с ним. По нашему глубокому убеждению, эти положения нужно использовать для **рационального ограничения цели**. Без такого ограничения, если просто формулировать цель как *обучение иноязычно-речевой коммуникативной компетенции в области делового общения*, конкретные задачи станут практически всеобъемлющими, т. е. реально не достигаемыми. Конкретизации таких положений и посвящена данная работа.

Первое положение, дающее возможность ограничить цель, касается **профессиональной направленности** в обучении неродному языку тех обучаемых, которые изучают его прежде всего для использования в своей профессионально-трудовой деятельности. С точки зрения обеспечения профессиональной направленности обучения деловому английскому языку лиц, уже работающих в бизнесе, рациональное ограничение цели его изучения не представляет особого труда. Однако данный подход к рациональному ограничению цели обучения не вполне адекватен при преподавании делового английского языка студентам экономических специальностей, а не лицам, уже работающим в бизнесе. Причина в том, что во время обучения, особенно на младших курсах, трудно или даже невозможно заранее определить конкретную специализацию будущего выпускника. Поэтому, обучая деловому английскому языку студентов, целесообразно внедрение не узкой, а **широкой профессиональной направленности** для выработки **широкой профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции** обучаемых. Широкая профессионально-ориентированная коммуникативная компетенция в области делового общения дает возможность общаться практически по всем вопросам в рамках стандартной деловой активности.

Второе из предлагаемых положений, **ограничение и конкретизация цели обучения,** связано с идеями В. Л. Скалкина о сферах человеческого общения, социально-коммуникативных ролях и социально-коммуникативных позициях [2]. Автором было выделено восемь сфер человеческого общения: социально-бытовая, семейная, профессионально-трудовая, социально-культурная, сфера общественной деятельности, административно-правовая сфера, сфера игр и увлечений, зрелищно-массовая сфера. При обучении английскому языку для делового общения ведущей безусловно является **профессионально-трудовая сфера**, однако достаточно важной является и **административно-правовая сфера**, поскольку любому деловому человеку довольно часто и подолгу приходится общаться именно в ней (обсуждение и заключение контрактов, соглашений, оформление деловых документов и пр.). Наконец, ни один человек, чем бы он ни занимался, не может избежать общения в социально-бытовой сфере. Поэтому обучать общению в **социально-бытовой сфере** необходимо при преподавании иностранного языка любым категориям обучаемых, в том числе и тем, кто изучает его исключительно для делового общения.

Можно сделать вывод, что именно на эти три выдвинутые выше сферы общения необходимо опираться при преподавании английского языка в деловых целях.

Третье положение – это положение о связи коммуникативной компетенции с разными видами речевой деятельности

Как известно, коммуникативная компетенция человека не является чем-то однородным, а распадается на несколько видов, каждый из которых связан с определенным видом речевой деятельности. В настоящее время можно считать общепризнанным, что существуют особые коммуникативные компетенции говорящего, слушающего, читающего, пишущего. Они относительно независимы друг от друга и могут развиваться достаточно автономно.

Следовательно, хотя коммуникативные компетенции в разных видах речевой деятельности безусловно развиваются во взаимосвязи и подкрепляют друг друга, они все же требуют разных подходов для развития каждой из них вследствие своей автономии. Поэтому вполне можно в качестве цели обучения ставить развитие только одного или нескольких (но не всех четырех) видов иноязычно-речевой коммуникативной компетенции. Такой подход значительно сужает цель обучения, ограничивает его задачи и тем самым упрощает их решение, облегчая достижение оптимальных запланированных результатов.

Четвертое положение касается компонентного состава коммуникативной компетенции.

С 80-х годов прошлого века, стали преобладать взгляды на коммуникативную компетенцию как многокомпонентное образование [5], [7]. Ее разделение на ряд составляющих компонентов стало очень важным для методики преподавания иностранных языков. Оно позволяло четко определить, чему именно, помимо собственно языка, нужно учить для того, чтобы обучаемые смогли эффективно участвовать в речевой коммуникации, достигая целей общения и не нарушая принятых в данной языковой общности норм речевого и внеречевого поведения.

В рассматриваемый период появились и исследования компонентного состава **профессионально-ориентированной** иноязычно-речевой коммуникативной компетенции. Так Л. А. Ермакова [1] выделила пять компонентов в составе профессионально-ориентированной иноязычно-речевой коммуникативной компетенции (технические специальности): лингвистический, предметный, формально-логический, лингвосоциокультурный и паралингвистический.

Необходимо обратить внимание на еще два компонента коммуникативной компетенции, которые ранее в литературе не освещались, за исключением книг и статей одного из авторов настоящей работы [3]. Это **компонент «стиль жизни» (lifestyle)**, который регулирует стереотипы поведения, необходимые для нормальной повседневной жизни в конкретном языковом и культурном социуме и **психологический**. Он отвечает за навыки и умения, связанные с правильной оценкой собеседника(ков), предвидением его/их реакций, регулированием таких реакций, обеспечением убедительности собственных высказываний и т.п.

Пятое положение связано с уровнем коммуникативной достаточности в обучении языку. Оно было обосновано Э. П. Шубиным [4], который отмечал, что данный уровень (в развитии коммуникативной компетенции) обеспечивает прием и передачу информации на том или ином языке только в заданных коммуникативных условиях (сферы общения, круг тем и ситуаций и т. п.). При этом уровне сообщения, производимые обучаемыми, могут содержать практические любые отклонения от языковой нормы, если они не препятствуют правильному пониманию речи.

Нами же под коммуникативной достаточностью, прежде всего, понимается допустимый максимум ограничений, налагаемых на степень сформированности развиваемого вида речевой деятельности, который предполагает обязательный минимальный уровень ее развития. Ниже него опускаться нельзя, поскольку речевая деятельность, коммуникация перестанут быть таковыми. Коммуникативная достаточность предусматривает и допустимый максимум ограничения того круга речевых задач, которые следует обязательно научиться решать обучаемым, той номенклатуры речевых актов, что им необходимо освоить.

Все сказанное выше позволяет сделать следующий **вывод:** целью обучения деловому английскому языку в вузе или на факультете экономического профиля является формирование у студентов широкой (опирающейся на общеупотребительный деловой язык) профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции в говорении, аудировании, чтении и письме в области делового общения, дающей возможность как обеспечивать коммуникацию по всем общим вопросам деловой активности, так и (впоследствии) специализировать и углублять владение деловым языком путем целенаправленного доучивания.

Развитая в обучении широкая профессионально-ориентированная коммуникативная компетенция призвана обеспечить выпускнику – будущему экономисту, общение в профессионально-трудовой, административно-правовой и социальной сферах в тех его ролях, которые с наибольшей вероятностью потребуют общения на английском языке при осуществлении профессиональной трудовой деятельности.

В курсе делового языка широкая профессионально-ориентированная коммуникативная компетенция в области делового общения должна быть сформирована в единстве всех ее основных компонентов: лингвистического, предметного, формально-логического, делового, лингвосоциокультурного, «стиль жизни» и психологического.

Формируемая коммуникативная компетенция призвана достигнуть ограниченного в своем развитии уровня – уровня коммуникативной достаточности, допускающем пробелы во владении языковым материалом, речевыми навыками и умениями, не препятствующие адекватной коммуникации в отобранных для обучения сферах общения при заданной социально-коммуникативной позиции и заданных относящихся к ней социально-коммуникативных ролях.

Источники и литература

1. Ермакова Л. А. Обучение чтению на английском языке (первый этап неязыкового вуза): диссертация на соискание научной степени канд. пед. наук: спец. 13.00.02 «Теория и методика преподавания» / Л. А.Ермакова. – Москва, 1988. – 308 с.

2. Скалкин В. Л. Основы обучения устной иноязычной речи / В. Л.Скалкин. – М.: Русский язык, 1981. – 248 с.

3. Тарнопольський О. Б. Стандарти комунікативної поведінки у США: Посібник для студентів старших курсів, які вивчають англійську мову як спеціальність / О. Б.Тарнопольский, Н. К.Скляренко. – Київ: Видавничий центр КДЛУ, 2000. – 175 с.

4. Шубин Э. П. Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам / Э. П. Шубин. – М.: Просвещение, 1972. – 350 с.

5. Bachman F. The construct validation of some components of communicative proficiency / F. Bachman, A. S. Palmer // TESOL Quarterly. – 1982. – Vol. 16, No. 3. – 449-464.

6. Hymes D. Competence and performance in linguistic theory // Language Acquisition: Models and Methods / D. Hymes. – London: Academic Press, 1971. – P. 3-24.

7. Moirand S. Enseigner a communiquer en langue etrangere / S. Moirand. – Paris: Hachette, 1982. – 188 p.

8. Searle J.R. What is a speech act / J. R. Searle // Language and Social Context. Selected Readings. – Harmondsworth: Penguin Books, 1972. – P.136-154.

УДК: 81-119

Терских М. В.

ФУНКЦИИ ПРЕКОНСТРУКТОВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В СОВРЕМЕННОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается одно из проявлений интердискурсивности в современном рекламном дискурсе – апелляция к советским культурным кодам в аспекте их функциональной нагруженности.

Ключевые слова: интердискурсивность, рекламный дискурс, поликодовость.

У статті розглядається один з проявів інтердіськурсивності в сучасному рекламному дискурсі – апеляція до радянських культурних кодів в аспекті їх функціональності.

Ключові слова: інтердіськурсивность, полікодовость, реклама

In the article is considered one of displays of the interdiscoursivity in a modern advertising discourse – the appeal to the Soviet cultural codes in aspect of its functionality.

Key words: interdiscoursivity, advertizing discourse, multimodality.

Интердискурсивность, представляющая собой комбинацию (монтаж) дискурсов разного типа, обнаруживает себя, в частности, через актуализацию различных маркеров инодискурсивных смыслов. Целесообразным в связи с этим представляется оперирование термином, предложенным М. Пеше, – преконструкт. Преконструкт предстает как «след в самом дискурсе предшествующих дискурсов, поставляющих своего рода «заготовку», «сырье» для дискурсивной формации, с которым для субъекта связан эффект очевидности» [3, с. 271].

В современной рекламной коммуникации довольно часто в качестве такого дискурсивного «сырья» используются элементы советского дискурса. Дискурс советского периода предстаёт как особая семиотическая система, набор культурологических кодов на разных уровнях (вербальном, визуальном, аудиальном), отсылающих к

культуре советского времени. Очевидно при этом, что элементы «советского», попадая в новую дискурсивную среду, трансформируются, сохраняя, однако, черты инодискурсивности.

Тенденция обращения к преконструктам советской эпохи при разработке объекта позиционирования, рекламных сообщений разных форм и жанров не вызывает сомнения: популярность советской символики в рекламном дискурсе с годами не уменьшается.

Среди наиболее частотных форм апелляции к советскому прошлому можно отметить следующие:

1) использование лозунгов советского периода в каноническом или трансформированном виде:

- «Каждому по труду!» (газета «Труд 7»; прототекст – «Моральный кодекс строителей коммунизма);
- «Профессионалы всех стран, объединяйтесь!» (реклама торгового и пищевого оборудования «Домино»);
- «Всем! Всем! Всем!» (реклама магазина обуви «Пешеход»)

Причины популярности лозунгов советского типа очевидны: минимум текста, простые фразы, основанные на столь значимом для рекламного дискурса призыве к действию;

2) обращение к рекламным элементам советского дискурса, в том числе трансформация слоганов, созданных «главным рекламистом» советского периода – Владимиром Маяковским:

- «Кто куда, а я в Китай» (реклама туристического агентства; прототекст – слоган, придуманный В. Маяковским, – «Кто куда, а я в сберкассу!»);
- «Летайте самолетами Saab!» (реклама автомобиля Saab; прототекст – рекламный слоган Аэрофлота – «Летайте самолетами Аэрофлота!»);
- Нигде кроме, как в любящем доме (корм для кошек «Darling»; прототекст – рекламный слоган, созданный В. Маяковским для «Моссельпрома», – «Нигде кроме, как в Моссельпроме!»);
- Лучше стульев не было и нет – готов сидеть до старости лет (реклама мебели; прототекст – слоган для изделий «Резинотреста», тоже творение В. Маяковского – «Лучше сосок не было и нет – готов сосать до старости лет»).

3) воссоздание в рекламных сообщениях стилистики сатирических текстов советского периода, в частности, произведений «Окон РОСТа»: использование языковых форм и визуального ряда в каноническом или изменённом виде, расположение текста на странице в виде знаменитой «лесенки» В. Маяковского:

- Вычищу уши
  новостей
  ради я.
  Сутками
  слушаю
  лучшее радио! (телевизионная реклама радио «Маяк-24»; использована манера агитстихов В. Маяковского, текст произносил «контурный» персонаж, также позаимствованный из «Окон РОСТа»);
- «Начни
  переустройство
  быта
  С Общества
  Взаимного
  Кредита!».
  «Любая покупка
  доступна, легка,
  Если кредит
  ты взял
  в ОВК! (реклама банка «ОВК»);

4) графическое и шрифтовое оформление рекламного сообщения: заметные издалека рубленые шрифты, крупные буквы заголовков со шрифтовой стилизацией и т.п.

5) использование цветовой символики советского периода: сигнального красного цвета, сочетания красно-черного и красно-белого цветов;

6) обращение к значимым символам советской эпохи: пятиконечным красным и золотым звездам, гербу СССР, серпу, молоту и т. п.;

7) апелляция к знаковым фигурам советского прошлого (изображение В. И. Ленина и других представителей советской эпохи);

8) использование в качестве визуального ряда знаковых произведений советского периода (например, таких популярных визуальных прототекстов, как памятник работы В. Мухиной «Рабочий и колхозница», агитационный плакат Д. С. Моора «Ты записался добровольцем?», знаменитый плакат времен Великой Отечественной войны, созданный художником Ираклием Тоидзе, «Родина-мать зовет!» и др.).

Базовой задачей рекламиста, своего рода главным аттрактором в рекламной деятельности является продвижение продукта, привлечение представителей целевой аудитории к процессу потребления. Следовательно, использование всех элементов, конституирующих рекламное сообщение, должно определяться понятием эффективности.

Сразу оговоримся, что вопрос об эффективности рекламы является одним из самых сложных и неоднозначно решаемых в практике маркетинговых коммуникаций. Основная проблема «вычленения» эффекта, полученного именно от рекламного сообщения, заключается в том, что на уровень продаж товара/услуги влияют многие составляющие маркетингового комплекса (особенности самого товара, цена, дистрибуция и т. п.). Тем не менее, попытаемся определить, что лежит в основе эффективности именно рекламы как части системы маркетинговых коммуникаций.

В работах, посвященных специфике рекламной коммуникации, как правило, выделяют две составляющих эффективности рекламы: экономическую и коммуникативную. Подчеркнем, что разделение понятия эффективности

на две составляющие является достаточно условным: невозможно отрицать их тесную взаимосвязь, работают эти компоненты практически всегда в комплексе.

Экономическая эффективность рекламной кампании представляет собой соотношение между результатом, полученным от рекламы, и вложенными в рекламную кампанию средствами.

Коммуникативная эффективность определяется тем, насколько результативно реклама передает представителям целевой аудитории сведения о продвигаемом товаре/услуге и формирует лояльное отношение к продукту» [2, с. 27].

Очевидно, что в случае использования элементов советского дискурса в рекламе речь в первую очередь будет идти о коммуникативной эффективности. Ключевым в связи с этим представляется ответ на вопрос: какова роль семиотики советского в современной рекламной коммуникации, за счет чего преконструкты советского дискурса способны увеличить воздействующий потенциал рекламного текста?

Функциональность элементов советского дискурса в современной медиакоммуникации в первую очередь определяется восприятием указанных кодов представителями целевой аудитории. Согласно опросу, проведенному в 2010 году Всероссийским центром изучения общественного мнения, большая часть россиян при слове «советский» испытывает ностальгию (около 31%), гордость (18 %) и одобрение (17%). «Советский» ассоциируется в основном с уверенностью в завтрашнем дне, порядком. Однако приведенные результаты отражают отношение представителей старшего поколения, молодежный же сегмент относится к понятию «советский» по большей части безразлично.

Эти данные отчасти ограничивают апелляцию к советским культурным кодам определённым целевым сегментом. Таким образом, первая функция, выполняемая преконструктами советского периода, может быть обозначена как *делимитативная* (реализуется деление общей аудитории на «своих» и «чужих»). Реклама, строящаяся на преконструктах советского дискурса, как правило, апеллирует к памяти и патриотическим чувствам пожилых людей, вызывает доверие к продвигаемой торговой марке.

Так, омская реклама магазина «Пешеход», базирующаяся на визуальном прототексте – плакате А. Родченко «Ленгиз. Книги по всем отраслям знания» (вместо слова «Книги» использован призыв «Всем! Всем! Всем!»), нацелена как раз на представителей старшего поколения с невысоким доходом. Магазин предлагает по демократичным ценам обувь для повседневной носки, без изощрённого дизайна.

Отметим также, что бесспорно перспективной с точки зрения воздействия с помощью апелляции к советским кодам предстает аудитория в возрасте от 30 до 40 лет. Это так называемое поколение «последних советских детей» - те жители России, чье детство пришлось на советское время, те, в ком «память детства» еще сохранилась, те, чья «Родина – Советский Союз». Представители данного целевого сегмента в силу целого ряда причин ностальгируют по советскому прошлому и реагируют на различные попытки адаптации советских символов к новым реалиям. Подчеркнём также, что данная возрастная аудитория характеризуется максимальной экономической активностью и высокой покупательской способностью.

Именно на представителей данного целевого сегмента, как правило, рассчитано оформление ряда заведений общественного питания (кафе, ресторанов и т. п.) в советском стиле. Как представляется, практически в каждом городе есть кафе, бары, рестораны, столовые такого рода, причем довольно часто цены в таких заведениях совсем не низкие. Так, довольно дорогой «Ресторан советской кухни «Столичный»» в Санкт-Петербурге сообщает потенциальному гостю: «Здесь, в уютных мягких интерьерах, среди улыбчивых официанток и приветливых мэтров запросто можно тряхнуть стариной и съесть старое доброе Пюре с Котлетой – классику, доведённую до совершенства добрым и опытным поваром». Как оказалось, на «ностальгии» по прошлому можно неплохо зарабатывать.

Советская стилистика в таких кафе и ресторанах выдержана, как правило, во всех элементах позиционирования: от вывески до меню. Примером заведения, стилизованного под советскую столовую, может служить омское кафе «На троих». Советские преконструкты конституируют как вербальные, так и визуальные средства позиционирования. На вывеске изображены рабочий и колхозница (цветовое решение – традиционный советский триколор), сопровождается визуальный ряд слоганом «Вечная молодость» (с соответствующим стилистике графическим и шрифтовым решением). «По-советски» оформлено и меню. Так, блюдо под названием «Селедка «Гастрономическая»» сопровождается комментарием «Селедка из большой жестяной банки, приготовленная по традиционному рецепту, утвержденному Советским ГОСТом». Солянка носит «гордое» название «С.С.С.Р.» («солянка сборная советская ресторанная»). Остальное меню выдержано в таком же стиле. Интересно, что такие спиртные напитки, как виски, мартини и т. п. расположены в разделе «Буржуйские напитки» (в отличие от пива и водки).

Между тем зачастую элементы советского дискурса используются в рекламе исключительно с целью привлечения внимания (нет связи между продуктом и тем историческим периодом, к которому отсылает прототекст, нет обращения к определённому целевому сегменту и т. п.). В этом случае можно говорить об *аттрактивной функции* (хорошо известные культурные знаки в новом – зачастую неожиданном – контексте неизбежно привлекают внимание). Такова, например, реклама обувной марки Paulo Conte, оформленная в виде герба Советского Союза (визуальный код сопровождается надписью «Красная цена», что позволяет провести параллель между понятиями «распродажа» и «революция»).

Отметим, что активно эксплуатируемый в рекламном дискурсе главный элемент «советского оформления» - красный цвет государственного флага – выступает по большей части как eye-stopper (элемент рекламы, привлекающий и останавливающий внимание, завораживающий человека). Как отмечают специалисты, из всех цветов спектра красный цвет вызывает наиболее сильную физиологическую реакцию – учащение сердцебиения. «Красный цвет не позволяет пройти мимо, он сразу же притягивает внимание и управляет ситуацией. Проигнорировать его не удастся. Красный цвет сигнализирует об опасности и готовности встретить эту опасность лицом к лицу. Это очень сильный цвет, который непосредственно воздействует на человека и не оставляет его равнодушным» [1, с. 30-31].

Такого же рода механизмы привлечения внимания были задействованы и в промо-акции парфюмерной сети «Арбат-Престиж»: сезонное мероприятие проводилось под лозунгом «Октябрьская революция цен!». В первый момент слоган удивляет: наличие у слова «революция» такого рода семантической валентности кажется

неожиданным (мы о ней просто забываем), настолько устойчивыми являются ассоциации со словосочетанием «октябрьская революция». Затем удивление сменяется осознанием того, что фраза выглядит вполне логичной: акция проводится в октябре, а «революция цен» объясняется рекламным предложением (стоимость товаров гораздо ниже, чем обычно).

Кроме того, достаточно очевидным представляется использование советских преконструктов с целью апелляции к авторитету (*персуазивная функция)*. Использование советских семиотических кодов в этом случае выступает в качестве доказательства стабильности работы какой-либо организации, неизменно высокого качества объекта позиционирования. Так, хлебозавод им. В. П. Зотова не меняет свой стиль уже на протяжении многих лет: визуальный компонент стилизован под герб Советского Союза (метонимический перенос «колосья – готовые хлебобулочные изделия»), слоган подкрепляет функциональность изобразительного кода – «Качество, проверенное временем».

Еще одна функция, которую позволил выявить анализ рекламных сообщений, базирующихся на советских преконструктах, – *игровая (людическая)*. Создатели рекламных текстов часто прибегают к приемам языковой игры, что позволяет подать информацию в компрессионном виде; создать оригинальный рекламный текст, привлекающий к себе внимание читателей и зрителей; ввести юмор в рекламу и т. п. В качестве прототекстов в такого рода рекламных сообщениях могут использоваться лозунги советского периода – как в каноническом, так и в трансформированном виде.

Людическая функция реализуется и при позиционировании пунктов общественного питания: в данном случае тоска по прошлому отходит на второй план, актуализируется именно игровое начало. Примером такого рода может служить меню московского кафе-бара «СССР»: салат «Зародыш коммунизма», яичница с ветчиной «Жертва перестройки», блюдо «Сон пролетария» (свиная шейка, запеченная с ананасом и сыром), «КГБвдейка» (осетрина, семга и судак на шпажках) и т. п.

В заключение подчеркнем, что элементы советского дискурса, служащие базой для рекламного сообщения, могут выполнять одновременно несколько функций, одна из которых будет ведущей. При этом приведенная классификация не претендует на законченность: вполне возможным представляется выделение дополнительных (частных) функций.

Источники и литература

1. Купер М. Язык цвета / М. Купер, А. Мэтьюз. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. – 144 с.

2. Лидовская О. П. Оценка эффективности маркетинга и рекламы. Готовые маркетинговые решения / О. П. Лидовская. – СПб.: Питер, 2008. – 141 с.

3. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пешё // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ Прогресс, 1999. – С. 225-289.

УДК: 81-119

Терских М. В.,
Михеева А. А.

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РЕКЛАМЕ ЭЛИТНОГО ТУРИЗМА

В статье рассматриваются типичные дискурсивные практики, используемые в рекламных текстах при позиционировании и продвижении объектов элитного туризма. Выявленный набор дискурсов обусловливается спецификой предлагаемого продукта, особенностями целевой аудитории luxury-сегмента, набором ценностей, отличных от ценностей сегмента массовой общественности.

Ключевые слова: дискурсивная практика, рекламный дискурс, туристический дискурс, позиционирование.

У статті розглядаються типові дискурсивні практики, використовувані в рекламних текстах при позиціонуванні і просуванні об'єктів елітного туризму. Виявлений набір дискурсов обумовлюється специфікою пропонованого продукту, особливостями цільової аудиторії luxury-сегменту, набором певних цінностей, відмінних від цінностей сегменту масової громадськості.

Ключові слова: дискурсивна практика, реклама, туристичний дискурс, позиціонування.

In article the typical discourse practices used in advertizing texts at positioning and advance of objects of elite tourism are considered. The revealed set of discourses is caused by specifics of an offered product, features of target audience of a luxury-segment, a set of certain values, distinct from values of a segment of the mass public.

Key words: discourse practices, advertizing discourse, tourist discourse, positioning.

В настоящее время исследовательская область под названием «теория дискурса» является одним из наиболее активно развивающихся направлений современных общественных наук. Об этом свидетельствует растущее с каждым годом количество публикаций, научных конференций, посвященных различным сферам применения теорий дискурса и дискурс-анализа. Исследователи утверждают, что практически каждый феномен общественной жизни подвергается дискурс-анализу [1; 2; 3 и др.].

Анализ различных подходов к понятию дискурса позволяет констатировать, что для теорий дискурса не существует дисциплинарных ограничений. Методологическая база дискурсов носит принципиально комплексный, междисциплинарный характер, а предметная область данных теорий всегда открыта для дальнейшего расширения.

В ходе нашего исследования мы будем придерживаться следующего определения понятия дискурса: *дискурс – коммуникативное явление, которое включает в себе не только анализ текста как такого, но и анализ социального контекста (знания о мире, мнения, установки и т. д.).*

Под дискурсивной практикой мы понимаем непосредственную и непрерывную реализацию определенных дискурсов во множестве текстов и коммуникативных событий в разном контексте и в разных референтных ситуациях.

Одной из ключевых аттракторов рекламного рынка, независимо от позиционируемого объекта, является обеспечение коммуникативной и, как результат, экономической эффективности рекламных сообщений. Туризм, который в XXI веке стал значительным социальным, культурным и политическим явлением, в этом смысле не является исключением.

При этом важно отметить, что позиционирование рынка элитных туристических услуг, на котором мы хотели бы остановиться в рамках данной статьи, в ряде моментов отличается от рекламы товаров массового потребления. Решающим моментом для успеха на туристском рынке является распознавание желаний потребителя и реализация их в товарах и услугах туриндустрии как одного из инструментов маркетинга. Следовательно, рекламные тексты luxury-товаров должны строиться с учётом специфики аудитории, которая желает выделиться из общей массы людей возможностью приобрести уникальные, изысканные и дорогие товары.

Именно поэтому интересным представляется анализ дискурсивных практик, используемых в рамках туристического дискурса при позиционировании продуктов элитного сегмента.

Анализ любого рекламного сообщения позволяет констатировать, что реклама, по сути, представляет аудитории два дискурса: товарный – о вынесенном на рынок предложении – и социальный – об обществе, взаимоотношениях внутри него, ценностях и стереотипах. Товарный дискурс в туристической сфере обусловливается спецификой товара: представители туриндустрии предлагают своим клиентам *будущее*. Поэтому задача туристической рекламы – создать комплекс привлекательных образов, сконструировать выгодную картину мира и внедрить ее в сознание аудитории.

В туристической рекламе массового потребления социальный дискурс доминирует. Цель – проинформировать клиента о стране, курорте, отеле и т. д. является не первостепенной, главное – убедить человека поехать в путешествие, доказать, что предложение выгодно для него, оно ему необходимо. В luxury-туризме товарный и социальный дискурсы, по сути, равноправны. Для потребителя элитной категории товара важны такие прагматические характеристики, как надёжность и качество. Это объясняется тем, что VIP-персоны сами очень хорошо осведомлены в сфере туризма и подходят к собственному отдыху с профессиональной точки зрения. В тоже время специфика данного сегмента аудитории определяет необходимость в знаково-символическом компоненте – подтверждении социального статуса.

Социальный дискурс позиционирует туриндустрию в системе социума – соотносит его с общественным статусом, ролью, образом жизни. С помощью рекламы турпродукт дополняется особыми социальными смыслами, ценностями и рассматривается как нечто более значительное, чем просто отдых. Специфика медиатекстов, позиционирующих элитный отдых, такова, что целевой аудитории представляют набор неосязаемых реалий. Данные реалии вмещают в себя значимые социальные смыслы, ориентируясь на которые потребитель идентифицирует себя в той или иной социальности. В итоге клиент должен совершить реальный поступок (приобрести некий турпродукт), ориентируясь на созданные рекламой образы и соотнеся себя с ними.

Между тем анализ туристической рекламы сегмента luxury позволил нам отметить, что, кроме выделения дискурсов с точки зрения прагматичности/эмоциональности (товарный и социальный дискурсы), следует выделить дискурсы с точки зрения образа автора/адресата: дискурс «избранности», «интеллектуальный» дискурс, дискурс «волшебства». Согласно данной классификации потребитель предстаёт 1) в образе стильной персоны, знающей себе цену и привыкшей к роскоши и комфорту, – дискурс «избранности»; 2) в образе образованного интеллектуала, который ценит в премиум-товарах не столько роскошь, сколько качество, его историю, – «интеллектуальный» дискурс; 3) в образе героя сказки, выдуманной автором текста, – дискурс «волшебства».

Как считают специалисты в области социальной психологии, приобретение элитных товаров или услуг – это всегда вопрос престижа, обособленного статуса и утверждения социальной «избранности» его обладателя. Именно в таком аспекте рассматривают своих потенциальных клиентов авторы текстов, где реализуется дискурс «избранности». В данном случае клиент является так называемым «эталоном», образцом для подражания для менее состоятельных покупателей. Светская персона, на которую и направлены подобные тексты, сама стремится к тому, чтобы её «превосходство» было подчёркнуто, поэтому люди такого типа легко «покупаются» на медиатексты, где с ними разговаривают как с элитой, акцентируя внимание на особенном социальном статусе и привилегированном положении в обществе.

Довиль – город-курорт для избранных

Элитный курортный город на севере Франции под названием Довиль популярен круглый год. Отдыхать здесь любят не столько рядовые туристы, большинству из которых будет не по карману местный сервис, сколько звезды мировой величины. В Довиле Коко Шанель открыла первый бутик, а Клод Лелюш снял романтичный фильм «Мужчина и женщина». В Довиле все настолько аристократично, что от блеска роскошных отелей, казино, ресторанов и бутиков рябит в глазах.

Banyan Tree Maldives Madivaru

(реклама отеля Banyan Tree Maldives Madivaru, Мальдивы)

Banyan Tree Maldives Madivaru представляет собой открытый в 2007 году на Мальдивских островах шикарный отель – бутик, расположенный в прекрасной лагуне, окруженный коралловыми рифами. Вас встретят в аэропорту, пока вы будете проживать в отеле, за вами будет закреплен ваш личный дворецкий.

Тексты подобного типа построены таким образом, что все главные преимущества рекламируемого объекта сводятся к целевой аудитории – основная часть информации описывает особый сегмент общественности: *«Люди, которые просто влюблены в жизнь. Каждый день им кажется подарком, их глаза излучают свет, их энергия не знает предела. Таких людей везде сопровождает успех. Они притягивают позитив и наслаждаются им. Если вы сейчас зашли на эту страницу, то вы – один из тех счастливчиков, которые любят жизнь и хотят видеть всю ее красу».*

Употребление в тексте имён людей мировой величины (Коко Шанель, Клод Лелюш) позволяет потенциальному потребителю почувствовать свою элитарность: «если я выберу позиционируемый курорт, то буду в некотором смысле наравне со знаменитостями».

Одним из популярных методов воздействия в дискурсе «избранности» является актуализация одного из субконцептов концепта «luxury» – «безграничные возможности»: *«вас встретят в аэропорту, пока вы будете*

проживать в отеле, за вами будет закреплен ваш личный дворецкий», т. е. клиенту предоставляется широкий спектр услуг, и чаще всего границы услуг устанавливает сам потребитель, т. к. мы уже указывали, что в luxury-сегменте основное внимание уделяется удовлетворению потребностей и желаний клиента.

В случае конструирования «интеллектуального» дискурса адресат предстает как «интеллектуал», или «рациональный» покупатель. У него есть возможность покупать самые роскошные товары и пользоваться премиум-услугами, но при этом он приобретает турпродукт не столько из-за принадлежности к сегменту luxury, сколько из-за рациональных побуждений. Даже если, всё обдумав, «интеллектуал» решит, что должен приобрести данное VIP-предложение, прежде он оценит качество, уникальность, дизайн (отеля, яхты), историческую ценность и тому подобные «важные характеристики» товара или услуги.

Платинум тур с посещением престижных шато Бордо, ужином на винодельне с гастрономическим шеф-поваром

(реклама спецпредложения от туроператора)

Подарите себе и своим друзьям 2-3 дня во французской провинции с английскими корнями и непоколебимой репутацией в винном деле. Окунитесь в мир виноделия Бордо, почувствуйте себя обитателем одного из престижных шато Бордо, Франции, Европы, Мира… Этот тур для тех, кто не желает быть пассивным зрителем, кто хочет «во всём дойти до самой сути»

Vip отдых – предложение «Винный вечер с лучшим сомелье мира»

(реклама спецпредложения от туроператора)

Искусство жить по-французски: изысканные блюда французской кухни в сочетании с утонченными винами Бордо. Лучший сомелье мира 2007 Андреас Ларссон раскроет Вам секреты божественного нектара и прокомментирует каждый миллезим.

Типичные блюда региона, старательно приготовленные шеф-поваром экстра-класс, не оставят равнодушными даже самых искушенных гурманов. Карта вин пестрит названиями известнейших винных Шато: Margaux, Haut-Brion, Ausone, Petrus...

Французская кухня, французский шеф-повар, французское вино, французский палас французский сервис, французская провинция, но с русской душой! Программа на 2 ночи/3 дня.

Авторы рекламных сообщений данного типа стараются воздействовать на рациональную сторону сознания клиента зачастую посредством точных количественных и статистических данных о том или ином объекте туриндустрии: *«размещение предлагается в одном из 39 элитных номеров»; «в дворцовом парке расположены 47 частных апартаментов площадью от 15кв.м.»;* «*один из 76 лучших SPA-салонов мира SPA-центр «Аурига» площадью 3,5 тыс кв.м.».*

Наличие в текстах информации, фактов из истории также является одним из частотных методов построения медиатекстов дискурса «избранности»: «*французская провинция с английскими корнями и непоколебимой репутацией в винном деле»; «пятизвездочный Landmark-отель «Бристоль», построенный на рубеже XIX–XX веков, – историческая достопримечательность, архитектурный шедевр, созданный выдающимся зодчим А.И. Бернардацци»; «этот архитектурный шедевр невозможно не заметить: роскошный особняк в стиле эпохи Возрождения создан по образу Палаццо Фьезоле в Италии»; «пример чистейшего неоклассицизма, особняк класса luxury пропитан колоритной историей своего города».* Потенциальный потребитель является профессиональным путешественником, он сам хорошо эрудирован в области туриндустрии, поэтому тексты ограничиваются не только красочным описанием рекламируемого объекта – в них должна присутствовать познавательная информация.

Частотной является репрезентация субконцепта концепта «luxury» – *«мировой уровень»:* «*один из 76 лучших SPA-салонов мира»; «в рамках European Health&SPA Awards отмечен как Best Destination Spa в Европе»; «лучший сомелье мира 2007 Андреас Ларссон».* Несмотря на то что VIP-клиент ценит качество предоставляемых услуг, он является представителем особого сегмента, поэтому важно подчёркивать уникальность позиционируемого турпродукта.

Даже при особом социальном статусе и высокой платёжеспособности VIP-клиентами зачастую управляют мечты: мечта о романтических выходных на уединённом острове посреди океана, мечта покорить неизведанные направления в экзотических странах или просто мечта провести долгожданный отпуск в роскошной обстановке со всеми сопутствующими данному классу удобствами и услугами. Главная цель туристической индустрии – превратить мечты потенциальных потребителей в реальность и сделать всё возможное, чтобы ожидания предвосхитили действительность. Однако стоит вернуться к исключительной особенности турпродукта: его нельзя увидеть, протестировать заранее, поэтому с помощью медиатекстов необходимо нарисовать как можно более красочную историю. В аспекте «волшебного» дискурса клиент выступает в роли «слушателя» той «сказки», которую предлагает ему автор-«сказочник». В данном дискурсе туризм описывается как волшебство, чудо, к которому может приобщиться клиент, а также как победа над будничной закономерностью, отсюда и реализация таких концептов, как *«уникальность»*, *«неповторимость».*

Головокружительное путешествие

(реклама отеля «Европа», Санкт-Петербург)

Волшебная пора Нового года подарит всем гостям Гранд Отеля Европа головокружительное путешествие в незабываемый мир музыки, царство моды, искусства и изысканных угощений. Манящая атмосфера былых эпох, когда весь свет общества путешествовал под ритмичный стук колес Восточного Экспресса, сделает эту новогоднюю ночь поистине незабываемой.

Отдых luxury класса в Марса Алам

(реклама туров на курорт Марса Алам, Египет)

Вообразите себе землю, где всегда светит солнце и совершенно прозрачные волны ласкают золотые пески. Если у Вас есть возможность совершить «побег» из суматохи повседневной жизни, то обязательно приезжайте сюда – в Марса Алам! Отдых в Марса Алам подарит вам незабываемые впечатления, вы почувствуете на себе очарование Востока и насладитесь прикрасами данного региона.

Позиционируемый турпродукт в текстах данного вида дискурса является не просто товаром – в первую очередь, он выступает в качестве воплощения мечты: *«время сказок и мифов прошло, но в Sani Resort по-прежнему*

существует маленький кусочек волшебного рая»; «поддайтесь волшебству и откройте для себя чудесные рождественские ярмарки в туристической стране – Германии»; «волшебная пора Нового года подарит всем гостям Гранд Отеля Европа головокружительное путешествие в незабываемый мир музыки, царство моды, искусства и изысканных угощений»; «совершить полное погружение в сверкающую и волшебную атмосферу долгожданных праздников приглашает 5-звёздочный отель Hyatt Regency Dusseldorf». В приведённых примерах можно чётко увидеть репрезентацию концепта «сказка». Рекламируемый объект туриндустрии выступает в роли сказочного персонажа, который может *«дарить подарки, волшебную атмосферу, незабываемые впечатления».*

Содержательная часть текста составляет описание ощущений, которые потребитель может получить, воспользовавшись той или иной услугой: *«воздух наполнен ароматом миндальных орехов, а глинтвейн только и ждёт момента, чтобы согреть вам душу»; «лёгкое дуновение ветерка, чистая морская вода и приятное тепло солнечных лучей – вот секретный эликсир красоты и молодости греческих богов; «вы почувствуете на себе очарование Востока и насладитесь прикрасами данного региона»*.

Ещё одной спецификой дискурса «волшебства» является позиционирование турпродукта как «укромного уголка», где клиент может остаться наедине с самим собой и отвлечься на некоторое время от работы и ежедневной суеты: *«если у Вас есть возможность совершить «побег» из суматохи повседневной жизни, то обязательно приезжайте сюда – в Марса Алам». «Сегодня Sani Resort – частный экологический заповедник, райский сад, сохранивший нетронутой свою первозданную красоту»* – определения курорта как «частный заповедник», «первозданная красота» подчёркивают его «укромность» и отсутствие привычной общественной оживлённости.

Отметим в заключение, что данные типы дискурсов мы выделяем с достаточной степенью условности: сложно говорить о «чистой» дискурсивной практике, каждый из видов может включать элементы других двух.

Источники и литература

1. Дискурсология: методология, теория, практика: 2-я Междунар. науч.-практ. конф. / О. Ф. Русакова [и др.]. – Екатеринбург: Дискус-Пи, 2007. – Т. 2. – 208 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Филлипс Л. Дж, Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Дж. Филлипс, М. Йоргансен. – Харьков: Гуманитарный центр, 2004. – 336 с.

УДК [811.161.2+811.111]’276.3-055.1-055.2

Тихоновська Г. С.

НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНІ ЛЕКСИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ МОВЛЕННЄВОЇ ПОВЕДІНКИ ЧОЛОВІКІВ ТА ЖІНОК (НА МАТЕРІАЛІ ХУДОЖНІХ ТВОРІВ)

Внимание сконцентрировано на лексических особенностях речи мужчин и женщин, особенно на национально-культурных чертах, которые являются общими и на расхождениях, которые встречаются в двух языках. Приводятся примеры из современной художественной литературы, которые подтверждают наличие общих и отличительных черт речи персонажей в гендерном аспекте.

Ключевые слова: гендер, национально-культурные особенности лексические особенности, мужчина, жещнина.

У статті увагу сконцентровано на лексичних особливостях мовлення чоловіків та жінок, зокрема на національно-культурних рисах, що є спільними та на розбіжностях, які зустрічаються у двох мовах. Надаються приклади із сучасної художньої літератури, які підтверджують наявність спільних рис та відмінностей мовлення персонажів у гендерному аспекті.

Ключові слова: гендер, національно-культурні особливості, лексичні особливості, чоловік, жінка.

In the article the attention is concentrated around the lexical peculiarities of men’s and women’s speech behavior, especially around national and cultural features, which can be the same or different in the two languages. The examples from the literature of belles-lettres style that prove the existence of the same and different features of characters’ speech in gender aspect are given.

Key words: gender, national and cultural peculiarities, lexical peculiarities, man, woman.

Одними з основних соціолінгвістичних перемінних прийнято вважати гендерні відмінності у мові. Зокрема, з 80-х років минулого століття спостерігається зростання інтересу до гендеру у російській лінгвістиці. Стійкий інтерес до лінгвістично зорієнтованої гендерної проблематики спостерігається в Україні, маються на увазі праці Ф. С. Бацевича, М. В. Холода, О. І. Горошко, автора психолінгвістичних праць з проблем гендерно маркованої мовної свідомості російськомовного населення України [1].

Щоб розпочати наше практичне дослідження, вважаємо за потрібне ознайомитися із думками визначних сучасних вітчизнаних та закордднних науковців щодо поняття гендеру. Серед них такі як О. О. Бодальов, О. Л. Каменська, А. В. Кириліна, Г. Ю. Крейдлін, О. О. Леонтьев, А. Піз, Д. Таннен, J. Coats, R. Lakoff, M. Renzetti.

Проаналізувавши точки зору сучасних вчених на поняття гендер, спробуємо сформулювати загальне визначення цього лінгвістичного концепту. Отже, гендер – соціолінгвістична категорія (англ. gender насамперед, «граматичний рід»), яка на відміну від біологічної статі, виступає набором соціо-рольових самовизначень, які можуть співпадати із суто біологічними статево-рольовими стереотипами або суперечити їм. Хоча гендер не є лінгвістичною категорією (виняток становлять соціо– і, частково, психолінгвістика), аналіз структури мови дозволяє отримати інформацію про те, яку роль відіграє гендер в тій або іншій культурі, які поведінкові норми для чоловіків та жінок фіксуються в текстах різного типу, як змінюється уявлення про гендерні норми, маскулінність та фемінність в часі, які стильові особливості можуть бути віднесені до переважно жіночих або переважно чоловічих [4], [5], як усвідомлюється мужність та жіночність в різних мовах і культурах, як гендерна приналежність впливає на засвоєння мови, з якими фрагментами і тематичними сферами мовної картини світу вона пов'язана.

Інтерес до дослідження мовленнєвої діяльності привернув увагу до проблем, пов'язаних з людським фактором у мові. Однією з них є найбільш влучний вибір мовних засобів і способів їх інтеграції, зумовлений статтю учасників у персонажному мовленні художніх творів. Вербальна поведінка індивіда – це окремий випадок його

комунікативної поведінки. Під *вербальною поведінкою* ми розуміємо процес актуалізації й взаємодії мовних одиниць у висловлюванні для побудови прагматично коректного висловлювання.

Безперечно цю статтю можна віднести саме до лінгвістичного дослідження, але не слід забувати, що ми говоримо про гендерні аспекти, що зумовлені різноманітними факторами: психологією людини, психологією суспільства, культурологічними особливостями індивіда та соціуму [6]. Таким чином у цій статті знаходять віддзеркалення не тільки лінгвістика і мовознавство, але і багато інших наук у сукупності із ними. Тому це дослідження можна вважати актуальним.

Об'єктом дослідження є лексичні компоненти, які у діалогічній взаємодії художнього дискурса, належать комунікантам різної статі. Отже це слова та вирази, які використовіються окремо жінками або чоловіками.

Предметом дослідження є гендерна та культурологічна зумовленість використання і репрезентації лексики в художньому дискурсі, який був створений сучасними авторами України та Великої Британії (кінця XX – початку XXI століть).

Мета цієї статті полягає у вивченні національно-культурних лексичних компонентів чоловічого та жіночого мовлення у двох різних мовах. На нашу думку, деякі лексичні засоби будуть однакові в обох мовах, а деякі будуть притаманні лише мові одного народу.

Досягнення поставленої мети передбачає рішення таких *завдань*: 1) вивчити та проаналізувати вплив гендерного аспекту на лексику художніх творів авторів різних національностей; 2) показати відмінні та спільні риси вживання лексичних засобів, спираючись на гендерні аспекти лінгвістики; 3) навести приклади із художньої літератури, які проілюструють національно-культурні лексичні особливості мови чоловіків та жінок.

Зараз, спробуємо виявити розбіжності та спільні риси у лексичних засобах, що були обрані автором того чи іншого народу для створення гендерних особливостей персонажного мовлення.

Проведений аналіз художньої літератури показує, що розбіжності у вербальній поведінці персонажів (чоловіків та жінок) у ситуації неформального міжгендерного спілкування, передусім, спостерігаються у вживанні прикметників, що реалізують загальну оцінку.

Оцінні слова прямо пов'язані з мовцем і відбивають його ставлення до навколишньої дійсності. Коли ми говоримо про оцінку і аксіологію, то в першу чергу звертаємо увагу на таку частину мови як прикметник, тому що саме прикметник найчастіше виражає оцінку в мові. Зазначаємо також, що ця риса є однаковою для трьох досліджуваних мов [3, с. 51]. Після проведеного дослідження, можемо зробити висновок, що жінки є більш емоційними, тому, коли мова йде про позитивну оцінку, частіше використовують лексику підвищеного стилістичного тону:

– *А вірш у тебе був дійсно* ***пречудовий****, – зітхнула Валя* (Чех А., Сині двері зліва, с. 182).

– *Відмінний* *ти, сусід. Такий* ***преславний,*** *– сказала Рима* (Чех А., Сині двері зліва, с. 167).

– *Ти ж моя* ***солоденька****, – Дзвінка тихенько засміялась* (Цілик І., Післячора с. 8).

– *I'm told they've done a* ***beautiful*** *job on the restoration* (Lodge D., Paradise news, p. 230).

– *Having a* ***lovely*** *time here, apart from a few niggles about the hotel*…(Lodge D., Paradise news, p. 246).

– *Sounds* ***great****, said Yolande …****lovely*** *flowers,* ***amazing*** *waterfalls* …(Lodge D., Paradise news, p. 251).

Чоловіки ж частіше користуються нейтральною лексикою:

– *Він* ***нормальний, хороший*** *такий, – зазначив наш головний герой* (Чех А., Сині двері зліва, с. 168).

– *Наче все* ***добре****, – відповів він* (Чех А., Сині двері зліва, с. 197).

– No, I'm fine, he said …(Lodge D., Paradise news, p. 235).

– *That would be* ***nice****, he added …*(Lodge D., Paradise news, p. 236).

Дуже часто на лексичному рівні в обох мовах спостерігається наявність лексики, що має відношення до релігії, тобто звертання до Бога, молитви тощо. Частіше такі вирази використовують жінки, героїні українських творів, але в англійських творах також спостерігається таке явище:

– ***Господи****, – подумала Марія Федорівна. – Якби я вмерла…* (Чех А., Сині двері зліва, с. 134).

– Візьміть мене, дядьку! Візьміть, дядечку! – Візьміть мене, ***Христом Богом молю****, візьміть!* (Луньова Т., Рукописи не форматуються, с. 14)

– *In the morning!* ***God****, I'm sorry, I did my arithmetic all wrong, she said* (Lodge D., Paradise news, p. 24).

– ***God****, really, she asked* (Lodge D., Paradise news, p. 27).

Але у мові чоловіків були також знайдені подібні приклади в обох досліджуваних мовах, тепер частіше вони зустрічалися в англійських художніх творах:

– *My* ***goodness****, said Bernard* (Lodge D., Paradise news, p. 79).

– ***Боже мій****, – стогнав наш головний герой, ….–* ***Господи,*** *– ковтав він сльози, –* ***Отець наш небесний****….* (Чех А., Сині двері зліва, с. 57)

Наступна спільна риса серед лексики сучасних художніх творів двох країн це – вживання вульгаризмів або незенцурної лексики. Якщо жінки є більш емотивними та використовують у спілкування більше прикметників, то чоловіки зазвичай більш грубі та прямолінійні тому більшість вульгаризмів та сленгізмів вживається у мовленні саме чоловіками. Щодо національної характеристики, то більшість прикладів було знайдено в мовленні українських персонажів. Наведемо приклади:

– *Одним словом, старий,* ***нам стрілу набили****. І не хто-хто, а сам Кабак* (Дереш Л., Культ, с. 49)

– *До сраки твою педагогіку, – вигукнув Ніколай* (Чех А., Сині двері зліва, с. 105)

– *Всьо, не дивись на мене,* ***дура****! Не дивись! – кричав він* (Чех А., Сині двері зліва, с. 115)

– *Ат,* ***тваю мать****! – Куди преш,* ***падла!*** *– ….****Сукі*** *не давіте! – Ніколай! Ніколай! Це я новенький!* (Чех А., Сині двері зліва, с. 118)

– ***Shut up****, Sidney, you don't know when you are well off, says Mr. Brooks to Leslie* (Lodge D., Paradise news, p. 9).

Персонажі-жінки хоча і не так активно використовують подібну лексику, але деякі приклади теж були виявлені:

– *Сама* ***іді туда****!* ***Вали*** *звідси, чуєш – голосно пронявкала Риба-Сонце* (Дереш Л., Культ, с. 25)

– *Ах, ти ж* ***сучище****! Кричала Рита Львівна* (Чех А., Сині двері зліва, с. 123)

Отже, ми обговорили спільні риси різнонаціональної лексики у мові чоловіків та жінок, зараз час звернути увагу на розбіжності і на лексичні особливості, які притаманні тільки одній з вищезазначених мов. Почнемо із української мови, тут у художніх творах дуже часто зустрічаємо таке явище, як демінутивність. Воно зазвичай свідчить про підвищену позитивну оцінку або відношення до будь-чого, отже частіше це явище можна спостерігати у жіночому мовленні, але наведемо приклади і з мови чоловіків:

*«**Огірочки** по дві гривні кіло» чи «**Букетик** за гривню». Навіть з покупцями, коли починали торгуватися, не розмовляла – мотала головою* (Луньова Т., Рукописи не форматуються, с. 7)

*– Візьміть мене, **дядьку**! Візьміть, **дядечку**! – Візьміть мене, Христом Богом молю, візьміть*! (Луньова Т., Рукописи не форматуються, с. 14)

– ***Приємненько, приємненько**, – висловив він свою думку з приводу інтер'єра* (Чех А., Сині двері зліва, с. 67)

– ***Батончик**, – відповів наш головний герой* (Чех А., Сині двері зліва с. 97).

В художніх текстах української мови також спостерігається велика кількість іншомовних слів, зокрема англійських та російських, що стає другою національно-культурною лексичною особливістю та відмінністю від англійської мови. Що стосується статі мовця, то такі слова частіше виникають у жіночому мовленні, але наведені нижче приклади свідчать про те, що чоловіки також користуються такими словами та виразами:

– ***What a fuck**, настала Кирина черга, вона жбурнула мегафон* (Цілик І., Після вчора, с. 33).

*– А то… То **всьо** правда, **шо** ви… ти розказував на факультативі?.. А ви… ти **Йура,** ти не йдеш на **діскацеку**? В п'ятницю буде, ну і… ми би….* (Дереш Л., Культ, с. 29)

Переходимо до англійської мови, а саме до її відмінних рис. Тут зазначаємо таке явище як вживання емфатичного *do*. Емфатичне вживання даної одиниці, що змінює порядок слів у реченні, кваліфікує висловлювання як експресивне, надаючи йому яскраво вираженого стилістичного забарвлення. Вище ми вже зазначали, що жіноче мовлення є більш емоційним та експресивним [2, с. 144], отже можемо зробити висновок, що саме жінки найчастіше користуються цією конструкцією:

– *I **do** need a drink, she mentioned* (Lodge D., Paradise news, p. 63).

– ***Do** come in! Yolande insisted* (Lodge D., Paradise news, p. 185).

– *I **do** know he is ill…..Teresa frowned* (Lodge D., Paradise news, p. 231).

Наступне про що піде мова це – епістемічна модальність. До засобів її вираження відносяться епістемічні модальні форми, що передають ступінь упевненості/невпевненості мовця у змісті висловлювання. Епістемічні модальні форми вживаються у висловлюваннях персонажів обох статей у неформальній межгендерній комунікативній взаємодії для вираження ступеня впевненості в істинності повідомлюваного [2, с. 146]. Найчастіше в англійській мові це виражається за допомогою розділового питання:

– *We've never been further than Florida before, **have we,** Dee? Says the one in the pink ….*(Lodge D., Paradise news, p. 9).

– *He'll be very upset. **Will he?** She sounded wistful* (Lodge D., Paradise news, p. 26).

– *You are her closest relative, **aren't you?*** (Lodge D., Paradise news, p. 43).

– *Well, **perhaps,** I should go. Said Mr. Walsh, with a sigh* (Lodge D., Paradise news, p. 51).

– *I guess you know what aloha means, **aren't you**?* (Lodge D., Paradise news, p. 87).

Іноді епістемічна модальність може також виражатися за допомогою питань, де пропущені допоміжні глаголи і присутній прямий порядок слів:

– *You never went out there like that? Says Lilian*. (Lodge D., Paradise news, p. 110).

– *But you have some savings?* (Lodge D., Paradise news, p. 121).

Отже, можемо зробити висновок, що ми вивчили та проаналізували вплив гендерного аспекту на лексику художніх творів авторів різних національностей, навели приклади із художньої літератури, які ілюструють національно-культурні лексичні особливості мови чоловіків та жінок. Як ми і припускали на початку дослідження були знайдені спільні риси у лексиці, це свідчить про те, що чоловіки та жінки у деяких ситуаціях, зокрема мовленнєвих, поводяться однаково, незважаючи на їхню національність. А наявність відмінностей можна пояснити тим, що ми досліджуємо дві різноструктурні мови.

Підсумовуючи, можна сказати, що матеріал для дослідження не вичерпано, а тема буде актуальною до тих пір, доки люди різної статі люди різної статі та національності будуть спілкуватися завдяки усному та писемному мовленню.

Джерела та література

1. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – К.: Видавничий центр «Академія», 2004. – 344 с.

2. Борисенко Н. Д. Гендерний аспект репрезентації персонажного мовлення в англійських драматичних творах кінця 20 століття : дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Н. Д. Борисенко. – Житомир, 2003. – 231 с.

3. Воробьева О. П. Текстовые категории и фактор адресата / О. П. Воробьева. – К.: Вища школа, 1993. – 200 с.

4. Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма / Е. И. Горошко. – Харьков: ИЯ РАН – Издательский Дом «ИНЖЭК», 2003. – 440 с.

5. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации / А. В. Кирилина. – М.: РОССПЭН, 250 с.

6. Левицкий А. Э. Функциональные подходы к классификации современного английского языка / А. Э. Левицкий. – К.: АСА, 1998. – 362 с.

Ілюстративний матеріал

1. Цілик І. Післявчора / І. Цілик: Повість. – К.: Факт, 2008. – 120 с. – (Сер. «Exeptis excipiendis»).

2. Дереш Л. Культ / Д. Любко: Роман / Худож.-оформлювач І. В. Осіпов. – Харків: Фоліо, 2009. – 219 с. – (Графіті).

3. Чех А. Сині двері зліва / А. Чех: Повість / Худож.-оформлювач О. Г. Жуков. – Харків: Фоліо, 2009. – 217 с. – (Графіті).

4. Lodge David Small world / D. Lodge. – Penguin books, 1984. – 339 p.

УДК 811. 161. 2’ 367. 335

Ткач П. Б.,
Полозова О. О.

ЧИННИКИ ФОРМУВАННЯ КІЛЬКІСНОЇ ТА ЯКІСНОЇ АСИМЕТРІЇ В СТРУКТУРІ СКЛАДНИХ ДЕТЕРМІНАНТНИХ РЕЧЕНЬ

В статье проанализированы детерминантные предложения асимметрической структуры, то есть предложения, для которых не характерно прямое соответствие между формальным и семантическим уровнями. В работе рассмотрены такие виды асимметрии, как количественная и качественная, исследованы значения каждого из названных понятий, а также выявлены условия формирования количественной и качественной асимметрии в системе детерминантных предложений.
Ключевые слова: асимметрия, детерминантное предложение, имплицитный модус, структурная схема.

У статті здійснено різнорівневий аналіз детермінантних речень асиметричної будови, тобто речень, яким не властива пряма відповідність між формальним і семантичним рівнями. У роботі розглянуто такі вияви асиметрії, як кількісна та якісна, з'ясовано сутність кожного з цих понять, а також виявлено чинники формування кількісної та якісної асиметрії в системі детермінантних речень.
Ключові слова: асиметрія, детермінантне речення, імпліцитний модус, структурна схема.

The article is devoted to the analysis of determinant sentences of asymmetric structure, which don't have a direct accordance between formal and semantic levels. The displays of asymmetry such as quantitative and qualitative has been revealed, the essence of each of these concepts has been found, and also the factors of forming of quantitative and qualitative asymmetry in the structure of determinant sentences has been exposed in the work.
Keywords: asymmetry, determinant sentence, implicit modus, structural scheme.

Сучасні дослідження складного речення позначені прагненням розмежувати різні рівні його аналізу, а саме формальний, семантичний і комунікативний, диференціювати властиві їм ознаки й описати кожен із цих рівнів за допомогою понять і термінів, що відповідають їх природі. Аналіз того, як корелюють ознаки різних рівнів складного речення, виявив конструкції, яким невластива пряма відповідність між такими рівнями, як формальний і семантичний, а саме речення асиметричної будови. Дослідження організації таких конструкцій дозволяє виділити два типи невідповідності змісту їх формі: асиметрію кількісну та якісну. Кількісну асиметрію спостерігаємо у випадку, коли певний зміст виражений у складному реченні недостатніми або надлишковими мовними засобами. До асиметрії якісної слід віднести такі вияви невідповідності, коли конструкції, оформлені за типом одних структур, виражають зміст інших.

Явище асиметрії в організації складного речення потрапляло до кола зацікавлень українських і російських мовознавців. Цієї теми торкались такі дослідники, як Бєлошапкова В. А, Вихованець І. Р., Колосова Т. А, Ломакович С. В., Шувалова Т. В. та інші. Першою явище асиметрії складного речення у кількісному аспекті розглянула Т. А. Колосова. Що ж до якісної асиметрії, то це поняття визначила С. В. Ломакович, її дослідження розвинули учні, які розглядали явище асиметрії в окремих типах складних речень (Заоборна, 1997; Ткач, 2000; Арделян, 2002).

Хоча явище асиметрії й фіксувалося в працях із синтаксису, можна стверджувати, що предметом спеціального дослідження воно не ставало. Остаточно не з’ясоване питання про співвіднесеність понять симетрія/асиметрія в будові детермінантних речень, не визначене коло конструкцій, будова яких є асиметричною, не встановлено в повному обсязі чинники, які спричиняють асиметрію детермінантних речень, зокрема не виявлено мовні засоби формування імпліцитного змісту, що призводить до порушення відповідності між семантичним та формальним рівнями детермінантних речень. Усе це і визначає **актуальність** дослідження.

У статті представлено аналіз детермінантних речень асиметричної будови з **метою** з'ясувати особливості їх структури, а також чинники формування кількісної та якісної асиметрії в їх системі. Для досягнення поставленої мети було визначено такі **завдання**: встановити диференційні ознаки кількісної та якісної асиметрії в системі детермінантних речень, визначити чинники виникнення асиметрії з кількісно не співвідносними смисловими та структурними частинами, проаналізувати випадки якісної й кількісної асиметрії в системі детермінантних речень.

Кількісна асиметрія складних детермінантних речень зумовлена дією антиномії надлишковості-економії мовних зусиль, властивої будь-якій мові Ця антиномія виявляє себе у двох тенденціях – збагаченні смислу мовних одиниць, з одного боку, і усуненні тавтології та компресії цих одиниць, з іншого [3, с. 38].

Тенденція до надлишковості пояснюється прагненням мовця підвищити надійність передання інформації слухачеві. Ця тенденція відповідає наміру мовця актуалізувати, логічно виділити певні аспекти змісту, який виражається мовними одиницями. Підтвердженням цього є існування речень, які, будучи складними за формою, передають елементарний зміст, наприклад: *Самі все лісові пісні* ***Співаєте****, як і* ***співали*** (Б. Грінченко); *Ось уже третій рік вона [держава]* ***існує*** *при ньому, як* ***існувала****, [і він тримає її в руках]* (Р. Іваничук). У таких складних порівняльних конструкціях при семантично і лексично тотожних предикатах не реалізується жоден компаративний контраст, а підрядна частина представлена лише предикатною лексемою. Таким чином, головна й підрядна частини експлікують абсолютно тотожні інформативні змісти, а значить, зміст підрядної частини усвідомлюється як надлишковий. Відповідно аналізовані конструкції набувають значення, яке можна виділити в монопредикативній структурі. Пор.: *«Самі все* ***не припиняєте співати*** *лісових пісень»; «Ось уже третій рік держава* ***непохитно*** *існує при ньому»* [2, с. 132].

Тенденція до економії мовних зусиль, компресії мови, пояснюється прагненням усунути непотрібну надлишковість у повідомленні. Прикладом такої тенденції є кількісно асиметричні детермінантні речення, у яких кількість компонентів не відповідає кількості предикативних одиниць у формальній структурі складного речення. Аналіз подібних речень довів, що їх асиметрія є наслідком імпліцитного представлення одного з компонентів (найчастіше це модусний, за Ш. Баллі [1], компонент). Так, складне речення *Якщо взяти для прикладу автомобілі, то їх продаж збільшується щороку більше аніж на 20%.* (Сучасність, 2005, № 19), яке складається з двох предикативних частин (далі ПЧ), можна розгорнути в конструкцію з трьома ПЧ, де прихований компонент змісту стає експлікованим. Пор.: *Якщо взяти для прикладу автомобілі,* ***то варто зазначити****, що їх продаж збільшується*

щороку більше аніж на 20%. Такі конструкції – не тільки результат трансформації, вони є природними для мови, хоча порівняно з мінімальними складними реченнями, що мають імпліцитний зміст, ускладнені речення з експлікованим модусним компонентом змісту трапляються в текстах значно рідше. Модусний компонент схильний до імпліцитного вираження, адже мовець намагається уникнути у своєму висловленні надлишковості, прагне до економії своїх мовних зусиль.

Порівняння мінімальних складних речень і речень ускладненої будови доводить, що імпліцитний зміст, не вербалізований в окремій ПЧ мінімального складного речення, в ускладнених висловленнях експлікований предикатними лексемами модусної семантики, наприклад: а) **знання:** *Якщо вже ми торкнулися сім'ї і таких теплих родинних стосунків зворушливих, то цікаво було* ***б знати****, що пригадується на відстані років* (Освіта, 2004, № 10); б) **мовлення:** *Але ж якщо наша культура і наша традиція зазнали руйнування до «самих основ», то варто* ***сказати****, що від основ її треба і відроджувати* (Освіта, 2004, № 10); в) **мислення:** *Якщо перебрати і зважити весь ланцюг об'єктивних і суб'єктивних обставин суспільного і культурного життя України з кінця 1960-х років минулого століття до наших днів, можна* ***дійти висновку****, що раніше, ніж на початку ІІІ тисячоліття, його поезія і не могола бути більш чи менш серйозно прочитана й оцінена в Україні* (Сучасність, 2004, № 1).

У якісно асиметричних детермінантних реченнях лексико-семантичне наповнення синтаксичних позицій не відповідає семантиці їх структурної схеми, що призводить до формування нетипового для них змісту. Річ у тім, що структурна схема, мінімальний формальний зразок складного речення, задає загальний тип його змісту. Цю загальну, схемну, семантику конкретизує лексика. Нетипове ж для складних речень лексико-семантичне наповнення призводить до модифікації типового змісту, його невідповідності, навіть суперечності схемній семантиці. Тоді можна говорити про те, що речення є асиметричним [4, с. 304-305].

Лексико-семантичне оформлення окремих детермінантних речень не підтримує, модифікує зміст, заданий їх формальним зразком: у ньому з'являються смислові нашарування або він трансформується у зміст іншого типу, що є виявом якісної асиметрії форми і змісту [2, с. 123]. Наприклад, речення *Він панує тут, як ніколи не панував там – у тій неймовірно казковій , відкритій ним країні, [що зробила його ім'я девізом і прапором всіх мандрівників і всіх – ось таких – конкістадорів]* (І. Багряний) має своєрідне лексико-семантичне оформлення: паралельні синтаксичні позиції у складі його предикативних частин лексично контрастують, пор.: *панує – не панував; тут – там;* не експлікована *тепер – ніколи,* унаслідок чого семантика реального порівняння ускладнюється додатковим відношенням протиставлення.

Речення з підрядними часу можуть мати додаткове умовне значення. Значення умови може реалізовуватись при співвіднесенні інформації „у той момент коли" та інформації „кожного разу коли". Наприклад: *Коли людина говорить на повний голос – голос її міцніє* (І. Дзюба), пор.: ***Якщо*** *людина говорить на повний – голос її міцніє; Коли мені зле або дуже зле, приходжу сюди і обіймаю його (дерево)* (О. Підлуцький), пор.: ***Якщо*** *мені зле або дуже зле, приходжу сюди і обіймаю його.*

У реченнях умови відповідне значення може послаблюватись або втрачатися зовсім. Елемент гіпотетичності, який властивий значенню умови, втрачається або послаблюється при акцентуванні реальності повідомлюваного, при цьому умовне значення наближується до причинового. Функцію актуалізатора причинного значення може виконувати сполучник *раз* і частка *вже*, наприклад: *Раз ніч – і всім людям і звірам хочеться спати, то чого б то славному козаку Петру Мамализі хоч не поспати, то покуняти?* (М. Вінграновський); *Якщо вже прийшов, то заходь.* Пор.: *Тому що (через те що) ніч – і всім людям і звірам хочеться спати, то чого б то і славному козаку Петру Мамализі хоч не поспати, то покуняти?; Оскільки прийшов, то заходь*.

Умовні речення можуть ускладнюватись додатковою допустовою семантикою. Функцію актуалізатора допустового значення може виконувати частка *навіть,* наприклад: *І навіть якщо уява щиро нагнітає все це, не вір і крикам власної уяви, ти краща за них* (О. Гончар); *[Садизм німецьких відомчих листів посилюється останньою фразою – «З дружнім вітанням…»] навіть якщо тобі погрожують банкрутством, судом, ув'язненням, депортацією – наприкінці: «З дружнім вітанням…»* (Сучасність, 2003, №2), пор.: *Хоча уява щиро нагнітає все це, не вір і крикам власної уяви, ти краща за них; Хоча тобі погрожують банкрутством, судом, ув'язненням, депортацією – наприкінці: «З дружнім вітанням…»*

Речення мети також можуть мати ускладнений зміст. Значення мети у конструкціях зі сполучником *щоб* може доповнюватися семантикою оцінного характеру. У таких перетвореннях бере участь лексичний конкретизатор. У тих випадках, коли до складу головної частини входить слово зі значенням необхідності (*потрібно, необхідно*), головна частина виступає носієм необхідної підстави, при цьому підрядна частина може не мати гіпотетичного значення, наприклад: *Щоб задумуватись над такими питаннями, потрібно було мати високий рівень інтелектуальної культури* (В. Лісовий)

Отже, детермінантними реченнями асиметричної будови є предикативні одиниці, яким не властива пряма відповідність між формальним і семантичним рівнями. Асиметрія детермінантних речень може виявлятися кількісно і якісно. Детермінантні речення з кількісною асиметрією функціонують паралельно з експліцитними трикомпонентними висловленнями, у яких усі ланцюжки структури репрезентовані. Кількісна асиметрія таких речень є результатом компресії мовних одиниць, прагненням мовця до економії мовних зусиль, намаганням скоротити висловлення за рахунок усунення повторюваних або малоінформативних ланцюгів, зокрема тих, що мають суб'єктивно-модальний зміст. Такі асиметричні речення не виходять за межі стилістичної норми. Ланцюги змісту, не репрезентовані в імпліцитних конструкціях, у експліцитних реченнях представлені предикатними лексемами знання, мовлення, мислення та їх поширювачами, що засвідчує модусну природу цього змісту. Лексико-семантична організація предикативних частин детермінантних речень може виступати самостійним чинником формування асиметрії на рівні семантики синтаксичної конструкції. Це спричиняє утворення якісно асиметричних детермінантних речень, зміст яких не відповідає семантиці структурної схеми.

Джерела та література

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Шарль Балли; пер. с третьего французского издания Е. В. и Т. В. Вентцель. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

2. Заоборна М. С. Складнопідрядні порівняльні речення в сучасній українській мові: Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Марія Степанівна Заоборна. – Харків, 1997. – 175 с.
3. Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры / Татьяна Андреевна Колосова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 167 с.
4. Ломакович С.В. Займенниково-співвідносні речення в сучасній українській мові: Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Світлана Володимирівна Ломакович. – Тернопіль, 1993. – 180 с.

УДК 81` 366=161.1 **Тукова Т. В.**

ФЛЕКСИЯ: УСИЛЕНИЕ vs ОСЛАБЛЕНИЕ РОЛИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается вопрос о роли флексий в типологической эволюции современного русского языка. Утверждается важность разграничения функций флексий в именах существительных и зависимых частях речи. Демонстрируется превалирование синтагматических средств компенсации имплицитной грамматической информации неизменяемых субстантивов, усиливающих позиции флективности русского языка. Доказывается, что неизменяемость согласующихся частей речи находится в русле естественного стремления языка к избавлению от избыточности.
Ключевые слова: флексия, флективность, морфологическая типология языков, имя существительное, зависимые части речи.

У статті розглядається питання про роль флексій в типологічній еволюції сучасної російської мови. Стверджується важливість розмежування функцій в іменниках та залежних частинах мови. Демонструється превалювання синтагматичних засобів компенсації імпліцитної граматичної інформації незмінюваних субстантивів, які посилюють позиції флективності російської мови. Доводиться, що незмінюваність узгоджувальних частин мови знаходиться у руслі природного прагнення мови до позбавлення від надмірності.
Ключові слова: флексія, флективність, морфологічна типологія мов, іменник, залежні частини мови.

The role of the flexion in typological evolution of modern Russian language has been considered in the article. The importance of distinction between flexions in nouns and dependent parts of speech has been confirmed. Precedence of syntagmatic compensation means of implicit grammatical information of inflexible substantives, increased positions of| flexionly of Russian language has been demonstrated. It is proved that approving parts of speech invariability is in stream of natural language intention to get rid of redundancy.
Key words: flexion, flexionly, morphological typology of the languages, noun, dependent parts of speech.

Лингвистические изыскания последних десятилетий обращены к проблемам активных процессов, происходящих в современном русском языке на стыке тысячелетий. От констатации накапливающихся отступлений от кодифицированной литературной нормы в конце 80-х – начале 90-х годов намечается переход к обобщению и систематизации, предпринимаются попытки объяснить истоки и природу явлений, отделить ситуативное, речевое, связанное с низкой культурой носителей языка или с неприятием старого образа жизни, от естественного движения в языке. Как известно, на переломе веков традиционно под влиянием экстралингвистических причин в ускоренном режиме начинают работать интралингвистические факторы. Происходящие изменения в языке фиксируют словари, реформы в языке стимулируются обновляющимися социальными, экономическими условиями жизни человека, изменениями в его мировоззрении (ср. реформы в языке Петровской эпохи, последствия войны 1812 года на изменения в языке, обновление языка послеоктябрьского периода в начале XX века и под.). С возрастанием уровня обобщений актуальным становится вопрос о типологии языка. В современной лингвистике широкое распространение получила морфологическая классификация языков на изолирующие (аморфные), агглютинативные, флективные и инкорпорирующие (полисинтетические). Выделение аморфных языков положило начало вычленению ещё одного параметра типологической классификации языков – синтетизма и аналитизма [8]. Многие современные русисты вслед за В.В. Виноградовым, утверждавшим, что «в современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому»[4], декларируют мнение об усилении аналитизма в русском языке конца XX – начала XXI веков [17; 14; 1; 3; 10; 11; 19 и др.]. Обычно такое типологическое изменение связывают с ростом числа неизменяемых слов, не обладающих эксплицитными средствами передачи грамматических значений. «Рост аналитизма обнаруживается в грамматике – в ослаблении склонения», – отмечает Е.А. Земская [9, с. 524]. Эти наблюдения поддерживаются результатами научных изысканий ряда современных исследователей [3; 5; 24 и др.]. Всё настойчивее звучит мысль об уменьшении роли флексий в современном русском языке [26; 1; 5; 12 и др.]. В продолжение размышлений на эту тему [23] в настоящей статье поставим *цель* – установить важность дифференцированного частеречной принадлежностью подхода к роли флексий в типологических преобразованиях русского языка.

Наиболее «естественной» моделью морфологии считается аддитивная модель, в соответствии с которой слова складываются из морфем приблизительно так же, как строится дом из кубиков: простым соположением стандартных «деталей», с которыми не должно при этом происходить никаких изменений. Удаление от аддитивного эталона связывают с тремя главными отклонениями: кумуляцией, идиоматичностью и контекстной вариативностью [18, с. 39-40]. В языках синтетического типа, к которым принадлежит и русский, находим как проявления принципов аддитивности, так и отклонения от них. Флективность и агглютинативность русского языка, позволяющих говорить о них как о синтетическом типе языка (в противовес изолирующим, или корневым) всё чаще обсуждается современными лингвистами.

Традиционно в русском языке в пределах одного слова объединяются несколько морфем, передающих лексическое, словообразовательное или словоизменительное значение. Словоизменительная аффиксация искони превалирует в морфологической системе русского языка. Его флективность проявляется в: 1) кумуляции – постоянном совмещении в одном словоизменительном аффиксе нескольких граммем, принадлежащих разным грамматическим категориям; 2) омосемии словоизменительных аффиксов, т. е. наличии ряда параллельных (равнозначных) аффиксов для передачи одного и т ого же грамматического значения или комплекса грамматических значений; 3) фузии, т.е. взаимном наложении экспонентов контактирующих морфем; 4) возможности использования

нулевых аффиксов, или нулевых флексий, не только в семантически исходных, но и в косвенных формах [2, с. 552]. В типичном флективном языке «по возможности вся грамматическая информация концентрируется в одной морфеме – окончании» [27, с. 95]. Осознание того, что «обязательность выражения грамматических значений делает обязательным присутствие флексий в большинстве знаменательных слов» в русском языке [12, с. 164], позволяет понять важность вопроса о роли флексий в эволюции системы языка.

Мысль о неуклонном уменьшении роли флексий при сокращении числа обязательно выражаемых значений подтверждается диахронными наблюдениями [12. с. 164-167]. Но вопрос о том, флексии каких по своей природе и назначению в языке знаменательных частей речи подвержены этому процессу, до сих пор остаётся вне поля зрения исследователей. Существенность этого аспекта связана с тем, что флексия может выражать как грамматические значения (грамматические категории), так и реляционные, т. е. синтаксические отношения одного слова к другим словам в предложении или к предложению в целом [2, с. 551].

Природа и назначение знаменательных частей речи принципиально различны. С существительным как названием субстанции и носителя признака [23, с. 33], передающим содержание объективной действительности [15, с. 59], соотносятся «признаковые» части речи, выражающие «представления о *качествах, свойствах*, представления о *действиях-состояниях* и представления об *отношениях*» [23, с. 427-428]. «Существительное ... является всегда господствующим над прилагательным и глаголом», – отмечал А. А. Шахматов [23, с. 33]. Лексико-грамматическая специфика имён существительных обусловлена сигнификативно опосредованным выходом в действительность. Все его грамматические категории возникли из потребности отображать реальные характеристики субстанции – грамматического предмета: категория числа – квантитативную характеристику, категория падежа – пол лица у одушевлённых имен, категория падежа – функциональное отношение между денотатами, «проявлении предмета в бытии – обозначение связей и отношений референтов, а не их свойств» [13, с. 93]. Традиционная для русского языка флективная манифестация этих грамматикализованных значений имеет первостепенное значение для адекватности передачи информации о действительности. Появление неизменяемых существительных требует обязательной компенсации флективно не выраженной сущности. В таких случаях включаются все возможные компенсаторные механизмы языка. Флективно-синтетическая недостаточность имён существительных восполняется прежде всего синтагматическими средствами – с помощью флексий согласующихся и координирующихся по смыслу зависимых частей речи: *эт**им** персик**ам** и манго; блестящ**их** боа; забавн**ый** какаду; Молод**ые** кутюрье готов**ят** презентацию в Донецке; Прапорщик родил**а*** и проч. Синтагматическая парадигматика в таких случаях демонстрирует усиление синтетизма [13, с. 81], имплицитно содержащаяся в именах существительных грамматикализованная информация о действительности эксплицируется флексиями зависимых частей речи. Компенсаторным средством может быть и аналитическая конструкция, содержащая в своём составе пересемантизованный [13] вспомогательный компонент: *камикадзе-**женщина**, шимпанзе-**самка**, **одно** кашне, **к** ателье* и проч. Однако в современном русском языке не замечено появления новых вспомогательных слов для образования принципиально отличающихся от уже имеющихся в языке вспомогательных слов. Следовательно, говорить о развитии аналитизма в современной морфологической системе не приходится.

Обращает на себя внимание и тот факт, что свойство изменяемости/ неизменяемости имён существительных в истории русского языка может быть обусловлено как объективным действием языкового адаптационного механизма, так и субъективным фактором «языкового вкуса эпохи». Парадоксальна судьба ряда заимствованных существительных, которые в XVIII – начале XIX века были адаптированы морфологической системой (*какаом, кофию, на бюре* и т.д.), а потом постепенно стали фиксироваться словарями как неизменяемые [17]. Думается, именно важность коммуникативной потребности в обозначении связей и отношений референтов действительности приводит к появлению в речи у традиционно несклоняемых субстантивов парадигм словоизменения: *пианина, пианины, под пианину, на пианинах; казины, в казинах* и проч. [6, с. 180]. Исследователи приходят к выводу о том, что возврат к морфологически адаптированной форме (склоняемости) таких субстантивов связан с тем, что «накопленный уровень аналитичности в склонении существительных нарушает баланс интересов говорящего и слушающего» [21, с. 24-25]. Как видим, стремление к синтетическим средствам передачи грамматикализованной в языке информации детерминируется не только интралингвистическим фактором системности, но и экстралингвистическими причинами.

Стихийно происходит в русском языке утрата роли флексий у согласующихся частей речи. Так, в отличие от древнерусского языка современные имена прилагательные не дифференцируются по роду во множественном числе, краткие формы перестали изменяться по падежам, а синтетический компаратив – также по родам и числам. Отсутствие парадигмы склонения обнаруживается в современных притяжательных местоимениях *его, её, их*. Застывшие формы генитива личных местоимений третьего лица обрели самостоятельный лексико-грамматический статус. Формы настоящего времени сказуемых бытийных и поссесивных предложений *есть* и *нет* являются неизменяемыми в современном языке*: У меня есть мечта; У нее нет семьи.* Деепричастия, восходящие к кратким формам действительных причастий, вообще перестали изменяться, приобретя нефлективный языковой статус. Исследователями фиксируется ослабление парадигмы склонения числительных [5]. Их «недосклоняемость» отмечается академическими грамматиками [7; 20]. Синтагматически обусловленная неизменяемость числительных получает статус нормы: *Евро-2012, РГ-80, сезон 2011-2012; 3D-телевизор, витамин В12* и под. [1; 24]. Наблюдаемая экспансия номинатива дополняется расширением функций генитива (ср.: *В двухсот семьях семьсот детей*) [22].

Как известно, флексии зависимых частей речи выполняют прежде всего реляционную функцию: передавая грамматическое значение субстантива, служат для связи слов в предложении. Это внешние экспликаторы грамматических значений имен существительных. В силу того, что у зависимых частей речи нет грамматических категорий, самостоятельно отражающих реалии внешнего мира, исчезновение у них эксплицитных средств выражения не требует включения компенсаторных средств языка. Неизменяемость ряда прилагательных, числительных, местоимений демонстрирует, что на смену высокому индексу согласования и управления приходит повышение индекса примыкания в русском языке. Необходимость в передаче имплицитно содержащейся в языке информации приводит к семантизациии грамматики.

Наблюдаемое движение к нефлективности согласующихся частей речи свидетельствует о желании избавиться от избыточности в передаче грамматикализованной в языке информации, т. е. стремлении к экономии

языковых средств, которое в наибольшей степени характеризует изолирующие (аморфные) языки. Становится очевидным, что далеко не всегда связанное с сокращением флексий «уменьшение количества эксплицитно выраженной информации» приводит к «увеличению количества информации, сообщаемой косвенным образом» [12, с. 177]. Для существительных в большинстве случаев это наблюдение верно. Компенсаторные возможности языка в таком случае проявляются в появлении аналитических форм у самих субстантивов или на уровне синтагматики с помощью флексий зависимых словоформ, демонстрируя силу флективности русского языка, языка синтетического типа. Наблюдения словоформ в линейном ряду наглядно демонстрирует явное превалирование зависимых словоформ, что не позволяет однозначно присоединиться к мнению о сокращении роли флексий в русском языке. Рост числа неизменяемых существительных усиливает роль флексий дистрибутивных средств.

Итак, признаковые части речи с потерей флексий, выполняющих чисто релятивную функцию, не требуют восполнения грамматической информации эксплицитно. На чисто связующей и дублирующей грамматической функции зависимых частей речи базируется возможность появления среди них слов с отсутствующей парадигмой, повторно не манифестирующих морфологическую информацию, заключённую в именах существительных. Как видим, Столкновение принципа экономии с потребностью сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности, отражающегося в соблюдении принципа традиции, дает разные результаты не только у различных знаменательных частей речи, но и в пределах одной части речи отдельные слова и группы слов по-разному реагируют на вызовы времени. Поэтому необходимы дальнейшие «словарные» изыскания, позволяющие наблюдать грамматическое поведение давно существующих в русском языке, но изменяющихся в новых условиях его функционирования, и вновь возникающих в нём слов для более достоверных выводов о типологической эволюции русского языка сегодняшнего дня.

Источники и литература

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. – М.: Высшая школа, 1990. – 168 с.
2. Булыгина Т. В. Флексия. Флективность / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов / Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 551-552.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учебное пособие для вузов / В. В. Виноградов / отв. ред. Г. А. Золотова. – М.: Высшая школа, 1986. – 640с.
5. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) / М. Я. Гловинская // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Под ред. Е. А. Земской. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – С. 237-304.
6. Гловинская М. Я. Язык Интернета как средство обнаружения неустойчивых участков языка / М Я. Гловинская // Русский язык: исторические судьбы и современность: Ш Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, фил. фак-т, 20-23 марта 2007г.): труды и материалы / Сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 180.
7. Грамматика русского языка: в 2 т. / Под ред. В. В. Виноградова. – Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 720 с.
8. Журинская М. А. Типологическая классификация языков / М. А.Журинская // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 511-512.
9. Земская Е. А. Активные процессы в русском языке на рубеже XX-XXI вв / Е. А. Земская // Е. А.Земская. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 513-532.
10. Земская Е. А. Речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма в русском языке / Е. А.Земская // Жизнь языка: сборник статей к 80-летию М. В. Панова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 68-76.
11. Ильина Н. Е. Рост аналитизма в морфологии / Н. Е.Ильина // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки славянской культуры, 2000. – С. 326-344.
12. Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю.П.Князев. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 704с.
13. Колесников А. А. Аналитизм в грамматической системе современного русского языка: учебное пособие / А. А. Колесников. – Измаил, 1992. – 125 с.
14. Лопатин В. В. Русский язык / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия, Дрофа, 2003. – С.437-444.
15. Мигирин В. Н. Язык как система категорий отображения / В. Н. Мигирин. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 237 с.
16. Мучник И. П. Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденции развития в современном русском языке / И. П. Мучник // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М.: Наука,1964. – С. 148-180.
17. Мучник И. П. Морфология. Глава первая. Вступление / И. П. Мучник, М. В. Панов // Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1968. – С. 9-18.
18. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие / В. А. Плунгян. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
19. Приорова И. В. Несклоняемые слова в русском языке и речи: учебное пособие / И. В. Приорова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 88 с.
20. Русская грамматика: в 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
21. Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). Лексика современного русского литературного языка / под ред. М. В. Панова. – М.: Наука, 1968. – 187 с.
22. Рябушкина С. В. Актуальные тенденции в склонении русских числительных / С. В. Рябушкина // Филологические науки. – 2009. – № 6. – С. 76-85.
23. Тукова Т. В. Роль синтагматики в выявлении типологической эволюции грамматической системы современного русского языка / Т. В.Тукова // Лінгвістичні студії: збірник наукових праць / Донецький нац. ун-т; наук. ред. А. П. Загнітко. – Донецьк: ДонНУ, 2011. – Вип. 22. – С. 53-56.
24. Тукова Т. В. Современные имена числительные: путь к аморфности? / Т. В. Тукова, С. О. Анисимова // Функциональная лингвистика. Язык и мир: сборник научных работ / Крымский республик. ин-т последипломного пед. образования; науч. ред. А. Н. Рудяков. – № 2. – Т. 2. – Симферополь, 2011. – С. 247-250.
25. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
26. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе / Н. Ю. Шведова. – М.: Просвещение, 1966. – 156 с.
27. Яхонтов С. Е. О морфологической классификации языков / С. Е. Яхонтов // Морфологическая типология и проблемы классификации языков. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 93-99.

УДК 378 (075:8):811.161.1 **Туманова А. Б.**

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ЕЕ РЕШЕНИЕ

В данной статье говорится о необходимости совершенствования коммуникативной компетенции на занятиях по русскому языку, об актуализации проблемы перехода от хорошего специалиста к хорошему сотруднику. В качестве эффективного пути решения проблемы описывается организация и проведение групповой работы, критерии ее оценки.
Ключевые слова: компетенция, коммуникативная компетенция, групповая работа, мотивация.

У даній статті говориться про необхідність вдосконалення комунікативної компетенції на заняттях по російській мові, про актуалізацію проблеми переходу від хорошого фахівця до хорошого співробітника. Як ефективна дорога вирішення проблеми описується організація і проведення групової роботи, критерії її оцінки.
Ключові слова: компетенція, комунікативна компетенція, групова робота, мотивація.

The given article tells about the necessity of communicative competence perfection at the lessons of Russian, and the problem of the actuality of transition from a good expert to a good employee is raised. As an effective way of solving the given problem they describe organization and carrying out the group form of work, its advantages and drawbacks.
Key words: competence, communicative competence, group work, motivation.

Современный этап развития общества характеризуется повышенным вниманием к совершенствованию процесса образования, воспитания. Конкурентоспособность человека на современном рынке труда во многом зависит от его способности приобретать и развивать умения, навыки и компетенции, которые могут использоваться применительно к целому ряду ситуаций, как производственного, так и социального характера.

Появлению изменений в системе образования способствовало ускорение темпов развития общества. Наиболее точно могут быть определены новые требования к выпускникам на рынке труда. Исследования привели к следующей формуле: необходим переход от хорошего специалиста – к хорошему сотруднику [1-7].

Понятие «хороший сотрудник», конечно, включает качества хорошего специалиста, т.е. определенной специальной, профессиональной подготовленности. Но хороший сотрудник – человек, который может работать в команде, может принимать самостоятельные решения, инициативный, способный к инновациям. По мнению О.Е. Лебедева, одно из требований к «хорошему сотруднику» определяется следующим образом: если раньше от работника требовались сильные мышцы, то сейчас от него требуются крепкие нервы: психологическая устойчивость, готовность к передгрузкам, готовность к стрессовым ситуациям, умение из них выходить [4].

В современных условиях уровень образованности не определяется объемом знаний, их энциклопедичностью. С позиций компетентностного подхода уровень образованности определяется способностью решать проблемы различной сложности на основе имеющихся знаний. Компетентностный подход не отрицает значения знаний, но он акцентирует внимание на способности использовать полученные знания.

– При традиционном подходе цели образования моделируют результат, который можно описать, ответив на вопрос: что нового узнает обучающийся.

– При компетентностном подходе предполагается ответ на вопрос: чему научится обучающийся за время обучения.

Компетентностный подход (далее – КП) – это совокупность общих принципов определения целей образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов [1-4]. Рассмотрим основные понятия: термин «компетенция» (в переводе с латинского – соответствие, соразмерность) имеет два значения: круг полномочий какого-либо учреждения или лица; круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом [см. словари]. Компетенция в образовании – совокупность знаний, навыков и умений, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплине, а также способность к выполнению какой-либо деятельности. Компетентность – непоредственный результат образования, выражающийся в овладении учащимися определенным набором способов деятельности. Компетентность в рамках обсуждаемой темы обозначает уровень образованности. В одной из педагогических дискуссий по вопросам КП было предложено следующее определение: компетентность – это способность действовать в ситуации неопределенности. Если исходить из этого определения при анализе достигнутого уровня образованности (как основного образовательного результата), можно выделить его следующие характеристики: сфера деятельности; степень неопределенности ситуации; возможность выбора способа действия; обоснование выбранного способа [см. словари].

Уровень образованности человека тем выше, чем шире сфера деятельности и выше степень неопределенности ситуаций, в которых он способен действовать самостоятельно, чем более широким спектром возможных способов деятельности он владеет, чем основательнее выбор одного из таких способов. С этой т.з. способность ученика воспроизвести в учебной ситуации большой объем сложного по своему содержанию материала нельзя рассматривать как признак высокого уровня его образованности. По мнению Лебедева, «знаниевый» подход ориентирован на накопление строительных материалов. В результате чего получается склад таких материалов и кладовщиков, способных отпустить нужные материалы по требованию. КП ориентирован на строительство дома, на развитие умения эффективно использовать строительные материалы. В результате получаем строителей, способных построить дом [4] .

С позиций КП основным непосредственным результатом образовательной деятельности становится формирование ключевых компетентностей. По словам Бермус А.Г., формулировки ключевых компетенций представляют наибольший разброс мнений; при этом используются и европейская система ключевых компетенций, так и собственно российские классификации, в составе которых представлены ценностно-смысловая, общекультурная, учебно-познавательная, информационная, коммуникативная, социально-трудовая компетенции и компетенции личностного самосовершенствования [2-4]. Применительно к преподаванию языковых дисциплин основной акцент уделяется формированию коммуникативной компетенции.

Общество хочет видеть с выпускнике личность компетентную, со сформированными коммуникативными навыками, умеющую работать в команде, брать на себя ответственность за решение проблем, готовую к постоянному самообразованию, имеющую креативное мышление, навыки самоанализа, самооценки. К выпускникам вузов предъявляются требования наличия у них не только высокого профессионализма, но и глубокого понимания принципов общения, особенного речевого. Они должны владеть всеми видами речевой деятельности (далее – РД), обладать навыками речевого тестирования, уметь квалифицированно вести беседу, в общем, чувствовать себя вполне уверенно как в бытовой, так и деловой сферах общения [5-10]. Так, например, по русскому языку: целью обучения для студентов продвинутого уровня является дальнейшее совершенствование коммуникативной компетенции на основе научного стиля, языка специальности. Соответственно предусматриваются решение следующих задач: усвоить особенности научного стиля речи, научиться всем видам конспектирования, правильно вести поиск нужной информации, создавать основные типы вторичных текстов, научиться выступать на различные темы, участвовать в диалоге/полилоге [10].

Одной из эффективных способов развития и совершенствования коммуникативной компетенции будущего специалиста считается групповая форма работы. В научной литературе общепризнанно определение групповой работы на уроке как формы организации учебно-познавательной деятельности, предполагающей функционирование малых групп, работающих под руководством учителя. Групповая форма работы стимулирует взаимодействие между учащимися на основе сотрудничества и согласия, формирование чувства ответственности. Фундаментальные исследования педагогов и психологов (Ж.-Ж. Пиаже, Л. С. Выготский и др.) утверждают, что обучение сообща позитивно влияет на развитие и совершенствование речи, обеспечивает более высокие результаты по сравнению с традиционными фронтальными формами и методами [8-9]. В современное время групповая форма работы как один из видов коллективной деятельности широко применяется в образовательном процессе по различным предметам в вузе и школе. В отличие от классно-урочной системы, данная форма обучения имеет свои особенности [8-10].

Главными признаками групповой работы обучающихся на уроке являются следующие: учебная группа на данном уроке делится на подгруппы для решения конкретных учебных задач; каждая подгруппа получает определенное задание (либо одинаковое, либо дифференцированное) и выполняется под руководством лидера группы; задания в подгруппе выполняются таким способом, который позволяет учитывать и оценивать индивидуальный вклад каждого члена группы; состав подгрупп непостоянный; величина групп может варьироваться от 3 до 5 человек. Важно отметить, что на производстве будущему специалисту предстоит работать с людьми разными и по возрасту, и по характеру, и по темпераменту, поэтому мы рекомендуем состав групп постоянно менять. А также на практике он может меняться в зависимости от содержания, объема, предназначения и цели предстоящей работы.

Групповая деятельность учащихся на уроке складывается из следующих этапов: предварительная подготовка студентов к выполнению группового задания (внеаудиторная работа); обсуждение и составление плана выполнения учебного задания в группе, распределение обязанностей; подготовка к выступлению группы; презентация материала группы.

Во время работы члены группы проводят обсуждение проблемы, пути ее решения, а затем и результатов работы; допускается обращение за советом друг к другу и к преподавателю. Необходимо научить студентов соблюдать регламент времени – на подготовку: 7-10 минут; на выступление: 5-7 минут. По завершении презентаций групповой формы работы в обязательном порядке оценивается представленная студентами работа: мнение группы о своем выступлении, мнение лидера группы; взаимообсуждение и взаимооценка работы членами групп; мнение старосты; подведение итогов и оценка преподавателя.

Требования к организации и проведению групповой работы: обязательная предварительная подготовка; вклад каждого члена группы; оригинальность выступления; актуальность материала; работа в команде; учет регламента времени. Опыт работы показал, что данная форма работы способствует развитию навыков самостоятельной работы. А это очень важно и ценно в условиях кредитной технологии обучения в высшей школе.

Успех групповой работы зависит, как показала практика, от уровня подготовленности каждого члена группы, его ответственного и творческого отношения к выполнению любого задания преподавателя. И конечно, результаты работы не будут высокими без мотивации, без направляющих действий преподавателя, его консультаций и советов, без педагогического мастерства учителя.

Результаты групповой работы как коллективного вида работы студентов наглядны и весомы как в приучении их к совместной работе, так и в формировании положительных нравственных качеств личности. Отсюда к достоинствам групповой организации учебной работы обучающихся можно отнести следующее: экономия времени, лучшее усвоение материала, развитие навыков выступления, развитие умений и навыков работать в команде, сотрудничество, привитие чувства ответственности и др. Групповая форма несет в себе и ряд недостатков. Среди них наиболее существенными являются: трудности комплектования групп и организации работы в них; учащиеся в группах не всегда в состоянии самостоятельно разобраться в сложном учебном материале и избрать самый эффективный способ его изучения и репрезентации.

Приведем несколько примеров групповой формы работы, применяемых на практических занятиях по русскому языку (для студентов продвинутого уровня [10].

Ситауция 1: Знакомство (такого типа ситуации не требуют предварительной подготовки). Можно распределить группы по области, городу, школе и др.

Задание: в течение 5 мин. познакомиться друг с другом, выявить наиболее яркие особенности личности; выбрать лидера команды; выбрать форму презентации группы.

Выступление командное.

Ситуация 2: Презентация подготовленной информации, например на тему: «Ученые прошлого и современности (и КБТУ) и их вклад в науку».

Задание 1 (предварительное): Найти материал об ученых прошлых веков и современности, изучить его; выделить и запомнить информацию о научной деятельности ученого и соответственно о вкладе его в науку.

Примечание: поиск материала идет в соответствии с профилирующими предметами по профилю факультета или по специальности.

Задание 2: По жребию выбрать группу ученых, в группе обсудить материал для выступления; выбрать лидера команды, при необходимости распределить роли; выбрать форму выступления.

Ситуация 3: Презентация нового продукта (открытия) в области специальности студента.

Командная работа. Состав команды: директор, менеджер, инженер-конструктор, экономист.

Задание 1 (предварительное): Поиск новейшего открытия в области своей специальности, коллегиально выбрать одно из открытий, обсудить основные моменты презентации, распределить роли и работу; подготовить каждому презентационную речь, раздаточный материал.

Задание 2: Выступить с презентацией нового продукта (открытия), презентационная речь каждого члена команды обязательна, демонстрация слайдов.

Для оценки работы студентов в группах предусматриваются следующие параметры и критерии оценки: полнота содержания; форма выступления; исполнение роли; использование языковых средств в соответствии нормами языка; наличие наглядности.

Таким образом, в процессе преподавания практического курса русского языка в Казахстанско-Британском техническом университете главное внимание уделяется формированию коммуникативной компетенции будущего специалиста. Одним из удачных форм создания высказывания/выступления признается группая работа над решением задач в определенных ситуациях, связанных с учебной или будущей профессиональной деятельностью студентов. Правильно организованная групповая работа дает положительные результаты; данный способ работы эффективен при проведении занятий по закреплению нового материала, по отработке умений и навыков применять изученный материал на практике, при осуществлении контроля знаний, умений и навыков, а также при подготовке учебных конференций/диспутов/дискуссий.

Источники и литература

1. Баринова Т. Г. Компетентностный подход в обучении русскому язику / Т. Г. Баринова. – Астрахань: МОУ «СОШ № 52», 2004.

2. Бермус А. Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании / А. Г. Бермус // Интернет-журнал» Эйдос».2002.23.04. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http.www.eidos.ru/jornal/2002/0423.htm.

3. Дэвидсон Дэн Е., Аскич Мария Д. Компетентностный подход в преподавании и оценке знаний по русскому языку / Дэвидсон Дэн Е., Аскич Мария Д. // Жизнь языка и язык в жизни. Сб. статей, посв. юбилею Э. Д. Сулейменовой. – Алматы, 2005. – С. 23-39.

4. Лебедев О. Е. Компетентностный подход в образовании / О. Е. Лебедев // Школьные технологии, 2004. – № 5. – С. 34-39.

5. Быстрова Е. А. Подходы и принципы обучения русскому языку/ Е. А. Быстрова // Обучение русскому языку. – М., 2007.

6. Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты / А. В. Хуторской //Интернет-журнал «Эйдос» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http.www.eidos.ru/jornal/2002/0423.htm..– 23 апреля.

7. Гойхман О. Я. Речевая коммуникация. Учебник / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. – М.: ИНФРА, 2007. – 271 с.

8. Инновационные педагогические технологии. Основные классификации и подходы // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.tsiac.ru/.../Innovacionnie %20pedagogiceskie%20tehnologii.ppt. 16.01.2012.

9. Наби Ы. А. Инновационные технологии обучения в Высшей школе/ Ы. А. Наби // Научно-методический семинар по повышению квалификации. Силлабус. – Алматы: КБТУ, 2011. – 30 с.

10. Туманова А. Б. Учебно-методический комплекс дисциплины «Русский язык» / А. Б. Туманова. – Алматы: КБТУ, 2006. – 39 с.

УДК: 811.133.1’36’372

Удилова Т. Н.

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ КОМПАРАТИВНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье речь идет о понимании категории компаративности как подкатегории универсальной категории количества, о лексических, грамматических и лексико-грамматических способах ее выражения во французском языке. Категория компаративности граничит с категориями качества, интенсивности, градуальности, степени, меры; экспрессивности, эмоциональности, оценочности.

Ключевые слова: компаративность, категория, субкатегория, количество.

У статті мова йде про розуміння категорії компаративності як підкатегорії універсальної категорії кількості, про лексичні, граматичні і лексико-граматичні способи її вираження у французькій мові. Категорія компаративності межує з категоріями якості, інтенсивності, градуальності, ступеню, міри; експресивності, емоційності, оцінності.

Ключові слова: компаративність, категорія, субкатегорія, кількість.

The article is about understanding the category of comparativity as a sub-category of the universal category of the number, and about the lexical, grammatical and lexical-grammatical means of expression of the category of comparativity in the French language. The category of comparativity approaches the categories: quality, intensity, graduality, degree, measure, expressivity, emotionality, appreciation .

Keywords: comparison, category, subcategory, quantity.

Вопросы, связанные с вычленением и классификацией понятийных категорий универсального характера, продолжают оставаться в поле зрения современных исследований. К таковым относится категория компаративности.

Цель данной статьи – рассмотреть понимание категории компаративности, ее место среди других понятийных категорий и способы ее выражения во французском языке.

Процесс познания человеком окружающего мира не возможен без явного или подсознательного сравнения нового объекта с уже знакомыми элементами действительности. Однако, данный процесс многоаспектен, поэтому подходы к его изучению также многоаспектны. Категория компаративности рассматривается в широком аспекте как философская, логическая, понятийная (Ключник И. В., Конюшкевич М. И., Заруднева Е. А., Еримбетова А. М., Трегубчак А. В.) [7; 8; 5; 3; 12].

Многоаспектность процесса познания и его анализа формирует и многозначность подходов при определении соотношения категории компаративности с другими категориями. Например, категория компаративности

интерпретируется как синтез категорий качественности и количественности [11]. Категория компаративности соотносится также с категориями интенсивности, градуальности, степени, меры, нормы. Кроме того, способы выражения категории компаративности в большинстве случаев оценочны, экспрессивны, эмоциональны, т.к. сравнение используется прежде всего в прагматических целях, чтобы произвести эффект, впечатление на собеседника, кроме того оно придает высказыванию индивидуальный, субъективный, оценочный характер, выражая отношение говорящего к высказыванию [12], т.е. категория компаративности соотносится с категориями оценочности, экспрессивности, эмоциональности. Соотносимость категорий представляется неоднородной и должна определяться конкретной ситуацией общения. Наиболее часто анализируются ситуации, когда сходство или различие сравниваемых объектов может быть количественным или качественным, если пытаются определить более или менее высокую степень качества их общего свойства [10]. Из анализа процесса сравнения, т.е. того, что и с чем сравнивается, вытекает, что сравнивается количество и качество объектов действительности. Качество сравнивается в аспекте его наличия/отсутствия, а также степени наличия, интенсивности, т.е. количественной характеристики качества, которое в процессе изменения интенсивности, градуировано, через этап меры, нормы переходит в другое качество. Согласно закону перехода количественных изменений в качественные, новое качество образуется в результате перестройки структуры объекта, которая, в свою очередь, является результатом количественных изменений, достигших определенной пороговой величины (т. н. границы меры) [2]. Мера передает количество, ограниченное определенными пределами, за рамками которых изменяется качество, т.е. мера есть качественно определенное количество [2]. Исходя из сказанного, можно рассматривать категорию компаративности как субкатегорию категории количества, соотносящуюся с другими категориями (например, качества) и субкатегориями категории количества (например, интенсивности, градуальности, степени, меры).

В лингвистиком аспекте категория компаративности исследуется как функционально-семантическая и чаще всего анализируется с позиции теории функционально-семантического поля (Николаева А. В., Петроченко Л. А., Федеряева Н. О., Кравец О. В., Казанцева И. В., Болгарова Р. М.) [10; 11; 9; 6; 1]. Категория компаративности отражает процесс сравнения. При анализе вредств выражения допустимо их отождествить. Французские толковые словари интерпретируют сравнение как: отношение сходства, существующее между двумя членами высказывания благодаря третьему вводящему члену (comme, ainsi que, ...) [15]; сопоставление с целью определить сходство/несходство (между многими людьми или предметами) [13]; как риторическую фигуру, устанавливающую при помощи слова (дополнения, введенного предлогами "entre", "de", "avec") отношение сходства (между двумя объектами); в стилистике – стилистическая фигура, устанавливающая отношение сходства между двумя объектами реальности [13].

Сравнение может осуществляться между:

– двумя объектами, имеющими общее качество: – *Aline est aussi curieuse que Jeanne.*

– двумя ситуациями (во времени и в пространстве): – *Aline* ***aujourd'hui*** *est moins curieuse qu'****hier****. Aline se sent* ***ici*** *aussi bien que* ***chez elle.***

– между двумя качествами одного обладателя (эпистемическое сравнение [14]): – *Elle est plutôt* ***curieuse*** *qu'* ***indifférente***.

В структурном плане сравнение может быть представлено конструкциями, состоящими из 4 – 1 элементов. 4 элемента структуры компаратива: компарант (субъект сравнения или сравниваемый объект, реально существующий, фр.: le comparé), компарат (объект сравнения, с которым сравнивается, образный элемент, фр.: le comparant), основание (общий признак для утверждения их сходста/различия, фр.: le point de comparaison), компаратор или коррелятор (средство выражения компаративного значения, фр.: l'outil de comparaison), например, *comme, pareil à, tel que, ressembler à, plus... que, etc.* [8, с. 90; 16]. Например, в предложении *C'est simple comme toujours*. Компарантом (le comparé) является *Ce (C')*, компаратом (le comparant) – *toujours,* основанием (le point de comparaison) – *simple,* компаратором (l'outil de comparaison) – *comme.* В трехкомпонентных структурах отсутствует основание (le point de comparaison), например, вместо *Pierre est riche comme Crésus,* имеем *Pierre est comme Crésus*, двукомпонентные состоят из компаранта (le comparé) и компарата (le comparant): *Pierre est un Crésus*, однокомпонентные – содержат лишь компарат (le comparant): *Un vrai Crésus*.

В языке существуют различные средства выражения категории компаративности – сравнения или компаративы, различным образом классифицируемые:

– логические (языковые) и образные [8, с. 82]. К образным или фигуративным относят главным образом стилистические средства, например, метафору;

– сравнения равенства/неравенства. Сравнивая, всегда определяется сходство (равенство) или различие (неравенство) объектов;

– мотивированные и немотивированные, мотивированные обязательно содержат основание (le point de comparaison), т. е. являются четырехкомпонентными;

– эксплицитные и имплицитные. Имплицитное сравнение выражается лексическими или лексико-грамматическими способами, например, формами положительной степени прилагательных, обозначающих градуируемые признаки [4]. К имплицитным средствам относят также стилистические, в частности метафоры. Имплицитные чаще состоят из 1-го или 2-х элементов.

Эксплицитные языковые средства бывают простыми и сложными по структуре, 3-х или 4-х елементными, имеющими выраженный эталон сравнения (свойства других объектов или состояния этого же объекта).

Категория компаративности может быть выражена на лексическом, лексико-грамматическом, грамматическом (морфологическом и синтаксическом) и стилистическом уровнях.

К лексическим способам выражения компаративности следует отнести, прежде всего корреляторы, компараторы (outils de comparaison). Наиболее распространенным из них является союз *comme,* он может употребляться самостоятельно: *Tu travailles* ***comme*** *tu parles,* входить в состав союзных и предложных конструкций: *comme si, comme pour,* быть усиленным другими служебными словами: *comme aussi, comme d'ailleurs. Comme* имеет множество субститутов, как простых по форме : *le même, ainsi, si, tant, autant, plutôt, à mesure, selon,* так и сложных*: à l'exemple de, à l'instar de, comparativement à, à la façon de , pareil à, semblable à, ainsi que, de même que*, бинарных: *autant...autant, plus...plus, tel...tel.*

Многие лексические единицы несут сравнение в своей семантике: *similitude, égalité, semblance; même, équivalent, différent; pareillement; paraître, ressembler, passer pour.* Некоторые имеют значение степени сравнения (*aîné, majeur, intérieur*), некоторые пердают данное значение в определенном контексте (*premier, préféré, unique,*).

К лексическо-грамматическим способам выражения компаративности можно отнести существительные, употребляемые в качестве прилагательных, например, для обозначения цвета: *robe* ***citron,*** а также качественные прилагательные в положительной степени сравнения: *beau, fort, petit.* К данной группе можно присоединить выражения, передающие различную степень градации: *assez fort* (интенсивная), *un peu fort* (уменьшительная), *trop fort* (преувеличительная), *encore plus fort* (прогрессивная), *encore mois fort* (регрессивная), *tout à fait fort* (абсолютная)*, trop peux fort, insuffisamment fort* (недостаточная), *pas du tout fort, nullement fort* (ничтожная).

Особое место среди лексических и лексико-грамматических форм занимают фразеологические единицы, соответственно: фразеологизмы и паремии. Компаративные фразеологизмы достаточно многочисленны во французиком языке, большинство из них имеют базовым грамматическим элементом глагол или прилагательное: *avancer comme un escargot, bête comme chou.* Компарат (comparant) может означать: этническую принадлежность (*boire comme* ***un polonais***), библейский персонаж (*pleurer comme* ***madeleine***), исторический или литературный персонаж (*fier comme* ***Artaban****, riche comme* ***Crésus***), профессию (*menteur comme* ***un arracheur de dents***), животное (*bavard comme* ***une pie***), растение (*blond comme* ***les blés***), часть тела (*bête comme* ***ses pieds****),* различные явления природы (*belle comme* ***le jour***), предметы повседневной жизни (*con comme* ***un balai***).

Паремии чаще всего имеют эллиптическую структуру: *Tel père, tel fils* .

К грамматическим средствам выражения сравнения, прежде всего, следует отнести степени сравнения:

– сравнительную, имеющую три вида: *plus fort*, *aussi fort*, *moins fort*, которые могут быть усилены специальными наречиями: *beaucoup plus fort.*

– превосходную, имеющую две формы: *le plus fort*, *le moins fort*. Превосходная форма может приобретать абсолютное значение при помощи специальных наречий: *absolument fort*, *vachement malade*, или инфинитивных конструкций: *belle à ravir, laid à faire peur*.

Грамматические формы сравнительной и превосходной степеней во французском языке являются аналитическими, кроме нескольких исключений (*meilleur, moindre...)*. Однако, существуют немногочисленные морфологические формы, в которых сравнение выражено суффиксами с уменьшительным (*grand****et****, bleu****âtre****, vieill****ot****, , noir****aud***) или с усилительным значением: (*rich****issime****),* а также префиксами (***archi****-vieux,* ***ultra****-gauche,* ***sur****-humain,* ***super****-fort,* ***extra****-fin,* ***macro****cosmique,* ***micro****élémentaire)* [17].

На синтаксическом уровне сравнение выражается всеми видами грамматической связи, чаще всего сложноподчиненными сравнительными предложениями.

На стилистическом уровне сравнение может быть выражено персонификацией, аллегорией, антитезой, и особенно, метафорой и сравнением. Сравнение является образным, имеет трехэлементную структуру, его компарат должен быть известен. Метафора состоит из двух (компаранта и компарата) или даже одного (компарата) элемента, что увеличивает образность сравнения, но уменьшает степень или возможность понимания.

Итак, категория компаративности рассматривается в логико-философском аспекте как принадлежащая к группе универсальных понятийных категорий, среди которых, соотносясь с категориями качества, интенсивности, градации, степени, может быть классифицирована как субкатегория категории количества. В лингвистическом аспекте категория компаративности понимается как функционально-семантическая, имеющая свою структуру (1-4 элемента) и свои эксплицитные (лексические, лексико-грамматические, грамматические и стилистические) и имплицитные способы выражения. Имплицитные способы выражения заслуживают отдельного внимания, их исследование является перспективой дальнейшего исследования.

Источники и литература

1. Болгарова Р. М. Способы выражения компаративности в простом предложении (на материале русского и татарского языков) / Р. М. Болгарова // Журнал «Филология и культура»: ТГГПУ, 2009. – № 14. – С. 78-80 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=node/356 (13.06.2012)

2. Большая советская энциклопедия // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/ (10.06.2012).

3. Еримбетова А. М. Языковые компаративные средства выражения уподобительных отношений /А. М. Еримбетова // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aeli.altai.ru/nauka/sbornik/2002/erimbetova.html (10.06.2012).

4. Жерновая О. Р. Компаративные конструкции имплицитного сравнения в современном английском языке / О. Р. Жерновая // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филология. – Н. Новгород, 2003. – Вып. 1. – С. 147-150 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990196_West_filol_2003_1(3)/B_3-9.pdf(17.08.2007).

5. Заруднева Е. А. Компаративные конструкции в лингвокогнитивном аспекте (на материале русского и английского языков) Автореферат дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук: спец.10.02.19 «Теория языка» / Е. А. Заруднева. – Краснодар, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kubsu.ru/index.php/rus/content/download/4522/17719/file (17.08.2007).

6. Казанцева И. В. Тема канд. диссертации: Функционально-семантическое поле компаративности в марийском литературном языке: дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук: спец.10.02.22 «Языки народов зарубежных стран…» / И. В. Казанцева. – Йошкар-Ола, 2005. – 238с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/funktsionalno-semanticheskoe-pole-komparativnosti-v-mariiskom-literaturnom-yazyke (10.06.2012).

7. Ключник И. В. Толерантность и компаративность в контексте философского дискурса / И. В. Ключник // Сайт «Философская антропология», 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/klyuchnik/russia_12.html (11.06.2012).

8. Конюшкевич М. И. Категория сравнения и ее место в системе языка. / М. И. Конюшкевич // Вопросы функциональной грамматики. Сборник научных трудов. – Выпуск 4. – Гродно: ГГУ, 2002. – С. 82-91.

9. Кравец О. В. Функционально-семантическое поле компаративности в современном русском языке / О. В. Кравец // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.inyaz-mil.ru/institute/docs/tezis/kravetc.doc (10.06.2012).

10. Николаева А. В. Лексические и словообразовательные средства выражения категории компаративности в современном английском языке (на базе словаря Longman Dictionary of Con temporary English)". /А. В. Николаева // Сборник трудов Второй межд. науч.-пр. конференции «Международная педагогическая лексикография в теории и практике обучения в высшей школе»

(25-26 августа 2001 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rspu.edu.ru/science/conferences/01_08_25/nikolaeva.html (12.06.2012).

11. Петроченко Л. А. О способах выражения категории компаративности / Л. А.Петроченко, Н. О. Федеряева // Вестник ТГПУ, 2002. – № 9 (60). Серия: Гуманитарные науки (Филология). – С. 45-50. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://209.85.129.132/search?q=cache:luMX4t1yGWAJ:vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/ (10.06.2012).

12. Трегубчак А. В. Семантика сравнения и способы ее выражения: диссертация ... канд. Филол. наук : 10.02.01 «русский язык» [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. / А. В. Трегубчак – Рязань, 2008. – 221с. / А. В. Трегубчак [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://209.85.129.132/search?q=cache:jl-llASYpa0J:www.avtoref.mgou.ru/ (13.06.2012).

13. Encarta [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fr.encarta.msn.com/ (08.06.2012).

14. Fuchs C. La comparaison d'inégalité en français / C. Fuchs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lattice.cnrs.fr/Seance-2-La-comparaison-d (08.02.2011).

15. Larousse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://www.larousse.fr/encyclopedie/nom-commun-nom/comparaison/35596 (10.06.2012).

16. Le grand dictionnaire terminologique [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gdt.oqlf.gouv.qc.ca/Resultat.aspx (08.06.2012).

17. Trésor de la langue française [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://www.cnrtl.fr/definition/comparaison (13.06.2012).

УДК 811.112.2'42'272

Федоренко Л. В.

ЛІНГВОКОГНІТИВНІ ПЕРЕДУМОВИ ВИВЧЕННЯ КОМІЧНОГО

Статья посвящена изучению ценностной составляющей картины мира, которая является фактором создания комического.
Ключевые слова: комическое, картина мира, инконгруэнтность.

Стаття присвячена розгляду ціннісної складової картини світу, яка є рушійним фактором створення комічного.
Ключові слова: комічне, картина світу, інконгруентність.

The article is devoted to studying of a value component of the picture of the world which is the factor of the achieving the comic.
Keywords: comic, picture of the world, incogruence.

Вивчення когнітивних аспектів семантики сприяє розбудові таких нагальних проблем мовознавства, як мова і культура, мова і мислення, мова і поведінка, мова і знання. У межах цієї проблематики слід виокремити **мету** роботи, яка полягає у дослідженні лінгвокогнітивних передумов комічного та пов'язана з цим проблема мовної та концептуальної картин світу, а також психологія мовної поведінки людини. **Завданням** є встановлення залежності створення комічного ефекту від аксіологічного складника концептуальної картини світу. **Предметом** розвідки постає комічне, розглянуте на матеріалі афоризмів.

Дослідженню оцінної семантики присвячено багато наукових праць, де спочатку науковців цікавив статус мовної категорії оцінки, а згодом все більш актуальною стає розробка «порівняльної аксіології» з її підвищеним інтересом до оцінної орієнтації мов.

Тут пропонуються різні теорії й класифікації цінностей, точки зору на природу й сутність оцінок. При цьому виявляються розбіжності у трактуванні основних понять не тільки у представників окремих галузей знань, але і в рамках одного наукового напряму. Не дає однозначних рішень і аксіологія, де центральним є поняття цінності. Незважаючи на підвищений інтерес до проблеми й активні дискусії, дотепер не вироблено єдиного підходу до витлумачення категорій «цінність» і «оцінка».

Цінність являє собою як те, що одержало позитивну оцінку, так і значущість суспільних явищ, матеріальних та ідеальних благ для певних класів, колективів, індивідуумів, а також суспільства в цілому. Більш того, іноді і сама мова постає як система втілення культурних цінностей, особливо з точки зору лінгвокультурології [3, с. 73].

Найважливішими функціями цінностей є для людини репрезентативна (вираження й позначення відношень людини до предметів і явищ дійсності, а також їхньої значимості для людини), орієнтуюча (орієнтири у предметній і соціальній діяльності», регулююча, мотивуюча [1, с. 5-27]. Окрім зазначених, Н.Д. Арутюнова називає ще одну функцію – стимулюючу: «Оцінні слова становлять благодатний матеріал для обґрунтування прагматичної концепції значення. Будучи прямо пов'язаними з мовцем-суб'єктом і відбиваючи його смаки й інтереси, вони в той же час регулярно вживаються у висловленнях, які відповідають ситуації вибору (ухвалення рішення) і спонукання до дії. Оцінка тісно спаяна з метою мовленнєвого акту, яка й програмує дії» [2, с. 25].

Пізнавальний і ціннісний підходи до дійсності є традиційними. При цьому ми виходимо з визнаного більшістю вчених положення про те, що цінність об'єктивується в оцінці і що «параметри ціннісно-прагматичної орієнтації, категорії суб'єктивної оцінки речей і подій не численні й побудовані зазвичай як дво– і тричленні протиставлення» [6, с. 20]. Двочленні оцінні структури базуються на опозиції «добре» – «погано» [4], тричленні – на опозиції «добре», «погано», «нейтрально» [12, с. 530].

До компонентів структури оцінки Е.М. Вольф відносить аксіологічний предикат, шкалу оцінок, оцінні стереотипи, мотивування, класифікатори, засоби інтенсифікації й деінтенсифікації, суб'єкт «користі», що вони можуть реалізуватися експліцитно або імпліцитно. Структуру мовної оцінки можна представити і як «модальну рамку, що накладається на висловлення й не збігається ні з його логіко-семантичною побудовою, ні з синтаксичним» [4, с. 12]. Однак найбільш значущими компонентами оцінки є норма і стереотип, оскільки саме вони здатні виступати орієнтирами оцінки [4, с. 76].

Оцінка і норма тісно між собою пов'язані та перебувають у досить складних відношеннях: якщо оцінка виражає значення предметів для людей (кваліфікація), то норма – обов'язок, що випливає з оцінки. Інакше кажучи, норма припускає оцінку, а оцінка не обов'язково розвивається в норму. Термін «норма» вживається не тільки по відношенню до аксіологічних понять, коли вона вказує на серединне положення, рівновагу певних властивостей, ознак, якостей. Відхилення від норми визнається аномальним і збуджує не тільки увагу й комунікативні центри, але й емоції. В області аксіологічних понять норма лежить не в середині шкали, а збігається з її позитивною частиною.

Цим пояснюється той факт, що широкий вихід у лексику мають не тільки ситуації відхилення від норми, але й відповідність нормі та її перевищення.

Результатом ставлення до предмета є ***оцінка*** – акт свідомості, що полягає в порівнянні предмета з йому подібними, зіставленні властивостей предметів, визначенні їхнього місця й ролі у власній життєдіяльності, і його результати, які закріплюються у свідомості й мові у вигляді позитивного, негативного або нейтрального відношення. Предмети і явища зовнішнього й мисленнєвого світу, що одержали найбільш позитивну оцінку, характеризуються як ***цінності*** й надалі виступають як орієнтири ціннісно-оцінної діяльності. На основі винесених оцінок формується ***норма*** – положення, співвіднесене з позитивною оцінкою.

У результаті багаторазового повторення однакового положення справ формується ***оцінний стереотип*** – стійка реакція (схвалення, осуд або байдужність) на ті самі або подібні ситуації. Стереотипи включають стандартні дескриптивні властивості об’єктів та їхнє співвідношення з оцінною шкалою, а оцінні стереотипи – об'єкти з їхніми ознаками й місце в ціннісній КС [4, с. 58-59]. У мовній свідомості того або іншого етнічного колективу складається система стереотипів національно-культурного сприйняття світу, що стає своєрідною «мірою всіх речей» у повсякденно-побутовій свідомості.

З погляду на телеологію оцінний зміст є прагматичним. Він бере участь у вираженні ставлення мовця до дійсності, до змісту повідомлення. Прагматичний компонент, який несе інформацію «про суб'єктивне ставлення, оцінку, переживання означуваного факту, суб'єктивній настанові індивіда на цей факт» [6, с. 21], є водночас і могутнім фактором відтворення комічного.

Оцінний компонент мовних одиниць є національно специфічним. Той чи інший оцінний зміст може бути зовсім не включеним у значення, або оцінний знак може не бути детермінованим і визначатися винятково умовами контексту, місцем ситуації в ціннісній КС, залежати від пресупозицій. Відомості про ціннісні пріоритети партнерів сприяють підвищенню успішності спілкування представників різних лінгвокультурних спільнот, оскільки в оцінних висловлюваннях поєднуються відомості про навколишній світ і ставлення до них суб'єкта мовлення [8, с. 292].

У світлі аксіології говорять про ***ціннісну картину світу*** (КС). Вона визначається тими ж функціями, що їх виконують цінності в життєдіяльності людини. Крім того, орієнтація комунікантів у ціннісній картині світу входить до поняття прагматичної компетенції – «здатності мовця оперувати національно-культурними символами й стереотипами як еталонами «добрих» або «поганих» властивостей і як уявленнями, що викликають позитивні чи негативні емоційні реакції» [10, с. 17]. Ціннісна КС напряму пов’язана і з ***нормативною КС*** – тією, що співвідноситься зі сферою належного та ідеального, із якої виключено все негативне. Поряд з цим, говорять про наявність у свідомості носіїв мови ***деонтичної КС*** [5], що стосується більшою мірою поведінки людини з огляду на її відповідність / невідповідність нормам (кодексу, моралі, етиці), прийнятим у суспільстві.

В останні роки об’єктом наукової уваги стають ***національні картини світу***, усвідомлення яких багато чому завдячує В. фон Гумбольдту, який не тільки визнавав за мовою здатність до відбиття дійсності, але й став засновником антропоцентричного підходу до її вивчення.

Зазначені феномени є гіпонімічними складниками лінгвокогнітивного утворення вищого рівня абстракції – ***картини світу*** взагалі, яка є явищем, інгерентно властивим будь-якій мовній свідомості. Розуміючи КС як суб'єктивний образ об'єктивної реальності, у подальшому будемо керуватися її визначенням як «вихідного глобального образу світу, що лежить в основі світобачення людини, репрезентує сутнісні властивості світу та є результатом всієї духовної активності людини» [7, с. 19-20].

Мовні картини світу (МКС) є предметом неослабної уваги лінгвістів, зокрема фактори їх формування разом з мовними засобами їхнім варіюванням. Фахівці одноголосні в тому, що для формування МКС релевантними є щонайменше три групи факторів – середовище, психіка, закони розвитку мови. Кожний із них може містити як унікальні (специфічні) для лінгвокультурної спільноти елементи, так і універсальні, що зумовлюють області збігу різних МКС.

Під середовищем слід розуміти сукупність фізичних, соціальних і духовних факторів, з якими доводиться мати справу організму в процесі життєдіяльності. Психіка людини (включаючи свідомість і підсвідомість) визначає специфіку вибору істотних ознак об'єктів позамовного світу, а також їхню інтерпретацію крізь призму ціннісно-орієнтаційної діяльності людини. Тож невипадково вважається, що у формуванні МКС беруть участь предметний (онтологічний), мисленнєвий (когнітивний) і мовний світи, сполучною ланкою між якими виступає мовна особистість. Крім того, можливо неповне, фрагментарне відбиття предметного й мисленнєвого світів. Це відповідає думці про різну організацію семантичного простору мови, коли одні ділянки МКС побудовані з більшою часткою раціональності й наближаються до наукової картини світу, а інші – ірраціонально, без прив’язки до законів класичної логіки. Разом з тим, змістовою стороною МКС є ієрархія цінностей мовної особистості, що детермінують її соціокультурну поведінку.

Картина світу уявляється як ідеальне утворення, що складається зі структурно організованих компонентів, виконує властиві йому функції та розвивається за законами філо– та отногенезу. Компонентами КС визнаються суб'єкт, об'єкт і результат відображення, а основними функціями – інтерпретаційна і регулятивна. До інших не менш важливих параметрів КС належить і метафоричність. І хоча вона несе в собі певну загрозу розмивання меж і навіть девальвації самого поняття «КС» [7, с. 33], саме завдяки метафоричності КС є не лише просто відображення дійсності, а відображення крізь призму людини, бо саме людина «задає міру й пропонує норму» [11, с. 106].

Так у картині світу багатьох народів слався усталений образ жінки, головними рисами якої є краса і обмежений світогляд.

Warum sind Frauen eher hübsch als intelligent? Weil Männer besser sehen als denken können.

Чому жінки скоріше симпатичні, ніж розумні? Бо чоловіки мають здатність краще бачити, аніж думати. Цей силогізм корегує відношення до жінок, перекладає відповідальність за інтелект жінок на недосконалість чоловіків.

Гумористичні вислови демонструють також складність жіночої сутності, наприклад: *Frau zu sein ist schwer. Man muß denken wie ein Mann, sich benehmen wie eine Dame, aussehen wie ein Mädchen und schuften wie ein Pferd*. Вимоги, що їх становлять до жінок включають такі характеристики як краса, працьовитість, жіночність та чоловічий розум. Іноді ці вимоги є взаємовиключні, працювати як коняка, при цьому виглядати як дівчинка і поводитись як дама.

У комічних висловах ставиться під сумнів слабкість жінок, наприклад, *Das schwache Geschlecht ist stark genug, das starke Geschlecht schwach zu machen.* Слабка стать настільки сильна, що робить слабкою сильну стать. Цей силогізм також демонструє мирне протиставлення жінок і чоловіків.

Лінгвістичний матеріал дає змогу констатувати, що в картині світу чоловік і жінка протиставляються один одному: *Brüllt ein Mann, ist er dynamisch. Brüllt eine Frau, ist sie hysterisch*. Якщо кричить чоловік – це ознака динамізму, якщо жінка – то вона істерична.

При цьому найчастіше негативними ознаками наділяється жінка, а чоловік – жертва подружніх стосунків. Комічне дозволяє також актуалізувати думку, що жінки експлуатують чоловіків: *Der Mann ist die beliebteste von allen Erfindungen, die der Frau die Arbeit erleichtern oder ersparen soll,* де чоловіки виступають найкращим з усіх винаходів, чия роль – спрощувати життя жінкам.

В той же час жінки є причиною нещасливого шлюбу, наприклад, для математиків: *Warum führen Mathematiker oft sehr unglückliche Ehen? Weil Frauen unberechenbar sind!* Бо кількість жінок настільки велика, що не піддається переліку, але професійна діяльність лише зміщує фокус уваги, насправді ж комічному переосмисленню піддається вірність чоловіків, яка в принципі неможлива, бо на світі так багато жінок.

Мовна картина світу демонструє два несумісні й непримиренні світи, але їхнє протиставлення не має ознак ворожості завдяки комічному ефекту, заснованому на антитезі та інконгруентності – невідповідності дійсному стану речей. Суть інконгруентності полягає в порушенні норм (онтологічних, логічних, валоративних, жанрових, дискурсивних, мовленнєвих), що є джерелом комізму ситуації й маніфестується в парадоксі: відхилення від норми створює в жарті нову норму і є нормою сміхового сприйняття світу [9, с. 6].

Невичерпна тема присвячена комічному, яке виконує важливу соціальну функцію, сприяє примиренню протилежних, конфронтуючих явищ дійсності. Комічне розкриває цікаві можливості подальшого дослідження інших бісоціацій, присутніх в культурі, що мають своє вербальне втілення у мовній картині світу.

Джерела та література

1. Арнольдов А. И. Введение в культурологию (новая расширенная редакция): [учеб. пособие] / А. И. Арнольдов. – М. : Народная Академия культуры и общечеловеческих ценностей, 1993. – 352 с.
2. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – С. 356-367.
3. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. VIII. – М. : Прогресс, 1978. – 480 с.
4. Базарова Л. В. К вопросу о соотношении языка и культуры / Л. В. Базарова // Образование и культура России в изменяющемся мире. – Новосибирск, 2007. – С. 72-76.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
6. Латина О. В. Идиомы и экспрессивная функция языка / О. В. Латина // Человеческий фактор в языке : Языковые механизмы экспрессивности / Ин-т языкознания; [отв. ред. В. Н. Телия]. – М.: Наука, 1991. – С. 136-156.
7. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М : Высш. школа, 1988. – 168 с.
8. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.
9. Приходько Г. І. Способи вираження оцінки в сучасній англійській мові / Г. І. Приходько. – Запоріжжя: ЗДУ, 2001. – 362 с.
10. Самохіна В. О. Жарт у сучасному комунікативному просторі Великої Британії і США: текстуальний та дискурсивний аспекти : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня док. філол. наук : спец. 10.02.04 „Германські мови» / В. О. Самохіна. – К., 2010. – 36 с.
11. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1991. – С. 5-35.
12. Хайдеггер М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Новая технократическая волна на Западе [отв. ред. П.С.Гуревич]. – М.: Прогресс, 1986. – С. 93-118.
13. Холодов Н. Н. Аксиологическая семантика в синтаксических структурах с отношениями тождеств и различий / Н. Н. Холодов, Л. В. Кованцева // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тез. междунар. конф. Т. 2. – М.: Филология, 1995. – С. 530-531.

УДК 400:008

Федосеева Л. Н.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННОМ ВОСПРИЯТИИ ОБЪЕКТОВ ПРОСТРАНСТВА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Язык рассматривается в качестве составной части культуры. Выявляются некоторые особенности национально-ментального характера в лексике с локативной семантикой, при использовании локативов в речи представителями разных лингвокультур. Делается вывод об истоках данного явления.

Ключевые слова: пространство, локативность, язык, культура, лексика, значение.

Мова розглядається в якості складової частини культури. Виявляються деякі особливості національно-ментального характеру в лексиці з локативной семантикою, при використанні локатива в мові представниками різних лінгвокультуре. Робиться висновок про витоки цього явища.

Ключові слова: простір, локативной, мова, культура, лексика, значення.

Language is seen as an integral part of culture. Revealed some features of national character in the mental lexicon with the locative semantics, the use of locative to the representatives of different speech linguocultures. The conclusion about the origins of this phenomenon.

Key words: space, locative, language, culture, vocabulary, value.

Язык – это часть национальной культуры, особая её составляющая. «Язык нации является сам по себе сжатым, если хотите, алгебраическим выражением всей культуры нации», – читаем у Д. С. Лихачева [3]. «Язык не

существует вне культуры, т. е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни», – отмечает Э. Сепир [4, с. 211].

Слово на современном этапе развития науки должно рассматриваться не только как лексическая единица номинативного плана, но и как отражение национальной картины мира носителей языка. «Речь уже идёт ...о необходимости более глубокого и тщательного изучения мира (не языка, а мира) носителей языка, их культуры в широком этнографическом смысле слова, их образа жизни, национального характера, менталитета и т.п., потому что реальное употребление слов в речи, реальное речепроизводство в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива», – пишет С. Г. Тер-Минасова [5, с. 29].

Лексика, в том числе с локативным значением, часто обладает скрытой «культуроносностью». Каковы же истоки данного явления?

Каждое слово имеет значение, то есть соотносится с реальным предметом или явлением окружающего нас мира. Но эти предметы, явления, а также представления о них неэквивалентны, т.е. неодинаковы, в разных культурах.

С. Г. Тер-Минасова в этой связи приводит интересный пример: «...если рассмотреть те речевые ситуации, в которых *дом* и *house* совпадают по семантике, а значит, должны быть эквивалентны и легко переводимы, необходимо учитывать разницу культур на уровне если не реальных предметов, то представлений и понятий о них. Иначе говоря, понятие, выражаемое словом *дом*, и то, что стоит за английским словом *house*, – это разные вещи, определяемые разными культурами.

Для того чтобы понять и, соответственно, правильно перевести английское предложение *That morning she had a headache and stayed upstairs*, нужно знать, что представляет из себя английское *house*. Буквальным эквивалентом английских слов этого предложения будут русские слова: *в то утро она имела головную боль и осталась наверху.* Правильный перевод, передающий смысл предложения, – *В то утро у нее болела голова, и она не вышла к завтраку.*

Дело в том, что в традиционном английском доме наверху только спальни, а гостиная, столовая, кухня – на первом этаже. Поэтому понятия *upstairs* (вверху, поднявшись по лестнице) и *downstairs* (внизу, спустившись по лестнице) подразумевают образ жизни и устройство дома, т.е. все то, что обозначается словом *house* и что в ряде моментов существенно отличается от русского слова-понятия *дом*. И то, и другое – и *house*, и *дом* – складывалось веками под влиянием образа жизни, климата, географических условий и еще самых различных факторов» [5, с. 57].

Проведённый нами лингвистический эксперимент с использованием метода свободных дефиниций также доказывает различие представлений об одном и том же предмете у представителей различных культур. В ходе эксперимента было опрошено по 35 российских и иностранных студентов соответственно. Предлагалось дать толкование с функционально-семантических позиций словам *дача, ферма, таунхаус, пентхаус.* Цель – выявить различия в понимании локативов *на даче, на ферме, в таунхаусе, в пентхаусе* у представителей разных лингвокультур.

Все российские респонденты продемонстрировали сходное понимание лексемы *дача*, предложив для неё близкие дефиниции. Например: *1. Загородное строение помимо основного городского жилья, чаще всего имеет небольшой участок земли. Используется в тёплое время года в качестве места отдыха и для выращивания овощей и фруктов. 2. Место, где люди могут жить, отдыхать, сажать цветы или обрабатывать огород. Это второй дом для хозяина. 3. Собственность владельца, небольшой участок за городом, на который человек имеет право, подтверждённое документом. Данный участок владелец может использовать по своему усмотрению, чаще всего на нём выращивают какие-либо культуры. 4. Место за пределами города, которое находится в частной собственности владельца. Функции: выращивание овощей и фруктов, отдых. 5. Загородный участок с жилым помещением. Служит для занятий сельским хозяйством, отдыха. Используется для личных нужд.* И тому подобное.

Иностранные респонденты (англоязычные студенты 2–3 курсов из Индии и стран Африки) дали слову *дача* различные толкования, вплоть до абсурдных: *1. Старый маленький дом в деревне, где люди живут на каникулах* (11 чел.). *2. Дом, где можно отдохнуть* (4 чел.). *3. Место в деревне* (1 чел.). *4. Дом, который находится на пляже* (1 чел.). *5. Дом в лесу* (1 чел.). *6. Крыло дома* (1 чел.). *7. Место, где люди живут летом, когда возможно вырастить фрукты или овощи; на даче есть красивый дом и сад рядом с ним* (2 чел.). *8. Место, где родились дедушка и бабушка; мы туда ездим отдыхать* (1 чел.). *9. Сад* (1 чел.). *10. Место, где родились мама и папа* (1 чел.). *11. В нашей стране этого нет, потому что природа везде одинаковая* (1 чел.). *12. Страна* (7 чел.). *13. Красивое место в Индии, где люди живут, учатся и работают* (1 чел.). Два человека не смогли дать определение слову *дача.*

Представители русской лингвокультуры проявили единодушие, по всей видимости, благодаря распространённости данной реалии в России конца XX – начала XXI в. и устойчивости представлений о роли данного объекта действительности в жизни соотечественников. Инокультурные респонденты разошлись во мнениях, и, даже если дефиниции близки друг к другу (см. дефиниции 1, 2, 3), они выявляют отсутствие понятийной эквивалентности русского слова *дача* и английских *summer cottage, bungalow.* Такое явление, как владение загородным участком земли с домом, во-первых, не имеет, по-видимому, широкого распространения на родине иностранцев (об этом свидетельствует отказ объяснить слово, значительное количество абсурдных толкований: см. дефиниции 12, 13), во-вторых, даже в случае наличия этот объект используется, как правило, исключительно для отдыха, в отличие от российской дачи новейшего времени.

Подобная ситуация сложилась и при толковании лексемы *ферма*. Российские респонденты дали сходные определения данному слову. Ср.: *1. Место, используемое для разведения домашнего скота, чаще всего находится в пригороде. 2. Место для выращивания скота, получения от него различных продуктов. 3. Большое хозяйство, где разводят животных разных пород, выращивают овощи и фрукты. 4. Дом с плантацией, загоном для скота. Там получают различные продукты: овощи, мясо, молоко. Находится за городом, в селах, на полях. 5. Место для разведения животных. 6. Место выращивания культурных растений, разведения животных ради прибыли. 7. Место, где человек, занимающийся сельским хозяйством, выращивает овощи, фрукты или разводит животных на продажу. 8. Место, где разводят крупный рогатый скот. 9. Участок земли с домом, загонами для домашних животных и, возможно, огородом. Используется для постоянного проживания фермера и его семьи.* И др. подобные, свидетельствующие об устойчивости представлений о данном объекте в русском языковом сознании.

Студенты из Индии и стран Африки разошлись во мнениях по поводу реалии, обозначаемой словом *ферма*: *1. Сад (15 чел.). 2. Красивое место для гостей (3 чел.). 3. Дом далеко от города (1 чел.). 4. Место в Индии в деревне (4 чел.). 5. Место, где мы отдыхаем (1 чел.). 6. Место, где люди работают (5 чел.). 7. Место, где выращивают урожай (6 чел.).*

Таким образом, иностранные респонденты, в отличие от российских, не единодушны в своих представлениях о ферме, из чего можно сделать вывод о нераспространенности данной реалии в Индии и африканских странах.

Что касается слов *таунхаус* и *пентхаус,* то при их толковании и российские, и иностранные респонденты продемонстрировали в большинстве своем далекое от реальности или весьма неточное представление о предметах действительности, ими обозначаемых.

Ср. дефиниции российских студентов для слова *таунхаус*: *1. Место для проживания в городе (1 чел.). 2. Дом в большом городе, служит для проживания людей (2 чел.). 3. Частный дом в центре города (1 чел.). 4. Дом в городе или просторная квартира (1 чел.). 4. То же самое, что пентхаус, но в черте города (1 чел.). 5. Дом в городе для отдыха (1 чел.). 6. Место отдыха, находящееся рядом с местом работы (1 чел.). 7. Загородный домик (1 чел.). 8. То же, что пентхаус (1 чел.). 9. Дом в сельской местности (1 чел.). 10. Огромное строение для проживания людей, используются для нахождения в них гостиниц; может быть, проживают главы государств при выезде в чужую страну (1 чел.). 11. Городской дом (4 чел.). 12. Место жительства горожан (1 чел.). 13. Дом, расположенный в зеленой зоне города (1 чел.). 14. Место на крыше большого многоэтажного дома (1 чел.). 14. Городская квартира (1 чел.). 15. Частный дом в городе (1 чел.).* 16 человек не смогли растолковать слово.

Ср. дефиниции иностранных студентов для слова *таунхаус: 1. Дом, где живет немного людей (2 чел.). 2. Дом, где живет много людей (1 чел.). 3. Маленький дом (2 чел.). 4. Высокий большой дом, в 2 или 3 этажа (3 чел.). 4. Дом в деревне (3 чел.). 5. Дом в городе (2 чел.). 6. Как дача: место, где разводят животных, делают шашлык (1 чел.). 7. Ферма (1 чел.). 8. Большой дом, в котором живут богатые люди (2 чел.). 9. Большой дом, где отдыхают (2 чел.). 10. Дом в районе, где находятся банки (2 чел.). 11. Место для гостей (1 чел.). 11. Верхняя часть в доме (3 чел.). 12. Место в городе, где люди работают (1 чел.). 12. Место, где отмечают праздники (1 чел.). 13. Офис (3 чел.). 14. Большой дом в городе, где живет одна семья (2 чел.). 15. Место в столице (1 чел.). 16. Место для важного дела (1 чел.). 17. Место для проведения операций (1 чел.).*

Пентхаус в анкетах российских респондентов также представлен множеством различных вариантов, в большинстве своем далеких от истины: *1. Что-то типа дачи (1 чел.). 2. Облагороженная квартира или дом для проживания богатых людей (1 чел.). 3. Помещение, занимающее целый этаж, используется для отдыха, проживания (1 чел.). 4. Вип-номер в отеле (2 чел.). 5. Большой дом или квартира (1 чел.). 6. Квартира в многоэтажке (1 чел.). 7. Дом с улучшенной планировкой (1 чел.). 8. Здание нового поколения (1 чел.). 9. Чердак или элитное жилье на самом последнем этаже, используется для жилья, отдыха (1 чел.). 10. Высокое здание, где на самом верху находится помещение с двумя этажами, т.е. жилая квартира (1 чел.). 11. Жилье (1 чел.). 12. Дом с комфортными условиями проживания (1 чел.). 13. Место для отдыха в пригородном доме (1 чел.). 14. Здание для общественных целей (1 чел.). 15. Большой дом европейского типа (1 чел.). 16. Дом большой площади с многочисленными комнатами (1 чел.). 17. Большой жилой дом за чертой города, принадлежащий состоятельным людям (1 чел.). 18. Загородный дом, в котором люди отдыхают в свободное время. 19. Английский вариант дачи (1 чел.). 20. Верхний «люксовый» этаж в домах, как правило, с удобствами частного дома (бассейн, палисадник) (1 чел.). 21. Вид квартир в современных новостройках с какими-либо преимуществами и отличиями от обычной квартиры (1 чел.). 22. Престижное жилье (1 чел.). 23. Дорогое большое строение старинного типа, используемое для проживания обеспеченных людей (1 чел.). 24. Место, где живут обеспеченные люди (1 чел.). 25. Место проживания людей высокой комфортности (1 чел.). 26. Жилая площадь с хорошим расположением (1 чел.). 27. Загородный дом, дача (1 чел.). 28. Квартира, занимающая несколько этажей, большая по размеру, красиво меблированная и хорошо отремонтированная (1 чел.).* 6 человек не смогли дать определение данному слову.

Иностранные респонденты предложили также большое количество дефиниций к слову *пентхаус: 1. Маленькое здание (1 чел.). 2. Высокое здание для работы (6 чел.). 3. Квартира (1 чел.). 4. Место для каникул (1 чел.). 5. Место для отдыха (5 чел.). 6. Место для занятий искусством (1 чел.). 7. Дом рядом с морем (1 чел.). 8. Большой старый дом, который построен 20 лет назад (2 чел.). 9. Место в городе, где люди работают (3 чел.). 10. Дом в городе, где есть оборудование (2 чел.). 11. Лес, где живут животные (1 чел.). 12. Большой дом (2 чел.). 13. Дом для гостей (3 чел.). 14. Сад (2 чел.).* 4 человека отказались дать толкования слову *пентхаус.*

Таким образом, о лексемах *таунхаус и пентхаус* можно сделать следующие выводы: реалии, ими обозначаемые, не нашли четкого отражения в языковом сознании как российских, так и иностранных респондентов. Дефиниции к этим словам, составленные опрошенными, в подавляющем большинстве случаев далеки от реального положения вещей. Ср. дефиниции из Википедии: ***Пентха́ус*** (англ. penthouse) – *особняк на крыше небоскрёба или отделённая площадь на верхнем этаже здания. Подобная структура может содержать верхнюю часть шахты лифта, оборудование для кондиционирования воздуха или лестницы, которые ведут на крышу. Она также может использоваться для проживания или как подсобное помещение. Обычно пентхаус находится сзади вертикальной лицевой стороны здания, таким образом предусмотрены открытые площадки или террасы с одной или более сторон. Однако в современной практике архитекторы и агенты по аренде квартир и домов относят термин «пентхаус» к верхнему этажу любого здания, независимо от расположения по отношению к фасаду. ... в настоящее время слово «пентхаус» обозначает роскошные и дорогие апартаменты, откуда открывается панорамный вид…* [1]. ***Таунхаус*** (англ. townhouse) – *комплекс малоэтажных комфортабельных домов, совмещённых друг с другом боковыми стенами. Каждый из таких домов имеет свой вход, иногда гараж и небольшой палисадник. Существует русский термин для обозначения этого типа жилья – блокированный дом* [2].

Нераспространенность данных реалий на родине опрошенных привела к отсутствию правильного представления об этих объектах в их языковом сознании.

Таким образом, локативы *на даче, на ферме, в таунхаусе, в пентхаусе,* во-первых, по-разному понимаются представителями разных лингвокультур, и расхождение во мнениях в подавляющем большинстве случаев велико. Во-вторых, степень близости к истине, т.е. правильному представлению об объекте, обозначенном одним из данных локативов, напрямую зависит от степени его распространенности в родной стране респондентов. Налицо

национально обусловленное восприятие объектов пространства и такое же отражение его в языковом сознании представителей различных лингвокультур.

Источники и литература

1 Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E5%ED%F2%F5%E0%F3%F1 (03.06.12).

2. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%E0%F3%ED%F5%E0%F3%F1 (03.06.12).

3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия академии наук: Серия языка и литературы. Т. 52. 1993, №1. – С. 3 – 9.

4. Сепир Э. Коммуникация / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993 – С. 78-86..

5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие) / С.Г. Тер-Минасова. – М., 2000. – 234 с.

УДК 81

Филатова Л. А.

К ПРОБЛЕМЕ КОННЕКТИВОВ В АНГЛИЙСКОМ НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена так называемым *коннективам* и их роли в языке научной литературы. Автор рассматривает как *собственно* коннективы (предлоги и союзы), так и знаменательные слова и выражения, выполняющие *коннективную функцию*. Предлагается их классификация, состоящая из двух групп: 1) структурно-синтаксические и 2) функционально-семантические коннективы.

Ключевые слова: коннективы, коннективная функция, общенаучная лексика, структурная лексика, навыки чтения и понимания.

Стаття присвячена так званим *конективам* та їх ролі в мові наукової літератури. Автор розглядає як *власне* конективи (прийменники та сполучники), так і самостійні слова та вислови, що виконують *конективну функцію.* Пропонується їх класифікація, яка складується з двох груп: 1) структурно-синтаксичні та 2) функціонально-семантичні конективи.

Ключові слова: конективи, конективна функція, загальнонаукова лексика, структурна лексика, навики читання й розуміння.

The paper deals with the role of so-called *connectives* in the language of English scientific literature. Prepositions and conjunctions are considered as *proper* (basic) *connectives* whereas a certain number of words and expressions are analyzed as performing a *connective function* in science text. The author classifies them into two groups: 1) *structural syntactic* (prepositions and conjunctions); and 2) *functional semantic* (participial, infinitive, pronominal, and adverbial connectives, as well as connective word-combinations).

Key words: speech connectives, a connective function, General Scientific English (GSE), basic structure words, reading skills, text comprehension.

Как известно, *лексика* любого языка (т.е. его *словарь*, *словарный состав*) структурно состоит из нескольких слоёв (*подсистем*). Для языка *научной прозы* такими подсистемами являются: 1) *общелитературный* слой; 2) *общенаучный* слой; 3) *терминологическая* лексика; 4) *интернациональная* лексика [1, с. 139]

Рассматриваемые здесь '*соединительные*' элементы языка (***connective, linking elements***) относятся к первым двум подсистемам – *общелитературному* и *общенаучному* слоям лексики. К *соединительным* элементам-**коннективам** мы относим, прежде всего: **предлоги**, **союзы**, **наречия** (включая наречные словосочетания), относительные **местоимения**, **инфинитивные** конструкции и **фразы-клише**, осуществляющие *текстообразующую функцию*.

Среди этой «основной группы слов» – ***предлоги***, ***союзы*** и слова, выступающие в их функции (***причастия***, ***инфинитивные*** конструкции, относительные ***местоимения*** и ***наречия***) рассматриваются нами как первоочередные при знакомстве с лексическим и грамматическим строем языка.

В плане *словообразовательного* и *частеречного* аспектов представляется возможным подразделить их на:

а) *собственно коннективы*, осуществляющие связующую ***структурно-синтаксическую*** функцию как *основную*;

б) ***логические*** или ***функциональные***, выполняющие соединительную роль в качестве *второстепенной*, т.е. параллельно с другой – основной своей функцией.

В целом, предлагаемая **классификация** выглядит следующим образом:

I. Структурно-синтаксические (собственно) коннективы

(служебные слова)

Предлоги (Prepositions)

– простые ***(Simple Prepositions)***
– производные ***(Compound Prepositions)***
– составные ***(Composite Prepositions)***

Союзы (Conjunctions)

– простые ***(Simple Conjunctions)***
– производные ***(Compound Conjunctions)***
– составные ***(Composite Conjunctions)***
– парные ***(Pair Conjunctions)***

II. Логические (функциональные) коннективы

(знаменательные слова)

– причастные ***(Participial Connectives)***
– инфинитивные ***(Infinitive Connectives)***
– местоименные ***(Pronominal Connectives)***
– наречные ***(Adverbial Connectives)***
– клишированные (вводные слова и фразы) ***(Connective Phrases)***

Изучение значительной части коннективов не представляет особой сложности. Для запоминания их значений в различных контекстах требуется лишь время и направленные усилия. Это, прежде всего – *простые* и часть *производных* **предлогов** и **союзов**. Другие же – требуют пояснений и некоторого теоретического осмысления, которых они, безусловно, заслуживают ввиду значительной частотности употребления и уникальной роли для адекватного понимания научного текста.

Приведём более подробные перечни упомянутых языковых средств:

***Предлоги простые и производные**:*

as; at; but; by; down; for[1]; from; in; near; of; off; on; over; save[1]; since[1]; through; till[1]; to; under; up; via; with; about; above; across; after[1]; against; along; amid; among(st); around; before; behind; below; beside; besides[1]; between; beyond; despite; except; into; outside; regardless; toward(s); until[1]; upon; within; without.

***Предлоги составные субстантивные**:*

at the cost of; at the expense of; at the price of; by the agency of; by the aid of; by contrast to/with; by dint of; by feat of; by inference of; by means of; by the medium of; by reason of; by virtue of; by the use of; by way of; for the benefit of; for lack of; for the purpose of; for the reason of; for the sake of; for want of; in accord with; in accordance with; in agreement with; in behalf of; in (the) case of; in comparison to/with; in concept with; in conformity with; in consequence of; in consideration of; in contrast to/with; in front of; in line with; in the neighbourhood of; in point of; in reference to; in regard to; in relation to; in respect of; in spite of; in terms of; in view of; in virtue of; on account of; on the assumption of; on the basis of; on the ground of; on the lines with; over the grasp of; over the range of; over the limit(s) of; over the scope of; over the reach of; through the agency of; through the medium of; through the use of; within the accuracy of; with the aid of; with the exception of; with a glance to; with the help of; with the object of/to; with provision for; with/without reference to; with regard for/to; with relation to; with respect to; within the grasp of; within the range of; within the reach of; within the limit(s) of; within the scope of; without the benefit; without consideration of; without exception of; without recourse to; without reference to; without regard for.

Предлоги составные наречные:

along with, apart from, as against; aside from; because of; but for[1]; due to; except for; from above; from across; from afar; from among(st); from before; from behind; from below; from beneath; from outside; from over; from under; instead[1] of; out of; owing to; prior to; subject to[1]; thanks to; together with.

Союзы простые:

and; as; but[2]; for[2]; if; lest; now; once; or; since[2]; so; still; that[1]; that[2]; though; till; what; when; where; who; which; while; why; with[2]; yet.

Союзы производные:

after; although; albeit; because; before; besides; concerning; depending (on); despite; disregarding; following; hence; however; iff; instead[2]; irrespective (of); neither; nevertheless; non(e)theless; nor; notwithstanding; provided; providing; regardless (of); unless; unlike; until; whether; whilst.

***Союзы составные**:*

as concerns; as far as; as for; as from; as if; as long as; as on; as per; as soon as; as though; as to; as well as; but for; but then; but yet; by inference; even if; even though; except in so far as; except for/that; except then; for all that; for that matter; in as much as; in case that; in keeping with; in order for/to; in particular; in so far as; in spite of; instead[2] (of); in that; now that; no matter how/what/who/when/how/where; now that; not until after; on (upon) condition that; or else; other than; rather than[1]; save[2] for/that; so as; subject to[2]; (in) so far as; so far from; so long as; so that; that is (=i.e.); to the effect that; with this end in view; with the object of; with the result that; with a view to; with the view of.

Парные союзы и выражения:

as…as; both…and; either..or; for one thing… for another (thing); from…till(to)…; the former…the latter; hardly…when; neither…nor; not only…but (also); not so…as; not so…but; not so…that; not until…that; no sooner…than; on the one hand…on the other (hand); on the one side…on the other (side); rather…than[2]; scarcely…when; so…as; so…that; such…as; the more… the better; the sooner… the better; whether… or.

Коннективы причастные (от Participle I):

according as/to; acknowledging; admitting; affording (ground/opportunity); aiding; allowing for; allowing of; approaching; assisting; assuming; avoiding; awaiting; barring; bating; causing; coming (to); comparing (to/with); concerning; as concerning; confirming (that); confronting (with); considering; consisting (of); consisting (to); consisting (with); contributing (to); corresponding (to); demonstrating; depending; disregarding; enabling; encountering; excepting; excluding; facing; failing; fitting; following; as following (from); forcing; giving rise to; granting; helping; ignoring; implying; including; indicating; infer(r)ing; as infer(r)ing (that); in keeping (with); involving; irrespecting; leading to; leaving aside; leaving out; letting alone; making; matching; meaning; missing; neglecting; notwithstanding; omitting; opposing (to); owing to; passing to; pending; permitting; pertaining to; providing; providing (against/for/with); putting another way; putting aside; ranging; reaching; referencing; regarding; as regarding; relating; as relating; respecting; resulting (from); resulting in; resulting (to); saving; seeing (that); seeming; setting aside; speaking (of; about); briefly speaking; broadly speaking; generally speaking; precisely speaking; relatively speaking; roughly speaking; speaking more exactly; specifying (that); suggesting; summarizing; summing up; supposing; supporting; touching; as touching; turning (to); using; when using; wanting; willing.

***Коннективы причастные (от Participle II)**:*

as affected (by); as applied (to); as arranged; as (generally) assumed; as compared (with/to); as considered (from); as contrasted (to/with); as described (above/below); as discussed (above); as distinguished (from/by); as emphasized (above); as evidenced (by); (as) granted; as indicated (above); as judged (by/from); as (already) mentioned; as mentioned (above/previously); as observed; as opposed (to); as pointed (above/previously); as predicted (by); as provided (by); as referred to (previously); as required; as shown; as stated (above/early/before) ; alternatively stated; as suggested (by); (broadly) considered; compared (to); corrected (for/to); followed by; generally accepted; (as) generally acknowledged; given; granted (that); if accumulated; if analyzed; if converted; if fixed; if realized; if treated; if used; included; indicated; involved; once developed; once established; once incorporated; once indentified; once introduced; once realized; once

stated; provided (that); put (another way); seen (from); shown; stated; taken together; when compared; when considered; when contrasted; when discussed; when explored; when introduced; when maintained; when preserved; when viewed.

Коннективы инфинитивные:

to anticipate; to be more exact; to be more precisely; to be on the safe side; to be sure; to begin this; to cite but one example; to conclude; to generalize; to go back (to); to illustrate; (to) let alone; to make a choice; to make a long story short; to mention but a few; to mention only one (example); to name only a few; needles to say; not to mention; oddly to say; to put (it) another way; to put it briefly; to put it into modern terms; to put it more exactly; to say the least (of it); to say nothing of…; so to say; suffice it to say; to take an example; to tell the truth; (it is) well to ask; to write with precision; with only one example to judge by, to arrive at; to bring about; to bring to; to form; to give; to give rise to; to imply; to indicate; to induce; to lead to; to make; to produce; to result in; to suggest; to yield.

Коннективы наречные односоставные:

after; afterwards; albeit; almost; alone; also; already; although; before; besides; fast; further; furthermore; hard; hence; however; last; later; moreover; nevertheless; non(e)theless; rather; small; still; therefore; though; thus; too; yet.

***Коннективы наречные односоставные (на «-ly»)**:*

absolutely; accidentally; accordingly; actually; additionally; adequately; admittedly; allegedly; alternatively; analytically; annually; artificially; barely; basically; biologically; briefly; broadly; casually; chiefly; classically; clearly; closely; collectively; commercially; commonly; completely; conceivably; consequently; considerably; consistently; conversely; correspondingly; currently; deeply; definitely; deliberately; differently; directly; distinctly; dramatically; drastically; economically; effectively; efficiently; entirely; equally; erroneously; especially; essentially; evenly; eventually; evidently; exceedingly; experimentally; explicitly; fairly; fantastically; finally; financially; formally; formerly; fortunately; frequently; fully; fundamentally; generally; geographically; gradually; hardly; historically; honestly; hopefully; hypothesizingly; ideally; immediately; importantly; incidentally; increasingly; inappreciably; indefinitely; indelibly; independently; indirectly; individually; instantly; instrumentally; integrally; intentionally; interestingly; internally; invariably; knowingly; lastly; lately; latterly; mainly; merely; mostly; namely; naturally; nearly; necessarily; negligently; negligibly; normally; notably; obliquely; occasionally; orally; originally; paradoxically; particularly; politically; positively; possibly; potentially; practically; precisely; predominantly; previously; primarily; principally; progressively; properly; psychologically; purely; quantitatively; quickly; radically; really; reasonably; recently; relatively; remarkably; respectively; roughly; scientifically; seemingly; severally; similarly; simultaneously; slowly; socially; solely; spasmodically; specially; specifically; statistically; strictly; subsequently; successfully; suddenly; spatially; surely; surprisingly; temporarily; theoretically; truly; typically; ultimately; unambiguously; undoubtedly; unexceptionally; unequivocally; unexpectedly; unfortunately; universally; unknowingly; unlikely; usually; virtually; widely; yearly.

Коннективы односоставные (относительные наречия/местоимения):

hence; henceforth; henceforward; here; hereabout(s); hereafter; hereat; hereaway; hereby; here-hence; herein; hereinafter; hereinbefore; hereof; hereon; hereout; hereto; heretofore; hereunder; hereunto; hereupon; herewith; then; thence; thenceforth; thenceforward; thence-from; there; thereabout(s); thereafter; thereat; therebeside; thereby; therefor(e); wherein; whereinto; whereof; whereon; whereout; whereso; wheresoever; wherethrough; whereto; whereunder; whereinto; whereupon; wherewith; wherewithal; which; whichever; while; whilst; who; whoever.

Коннективы наречные двусоставные:

above all; after all; all along; all but; all over; all the better; all the more; all the worse; all through; alongside (with); alternatively to; and upwards; as against; as from; at all; at once; by far; closely connected; for certain; for ever; for good; for long; for once; further out; hardly ever; in all; in between; in small; just about; just after; just as; just below; just like; just over; just so; just then; just when; later on; let alone; more exactly; more independently; more nearly; more precisely; more recently; more truly; nearly related; not at all; oddly enough; or upwards; rather on; so far; thus far; thus much; too little; until recently; upwards of; well below; well but; well over.

***Коннективы наречные парные (словосочетания)**:*

again and again; back and forth; betwixt and between; by and by; by and large; by little and little; by the by; cut and dried; end to end; ever and again; every now and again; (every) now and then; far and away; far and by; far and near; far and wide; few and far between; first and foremost; first and last; little by little; little or no; now and again; out and away; over and above; over and over again; point by point; really and truly; rough and ready; safe and sound; save and except; step by step; sooner or later; time and again; trial and error; little or nothing.

Коннективы клишированные (выражения-штампы):

all other factors excluded; other things being equal; all things considered; as already mentioned; as emphasized above; as far as it goes; as far as (sth) is concerned; as far as we know; as follows; as it does/is; as they are/do; as it were; as a matter of fact; as a matter of record; as is often/usually the case; as pointed out previously; as stated earlier; beyond the scope of consideration; by degrees; little by little; step by step; point by point; by a negligible margin; by practical consideration; by some means or other; during which time; fantastic as it may seem; for all we know; for one thing; for the sake of simplicity; from this it can be seen; for the time being; for a variety/a number of reasons; had it not been for; however it may be; if it were not for; in the first place; in the last analysis; in like manner; in the long run; in a similar way; it goes without saying (that); it is encouraging to note (that); it is hardly possible (that); it is a marvel (that); it is a matter of general experience/observation (that); it is a matter if time; it is no wonder (that); it is not impossible (that); it is not necessarily true (that); it is noteworthy (that); it is only natural (that); it is out of the question (that); it is rewarding/appropriate to study (that); it is small/little wonder (that); it is taken for granted; it is quite another matter; it is well to ask; it is worth while asking; the important thing is (that); the most difficult thing is… (that); no marvel that; on the ground(s) that; one may well ask; other conditions being equal; putting the matter another way; to put it more exactly/precisely; putting in other words; to make a long story short; to say the least; to say nothing of…; strange as it is; strange as it may seem; such being the case; that is to say; this is far from being the case; under otherwise equal (identical) conditions; unless otherwise stated (indentified/mentioned/indicated/specified); were it not for…; what really matters is…; whence comes it (that); from whence we can conclude (that); wether it be; within the framework (of); within reasonable errors; within reasonable limits; you will scarcely maintain (that); it is (generally) accepted that; it is widely believed that; it is considered that; it is thought tha); it has been found that; it is expected that; it is hoped that; it is sometimes said/argued

that; it is widely (generally) assumed that; it is (generally) recognized that; it is anticipated that; it is supposed that; it is suggested that; it is assumed that; it has to/must be admitted that; it must be recognized that; it must be noted that; it should be emphasized that; it should be pointed out that; it should be stressed that; it should be underlined that; it might be expected that; it can/could be expected that; it can be concluded that; it can be stated that; it can be summarized that; one can conclude that; if it would be possible; it would be highly desirable that; it should be mentioned that; mention should be made of the fact that; it should be recognized that; one should expect that; it would be expected; it would be highly desirable; it would seem that; it would appear that; one would seem/appear that; it must/should be remembered that; it is to be postulated that; it is to be stated that; it is to be concluded that; it is to be summarized that; it is to be expected that; it is to be emphasized that; it is to be noted that; it is to be pointed out that; it is to be stressed that; one could expect that; one could assume/suggest that; one may think that; it may be concluded that; it may be stated that; it may be summarized that; it might seem/appear that; it might be expected that; it will be remembered that; it will be born in mind.

Данные, содержащиеся в *приведённых перечнях*, получены в результате анализа материала ***словарей*** *общенаучной лексики* и *оригинальной* ***научной литературы*** по различным специальностям. Из них видно, что по частотности употребления **коннективы** количественно распределились следующим образом: из общего числа 983 наименований наибольшее количество пришлось на долю наречий на **–ly** (190 единиц), фраз-клище (154) и причастий на **–ing** (114). Весьма значительно представлены также **относительные наречия** и **местоимения** (86), **составные** субстантивные **предлоги** (80); они разделили между собой второе место. За ними следуют **двусоставные наречия** (60) и **составные союзы** (59).

Что касается так называемого *качественного* аспекта – т.е. особенностей функционирования коннективов в речи – то, разумеется, различные коннективы по-разному осуществляют свою *соединительную функцию.*

Для достижения свободной и быстрой ориентации в предложении и тексте знание этих элементов необходимо в первую очередь. Опираясь на них, можно более уверенно составить представление о характере содержания текста. Задача овладения этой лексикой является *краеугольным камнем* процесса освоения словарного состава английского языка. Всякий недоучёт роли этих слов в системе языка оборачивается огромной потерей времени и сил на последующих этапах обучения… «От того, насколько успешно преподаватель и учащиеся справятся с этой **основной группой слов** (к коей, помимо перечисленных, несомненно, относятся *глаголы широкой семантики*, а также *вспомогательные* и *модальные* глаголы), зависит весь дальнейший процесс обучения» [1].

Таким образом, поскольку роль коннективов в языке науки чрезвычайно важна, знакомство с этой лексикой при обучении чтению и пониманию научной литературы на английском языке должно предварять введение других её разделов. Это обстоятельство должно учитываться авторами при создании соответствующих учебников и учебных пособий (см., например [2]).

Источники и литература

1. Шахова Н. И. Лексическое значение слова и его перевод на другой язык / Н. И. Шахова // Сб.: Теоретические и практические вопросы преподавания иностранных языков. – М., Наука, 1970. – С. 114-128.

2. Филатова Л. А. Английский в таблицах. English in Tables & Wordlists: Справочное пособие / Л. А. Филатова. – М., 2012 [в печати].

УДК 81’1=16+81’ 373.2+81’ 373.21 **Фомина З. Е., Лагутина А. А.**

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В НЕМЕЦКОМ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье впервые рассматривается один из знаковых экологических концептов – «Таяние ледников», объективируемый в немецком газетно-публицистическом дискурсе. В аспекте методологии когнитивных исследований анализируется его архитектоника, включающая определение базовых фреймов и слотов, доминантных признаков; определяются когнитивные детерминанты и географические классификаторы искомого концепта. Важное место занимает также изучение средств языковой репрезентации искомого феномена.

Ключевые слова: концепт, экология, таяние ледников, дискурс, фреймы

У статті вперше розглядається один зі знакових екологічних концептів – «Танення льодовників», який об’єктивується в німецькому газетно-публіцистичному дискурсі. В аспекті методології когнітивних досліджень аналізується його архітектоніка, яка вміщує визначення базових фреймів і слотів, домінантних ознак; визначаються когнітивні детермінативи та географічні класифікатори розглянутого концепту. Важливе місце займає також вивчення засобів мовної репрезентації цього феномену.

Ключові слова: концепт, екологія, «Танення льодовників», дискурс, фрейм

This article for the first time considers one of the symbolic ecological concepts – the concept «Glaciers` thawing», objectified in German newspaper discourse. Its architectonics, including definition of basic frames and slots, dominant characteristics in the aspect of cognitive research methodology are analyzed. The article also reveals cognitive determinants and geographical classifiers of the concept in question. The special attention is paid to the investigation of the means of linguistic explanation of the described phenomenon.

Key words: concept, ecology, «glaciers` thawing», discourse, frames.

В последние десятилетия особое развитие получило новое научное направление – *эколингвистика*, которая сформировалось на стыке социального, психологического и философского подходов в языкознании и объединяет лингвистику с антропологией, социологией и экологией [1]. Формирование эколингвистики в качестве отдельной научной области отражает функционирование в языке системы единиц, отражающих экосознание. Такими единицами сознания выступают экологические концепты с концептуальными связями между ними, вписывающиеся в концептосферу и играющие в ней важную роль. Восприятие и переработка информации об экологических процессах и явлениях приводит к формированию экологических концептов (экоконцептов). Разработка экологический проблематики в рамках современной лингвистической науки находится еще на стадии становления [2], [3], [4] До сих пор не решен целый ряд актуальных задач, в частности, не определены доминантные типы экоконцептов, не выявлены средства их

вербальной экспликации и особенности когнитивной структуры; отсутствуют работы с когнитивно-лингвистическим описанием экотерминосистем, участвующих в языковой категоризации экоконцептов и мн. др.

В настоящей статье впервые предметом исследования служит один из знаковых экологических концептов – феномен «***Abschmelzen***» (*«Таяние/ледников/»*), выступающий в качестве глобальных показателей/симптомов климатического кризиса. Цель статьи заключается в определении базовых элементов архитектоники концепта «*Abschmelzen*» и выявлении специфики его языковой категоризации в немецком газетно-публицистическом дискурсе. Одна из приоритетных задач состоит в том, чтобы определить, какие именно экоконцепты определяют сегодня мировое экологическое пространство и какое место среди них занимает феномен «Таяние ледников». В качестве материала исследования в данной статье нами использовались тексты с описанием экореалий в современной немецкой прессе, в частности, публикации газеты «Die Zeit» (с 2008 года), посвященные анализу процессов, касающихся состояния мировой экосистемы.

В соответствии с вышеобозначенными целями и задачами (на основе квантитативного и семантико-когнитивного анализа эмпирического материала) нами было установлено, что мировая экологическая картина мира в целом структурируется следующими базовыми концептами: «***Изменение климата***» (Klimawandel) [21,9%]; «***Эмиссия парниковых газов***» (Emission von Treibhausgasen [16,6%]; «***Потепление***»/Erwärmung [14,9%], «***Биодиверсификация***»/Biodiversität [13,4%], «***Таяние [ледников]***» *(«Abschmelzen*» [12,6]; «***Вода***» / *Wasser* [11%], «***Засуха***» (Dürre) [4%], «***Озоновая дыра***» (Ozonloch) [3.7%], «***Ветер***» (Wind) [1,0%], «***Смог***» (Smog)[1%]; «***Кислотные дожди***» (*Saurer Regen*) (менее 1%) и др. [5]. Как видно из приведенных данных, в парадигме доминантных экоконцептов феномен «Таяние льдов» занимает одно из центральных мест. И это не случайно, так как «таянию подвержены полярная шапка льда на северном полюсе и практически все ледники на Земле. Дестабилизируются огромные массы льда в Гренландии, западной Антарктике и др. Все это грозит человечеству повышением уровня Мирового океана до 6 м» [6]. Драматические последствия таких процессов, наблюдаемых уже сегодня, могут угрожать еще сотням миллионов людей и их экосистемам.

Как следует из анализа немецких газетно-публицистических текстов, феномен «***Abschmelzen***» коррелирует с конкретными географическими регионами, для которых особенно релевантны экологические проблемы таяния ледников. На этом основании, т.е. с позиции географических классификаторов, выделяются следующие географические номинации исследуемого концепта: «*швейцарский» [ледник], «арктический», «гренландский», «альпийский», «сибирский»* и др. Приведем примеры с указанием ***районов*** существования проблемы таяния ледников: «*Schweizer Gletscher»,* «*Schweizer Eismasse»* (Центральная Европа (см. Швейцария)); «*Alpengletscher»* (Западная Европа (Альпы); *«arktisches Meereis»,* «*die Eisausdehnung der Arktiks»* (северная полярная область Земли (Арктика); «*Grönlandeis»* (остров у северо-восточных берегов Северной Америки (Гренландия); «*Auftauen der sibirischen Permafrostböden»* (территория России от Урала до хребтов тихоокеанского водораздела и от Северного Ледовитого океана до границы с Центральной Азией (Сибирь) и др.

На основании проведенного нами семантико-когнитивного анализа ***эколексем,*** как языковых репрезентантов концепта ««*Abschmelzen»,* и изучения его фреймовой архитектоники выделено пять когнитивных фреймов концепта *Abschmelzen*: 1) «*Сокращение ледника→оголение грунта)»;* 2) *«Потенциальные последствия, связанные с возрастанием объемов талой воды от ледника»;* 3) *«Воображаемая линия равновесия ледника»;* 4) *«Циклические (годичные и сезонные) колебания ледовых масс»; 5)* «*Распространение ледника».* Фрейм «***Сокращение ледника→оголение грунта***» является основополагающим элементом в когнитивной структуре исследуемого концепта, так как он отражает важнейшие субстанциональные признаки состояния ледников, аккумулирует информацию о динамике состояния ледовых масс. Данный фрейм формируется, в свою очередь, на основе **базовых слотов**, включающих доминантные физические и темпоральные характеристики ледника: 1) слот «*размер/площадь тающего ледника»;* 2) слот *«скорость таяния ледника»*; 3) слот *«темпоральная характеристика процесса таяния ледника»;* 4) слот *«толщина ледника».* Каждый из названных слотов когнитивного фрейма «*Сокращение ледника*» отличается своим концептуальным содержанием и составом признаков. Так, слот «***Размер/площадь тающего ледника»*** детерминируется ***числовыми*** доменами, поскольку содержит точные количественные данные, позволяющие судить о расстоянии, на которое отступили те или иные «языки льда», а также о занимаемой ими площади. Ср.: *Zurückweichen der Zungenspitze; der* ***Rhônegletscher*** *ist um über 160 Meter kürzer geworden, der* ***Gornergletscher*** *bei Zermatt um fast 400 Meter* и др. [Zeit 46/2009: 35]. В данном примере указывается, что ледник Рене стал короче на 160 м, ледник Горнер – почти на 400 м. Второй слот «***Скорость таяния льда»*** отражает быстроту протекания процесса оголения грунта. Его семантико-когнитивное содержание обусловливается физической доменой «***Скорости***» относительно процесса таяния льда. Как следует из эмпирического материала, отступление ледников и, соответственно, оголение грунта никогда еще не происходило так стремительно, как в наши дни. Ср.: *Seit Menschengedenken ist der Untergrund nie schneller ans Licht gekommen als zurzeit* [Zeit 46/2009: 35]*; die arktische Eisdecke schmilzt viel schneller als vom Weltklimarat vorausgesagt* [Zeit 38/2010: 45]*;* Таким образом, ледяной покров Арктики тает гораздо быстрее, чем это предсказывалось; а лед в Арктике тает сейчас с темпом, который хотя и не бьет рекорд 2007, но мог бы отчетливо лежать выше уровня многолетнего среднего значения. Следующий слот, рассматриваемый в рамках когнитивной структуры фрейма «***Сокращение ледника»,*** онтологически определяется категорией *ВРЕМЕНИ* и относится на этом основании к типу темпоральных слотов. Слот «***Темпоральная характеристика таяния ледника***» отражает продолжительность процесса таяния ледников в годах или содержит указание года, с которого началось оголение грунта. В рассмотренных контекстах указывается год начала отступления ледовых масс, а также для возможности сравнения интенсивности процесса отступления ледников в различные временные периоды представляются ретроспективные данные. Ср.: *Im vergangenen Jahrzehnt ging es mit den 1500 Schweizer Gletschern dramatisch bergab* [Zeit 46/2009: 35]. В проанализированных примерах отмечаются временные промежутки и года возникновения, существования и наиболее интенсивного развития экологических процессов таяния ледовых масс. Пятый слот «***Толщина ледника»*** актуализирует характеристику *объема* и *плотности* ледовых масс, что находит отражение в терминах математических (числовых) показателей. Ср.: *Das Eis ist durch die langfristige Abnahme der Dicke bereits geschwächt* [Zeit 38/2010: 45]*; statt der früher üblichen dreieinhalb Meter ist das Eis heute häufig nur noch weniger als zwei Meter dick* [Zeit 38/2010: 45].Толщина льда уменьшилась и вместо обыкновенных ранее 3,5 м сегодня лед часто толщиной меньше 2 м.

Помимо основополагающего фрейма «*Сокращение таяния ледников*» вторым, по концептуальной значимости, является фрейм «***Потенциальные последствия, связанные с возрастанием объемов талой воды от ледника»,*** структурируемый слотами, формируемыми на основе когнитивных признаков, позволяющих *прогнозировать* причинно-следственные процессы, связанные с таянием ледников. В указанном фрейме

категоризируется *прогностическая* информация о возможных *возрастаниях* объема воды (как результата таяния ледников) и о возможных последствиях для всего мира, связанных с образованием талой воды. Ср.: *Allein zwischen 1999 und 2009 schrumpfte die Schweizer Eismasse um zwölf Prozent. Mit diesem Schmelzwasser könnte man mehr als zweimal den Zürichsee füllen* [Zeit 46/2009: 35]. Итак, талая вода, образовавшаяся при таянии Швейцарского ледника с 1999 до 2009, дважды могла бы заполнить Цюрихское озеро. Третий базовый фрейм «***Воображаемая линия равновесия таяния ледника»*** формируется двумя слотами**:** слотом «***кормящая область ледника***» и слотом «***область истощения (исчезновения) ледника***». Между двумя полярными областями лежит «*инимая (воображаемая) линия равновесия* ледника». Наличие этой условной «линии равновесия» служит решающим фактором *при оценке состояния ледников*. Так, если эта линия равновесия сдвигается наверх, то сокращается область, в которой ледник может образовывать лед зимой и возрастать в объеме, и «язык ледника» теряет при этом вес. Ср: *Zwischen Nähr– und Zehrgebiet liegt die imaginäre Gleichgewichtslinie* [Zeit 46/2009: 35]. Когнитивными детерминантами фрейма «**Циклические (годичные и сезонные) колебания ледовых масс»** служат характеристики состояния ледника, меняющиеся в течение определенного временного этапа. Данный фрейм структурируют три слота: 1) «*изменение толщины ледового покрова в течение определенного времени*»; 2) «*время сезонного образования льда*»; 3) «*время сезонного таяния льда*». Когнитивный классификатор *времени* используется для описания физических процессов, происходящих с ледниками в рамках определенного темпорального среза. Ср.:*Vor rund 70 Jahren war das Eis am Ende des Winters an den meisten Stellen noch so dick, dass es auch in einem warmen Sommer nicht vollständig schmelzen konnte* [Zeit 38/2010: 45]. В данном примере обращается внимание на тот факт, что около 70 лет назад лед толщина льда к концу зимы в большинстве мест была такой, что теплым летом он мог растаять не полностью. Наконец, пятый фрейм «Распространение льда» в известной степени обнаруживает общие когнитивные признаки с фреймом «*Последствия от возрастания объемов талой воды*», так как признаки, на основе которых структурируются оба фрейма, носят потенциальный (прогностический) характер. Так, фрейм ««*Распространение льда*» содержит характеристики, позволяющие проследить изменение состояния ледовых масс, а также на основании годичного анализа делать прогнозы на будущее. Ср.: *Die Eisausdehnung der Arktis lag am Ende des Sommers nur noch bei etwa 70 Prozent des üblichen Mittelwertes. Prognosen gehen davon aus, dass der Arktissommer im Jahr 2037 eisfrei sein wird. Manche Modelle sehen diesen Zustand schon für 2013 voraus* [Zeit 50/2009: 46]. Согласно приведенным заключениям ученых, распространение льда в Арктике в конце лета показывает лишь около 70 % обыкновенного среднего значения. Прогнозы исходят из того, что летом 2037 г. Арктика будет свободна ото льда. Некоторые модели предсказывают такое положение уже на 2013г. Таким образом, концепт *Abschmelzen* имеет сложную когнитивную структуру и характеризуется комплексом взаимосвязанных и взаимообусловленных когнитивных признаков.

Особый интерес представляет также изучение возможностей (способов) *языковой репрезентации концепта «Abschmelzen»*. Первичным средством вербализации экоконцептов являются, главным образом, *термины vs. эколексемы*, которые выступают своеобразными экспортерами и импортерами человеческих знаний об экологических феноменах в разных регионах мира. Экоконцепты вербализуются в *терминах* разнообразных парадигм научных знаний, к числу которых, как нами было установлено, относятся: сфера *географии, химии, биологии, математики, экономики, физики, социологии, политологии, медицины, истории, философии, этнографии, юриспруденции, сфера информационных технологий, в т.ч. театроведения* и др.[4]. Указанные терминологические сферы, коррелирующие как с фундаментальными, так и гуманитарными науками, указывают на весьма широкий и гетерогенный спектр знаний, на основе которых категоризируется когнитивное содержание экоконцептов. Большинство терминов (номинантов концепта «*Abschmelzen*») с позиции их морфологической структуры является композитами (*Gletscherabschmelzen, Schmelzwasser* и др.). В целях вербализации концепта *Abschmelzen* используются субстантивные терминологические конструкции (*Verschwinden des Permafrostes, Verlust des Eises*); определительные (причастные) обозначения, объективирующие концепт *Abschmelzen* (*abschmelzendes Packeis),* а также когнитивные метафоры и др. Когнитивные экологические метафоры, рассматриваемые как один из способов познания и объективации экологических реалий, репрезентируются преимущественно *антропоморфными* метафорами, среди которых приоритетными являются соматические метафоры. Ср.: *Zurückweichen der Zungenspitze* (отступление «кончика языка»)*, Eiszunge* (язык льда) и др. Рассмотрение терминов, являющихся номинантами концепта *Abschmelzen*, в аспекте их *частеречной (категориа*льной) принадлежности обнаруживает квантитативное превалирование о*тглагольных субстантивных* лексем (*Abschmelzen des Eises, Schrumpfen der Eisdecke* и др.)(Всего около 45%). Использование отглагольных существительных позволяет не только назвать явление, но и актуализировать его признаки, в частности, процессуальность, темпоральность и др. Доминирование отглагольных существительных свидетельствует о том, что данный феномен тематизируется одновременно как «сущность/явление» и как «процесс».

Итак, концепт «*Abschmelzen*» имеет сложную когнитивную структуру, формируемую на основе *физических* и *темпоральных* характеристик ледовых масс. Важнейшими эпистемологическими детерминантами искомого концепта являются: категории «Количества», «Скорости», «Размера»/ «Площади», «Времени». Первичным и наиболее частотным средством вербализации изучаемого концепта являются *термины*. Частеречный анализ экотерминов позволяет заключить, что феномен «Таяние ледников» в немецком языковом сознании отражается как динамичная, развивающаяся сущность. Корпус лексем, вербализирующих экоконцепт «*Abschmelzen*», характеризуется небольшой семантической гетерогенностью, что свидетельствует об относительно недавнем формировании данного концепта в немецкой концептосфере. В дальнейшем представляется весьма перспективным исследование других экоконцептов, в т.ч. на материале других дискурсов (художественном, научном, научно-популярном), изучение метафорики экореалий в разных национальных картинах мира и мн.др.

Источники и литература

1. Иванова Е. В. Эколингвистика и метафорическая картина природы в медийном экологическом дискурсе / Е. В. Иванова // Перевод и сопоставительная лингвистика: Периодический научный журнал / Отв. ред. А. Б. Шевнин. – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2007. – С. 119-126.

2. Trampe W. Sprache und ökologische Krise. Aus dem Wörterbuch der industriellen Landwirtschaft / W. Trampe // Feldbusch E., Pogarell R., Wei C. Neue Fragen der Linguistik. – Akten des 25. ling. Kolloquiums. Tübingen: Narr, 1991. – P. 128.

3. Fill A. Ecolinguistics – State of the Art 1988 / A. Fill / Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. – Band 23. – Heft 1. Tübingen:

Narr, 1998. – S. 9-10.
4. Фомина З. E. Das metaphorische Porträt von Natur und Mensch in der zeitgenössischen russischen und deutschsprachigen Literatur / S. Fomina // Studia Germanica Universitatis Vesprimiensis / Hrsg. Csaba Földes. –Veszprem, Universitätsverlag / Wien: Praesens Verlag. 2006/1. – S. 5-37
5. Лагутина А. А. Экологические концепты немецкой концептосферы как элементы когнитивной модели «Klimawandel» / А. А. Лагутина // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2011. – Вып. 1(15). – С. 25-37.
6. Al Gore. Eine unbequeme Wahrheit. Die drohende Klimakatastrophe und was wir dagegen tun können / Пер. с англ. «An Unconvenient Truth» – 3. Auflage – München: Riemann Verlag, 2006. – 247 s.

УДК 811+007+316.285 **Форманова С. В.**

МОВЛЕННЄВИЙ КОНФЛІКТ У СФЕРІ ВЕРБАЛЬНОЇ КОМУНІКАЦІЇ

В статье произведен анализ аспектов речевого конфликта в языковой интеракции, что предопределено разными аспектами объекта исследования, как формой речевого поведения, так и разными видами взаимоотношений между участниками коммуникации и ситуациями речевого взаимодействия.
Ключевые слова: конфликт, языковой конфликт, вербальная коммуникация, интеракция.

Статтю присвячено аналізові аспектів мовленнєвого конфлікту в мовленнєвій інтеракції, що зумовлено різними аспектами об'єкта дослідження, як-от: формою мовленнєвої поведінки, різними видами взаємостосунків між учасниками комунікації та ситуацій мовленнєвої взаємодії.
Ключові слова: конфлікт, мовленнєвий конфлвкт, вербальна комунікація, інтеракція.

In the article the analysis of aspects of vocal conflict is produced in linguistic interaction, that is predefined the different aspects of research object, both form of vocal conduct and different types of mutual relations between the participants of communication and situations of vocal co-operation.
Keywords: conflict, linguistic conflict, verbal communication, interaction.

Вербальна комунікація пов'язана з ефективністю реалізації мовленнєвих знаків у процесі спілкування, які зумовлені впливом мовленнєвої інтеракції на поведінку комунікантів в умовах ситуацій різного характеру. Зазначена проблема є предметом дослідження зарубіжних авторів: Арутюнова 1999; Алефириенко 2005; Апресян 2003; Кусов 1999; Леонтьев 1969; Падучева 1986, 1996; Романов 1979, 1985, 1988, 2002, 2005; Сусов 1986, 1990; Спивак 1977; Austin 1961, 1963; Downes 1977; Fraser 1975; Gale 1976; Searle 1962, 1975, 1977; Strawson 1964 та ін., щоправда в українській лінгвістиці цю проблему майже не досліджено: Бацевич 2010, 2011; Форманова 2010, 2011. Аналіз мовознавчих праць засвідчив, що, досліджуючи вербальну комунікацію, останнім часом лінгвісти основну увагу приділяють комунікативній невдачі, комунікативному заважанню, комунікативному збою, комунікативному провалу, мовленнєвому конфлікту. Вивчаючи мовленнєвий конфлікт, учені застосовують такі поняття як інвективне функціонування мови, що проявляється в образі, ображенні, загрозі та поняття мовленнєвої маніпуляції, мовленнєвої агресії, лінгвістичної екології та ін. Деякі дослідники, прагнучи з'ясувати лінгвістичну складову конфлікту, здійснюють граматичний та синтаксичний аналіз письмового тексту конфліктного характеру. Мовленнєві конфлікти стають предметом аналізу інтеркультурної лінгвістики та психолінгвістики. У межах нашого дослідження розглядаються мовленнєві маркери конфлікту в акті комунікації. Актуальність статті визначається стійким інтересом до проблем конфлікту в межах різних наукових дисциплін та відсутністю систематичного опису цього феномена з позицій комунікативної лінгвістики.

Метою статті є аналіз мовленнєвих конфліктних ситуацій у вербальній комунікації.

Метою передбачено розв'язання таких завдань: 1) з'ясувати поняття конфліктного дискурсу; 2) визначити типологію конфліктних ситуацій.

Під конфліктним дискурсом розуміється ставлення конфліктуючих осіб один до одного та до ситуації. Він визначається завершеністю, цільністю та зв'язністю. Його варто розглядати і як процес (з урахуванням соціокультурних, екстралінгвістичних та комунікативно-прагматичних чинників), і як результат (у вигляді фіксованого тексту).

Те, що замислили співбесідники, іноді дуже важко визначити і передбачити, тому і виникають конфліктні ситуації, бо планувати спілкування в умовах прямої та непрямої комунікації дуже непросто. На думку М. Сарновського, простір негативної комунікації створюється з низки комунікативних ситуацій, в яких виявляється міжособистісний конфлікт, що одушевляє усі дії об'єктів прагматичних [4, с. 33]. Комунікативна інтеракція – це взаємодія між об'єктами аудиторії, яка спирається на певні цінності, ідеали, інтереси, тобто на те, що сприятиме поведінці, яку підкорено законам етикету. Зазвичай учасники комунікації мають спільну мету, спільну тему і об'єкт обговорення.

Сценарії конфліктної поведінки мають стійкі ознаки і жорстку структуру, тобто вони мають початок і кінець, певну межу, перехід цієї межі, який учасники спілкування добре відчувають. Наприклад, чітко простежується і відчувається співбесідниками перехід від безневинних жартів (сценарії жартування до насміхання, від докорів до образ, від прохання погодитися щось зробити до здирства). Як зазначає В. І. Шляхов, складна конструкція сценарію, соціально визначеної ролі тих, хто говорять, їхні мовленнєві тактики, стратегії домінування, кооперації або протистояння, – все це дозволяє відрізняти сценарії мовленнєвої взаємодії від елементарних одиниць дискурсу, наприклад, від діалогічних єдностей [3, с. 15].

Під час конфлікту об'єктивність відходить на другий план, а на поверхні залишається суб'єктивність. Адресант висловлює свої міркування і свою думку, а адресат сприймає лише те, що хоче почути. А варто відстежувати весь хід думок опонента, а не ту частину, яка є близькою для себе. Річ у тім, що під час конфлікту люди починають відкидати агресію не лише через інвективу, а й через крик, підвищений темп голосу, конфліктну тональність. Це відбувається тому, що, коли люди незадоволені один одним, вони віддаляються, і через цю відстань

намагаються використовувати вербальні/невербальні інвективні засоби. Адже крик – це теж інвектива, яка влучає слухові органи, і тому інвектума починає обурювати страх, який поглинає всю сутність людини і та боїться чинити опір.

Що стосується мовних засобів, які висуває адресант на особу адресата, то вони можуть бути як образливими з позиції автора, так містити натяки, погрози, лайку, які у контексті мовленнєвої інтеракції створюють поле інвективності та принижують адресата. У збірнику «Юрислингвистика -2»

Т. В. Чернишова цитує роботу В. В. Одинцова «Стилистика текста», у якій автор ставить за мету стилістичного аналізу – зрозуміти, з якою метою у певному випадку вжито саме таке слово, саме такий зворот або синтаксична конструкція, а не інша і доходить висновку, що у конфліктному тексті варто шукати, яке з цих слів і зворотів є зайвим для вираження певної думки у певних умовах і, відповідно, негативно сприймається не лише суб'єктом мовлення, але й адресатом. І зауважує, що «зайвими» варто сприймати одиниці, які демонструють особисту, нічим не мотивовану агресивність автора [2, с. 241].

На нашу думку, у конфліктній мовленнєвій інтеракції можна виокремити ланцюжок інвективних мовних засобів, які мають певний сенс і певну інтенцію, як-от:

– обіцянка ображати та принижувати: Мама Н., 55 років (доні, 24 роки про її чоловіка)*: Він завжди буде витирати об тебе ноги і змішувати з лайном;*

– погроза зіпсувати кар'єру: Хазяйка бізнес-центру К., 35 років (підлеглому водієві, 27 років) : Якщо ти не припиниш своє паскудство, я тобі обіцяю зробити все можливе, щоб тебе навіть двірником не взяли в нашому місті. А така можливість у мене є;

– інвектива *лайно*, яку адресовано певній особистості: Валентина В., 65 років (сусідці, 25 років): *Ти – лайно, та й годі*;

– лексичні одиниці із забарвленням несхвалення, які виражають негативну оцінку того, хто говорить: Сусід, 45 років (сусідові, 25 років): *Шмаркач, виблядок, паскудник, ще раз увімкнеш гучно музику, я тобі двері побиваю;*

– лексичні одиниці, що містять звинувачення, підозру: Олексій, 33 роки (товаришеві, 32 роки):

Навіщо ти натравлюєш на мене свою дружину? Хочеш вийти чистеньким з нашого брудного діла? Що ти брешеш їй, що все це я організував, коли то була твоя ідея? А те, що ти пов'язався з тою хвойдою рудою, теж моя ідея?Завів собі інтрижку, а мене крайнім робиш? Не вийде, я все розкажу твоїй дружині;

– лексичні одиниці, що містять зневагу: Олена, 65 років (держвладі):

Задовбали усі ці безглузді кандидати, хабарники, паскудники, злочинці. Ніяк не нажеруться, все в нас позабирали, а тепер ще й податок на розкіш зробили! Іч! Їм усе мало, все з нас, бідних, тягнуть! Я заробила свою квартиру, то, хіба, можу з пенсії податки платити?;

– лексичні одиниці, які позначають убогість, неуцтво: Катерина, 78 років (одеському меру О. Костусеву): *Він нікчема, який нав'язує одеситам дурні й безглузді заходи, він нічого не тямить у будівництві та економіці, про нього взагалі не варто згадувати, бо він дріб'язковий інтриган, нікчемний персонаж політичного життя міста;*

порівняння з тваринами: Сварка між подружжям (підслухано у сусідів):

Анатолій (62 роки): *Ти така хитра, як лиса!*

Лариса (60 років): *А ти впертий, як осел!*

Анатолій: *Коза!*

Лариса: *А тварини живуть парами. Отже, хто ти?;*

– лексичні одиниці, які містять удавану можливість допомогти:

Телеканал АТВ (Одеса), мітинг на Соборній площі на захист Оксани Макар, дівчини, згвалтованої і підпаленої миколаївськими мажорами: Галина (років 40): *Я б за власний рахунок наняла б убивцю, який повбивав цих нелюдів та їхніх батьків;*

– постійно повторюваний натяк: Микола Г., 70 років (про своїх колег):

Ці особи, персонажі на букву С. – вони такі пліткарки, ці особи – вони такі потворні, ці особи – вони такі підлі, що розметуть усе на своєму шляху.

Зазначені мовленнєві засоби створені на приниження особистості, яку адресант має на меті роздавити, розбити, морально знищити. Для цього застосовано майже всі можливі мовні засоби, незважаючи ані на етичні норми, ані на мораль, ані на особистість, з якою спілкуються. Відбувається не лише деградація мови, а й деградація свідомості інвектума, яка стає потворною, нелюдяною, жахливою, що руйнує міжособистісні стосунки. Така мовленнєва агресія призводить до мовного гвалтування, яке є формою психічного, деструктивного впливу на підсвідомість та свідомість адресата. Таким чином, мовна агресія супроводжується явищем мовної інвективності. Російський учений М. Д. Голєв розглядає інвективну функцію мови як мовленнєву реалізацію її загальної експресивної функції, що тісно пов'язана з комунікативною та когнітивною. Він зазначає, що інвективна функція мови є однією з її природних функцій, яка нерозривно зв'язана з можливістю та життєвою необхідністю творчого використання слова [1, с. 44]. Дійсно, інвектори настільки майстерно володіють мовними засобами і знаходять такі образи і форми, що їм може позаздрити навіть майстер пера.

Конфліктна інтеракція передбачає мету сценарної ситуації. Зазвичай, людина має інтенцію посваритися, примусити партнера підкоритися, образити та ін. Як зазначає В. Шляхов, сценарії не існують ізольовано один від одного. Два чи більше сценаріїв можуть об'єднатися у прагматично зв'язану мовленнєву поведінку, як-от, наприклад, сценарію сварки передує сценарій сперечання [3, с. 15-16].

Отже, конфліктна інтеракція є особливим типом мовленнєвої поведінки комунікантів, яка визначається агресією, тиском, інвективною функцією, метою спілкування, куди і входять інвективні компоненти, що складають основу спілкування, яке відбувається через комунікативні девіації, комунікативний дискомфорт, комунікативну тональність тощо. У конфліктній інтеракції основна увага приділяється відбору мовленнєвих засобів, які визначають стратегії і тактики мовної поведінки особистостей, сценарій мовленнєвих дій, згідно з яким учасники реалізують свої комунікативні наміри.

Конфліктна ситуація – це результат особливого типу спілкування, особливої мовної поведінки коммуникантів. Під конфліктною ситуацією ми розуміємо ситуацію, в якій відбувається комунікативний конфлікт, тобто зіткнення двох сторін (учасників конфлікту) з приводу невідповідності цілей, інтересів, поглядів, у результаті

якого одна з сторін свідомо, або несвідомо, діє на шкоду інший (вербально/невербально), а друга сторона, усвідомлюючи, що вказані дії спрямовані проти її інтересів/цілей, чинить такі дії у відповідь. Явище комунікативного конфлікту у межах нашого дослідження розглядається відносно умов конфліктної ситуації (власних особливостей партнерів по комунікації, обставин спілкування, комунікативних цілей співрозмовників і т.д.), що створюється, тобто відносно компонентів, які становлять структуру акту комунікації.

Як показує практика, конфліктів можна уникнути. Пропонуємо розглянути деякі ситуації і моделі виходу з них.

Наприклад, партнерські стосунки у бізнесі. Обидва партнери однакові за статусом, освітою і посадою. У кожного – своя сфера відповідальності, проте в точці їх перетину вони розійшлися в думках, як краще поступити. Один упевнений, що набагато краще орієнтується в ситуації. Опонент вважає, що він. Постраждати може справа. Як бути?

Найпростіший спосіб – «лягти» під думку іншого, за принципом, що хтось має бути розумніший. Погодитися, щоб серйозно не зіпсувати цінні партнерські стосунки. Відновивши худий мир, який, як то кажуть, краще за добру сварку.

Другий спосіб з найбільш поширених – знищити думку суперника. У хід ідуть загрози від «*я виходжу з цього проекту*» до «*я виходжу з партнерства з тобою*» – залежно від значущості конфліктної ситуації. Чи, наприклад: «*Якщо не так, як сказав я, – то ніяк! Закриваємо проект/бізнес і т. д.*». Такий спосіб досить потужний, але зловживати їм не рекомендується, оскільки на душі залишиться відчуття провини, внутрішня самотність переможця, втрата довіри в контакті.

Є ще такий спосіб: прийняти гостроту і дискомфорт ситуації без негайної дії з її дозволу. Без метушні в пошуку швидкого виходу з тяжкої безвиході, створеного різновекторністю сьогоднішніх думок: «*Так, сьогодні наші з тобою думки розійшлися. Я приймаю це як даність. Мені тривожно, зле, самотньо. Але я відмовляюся від звичних своїх «втеч» з безвиході. Я залишаюся у безвиході. Я залишаюся в конфронтації з твоєю думкою з цього питання. Без конфронтації з тобою. Я агресивний до твоєї сьогоднішньої точки зору. Але замість її скороспішного руйнування я готовий витратити енергію своєї агресії на пошук рішення, яке полегшить ситуацію для обох сторін. Без знецінення своєї або твоєї точки зору і нашого партнерства. Я готовий шукати шляхи виходу сам і разом з тобою*».

З цієї невизначеності може вийти якась зовсім інша, нова можливість, яка може здивувати своєю очевидністю. Мудрі думки приходять зовсім несподівано. Знаючи параметри інтелекту сприйняття, можна створити модель поведінки свого ставлення до суб'єкта або ситуації. Якщо людина світла, то її ставлення буде чистим. Якщо людина всередині брудна, то вона поводитиме себе згідно зі своєю суттю. Зосередженість на конфліктних ситуаціях провокує використання відповідної наступальної або звинувачувальної лексики, яка, в свою чергу, формує стереотипи.

Конфліктні ситуації, які виникають між комунікантами, дають можливість найповніше розкрити комунікативну специфіку інвективів.

Подібна тактика може виручити і в сімейних стосунках. Наприклад, якщо скандал розпалюється, є можливість його безконфліктно погасити, сказавши обеззброюючу фразу, як-от: «*Я не припущу того, щоб ми зараз посварилися і стали чужими людьми!*».

Таким чином, використання інвективів при аналізі мовленнєвого конфлікту у когнітивному аспекті дозволяє представити інформацію як таку, що об'єктивно реалізуються в настанові мовця. Отже, все, що є когнітивною передумовою прагматичної настанови й дозволяє визначити сценарії мовленнєвої поведінки учасників комунікативної ситуації: не виражати прямо свою емоційно-оцінну думку про адресата, його якості, здібності, вчинки та ін.; за допомогою натяків, іронії, підтексту та ін., – створюється негативне тло для сприйняття інформації, яка передається. Ефективними прийомами вважається застосування полемічних засобів – гумору, іронії, натяку, сарказму. З цього приводу Ф. Енгельс писав, що, оскільки саме міцні слова не завжди надають мові достатньої сили і при постійному повторенні однакових висловів на кшалт негідник та ін., їхній ефект слабішає, то бажано було б вдатися до інших засобів, які б забезпечили силу й виразність і без міцних слів. Таким засобом Ф. Енгельс вважав іронію, натяк, сарказм, які уражають супротивника більше, ніж згрубілі слова, які несуть обурення.

Джерела та література

1. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев // Юрислингвистика – 1. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 1999. – С. 3-25.

2. Чернышова Т. В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста / Т. В. Черышова // Юрислингвистика – 2 : Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2000. –С. 15-24.

3. Шляхов В. И. Сценарная основа речового общения : Технология обучения / В. И. Шляхов. – М. : КРАСАНД, 2010. – 136 с.

4. Sarnowski Michal. Przestrzen komunikacji negatiwnej w jezyku polskim I rosyjskim. Klotnia jako specyficzna sytuacja komunikacji werbalnej / Michal Sarnowski. – Wroclaw : Wydawnictwo Uniwersitetu Wroclawskiego, 1999. – 158 p.

УДК 811.111-13 **Фрасинюк Н. І.**

ТЕРПІННЯ, ЯК ОСНОВНА НАЦІОНАЛЬНА ЦІННІСТЬ БРИТАНЦІВ

Ценности – абстрактные идеи, положительные или отрицательные, которые не являются связанными с определенным объектом или ситуацией и отражают человеческие убеждения о типах поведения и цели. Терпение, как основная национальная ценность, является залогом успешной жизни британцев.
Ключевые слова: национальная ценность, терпение, британцы.

Цінності – абстрактні ідеї, позитивні або негативні, що не є пов'язаними з певним об'єктом або ситуацією і відображають людські переконання про типи поведінки і цілі. Терпіння, як основна національна цінність, є запорукою успішного життя британців.
Ключові слова: національна цінність, терпіння, британці.

Values – abstract ideas, positive or negative, which are not associated with a particular object or situation and express the beliefs about human behavior and goals. Patience, as the basic national value, is the key to successful living of Britons.
Key words: national values, patience, the British.

Мова відбиває колективні, культурні і соціальні характеристики носіїв, а також географічні умови їх проживання. Це відбиття визначається менталітетом народу або національним характером. І щоб виявити національно-культурну специфіку народу та описати національно-значеннєві категорії, які акумулюються в мові, потрібно вивчити і описати дані національної мови як частини нормативної та ціннісної системи певної національної культури. Оскільки саме цінності допомагають визначити та описати основні національно-специфічні риси окремих народів, які в цілому наближають нас до розуміння національного менталітету.

Метою нашого дослідження є проаналізувати поняття *цінності* і визначити чи концепт *терпіння* входить до ієрархії цінностей британців.

Предметом дослідження є пареміологічні одиниці (прислів'я та приказки) англійської мови, які вербалізують концепт *терпіння*.

Об'єктом дослідження є концепт *терпіння* в англомовній картині світу.

Актуальність дослідження передусім зумовлена необхідністю уточнення сучасного розуміння концепту *терпіння* в англомовній картині світу.

Наукова новизна дослідження полягає у виявленні поняттєвих та оцінних характеристик концепту *терпіння*.

«Цінності – абстрактні ідеї, позитивні або негативні, що не є пов'язаними з певним об'єктом або ситуацією і відображають людські переконання про типи поведінки і цілі, яким надається перевага» [4, с. 60]. В основі кожної цінності лежить уявлення – вірне або не вірне, свідоме або підсвідоме, людське або національно-культурне – відносно конкретного об'єкта та явища. Система цінностей поєднує суспільство з особистістю, включає її в систему суспільних відносин, визначає для чого відбувається та чи інша діяльність і якими засобами вона реалізується. Все розмаїття предметів людської діяльності, суспільних відносин і природних явищ, які включаються в це коло може виступати у вигляді предметних цінностей, як об'єктів ціннісного відношення, таких, які оцінюються в аспекті добра і зла, істини або не істини, такого, що дозволяється або забороняється, справедливого або несправедливого.

Цінності не існують об'єктивно, вони представляють концептуалізацію бажаного [3, с. 116], і знаходять своє відображення у вигляді моральних принципів та норм, ідеалів, установок та цілей. Вони знаходяться під постійним впливом ситуативних факторів. Кожна конкретна суспільна група може бути охарактеризована специфічним набором цінностей, система яких виступає у вигляді вищого рівня соціальної регуляції. В науковій літературі існує досить велика кількість підходів до систематизації цінностей. Існує категоризація цінностей за об'єктом вживання – матеріальні, морально-духовні; метою вживання – егоїстичні, альтруїстичні; рівнем узагальнення – конкретні й абстрактні; родом діяльності людини – термінальні та інструментальні; за змістом діяльності – пізнавальні; за належністю – особисті, групові, колективні суспільні, національні, загально-людські [2, с. 119]. Існує також ціла низка цінностей (ідеальні, глобальні), які досить важко віднести до певної групи або важко співвіднести тільки з однією групою, адже вони належать до багатьох з них.

В будь-якому суспільстві існує своя ієрархія цінностей. Основними національними цінностями британці вважають удачу, везіння, багатство, долю, випадок, *терпіння* (posses one's soul in patience), а також традиційні цінності (traditional values), які включають *self-help, tolerance, belief in strong community and society, family, home, freedom, tolerance.* Саме терпимість і терпіння для них – національні цінності. Адже «терпимість вирізняє англійську ментальність з-поміж інших однобічніших національних світів…» [1, с. 151]. За своїм характером англійська нація – емоційна, урівноважена, наполеглива, витривала. Кожен англієць цінує свою свободу, але водночас відзначається і терпінням.

Так, це не секрет,що ментальним ядром європейської культури є принципи антропоцентризму та раціоналізму. Особиста свобода відіграє велику роль у їхньому житті і вони не знають, що означає терпіти як заради когось, так і заради власних бажань. В англійських прислів'ях акцентується значущість окремої особи і перевага особистого над громадським: «Люди не повинні терпіти когось, вони повинні піклуватись самі про себе, нікому не допомагати і не приймати допомоги», – пояснює Оксфордський словник англійську приказку *Every man for himself*, а це є свідченням того, що англійці є індивідуальними особистостями і вони не хочуть нічого терпіти і когось заставляти терпіти їх. І тому постає питання чи справді терпіння є характерним для англійців?

Від самого народження англійські діти вчаться терпінню – вони повинні вміти стримувати свої емоції. Зовнішнє вираження найголовніше для англійців. Стриманість виражена в ідіомі – *to keep (carry) a stiff upper lip (to* possess the ability of self-control [12]) є ключовим концептом для розуміння англійського національного характеру. Цей концепт включає в себе три основні характеристики англійців: гордість, рішучість й абсолютне терпіння,яке виражається у самоконтролі («…keeping the head held high *(pride),* the upper lip stiff (to avoid the visible tremble which betrays emotion) and the best foot forward (*determination) – absolute self-control* [7, с. 21]»).

На думку англійців, діти повинні бути терплячими до волі батька, який у свою чергу, будучи суворим, намагається виховувати у дітей терпіння, що допоможе їм у майбутньому добитися успіху. Власне, саме завдяки терплячому, стриманому характеру англійці вважаються успішною нацією: вони розвинули сучасні форми футболу, регбі, тенісу, боксу, гольфу, альпінізму, лижного спорту; стояли у витоків сучасного туризму (Grand Tour і Thomas Cook's first package tour); створили перші сучасні готелі. Чарльз Бабадж (Charles Babbage) створив перший у світі комп'ютер у 1820-х роках. Шотландця Джона Логі Баєрда (John Logie Baird) вважають одним з перших винахідників телевізора. «Сендвічі, різдвяні листівки, бойскаути, поштові марки, сучасне страхування й детективні романи – все це продукти, «зроблені в Англії» (made in England) [8, с. 63]». Про значення терпіння для успіху показує і англійська народна мудрість: Patient men win the day; Everything comes to him who waits; Time and patience will wear out stone posts; Patience, money and time bring all things to pass; He that has patience, has fat thrushes for a farthing ;Through hardship to the stars. Але також англійці усвідомлюють, що якщо людина не буде терпіти, то вона не отримає нічого в житті, вона не матиме успіху ні в чому: A blessing in disguise; No gain without pain; *No sweet without (some) sweat;* No paternoster, no penny.

Британське суспільство ніколи не можна було описати як однокласове. Навпаки, саме ідея класової нерівності вважається характерною для британського суспільства (Class, like the weather and the monarchy is a peculiarly and particularly British preoccupation [6, с. 1]). Бідні і багаті вважалися двома окремими націями («*Two nations between whom there is no intercourse and no sympathy; who are as ignorant of each other's habits, thoughts and feelings as if they were dwellers in different zones or inhabitants of different planets…»* [13, с. 122]). Бідняки були приречені на злиденне життя і низькі життєві шанси і тому прирівнювали життя до терпіння. Бідний народ терпів і фізичні страждання (голод ,холод ,нужду): *Beggars cannot be choosers; The poor man pays for all*; Life on the alms-basket; Be head over ears in debt; Suffer hell, suffer losses; Bear (або carry) coals; Keep body and soul together; Keep the wolf from the door. А також душевні страждання: Drop one's bundle; Eat out of one's hand; Drew one's weird; Life on a volcano; Bear insults (from one, something); Abandon oneself to something.

Англійські прислів'я показують, що без терпіння життя бідняків неможливе: Patience is virtue of the poor; Patience with poverty is all a poor man's remedy; Life on the alms-basket; Be head over ears in debt; *Be in debt up to the armpits.* Але багаті також мають терпіти, якщо хочуть мати прислугу в домі: He that will be served, must be patient.

Взагалі у свідомості англійців терпіння – запорука життя: The world is for him who has patience, *і одна із найкращих чеснот людини* − Patience is a virtue. Проте терпіння властиве не всім: Patience is a flower that grows not in every garden. *І тому англійці бажають всім мати терпіння:* Let patience grow in your garden, і бути терплячим: Bear and forbear. Оскільки без терпіння не буде нічого: He that has no patience has nothing.

В англійській культурі міцно вкоріненим є переконання про терплячість та покірність жінки. Терпіння було властиве англійській жінці**,** особливо у вікторіанську епоху, коли місцем жінки були дім і сім'я, а її обов'язок – підкорятися і терпіти всі примхи чоловіка: «...she looks attentively after the holes in her father's gloves. She is a clever adept at preparing gruel, white-wine whey, tapioca, chicken broth, beef tea and the thousand little household delicacies of the sick room…She does not invent excuses for not reading to her father, nor does she skip any of the speeches…She knows nothing of «*Woman's Mission*». She studies housekeeping, is perfect in the common rules of arithmetic…She checks the weekly bills and does not blush if she is seen in a butcher's shop on a Saturday.» [8, с. 221]. Жінка потребувала великого терпіння, щоб жити з чоловіком, адже приходилося терпіти побої, ледарства, гультяйства: Course of true love never did run smooth; Faults are thick where love is thin; *Cat-and-dog existence*; Love in cottage; One love drives out another.

Але і деякі прислів'я свідчать про те, що терпіти доводилося чоловікам, у яких були крикливі та злі жінки: *A man's best fortune or his worst is his wife; He that has a wife, has strife.* Англійці переконані, що необхідно терпіти поки жінка не помре : *He that loses his wife and sixpence, has lost a tester; A dead wife's the goods in a man's house.*

Проте у сучасному англійському суспільстві жінки по-новому починають розуміють свою соціальну роль – вони вже не хочуть миритися з роллю тих, хто підкоряється і прагнуть одержати рівні права з чоловіками. Жінки і чоловіки певною мірою міняються місцями. Якщо раніше жінка фінансово залежала від чоловіка, то тепер з'являються такі лексичні одиниці і словосполучення, як наприклад, *househusband* – чоловік, якого утримує дружина, що фінансово забезпечує сім'ю (вже не жінка терпить, а чоловік).

Терпіння пропогандує церква. Англійська церква має великий вплив на формування менталітету середнього англійця та утворення ядра системи цінностей британського суспільства: every Englishman was molded by Christianity to the depths of his being [5, с. 110]. Прислів'я та усталені вирази біблійного походження, що поширились у мові щоденного спілкування середнього англійця мають дидактичний характер і закликають до терпіння,пояснюючи це тим, що кожна людина має нести свій хрест : berry (carry) one's cross (нести свій хрест) , posses one's soul in patience (терпіти), break bread with somebody (розділити з кимось хліб), cast one's bread upon waters (робити добро не чекаючи на подяку), strengthen somebody's hand (допомагати), a labour of love (праця за яку не чекають винагороди) [10].

Географічне положення країни, острівний дух її жителів були тими факторами, на яких базувався англійський індивідуалізм, і водночас англійське терпіння. Англійці здаються дуже стриманими й незворушними. На публіці вони тримають свої емоції під постійним контролем. Для них є абсолютно соціально неприйнятним виявлення своїх почуттів при сторонніх. («Being English, Poirot remarked as he moved away from them «you will not embrace in my presence, I suppose?» [9, с. 187]).

Всі негаразди життя англійці повинні сприймати терпляче,з посмішкою. Стоїцизм – це необхідна характеристика англійця. Ідеальний англієць повинен бути поважним, пристойним, хоробрим стоїком, а ідеальна англійська жінка – повинна бути стійкою, покірною й цнотливою (…he would be *honourable, decent, stoical and brave, so she would be stoical, motherly, submissive and chaste* [8, с. 228]).

В Англії приймається до уваги не лише терпіння, але й нетерпіння.Нетерпіння заставляє людину даремно (марно) переживати :

A watched pot never boils. Але нетерплячі люди осуджуються: *First creep, than go*; *He who would climb the ladder must begin in the bottom*; *Never cackle till your egg is laid.*

Таке подвійне ставлення знаходить своє відображення в таких прислів'ях та приказках як:

positive **(+)** – *The world is for him who has patience; Patience is the best buckler against affronts* Patience with poverty is all a poor man's remedy; *Patience is a remedy for every grief* ; Patience is a plaster for all sores; *No remedy but*

patience; Patience is a remedy for every disease; Patience perforce is medicine for a mad horse. Patient men win the day; Everything comes to him who waits; Time and patience will wear out stone posts; Patience, money and time bring all things to pass; He that has patience, has fat thrushes for a farthing ; Through hardship to the stars.

Negative **(-)** – *Patience provoked turns to fury.*

Загалом дослідження показує, що терпіння належить до основних національних цінностей британців, і воно,терпіння, є запорукою їхнього успішного життя.

Джерела та література

1. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира / Г. Д. Гачев.− М.: Алгоритм. Эксмо, 2008.− 544с.
2. Ігнатенко П. Р. Аксіологія виховання: від термінології до постановки проблеми / П. Р. Ігнатенко // Педогіка і психологія. – Київ, 1997. – № 1 – С. 118-123.
3. Ручка А. А. Ценностный подход в системе социологического знания / А. А. Ручка. – К.: Наукова думка, 1987. – 134 с.
4. Тюрина В. А. Ценностные ориентации / В. А. Тюрина, Е. Д. Научитель. – К.: Международное финансовое агенство, 1998. – 29 с.
5. Bedarida, Francois. A social history of England. – London and New York, 1994. – 384 p.
6. Cannadine, David Class in Britain. – Penguin Books, 2000. – 249 p.
7. Miall, Antony, Milsted, David. The Xenophobe's Guide to the English. – Oval Books, 1999. – 64 p.
8. Paxman, Jeremy. The English. A Portrait of a People. – Penguin Books, 1999. – 308 p.
9. Christie, Agatha. Black Coffee. – Harper Collins Publishers, 1999.– 88 p.
10. АРФС – Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1984. – 942 с.
11. АППРС – Англйские пословицы и поговорки и их русские соответсвия. – М.: Международная книга, 1999. – 303 с.
12. CCDI – Collins Cobuld Dictionary of Idioms. – Harper Collins, 1995. – 305 p.
13. OALD – Oxford Advanced Learners Dictionary. – Oxford University Press, 1994. – 1580 p.
14. OCDQ – Oxford Concise Dictionary of Quotations. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 595 p.
15. The Oxford Dictionary of English Proverbs / 3rd ed / [ed. By F. P. Wilson]. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – 930 p.

УДК 81'373.43

Хабарова Н. А.

ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ В РЕКЛАМНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ АННОТАЦИЙ (на материале русского и французского языков)

В данной статье исследована структура и функционирование неологизмов в аспекте рекламно-информационного жанра как разновидности информативного дискурса в русском и французском языках. Определена роль новой лексики как вербальной составляющей в создании прагматического потенциала в текстах аннотаций к художественным произведениям.

Ключевые слова: интеллектуальные рекламные тексты аннотаций, рекламно-информационный жанр, информативный дискурс, неологизмы, окказионализмы.

У статті досліджено структуру та функціонування неологізмів в аспекті рекламно-інформаційного жанру як різновиду інформаційного дискурсу у англійській та французькій мовах. Визначено роль нової лексики як вербальної складової в утворенні прагматичного потенціалу текстів анотацій до художніх творів.

Ключові слова: інтелектуальні рекламні тексти анотацій; рекламно-інформаційний жанр, інформативний дискурс, неологізми, оказіоналізми.

The article deals with the structure and functioning of the neologisms in the aspect of advertising and informative genres and informative discourse in French and Russian. The roles such as verbal component of the new lexica for the creation of the pragmatic influence in the texts annotations to the fictions are defined.

Key words: intellectual advertising texts annotations, informational and advertising genres, informative discourse, neologisms, occasional words.

Современный мир стремительно меняется, а вместе с ним меняется и наша речь, наш язык и отношение к происходящим событиям. Многие слова забываются, становятся неактуальными, устаревшими, вышедшими из моды. Стараясь идти в ногу со временем, соответствовать современным представлениям жизни, журналисты, копирайтеры, теле-, радио- ведущие в средствах массовой информации используют иностранные слова – сначала с юмором, а потом и вполне серьезно.

Поэтому одним из наиболее продуктивных источников пополнения лексического состава языка являются информативные рекламные тексы. Как бы мы этому ни сопротивлялись, без рекламы немыслима актуальная культура потребления, именно от нее всецело зависит нынешний образ жизни. Она приобретает индивидуально-творческий характер, оказывают мощное воздействие на социум и тем самым на современный общелитературный язык в целом, откликаясь на все новое. Лексические изменения, возникающие в текстах массовой коммуникации, позволяют использовать интеллектуальные рекламные тексты аннотаций в качестве материала для изучения живых процессов, происходящих в настоящее время в различных языках мира [21].

Основной чертой рекламно-информационного жанра является сочетание эмоциональности и стандарта, поскольку в исследуемой разновидности дискурса доминантная когнитивно-информативная функция сочетается с функциями убеждения, аргументации, воздействия, манипулирования и коммуникативной. Наряду с указанными функциями рекламно-информационный жанр характеризуется открытой оценочностью речи, апеллятивным характером выражения, простотой, доступностью изложения. Сочетание речевых законов строгих жанров и стремление к оценочности порождает неологически окрашенные лексемы, которые влияют на важнейшие характеристики интеллектуального рекламного текста и на процесс массовой коммуникации, а именно: обезличивание (виртуальность) адресанта и установка на определённую категорию адресата; ориентир на то, чтобы авторская интенция произвела иллокутивный эффект на потенциального адресата.

Интеллектуальные рекламные тексты аннотаций – это определённые речевые акты, которые определяются совокупностью экстралингвистических и лингвистических условий, характеризуются иллокутивным и

перлокутивным эффектами. Иллокутивность проявляется в установке на адресата и целенаправленности сообщения, а перлокутивность – в стремлении вызвать у потенциального адресата эмоции, воздействовать на сознание и подсознание, манипулировать его поведением. Достижение поставленных целей осуществляется адресантами с помощью использования особой лексики «обольщения», к разряду которой мы относим неологизмы [21].

Основное свойство рекламы как культурного феномена – ее амбивалентность (внутренняя противоречивость), которая проявляется в том, что реклама существует вне желаний адресата, но, в конечном счете, воздействует на его сознание, невольно управляет поведением, то есть манипулирует действиями с помощью особого лексического наполнения. По словам С. П. Расторгуева «в любое время наиболее безопасно транслировать на свое окружение информацию о достоинствах собственного образа жизни. Навязывание собственных стереотипов поведения окружающим системам, особенно уже сформированным неизбежно будет ослаблять последних» [18, с. 416].

Реклама, являясь частью современной цивилизации, уже выступает в качестве регулятора современного литературного языка. Пластика и гибкость рекламного слова нередко становится источником окказиональных слов, рождает неологизмы, инициирует появление игровых элементов в ©интеллектуальных рекламных текстах аннотаций[1] к художественным произведениям. Согласимся с М. В.Черкуновой, которая подчеркивает, что в аннотациях к художественным произведениям, в отличие от аннотаций научных, превалирует не только информирование, но и рекламирование с элементами оценивания, воздействия и манипулирования [20, с. 177]. Аннотация в соответствии с принципами корпусно-ориентированного исследования референции текстов – это «техническое «оснащение» текста эксплицитной лингвистической информацией. Так, в «сырых» текстах информация о части речи или информационной структуре предложения содержится в имплицитном виде, доступной для лингвиста, но не доступной для автоматической обработки» [12, с. 259]. Корпус – это некоторый набор текстов, который определяется такими свойствами как аннотация и репрезентативность. Таким образом «корпус должен представлять собой репрезентативную выборку исследуемого языкового регистра или жанра и включать в себя тексты разных авторов» [12, с. 259].

Рекламные аннотации к художественным произведениям квалифицированы нами как «интеллектуальные» в соответствии с классификацией рекламы С.Г. Кара-Мурзы на следующие виды: социальные, экономические, политические и *интеллектуальные* [10]. Объектом рекламных аннотаций к художественным произведениям является *интеллектуальный продукт* совместной деятельности автора и издательства, переработанный копирайтером, либо самим автором аналитико-синтетическим способом в краткий текст вторичной информативности. Аннотации помогают адресату ориентироваться в общей массе литературы как оригинальной, так и переводной. Адресанты вкладывают в тексты аннотаций креативность, *интеллект*, поскольку перед ними стоит задача передать максимум информации при минимальной затрате лексических средств. В данном случае речь идет о разнообразной структурно-лексической сатурации (насыщении) текстов информационного дискурса с целью привлечения внимания, возбуждения интереса, пробуждения желания и побуждения к действию (см. рекламную формулу К.Стронг AIDA). В рекламных текстах копирайтеры употребляют разнообразное лексическое наполнение, среди которых особое место занимают неологизмы.

Сопоставительное изучение неологизмов в разных языках, особенно в разноструктурных, определяет динамику развития рекламно-информационного жанра в аспекте информационного дискурса по оси институциональности. В условиях языковой ситуации, сложившейся в России и Франции, обусловленной экстралингвистическими факторами, исследование неологизмов является перспективным направлением современной лингвистики. Отличительной чертой развития неологии во Франции является стремление государства установить контроль над процессами неологизации, ограничив тем самым поступление новых слов в лексический состав французского языка.

Процессы неологизации, словообразования были изучены в работах отечественных и зарубежных ученых: Ш. Балли (1955) [1], В.В. Виноградов (1991) [2], В.Г. Гак (1985) [4], А.И. Гальперин [5], Е.А. Земская (2005) [7], В.В. Зирка (2010) [8; 9], А.Э. Карапетьян (2007) [11], Р.Ю. Намитокова (1986) [15], А.А. Потебня (1990) [16], Т.С. Пристайко (2009) [17], А.В. Страмной (2007) [18], M. Gaillot (1995) [23], P.Guiraud (1976) [24], V. Lucci 1989 [25], F. Salamand (1981) [26] и др. Под термином «неологизмы» (греч.- neos – новый и logos – слово) – мы понимаем новые слова, возникающие в языке в связи с развитием общественной жизни и возникновением новых понятий. В современном и французском языкознании существует несколько взглядов на природу определения неологизма. Понятие «*неологизм*» обозначает слова, относящиеся к новым реалиям, хотя это не обязательно связано с появлением в языке новых слов. Новое слово понимается как стилистическая категория, в добавление к этому, главным критерием считается «ощущение новизны» при восприятии слова, однако многие новые слова сразу усваиваются адресатами, и ощущение новизны быстро исчезает. К неологизмам относят только те слова, которые не зафиксированы в словарях, либо определены в словарях как неологизмы без конкретизации параметров (время появления, сферы и жанра употребления). Иногда к неологизмам относят слова, которые придают товару лоск и принадлежность к элитной группе. По определению В.В. Зирки и Т.С. Пристайко неологизмы, так называемые «**новомодные слова»,** это доходчивый лексикон, один из самых ходовых способов придать рекламируемому товару яркость и энергичность [8; 9; 17].

Неологизмы – это новые, модные слова общенародного языка. Они отличаются от слов индивидуально-авторских, которые принято называть *окказионализмами.* Между неологизмами и окказионализмами имеются важные различия. С течением времени неологизмы перестают восприниматься как новые слова и переходят в разряд обычных слов. Так произошло со словами русского языка постсоветского пространства: *продюсер, менеджер, маркетолог, шоу, бестселлер, крокет, ламбрекен, корсар, корсет, консьерж, марля, маржа* и др. В отличие от неологизмов, окказионализмы, даже образованные давно, не устаревают, сохраняя свою необычность и свежесть независимо от времени их рождения. Например, контекстное употребление, своеобразная авторская игра слова *клэмпинг* в тексте аннотации: *Прочтение романа известного английского писателя обеспечит клэмпинг всем любителям детективов,* образованное путем сложения заимствованных слов из английского «camping и lux» и

[1] © Н.А. Хабарова

означает *отдых класса люкс*. Окказионализмы живут лишь в том контексте, в котором они родились, и сохраняют свою связь с автором, их создавшим. Они не входят в общенародный язык и играют иную роль – стилистическую, развлекательную. *Окказионализмы*, или *авторские новообразования*, в свою очередь, делятся на *лексические* и *семантические* окказионализмы.

Лексические окказионализмы представляют собой морфологически новые слова, не отмеченные ни в одном из лексикографических источников и образуемые чаще всего по непродуктивным моделям. Лексические окказионализмы образуются путём префиксации, суффиксации, словосложения, аббревиации и телескопии. Французский неологизм E-COMMERCE образованный от английского *electronic* (*электронный)*, характеризует торговлю исключительно посредством Интернета. Этот графический окказионализм был запрещен Советом по терминологии и неологизации, поскольку существуют другие приставки, например греческий корень *télé* (далеко) *TÉLÉCOMMERCE*, либо *kubernân* (управлять), *CYBERCOMMERCE.* Перечисленные примеры игры слов выполняют функцию привлечения внимания, которая базируется на омофонии лексем, например POURRIEL, сращение лексем *poubelle (корзина) courriel (электронная почта), либо pourri (гнилой, битком набитый чем-то) и (courriel) (электронная почта)* для обозначения электронной почты рекламного характера, нежелательной и надоедливой, аналог английской лексемы *spam.* Во французском языке копирайтеры создают подобного рода неологизмы с целью борьбы за чистоту языка и с целью минимального использования английских заимствований в текстах рекламно-информационного жанра.

Необходимо отметить, что контекстуальное значение и функциональное назначение «нанопристaвок» в русском и французском языках совпадает. Наиболее частотные приставки с положительным коннотативным значением, привлекающие внимание потенциальных покупателей к аннотациям являются следующие примеры: *супер-, мульти-, мега-, сверх-, ультра-, гипер-, экстра-: супергерой, мегаекшн, сверхпоэтический, мультибрендовый, сверхпопулярный, ультразахватывающий, гиперинтеллектуальный, экстраромантичный; super-, multi-, mega-, ultra-, hype-, extra-: superhéros, megaaction, popularité suprême, ultracaptivant, ultraaccrochant, hyperintellectuel, extraromantic.*

Окказионализмы, образованные путём суффиксации, выражают иронию, насмешку, пародию с положительным, отрицательным или нейтральным значением: «N + *-ик патриотик*, N + *-ин богинино,* V + *-вши крышевавшие,* N + *-иня педагогиня,* N + *-к(а) теннисерка,* N + *-тель водрузитель,* N + *-ша фронменша,* N + *-щик мусорщик,* N + *-лк-а утиралка,* N + *-льщиц теннисильщица,* N + *-ов властелиновый,* N + *-овец смэшовец,* N + *-ок ходорок*, *рэперок,* N + *-ость компьютерность,* N + *-ница маргаринница* N + *-о»смэш»но* [19, с.11]

Французские словообразовательные суффиксы выполняют функцию пародийно-иронической оценки, интертекстуальности, аллюзии в текстах рекламно-информационного жанра: *-age, -ade, -ification, -isation, -isme, -ier, -iste, -ien, -ite, -ence/ance.* В аннотации к роману С.Кинга «Полная темнота, никаких звёзд» авторский неологизм *faustien* – это тонкая аллюзия на произведение Фауста с пародийно-ироническим эффектом. Общеязыковой неологизм *big driver*, образованный путём заимствования из английского языка выполняет аттрактивную функцию. В названии романа *«Nuit noire, étoiles mortes»* легендарного английского писателя прослеживается интертекстуальность, игра с прошлым и с современностью, некая аналогия с мифическими сказками «Тысяча и одна ночь»:

«Nuit noire, étoiles mortes». Stephen King.

1922. Un fermier du Nebraska assassine sa femme avec la complicité de leur fils pour l'empêcher de vendre sa propriété à un éleveur de porcs. Big driver…. Un homme atteint d'un cancer, fait un pacte faustien avec un inconnu: en échange d'un peu de vie, il vend un ami d'enfance … Quatre courts romans « puissants et, chacun dans son genre, profondément dérangeant»… [http://livre.fnac.com].

Языковая норма и аномалия, лингвистический эксперимент, словесное творчество автора, лингвокреативная речевая деятельность автора представляют разновидности языковой игры и основу формирования неологизмов [22]. Иначе говоря, языковая игра характеризуется как осознанный намеренный процесс использования адресантом возможностей языка.

Примеры образования неологизмов путем телескопии, которые выполняют в тексте роль языковой игры. *CONSOM'ACTION – «agir en consommant*», неологизм, который выражает идею, согласно которой можно «действовать, потребляя», то есть «голосовать с помощью потребительской корзины»; относящийся к защите интересов потребителей. ADULESCENT – на половину взрослый, на половину подросток, образовано путём сращения «*adulte*» et «*adolescent*».

Примеры образования неологизмов путем сращений. *COURRIEL*, сложение лексем электронный и почта *courrier électronique* в качестве альтернативы английскому варианту *e-mail*. *AUTOBUS*, объединение лексем *automobile* и *bus*, старинной латинской флексии, производной от архаического существительного *omnibus* (пассажирский поезд). В период формирования слово *automobile* классифицировалось как неологизм, образованное путём телескопии. В настоящее время оно полностью лексикализованно и суффикс *bus* является продуктивным способом формирования других неологизмов: *abribus* (крытая автобусная остановка).

Разновидностью лексических окказионализмов являются *потенциальные слова*, отсутствующие в лексикографических источниках, но, в отличие от лексических окказионализмов, легко образующиеся по продуктивным моделям, и в большинстве случаев не имеющие стилистической окраски новизны, притягивающие взгляды необычностью написания: *Arobasque*, слово в употреблении небольшого сообщества, с целью переделать на французский лад *arobase* и *arabesque* (арабеска). *Tapuscrit* обозначает текст, написанный не от руки (*manuscrit*), а напечатанный на пишущей машинке или на компьютере.

Мы полагаем, что с точки зрения канала восприятия к лексическим окказионализмам необходимо также относить слова, для понимания смысла которых обязательно их зрительное восприятие. Этот вид лексики называют *графическими неологизмами.* В аннотациях распространено использование разнообразных пиктографических и идеографических знаков. По словам Л. Ю. Ермоленко «всі зображувальні та зовнішні засоби організації складають іконографічний компонент рекламного тексту» [6, с. 76]. Такие иконографические компоненты в исследуемых аннотациях представлены изображением обложки книги, либо портрета автора, либо оцениванием по 5-ти бальной шкале с помощью особых символов. Они выполняют апеллятивную функцию и выражают визуальную форму

обращения к адресату. Графические вариации, выделения цветом приобретают определённые черты графемной окказиональной игры, тем самым овладевая вниманием, взглядами потенциальных покупателей рекламируемого объекта, вызывая в большинстве случаев положительные эмоции:

99 francs Frédéric Beigbeder Roman (poche). Paru en 06/2004 . En Stock.

L'auteur cumule les activités: publicitaire, romancier et critique littéraire dans "Voici". Dans son dernier roman, il règle ses comptes avec une agence de pub où, à coup de lignes de coke, on crée des spots pour yaourts allégés. ... *Coup de cœur des vendeurs Note des internautes*: ★★★☆☆ [http://livre.fnac.com].

Аттрактивность *графического окказионализма* просто доказуема, так как визуальное восприятие выступает в качестве основополагающего фактора семантизации слова. Контекстуальный комментарий также является характерным признаком неологичности лексемы: очень часто, вводя в текст окказиональную единицу, авторы раскрывают ее семантику путем дополнительного объяснения, которое может выражаться разными способами. Например, кратким или достаточно полным комментарием, включающим этимологию и дефиницию лексемы; характеристикой в виде примечания; разъяснением неологизмов в скобках; для заимствований – переводом; указанием автора на отнесенность данной лексемы к классу неологизмов; объяснением в контексте необычной семантики лексемы; параллельным употреблением узуальной лексемы.

Итак, исследователи выделяют два пути возникновения неологизмов: *словообразование* и *заимствования.* Неологизмы воспринимаются и функционируют независимо от контекста и автора, даже если их создал определенный автор. Они играют номинативную роль. Придерживаясь наиболее распространенной точки зрения, под *общеязыковыми неологизмами* мы понимаем новые слова, появляющиеся в языке в связи с возникновением новых реалий или понятий. Нами были зафиксированы примеры неологизмов методом сплошной выборки в корпусе текстов аннотаций к художественным произведениям, заимствованные из французского языка: *биллион – billion*, *бенефис – bénéfice, деним – dénim, дефиле – défilé, дивертисмент – divertissement, доместикация – domestication, доминанта – dominant, жалон – jalon, жуир – jouir, импозантность – imposant, инженю – ingénu, картуш – cartouche, клошары – cloche, клише – cliché, комильфо – comme il faut, маркетри – marqueterie, милитари – militaire, нуар – noir, пайетки – paillette, от кутюр – haute couture, перфекционизм – perfectionnisme, марокен – maroquin, нордический – nordique, консьерж – consièrge, конфитюр – confiture, кофр – coffre, контрафакция – contrafaction, креативный –crétif, кутюрье – couturier, крюшон – cruchon, контактор – contacteur, мусс –mousse, пилотаж – pilotage, портативный – portatif, прет-а-порте – prêt –à- porté, резюме – resumé, реноме – rénomé, фам фаталь – femme fatale, фетиш – fétiche, фрапе – frappé, фритюр – friture, эксклюзив – exclusif, эпатаж – épatage, эпатировать – épater, элита – élite, аллюзия – allusion* и др. По мнению ученых, «задача адресата состоит в том, чтобы не просто перевести, а в том, чтобы посредством перевода донести смысл, ритм, манеру, ощущения и восприятия» [14, с. 171].

На основе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам: неологизмы имеют полифункциональный статус во французском и русском рекламно-информационном жанре. Их употребление диктуется модными тенденциям социума и формирует у адресата, образ той страны, чей язык предоставляет материал для новообразований.

Источники и литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика французского языка: пер. с фр. Е. Вит, В. Венцель / Ш. Балли. – М.: Иностранная л-ра, 1955. – 416 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В . Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. – 639 с.
3. Винокур Г.О. О языке художественной литературы / Г.О. Винокур. – М.: Наука, 1991. – 356 с.
4. Гак В. Г. Французская орфография / В. Г. Гак. – М.: Просвещение, 1985. – 240 с.
5. Гальперин А. И. Очерки по стилистике английского языка [Електронний ресурс] / А. И. Гальперин. – Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar
6. Єрмоленко Л. Ю. Піктографічні та ідеографічні знаки у сучасній французькій мові / Л. Ю. Єрмоленко. – К.: Карпенко В. М., 2005. – 220 с.
7. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.
8. Зирка В. В. Современная реклама: манипуляция с модными словами / В. В. Зирка // Лінгвістика XXI ст.: нові дослідження і перспективи: збірник наукових праць. – Київ, 2010. – С. 166-120.
9. Зирка В.В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект: [монография] / В. В. Зирка. – изд 2-е, испр. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.
10. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 832 с.
11. Карапетьян А. Э. Заимствование терминов и понятий танца как разновидность деривации / А. Э. Карапетьян // Научный журнал. – КубГАУ, 2007. – № 31 (7). – С. 78-86.
12. Красавина О. Н. Корпусно-ориентированное исследование референции (принципы аннотации и анализ данных): дис. … канд. фил. наук: 10.02.19., 10.02.21 / О. Н. Красавина. – Москва, 2006. – 259 с.
13. Курганова Е. Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте: [учебное пособие] / Е. Б. Курганова. – Воронеж, 2004. – 124 с.
14. Найденова Н. С. Использование и роль заимствований из африканских языков в романах Анри Лопеса / Н. С. Найденова // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. – Ч.1.: сборник научных статей [Под ред. В. Н. Денисенко, О. И. Валентинова и др.]. – М.: РУДН, 2011. – С. 171-176.
15.Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р. Ю. Намитокова. – Ростов Н/Д: Рост. ун-т, 1986. – 160 с.
16.Потебня А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – М.: Высш. шк., 1990. – 342 с.
17. Пристайко Т. С. О некоторых терминологических проблемах современной неологии / Т. С. Пристайко // Вестник Днепропетровского университета. Серия: Языкознание. – № 11. – Вып. 15. – Т. 1. – Д.: ДНУ им. Олеся Гончара, 2009 – С. 253-260.
18. Расторгуев С. П. Информационная война / С. П. Расторгуев. – М.: Радио и связь, 1999. – 416 с
19. Страмной А. В. Газетный текст как источник неологизмов (на материале русской и французксой прессы): автореф. на сосискание степени канд. фил. наук: спец.: 10.02.01. «Русский язык», 10.02.05. «Французский язык» / А. В. Страмной. – Волгоград, 2007. – 24 с.
20. Черкунова М. В. Прагмалингвистические характеристики аннотаций научной и учебной литературы (на материале англоязычных изданий) дис.… канд. фил. Наук: 10.02.04 / М. В. Черкунова. – Самара, 2007. – 177 с.

21. Хабарова Н. А. Тексты аннотаций: прагмалингвистический аспект: [монография] / Н. А. Хабарова. – Д.: Роял Принт, 2012. – 160 с.
22. Шилина А. Г. Русскоязычный женский журнал Украины в аспекте синергетического процесса: [монография] / А. Г. Шилина. – Симферополь: Антика, 2012. – 280 с.
23. Gaillot M. Essais sur la langue de la réclame contemporaine / M. Gaillot. – Toulouse, 1995. – 513 p.
24. Guiraud P. Le jeu de mots / P. Guiraud. – Paris: PUF, 1976. – 111 p.
25. Lucci V. L'orthographe dans la publicité / V. Lucci // Revue de didactique des Langues de L'Université de Stendhal de Grenoble. – Grenoble, 1989. – № 1. – P. 64-67.
26. Salamand F. Le livre et son miroir / F. Salamand. – № 6. – Paris, BBF 1981. – P. 331-338.

УДК 81'1:81'373.2

Химинець М. Д.

КОНЦЕПТ *АМЕРИКА*: РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ СУБФРЕЙМУ *«ГРОМАДЯНИ»* В УКРАЇНСЬКОМУ ГАЗЕТНОМУ ДИСКУРСІ

В статье рассмотрено понятие этнических стереотипов и обоснована актуальность их изучения. Сосредоточено внимание на исследовании политических концептов, в частности концепта АМЕРИКА. При помощи фреймового анализа произведено описаниесубфрейма «Жители».
Ключевые слова: стереотип, этнические стереотипы, концепт, фрейм, субфрейм.

У статті розглянуто поняття етнічних стереотипів та обґрунтована актуальність їх вивчення. Зосереджено увагу на дослідженні політичних концептів, зокрема концепту АМЕРИКА. За допомогою фреймового аналізу здійснено опис субфрейму «Громадяни».
Ключові слова: стереотип, етнічні стереотипи, концепт, фрейм, субфрейм.

The article deals with the notion of ethnic stereotypes and gives grounds for the topicality of their study. The author focuses on the research of political concepts, namely the concept AMERICA. The subframe «Citizens» has been described by means of the frame analysis.
Key words: stereotype, ethnic stereotypes, concept, frame, subframe.

Сучасний світ характеризується швидкими темпами розвитку інтеграційних та глобалізаційних процесів. Саме тому зараз гостро постає проблема збереження власної культури та ідентичності, актуальними стають дослідження національних та самобутніх особливостей різних народів. Необхідність розв'язання цих нагальних питань спричинила появу таких міждисциплінарних галузей, як етнопсихолінгвістика та лінгвокультурологія. Ці молоді дисципліни ввібрали в себе досягнення психології, психолінгвістики, етнолінгвістики та когнітивної лінгвістики. Перша досліджує національно-лінгвокультурну, етнопсихолінгвістичну детермінованість мовної діяльності, мовної свідомості, спілкування, а друга – відображення і фіксацію культури в мові й дискурсі [5, с. 11-12].

Теоретичними засадами етнопсихолінгвістики та лінгвокультурології є положення про те, що мова зумовлює тип мислення її носіїв іспосіб пізнання навколишньої дійсності, по-своєму концептуалізує та категоризує світ [1; 5; 6; 10]. Концептуалізація – один із основних процесів пізнавальної діяльності людини, який полягає в осмисленні інформації, що надходить та веде до утворення концептів, концептуальних структур і всієї концептуальної системи в психіці людини. І якщо концептуалізація спрямована на виділення певних мінімальних одиниць людського досвіду, то процес категоризації спрямований на об'єднання цих одиниць в більші розряди [10, с. 74].

Носії кожної мови бачать навколишній світ крізь її призму. Однак, на думку І. Голубовської, поява різних картин світу не може мотивуватися лише внутрішніми іманентними властивостями різних мов, оскільки тут доречно враховувати фактор навколишнього середовища мовного соціуму, що розуміється як звичайне природне і створене руками матеріальне середовище [1, с. 60]. До того ж в основі світобачення й світорозуміння кожного народу лежить своя система предметних значень, когнітивних структур та стереотипів [5, с. 16].

Оскільки поняття стереотипу досліджується з позицій різних наук, то виділяють соціальні стереотипи, ментальні стереотипи, культурні стереотипи та етнокультурні стереотипи [8, с. 99].

Етнічні стереотипи є одним із складників політичних концептів, зокрема концептів країн. Їх дослідженням займається політична лінгвістика –дисципліна, утворена на перетині лінгвістики з політологією, яка тісно пов'язана з соціальною психологією, культурологією, соціологією, політологією, етнологією та іншими гуманітарними науками [14, с. 5]. Зокрема, вивченнюконцептів країн присвячені роботи О. Грішиної [2], О. Куданкіної [7], О. Орлової [9] та інших. Дослідження сприйняття одного народу іншим є важливими, адже покликані сприяти формуванню об'єктивних уявлень про народи. А оскільки чужа культура сприймається через призму власних цінностей, то подібні дослідження дають багатий матеріал і для вивчення особливостей власного національного характеру.В українському мовознавстві роботи, виконані у цьому руслі, тільки почали з'являтися і цим зумовлена актуальність наших наукових пошуків.

Джерельною базою нашої наукової розвідкислугували матеріали газети «Дзеркало тижня» за 2001 – 2003 роки.

Мета статті – дослідити на газетному матеріалі концепт АМЕРИКА, а саме такі його складники: фрейм АМЕРИКА – ДЕРЖАВА та субфрейм «Громадяни».

Поставлена мета передбачає виконання таких завдань:

– докладно з'ясувати поняття *стереотипи* та *етнічні стереотипи*;

– застосувавши фреймовий аналіз, дослідити на фактичному матеріалі мовну репрезентацію уявлень українців про жителів США.

Свідомість людини, будучи антропоцентричноюза своєю природою, здатна створювати еталони чи стереотипи,що служать етносу своєрідними орієнтирами в процесі сприйняття навколишньої дійсності [1, с. 163].

На думку В. Маслової, «ми живемо в світі стереотипів, нав'язаних нам культурою» [8, с. 101]. Суть стереотипів полягає у тому, що вони виражають відношення конкретної соціальної групи до певного явища і містять вказівку на те, як людині поводитися вконкретних життєвих ситуаціях.О. Селіванова кваліфікує стереотип як сталу, фіксовану структуру

свідомості, що уособлює результат пізнання дійсності певним угрупованням [11, с. 291]. В. Красних під стереотипом розуміє фіксовану «ментальну» картинку, яка є результатом відображення в свідомості особистості «типового» фрагмента реального світу, своєрідний інваріант певної ділянки картини світу [5, с. 177].

Сам процес стереотипізаціївиконує такі важливі і корисні психологічні функції:

1) спрощує і систематизує величезну кількість інформації, яку людина отримує із навколишнього середовища;

2) забезпечує індивіда максимальною кількістю інформації за мінімальних інтелектуальних зусиль [12].

Кожному народу притаманні етнічні стереотипи –узагальнені уявлення про типові риси, які характеризують певний етнос. Формуються вони під кутом зору принципу етноцентризму, тобто з позицій переваг ціннісних орієнтацій і критеріїв власної етнічної групи. Адже люди, самі цього не усвідомлюючи, сприймають і оцінюють чужі звичаї, традиції, форми поведінки передусім крізь призму тих звичаїв і традицій, у яких виховані вони [4].

Серед етнічних стереотипів виділяють автостереотипи, які узагальнюють уявлення людей про самих себе, і гетеростереотипи – вони оцінюють представників інших етносів. Кожна нація інтуїтивно асоціюється з певним образом або наділяється конкретними рисами характеру.

Зазвичай, автостереотипине збігаються з гетеростереотипами. Наприклад, серед студентів Прінстонського коледжу був проведений експеримент, під час якого вони повинні були назвати риси, найбільш типові для певних етнічних груп. Характеризуючи американців, студенти вказали такі риси: заповзятливі, здібні, матеріалістичні, честолюбні, прогресивні [4].

Подібний експеримент провела С. Тер-Мінасова серед студентів факультету іноземних мов Московського державного університету, які назвали такі риси американців: усміхнені, прагматичні й ділові, дружні й веселі, не обмежені заборонами, добрі [13, с. 117].

Завдяки таким новітнім технічним засобам, як мобільний зв'язок та Інтернет, стало можливим спілкування на відстані між людьми різних країн та материків, а це, у свою чергу,сприяє налагодженню міжкультурних контактів. Сучасна людина, передусім, мусить бути добре обізнаною з особливостями інших народів, щоб уникнути конфлікту культур. Тому, на нашу думку, дослідження сприйняття одного народу іншим допомагають переглянути застарілі етнічні стереотипи, які, попри свою стійкість, іноді зазнають радикальних змін.

Важливу роль у формуванні стереотипів відіграють засоби масової інформації.У своїй роботі намагаємося дослідити, як українська публіцистика репрезентує Америку і американців. Концепт АМЕРИКА– складне утворення, томуми застосували фреймовий аналіз, який передбачає представлення наявної інформації про Америку у вигляді структур знань – фреймів та субфреймів.

Сполучені Штати Америки, як і будь-яка держава світу, має свою територію і населення. В концепті АМЕРИКА ми виділили фрейм АМЕРИКА – ДЕРЖАВА, в якому виокремили субфрейм «Громадяни». Найбільш уживаною схемою репрезентації цього субфрейму є словосполучення «американський + назва особи за видом діяльності, професією». Багатий фактичний матеріал, який об’єктивує субфрейм «Громадяни», ми поділили за такими ознаками:

І. За видом діяльності, професією:

1) політики: помічники президента (0,6%) та їх заступники (0,6%), радник президента (0,6%). Напр.: *«Делегація також зустрілася з* ***помічником президента США з питань національної безпеки*** *Кондолізою Райс, справила дуже позитивне враження та провела тривале обговорення»* [3, № 28 (453), с. 3];

віце-президент (2,2%). Напр.: *«Відомо, що адміністрація республіканців відмовилася від практики створення двосторонніх комісій на чолі з* ***віце-президентом США»*** [3, № 48 (372), с. 1];

держсекретарі (5,5%) та їх заступники (1,1%), помічники держсекретарів (0,6%), заступники помічників держсекретарів (1,1%), помічники заступника держсекретаря (0,6%). Напр.: *«Як висловився* ***держсекретар США*** *Колін Пауелл, для Ясіра Арафата настав момент істини»* [3, № 48 (372), с. 5];

міністри (10%) та їх заступники (3,3%). Напр.: *«Тоді від візиту* ***американського міністра*** *можна буде очікувати чогось більшого »*[3, № 22 (346), с. 3];

сенатори (1,6%) і конгресмени (1,6%). Напр.: *«Протягом 30-хвилинної промови Тоні Блера* ***американські конгресмени і сенатори*** *аплодували 35 разів, із них 17 разів – стоячи»* [3, № 28 (453), с. 5];

прес-секретар держдепартаменту (0,6%). Напр.: *«У рамках антитерористичної кампанії 150 держав світу заявили про намір боротися з джерелами фінансування зловмисників, а 80 із них, за словами* ***прес-секретаря держдепартаменту США*** *Річарда Бадчера, уже заблокували рахунки різноманітних терористів-одиночок і терористичних груп»* [3, № 48 (372), с. 10];

посли (12,2%) та дипломати (1,1%).Напр.: *«Через п’ять років про можливість вступу в НАТО на межі 2008 р. говорить* ***американський посол*** *Карлос Паскуаль»* [3, № 26-27 (451-452), с. 5];

2) дослідники(1,1%) й учені(6,7%). Напр.: *«Не меншу готовність до переїзду демонструють і* ***американські вчені****, яким заборонено використовувати державне фінансування на експерименти з клітинами людських ембріонів»* [3, № 10 (385), с. 14];

3) аналітики (0,6%), експерти (9,4%), інструктори (0,6%), професори(1,1%), стратеги(0,6%), теоретики (1,1%). Напр.: *«****Американські експерти*** *підкреслюють, що невідомо, коли ще раз подібний шанс випаде Україні, і чи випаде взагалі»* [3, № 17 (442), с. 3];

4) лікарі(2,2%) й медсестри(0,6%).Напр.: *«До України приїхала група* ***американських лікарів і медсестер****»* [3, № 31 (355), с. 24];

5) адвокати(2,2%), юристи(0,6%), судді(1,6%), заступник генерального прокурора (0,6%). Напр.: «Останньої миті суддя надіслав пану Лазаренку і його **американським адвокатам** офіційне повідомлення про те, що слухання справи переноситься з 15 серпня на 26 вересня» [3, № 31 (355), с. 6];

6) бізнесмени(1,6%), промисловці(1,1%), фермери(1,1%).Напр.: *«Ця радаобрала новим генеральним директором НТБ* ***американського бізнесмена*** *Бориса Йордана, а головним редактором телекомпанії – голову правління РІА «Вести» й колишнього керівника інформаційного мовлення НТБ В. Кулистикова»* [3, № 14 (338), с. 5];

7) астронавти (1,1%),моряки(0,6%) та пілоти(0,6%). Напр.: *«Про багатьох науковців ми дізнаємося «із подачі» закордонних колег. Так було з професором Неговським,…із Юрієм Кондратюком, чиїми працями скористалися* ***американські астронавти****, що висадилися на Місяць»* [3, № 26-27 (451-452), с. 20];

8) розвідники (1,1%) й «слідопити» (0,6%).Напр.: *«Більше того,* ***американські розвідники*** *розшифрували японську ноту раніше від японців»* [3, № 48 (372), с. 20];

9) журналісти (1,1%) й кореспонденти (0,6%). Напр.: *«****Американським журналістам****, котрі оприлюднили результати перевірок, не вдалося одержати ніяких коментарів до них від відповідних посадових осіб»* [3, № 3 (327), с. 13];

10) соціологи (0,6%), психологи (1,6%) й психотерапевти(0,6%). Напр.: *«На думку* ***американського психолога*** *Мішель Вейнер-Девіс, автора декількох бестселерів і організатора «Центру з питань боротьби із розлученнями», усі подружні пари проходять п'ять етапів подружнього життя»* [3, № 28 (453), с. 22];

11) актори (2,2%), архітектори (0,6%), драматурги (1,1%), режисери (0,6%), скульптори (0,6%), співаки (1,6%), фотохудожники (0,6%), хореографии (0,6%).Напр.:*«Тепер дивляться не на наших* ***акторів****, а передусім* ***американських****, які, на мій погляд, нині лідирують у світі»* [3, № 10 (385), с. 21];

12) кардинали (0,6%). Напр.: *«Побічно це підтвердив і сам кардинал Родрігес, повідомивши, що лише приїзд делегації* ***американських кардиналів*** *до Ватикану допоміг точніше оцінити масштаби тієї шкоди, яку заподіяли репутації католицької церкви сексуальні скандали»* [3, № 20 (395), с. 15].

II. За віковою ознакою:пенсіонери (0,6%), студенти (1,1%). Напр.: *«Цікаво, що хоча кількість* ***американських студентів****, які захотіли вирушити до Франції, теж скоротилася, навіть більше, ніж французьких до Америки, жодна французька сім'я гостей з Америки прийняти не відмовилася»* [3, № 26-27 (451-452), с. 18].

III. За гендерною ознакою:жінки (1,1%). Напр.: *«Наші* ***американські жінки****, якщо вони не кіноактриси, в основному або дуже товсті, або дуже худі»* [3, № 30 (405), с. 13].

IV. За виконанням соціальної функції:автори (0,6%),акціонери (0,6%), інвестори (1,1%), платники податків (0,6%), споживачі (0,6%), читачі (0,6 %).Напр.: *«Я, працюючи ФДМ, мав дуже багато контактів із представниками європейських держав, Туреччиною, Індією, з* ***американськими інвесторами****»* [3, № 10 (385), с. 5].

Отже, наше дослідження продемонструвало, що в газетних статтях субфрейм «Громадяни» найчастіше репрезентують найменування американських політиків, учених та експертів. Позначення інших видів діяльності й професій у галузі медицини, судочинства, культурий мистецтва та соціальної сфери представлене менше і приблизно в однаковій кількості.Як бачимо, для українців Америка – це могутня держава, яка має потужний науковий потенціал і світовийавторитет. Наша джерельна база засвідчує те, що наукові пошуки й надалі можуть бути спрямовані на глибше дослідження репрезентації концепту Америка в українському газетному дискурсі.

Джерела та література

1. Голубовська І. О. Етнічні особливості мовних картин світу: Монографія. – 2-е вид., випр. і доп. / І. О. Голубовська. – К.: Логос, 2004. – 284 с.
2. Гришина О. А. Актуализацияконцепта*АМЕРИКА* в современномрусском языке: автореф. дис. на соисканиеучен. степени канд. филол.наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / О. А. Гришина. – Архангельск, 2004. – 22 с.
3. Дзеркалотижня. – 2001, 2002, 2003. – №№ 3 (327), 14 (338), 22 (346), 31 (355), 48 (372), 10 (385), 20 (395), 30 (405), 17 (442), 26-27 (451-452), 28 (453).
4. Кон И. С. Психологияпредрассудка (О социально-психологическихкорняхэтническихпредубеждений) / И. С. Кон // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psyfactor.org/lib/stereotype11.htm
5. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. – Москва: Гнозис, 2002. – 284 с.
6. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г.Лузина. – М., 1996. – 208 с.
7. Куданкина О. А. Актуализацияконцепта*ГЕРМАНИЯ* в российской публицистике: автореф. дис. на соисканиеучен. степени канд. филол.наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / О. А. Куданкина. – Архангельск, 2005. – 21 с.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
9. Орлова О. Г. Актуализацияконцепта «RUSSIA» («РОССИЯ») в американскойпублицистике (на примере дискурса еженедельника «NEWSWEEK»): автореф. дис. на соискание учен.степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теорияязыка» / О Г. Орлова. – Волгоград, 2005. – 20 с.
10. Полюжин М. М. Концептуализация и категоризациякакосновные процессы когниции / М. М. Полюжин // Язык-когниция-коммуникация. Тезисы докладов Международной научной конференции. Минск/Беларусь 3-6 ноября 2010 г. – Минск, 2010. – С. 73-75.
11. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: Підручник / О. О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2008. – 712 с.
12. Стефаненко Т. Г. Этническиестереотипы – функции и свойства / Т. Г. Стефаненко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psyfactor.org/lib/stereotype8.htm
13. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие) / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
14. Чудинов А. П. Политическаялингвистика: учеб.пособие /А. П. Чудинов. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 256 с.

УДК 811.111.81'373.45 **Ходак О. В.**

ДО ПРОБЛЕМИ ФУНКЦІОНУВАННЯ ЗАПОЗИЧЕНЬ В СИСТЕМІ МОВИ

Проблема функционирования заимствований рассматривается с позиции их влияния на языковую систему. Ассимиляция заимствованных языкових единиц является двухсторонним процессом, который влияет на развитие языка в грамматическом, лексическом, фонетическом, семантическом и прагматическом аспектах. Исполняя функцию обновления и модификации языка как открытой системи, заимствования являются важным условием его существования.
Ключевые слова: заимствования, ассимиляция, диссипативная система, контакт языков.

Проблема функціонування запозичень розглядається з точки зору їх впливу на структуру системи мови. Асиміляція запозичених мовних одиниць є двостороннім процесом, який впливає на розвиток мови в граматичному, лексичному, фонетичному, семантичному та прагматичному аспектах. Виконуючи функцію оновлення та модифікації мови як відкритої системи, запозичення є важливою умовою її існування.
Ключові слова: запозичення, асиміляція, дисипативна система, контакт мов.

The problem of borrowings functioning is viewed from the perspective of their influence on the language system. The assimilation of borrowed units is a two-side process, which influences the development of the language in grammatical, lexical, phonetic, semantic and pragmatic aspects. Borrowings are an important condition of the language existence as they update and modify the language as an open system.
Key words: borrowings, assimilation, dissipative system, language contact.

Процес глобалізації зумовлює загострення інтересу до лінгвістичних запозичень як форми мовного контакту, їх функцій та ролей. Більшість відомих лінгвістів, таких як Л. Блумфілд, І. В. Арнольд, М. Я. Блох, Н. М. Раєвська, Р. С. Гінзбург, Г. Гобль, І. Г. Ольшанський, А. Г. Ніколенко та ін. підкреслюють особливу роль запозичень в розвитку словникового запасу тієї чи іншої мови. Г. Гобль зауважує, що запозичення надає здатність мові-реципієнту вирішити проблему дефіциту мовних знаків, а також формує зростання наукового та культурного простору мови. [13, с. 837]. Характерним є те, що в процесі адаптації запозичені мовні одиниці набувають додаткового функціонального навантаження, вивчення якого може пояснити особливості системного розвитку мови. Важливість функціонування запозичених лексем в лінгвістичному та соціолінгвістичному контекстах зумовлює **актуальність** нашого дослідження.

Метою статті є опис закономірностей функціонування запозичень на різних структурних рівнях мови-реципієнта та їх вплив на внутрішньосистемні характеристики мовної еволюції. Мета передбачає розв'язання таких **завдань**: 1) розкрити роль запозичень в розвитку мови як відкритої системи; 2) описати функціонування запозичень як мовних одиниць; 3) показати особливості функціонування запозичень на конкретних системних рівнях; 4) виявити роль запозичень з урахування тенденцій зміни сучасної картини світу.

Об'єктом дослідження є запозичена лексика англійської, німецької та української мов. **Предметом** дослідження є особливості функціонування запозичень на окремих структурних рівнях мови.

В останні десятиліття минулого століття значного поширення набула синергетика – теорія самоорганізації нерівноважних систем. Цей напрям розробляв І. Пригожин, який протягом першої половини XX століття висунув теорію про дисипативні системи, основними характеристиками яких є відкритість, нерівноважність та нелінійність [11, с. 85]. Б. Н. Бутов пропонує застосовувати категорії синергетики в дослідженні процесів розвитку та взаємодії мов. Під нелінійністю мови дослідник пропонує розглядати багатоваріантність та невідворотність мовних процесів (конкуренція мов, поглинення одними мовами інших) [3, с. 2]. Відкритість передбачає її взаємодію з іншими системами, тобто мовами. З огляду на це, на перший план виступає роль контакту мов. Н. М. Раєвська називає мовний контакт загальним лінгвістичним феноменом, результатом якого стає запозичення мовного матеріалу [9, с. 216]. Згідно з О. Г. Ольшанським, запозичення – це процес переходу певного елемента з однієї мови в іншу, а також результат цього переходу [8, с. 124]. Запозичення стає умовою і результатом мовного контакту, а отже, підтримує відкритість мовної системи, що є важливою умовою її існування. Запозичена лексема в системі мови-реципієнта стає повноправним елементом і, як і будь-яка інша лексична одиниця, виконує репрезентативну функцію – функцію номінації явищ об'єктивної дійсності. Не менш важливою є комунікативна функція. Н. Д. Арютунова виділяє два її аспекти: ідентифікацію осмислених людиною об'єктів, про які йде мова, та предикацію, а саме введення повідомлення [цит. за 1, с. 18].

В. Г. Гак говорить про можливість визначення поняття функції залежно від мовного рівня, який піддається аналізу: фонологічного, лексичного, граматичного [цит. за 1, с. 14]. Запозичена мовна одиниця в процесі асиміляції взаємодіє з лексичними, граматичними, фонетичними, семантичними, прагматичними особливостями мови – реципієнта. Через запозичення в мову проникає нова інформація, що вступає в протистояння із вже наявними законами та парадигмами. Вирішенням цього протистояння може стати або асиміляція запозиченого слова, або засвоєння мовою-реципієнтом певних його ознак (особливостей вимови, морфемного складу, семантичних відтінків). Отже, доцільно розглядати функціонування запозичень на таких рівнях: лексичному, граматичному, фонетичному, семантичному, прагматичному.

Функціонування запозиченої одиниці на ***лексичному*** рівні зводиться до того, що вона виступає засобом вирішення мовного дефіциту, який виникає разом із появою нового предмету обєктивної дійсності (новинки техніки чи наукового винаходу). У цьому випадку відбувається трансфер лексеми з її денотатом. Прикладом такого запозичення є популярні англо-американізми в німецькій мові: *Camping, Computer, Fax, Pop-corn, Rock, Swimmingpool* [8, с. 124]. У разі відсутності мовного дефіциту запозичена лексема поповнює експресивний потенціал мови, оскільки несе нові аспекти та відтінки значення. Так, латинське *cordial* доповнило синонімічний ряд англійського *friendly*, французьке *desire* було додане до англійського *wish*, а латинське *admire* і французьке *adore* до англійського *like, love* [7, с. 16]. У результаті запозичення може відбутися повна заміна еквівалента. Наприклад, під впливом запозичень вийшли зі вжитку літературної англійської мови слова *ea* в значенні «потік води», *heal, hele* — приховувати. Зараз вони вживаються тільки в діалектах [5, с. 172].

Будь-яке запозичення підлягає процесу ***граматичної*** асиміляції. Саме в граматиці визначається його роль як ідентифікатора граматичних процесів, що виявляє непродуктивні парадигми словозміни та можливі тенденції до виникнення нових. Чи не найяскравішим прикладом впливу запозичення на формування граматичної системи мови є розвиток англійської мови в часи скандинавського та норманського завоювань. На думку дослідників, серед яких Р. С. Гінзбург та Л. Г. Верба, процес запозичення зі споріднених скандинавських мов полегшувався через структурну схожість елементів, єдиною відмінністю між якими були флексії. Це призвело до атрофування останніх. Результатом зникнення системи закінчень став перехід англійської з класу флективних мов в клас аналітичних [3, с. 64]. Схоже явище висвітлює Р. Берндт у дослідженні дієслівної системи англійської мови часів норманського завоювання. Масове запозичення дієслів французької мови, які не могли адаптуватися до системи відмінювання за сильним типом, призвело до встановлення парадигми відмінювання за слабким типом, як найбільш продуктивної [12, с. 143]. Запозичення лексичних одиниць обумовлює перехід до мови-реципієнта їх структурних елементів — морфем. Інтегруючись в систему мови-реципієнта, запозичені морфеми збагачують та розширюють її словотвірні потенції. З великою частотністю зустрічаються в англійській морфології запозичені суфікси ***-able, -ible, -al, -age, -ance, -ist, –ism, -ess*** та префікси ***inter-, dis-, re-, non-*** [5, с. 125]. Продуктивною в німецькій мові є англійська морфема ***-gate***, що зустрічається в словах *Water**gate**, Iran**gate*** [8, с. 123]. В українській мові існує чимало слів, утворених шляхом поєднання українського кореня та іншомовного афікса: *побутов**ізм**, **анти**радянський, **контр**заходи* [2, с. 122]. Значного поширення набув в останні десятиліття запозичений префікс ***супер-*** , який найчастіше зустрічається в мові ЗМІ, наприклад: ***супер**мама, **супер**пропозиція, **супер**злодій*** [10, с. 165].

Такі лінгвістики, як Л. Блумфілд, І. В. Арнольд, М. Я. Блох, Н. М. Раєвська, Р. С. Гінзбург та ін. підкреслюють важливість ***семантичної*** адаптації запозичених одиниць. Хоча більше уваги надається вивченню змін семантики запозиченого слова, не можна заперечити, що адаптивний процес є двостороннім. Пристосовуючись до мови-реципієнта, запозичення впливає на семантику її еквівалента. Можна виділити три напрями такого впливу:

1) запозичення обмежує семантику еквівалента (англо-саксонське слово *stool* мало значення «предмет меблів призначений для сидіння». Із переходом в англійську французького *chair* слово обмежило свою функцію до позначення вузькоозначеного предмету [5, с. 169]);

2) запозичення змінює семантику еквівалента (англійське *harvest* мало значення «осінь». Проте після запозичення французького *l'automne* воно змінило своє значення на «врожай») [8, с. 125];

3) власне запозичення семантики. Прикладом є англійське слово *pioneer,* яке стало фактично інтернаціональним, проте зазнало семантичних змін під впливом російської мови. Підпорядкування іншомовному значенню форманта мови-реципієнта часто відбувається при розбудові термінологічного складу. Наприклад, німецьке слово *Fall*, з оригінальним значенням *падіння* (*fallen*), під впливом латинського слова *casus* (*cadere* — *падати*) і російського *падеж (падать)* набуває значення «граматичного відмінку» [8, с. 125].

Неадаптовані ***фонологічні*** особливості запозичень збагачують варіативність звукосполучуваності мови-реципієнта. Професор Б. А. Ільїш наводить приклад англійського дифтонгу [oi], який згідно з його фонологічними дослідженнями не міг виникнути в результаті комбінації чи еволюції будь-яких давньоанглійських звуків. Завдяки запозиченням в англійській мові з'явилися звукосполучення [ps], [pn], [pt]. Український звук [ф] виник у писемній мові через засвоєння слів грецького походження. Сьогодні він залишається чужим для більшості сучасних українських говірок [2, с. 123]. За допомогою запозичень в англійській мові визначається самостійне існування звуків [v], [dz]. До переходу великої кількості слів з французької мови звуки [v] та [f] були аллофонами. Вживання звуку [v] в інтервокальній та ініціальній позиціях в запозичених словах підкреслює його виокремлення в окремий звук [5, с. 174].

Прагматична функція запозичень визначається інтенцією мовця. Характерним для сучасної мовної картини є зростання запозичених одиниць в молодіжних сленгах, мові ЗМІ, політичному дискурсі. У кожному з цих функціональних стилів мови запозичення виконують свої специфічні функції. Наприклад, в молодіжному середовищі важливим обєднуючим фактором стає мода, яка поширюється на різні аспекти людської діяльності, включаючи спілкування. На думку Г. В. Дружина мода, що виявляється у пануванні серед молоді визначених смаків відносно слововживання, передбачає вживання іншомовних слів як ознаки приналежності до певної спільноти [6, с. 2]. Відповідно в сфері молодіжного сленгу запозичення виконують функцію інтеграції мовця у мовне середовище. І. Г. Ольшанський виділяє такі суб'єктивні фактори використання запозичення, як: прагнення до варіації, бажання посилити чи послабити вплив сказаного, прагнення виділитися через особливості мови [8, с. 374]. Ж. Ожеда вважає, що люди вживають запозичені слова з метою підкреслення власної освіченості [15, с. 215], що, відповідно, служить експлікації вищого соціального статусу.

Сучасний підхід до розуміння мови як відкритої системи зумовлює зростання інтересу до процесу запозичення мовних одниць. Значимість цього процесу визначається не тільки необхідністю постійного поповнення словникового складу тієї чи іншої мови. Запозичення як форма контакту мов стає важливим фактором, що підтримує їх функціонування, оскільки виконує роль оновлення й модифікації розвитку. Процес асиміляції запозичень має двосторонній характер. Адаптуючись до законів мови-реципієнта, запозичені лексеми впливають на еволюцію їх структурних рівнів. Аналіз закономірностей впливу імпортованих мовних одиниць дає можливість виокремити такі аспекти їх функціонування як граматичний, лексичний, фонетичний, семантичний, прагматичний. Завдяки різносторонньому впливу на систему мови, запозичення є важливим фактором її існування.

Джерела та література

1. Бацевич Ф. С. Очерки по функциональной лексикологии / Ф. С. Бацевич, Т. А. Космеда. – Львів : Світ, 1997. – 389 с.
2. Білодід І. К. Сучасна українська літературна мова / І. К. Білодід. – К. : Наукова думка, 1973. – 438 с.
3. Бутов Б. Н. Синергетика и эволюционные процессы в языке / Б. Н. Бутов [Электронный ресурс]. – Режым доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Dtr_gn/2009_3-4/files/GN309_08.pdf
4. Верба Л. Г. Історія англійської мови / Л. Г. Верба. – Вінниця : Нова книга, 2006. – 296 с.
5. Гинзбург С. С. Лексикология английского языка: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / Р. З. Гинзбург, С. С. Хидекель, Г. Ю. Князева и А. А. Санкин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1979. – 269 с.
6. Дружин Г. В. Сучасні лексичні запозичення : прагматика, семантика, соціолінгвістика : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.02 – російська мова / Г. В. Дружин. – Дніпропетровськ , 2005. – 20 с.

7. Ніколенко А. Г. Лексикологія англійської мови – теорія і практика / А. Г. Ніколенко. – Вінниця : Нова книга, 2007. – 528 с.
8. Ольшанский И. Г. Лексикология : Современный немецкий язык / И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусева. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 416 с.
9. Раєвська Н. М. Лексикологія англійської мови / Н. М. Раєвська. – К. : Вища школа, 1979. – 302 с.
10. Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке / С. Е. Родионова // Проблеми функциональной грамматики: полевые структуры. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – С. 164.
11. Сергієнко В. В. Філософські проблеми наукового пізнання: Навчальний посібник / В. В. Сергієчко. – Кременчук : Кременчуцький національний університет, 2011. – 103 с.
12. Berndt R. A. History of the English Language / R. A. Berndt. – Leipzig, 1982. – 315 p.
13. Goebl H. Linguistic de contact / H. Goebl [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://books.google.com.ua/books?id=ch0oMg9KwXUC&pg=PA873&lpg=PA873&dq=lehnwort+sprachwissenschaft&source=bl&ots=nZEOit0BPO&sig=NcwJ70MTSImLC_wB7YuOc9adKcs
14. Гинзбург С. С. Лексикология английского язика : Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / Р. З. Гинзбург, С. С. Хидекель, Г. Ю. Князева и А. А. Санкин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1979. – 269 с.
15. Ojeda J. Attitudes of English People Towards Lexical Borrowing / J. Ojeda // Glosas didacticas. – 2004. – № 11. – С. 215-220. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.um.es/glosasdidacticas/doc-es/19guijarro.pdf.

УДК 811. 161.1′271 +81 23 **Хруцкая Н. В.**

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРОГНОСТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья посвящена актуальной проблеме лингвистического прогнозирования эволюции языковой системы. Автором рассматриваются основные направления развития лингвопрогностики, гарантирующие оптимальные результаты футуропрогностических исследований.
Ключевые слова: лингвистическое прогнозирование, инерционность объекта, экстраполяция, долговременные тенденции, статистические данные.

Стаття присвячена актуальній проблемі лінгвістичного прогнозування еволюції мовної системи. Авторкою розглядаються основні напрями розвитку лінгвопрогностики, які гарантують оптимальні результати футуропрогностичних досліджень.
Ключові слова: лінгвістичне прогнозування, інерційність об’єкта, екстраполяція, довгострокові тенденції, статистичні дані.

The article deals with actual problem of language system evolution linguistic prognosis. The author investigates lingvoprognostics development main directions. Prognosis postulates which guarantee futurological investigation optimal results are analized.
Key words: linguistic prognosis, lingvoprognostic results, object inertia, long-term tendencies, statistical data.

Постановка проблемы. Отличительной чертой развития современной лингвистической науки начала XXI века, ознаменовавшего период ярко выраженного высокодинамического типа эволюции языковой нормы, является как стремление к максимально полному и разностороннему описанию каждой отдельно взятой подсистемы языка и разработке основных теоретических подходов к их анализу, так и определение связей и взаимодействия между языковыми подсистемами в эволюционном процессе. Это обусловило появление и активное развитие таких новых научных направлений, как социолингвистика, прикладная лингвистика, неология, лингвосинергетика, антрополингвистика и ***лингвистическое прогнозирование.***

Анализ основных исследований. Уже начиная с конца XIX века в научной литературе высказывались наблюдения о перспективном развитии языка в области фонетики и морфологии (работы И. А. Бодуэна де Куртенэ, Е. Д. Поливанова, В. В. Шеворошкина, Л. В. Щербы, Д. Уитмау и нек. др.), а в дальнейшем в области лексической семантики (Воронежская лингвистическая школа А. А. Кретова), словообразования (работы Е. А. Карпиловской), вариантологии (работы З. М. Богословской, К. С. Горбачевича, Л. К. Граудиной, Ю. С. Степанова и др.).

В настоящее время лингвистическое прогнозирование представляет собой «комплекс научных исследований качественного и количественного характера, направленных на выяснение тенденций языкового развития на разных уровнях его системы (орфоэпическом, грамматическом, лексическом и т.д.) так же, как и тенденций реализации этой системы в речевой деятельности» [5, с.299-300]. Данное современное направление исследований возникло в связи с тем, что дальнейшее совершенствование деятельности лингвистов в области языковой культуры и языковой политики требует создания общенаучных принципов регулирования, так как периоды социальной неустойчивости в обществе всегда характеризуются речевой вседозволенностью, расшатыванием языковых и речевых норм, высокодинамическим типом эволюции языковой нормы и нуждаются в перспективном прогнозировании. «На путь прогнозирования, научно обоснованного предвидения будущего вступает и наука о языке», -– пишет К. С. Горбачевич [3, с. 70].

Речь идет о новом направлении в языкознании, обеспечивающем лексикологии и лексикографии выход за пределы чистой феноменологии и прогнозирование на основании специальных лингвистических исследований будущих состояний … подсистем языка. Научная новизна данного подхода состоит, прежде всего, в новой точке зрения на изучаемый объект. В общем виде прогностика определяется как раздел науки, занимающийся научным предсказанием поведения объекта. «Специфика лингвистической прогностики состоит в том, что она является разделом, венчающим здание науки о языке и опирающимся на прочие ее разделы», – указывает А. А. Кретов [4, с. 7]. Абстрактная система языка позволяет осмыслить совокупность языковых норм, этапов и правил, общих для анализа сложной, постоянно саморазвивающейся во времени конкретной языковой системы.

Несмотря на то что языковое прогнозирование составляет значимый и относительно самостоятельный феномен языка, методы лингвистического прогнозирования разработаны пока еще недостаточно. Исходную и основную часть исследовательской методологии составляет анализ реального функционирования языка, тенденций и факторов, которые влияют на динамику литературной нормы.

В опубликованных на сегодняшний день работах представлены четыре типа лингвистического прогноза:

1) В ряде работ использованы приемы перспективного прогноза на базе моделирования временных рядов (Р. М. Фрумкина).

2) В отдельных исследованиях предлагаются экспертные методы оценок, обусловливающие нормативные квалификационные характеристики языковых явлений (работы К. С. Горбачевича, Л. К. Граудиной, Л. П. Крысина, Н. В. Хруцкой).

3) Наиболее разработанным следует считать метод исторической аналогии, позволяющий судить о современных процессах и действующих тенденциях (работы К. С. Горбачевича, Е. Н. Ширяева).

4) В современных публикациях широко практикуется метод, связанный с прогнозированием поведения системных единиц в тексте и основанный на законах порождения текста (работы Н. Д. Голева, А. А. Кретова, И. А. Лопатиной).

Прогнозируемый в современной лингвистике объект – литературный язык – полностью отвечает постулатам прогностики (инерционность литературной нормы языка, наличие долговременных и однонаправленных тенденций развития языка, знание причинно-следственных связей происходящих явлений, привлечение обширных математически обработанных материалов и данные статистики), которые гарантируют оптимальные результаты футоропрогностических исследований.

Тем не менее лингвистическое прогнозирование будущего состояния языковой системы (и литературных норм в частности) сталкивается с рядом трудностей, так как оно лишено конкретных языковых фактов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть теоретические выводы. Языковые данные относительно будущего состояния языковой системы (и будущей литературной нормы) отсутствуют, поэтому основными признаками прогнозирования являются ***гипотетичность и априорность***.

В процессе саморазвитии языковая система оказывается перед выбором из нескольких структур-аттракторов (вариантов языковой единицы). Изучая и прогнозируя будущее системы языка, не всегда можно с полной уверенностью детерминировать, по какому пути пойдет развитие: какой из коэкзистенциальных вариантов окажется предпочтительней, конкуренто- и жизнеспособней, какая внеязыковая тенденция динамики или интралингвистический закон будут превалировать в данный период. Но языковая система не развивается произвольно, так как «все внутренние процессы в ней (языковой системе) подчинены определенным законам функционирования и эволюции всей системы как целостного образования. Взаимодействие элементов жестко идет по типологическим законам. Для языковой суперсистемы это многие внутриуровневые и межуровневые, функциональные связи» [2, с. 29]. «В основе каждого языка лежит как бы некоторая базисная схема. Этот тип, или базисная схема, или «гений» языковой структуры, есть нечто гораздо более фундаментальное, нечто гораздо глубже проникающее в язык, чем та или другая нами в нем обнаруживаемая черта» [6, с. 141].

Таким образом, с диалектической точки зрения критерием появления и существования языкового варианта любого типа является не просто его репрезентативность в речи, а выводимость его из системы данного языка, соответствие этой системе. Для вариантов, отвечающих этим требованиям, справедлива позитивистская концепция «вхождения» варианта в язык через речь. «Экзистенционально-онтологический фундамент языка есть речь», – указывает М. Хайдеггер [8, с. 162]. Именно таким образом осуществляется количественное накопление инновационных коэкзистенциальных вариантов нового качества, которое при превышении последними меры практически «взрывает» старую систему (квантовый скачок) и приводит к обретению системой языка иного качества, при котором относительно новые единицы (варианты языковых единиц) оказываются соответствующими современному состоянию языковой системы, выводимыми из нее и, следовательно, нормативными. «Нарушение же такого порядка и взаимосвязи языковых элементов ведет к нарушению работы системы, вступлению ее в "состояние неравновесного ***хаоса"***» [2, с. 29].

Можно предположить, что в основу лингвопрогностического направления (языковой прогнозируемости) положена мысль, высказанная Л. Н. Скворцовым: «Уровень нормы (детерминирующий уровень системы) в аспекте порождения предполагает обязательное включение детерминированной части. В этом, собственно, и состоит существо динамического понимания нормы – не только как воспроизведения реализованных возможностей системы, возведенных общественной практикой в ранг образца, но и как постоянного в процессе живой коммуникации порождения языковых фактов, ориентированных одновременно и на систему, и на реализованный образец. При этом система понимается также динамично: учитывается ее движение во времени, изменения и преобразования в новых общественно-исторических условиях, совершенствование в зависимости от потребностей коммуникации, мышления и т.п.». [7, с. 43]. Количество структур-аттракторов в системе детерминировано, поэтому потенциальные и суппозитивные тенденции развития системы языка в будущем гипотетически уже предзаданы и запрограммированы в прошлом и настоящем состоянии системы. В ходе этих процессов языковая система может следовать исключительно по универсальным тенденциям и законам развития определенного языка. По этому поводу Р. Якобсон писал: «Структурные законы системы ограничивают инвентарь переходов от одного состояния к другому. Эти переходы образуют часть лингвистического кода, представляющие динамические составляющие системы» [10, с. 77]. Таким образом, тенденции динамики и интралингвистические законы развития языка обусловлены свойствами и характеристиками (типологией) системы языка и ее стремлением к восстановлению синергетического равновесия.

Исходя из идеи о существовании и эволюции языка как постоянного процесса, можно предположить, что национальный язык и возникновение инновационных вариантов языковых единиц в нем онтологически детерминированы и гносеологически могут быть описаны в структурных моделях конкретного языка. В данной интерпретации эволюция языковой системы – это проявление динамического процесса варьирования, описываемое в потоке структур в синхронии, т. е. точек отсчета структур в диахронии. В этом случае инновационный языковой вариант целесообразно рассматривать как некий сдвиг, бифуркацию при реализации структур конкретного языка по сравнению с его предшествующим состоянием.

Располагая лингвистическими данными по диахроническому развитию системы языка и ее подсистем в прошлом и синхронному состоянию в настоящем, можно предвидеть пути развития языковой системы и ее подсистем, наметить основные тенденции динамики литературной нормы языка, учитывая, что это будут лишь ***потенциальные тенденции***. «В каждый момент, зная текущее состояние системы, ее правила и доступную ей информацию, можно предсказать множество ее возможных последующих изменений», – указывает А. В. Анисимов [1, с. 13]. Тем не менее, возможные тенденции в этом случае ограничены, так как в системе языка определяются те

пути эволюции, которые приведут ее к новому состоянию равновесия. Признавая саморегуляцию языковой системы, можно проследить также стимулирующие и тормозящие причины ее перманентного поступательного развития.

Выводы и перспективы. Прогнозирование динамики всей языковой системы возможно только при наличии объемной информации об изменениях на всех языковых уровнях (подсистемах). Поэтому выдвижение предположений о потенциально конкурентоспособном и пролонгируемом варианте языковой единицы в процессе эволюции конкретной языковой подсистемы должно опираться на знание основных тенденций и закономерностей динамики языка, зафиксированных в обобщенной форме. В настоящее время лингвопрогностический аспект находит отражение в исследовании динамики конкуренции коэкзистенциальных вариантов языковых единиц в синхронии и диахронии и выявлении тенденций изменения литературной нормы современного русского языка [9].

Если данная статья пробудит научный интерес к проблемам лингвистического прогнозирования, автор будет считать свою задачу выполненной.

Источники и литература

1. Анисимов А. В. Алгоритмы, рекурсия и литература / А. В. Анисимов // Русский язык, литература, культура в школе и вузе, 2006, № 3. – С. 13-27.

2. Бондаренко Е. В. Эволюция языковой системы в диахронии (лингвосинергетический и лингвопрогностический аспект): автореф. диссерт. Докт. филол.наук : спец. 10.01.02 «Русский язык» / Е. В. Бондаренко. – Белгород, 2007. – 40 с.

3. Горбачевич К. С. Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка) / К. С. Горбачевич // Русистика. – Берлин, 1990. -– № 2. – С.70-80.

4. Кретов А. А. Основ лексико-семантической прогностики / А. А. Кретов – Воронеж, 2006. – 390 с.

5. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 299-300.

6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологи / Э. Сепир – М.: Наука, 1993. – 376 с.

7. Скворцов Л. Н. Теоретические основы культуры речи / Л. Н. Скворцов – М: Наука. – 1980. – 352 с.

8. Хайдеггер М. Присутствие и речь. Язык / М. Хайдеггер // Бытие и время. – СПб, 2002. – С. 160-167.

9. Хруцкая Н. В. Конкуренция сосуществующих вариантов языковых единиц в поцессе эволюции литературной нормы (лингвопрогностический аспект) / Н. В. Хруцкая. – К.: Освита Украины, 2008. – 372 с.

10. Jakobson R. Essais de linguistique generale. – Paris, 1963.

УДК 81'42

Худякова Е. С.,
Пепеляева Е. В.

ЖАНРОВАЯ НОРМА И ЖАНРОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Жанр речи рассматривается как нормативный тип текста, соответствующий стандартной коммуникативной ситуации. Проблема нормативности жанра ставится с точки зрения ее отношения к языковой и коммуникативной норме. Вводится понятие жанровой компетенции, которая выступает практической реализацией жанровой нормы.

Ключевые слова: жанровая норма, жанровая компетенция, коммуникативная компетенция, тип текста.

Жанр мови розглядається як нормативний тип тексту, відповідний стандартної комунікативної ситуації. Проблема нормативності жанру ставиться з точки зору її ставлення до мовної та комунікативної нормі. Вводиться поняття жанрової компетенції, яка виступає практичною реалізацією жанрової норми.

Ключові слова: жанрова норма, жанрова компетенція, комунікативна компетенція, тип тексту.

A speech genre is regarded as a normative type of a text corresponding to the standard communicative situation. The problem of the genre normativity is posed in terms of its relationship to language and communicative norm. It is introduced the concept of genre competence, which serves as the practical implementation of the genre norm.

Keywords: genre norm, genre competence, communicative competence, text type.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых МК-1286.2012.6.

Жанр речи, основываясь на определении М. М. Бахтина, понимается как **устойчивый и нормативно организованный тип текста, являющийся речевым фиксатором стандартной ситуации общения**. Нормативность речевого жанра (РЖ) проявляется в следовании (при порождении текста) текстовому эталону, неосознанно избираемому при установлении основных параметров ситуации. Иными словами, в процессе языкового развития человека он устанавливает связи между коммуникативной ситуацией и типом текста, который может оптимизировать общение в рамках этой ситуации. Жанр речи, тем самым, выполняет адаптивную функцию и этим сближается с общими поведенческими образцами.

Несмотря на то что проблема владения РЖ затрагивается практически во всех жанроведческих работах, этот вопрос пока не стал предметом пристального рассмотрения в отечественной лингвистике.

Владение языком может быть активным и пассивным; думается, что владение РЖ тоже может быть активным и пассивным. Активное, продуктивное владение РЖ (порождение текста того или иного жанра) предполагает знание жанровой модели, отвечающей определенной коммуникативной ситуации и иллокутивной цели говорящего.

А. Г. Баранов предлагает модель текстопостроения как движение «от замысла и воли субъекта речи к конкретному тексту» [1, с. 8]: от когниотипа, «фрейма, отражающего инвариантные ментально-лингвистические характеристики массива текстов определенной предметной области» [1, с. 8], к прототипу, или субтипу, «социокультурному когниотипу» [1, с. 10] и, наконец, к тексту. Заготовка, или когниотип, подвергается трансформации в соответствии с замыслом и волей говорящего в конкретной ситуации речевого общения [1, с. 11]. При когнитивном подходе речевой жанр выступает одной из стадий текстопорождения.

Рассмотрению проблемы соотношения речевого жанра и коммуникативной нормы, которая в практическом смысле реализуется в качестве коммуникативной компетенции, и посвящена настоящая работа. Целью данной

статьи является выявление роли нормативности при процессах восприятия и порождения текста определенного жанра. Данная цель предполагает установление роли нормы для рецептивной и продуктивной жанровой компетенции, а также определение места жанровой компетенции по отношению к коммуникативной компетенции.

Рецептивное владение РЖ (атрибуция текста по жанру) опирается на аналитические процедуры, применяемые к форме, которая соотнесена с коммуникативной ситуацией и за которой стоит жанровая модель. И то, и другое описать в строгих терминах невозможно, поскольку мы имеем дело не с жесткой грамматикой (синтаксисом), а с вероятностными процессами.

Г. И. Богин – один из немногих жанроведов, обращающихся к вопросу о восприятии РЖ. В его трактовке требований, необходимых для распознавания РЖ («индивидуации»), уже намечены основные параметры распознавания типа текста [3, с. 19]: определение авторской интенции (формулировка которой совпадает с первичным РЖ или речевым актом), указание на устойчивые формальные (в том числе композиционные и лексически маркированные единицы) признаки текста, определение степени варьирования всех конституентов текста. Мы считаем, однако, что вероятностно определяется не только форма, но и все эти критерии.

В.В. Дементьев, тоже интересуясь РЖ как способом оформления коммуникативного намерения, то есть как психолингвистическим феноменом, предлагает трехступенчатую модель формирования РЖ, включающую: уровень выбора фатики или информатики, уровень формы (степени косвенности коммуникативных средств), уровень выбора межличностных отношений [7, с. 42].

Однако эта модель подходит лишь для коллоквиальных РЖ; для институциональных сфер общения выбор межличностных отношений имплицитен, так как задан самой ситуацией, а коммуникативная интенция должна определяться более дробно, чем просто «фатика» и «информатика», поскольку фатические намерения в институциональных дискурсах находятся на периферии системы жанров. Таким образом, необходимо обратить внимание на универсальные уровни формирования РЖ, не ограниченные исключительно разговорной речью.

По нашему мнению, рецептивное владение РЖ предполагает, во-первых, понимание текста как реализующего определенную жанровую модель, во-вторых, метаязыковую работу по соотнесению понятого текста с неким хранящимся в памяти образом текста (РЖ). Понимание текста, по мнению И. А. Зимней, можно рассматривать как соотнесение с «эталоном» [13, с. 21], по-видимому, под таким текстовым «эталоном» можно понимать речевой жанр.

Сходную концепцию понимания текста в виде конструирования модели ситуации-референта текста предложил Т.А. ван Дейк. Под моделью он понимает конструкт в эпизодной памяти, репрезентирующий то событие или ту ситуацию, о которых идет речь в тексте, а понимание текста будет представлять собой актуализацию имеющейся в памяти модели ситуации текста [6]. Отсюда следует, что РЖ будет представлять собой модель текста, фиксирующую стандартную ситуацию, конструируемую в результате предыдущей перцептивной деятельности, и осознанную как нормативная. Иными словами, РЖ и является когнитивной моделью, используемой при понимании текста, выведенной в сферу сознания и социально принятой. Тем самым мы можем связать процесс осознания жанра, узнавания жанра и предложенные исследователями понятия «жанровая компетентность» [9, с. 12], «жанровоситуативная норма» [11, с. 76], «жанровая рефлексия» [18, с. 89], «жанровое осознание» [19, с. 24] и «речежанровая компетенция» [8, с. 13].

Так как же соотносятся понятия нормы и речевого жанра? Для ответа на этот вопрос необходимо коснуться трактовок нормы в лингвистике.

В современной лингвистике проводятся различия между языковой нормой и коммуникативной нормой. Понятие языковой нормы базируется на определении, данном Э. Косериу, согласно которому норма – это «система обязательных реализаций, принятых данным обществом и данной культурой», традиционных и устойчивых [14, с. 175]. Из этого определения следует, что языковая норма – это «совокупность реализаций» системы, которая предполагает социально обусловленный отбор вариантов полифункциональной системы. Тип текста, модель или «эталон» не предполагают полифункциональности его реализаций и не являются «совокупностью реализаций».

Для Б. Гавранка норма литературного языка есть а) совокупность реализаций и способов их упорядочивания (система + модели), б) функционально и экстралингвистически (прескриптивно) обусловленные реализации и модели, в) совокупность унифункциональных (непротивопоставленных) вариантов [4, с. 345-349]. А. Едличка уже разделял формационные нормы (понятие близко современной языковой норме), стилистические и коммуникативные нормы. По А. Едличке, «для коммуникативной нормы <...> определяющим является отношение к процессу коммуникации. Она манифестируется не только языковыми элементами, но и компонентами неязыковыми. Она обусловлена ситуативными факторами и обстоятельствами. Ее отношение к формационной норме определяется тем, что одним из проявлений коммуникативной нормы служит способ дистрибуции языковых формаций в ситуативно-коммуникативных сферах. В отличие от литературных формационных норм коммуникативные нормы не являются кодифицированными» [10, с. 140]. Сущностное отличие коммуникативной нормы, следовательно, в том, что она а) представляет собой совокупность эталонов речевого поведения, б) ситуативно обусловлена – для реализации целей в определенной ситуации общения и в) унифункциональна.

Коммуникативная норма, по-видимому, включает языковую норму, кроме того, содержит прескриптивные текстовые, дискурсивные эталоны, а также поведенческие нормы, «сопровождающие» процесс общения в различных ситуациях (невербальные знаки, тематические ограничения и др.).

Коммуникативная норма, согласно Е. П. Захаровой, это «принятые в обществе правила речевого общения, определяющие типы речевого поведения коммуникантов в разных ситуациях. В основе понятия коммуникативной нормы лежит принцип коммуникативной целесообразности» [11, с. 76]. В соответствии с предложенными Н. И. Толстым типами речевой культуры Е. П. Захарова выделяет диалектную, просторечную, арготическую, среднелитературную, элитарную коммуникативные нормы [11, с. 76]. Как видим, типы коммуникативных норм соотносятся с нормами идиомов.

Перед нами встает вопрос: как соотносятся понятия коммуникативной нормы и жанровой нормы?

Речевой жанр есть обязательная для реализации в конкретных коммуникативных условиях модель текста, определяемая параметрами коммуникативной ситуации и представляющая собой инвариант, эталонную модель текста, имеющий конкретные тексты в качестве вариантов.

Жанр как тип текста предполагает эталонность модели и варьируемость конституентов внутри модели. РЖ есть поведенческая норма. Если был избран социально несанкционированный жанр (что часто и происходит в малознакомых ситуациях), это приводит не к нарушению языковой нормы, а к нарушению социальных конвенций. Жанровая норма, выполняющая адаптивные функции, несомненно, должна быть включена в число коммуникативных норм.

В состав коммуникативной нормы входят ортологические, стилевые, этикетные, этические и жанрово-ситуативные нормы [11, с. 78], которые обеспечивают успешность коммуникации. Видимо, эти «нормы» частично перекрывают друг друга: например, стилистические нормы могут включаться в состав жанрово-ситуативных, если понимать стиль как собственно языковой элемент жанра [5], или жанровые нормы могут включаться в состав стилевых, если стиль понимается как более высокая ступень абстракции по сравнению с жанром; этикетные нормы тоже включаются в состав жанрово-ситуативных, так как соблюдение конвенциональных речевых действий и есть следование жанровому образцу.

Естественно, реализуя ту или иную жанровую модель, индивид выбирает из многообразия вариантов, однако речевой жанр как лингвистический конструкт фиксирует как раз нормативность какой-либо модели текста, соответствующей типовой ситуации. Если же нормы текстообразования нарушены, то человек создает текст смежного жанра или, в худшем случае, текст, который не соответствует его намерению, то есть некий маргинальный продукт.

Коммуникативная компетенция представляет собой знание правил «ситуативной грамматики», определяемой как «навыки и умения адекватного использования языка в конкретной ситуации общения» [2, с. 68], то есть выступает как деятельностный аспект коммуникативных норм (знание и следование этим нормам). При этом коммуникативная компетенция включает, по нашему мнению, как операциональные, так и метаязыковые факты, то, что А. А. Зернецкая называет «осознанными или неосознанными лингвистическими знаниями и умениями» [12, с. 48]. Кроме того, коммуникативная компетенция содержит как продуктивный, так и рецептивный аспекты, и обычно первый значительно отстает от второго (о терминах рецептивная и продуктивная компетенция см. [17, с. 179]). Жанровая компетенция, или знание правил и норм создания и адекватного понимания текстов определенных жанров, является элементом коммуникативной компетенции.

По мнению К. Ф. Седова, овладение жанрами связано с развитием познавательных способностей и с расширением социального опыта в онтогенезе [15, с. 43]. Исследователь считает, что «в ходе своего социального становления языковая личность «врастает» в систему жанровых норм. В свою очередь, эта система «врастает» в сознание говорящего индивида по мере его социализации, определяя уровень его коммуникативной компетенции, влияя на характер его дискурсивного мышления» [16, с. 112].

Речевой жанр становится имманентной сознанию человека структурой, облегчая социальное взаимодействие. Ориентация на коммуникативную ситуацию начинает проявляться у ребенка еще на дословесном этапе и проявляется в изменении мелодических рисунков гуления, а также в выборе жестово-мимических протознаков. Развитие языковой способности ребенка включает усвоение жанровых фреймов. Дальнейшее развитие жанровой компетенции человека зависит от индивидуального социального опыта, а также направленной работы личности по усвоению жанров (в особенности жанров публичного общения).

Так жанроведение в онтолингвистическом аспекте смыкается с культурой речи и риторикой – практическими дисциплинами, основная цель которых и состоит в развитии жанровой компетенции личности. Для нас существенной представляется идея об имманентности жанровых структур языковому сознанию, то есть об отсутствии сознательного выбора жанра в ходе речевого общения и об обусловленности выбора социальной ситуацией, что делает речевой жанр одним из понятий социолингвистики.

Источники и литература

1. Баранов А. Г. Когниотипичность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности / А. Г. Баранов // Жанры речи / Отв. ред. В. Е. Гольдин. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 4-12.
2. Беликов В.И. Социолингвистика: учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин; Рос. гос. гуманит. ун-т. – М., 2001. – 439 с.
3. Богин Г. И. Речевой жанр как средство индивидуации / Г. И. Богин // Жанры речи / Отв. ред. В. Е. Гольдин. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 12-22.
4. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. – М.: Изд-во «Прогресс», 1967. – С. 338-377.
5. Гаузенблас К. Существует ли «нейтральный стиль»? / К. Гаузенблас // Функциональная стилистика – теория стилей и их языковая реализация: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. ун-т. – Пермь, 1986. – С. 19-22.
6. Дейк Т. А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике / сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 153-211.
7. Дементьев В. В. Вторичные речевые жанры (онтология непрямой коммуникации) / В. В. Дементьев // Жанры речи: сб. науч. ст. / отв. ред. В. Е. Гольдин. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 3. – С. 31-46.
8. Дементьев В. В. Аспекты проблемы «жанр и язык»: жанры речи и… «язык речи»? / В. В. Дементьев // Жанры речи: сб. науч. ст. / Отв. ред. В. В. Дементьев. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – С. 5-22.
9. Долинин К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К. А. Долинин // Жанры речи: сб. науч. ст. / Отв. ред. В. Е. Гольдин. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 3. – С. 7-13.
10. Едличка А. Типы норм языковой коммуникации / А. Едличка // Новое в зарубежной лингвистике / Сост. и ред. Н. А. Кондрашов. – М.: Прогресс, 1988. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. – С. 135-149.
11. Захарова Е. П. Коммуникативная норма и речевые жанры / Е. П. Захарова // Жанры речи: сб. науч. ст. / Отв. ред. В. Е. Гольдин. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 3. – С. 76-80.
12. Зернецкая А. А. Структура понятия «коммуникативная компетенция» / А. А. Зернецкая // Русский язык за рубежом, 2008. – № 1-2. – С. 48-51.
13. Зимняя И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения / И. А. Зимняя // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / Отв. ред. Т. М. Дридзе, А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1976. – С. 5-33.
14. Косериу Э. Синхрония, диахрония, история / Э. Косериу // Новое в лингвистике / Сост. В. А. Звегинцев. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. Вып. 3. – С. 317-324.

15. Седов К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров / К. Ф. Седов // Жанры речи: сб. науч. ст. / Отв. ред. В. Е. Гольдин. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 3. – С. 40-52.
16. Седов К. Ф. Жанр и коммуникативная компетенция / К. Ф. Седов // Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – С. 107-117.
17. Чернявская В. Е. Типологические дилеммы: основные итоги и тенденции развития современного жанроведения / В. Е. Чернявская // Жанры речи: сб. науч. ст. / Отв. ред. В. В. Дементьев. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – С. 174-183.
18. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи / Отв. ред. В. Е. Гольдин. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 88-98.
19. Zaśko-Zielińska M. Przez okno świadomości. Gatunky mowy w świadomości użytkowników języka / M. Zaśko-Zielińska. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu wrocławskiego, 2002. – 180 s.

УДК 811.162.1'42 **Цехмейструк О. Г.**

СТРАТЕГІЇ ВВІЧЛИВОСТІ У ЛИСТУВАННІ МІЖ ПРЕДСТАВНИКАМИ УКРАЇНСЬКИХ ТА ПОЛЬСЬКИХ УРЯДОВИХ КІЛ У 1657-1658 рр.

В статье рассматриваются стратегии вежливости, употребляемые в переписке между должностными лицами Украины и Речи Посполитой в период с августа 1657 до сентября 1658 г. Внимание уделяется подчеркиванию в тексте статусов адресанта и адресата, что имеет исключительное значение для дипломатического общения. Общая нацеленность на сотрудничество, характерная для данного периода, прослеживается в стилевом звучании исследуемых писем.
Ключевые слова: вежливость, позитивная/негативная коммуникативная стратегия, лицо.

У пропонованій статті розглядаються стратегії ввічливості, використовувані у листуванні між посадовцями України і Речі Посполитої у період від серпня 1657 до вересня 1658 р. Увага приділяється підкресленню у текстах статусів адресанта і адресата, що має виняткове значення для дипломатичного спілкування. Загальна націленість на співпрацю, характерна для цього періоду, втілюється у стильовому звучанні досліджуваних листів.
Ключові слова: ввічливість, позитивна/негативна комунікативна стратегія, обличчя.

In this article politeness strategies used in correspondence between Ukrainian and Polish officials from August 1657 to September 1658 are examined. The article deals with emphasizing of the addressor's and addressee's statuses, which is exceptionally important for diplomatic correspondence. Wish to cooperate, characteristic for the given period can be traced in the style of these documents.
Key words: politeness, positive/negative communicative strategy, face.

Для розгляду мови як засобу комунікативної взаємодії, що втілюється у соціальному контексті, важливим є дослідження інтерактивного рівню спілкування, тому увага приділяється особистісним характеристикам комунікантів, їхнім цілям, стратегіям. Крім обміну інформацією, під час спілкування може змінюватися і тип стосунків, який склався між його учасниками, можливою є зміна деяких переконань. Ефективність системи мовленнєвої взаємодії визначається за допомогою ступеню взаємного розуміння комунікантів і того, наскільки успішно була втілена мета, прийнятна для обох сторін. Взаєморозуміння є властивим для спілкування, оскільки воно є мірою соціальності людського буття, способом оволодіння предметною діяльністю [5] .

Одним із засобів, що допомагає налагодити співпрацю у спілкуванні є ввічливість, що орієнтована на «вираження поваги до співрозмовника та дотримання власної гідності» [4, с. 5]. Важливість застосування стратегій ввічливості показують Е.Гоффман [8] та П. Браун і С.Левінсон [7] за допомогою поняття «обличчя». Гоффман, визначає цей термін як «позитивну соціальну цінність, на яку претендує індивід, згідно з роллю, що, як вважають інші, він прийняв на себе впродовж певного контакту» [8, с. 299]. Заслуговує на увагу виділення П. Браун і С.Левінсоном двох базових аспектів «обличчя»: негативний, тобто «потреба кожного компетентного дорослого члена суспільства в тому, щоб його діям не перешкоджали інші «, і позитивний, тобто «потреба кожного члена суспільства в тому, щоб його бажання були прийнятними для хоча б деяких інших людей» [7, с. 312].

Засобами реалізації відповідних інтенцій мовців є певні комунікативні стратегії, тобто типи планування та реалізації спілкування з метою досягнення запланованого результату. Саме стратегія як комунікативний принцип визначає вибір мовленнєвих актів для побудови того чи іншого висловлення.

При дослідженні природи дипломатичного листування перш за все слід вказати, що для дипломатичної сфери характерними є надввічливість, прагнення встановити і підтримати контакт. Первинною функцією багатьох етикетних знаків виступала демонстрація миролюбності, відсутності ворожості, агресії [1, с. 11], і ця спрямованість особливо підкреслюється та цінується у дипломатії. Добирання форми висловлення, яка допомагає зберегти спокійну атмосферу і надає політичним діячам можливість, не виходячи за встановлені рамки, робити один одному серйозні попередження, які рідко витлумачуються помилково, має серйозне значення.

Розглянемо стратегії ввічливості, використовувані у листуванні між посадовцями України і Речі Посполитої у період від серпня 1657 до вересня 1658, коли обидві сторони виявляли бажання стабілізувати відносини і досягти порозуміння. Матеріалом дослідження послужила колекція документів львівського історика Василя Гарасимчука, віднайдених у архівах Львова, Відня, Кракова, Варшави [2]. Понад шістдесят років ця збірка чекала на опублікування, і хоча сьогодні залишилася лише невелика частина документів, їх оприлюднення стало значною подією для тих, хто цікавиться історією козаччини. Основна складність у сприйнятті подібних текстів – те, що вони написані сумішшю польської та латинської мов. З цієї причини, на жаль, деякі відтінки змісту залишаються нам незрозумілими, хоча основну спрямованість висловлення (або його польськомовної частини) цілком можливо відчути. Навіть побіжний огляд аналізованих документів свідчить про намагання як з боку української, так і польської адміністрації зберегти приязні відносини між собою. «Додатковим стимулом для українсько-польського зближення було й те, що в геополітичних реаліях кінця 50-х рр. бажання Варшави порозумітися з Україною було не меншим, ніж у Чигирині» [3, с. 133]. Ця ситуація докорінно відрізняється від 1659 р., коли прохання Виговського «звучать радше як вимоги, до того ж він ще й звинувачує» [6, с. 29], і реакція протилежної сторони була

відповідною. Але у досліджуваний нами період незалежний тон листів І. Виговського та його помічників яскраво не виявляється, ці документи можуть служити цікавим зразком доброзичливості та дипломатичної виваженості.

Список стратегій, використовуваних для встановлення дружніх відносин і налагодження співпраці, запозичимо у П.Браун та С.Левінсона, оскільки він у лінгвістиці вважається найповнішим (напр., І.С. Шевченко).

Розглянемо спочатку позитивні стратегії ввічливості, які вживаються у дипломатичному листуванні досліджуваного нами періоду.

Для непрямих компліментів характерним є використання стратегії розуміння до інтересів слухача: «...z niesmiertelną to bendzie w.m.m. pana sławą, y krola j.msci nagrodą, y wiekusstą tey Oyczyzny pamiątką...» [2, с. 95] .

Інколи симпатія до слухача може бути явно перебільшеною: «*Widząc, że my nieprzerwaną z sobą widzemy przyiazn, względem ktorey y teraz z moią się wm.m.m.p. odzywam propensią, braterskie przyimiey o zdrowiu wm.m.m.p. czniąc pytanie, ktorego zazywac długoletnie ku mysli w.m.m.m.p. życzę uprzeymie»* [2, с. 68].

Аналогічне спрямування має стратегія «підвищуй ступінь інтересу до слухача», але, на наш погляд, такий текст сприймається як більш щирий: «Zaczym mile wyglądam w.m. mego msc. Pana w Międzyrzeczu; chciey dobrodzieiu, wszystkim dawszy pokoy zabawam swoim, pospieszyc y tam szczęsliwy tractament ze mną (co day Boże) zacząc» [2, с. 71].

Високий рівень розвитку операторів фатичної метакомунікації стимулює спілкування, допомагає утвердити хоча б формальне взаєморозуміння між адресантом та адресатом.

Стратегії, спрямовані на пошук та зміцнення спільних інтересів часто вживаються у спілкуванні та листуванні завдяки своїй результативності, оскільки якщо партнер спочатку скаже «так», далі переконати його у чомусь буде значно легше:

- *«Nie widzę ia bowiem tylko subtilizannam differentiam między Graecką a Rzymską wiarą; sczerze tego gratulor Boskiego oswiecenia, a o sobie assecuruię, że cokolwiek bendę mogł contribuere do fortuny y sławy wm. pana, żadnego nie omieszkam terminu»* [2, с. 108];
- *«W czym ieslibym miał omylic, ... wszelkiemu przeklęstwu niech będę podlegał»* [2, с. 67].

При висловленні адресантом свого бачення ситуації і можливих подальших дій важливим є підкреслення того, що йому відомі також і бажання адресата:

- *«Ten punct kładę sobie pro summa felicitate, kiedy y j.mci pana hetmana Zaporowskiego, y Woysko cale widzę także skłonne do uspokoienia tych nieszczęsnych zawieruchow...»* [2, с. 53];
- *«...dlaczego y ia staram się, iakobym perficere mogł to, czego zdawna ochoczym życzylismy sobie umysłem»* [2, с. 67].

Особливий наголос робиться на окресленні реальних або потенційних спільних інтересів адресанта та адресата:

- «Iako drogiszczęsliwey przebyley gratulor w.m.m.m. panu, tak się s tego nie mniey cieszę, że y dalszych na w.m.m.m. pana ze mną korrespondencij włożony od krola i.mci urząd tak w postrzeganiu armisticiey należnych, iako y dalszego żądanego pokoiu contiunowaniu służących rzeczy wielce pożyteczny» *[2, с. 43];*
- «Owszem miła nam pamięc, ze te narody za dawnych panow iedno były, iako własne nasze piastowac gotowismy...» [2, с. 58].

Висловлення обіцянки, взяття на себе адресантом певних зобов'язань стосовно адресата є характерним як для основної частини листів, так і для етикетного завершення і висловлення надії на подальшу результативну співпрацю:

- «u, upewniaiąc, że dalsze nie uznasz w.msc m.m. pan w dobrach swoich od Woyska Zaporoskiego impediciey...» [2, с. 39];
- *«...iako iuz wierny poddany w.msci starac się będę wszystką Rus pod nogi w.k.m. poddać, woyska wszystkie Zaporowskie do tego pociągaiąc, aby karki swoie pod nogi maiestatu w.k.m. skłoniwszy, zdobili cnotą swoią, męstwem y odwagą na niesmiertelną sławę w.k.m.*» [2, с. 100] .

Пряма вказівка на перспективу підтримання контакту та продовження стосунків втілюється також за допомогою стратегії «будь оптимістичним»:

- *«…wzaiemnie w.m.m. pana prosząc, abys tak... dopomoc mi raczeł, o czym nie wątpię»* [2, с. 53];
- *«Zaczym, lubom iest załosny, iednak nie desperując o łaskę w.msci m.m. pana, sługom moim, aby sprawę ustną dali, iachac rozkazałem»* [2, с. 88].

Стратегія «наводь (питай про) причини» апелює до логічного мислення адресата, надає тексту листа більшої обгрунтованості, солідності:

- *«Wszakże y w.m.m.m.p. masz byc pamiętnym, żem sobie Pinsk wymowił, iako ten powiat, ktory dobrowolnie, naszey będąc potrzebien przyiazni, przyiął pod pewnymi condiciami protectią»* [2, с. 44];
- *«Zyczylismy dawniey z naszą w.mci naszemu m.panu odezwac się chęcią, y o sposobach uspokoienia zamieszaney zniesc się Oyczyzny, ale ze w tym zamęcie tędy rozne roznych były sensus, a nawet o woli samego jego kr.msci, pana naszego mlwego... przysc do tego nie mogło»* [2, с. 57].

Разом з обіцянкою у текстах може зустрічатися вказівка на прагнення адресанта залучити адресата до обопільно корисної діяльності: «*W czym złączywszy zupełną moc […] prosiemy, aby cokolwiek imieniem naszym doniesie się, zebyscie nie ieno nakłonic y wiarę dac raczyli, ale y skuteczną na ządanie nasze dali declaratią, pewni będąc, ze my wszystkie interessa w.msciow iako co […] zadney nigdy naszey własney nie mielismy roznice*» [2, с. 57-58].

Найбільш прямолінійний спосіб підвищити позитивне обличчя адресата – демонструвати розуміння та симпатію до нього, готовність до співпраці з ним.

Часто вживаються у досліджуваному листуванні і стратегії негативної ввічливості, особливо для реалізації наказу або прохання, які можуть бути шкідливими для «обличчя» адресата. У таких випадках вживаються непрямі мовленнєві акти, оскільки непряме прохання вважається більш ввічливим, ніж пряме: *«Nim iedak determinowaney naszey umowie przyspieszy czas, radzibysmy... miec od wm.n.m. mogli na nabycie y przeyrzenie się vzaiem vmysli wm.w., czegobyście sobie posłusznym naszey całosci obwarowaniu po nas życzyli»* [2, с. 63].

Стратегія «мінімізуй ступінь втручання» є основною для висловлень у проблемних ситуаціях, коли адресант не має іншого вибору, як тільки висловити своє незадоволення поведінкою адресата*: «Sam Bog lepiey wie, iako anhilat spiritus do zgody, byle by iego wola swięta przyswiecic nam chciała z moią pomocą»* [2, с. 83].

Стратегія «поважай бажання слухача» показує прагнення адресанта не завдавати адресату будь-яких прикростей, робити замах на його свободу:

- «...nam na tym należy communicowac sobie wzaiemnie consilia, nie wątpiąc, że tosz od w.m.p. miec bendziem» [2, с. 107];
- «Nie zapomniałem ia y teras ... promowowac sprawę j.m. xdza episkopa lwowskiego, iako dobrego w.m.p. przyiaciela, za ktorem instantią swoię do j.k.m. wnosic raczysz» [2, с. 108].

Стратегія «проси вибачення» реалізується не тільки тоді, коли адресатові є за що вибачатися, але і у вигляді так званого превентивного вибачення – за ті події, які досі не сталися, але потенційно могли мати місце: «*Ze tak nierychło, iakom bym przyobiecał, powracam, mam byc excusata, ponieważ żadną miarą ynaczey byc nie mogło»* [2, с. 70].

У ситуації, коли адресант хоче підкреслити, що ставить себе нижче за адресата, в нагоді стають стратегії «будь песимістичним» і «висловлюйся так, ніби тобі роблять послугу, а не ти зобов'язуєш співрозмовника до чогось»:

- «Obuiandum przeto wczesnie, żeby się wczesna nie uroniła pora, bo y Moskale z dawney swoiey lisiey przebiegłosci, poczuwszy na się nacisk, przemyslaliby, iakoby znowu odrazone mogli znowu przychęcić serca, zabiegszy ich podarkami» [2, с. 64];
- «Wielcem jatego sobie życzył, abym ...mogł...moim mciwympanom y braci pro viribus meis służyć» [2, с. 39];
- *«A zem w.msci m.m. pana miłosciwą łaskę doznawszy, w prozbie moiey nie odniosł wstrętu..., za co w. msci m.m. panu wielce dziękuję»* [2, с. 87].

Дипломатія – це мистецтво вирішення міжнародних проблем мирним шляхом. Демонстрація миролюбності, готовності до співпраці, поваги до свого контрагента – визначна особливість дипломатії взагалі та дипломатичного спілкування зокрема. Стратегії і тактики комунікації, націлені на ухилення від конфліктів, результативну спільну діяльність викликають переважно доброзичливу реакцію, уважне ставлення до мовця. Повага до свого партнера, а також до всього, що символізує його державу – одна з визначних особливостей дипломатичних документів.

Комунікація – це обмін, і ми маємо поставити себе в позицію суб'єкта, який намагається знайти свій шлях в цьому світі. Але середовище, яке впливає на людину і до якого вона намагається адаптуватися, це не об'єктивний світ, це її світ, природа і суспільство, якими вона бачить їх. До будь-яких змін у цій площині слід підходити надзвичайно обережно оскільки стратегії і тактики поведінки людини, що коріняться у її переконаннях, мають сильний вплив на стосунки з оточенням. За допомогою вибору вдалих слів людина здатна змінювати навколишній світ, і саме тому категорія вибору має важливе значення у лінгвістичній прагматиці.

У досліджуваному дипломатичному листуванні бачимо різноманітні способи реалізації принципу ввічливості, причому активно вживаються як позитивні, так і негативні стратегії. Типові набори найчастіше використовуваних стратегій ввічливості є відносно стабільними, а домінування позитивних стратегій над негативними показує притаманну дипломатичному мовленню орієнтацію на підвищення «обличчя» другої сторони, і, відповідно, досягнення компромісу у рішеннях.

Джерела та література

1. Богдан С. К. Мовний етикет українців: Традиції і сучасність / С. К. Богдан. – К.: Рідна мова, 1998. – 475 с.
2. Гарасимчук В. Матеріали до історії козаччини 18 віку / В. Гарасимчук // Львівські історичні праці. Джерела. Вип.1. – Л., 1994. – 153 с.
3. Горобець В. М. Волимо царя східного: Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава / В. М. Горобець. – К.: Критика, 2007. – 445 с.
4. Радевич-Винницький Я. Етикет і культура спілкування / Я. Радевич-Винницький. – Л.: СПОЛОМ, 2001 – 223 с.
5. Шевченко И. С. Историческая динамика прагматических характеристик английского вопросительного предложения (XVI-XX вв.): дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04 / И. С. Шевченко. – К., 1999. –373с.
6. Яковлева Т. Руїна Гетьманщини: Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди: 1659-1667 рр. / Т. Яковлева [пер. з рос. Л.Білик]. – К.: Основи, 2003. – 643 с.
7. Brown P. Politeness: Some universals in language usage / P. Brown, S.C. Lewinson // The discourse reader. – [2nd ed]. – Lnd; NY: Rotledge Taylor and Francis Group, 2006. – P. 311-323.
8. Goffman E. On face-work: An analysis of ritual elements in social interaction / E. Goffman // The discourse reader. – [2nd ed]. – Lnd; NY: Rotledge Taylor and Francis Group, 2006. – P. 299-310.

УДК 81'22:81'27

Чайка Л. В.

GRAMMAR NAZI: КОНФЛІКТОГЕННИЙ ЧИННИК ЧИ КОМУНІКАТИВНА НЕВДАЧА?

Статья посвящена рассмотрению проблемы соотношения конфликтогенных факторов и коммуникативных неудач на примере интерпретации интралингвальных знаковых деформаций в грамнацизме как воинствующей разновидности языкового пуризма

Ключевые слова: вербальный конфликт, коммуникативная неудача, конфликтогенный фактор, деформации речи, грамнацизм.

Статтю присвячено розгляду проблеми співвідношення конфліктогенних факторів і комунікативних невдач на прикладі інтерпретації інтралінгвальних знакових деформацій у грамнацизмі як войовничій течії мовного пуризму.

Ключові слова: вербальний конфлікт, комунікативний негаразд, конфліктогенний чинник, деформації мовлення, грам нацизм.

The article deals with the problem of relation between conflictogenic factors and communicative failures on the example of interpreting intralingual sign deformations in Grammar Nazi as a bellicose kind of linguistic purism.

Keywords: verbal conflict, communication failure, conflictogenic factor, speech deformations, Grammar Nazi.

Постановка проблеми. ***Вербальний конфлікт*** (ВК) є таким порушенням процесу людського спілкування за допомогою природної мови, за якого один із комунікантів не повністю або взагалі не розуміє іншого, негативно ставиться до його манери мовленнєвої поведінки, вербально-когнітивної бази чи до знаків, що використовуються в акті спілкування [6, с. 89-96]. Подібна постановка проблеми базується на тому переконанні, що соціальна, культурна, етнічна належність комуніканта, його психічний стан, природно, потребують певних форм висловлення інтенцій; мовні одиниці й конструкції таку належність виявляють (або, принаймні, потенційно здатні до цього виявлення), що у деяких контекстах будь-якого рівня призводить до дестроювання процесу соціальної комунікації. У контексті визначеної категорії цікаво було б розглянути сучасну інтернет-течію, термінологізовану як «Grammar Nazi», з відповідними українськими аналогами «грамнацист», «гремер-наці», «граматичний фашист», «лінгвофашист», «націонал-лінгвіст» тощо [3; 7; 8].

Аналіз основних досліджень і публікацій. Під час аналізу лінгвістичної (і не тільки) наукової літератури – а ми проаналізували на предмет, так би мовити, «конфліктогенності» усі ключові постаті світового мовознавства – виявилося, що імпліцитне, приховане уявлення про вербальні конфлікти без термінологізації досліджуваного феномена притаманне майже всім мовознавцям. Тут можна проводити помітні й аргументовані паралелі з античної теорії мови чи риторичної практики, а також середньовічної патристики (праці святих отців) та екзегетики, тобто у філологічних знову ж таки жанрах тлумачення або критики тексту. На конструктивні фактори ВК указував Фердинанд де Соссюр, назвавши їх тератологічними: народні етимології; зіткнення «духу рідної дзвініці» із потребами взаємоспілкування; вплив письмового мовлення (зокрема, орфографії) на вимову. У межах концепції мовної відносності Едварда Сепіра – Бенджаміна Лі Уорфа ВК були взагалі абсолютизовані в кослінгвальному та кроскультурному аспектах: кроскультурні (інтеркультурні) комунікативні взаємодії «первинно конфліктні, оскільки неможливі» через тотальну невідповідність мовних картин світу, а іноді й через негативні естимації мовлення представників інокультурних спільнот. Однак, це не є нормою спілкування: у більшості випадків взаєморозуміння налагоджується через спільну діяльність або зацікавленість у будь-чому, тобто виводиться за межі лінгвістичної парадигми комунікації. Цікаво, що подальший розвиток теорії Сепіра – Уорфа представниками школи загальної семантики на чолі з Альфредом Кожибськи призвів до визнання поняття ВК тотальним, оскільки структура мови розглядалася як каталізатор соматичних, психічних та суспільних девіацій. Подолання конфліктної спрямованості будь-якої «недосконалої» природної мови можливе не її «виправленням», а шляхом заміни на таку-собі «хорошу» мову, основною властивістю якої буде структурна та семантична ізоморфність відносно оточуючої дійсності. Проте, це вже граничний варіант. Тобто, досліджуваний феномен опинявся у полі зору мовознавців (від простих згадувань про факти нерозуміння або негативних естимацій мовлення співрозмовників до визнання мови тотальною причиною не тільки порушень мовленнєвої взаємодії у кроскультурному аспекті, а й соматичних та психічних розладів). Вербальні конфлікти розглядалися й у рамках інших дисциплінарних підходів – у філософії, соціології та економічній теорії, у літературознавстві та естетиці, у структурній антропології і особливо в соціальній психології, де конфлікт є однією з базових категорій інтеракції міжособистісного або когнітивного типу.

Мета й завдання статті. Відповідно до поставленої проблеми на особливу увагу заслуговують інтралінгвістичні конфліктогенні чинники, оскільки саме вони у певних обставинах можуть виступати самоцінними комунікативними невдачами, маркуючи мовними засобами позамовні ознаки комунікантів, виконуючи завдання вербалізації соціолінгвістичних та психолінгвістичних причин породження вербальних конфліктів: невідповідність конструктивного засобу, обраного адресантом, очікування адресата сприймається останнім як знакова деформація та потенційно здатна до генерування вербального конфлікту.

Виклад основного матеріалу. Під *конфліктогенним фактором* (чинником) вербального конфлікту розуміємо явище мовної системи / структури (елемент, одиницю, конструкцію тощо), яке негативно характеризує комуніканта (мовну особистість) з лінгвального, паралінгвального та екстралінгвального боків, із соціальних, культурних, етнічних, психологічних, власне мовленнєвих та інших позицій, так чи інакше перетинаючи усю систему мови. Послідовно проводячи думку про розрізнення в комунікативно-функціональному підході до мовних явищ чинників соціолінгвістичного (комунікативного), психолінгвістичного (когнітивного) та інтралінгвістичного (конструктивного) характеру, ми розподіляємо конфліктогенні чинники відповідно на три групи: 1) соціолінгвістичні; 2) психолінгвістичні та 3) інтралінгвістичні. Приймаючи таке позначення, ми маємо на увазі, що перша частина терміна (тобто, *соціо-*, *психо-*, *інтра-*) вказує на позамовний або внутрішньомовний характер конфліктогенного чинника, а друга частина (*-лінгвістичний*) – на предмет нашої особливої уваги – обумовленість вербального конфлікту будь-якої генези системою мови. Конфліктогенні чинники стосуються усіх боків соціальної, психічної та власне мовно-мовленнєвої діяльності людини, і, виходячи з цієї потрійної обумовленості мовленнєвих взаємодій, має вибудовуватися їх класифікація.

Серед інтралінгвістичних конфліктогенних чинників слід розрізняти: 1) *деформації, що відбуваються по лінії знакової системи в цілому* (різні види змішувань форм існування мови, соціальних та територіальних діалектів; міжмовні змішування – індивідуальна міжмовна інтерференція); 2) *синхронічні знакові деформації*: а) <u>експонентні</u>: помилки артикуляції – акцент; змішування фонемних опозицій; силабічні трансформації; акцентологічні помилки; паронімічна атракція; порушення тонічної структури слова та складу; б) <u>семантичні</u>: неоднозначність семантичного диференціала слів; змішування прямого та непрямого значень слова; змішування омонімів 3) *парадигматичні (синхронічні)* – деформації в уживанні граматичних категорій – та *синтагматичні (синхронічні)* – референційні конфлікти; порушення правил ускладнення висловлювань/речень; помилкова чи така інверсія, що ускладнює розуміння; деформації цілісності та зв'язності мовленнєвого утворення як іконічної єдності; 4) *діахронічні* – випадки нерозуміння або негативної оцінки, які пов'язані зі сприйняттям мовленнєвих утворень, народжених у більш ранній відрізок розвитку мови, ніж той, у якому існує адресат мовлення; 5) *деформації письмових знаків*: неписьменність або недбалість; утруднення зорового сприйняття тексту; помилкове ототожнення графем; індивідуальні переваги та упередження адресанта й адресата, у тому числі й пов'язані з особливими станами їх свідомості.

Оскільки течія «Grammar Nazi» складається з мовних особистостей, для яких сумнівна правильність мовлення є самоціллю, тобто мова стає саме об'єктом прискіпливої уваги, а не засобом комунікації з обраної проблеми, позначимо основні види інтралінгвістичних деформацій, що викликають неодмінну негативну реакцію грамнацистів (*Insecure English PhD (aka Grammar Nazi): I am in England studying here at Oxford, sir, and I prefer you*

talk to me only in Ye Olde English like a good chap because language can never evolve). Це передусім усі експонентні деформації (*Average High Schooler: So U R there in Britain, then?*), як синхронічного, так і діахронічного характеру, як парадигматичного (*That grammar Nazi sure knows his prepositions!*) так і синтагматичного *(– I like Obama's proposle for healthcare reform: It would give poor Americans access to much needed healthcare while retaining the option of private insurance for those who can afford it. // – You misspelled "proposal", so your ideas are invalid. // – I made a perfect logical point, and a typo does not refute that, you're just being a Grammar Nazi. // – That's a run-on sentence*) характеру.

По друге, це індивідуальні упередження у сприйнятті письмової форми мовлення (*– I h8 oB4m4 b-cuz he wuznt brn 1n da AMEEEERRRIIIICCCCAAAAAA!!!!!!! //– Okay... I took the time to decode what you were actually trying to say with your horrific spelling, and it really annoys me when you "birthers" stick your fingers in your ears, close your eyes, and ignore the fact that Obama has released his birth certificate and he was born in the United States. // – ur sch a GRMR NZI!!!!!!1!!!11!*). Тут, як бачимо, об'єктом нападу грамнациста стає така досить звична в інтернет-спілкуванні форма, як креолізованість тексту. «Креолізовані тексти – це тексти, структура яких складається з двох негомогенних частин – вербальної (мовної, мовленнєвої) та невербальної (яка належить до інших знакових систем, ніж природна мова)» [5, с. 180]. Відносно письмової комунікації, до креолізованих відносимо тексти, де іконічні компоненти домінують у полі паралінгвістичних засобів [1, с. 8]. Наявність у структурі креолізованого тексту негомогенних частин слід розглядати як один із засобів створення комунікативної напруги як у текстовому просторі, так і у просторі адресата, тому у даному прикладі слід вбачати натяк на ментальну й соціальну нединамічність грамнацистів, а також на відсутність в них почуття гумору, а іноді – й здорового глузду, про що свідчить пародійний текст:

Shakespeare: What a piece of work is man! how noble in reason! how infinite in faculty!

Grammar Nazi: Speak in complete sentences.

Shakespeare: The ability to communicate both colourfully and effectively is way more admirable than perfect grammar so stop consulting Webster's dictionary, you Grammar Nazi.

По-третє, об'єктом нападів грамнацистів стає мовна недбалість, неохайність та відповідні орфографічні й пунктуаційні невдачі (*Some High Schooler: LOL!!!!11 Hve fun nvr getting laid!1111!!!!*). Так, вважається, що Grammar Nazi не здатні зрозуміти такий жарт-діалог: «*A real grammar Nazi will understand this joke. :Person 1: I'm a* ***grammer*** *Nazi! Person 2: No, you are not a* ***grammar*** *Nazi*» [8].

Самі грамнацисти оцінюються в інтернет-спільнотах як «заклопотані бовдури», що вказують на дрібні недоліки письмового мовлення адресантів, проте іноді підкреслюється й їхня (грамнацистів) певна необхідність, хоч вона й подібна до потреби у вовках як санітарах лісу (*That grammar nazi's an ass, but he is right that you're stupid*).

На прикладі течії войовничого пуризму Grammar Nazi ми можемо переконатися, що конфліктогенні фактори є ***причинами*** породження вербальних конфліктів, а не власне «комунікативними невдачами», як зазначають О. А. Земська [4, с. 90–157], Б. Ю. Городецький [2, с. 64–78] та інші. Це не цілокупний факт вербального конфлікту, а лише один з етапів його перебігу, що дозволяє вибудовувати пропоновану класифікацію за обмеженою кількістю базових таксонів, причому, якщо навіть обрати для побудови їхньої типології інші параметри (наприклад, «нерозуміння» або «негативні естимації»), то врешті-решт вони все одно будуть з метою пояснення зведені до виділених нами трьох груп, що обумовлене тісним зв'язком мови з соціальною дійсністю та біопсихофізіологічними механізмами індивіда – тим «нежорстким ізоморфізмом» мовної системи відносно фізичного світу, суспільства та індивіда (мовної особистості). Таким чином, мовленнєве утворення (висловлювання, повідомлення, текст, дискурс), крім свого актуального значення, надає нам уявлення і про людину, яка його породжує (пор. «*Чтобы понимать, недостаточно слышать слова – нужно слушать человека*»). У випадку з Grammar Nazi адресат, сприймаючи мовленнєве утворення, не абстрагується від мовленнєвих характеристик свого партнера з комунікативного акту. У певний момент їх соціопсихоетнолінгвістична мозаїка може скластись (і для грамнацистів складається!) таким чином, що ці мовленнєві характеристики стають для адресата більш важливими, ніж самий предмет комунікації. Це, у свою чергу, створює однозначно негативно маркований мовленнєвий портрет адресанта й провокується вербальний конфлікт естимаційного, оціночного характеру.

Висновки та перспективи подальших досліджень. Окреслена нами у дослідженні проблематика вербальних конфліктів на цьому не вичерпується. З її теоретичних та прикладних аспектів, які залишилися за межами пропонованої роботи, слід вказати на такі, як проблема інших класифікацій вербальних конфліктів на інакших підставах та проблема подолання вербальних конфліктів, яка має важливе теоретичне й прикладне значення. На наш погляд, якщо залучити до опису вербальних конфліктів інші базові параметри, можна було б суттєво уточнити склад і природу нашого об'єкту. Такими параметрами могли б виступати *ступінь вияву вербального конфлікту* (під час аналізу з'явилася б можливість градуювання і, відповідно, скалярного представлення його різних типів); *тип мовлення* (у цьому разі можна було б послідовно протиставити інформативні вербальні конфлікти – фатичним, тим більше, що це питання на сьогодні не має однозначного рішення); *ступінь свідомості комунікантів у виборі конфліктного типу мовленнєвої взаємодії* (за цим параметром ми б отримали свідомий / інтенціональний вербальний конфлікт і несвідомий / нонреалістичний вербальний конфлікт); *тип діалогічної інтеракції* (виходячи з цієї ознаки можна розглянути специфіку статико-динамічних проявів вербальних конфліктів у кон'юнктивному, диз'юнктивному та нейтральному діалогах).

У цьому плані також цікаво було б проаналізувати не лише прямий, а й зворотний процес, поставивши питання: чому деякі вербальні конфлікти не породжуються, хоча мали б. Тут можна відзначити, що подолання та об'єктивізація конфліктогенного фактора можуть бути *власне мовленнєвими* (напр., контекстуальне зняття багатозначності або використання таких секвенцій для забезпечення розуміння, як уточнення, пояснення, перепитування тощо), *паралінгвальним* (сюди можна було б зарахувати жестове та мімічне підкріплення мовленнєвих дій, використання сигнальних білінгвів, особливі регістри тембру мовлення тощо), *екстралінгвальним* (яке здійснюється, наприклад, через знання ситуації спілкування, дейксис або базується на предметно-діяльнісних параметрах).

Особливої уваги заслуговує розробка прикладних аспектів теорії вербальних конфліктів – формування системи диференційованих рекомендацій з її застосуванням в лінгводидактиці, лінгвокраїнознавстві, теорії й практиці перекладу, юрислінгвістиці. Для юрислінгвістики лінгвоконфліктологія є широким методико-методологічним тлом, яке дозволяє створити аналітичну матрицю для вирішення суперечливих питань

юрислінгвістичних експертиз. Лінгводидактика має оперувати поняттями лінгвоконфліктології переважно в умовах використання з методичними цілями конфліктного типу мовленнєвої комунікації, зокрема такого лінгвопрагматичного феномена, як інтерогативи-перепитування, оскільки той, хто ставить запитання, завжди перебуває на вищому щаблі комунікативної піраміди. Нарешті, для теорії й практики перекладу важливим є такий інтралінгвістичний конфліктогенний чинник, як «міжмовні паралелі», влучно названі В. В. Акуленком «хибними друзями перекладача». У цьому плані цікавою була б спроба складання реєстру конфліктогенних чинників однієї конкретної мови відносно іншої конкретної. Це було б значним внеском у методику викладання мови іноземцям. У межах однієї мови (і єдиного мовного колективу) подібні рекомендації (як прескриптивні, так і дескриптивні) давно розробляються в ученні про культуру мови/мовлення, спілкування, поведінки.

Вирішення цих проблем збагатило б лінгвоконфліктологію як новими матеріалами, цінність яких полягала б у їхньому експериментальному, дослідному характері, так і новою методикою більш високого рівня формалізації.

Джерела та література

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов / Е. Е. Анисимова. – М.: Academia, 2003. – 128 с.

2. Городецкий Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач / Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 64-78.

3. Грамнацист [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://uk.wikipedia.org/wiki/Грамнацист.

4. Ермакова О. Н. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О. Н. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 90-157.

5. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180-186.

6. Чайка Л. В. Вербальний конфлікт: результати та перспективи досліджень / Л. В. Чайка // Лінгвістика XXI століття: нові дослідження і перспективи / НАН України. Центр наукових досліджень і викладання іноземних мов. – К.: Логос, 2010. – С. 89-96.

7. Grammar Nazi [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http: // lurkmore.to/Grammar_nazi.

8. Grammar Nazi [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.urbandictionary.com/define.php?term=Grammar%20Nazi.

УДК372.882:37.04 **Чаплінська Т. А.**

ФУНКЦІОНАЛЬНА РОЛЬ ПЕЙЗАЖНИХ ОПИСІВ В ТЕКСТАХ СТАРОАНГЛІЙСЬКОГО ПЕРІОДУ

В статье рассматривается функциональная роль пейзажных описаний в прозаических и поэтических произведениях древнеанглийской эпической литературы в зависимости от их жанровой классификации.

Ключевые слова: пейзаж, описание пейзажа, древнеанглийская литература, эпические жанры.

У статті досліджено функціональні особливості пейзажних описів у прозаїчних та поетичних творах староанглійської епічної літератури залежно від жанрової класифікації.

Ключові слова: пейзаж, пейзажний опис, староанглійська література , епічні жанри.

The article deals with functional peculiarities of landscape descriptions in prose and epic poetry of Old English period depending on genre classification.

Key words: landscape, landscape description, OE literature, epic genres.

Для сучасного етапу розвитку філологічної науки актуальним є вихід на перший план досліджень в контексті функціональної лінгвістики. Функціональна лінгвістика виходить з філософії функціоналізму, яка базується на ствердженні, що «функція створює реалію, визначає її природу» [3, с. 35] .

Метою даної статті є розгляд функціональних особливостей описів пейзажу в текстах староанглійського періоду.

Необхідно зауважити, що структуру текстів давніх часів не можна порівнювати з пізнішими текстами, у яких композиція твору залежить від основної думки автора, у яких автор сам відбирає необхідний матеріал в межах літературної традиції [6, с. 13].

Становлення староанглійської епічної літератури відноситься до періоду завоювання Британських островів західнонімецькими племенами, відомими під загальною назвою англосаксів. Серед літературних пам'ятників староанглійського періоду є зразки прози (представлені текстами ділового характеру і перекладами) і написані алітераційним віршем поетичні твори.

Розвиток англосакської літератури, і передусім поезії, представляє тривалий і надзвичайно складний процес. Не підлягає сумніву існування у англосаксів багатої епічної традиції. Попри те, що більшість староанглійських текстів дійшли до нас в порівняно пізніх рукописних списках, що носять певні сліди монастирсько-церковної культури, відома частина пам'ятників припускає існування древніших першоджерел [1, с. 211].

Алітераційна героїчна поезія англосаксів, на думку У. Кера, глибоко національна за своїм характером, стилем і манерою викладу [8, с. 41]. Вдосконалення поетичної майстерності відбувалося в процесі багатовікового розвитку германських племен, у результаті виникла англосакська епічна поезія, яка на відміну від верхньогерманської алітераційної поезії, що поступово в'янула і замінювалася римованим віршем, розквітала і не збиралася міняти свій «національний одяг» [8, с. 247].

Що стосується прози староанглійського періоду, то вона була представлена в основному перекладами з латини, переважно дидактичного і релігійного характеру і діловою прозою.

До найбільш відомих прозаїчних пам'ятників староанглійської епохи відносяться «Англосакська хроніка» («Suchunimaginativehistory», за визначенням У. Кера [9, с.12]), переклад «Церковної історії англів» Беди Високоповажного, якого називають «батьком англосакської прози», переклади короля Альфреда, зокрема, «Всесвітньої історії» Оросія, «Розради філософією» Боеція, «Турбот пастиря» папи Григорія I, переклад Эльфіка «Книги буття». В цих творах викладені основні події британської і англосакської історії, історія виникнення і

розвитку церкви у англосаксів, наведені описи війн і битв, але описи природи в них відсутні. Виключенням можна вважати написані Уесекським діалектом «Подорожі Охтхере і Вульфстана», включені королем Альфредом у вигляді дорожніх заміток в переклад з латинської мови твору Оросія «Всесвітня історія» (IX в.). Записані королем Альфредом безпосередньо із слів відважних мореплавців, ці замітки були цінними географічними і етнографічними відомостями про узбережжя Балтійського моря. Але і в цих уривках можна знайти не розгорнуті описи пейзажу, а лише повідомлення деяких географічних даних і окремі факти згадки тих або інших природних явищ і фрагментів ландшафту.

Значніший інтерес з точки зору опису пейзажу і явищ природи представляють пам'ятники староанглійської епічної поезії. Незважаючи на єдність поетичної тканини пам'ятників, створеною стереотипністю засобів вираження і єдиною системою стилістичних прийомів, епічні твори англосаксів розрізняються за характером і сюжетами і відрізняються несподіваним різноманіттям предметів і тем. Разючі контрасти і в самому об'ємі поетичних творів – від віршів в декілька рядків до просторих поем.

Поетичні пам’ятники староанглійського періоду представлені різними жанрами.

За визначенням, даним в «Словнику літературознавчих термінів», епічними називають «жанри, що утворюють особливий рід літератури – епос, або епічну поезію. Основними ознаками їх служать оповідання про зовнішні по відношенню до автора явища життя і сюжетність». «Епічна поезія зароджується в глибокій старовині як форма побутової розповіді про важливу для племені або роду подію, сюжетом якої служать випадки на полюванні, примітні явища природи, зіткнення» [5, с. 475].

Є.А. Мельникова пропонує наступну класифікацію творів англосакського епосу :

1) героїчний епос – «Беовульф», «Вальтере», «Битва при Фіннсбурзі», «Відсід»;

2) героїчні елегії – «Море мандрівник», «Блукач», «Деор», «Вульф і Еадвакер», «Послання чоловіка», «Руїни», «Плач дружини»;

3) релігійний епос – «Вихід», «Буття», «Данило», «Христос і Сатана», «Юліана», «Олена», «Долі апостолів», «Андрій», «Юдіфь», «Бачення хреста» та ін.;

4) історичні пісні – «Битва при Меллоні», «Битва при Брунанбургу», «Гімн про смерть короля Едуарда» та ін. [2, с. 633].

Академік М. П. Алексєєв вважав, що точні жанрові розмежування пам'ятників прадавньої англосакської поезії навряд чи можливі [1, с. 251]. Ряд творів може бути умовно віднесений до жанру епічних поем (наприклад, «Відсід» або «Нарікання Деора»). Деякі інші твори можуть бути названі героїчними елегіями («Мореплавець», «Мандрівник», «Розвалини»). Дещо ізольовані від іншої англосакської лірики поеми любові – «Послання чоловіка», «Нарікання дружини» і «Поема про Вульфа».

Деякі зарубіжні дослідники (Тіммер, Хойслер, Імельман) вважають за можливе віднести до жанру елегії лише дві із староанглійських ліричних поем – «Плач дружини» і «Вульф і Еадвакер», оскільки тільки в цих творах можна виявити властиві елегіям риси : нарікання, страждання через розлуку з коханим, порівняння сумного життя з щасливим минулим і прагнення знову набути любові і радості [7, с. 173].

Визнаючи трудність і деяку суперечність класифікації жанрів поезії староанглійського періоду, в цій статті ми дотримуватимемося класифікації Е.А. Мельникової.

Дослідження змісту пам'ятників староанглійської літератури (понад 30) показало, що найменшу кількість природних описів містять так звані історичні пісні і релігійний епос.

Історичні пісні є поетичною розповіддю про події, що реально відбувалися, найчастіше кровопролитні битви. І природа зображена в них як фон, місце дії описуваних битв.

Thefieldgrewdark
withsoldiers'bloodafterthesunroseupinthemorningtide,themarvelousstar,
glidedacrossthesky,thebrightcandleoftheLord...
("Brunanburg)
Thefightthenwasnear, honorablebattle.
Ravensflewabove, theeagle,eagerformeat.
(«Maldon»).

Дуже невиразні і одиничні пейзажні замальовки в творах релігійного епосу, що є обробкою релігійних біблейських сюжетів.

Thenatdawnwiththebreakofday,
hesetoutoverthe sand-hillstothe sea-shore,
boldinmind,andhisthaneswithhim,
walkingonthebeach.
Theoceanroared,thesurgesbeat.
(«Andreas»).

Дещо виразніше представлений опис потопу в релігійній поемі «Вихід», що займає видатне місце в циклі англосакських релігійних епопей. Моментом вищого поетичного підйому усього твору є останній епізод, де автор детально описує, як холодне море обрушилося на єгиптян:

Thewatersmountedup,thestormrosehightotheheavens...
...thewallofwatersroseup, theragingsea.
Theblueskywasblentwithblood;
theburstingseathreatenedwithterrorofdeaththejourneyofthesailors... ...waterrushedontheland;theairwasinturmoil.
(«Exodus»)

Описаний в поемі «Вихід» потоп є прикладом не спостережуваного, а сконструйованого пейзажу.

Досить конкретними і достовірними видаються об'ємні описи природи, які часто зустрічаються в героїчних елегіях, їхня функція – відобразити психологічний стан людей, що втратили своїх рідних і близьких. Найважливішою ознакою англосакських елегій є те, що герой цих елегій грає роль небувалу для героя в епосі : він приречений на бездіяльність і не може проявити себе інакше, як в силі духу і силі почуття. Такий нетрадиційний для епічної поезії поворот мотивується тим, що це герой – вигнанець, відірваний від батьківщини і залишений самому

собі [4, с. 214], герой елегії, вирваний зі світу людей, що гостро відчуває самотність і безвихідь, заповнює собою увесь простір. Пейзаж є лише фоном, на якому розгортається картина переживань героя:

They drovemeouttodwellinthewoodsunderanoak – tree, inthatoldstone – heap. Fallenisthishouse; I amfilledwithyearning. Thedalesaredim , thedownsarehigh, thebitteryardswithbriarsaregrown, theseatsaresorrowful.

(«TheWife'sLament»)

...whenitwasrainyweatherhesatwretched,weeping.

(«Eadwacer»)

Розірвані соціальні зв'язки в якійсь мірі заповнюються зв'язками, що виникають між героєм і природним оточенням.Проте кількість образів – картин природи дуже обмежена: зимова ніч з снігом і градом, море, покрите льодом, птахи, що літають над штормовим морем і так далі.Thenightdarkened, fromthenorthcameSnow, frostboundthefields, therewasfallofhail , coldestofseeds.

(«Seafarer»)

Описи природи досить стандартні, вони переходять з однієї елегії в іншу, виконуючи одноманітну функцію: вони служать символами емоційного стану героя. Почуття самотності і туги, що панують в душі героя, знаходять в цих образах своє поетичне вираження:

Thenwakesagainthefriendlesswight, seesbeforehimthefallowways,

sea – birdsbathingandspreadingtheirwinds, fallinghoar – frostandsnowmingledwithhail.

(«Wanderer»)

Похмурі і хмарні картини природи, що описуються в англосакських елегіях, викликають почуття настороженості і пригніченості. Виникає деяка єдність важкого душевного стану героя і навколишньої природи. Таким чином, в епічній поезії англосаксів найчастіше реалізується опозиція "темний пейзаж::темний стан душі". Ця загальна для староанглійського епосу тенденція порушується лише одним пейзажним описом – зображенням земного раю в поемі «Фенікс», Проте в даному випадку ми стикаємося з прикладом ідеального пейзажу, що містить традиційні елементи ідилічної картини природи.

Ідея зображення ідеального світу, наповненого красою і блаженством, населеного надприродними істотами, реалізується через використання негативних конструкцій, що вказують на відсутність неприємних для цього краю явищ:

прекрасна рівнина, зелені ліси
розстилаються під небесами
ні дощ, ні сніг, ні морозне
дихання, ні іній, ні спалах вогню, ні пекуче сонце,
ні нескінченний холод, ні тепла погода,
ні зимова злива не зможуть заподіяти шкоди.

(«ThePhoenix»)

У досліджених текстах літературних пам'ятників староанглійського періоду виявлені 45 різних пейзажних замальовок, які можна охарактеризувати не лише позитивно, але і негативно, вказавши, що в них не зображується. Пейзажні описи тут представлені зображенням дикої природи, при цьому майже повністю відсутні описи окультуреної природи (3 – в поемі «TheWife'sLament») . Але навіть дика природа не є об'єктом зображення, а лише середовищем дії, фоном душевних переживань героя.

Пейзажні описи в староанглійській поезії представлені зображеннями природних об'єктів (їх найбільша кількість – близько 30, наприклад, ocean, sea, stonecliffs, sea-shore, sand, sand-hi1ls, woods, forest-grove, valleys, hil1s, fields), погодних явищ (8 випадків, наприклад, hoar – frost, hail, snow, wind, mist) і невеликою кількістю пейзажних замальовок – індикаторів часу (5, наприклад, thenightshadowcomes, atdawnwiththebreakofday , thesunroseup), а також назвами живих істот як елементів природного середовища (8, більшість з них – назви птахів: sea-birds, eagle, tern, raven,erne, gull).

Ймовірно, описи природи в англосакській епічній поезії не сприймалися як самостійний естетичний елемент оповідання, оскільки їх включення в текст було обумовлено розвитком дії і не виходило за рамки необхідного пояснення. У ті далекі часи зв'язок людини з її природним середовищем був дуже тісним, зв'язок з природою був невід'ємною рисою її свідомості. Людина відчувала себе органічною частиною навколишнього світу, і через відсутність досить великої дистанції між людиною і природою ще не могло виникнути естетичного відношення до природи, не могла з'явитися здатність подивитися на природу відсторонено. Простір довкілля не міг отримати художнього втілення в літературних творах.

Поетичне мистецтво англосаксів ще не досягло в описах природи того рівня, на якому пейзаж, за образним виразом французького художника Теодора Руссо, повинен збуджувати почуття, будити думку.

Джерела та література

1. Алексеев М. П. Литература средневековой Англии и Шотландии / М. П. Алексеев. – М.: Высшая школа, 1984. – 351 с.
2. Мельникова Е. А. Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе / Е. А. Мельникова. – М.: Мысль, 1987. – 203 с.
3. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А. Н. Рудяков. – К.: Грамота, 2004. – 224 с.
4. Смирницкая О. А. Древнеанглийская поэзия / О. А. Смирницкая. – М.: Наука, 1982. – 320 с.
5. Тимофеев Л. И. Словарь литературоведческих терминов / Л. И. Тимофеев, С. В.Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 510 с.
6. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М.: Наука, 1978. – 605 с.
7. Henry P. L. The early English and Celtic lyric / P. L. Henry. – London, 1966. – 244 p.
8. Ker W. P. The Dark Ages / W. P. Ker. – Edinburg and London: William Blackwood and Sons, 1904. – 362 p.
9. Ker W. P. Essays on Medieval Literature / W. P. Ker. – London: MacMillan and Co., 1905. – 261 p.

УДК 81’36 **Чачанидзе И. А.**

ФЕНОТИПНАЯ КАТЕГОРИЯ РОДА: ГЕНДЕРНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА (НА БАЗЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ФОНДА РУССКОГО ЯЗЫКА)

В статье на материале лексикографического фонда русского языка рассматривается фенотипная категория рода и установлены дефолтные оппозиции.
Ключевые слова: фенотипы, гендер, дефолтная оппозиция.

У статті на матеріалі лексикографічного фонду російської мови розглядається фенотипно категорія роду і встановлені дефолтні опозиції.
Ключові слова: фенотип, гендер, дефолтна опозиція.

In the article phenotypic category of the sex according to the lexicographic materials of the Russian language are discussed and default oppositions are determined.
Key words: phenotypes, gender, default opposition.

Как правило, выделяется три вида рода: биологический, грамматический и социальный. Первый из них определяется как совокупность признаков организма, обеспечивающих размножение, по которым различаются мужские и женские особи, а также один из двух разрядов живых существ, различающихся по этим признакам.

Грамматический род-свойстенная разными частями речи и состоящая в распределении слов или форм по двум или трем классам, традиционно соотносимыим с признаками пола или их отсутствием. Эти классы же иногда проявляют однородную корреляцию по отношению биологическому роду(тут имеется в виду одушевленные имена существительные). А третий – гендер представляет собой социокультурный род, в рамках которого выделяется не женский и мужской, а женстенность и мужественность. Однако, гендерный подход предполагает исследование отражения гендерных отношении в истории языка, изучение пола как культурной репрезентации в лингвокультурологии [6].

Анализируя типологию языков, последователь Сепира Бенджамин Ли Уорф, на основании своих наблюдении (Средне-Европейский Стандарт и языки американских индейцев), выдвинул явные и скытые категории, т.е. фенотипы и криптотипы.

«Скрытые категории (криптотипы) – семантические и синтаксические признаки слов или словосочетании, не находящие явного (эксплицитного) морфологического выражения, но существенные для построения и понимания высказывания, в частности потому, что они оказывают влияние на сочетаемость данного слова с другими словами в предложении» [4].

В противоположность криптотипу – фенотипом называется языковая категория, обладающая явно выраженным значением, характерным для всех классов, и формальным показателем или сопровождающей морфемой. Таким образом, фенотипы – это морфологические категории классического вида, имеющие эксплицитное грамматическое значение и формальное выражение, то есть морфемы. Криптотипы же представляют собой скрытые категории, не характеризующиеся вышеуказанными свойствами; они основываются на семантических и синтаксических признаках слов.

В большинстве индоевропейских языков род является фенотипной категорией. Несмотря на то, что грамматический род здесь, как правило,-формальная величина. В нарицательных одушевленных именах группы кто? Очевидно взаимодействие биологических и грамматических данных. Однако, подобное явление больше характерно для языков с криптотипным родом (таковы , например, грузинский, турецкий, фино-угорские языки и т.д., где это имеет регулярный характер). Под вышеуказанным взаимодействием имеет в виду возникновение социального (т.н. гендерного) компонента в семантике слова. Конкретнее, например, когда речь идет об именах ремесел, оппозиции по грамматическому роду могут стать дефолтными, когда в референции отражаются особенности деления. Дефолт подразумывает то, что члены данной оппозиции не являются соотносимыми единицами. Примеров, потверждающих сказанное, много, например, в русском языке. В данном языке деривационный суффикс-к (а), как правило, в результате добавления к основе мужского рода образует форму женского рода с таким же значением [1]. ; например, студент – студентка. Между этими двумя словоформами (термин Ф.Фортунатова) нет никакой референционной разницы помимо того, что первая из них – мужского рода, а вторая – женского.

В других же –дефолтных парах, образуемых с помощью того же деривационного аффикса, разница может быть даже радикальной. Одним из ярких примеров подобной несоотносимости является:

Машинист – механик, управляющий ходом машины.

Машинистка – женщина, работающая на пищущей машинке.

Как видим, в данном случае налицо дефолтная оппозиция, поскольку формальное изменение, вносимое в слово по роду (путем присоединения соответствующей морфемы), вызывает уже референционное изменение. Приведенный пример не является единичным случаем; помиму указанного суффикса-к (а), в русском языке подобную картину могут дать такие суффиксы женского рода, как –иц (а), -ш (а).

В качестве иллюстрации приведем несколько примеров:

-к(а):

акушер– врач, специалист по акушерству;

акушерка – лицо среднего медицинского персонала, специалистка по акушерству;

партизан – один из первых сторонников кого,чего-либо;

партизанка – участник партизанской борьбы;

певец – тот, кто умеетпеть, кто хорошо поет;

певичка-исполнительница легкомысленных, пошлых песенок, куплетов;

содержатель – владелец, лицо,которое содержит какое-нибудь заведение;

содержанка – женщина, живущая на содержании у любовника;

телефонист – военный связист, специалист по прокладке телефонной линии;

телефонистка – работник телефонной станции;

-иц(а):

выборщик – при двухстепенных или многостепенных выборах-лицо, уполномоченное для участия в выборах;

выборщица – тот, кто производит выборку чего-либо;

закоперщик – рабочий, который руководит работами по забивке сваи в грунт при помощи копра;

закоперщица – зачищик, верховод;

затейник – организатор массовых развлечении;

затейница – изобретательный,склонный к затеям человек;

лапотник – тот, кто делает,продает лапти;

лапотница – тот, кто ходит в лаптях; крестьянка;

меховщик – специалист по пушному товару,мехам,торговец мехами;

меховщица – специалист по выделке мехов из шкур;

модельщик – рабочий, изготовляющий модели;

модельщица– мастерица, изготовляющая новые модели шляп;

наместник – заместитель кого-либо лицо, облеченное кем-либо правами, полномочиями;

наместница– помощница, настоятельница в женском монастыре;

-ш(а):

дублер – тот, кто паралельно с кем-либо выполняет одну и ту же работу и может заменить его внужный момент (водитель-дублер);

дублерша– актриса, заменяющая основного исполнителя роли;

кастелян -(устар.) – смотритель укрепленного замка, общественного здания;

кастелянша– заведующая бельем (в гостинице,общежитии, больнице и т.п.);

командир– начальник войнской части,подразделения, военного судна;

командирша– о женщине, любящей приказывать, распоряжаться;

курьер– лицо, посылаемое с каким-либо спешным поручением;

курьерша– служащий в учреждении, разносящий деловые бумаги;

премьер– то же, что премьер-министр;

премьерша– актер, исполняющий первые, главные роли;

секретарь – составитель протокола собрания, заседания;

секретарша– лицо, ведающее делопроизводством учреждения, организации, отдельного лица;

Примеры приведены из словаря Ожегова (1984) и Евгеньевой (1981-88).

Как видим, даже в языках с фенотипным родом имеются признаки лингвистической репрезентации того,что называется гендерным разделением труда.

В грузинском языке нет (и не было) категории грамматического рода. Однако, в таких языках можно обнаружить т.н. скытый род (у одушевленных существительных). Изучение этого феномена несомненно повлечет за собой очень ценные находки для социолингвистического и когнитивного аспектов гендерной лингвистики. Путем проведения соответствующих экспериментов и опросов возможно установить модели скрытого рода и ассоциировать их с существующими в обществе принципами гендерного разделения труда.

Источники и литература

1. Кузнецова А. И. Словарь морфем русского языка / А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова. – Москва, 1986. – 853 с.

2. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва, 1984.

3. Словарь русского языка в четырех томах / Под ред. Евгеньевой, Т. 1-4. – Москва, 1981-88.

4. Уорф Б. Л. Грамматические категории // Принципы типология, анализа языков различного строя / Б. Л. Уорф. – М., 1972. – С. 44-60.

5. Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии / Э. Хэмп. – Москва, 1964. – 1174 с.

6. Kikvidze Z. Retrospective and Prospective Coordinates of Language and Gender Study / Z. Kikvidze // Gender, Culture, Contemporaneity. – Tbilisi, 2005. – С. 256-265.

7. Whorf B. L. Language, Thought and Reality / B. L. Whorf // Selected writings of Benjamin Lee Whorf / ed. by J. B. Carrol. – Cambridge: MA, 1956. – С. 87-101.

УДК 81

Черкасова Т. В.

ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНИЦ МИКРОПОЛЯ ОБЛАДАНИЯ ПРЕДМЕТА ПРИЗНАКОМ В ЕДИНИЦЫ МИКРОПОЛЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПРИЗНАКА ПРЕДМЕТУ И НАОБОРОТ

Статья посвящена описанию явления синтаксической синонимии и возможности трасформирования синтаксических конструкций в рамках функционально-семантического поля атрибутивности (ФСП) и составляющих его микрополей.

Ключевые слова: трансформация, синтаксические синонимы, теория семантических форм мышления, функционально-семантическое поле атрибутивности, микрополя.

Стаття присвячена опису явища синтаксичної синонімії і можливості трасформирования синтаксичних конструкцій в рамках функціонально-семантичного поля атрибутивности (ФСП) і його складових микрополей.

Ключові слова: трансформація, синтаксичні синоніми, теорія семантичних форм мислення, функціонально-семантичне поле атрибутивности, мікрополів.

The article is devoted to the description of the phenomenon syntactic synonymy and opportunities transformation syntactic structures in the framework of the functional-semantic field of the attributiveness (FSP) and its constituent mikro fields.

Keywords: transformation, the syntax synonyms, theory of semantic forms of thinking, functional-and-semantic field of attributiveness, mikro fields.

Синтаксическими синонимами можно считать предложения, соотносительные в лексико-синтаксическом и лексико-фразеологическом планах, составляющие вариативный ряд по отношению к основной модели, которая выражает общее, «типовое» значение минимальными языковыми средствами и в которой смысловые и грамматические центры предложения совпадают.

В рамках ситуационного подхода следует признать равноценными (вариантами одного инварианта, которые в качестве синтаксических конструкций являются синонимами) предложения, отражающие одну типовую ситуацию, даже если они структурно различны. Например: *Верблюд выносив, Верблюд характеризуется выносливостью, Верблюду свойственна (присуща) выносливость, Для верблюда характерна (типична) выносливость.* Типовое значение «обладания предмета признаком» [1, с. 25].

Большинство синтаксических конструкций, конкретных реализаций модели микрополя обладания предмета признаком, трансформируются в синтаксические конструкции микрополя принадлежности признака предмету. Полученные путём трансформации предложения с иной направленностью отношений (в первом случае от предмета к признаку, а во втором от признака к предмету), с тождественным лексическим наполнением являются и модельными, и конкретными синонимами.

Интересен подход к синтаксическим синонимам Г.Ф. Татарниковой, рассматривающей одну из разновидностей – конкретные синонимы.

«Синтаксические синонимы, – пишет она, – это такие разноструктурные синтаксические конструкции, для которых характерна общность их грамматического (синтаксического) значения и смыслового содержания, вытекающая из их лексической соотносительности; структурными различиями определяются и оттенки общего значения, и стилистическая окраска» [2, с. 4].

- *Рука была теплая.* (Толстой) – *Тепло было свойственно руке.*

Данные конструкции являются конкретными синонимами, так как сохраняют логическое тождество и обозначают единую конкретную ситуацию, а также модельными синонимами, так как, выражая единое обобщённое значение, имеют структурные различия. Они различны в рамках параметров семантических форм мышления:

- направленность отношений между компонентами мысли;
- собственно отношения между компонентами мысли;
- распределение совокупного содержания между компонентами мысли;
- характер охвата отражаемого содержания.

При одной и той же системе отношений, то есть при наличии отношений между теми же компонентами, направленность отношений может быть разной. В предложениях *«Рука была тёплая»* и *«Тепло было свойственно руке»* выражаются отношения между тождественными по объективному содержанию компонентами мысли; но в первом случае отношение направлено от понятия о руке к понятию *«тёплая»*, что может быть обнаружено с помощью смыслового вопроса, направленного от компонента «*рука*» к компоненту «*тёплая*» (была какая?). Во втором случае непосредственно раскрывается отношение принадлежности признака *тёпла руке*, об этом свидетельствует вопрос, задаваемый от компонента «*тепло*» к компоненту «*руке*» (было свойственно чему?).

При отражении одного и того же объективного содержания различия в направленности отношений между компонентами мысли обычно сочетаются с различиями в самих отношениях. Так, в предложении «*Рука была тёплая*» отражено отношение обладания предмета признаком, а в предложении «*Тепло было свойственно руке*» – обратное отношение (принадлежности признака предмету).

В параметре распределение совокупного содержания между компонентами мысли рассматриваются способы качественного расчленения мысли. В микрополе обладания предмета признаком идея отношения сливается с понятием о признаке. Такова особенность имён прилагательных – своим категориальным значением раскрывать отношение обладания признаком. В микрополе принадлежности признака предмету идея отношения объединяется с понятием о предмете и выражается по-разному : с помощью падежной формы существительного, которое обозначает предмет как носитель признака, в приведенном примере с помощью прилагательного, от которого зависит существительное, обозначающее предмет.

В параметре характер охвата отражаемого содержания речь идёт об отношении содержания отдельной единицы мышления к любому более широкому содержанию, представленному в каждом данном случае в виде целостной более широкой мысли или не представленному. В микрополе обладания предмета признаком происходит обогащение понятия о признаке идеей отношения. В микрополе принадлежности – обогащается понятие о носителе признака идеей отношения.

Подобное наблюдаем и в следующих примерах:

♦ *Парус имеет белый цвет* (Бунин) – *Белизна свойственна парусу.*

♦ *Выпавший снег был глубоким* (Бунин) – *Глубина была характерна для выпавшего снега.*

♦ *Дни были тёплые* (Куприн) – *Тепло было присуще этим дням.*

♦ *Под лунным светом платье было белым* (Толстой) – *Белизна была свойственна платью под лунным светом*

♦ *Скрип был характерен для тачек* (Чехов) – *Тачки были скрипучие.*

♦ *Солёность была свойственна губам после купания* (Чехов) – *Губы после купания были солёные.*

Представленные конструкции являются конкретными синонимами, так как отражают единую объективную ситуацию и сохраняют лексическое тождество, и модельными синонимами, так как при общности типовой ситуации, отражённой в них, они структурно различны в рамках параметров «направленность отношений между компонентами мысли», «собственно отношения между компонентами мысли», «распределение совокупного содержания между компонентами мысли» и «степень расчлененности мысли».

Такое различие является закономерным и обязательным условием при трансформации синтаксических конструкций одного микрополя в синтаксические конструкции другого микрополя в рамках микрополя I степени (микрополя ситуативной атрибутивности).

Следует оговориться, что синонимичность в предложении наблюдается только тогда, когда речь идёт об одной и той же ситуации, которая одинаково оценивается в модальном плане: либо как реально существующая, либо

как допускаемая (предполагаемая), либо как не существующая, но желаемая. В связи с этим предложения, различающиеся по цели высказывания, не могут быть признаны синонимичными.

Предложение принято соотносить с суждением, но взаимное соответствие между этими единицами не может быть установлено. «Справедливо признаётся, – отмечает П. В. Чесноков, – что суждения воплощают в себе только повествовательные предложения. Вопросительные и побудительные предложения суждений не воссоздают, первое выражает мысль – вопрос, второе – мысль – побуждение» [3, с. 119].

- *Запах был медовым.*
- *Был ли запах медовым?*
- *Пусть запах будет медовым!*

Таким образом, синонимичность – отражение одной и той же ситуации (одинаково мыслимой в плане ее реализации в действительности), если же в ряде предложений речь идёт о ситуациях возможных, предполагаемых или желаемых (требуемых), то такие предложения следует признать несинонимичными. Их типовое значение оказывается нетождественным.

Однако предложения, тождественные по цели высказывания и отражающие одну и ту же типовую и конкретную ситуацию, то есть обладающие одинаковым типовым и конкретным значением, являются конкретными синонимами. Например:

- *Он смел.*
- *Смелость свойственна ему.* }конкретные синонимы
- *Смел ли он?*
- *Присуща ли ему смелость?* }конкретные синонимы
- *Пусть он будет смелым!*
- *Пусть смелость привьется ему!* }конкретные синонимы

Предложения, тождественные по цели высказывания и отражающие одну и ту же типовую ситуацию, то есть обладающие одним типовым значением, являются модельными синонимами.

В предложении ситуация ориентируется во времени, тогда как в словосочетании связь вневременная (без указания на определённое время события). Из сказанного следует необходимость уточнения и конкретизации понятия типового значения предложения. Оно определяется следующим образом: типовое значение – это общее значение множества различных по структуре предложений, отражающих одну и ту же типовую ситуацию как реально существующую, предполагаемую и желаемую (требуемую).

Интересно проследить возможности трансформации предложений в различных языках. За основу возьмём тождественные по содержанию предложения.

Язык	**Примеры трансформации**	**Структурная схема грамм. основы.**
Русский	1. Его зубы были белыми. 2. Белизна была характерна для его зубов 3. Свойственна ли белизна его зубам? 4. Пусть белизна будет свойственна его зубам!	——— ====. ——— ====. ==== ———? == ——— ===!
Английский	1. His teeth were white. 2. It was his style to have white teeth. 3. Is it possible to be his teeth white? 4. Let his teeth be white forever!	——— ====. ====. == — == —? ——— ===!
Немецкий	1. Seine Zähne waren weiβ. 2. Die Wieβe war charakteristisch für seine Zähne. 3. Ist die Wieβe charakteristisch für seine Zähne? 4. Die Wieβe sei charakteristisch für seine Zähne!	——— ====. ——— ====. === — ==? ——— === !

Примечание: так как в английском языке названия цветов не могут быть обозначены ничем иным, как прилагательными, то и возможности атрибутивных трансформаций будут ограничены.

Из сказанного следует, что можно говорить о двух разновидностях ФСП второго типа: в первой разновидности конституенты разных микрополей являются синтаксическими синонимами (*«Верблюд выносли»* – *«Выносливость свойственна верблюду»*), во второй разновидности конституенты разных микрополей синонимами не являются (*«выносливость верблюда»-»выносливый верблюд»*).

Таким образом, более полному раскрытию сочетательных способностей предложения и установлению синтаксических соотношений словосочетаний способствует теория синтаксической синонимии. На основе разных семантических форм отражения того объективного содержания, которое выступает как единое типовое значение, выделяются поля второго типа, в которых микрополя различаются не содержанием, а формой мысли. Следовательно, синонимия предложения и словосочетания рассматривается в рамках ФСП второго типа. Данное поле имеет две разновидности:

1) в одной из них конституенты разных микромикрополей являются синтаксическими синонимами;
2) в другой конституенты разных микромикрополей синонимами не являются.

В конкретных функционально-семантических полях свойства этих разновидностей могут объединяться, проявляясь на разных уровнях членения на микрополя, как, например, в функционально-семантическом поле атрибутивности. В этом случае функционально-семантическое поле представляет собой сложную, многоуровневую гетерогенную систему.

Учитывая то, что трансформация – это преобразование конструкций, следует отметить её положительные качества:

1. позволяет просто и компактно выразить чувство, состояние и пр.;
2. осуществить синонимическое варьирование, предоставляя возможность избежать однообразия (неуместные повторы);
3. помогает рационально подойти к выбору языковых единиц (например: употребление терминов, цифровых данных, общеизвестных названий);
4. предоставляет возможность компенсации некоторых потерь в результате стилистической нейтрализации;
5. упрощает понимание мысли читателем.

Целесообразность трансформаций подтверждает и то, что они позволяют с различных сторон взглянуть на одно и то же явление (процесс) в реальной объективной действительности. Трансформации являются средством более полного и глубокого анализа языковых единиц, в частности – единиц первого и второго микрополей в составе функционально-семантического поля атрибутивности.

Источники и литература

1. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
2. Татарникова Г. Ф. Синонимия именных оборотов с отглагольными существительными и придаточных предложений. Дис.. канд. филол. наук: 10.02.01 / Г. Ф. Татарникова. – Ростов-на-Дону, 1970. – 204 с.
3. Чесноков П. В. Два типа функционально-семантического поля / П. В.Чесноков //Языковые единицы. Семантика. Грамматика. Функции. Ростов-на-Дону: Гефест, 1998. – 167 с.

УДК 821.111.367:81’22+82-1

Чугу С. Д.

TEXT AND DISCOURSE INTERPRETATION IN THE SOCIOCOGNITIVE FRAMEWORK

Статья посвящена изучению особенностей применения социо-когнитивного подхода к анализу дискурса и текста в рамках теории контекста, рассматриваемого как субъективный конструкт, который создают участники коммуникативных ситуаций, представленных в тексте объективированными когнитивными моделями. Использование контекстуального анализа для исследования текстовых фрагментов позволяет установить и объяснить роль когнитивных моделей в процессе социального коммуникативного взаимодействия.

Ключевые слова: художественное пространство текста, когнитивная модель, коммуникативное взаимодействие, контекст, фоновые знания.

Стаття присвячена встановленню особливостей застосування соціо-когнітивного підходу до вивчення дискурсу і тексту в рамках теорії контексту, під яким розуміють суб’єктивний конструкт, що створюється учасниками комунікативних ситуацій, представлених імпліцитно в тексті/дискурсі низкою об’єктивованих когнітивних моделей. Використання контекстуального аналізу при дослідженні фрагментів тексту дозволяє визначити роль когнітивних моделей у процесі соціальної комунікативної взаємодії.

Ключові слова: художній простір тексту, когнітивна модель, комунікативна взаємодія, контекст, фонові знання.

The article deals with the relevance of the implementation of the socio-cognitive approach to discourse and text studies within the framework of the theory of context, context being regarded as subjective participants’ construct of communicative situations, that are made explicit through cognitive models. The application of the contextual analysis to the study of text fragments reveals how such models predetermine and explain social communicative interaction.

Key words: textual world model, cognitive model, communicative interaction, context, background knowledge.

Language, being a universal means of verbal representation of thought and knowledge, constructs and communicates meanings that reflect peculiarities of complex cognitive processes, resulting in the correlation of communication with linguistic manifestations of thought [1; 3; 4; 6; 12]. Cognitive science is involved in intensive studying and modelling of thinking that lies behind language and goes far beyond it, still language reflects the cognitive and thinking processes in certain ways, while cognition predetermines and supports the main spheres and dynamics of language use, language change and language organization [2; 7; 8; 10]. When people are involved in any language activity they draw unconsciously on vast cognitive resources, numerous models and frames, multiple connections, huge bulks of information and engage in creative mappings, transfers, and elaborations. Application of the contextual analysis to the study of discourse and text reveals how such models predetermine social interaction that cannot be accounted for within the traditional approaches. Context models help provide an explicit theory of relevance and the situational appropriateness of discourse, and also serve a basis for theories of text and communication.

Teun A. Van Dijk claims that unlike discourse or interaction, contexts are usually not ‘observable’ at all, whether traditionally defined as situational or societal constraints or as defined as mental constructs. Incidentally, text and talk are only ‘observable’ in a very specific sense of ‘being public’, presupposing shared members’ knowledge, because obviously the grammatical and other discursive structures, including those of meaning, cannot be directly ‘seen’, but are also results of the interpretations of the participants [12]. Still contexts may be considered observable via their manifestation in discourse, or via the influence of discourse on social situations, in case of political or social/public events.

Given the role of context in discourse, cognition includes viewpoints and reference points, figure-ground / profile-base / landmark-trajector organization, metaphorical, analogical, and other mappings, idealized models, framing, construal, mental spaces, counterpart connections, roles, prototypes, metonymy, polysemy, conceptual blending, fictive motion, force dynamics [5; 9; 11].

Cognitive constructs, operations, and dynamics, as well as the understanding of conceptual systems have become a central focus of linguistic analysis, texts being viewed as one of many sources of relevant data. Nevertheless, methods must focus on contextual aspects of language use and non-linguistic cognition as well. This means studying full discourse, language in context, inferences actually drawn by participants in an exchange, implicit assumptions and constructs, in other words, examples of manifestations of conceptual thought in discourse and text. It is assumed unanimously in the linguistic community that different operations apply to various levels of linguistic analysis: syntax governs the sentence, and semantics provides it compositionally with a meaning; at a higher level, other operations are at work to produce implicatures, derived meaning, indirect speech acts; then rhetorical and figurative devices such as metaphor and metonymy are involved. Still it is

argued that frames, schemas and prototypes account for word level and sentence level, syntactic/semantic properties in cognitive and construction grammar and they guide thought and action more generally [6; 9; 11]. Conceptual blending and analogy play a key role in syntax and morphology, in word and sentence level semantics and at higher levels [5; 8; 10; 12]. Similarly, force dynamics and fictive motion operate at all language levels.

As cognitive processes and linguistic means engaged in their objectivization are revealed in the text fragments we will analyze some extracts from the novel «Thinks» by David Lodge. The main theme, the characters and the very setting of the novel are connected with the study of cognitive processes at the research laboratory in the university:

… 'What is cognitive science, exactly?

'The systemic study of the mind,' he says. 'It's the last frontier of scientific enquiry.'

'Really?'

'The physicists have pretty well got the cosmos taped. It's only a matter of time before they come up with a unified theory. The discovery of DNA has transformed biology once and for all. Consciousness is the biggest white space on the map of human knowledge. Did you know this is the Decade of the Brain?'

'No. Who said so?'

'Well, I think it was President Bush, as a matter of fact,' says Ralph. 'But he was speaking for the scientific community. All kinds of people have got interested in the subject lately – physicists, biologists, zoologists, neurologists, evolutionary psychologists, mathematicians …'

'Which of those are you?' Helen asks.

'I started out as a philosopher. I read Moral Sciences at Cambridge, and did a PhD on the Philosophy of Mind. Then I went to America on a fellowship and got into computers and AI – '

'AI?'

'Artificial Intelligence.' …. [13: 36].

In the process of social and communicative interaction both speakers – Ralph and Helen – engage in situations/constructions on the basis of linguistic and extralinguistic structures to achieve effective communication.

It is so due to a number of factors, namely the cultural, contextual, and cognitive substrate, on which the language forms operate, is sufficiently uniform across interlocutors to allow for a reasonable degree of consistency in the unfolding of the prompted meaning constructions. The study and the analysis prove that uniformity works across linguistic levels, the word, the sentence, the sentence and its context, the whole discourse and general reasoning. Still, there are other generalizations that transcend specific cognitive domains. Cognitive linguists have argued extensively for the cognitive generality of the mappings, correspondences, bindings, integration, pragmatic functions, framing, force dynamics, prototype structures, and knowledge structures based on background knowledge that underlie the construction of meaning as reflected by language use [12]. Thus cognitive linguistics is a powerful means of revealing and explaining general aspects of human cognition.

While studying context in relation to discourse all aspects of social situations, on the one hand, and all the variable structures of language, on the other, are revealed, thus the study of context forms an essential part in linguistic research. Many concepts of context, such as «context of culture», «context of situation», «register» and «genre» are being re-examined. Adequate interpretation of the information that is shared in communication is possible only due to the background knowledge of the speakers. In the example below the references such as *the film Ghost*, *Whoopi Goldberg, Demi Moore* are the indications of the temporal parameter that creates the effect of reality in combination with other language devices.

SATURDAY 22nd Feb. Last night the film Ghost was on television after the News, and I decided to watch it, although I had seen it before …

The few details of the movie that had lodged in my memory were the special effects when the character died: for instance, the hero gets up from the ground apparently unscathed and only realizes that he's dead when he sees his distraught girlfriend cradling his own lifeless body in her arms; and when the baddies die they are immediately set upon by dark gibbering shapes that drag them screaming off to hell (surprisingly satisfying, that). And I remembered that Whoopi Goldberg had been very funny in the role of the fraudulent medium who is disconcerted to find herself genuinely in touch with the spirit world. These things were just as effective the second time round. What I wasn't prepared for was the way the love story would overwhelm me. Demi Moore, whom I've always considered a rather wooden actress, seemed incredibly moving as the bereaved heroine…[13, c. 20-21].

The most essential theoretical assumption of this study is that it is the definition, interpretation, representation or construction by the participants of the social situation, in terms of subjective context models, that influences how they speak, understand and react in the communicative interaction. In other words, societal or situational structures are representations of language users' experience and mental/ cognitive models of real situations, stored in their memory. Based on this theory, a different concept of context is worked out, context being defined as subjective constructs designed and ongoingly updated in interaction by participants as members of groups and communities [12]. In the elaboration, the theory is seen to have an important concept 'context model', a notion Teun A. Van Dijk derives from «mental models».

A mental model is a subjective and socially based construct of the participants about the for-them-relevant properties of a social situation. Thus, context models organize the way our discourse is strategically structured and adapted to the whole communication situation in the same way as more general mental models organize how language users adapt their action to the social situation and environment. Evidently, speakers communicate effectively using embodiments of many shared experiences, which they received throughout their lives. These actually often reflect their individual character traits, social (professional) identities or/and group memberships.

There is a small table beside the front door where the gifts and cards have been deposited. Ralph unwraps Helen's present, and draws the stainless steel abacus from its box. 'Ah, what I've always wanted,' he says. 'Thank you very much'.

'I thought it might come in useful when the millennium bug strikes,' says Helen.

'I saw a cartoon the other day, with two ancient Romans looking at one at one of these,' he says, sliding a few ball-bearings along the top wire of the abacus with his forefinger, 'and one is saying to the other, «I'm afraid it's going to crash when we move from BC to AD».'

'Seriously,' says Helen. 'Aren't you worried? I read somewhere that on January 1st 2000 everything will stop. Planes will fall out of the sky, ships go round and round in circles, operating theatres will go dark, supermarkets will run out of food and nobody will get paid their wages or their pensions.'

'Alarmist talk and millennium fever,' says Ralph. 'There is a problem with some of the big old main-frame computers, but it'll be sorted out.'

'I'm rather sorry to hear you say that,' says Helen. 'There's something rather poetically satisfying about the idea of modern civilization being undone by its own technology.'

'Well, you wouldn't much enjoy being pushed back into the Middle Ages overnight, I can tell you,' he says [13, с. 137].

The speakers obviously have different ideas about the role modern technologies play at present. Such linguistic expressions *as the millennium fever, millennium bug, alarmist talk* indicate the approach of the year 2000 with numerous predictions of the crash scenario.

The application of the theoretical framework to a contextual analysis of texts leads to several conclusions: first, it involves most of the categories or properties of context models. In addition to the so called parameter categories of setting (time, location), the analysis displays the context modelling of the speakers' identities and their social roles. Second, much of the social and communicative interaction is predetermined by the context models due to a number of socio-political aspects. Third, cultural and national characteristics are to be taken into account as well. Thus, in the perspective of social cognition, the concept of context models is extended from cognitive features of various kinds of personal (and social shared) knowledge to social features that involve dimensions of social beliefs and social relations.

To conclude, context models lie behind linguistic representations of the event, that is the topic, which is objectivized in the textual world model, and reflection of the communicative event or situation that includes the settings (time and space) and speakers (social identities). The results obtained in the research reveal the interdependence and mutual influence of the social context and the text, seen as conditioned by a number of factors and shown via the context analysis. The data prove the subjective, on-going construing of the speakers' identity that greatly contribute to the use of language devices, choice of topics, style and behavior patterns of the speakers in the communicative interaction.

Sources and Literature

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ, 2001. – 123 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание /А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 411 с.
4. Воркачев С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С.76 – 83.
5. Залевская А. А. Введение в психолингвистику [Учебник]. – Изд. 2-е, дополн. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 554 с.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Красных В. В. Строение языкового сознания: фрейм-структуры / В. В. Красных // Когнитивная семантика. – Ч.1. – Тамбов, 2000. – С. 53-55.
8. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, П. Г. Лузина // Под общ. ред. Е.С.Кубряковой. – М.: Издательство МГУ, 1996. – 245 с.
9. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII. – М., 1988. – С. 12-52.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
11. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
12. Van Dijk, Teun, A. Society and discourse: How social contexts influence text and talk / Teun A. van Dijk. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 287 p.
13. Lodge D. Thinks… / D. Lodge. – London: Penguin Books, 2002. – 342 p.

УДК 81' 234:168.522

Чумаков А. Н.

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНТОНИРОВАНИЮ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В статье предлагаются приемы и методы интенсификации обучения немецкому безакцентному произношению на сверхсегментном уровне, рассматриваются проблемы адекватного перекодирования письменного текста в устный , механизмы перехода структурно-смыслового восприятия текста на полную артикуляционную базу в соответствии с заданной прагматической целью коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, синтагматическое членение речи, коммуникативная мотивированность интонации.

У статті запропоновано прийоми і методи інтенсифікації навчання німецькій безакцентній вимові на суперсегментному рівні, розглянуто проблеми перекодування письмового тексту в усний, механізми переходу структурно-смислового сприйняття тексту на повну артикуляційну базу відповідно до заданої прагматичної мети комунікації.

Ключові слова: комунікативна компетенція, синтагматичне членування мовлення, комунікативна мотивація інтонації.

The article deals with the methods and techniques of how to intensify German accentless pronunciation skills at the suprasegmental level; problems of equivalent written-oral code conversion, and mechanisms that help convert the structural and semantic text perception into full articulation base in accordance with the given pragmatic purpose of communication are being studied.

Keywords: communicative competence, syntagmatic speech partitioning, communicative motivation of intonation, logical stress.

В последние десятилетия все более перспективным и плодотворным признается коммуникативно-направленное обучение иностранным языкам, конечной целью которого являются возможность и способность участвовать в общении, то есть порождать и воспринимать иноязычную речь в соответствии с реальной ситуацией общения и заданной прагматической целью коммуникации [5, с. 13]. Это объясняется настоятельной потребностью сегодняшнего дня в высоком практическом владении устной иноязычной речью. И каждый учащийся в отдельности, и все наше государство в целом заинтересованы сегодня в практическом владении иностранным языком, обеспечивающим выход на мировой рынок, приобщение к мировой культуре. Поэтому в качестве приоритетной цели выступает коммуникативная компетенция [1, с. 31].

Стремление к усилению коммуникативной направленности обучении иностранному языку, попытки приблизить его к процессу коммуникации окажутся безуспешными, если у студентов не сформировано произношение, максимально приближенное к безакцентному, [2, с. 3] и отсутствуют соответствующие навыки интонирования.

Развить интонационно выразительную и логическую речь учащихся можно, если чтению вслух – сложному виду речевой деятельности – уделить должное внимание. Коммуникативная цель чтения вслух заключается в том, чтобы максимально приблизить звуковой вариант текста к письменному, тем самым отобразив содержание текста, заложенного в него автором. Это вовсе не означает перевод каждого отдельного слова текста в его звуковой эквивалент. Адекватность восприятия слов-графем ещё не может служить основанием для правильного интонационного оформления письменного текста.

Подход к тексту как линейной последовательности отдельных слов или предложений приводит к невозможности разобраться в содержании его отдельных тематических частей. Особенно ярко несостоятельность такого подхода проявляется при обучении чтению на иностранном языке, что выражается в дальнейшем в неумении передать содержание прочитанного в устной форме. Теория речевой коммуникации предусматривает обязательный учет ситуации, контекста, в которых реализуется определенная речевая деятельность, а также её мотивацию. Именно она лежит в основе коммуникативной направленности целостного высказывания – текста, тем самым обусловливая реализацию его отдельных языковых форм.

Таким образом, приемы и методы интенсификации обучения иностранному языку на современном этапе предусматривают повышение роли текста как учебного материала в формировании и развитии коммуникативной компетенции студентов. Адекватное перекодирование письменного текста в устный вовсе не означает их полной знаковой идентичности, что объясняется разными возможностями языкового выражения идентичных денотатов [4, с. 71].

Письменный текст, который усваивается читающим на основе зрительного восприятия букв, следует рассматривать «как первый момент запуска связей речевого динамичного анализатора». Человек, как известно, проговаривает про себя то, что пишет или читает [8, с. 20]. Микродвижения речевого аппарата способствуют лучшему восприятию письменного текста. Чтение вслух развивает механизм перехода структурно-смыслового восприятия на полную артикуляционную базу.

Учитывая тот факт, что артикуляционный аспект реализации какой бы то ни было речевой программы воспринимается как первичный, графическое представление текста рассматривается только как вторичный способ его фиксации на бумаге. Это подтверждает принципиальную мысль о том, что при чтении текста вслух следует исходить не столько из его формально– графических признаков, сколько из динамичных звуковых и просодических стереотипов, мотивированных функционально. В основе правил чтения вслух должны лежать в особенности интонационной организации устной речи. Таким образом, успешный процесс чтения возможен только при условии взаимодействия трёх факторов: графического, артикуляторно-акустического и слухового. Особо следует подчеркнуть, что правильный интонационный анализ текста можно сделать только при наличии развитого речевого слуха. Поэтому одной из важнейших задач в этой нелегкой работе является разработка способов развития слуха. Эффективным приемом может служить сравнительное чтение двух студентов с наиболее ярко выраженными индивидуальными особенностями произношения. Студенты-слушающие должны определить и объяснить причину их возникновения. Чтобы студенты чувствовали выразительные возможности интонации немецкого языка, необходимо предъявлять им на занятиях записи носителей языка, не только дикторов радио и телевидения, речь которых является эталоном, но и профессиональных мастеров художественного слова, что в значительной степени будет способствовать осознанности особенностей интонации изучаемого языка в сравнении с родным.

Особое внимание следует обратить на некоторые различия процесса восприятия устного и письменного текста. Большинство лингвистов, изучающих особенности звуковой реализации языка, считает, что для адекватного описания разговорной речи необходимо отказаться от ее рассмотрения с позиций письменного языка. Система правил, в соответствии с которыми строится устное речевое высказывание, либо рассматривается как самостоятельное построение, учитывающее только особенности разговорной речи, либо выводится из сопоставления нормы письменного языка с его звуковой реализацией и трактуется при этом как отклонение от нормы. Иногда предпринимается попытка найти единую систему описания как для письменного языка, так и для разговорной речи. Как справедливо подчеркивает Потапова Р.К., какой бы подход не лежал в основе анализа разговорной речи, в любом случае она не может быть рассмотрена в отрыве от норм письменного языка. Письменный язык и разговорная речь не различаются в отношении лежащей в их основе компетенции. Их различия проявляются на уровне реализации вследствие разных условий данной реализации [7, с. 103]. Так, если опорными сигналами членения письменных текстов являются пунктуационные знаки, то одним из основных средств сегментации устного текста является интонация. Воспринимая устный текст, слушающий опирается также на просодические сигналы (паузы) – маркеры его членения / связи, которые определяют границы коммуникативных единиц. Эти сигналы далеко не во всех случаях соответствуют их формально-графическим эквивалентам. При обучении выразительному чтению на немецком языке необходимо отделять паузой группу подлежащего от группы сказуемого, даже если между ними отсутствует пунктуационный знак: *Die Luft im Walde / ist besonders frisch und rein; Lustige Schmetterlinge / schlagen mit ihren bunten Flügeln*. Возможно и более дробное членение группы сказуемого. Слова-расширители группы подлежащего и сказуемого также следует выделять паузой: *Die Bäume stehen voller Blüten / und scheinen miteinander zu flüstern; An den Abhängen der Schlucht / blühen blutrote Mohnblumen und blaue Glöckchen*. При этом

синтагматическое членение не должно нарушать синтаксических связей между словами. Так, например, при обратном порядке слов в отдельную синтагму выделяются паузой, как правило, обстоятельство места, времени, цели, причины, образа действия (при отсутствии пунктуационного знака): *Hier und da / begann man die Türen aufzuschließen; Vor einem Lebensmittelgeschäft / blieb Karl stehen; Auf dem Dache / wehte eine Fahne im schwachen Wind; Kurz vor Frankfurt / ging ich in mein Abteil zurück*. Как видим, членение фразы на синтагмы – смысловые сегменты – является отображением мысли говорящего. Однако семантический критерий их выделения связан с синтаксическим построением предложения: синтагматическое членение ограничивается синтаксическими нормами связей между словами в рамках фразы.

Результаты новейших экспериментально-фонетических исследований устной немецкой речи требуют определенного переосмысления традиционных взглядов на иерархию пауз по их длительности. В частности это касается таких графических знаков как запятая и точка, которые фиксируют паузу соответственно меньшей и большей длительности. Анализ показывает, что пауза прежде всего соответствует характеру смысловой связи между сегментами текста. Её длительность зависит от степени смысловой завершенности предпаузального сегмента. Так, межфразовая пауза, которая является границей надфразовых единств, длительнее межфразовой паузы в середине такого единства. Наиболее слабо идентифицируемые аудиторами паузы относятся к участкам на границах между лексическими единицами в рамках фонетического слова. Им соответствуют полное отсутствие физической паузы или пауза длительностью меньше 60 мс. На границах фонетических слов длительность паузы колеблется в диапазоне от 60 до 100 мс. Наилучшим образом идентифицируются паузы на межфразовых границах. Их длительность варьируется в пределах от 100 до 900 мс [6, с. 188]. Градация их длительности зависит не от характера пунктуационного знака, а от семантических отношений между сегментами текста.

Большое количество ошибок у студентов именно в интонации, бесспорно, является результатом интерферирующего влияния родного языка на иностранный. В значительной мере это объясняется и наименьшей степенью осознанности явления интонации как такового не только в иностранном, но и в родном языке. Осознанность интонационных закономерностей является, однако, лишь необходимым, но не достаточным условием для правильного употребления в речи немецких интонационных структур. Процесс обучения иностранному языку опирается на лингвистические модели его функционирования. Как только же мы переходим на уровень коммуникации, эти модели, которые являются статичными, оказываются в принципиальном противоречии с самим процессом речевой деятельности. Из этого можно сделать вывод, что хоть процесс обучения интонации опирается на статичные интонационные модели различных по цели высказывания типов предложения (повествовательного, вопросительного, побудительного) во внеситуационных условиях, эффективность процесса обучения будет достигнута только через динамичные модели речевой деятельности. Повседневная жизнь порождает коммуникативную мотивированность интонации, делает её непринужденной и естественной. Психологи объясняют природную выразительность интонации её тесной связью с поведением человека, с реальными условиями общения. В период обучения в языковом вузе студенты должны осознать основные типы и виды интонации, которые реализуются в определенных условиях общения, чтобы уметь репродуцировать их в реальных коммуникативных ситуациях.

Правильному интонационному оформлению предложения и членению текста способствуют специальные упражнения. Естественно, что в целенаправленном учебном процессе не представляется возможным сразу обучать устной речевой активности в ее естественном виде. Тем не менее языковой материал текстов, зрительная и слуховая наглядность, ситуативная обусловленность заданий должны позволять с самого начала обучения выполнять не только языковые (тренировочные), но и речевые (коммуникативные) упражнения [3, с. 14]. Работу над интонацией целесообразно начинать со слушания текста, начитанного диктором, и одновременного проговаривания его про себя со зрительной опорой. В аудиторных условиях рекомендуется чтение текста хором и индивидуально вслед за диктором, а также выполнение упражнений на различия интонационных контуров основных коммуникативных типов предложений. Значение такого рода упражнений трудно переоценить, поскольку они ярко демонстрируют тот функциональный диапазон интонационных способов, который может быть выявлен только на уровне устного текста. Необходимы также упражнения на чтение предложений, выражающих различные оттенки модальности. Развитию беглости чтения и закреплению правильного интонирования способствует чтение вслух отрывка текста за определенное время с записью на ленту с последующим прослушиванием и анализом допущенных ошибок.

Студент языкового вуза должен владеть навыками пользования ударения, возможными его разновидностями: словесного, синтагматического и фразового. Важно подчеркнуть, что в тексте ударение имеет различное просодическое выражение и поэтому воспринимается как сильное или слабое. Многие слова в предложении в нейтральной речи остаются совсем безударными. Это служебные элементы, грамматически зависимые, незнаменательные части речи, служащие для выражения различных семантико-синтаксических отношений между знаменательными словами. К ним относятся артикли, предлоги, отрицания, союзы, вспомогательные и модальные глаголы, которые стоят перед ударным словом или после него и соответственно называются проклитикой и энклитикой [9, с. 230]. Сильным ударением выделяются информативно наиболее важные элементы устного текста.

В сфере речевого общения, в непосредственном, живом контексте могут происходить ритмико-интонационные сдвиги предложения в зависимости от познавательной установки говорящего, что требует выработки специальных навыков пользования логическим ударением как способом выделения наиболее информативного элемента мысли. Так, предложение *Morgen kommt meine Mutter aus Berlin* приобретает различный смысл в зависимости от места логического ударения:

***Morgen** kommt meine Mutter aus Berlin (nicht heute).*
*Morgen kommt meine **Mutter** aus Berlin (nicht mein Vater).*
*Morgen kommt meine Mutter aus **Berlin** (nicht aus München).*
*Morgen kommt **meine** Mutter aus Berlin (nicht seine).*

Благодаря логическому ударению мы имеем возможность выражать разные оттенки мысли. Та же самая фраза является лишь констатацией факта, если употребляется без логического ударения, и представляет собой единое смысловое целое, объединенное фразовым ударением на последнем ударном слоге.

Коммуникативная цель высказывания, прежде всего, передается движением тона. Определяющим при этом является характер движения тона в главноударном слоге – смысловом центре фразы. Предтакт же относительно монотонен, находится на нейтральном мелодическом уровне в отличие от русского языка, где чередуются безударные и малоударные слоги на разных мелодических уровнях [2, с. 27]. Внутренние неконечные синтагмы имеют в немецком языке свою особенность произнесения без падения тона в главноударном слоге или иногда с небольшим повышением тона, сигнализирующим о смысловой незавершенности синтагмы, о ее тесной связи с последующим сегментом. Серия тренировочных упражнений должна быть посвящена нахождению в каждой синтагме слова, которое несет новую информацию; выявлению смыслового центра предложения, осознанию тех изменений, которые вносит в интонационную конструкцию перемещение такого центра с конца предложения на его начало; выработке умений правильно репродуцировать те интонационные конструкции, которые встречаются в тексте.

При этом следует подчеркнуть, что конечная цель коммуникативно-ориентированного обучения иностранному языку на специальном факультете заключается в умении четко выражать свои мысли и понимать речь собеседника – носителя языка, то есть осуществлять процесс коммуникации. Полученные теоретические и практические знания должны закрепляться в активной речевой деятельности студентов, что стабилизирует освоенную ими литературную норму произношения.

Источники и литература

1. Вайсбурд М. Л. Методы обучения. Выбор за Вами / М. Л. Вайсбурд // Иностранные языки в школе. – М., 2000. – С. 29-34.
2. Вербицкая Т. Д. Немецкий – без акцента. Коммуникативно-ориентированный вводный фонетический курс немецкого языка / Т. Д. Вербицкая. – Одесса, 1995. – 152 с.
3. Вербицкая Т. Д. Основные принципы реализации коммуникативно-направленного обучения иноязычному произношению / Т. Д. Вербицкая // Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора В. Л.Скалкина. – Одесса, 1998. – С. 12-16.
4. Гладков В. В. Вопросы функциональной эквивалентности в сопоставительной лингвистике / В. В. Гладков // Русский язык за рубежом. – 1985. – № 6. – С. 70-83.
5. Голубенко Л. Н. Лингвопсихологический аспект теории коммуникации / Л. Н. Голубенко, Н. Ю. Колесниченко // IV Міжнародна науково-практична конференція з питань методики викладання іноземної мови, пам'яті професора В. Л. Скалкіна. – Одеса, 2005. – С. 13-20.
6. Петлюченко Н. В. Реализация консонантных сочетаний на стыке лексических единиц (инструментально-фонетическое исследование на материале речи дикторов радио и телевидения Германии): дис. канд. фил. наук : спец. 10.02.04. «Германские языки» Наталья Владимировна Петлюченко – Одесса, 1999. – 230 с.
7. Потапова Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика / Р. К. Потапова. – М., 1997. – 528 с.
8. Скалкин В. Л. Основы обучения устной иноязычной речи / В. Л. Скалкин. – М., 1981. – 248 с.
9. Стеріополо О. І. Теоретичні засади фонетики німецької мови / О. І. Стеріополо. – Вінниця: Нова книга, 2004. – 320 с.

УДК 811.111:81'37:159.955

Шамаєва Ю. Ю.

ЕМОЦІЙНИЙ КОНЦЕПТ ЯК КВАНТ ЗНАННЯ МАТРИЧНОГО ФОРМАТУ (НА ПРИКЛАДІ КОНЦЕПТУ *БІЛЬ*, ЕМОТІОЛОГІЗОВАНОГО В АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ)

В статье рассматривается специфика концептуализации эмоций как знания матричного формата, репрезентированного в системе языка, что выявляется на примере мониторингового исследования способов метафорической репрезентации концепта БОЛЬ, актуализированного в дискурсе пациентов с соматическими заболеваниями (на материале медицинских дневников на английском языке). С точки зрения когнитивной лингвистики изучены особенности эмотиологической объективации целевого концепта с фокусом на корреляциях между концептуально-метафорической вербализацией концепта БОЛЬ и состоянием больного.

Ключевые слова: знание матричного формата, концепт БОЛЬ, метафора, эмоция, эмоционально-чувственный событийный концепт.

У статті розглядається специфіка концептуалізації емоції як знання матричного формату, репрезентованого у системі мови, що виявляється на прикладі моніторингового дослідження способів метафоричної репрезентації концепту БІЛЬ, актуалізованого у дискурсі пацієнтів зі соматичними захворюваннями (на матеріалі медичних щоденників англійською мовою). З точки зору когнітивної лінгвістики вивчено особливі риси емотіологічної об'єктивації цільового концепту з фокусом на кореляціях між концептуально-метафоричною вербалізацією концепту БІЛЬ та станом хворого.

Ключові слова: емоція, емоційно-чуттєвий подійовий концепт, знання матричного формату, концепт БІЛЬ, метафора.

The article focuses on the peculiarities of conceptualizing emotions as knowledge of a matrix format, represented in the system of a language, which is revealed within the framework of research monitoring the ways the concept PAIN, actualized in the discourse of patients with somatic diseases, is metaphorically represented (on the factual basis of English language medical report diaries). From the point of view of cognitive linguistics there has been studied the specificity of the emotiological objectivization of the target concept with an emphasis on the correlations between the conceptual-metaphorical verbalization of the concept PAIN and the state of a patient.

Key words: concept PAIN, emotion, emotion-feeling event concept, matrix format knowledge, metaphor.

Сьогодні проблема вивчення емоцій Homo loquens як Homo sentiens, їхньої концептуалізації та мовної об'єктивації є тим актуальним дослідницьким фокусом, де інтегрується ціла низка парадигм сучасного антропоцентричного мовознавства, зокрема когнітивно-дискурсивна, комунікативна, прагматична, культурологічна, соціо- та психолінгвістична, тощо. Вищезазначена емотіологічна поліпарадигмальність свідчить про те, що емоції пронизують «усю ментальну, вербальну та авербальну діяльність людини, що все у мові є динамічним завдяки емоціям» [10, с. 113]. Ключовим інструментом пізнання емоцій є мова [9] як функціонально-семіотична система, що репрезентує концептуальну систему етносемантичної особистості та роботу її когнітивних механізмів сприйняття, категоризації, пам'яті, водночас реалізуючи когнітивний досвід людини, її знання, емоції, що уможливлює дослідження модусів їхнього існування та архітектоніки.

Нерозривний зв'язок між когніцією як «процесом пізнання світа людиною, що є завжди індивідуальним та таким, що спирається на власний досвід взаємодії з цим світом: практичної, ментально-емоційної, вербальної» [5, с. 93] та власно емоцією є природним. По-перше, «емоції – це генетичні програми поведінки, що мають енергетичні властивості відтворення, трансформації, динаміки, інтенсивності, мотивування» [3, с. 35], концептуалізуючись переважним чином амбівалентними кластерами в одному почутті. По-друге, психофізіологічна функція емоцій – у тому, що вони забезпечують наші реакції на значущі зовнішні та внутрішні впливи додатковою енергією, яку мають природжені програми емоційної поведінки експериєнцера, тобто емоція з'являється за участю інтелекту, безпосередньо спрямовуючи сприйняття та поведінку [6]. І, хоча провідною характеристикою емоцій є ситуативність та предметність, вони самі можуть породжувати певні ситуації (М. Ю. Урнов, D. Matsumoto, P. Braud) як когнітивні тригери. Отже, емоція мотивує когніцію, а когніція інтенсифікується емоціями (Т.С.Кириленко, В. І. Шаховський, J. A. Russell та ін.). Крім того, мовні репрезентації концептуалізованих емоцій можуть стати їхніми заступниками у мовній свідомості і, за теорією І. П. Павлова про взаємодію першої та другої сигнальної систем, є також здатними емоційно переживатися індивідом.

Звідси витікає, що особистісний емоційний досвід можна класифікувати як різновид емоційного знання, як систему, що відбиває досвід емоційного пізнання оточуючого світу людиною і досвід його мовної репрезентації, при чому «мова (емоцій) сама стає дійсною свідомістю, спроможною до випереджаючого відбиття очікуваних змінень у світі, що пізнається через емоції» [2, с. 93]. Отже, оскільки емоції та мова є нерозривно взаємопов'язаними, і саме мова є як об'єктом, так і інструментом вивчення емоцій (О.О.Залевська, A. Damasio, P. N. Johnson-Laird) як засіб доступу до когнітивно-афективної інформаційної бази етносемантичної особистості при розумінні лексикону як «функціонально-динамічної системи, сформованої відповідно до законів емоційно-психічного життя, але під контролем норм та оцінок соціуму та культури» [7, с. 103], вбачається, що для філолога проблема взаємодії емоції та когніції найефективніше може бути розв'язана з позицій когнітивної лінгвістики.

Одним з найважливіших завдань когнітивно-дискурсивної парадигми мовознавства XXI століття є вивчення закономірностей відбиття та пізнання світу у людській свідомості, питань співвідношення когнітивних та мовних структур, і у цьому річищі мова є шляхом до ментальності людини, її пізнаннєвих процесів та емоцій. У цьому зв'язку, зважаючи на недостатню вивченість концептів емоцій попри величезного обсягу психологічних, лінгвістичних та нейрофізіологічних праць про емоції [3; 7; 8; 9; 12] очевидною є актуальність та новизна нашої розвідки, метою якої є виявлення специфіки концептуалізації емоцій як знання матричного формату, об'єктивованого у системі мови, з обґрунтуванням статусу емоційного концепту як кванту такого знання на прикладі моніторингового дослідження способів метафоризації концепту БІЛЬ, актуалізованого у дискурсі англомовних пацієнтів зі соматичними захворюваннями.

Теоретико-методологічною базою для досягнення цієї мети є розроблювані у сучасній когнітивній лінгвогносеології теорії концептуалізації та категоризації [4; 5; 11], а також теорія концептуальної метафори.

Як відомо, концептуальна система людини та мовна концептосфера охоплюють різноформатні знання з точки зору їхньої структури та змісту. Під форматом знання, за концепцією М. М. Болдирєва [4; 5], ми розуміємо певну форму репрезентації знання на концептуальному та/або мовному рівнях. Враховуючи структурні та смислові виміри, емоційне знання як систему концептуальних структур, що ментально репрезентують емоції, ми вважаємо інтегративною структурою знання матричного формату, яка характеризує нестереотипне знання як результат інтеграції різноманітних концептуальних царин у єдину концептуальну структуру. Матриця СИСТЕМА ЕМОЦІЙ репрезентує багатоаспектне емоційне знання, що поєднує у собі велику кількість різних контекстів їх можливого осмислення, що підтверджується словом «система». Отже, емоційне знання, багатоаспектність якого неможливо описати набором обов'язкових та факультативних характеристик, ми визначаємо як знання матричного формату, яке можна представити у вигляді когнітивної матриці, системи взаємопов'язаних когнітивних контекстів/царин концептуалізації, що мають опціональну природу, не передбачаючи свого обов'язкового одночасного ієрархічного асоціювання з певним концептом або його вербалізатором. Когнітивна матриця емоційного знання, квантом якого є емоційний концепт, поєднує знання про різні аспекти емоцій, а зміст її складників може варіюватися від повсякденного до експертного, а також залежно від лінгвокультурно-соціальної належності експериєнцера, що зумовлює використання когнітивно-матричного аналізу у дослідницьких цілях.

Зупинимося на специфіці емоційного концепту як кванту когнітивної матриці емоційного знання. У річищі підходу до когніції як розподіленого процесу (О. С. Кубрякова, М. М. Болдирєв, С. А. Жаботинська, R. Langacker та ін.) евристично доцільним вбачається вивчення вербалізованих концептів емоцій, одним з яких виявляється концепт БІЛЬ як концептуалізована емоція та емоціогенна подія в одному кластері, як соціокультурних феноменів, що виконують багато функцій, включаючи когнітивну. Наголосимо на тому, що емоції завжди є відбиттям емоційного ставлення людини, а стійке та узагальнене ставлення до об'єктів складає почуття. Емоції є фазою виникнення та визрівання почуттів, моментом їхньої інтеграції, а почуття, у свою чергу, є фазою розкриття, виявлення та прояву емоцій. Крім того, емоції – це ті безпосередні переживання, з яких формується ставлення, а почуття, у яких «знімаються» емоції, є самим ставленням, що й фіксується у мові.

У цьому контексті доцільним вбачається введення у метамову нашої розвідки терміну «емоційно-почуттєвий подійовий концепт» (ЕППК). Це зумовлено тим, що емоція як з необхідністю реакція на певний стимул, завжди викликається певною специфічною та абстрактною типовою категоріальною ситуацією [10, с. 56], що є топосом емоції, а ментальна репрезентація будь-якого топоса, за О. О. Залевською, у специфічному модифікованому вигляді інкорпорує концептуальні властивості ментальної репрезентації тієї події, яка стала онтологічним стимулом певної емоції [7], який з'явився в результаті перебування комунікантів у спільному емоційно-концептуальному полі. Внаслідок цього відбувається перетворення емоції у певну форму репрезентації знання про подію-стимул та емоційну реакцію на неї вже на мисленнєвому та мовному рівнях [11], що тлумачиться нами як формат емоційно-почуттєвого подійового знання концептуально-складної природи, тобто емоційно-почуттєва подійова концептуальна структура. Інакше кажучи, під ЕППК ми розуміємо оперативну квантову одиницю корелятивного емоційного знання, де осмислено та репрезентовано досвід взаємодії Homo sentiens зі світом у межах лінгвокультурно-детермінованого психонетичного комплексу як інгерентного складника психіки індивіда.

Концептуалізація події у мові, включаючи емоційні/емоціогенні, не є пов'язаною з осмисленням окремих операцій як складових події, що відповідає тезі гештальтістів про незвідність властивостей цілого до суми властивостей елементів, що складають це ціле. Вона визначається експліцитно або імпліцитно нерозчленованим (емоційним) осмисленням ролі учасників події, їхніх найсуттєвіших характеристик та характеристик того, що відбувається. У цьому, на нашу думку, і розкривається одна з ключових специфічних рис формування ЕППК – інтегративний характер його архітектоніки (під інтеграцією розуміємо злиття простих єдностей у більш складні структурні єдності [4]).

Аналіз способів дискурсивної метафоричної емотіологізації концепту БІЛЬ може слугувати яскравим прикладом функціонування емоційного концепту саме як кванту знання матричного формату, характеризуючись усіма властивостями, описаними вище. Специфіка вербалізації цього концепту полягає в його складності та, на перший погляд, «неемоційності», адже біль не належить до базових емоцій та можливих кластерів, і «тільки людина, що страждає, може знати та відчувати, що саме в неї болить; інший може лише про це здогадуватися» [1, с. 49]. На жаль, навіть найновітніші технології та підходи у медицині можуть лише частково вирішити питання купіювання болі, бо досвід переживання та відчуття цього складного психофізіологічного феномену, а також характеристики його мовної репрезентації є дуже індивідуальними, особливо у групі хворих на соматичні захворювання (цироз печінки та активну форму ревматоїдного артриту у контексті нашого моніторингу), які протягом років страждають від цього хронічного стану [13] і у яких больовий компонент є домінантним, що дозволяє новітньо та максимально повно виявити специфіку концептуалізації та метафоричної мовної онтології матриці болю задля встановлення закономірностей між станом хворого, рівнем/характером болю, індивідуальною вербалізацією концепту БІЛЬ та, відповідно, якомога ефективнішого вибору необхідних для боротьби зі специфічним типом болю ліків. Матеріалом цього фрагменту нашої розвідки є 230 метафор болю, обраних методом суцільної вибірки з відповідей хворих (n=150) під час їхнього перебування у відповідних міжнародних клінічних дослідженнях. Звернемо увагу на те, що, з метою найточнішої реконструкції змісту концепту БІЛЬ і враховуючи специфіку дискурсу пацієнтів зі соматичними захворюваннями з хронічними проявами больового синдрому, дослідження метафоризації концепту БІЛЬ базувалося не на аналізі елементарної метафоричної семантизації, а з використанням більш глибокого трактування метафори як цілісного емотіологізованого сприйняття.

Зазначимо, що дизайн міжнародних клінічних випробувань нових лікарських засобів у пацієнтів з цирозом печінки та активною формою ревматоїдного артриту було регламентовано департаментом США The Food and Drug Administration (FDA), а протоколи досліджень розглянуто та схвалено Міністерством охорони здоров'я України та Центральною комісією з питань етики Міністерства охорони здоров'я України. Вищезазначені клінічні випробування нових лікарських засобів проводилися відповідно до протоколів дослідження Гельсінською Декларацією Всесвітньої Медичної Асоціації та Належної клінічної практики (GCP).

Підгрунтям класифікаційної інтерпретації дискурсивно-актуалізованої концептуальної метафори було обрано стадії емоційного сприйняття, а не параметр локалізації болю. На нашу думку, це більш інформативно відображає когнітивну природу досліджуваного концепту як емоційного. Адже доведено, що хворий проходить декілька етапів перцепції реальності соматичного захворювання. Початковою стадією є стадія *«It can't be! It's not a rheumatoid arthritis!»*, «*It can't be! It's not a cirrhosis*!», що супроводжується породженням структурних та онтологічних концептуальних метафор, коли діагноз і асоційований з ним біль − це *flash*, *knife in my back*, *cut nerves*, *gift which nobody needs*, *electric current*, *focus*, *dynamite sensation in my head*, *something which isn't real*, *disquiet*, *perturbation*, *ferocity*, *humiliation*, *looseness*.

У наступній стадії заперечення, коли хворий задає питання «Why me?» і переконує себе, що це його не стосується, спостерігаються зовсім інші структурні та онтологічні метафори концепту БІЛЬ, де біль концептуалізується як *someone life's dreaded companion*; *body within the body*; *something virtual*; *another thing which wins during the night; a part which is bigger than me; another version of me; organic body; something indecipherable; meaningless sense; subjunctive view; antagonist; phantom, constant opponent.*

Окрему групу складають метафори досліджуваного концепту на стадії сприйняття хвороби «I agree», коли хворий намагається з філософської точки зору поглянути на свій стан з однією метою: погоджуюсь, але не хочу щоб стало гірше. Вербалізація концепту БІЛЬ відбувається на підгрунті орієнтаційних метафор, а саме *free fall; stuck in a dark isolated cocoon; coming from nowhere; it is like being caged; falling glass; bath filling up and filling up and then it overflows; world within a world in a prison; health and life are down; I'm really low these days; my spirit sinks*. Характерними для цієї ж стадії також стають яскраві структурні та онтологічні метафори сприйняття болі: *tangible, real, ants crawling all over and underneath my skin, zone of pure chronic pain, pipe that goes round my spine, I'm in a straight jacket, cement suit is me, rotten apple.*

Негативно почувають себе хворі на стадії так званої депресії, коли біль концептуалізується як *suicide, loss, vacuum, loss of faith, burden, woe, punishment, torture, damnation, mesh, trap, agony, humiliation, atonement, frustration, being buried.*

Дизайн подібних досліджень спеціально розроблено з урахуванням різних емоційних станів пацієнтів, тому зазвичай одні і ті ж самі запитання задаються послідовно та через рівні інтервали часу, надаючи можливість хворим об'єктивувати свої відповіді, а дослідникам – виявити кореляцію між фізичним та емоційно-когнітивними станами пацієнтів. Тому в процесі проводження клінічного випробування та отримання хворим належної медичної допомоги, приділення уваги до його стану, спостерігалась позитивна тенденція у концептуалізації та вербалізації концепту БІЛЬ. Про це свідчать метафори, які символізують надію на полегшення стану або навіть на одужання: *escalation, dynamic thing, organized confusion, barrier, fight, struggle, interaction with illness*.

Таким чином, метафорично репрезентований категоріальний концепт БІЛЬ має природу кванту матричного знання, виступаючи невід'ємною частиною емоційного мислення пацієнта, що доведено результатами нашої лінгвокогнітивної розвідки у конкретній групі хворих зі соматичними захворюваннями, як складник системи взаємопов'язаних концептуальних царин та когнітивних контекстів, необхідних для їхнього осмислення. У ньому інтегруються знання загальних емоційно-почуттєвих подійових засад як результату багаторівневої концептуалізації, а звернення до когнітивно-матричного аналізу та моделювання як прийому дослідження емоційних концептуальних структур через мову з виявом їхньої психолінгвістичних та лінгвокультурних особливостей складає перспективу нашої наукової роботи.

Джерела та література

1. Александер Ф. Психосоматика / Ф. Александер. – М.: Геррус, 2003. – 350 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Бойко В. В. Психоэнергетика / В. В. Бойко. – СПб.: Питер, 2008. – 416 с.
4. Болдырев Н. Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч. тр. / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007.– С. 12-28.
5. Болдырев Н. Н. Проблемы исследования языкового знания // Когнитивные исследования языка. Вып. 1. Концептуальный анализ языка / Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 91-103.
6. Жижина М. В. О предметной области медиаэмоциологии // Журналистика в 2010 году: СМИ в публичной сфере: сб. м-лов Междунар. научно-практ. конф. / М. В. Жижина. – М.: Ф-т журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова; Изд-во Моск. ун-та, 2011. – С. 511-512.
7. Залевская А. А. Проблема «тело – разум» в трактовке А. Дамазио // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы / А. А. Залевская. – М.: Гнозис, 2006. – С. 82– 104.
8. Соловьев В. Д. Экспериментальные исследования концептов эмоций // Когнитивные исследования: сб. науч. тр.: Вып. 1 / В. Д. Соловьев. – М.: Ин-т психологи РАН, 2006. – С. 173-185.
9. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
10. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с.
11. Croft W. Cognitive linguistics / W. Croft, D. Alan. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 355 p
12. Johnson-Laird P. N. The language of emotions: an analysis of a semantic field / P. N. Johnson-Laird, K.Oatley // Cognition and emotion. – 1989. – Vol. 3 (2). – P.81-123.
13. Padfield D. Perceptions of Pain / D.Padfield. –Verona: Dewi Lewis Publishing, 2003. – 490 p.

УДК 811.512.211366.5

Шарина С. И.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Освещены проблемы количественности, персональности, посессивности и локативности в эвенском языке, которые рассматриваются в русле функционального подхода, направленного на описание значения и функционирования языковых единиц в их разноуровневом взаимодействии. В связи с этим ставится цель раскрыть грамматическую сущность форм, выражающих функционально-семантические категории и показать взаимосвязь разных языковых средств, используемых для выражения данных категорий: грамматических, синтаксических и лексических.

Ключевые слова: эвенский язык, функционально-семантическая категория, количественность. персональность, посессивность, локативность.

Висвітлено проблеми кількісності, персональності, посесівності і локативності в евенській мові, які розглядаються в руслі функціонального підходу, спрямованого на опис значення і функціонування мовних одиниць в їх різнорівневій взаємодії. У зв'язку з цим ставиться мета розкрити граматичну сутність форм, що виражають функціонально-семантичні категорії, і показати взаємозв'язок різних мовних засобів, використовуваних для вираження даних категорій: граматичних, синтаксичних і лексичних.

Ключові слова: евенська мова, функціонально-семантична категорія, кількісність, персональність, посесівність, локативність.

The article highlights the problems of numerativity, personality, posessivity and locativity in the Even language which are considered within the context of the functional approach directed at describing the meaning and functioning of linguistic units in their interaction of various levels. In this connection, the aim is to reveal the grammatical essence of the forms expressing the functional-semantic category and is to show the interrelationship of the various linguistic means used to express the locativity: grammatical, syntactical and lexical.

Key words: the Even language, functional-semantic category, numerativity, personality, posessivity locativity.

Проблема описания языков и в XXI веке остается одной из самых актуальных в языкознании. Ее сложность для североведческой лингвистической науки состоит в том, что в связи с уровнем изученности этих языков и задачами предназначенности их описания встает вопрос об ограниченности, специфичности описания, когда оно выдерживается в одном аспекте. Опыт исследований последних лет по эвенскому языку показывает, что описание его грамматической системы в рамках функционального подхода вполне оправдано и целесообразно. Функционально-семантический подход, который опирается на методику структурно-семантического моделирования языковых единиц и полевого структурирования в настоящее время считается одним из перспективных направлений в исследовании эвенского языка. Его преимущества к описанию агглютинативных языков, в частности, эвенского, иллюстрировано В. А. Роббеком [1].

Раскрытие всей глубины реальных явлений предусматривает единую систему средств, относящихся к разным языковым уровням, объединение на уровне общности их семантических функций. Функционально-семантические категории в эвенском языке выражаются разноуровневыми средствами: морфологическими, лексическими, синтаксическими и имеют полевую структуру, состоящую из ядра и периферии. В данной статье предпринимается попытка комплексного функционально-семантического анализа языкового содержания категорий количественности, персональности, посессивности и локативности в эвенском языке.

Количественность – это функционально-семантическая категория, охватывающая различные языковые средства выражения значений числа, меры, величины, степени. В эвенском языке отмечается довольно широкий спектр способов выражения количественности. Основными средствами являются морфологические показатели единичности/множественности – различного рода суффиксы для выражения количественности: нулевой показатель, сингулятив (чан/-чэн, -какан/-кэкэн), формы множественности (-л/-р, -сал/-сэл, -тил/-тал,-нил), формы совместности/взаимности (-нюн, -гли/-гали, -йа/-йэ, -саг/-сэг, -каг/-кэг), числа субъектов действия, фазы, кратности, интенсивности действия и показатели количества отдельных процессов. К лексическим средствам относятся счетные слова, дейктические слова со значением определенных мер, традиционные меры объема, пространства, времени (например, чаӈат `расстояние, пройденное без остановки, около 30 км`, эвумрэ `щепотка`, илаври дюптари `олень-самец 11 лет`, чай хуйэлтыӈын `промежуток времени для закипания чая` и др.). К синтаксическим средствам

относятся повтор, перечисления, сочетания антонимов. Например: Анӈан-анӈантан ноӈартан урэкчэр хэелитэн дюгаддётта. `Из года в год они проводили лето на вершинах гор`. Илэ-тала орар удилтан иманрали оняпчал. `Здесь-там (местами) оленьими следами снег разрисован`.

Персональность – функционально-семантическая категория, выражающая семантику лица и опирающаяся на глагольные и местоименные формы лица, лексические средства (различные наименования лиц типа: аман `отец`, оралчимӈа `оленевод`), а также синтаксические средства выражения этой семантики. Также персональность в эвенском языке в определенной речевой ситуации может выражаться контекстом, главным образом при характеристике лиц образными, эмоционально окрашенными выражениями, например: *Ӈ*ин, хуптуриди, хогдий далчаӈчинни. `Собака, отстав, хвост свой лижет (о виноватом в чем-то человеке)`. К*ө*рбэ хокан эӈилкэн-дэ, оӈаттукун элгэптэн. `Олень-бык очень сильный, да за нос водится (о человеке, который при определенных успехах допускает какую-нибудь слабость)`.

При определении средств эвенского языка, служащих для выражения посессивных отношений, мы исходим из определения А. В. Бондарко: «Посессивность как семантическая категория представляет собой языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, включая соотношение части и целого» [1, с. 99]. Основным средством выражения значения обладания в эвенском языке являются собственно притяжательные формы (лично-притяжательные суффиксы -в, -му, показывающие принадлежность 1-му л. ед. ч.; 2-му л. ед. ч. – -с-; 3-му л. ед. ч. – -н; 1-му л. мн. ч. – -вун, -т; 2-му л. мн. ч. – -сан/-сэн; 3-му л. мн. ч.– -тан/-тэн). Для эвенского языка характерно чрезвычайно широкое употребление лично-притяжательных показателей. Даже весьма приблизительные данные сопоставительного подсчета частотности этих форм обнаруживают довольно красноречивые цифры по сравнению с другими формами, актуализирующими посессивность. Данное явление распространяется и на возвратно-притяжательные суффиксы -й, -и, -ми, -би, -вур, -ур, -мур, -бур. На предназначение предмета определенному лицу указывает суффикс назначительного падежа -га/-ка/-ӈа, который используется с возвратно-притяжательным суффиксом. Показатель относительной принадлежности -ӈ также может быть включен в данный список, но семантически он указывает скорее на отношение лица к данному предмету.

Нельзя не отметить встречающуюся в эвенской речи некоторую «загруженность» посессивными показателями одного и того же слова. Так, весьма высокую частотность обнаруживает оформление по модели «суффикс косвенной принадлежности + суффикс назначительного падежа + показатель безличной принадлежности». Например: Нян олраӈгавур бэйнэдэвур мулгаритан. `И решили (они) пойти ловить рыбу себе`. Тарбач берусэл ноӈман атикаӈгавур гасчинар. `И вот берусы захотели ее в жены взять`.

К морфологическим средствам выражения посесивности относятся также форма обладания имен -лкан, словообразующие суффиксы прилагательных -пчи, -мнан/-мнэн. Актуализаторами обладания являются и словообразующие глагольные суффиксы -та/-тэ, -лат/-т/-лэч, -нач/-т, -ӈ (например, от слова дю `жилище, юрта` образуется глагол дюӈдай `присвоить чей-либо дом, юрту`). Лексическим показателями посессивности являются притяжательные и возвратные местоимения. К этой же группе относятся эвенские глаголы обладания. К синтаксическим способам выражения посессивности можно отнести экзистенциально-локативные конструкции с оформлением имени обладателя местным падежом.

Локативность в функциональной грамматике трактуется как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и, вместе с тем, как функционально-семантическое поле, которое охватывает разноуровневые средства языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений [1, с. 5]. Языковые средства, показывающие локативность, разнотипны. В эвенском языке это: показатели падежей, послелоги, указывающие на местонахождение, наречия места, различного рода сочетания предиката с падежными, послеложными и наречными локативными показателями.

Основной формой выражения локализатора в эвенском языке является существительное, оформленное локативными (или дательным) падежами, или существительное с послелогом, с падежным и притяжательным оформлением. Всякий раз, когда необходимо определить местонахождение предмета, независимо от контекста и ситуации, прибегают к этой форме: Мут *урэкчэндули бадутникан окат бардалан* уямкарбу иттит. `Мы, проезжая верхом по горе, увидели на том берегу реки снежных баранов`. Локализатор может обозначаться и наречиями места.

Пространственное отношение может быть выражено любым средством, обозначающим связь двух субстанций. В эвенском языке к таким средствам относятся послелоги, падежные показатели, глаголы. Локализация в пространстве может интерпретироваться как перемещение или местонахождение предмета. В зависимости от характера выражения пространственных отношений глаголы могут быть разделены на три группы: глаголы, требующие или допускающие обстоятельство, выражающее местонахождение (глаголы положения в пространстве); глаголы, требующие или допускающие обстоятельство, выражающее перемещение (глаголы движения); глаголы, выражающие своей основой пространственное отношение (собственно пространственные глаголы). Глаголы первых двух групп связаны с выражением общих пространственных отношений, глаголы последней группы могут сами участвовать в выражении частных пространственных отношений.

Как известно, в эвенском языке позиционные глаголы, требующие или допускающие обстоятельство, выражающее местонахождение – позицию предмета в отношении одного из трех измерений, управляют местным и дательным падежами. Форма дательного падежа действительно используется с локализуемыми предметами одушевленными, причем с учетом критерия как бы временной связи, тогда как выбор местного падежа попадает на примеры с инактивным локализуемым предметом с учетом критерия постоянных пространственных отношений.

В ядро поля локативности могут быть выведены показатели локативных падежей. Падежные суффиксы в эвенском языке выступают в автономной функции, указывая самостоятельно на локализацию предмета, или же в сопряженной функции, уточняя значение послелога. Так, автономную функцию можно усматривать у показателей следующих локативных падежей: продольный – обозначающий маршрут движения (-ли/-дули/-тули); дательный, местный, направительный, направительно-местный, направительно-продольный (показатели -ду/-ту-ла/-лэ; -тки/-таки/тэки; -кла/-клэ; -кли), обозначающие «место», конечную точку; отложительный и исходный (-дук/-тук; -гич/-ӈич) – обозначающие начальную точку движения.

Следующая после ядра по степени грамматикализованности сфера состоит из лексических элементов, выражающих положение в пространстве. Это довольно большой пласт языка, который мы группируем по значениям. К лексическим средствам выражения локативности относятся послелоги, наречия.

Послелоги являются в эвенском языке одним из важнейших средств выражения пространственных отношений. Послелоги, актуализирующие локативность: собственно послелоги, которые изолировались от наречий и имен и остались только в роли послелогов; отыменные послелоги, образованные от имен пространственного значения и наречные послелоги.

Использование наречий для выражения пространственного значения теснейшим образом связано с обозначением локализатора. При выражении пространственного отношения наречием особое обозначение локализатора отсутствует. Локализатор в таком случае подсказывается контекстом или ситуацией. Наречие является по сути дела вторичным способом обозначения пространственного отношения, т.к. оно никогда не выступают в роли самостоятельной номинации места.

Итак, при рассмотрении нескольких функционально-семантических категорий в эвенском языке обнаруживается следующее. И количественность, и персональность, и посессивность, и локативность в эвенском языке опираются на категории морфологические. В данном случае находит подтверждение точка зрения о том, что в эвенском и в других тунгусо-маньчжурских (т. е. агглютинативных) языках функционально-семантическими являются лишь те категории, ядром которых является морфологическая категория [2]. Теоретические положения функциональной грамматики аргументированы материалом эвенского языка, выявляя общие тенденции в языковых процессах и специфические проявления в отдельном языке.

Источники и литература

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, В. Г. Гак и др. – СПб.: Наука, 1996. – 229 с.

2. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / А. В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 289 с.

3. Роббек В. А. О новом подходе к исследованию грамматики тунгусо-маньчжурских языков / В. А. Роббек // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2010. – № 1 – С. 48-55.

УДК 811.111’81-115

Шароварова С. В.

ВАРІЮВАННЯ АКЦЕНТНИХ ТИПІВ ТА ЇХНІХ АКЦЕНТНИХ СТРУКТУР СЛІВ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ (на матеріалі британської вимовної норми)

В статье выделен инвентарь акцентных типов и акцентных структур слов, которым характерно свободное варьирование места и степени ударения в аспекте британской произносительной нормы. Представлены модели свободного акцентного варьирования в пределах акцентных типов.

Ключевые слова: варьирование, свободное акцентное варьирование, акцентный тип, акцентная структура.

У статті виокремлено інвентар акцентних типів та акцентних структур слів, що виявляють вільне варіювання місця та ступеня наголосу в аспекті британської вимовної норми. Висвітлено моделі вільного акцентного варіювання у межах акцентних типів.

Ключові слова: варіювання, вільне акцентне варіювання, акцентний тип, акцентна структура.

Word accentual types and accentual structures revealing free variation of stress placement and stress degree are established in terms of British pronouncing norm. The tendencies of free accentual variation within accentual types are depicted.

Key words: variation, free accentual variation, accentual type, accentual structure.

Варіативність акцентної структури слова (АСС) як атрибут еволюційного механізму мовної системи є характерною рисою сучасної англійської мови й полягає в допустимих у нормативному аспекті змінах місця, кількості та ступеня наголосу, які зумовлені й передбачені умовами, ситуаціями і контекстами їхніх реалізацій у процесі комунікації [1; 2; 3]. *Вільне акцентне варіювання* (ВАВ) тлумачимо як допустиму літературною нормою вимови видозміну акцентного оформлення слова, що забезпечується перерозподілом кількості, місця та/або ступенів наголосу, при збереженні тотожності значення слова або його лексико-граматичного класу.

На часі класифіковані акцентні типи (АТ) та АС англійських слів (Г. П. Торсуєв), зокрема, систематизовані акцентні моделі складних слів (В. О. Бондаренко, О. О. Глікіна), узагальнені основні тенденції еволюції АС складних слів (Т. В. Мошніна, Т. В. Лєвіна), описана акцентна структура запозичень (Л. В. Комар), висвітлені АСС залежно від їхньої морфологічної будови (B. Danielsson, E. Fudge, R. Kingdon). Однак, дотепер відсутнє синхронічне дослідження варіативності акцентних структур слів англійської мови в аспекті британської вимовної норми.

Мета статті полягає в систематизації особливостей варіювання акцентних структур слів в аспекті британської вимовної норми шляхом узагальнення моделей вільного акцентного варіювання в межах їхніх акцентних типів.

З метою перевірки гіпотези про високий ступінь варіативності акцентних структур слів в аспекті британської вимовної норми, нами був підданий аналізові корпус АТ слів авторитетних словників сучасної вимови [4; 5]. Суцільне обстеження АСС засвідчило, що тільки чотири акцентних типи з 11, виокремлених Г.П. Торсуєвим, виявляють вільне варіювання місця та ступеня наголосу (які подаємо за спаданням частоти в матеріалі дослідження). Виокремимо інвентар варіативних АСС для кожного з акцентних типів, що виявляють ВАВ у британській вимовній нормі й представимо типові моделі вільного акцентного варіювання, характерні для кожного із зазначених акцентних типів.

Акцентний тип «один головний наголос» реалізується засобами 11 АСС та охоплює 58,44% із загальної кількості досліджених ЛО з варіативними АС. Високий ступінь акцентного варіювання забезпечується дво– та трискладовими АСС з головним наголосом на першому або другому складах – 43,07% та 32,31% ЛО відповідно. В АТ «один головний наголос» ядро (75,22% ЛО) моделюється дво– й трискладовими АС з наголосом на першому або

другому складах, напр.: *diphthongal* ['– – –, –'– –]. До основної підсистеми (90,94% ЛО) відносимо чотирискладові АС з головним наголосом на першому або другому складах, напр.: *refutable* ['– – – –, –'– – –]. Периферійну підсистему (9,06% ЛО) утворюють п'яти– та шестискладові АС з головним наголосом на першому або другому складах, напр.: *notifiable* ['– – – – –, ˌ– –'– – –] і трискладова АС з головним наголосом на третьому складі: *thereabouts* [– –'–, '– –ˌ–] (див. табл. 1).

ВАВ та поява альтернативного акцентного варіанта (АВ) відбувається за рахунок: 1) трансформації АС в межах АТ «один головний наголос» (56,24% ЛО). В альтернативному варіанті констатуємо зсув головного наголосу з першого на другий або третій склад, напр.: *fragmentary* ['– – – –] → [–'– – –], *adios* ['– – –] → [– –'–] і з другого на перший, напр.: *disputant* [–'– –] →['– – –]; 2) комплікації АС (42,56% ЛО) і зміни зазначеного АТ на АТ «другорядний та головний наголоси» шляхом появи другорядного наголосу зі зміною місця головного або без його зміни (35,55% ЛО і 7,01% ЛО, відповідно), напр.: *cabaret* ['– – –] → [ˌ– –'–], *insider* [–'– –] → [ˌ–'– –]; 3) комплікації АС і зміни АТ «один головний наголос» на АТ «головний та другорядний наголоси» (1,2% ЛО) шляхом появи другорядного наголосу зі зміною місця головного, напр.: *subeditor* [–'– – –] → ['–ˌ– – –].

Таблиця 1

Інвентар АСС акцентного типу «один головний наголос», що варіюють в аспекті британської вимовної норми

№	Акцентна структура	Частота участі АС у варіюванні		Приклад ЛО з варіативною АС	Функціональне навантаження АС
		абс.	відн. (%)		
1.	'_ _	156	26,67%	*mainline*	Ядро (75,22%)
2.	'_ _ _	124	21,2%	*decorous*	
3.	_'_	96	16,41%	*pigment*	
4.	_'_ _	64	10,94%	*disputant*	
5.	_'_ _ _	54	9,23%	*explicative*	Основна підсистема (90,94%)
6.	'_ _ _ _	38	6,49%	*capitalize*	
7.	'_ _ _ _ _	21	3,59%	*capitalism*	Периферійна підсистема (9,06%)
8.	_'_ _ _ _	19	3,25%	*explicatory*	
9.	_'_ _ _ _ _	11	1,88%	*discriminatory*	
10.	'_ _ _ _ _ _	1	0,17%	*justificatory*	
11.	_ _'_	1	0,17%	*thereabouts*	
		585	100%		Усього

Відтак, провідною моделлю вільного варіювання АСС, оформленої АТ «один головний наголос», є трансформація АС у межах АТ, що забезпечується перерозподілом місця головного наголосу у дво– та трискладових ЛО.

Акцентний тип «другорядний та головний наголоси» реалізується 20 АСС та охоплює 34,66% із загальної кількості досліджених ЛО з варіативними АС. В АТ «другорядний та головний наголоси» ядро (77,23% ЛО) моделюється АС від двох до п'яти складів, напр.: *cigarette* [ˌ– –'–, '– – –]. Основну підсистему (90,2% ЛО) утворюють чотири-, п'яти– та шестискладові АС з головним наголосом на четвертому або п'ятому складах, напр.: *decentralization* [–ˌ– – –'– –, ˌ– – – –'– –]. Периферійну підсистему (9,8% ЛО) оформлюють АС від чотирьох до семи складів з головним наголосом на другому / третьому / четвертому / п'ятому / шостому і другорядним на першому або другому складах, напр.: *denationalization* [–ˌ– – – –'– –, ˌ– – – – –'– –].

ВАВ та поява альтернативного АВ реалізується засобами: 1) симпліфікації АС й зміни АТ «другорядний та головний наголоси» на АТ «один головний наголос» (61,96% ЛО) шляхом втрати другорядного наголосу, напр.: *alveolar* [ˌ– –'– –] → [–'– – –]; 2) трансформації АС в межах зазначеного АТ (22,19% ЛО) шляхом: 2.1) зміни місця другорядного наголосу зі збереженням місця головного (14,99% ЛО), напр.: *dissatisfaction* [–ˌ– –'– –] → [ˌ– – –'– –]; 2.2) зміни місця головного наголосу зі збереженням місця другорядного (7,2% ЛО), напр.: *co-heiress* [ˌ–'– –] → [ˌ– –'–]; 3) дзеркальної симетрії АС головного й альтернативного варіантів зі зміною АТ «другорядний та головний наголоси» на АТ «головний та другорядний наголоси» (13,83%), напр.: *headmaster* [ˌ–'– –] → ['–ˌ– –]; 4) комплікації АС (2,02% ЛО) шляхом зміни АТ "*другорядний і головний наголоси*" на АТ "*два другорядних і головний наголоси*" за такими схемами: а) поява другорядного наголосу та збереження місця головного й іншого другорядного, напр.: *disqualification* [–ˌ– – –'– –] → [ˌ–ˌ– – –'– –]; б) поява другорядного наголосу й зсув головного та збереження місця іншого другорядного, напр.: *interdisciplinary* [ˌ– –'– – – – –] → [ˌ– –ˌ– –'– – –]. Як засвідчив кількісний аналіз моделей вільного варіювання АСС в аспекті британської норми в межах АТ "*другорядний і головний наголоси*", проведений нами, найпродуктивнішою є модель симпліфікації засобами втрати другорядного наголосу й перерозподілу місця головного.

Акцентний тип «головний та другорядний наголоси» реалізується 9 АСС та становить 6,29% із загальної кількості досліджених ЛО з варіативними АС. Акцентне варіювання забезпечується три– та чотирихскладовими АСС з головним наголосом на першому складі – 65,08% та 26,98% ЛО відповідно. В АТ «головний та другорядний наголоси» ядро (82,53% ЛО) оформлюється три– й чотирискладовими АС з головним наголосом на першому складі й другорядним на другому або третьому, напр.: *freshwater* ['–ˌ– –, ˌ–'– –]. Для основної підсистеми (92,05% ЛО) характерні АС з такою ж складовою довжиною, проте відмінним перерозподілом наголосів, напр.: *free-for-all* ['– –ˌ–, ˌ– –'–]. Периферійну підсистему (9,8% ЛО) моделюють п'яти– та шестискладові АС з головним наголосом на першому або другому складах, напр.: *fuel-injected* ['– – –ˌ– –, ˌ– – –'– –] (див. табл. 2).

ВАВ та поява альтернативного АВ відбувається за рахунок: 1) дзеркальної симетрії АС головного й альтернативного варіантів шляхом зміни АТ «головний та другорядний наголоси» на АТ «другорядний та головний наголоси» (84,13% ЛО), за рахунок послаблення головного наголосу до другорядного і посилення другорядного до головного наголосу, напр.: *back-pedal* [ˌ–'– –] → ['–ˌ– –];2) симпліфікації АС шляхом зміни АТ «головний та другорядний наголоси» на АТ «один головний наголос» (14,28% ЛО) у результаті: 2.1) зникнення другорядного наголосу зі збереженням місця головного (1,58% ЛО), напр.: *six-shooter* ['–ˌ– –] → ['– – –]; 2.2) зникнення другорядного наголосу зі зміною місця головного (12,7% ЛО), напр.: *subtotal* ['–ˌ– –] → [–'– –]; 3) комплікації АС шляхом зміни АТ «головний та другорядний наголоси» на АТ «другорядний, головний та другорядний наголоси» (1,59% ЛО), напр.: *demisemiquaver* ['– – – –ˌ– –] → [ˌ– –'– –ˌ– –].

Таблиця 2

Інвентар АСС акцентного типу «головний та другорядний наголоси», що варіюють в аспекті британської вимовної норми

№	Акцентна структура	Частота участі АС у варіюванні		Приклад ЛО з варіативною АС	Функціональне навантаження АС
		абс.	відн. (%)		
1.	'–ˌ– –	37	58,73%	*subtotal*	Ядро (82,53%)
2.	'– –ˌ– –	15	23,8%	*orphoepist*	
3.	'– –ˌ–	4	6,35%	*undercharge*	Основна підсистема (92,05%)
4.	'–ˌ– – –	2	3,17%	*word-processing*	
5.	'– –ˌ– – –	1	1,59%	*photocopier*	Периферійна підсистема (9,8%)
6.	'– –ˌ– – – –	1	1,59%	*servomechanism*	
7.	'– – –ˌ– –	1	1,59%	*fuel-injected*	
8.	–'– – –ˌ–	1	1,59%	*realpolitik*	
9.	'– – – –ˌ– –	1	1,59%	*demisemiquaver*	
		63	100%		Усього

Так, провідною моделлю вільного варіювання АСС, оформленої АТ «головний та другорядний наголоси», є дзеркальна симетрія акцентних варіантів.

Акцентний тип «два другорядних та головний наголоси» реалізується 5 АСС та охоплює 0,5% із загальної кількості досліджених ЛО з варіативними АС (див. табл. 3). Структурний аналіз цих АСС виявляє варіювання у словах зі складовою довжиною від чотирьох до восьми складів.

ВАВ та поява альтернативного АВ відбувається за рахунок: 1) симпліфікації АС і зміни АТ «два другорядних та головний наголоси» на АТ «другорядний та головний наголоси» (66,67%) шляхом: 1.1) втрати одного другорядного наголосу зі збереженням місця другорядного та зміною місця головного, напр.: *self-congratulatory* [ˌ– –ˌ– –'– – –] → [ˌ– –'– – – – –]; 1.2) втрати одного другорядного наголосу зі збереженням місця головного та іншого другорядного, напр.: *discontinuity* [ˌ–ˌ– –'– – –] → [–ˌ– –'– – –]; 1.3) втрати одного другорядного зі зміною місця іншого другорядного та головного, напр.: *inexplicability* [ˌ– –ˌ– –'– – –] → [–ˌ– – –'– – –, ˌ– – – –'– – –];

Таблиця 3

Інвентар АСС акцентного типу «два другорядних та головний наголоси», що варіюють в аспекті британської вимовної норми

№	Акцентна структура	Частота участі АС у варіюванні		Приклад ЛО з варіативною АС
		абс.	відн.(%)	
1.	ˌ– –ˌ– –'– – –	2	33,33%	*self-congratulatory*
2.	ˌ–ˌ– –'–	1	16,67%	*malapropos*
3.	ˌ–ˌ– –'– –	1	16,67%	*diphenylamine*
4.	ˌ–ˌ– –'– – –	1	16,67%	*discontinuity*
5.	–ˌ– –ˌ– –'– – –	1	16,67%	*incomprehensibility*
		6	100%	

2) трансформації АС в межах АТ «два другорядних та головний наголоси» (33,33%) шляхом: 2.1) зміни місця головного наголосу зі збереженням місця другорядних наголосів, напр.: *diphenylamine* [ˌ–ˌ– –'– –] → [ˌ–ˌ– – –'–]; 2.2) зміни місця одного другорядного наголосу зі збереженням місця головного та іншого другорядного, напр.: *incomprehensibility* [–ˌ– –ˌ– –'– – –] → [ˌ– – –ˌ– –'– – –].

Як засвідчують кількісні дані матеріалу дослідження, провідною моделлю вільного варіювання АСС, оформленої АТ «два другорядних та головний наголоси», є його симпліфікація на АТ «другорядний та головний наголоси».

Отже, у результаті аналізу слів з варіативною акцентною структурою встановлено, що в сучасній британській вимовній нормі існують чотири акцентних типи, які виявляють вільне акцентне варіювання: «один головний наголос», «другорядний та головний наголоси», «головний та другорядний наголоси», «два другорядних та головний наголоси». Вільне акцентне варіювання відбувається, переважно, за моделлю трансформації акцентної структури – 40,83 ЛО. Крім того, поширеною є модель комплікації акцентної структури шляхом появи одного чи двох другорядних наголосів – 26,41% ЛО.

Характерною особливістю варіювання акцентних структур слів британської вимовної норми є поява альтернативного акцентного варіанта засобами варіювання другорядного наголосу, що становить 64,53% ЛО. З них 49,15% акцентних варіантів утворені шляхом появи чи втрати другорядного наголосу, а 15,38% шляхом зміни місця другорядного наголосу. Участь головного наголосу у варіюванні становить лише 35,47%.

Перспективою подальших досліджень є з'ясування й опис чинників, що сприяють або обмежують вільне акцентне варіювання у межах акцентних типів англійських слів.

Джерела та література

1. Ерошин А. А. Развитие акцентной структуры слова в фонетичской системе английского язика (на примере британського и американського вариантов) : автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские язики» / А. А. Ерошин. – М., 1991. – 22 с.

2. Шахбагова Д. А. Фонетическая система английского литературного языка – целостность, устойчивость, вариативность: дис. … доктора филол. наук : 10.02.04 / Джульетта Аршавировна Шахбагова. – М., 1986. – 425 с.

3. Энгель Е. И. Английская нормативная акцентуация в лингвистическом и социолингвистическом аспектах: дисс. … кандидата филол. наук: 10.02.04 / Елена Игоревна Энгель. – М., 2001. – 453 с.

4. Cambridge English Pronouncing Dictionary / [origin. compiled by D. Jones / ed. by P. Roach, J. Hartman, and J. Setter]. – [17th ed.]. – Cambridge : Cambr. Uni. Press, 2003. – 599 p.

5. Longman Pronunciation Dictionary / [origin. compiled by J. Wells]. – [2nd ed.]. – Harlow : Longman, 2000. – 870 p.

УДК 81'1=16+81' 373.2+81' 373.21

Швачко С. О.

САМООРГАНІЗУЮЧІ ТЕНДЕНЦІЇ МОВНИХ ОДИНИЦЬ

В статье фокусируется внимание на эволюции и инволюции языковых единиц с корневыми морфемами числительных. Анализируется семантическая девиация полнозначных и служебных слов англоязычного дискурса. Определяется семантическая дистанция между числительными и денумеративами. Намечаются перспективы исследования заявленной темы.

Ключевые слова: эволюция, инволюция, лексикализация, грамматикализация, формальная и семантическая девиации.

У статті фокусується увага на процесах еволюції та інволюції одиниць з кореневою морфемою числівника. Аналізуються семантичні девіації повнозначних та службових слів в англомовному дискурсі. Осмислюється семантична дистанція числівників та їх дериватів. Намічаються перспективи дослідження заявленої теми.

Ключові слова: еволюції, інволюція, лексикалізація, граматикалізація, формальна та семантична девіації.

The article in question deals with the processes of evolution and involution in terms of Numerals and Denumerals. Attention is being upon the semantic deviations of notional and functional quantitative words in the English discourse. Semantic distance between Numerals and Denumerals is accounted. Perspective vistas of the problem has been considered.

Key words: evolution, involution, lexicalization, grammaticalization, semantic and formal deviations.

Неогенія – це та ніша пошуку, яку із задоволенням відвідують учені-лінгвісти з метою вибудови наукової картини світу та акумуляції у ній знань про світ та про мову. Фактори мовної системності та упорядкованості віддзеркалюють дієвість самоорганізуючих тенденцій у мовних одиницях (об'єкт дослідження), їх діасинхронічного статусу та синергетичних процесів (предмет дослідження). Науковий пошук тенденцій самоорганізації передбачає осмислення самоорганізації вторинних конструювань на векторах їх енергетики, інформатики та матерії [2], зокрема процесів лексикалізації та граматикалізації. У дослідженні ключовими одиницями саги про силу самоорганізації мовних одиниць (у нашому випадку – квантитативних одиниць англомовного дискурсу) є метазнаки *еволюція, інволюція, лексикалізація, граматикалізація, формальна та семантична девіації денумеративів.* Актуальність теми зумовлюється зростаючим інтересом учених до лінгвістично-когнітивного буття мовних одиниць, їх вторинного конструювання та синергетичного наповнення.

Здібність мовних одиниць до саморегуляції та самоорганізації прослідковується у феноменах лексикалізації та граматикалізації – свідків постійно діючих процесів еволюції та інволюції. Під еволюцією розуміємо генезис мовних одиниць у корпусі лексичних повнозначних конструювань; під інволюцією – зворотній процес утворення граматичних формантів від однокореневих (вихідних) повнозначних слів, трансформацію останніх у службові конструювання з лексичною лакунарність (неповнозначністю) типу сполучних слів, прийменників, артиклів тощо. Метазнак *лексикалізація* об'єктивований результатами процесу творення однойменних одиниць лексикону – повнозначних монокомпонентних та полікомпонентних конструювань. Лексикалізація включає вихідні морфеми, словоформи та словосполучення, що трансформуються у повнозначні слова або фразеологізми. Лексикалізація – це самореалізуюча тенденція творення нових мовних одиниць, діючис стимулом яких є девіація від прямого значення до переносного, включаючи фігуральне. Матеріальна база (вихідна) таким чином одержує нову інформацію у

похідному конструюванні, енергетичним механізмом якої слугує семантичний зсув, що генерує (породжує) омонімічну діаду вихідної та похідної одиниць, примножуючи таким чином корпус лексикону конкретної мови. Граматикалізація ілюструє зворотній процес – від повнозначного лексичного буття до спустошеного, до появи граматичного форманту. Релевантними є приклади з любої макросистеми на рівнях внутрішньочастиномовної деривації та поза її межами. В англійській мові конкретним прикладом є епідигматичні тенденції слів типу англ. *twenty, fourteen.* У зазначених лексемах суфіксальні морфеми *-ty, -teen* утворилися від повнозначного слова *ten;* а згодом, як результат лексикалізації, з'явилися новоутворення типу англ. *in her teens, a teeny girl.* Процес лексикалізації обіймає також вторинні фразеологічні утворення. Пор. англ. *white house*$_1$ → *White House, yellow house*$_1$ → *yellow house*$_2$, *a blue stocking*$_1$ → *a blue stocking*$_2$.

Діахронічна пам'ять англійської мови зберігає витоки конструкції англ.*to be going to*. Пор. омонімічну діаду англ. *I'm going to write (to read) it :: I'm going to the Institute.* Комплементрані експлікатори матеріалізують відмінні риси інтродуктивних блоків цих речень. Процес граматикалізації у цьому випадку імплікує делексикалізацію задіяних конструювань, їх трансформацію у граматичні конструювання. Подібна «доля» спіткала також й поліфункціональні слова типу англ. *to do, to have, to come* та інші. Пор. англ. *I read – so do I / so he does.* А лексема *did* (від *do*) генерувала суфікс *-ed (skated = skate + did).* Подібну участь ми спостерігаємо у створенні дієслівних форм англійських негативних та питальних речень. Модальні дієслова англійської мови також свідчать про делексикалізацію або граматикалізацію. Прямий (еволюція) та зворотній (інволюція) процеси не закінчуються на цій сукцесивності, як такі що позначені циклічністю. Подібна транспозиція обіймає також оказіональні конверсиви типу англ. *How many* ***ifs*** *go to a bushel?* Явища наскрізної лакунізації у процесах частиномовної трансформації є вельми вагомими для граматичного ладу англійської мови і потребують виокремлення та деталізації у науковій картині зазначеної семіотичної системи.

Граматикалізація, як бачимо, передбачає втрату лексичної самостійності задіяних одиниць та, з іншого боку, збагачення граматичних формантів, модифікації функцій та формальних покажчиків на векторі аналітичності конкретної мови. Пор. англ. *handsome, hopeless, hopeful,* в яких суфіксальні морфеми з'явилися у результаті граматикалізації однойменних повнозначних одиниць. Від лексеми *little* , зокрема її форми *less (little – less least)* з'явився суфікс *-less* , який маркує наявність кореневої семи (*friendless, homeless, nameless).* Антонімічний суфікс *-ful* зберіг семантику вихідної лексеми. Пор. англ. *beautiful , hopeful, pocketful.*

Відчислівникові деривати англійської мови відкриті процесам як еволюції, так й інволюції. Числівникам, як універсальним одиницям позначення нумеральності та квантитативних ознак дискретних предметів, притаманні частиномовні семантичні та граматичні риси повнозначних слів [1; 3; 6]. Наявність групи числівників з компонентами *-teen, -ty* (етимологічні дублети лексеми *ten*) свідчить про внутрішньочастиномовну словотвірну силу ранніх числівників. Виокремлюється також група назв великих чисел, пам'ять яких зберігає сему «більше за попереднє число»: *hundred* «велика десятка», *thousand* «велика сотня», *million* «велика тисяча», тощо. За межами частиномовної парадигми номінації числа модифікуються на денумеральних просторах. Тенденції числівників при цьому верифікуються іманентними законами мовної системи, діями «вічного двигуна» словотвору [4; 5]. Денумеральні конструювання (ДК) англійської мови утворюються, як і інші похідні слова, продуктивними та непродуктивними способами. Пор. англ. *five – fifth, fifty, fifteen, fiver, fivesome, to five.* Генетичне наслідування поверхневих структур нумеральних словосполучень (НС) прослідковується у корпусі морфемного представлення однолексемними та полілексемними ДК. Пор. англ. *once, only, oneness,loneliness, oneself, alone, someone, anyone, none, everyone, one by one, one another, the one and only* тощо. Числівникові морфеми займають у ДК ініціальну, медіальну та фінальну позиції. Препозитивні позиції (ініціальні) об'єктивуються структурою вихідних одиниць – іменникових словосполучень з нумеральним компонентом. Пор. англ. *two arms / two-armed, one eye / one-eyed.* Високочастотно у корпусі вторинних конструювань представлено лексему *one* з огляду на її поліаспектність та поліфункціональність. Пор. англ. *one times two, one book, the one and only child (single), one way (the same), that one (book), one another (couple is implied), one should know that (indefinite), one by one (in turn), one day, one summer (any time), one bird told me (gossiping).* Числівникам (як «батькам» ДК) притаманні такі риси параметризації, як: генетична синкретичність (предметність + нумеральність), термінологічність, детермінологічність, фразеологізація, поліфункціональність (позначення точної, приблизної, невизначеної кількості), словотвірний потенціал. Із «семи чудес» НС досліджуваним ДК притаманні «п'ять чудес», відсутні риси термінологічності та детермінологічності. За формулою Тулдави Ю. А. [7] семантична дистанція між НС та ДК становить 0,6 скалярної близькості.

Д =1– 2 x q / A+B = 1 – 2 x 5 / 7 + 5 = 1 – 10/12 = 1/6

(q – п'ять спільних рис НС і ДК із «семи чудес», А – риси НС, В – риси ДК). Сплески минулої числової предметності супроводжують і ДК, що свідчить про їх «когнітивну пам'ять». Число (як денотат НС, їх логос) корелює з дискретним сприйняттям предметів оточуючого світу. Термінологічність – детермінологічність числівників зникає у парадигмі ДК з огляду на семантичну розмитість останніх, їх дифузність. А це потребує спеціального глибокого осмислення низки адгерентних питань. Формула семантичного наповнення числівників $Ч_n = Ч_{n-1} + 1$ не спрацьовує у корпусі ДК; останнім притаманна тенденція до деквантифікації та десемантизації вихідних одиниць. Валоративним при цьому є вивчення процесів еволюції та інволюції діади НС :: ДК.

Сага про англ. *once* (one – + – ce) починається з того, що зазначена лексема є вторинним конструюванням, яке в основному семантизує темпоральні ознаки за допомогою монолексемних та полілексемних одиниць. Пор. англ. *the face was once more suffused with energy, visited by her family once a month, she usually came back to the village once every two months, once blacklisted it would be impossible…; almost at once they came to conclusion; he had once been a prisoner; he can once get her attention* (Diana Pearson). Денумеративи в свою чергу служать базою для третинних утворень. Пор. англ. *oncer (N) – той, що рідко ходить в церкву; my once (Adj) owner – мій попередній хазяїн; once (N) is enough – досить, to get the once over (N) – quick visual examination, огляд.*

До групи із суфіксом *–ce* належать також слова *twice, thrice,* що номінують зазначену числівниковою морфемою частотність. Суфікс *–ce* семантично наближується до лексеми *time* : *twice is two times one, thrice is one times three, time after time, many a time.* Лексемам *once, twice, thrice* притаманна числова точність. Утворення типу числівникова основа + *-fold* також поповнюють групу точних квантифікаторів. Пор. англ. *twofold, threefold, fourfold*

та ін. Виключенням є *onefold*: спрацьовує семантична заборона. До групи ДК з розмитою квантитативністю належать лексеми типу англ. *someone, anyone*, *everyone, thirtysome, fortyish.*

Морфема – *some* у ДК позначає числову апроксимацію. Пор. англ. *thirtysome, fortysome*. (Неквантитативний зміст актуалізується у прикметниках *handsome* та *troublesome).* Морфема *-ish* замовляє семантичну девіацію похідного денумератива та вказує на приблизну вікову ознаку. Словосполучення англ. *a twenty something* реалізує сему приблизності у межах малого синтаксису. ДК *someone* матеріалізує синкретичне буття номінації на позначення приблизності та предметності. Не позбавлені ДК й семантичної спустошеності – транспозиції до статусу інтенсифікаторів, службових маркерів синтаксичних зв'язків.

Об'єктивацією спустошеності ДК слугує їх семантична лакунарність, пропуски у поверхневій структурі конструювань. Пор. англ. *He not only heard it but saw it too (he both heard and saw it).* У виразах типу *only three books left* дериват *only* уточнює, виокремлює числову ознаку позначуваного, зберігаючи «когнітивну пам'ять» вихідної лексеми *one.*

Аналіз ДК верифікує дієвість універсальної тенденції словотвору: складні слова походять від простих, суфікси генеруються від слів, суфіксації передує композиція. Візуально лексема *only* уподібнюється прислівнику. Але в англійській мові є чимало ад'єктивних слів із суфіксом *-ly (friendly, neighbourly, lovely).* Частиномовній верифікації омонімічних пар *only (Adj) :: only (Adv), friendlike (Adj) :: friendlike (Adv), lovely (Adj) :: lovely (Adv)* слугує їх синтаксичне буття, функціональне навантаження. Пор. англ. *friendlike behavior :: he behaves friendlike, the only son :: only three books.* У виразах *the only son* та *the only people* семантизується ідея винятковості, ексклюзивності, тобто число як вихідне значення імплікується у сонмі кваліативності. У виразі *my one and only chance* генетичні зв'язки однокореневих лексем використовуються для підсилення, емфази фразеологізму. Історичною виявляється тенденція послідовності *Adj→Adv.* Таким чином лексема *only (Adj)* утворена за суфіксацією, *only (Adv)* – за конверсією. Така частиномовна послідовність словотвору притаманна іншим паттернам:

one	→	*only (Adj)*	→	*only (Adv)*
four	→	*fourth (Adj)*	→	*fourthly(Adv)*
five	→	*fifth (Adj)*	→	*fifthly (Adv)*

Конструюванням типу англ. *twentyish, twenties, twentieth* притаманний синкретизм (позначення числа та інших сем). Темпоральність груп ДК актуалізується полілексемними одиницями з плеонастичним квантитативним наповненням. Пор. англ. *once a month, once a year, once a season, once in a while* тощо. На відміну від НС, ДК розширюють семантичний дизайн вихідних одиниць: поряд з вибірковою семантизацією числових ознак референтів ДК реалізуються значення невизначеної, індефінітної кількості, а з часом ДК транспонуються у парадигму службових слів. За межами повнозначних слів ДК йдуть «на підмогу» інтенсифікаторам, сполучникам та прийменникам включаються у процес інволюції.

ДК семантизують апроксимацію у межах внутрішньослівної параметризації, а не в умовах оточуючого малого синтаксису (на відміну від НС). Семантичний дизайн ДК не є хаотичним, спорадичним феноменом. У своїй семантичній еволюції ДК уподібнюються НС на векторах деквантифікації та десемантизації. Але сему квантитативності ДК семантизують синкретично. Спустошеними ДК вживаються для реалізації синтаксичних зв'язків , когезії та експресивності (пор. рос. *черта с два,* англ. *once if you were there*). Семантичні уподібнення НС та ДК супроводжуються одноіменними розбіжностями, що детермінується дією законів діалектики – інтеграцією феноменів сходження та розходження, спільного та відмінного, позитивного та негативного, традиційного та оказіонального, постійного та перемінного, еволюційного та інволюційного.

Таким чином, невід'ємним сектором в англійській мові є числівники, поверхнева та глибинна структура яких відкрита модифікаціям на епідигматичному рівні, дієвості «вічного двигуна» словотвору, що є вельми перспективним для подальшого вивчення лінгвокогнітивного буття квантитативних одиниць в гетерогенних мовних системах.

Джерела та література

1. Есперсен О. Философия грамматики / Отто Есперсен, пер. с англ. В. В. Пассекс, С. П. Сафроновой. – М.: Изд-во Иностр. лит-ры, 1958. – 404 с.
2. Єнікєєва С. М. Системність і розвиток словотвору сучасної англійської мови / С. М. Єнікєєва // Запорізький національний університет, 2006. – 303 с.
3. Засоби квантифікації: лінгвокогнітивні аспекти / С. О. Швачко, С. В. Баранова, І. К. Кобякова та ін. / за ред. С. О. Швачко: монографія. – Суми: Вид-во СумДУ, 2007. – 203 с.
4. Кочерган М. П. Загальне мовознавство / М. П. Кочерган // Підручник. – Київ: Академія, 2006. – 464 с.
5. Мажюлис В. П. Индоевропейская децимальная система числительных / В. П. Межюлис // Вопросы языкознания. – 1956. – № 4. – С.53-59.
6. Таранець В. Г. Походження поняття числа і його мовної реалізації (до витоків індоєвропейської прамови) / В. Г. Таранець. – Одеса: Астропринт, 1999. – 116 с.
7. Тулдава Ю. А. Об измерении связи качественных признаков в лингвистике (1): сопряженность альтернативных признаков / Ю. А. Тулдава // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов // уч. зап. Тартусск. Ун-та. – 1988. – Вып. 827. – С.146-162.
8. Diana Pearson. Sarah Whitman. Published by Transword Publishers Ltd., Century House. – London, 1982. – 339 p.

УДК 811.111’42 **Шевченко И. С.**

ДИСКУРС И СТИЛЬ: ПРОБЛЕМЫ ЭВРИСТИКИ

Статья рассматривает поликодовый дискурс как объект лингвистического анализа в современной парадигме гуманитарного знания, его единицы и категории. Показываются принципиальные различия понятий дискурса, текста, функционального стиля и жанра; на примере речевого события экскурсии определяются категорий дискурса, раскрываются сходство и отличия между функционально-стилистическим и дискурсивным анализом.
Ключевые слова: поликодовый дискурс, текст, стиль, жанр

Стаття розглядає полікодовий дискурс як об’єкт лінгвістичного анализу в сучасній парадигмі гуманітарного знання, його одиниці та категорій. Демонструються принципові відмінності понять дискурс, текст, функціональний стиль, жанр; на прикладі мовленнєвої події екскурсії визначаються категорії дискурсу, розкривається спільне та відмінне між функціонально-стилістичним і дискурсивним аналізом.
Ключові слова: полікодовий дискурс, текст, стиль, жанр

This article addresses an issue of polycode discourse viewed as a specific object of linguistic analysis in present-day paradigm of the humanities, its units and categories. The article focuses on the fundamental differences of the notions of the text, discourse, functional style and genre. A case study of the speech event «excursion» reveals its discourse categories and proves the difference between functional stylistic and discourse analyses.
Key words: polycode discourse, text, style, genre.

Современные лингвисты в рамках актуальной функциональной когнитивно-дискурсивной парадигмы знаний широко употребляют понятия дискурса, текста, жанра, стиля, хотя в отечественной и зарубежной науке с их различными традициями дискурс-анализа и лингвостилистики в эти понятия подчас вкладываются различные смыслы. Объект рассмотрения в этой статье – основные понятия дискурсологии и стилистики рассматриваются с целью выявить их эвристические сходства и отличия для функционально-стилистического и дискурсивного анализа на примере конкретного речевого события – экскурсии.

Значение термина дискурс восходит к этимону (лат.) *discurrere – бегать, discursus – убегать, давать информацию*: это дискуссия, обмен информацией, рассуждения [3]. В логико-философской традиции, идущей от И. Канта, дискурсивные знания понимаются как результат рассуждения, полученный черезчерез понятия, не интуитивно. В социологиии М. Фуко от понимания дискурса как цепочки рассуждений переходит к его трактовке как способа получения рассуждений – тому, что он называет «археологией знания» и далее – к практике получения знаний. В его концепции дискурс – это социальная практика [6].

В лингвистике дискурс как действие, дискурсивная практика становятся объектом современного дискурс-анализа. Его разновидность – критический дискурс-анализ рассматривает дискурс как форму «социальной практики», диалектическую зависимость: согласно Р. Водак, дискурс, с одной стороны, конституирует ситуации, объекты познания, людей – субъектов познания, а с другой – сам формируется этими параметрами [14, с. 15].

Дискурс трактуется как текст в контексте, как событие (с позиции действия) [11]. Это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [1, с. 136-137]. При этом дискурс не подменяет понятие текста – «дискурс обозначает коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию некоей формальной конструкции – текста» [7, с. 177].

В нашем понимании **дискурс** – «интегральный феномен, мыслекоммуникативная деятельность, которая протекает в широком социокультурном контексте; она есть совокупность процесса и результата, характеризуется континуальностью и диалогичностью» [9, с. 28]. Дискурс конструирует смыслы и шире – реальность в социально-психологической среде и сам выступает вербальной формой социальной практики. Лингвистическим воплощением дискурса служит **текст** – онтологическая сущность. Дискурс – это гештальт, единство процесса и результата (talk and text [12]), текст в ситуации реального общения [4, с. 285]), который лишь эвристически можно разделить на продуцирование / восприятие дискурса (аспект динамики) и текст – его результат (аспект статики). Определенная структура – текст создается в результате коммуникативного процесса дискурса. Причем дискурс – не столько корпус отдельных текстов, сколько связи между высказываниями, которые объединяют их в единую дискурсивную формацию («дискурсивную сетку» [6]).

Именно текст позволяет судить о характеристиках дискурса, которые не сводятся к свойствам самого текста. Свойства дискурса-события не онтологичны, они конструируются и выходят за пределы лингвистики как науки, что соответствует принципам функциональной, экспансионистской когнитивно-дискурсивной парадигмы [5, с. 207]. В этом смысле дискурс обнаруживает когнитивно-коммуникативные свойства и служит инструментом, «модусом описания речевой деятельности, <…> операционального анализа», который добавляет «детализацию в наши представления о коммуникативной практике» [8, с. 94].

Традиционно функциональные **стили** выделяются в соответствии с основными формами человеческого сознания, с типовыми сферами общения и деятельности (ср.: по В. В. Виноградову, стиль языка и речи – абстракция некоторого множества конкретних жанров). На современном этапе говорят о художественном, научном, официально-деловом, разговорном, публицистическом, религиозном стилях как о речевых разновидностях, соответствующих той или иной социально значимой сфере общения и деятельности и соотнесенных с определенной *формой сознания* [8] (выделено в оригинале).

Трактовка речевого ***жанра*** как формы теста в принципе не противоречит новейшим разработкам генристики, считающей, что жанр «по значимости превосходит представление о формах, в которые отливаются высказывания. <Он> должен быть включен в понимание реализации коммуникативного замысла, многих <…> аспектов коммуникативной компетенции» [2, с. 26].

Анализ дискурса предлагает исследователю особый, отличный от функциональной стилистики, принцип описания и ориентиры поиска, хотя в последние годы одно порой подменяется другим. Если **стилистический анализ** (уровень текста) устанавливает функции текста, стратегии тематического развертывания, обеспечивающие связь отдельных высказываний между собой и их тематическую прогрессию, вербальные средства актуализации и т.п. (в основе – бахтинское триединство «тема – стиль – композиция»), то **анализ дискурса** в соответствии с экспланаторным принципом «*почему* лингвистики» начинается с обращения к социально-историческому контексту, с проецирования на элементы содержательно-смысловой организации текста психологических, социальных, этно-культурных, прагматических и др. факторов. Ключевой вопрос в дискурсивном анализе – «почему определенная дискурсивная формация связана с такими, а не с другими формами высказывания? Почему в определенных условиях те или иные слова и понятия начинают играть центральную роль? <…> какие условия (эпистемического рода) позволили отправителю сообщения связать с этими словами этот смысл» [8].

Функционально-стилистический и дискурсивно ориентированный подходы объединяет общий методологический принцип анализа языковой специфики в ее экстраязыковой детерминированности, но первый подход описывает смыслы с семантической точки зрения, второй – с когнитивной. Отличие этих подходов В. Е. Чернявская усматривает в том, что функциональный стиль основывается на форме общественного сознания. Это фундаментальный критерий идентификации и делимитации одного функционального стиля от другого, и соответственно *их перечень по определению конечен*. Критерий дискурсивного анализ – содержательно-смысловая общность текстов. В таком понимании *дискурсов может быть бесконечно много*, и внутри научного дискурса, например, выделяются дискурс химии, дискурс генетики и т. п. в зависимости от интерпретативной деятельности субъекта, усматривающего основания для объединения текстов в единую дискурсивную формацию [8]. Другими критериями типологии дискурса в зависимости от исследовательского фокуса служат ситуативно-адресатный, по которому выделяются институциональный и персональный (бытийный) типы дискурса; критерий установок и целей (аргументативний и конфликтный типы дискурса); критерий функциональной направленности и информативной составляющей дискурса (информативное и фатическое общение) и т. п. В реальном общении типы и подтипы дискурса по большей части смешиваются и накладываются друг на друга, их конечная инвентаризация вряд ли возможна, что делает выделение типов дискурса скорее эвристической задачей конкретного исследования.

Отправным пунктом в анализе дискурса служат контекст и ситуация. Объяснительной основой здесь служит критическая теория дискурса Ю. Хабермаса [13] с ее приоритетом широкого контекста. С этой точки зрения дискурсивной событие экскурсия является разновидностью институционального дискурса. Это поликодовая коммуникация, один из жанров образовательно-развлекательного дискурса-комментария. Экскурсия сегодня существует в виде аудиотекста – записи, прослушиваемой экскурсантами по мере самостоятельного осмотра экспозиции, и как дискурсивное событие в режиме реального времени с одним адресантом (гидом) и несколькими участниками, которым заранее известна тема экскурсии. Этот жанр коммуникации представляет собой дискурсивное событие с заданными ролями, стандартизованной ситуацией и сценарием, он является поликодовым триединством вербального текста с паравербальным кодом, которым гид сопровождает свой текст, и с невербальным кодом (видеорядом, если объекты засняты на пленку, или зрительными артефактами – живопись, скульптура, архитектура и пр.). Экскурсия как жанр образовательно-развлекательного дискурса имеет также ограниченную областью осмотра тематику, заранее утвержденный сценарий (последовательность осмотра), разнокодовые средства и способы воздействия на слушателей, доминирующие стратегии (как правило, эмоциональный, насыщенный фактуальной информацией монолог гида и уточняющие (специальные, wh-questions вопросы) слушателей, а также фатические вопросы гида для определения понятности своей речи слушателям (типа *Всем понятно? Are you with me*?) и т. п.).

Функционально-стилистический анализ экскурсии с точки зрения категорий текста, основываясь на теории Р. Богранда и В. Дресслера, раскрывает ее информативность, когентность, интенциональность, приемлемость (интерпретируемость), ситуативность и интертекстуальность [10]. В частности, категория информативности задана тематикой экскурсии и охватывает важнейшие содержательные аспекты, интертекстуальность предполагает включение в текст экскурсии множества легенд, анекдотов и проч., в различной степени связанных с содержательной доминантой и т. д.

Категории текста и дискурса связаны между собой: первые составляют содержательную основу последних. Среди категорий дискурса мы с определенной долей условности различаем когнитивные, коммуникативные, метадискурсивные, а также гиперкатегорию интердискурсивности, где две первые группы категорий дают представление о содержательном плане дискурса, а метадискурсивные – о его структурировании. В частности, когнитивные категории дискурсивного события экскурсии включают дискурсообразующие концепты, будь то ХУДОЖНИК, АРХИТЕКТУРНЫЙ СТИЛЬ, ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ и т. п.; когезию как семантико-когнитивную связность дискурса (каузальную, референциональную, темпоральную).

Коммуникативные категории дискурса охватывают интенциональность и адресованность – социально-прагматические свойства отдельных ситуаций общения, ситуативность и др.

В отличие от когнитивных и коммуникативных категорий метадискурсивные категории позволяют судить о плане выражения дискурса – его структуре, организации, развертывании. К метадискурсивным мы относим четыре категории: средства оформлення дискурса как процесса – его коммуникативные стратегии и тактики; жанрово-стилистические особенности дискурса; фатическую метакоммуникацию (регулирование речевого взаимодействия) и операциональную категорию мены коммуникативных ролей. Тем самым дискурсивные и метадискурсивные категории находятся в дополнительных отношениях и связаны по принципу содержание :: выражение, диктум :: модус и под. В экскурсии на первый план выходят стратегии и тактики введения информации; фатическая метакоммуникация оказывается менее значимой, как и мена ролей, не характерные для монологического дискурса.

Об интердискурсивности экскурсии свидетельствует наложение как минимум двух доминант: объяснительной и развлекательной. В этом дискурсивном событии совмещаются характерные для образовательного (педагогического) дискурса стратеги введения новой фактуальной информации, комментирования и развлекательно-завлекающие стратеги, типичные для театра, шоу и под., усиливающие зрительское восприятие и делающие экскурсию хорошого гида своеобразным театром одного актера.

Выводы. Таким образом, общее и отличное в содержании понятий дискурс, текст, жанр, функциональный стиль, дискурс-анализ обусловливают сходство и отличия между дискурсивным и функционально-стилистическим анализом: первый фокусирован на дискурсе (аспект динамики), второй – на тексте как его результате (аспект статики), в частности, категориях дискурса и текста.

Дискурсивные категории поликодового события экскурсия соответствуют его образовательной и развлекательной доминантам, чье наложение обусловливает интердискурсивность экскурсии. Разграничение дискурсивного и функционально-стилистического анализа открывает перспективы изучения дискурсов различных типов и взаимное обогащение полученных результатов.

Источники и литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.,1990
2. Дементьев В. В.Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров / В. В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 23-34.
3. Кант И. Критика чистого раз ума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 592 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002.
5. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй поливине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М.: РАН, 1995. – С. 144-238.
6. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
7. Чернявская В. Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ / В. Е. Чернявская. – М.: Либроком, 2011. – 240 с.
8. Чернявская В.Е . Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? / В. Е. Чернявская // Когниция, коммуникация, дискурс. – Междунар. эл. сборник научн. трудов. – 2011. – Вып. 3. – С. 86-95. – Режим доступа: http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/
9. Шевченко І. С. Дискурс як мисленнєво-комунікативна діяльність / І. С. Шевченко, О. І. Морозова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Харків: Константа, 2005. – С. 21-28.
10. Beaugrande R., Dressler W. Introduction to Text Linguistcs. L.: Longman, 1981. – 280 p.
11. (34). Dijk T. A. van. Text and context. Exploration in the Semantics and Pragmatics of Discourse / T. A. van Dijk. – L.: Longman, 1977. – 290 p.
12. Dijk T. A., van. The study of discourse // Discourse studies: A multidisciplinary introduction: In 2 vol. / Ed. by T. A. van Dijk. – L., etc.: Sage, 1997. – Vol. 1. – P.1-34.
13. Habermas J. The Theory of Communicative Action / J. Habermas. Reasoning and the Rationalization of Society. Vol.1. – Boston: Beacon, 1984. – P.18 – 66.
14. Wodak R. Disorders of Discourse / R. Wodak. – L.: Longman, 1996. – 180 p.

УДК 81.112´372´373

Шикида І. Г.

СТАНОВЛЕННЯ ЛІНГВОКУЛЬТУРНИХ КОНЦЕПТІВ *WESSI* І *OSSI* У СУЧАСНІЙ НІМЕЦЬКІЙ МОВІ

Лексемы *Wessi* и *Ossi* исследуются в статье как имена лингвокультурных концептов в современном немецком языке. Методом сравнительного анализа семантического наполнения этих лексем и соответствующих концептов установлены их значения и смыслы; возникновение концептуальных смыслов происходит вследствие переосмысления социально-политических процессов Объединения Германии 1989/90 гг.

Ключевые слова: слово, лингвокультурный концепт, значение, смысл.

Лексеми *Wessi* і *Ossi* досліджуються в статті як імена лінгвокультурних концептів у сучасній німецькій мові. Методом порівняльного аналізу семантичного наповнення цих лексем і відповідних концептів встановлено їхні значення та смисли; виникнення концептуальних смислів відбувається внаслідок переосмислення соціально-політичних процесів Возз'єднання Німеччини 1989/90 рр.

Ключові слова: слово, лінгвокультурний концепт, значення, смисл.

The lexemes *Wessi* and *Ossi* as the names of cultural concepts in modern German are investigated in this paper. The meanings and senses of these phenomena are analyzed using the method of comparative analysis of their semantic content. The origin of the conceptual sense arises from the rethinking of the social and political processes of German Reunification in 1989/90.

Key words: lexeme, cultural concept, meaning, sense.

Об'єктом дослідження в статті є лексеми *Wessi* і *Ossi*, предметом – їхні властивості як імен лінгвокультурних концептів у сучасній німецькій мові.

Дана публікація має за мету дослідити, яким чином відбувалося набуття додаткових значень у слів *Wessi* і *Ossi* та становлення лінгвокультурних смислів відповідних концептів. Завдання статті полягає у встановленні та порівнянні семантичного наповнення структури слів *Wessi* і *Ossi* і концептів WESSI і OSSI на матеріалі німецьких медійних і художньо-публіцистичних текстів.

Новизна дослідження полягає у вивченні концептів німецької картини світу, які сформовані нещодавно, але які стрімко розвиваються і трансформуються. Лінгвокультурологічний аналіз концепту можливо здійснити лише в межах конкретного комунікативно-прагматичного оточення та відповідного національно-культурного простору. Якщо говорити про комунікативний простір сучасної об'єднаної Німеччини, то ключовою темою в ньому постає різноаспектна взаємодія її Сходу та Заходу. В результаті Возз'єднання 1989/90 років двох німецьких державних і суспільних груп, відбувається роздвоєння німецької національно-культурної ідентичності за категорією «*West*» – «*Ost*» («Захід» – «Схід»). Парадоксальним і новим явищем є те, що лексеми *Wessi* і *Ossi* для називання цього роздвоєння виникають та набувають безпрецедентної актуальності саме після Возз'єднання. Проекція економічної конкуренції (на ринку праці, споживчому ринку) внаслідок злиття «двох Німеччин» з часом почала спостерігатися на мовно-комунікативному рівні і була охарактеризована Н. Діттмаром терміном «мовний ринок» (*sprachlicher Markt*) [5, с. 21]. У друкованих і віртуальних засобах масової інформації, а також у художньо-публіцистичних творах, взаємодія західних та східних німців зображується настільки контрастно, дискусійно, емоційно та образно, що ця

тема, а в ній і центральні поняття *Wessi* і *Ossi*, які фігурують у цих зображеннях, не втрачають актуальності для читачів.

Наш опис об'єкта спирається на положення про те, концепт містить «загальну ідею» явищ певного ряду з урахуванням конкретного історичного періоду і етимологічні дані, що вказують, яким чином ця загальна ідея втілена у множині конкретних явищ. Тактикою розмежування *слова* і *концепту* слугуватиме порівняльний аналіз їхньої *семантичної структури* [2; 3, с. 231-232].

Семантична структура *слова* складається з мінімальних компонентів, які у сукупності відбивають його зміст (*Inhalt*). При визначенні змісту *слова* ми виходимо з лексичного значення слова (*lexikalische Bedeutung*). Це те, що зафіксовано у словнику і що людина має на увазі, коли вживає конкретне слово [1, с. 236]. Наприклад, лексичне значення слова ***Wessi*** тлумачний словник *DUDEN Universalwörterbuch* розкриває так: *Wessi (der / die) – (ugs.) männliche / weibliche Person, die aus den alten Bundesländern stammt; Westdeutscher / Westdeutsche* (укр.: особа чоловічої / жіночої статі, що походить зі старих федеральних земель; західний німець / ~а німкеня) [6, с. 1922]. Лексичне значення слова ***Ossi*** подається так: *Ossi* (*der / die*) *– (ugs., oft abwertend) aus Ostdeutschland, aus den neuen Bundesländern stammende männliche / weibliche Person; Ostdeutscher / Ostdeutsche* (укр.: особа чоловічої / жіночої статі, що походить із східної Німеччини, нових федеральних земель; східний німець / ~а німкеня) [6, с. 1244].

У контексті лексичне значення *слова* набуває додаткових (конотативних) значень – експресивного / емоційного / оцінного характеру, наприклад: *Ossischwein*, *Angeber-Wessi, armer Ossi, reicher Wessi, Ossi und Wessi waschen sich gegenseitig rein*, *viele Wessis machen Ossis ganz schön runter*, *so schnell gibt sich der Wessi nicht geschlagen* (укр.: свиня-«Оссі», хвалько-«Вессі», бідний «Оссі», багатий «Вессі», «Оссі» і «Вессі»: рука руку миє, багато «Вессі» нічогенько принижують «Оссі», «Вессі» так швидко не здається). Проступає негативна конотація цих слів, розмовно-побутова стилістична забарвленість характеризується різним ступенем стилістичної заниженості. Контекст впливає на лексичне значення слова. Наприклад, вживання слова *Wessi* / *Ossi* у ситуації конфронтації / конфлікту – *Wessi go home* або *«Ossi, nimm dich in acht», drohte er. «Bisher hast du Glück gehabt. Aber wir kriegen dich…»* [4, S. 143] (укр.: «Вессі» – йди додому. «Оссі», стережися,» – погрожував він. «Досі тобі щастило. Але ми тебе дістанемо...») – ілюструє його конотативні можливості.

*Лінгвокультурний концепт***,** який розуміється як вербалізоване ментальне утворення з упорядкованою внутрішньою структурою, яке включає *понятєвий*, *національно-культурний*, *образний* та *ціннісний* компоненти та відбиває особистий і колективний досвід носіїв мови певної національної спільноти, отримує загальновизнані індекси (*смисли*) у міру збільшення обсягу семантичної структури однойменного слова і розширення його локального, часового, комунікативного простору, що призводить до його сприйняття як об'єктивного явища. Ця об'єктивність умовна, оскільки йдеться про одиницю ментального плану. Концепт може змінювати свої смисли, проте впродовж певного відрізку часу та у межах певної соціальної або етнічної спільноти ці смисли відбивають існуючі факти культури. Спостереження над текстами показали, що за лексичним значенням слова *Wessi* / *Ossi* у контексті вживання розуміють не тільки і не стільки особу певного походження, скільки її ознаки / становище, зумовлені цим походженням, а також їхню суспільну інтерпретацію на фоні особливих історичних змін. Так формуються смисли концептів. У число найважливіших смислів концептів WESSI / OSSI відносяться: *Volk* (народ), *Einheit* (єдність), *Mauer* («Мур»), *Wiedervereinigung* (Возз'єднання), *Freiheit* (свобода), *Kampf* (боротьба), *Schuld* (провина).

Для лінгвокультурного концепту OSSI у контекстах постають, наприклад, смисли *безробітного німецького громадянина* або *невдячної особи*, а для концепту WESSI – людини, яка *вважає*, що *знає і вміє все краще за інших*, *матеріально забезпеченої особи*. До оцінних характеристик відносяться такі: WESSI – *besser*, *reich* (кращий, багатий), а OSSI – *faul*, *arm*, *arbeitslos* (ледачий, бідний, безробітній). Антиномічність цих характеристик є додатковим свідченням про протиставлення слів-номенів *Wessi* і *Ossi* та однойменних лінгвокультурних концептів. Наприклад, OSSI – це друг і ворог: *Die Ossis kamen als Freunde und wurden zu Wurst gemacht* [9] (укр.: «Оссі» прийшли як друзі і пішли «на ковбасу»), WESSI – любий і проклятий (*liebe Wessis – die verfluchten Wessis*).

Функціонування лексем *Wessi* і *Ossi* у культурних контекстах свідчить про них також як про назви концептів. Виникнення «текстів культури» (приказок, афоризмів, сталих словосполучень, художніх творів тощо), у яких формуються відповідні концепти, свідчить про актуальність названих явищ у німецькій лінгвокультурі, про активне «*переживання*» їх німцями. Наприклад: *Der Wessi redet mehr, als er weiß. Der Ossi sagt nicht alles, was er weiß. Ein Ossi – ein Wort, ein Wessi – ein Wörterbuch* [8, S. 48] (укр.: «Вессі» говорить більше, ніж знає. «Оссі» каже не все, що знає. «Оссі» – слово, «Вессі» – словник. Пор. останнє з: *Ein Mann – ein Wort, eine Frau – ein Wörterbuch.* (Чоловік – слово (як сказав, так і буде), жінка – словник).

У сталих сполученнях слів *Wessi* і *Ossi* з фразеологізмами створюються основи концептуалізації цих понять, наприклад: *Ossis über das Ohr hauen*, *Wessi zieht Ossi über den Tisch*, *ein Wessi, wie er im Bilderbuche stehe*, *der Wessi tritt den Ossis/uns Ossis ins Kreuz* (укр.: обдурити «Оссі», «Вессі» обманює «Оссі», як намальований «Вессі» (тобто типовий), «Вессі» «кидає» «Оссі»). У романі «*Welcome Ossi*!» Вольфганга Бреннера, у якому слово *Ossi* навіть винесено в назву, те, що потрібно розуміти під особою зі Сходу Німеччини, описано словами цієї особи-головного героя: *Selbst in meinen besten Klamotten erkannte man mich als Ossi. Das musste von innen kommen, an der Kleidung oder der Physiognomie konnte es nicht liegen. Ein Ossi ist man in der Seele – und man bleibt es, egal wie sehr man sich auch bemüht, wie ein Wessi auszusehen und aufzutreten* [4, S. 91] (укр.: Навіть у моєму найкращому одязі в мені впізнавали «Оссі». Це мало випромінюватися зсередини, одежа чи зовнішність не могли бути причиною цього. «Оссі» людина в душі і залишається ним, наскільки сильно вона б не намагалася виглядати або поводитися як «Вессі»). Зовнішній вигляд, поведінка, що співвідносяться із походженням особи – не просто формальні зовнішні характеристики. Намагання їх приховати, змінити свідчить про те, що ці ознаки «*переживаються*» як потенційно некомфортні через можливе негативне ставлення до них в суспільстві. Але вони – прояв душі, тому їхня неприхильна оцінка сприймається особливо болісно.

Молодий журналіст-письменник Роберт Іде так оперує лексемами *Wessi* і *Ossi*: *Besonders missfielen ihm die Ossis, die den Westen bekamen, ohne so mutig gewesen zu sein wie seine ausgereiste Familie. Er haderte auch mit den Wessis, die seine Widerstandsgeschichte nicht hören wollten, jetzt erst recht nicht, wo es sowieso viel zu viele Ossis gab, die einem die Haare vom Kopf fressen. Mein Freund schimpfte auf* ***das ganze Land, das vereint in Unordnung geraten war*** [7,

S. 132]. Він описує глибинні причини неприязні та непорозумінь у взаємовідносинах між східними та західними німцями. Після падіння режиму НДР та приєднання східної частини Німеччини до західної на її громадян автоматично поширилися західнонімецькі права та стандарти життя (*die Ossis, die den Westen bekamen*). Тим «Оссі», які кількома роками раніше під страхом ув'язнення емігрували з НДР (*ausgereist*), тепер було прикро за невизнання їхньої мужності (*mutig*). У «Вессі» ж складалося враження, що всі «Оссі» у такий спосіб «сіли їм на шию» (*Ossis, die einem die Haare vom Kopf fressen*), тому вони не мали бажання знаходити до кожного індивідуальний підхід та вислуховувати його історії (опору) (*Wessis, die seine Widerstandsgeschichte nicht hören wollten*). Отже, у концептах WESSI і OSSI закладено також смисл об'єднаної Німеччини, яка опинилася у скрутному становищі через Возз'єднання 1989/90рр. (*das ganze Land, das vereint in Unordnung geraten war*), що знайшло відображення у персоніфікованих групових образах німецьких «східняків» і «западенців».

Висновок. Особливості сучасного комунікативного простору Німеччини не тільки зумовили виникнення слів *Wessi* і *Ossi* у сучасній німецькій мові як емотивно-оцінних засобів вираження уявлень про історичний поділ Німеччини та про відмінності між населенням її західних та східних земель після Возз'єднання, але і визначально впливають на формування відповідних концептів. Суспільна інтерпретація факту походження зі Сходу чи Заходу Німеччини активно «переживається» німцями на фоні історичних змін.

Перспективи подальшого дослідження теми ми бачимо у встановленні майбутньої динаміки значень слів *Wessi* і *Ossi* та семантичного наповнення концептів WESSI і OSSI, проведенні детального аналізу зв'язків цих лінгвокультурних концептів з іншими концептами у німецькій картині світу. Доцільним напрямком є також контрастивні дослідження семантичного наповнення лінгвокультурних концептів WESSI і OSSI у зіставленні з іншими лінгвокультурами на матеріалі інших національних мов (наприклад, української).

Джерела та література

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая // Пер. с англ. А. Д. Шмелёва. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
2. Грузберг Л. А. Отчего Америка – концепт, а Финляндия – нет? / Л. А. Грузберг [Електронний ресурс]. – Филолог. – 2002. – № 1. – Режим доступу: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mnum_1 (15.04.2012).
3. Козловський В. В. Слово і концепт: семантичний і концептуальний аспекти (порівняльна характеристика) / В. В. Козловський // Зб. наук. праць Київ. націон. університету імені Тараса Шевченка. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2004. – С. 231-235.
4. Brenner W. Welcome Ossi! / W. Brenner. – Zürich: Diogenes, 1993. – 273 S.
5. Dittmar N., Bredel U. Die Sprachmauer. Die Verarbeitung der Wende und ihrer Folgen in Gesprächen mit Ost– und WestberlinerInnen / N. Dittmar, U. Bredel. – Berlin: Weidler, 1999. – 207 S.
6. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in zehn Bänden / Dudenredaktion. – Mannh.-Lpz.-Wien-Zürich: Dudenverlag, 1999.
7. Ide R. Geteilte Träume : meine Eltern, die Wende und ich / R. Ide. – Genehmigte Taschenbuchausg., 1. Aufl. – München : Btb-Verl., 2009. – 231 S.
8. Serwuschok I. Der Besser-Wessi. 97 BesserWessi-Witze und 22 Karikaturen / I. Serwuschok. – 2. Aufl. – Leipzig : Forum-Verl., 1991. – 55 S.
9. Stoltenberg J. Provokateur wider Willen / J. Stoltenberg [Електронний ресурс]. – WELT ONLINE. – 07.12.2006. – Режим доступу: http://www.welt.de/print-welt/article700792/Provokateur_wider_Willen.html (26.06.2012).

УДК 81'33

Шихалиева С. Х.

РОССИЙСКИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК АСПЕКТ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКОВ ДАГЕСТАНА

В статье анализируется роль русского языка в свете создания онлайн-словарей для языков Дагестана. Формат интернет-издания позволяет посредством русского языка создавать ресурсы, необходимые для существования двуязычного национально-русского и русско-национального интернет-словаря, а также осуществить подготовку звуковых словарей для письменных и бесписьменных дагестанских языков.

Ключевые слова: интеграция, языки Дагестана, русско-дагестанский, онлайн-словарь.

У статті аналізується роль російської мови у світлі створення онлайн-словників для мов Дагестану. Формат інтернет-видання дозволяє за допомогою російської мови створювати ресурси, необхідні для існування двомовного національно-російського і російсько-національного інтернет-словника, а також здійснити підготовку звукових словників для письмових і неписьменних дагестанських мов.

Ключові слова: інтеграція, мови Дагестану, російсько-дагестанський, онлайн-словник.

In article Russian role in sphere of creation of online dictionaries for languages of Dagestan is analyzed. The Internet edition format allows to create the resources necessary for existence of the bilingual national-Russian and Russian-national Internet dictionary by means of Russian, and also to carry out preparation of sound dictionaries for written and unwritten Dagestan languages.

Keywords: integration, languages of Dagestan, Russian-Dagestan, the online dictionary.

Вхождение России в общемировую и в общеевропейскую «глобальную систему» ставит вопрос об описании культуры народов России, населяющих ее, в совершенно особую плоскость. Объединительные тенденции, характерные для современного мира в целом и современной России в частности, привели к распространению особого варианта русского языка или *российского русского языка*. Выбор именно этого языка в качестве языка международного общения определяется целым рядом условий развития нашей страны. Понятие *российский (глобальный) русский язык* введено в научный оборот недавно [терминология А.М. Рудякова][1], и основным аспектом его рассмотрения до сих пор является объяснение того факта, почему именно российский русский язык выступает в функции языка международного общения. Выбор русского языка для осуществления быстрой и

[1] А. М. Рудяков – основоположник Крымской школы функциональной лингвистики XXI в.

полноценной коммуникации сопровождается усиленным стремлением сохранить языки и культуру народов Дагестана, чтобы «слабые языки стали не поглощающими объектами, а партнерами в формировании мировых языков»[6, с. 17]. При сохранении даже четырнадцати государственных языков в Дагестане русский язык является языком международного общения, с которого и на который переводится основная масса документов и литературы. Ни один язык Дагестана, кроме русского (которым владеет свыше 80%), не является языком, объединяющим все дагестанское общество[2, с. 145].

Полиэтничность Дагестана напрямую связана с проблемой языков и аспектов их исследования. «Языковая интеграция непосредственно влияет на языковую ситуацию и ведет к усилению языкового взаимовлияния, образованию языков-посредников, языков межнационального общения»[3, с. 180]. Использование русского языка в Дагестане не только как языка метрополии сопровождается осознанным стремлением сохранения и описания языков Дагестана, а также отражения особенностей этих языков, носители которых используют российский русский язык для профессионального общения и/или обучения, а также когнитивных характеристик, картин мира и культур, отражаемых этими языками. Если вслед за Э. Сепиром рассматривать язык как символический ключ к культуре, путеводитель в социальную действительность, «руководство к пониманию культуры» [7, с. 71] и учитывать, что главной формой передачи этнокультурной информации является слово, лексическая система, позволяющая проводить обмен культурными сведениями, то исследование российского русского языка как языка-посредника между культурами народностей Дагестана становится чрезвычайно важной задачей.

В Дагестане идеальной языковой ситуацией является устойчивая диглоссия, когда носители дагестанских языков уже установили сферы коммуникации в обоих языках (в русском и родном). Носители родных языков видят ценность, как дагестанских, так и русского языка, и не чувствуют давления, чтобы использовать исключительно один язык, отказавшись от другого. Они также считают важным передать молодому поколению свой родной язык, включая устную и письменную коммуникацию обоих языков.

Носители национальных языков в Дагестане, как правило, в каждой отдельной сфере используют один язык. Например, дома они говорят на родном (национальном), а в местном правительственном учреждении на русском. На продовольственном рынке они используют русский, а в школе – родной (начальная база). Эти сферы бывают разными для каждого языка и каждого члена общества. Поэтому в Дагестане наблюдается тенденция снижения использования родного языка ввиду того, что русский язык представляется более выгодным, а сферы использования родного языка уменьшаются, что приводит к утрате знаний и лексики. С точки зрения любого Российского университета основой и условием академической мобильности является знание государственного языка студентами и преподавателями, обеспечивающее языковую компетенцию на уровне говорения, аудирования, чтения и письма. На этом фоне вопрос о том, как русский язык в Дагестане обеспечивает межкультурное взаимодействие не вызывает сомнения.

Согласно отчету специальной группы экспертов ЮНЕСКО [11] по языкам, находящимся в опасности, при наличии множества языков, язык считается находящимся в опасности, когда его носители перестают использовать его, используют его во все более ограниченном числе сфер коммуникации и перестают передавать его следующим поколениям. Исчезновение каждого языка влечет за собой невозвратимую потерю уникального культурного, исторического и экологического знания. В надежде предотвратить такие потери, выделяются пять основных сфер для поддержки языков, находящихся в опасности: 1) начальная лингвистическая и педагогическая подготовка, 2) устойчивое развитие грамотности и искусства документирования, 3) поддержка и развитие политики национального языка, 4) поддержка и развитие образовательной политики, и 5) улучшение жизненных условий и уважение к правам человека в языковых сообществах. Несомненно, грамотность и образование играют решающую роль в жизнеспособности языка. В этом случае российский русский язык выступает в качестве основного механизма сохранения и развития языков Дагестана.

Сегодня функционирование языков в Дагестане во многом определяется этническим типом поселения, национальным составом организации и профессиональной специализацией самого учреждения. Официальное признание государственного статуса четырнадцати языкам Дагестана укрепило их позиции в неофициальных сферах и способствует интенсивному применению в официальных, но отнюдь не дальнейшему функциональному развитию. Придание государственного статуса не привело к полноценному развитию и расширению общественных функций национальных языков Дагестана, в том числе, в силу несовершенства и не разработанности вопросов государственной языковой политики [1, с. 14].

Как и прежде, национальные языки наиболее интенсивно функционирует в неофициальных сферах общения. Из 100 респондентов, опрошенных в 2011 году в рамках пилотажного опроса, 95% в семейно-бытовой сфере постоянно общаются на национальных языках. Хотя языковые предпочтения городской и сельской семьи отличаются, межпоколенная передача национального языка семье не прерывается и в наши дни.

Также результаты опроса показали, что при общении с родственниками – 93% и с друзьями – почти 86% респондентов предпочитают общаться на национальном языке. При этом использование языков зависит от возраста собеседников: чем они моложе, тем меньше общение на родном языке, что особенно характерно для городской молодежи. Однако возрастные границы существенного значения в использовании родного языка в сфере духовной культуры не имеют. Так почти 96% респондентов независимо от возраста в культовых местах всегда общаются только на своем родном языке.

В интегрированных сферах управления и делопроизводства доминирует русский язык. Национальные языки не получили широкого распространения в данных сферах в силу большого функционального ресурса русского языка. Однако результаты опроса констатируют, что в процессе трудовой деятельности родной язык используют 60%, а в общественных местах 57.73% респондентов, что говорит о его достаточно высоком функциональном статусе. Русский язык доминирует в официальных сферах общения. Так почти 73% респондентов в государственных учреждениях разговаривают на русском языке. В сфере СМИ (87,62%) и при чтении как художественной (почти 74%), так и специальной литературы (72%) приоритет также отдается русскому языку, что закономерно, учитывая его высокую терминологическую базу и огромное эфирное время, занимаемое федеральными каналами.

Родные языки Дагестана, хотя и остаются основным средством общения народов Дагестана, однако необходимость во владении русским языком, его социальная потребность с каждым годом возрастает. Поэтому

вопрос о распределении социальных функций между русским и родными языками, как и в других национальных регионах России, остается открытым. Возможный выход видится в планировании взвешенной и продуманной языковой политики, которая посредством русского языка, содействовала бы подъему и расцвету родных языков, и стремилось бы к расширению социальных функций национальных языков в разных сферах общения [8, с. 2].

Сегодня русский язык для государственных языков Дагестана представляет собой активно развивающееся явление, в котором особое внимание уделяется разработке лингвистических и когнитивных методов анализа различных его особенностей. Особенности национальных языков Дагестана в русском языке отражаются как в неком зеркале, при этом важно отделить те элементы русского языка, которые являются устойчивыми и сохраняются независимо от родных языков тех, кто им пользуется, от особенностей лексики, морфологии и синтаксиса, возникающих в результате влияния родных языков. Соответственно, при анализе российского русского языка интересны два аспекта:

– исследование интерференции языков Дагестана на язык русский на уровне лексики, морфологии и синтаксиса и выявление связанных с этой интерференцией особенностей, которые, в свою очередь, определяют методы и приемы перевода текстов с русского языка на языки Дагестана, а также особенности создания и развития информационных технологий, для которых русский язык является основным носителем информации;

– выявление тех аспектов русского языка, которые вызывают особые сложности при генерировании текста (в частности научного) и модификация и/или уточнение учебных программ, которые должны обеспечить знание языка, позволяющее сделать мобильность студентов, преподавателей и ученых реальностью.

Для этого при исследовании особенностей российского русского языка необходим аппарат, позволяющий разделить универсальные и специфические характеристики языков Дагестана в качестве изучаемого лингвистического объекта. Такое исследование потребует предварительного сбора и организации материала таким образом, чтобы сопоставление было объективно и достоверно, поскольку результат любого исследования зависит от того, как организована выборка, насколько она однородна и представительна по отношению к исследуемым явлениям, насколько и по каким параметрам сопоставим материал.

Одним из современных методов анализа, применение которых к подобному объекту может быть и оправданным, и целесообразным, является создание и исследование корпуса параллельных текстов национальных языков, ограниченных тематикой, структурой и объемом, но различающихся родными языками и, как следствие, ракурсами описания одного и того же заданного явления. При этом отличия на лексическом и синтаксическом уровне должны определяться не различиями в теме текста, а различиями когнитивными и ситуационными. На основе корпуса псевдопараллельных текстов может быть, в частности, проведен анализ номинации экстралингвистических объектов и особенностей терминообразования (структуры именных терминологических сочетаний) в условиях разных национальных языков Дагестана. Особенности номинации одних и тех же референтов в текстах носителей разных языков Дагестана отражаются в вариантах структур именных терминологических сочетаний в этих языках. При этом следует иметь в виду, что построение лексического спектра российского русского языка дает возможность проанализировать не только особенности использования лексических единиц – слов и словосочетаний в текстах, написанных носителями разных языков, но и выявить особенности когниции, свойственные «усредненному» носителю конкретного языка и, как следствие, конкретной культуры народностей Дагестана.

Двуязычный интерактивный словарь является необходимым ресурсом для создания связи между языками в таком регионе как Дагестан. Хороший двуязычный словарь обеспечивает формат для записи языковых данных, относящихся к потенциально бесконечному числу сфер в родного и русского языков, тем самым предоставляя информацию для использования обоих языков в большем количестве сфер, а также, поддерживая жизнеспособность родного языка. Эти сферы знания, которые, возможно, были однажды утрачены, теперь могут быть сохранены не только для носителей, но и для всего академического сообщества. Специальное знание, такое как отраслевая лексика или фольклор может быть сохранено прежде, чем обладающие этим знанием носители умрут. Интерактивный двуязычный словарь может быть ценным орудием, как для учителей, так и для учащихся. Формат интернет-издания позволяет двуязычному словарю быть доступным уже во время его составления, редактирования, добавления примечаний и изменений, причем без лишних расходов. Интернет-словарь имеет много преимуществ, которые делают его полезнее печатного издания. Способность категоризирования, использования перекрестных ссылок и поиска потенциально безгранична и ограничивается лишь воображением автора. В данном случае мы говорим о ресурсах, необходимых для создания двуязычного национально-русского и русско-национального интернет-словаря. Во-первых, говоря об интернет-формате, описываются его преимущества, а во-вторых, объясняются преимущества подхода к составлению словарей по семантическим сферам над другими подходами. Есть несколько компьютерных программ, которые создают формат для интернет-издания словаря и с легкостью импортируют данные из ряда различных лексических баз данных. Одним из преимуществ интернет-словаря является то, что его можно издать скорее, чем печатный, а также его легче и быстрее редактировать. Поэтому общество может видеть плоды трудов составителей в то время, когда они все еще испытывают большой энтузиазм и воодушевление от своей работы. Импульс усиливается, побуждая их к дальнейшей разработке материалов для местной общины. Более того, интернет-словари не ограничивают их составителей каким-то одним географическим местом. Добавление новых статей и редактирование может совершаться из различных мест многими отдельными лицами, ввиду чего составление словаря может продолжаться, пока имеется достаточный доступ к интернету. Интернет-словарь может издаваться сразу, как только для него находится материал.

Двуязычный словарь имеет большое значение в двуязычном государстве, и важно создать такой словарь как можно скорее и эффективнее. Использование средств интернет-издания и сбор информации по семантическим сферам не только восполняет нужды каждой национальности, но и делает материал доступным для академического сообщества и обеспечивает всех необходимым ресурсом. Следовательно, возрастает потребность именно в интернет-порталах на русском языке, т.к. значимость Интернета для носителей дагестанских языков очень велика. Кроме того, он доступнее и распространеннее чем, например, газеты, традиционно ориентирующиеся на более зрелый возраст. И самое главное – люди больше доверяют информации, прочитанной на родном – в данном случае – на русском языке. Хотя есть и определенные проблемы. Русский язык в Дагестане претерпевает определенные изменения, зачастую не в лучшую сторону. Происходит смешение русских и дагестанских слов. Однако даже там, люди, двуязычие которых

позволяет им пользоваться русским алфавитом, приспосабливают свои знания к национальным языкам, которыми они владеют [6, с. 17]. Еще одно преимущество скорости, с которой составляются такие словари, заключается в том, что они сразу же становятся ресурсом для обучения в национальных школах. Хороший двуязычный словарь вместе с хорошей учебной грамматикой представляет для учителей материал для разработки учебного плана. Поскольку лексику лучше всего учить при помощи семантических сфер, такой словарь является бесценным орудием, обладающим гибкостью, которая дает возможность более рационально произвести высокоэффективные материалы.

Любое описание чужого языка, даже самое лучшее, имеет недостаток: не воспроизводит его звучания. Особенно значимо это неудобство при контакте с дагестанскими языками. В настоящее время очень активно развиваются компьютерные системы мультимедиа, которые дают в руки исследователям удобные и эффективные технические средства изучения звуковой структуры языка. Существует довольно значительный подбор профессионально разработанных программно-аппаратурных комплексов на базе персональных компьютеров – так называемых речевых лабораторных знаний, которые позволяют создавать большие архивы цифровых записей речевого материала, исследовать их акустические характеристики, проводить экспертную оценку звучания носителями письменных и бесписьменных дагестанских языков. Как правило, эти средства уже освоены и используются при обучении и в научных работах. Было бы полезно воспользоваться возможностями компьютерной техники в деле исследования фонетических характеристик и создания баз звукового словаря для письменных и бесписьменных дагестанских языков.

При существовании единых фонем для языка, обычно каждая локальная группа носителей имеет свой вариант произношения этих фонем, свою «систему», что свойственно природе письменных и бесписьменных дагестанских языков. Даже в письменных дагестанских языках с более-менее удачной судьбой – активно использующихся, с давним и широко применяющимся обучением могут возникнуть спорные вопросы при фиксации произношения к накалу страстей (в частности, если говорить о латералах в аварском языке и дентолабиализованных в табасаранском языке). Такое положение вносит некоторую неразбериху, может сбивать с толку, знакомящихся с языком при обучении и демонстрирует неоднозначное описания языка.

Существование подробных транскрибированных записей, в частности А. Е. Кибрика, С. В. Кодзасова [4, с. 56] и А. А. Магометова [5, с. 23], не решает проблемы, поскольку все равно, произношение воспроизводится опосредованно, графическим путем, не говоря о сравнительно малом объеме словаря. Современные работы по описанию на основе субъективных признаков практически невозможно. Хотя в принципе существуют нейрофизиологические корреляты слуховых и моторных ощущений, однако о них так малоизвестно, и они столь малодоступны наблюдению, что перевод ощущений в эти объективные корреляты является лишь теоретической возможностью. Представляется очевидным, что создание звуковых словарей для письменных и бесписьменных дагестанских языков, является одним из способов их фиксации и сохранения. В частности, немаловажная роль принадлежит Институту перевода Библии, который занимается записями библейских текстов, как письменных дагестанских языков, так и бесписьменных (на бежтинском, цезском и андийском языках и др.).

Таким образом, разнообразие языков в Интернете означает наличие большего количества сайтов на национальных языках, а не просто полное разнообразие. Сеть постоянно отражает распространение языкового присутствия в реальном мире, многие сайты – тому доказательство. Например, сайт национальных дагестанских газет представлен на русском языке.

Интернет притягивает как источник информации и отталкивает как мощный фактор разрушения привычной для человека языковой среды. Расширение национального сегмента глобальной сети вызывает желание воспользоваться всеми возможными ресурсами Интернета, например, при поиске, выводит пользователя за пределы привычной языковой среды.

В научной среде часто можно услышать мнение о том, что Всемирная паутина представляет угрозу для литературного языка, способствуя расшатыванию норм грамматики и словоупотребления, пропагандируя безграмотность. Современные формы коммуникации – электронная почта, форумы, интернет-пейджеры – требуют соответствующих речевых средств. Например, в скоростной переписке по электронной почте, когда обмен сообщениями занимает секунды, участники диалога средствами письменной речи общаются так, как если бы видели друг друга. Такую речь нельзя назвать ни устной, ни письменной; скорее, это «письменная разговорная» речь. Но только благодаря повсеместному распространению Интернета открываются невиданные до этого возможности для тех, кто интересуется каким-либо языком и культурой, знает, любит, желает выучить определенный язык [9].

Исследование глобального русского языка особенно важно сегодня, в условиях, когда необходимо необходимость сделать информацию активной, т. е. обеспечить максимальное использование информации на всех видах носителей, на электронных носителях в частности, и содействовать распространению и получению знаний. Это значит, в частности, что из информации, получаемой из различных «бумажных» источников (книг, статей, документов и т. п.), а также по сетям Интернет или им подобным, мы должны уметь оперативно извлекать необходимые сведения. Процесс получения знаний из различных источников, которые могут быть как материальными, так и экспертными, в современном направлении инженерии знаний определяется термином «извлечение знаний». Исследование национальных языков Дагестана методами корпусной лингвистики создает базу для создания и ведения специализированных словарей и онтологии, являющихся ядром современных средств переработки информации.

Кроме того, актуальные проблемы развития современного полиэтнического и поликультурного общества определяют необходимость в создании специальных средств поддержки совместной деятельности в условиях многоязычной коммуникации и умении их использовать. Решение задачи оперативного извлечения и обработки знаний для национальных языков Дагестана сегодня возможно только при наличии базовых навыков и умений в области работы со специализированными системами электронных словарей и, в целом, и компьютерными системами обработки информации, которые создаются посредством русского языка. Эти же условия требуют обеспечения полной многоязычной информации на всех этапах ее существования. Они могут быть осуществлены на базе применения информационных технологий за счет поддержки многоязычной информации, локализации данных и программного обеспечения, путем создания компьютерных словарных и обучающих систем для языков Дагестана.

Источники и литература

1. Алексеев М. Е. Табасаранский язык / М. Е. Алексеев, С. Х. Шихалиева. – М., 2003. – С. 14.
2. Атаев Б. М. Проблемы этнолингвистической жизни народов Дагестана / Б. М. Атаев // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии. – Махачкала, 2008. – С. 145.
3. Исаев М. И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов / М. И. Исаев. – М., 2001. – 182 с.
4. Кибрик А. Е. Принципы фонетической транскрипции и транскрипционная система для кавказских языков – ВЯ / А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов. – № 6, – 1970. – С. 56.
5. Магометов А. А. Кубачинский язык / А. А. Магометов. – Тбилиси, 1965. – С. 23.
6. Рудяков А. Н. Георусистика – русистика 21 века / А. Н. Рудяков // Георусистика. Первое приближение. – Симферополь, 2010. – С. 17.
7. Сепир Э. Язык и среда / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культорологии. – М., 1993.
8. Солнцев В. М. Языковые проблемы и мировой опыт решения языковых проблем / В. М. Солнцев, В. Ю. Михальченко // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. Материалы международной конференции. – М., 1996. – С. 2.
9. Трофимова Г. Н. К вопросу о специфике функционирования русского языка в Интернете (норма и узус) / Г. Н. Трофимова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_39.htm (2001).
10. Harrison T. M. & Stephen T. Eds. Computer networking and scholarship in the 21st century University. Series in Computer-Mediated Communication, 1995. – 315 p.
11. См. http://portal.Enesco.org/culture/en/cv.php-URl. ID I 306ft&URl-_DO= DO_ TOPIC &URL_SECTlON=201 .html.См.http://\vwvv.unesco.org/culturc/heritagc/intiuigiblc/mcetmgs/puris march2003. shtml#_ftn 1

УДК 378:37.01.32:811

Шишко А. В.,
Луканська Г. А.

ОСОБЛИВОСТІ ПРОФЕСІЙНОЇ ПІДГОТОВКИ СПЕЦІАЛІСТІВ З УСНОГО ПЕРЕКЛАДУ

В статье рассмотрены основные пути усовершенствования навыков устного перевода, проанализировано методы обучения, определено самые эффективные тренировочные упражнения и установки.

Ключевые слова: методика обучения устному переводу, методы обучения, тренировочные упражнения, студенческие и преподавательские установки.

У статті розглянуто основні шляхи вдосконалення навиків усного перекладу, проаналізовано методи навчання, визначено найбільш ефективні тренувальні вправи та установки.

Ключові слова: методика навчання усному перекладу, методи навчання, тренувальні вправи, студентські та викладацькі установки.

The main ways of improving interpreting skills are studied, the basic methods of teaching are analyzed, the most effective training exercises and goals are defined.

Key words: interpreting methodology, methods of teaching, training exercises, aims of students and teachers.

В останні роки соціальне замовлення на спеціалістів, які володіють іноземною мовою, різко змінилося. Активізація ділових та економічних відносин України з зарубіжними країнами зумовила потребу в спеціалістах, які б могли забезпечувати високий рівень взаємовигідних стосунків між представниками нашої держави та її іноземними партнерами. В наш час володіння іноземною мовою і перекладом з іноземних мов є виробничою необхідністю і може задовольнити гостру потребу в спеціалістах нового напряму, які б могли обслуговувати різні сфери економічних відносин. Тому однією з найважливіших умов підвищення якості підготовки фахівців у вищих навчальних закладах на даному етапі є максимальна орієнтація на особливості професійної діяльності спеціаліста.

Дана стаття присвячена особливостям підготовки професійних перекладачів для виконання виробничої діяльності в економічному середовищі, причому основна увага приділяється вибору практичних методів та вправ для навчання зокрема усному перекладу. Оскільки вимоги до сучасного перекладача є досить високими, і зумовлені вони, головними чином, тим, що на даний момент існує потреба у фахівцях, які б володіли як професійно-орієнтованими мовними знаннями та вміннями [3], так і здатністю виконувати функцію помічника в ринковій або державні структурі в процесі співробітництва з іноземними партнерами, необхідно випрацювати нову концепцію викладання іноземної мови для перекладацьких спеціальностей, яка б відповідала вищезазначеним вимогам.

Метою даної статті є визначення основних шляхів вдосконалення навиків усного перекладу, основних методів його навчання та найбільш ефективних тренувальних вправ та установок.

Аналіз науково-педагогічної літератури з окресленої проблеми показав, що протягом останнього часу активно вивчаються особливості методики викладання перекладу, що знайшло своє відображення у наукових працях Л. С. Бархударова, І. О. Зимньої, В. М. Комиссарова, Р. К. Миньяр-Бєлоручєва, Л. К. Латишева, В. І. Провоторова, Ф. Пфлойшнера, Г. А. Самійленка, І. І. Халєєвої, Г. В. Чернова, А. Д. Швейцера, А. Ф. Ширяєва та ін. Важливість вдосконалення практичних навиків усного перекладу майбутніх перекладачів знайшла своє відображення також в дослідженнях І. С. Алексєєвої, Г. М. Мірама, Г. А. Самойленко, О. М. Гона, М. Л. Авраменко тощо.

Однак методика викладання перекладу є ще досить недостатньо дослідженою областю педагогіки. До недавнього часу студенти і перекладацьких, і педагогічних спеціальностей факультетів іноземної мови готувалися на практично ідентичних методичних підходах [5]. В той час як професія перекладача, і особливо на сучасному етапі розвитку нашої держави, вимагає особливих і одночасно абсолютно універсальних навиків та вмінь, необхідних у всіх видах перекладу [4]. Саме цей факт і зумовлює актуальність обраної теми.

Як свідчать дослідження в галузі методики навчання перекладу, студенти отримують більше знань, коли вони приймають активну участь в процесі навчання [6]. Рекомендується ознайомитися з методикою навчання перекладу студентам-перекладачам ще й тому, що переклад, як і балетне мистецтво, потребує постійного тренінгу, і навики, навіть найкращі, швидко втрачаються. І оскільки в реальності усний перекладач працює не кожний день, йому необхідно оволодіти навиками самотренінгу і тими особливими видами вправ, які дозволять йому повернути форму [2]. Природно, що на заняттях з перекладу найбільш вигідним є багатократне вживання мовних одиниць, що

підлягають засвоєнню, і конструкцій в перекладацьких вправах, що дозволяють одночасно тренувати весь комплекс перекладацьких умінь і навиків. Проте при цьому в міру можливості слід уникати монотонності.

Однією з професійних якостей, необхідних у всіх видах усного перекладу, є добре володіння технікою мови. Перекладач повинен володіти хорошою дикцією, уміти інтонаційно правильно оформляти вислів і говорити досить голосно. Мають рацію ті, хто стверджують, що усний перекладач має бути професійним оратором. З цього виходить, що викладач перекладу повинен постійно звертати увагу на оформлення усної мови студентів. За недбалу дикцію, тиху та невиразну мову, неправильну інтонацію викладач повинен знижувати оцінку. Усний перекладач організовує свою мову у досить складних, часом екстремальних, умовах. Структура його мови не може володіти такою ж стрункістю, як текст письмового перекладу. Проте мова перекладача повинна справляти на слухачів враження добре оформленої мови.

Відомо, що в порівнянні з письмовою мовою усний переклад взагалі є менш «розрахованим», впорядкованим і більш «аморфним». Що ж дозволяє заповнювати ці «недоліки» усної мови? Це перш за все широка лексико-синтаксична варіабельність усної мови (інверсії, конверсиви і інші перифрази) у поєднанні з багатими ритмо-інтонаційними можливостями та іншими засобами.

Уміння використовувати всі ці можливості дозволяє перекладачеві виходити з скрутних становищ, в які він нерідко потрапляє. Так, іноді вже в процесі перекладу перекладач помічає, що він вибрав невдалу синтаксичну схему, проте змінити прийнятий план реалізації вислову вже неможливо. У цих випадках він повинен заповнити допущені синтаксичні «вільності» за допомогою інтонаційних засобів.

Багато хто з психологів вважає, що у процесі опанування іноземними мовами студенти не в змозі думати нею, і основна проблема навчальних закладів полягає у тому, щоб навчати їх користуватись мовою, яка вивчається. Вільна і правильна діяльність мовленнєвого апарату надзвичайно важлива. Його недостатнє тренування призводить до значних труднощів. Важливо контролювати правильність вимови, використовувати вправи спрямовані на прискорення темпу мовлення. Викладачам слід весь комплекс навчальної роботи спрямовувати таким чином, щоб якомога ретельніше тренувати студентів в іншомовному мовленні, спираючись на переклад. Слід також пам'ятати, що внутрішнє іншомовне мовлення виникає і розвивається не в результаті зовнішнього говоріння, а в результаті багатої практики слухового сприйняття мовлення.

Використання різноманітних методів безсумнівно підвищує розуміння та здатність студентів запам'ятовувати інформацію, розвиває професійні навики та вміння. На думку Авраменко М. Л., переклад, будучи одночасно і навиком, і наукою, вимагає викладання, що базується на знанні теорії перекладу. Тому, правильний підхід до навчання перекладу повинен включати метод, що передбачав би як теоретичні аспекти перекладу, так і практичні [1].

Авраменко М. Л. пропонує наступні методи навчання перекладу:

І. Метод дискусії – активний метод навчання, що передбачає двосторонню комунікацію між викладачем та студентами та надає можливість обміну ідеями. Прикладом такого методу може бути завдання, коли одному з студентів пропонується текст на переклад, а іншим дістається роль екзаменаторів, які слухають та занотовують, які неточності, на їх думку, були допущені при перекладі, які були допущені помилки щодо змісту, чи правильно була відображена послідовність теми та реми, визначають оптимальні варіанти перекладу тощо. Обговорюючи переклад тексту зроблений даним студентом, кожний має надати власний варіант. Цей метод є досить корисним, оскільки автор перекладу, будучи прив'язаним до свого варіанту, не може дати йому належну оцінку [1].

ІІ. Аудіовізуальний метод – використання відео та аудіо матеріалів з опорою на тексти з їх змістом. Даний метод націлений на покращення пам'яті, концентрації уваги, що необхідні для розвитку навиків усного перекладу. Він допомагає отримати здатність постійно бути в стані напруженої уваги та абстрагуватися і концентруватися лише на перекладі.

ІІІ. Експериментальний метод – робота над так званими case-studies, що допомагають вирішувати аналітичні задачі. Прикладом даного завдання може бути робота над текстами економічної, політичної чи соціальної спрямованості: виділити економічні, політичні чи соціальні реалії, обговорити можливі способи їх передачі; визначити в тексті місця, що несуть найбільше функціональне навантаження і вимагають максимально повного їх відновлення; визначити інтенцію автора та способи передачі найбільш складних моментів; написання власної статті, використовуючи ключові слова, фрази та конструкції вихідного тексту та дотримуючись її функціонального стилю; обговорити написані статті, використання ключової лексики в даному контексті; презентувати власну статтю в ролі диктора, в той час як інший студент виконає функцію перекладача тощо.

ІV. Метод рольової гри – полягає у штучному створенні ситуації, максимально наближеної до реальності. Темою подібної гри може бути, наприклад, співбесіда з працевлаштування чи обговорення певних умов контракту тощо. Кожний студент отримує свою роль, причому необхідно визначити двох перекладачів (одного для перекладу з української мови на англійську, іншого – навпаки). Позитивним моментом даного методу є те, що оскільки мовлення учасників є непідготовленим, перед перекладачами стоїть завдання швидко зорієнтуватися в ситуації і дати адекватний переклад. Саме завдяки цьому методу майбутні перекладачі і готуються до реальних життєвих ситуацій [1].

V. Метод чотирьохтактних вправ – використовується з метою введення та закріплення перекладацьких відповідностей. Суть даних вправ полягає в тому, що студенти працюють за певною схемою, що складається з чотирьох етапів: прослухати та перекласти речення, прослухати і повторити його правильний переклад. Наступний студент також повторює правильний варіант перекладу попереднього і починає свою схему чотирьох ступенів. Вкінці одному з студентів пропонується почати з самого початку і давати лише правильні варіанти перекладу.

VI. Метод переказу, що базується на принципі так званого «зіпсованого телефону» і полягає в тому, що перший студент читає текст і переказує його іншому, той в свою чергу передає його зміст наступному і так далі. В результаті останній студент відтворює первинний варіант «через призму перекладу попередніх студентів» [1]. Вкінці заняття рекомендується проаналізувати, які змістові домінанти були упущені чи навпаки збережені. Даний метод значно сприяє підвищенню концентрації уваги та розвитку навиків говоріння.

Серед суто перекладацьких вправ, націлених на вдосконалення навиків усного перекладу, як найбільш ефективні, слід виділити наступні: 1) вправи з мнемотехніки, що мають на меті розвиток оперативної пам'яті та засвоєння допоміжних прийомів запам'ятовування. До їх основних типів належать слова, ряди чисел, топоніми, імена, мнемообрази, мнемовірші, «сніговий ком», запам'ятовування тексту, мнемотехніка та логічні операції,

змішаний тренінг з мнемотехніки на матеріалі рішення і змодельованої ситуації тощо; 2) тренування переключення на іншу мову; 3) тренування переключення на різні типи кодування; 4) тренування темпу усного мовлення; 5) випрацювання активного навику поєднання транскрипції і перекладу; 6) збільшення активного запасу відповідної частотної лексики; 7) синтаксичне розгортання; 8) мовна компресія; 9) застосування комплексних видів трансформації; 10) усний переклад з аркуша; 11) засвоєння текстових жанрів в усному перекладі; 12) тренінг двостороннього перекладу; 13) техніка синхронізації відеоряду; 14) комплекс вправ для підготовки до синхронного перекладу, що розташовуються, як правило, по зростанню складності: аудіювання з рахуванням ехо-повторення прогнозування; 15) багатомовна конференція; 16) техніка теорії змісту, що полягає в навчанні сприйняття тексту, як єдиного смислового цілого і запам'ятовуванні архітектоніки його змісту, але не форми; 17) перекладацький скоропис; 18) стратегія і тактика виправлення помилок.

На думку І. С. Алексєєвої важливу роль в підготовці майбутніх перекладачів відіграють психологічні установки, саме завдяки точності та своєчасності яких і досягається позитивний та ефективний результат від вищезазначених тренувальних вправ [2].

Серед найбільш важливих психологічних установок для студентів слід виділити установку на інтенсивність роботи на заняттях, установку на конкурентність, установку на самостійну роботу над перекладацькою поведінкою, установку на інтенсивність роботи поза заняттям, установку на самостійну роботу над культурою української мови, установку на кінцеві цілі.

Проте не менш важливе значення в процесі навчання перекладу мають і викладацькі установки: установка відштовхуватися не від пробудження у студента комплексу неповноцінності для того, щоб в процесі навчання разом його подолати, а від «комплексу повноцінності» окремого студента, тобто випрацювати у нього впевненість, що він здібний і йому легко вчитися; установка на загальний принцип поєднання поза контекстних і контекстних вправ, що є як тематично пов'язаними, так і навпаки; установка на індивідуальний підхід до навчання; установка на недопустимість змішування робочих та аналітичних моментів заняття; установка на принципову організацію заняття з поєднанням різних видів робіт; установка на направленість трансляції [2].

Як зазначає І. С. Алексєєва, жоден навчальний заклад не випускає готових ідеальних перекладачів. Попереду довгий шлях професійного самовдосконалення та професійна самотність, коли відповідальність лежить лише на одному перекладачеві. Однак, використання на заняттях з перекладу подібних вправ та дотримання висвітлених методик та установок хоча й вимагає додаткових зусиль з боку викладача, проте, разом з тим, і дозволяє значно підвищити ефективність занять і, що найважливіше, підвищити зацікавленість студентів у заняттях перекладом та іноземною мовою взагалі. Таким чином, запропоновані шліхи вдосконалення навиків усного перекладу можуть ефективно використовуватися в роботі зі студентами спеціальності «Переклад», що допоможуть досягти як першочергової мети, так і розширити власний мовний світогляд, підвищити культуру мовлення та спілкування іноземною мовою.

Джерела та література

1. Авраменко М. Л. Выбор практических методов и упражнений при обучении переводу / М. Л. Авраменко [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http//www.natek.freenet.kz/2006/Avramenko.rtf.
2. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика / И. С. Алексеева // Учебное пособие по усному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей – СПб.: Издательство «Союз», 2001. – 288 с.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов // Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные Отношения, 1975. – 240 с.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров // Учебное пособие – М.: ЭТС, 2001. – 424 с.
5. Латышев Л. К. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе / Л. К. Латышев – М.: НВИ-Тезаурус, 2001. – 135 с.
6. Мірам Г. М. Практикум з усного перекладу / Г. М. Мірам // Мультимедійний формат: Посібник з англійської мови для ВНЗ. – К.: Факт, 2007. – 136 с.

УДК 811.111'42

Шпак О. В.

ЗМІСТОВІ ХАРАКТЕРИСТИКИ ІНІЦІАЛЬНИХ ВИСЛОВЛЮВАНЬ В ІНСТИТУЦІЙНОМУ ТА НЕІНСТИТУЦІЙНОМУ/ПОБУТОВОМУ ТИПАХ АНГЛОМОВНОГО ДІАЛОГІЧНОГО ДИСКУРСУ

Установлены содержательные характеристики инициальных высказываний, которые реализуют речевые акты различных иллокутивных типов в ситуациях институционального и неинституционального англоязычного дискурса.

Ключевые слова: диалог, инициальные высказывания, коммуникативная ситуация, институциональный дискурс, неинституциональный дискурс.

Встановлено змістові характеристики ініціальних висловлювань, що реалізують мовленнєві акти різних іллокутивних типів, в ситуаціях інституційного та неінституційного англомовного дискурсу.

Ключові слова: діалог, ініціальні висловлювання, комунікативна ситуація, інституційний дискурс, неінституційний/побутовий дискурс.

The article focuses on the content characteristics of the initial utterances, which realize speech acts of different illocutionary types in various situations of the institutional and noninstitutional dialogical discourse.

Key words: dialogue, initial utterances, communicative characteristics, institutional discourse, noninstitutional discourse.

Аналіз мовлення у зв'язку із мисленням й комунікативними потребами людини у річищі дискурсивної парадигми лінгвістики зумовлює звернення до проблем організації діалогу, зокрема, функціонування ініціальних висловлювань (далі – ІВ), які є вирішальними для перебігу мовленнєвого спілкування. Необхідністю всебічного вивчення таких висловлювань задля встановлення їхнього впливу на організацію діалогічного дискурсу визначається а к т у а л ь н і с т ь обраної теми.

О б ' є к т нашого дослідження – ІВ англомовного діалогічного дискурсу.

П р е д м е т о м аналізу є дискурсивні характеристики ІВ, що варіюються в діловому (ДД), політичному (ПД) та військовому підтипах (ВД) інституційного дискурсу (ІД) та в неінституційному/ побутовому (НД) англомовному діалогічному дискурсі.

М е т о ю цієї статті є встановлення змістових характеристик ініціальних висловлювань в ситуаціях та типах дискурсу, що впливають на їхню реалізацію. ІВ вивчаються в ординарних/ неординарних/ екстраординарних/ емоційно-нейтральних й емоційно-позначених ситуаціях інституційного та неінституційного/ побутового типах дискурсу із залученням їх прагматичних властивостей та функціонального навантаження невербальних компонентів (далі – НВК).

У термінах функціонально-семантичного підходу ІВ визначаються як десемантизовані, такі, що не мають денотативного та понятійного значень, але направлені на встановлення мовленнєвого контакту [16 та ін.], "семантично вихолощені" [13], «неінформативні» [8] ритуальні кліше [10]. Прагматичний підхід обґрунтовує існування висловлювань, що обслуговують метакомунікацію в цілому: це контактиви та соціативи [11, с. 266], фатичні метакомунікативні МА [13 та ін.], які включаються в іллокутивну типологію МА [16, с. 1] та є особливим типом МА як одиниць, в змісті яких представлено певне значення комунікативно-прагматичної функції [4, с. 80]. При вивченні ІВ на теоретичних засадах теорії тексту виявляється, що змістова частина у діалогічному тексті має трьохчастинну структуру: зачин, ядро, завершення, причому із цих компонентів тільки один – ядро – є обов'язковим елементом, два інших можуть бути віднесенні до факультативних елементів діалогу [2]: комуніканти можуть розпочати спілкування з того, що вважається ними найважливішим у відповідний момент.

На основі ступеня десемантизації розподіляємо ІВ на такі типи:

ІВ-1 – десемантизовані нетематизовані фатичні метакомунікативи – загальнокультурні стереотипні етикетні формули встановлення контакту. Загальнокультурні норми, національно специфічні, пов'язані із ситуаціями загального плану та незалежні від галузі спілкування, віку, статусу, роду діяльності людей, є характерними для всій лінгвокультурної спільноти і в значній мірі відбивають прийняті правила етикету й ввічливого спілкування. Цей тип ІВ відносимо, до ядерного поля ініціальності;

ІВ-2 – десемантизовані нетематизовані фатичні метакомунікативи – групові стереотипні етикетні та фразеологізовані формули встановлення контакту. Групові норми відображають особливості спілкування, які закріплені культурою за певними професійними, гендерними, соціальними та віковими групами. Їхня особлива структура – упорядкованість, виокремленість, стійкість, специфічність, дозволяє розпізнавати їх як членам цієї групи так і стороннім спостерігачам [7, с. 203-204]. ІВ такого характерного дискурсу, прив'язаного до обмеженого кола типових ситуацій та до певних адресантно-адресатних конфігурацій, відносимо до біляядерної зони;

ІВ-3 – частково десемантизовані/недесемантизовані нетематизовані МА різних іллокутивних типів, що набувають функції встановлення контакту ситуативно – нестереотипні поліфункціональні нетематизовані ІВ. У таких висловлюваннях функція метакомунікатива може сполучатися з іншими іллокуціями (наприклад, експресивом). Гібридні МА, або мовленнєві акти гібридної природи, характеризують як такі, в яких в рамках однієї пропозиції в рівній мірі реалізуються два різних МА [5, с. 377], як комплекс рівних за важливістю прагматичних значень в одному висловлюванні [15, с. 23]. ІВ такого типу, який ми відносимо до ближньої периферійної зони, передують уведенню теми та готують підгрунтя для розмикання контакту; вони не мають усталеного мовного оформлення, зустрічаються в нетипових, індивідуальних ситуаціях, тобто є оказіональними;

ІВ-4 – недесемантизовані тематизовані МА різних типів, що мають лише потенційну можливість функціонування в якості засобу початку діалогу, оскільки належать до теми розмови (тема визначається як денотат / референт тексту – фрагмент позамовної діяльності, знання про який дозволяють комунікантам об'єктувати його мовними знаками [12, с. 217]) і реалізується переважно за допомогою невербальних компонентів комунікації: кінесичних, проксемічних та просодичних. Такі тематично наповнені висловлювання складають дальню периферію ініціальності.

Аналіз зв'язків типів досліджуваних висловлювань із чинниками дискурсивного контексту свідчить, що найбільшої релевантності набувають тип дискурсу та тип ситуації. Спільний комунікативно-релевантний смисл виступає критерієм належності конкретної комунікативної ситуації до певного типу дискурсу та має вирішальне значення для його розуміння [3: 69; 12: 61 та ін.], де ситуація – це абстрактний ментальний конструкт, за яким стоїть інтерпретація, концептуалізація людиною свого досвіду [9, с. 146].

Отже, дискурс складається із ситуацій, що мають як сталі, так і мінливі риси. Для інституційного та побутового дискурсу ці риси сталі, в першому випадку комуніканти спілкуються як виконувачі соціальних ролей, в другому – як особистості. Інші характеристики можуть варіюватися. В нашому дослідженні виокремлюємо такі ситуації дискурсу:

– А) ординарні (типові групові практики: стандартне, нормальне повсякденне спілкування співробітників або спілкування в сфері обслуговування, напр. продавця з покупцем в інституційному дискурсі або повсякденне родинне спілкування, або спілкування друзів в побутовому дискурсі);

– неординарні (нетипові, нестандартні ситуації, що трапляються рідко);

– екстраординарні (такі нестандартні, ненормативні, екстремальні ситуації, що пов'язані з надзвичайними подіями);

– В) емоційно-нейтральні (ситуації, які демонструють експресивність);

– емоційно-позначені (ситуації, які демонструють емоційність), де експресивність/емотивність є певною антиконфліктною стратегією комунікативної поведінки для ситуацій, у яких співрозмовників розділяє певна дистанція, свідомою інтенціональною демонстрацією емоцій, що спрямовані на адресата (емоції для інших): лояльності, доброзичливості тощо, а емоційність –інстинктивний, несвідомий, незапланований прояв емоцій, сфокусованих на самому суб'єкті (емоції для себе), тобто необов'язково враховуючий реакцію співбесідника [6, с. 119 -121, 434].

Аналіз матеріалу засвідчив, що ІВ-1 наявні у ДД, ВД та НД в усіх аналізованих типах ситуацій, окрім екстраординарної, а у ПД також і в екстраординарній. Наведена ординарна емоційно-нейтральна ситуація репрезентує встановлення контакту між секретарем та начальником відділу за звичайних умов спілкування:

( ) There is the hum of activity everywhere. A normal day at a normal business.

Secretary: ***Good morning,*** *Mr. Tasker* [19].

ІВ-1 можуть супроводжуватися конвенціональними НВК, яким є, наприклад, уклін та посмішка у сфері послуг. У наступному прикладі стюард корабля вітає пасажира першого класу:

( ) A steward bows and smartly opens the door to the First Class Entrance. ***«Good evening, sir»*** [17].

ІВ-2 зустрічаються в усіх аналізованих типах ситуацій ВД. Лише високо ритуалізоване військове спілкування має таку характерну форму встановлення контакту. Особливого значення у ВД набувають символічні ритуалізовані НВК та надвербальні компоненти спілкування військовослужбовців, що й ілюструє наведений нижче приклад ординарної емоційно-позначеної ситуації. Офіцер розвідки, прибувши на нове місце служби, рапортує про своє прибуття генералу підрозділу:

*( ) «**Sir!**» Dailey said, coming to attention. «Lieutenant Colonel Dailey, Sir. Reporting for duty as G-2»* [20, с. 378].

Окрім стереотипного групового висловлювання, іллокуція встановлення контакту реалізована за допомогою стереотипного групового кінесичного НВК (*coming to attention*).

ІВ-2 у НД реалізовані ситуативно-зумовленими комунікативними формулами – фразеологізованими одиницями, які вживаються в колі близько знайомих людей в емоційно-позначених ситуаціях. Наведений прилад репрезентує ординарну емоційно-позначену ситуацію, в якій дівчина бачить свого старого знайомого:

*( ) «**Well, look at what the tide threw up on the beach»*** [20, с. 162].

ІВ-3 наявні в усіх аналізованих типах ситуацій ДД, ПД, ВД та НД. Приміром, у ДД вони реалізовані вокативами та гібридними МА репрезентативами-контактивами, квеситивами-контактивами (на зразок стандартної формули *Can I help you?*), причому емоційно-позначені та екстраординарні ситуації характеризуються високим відсотком експресивів-контактивів; у ВД – це найчастіше директиви-контактиви, виражені спонукальними реченнями типу *Listen up, people…; Come!...*та ін.; для ПД більш характерним є вживання вокативів та експресивів, як у наведеному фрагменті, що репрезентує неординарну емоційно-нейтральну ситуацію, коли під час першої особистої зустрічі з новим прем'єр-міністром країни в Букінгемському палаці, королева починає спілкування:

( ) The Queen extends her hand. Tony walks forward, and shakes it. The Equery leaves. The door is then closed.

Elizabeth: ***Congratulations*** [18].

Іллокуція контактовстановлення реалізована експресивом-контактивом, який передує введенню теми "Вимоги до посадових обов'язків" та кінесичним НВК (*extends her hand*).

У НД ІВ-3 реалізовані вокативами, експресивами та такими гібридними МА, як квеситиви-контактиви та репрезентативи-контактиви та директиви-контактиви.

ІВ-4 зустрілися в усіх типах ситуацій ДД, ПД, ВД та НД. За результатами нашого дослідження у ДД вони представлені директивами, експресивами, квеситивами та репрезентативами; у ПД – директивами, квеситивами, експресивами та репрезентативами, причому в емоційно-позначених ситуаціях кількісно переважають квеситиви, як у наведеній ординарній емоційно-позначеній ситуації. Відчуваючи, що його помічник знервований новинами, президент звертається до нього:

( ) ***«What happened?»*** *the President asked slowly* [21, с. 37].

Адресат починає спілкування з квеситиву, вираженого конструкцією спеціального питання. Встановлення контакту починається одночасно з введенням теми «Політичне розслідування».

ІВ-4 у ВД – це найчастіше директиви, у НД – квеситиви, репрезентативи та директиви.

Таким чином, параметри ситуації обумовлюють варіювання потенційних характеристик ІВ. Фатичні метакомунікативи/ контактиви, які реалізують ІВ-1, за нашими даними, зустрічаються в усіх аналізованих типах ситуацій, окрім екстраординарної; виключення складає ПД. ІВ-2 реалізовані груповими стереотипними етикетними висловлюваннями в усіх типах ситуацій у ВД та фразеологізованими формулами встановлення контакту в емоційно-позначених ситуаціях НД. ІВ-3 реалізовані найчастіше вокативами, експресивами та гібридними МА, найчастотнішими з яких є квеситиви-контактиви у ДД, та директиви-контактиви у ВД. ІВ-4 реалізовані директивами, які переважають у ВД та ДД, репрезентативами та квеситивами, найчастотнішими у ПД та НД. З усіх досліджуваних типів ІД найформальнішим та ритуалізованішим є військовий дискурс, в якому відсоток групових, характерних для фахового спілкування ІВ, складає 25%, та ступінь вживання десемантизованих етикетних ІВ – один з найвищих. Найбільша кількість ситуативних ІВ зафіксована у політичному дискурсі (46%), високим є також тут відсоток десемантизованих етикетних ІВ. Найбільша кількість тематизованих ІВ (41%) – у діловому/бізнесовому дискурсі, що свідчить про той факт, що ділова/бізнесова мова, більш, ніж інші є мовою розпоряджень та вказівок. Перспективою роботи вважаємо вивчення змістових характеристик завершальних висловлювань інституційному та неінституційному/побутовому дискурсі.

Джерела та література

1. Безугла Л. Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі: Монографія / Л. Р. Безугла. – Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2007. – 332 с.
2. Бобирева Е. В. Семантика и прагматика инициальных и финальных реплик диалога: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Волгоград. гос. ун-т / Е. В. Бобирева. – Волгоград, 1996. – 21 с.
3. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петров. Под ред. В.И. Герасимова / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
4. Карабан В. И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асиндетических полипредикативных образований / В. И. Карабан. – К.: Вища школа, 1989. – 131 с.
5. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты [пер. с нем. В. А. Плунгяна] / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 349-384.
6. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – М.: языки славянских культур, 2009. – 512 с. (Язык. Семиотика. Культура).
7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280с.
8. Матюхіна Ю. В. Развитие системы фатической метакоммуникации в английском дискурсе XVI-XX вв.: дис. …канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю. В. Матюхіна. – Харьков, 2004. – 226 с.
9. Морозова Е. И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект / Е. И. Морозова. – Харьков: Экограф, 2005. – 300 с.

10. Токарева И. И. Этнолингвистика и этнография общения : [монография] / И. И. Токарева. – Мн.: МГЛУ, 2001. – 244 с.
11. Формановская Н. И. Речевое воздействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М.: Издательство «Икар», 2007. – 480 с.
12. Фролова И. Е. Стратегія конфронтації в англомовному дискурсі: Монографія / И. Е. Фролова. – Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2009. – 344 с.
13. Чхетиани Т. Д. Лингвистические аспекты фатической метакоммуникации: Автореф. дис. …канд. филол. наук: 10.02.04 / КГПИ ин.яз. / Т. Д. Чхетиани. – Киев, 1987. – 24с.
14. Шевченко И. С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение 16-20 вв. / И. С. Шевченко. – Харьков: Константа, 1998. – 168 с.
15. Шевченко И. С. Гибридные речевые акты: когнитивно-прагматический аналіз / И. С. Шевченко // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2009. № 837. – С. 18-23.
16. Malinowski B. Phatic communion / B. Malinowski // Communication in face-to-face interaction. – Harmondsworth, 1972. – P. 146-152.
17. «Titanic»– http: // www.awesomefilm.com
18. «The Queen» – http :// www.awesomefilm.com
19. «True Lies» – http: // www.awesomefilm.com
20. Griffin W. E. B. Battleground / W. E. B. Griffin. – New York.: G.P. Putnam's Sons, 1991. – 414 p.
21. Grisham J. The Pelican Brief / J. Grisham. – New York.: Island Books, 1993. – 436 p.

УДК 81'1=16+81' 373.2+81' 373.21 **Шуменко О. А.**

СЕМАНТИЧНЕ НАВАНТАЖЕННЯ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ З ЧИСЛІВНИКОМ

В статье говорится об изучении английских фразеологических единиц с компонентом-числительным. Фокусируется внимание на их семантическом наполнении – реализации количественных и количественно-качественных значений. Намечаются аспекты дальнейшего исследования фразеологических единиц.
Ключевые слова: фразеологические единицы, семантическое наполнение, количественные значения, количественно-качественные значения.

У статті йдеться про вивчення природи англійських фразеологічних одиниць з компонентом-числівником. Фокусується увага на їх семантичному навантаженні – реалізації кількісних та кількісно-якісних значень. Намічаються аспекти подальшого дослідження фразеологічних одиниць.
Ключові слова: фразеологічні одиниці, семантичне навантаження, кількісні значення, кількісно-якісні значення.

The article in question deals with the phraselogical units with Numerals as their components. Attention is being focused upon the semantic charge, their quantitative and qualitative meanings. The perspective vectors of the problem are being outlined.
Key words: phraselogical units, the semantic charge, quantitative meanings, quantitative and qualitative meanings.

У кожній мові є стійкі словосполучення, які за змістом та синтаксичною функцією рівнозначні слову. Ці словосполучення належать до полілексемних мовних одиниць з певною структурою та семантичним навантаженням – фразеологічних одиниць (ФО), які віддзеркалюють уявлення людей про навколишній світ. Кожна мова відзначається своєю оригінальною фразеологією, що пов'язано з неповторністю побуту, звичаїв, культури та ментальності народу. Фразеологізми як явище були породжені необхідністю створення виразних засобів для потреб комунікації, для можливості наочно виразити свої емоції, почуття, дати яскраву та образну характеристику діям, процесам та явищам [1]. У фразеології відображено національну картину світу.

Об'єктом статті виступають фразеологічні одиниці з числівником (ФО(ч)), **предметом** – їх семантичне наповнення. ФО(ч) як вторинні одиниці репрезентують відхилення від традиційної структури та семантики вихідних словосполучень. Вивчення поверхневої та глибинної структур ФО(ч) є **актуальним** з огляду на сьогоденну вагомість когнітивних досліджень, експлікацію характеру дієвості людського фактору. У полілексемній гетерогенній структурі постійно протиставляються узуальна форма – оказіональній, об'єктивна оцінка – суб'єктивній, вихідна структура – похідній, первинні одиниці – вторинним, нейтральна лексика – експресивно-емоційній, національний пласт –транснаціональному тощо. Розпізнання когнітивної вагомості ФО(ч) є вельми актуальним для їх адекватного відтворення у мовах-трансляторах. **Мета** статті полягає у розпізнанні лінгво-когнітивних параметрів ФО(ч).

Компоненти ФО(ч) здатні семантично модифікуватися, їм притаманна відтворюваність, стабільність структурних компонентів, цілісність значення, непроникність. Усі ці ознаки зближують фразеологізм зі словом [4]. Числівники у словосполученнях співвідносяться з реальними об'єктами, вказують на їх точну або приблизну кількість. На значення числівників в умовах фразеологічного сполучення впливають компоненти оточення: перехрещення і включення їх смислів у семантику цільної одиниці. Загальний смисл ФО обумовлюється сукупністю значень складових. Залучення однакових числівників у різні фразеологічні оточення сприяє семантизації різних смислів. Наприклад, фразеологічне словосполучення з компонентом *one* виступають носіями унікальності *(the only one, there is the only one child in the world)*, одиничності *(one can do it)*, відповідності *(one man one mind)*, паукальності *(the voice of one man is the voice of no one)*, часової невизначеності *(one time, one day)*. Переосмислення числівника у фразеологічному сполученні впливає на її семантичну модифікацію, сприяє втраті кількісного значення та переходу фразеологічної одиниці до поля якісної оцінки, напр.: англ. – *to put two and two together* – 'зробити висновки', *as clear as two and two makes four* – 'ясно як білий день', *no two ways about it* – 'другого виходу немає', *to drink like seven dogs* – 'напиватися, як свиня'.

ФО(ч) притаманна мовна усталеність, формальна та семантична цілісність [7]. Зазначені одиниці належать до мовних конструювань з відповідною структурою, семантикою та прагматикою [4]. На відміну від змінних словосполучень ці полілексемні одиниці позначені біполярністю – відкриті процесам конвергенції та дивергенції. Ретроспективно ФО(ч) тяжіють до валоративних знаків, що відіграли значну роль в омовленні кількісних ознак навколишнього світу. Оточення ФО(ч) специфічно впливає на семантичне наповнення числівників. Адгерентних конотацій, зокрема національно маркованих [6, с. 68], набувають ФО(ч) у процесі етнічної акомодації. Пор. амер.

ФО(ч) *the old thirteen* ‘старий державний прапор США’, *two bits* ‘монета в 25 центів’, *a long bit* ‘монета в 15 центів’, *a short bit* ‘монета в 10 центів’. Переклад зазначених ФО(ч) не є адитивним відтворенням значень компонентів, препарується пошуком етимологічних витоків лексикалізованих одиниць, їх кореляцією з реальними / ірреальними подіями, артефактами, міфами, легендами тощо [7]. Так, шотландська монета *plack* ‘4 пенси’ була у вжитку в XV – XVI ст., її незначна вартість послужила мотивацією для появи ФО(ч) *two and a plack* ‘дріб’язок’, ‘дрібні гроші’ [6]. Семантика ФО(ч) зазвичай детермінується значеннями висхідних одиниць. Позначення людей, їх емоцій за кількісними ознаками стало мовною традицією. Пор.: *the upper two hundred* –‘верхівка’, ‘еліта’; *one dollar a year man* – ‘людина, яка працює на державній службі за символічну плату’; *to feel like a million* –‘почувати себе прекрасно’*; to go like sixty* – ‘нестись щодуху, стрілою’. Числівник *seven* є вельми популярним на фразеологічному просторі. Пор.: англ. *seven wonders, seven deadly sins, seven-leaqued-boots.* З часом кількісні семи висхідних одиниць поступаються якісним; ФО(ч), модифікуючись, збагачуються новими образами. Пор.: ФО(ч) *there are one or two traders* – ‘два незгодні між собою спеціаліста’. Семантичні зрушення фразеологічних одиниць, їх метафоричні експансії, парафрази та рескрипти є показовими для художнього дискурсу. Адекватне осмислення препарується фразеологічним контекстом, когнітивним досвідом носіїв корелюючих мов. ФО(ч) – це лексикалізація змінних словосполучень. Спільність поверхневої структури корелюючих словосполучень не передбачає тотожності їх змісту. Пор.: англ. *one of those days (only in reference to the future), some day, some time or other, some of these days later;* ‘цими днями’, ‘незабаром, коли-небудь’. Образи паремій у мовах оригіналу та транслятора позначені як конгруентністю, так і девіацією. Пор: англ. *One scrubbed bushel sheep will mar a whole flock*, Syn. *One rotten apple decays the bushel; the rotten apple injures its neighbours; Two cats and a mouse,* Syn. *Two wives in one house; Two in distress make sorrow less;* укр. *Одна паршива вівця всю отару поганить. Від одного яблука весь віз згниє. Два ведмеді в одній берлозі не живуть, два коти в одному мішку не помиряться. В гурті і смерть не страшна*.

Поверхневі структури ФО(ч) відкриті до заміщення, що об’єктивується наявністю синонімів, антонімів та алонімів. У лексикографічних джерелах нумеральні компоненти можуть замінюватися або пропускатися. Пор.: англ. *– One today is worth two tomorrow; Never do tomorrow what you can do today; Never put off till tomorrow what you can do today;* укр. *– Не відкладай на завтра те, що сьогодні можна зробити; оклад не йде на лад;* англ. *– One bird in hand is worth two in the bush;* укр. *– Краще синиця в руках, ніж журавель в небі;* англ. *– Seven cooks spoil the broth;* рос. *– У семи нянек дитя без глазу.*

ФО(ч) утворюють сектор вторинної номінації, корелюють з конотативною лексикою, омовлюють етношарм носіїв мови. Спільність рис ФО(ч) у корелюючих мовах уможливлює їх осмислення та тлумачення іманентними засобами цільової мови. Облігаторним при цьому є збереження змісту ФО(ч), факультативним – лексико-синтаксичних паралелей. У семантичній скарбниці зіставлених одиниць зберігається когнітивний досвід. Відомо, що ФО(ч) у своїй еволюції обіймають первинні та вторинні знаки. Вихідні (первинні) нумеральні словосполучення (НумС) лексикалізуються у вторинні, похідні фразеологічні словосполучення. У новоутворених, секондарних одиницях кількісне наповнення модифікується в якісне або субстантивне [3]. Образотворчі процеси спричиняють появу омонімічних синтаксичних (вихідних) та фразеологічних (похідних) словосполучень, що є базою креативних пошуків у тлумаченні. Структурні еквіваленти ФО(ч) у мові транслятора можуть бути повними або частковими (при збереженні прагматичних інтенцій). Пор.: англ. *– two dogs over one bone seldom agree; in two twos; when two Sundays meet together; two or three; four corners of world; at one time; to know how many beans make five; to have smth at finger tips;* укр. *– двом собакам однієї кістки не поділити; негайно; ніколи; декілька; чотири сторони світу; за один раз; бути собі на умі; знати як свої п’ять пальців.*

Адекватність тлумачення ФО(ч) об’єктивується аналізом зазначених одиниць у мові оригіналу та цільової мови. Вивчення поліаспектності ФО(ч) дає можливість осмислити експресивно-емоційні потенції числівників, їх семантичне навантаження, ретроспективне буття та сучасне функціонування. Семантичний континуум ФО(ч) конденсовано відображає шлях становлення нумерального пласту лексики, її образотворчу, адаптивну можливості модифікацій [6]. Позбавлення числівниками у фразеологічному словосполученні числового змісту призводить до втрати сем точної кількості, до вираження понять *багато – мало*, напр.: англ. *– two mind are better than one; a stitch in time saves nine;* укр. *– на всі чотири сторони; під три чорти;* рос. *– за семью печатями; за три моря.* При десемантизації числівника у фразеологічному словосполученні переходить до розряду кількісно-якісних одиниць, напр.: англ. *– dressed up to the nines* – ‘одягнутий по моді’, *nine worthies* – ‘знамениті люди’, *a cat has nine lives* – ‘живучий’. Числівники у фразеологічному словосполученні можуть замінюватися іншими кількісними словами: *to make two ends meet – to make both ends meet* ‘зводити кінці з кінцями’*, for two pins – for a pin* ‘за дрібницю’*, at one time – at a time* ‘за один раз’. Також може відбуватися взаємозамінюваність числівників, при тому зберігається смисл сполучення: *forty winks – nine winks* ‘сон уривками’*, to talk nineteen to the dozen – to talk ten to the dozen* ‘тараторити’*, to be in two minds – to be in twenty mind* ‘бути в нерішучості’*, to give hundred smiles – to give million smiles* ‘влибатися’. Наступним чинником десемантизації числівників у фразеологічному словосполученні слугує заміна числівника іншим словом: *saying and doing are two (different) things* ‘скоро сказки сказуються, да нескоро діло робиться’*, to come out of one (the same) footing* ‘бути на рівні з кимось’. Числівник може взагалі опускатися, при цьому зміст не змінюється: *like as (two) peas* ‘однакові як дві краплі води’*, as cross as (two) sticks* ‘роздратований, не в дусі’*, as drunk as (seven) lords* ‘п’яний як чіп’.

ФО англійської мови виражають кількісні та якісні оцінки. Семантичні модифікації числівників у фразеологічному словосполученні переходять від понятійного числового змісту до повної втрати кількісних денотатів та набування сем якості. Якщо нумеральний компонент зберігає числове значення, то ФО реалізує квантитативне значення, якщо відбувається десемантизація нумерального компонента – ФО реалізує квалітативне, тобто якісне значення. Як метафори ФО слугують для номінації об’єктів, створення художніх образів та породженню нових лексичних одиниць, як такі, що реалізують диференціюючу функцію.

Повної десемантизації в умовах ФО(ч) зазнають, в основному, позначені числа малого порядку, що зумовлено їх частотою вживання. Об’єктивними показниками десемантизації числівників за умов постійного контексту є 1) заміна числівників кількісними словами; 2) взаємозамінність числівників при збереженні загального значення ФО(ч); 3) заміна числівників словами неквантитативної семантики; 4) опущення числівників у ФО(ч).

Отже, на матеріалі ФО(ч) виявляються прагматичні характеристики числівників. ФО(ч) вживаються з метою реалізації інтендованого (запланованого) впливу на адресата – у формі реплік, висловлювань, параміічних одиниць та репрезентують семантичну девіацію, процес лексикалізації вихідних вільних словосполучень. ФО(ч) є знаками вторинної номінації, де образ словосполучення, його первинна мотивація переносяться на нову, іншу ситуацію, як такі, що позначають не тільки кількісні ознаки, але й якісні – як результат десемантизації. **Подальше дослідження** граматичної та синтаксичної відповідності фразеологічних одиниць могло би поглибити та розширити наше розуміння адекватності перекладу фразеологічних одиниць з числівником.

Джерела та література

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 1993. – 149 с.

2. Жуков А. В. Дефразеологизация в русском языке / А. В. Жуков // Вестник Новгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2000. – № 15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://admin.novsu.ac.ru/uni/vestnic/nsf/all/CF67EBD7ECAF3932C3256ABF002525EC/$file/Gukov/pdf.

3. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования / Ю. А. Гвоздарев. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1977. – 184 с.

4. Кочерган М. П. Основи зіставного мовознавства / М. П. Кочерган // Підручник. – К.: Видавничий центр «Академія», 2006. – 424 с.

5. Швачко К. К. Введение в сравнительную типологию английского, русского и украинского языков / К. К. Швачко, П. В. Терентьев, Т. Г. Янукян, С. А. Швачко. – К.: Вища школа, 1977. – 147 с.

6. Швачко С. О., Кобякова І. К. Вступ до мовознавства (курс лекцій) / С. О. Швачко, І. К. Кобякова // Посібник. – Вінниця: НОВА КНИГА, 2006. – 224 с.

7. Швачко С. О. Средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках / С. О. Швачко // Монография. – К.: Вища школа, 1981. – 144 с.

УДК 81’367.622:82

Юносова В. О.

ВАРІАНТНІ ФОРМИ ЗНАХІДНОГО ВІДМІНКА ОДНИНИ ІМЕННИКІВ ІІ ВІДМІНИ У МОВІ СУЧАСНОЇ ХУДОЖНЬОЇ ЛІТЕРАТУРИ

В статье выявлены основные тенденции в употреблении вариантных форм винительного падежа единственного числа имен существительных II склонения на материале украинской литературы конца XX – начала XXI ст.

Ключевые слова: вариантные формы, родительный падеж, формы винительного падежа.

У статті виявлено основні тенденції у вживанні варіантних форм знахідного відмінка однини іменників ІІ відміни на матеріалі української літератури кінця XX – початку XXI ст.

Ключові слова: варіантні форми, родовий відмінок, форми знахідного відмінка.

The main tendencies in the use of variant forms of the accusative case of nouns in the singular are revealed in the article on the material of the Ukrainian literature at the end of XX-th – the beginning of XXI-st century.

Key words: variant forms, genitive case, forms of accusative case.

Згідно з чинним правописом у знахідному відмінку однини іменники ІІ відміни мають форму, однакову з формою родового або називного відмінків. Іменники чоловічого роду, що означають істот, у знахідному відмінку мають форму родового відмінка: *почув* ***доповідача****, зустрів* ***приятеля****, веде* ***коня*****.** Усі інші іменники чоловічого роду, а також іменники середнього роду в знахідному відмінку однини мають ту саму форму, що й у називному: *закінчив* ***інститут***, *слухає* ***спів***, *бачить* ***море*****.** Проте сучасний правопис і нормативні курси сучасної української літературної мови визначають також певне коло назв предметів, що можуть мати у знахідному відмінку однини форми називного і родового відмінка: *зрізав* ***дуба*** й ***дуб***, *дав* ***карбованця*** й ***карбованець***, *написав* ***листа*** й ***лист***, *узяв* ***ножа*** й ***ніж*** тощо. Якщо в мові є декілька засобів вираження того самого значення, то перед мовцем постає проблема вибору найбільш точного, стилістично виваженого, доцільного варіанта. З огляду на це знахідний відмінок у різний час був об’єктом дослідження в роботах А. Кримського, Є. Тимченка, Г. Вакули, Ю. Бєляєва, І. Вихованця та ін. Проте в останні десятиріччя відбуваються помітні зміни у вживанні варіантних форм знахідного відмінка однини іменників ІІ відміни, про що переконливо свідчить зібраний нами фактичний матеріал (біля 2 000 одиниць).

Мета нашої роботи – простежити основні тенденції у вживанні варіантних форм знахідного відмінка однини іменників ІІ відміни на матеріалі української літератури кінця XX – початку XXI ст. Джерелом дослідження стали твори відомих українських письменників: Л. Дашвар, О. Забужко, І. Роздобудько, В. Шевчука, В. Шкляра, В. Яворівського.

Вивчаючи умови використання варіантних форм знахідного відмінка, вчені звернули увагу на певну групу дієслів, семантика яких впливає на відмінкову форму залежних від них іменників. Зокрема форма знахідного відмінка, тотожна формі родового, частіше вживається при таких дієсловах, як *дати, взяти, брати; читати, писати, друкувати, малювати; одягати, натягати, скидати, здіймати; бачити, дивитися, показати* [2, с. 20-21]. Справді, таке вживання набуло значного поширення в сучасній українській літературній мові, оскільки вказані дієслова переважно сполучаються з іменниками на позначення конкретних предметів: *Я обережно* ***взяла кухлика*** *до рук…* (І. Роздобудько); ***Узяв*** *у правицю* ***хреста,*** *якого завжди носив на грудях…*; *…пан підстароста Іван Станишівський наказав…* ***подати кухля*** *меду, а сам сів,* ***узяв*** *у руку* ***кухля*** *й наказав нам виїздити замкових коней, які застоялися* (В. Шевчук); *…взяв ту монету разом з хустиною, як ото в наших піснях зразкові дітки* ***беруть*** *у дорогу* ***рушничка*** *або вишиванку* (В. Шкляр); *Мама* ***прочитає листа****, зрозуміє, що у мене все гаразд…* (В. Яворівський); *А він, бач,* ***написав*** *їй* ***листа*** *і фото вклав* (Л. Дашвар); *Треба, подумала Рада, піти* ***вдягнути светра*** *– кавове збудження вичахло, і, мерзлякувато натягуючи на зап’ястя рукави блузки, вона побачила, що шкіра на передпліччях узялася сиротами* (О. Забужко); *…бо я вважаю, що психологічно людина в часі не змінюється, вона лише* ***вдягає*** *на себе* ***костюма*** *нового часу, свого* (В. Шевчук); *Мокрого* ***чобота*** *й так* ***важко зняти****, а то, уявіть*

собі, під водою, у паніці (В. Шкляр); *Катерина* ***рюкзака*** *з плечей* ***скинула*** (Л. Дашвар); *І тут вони* ***побачили*** *в яру невеликого синього* ***вогника***; *Я вийшов на порожні вулиці й* ***подивився на годинника****: була четверта година ранку* (В. Шевчук); *По той бік кордону, так, уже майже кордону, стояв Франсуа з камерою на плечі і точнісінько, як наш бармен Сирія,* ***показував*** *мені великого* ***пальця*** (В. Шкляр).

Форми знахідного, що збігаються з родовим, у назвах неістот найчастіше вживаються при дієсловах доконаного виду, зокрема префіксальних. Найбільшу активність виявляють дієслова з префіксами ***по-, ви-, з-(с-), на-, роз-***, менш уживані – з префіксами ***під-, від-, при-, до-,*** пор.: *При цьому Юстинин пес у ногах Таласії пискнув, заворушився і сердечно* ***поцілував*** *їй* ***чобітка***; *…****націдив*** *собі* ***кухля*** *меду, сидів із ним у садку*…(В. Шевчук); *Я* ***витягла*** *встромленого* ***ножа****, сіла поруч й почала нарізати буряк* (І. Роздобудько); *Татко* ***мішка*** *на дорогу* ***скинув*** (Л. Дашвар); *Наступного дня я начистила пір'ячко,* ***розпушила хвоста*** *і* ***вивела*** *з гаража нашого чорного* ***«форда»*** (В. Шкляр); *Русланчик злякано пантрував за мамою, яка…* ***розбила келиха*** *і вибігла на балкон*; *Швиденько* ***накинула*** *на голе, ще вологе тіло лляного* ***халатика*** *на гудзиках*… (В. Яворівський); *Коли я пробую* ***піднести м'яча*** *з землі не нахиляючись, то тільки обдряпую ракетку*; ***Стола відсунула*** *до стіни* (О. Забужко); *Погуляємо, потанцюємо, подуріємо.* ***Притягнемо програвача*** (В. Шевчук) тощо.

У словосполученнях із перехідними дієсловами недоконаного виду в сучасній українській літературній мові вживається переважно знахідний прямого об'єкта [4, с. 29]. Проте зауважимо, що форми родового відмінка активізуються і в цих конструкціях, пор.: *Його очиці світилися втіхою, кирпатий ніс задерся ще дужче і* ***нагадував*** *дводірчатого* ***ґудзика*** *– речовий доказ професійної самовпевненості* (В. Шкляр); *... вони намагаються стояти в тіні й* ***подавати*** *вам* ***рушника****, незважаючи на те, що втомлюються і страждають не менше* (І. Роздобудько); *Сніг же покривав важкими шапками дахи келій та стін, що* ***оточували монастиря,*** *дзвіницю*…; *– Климентію, – сказав солодким жіночим голосом, –* ***чиниш гріха***! (В. Шевчук); *...стояла тепер, розпашіла й гарненька, і* ***колупала*** *стидливо пальчиком* ***комина***... (О. Забужко) та ін.

Збільшується кількість прийменникових конструкцій із знахідним, ідентичним родовому. У таких словосполученнях використовуються прийменники ***в/у, за, на***, значно рідше – ***об***, ***про, під,*** напр.: *...Оленка ж, розходившись, вдавала цуценя й заливалася дзвякотом, підстрибуючи, щоб* ***лизнути*** *сестру* ***в носа***... (О. Забужко); *Обчистила зубець часнику,* ***вкинула*** *його* ***в рота,*** *заїла салом і картоплею* (В. Яворівський); *Блідолиций замість того, щоб ударити по кулі, так крутонув тим кієм, що він* ***перетворився на вітряка****, здатного перемолоти все на своєму шляху*; *Коли він почав захлинатися, я* ***підняв за чуба*** *його голову і спитав: – Хто вас послав?* (В. Шкляр); *…щільніше* ***загорнувсь у кожуха****, бо мороз припікав…*; *... Лариса знову відчула себе непевно, навіть* ***трималася за*** *мого* ***рукава****, як мала дівчина-реп'яшок, боячись у цій юрбі загубитися*; ***Сів за стола*** *й завмер, дивлячись у заморожене вікно…*; *Я зітхнув і* ***рушив на ґанка***; *Він* ***сів*** *із розмаху* ***на стільця*** *і замотав головою*; *...тут мені знову було* ***оповіджено про ґанка*** *і про дорогу, через яку в'язні переходять*…; ***Зламалась об*** *того* ***каменя*** *моя стріла*; *…він обдивився нашого коня, поплескав його про крупу,* ***зазирнув*** *у зуби й* ***під хвоста****, ніби збирався того коня у нас купити…*(В. Шевчук).

Активізація родового відмінка у функції знахідного в іменниках – назвах неістот зумовлена різними факторами, найголовнішим з яких є, на нашу думку той, що таке вживання становить одну із специфічних рис синтаксису української мови. Використання варіантних форм знахідного відмінка значною мірою залежить від уподобань автора, проте загальна тенденція до розширення кола саме форм родового відмінка у знахідному виявляється досить помітною. Трапляється навіть повторення цих форм в одному реченні, пор.: *Я зупинився на дворі й намагався оволодіти своїми почуттями, бо зараз* ***маю переступити*** *батьківського* ***порога****, а батьківського* ***порога треба переступати*** *з ясним обличчям і мирною усмішкою на вустах; Мій непрошений гість уже* ***виймав носовичка****, втирав обличчя, а потім* ***дивився на носовичка*** *– той ставав чорний; На санях я* ***побачив хомута*** *і розсердився на Онисима, що він покинув його, не сховавши до хліва, і* ***хапнув за*** *того* ***хомута*** (В. Шевчук).

Використання форм родового у знахідному відмінку може пов'язуватися з вимогами мелодійності української мови (вживання закінчення ***-а*** на стику приголосних або при нагромадженні приголосних) [3, с. 94]. Вважаємо, що цей критерій в останні десятиріччя застосовується активно, проте не є визначальним при виборі одного з варіантів, пор.: *Лариса* ***написала*** *мені якось* ***лис<u>та</u>****,* ***<u>т</u>****оді я вже був студентом будівельного інституту: жив у студентському гуртожитку*; *Обличчя похитується, пальці, що* ***тримають костур<u>а</u>****,* ***<u>здр</u>****игаються* (В. Шевчук); *Нарешті він зупинився,* ***розвернув чов<u>на</u>*** ***<u>н</u>****осом до берега, і ми швидко поміняліся місцями*... (В. Шкляр); але також: *Боюся, бо вони* ***взяли*** *тебе* ***на гачк<u>а</u>****,* ***<u>а</u>*** *коли так, то й діло знайдуть*; *...мене ніби* ***насаджували на спис<u>а і</u>****, як опудало з соломи, перекидали всі одного до другого*; *...він* ***підніс*** *мені до вуст* ***кухлик<u>а</u>*** ***<u>і</u>*** *дав напитися якогось зілля…*; *При розмові вони в'язали й* ***дивилися телевізор<u>а</u>*** *–* ***<u>о</u>****такі дві спадкоємиці Юлія Цезаря*; *...****розтулив*** *чорного* ***рот<u>а</u>****,* ***<u>я</u>****кось дивно засклив очі,* ***закотив*** *їх* ***під лоб<u>а</u>****,* ***<u>а</u>****ж засвітилися самі більма…*; *Онисим тоненько хихикав, а Олександр гохав, ніби* ***в тимпана бив***; *...і реготав зовсім так само, як Онисим, квокчучи, мов півень, і так само, як Онисифор, тоненько хихикаючи, і так само, як Олександр, гохаючи, ніби* ***у тимпан бив***; *Тоді Огапка Харитонівна Климова Партинюхова* ***вдарила*** *кулаком* ***об кулак*** *і затягла довге: «І-і-і!»...*; *І тоді знову* ***вдарила*** *кулаком* ***об кулака*** *Огапка Харитонівна…* (В. Шевчук).

Велику варіативність форм знахідного відмінка однини іменників чоловічого роду – назв неістот відбивають фразеологізми, напр.: *укоротити* ***віку (вік);*** *вішати* ***ніс (носа);*** *держати* ***хвіст (хвоста)*** *бубликом;* ***язик (язика)*** *проковтнеш* тощо. В обстежених текстах сучасної художньої літератури у фразеологічних зворотах ми засвідчили лише форми знахідного, що збігаються з родовим, напр.: *Одному* ***прищикнеш хвоста****, а другий верещить*; *Тупий Сміт навіть не завважив, що я вже в болоньєвій курточці і праву руку* ***тримаю*** *в кишені, а* ***носа за вітром***; *…раптом і Сміт* ***встромив*** *свого* ***носа***; *Я поглянула на його візитівку й аж* ***рота відкрила*** (В. Шкляр); *І саме в тому, що в світі поки що не перемагає остаточно зло, а таки не раз* ***бере верха*** *й добро, і є запорука тієї відносної вічності для людей…*; *...і тільки коли спинилася Огапка Харитонівна, щоб* ***перевести подиха****, мовив…*; *...бридкий він був, сморідний, аж* ***духа*** *мені* ***забило****…*; *Розумний* ***язика прикушує****, а дурний розпускає*; *...героїчно мовив Коля ще й* ***носа задер***; *Бо коли тобі* ***забріють лоба****, згубиш не ріг, а чотири…*(В. Шевчук); *... щось* ***пробурмотів*** *собі* ***під носа****, запив бажання горілкою й мовчки завалився* (Л. Дашвар); *Тут вона* ***прикусила язичка****, хоча щоки її палали* (І. Роздобудько); *...а як ще долучити всіх, хто* ***точив*** *на неї* ***зуба****, бо не в його садку з її руки криницю викопано…* (О. Забужко).

У функції знахідного відмінка може вживатися форма родового відмінка тільки із закінченням ***-а*** [5, с. 51]. Тому використання родового відмінка у цій функції виявляє певні обмеження: тут спостерігаємо здебільшого назви конкретних предметів. Іменники, що в родовому відмінку мають закінчення ***-у(-ю)***, виконуючи функцію знахідного відмінка, змінюють флексію ***-у(-ю)*** на ***-а(-я).*** Таке вживання донедавна було обмежене, фіксувалося лише в окремих випадках. Нині воно характерне для мовотворчості В. Шевчука, де таких форм засвідчено найбільше, напр.: *На те* ***видав декрета*** *пан підстароста… Пан Григорій Ворона того декрету не прийняв…*; *Коли ж хвороба, то* ***треба визначити рецепта****. А що, коли біс та хвороба – одне і те ж? І знову звернувся до рецепту, котрого йому дав…дяк*; *Говорить учений і про жінок, які добре* ***знали*** *право, зокрема Литовського* ***статута.*** *Житомирський магістратський суд, дослідивши вищевикладену справу…, розшукав у книгах Статуту, в розділі одинадцятому, в артикулі сьомому таке…*; *Відтак виступив Федір, сказавши, що не зі своєї волі він сіно крав, а з наказу пана Григорія Ворони, і що в нього, як у підданого, вини тут немає, бо* ***виконував*** *панського* ***наказа***; *…люди хліба насущного не мають, тим більше сили й кошту, аби* ***спорудити*** *свого* ***Храма.*** *…скринька та й подоба Храму залишилися неопалимі*; *…аби ніхто не ступив і кроку вбік… І він* ***учинив крока*** *необачного, тобто не домовився із дівчиною…*; *– Глянь, юначе, до запису попереднього, що там про кошулі говориться? –* ***Хай*** *панове врядні* ***справлять записа****: кошуль колінських дві*; *…коли б не борода й довге волосся, він зовсім би подобав на мого приятеля Славка і, так само, як Славко, готувався до монологу. – Ми живемо у світі абсурду, –* ***почав*** *свого другого другого* ***монолога*** *Славко, – де все в чудернацький спосіб перекинуте з ніг на голову*; *Козлоподібний тимчасом барвисто* ***проголошував тоста****: говорив про калинове щастя… – Це ваш батько? – спитав я, коли проголошення тосту закінчилося*; *…я тут сам нічого гадати не буду, зважаючи на документальність цього опису… Тут-таки, в актах,* ***докладено описа*** *бойових знаків на тілі Костюченка…* Вважаємо, що ці та інші форми (особливо абстрактних іменників) надають мовленню розмовного відтінку, пор.: *Тепер, проживши досить на світі, я того* ***закона*** *твердо* ***знав***; *Каліцтво залишається, а тіло* ***продовжує подвига***; *…Ляля, як тільки ми випили й закусили, відразу ж* ***почала*** *навального* ***допита***; *Саме в цей час виглянув із дверей Артурів батько і сповістив, що зараз* ***будуть зачитувати вирока*** *і що ми можемо зайти*; *…очевидно, вбивниця для свого дійства* ***вибрала*** *саме того* ***момента****, коли всі засинають першим твердим сном…*; *І* ***заспівали*** *вони* ***гімна*** *на славу Навуходоносорові, й пішли повз нього колонами…*; *І тут Климентій виразно* ***почув голоса****, сипкого й повзучого…*; *Уночі навідали мене дивні видива: ходили довкола, стояли біля мене напівпрозорі тіні-особи в розрідженій плоті, і* ***вели диспута*** *щодо мене…*; *в чому вона ще в обідню сварку* ***висловила сумніва****…*; *…****мусила витерпіти*** *і того* ***наклепа,*** *й ту ганьбу…*; *…а інколи біси присипляють хворого й* ***насилають*** *йому* ***сна,*** *в якому показують, ніби недужий звільнений від них*; *– Нічого ти не збагнув і цілком даремно* ***назвав*** *свого* ***твора*** «*Закон зла*»…

Форми знахідного, ідентичні родовому відмінку, вживаються і в прийменникових конструкціях, як-от: *Я зітхнув і* ***рушив на ґанка***; *При цьому я* ***подивився на*** *житомирського* ***замка****, що стояв на Замковій горі…*; *…ті снопи* ***впали на*** *мого вимальованого в уяві* ***Храма****, і він…раптом запалав…*; *…сьогодні у місті базарний день, і всі міщани житомирські ще зранку* ***потяглися на майдана*** *біля магістрату…*; *Тоді отаман підійшов до сина й* ***турнув під бока*** *– той миттю отямився…*; ***Схопилася за подола*** *сорочки й підняла над головою*; *…мусиш сказати мені: чи* ***готова,*** *войовнице,* ***на*** *такого* ***подвига****?* У зв'язку з цим слушною вважаємо думку І. Р. Вихованця, що «зловживати формою знахідного відмінка на ***-а*** не варто, бо основним (спеціалізованим) у граматичній системі сучасної української мови є знахідний відмінок, який збігається з називним відмінком» [3, с. 95].

Іменники середнього роду – назви неістот у знахідному відмінку, як уже зазначалося, мають форми, спільні з називним. Однак активізація форм родового відмінка в іменниках чоловічого роду призводить до їх появи і в іменниках середнього роду. Поодинокі приклади засвідчує творчість сучасних письменників: *…****попросив свідоцтва****, з яким міг би поїхати в царство Дракона* (В. Шевчук); *І тепер я знав, що мене так непокоїло в Хединій кімнаті на лісничівці, яка стихія* ***торкнула*** *тоді мого* ***нутра*** (В. Шкляр).

Отже, у мові української літератури кінця XX – початку XXI ст. виразно простежується тенденція до зростання кількості іменників чоловічого роду, які у знахідному відмінку однини набувають форм, ідентичних родовому відмінку. Це пов'язано передусім із прагненням актуалізувати специфічні риси української мови, з мовними уподобаннями авторів. На вибір одного з варіантів впливають й інші чинники. В іменниках середнього роду II відміни у знахідному відмінку варіантність засвідчена в поодиноких формах. Конкуренція обох варіантів триває, тому це питання потребуватиме подальшого дослідження.

Джерела та література

1. Бєляєв Ю. І. Родовий чи знахідний / Ю. І. Бєляєв // Культура слова. – 1980. – № 19. – С.80-83.

2. Вакула Г. Г. Категорія істот і категорія неістот в українській мові / Г. Г. Вакула // Українська мова і література в школі. – 1965. – № 6. – С.19-25.

3. Вихованець І. Р. Родовий чи знахідний відмінок? / І. Р. Вихованець // Культура слова. – 1989. – № 37. – С.93-95.

4. Вихованець І. Р. Синтаксис знахідного відмінка в сучасній українській літературній мові / І. Р. Вихованець. – К.: Наук. думка, 1971. – 120 с.

5. Крымский А. Украинская грамматика / А. Крымский. – М., 1907. – Т. 1. – 545 с.

6. Матвієнко О. Назовна та родова форма знахідного відмінка / О. Матвієнко // Збірник державних центральних курсів українознавства. – Х., 1930. – Вип.3. – С.43-56.

УДК 378.1:811.162.1-057.87 **Яковенко Л. И.**

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ МЕТОДИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПОЛЬСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье выделены наиболее трудные аспекты в преподавании морфологии польского языка для студентов специальностей «Украинский язык и литература» и «Русский язык и литература», углублённо изучающих польский язык. Рассматриваются возможные пути преодоления трудностей посредством применения когнитивной методики, базирующейся на необходимости сознательного овладения правилами языка и позволяющей сформировать навык речевой деятельности путём обучения основным принципам языковой системы.
Ключевые слова: методика преподавания польского языка, когнитивная методика, категория мужского лица.

У статті виділено найбільш складні аспекти викладання морфології польської мови для студентів спеціальностей «Українська мова та література» й «Російська мова й література», що поглиблено вивчають польську мову. Розглянуто можливі шляхи подолання труднощів за допомогою використання когнітивної методики, яка базується на необхідності свідомого оволодіння правилами мови і дозволяє сформувати навичку мовної діяльності шляхом навчання основним принципам мовної системи.
Ключові слова: методика викладання польської мови, когнітивна методика, категорія чоловічої особи.

The most difficult aspects of teaching a morphology of the Polish language for students majoring a degree in «Ukrainian Language and Literature» and «Russian Language and Literature», who are in-depth study of Polish language are marked in this article. Also, a set of possible ways to overcome the difficulties by application of cognitive methodic, based on necessity of a consciously mastering the rules of language and allowed to form a skill of a speech activity by learning of a basic principles of a language system.
Keywords: methodic of teaching a Polish language, the cognitive methodic, a man person category.

Проблема преподавания иностранных языков, и польского в частности, многократно освещалась в научно-методической литературе. Родство польского языка с украинским и русским создает иллюзию легкости в обучении, когда учащийся понимает тексты и может перевести их на родной язык с определенной степенью адекватности. Однако общеизвестно, что основные трудности начинаются при попытке построения самостоятельных высказываний на различные темы. В таких случаях, кроме дефицита лексического запаса, прослеживается отсутствие автоматизма в навыках словоизменения и построения предложений. Правильный выбор методики преподавания обеспечивает закрепление этих навыков.

В числе польских методистов, активно разрабатывающих тему преподавания польского языка как иностранного, следует выделить В. Т. Медунку, Э. Липиньскую, А. Серенты, П. Гарнцарка, П. Е. Гембал и др. Среди многочисленных методик преподавания иностранных языков наиболее подходящей для студенческой аудитории представляется когнитивная методика, которая в классификации Х. Коморовской определена как традиционная (konwencjonalna) наряду с такими, как непосредственная методика (metoda bezpośrednia), методика перевода и грамматики (metoda gramatyczno-tłumaczeniowa), аудиолингвальная методика (metoda audiolingwalna) [5]. Развивая эту тему, А. Серенты определяет когнитивную методику как такую, которая предусматривает овладение определённым количеством значимых и функциональных элементов, а также правилами их соединения, что позволяет учащимся строить такие высказывания, которых они никогда не слышали и не читали. Это дает им возможность настоящей речевой деятельности без ограничения их высказываний механически закрепленными образцами, которые не всегда могут быть адекватны определённому контексту. Эта методика предполагает обучение языковой системе и основным ее принципам и базируется на необходимости сознательного овладения правилами языка [8, с. 140].

Целью статьи является выделение наиболее трудных аспектов в преподавании морфологии польского языка для студентов специальностей «Украинский язык и литература» и «Русский язык и литература», которые углублённо изучают польский язык. **Задача состоит** в рассмотрении возможных путей преодоления трудностей посредством применения когнитивной методики.

Среди наиболее распространенных ошибок в первую очередь следует назвать отсутствие выделения мужского лица. Выбор именно когнитивной методики для преодоления этой трудности обусловлен несколькими факторами, среди которых решающими являются формирование представления о системе иностранного языка, использование родного языка для контрастного изучения иностранного, в процессе которого выявляются их сходные черты и различия. Ведь основным «подводным камнем» при овладении польским языком украиноязычными и русскоязычными студентами является родство, которое провоцирует употребление форм, свойственных родному языку. Поэтому часто можно услышать выражения типа **wesołe studenty* вместо *weseli studenci*, **trzy nauczyciele* вместо *trzej nauczyciele / trzech nauczycieli*, **wszystkie ludzi* вместо *wszyscy ludzie, *studentki poszli* вместо *studentki poszły* и т. п. Приведенные примеры иллюстрируют отсутствие устойчивого навыка разграничения лично-мужских и нелично-мужских существительных и согласующихся с ними частей речи, что обусловлено отсутствием такого разграничения в русском и украинском языках. На наш взгляд, главным заданием в данном случае является формирование у студентов устойчивого представления о системе грамматических категорий польского языка с целью выработки автоматического разграничения вышеупомянутых форм. Особое внимание следует обратить на связь грамматических категорий с категориями мышления, т. е. в данном случае выделение в польском языке категории мужского лица свидетельствует о различиях в категоризации мира русских, украинцев и поляков.

Практически все известные нам учебники следуют традиционной логике представления грамматического материала, рассматривая категории отдельно взятых частей речи. Таким образом информация об особенностях образования и употребления лично-мужских и нелично-мужских форм «растворяется» в отдельных разделах. С целью закрепления знаний и выработки окончательного представления о функционировании этой категории представляется необходимым дополнительное выделение обобщающего раздела (в учебных условиях – занятия или ряда занятий), посвящённого этой теме.

Прежде всего следует напомнить, что категория мужского лица на грамматическом уровне выявляется во множественном числе практически всех изменяемых частей речи. У существительных это выражено совпадением

форм именительного и винительного падежей нелично-мужских существительных и совпадением форм родительного и винительного падежей лично-мужских существительных (*widzę ptaki, słonie, słowniki – widzę ojców, poetów, nauczycieli*). Кроме того, в именительном падеже в основах лично-мужских существительных твёрдой разновидности перед окончаниями *-i, -y* происходят чередования конечного согласного основы (*sąsiad – sąsiedzi*, но *owad – owady; chłopak – chłopacy,* но *szczupak – szczupaki* и т. п.); некоторые термины родства, названия национальностей, титулов и т. д. в именительном падеже приобретают специфическое окончание *-owie* (*panowie, dziadkowie, ojcowie, Finowie, królowie* и т. д.).

Формы прилагательных, причастий, порядковых числительных и местоимений, склоняющихся по типу прилагательных, в винительном падеже множественного числа зависят от типа существительного. Эти же части речи имеют различные формы в именительном падеже множественного числа при согласовании с лично-мужскими и нелично-мужскими существительными (*szczupli panowie – szczupłe szczeniaki*; *śpiewający kibice – śpiewające ptaki; pierwsi uczniowie – pierwsze szeregi; twoi rodzice – twoje kanarki* и т. д.). Имеют лично-мужские формы и количественные числительные, глаголы в прошедшем времени, родо-предикативные формы на *-ł* в сложных формах будущего времени, а также формы сослагательного наклонения.

Как известно, употребление лично-мужских или нелично-мужских форм в предложении зависит в большинстве случаев от рода существительного, выполняющего функцию подлежащего. Наибольшую трудность для студентов представляет образование форм именительного падежа множественного числа I (мужского) склонения, поскольку оно требует выполнения нескольких мыслительных операций: 1) определить склонение существительного; 2) определить разновидность склонения (твёрдая или мягкая); 3) определить, относится ли существительное к лично-мужским или к нелично-мужским; 4) к лично-мужским существительным твёрдой разновидности применить правило о чередованиях согласных перед окончаниями *-i / -y;* 5) помнить о семантических группах существительных, которые имеют окончание *-owie*; 6) помнить об исключениях: лично-мужские существительные на *-ec, -ca*, приобретающие окончание *-y;* лично-мужские существительные на *-anin*, приобретающие окончание *-e*. Как видим, трудность автоматизации различения указанных форм состоит не только в сложности алгоритма, но и в применении различных критериев: грамматического и семантического.

Однако в предложении указанный алгоритм определяет только форму существительного. К прилагательным и другим частям речи, склоняющимся как прилагательные, применим следующий алгоритм: 1) определить, с каким существительным сочетается определяющее слово; 2) если существительное нелично-мужское, определение, независимо от качества конечного согласного, приобретает окончание *-e* без чередований в основе (*wesołe kolory, pierwsze lata, młode ptaki, wysokie budynki, drogie prezenty, mądre plany, drwiące uśmiechy, cudze kłopoty, stanowcze głosy, głupie papugi* и т. д.); 3) если определение сочетается с лично-мужским существительным и имеет основу на твёрдый согласный, следует образовать форму с окончанием *-i*, перед которым твёрдые согласные (кроме заднеязычных и *c, dz, cz*) чередуются с мягкими (*weseli kuzyni, pierwsi uczniowie, młodzi artyści*); 4) если определение имеет основу на *k, g, r* , следует образовать форму с окончанием *-y*, перед которым происходят чередования *k / c, g / dz, r / rz (wysocy mężczyźni, drodzy koledzy, mądrzy nauczyciele);* 5) если определение имеет основу на *c, dz, cz,* следует образовать форму с окончанием *-y* без чередований (*drwiący komicy, cudzy mężowie, stanowczy przywódcy*).

Закрепление и отработка этого материала, на наш взгляд, должны следовать логике алгоритма, т. е. на первом этапе предлагаем студентам поделить существительные на те, которые относятся к лично-мужским и на те, которые относятся к нелично-мужским. При этом следует учесть, что лично-мужские существительные на грамматическом уровне противопоставлены не только нелично-мужским существительным в пределах первого склонения, но и существительным женского и среднего рода II, III и IV склонений, поэтому в упражнениях следует предлагать существительные всех склонений. Следующими этапами могут быть задания возрастающей сложности типа: соедините в пары существительные и соответствующие им формы множественного числа прилагательных (местоимений, числительных, причастий); составьте словосочетания из данных слов и запишите их в форме именительного падежа множественного числа, составьте с ними предложения.

Особую трудность представляет построение предложений с количественными числительными, поскольку тут важно помнить не только о различении лично-мужских и нелично-мужских форм, но и о синтаксической сочетаемости их в предложении. Задачу усложняет наличие вариативных форм. Числительное *dwa* имеет три варианта лично-мужских форм (*dwaj, dwóch, dwu*), а числительные *trzy, cztery* – по два варианта (*trzej, trzech, czterej, czterech*). Их употребление требует от существительных дифференциации именительного и родительного падежа множественного числа: *dwaj / trzej / czterej* ***studenci*** *– dwóch / dwu / trzech / czterech* ***studentów***. Форма глагола также диктуется употреблённым числительным. К *dwaj, trzej, czterej* применима форма множественного числа, а к *dwóch, dwu, trzech, czterech* – форма единственного числа (в прошедшем времени – в среднем роде): *dwaj / trzej / czterej studenci* ***idą, piszą, przeczytali*** *– dwóch / dwu / trzech / czterech studentów* ***idzie, pisze, przeczytało***. Нивелируется эта разница только при употреблении числительных больше пяти, которые сочетаются по последнему из приведенных образцов. Таким образом, мыслительный алгоритм выбора и образования форм в случае употребления числительных выглядит достаточно разветвлённым: 1) определить, с каким существительным сочетается числительное; 2) если существительное нелично-мужское, употребляем нелично-мужскую форму количественного числительного; 3) если существительное лично-мужское, употребляем один из лично-мужских вариантов числительных и следуем логике его сочетаемости.

Для выработки устойчивых навыков предлагаем студентам задания следующего типа: соедините в пары существительные и соответствующие им формы числительных; составьте словосочетания из предложенных существительных и числительных; употребите глаголы в скобках в формах, соответствующих подлежащему; в предложениях образуйте соответствующую форму существительных; составьте предложения с приведенными существительными и количественными числительными и т. п.

Также следует обратить внимание на образование глагольных форм прошедшего времени и сослагательного наклонения. Особенно важными являются чередования в основах глаголов прошедшего времени типа *siedzieliśmy – siedziałyśmy, widzieliśmy – widziałyśmy, nieśliśmy – niosłyśmy, wieźliśmy – wiozłyśmy* и т. п. Сначала предлагаем студентам соединить в соответствующие пары существительные и глагольные формы прошедшего времени во множественном числе. Затем даём задание употребить глаголы в скобках в формах, соответствующих подлежащему,

употребить существительные в скобках в формах, соответствующих глагольному сказуемому, составить предложения с перечисленными глаголами, употребив их в формах прошедшего времени или сослагательного наклонения.

Заключительным этапом закрепления рассматриваемой темы могут стать творческие задания следующего типа: составить письменное сообщение об особенностях употребления лично-мужских и нелично-мужских форм в польском языке, написать рассказ (сочинение, эссе) на избранную тему, используя как можно больше противопоставлений лично-мужских и нелично-мужских форм и т. п.

Таким образом, выработке устойчивых навыков различения лично-мужских и нелично-мужских форм в польском языке способствует использование когнитивной методики. Достижение успеха возможно, на наш взгляд, лишь при условии чёткого усвоения грамматической системы языка и сознательного применения правил формообразования и синтаксической сочетаемости слов. Перспективой развития данной проблемы является составление учебника польского языка в русле когнитивной методики преподавания для русскоязычных и украиноязычных студентов высших учебных заведений.

Источники и литература

1. Войцева О. А. Польська мова / О. А. Войцева. – Чернівці: Видавничий дім «Букрек», 2007. – 384 с.

2. Кононенко В. І. Контрастивна граматика української та польської мов / В. І. Кононенко, І. В. Кононенко. – К.: Вища шк., 2006. – 391 с.

3. Тихомирова Т. С. Курс польского языка / Т. С. Тихомирова. – М.: Высш. шк., 1988. – 279 с.

4. Bańko M. Wykłady z polskiej fleksji / M. Bańko. – Warszawa: PWN, 2009. – 240 s.

5. Komorowska H. Metodyka nauczania języków obcych / H. Komorowska. – Warszawa: Fraszka Edukacyjna, 2002. – 272 c.

6. Lipińska E. ABC metodyki nauczania języka polskiego jako obcego / E. Lipińska, A. Serenty. – Kraków: Universitas, 2005. – 330 s.

7. Nagórko A. Zarys gramatyki polskiej / A. Nagórko. – Warszawa: PWN, 2005. – 332 s.

8. Serenty A. Metody nauczania języków obcych a nauczanie języka polskiego – zarys / A. Serenty // Z zagadnień dydaktyki języka polskiego jako obcego / Red. Lipińska E., Serenty A. – Kraków: Universitas, 2006. – S. 131 – 155.

УДК 802.0-73

Ярмоленко Г. Г.

ДИАЛОГИЗИРОВАННЫЕ ФОРМЫ ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОЗАИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается функционирование диалогизированных форм внутренней речи персонажей в системе художественного прозаического текста. Анализ проводится в сопоставлении с внешней речью. Предлагается классификация диалогизированных форм внутренней речи.

Ключевые слова: внутренняя речь, типы изложения, диалогические формы, аутодиалог.

Статтю присвячено розгляду функціонування діалогічних форм внутрішнього мовлення у системі художнього прозаїчного тексту. Аналіз проводиться у зіставному плані. Запропоновано класифікацію діалогічних форм внутрішнього мовлення.

Ключові слова: внутрішнє мовлення, типи викладу, діалогічні форми внутрішнього мовлення, аутодіалог

The article focuses on dialogical forms of inner speech in the system of a literary text. Comparative analysis is carried out. A classification of dialogical forms of inner speech is suggested.

Key words: inner speech, types of narration, dialogical forms, narrative structure.

Присущее современной литературе стремление передать «индивидуальное своеобразие картины мира каждого персонажа» предполагает воспроизведение его внутренней речи, обращенной к самому себе [5, с. 551]. В системе художественного текста основными типами изложения, имитирующими речемыслительную деятельность персонажей, выступают несобственно-прямая и изображенная внутренняя речь [11]. По мере развития литературы происходит постепенное усложнение способов передачи внутреннего мира героев, увеличивается число подвидов упомянутых выше типов изложения.

Не все разновидности художественно отображенной внутренней речи нашли достаточное освещение в филологической литературе. Наименее изученным остается так называемый аутодиалог [7, с. 177]. И тому есть определенные причины. Дело в том, что данная разновидность внутренней речи представлена значительно меньше других типов. Аутодиалог, как правило, не используется самостоятельно, а возникает в рамках внутреннего монолога (в случае достаточной протяженности последнего) для отражения мысленного спора персонажа с самим собой при принятии жизненно важных решений. Поскольку диалогичность является одним из наиболее существенных свойств внутренней речи, наличие диалогизации возводится некоторыми исследователями в ранг непременного условия адекватного воссоздания мыслительного процесса.

Для обозначения фрагментов внутренней речи, воспроизводящих конфликт позиций внутри одного сознания, наряду с термином «аутодиалог», используются и другие, например, внутренний диалог [11], диалогизированный монолог [9], диалог в монологе [4]. Представляется, что необходимость исследования способов диалогизации внутренней речи продиктована не только малоизученностью аутодиалога как такового, но и потребностью уточнить сферу применения указанных выше терминов, ибо имеет место их синонимичное использование при том, что понятийный объем терминов не совпадает.

Предпринятый анализ диалогизированных форм внутренней речи основывается на одном из ведущих принципов современной лингвистики, суть которого состоит в том, чтобы исключить «обособленное рассмотрение различных элементов целого» [3, с. 70] и изучать выделяемые единицы текста в системных связях и отношениях [8, с. 8]. Рамки статьи не позволяют представить многоаспектное исследование феномена диалогизации внутренней речи, поэтому свою задачу мы видим прежде всего в типологизации внутреннеречевых диалогов и устранении терминологической нечеткости.

Для лучшего понимания особенностей лингвистической организации внутреннеречевого диалога полагаем уместным изучать ее в сопоставительном плане с традиционным диалогом, памятуя при этом о разном функциональном назначении этих форм речи персонажей в системе художественного произведения. Хотя внутренняя и внешняя речь организованы одной повествовательной точкой зрения и являются формами реализации одной речевой системы, они не могут быть поставлены в один ряд. Коммуникативная направленность внешней речи и автокоммуникативный характер внутренней обусловливают значительные расхождения между ними не только по содержанию, но и по форме. В этой связи уместно привести следующее высказывание Л.С. Выготского: «Внутренняя речь есть речь для себя. Внешняя речь есть речь для других. Нельзя допустить даже наперед, что коренное и фундаментальное различие в функциях той и другой речи может остаться без последствий для структурной природы обеих речевых функций» [2, с. 279].

Итак, имея разные объекты художественного воспроизведения и выполняя разные задачи в системе литературного произведения, внешние и внутриречевые диалоги обладают рядом дифференцирующих признаков. Отличия между ними отмечаются в пунктуационном оформлении, синтаксической организации предложений, характере межфразовой связи и способах введения в повествование.

Сопоставительный анализ диалогов, представляющих внешнюю и внутреннюю речь персонажей, способен помочь более отчетливому определению статуса внутреннеречевых диалогов в системе типов изложения, формирующих вертикальную структуру художественного текста.

С нашей точки зрения, своеобразие лингвистической организации внутренних диалогов можно объяснить тем, что они совмещают в себе две контрастирующие установки, установку на автокоммуникацию и установку на диалогизацию. В результате возникает диалог совершенно новой формы, являющий собой некий синтез структур, присущих монологу, с одной стороны, и диалогу, с другой.

Существует несколько разновидностей диалогизированных форм внутренней речи, различающихся по степени диалогичности. Наименьшая степень диалогичности отмечается в так называемых одноагентных диалогах, в которых эксплицитное выражение находит лишь одна линия внутриречевого конфликта. В таких диалогах могут быть задействованы, по крайней мере, две модели внутриречевой коммуникативной ситуации. Остановимся на их рассмотрении подробнее.

Первую разновидность представляют диалогизированные фрагменты внутренней речи, отмеченные самонаправленным характером. В этом случае внутреннеречевым адресатом выступает сам персонаж, который как бы смотрит на себя со стороны и обращается к своему второму «я», используя местоимение 2-го лица: *He felt pain in his side, in his chest, but more than anything his brain seemed to be throbbing with surprise and anger, asking,* How did this happen? How did you let this happen? [15, с. 113]

Как видно из приведенной иллюстрации, в данном случае не приходится говорить о диалогической оформленности двух разных ипостасей «я», представленной оказывается лишь одна сторона.

Вторая разновидность обладает большей степенью диалогичности по сравнению с первой, что является следствием изменения внутриречевой коммуникативной ситуации. В коммуникативной цепочке появляется дополнительный элемент – фиктивный адресат. Данная ситуация наблюдается в тех фрагментах внутренней речи, которые передают мысленные обращения к другим персонажам, мысленное продолжение споров. При этом и в первой и во второй разновидности диалогизированных форм внутренней речи нет диалогичности в «чистом» виде, ибо диалогизация осуществляется на фоне автокоммуникации.

Интересный пример внутреннеречевой адресации находим в романе Сола Беллоу «Герцог». Главный герой, профессор Мозес Герцог, мысленно обращаясь к самым различным людям, строит свои обращения в виде писем, которые никому так и не будут отправлены. В качестве виртуальных адресатов выступают друзья, члены семьи, известные личности, многих из которых главный герой никогда не видел, а некоторые из них мертвы. Большинство из мысленных посланий героя представлены в виде полемики, как в следующем примере:

Dear Dr.Schrodinger,

In What is Life *you say that in all nature only man hesitates to cause pain. As destruction is the master method by which evolution produces new types, the reluctance to cause pain may express a human will to obstruct natural law. Christianity and its parent religion, a few short millennia, with frightful reverses…* The train had stopped, the door was already shutting when Herzog roused himself and squeezed through. He caught a strap.

Now where were we? In your remark on entropy… How the organism maintains itself against death – in your words, against thermodynamic equilibrium… Being an unstable organization of matter, the body threatens to rush away from us. It leaves. It is real. It! Not we! Not I! [12, p. 185].

Хотя в приведенной иллюстрации внутриречевое обращение персонажа к другому человеку в своем построении имитирует образец письменной речи, нельзя не отметить использование незавершенных предложений, самоперебивов, эллиптических предложений и т.п., что традиционно ассоциируется с устными высказываниями. В данном случае подобная несбалансированная синтаксическая организация фраз продиктована стремлением воспроизвести автокоммуникативный характер внутренней речи. Действительно, коммуникативная адресованность таких диалогизированных фрагментов является фиктивной, ибо они не получают внешней реализации. Иными словами, при несомненном увеличении степени диалогичности мысленные обращения персонажа являются коммуникативно направленными лишь по форме. По сути же они остаются речью для себя и выступают как своеобразный способ самопознания и самоанализа героя.

Различия в построении внутриречевой коммуникативной ситуации в двух разновидностях одноагентных диалогов отражаются и на характере использования одного из средств диалогизации, а именно местоимения 2-го лица. В первой разновидности представляется возможным говорить об определенной контекстуальной синонимии местоимений первого и второго лица, ибо они фактически обозначают один и тот же субъект. Форма 2-го лица, используемая для обращения к другой стороне собственного «я», связана с передачей дополнительной художественной информации. Оформляя раздвоение голоса субъекта при принятии решений, она является сигналом нарастания внутренней борьбы и способствует усилению экспрессивности изложения. Напротив, употребление местоимений во второй разновидности не отмечено печатью экспрессивности и во многом схоже с их функционированием во внешней речи персонажей.

Еще большая степень диалогичности наблюдается в двуагентных внутреннеречевых диалогах. Растет и сходство с традиционным диалогом, строящемся как обмен репликами между персонажами в составе изображенной коммуникации (в терминологии И. В. Арнольд).

Если за основу классификации внутреннеречевых диалогизированных фрагментов принять критерий адресатно-адресантной направленности, то можно выделить несколько видов двуагентных внутренних диалогов.

Первый вид, в рамках которого имеет место совмещение в одном лице адресанта и адресата внутреннеречевых фрагментов, чаще всего отражает спор персонажа с самим собой, анализ разных позиций при принятии решения. При этом каждая сторона внутриличностного конфликта наделяется собственным голосом. По выражению М. М. Бахтина, «самосознание диалогизируется» [1, с. 297]. Представляется, что именно эту разновидность диалогизированных форм внутренней речи следует определять как аутодиалог. Отражая борьбу эмоционального и рационального начал, аутодиалог строится как расщепление личности на двух иерархически неравных собеседников. Наглядной иллюстрацией может служить следующий отрывок из романа Дж.Фаулза «Женщина французского лейтенанта»:

A dialogue began to form, between his better and his worse self – or perhaps between him and that spreadeagled figure in the shadows at the church's end.

Where shall I begin?

Begin with what you have done, my friend. And stop wishing you had not done it.

I didn't do it. I was lead to do it.

What led you to do it?

I was deceived.

What intent lay behind the deception?

I do not know.

But you must judge. [14, p. 312-313]

Разворачивающийся на нескольких страницах аутодиалог представлен преимущественно в форме вопросов и ответов. Подобное сочетание реплик, получившее в филологической литературе разные терминологические определения (см., например: [10], [6]), полагается основной коммуникативной единицей живой диалогической речи. В составе внутренней речи вопросно-ответные единства характеризуются своей спецификой функционирования, что отличает их от аналогичных единиц во внешней речи. Можно говорить лишь о сходстве отдельных строевых признаков, но не более того.

Если во внешней речи вопросно-ответное диалогическое единство являет собой структурное построение, объединяющее реплики разных продуцентов речи, то во внутренней речи и вопрос, и ответ принадлежат одному и тому же коммуниканту. В этих обстоятельствах показательны расхождения в пунктуационно-графическом оформлении двух видов диалогических комплексов. Как видно из приведенной выше иллюстрации, реплики, представляющие позиции разных ипостасей одного «я», не вычленяются подобно высказываниям разных коммуникантов в составе внешней речи, а подаются одним пунктуационно нерасчлененном массивом. Это позволяет не только подчеркнуть тот факт, что внутриречевые вопросы и ответы объединены одним сознанием, но и акцентировать внимание на различии их функций в сопоставлении с внешней речью. Во внутренней речи, в отличие от речи внешней, использование вопросно-ответных диалогических единств не столько связано с получением информации, сколько подчинено задаче отразить сложность внутреннего мира персонажей.

Следующую разновидность двухагентного внутреннего диалога представляет воображаемый разговор героя с другим персонажем. Примером может послужить следующий отрывок, который приводится с небольшими сокращениями:

What he, Freytag, preferred from strangers was a friendly indifference, a superficial pleasantness. This was quite enough for any voyage, any evening at all among strangers, but it is just these things that too many people know nothing about, he said ,now beginning to carry on a silent, internal conversation with his absent wife Mary. People on board, Mary, can't seem to find any middle ground between stiffness, distrust, total rejection, or any kind of invasive, gnawing curiosity.[…]I've never been on a boat, remember, said Mary in his mind. Ah, but you will be soon, you will be .You will see for yourself then. Would you believe, I danced with a girl, her name was Jenny something-or-other, had a drink with her, and a young man she was traveling with[…].Traveling with? He realized at once that such an episode was not the kind of thing he could tell Mary [16, p. 135].

Как видим, пунктуационно-графическая выделенность отсутствует как у реплик основного коммуниканта, так и реплик, приписываемых виртуальному собеседнику. Нестандартное пунктуационное оформление заставляет увидеть во внутриречевом диалоге диалог иного свойства, в котором продуцентом всех реплик выступает один персонаж.

Другой характер адресатно-адресантной направленности внутренних диалогов находим в третьей разновидности, в которой персонаж воспроизводит воображаемые диалоги между участниками происходящего:

Quentin thinking … And then Henry would begin to say 'Thank God, thank God' panting and saying 'Thank God', saying 'Don't try to explain it. Just do it' and Bon : 'You authorize me? As her brother you give me permission?' and Henry: 'Brother? Brother? You are the oldest: why do you ask me?' and Bon: 'No. He has never acknowledged me. He just warned me. You are the brother and the son. Do I have your permission, Henry?' and Henry: 'Write. Write. Write.' [13, p.249]

Даже получив пунктуационно-графическое оформление, диалогические реплики персонажей, как видим, не имеют самостоятельного статуса, ибо тесно интегрированы в состав одной макроструктуры, воссоздающей внутреннюю речь героя. Таким образом, отражение автокоммуникативного характера внутренней речи превращает воображаемый диалог в искусственную структурно-синтаксическую конструкцию, не вписывающуюся в рамки сугубо диалогических построений.

От описанных выше разновидностей внутреннеречевых диалогов, по нашему мнению, следует отличать те фрагменты внутренней речи, в состав которых включаются некогда реально звучавшие фразы, всплывающие в памяти персонажа. Отражаясь во внутренней речи, обрывки диалогических реплик подвергаются изменениям и искажениям. Сцепление разрозненных фраз, не имеющее никакой видимой закономерности, основано на потоке

ассоциаций. Полагаем, что подобные фрагменты внутренней речи следует соотносить с такой разновидностью последней, как поток сознания.

В заключение считаем необходимым отметить следующее. Мы не рассматриваем предложенный в данной работе подход к классификации диалогизированных форм внутренней речи как единственно возможный и вполне допускаем построение иных таксономических описаний.

Источники и литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Сов.писатель, 1963. – 363 с.
2. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. – М.: Издательство АПН РСФСР, 1956. – 520 с.
3. Гиршман М. М. Литературное произведение. Теория и практика анализа: Учебное пособие для вузов / М. М. Гиршман.– М.: Высш. шк., 1991. – 160 с.
4. Девкин В. Д. «Монолог» в диалоге и диалог в «монологе» / В. Д. Девкин //Функции языковых единиц в тексте. – Куйбышев, 1986. – С. 16-25.
5. Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том I / В. В. Иванов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 912 с.
6. Косогорова Х. Г. Коммуникативно-синтаксическая организация вопросно-ответных диалогических единств (на материале русской волшебной сказки): автореф. дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Х. Г. Косогорова. – Ярославль, 2006. – 20 с.
7. Кухаренко В. А. Інтерпретація тексту / В. А. Кухаренко. – Вінниця: Нова книга, 2004. – 261 с.
8. Николина Н. А. Филологический анализ текста / Н. А. Николина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
9. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 371 с.
10. Фащенко В. В. Вибрані твори / В. В.Фащенко. – К.: Дніпро, 1988. – 376 с.
11. Ярмоленко Г. Г. Типы и функции изображенной внутренней речи (на материале современной англоязычной прозы): автореф. дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / Г. Г. Ярмоленко. – Одесса, 1982. – 17 с.
12. Bellow S. Herzog / S. Bellow. – Penguin Books, 1978. – 348 p.
13. Faulkner W. Absalom, Absalom! / W. Faulkner. – N.Y.: Vintage Books, 1990. – 320 p.
14. Fowles J. The French Lieutenant's Woman / J. Fowles.–Lnd.: Triad Granada,1985. – 399 p.
15. Oates J. C. Them / J. C. Oates. – Greenwich, Conn.: Fawcett Publications, 1969. – 478 p.
16. Porter K. A. Ship of Fools / K. A. Porter. – N.Y: Signet, 1963. – 476 p.